
М 106/5
т. 4

ПРАВОСЛАВНАЯ

БОГОСЛОВСКАЯ ЭНЦИКЛОПЕДІЯ

ИЛИ

БОГОСЛОВСКІЙ ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКІЙ СЛОВАРЬ,

СОДЕРЖАЩІЙ ВЪ СЕБѢ НЕОБХОДИМЫЯ ДЛЯ КАЖДАГО СВ...
ПО ВСѢМЪ ВАЖНѢЙШИМЪ ПРЕДМЕТАМЪ БОГОСЛОВС...
ВЪ АЛФАВИТНОМЪ ПОРЯДКѢ. ВЪ НЕГО ВХОДЯТЪ ...ъ Кіевской дух.
БОГОСЛОВСКИМЪ НАУКАМЪ, КА...
...ія, инспекторъ нар.

I. Св. Писаніе и Библейская исторія и археологія.
II. Основное, Догматическое и Нравственное богословіе.
III. Церковная исторія—всеобщая и русская.
IV. Обличеніе инославія, раскола и сектантства.

V. Канон... богословія, профессоръ
VI. Лит...
VII. ... ...фессоръ

...Москов·
...профес-
...фессоръ
...еміи.
...ній.
...кадеміи,
...правля-
...коноуч.

ИЗДАНІЕ ПОДЪ ...ДАКЦІЕЙ

А. П. ЛОПУХИНА

Томъ IV.

ГААГА—ДОНАТ...

...фессоръ
...-насто-
...университета,
...екурорѣ Св. Синода.

СЪ ИЛЛЮСТРАЦІЯ... богословія, свящ. Знаменской
...о дух. училища въ Спб.
...богословія, преподаватель Спб.

ПЕТР...ной исторіи, профессоръ Спб. дух.
Приложеніе къ духовном...огическаго института въ Спб.

От С.-Петербургскаго Духовнаго Цензурнаго Комитета печатать дозволяется. С.-Петербург, 24 октября 1903 года.

Старший цензор архимандрит *Филарет.*

Типографія П. П. Сойкина. Телѣжная ул., д. № 5.

СПИСОКЪ СОТРУДНИКОВЪ,

статьи которыхъ вошли въ составъ IV тома или предназначались для него, но не вошли по недостатку мѣста и имѣются въ портфелѣ редакціи для слѣдующихъ томовъ.

Богдашевскій Дм. Ив., магистръ богословія, профессоръ Кіевской дух. академіи.

Богородскій Неофитъ Мих., магистръ богословія, инспекторъ нар. училищъ въ Гродн. губ.

Бронзовъ Александръ Александровичъ, докторъ богословія, профессоръ Спб. духовной академіи.

Бѣляевъ Александръ Дмитріевичъ, докторъ богословія, профессоръ Московской дух. академіи.

Глаголевъ Сергѣй Сергѣевичъ, докторъ богословія, профессоръ Московской дух. академіи.

Глаголевъ Александръ Александровичъ, магистръ богословія, профессоръ Кіевской духовной академіи.

Глубоковскій Николай Никаноровичъ, докторъ богословія, профессоръ Спб. дух. академіи.

Даньковъ Николай Петровичъ, канд. богословія Спб. дух. Академіи.

Драгомирецкій Вас. Степ., чиновникъ департ. иностр. исповѣданій.

Емельяновичъ Вас. Пароен., кандидатъ богословія Спб. дух. академіи, ст. столонач. въ канцеляріи оберъ-прокурора Св. Синода.

Завьяловъ Алексѣй Александровичъ, магистръ богословія, пом. управляющаго канцеляріей Св. Синода.

Кремлевскій Александръ Магистріановичъ, магистръ богословія, законоуч. Ярослав. Демид. лицея.

Ласкѣевъ Павелъ Мих., преподаватель Спб. дух. семинаріи.

Ливотовъ Ефремъ Н., преподаватель Холмской дух. семинаріи.

Лопухинъ Александръ Павловичъ, магистръ богословія, профессоръ Спб. дух. академіи.

Мальцевъ Алексѣй Петровичъ, магистръ богословія, протоіерей-настоятель посольской церкви въ Берлинѣ.

Марковъ Ник. Өедоровичъ, кандидатъ кан. права Спб. университета, пом. юрисконсульта при оберъ-прокурорѣ Св. Синода.

Митропольскій Алексѣй Арсен., кандидатъ богословія, свящ. Знаменской церкви въ С.-Петербургѣ.

Никодимъ архим., смотр. Алекс.-Невскаго дух. училища въ Спб.

Петровскій Александръ Вас., магистръ богословія, преподаватель Спб. дух. семинаріи.

Покровскій Ник. Вас., докторъ церковной исторіи, профессоръ Спб. дух. академіи и директоръ Археологическаго института въ Спб.

Покровскій Александръ Ив., магистръ богословія, преподаватель Моск. духовной семинаріи.

Поповъ Ив. Васильевичъ, профессоръ Московской духовной академіи.

Родосскій Алексѣй Степановичъ, кандидатъ богословія, библіотекарь Спб. дух. академіи.

Рункевичъ Степанъ Григорьевичъ, докторъ церк. исторіи, секретарь Св. Синода.

Сергіевскій Сергѣй Филаретовичъ, кандидатъ богословія, начальникъ отдѣленія въ канцеляріи оберъ-прокурора Св. Синода.

Серебрениковъ Виталій Степ., магистръ богословія, профессоръ Спб. дух. академіи и членъ Духовноучебнаго Комитета при Св. Синодѣ.

Смирновъ Петръ Сем., магистръ богословія, профессоръ Спб. духовной академіи.

Соколовъ Ив. Ивановичъ, магистръ богословія, доцентъ Спб. духовной академіи.

Якшичъ Дим. Николаевичъ, бывшій проф. Карловец. дух. семинаріи (въ Австріи), нынѣ священникъ въ С.-Петербургѣ.

Въ этотъ списокъ не вошли тѣ изъ сотрудниковъ, которые выразили свою готовность принять участіе въ Энциклопедіи по предметамъ, имѣющимъ войти въ слѣдующіе томы.

СПИСОКЪ

иллюстрацій и картъ, помѣщенныхъ въ IV томѣ «ПРАВОСЛАВНОЙ БОГОСЛОВСКОЙ ЭНЦИКЛОПЕДІИ».

Г.

ГААГА—старинный городъ въ Голландіи, богатый памятниками средневѣковья и разными просвѣтительными обществами и учрежденіями, среди которыхъ заслуживаетъ особеннаго вниманія **«Гаагское общество защиты христіанской религіи»** или, просто, «Апологетическое общество въ Гаагѣ». Въ періодъ деизма или дерзкаго раціонализма, который сталъ быстро оказывать свое пагубное дѣйствіе и въ Нидерландахъ, въ Голландіи возникло, съ цѣлью защиты истины христіанства, три учрежденія, среди которыхъ, кромѣ учрежденнаго пасторомъ Стольпомъ въ Лейденѣ (1733) и Тейлерова общества въ Гаарлемѣ (1788), было основанное нѣсколькими вѣрующими богословами названное Общество (1785). Въ теченіе перваго періода своего существованія (1785 — 1810) оно стояло на строго правовѣрной и супранатуралистической точкѣ зрѣнія. Въ его изданіяхъ безусловно отвергалась приспособительная теорія Землера, и выдвигалось ученіе о божествѣ Іисуса Христа, личномъ бытіи Св. Духа, искупленіи и проч., и боговдохновенность Св. Писанія считалась безспорнымъ фактомъ. Въ теченіе второго періода (1810—1835) болѣе выдвинулся экзегетическій элементъ, и точку зрѣнія Общества можно характеризовать въ смыслѣ библейско-евангелической. Въ изданіяхъ Общества защищались библейское ученіе объ ангелахъ, чудеса Иліи и Елисея, тщательно изучались догматика и этика Евангелія отъ Іоанна и, въ противоположность раціоналистамъ, поддерживалась библейская идея Откровенія. Характеръ третьяго періода (1835—1860) преимущественно опредѣлился появленіемъ сочиненій Штрауса и Тюбингенской школы. Вопросъ шелъ о самыхъ основныхъ истинахъ христіанства, и принципы, за которые боролось Общество, были вполнѣ возвышенны, хотя борьба велась въ свободномъ научномъ духѣ. Послѣ 1860 года эта критико-историческая программа Общества постепенно перешла на религіозно-нравственную почву, и хотя въ его изданіяхъ много можно встрѣчать истиннаго и прекраснаго, однако его изданія о рабствѣ, войнѣ, смертной казни, эмансипаціи женщины и по другимъ не менѣе важнымъ вопросамъ выходили уже за предѣлы христіанской апологетики. Отражая на себѣ вѣянія временъ и направленія умовъ, Г. Общество вмѣстѣ съ религіей переживаетъ въ настоящее время кризисъ, исходъ котораго еще не ясенъ; но во всякомъ случаѣ оно продолжаетъ держаться своего принципа, какъ онъ вы-

раженъ апостоломъ: «Никто не можетъ положить другаго основанія, кромѣ положеннаго, которое есть Іисусъ Христосъ» (1 Кор. **3**, 11).

Гааѳа—св. мученица, супруга готскаго царя, побита камнями въ IV в. *Пам. 26 марта.*

Габиній—рим. полководецъ при Помпеѣ, въ качествѣ проконсула Сиріи (57—55 до Р. Хр.) произвелъ новое гражд. раздѣленіе Палестины на 5 округовъ, отнявъ у Гиркана II-го (63—40 г.г.) политич. значеніе и оставивъ ему лишь заботу о храмѣ, а въ 57 г. побѣдилъ при Ѳаворѣ Александра, сына Аристовула. Изъ двухъ построенныхъ имъ городовъ Асдода и Самаріи одинъ въ честь его названъ былъ Габиніополемъ.

ГАВАОНЪ—библейскій городъ въ Палестинѣ, — одинъ изъ тѣхъ четырехъ ханаанскихъ городовъ, жители которыхъ хитростью добились отъ І. Навина союза, обезпечившаго ихъ отъ истребленія. Саулъ впослѣдствіи хотѣлъ истребить ихъ, но этимъ навлекъ бѣдствіе на своихъ потомковъ. Въ Г. стояла одно время Скинія и тутъ Соломонъ испрашивалъ себѣ мудрости у Бога. См. І. Нав. **9**, 17; **18**, 25; 3 Цар. **3**, 4 и 5; 2 Пар. **1**, 3, 13.

ГАВВАѲА (евр.), погреч. и слав. «Лиѳостротонъ», съ греч. «каменный помостъ»,—вымощенное камнями мѣсто, гдѣ было главное судилище въ Іерусалимѣ (Іоан. **19**, 13 и Мѳ. **27**, 19). На этомъ мѣстѣ въ преторіи І. Христосъ предстоялъ па судѣ предъ Пилатомъ. Ведшая къ нему каменная лѣстница, по преданію, впослѣдствіи перенесена была крестоносцами въ Римъ, гдѣ и доселѣ сохраняется въ Латеранскомъ соборѣ подъ именемъ «Святой лѣстницы». Копія съ нея въ Боннѣ на Крестовой горѣ (см. «Церк. Вѣстникъ», № 37 за 1902 г.)

ГАВДЕНЦІЙ, епископъ бриксійскій или брешійскій, жилъ въ концѣ IV и началѣ V вѣка; родина, время рожденія и ранняя жизнь его не извѣстны; но извѣстно, что Г., послѣ смерти епископа Филастрія (см), около 387 года избранъ былъ епископомъ брешійскимъ, но не хотѣлъ принять этого сана и только по настоянію областныхъ епископовъ, особенно св. Амвросія Медіоланскаго, наконецъ, принялъ указанную должность. Г. былъ постояннымъ другомъ св. Амвросія и принадлежалъ къ тѣмъ латинскимъ епископамъ, которые въ 404 и 405 гг. были посылаемы въ Константинополь съ цѣлью ходатайства за гонимаго Златоуста. Время его смерти опредѣлить съ достовѣрностью невозможно, но обыкновенно относятъ ее къ 427 г. Благодаря многимъ изъ дошедшихъ до насъ сочиненій, Г. занимаетъ довольно значительное мѣсто въ исторіи древнехристіанской письменности, именно, всѣми своими свѣдѣніями о Филастріи мы обязаны его рѣчи о жизни и дѣятельности этого его предшественника, каковая рѣчь часто поэтому называется «книгой о жизни св. Филастрія»; и кромѣ того, имѣемъ отъ него еще десять «Пасхальныхъ проповѣдей» и нѣсколько другихъ проповѣдей, большею частью на библейскіе тексты, и среди нихъ также рѣчь, произнесенную въ день его собственнаго посвященія, и поэтому интересную для его біографіи. Творенія его помѣщены у Миня въ **20** томѣ лат. серіи.

Гаведдай—персидскій мученикъ IV вѣка. Сынъ царя Сапора, пострадалъ отъ отца вмѣстѣ съ сестрою Коздоею; былъ обращенъ къ Христу св. мученикомъ Дадою, который былъ предъ тѣмъ близкимъ къ Сапору царедворцемъ. *Пам. 29 сент.*

Гавиній—мученикъ III вѣка, пресвитеръ, братъ епископа Каія римскаго, учитель оглашенныхъ, отецъ мученицы Сусанны. Замученъ при Діоклитіанѣ въ 296 году. Мощи его въ Римѣ въ церкви св. мученицы Сусанны. *Пам. 11 авг.*

ГАВРІИЛЪ (съ евр. «мужъ Божій»), одинъ изъ высшихъ ангеловъ (**см.** Архангелы), является въ Ветхомъ и Новомъ Завѣтѣ, какъ носитель радостнаго благовѣстія и истолкователь высшихъ откровеній. Пророку Даніилу онъ показываетъ видѣніе о баранѣ и козлѣ (Дан. **8**, 16) и даетъ ему откровеніе о семидесяти седьминахъ (Дан. **9**, 21 и слѣд.). Священнику Захаріи онъ возвѣщаетъ въ храмѣ, при возношеніи

куренія, о рожденіи Іоанна Крестителя (Лук. 1, 11—20), и благословенной Приснодѣвѣ въ Назаретѣ—о рожденіи Спасителя міра (Лук. 1, 26—38). Такъ какъ Захарія не хотѣлъ ему вѣрить, то онъ прямо называетъ себя по имени и этимъ самымъ указываетъ на себя, какъ на такого, который уже приносилъ пророку Даніилу, по божественному порученію, важныя и для народа Божія радостныя откровенія и заботился о его благѣ. Поэтому онъ считается также ангеломъ хранителемъ избраннаго народа. Каббалисты дѣлаютъ Г. учителемъ патріарха Іосифа; а, по магометанскому преданію, Магометъ получилъ отъ него свои откровенія и имъ же унесенъ на небо. На иконахъ онъ изображается съ свѣщею и съ зеркаломъ изъ ясписа. Онъ — вѣстникъ судебъ Божьихъ о спасеніи людей, явившійся Пресвятой Дѣвѣ Маріи при благовѣщеніи, изображается съ свѣщею и зеркаломъ въ знаменованіе того, что пути Божьи до времени не бываютъ ясны, но постигаются чрезъ время и путемъ пристальнаго изученія слова Божія и послушанія голосу совѣсти. Церковь прославляетъ его *26 марта* и *13 іюля*; послѣдній праздникъ (съ IX в.) въ память чудесъ архангела Г.

Гавріилъ—мученикъ IX вѣка, пострадалъ отъ болгаръ вмѣстѣ съ другими 377 мучениками, родомъ былъ славянинъ, воевода. *Пам. 22 января.*

ГАВРІИЛЪ—имя четырехъ патріарховъ константинопольскихъ. Изъ нихъ 1) **Гавріилъ I** занималъ каѳедру въ теченіе лишь первой половины 1596 года и не успѣлъ заявить себя какими-либо выдающимися дѣяніями. О немъ извѣстно только, что, до вступленія на патріаршій престолъ, онъ былъ митрополитомъ Ѳессалоники и отличался добродѣтелью и мудростью. Его избраніе на патріаршую каѳедру вызвало въ современникахъ большія надежды относительно будущаго. Знаменитый александрійскій патріархъ Мелетій Пигасъ съ радостью привѣтствовалъ новаго патріарха, какъ человѣка просвѣщеннаго, разумнаго и трудолюбиваго, и выразилъ въ привѣтствіи общее желаніе, чтобы патріархъ Г. водворилъ въ церкви порядокъ и правильное судопроизводство, уничтожилъ неканоническія избранія клириковъ и оказалъ сочувствіе и поддержку истиннымъ философамъ и образованнымъ педагогамъ. Но неожиданная смерть патріарха Гавріила порвала въ самомъ началѣ его архипастырскую дѣятельность.—2) **Гавріилъ II** патріаршествовалъ только двѣнадцать дней, во второй половинѣ апрѣля мѣсяца 1657 г. Онъ сначала былъ экономомъ митрополіи Гана и Хоры, а потомъ занялъ мѣстную каѳедру, откуда и вступилъ на патріаршій константинопольскій престолъ. Но, какъ человѣкъ неученый, онъ, при своемъ вступленіи на каѳедру, встрѣтилъ большой протестъ со стороны митрополитовъ патріархата, которые отказались признать его, ссылаясь на то, что онъ худо прочиталъ молитвы во время совершенія одного брака. Вынужденный отказаться отъ каѳедры, Г. II-й получилъ отъ синода въ управленіе митрополію Прусы, гдѣ онъ и скончался 3 декабря 1659 года.—3) **Гавріилъ III** занималъ константинопольскую патріаршую каѳедру съ 30 сентября 1702 г. до конца ноября 1707 г. Онъ родился въ Смирнѣ около 1630 г., здѣсь первоначально и учился въ одной изъ церковныхъ школъ, а затѣмъ съ митрополитомъ смирнскимъ Макаріемъ отправился въ Константинополь, гдѣ былъ ученикомъ знаменитаго греческаго учителя Ѳеофила Каридалея. По окончаніи ученія, онъ былъ причисленъ къ патріаршему клиру, а въ 1689 г. избранъ на халкидонскую митрополичью каѳедру. Въ званіи митрополита, киръ-Гавріилъ обнаружилъ выдающуюся архипастырскую дѣятельность. Между прочимъ, онъ помогалъ патріарху Каллинику II въ устройствѣ патріаршей школы на Фанарѣ, а когда его родной городъ Смирна подвергся разрушительному землетрясенію (въ 1688 и 1698 годахъ), то киръ-Гавріилъ принималъ участіе въ возстановленіи мѣстной школы и храмовъ св. Фотины и св. Георгія. По смерти константинопольскаго патріарха Каллиника II, священный патріаршій синодъ избралъ его преемникомъ киръ-Гавріила. Въ синодальномъ опредѣленіи по поводу этого избранія сказано, что

новый патріархъ былъ отъ юности своей воспитанъ въ нѣдрахъ великой Христовой церкви, въ совершенствѣ изучилъ церковное ученіе, былъ украшенъ всѣми добродѣтелями, отличался опытностью въ административныхъ дѣлахъ, благоразуміемъ, кротостью и благочестіемъ. Такимъ онъ заявилъ себя и въ званіи патріарха. Историки съ похвалою отзываются о немъ, называя его мужемъ праведнымъ и мудрымъ, поборникомъ церковнаго мира, правившимъ церковью богоугодно и съ ревностью о ея благѣ. Изъ многихъ дѣяній Г. III-го слѣдуетъ отмѣтить его окружное посланіе противъ буквальнаго перевода Священнаго Писанія съ древне-греческаго на современный разговорный греческій языкъ, распоряженіе противъ халдійскаго архіепископа Филоѳея, незаконно вторгавшагося въ предѣлы чужихъ епархій (1704 г.), посланіе къ жителямъ острова Андроса съ увѣщаніемъ соблюдать православную вѣру (1706 г.), подчиненіе аѳинскому митрополиту всѣхъ, существовавшихъ въ Аттикѣ, монастырей, кромѣ Пантелиса, находившихся прежде подъ властью патріарха, но, за дальностью разстоянія, часто нарушавшихъ обязанности патріаршихъ ставропигій,—мѣропріятія къ полному сохраненію братскаго общенія между всѣми патріархами. Послѣ пяти-лѣтняго плодотворнаго управленія церковью, киръ-Гавріилъ скончался и былъ погребенъ въ монастырѣ Богородицы Камаріотиссы на островѣ Халки.—4) **Гавріилъ IV** патріаршествовалъ съ 8 окт. 1780 г. до 29 іюня 1785 г., былъ родомъ изъ города Смирны, гдѣ въ молодости учился и служилъ въ клирѣ митрополита Неофита, коимъ и былъ хиротонисанъ въ епископа мосхонисійскаго, а затѣмъ состоялъ митрополитомъ Янины и Древнихъ Патръ. Это былъ человѣкъ кроткій, разумный и любвеобильный, такъ что, по словамъ историка Макрея, въ теченіе пяти-лѣтняго своего управленія церковью, онъ никого не обидѣлъ и никого не оставилъ безъ утѣшенія въ скорби. Изъ его архипастырско-административныхъ распоряженій извѣстны: разрѣшеніе православнымъ христіанамъ въ Индіи вступать въ бракъ съ инославными, признаніе за синайскимъ монастыремъ правъ патріаршаго іерусалимскаго престола (1782 г.), утвержденіе въ аѳонскомъ монастырѣ Ксенофонта киновіальнаго образа жизни иноковъ (1784 г.), умиротвореніе Аѳона, на которомъ происходили тогда сильные споры о коливѣ и поминовеніи усопшихъ въ воскресный день, благоустройство ставропигіальныхъ монастырей и народныхъ школъ и т. п. Вообще, при Г. IV-мъ константинопольская церковь пользовалась вожделѣннымъ миромъ. Онъ скончался въ званіи патріарха и былъ погребенъ въ храмѣ Архангеловъ, въ приходѣ Великаго Ручья.

Литература. 1) Μανουὴλ Γεδεών, Πατριαρχικοὶ πίνακες. Κωνσταντινούπολις 1884. 2) Χαμουδόπουλος, Οἱ ἐκ Σμύρνης πατριάρχαι. 3) Ἀμάλθεια (смирнская газета), 1901 г., 31 декабря, № 7320, стр. 1—2. *И. Соколовъ.*

ГАВРІИЛЪ (въ мірѣ Григорій Григор. Бануляско-Бодони), митрополитъ. Сынъ молдавскаго дворянина (отъ второй жены), родился въ 1746 г. въ гор. Быстрицѣ въ Трансильваніи, первоначальное образованіе получилъ въ училищѣ родного города, потомъ былъ взятъ дядею-священникомъ, жившимъ по сосѣдству, и чрезъ нѣкоторое время отправленъ этимъ дядею (по матери) въ седмиградскую школу, гдѣ преподавался и латинскій языкъ. Потомъ съ образовательными цѣлями былъ нѣкоторое время въ Будапештѣ. Въ 1771 г. поступилъ въ кіевскую духовную академію, гдѣ два года слушалъ богословскій курсъ. Затѣмъ довершалъ образованіе въ высшихъ греческихъ школахъ на Хіосѣ, Патмосѣ, Аѳонѣ и въ Смирнѣ (повидимому для изученія греческаго языка). Въ 1776 г. возвратился въ Трансильванію и занялъ должность учителя въ седмиградскомъ городѣ Насаудѣ. Скоро однако вернулся въ родную Молдавію и въ Яссахъ митрополитомъ Гавріиломъ (Калимаховымъ) былъ назначенъ учителемъ княжескаго училища. Митрополитъ принялъ горячее участіе въ его судьбѣ и на свои средства послалъ его еще для довершенія образованія въ 1779 г. въ Константинополь и на Патмосъ. Въ Константинополѣ онъ принялъ монашество

и, по тогдашнему обычаю, имя своего благодѣтеля. Черезъ два года, когда патмосская школа закрылась вслѣдствіе свирѣпствовавшей чумы, онъ вернулся въ Яссы, здѣсь былъ назначенъ учителемъ греческаго языка, 1 сентября 1781 г. рукоположенъ въ іеромонаха и затѣмъ назначенъ проповѣдникомъ ясской митрополіи. Въ 1782 г. перешелъ къ словенскому архіепископу Никифору (Ѳеотоки), своему недавнему сослуживцу по ясской школѣ (въ Полтаву), и былъ назначенъ учителемъ греческаго языка въ словенской семинаріи, а потомъ, съ 1783 г., префектомъ. Въ 1784 г. вернулся въ Яссы. Здѣсь въ 1785 г. возведенъ въ архимандрита, а въ слѣдующемъ году, по смерти митрополита Гавріила, избранъ былъ во епископа романскаго, но не былъ утвержденъ и хиротонисанъ. Обиженный, онъ оставилъ Яссы и у епископа гушскаго Іакова нашелъ пріютъ въ качествѣ проповѣдника. Въ 1787 г., во время второй турецкой войны, вслѣдъ за молдавскимъ господаремъ Александромъ Маврокордато перешелъ въ Полтаву и былъ у Маврокордато учителемъ дѣтей и домовымъ священникомъ. По рекомендаціи Маврокордато архіепископъ екатеринославскій Амвросій избралъ его въ ректора екатеринославской семинаріи. Съ 1789 г., согласно повелѣнію Екатерины II, онъ состоялъ при находившемся съ дунайскою арміею мѣстоблюстителѣ молдовлахійской митрополіи архіепископѣ Амвросіи и 26 декабря 1791 г. въ Яссахъ Амвросіемъ съ другими архіереями хиротонисанъ во епископа бендерскаго и бѣлградскаго (аккерманскаго), а затѣмъ поселился въ Яссахъ и былъ какъ бы викаріемъ Амвросія. 11 февраля 1792 г. онъ назначенъ Екатериною II митрополитомъ молдовлахійскимъ и по особому мѣстному чину вступилъ на митрополичій престолъ. Молдавія и Валахія въ это время были еще заняты русскими войсками, хотя по ясскому договору о мирѣ 29 декабря 1791 г. должны были снова отойти къ Турціи и, слѣдовательно, въ духовномъ отношеніи подъ власть константинопольскаго патріарха. Когда лѣтомъ 1792 г. русскіе войска очистили занятыя области, константинопольскій патріархъ потребовалъ у Гавріила отреченія отъ митрополіи. Тотъ не согласился этого сдѣлать безъ указа императрицы и св. синода. Тогда новый молдавскій господарь Александръ Мурузи 19 іюня 1792 г. ночью арестовалъ Г. и отправилъ въ Константинополь, гдѣ онъ и былъ посаженъ въ тюрьму при патріаршемъ домѣ. По настоянію русскаго дипломатическаго агента онъ былъ вскорѣ освобожденъ, получилъ отъ Екатерины II украшенный драгоцѣнными камнями крестъ и бѣлый клобукъ и затѣмъ 10 мая 1793 г. назначенъ на екатеринославскую каѳедру (въ Полтавѣ). 29 сентября 1799 г. назначенъ въ Кіевъ. Въ 1801 г., при Александрѣ I, получилъ званіе члена св. синода и орденъ Андрея Первозваннаго. 21 августа 1803 г. онъ вышелъ на покой съ пенсіей въ 3,000 р. и проживалъ сначала въ Одессѣ, потомъ въ Дубоссарахъ. Въ 1808 г., съ новымъ занятіемъ Молдавіи и Валахіи русскими войсками, митрополитъ Г., указомъ 27 марта, назначенъ «паки членомъ св. синода и онаго экзархомъ въ Молдавіи, Валахіи и Бессарабіи» и тотчасъ же занялся переустройствомъ мѣстнаго церковнаго управленія по русскому образцу. Первую половину 1812 г. Г. провелъ въ Петербургѣ съ присутствованіемъ въ св. синодѣ. Когда послѣ мира съ Турціей въ 1812 г. русскія войска снова очистили Молдавію и Валахію, Г. сдалъ 20 сентября свою молдовлахійскую митрополію и остался только митрополитомъ отошедшей къ Россіи Бессарабіи,—кишиневскимъ, хотя кишиневская епархія учреждена была только 21 августа 1813 г. Благодаря своимъ выдающимся административнымъ способностямъ, митрополитъ Г. создалъ епархіальный строй въ новоприсоединенномъ краѣ довольно быстро. Скончался онъ 30 марта 1821 г. и погребенъ въ кипріановскомъ успенскомъ монастырѣ. Кишиневская епархія всецѣло этому своему первосвятителю обязана своимъ скорымъ благоустройствомъ въ духовномъ отношеніи и отчасти въ граждан-

скомъ. Преосв. Г. все время былъ столько же церковнымъ, сколько и государственнымъ дѣятелемъ, имѣвшимъ постоянныя дѣятельныя сношенія съ центральнымъ правительствомъ по благоустройству края не только въ церковномъ, но и въ гражданскомъ отношеніи.

Описанію и оцѣнкѣ дѣятельности его посвящена магистерская диссертація *А. Стадницкаго* (нынѣ преосвящ. Арсенія, ректора московской дух. академіи), «Гавріилъ Банулеско-Бодони, экзархъ молдовлахійскій (1808—1812 гг.) и митрополитъ кишиневскій (1813—1821 гг.)», съ портретомъ и автографомъ, Кишиневъ, 1894. Значительныя дополненія и нѣкоторыя поправки даны въ статьѣ прот. *В. Жмакина*, «Гавріилъ Бодони», въ «Русск. Архивѣ», 1898 г.

С. Рункевичъ.

ГАВРІИЛЪ (Бужинскій), епископъ. Родомъ изъ Малороссіи, получилъ образованіе въ кіевской академіи, съ 1706 г. былъ учителемъ, а затѣмъ и префектомъ въ московской. Когда въ Петербургѣ былъ устроенъ александро-невскій монастырь, и по желанію Петра Великаго въ эту обитель стали вызывать лучшихъ провинціальныхъ монаховъ съ тѣмъ, чтобы выбирать изъ нихъ кандидатовъ для посвященія въ архіереи, Г. былъ вызванъ въ 1714 г. первымъ. Въ 1718 г. онъ былъ назначенъ оберъ-іеромонахомъ флота, а въ 1721 г., когда открытъ былъ св. синодъ, назначенъ совѣтникомъ синода, будучи въ это время уже архимандритомъ ипатскаго монастыря. Въ синодѣ въ вѣдѣніе Г. были отданы дѣла ученыя и учебныя, и онъ получилъ титулъ протектора школъ и типографій. Какъ человѣкъ образованный и притомъ «весьма прилежный и тщательно трудолюбивый», онъ занялъ въ синодѣ положеніе спеціалиста по научной и литературной части: просматривалъ (нерѣдко по порученію Петра) и дѣлалъ переводы, былъ представителемъ синода при «сочиненіи уложенія» въ коммиссіи для соглашенія россійскаго уложенія со шведскими и эстляндскими правами, собиралъ проповѣди, касавшіяся шведской войны (по порученію Петра), исправлялъ церковныя книги, сочинялъ церковныя молитвословія. Въ 1722 г. онъ получилъ настоятельство въ троице-сергіевой лаврѣ. Въ 1724 г. былъ избранъ кандидатомъ въ архіерея въ Казань, но не получилъ этой каѳедры. Въ 1726 г. хиротонисанъ во епископа рязанскаго. Скончался въ Рязани 27 апрѣля 1731 г. Въ свое время былъ извѣстенъ, какъ выдающійся проповѣдникъ. Его проповѣди, нерѣдко посвященныя политическимъ событіямъ — прославленію Петра В. и его дѣяній, имѣютъ историческій интересъ. Проповѣдникъ является въ нихъ безусловнымъ хвалителемъ геніальнаго императора, онъ былъ, какъ выразился поэтъ, «Петра Великаго дѣлъ славныхъ проповѣдникъ».

Сочиненія Гавріила въ настоящее время могутъ имѣть значеніе только для историка, они указаны у *П. Пекарскаго*, «Наука и литература въ Россіи при Петрѣ Великомъ»; Спб. 1862, въ «Обзорѣ» архіеп. *Филарета*; въ послѣднее время изданы *Е. Пѣтуховымъ* «Проповѣди Гавріила Бужинскаго», Юрьевъ, 1902. Біографическія свѣдѣнія у *И. Чистовича*, «Ѳеофанъ Прокоповичъ и его время», Спб., 1868, у *С. Г. Рункевича*, «Исторія русской церкви подъ управленіемъ св. синода», т. 1, Спб., 1900.

С. Рункевичъ.

ГАВРІИЛЪ (въ мірѣ Вас. Никол. Воскресенскій), архимандритъ, первый русскій историкъ философіи,—родился въ 1795 г., образованіе получилъ въ московской духовной академіи. По окончаніи академическаго курса со степенью магистра въ 1820 г. остался въ академіи баккалавромъ философскихъ наукъ и помощникомъ библіотекаря. Принялъ монашество 25 марта 1821 г. и затѣмъ былъ рукоположенъ во іеромонаха. Въ 1822 г. назначенъ баккалавромъ богословскихъ наукъ и библіотекаремъ. Въ ноябрѣ 1824 г. назначенъ инспекторомъ петербургской академіи, въ 1825 г. возведенъ въ архимандрита. Въ сентябрѣ 1825 г. назначенъ ректоромъ орловской семинаріи, въ 1827 г. переведенъ въ могилевскую семинарію. Въ Орлѣ былъ настоятелемъ петропавловскаго монастыря, въ Могилевѣ—могилевобратскаго и буйницкаго. Въ 1829 г. уволенъ отъ духовноучебной службы и переведенъ въ казанскій зилантовъ монастырь, но вскорѣ назначенъ настоятелемъ первокласснаго свіяжскаго богородицкаго монастыря, въ 1833 г.—

казанскаго спасопреображенскаго и преподавателемъ богословія въ казанской семинаріи, а въ 1836 г. профессоромъ богословскихъ наукъ въ семинаріи. Въ 1835 г. преподавалъ церковное право въ казанскомъ университетѣ и былъ законоучителемъ гимназіи. Въ 1837 г. назначенъ преподавателемъ богословскихъ наукъ въ университетѣ. Нѣкоторое время исправлялъ должность ректора казанской семинаріи и въ 1841 г. назначенъ ректоромъ симбирской семинаріи. Но въ 1852 г. снова уволенъ отъ духовноучебной службы и назначенъ настоятелемъ киренскаго троицкаго монастыря иркутской епархіи. Въ 1861 г. перемѣщенъ въ юрьевскій архангельскій монастырь владимірской епархіи, затѣмъ въ муромскій спасскій монастырь, той же епархіи, гдѣ и скончался 10 мая 1868 г. Архимандриту Г. принадлежатъ — обширная «Исторія философіи», ч.ч. I—VI, изд. 2-е, Казань, 1839—1849, «Философія права» (Казань, 1843), «Основанія опытной психологіи» (Казань, 1845), «Понятіе о церковномъ правѣ и его исторія» (Казань, 1844), «Описаніе зилантова монастыря» (Казань, 1840). Всѣ эти сочиненія носятъ характеръ неотдѣланности въ логическомъ и систематическомъ отношеніи, но въ свое время встрѣчены были, какъ напр. «Исторія философіи», одобреніемъ критики. Въ некрологахъ объ архим. Г. высказывалось сожалѣніе, какъ о загубленномъ неуравновѣшенностью жизни талантѣ.

Біографическія свѣдѣнія — въ «Владим. Еп. Вѣд.», 1868 г., № 11, «Ворон. Еп. Вѣд.», 1868 г., № 14, въ «Обзорѣ» архіеп. *Филарета* **и др.** *С. Рункевичъ.*

ГАВРІИЛЪ (въ мірѣ Георгій Иван. Городковъ), архіепископъ. Сынъ пономаря рязанской епархіи, впослѣдствіи бывшаго священникомъ, родился въ с. Городковичахъ, спасскаго уѣзда, 17 апрѣля 1785 г.; по окончаніи семинаріи былъ зачисленъ на священническое мѣсто при касимовскомъ соборѣ, имѣлъ уже невѣсту, но по требованію коммиссіи духовныхъ училищъ, какъ лучшій воспитанникъ, былъ вытребованъ въ составъ перваго курса новообразованной петербургской духовной академіи. Пока онъ учился, его невѣста вышла замужъ за другого. По окончаніи академическаго курса въ 1814 г. со степенью магистра, былъ назначенъ профессоромъ въ рязанскую семинарію, въ 1815 г. въ Рязани принялъ постриженіе и былъ рукоположенъ въ іеромонаха, а затѣмъ получилъ настоятельство въ рязанскомъ троицкомъ монастырѣ. Въ 1816 г. возведенъ въ архимандрита, въ 1817 г. назначенъ инспекторомъ рязанской семинаріи, а затѣмъ ректоромъ орловской (тогда бывшей въ Сѣвскѣ) и настоятелемъ орловскаго успенскаго монастыря; въ 1819 г. перемѣщенъ въ нижегородскую семинарію и макарьевскій желтоводскій монастырь. 20 мая 1828 г. хиротонисанъ во епископа калужскаго и боровскаго. 26 августа 1831 г. переведенъ въ Могилевъ, какъ признанный правительствомъ способнымъ стать въ числѣ участниковъ подготовленія дѣла возсоединенія западно-русскихъ уніатовъ и отличающійся «просвѣщеніемъ, дѣятельностію и кротостію». Здѣсь 1 января 1834 г. получилъ архіепископство. За время его пребыванія на могилевской каѳедрѣ обратилось къ православію до 60,000 уніатовъ. Въ 1837 г. преосвященный перемѣщенъ въ Рязань. Въ Рязани онъ отстроилъ каѳедральный соборъ, учредилъ училище для дѣвицъ духовнаго званія, открытое 1 января 1853 г. Въ 1858 г. 5 іюня онъ вышелъ на покой. По нѣкоторымъ свѣдѣніямъ на такое его рѣшеніе повліялъ надѣлавшій въ свое время большого шума прискорбный случай, а именно: на торжественномъ собраніи у игуменьи женскаго монастыря преосвященнаго ударилъ въ лицо отлучившійся изъ александро-невской лавры, страдавшій умопомѣшательствомъ іеродіаконъ. Рязань, какъ раньше Могилевъ, разставалась съ преосвященнымъ съ глубокимъ сожалѣніемъ. Вспоминали его «кроткій жезлъ», ласковое и тихое обращеніе со всѣми, постничество. Послѣдніе годы преосвященный провелъ въ заштатномъ ольговомъ монастырѣ близъ Рязани, проживая на пенсію въ 2,000 р. Здѣсь онъ скончался 7 апрѣля 1862 г. и погребенъ въ но-

вомъ монастырскомъ троицкомъ соборѣ. Когда онъ былъ въ Могилевѣ, то проѣзжавшій изъ Дерпта въ Бѣлоруссію Ѳаддей Булгаринъ писалъ о немъ свои наблюденія въ «Сѣверной Пчелѣ»(1835г., № 213), что особенно поразительны были чрезвычайное уваженіе и преданность всѣхъ сословій, не исключая и католиковъ, къ преосвящ. Г. «Это олицетворенная кротость».

Біографическія свѣдѣнія о преосвящ. Гавріилѣ—въ статьяхъ свящ. *С. Родосскаго*, «Преосвящ. Гавріилъ, архіепископъ рязанскій и зарайскій», въ «Странникѣ», 1863 г., кн. 2 и 3 и отдѣльною брошюрой, Спб., 1863; въ 3-й кн. портретъ и завѣщаніе. Автобіографія — въ «Странникѣ», 1864 г., кн. 4. См. также въ «Обзорѣ» архіеп. *Филарета*. Преосвященнымъ издано въ М. въ 1860 г. Собраніе поученій.

С. Рункевичъ.

ГАВРІИЛЪ Домецкій, дух. писатель XVII и начала XVIII в.; архимандритъ московскаго Симонова монастыря, откуда затѣмъ перешелъ въ 1690 г. въ новгородскій юрьевъ монастырь, гдѣ пробылъ въ санѣ архимандрита до 1709 г. Скончался на покоѣ, въ Кіевѣ.—Отъ него осталось нѣсколько сочиненій, касающихся главнымъ образомъ иноческаго житія. Таковы: 1) Келейный уставъ, написанный въ 1683 г. для симоновскаго монастыря, подъ заглавіемъ: «Ученіе всегдашнее монастырское, каково монахъ долженъ поучатися въ святомъ монашескомъ чину» (изд. въ VII ч. «Ист. росс. іер.»); 2) Киновіонъ или изображеніе евангельскаго и иноческаго общаго житія, отъ св. отецъ собранное, написано въ томъ же 1683 г. (изд. ibid.); 3) Чинъ общежитія симоновскаго, 1690 г.; 4) Вертоградъ духовный, 1685 г.; 5) Путь къ вѣчности, Священнымъ Писаніемъ изъявленный и святыми отцы въ двоюнадесяти степенехъ изображенный—изд. въ С.-ПБургѣ въ 1784 г. Кромѣ того, Г. писалъ 6) «Отвѣтъ» на «Остенъ» Іоакима патр. 1704 г. (въ синод. библ.), а также извѣстны 7) два письма его къ новгородск. митр. Іонѣ—о состояніи православія на югѣ и о переводѣ 70-ти толковниковъ

Фил., «Обз. дух. лит.», стр. 266; «Ист. р. ц.», т. IV, 141, 253 и др.; *Евг.*, «Слов. русск. пис. дух. чин.», стр. 71—72. *Д*

ГАВРІИЛЪ (въ мірѣ Петръ Петр. Петровъ), спб. митрополитъ. Сынъ московскаго синодальнаго иподіакона, бывшаго впослѣдствіи священникомъ въ Москвѣ, родился 18 мая 1730 г., образованіе получилъ въ московской славяногрекороссійской академіи, которую окончилъ въ 1753 г., затѣмъ нѣкоторое время оставался въ домѣ отца, въ 1754 г. опредѣленъ справщикомъ московской синодальной типографіи. Въ 1757 г. его назначили учителемъ въ академію, но такъ какъ онъ отказался принять монашество, то былъ назначенъ другой (Платонъ Левшинъ, митрополитъ московскій). Въ 1758 г. назначенъ учителемъ троицкой лаврской семинаріи и послѣ настоятельныхъ уговоровъ принялъ постриженіе 28 іюня 1758 г. въ Петербургѣ на троицкомъ подворьѣ, куда вызванъ былъ настоятелемъ лавры, архимандритомъ Гедеономъ (Криновскимъ). Въ томъ же году назначенъ ректоромъ семинаріи и намѣстникомъ лавры. Въ 1761 г. назначенъ ректоромъ московской академіи и архимандритомъ заиконоспасскаго монастыря. 6 декабря 1763 г. хиротонисанъ во епископа тверского. Въ концѣ 1765 г. вызванъ былъ въ Петербургъ для участія въ бывшихъ тогда по волѣ Екатерины II разныхъ коммиссіяхъ. Здѣсь онъ сталъ лично извѣстенъ императрицѣ. Кромѣ обычныхъ представленій, Екатерина одинъ разъ въ александровъ день, участвуя въ крестномъ ходѣ изъ казанскаго собора въ александро-невскую лавру, проговорила съ Г. большую часть пути и потомъ отзывалась о немъ, что онъ «мужъ острый и резонабельный». Въ 1767 г. Г. переѣзжалъ въ Москву на время пребыванія тамъ двора, а затѣмъ вернулся въ Тверь. Императрица изъ Москвы ѣздила по Волгѣ до Казани и сдѣланный при ея участіи во время этого путешествія переводъ Мормонтелева Велизарія повелѣла посвятить Г. Въ 1768 г. Г. назначенъ членомъ-представителемъ отъ духовенства въ коммиссію о сочиненіи новаго уложенія на мѣсто скончавшагося архіепископа Димитрія Сѣченова; въ 1769 г. назначенъ членомъ

св. синода, въ 1770 г. — архіепископомъ с.-петербургскимъ. Пребываніе Г. на петербургской каѳедрѣ съ первыхъ же поръ ознаменовано было устроеніемъ благочинническаго надзора, духовныхъ училищъ и семинаріи, монастырей, и въ особенности валаамскаго, которому тогда сообщенъ нынѣшній его строгій трудовой строй, и лавры, которая въ тѣ годы окончательно обстроилась. Въ 1775 г. ему подчинена и новгородская епархія, соединенная съ петербургской. Въ 1783 г. Г. возведенъ въ митрополита. Въ томъ же году онъ вошелъ въ составъ членовъ академіи наукъ и былъ въ ней старшимъ членомъ. При Павлѣ I Г. первый изъ духовныхъ, 8 ноября 1796 года., пожалованъ орденомъ (св. Андрея Первозваннаго), затѣмъ осыпанъ былъ и другими милостями, но теперь не смогъ удержать за собою первенствующаго положенія въ духовной іерархіи, какъ было въ предшествовавшее царствованіе. 16 декабря 1799 г. онъ былъ уволенъ отъ управленія петербургскою епархіей и переименованъ въ митрополита новгородскаго и олонецкаго, а 20 декабря 1800 г., согласно просьбѣ, уволенъ на покой съ пребываніемъ въ новгородскомъ архіерейскомъ домѣ. Здѣсь и скончался 26 января 1801 г., сидя въ обществѣ окружавшихъ его духовныхъ лицъ. Погребенъ въ предтеченскомъ придѣлѣ новгородскаго софійскаго собора. Человѣкъ высокопросвѣщенный, достойнѣйшій архипастырь, онъ былъ скроменъ, не многорѣчивъ, правдивъ и прямъ, былъ строгъ къ себѣ и къ другимъ, благотворителенъ, постникъ, блюститель строгаго монашескаго житія. Литературные его труды перечислены въ «Обзорѣ» архіепископа Филарета. Имѣвшіе значеніе для своего времени, они, впрочемъ, не принадлежатъ къ тѣмъ, которые остаются памятны въ потомствѣ. Наибольшею въ этомъ отношеніи заслугою является содѣйствіе Г. изданію Добротолюбія въ русскомъ переводѣ (М. 1793). Мраморный бюстъ владыки, работа скульптора Козловскаго, сдѣланъ и помѣщенъ, по повелѣнію Екатерины II, въ троицкомъ соборѣ александро-невской лавры напротивъ раки св. Александра Невскаго, въ память постройки собора (1778 — 1790 гг.).

Біографическія свѣдѣнія—въ книгѣ архимандрита *Макарія*, «Сказаніе о жизни и трудахъ преосвященнаго Г., митрополита новгородскаго и с.-петербургскаго», Спб., 1857; также въ «Историко-статистическихъ свѣдѣніяхъ о спб. епархіи», ч. VIII и въ «Христ. Чтеніи» за 1901 г. окт. и ноябр. Тамъ же и его «Письма».

С. Рункевичъ.

ГАГАРИНЪ Иванъ Серг.,—князь, впослѣдствіи іезуитъ, сынъ князя Сергѣя Гагарина, род. въ 1814 г. въ Москвѣ. Рано вступивъ на государственную службу, состоялъ сначала въ качествѣ аташе своего дяди, князя Григорія Гагарина, въ Мюнхенѣ, послѣ смерти котораго, въ 1837 г., состоялъ секретаремъ посольства въ Вѣнѣ, а затѣмъ въ Парижѣ. Тутъ онъ часто бывалъ въ салонѣ своей близкой родственницы, г-жи Софьи Свѣчиной, уже ранѣе совратившейся въ римскій католицизмъ, и тамъ, подъ ея вліяніемъ, мало-по-малу поколебался въ своей преданности православію, а подъ вліяніемъ патера Равиньяна, преемника Лакордера на каѳедрѣ собора Парижской Богоматери, окончательно порѣшилъ перейти въ папизмъ. 19 апрѣля 1842 года онъ подалъ Равиньяну «католическое исповѣданіе вѣры», этимъ самымъ сталъ внѣ русскаго закона и пресѣкъ свою государственную службу. Два знатныхъ представителя русской колоніи, князь Трубецкой и графъ Шуваловъ, принадлежавшіе также къ почитателямъ Равиньяна, черезъ нѣсколько времени послѣдовали его примѣру. Послѣ установленнаго испытанія, черезъ полтора года позже Г. вступилъ въ орденъ іезуитовъ. Какъ пламенный неофитъ, онъ послѣ этого сдѣлался горячимъ поборникомъ идеи обращенія православной Россіи на тотъ же ложный путь, на который вступилъ и самъ. Онъ ревностно принялся издавать сочиненія въ этомъ отношеніи, и ему, между прочимъ, принадлежатъ слѣдующія сочиненія и статьи (на французскомъ языкѣ): «Сдѣлается ли Россія католической»? Парижъ, 1856; «Старовѣры, русская церковь и папа», Парижъ, 1857; «Отвѣтъ одного русскаго

русскому же», 1860; «Католическая тенденція въ русскомъ обществѣ», 1860; «Будущность греко-уніатской церкви», 1862; «Приматство св. Петра и богослужебныя книги русской церкви», 1863; «Русское духовенство», 1871, и т. д. Вмѣстѣ съ патеромъ Даніелемъ, онъ основалъ журналъ подъ заглавіемъ: Études de théologie, de philosophie et d'histoire, который позже продолжался подъ другой редакціей и подъ инымъ названіемъ: Études religieuses, historiques et litteraires, вызвалъ затѣмъ къ жизни «Общество пропаганды свв. Кирилла и Меѳодія» и былъ ревностнымъ сотрудникомъ такихъ ультрамонтанскихъ журналовъ, какъ «Другъ Религіи», «Вселенная», «Современникъ» и т. д. Въ послѣдніе годы онъ посвятилъ себя сирской миссіи, гдѣ дѣлалъ обширныя изслѣдованія о восточныхъ церквахъ («Румынская церковь», 1865, «Устройство и теперешнее состояніе церквей Востока», 1865, и т. д.). Часть его трудовъ была издана Брюлемъ въ его сочиненіи: «Русскія изслѣдованія въ области богословія и исторіи», Мюнстеръ 1857, и Гутлеромъ въ «Католическихъ изслѣдованіяхъ», Аугсбургъ 1865. Когда римско-катол. монаш. ордена были изгнаны изъ Франціи, Г. проживалъ въ Швейцаріи, но вскорѣ возвратился въ Парижъ, гдѣ къ его услугамъ графъ Вассаръ отвелъ ему помѣщеніе въ своемъ домѣ. До самаго конца своей жизни Г. упорно держался того ложнаго пути, на который онъ вступилъ, все болѣе и болѣе ожесточался противъ своей родной церкви, писалъ памфлеты на русскую церковь и русское духовенство, вступалъ въ полемику съ русскими богословами и умеръ въ 1882 году, оставивъ по себѣ печальную память, какъ объ одномъ изъ отступниковъ своей вѣры.

ГАГЕНБАХЪ Карлъ Рудольфъ—извѣстный нѣмецкій богословъ и церковный историкъ (род. въ Базелѣ, 1801 г.; ум. тамъ же, 1874 г.). Пробывъ годъ въ базельскомъ университетѣ, онъ перешелъ въ Боннъ и затѣмъ Берлинъ, гдѣ на его богословскія воззрѣнія оказали большое вліяніе Шлейермахеръ и Неандеръ Возвратившись, по настоянію Де-Ветте, въ Базель (1823), онъ сдѣланъ былъ тамъ профессоромъ. Въ 1873 г. отпраздновалъ 50-лѣтіе своего преподавательства въ университетѣ. Въ теченіе этихъ лѣтъ, кромѣ своей профессорской дѣятельности, онъ оказывалъ большое вліяніе и въ качествѣ проповѣдника. Проповѣди его вышли въ 9 томахъ (Базель, 1858—75). Онъ издалъ также 2 тома поэмъ (2-е изд. Базель, 1863), въ которыхъ вполнѣ отобразилась его кроткая и дѣтски простая душа. Особеннымъ предметомъ изученія Г. была церк. исторія. Онъ выступалъ представителемъ такъ называемой посредствующей школы богословія, занимающей среднее положеніе между старыми супранатуралистами и раціоналистами. Онъ постепенно оставилъ точку зрѣнія Шлейермахера, на которой стоялъ раньше; придавалъ особенное значеніе, независимо объективной реальности, фактамъ христіанской религіи и выдвигалъ вѣроисповѣданіе церкви. Первымъ его важнымъ произведеніемъ была «Энциклопедія и методологія богословскихъ наукъ» (Лейпцигъ, 1833; 10-е изд. Кауча, 1870), которая и доселѣ занимаетъ видное мѣсто въ литературѣ. Въ 1840 г. вышелъ въ свѣтъ его «Учебникъ по исторіи догматовъ» (5-е изд. 1867), доселѣ остающійся однимъ изъ самыхъ распространенныхъ произведеній этого рода. Самое большое его произведеніе есть «Церковная исторія отъ древнѣйшихъ временъ до XIX столѣтія» (Лейпцигъ, 1869—72, въ 7 томахъ). Она отчасти составилась изъ переработки трехъ прежнихъ его сочиненій: «Исторія реформаціи» (1834—43), «Исторія древней церкви» (1853) и «Исторіи среднихъ вѣковъ» (1860). Эти историческіе труды отличаются не столько особенною оригинальностью изложенія или какими-либо новыми открытіями, сколько своими широкими взглядами, примирительнымъ духомъ и яснымъ, привлекательнымъ стилемъ. Среди другихъ его сочиненій извѣстны «Эколампадъ и Миконій» (Эльберфельдъ, 1859), «Основы гомилетики и литургики» (Лейпцигъ, 1863). Онъ издавалъ также «Швейцарскій Церковный журналъ»

(1845—68) и былъ виднымъ сотрудникомъ «Энциклопедіи» Герцога.

Гадъ (евр.)—имя двухъ извѣстныхъ въ Библіи лицъ: 1) Г.—патріархъ, сынъ Іакова отъ Зелфы, родился въ Месопотаміи, родоначальникъ Гадова колѣна (см.); 2) **Гадъ**—пророкъ, соврем. Давида, возвѣстилъ послѣднему о наказаніи Божіемъ за сдѣланное имъ противъ воли Божіей исчисленіе народа (2 Ц. **24**, 11).

ГАДАРА—укрѣпленная столица палестинской области Переи, стояла на холмѣ къ югу отъ рѣки Іеромакса или Іермука, теперешней Шеріатъ-эль-Мандуръ, къ юго-востоку отъ южной оконечности озера Галилейскаго, въ 60 стадіяхъ отъ Тиверіады. Чрезъ нее проходили большія дороги изъ Тиверіады и Скиѳополя во внутрь Каменистой Аравіи и въ Дамаскъ. Послѣ десятимѣсячной осады, она была взята Александромъ Іаннеемъ, но вновь отвоевана Помпеемъ (*I. Флавій*, Древн. **14**, 4, 4; В. I. **1**, 7, 7). На многочисленныхъ дошедшихъ до насъ монетахъ годы считаются со времени этого ея возвращенія. Она сдѣлалась мѣстомъ одного изъ пяти синедріоновъ, учрежденныхъ Габиніемъ и была подарена Августомъ Ироду, послѣ смерти котораго вошла въ составъ провинціи Сиріи, хотя и не вполнѣ потеряла свое управленіе. Она составляла часть такъ называемаго (см.) Десятиградія (Матѳ. **4**, 25; Марк. **5**, 20, **7**, 31) и 4 марта 68 года была взята Веспасіаномъ (*I. Фл.*, В. I. **5**, 7, 3). Большинство ея жителей были язычники, которые, главнымъ образомъ, поклонялись Зевсу, Ираклу, Астартѣ и Аѳинѣ. Впослѣдствіи она сдѣлалась мѣстомъ христіанской епископіи. Время и причины ея разрушенія неизвѣстны. Ея мѣстоположеніе отождествляютъ съ теперешней деревней Умъ-Кейсъ. Въ окресностяхъ ея еще и доселѣ существуютъ горячіе сѣрные источники, знаменитые въ древности подъ именемъ Эмаѳы. Въ окрестностяхъ ея Спаситель совершилъ чудо исцѣленія бѣсноватаго (Матѳ. **8**, 28; Марк. **5**, 1; Лук. **8**, 26).

ГАДОВО колѣно — одно изъ двѣнадцати колѣнъ израильскихъ—занимало по *ту сторону*, т. е. къ востоку отъ Іордана (Числ. **32**, 32; І. Нав. **13**, 8, въ области Галаадской; Числ. **32**, 29; Втор. **3**, 12, 16) землю, лежащую между удѣлами Рувима на югѣ и Манассіи на сѣверѣ. Оно подѣлило съ первымъ царство Сигона, царя аморейскаго, сѣверная часть котораго досталась ему (Числ. **32**, 33; І. Нав. **13**, 8—10, 21, 27). Границы его удѣла такъ описаны въ І. Нав., **13**, 24—28: «Моисей далъ такой удѣлъ колѣну Г., сынамъ Гадовымъ по племенамъ ихъ. Предѣломъ ихъ былъ Іазеръ и всѣ города Галаадскіе, и половина земли сыновъ Аммоновыхъ до Ароера, что передъ Раввою, и земли отъ Есевона до Рамоѳ—Мицфы, и Ветонима, и отъ Маханаима до предѣловъ Давира, и на долинѣ Беѳ-Гарамъ и Беѳ-Нимра и Сакхоѳъ и Цафонъ и остатокъ царства Сигона, царя Есевонскаго, предѣломъ его былъ Іорданъ къ востоку. Вотъ удѣлъ сыновъ Гадовыхъ по племени ихъ, города и села ихъ». Граница точно обозначена съ двухъ сторонъ. На югѣ она образуетъ прямую линію, идущую отъ Іордана на западъ чрезъ Есевонъ. Этимъ городомъ заканчивался съ юга удѣлъ Рувима (І. Нав. **13**, 17), причемъ на югѣ онъ отмѣчалъ и границу Г. колѣна. Г. колѣну принадлежали (І. Нав. **13**, 25) слѣдующіе города: Іазеръ, Рамоѳ-Мицфы, Ветонимъ, Маханаимъ, Беѳ-Гарамъ, Беѳ-Нимра, Сакхоѳъ, Цафонъ, Іогбегъ (Числ. **32**, 34—36). Сыны Гада и Рувима, получивъ себѣ удѣлы, поправили и укрѣпили вмѣстѣ древнія крѣпости. Область, остававшаяся въ теченіе нѣкотораго времени не раздѣленной, была раздѣлена между ними позже. Такимъ образомъ колѣно Г. занимало по ту сторону Іордана территорію, состоявшую изъ двухъ опредѣленныхъ частей: равнины и горы. Первая занимала узкую долину, тянущуюся по теченію рѣки почти во всю ея длину отъ Тиверіадскаго озера до Мертваго моря. Это полоса земли—тѣсно сжатая между кустарниками, окаймляющими лѣвый берегъ, и параллельной линіей горъ на западѣ. Изрѣзанная въ обратномъ направленіи многочисленными «вади» (оврагами), она по мѣрѣ своего приближенія къ югу все болѣе спускается ниже уровня Сре-

дивемнаго моря. Хорошо защищенная, согрѣваемая жгучимъ солнцемъ, съ другой стороны освѣжаемая многочисленными водными потоками — она была очень плодородна. Изъ этой долины идетъ подъемъ къ гористой полосѣ послѣдовательными ступенями, — къ горамъ Галаада, къ ихъ сѣверной части той мѣстности, что теперь называется Белка, къ югу отъ Аджлуна. Многочисленные овраги и потоки перерѣзываютъ эту цѣпь. Часть ихъ составляютъ притоки рѣки Іавока, впадающей въ Іорданъ около древняго моста Даміехъ. Вдоль его береговъ почти по всему теченію находится масса тростника и розовыхъ лавровъ, цвѣты которыхъ придаютъ ему весною жизнерадостный характеръ. Вся страна представляетъ собою счастливое сочетаніе пахатной земли и прекрасныхъ лѣсовъ. За исключеніемъ Ѳавора, лѣса котораго значительно уменьшились, лѣсовъ Кармила и кустарниковъ Баньи, восточная Палестина не имѣетъ ничего подобнаго ей. Вмѣсто обнаженныхъ и сожженныхъ странъ, которыя путешественникъ видитъ передъ собою по ту сторону Іордана, онъ находитъ здѣсь, рядомъ съ прозрачными ручьями, стремящимися съ горъ, рощи изъ дубовъ и теревинѳовъ, къ которымъ примѣшиваются спкаморъ, букъ, дикая смоковница,—крутыя покатости, покрытыя листвой, зеленѣющія долины. Весною это почти сплошной коверъ цвѣтовъ. Надъ плоскогоріемъ поднимаются вершины не менѣе какъ въ 500 саж. Отмѣтимъ только на сѣверѣ Джебель-Гакартъ (1085 м.) и въ центрѣ—Джебель-Оса (1096 м.). Съ вершины этого послѣдняго, самаго высокаго и самаго остраго въ Галаадской цѣпи, открывается роскошный видъ на всю Палестину, на долину Іордана до вершинъ Ермона. У подошвы этой горы къ югу находится самый важный городъ, столица округа— Эс-Зальтъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ встрѣчаются слѣды доисторическихъ древностей, дольмены и другія очень интересныя развалины.

Понятно послѣ даннаго обзора страны, почему она обратила на себя вниманіе сыновъ Гадовыхъ, богатыхъ стадами (Чис. **32**, 1, 4). И теперь еще она служитъ источникомъ пропитанія бедуинамъ, когда въ другихъ мѣстахъ не остается болѣе ни былинки.

Исторія. Когда Іаковъ отправлялся въ Египетъ, семь сыновей Гада составляли основу колѣна (Быт. **46**, 16). Во время переписи на Синаѣ оно имѣло своимъ главою Еліасафа (Чис. **1**, 4, 14; **2**, 14; **10**, 20) и насчитывало 45,650 ч., способныхъ носить оружіе (Чис. **1**, 24-25). Оно занимало мѣсто на югѣ отъ скиніи съ Рувимомъ и Симеономъ (Чис. **2**, 14). Сообразно съ порядкомъ, установленнымъ для походовъ и становъ, оно принесло на жертвенникъ чрезъ своего князя такіе же дары, какъ и прочія колѣна (Чис. **7**, 42—47). Среди соглядатаевъ Ханаанской земли его представителемъ былъ Геуилъ, сынъ Махіевъ (Чис. **13**, 16). При второй переписи въ равнинѣ Моавской въ немъ насчитывалось всего 40,500 ч., такимъ образомъ оказалась потеря въ 5,150 ч. (Чис. **26**, 15 — 18). Послѣ покоренія земли, лежащей на западъ отъ Іордана, Гадъ и Рувимъ, которые въ продолженіе многихъ лѣтъ стояли станами другъ возлѣ друга и не желали раздѣляться, просили себѣ въ удѣлъ земли Іазера и Галаада, годныя для пропитанія ихъ многочисленныхъ стадъ. Можно было подумать, что они хотѣли немедленно же расположиться въ этомъ удѣлѣ, нисколько не заботясь объ участіи въ завоеваніи остальной Палестины (Чис. **32**, 15). Этотъ эгоизмъ и отсутствіе патріотизма живо задѣли Моисея и онъ серьезно увѣщевалъ ихъ. Тогда просители, порѣшивъ искупить свою слабость смѣлостью, обѣщали быть первыми въ сраженіяхъ, предварительно помѣстивъ свои стада въ хорошо защищенныхъ мѣстахъ, а семьи въ крѣпкихъ городахъ,—безъ сомнѣнія въ тѣхъ, которые были отняты у аммореянъ (Чис. **32**, 16—27).

Когда евреи, придя въ обѣтованную землю, произносили въ долинѣ Сихемской свои благословенія и проклятія, сыны Г. находились на горѣ Гевалъ для проклятій (Втор. **27**, 13). Дѣйствительно, вѣрно выполняя свое обѣщаніе, они шли

во главѣ сыновъ Израиля (І. Нав. **4**, 12), и ихъ владѣнія по ту сторону Іордана были утверждены за ними (І. Нав. **13**, 24 — 28; **14**, 3). Г. колѣно предоставило левитамъ города Рамоѳ-Галаадъ, Маханаимъ, Есевонъ и Іазеръ (І. Нав. **21**, 38—39; **1** Пар. **6**, 80, 81). Заіорданскіе воины были съ честью отпущены І. Навиномъ, который въ то же время напомнилъ имъ о ихъ важнѣйшихъ обязанностяхъ, что было далеко не лишне, такъ какъ они уходили довольно далеко отъ религіознаго центра (І. Нав. **22**, 1—6). Достигнувъ праваго берега Іордана, они воздвигли большой жертвенникъ. Это обстоятельство произвело крайнее смущеніе въ другихъ колѣнахъ по сю сторону Іордана. Они поняли его, какъ возстаніе противъ божественнаго закона, какъ отступничество. Собравшись въ Силомѣ, они отправили посольство въ Галаадъ, которому сыны Гада выяснили, что они вовсе и не думали объ отступничествѣ, а хотѣли только этимъ видимо укрѣпить и обезпечить въ будущемъ свой тѣсный союзъ съ Богомъ и остальнымъ Израилемъ. Дѣло закончилось миролюбиво (І. Нав. **22**, 34). Когда Давидъ скрывался въ пустынѣ Адулламъ или Энгеди (1 Цар. **22**, 1 — 4; **24**, **1** — 2), люди изъ колѣна Г., сильные и превосходные воины, оказывали ему свою помощь. Это колѣно принимало также участіе при избраніи Давида царемъ въ Хевронѣ (1 Пар. **12**, 37). Къ концу царствованія Іиуя, оно подверглось, какъ и другія заіорданскія колѣна, разрушительному нашествію Азаила, царя Сиріи (4 Цар. **10**, 32—33). Оно принимало вмѣстѣ съ ними участіе въ походѣ противъ агарянъ (1 Пар. **5**, 18—19) и вмѣстѣ съ ними было уведено въ плѣнъ ассиріянами (1 Пар. **5**, 26), причемъ ихъ сосѣди аммонитяне завладѣли ихъ землями и городами. При новомъ дѣленіи Святой земли, по прор. Іезекіилю, колѣно Г. занимало послѣднее мѣсто къ югу (Іез. **48**, 27, 28). Въ своемъ идеальномъ возстановленіи святого города тотъ же пророкъ (48, 34) располагаетъ на западъ «ворота Гадовы» съ Асировыми и Неѳѳалимовыми. Наконецъ, св. ап. Іоаннъ (Апок. **7**, 5) помѣщаетъ колѣно Г. между Рувимовымъ и Асировымъ.

Воинственный духъ Гада, его роль въ покореніи Обѣт. земли, его храбрость въ борьбѣ съ воинственными сосѣдями, доходившая до надменности, всѣ эти характерныя черты отмѣчены, хотя и очень общо и туманно, въ пророчествѣ Іакова и въ благословеніи Моисея. Первое (Быт. **49**, 19) заключаетъ въ евр. подлинникѣ замѣчательную, но не переводимую игру словъ о колѣнѣ Г. Весьма выразительно и Моисеево благословеніе (Втор. **33**, 20—21): «Благословенъ распространившій Гада; онъ покоится какъ левъ и сокрушаетъ и мышцы, и голову, онъ избралъ себѣ начатокъ земли, тамъ почтенъ удѣломъ отъ законодателя и пришелъ съ главами народа и исполнилъ правду Господа и суды со Израилемъ». Такимъ образомъ колѣно Г.—восточный левъ, какъ колѣно Іудово — левъ запада (Быт. **49**, 9). Онъ сумѣлъ добыть себѣ прекрасный удѣлъ въ покоренной странѣ, т. е. восточную часть Іордана, и представлялъ собою прекрасную стражу противъ арабскихъ племенъ, часто нападавшихъ на земли израильскія. Они храбро шли во главѣ народа на покореніе Ханаана. Ихъ воинскія доблести прекрасно выражаются въ слѣдующихъ словахъ: «изъ гадитовъ перешли къ Давиду въ укрѣпленіе, въ пустыню люди мужественные и воинственные, вооруженные щитомъ и копьемъ, лица львиныя—лица ихъ, и они были какъ серны на горахъ... Меньшій надъ сотней, большій надъ тысячею» (1 Пар. **12**, 8—14). О подвигахъ этихъ героевъ говоритъ одинъ случай, оставшійся въ памяти всѣхъ: «Они то перешли Іорданъ въ первый мѣсяцъ, когда онъ выступаетъ изъ береговъ своихъ, и разогнали всѣхъ бывшихъ въ долинахъ къ востоку и западу». Заіорданскія колѣна были всюду извѣстны своими воинскими качествами (1 Пар. **5**, 18), которыя развились у нихъ особенно вслѣдствіе сосѣдства арабовъ—грабителей. *Р. Л.*

Гажденіе—поношеніе, безчестіе, ругательство (Псал. **30**, 14; 2 Кор. **6**, 8).

Газа—укрѣпленный городъ въ Палестинѣ, въ пашалыкѣ Іерусалимскомъ, въ

і м. отъ моря, съ 16,000 т. жит. Въ древности — одинъ изъ 5 главныхъ филистимскихъ городовъ, свидѣтель подвиговъ Самсона.

ГАЗЕ Карлъ Августъ, извѣстный нѣмецкій протестант. историкъ церкви, род. 25 авг. 1800 г., въ Саксоніи; послѣ смерти отца, раннюю молодость провелъ въ довольно стѣсненныхъ обстоятельствахъ; учился въ Альтенбургѣ и Лейпцигѣ. Тамъ онъ велъ разгульную студенческую жизнь, былъ удаленъ изъ Лейпцига, отправился въ Эрлангенъ, гдѣ собственно и занялся болѣе тщательнымъ изученіемъ богословія. Сдавъ кандидатскій экзаменъ, онъ отправился въ Тюбингенъ, гдѣ сдѣлался магистромъ и получилъ право читать лекціи. Онъ читалъ экзегетику и «Жизнь Іисуса». Въ это время Г. издалъ свое первое сочиненіе: «Завѣщаніе стараго пастора» (Тюбингенъ, 1824), въ которомъ онъ, подражая Жанъ Полю, нѣсколько мечтательно излагалъ свои воззрѣнія на религію, міръ и жизнь. Вдругъ онъ былъ арестованъ, такъ какъ оказался соучастникомъ одного швейцарскаго анархическаго общества. Послѣ 11-ти мѣсячнаго ареста, онъ былъ помилованъ и удаленъ изъ страны. Во время сидѣнья въ крѣпости, онъ написалъ сочиненіе подъ заглавіемъ: «Прозелиты», — составляющее почти шутливую прелюдію къ его позднѣйшей «Полемикѣ», такъ какъ въ этомъ сочиненіи католикъ и протестантъ, послѣ сильныхъ восхваленій каждымъ своего вѣроисповѣданія, въ концѣ концовъ обращаются въ вѣроисповѣданіе одинъ другого. Тамъ же онъ приготовлялъ изданіе Догматики, которое закончилъ въ Дрезденѣ (Штутгартъ, 1825; 6-е изд. Лейпцигъ, 1870). Въ этомъ сочиненіи, покоящемся на основательномъ историко-догматическомъ изученіи, авторъ, стараясь научно понять тайну откровенія, приходитъ въ своихъ результатахъ, однако, къ довольно замѣтному раціонализму, причемъ, впрочемъ, ученіе вульгарнаго раціонализма въ немъ подвергается осужденію. Г. порѣшилъ устроиться въ Лейпцигѣ, гдѣ и занялся богословскими и церковно историческими трудами. Тамъ имъ, кромѣ «Символическихъ книгъ» евангелической церкви, или Конкордіи (въ 2 т., Лейпцигъ, 1827; 3-е изд. 1850), изданъ былъ рядъ сочиненій, какъ: «Гносисъ или евангельское вѣроученіе для образованныхъ лицъ» (3 тома, Лейпцигъ, 1827 — 29), а также сочиненіе Hutterus redivivus, «Догматика евангелическо-лютеранской церкви» (Лейпцигъ, 1828; 12-е изд. 1883). Основною мыслью книги было изложить догматику старо-лютеранской ортодоксіи такъ, какъ вѣроятно сталъ бы учить въ XIX вѣкѣ одинъ изъ ея представителей «и, вѣрный староотеческой вѣрѣ, выступилъ бы на защиту ея противъ измѣнившагося вѣка». Затѣмъ онъ издалъ, въ качествѣ учебника, свои чтенія о «Жизни Іисуса», проникнутыя сильнымъ раціоналистическимъ духомъ, хотя въ немъ Г. твердо держится Евангелія Іоанна и достовѣрности воскресенія. Получивъ приглашеніе въ Іену, Г. по преимуществу остановился на изученіи церковной исторіи и болѣе полустолѣтія выступалъ въ качествѣ одного изъ видныхъ церковныхъ историковъ. Его «Учебникъ церковной исторіи», изданный въ Лейпцигѣ въ 1834, имѣлъ болѣе 20-ти изданій. Этотъ учебникъ представлялъ собою нѣчто совершенно новое. Отбросивъ много безполезнаго балласта, состоящаго изъ голыхъ чиселъ и именъ, онъ попреимуществу обращаетъ въ немъ вниманіе на то, что имѣло вліяніе на церковную жизнь и что дотолѣ считалось принадлежностью лишь исторіи догматовъ, искусства и культуры. Съ изумительнымъ прилежаніемъ Г. изслѣдовалъ всѣ доступные ему источники, литературу которыхъ обстоятельно приводитъ. Мастерски умѣлъ онъ оцѣнивать отдѣльныя церковно-историческія лица и событія, въ ихъ значеніи для общаго развитія, и находить для нихъ всегда удачное и мѣткое слово, которое часто заимствуется изъ собственныхъ изреченій знаменитыхъ лицъ или современныхъ свидѣтельствъ; при этомъ богатый матеріалъ «учебника», при всей его краткости, излагается прекраснымъ художественнымъ языкомъ. Наконецъ, изъ его отдѣльныхъ моно-

графій можно назвать: «Два архіепископа»' (Лейпцигъ, 1839)—эпизодъ изъ церковно-религіозной борьбы въ Пруссіи; «Францискъ Ассизскій» (Лейпцигъ, 1854), и «Екатерина Сіенская» (Лейпцигъ, 1862). Какъ бы въ видѣ отдыха отъ тяжелыхъ научныхъ трудовъ, онъ написалъ разсказъ о дняхъ своей юности до вступленія на іенскую профессуру, подъ заглавіемъ: «Идеалы и заблужденія» (Лейпцигъ, 1872). Послѣ этого для Г. оставалось только издать свои чтенія, и онъ сталъ издавать ихъ. Такъ, сначала онъ издалъ «Исторію Іисуса по академическимъ чтеніямъ» (Лейпцигъ, 1875), а уже передъ концомъ своей жизни издалъ «Церковную исторію на основѣ академическихъ лекцій». Онъ скончался въ 1890 г., 90-лѣтнимъ старцемъ, оставивъ послѣ себя богатое наслѣдіе въ области догматики и церковной исторіи. Полное собраніе сочиненій Hase изд. въ Лейпцигѣ, 1892 г.

Газофилакія (греч.)—казнохранилище въ храмѣ Іерусалимскомъ, въ которое вносились деньги на потребности храма (Марк. **12**, **43**; Лук. **21**, 1).

Гай — древній городъ къ с.-з. отъ Іерихона, не доходя Веоиля; разрушенъ евреями при вступленіи въ обѣтованную землю (Іис. Нав. **7** и **8**).

ГАЙМОНЪ или Аймонъ (род. ок. 778 г.), по свидѣтельству Тритемія, нѣмецъ по происхожденію, былъ монахомъ въ монастырѣ фульдскомъ, учителемъ въ его школѣ и съ 840 г. до своей смерти (853) состоялъ администраторомъ гальберштадтской епископіи. Его многочисленныя сочиненія (толкованіе на Посланія ап. Павла, бесѣды на двѣнадцать малыхъ пророковъ, краткое изложеніе священной исторіи, и друг.) были издаваемы во время реформаціи (1519 — 36) папистами, но относятся уже къ болѣе свободному вѣку. Онъ отрицаетъ, что римская церковь была основана ап. Петромъ, отвергаетъ ученіе о всеобщемъ епископатѣ и высказывается противъ ученія о пресуществленіи, по крайней мѣрѣ въ той формѣ, въ какой оно проповѣдывалось Пасхазіемъ. Творенія его см. у Миня, лат. серіи томы **116 — 118** (хотя не всѣ принадлежатъ ему).

Гаіанія (земная)—мученица въ Арменіи въ IV вѣкѣ, одна изъ 33 дѣвъ-мученицъ. *Пам. 30 сент.*

ГАІЙ (земной)—имя нѣсколькихъ святыхъ. Изъ нихъ 4 янв. и 5 ноября—одинъ изъ 70 апостоловъ; 9 марта одинъ —изъ 40 севастійскихъ мучениковъ; 23 іюня—пострадавшій въ Галатійской Анкирѣ, въ гоненіе Максиміана, мученикъ родомъ изъ Листры; 11 августа—папа римскій, пострадавшій въ 296 г., мощи его въ Римѣ въ церкви его имени; 4 октября—мученикъ половины III вѣка, одинъ изъ учениковъ св. Діонисія Александрійскаго; 21 октября—мученически скончавшійся один изъ служителей никомидійскаго дворца Діоклитіана — въ 303 г.

Галаадъ — гора за Іорданомъ, отъ которой получила названіе и страна, данная колѣнамъ Рувимову и Гадову и полуколѣну Манассіину (Іис. Нав. **13**, 11; **22**, 9; Быт. **31**, 21. См. *Гадово* колѣно).

ГАЛАКТІОНЪ (молочный), св. муч., пострадалъ за Христа въ гоненіе Декія въ г. Емесѣ, въ Финикіи, вмѣстѣ съ Епистимой, своей обрученницей, бывшей язычницей, которую онъ просвѣтилъ св. вѣрою и убѣдилъ остаться дѣвственницею, а самъ ушелъ и основалъ обитель въ Публіонѣ, близъ Синая. Когда во время гоненія его взяли на мученія, Епистима присоединилась къ нему, и, послѣ жестокихъ истязаній, они были вмѣстѣ усѣчены мечемъ. *Пам. 5 ноября.* Г.—муч., *пам. 22 іюля*; Г.—препод. затворн. и мученикъ вологодскій, сынъ князя Ив. Бѣльскаго, казненнаго Іоанномъ IV; занимался кожев. рем., овдовѣвъ, постригся въ монахи и 1613 г. умеръ отъ рукъ поляковъ. *Пам. 24 сент.*

ГАЛАТЫ имѣютъ важность для богословія единственно по связи съ тѣмъ обстоятельствомъ, что въ числѣ посланій ап. Павла есть **Посланіе къ Галатамъ.**

Галаты были народъ кельтическаго или галльскаго племени на юго-западѣ Европы, откуда большими массами уже въ IV-мъ в. до Р. Хр. они стали двигаться къ востоку, а въ III-мъ в. начали проби-

раться до Грецiи. На первыхъ порахъ кельтскiя полчища имѣли тутъ немалый успѣхъ, но около 279 г. потерпѣли роковое пораженiе при Дельфахъ. Часть разбитыхъ варваровъ, во главѣ съ Лутарiемъ, переправилась чрезъ Геллеспонтъ на малоазiйскiй материкъ, гдѣ вскорѣ присоединились новые галатiйскiе отряды, явившiеся сюда подъ предводительствомъ Леоннорiя по приглашенiю виѳинiйскаго царя Никомеда I-го (279—246 г. до Р. Хр.), который нуждался въ посторонней помощи для борьбы со своимъ братомъ. Пришельцы, исполнивъ свое дѣло, стали хищнически опустошать всю Малую Азiю и были для нея истиннымъ бичемъ, пока царь пергамскiй Атталъ I-й (241— 197 г. до Р. Хр.) не заставилъ ихъ ограничиться опредѣленной территорiей на внутренней малоазiйской возвышенности. Это была полоса земли длиною съ юго-запада на сѣверо-востокъ болѣе 300 верстъ и шириною свыше 150 верстъ, при чемъ въ лучшей части на востокѣ, ближе къ Каппадокiи и Понту, по р. Галису (нынѣ Кизылъ-Ирмакъ) подлѣ города Тавiя (теперь Нефесъ-кей) расположились Трокмы, на западной окраинѣ подлѣ древняго Пессинунта или Пессина (нынѣ Бала-Гиссаръ) и по смежности съ Фригiей «прiобрѣтенной» осѣли Толистовогiи, по срединѣ утвердились Тектосаги, столица коихъ Анкира (теперь Ангора,—Энгури) была метрополiей всей Галатiи. Г. жили здѣсь въ полной независимости, но потомъ вошли въ столкновенiе съ Римлянами и уже въ 189 г. до Р. Хр. должны были смириться предъ римскими легiонами, подъ начальствомъ консула Манлiя Вульсона. Правда, это не было покоренiемъ, и Римъ какъ будто поддерживалъ Г., расширялъ ихъ владѣнiя и возвышалъ государственный авторитетъ, возведши въ царское достоинство одного изъ галатiйскихъ правителей Дейотара († 40 г.), а второму его преемнику (послѣ Кастора младшаго) Аминтѣ (съ 36 г.) значительно увеличивъ площадь Галатiи. Впрочемъ, послѣдняя была дорога въ глазахъ Рима лишь по административно-стратегическимъ интересамъ, съ осуществленiемъ которыхъ галатiйская самостоятельность оказалась уже помѣхою для римской государственной политики. Естественно, что по смерти Аминты (въ 25 г. до Р. Хр.) все его царство было обращено въ римскую провинцiю, и—въ качествѣ императорской — она управлялась затѣмъ чрезъ legatus Augusti pro praetore. Границы ея нѣсколько измѣнялись, но несомнѣнно, что въ эпоху благовѣстнической дѣятельности св. Павла Галатiя административная поглощала собою этнографическую, какъ составную часть, и захватывала почти всѣ малоазiйскiя мѣстности перваго благовѣстническаго путешествiя апостола Павла по материку Малой Азiи.

Отсюда возникаетъ вопросъ, *какую Галатiю разумѣетъ въ своемъ посланiи* (1, 2) *ап. Павелъ*, а вмѣстѣ съ этимъ разно должна опредѣляться и хронологическая дата изданiя этого посланiя. Большинствомъ принято думать, что въ упоминанiи Павловомъ (4, 13) о предшествующемъ посѣщенiи Галатiи терминъ τὸ πρότερον (слав. «первѣе») значитъ *«въ первый разъ»*, конечно, — *изъ двухъ*, предваряющихъ посланiе. Соотвѣтственно этому получится, что если мы будемъ предполагать Галатiю римской провинцiи, то вторичное посѣщенiе упадетъ на второе благовѣстническое путешествiе Павлово по Малой Азiи, почему къ тому же перiоду прiурочивается и письменное обращенiе апостола къ Галатамъ. Наоборотъ: разъ мы допустимъ, что это древне-кельтическая или сѣверная Галатiя, тогда и вторичное посѣщенiе и написанiе посланiя будутъ относиться къ третьему миссiонерскому кругу. Нынѣ первая возможность прiобрѣла сильныхъ защитниковъ, и въ ряду сторонниковъ «южно-галатiйской теорiи» насчитываются крупныя ученыя имена, каковы: А. Гаусратъ, О. Пфлейдереръ, Гольтцманъ, Бальёнъ, Iог. Вейссъ, Клеменъ, Цанъ, Корнели, Бельзеръ, Джиффордъ, Маркъ Додсъ, особенно же В. Рамсей и католикъ Вал. Веберъ. Но нѣтъ принудительныхъ побужденiй и обязывающихъ основанiй сглаживать непосредственную силу наименованiя читателей посланiя Галатами (3, 1),

подъ которыми необходимо разумѣть прежде всего природныхъ Галатовъ, а они были на сѣверѣ Галатійской провинціи или въ собственной Галатіи. Посему пока не видится объективно-научной надобности измѣнять «сѣверно-галатійской теоріи», имѣющей такихъ авторитетныхъ поборниковъ, какъ еписк. Ляйтфутъ, Іог. Вейссъ, Липсіусъ, Зифферть, Цэкклеръ, Чэзъ, Финдлей, Шюреръ, Юлихеръ, Г. Гольтцманъ, Годэ, Кнабенбауеръ. Согласно этому возрѣнію, *дѣло оглашенія Галатіи* началось во второе путешествіе Павлово (послѣ «апостольскаго собора»), когда, прорѣзавъ южную Галатію до Антіохіи писидійской, благовѣстники были возбранены проповѣдывать въ Асіи и повернули на сѣверо-востокъ въ асійскую Фригію, откуда попали въ близъ лежащую Галатію кельтическую (Дѣян. **16**, 6 сл.), изъ которой захватывалась лишь западная полоса. Апостолъ задержался здѣсь по болѣзни, и это дало ему случай обратиться къ окружающимъ жителямъ со словомъ Евангелія. Пламенные Галаты приняли христ. благовѣстіе съ восторгомъ и преданностію (Гал. **4**, **13** сл.), такъ что при своемъ удаленіи св. Павелъ оставилъ немало «учениковъ» (ср. Дѣян. **18**, 23), продолжавшихъ его дѣло. Но, видимо, не дремали и іудействующіе противники Павловы, которые по удаленіи просвѣтителя успѣли смутить Галатовъ и расположить ихъ въ пользу своихъ убѣжденій, будто—для полноты и совершенства благодатнаго спасенія—и въ христіанствѣ требуется соблюденіе важнѣйшихъ предписаній ветхозавѣтнаго закона, особенно касательно обрѣзанія. Апостолъ могъ слышать объ этомъ, а потому понятно, что въ третье свое путешествіе онъ направился изъ Сиріи (кажется, сухимъ путемъ чрезъ Каппадокію) непосредственно въ Галатію кельтическую, которую и прошелъ съ востока, напр., отъ Анкиры на Герму и Пессинъ. Теперь благовѣстникъ «утверждалъ» учениковъ (Дѣян. **18**, 23) и, конечно, достигъ того, что іудаистическая агитація при немъ прекратилась. Однако ему нужно было спѣшить въ другія страны, и онъ двинулся къ Ефесу. Іудаисты же постарались вознаградить себя за пораженіе и напрягли всю энергію. Въ результатѣ явилось новое смущеніе Галатовъ, а это обстоятельство было для Апостола достаточнымъ *побужденіемъ къ изданію* обличительно-увѣщательнаго *посланія*.

Такими соображеніями достаточно опредѣляется *время написанія* послѣдняго. Представляется вѣроятнымъ (ср. Гал. **1**, 6), что посланіе выпущено не столь долго послѣ вторичнаго посѣщенія Галатіи, почему большинствомъ ученыхъ оно относится къ періоду трехлѣтняго пребыванія ап. Павла въ Ефесѣ (Дѣян. **19**, 1; **20**, 31). Другіе (еписк. Ляйтфутъ, проф. Н. Н. Глубоковскій) на основаніи внутренняго соотношенія помѣщаютъ посланіе къ Г. между письмами въ Коринѳъ и Римъ и полагаютъ его изданіе на неизвѣстную македонскую мѣстность (примѣрно) въ концѣ 57-го и никакъ не далѣе начала 58-го года—до удаленія Апостола языковъ въ «Грецію».

При этихъ условіяхъ посланіе къ Г. является исторически вполнѣ естественнымъ, чѣмъ обезпечивается его *подлинность*. Въ послѣднее время ее отрицали нѣкоторые авторы (особенно проф. Rud. Steck, потомъ van Manen, Voelter, J. Friedrich-Maehliss), но основанія у нихъ почерпались въ теоретическихъ предубѣжденіяхъ и въ произвольныхъ теоріяхъ касательно хода развитія христіанства, гдѣ «павлинистическая свобода» мысли и жизни могла возникнуть и утвердиться яко бы только во II-мъ вѣкѣ. Предзанятость подобныхъ сужденій изобличается уже тѣмъ, что ведетъ къ насильственному толкованію содержанія посланія и не согласуется съ историческими свидѣтельствами о его существованіи у Маркіона (около 140 г.), Іустина Мученика (Разговор. съ Трифон. 90, 95, 96 и 1-я Апологія 53 ср. Гал. **3**, 10, 13; **4**, 27), Аѳинагора (Увѣщан. 16), Поликарпа Смирнскаго (къ Филипп. 3, 5 ср. Гал. **4**, 26; **6**, **7**), Иринея (III, **6**, **5**; 16, 3; V, **21**, 1), Климента ал. (Стром. III, 16), Тертулліана и др.

Не менѣе несомнѣнна и *неповрежденность текста посланія*, потому что

Маркіоновская рецензія, предпочитаемая иными писателями, не обладаетъ фактическою обоснованностію, ибо со зидалась произвольно ради крайнихъ антиномистическихъ тенденцій;поэтому, она не подрываетъ авторитетности сохранившагося текстуальнаго типа, и для него нѣтъ надобности въ *конъектуральныхъ исправленіяхъ по предположеніямъ* научной необходимости другихъ чтеній, разъ у насъ имѣется достаточно матеріаловъ въ рукописяхъ (цѣликомъ въ ℵBCADEFGKL, отрывками въ HF^{a}N, до 485 курсивныхъ и около 265 лекціанаріевъ) и переводахъ.

При свѣтѣ историческихъ условій происхожденія раскрывается, что разсматриваемое посланіе было вызвано колебаніями Галатовъ, склонявшихся къ іудаистическому пониманію христіанства, а отсюда точно опредѣляется и его *цѣль* въ возвращеніи отпавшихъ и въ укрѣпленіи пошатнувшихся чрезъ огражденіе собственнаго достоинства Евангелія Христова въ его самобытности и независимости по устроенію и по дѣйствію.

Соотвѣтственно сему и *содержаніе* направляется къ утвержденію этого существеннаго пункта. Но послѣдній былъ главнѣйшимъ въ проповѣди апостольской и затемнился для сознанія Галатовъ, конечно, потому, что они усумнились въ совершенной непреложности свидѣтельства св. Павла, котораго іудаисты представляли невполнѣ компетентнымъ по сравненію съ Апостолами—самовидцами, какъ получившаго христіанское вѣдѣніе и благовѣстническія полномочія яко бы чрезъ посредство человѣческое. Естественно, что—послѣ предварительныхъ обращеній и замѣчаній (**1**, 1—5)—св. Павелъ *въ первой части* (гл. **1** и **2**) удостовѣряетъ и защищаетъ свое апостольское достоинство и исключительную значимость возвѣщаемаго имъ Евангелія. Все это аргументируется фактическими данными съ устраненіемъ мысли о человѣческомъ источникѣ проповѣди и авторитета Апостола языковъ: 1) до своего обращенія онъ былъ гонителемъ Церкви Божіей и не могъ учиться у христіанъ, почему несомнѣнно непосредственное божественное призваніе; 2) затѣмъ благовѣстникъ тоже не былъ подъ опредѣляющими человѣческими вліяніями, ибо изъ Дамаска удалился въ Аравію и лишь чрезъ три года попалъ въ Іерусалимъ, но пробылъ здѣсь всего 15 дней и—кромѣ Іакова, брата Господня,—изъ Апостоловъ видѣлъ лишь Петра, откуда вытекаетъ, что онъ явился въ священный городъ и выступилъ здѣсь уже независимымъ и равноправнымъ благовѣстникомъ Христовымъ; 3) такимъ онъ и оставался неизмѣнно, поскольку чрезъ 14 лѣтъ послѣ перваго посѣщенія Іерусалима (т. е. на «апостольскомъ соборѣ») онъ—вопреки возраженіямъ и проискамъ іудаистовъ—былъ признанъ «предними» собратомъ со всею полнотою правъ и безупречностію «Евангелія», какъ это обнаружилось и 4) при антіохійскомъ столкновеніи съ Петромъ, когда онъ съ торжествомъ защищалъ истинность своей проповѣди. Сущность ея и излагается во *второй части* (гл. **3** и **4**), догматико-полемической, гдѣ Апостолъ, отправляясь отъ личнаго опыта Галатовъ въ воспріятіи Духа по вѣрѣ, а не чрезъ дѣла закона, доказываетъ, что праведность искони созидалась первою, но не вторымъ: 1) Авраамъ оправдался вѣрою, законъ же ведетъ къ клятвѣ и 2) есть позднѣйшее привходящее учрежденіе, которое не отмѣняетъ обѣтованія и 3) имѣетъ свою цѣль въ качествѣ приспособительнаго воспитательнаго института, 4) по необходимости устраняемаго и поглощаемаго христіанскою зрѣлостію. Христіанство, независимое въ своемъ бытіи, очевидно, должно быть такимъ и по своему дѣйствію среди людей. На этомъ сосредоточивается *третья часть* (гл. **5** и **6**) морально-увѣщательнаго характера. 1) Вѣрующій долженъ жить въ свободѣ Христовой, но не по законничеству, ибо обрѣзаніе, въ іудаистическомъ смыслѣ, должно вести къ такой практикѣ, гдѣ дѣла законническія являются преобладающими надъ благодатію. 2) Однако эта свобода не можетъ служить къ плотяной разнузданности, потому что, выражаясь фактически въ любви,

не допускаетъ вторженія плоти и 3) на дѣлѣ обнаруживается снисхожденіемъ къ падшимъ въ интересахъ взаимнаго нравственнаго возрастанія среди земныхъ коллизій до наступленія окончательнаго торжества.

Въ своихъ заключительныхъ замѣчаніяхъ (6, 11—18) св. Апостолъ Павелъ ссылкою на собственноручность написанія (можетъ быть, даже всего документа) и энергическимъ оттѣненіемъ главнѣйшихъ тезисовъ ясно указываетъ для посланія къ Г. *историко-догматическую важность*. Она очевидна и несомнѣнна. 1) Вопросъ объ отношеніи домостроительства ветхаго къ къ новому, или «закона» и благодати, въ христіанствѣ былъ жгучимъ вопросомъ слагавшейся христіанской исторіи, которая пока протекала среди этихъ коллизій и задерживалась ими въ своемъ нормальномъ поступательномъ движеніи. Поэтому, беря и разрѣшая этотъ вопросъ, Апостолъ языковъ удовлетворяетъ самымъ живымъ и насущнымъ потребностямъ эпохи, устраняетъ тормазы и тѣмъ обезпечиваетъ христіанское развитіе. 2) Это отрицательное значеніе неразрывно отъ созидательно-положительнаго, ибо св. Павелъ вмѣстѣ съ этимъ отчетливо и незыблемо раскрываетъ собственную природу христіанскаго избавленія, которое въ полнотѣ своего самопознанія обезпечивается отъ уклоненій и почерпаетъ силы для всегдашняго благодатнаго процвѣтанія среди людей.

Тутъ утверждается уже догматическая непреложность христіанской независимости, когда оправданный, сливаясь вѣрою со Христомъ—Сыномъ Божіимъ, самъ усыновляется Богу и получаетъ сыновнюю свободу непосредственнаго общенія съ Отцомъ въ благодатномъ возрожденіи всего своего существа. Посему посланіе къ Г. справедливо можетъ быть названо «благовѣстіемъ христіанской свободы», которая пріобрѣтается въ сыновнемъ единеніи съ Богомъ чрезъ Христа Спасителя по благодати и раскрывается при благодатномъ отраженіи въ вѣрующихъ Господа Избавителя.

Литература отеческая, довольно обширная (Ефремъ Сиринъ, Ѳеодоръ мопсуэстійскій, Іоаннъ Дамаскинъ, Икуменій, Евѳимій Зигавинъ; К. М. Викторинъ, «Амвросіастъ», блаж. Августинъ, Пелагій, Кассіодоръ, Примазій), на русскомъ языкѣ представлена въ переводахъ твореній св. Іоанна Златоуста (Москва 1872 г. и потомъ въ изданіи С.-Петербургской Дух. Академіи), блаж. Ѳеодорита Киррскаго (Москва 1861 г.), блаж. Ѳеофилакта архіеп. болгарскаго (Казань 1881); блаж. Іеронима (Кіевъ 1902 г.); имѣется и шесть цѣльныхъ истолковательныхъ трудовъ на все посланіе къ Г.—† архіеп. волынскаго *Агаѳангела* Соловьева (Спб. 1854 г.), † архіеп. черниговскаго *Филарета* Гумилевскаго (Черниговъ 1862 г.), † еп. *Ѳеофана* Говорова (Москва 1880 г.), еп. *Никанора* Каменскаго (Спб. 1899 и въ сборникѣ: Общедоступныя объясненія первыхъ семи посланій святаго Апостола Павла, Спб. 1901 г.), о. *Іакова Я. Галахова* (Казань 1897 г.), проф. *Н. Н. Глубоковскаго* подъ заглавіемъ: «Благовѣстіе христіанской свободы въ посланіи св. Апостола Павла къ Г.; сжатый обзоръ апостольскаго посланія со стороны его первоначальныхъ читателей, условій происхожденія, по содержанію и догматически-историческому значенію» (Спб. 1902 г.); въ двухъ послѣднихъ указаны всѣ важнѣйшія пособія.

Н. Глубоковскій.

ГАЛАХОВЪ Іаковъ Іаковл. — священникъ, магистръ богословія. Сынъ священника тверской губ., родился въ 1865 г. Образованіе получилъ—среднее богословское въ тверской духовной семинаріи и высшее въ казанской духовн. акад., гдѣ кончилъ курсъ въ 1890 г. со степенью кандидата богословія. Въ томъ же—1890 г.—поступилъ во священники въ г. Бѣжецкъ, тверской г., къ николаевской церкви, гдѣ пробылъ до 1895 г., а въ этомъ году перемѣщенъ на должность помощника смотрителя кашинскаго духовнаго училища. Въ 1893 г. выдержалъ дополнительныя устныя испытанія при академіи для пріобрѣтенія права на соисканіе магистерской степени, а въ 1896 г. защитилъ диссертацію и получилъ степень магистра богословія. Съ 1897 г. состоитъ смотрителемъ новоторжскаго духовнаго училища.

Магистерскую диссертацію Г. писалъ на тему: «Посланіе св. Апостола Павла къ Галатамъ. Историко-критическое введеніе и экзегетическій анализъ», изд. Казань, 1897 г. Въ сочиненіи этомъ авторомъ даются разъясне-

нія и свѣдѣнія, способствующія пониманію какъ самаго посланія, такъ и его значенія. На всѣ поставленные въ темѣ вопросы отвѣты даются, имѣющіе «научный характеръ, отличающіеся надлежащею обстоятельностью и основательностью». Сочиненіе снабжено подстрочными примѣчаніями, въ которыхъ сообщаются научныя филологическія, экзегетическія, критическія и грамматическія данныя къ анализу посланія и др. свѣдѣнія, интересныя и цѣнныя для спеціалистовъ—ученыхъ. Написано сочиненіе языкомъ яснымъ, чистымъ, вполнѣ литературнымъ и читается съ большимъ удовольствіемъ. Многословности авторъ не допускаетъ: его замѣчанія сжаты и точны. При этомъ авторъ не ограничивается однимъ только анализомъ посланія, но «очень нерѣдко среди анализа апостольскихъ мыслей и ученія переходитъ къ современной жизни, дѣлаетъ приложенія и выводы по адресу современныхъ русскихъ (особ. Л. Толстого) и иностранныхъ ученыхъ, своими теоріями и толкованіями увлекающихъ малоопытные умы и сердца отъ Христа и истинно-апостольской Его церкви и ея апостольскаго ученія». «Вообще же, по отзыву цитуемаго проф. П. Юнгерова, сочиненіе о. Г. представляетъ трудъ серьезный и почтенный, цѣнный вкладъ въ русскую богословскую науку» («Журн. сов. каз. дух. акад.»). Кромѣ указаннаго сочиненія о. Г. принадлежатъ статьи: «Христіанскій постъ» («Вѣра и Церковь, 1900 г.»); «Христіанство и война» (ib); «Горе пастырей» («Пастырск. Соб.», 1900 г.); «О милосердіи къ ближнимъ» (ib); «Церковь на рубежѣ XX вѣка» (ib); «Рождество Христово» (ib); «Размышленія по поводу наступающаго Великаго Поста» (ib., 1901 г.) и «Ученіе Библіи о происхожденіи міра и человѣка» (ib). Помимо того о. Г. помѣстилъ два отвѣта въ «Церк. Вѣстн.» за 1895 г. на рецензію на его магистерскую диссертацію, а также нѣсколько замѣтокъ на страницахъ «Тверскихъ Еп. Вѣд.» Нѣсколько статей написано имъ и по педагогическимъ вопросамъ. *Д.*

Гали и Галина (тишина, спокойствіе)—св. мученицы, сподвижницы св. мученика Кодрата (см.). *Память ихъ 10 марта* и *16 апр.*

Галикъ — мученикъ III в., отданный на съѣденіе звѣрямъ. *Пам. 3 апр.*

ГАЛИЛЕЙ (Галилео, 1564 — 1642). Это имя—безспорно великое —можетъ быть не покрылось бы такою славою, если бы при своей жизни носитель его не испыталъ столько горя и позора. Г. долженъ быть названъ основателемъ современной механики. Ему принадлежатъ идеи начала инерціи, параллелограмма силъ, изохронизма качаній маятника, онъ открылъ законы паденія тѣлъ самостоятельно, хотя и не первый, онъ изобрѣлъ телескопъ и устроилъ микроскопъ. Онъ открылъ, что луна всегда обращена къ намъ одною стороною, открылъ лунный пепельный свѣтъ, лунныя горы, пятна на солнцѣ и вращеніе солнца около оси, спутниковъ Юпитера, выступы Сатурна (оказавшіеся впослѣдствіи его кольцами), фазы Венеры. Онъ былъ апостоломъ опытнаго изслѣдованія и обладалъ геніальнымъ умѣньемъ прилагать къ ихъ результатамъ данныя тогдашней математики. Онъ былъ горячимъ и основательнѣйшимъ сторонникомъ коперниковскаго міропониманія. Человѣкъ, такъ расширившій въ представленіи человѣчества границы вселенной и давшій такъ много для пониманія и истолкованія этой вселенной, понятно, необходимо долженъ былъ повліять на богословскія воззрѣнія. Богословіе всякаго исповѣданія всегда имѣло и будетъ имѣть свои воззрѣнія на природу и никакое Богословіе никогда не откажется отъ права *въ нѣкоторой мѣрѣ* контролировать, оспаривать или принимать тѣ или иныя естественнонаучныя воззрѣнія. Отсюда неизбѣжны столкновенія между богословами и представителями естествознанія. Одно изъ такихъ трагическихъ столкновеній представляетъ судьба Г. Богословы объявили его воззрѣнія ложными и еретическими. Ему пришлось испытать много треволненій, безпокойствъ, тюрьму — нѣкоторые утверждаютъ даже: пытку—и кончить тѣмъ, что на колѣнахъ и положа руку

на Евангеліе отречься отъ ереси коперникова ученія. Это произошло въ 1633 году. Съ тѣхъ поръ богослововъ не перестаютъ упрекать въ томъ, что они — враги науки, что они готовы душить всякую новую мысль и, если бы у нихъ были средства, то можетъ быть, и всѣхъ тѣхъ, кто таковыя высказываетъ. Трагическій случай съ Г. произошелъ у католиковъ, но подобное бывало и у протестантовъ, и все показываетъ, что то же самое можетъ быть и въ православіи. Такія разсужденія обязываютъ разсмотрѣть и этотъ случай и вызываемые имъ вопросы. Изслѣдованія судьбы Г. теперь съ несомнѣнностію выяснили, что его скорби и страданія обусловлены не столкновеніемъ Богословія и опытнаго знанія, а столкновеніемъ ученаго новыхъ взглядовъ съ представителями старыхъ перипатетическихъ традицій и затѣмъ столкновеніями личными. Раздоры между доминиканцами, считавшимися тогда представителями науки, и Г. имѣли мѣсто по отношенію къ чисто теоретическимъ вопросамъ (Г., основываясь на принципѣ Архимеда, говорилъ, что степень погруженія тѣла въ воду не зависитъ отъ его формы, а лишь отъ плотности, доминиканцы утверждали обратное). Подобныя столкновенія между учеными, приводящія ко враждѣ, взаимному преслѣдованію, удаленію съ каѳедръ и лишенію мѣстъ, бываютъ и возможны и въ настоящіе дни. Правда, противники Г. не преминули обвинить его въ ереси, какъ теперь нерѣдко обвиняютъ въ неблагонадежности, но они не могли принести никакого вреда Г., потому что онъ былъ могущественнѣе ихъ. Горе Г. заключалось въ томъ, что его геній былъ много выше его нравственныхъ силъ. Менѣе, чѣмъ кто-либо, Г. былъ способенъ бросить въ лицо суду знаменитую, но легендарную фразу: «e pur si muove» (а все таки вертится), но онъ былъ очень способенъ дурачить тѣхъ и насмѣхаться надъ тѣми, которые были къ нему искренно расположены, хотя и не раздѣляли его воззрѣній. До 1632 г. Г. не подвергался открытому преслѣдованію. Его взгляды не были тайною, и однако даже папа Павелъ V, глубоко не сочувствовавшій этимъ взглядамъ, оставлялъ его въ покоѣ. Преслѣдованіе на Г. воздвигъ папа Урбанъ VIII (ранѣе кардиналъ Маффео Барберини)—личный другъ Г. Случилось это такъ. Когда Урбанъ VIII занялъ папскій престолъ, Г. представилось, что теперь наступило удобное время, чтобы хлопотать объ отмѣнѣ запрещенія наложеннаго на книгу Коперника De revolutionibus orbium coelestium—запрещенія, должно замѣтить, наложеннаго благодаря рѣзкой полемикѣ Г. съ противниками. Съ этою цѣлію онъ путешествовалъ къ папѣ изъ Флоренціи въ Римъ. Онъ былъ принятъ весьма любезно, его осыпали подарками, къ его покровителю тосканскому герцогу Фердинанду II папа отправилъ письмо, въ которомъ восхвалялъ не только великія дарованія Г. въ наукѣ, но и его любовь къ благочестію. Естественно однако, что папа не обнаружилъ особой охоты къ астрономическимъ диспутамъ, должно быть, онъ одинаково не хотѣлъ знать, какъ теоріи Птоломея, такъ и Коперника. Г. въ спорахъ съ нимъ онъ добродушно возражалъ, что ангелы легко могутъ двигать звѣзды такъ, какъ онѣ кажутся намъ движущимися, что Богъ всемогущъ и Его нельзя подчинять закону необходимости. Г. не добился снятія запрещенія съ книги Коперника, но самъ остался у папы въ полной милости. Что же онъ сдѣлалъ послѣ этого? Онъ написалъ книгу «Dialogo intorno ai due massimi sistemi del mondo», въ которомъ два лица Сагредо и Сальвіати—имена дѣйствительныхъ друзей Г.—излагаютъ и объясняютъ воззрѣнія Г. третьему собесѣднику Симпличіо (простякъ, дуракъ), который ихъ оспариваетъ. Діалогическая форма сочиненія оставляла въ тѣни автора. Читателю предоставлялось самому оцѣнить аргументы собесѣдниковъ, а книга послѣднее слово оставляла за Симпличіо, который изрекалъ, что Богъ всемогущъ и Его нельзя подчинять закону необходимости. Г. къ несчастію удалось напечатать книгу (цензоръ не понялъ ея и впослѣдствіи пострадалъ за свое

непониманіе). Заинтересованные читатели безъ труда узнали въ Симпличіо Урбана VIII и донесли о книгѣ Г. послѣднему. Папа былъ раздраженъ, и Г. былъ преданъ суду. Насколько можно судить по всему, ему не столько пришлось претерпѣть лишеній и страданій, сколько нравственнаго униженія. Астрономъ, насмѣхавшійся надъ Симпличіо, долженъ былъ торжественно, стоя на колѣнахъ, произнести предъ священной конгрегаціей, между прочимъ, слѣдующія слова: я «былъ сильно подозрѣваемъ въ еретическомъ мнѣніи, что солнце стоитъ неподвижно въ центрѣ міра, а не земля, которая движется. Поэтому, желая изгладить изъ мысли вашихъ преосвященствъ и всякаго католика такое сильное, но справедливое противъ меня подозрѣніе, съ чистымъ сердцемъ и искреннею вѣрою, я отрицаюсь, проклинаю и ненавижу вышеупомянутыя ереси и заблужденія и вообще всякое другое заблужденіе, противное ученію св. римско-католической церкви; я клянусь, что впредь не скажу и не буду утверждать ни словесно, ни письменно ничего, могущаго возбудить противъ меня подобныя подозрѣнія, и, если узнаю о какомъ-либо еретикѣ или подозрѣваемомъ въ ереси, то донесу о немъ сему святому судилищу инквизиціи или инквизитору того мѣста, въ которомъ буду находиться». Должно полагать, что это печальное отреченіе вполнѣ удовлетворило Урбана. Г. былъ осужденъ на заключеніе въ тюрьму, но по волѣ папы былъ освобожденъ изъ нея, не пробывъ въ ней и двухъ сутокъ. Если представить себѣ, что дѣло было почти три столѣтія назадъ, что большая часть общества считала Г. еретикомъ, что духъ времени былъ жестокъ, должно признать, что папа Урбанъ VIII въ своихъ отношеніяхъ къ флорентинскому ученому проявилъ много великодушія. Но во всей силѣ остается вопросъ, вызываемый процессомъ Г.: какія руководящія начала должно установить Богословіе для того, чтобы предотвращать подобные конфликты между Богословіемъ и опытнымъ знаніемъ? Самъ Г. далъ два повидимому взаимно исключающіе себя отвѣта на этотъ вопросъ. Съ одной стороны онъ утверждалъ, что Св. Писаніе учитъ такъ же, какъ и онъ (земля въ Писаніи называется повѣшенною, недержимо тяготѣющею), и что, слѣдовательно, прежнія толкованія Писанія не правильны; съ другой стороны, онъ говорилъ, что Писаніе назначено только для спасенія души, что оно не можетъ служить авторитетомъ для науки, и послѣдняя не должна зависѣть отъ него. Повидимому что-нибудь одно: или нужно настаивать на согласіи своего ученія съ Писаніемъ или на томъ, что такое согласіе совсѣмъ не требуется. Г. настаивалъ на томъ и на другомъ. Позволительно думать, что имъ при этомъ руководило инстинктивное чувство истины. Всякое ученіе, если оно истинно, непремѣнно должно быть въ согласіи *съ духомъ* Богословія и Писанія, разъ мы вѣримъ, что таковыя содержатъ истину. Но вопросъ о согласіи результатовъ опытнаго знанія *съ буквою* Писанія не можетъ имѣть для себя такого простого рѣшенія. Библія излагаетъ ученіе истины не ученымъ языкомъ, а «для мудрыхъ и простыхъ вкупѣ», языкомъ эпохи, примѣнительно къ представленіямъ времени. Въ Библіи есть и человѣческій элементъ. Съ другой стороны, Библія во всемъ своемъ объемѣ есть божественное ученіе, поэтому въ ней могутъ предлагаться только такія представленія о природѣ, которыя *по существу* непремѣнно согласны съ истиной. Имѣя все это въ виду, должно признать, что не всегда вопросъ объ отношеніи Библіи къ новымъ ученіямъ можетъ быть рѣшаемъ скоро и просто. Человѣкъ ограниченъ и его сужденія о Библіи и законахъ природы часто оказываются погрѣшительными. Чѣмъ тверже мы будемъ признавать святость Библіи, чѣмъ больше мы будемъ любить изслѣдованія и чѣмъ бо́льшую терпимость мы будемъ проявлять къ мнѣніямъ, несогласнымъ съ нашими собственными, тѣмъ скорѣе во многихъ случаяхъ мы придемъ къ единенію съ нашими противниками въ истинѣ и любви.

Литература: *Gilbert*, La condamnation de Galilée (Rev. Quest. scientif. T. let. 11); *I—B—I*, Galilée (Dictionaire apologétique par *Jaugey* 1891); *Бредихина*, Процессъ Галилея («Руск. Вѣстн.» 1871, № 8 и 1876, № 12); *Н. А. Скабалоновича*, Судъ надъ Галилеемъ («Хр. Чт.» за 1876 г.). *Араго*, Общепонятная астрономія, Біографіи знаменитыхъ астрономовъ; *Глаголева С.*, Астрономія и Богословіе. Спб. 1898. *С. Глаголевъ.*

ГАЛИЛЕЯ (поеврейски — *Галилъ*, І. Нав. **20**, 7; **21**, 32; 1 Пар. **6**, 76; у 70-ти и въ Нов. Зав. Γαλιλαία)—сѣверная область Палестины, особенно извѣстная изъ Евангелій. Такъ какъ эта земля была обитаема множествомъ языческихъ племенъ, то прор. Исаія (**9**, 1) называетъ ее «Г. языческая». Впослѣдствіи это названіе стало прилагаться и ко всей гористой возвышенности, лежащей между Іорданомъ и Средиз. моремъ, къ которому примыкала равнина Ездрилонская. Въ эпоху Маккавеевъ мы видимъ уже эту область отдѣленной отъ Самаріи и Іудеи. Г. составляла одну изъ трехъ главныхъ частей Палестины къ западу отъ Іордана (Лук. **17**, 11; Дѣян. **9**, 31). Она заключала въ себѣ земли древнихъ колѣнъ Асира, Нефѳалима, Завулона и Иссахара. Въ цѣломъ Г. представляла собою продолженіе Ливана и такъ связана съ нимъ, какъ, можно сказать, корень съ деревомъ. Этой зависимости отчасти она обязана своимъ плодородіемъ, ставящимъ ее даже и теперь много выше Самаріи и Іудеи. И дѣйствительно, Ливанъ, скопляя въ себѣ влагу, приносимую западными вѣтрами, насыщенными морскими испареніями, изобилуетъ зимними снѣгами и орошаетъ корни лѣсовъ сокровищами скопленной имъ въ своихъ нѣдрахъ влаги. Благодаря этому, при болѣе обильныхъ дождяхъ образуются многочисленные потоки, орошающіе страну. Поэтому мягкая температура на берегахъ, жаркая въ долинѣ Іордана и всегда свѣжая въ горахъ. Воздухъ тамъ живителенъ. Особенно въ прежнее время: лѣса, луга, обработанныя земли, поля, покрытыя рожью и пшеницей, сады, огороды, виноградники, источники, озера и рѣки, многочисленные цвѣтущіе города придавали этой странѣ разнообразный и плѣнительный характеръ. Въ благословеніи Іакова и Моисея, относящемся къ сѣвернымъ колѣнамъ (Быт. **49**, 13, 14, 20, 21; Втор. **33**, 18, 19, 23, 24) есть указаніе на эти богатства. Въ первый вѣкъ нашей эры это былъ дивный уголокъ Палестины Описаніе, оставленное намъ І. Флавіемъ (В. Іуд. **3**, **3**, 2; **10**, 8), рисуетъ намъ поистинѣ чудную картину. Мягкость климата, красота природы, неистощимое плодородіе почвы—все это было здѣсь. Особенно Тиверіадское озеро было гордостью страны. Постоянно оживляемое лодками рыбаковъ, оно отличалось по берегамъ роскошной растительностью, изобиловало деревьями всѣхъ породъ. Плодородіе Г. не менѣе прославляется Талмудомъ. «Страна Нефѳалимова, говоритъ Талмудъ Вавилонскій, всюду покрыта плодородными полями и виноградниками. Фрукты въ этой странѣ считаются чрезвычайно пріятными на вкусъ». Особенно масло здѣсь производилось въ изобиліи. Вотъ почему, какъ говоритъ Св. Писаніе (Втор. **33**, 24), Асиръ «окуналъ въ елей ногу свою». Вино было болѣе рѣдко и вслѣдствіе этого болѣе цѣнилось. Не было недостатка и въ льнѣ. Женщины изготовляли одежды изъ льняной пряжи, чрезвычайной тонкости. Несмотря на упадокъ, страна сохраняетъ еще остатки своей былой красоты. Лѣса уже болѣе рѣдки, но все же, кромѣ кустарниковъ и ароматическихъ растеній, находятся еще многочисленныя породы растительнаго царства: маслина, смоковница, дубъ, теревинѳъ, орѣшникъ, пальма, кедръ, кипарисъ, сосна, дикая смоковница, тутовое дерево, апельсинное дерево и роскошный розовый лавръ. Въ числѣ главныхъ продуктовъ, кромѣ ржи и пшеницы, можно считать: индиго, рисъ, сахарный тростникъ, апельсины, груши, абрикосы и т. д. Рыба въ Тиверіадскомъ озерѣ превосходная. Ездрилонская равнина — это изобильная житница. Нѣтъ ничего красивѣе и свѣжѣе Іорданскихъ источниковъ близъ Телль-ель-Кади и Баньи. Наконецъ, мѣловой известнякъ, образующій Г., пробуравленъ вулканическими скалами въ окрестностяхъ Сафеда и по берегамъ Геннисаретскаго озера; отсюда теплые

источники, находящіеся на западномъ берегу озера. Отсюда землетрясенія, нѣсколько разъ разрушавшія страну. Въ 1759 и въ 1837 годахъ Сафедъ былъ превращенъ въ развалины. Послѣднее землетрясеніе погубило 5,000 человѣкъ въ этомъ злополучномъ городѣ.

Населеніе и города. І. Флавій (В. іуд. **3**, **4**, 2) представляетъ намъ Г. заселенною до послѣднихъ уголковъ, усѣянною городами съ многочисленнымъ населеніемъ, число котораго онъ, впрочемъ, преувеличиваетъ. Въ своемъ сочиненіи «*Жизнь*», § 45, онъ насчитываетъ 204 селенія и 15 укрѣпленныхъ городовъ. Эта густота населенія будетъ понятной, если принять во вниманіе благопріятныя условія климата, богатство почвы, доходы съ промышленности и торговли. Въ Ханаанейскую эпоху, когда эта сѣверная область была подѣлена между четырьмя колѣнами Асира, Неѳѳалима, Завулона и Иссахара, уже насчитывалось 69 важныхъ городовъ, которые Библія перечисляетъ поименно (І. Нав. **19**, 10—39). Колѣно Неѳѳалимово имѣло 16 укрѣпленныхъ городовъ—«*еремибзоръ*» (І. Нав. **19**, 35—38). Въ книгахъ, относящихся къ каждому изъ этихъ колѣнъ, можно найти названія этихъ древнихъ городовъ. Мы приведемъ наиболѣе извѣстные изъ Новаго Завѣта, тѣ, о которыхъ говорятъ І. Флавій и Талмуды, чтобы дать представленіе о Г. въ наиболѣе важную эпоху ея исторіи. Главнымъ образомъ жизнь сосредоточивалась на берегахъ Тиверіадскаго озера. Теперь въ однихъ только полуразрушенныхъ стѣнахъ *Табарье* сохранилось движеніе, въ прежнія времена оживлявшее эти восхитительные берега. Во времена Спасителя по направленію къ сѣверу лежали города: *Магдала*, городъ Маріи Магдалины, *Капернаумъ*, гдѣ по преимуществу жилъ Спаситель; *Хоразинъ*, подвергшійся отъ Христа проклятію; *Виѳсаида*, родина апостоловъ Петра, Андрея и Филиппа. По направленію къ южной конечности озера—*Тарихея*, одно изъ укрѣпленныхъ І. Флавіемъ и взятыхъ Титомъ мѣстъ (см. І. Флав., В. іуд. **2**, **20**, 6; **3**, **10**, 1, 5). Въ этомъ же округѣ, на нѣкоторомъ разстояніи отъ береговъ, находились *Веѳмаонъ* (теперь *Маунъ*) и *Арбелла* (*Ирбитъ*), упоминаемая въ Талмудѣ, вслѣдствіе производства тамъ широко распространенныхъ тканей, укрѣпленная І. Флавіемъ (Ж. 37). Въ верхней Г. можно отмѣтить: *Кефаръ-Гананія*, жители которой были въ большинствѣ продавцами горшковъ изъ черной глины; *Акабара* (теперь *Акбара*), гдѣ разводились фазаны и которую укрѣплялъ І. Флавій (В. іуд. **2**, **20**, 6; Ж. 37); *Сефатъ* или *Сафедъ*, одинъ изъ наиболѣе важныхъ въ настоящее время городовъ, расположенный на возвышенности, съ которой открывается чудный видъ. *Меронъ* (*Мейронъ*, почти всегда упоминаемый въ Талмудахъ вмѣстѣ съ *Гушъ-Гâлабой*) славился своимъ изобиліемъ масла. Эта послѣдняя — древняя Гискала, укрѣпленная І. Флавіемъ и дольше всѣхъ державшаяся противъ римлянъ (В. іуд. **2**, **20**, 6; **4**, 2, 1, 5, назыв. теперь *Эль-Джишъ*). Древніе библейскіе города *Кадесъ* и *Кана* существуютъ теперь подъ тѣми же названіями. Въ нижней Г.: *Гобара* (*Кербетъ Кабра*), бывшій, по І. Флав. (Ж. 25, 46), съ Сепфоридой и Тиверіадой однимъ изъ трехъ большихъ городовъ Г.; древняя *Іотапата*, знаменитая обороной противъ Веспасіана и гдѣ І. Флавій былъ взятъ въ плѣнъ (В. іуд. **3**, **4**, 7—36; **8**), въ настоящее время *Кербетъ*; *Джефатъ* (Шефарамъ), куда синедріонъ перенесъ свои засѣданія, послѣ того какъ покинулъ *Ушу*; *Сиппри*, очень важный городъ, о которомъ говорятъ Талмудъ и І. Флавій (Древн. **14**, **5**, 3; **17**, **10**, 9; В. іуд. І, 7, 5 и т. д.), взятый Иродомъ Великимъ, сожженный Варомъ, возстановленный Иродомъ Агриппою, сдѣлавшійся самымъ важнымъ городомъ, командующимъ всей Г.; въ настоящее время имѣетъ еще 3,500 жителей и называется *Сефурье*; *Виѳлеемъ* (*Несерье*), «Виѳлеемъ близъ Назарета», въ отличіе отъ Виѳлеема Іудейскаго; Самарія (І. Флав., Жизнь, 24), сохранившая до конца II вѣка іудейское населеніе, существуетъ подъ названіемъ Семунея.

Города наиболѣе извѣстные въ Нов. Зав.—*Назаретъ* и *Кана* (*Кефръ-Канна*). Наконецъ, въ Ездрилонской равнинѣ и въ равнинѣ Іордана можно отмѣтить *Наймъ* (*Наинъ*), примыкающій къ *Джебель-Дай* или *Малый Ермонъ*, *Беѳсанъ* или *Скифополь* (*Бейсанъ*), о которомъ одинъ раввинъ сказалъ: «Если рай находится въ Палестинѣ, то Бейсанъ—дверь къ нему» (I. Флав., В. іуд. **3**, **3**, 4, т. е. Дженимъ, древній Енганинъ). Это краткое обозрѣніе, обнимающее только главнѣйшіе города Г., показываетъ намъ, какъ повсюду, куда бы ни бросили мы взоръ, на возвышенностяхъ и въ равнинахъ, были большія скопленія многочисленнаго, богатаго и дѣятельнаго населенія.

Дороги. Г. имѣла важныя преимущества надъ другими областьми не только благодаря богатству почвы, многочисленности жителей, но и по своему географическому положенію и путямъ сообщенія, связывавшимъ ее съ сосѣдними странами. Въ то время, какъ Іудея оставалась замкнутой страной, Г. была широко открыта. Ее пересѣкали дороги, тянувшіяся по финикійскимъ берегамъ въ Самарію, къ Галааду, въ Авранъ, Дамаскъ, равно какъ въ Египетъ и Ассирію. Онѣ пролегали не только по равнинѣ Ездрилонской, долинѣ Іордана и по широкимъ плоскогоріямъ нижней Г., но пересѣкали и лабиринтъ горъ верхней Г. На нихъ указываютъ извѣстные торговые пути, нѣсколько разрушенныхъ *хановъ* (гостинницъ), слѣды римскихъ дорогъ. Съ древнѣйшихъ временъ до нашихъ дней Дамаскъ имѣлъ выходы къ морю, хотя они и измѣнялись съ вѣками и въ зависимости отъ политич. обстоятельствъ. Портами, служившими этому великому городу складочнымъ мѣстомъ, были: то Триполи, Бейрутъ, Сидонъ, то Тиръ, Акра или Каифа. Три послѣдніе были наиболѣе удобными и потому предпочитались другимъ. Одна дорога, пролегая у подножья Ермона, проходила Банью, пересѣкала Іорданъ у Тель-эль-Кади и черезъ *Абрику* шла прямой линіей къ Тиру. Чтобы достичь Акки или Каифы, другая шла въ юго-западномъ направленіи близъ *Джизръ-Бешатъ-Вакубъ*, къ югу отъ озера Меромъ, пересѣкала границу обѣихъ Г. или тянулась по берегу Тиверіадскаго озера, чтобы сойти въ Ездрилонскую равнину. Третья, со своими развѣтвленіями переходила Іорданъ на югѣ отъ Генисаретскаго озера и соединялась съ сѣтью дорогъ великой равнины, служившей мѣстомъ встрѣчи древнихъ народовъ. Дорога, проходившая по столь часто посѣщаемымъ берегамъ Тиверіадскаго озера, пересѣкала колѣна Нефѳалимово и Завулоново и была именно тѣмъ «приморскимъ путемъ», о которомъ говоритъ Исаія (**9**, 1), возвѣщая о божественномъ свѣтѣ, который Мессія долженъ пролить на эти страны. Г. была, такимъ образомъ, изрѣзана массой дорогъ, пересѣкавшихъ ее съ востока на западъ и сходившихся къ важнѣйшимъ пунктамъ на побережьяхъ Средиземнаго моря и Іордана. Другія дороги испещряли ее въ обратномъ направленіи, пролегая по приморской равнинѣ съ юга на сѣверъ или извиваясь по холмамъ въ томъ же направленіи, напр. черезъ Сафатъ и другіе важные пункты.

Исторія. Израильтяне, поселясь въ Палестинѣ, сохранили въ своей средѣ много покоренныхъ хананеянъ (Суд. **1**, 30—33; **4**, 2). Эта слабость послужила для нихъ источникомъ частыхъ затрудненій. Съ другой стороны, благодаря сосѣдству языческихъ народовъ, языческій элементъ всегда оставался довольно сильнымъ въ этой области (1 Нав. **9**, 1). Онъ сдѣлался господствующимъ, когда Ѳеглавѳелассаръ, царь Ассиріи, увелъ въ плѣнъ обитателей верхней Г. и земли Нефѳалимовой (4 Цар. **15**, 29; I. Флав., Древн. **9**, **11**, **11**, 1). По возвращеніи изъ плѣна, въ эпоху асмонеевъ, іудеи были очень малочисленны среди этихъ народностей, которыя вслѣдствіе этого притѣсняли ихъ. Однажды они послали просить защиты у Іуды Маккавея, говоря, что жители Птолемаиды, Тира и Сидона и всѣ галилейскіе народы соединились противъ нихъ, съ цѣлью ихъ погубить. Іуда поручилъ защиту ихъ своему брату Симеону, который

отправился съ трехъ тысячнымъ войскомъ, нанесъ рядъ пораженій язычникамъ, около трехъ тысячъ которыхъ пало подъ его ударами, затѣмъ привелъ съ собою въ Іудею, къ радости всего народа, галилейскихъ іудеевъ съ ихъ женами, дѣтьми и всѣмъ имуществомъ (1 Мак. **5**, 14 — 23, 55; І. Флав., Древн. **12**, **8**, 2). При Іоанаѳанѣ Маккавеѣ могущество Асмонеевъ быстро возросло и распространилось на Г. (Древн. **13**, **2**, 3; **4**, 9; **5**, 6). Іоанаѳанъ нанесъ пораженіе полководцу Дмитрію въ Кадесѣ (**1** Мак. **11**, 63—74; Древн. **13**, **5**, 6); но кончилъ тѣмъ, что самъ попалъ въ ловушку, устроенную ему Трифономъ, хотя двѣ тысячи человѣкъ, посланныхъ имъ въ Г., успѣли благополучно возвратиться въ Г. (1 Мак. **12**, 47 — 52; Древн. **13**, **6**, 2). Г. сдѣлалась частью царства Асмонеевъ и, безъ сомнѣнія, пользовалась общимъ благоденствіемъ въ правленіе Іоанна Гиркана. Можетъ быть, именно въ эту эпоху іудеи начали поселяться въ этой области. Понятно, что плодородіе почвы и удобства для торговли должны были привлекать массу переселенцевъ съ менѣе богатыхъ холмовъ Іудеи. Въ 47 году до Р. Х. Антипатръ, будучи правителемъ Іудеи, довѣрилъ управленіе Г. своему 25-лѣтнему сыну Ироду (Древн. **14**, **9**, 2), который позже сдѣлался царемъ. По его смерти Иродъ Антипа сдѣлался четвертовластникомъ Галилеи и Переи (Древн. **17**, **8**, 1), каковую должность исполнялъ до своего изгнанія, въ 39 г. послѣ Р. Х., т. е. въ теченіе періода, совпадавшаго со временемъ земной жизни Спасителя (Лук. **3**, 1; **23**, 7). Затѣмъ страна досталась Ироду Агриппѣ I, послѣ котораго перешла къ римскому прокуратору Іудеи, за исключеніемъ маленькаго округа, отданнаго Ироду Агриппѣ II. Въ такомъ положеніи она оставалась до окончательнаго крушенія всего народа. Галилея, главнымъ образомъ, Евангелію обязана тѣмъ мѣстомъ, которое она занимаетъ въ міровой исторіи. Именно тамъ въ «Галилейскомъ городѣ Назаретѣ» воплотился Сынъ Божій, провелъ свои дѣтство и юность. Тамъ раздалась Его первая проповѣдь, съ которой Онъ выступилъ на путь своего служенія (См. Лук. **1**, 26; **2**, 4, 39; **4**, 14, 16; Матѳ. **2**, 22, 23; **4** 12, 13; **21**, 11; Марк. **1**, 9, 14). «Кана Галилейская» была мѣстомъ совершенія Его перваго чуда (Іоан. **2**, 1, 11; **4**, 46); «Капернаумъ Галилейскій» служилъ Ему мѣстомъ пребыванія, когда Онъ покинулъ Назаретъ, и видѣлъ многочисленныя знаменія Его могущества и Его божественнаго ученія (Матѳ. **4**, 13; **9**, 1; **11**, 20; Лук. **4**, 31). «Море Галилейское» было свидѣтелемъ многихъ важнѣйшихъ событій Его общественной жизни, какъ призваніе апостоловъ, укрощеніе бури, чудесный уловъ рыбъ и т. д. (Матѳ. **4**, 18; **15**, 29; Марк. **1**, 16; **7**, 31). Іисусъ Христосъ ходилъ по Галилеѣ, щедро изливая повсюду по городамъ и деревнямъ знаменіе своей благости. Толпы приходили изъ самыхъ захолустныхъ деревушекъ, чтобы видѣть и слышать Его (Матѳ. **4**, 23, 25; Марк. **1**, 14, 28, 39; **3**, 7; Лук. **4**, 44; **5**, 17; **23**, 5). Тамъ именно Онъ преобразился на горѣ (Матѳ. **17**, 1; Марк. **9**, 2; Лук. **9**, 28); и, наконецъ, являлся своимъ апостоламъ, тоже галилеянамъ, по воскресеніи (Матѳ. **26**, 32; **28**, 7, 10, 16; Марк. **14**, 28; **16**, 7). Такимъ образомъ Галилея была колыбелью христіанской вѣры, мѣстомъ дѣятельности и проповѣди Спасителя въ продолженіе значительнаго періода Его служенія. Удивительно ли, что столько страницъ Евангелія отражаютъ физическій и нравственный обликъ этой страны. Чудеса, проповѣди, притчи Спасителя, событія Его повседневной жизни, все это картина, воскрешающая передъ нашими глазами богатства и красоты природы, а также и нравы этой страны. Припомнимъ отдѣльно нагорную проповѣдь (Матѳ. **5—8**); воскрешеніе сына наинской вдовы (Лук. **7**, 11—16); умноженіе хлѣбовъ (Матѳ. **14**, 13 — 21; Марк. **6**, 31 — 44); бракъ въ Канѣ Галилейской (Іоан. **2**, 1—11); призваніе Левія и пиръ у него (Лук. **5**, 27—39); притчи о сѣятелѣ, о горчичномъ зернѣ (Матѳ. **13**), и

т. д. Ничто не ускользнуло отъ взгляда и вниманія Господа Христа. Небо, земля, море, хлѣбныя поля, цвѣты, трава луговъ, рыбы, птицы-все служило Ему основой для Его дивныхъ поученій. Будучи родиной Спасителя и апостоловъ, Галилея послѣ разрушенія Іерусалима сдѣлалась религіознымъ центромъ іудеевъ, мѣстомъ ихъ самыхъ блестящихъ школъ и резиденціей ихъ наиболѣе знаменитыхъ раввиновъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ находятся прекрасные остатки ихъ синагогъ. Тиверіада особенно сдѣлалась ихъ святымъ городомъ. Тамъ утвердились устные законы и преданія, на которые такъ часто дѣлалъ намеки Спаситель и изъ которыхъ въ началѣ III-го вѣка образовался обширный сборникъ подъ названіемъ Мишна и «повтореніе» или «второй законъ», дополненный позже Гемарой. Вмѣстѣ эти два сборника образовали Талмудъ Іерусалимскій. Тамъ же появилась Масора или критическій трудъ на еврейскій текстъ Библіи, плодъ долгаго и добросовѣстнаго изысканія. О характерѣ и діалектѣ жителей Галилеи—см. подъ словомъ *Галилеянинъ*.

Литература: *Vigouroux*, Dictionnaire de la Bible, art. *Galilée*; *N. Reland*, Palestina, Утрехтъ 1714, I, 127—129, 180—184, 306—307; *A. P. Stanleu*, Sinai and Palestine, Лондонъ 1866, 361—387; *A. Neubauer*, La géographie du Talmud, Парижъ 1868, стр. 177—240; *V. Guerin*, Galilée, Парижъ 1880, т. I (ст. 76—82, границы и общее описаніе) и II; Survey of western Palestine, Memoirs, Лондонъ. 1881—1883, т. I; *S. Merrill*, Galilee in the Time of Christ, Бостонъ, 1881; Лондонъ, 1885; *Conder*, Handbook to the Bible, Лондонъ, 1887, ст. 208; 311—314, 318; Tent Work in Palestine, Лондонъ, 1889, ст. 71—87; *G. A. Smith*, The historical Geography of the Holy Land, Лондонъ, 1894, ст. 414—435; *F. Buhl* Geographie des alten Palestina, Фрейбургъ въ Бризгау и Лейпцигъ, 1896, ст. 72—74, 82, 107, 103, 214—237. А также много статей и изслѣдованій въ «Палест. Сборникѣ» и др. изд. Импер. Палест. Общества». *Р. Л.*

ГАЛИЛЕЯНИНЪ. Это названіе, встрѣчающееся только въ Новомъ Завѣтѣ, означаетъ вообще всѣхъ галилеянъ (Лук. **13**, 1, 2; Іоан. **4**, 45) или примѣняется къ Спасителю (Матѳ. **26**, 69; Лук. **23**, 6), къ ап. Петру (Марк. **14**, 70; Лук. 22, 59), къ Никодиму (Іоан **7**, 52), къ апостоламъ (Дѣян. **1**, 11; **2**, 7) и къ Іудѣ Г., о которомъ говорится въ Дѣян. **5**, 37. Въ эпоху Спасителя Галилея въ большей своей части была заселена іудеями, но, кромѣ, того, содержала еще смѣшанную народность, состоявшую изъ грековъ, арабовъ, сирійцевъ и финикіянъ. Древняя еврейская кровь не сохранилась здѣсь въ той чистотѣ, какъ въ Іудеѣ. Контрастъ между двумя народами сѣвера и юга Палестины былъ такъ же поразителенъ, какъ и между природою этихъ двухъ странъ. Съ одной стороны — природа, то жизнерадостная, то грандіозная, и населеніе въ одно и то же время простое и серьезное, съ идеями новыми и смѣлыми; съ другой — безплодная пустыня, народъ привязанный къ своимъ традиціямъ, не желающій признавать ничего, кромѣ буквы закона. Умъ галилейскаго поселянина охотно открывался новымъ вѣрованіямъ, у іудеевъ же Іерусалима, наоборотъ, господствовали рутина и предразсудки. Галилея стала колыбелью христіанства, тогда какъ Іудея была изсушена узкимъ фарисействомъ и близорукимъ саддукействомъ. Благодаря частымъ сношеніямъ съ сосѣдними народами, галилеяне пріобрѣли извѣстную широту идей и примирительный характеръ, за что въ Іудеѣ на нихъ смотрѣли дурно. Въ глазахъ гордыхъ и ревнивыхъ жителей св. города они слыли за невѣждъ и глупцовъ (см. Талмудъ Вавилонскій, *Ерубинъ* 53 б.). Было принято думать, что ничего хорошаго, ни одного серьезнаго человѣка, ни одного пророка не могло произойти изъ Галилеи, въ частности изъ Назарета (Іоан. **1**, **46**; **7**, 52). Заслуживали ли они такого презрѣнія? Нѣтъ. І. Флавій (В. іуд. **3**, **3**, 1) рисуетъ намъ ихъ трудолюбивыми, открытыми и доблестными. Даже Іерусалимскій Талмудъ заявляетъ, что они болѣе заботились о славѣ, чѣмъ о деньгахъ, какъ разъ наоборотъ съ тѣмъ, что было въ Іудеѣ. Въ Галилеѣ вдова оставалась въ домѣ покойнаго мужа, тогда какъ въ Іудеѣ наслѣдники имѣли право удалить ее, выдавъ ей ея долю. Другія мѣста въ Талмудѣ свидѣтельствуютъ о широкой благотворительности Г. Въ одномъ

мѣстечкѣ, въ верхней Галилеѣ, заботились о ежедневномъ снабженіи одного старика порціей живности, потому что онъ имѣлъ обыкновеніе пользоваться этимъ родомъ пищи во время своего благоденствія. Если мягкость характера Г. зависѣла отъ мягкости ихъ климата, ихъ темпераментъ, какъ и земля, обладали нѣкоторыми вулканическими свойствами. Они были стремительны въ возстаніяхъ и легче возбуждались, чѣмъ жители Іудеи. Особенно жители Тиверіады были по натурѣ склонны къ перемѣнамъ и легко поддавались обольщеніямъ (См. І. Флав., Ж. 17). Іуда Г. (Дѣян. **5**, 37), основываясь на принципѣ, что Богъ единый Владыка Своего народа, и принимая за признакъ рабства налоги, съ цѣлью которыхъ была сдѣлана перепись Квиринія, прилагалъ всѣ усилія, чтобы возстановить Іудеевъ противъ римскаго владычества, призывая ихъ къ свободѣ (Древн. **18**, **1**, **1**, 6; В. іуд. **2**—**8**). Онъ погибъ, его партія, разсѣянная, но далеко не уничтоженная, появилась позже вновь подъ именемъ Зилотовъ и сыграла важную роль въ войнѣ противъ римлянъ. Ев. Лука (**13**, 1, 2) дѣлаетъ намеки на трагическій случай, происшедшій въ Іерусалимѣ, во времена Спасителя. Галилеяне, неожиданно застигнутые воинами Пилата въ преддверіи храма, въ тотъ моментъ, когда священники приносили за нихъ жертвы, были избиты безъ всякаго сожалѣнія, такъ что «ихъ кровь смѣшалась съ кровью жертвъ». Возстанія были нерѣдки въ ту эпоху, особенно по случаю праздниковъ, и Г. всегда оказывались среди самыхъ дѣятельныхъ, возбужденныхъ зилотовъ. Пилатъ укрощалъ возстававшихъ безъ всякаго милосердія, не останавливаясь даже передъ святыней іудейскаго храма. Извѣстно, какъ Галилея сдѣлалась центромъ мятежа въ послѣдніе дни іудейской исторіи передъ паденіемъ Іерусалима. Несомнѣнно, апостолы обладали отчасти этимъ кипучимъ характеромъ, о чемъ свидѣтельствуетъ случай съ ап. Петромъ и Малхомъ въ Геѳсиманскомъ саду (Іоан. **18**, 10). Въ религіозномъ отношеніи Талмудъ упоминаетъ о нѣкоторыхъ различіяхъ между Галилеей и Іудеей. Въ послѣдней новобрачные могли оставаться наединѣ тотчасъ послѣ обряда бракосочетанія, — свобода, которою не пользовались въ Галилеѣ, гдѣ вообще браки освящались съ большей торжественностью. Г. были болѣе строги въ религіозныхъ обычаяхъ. Наканунѣ Пасхи въ Іудеѣ еще работали, тогда какъ въ Галилеѣ уже всѣ работы прекращались. Талмудъ перечисляетъ еще нѣкоторыя разности въ обрядахъ въ синагогахъ, въ составѣ гражданскаго суда, въ мѣрахъ и вѣсахъ. Жители Іудеи были знакомы съ различными религіозными науками болѣе, чѣмъ Г. Въ южной провинціи находилось общество мудрецовъ и высшая школа ученыхъ книжниковъ. Сѣверная же постоянно находилась въ волненіи и настороже, какъ въ военное время. Она, по всей вѣроятности, имѣла только странствующихъ учителей, а не постоянныя школы, какъ Іудея. Еще одно обстоятельство отдаляло Г. отъ іудейской каѳедры раввиновъ,—это именно ихъ дурное произношеніе, дѣлавшее ихъ смѣшными въ глазахъ южанъ. Извѣстна исторія ап. Петра, акцентъ котораго выдавалъ его происхожденіе (Матѳ **26**, 73). Дѣйствительно, въ Галилеѣ не различали гортанныхъ буквъ. Жители Beѳсана, Кифы и Тибаола смѣшивали въ своемъ произношеніи *айн* съ *алефъ*, почему ихъ не допускали читать вслухъ молитвы отъ лица собранія (Вавилон. Талмуд. *Мегилла* 24 б). Приводятъ такой случай: Однажды Г. попросилъ: *амръ*, ему отвѣтили: «глупый Г., чего ты просишь? осла-ли, чтобы поѣхать на немъ, *амор;* выпить-ли вина—*эмер*; одежду-ли, чтобы прикрыть свое тѣло—*амар*; или овцу для закланія—*эмар* (Талмудъ Вавил. *Ерубинъ*, 53б). Если іудеи и Г. не особенно любили другъ друга, тѣмъ не менѣе они не питали другъ къ другу ничего похожаго нан енависть, и ихъ несогласія были только въ мелочахъ, тогда какъ въ серьезныхъ патріотическихъ вопросахъ они были вполнѣ единодушны, что и показала ихъ беззавѣтная совмѣстная отвага въ отчаянной борьбѣ противъ общаго врага—римлянъ въ послѣднюю «Іудейскую войну». *Р. Л.*

Церковь Св. Николая въ г. Львовѣ
(Одна изъ древнѣйшихъ церквей въ Галицкой Руси).

Галицкая или Червонная Русь.

Эта искони русская земля составляетъ часть австрійской провинціи **Галиціи** или **Галичины**, вошедшей въ составъ Австро-Венгріи въ 1772 г. послѣ раздѣла Польши. Въ оффиц. австр. актахъ Галиція называется: «*Королевствомъ Галиціи и Лодомеріи съ великимъ княжествомъ Краковскимъ и княжествами Освѣцимомъ и Заторомъ*». Г. и Лодомерія—это не что иное, какъ исковерканныя названія древне-русскихъ княжествъ Галича и Владиміра, которыя, потерявъ въ 1340 году свою независимость, вошли въ составъ польскаго государства и до конца XVIII в. составляли его нераздѣльную часть; остальныя же три княжества—это чисто польскія земли, доставшіяся Австро-Венгріи послѣ паденія Польши. Г. занимаетъ пространство въ 78,502 кв. км. и граничитъ на сѣверъ и востокъ — съ губерніями: петроковской, кѣлецкой, радомской, люблинской, волынской, подольской и бессарабской, на югъ — съ Буковиной и Венгріей, и на западъ—съ австрійской Силезіей и Германіей. Населеніе Галиціи по послѣдней переписи (въ 1900 г.) достигаетъ 7.211,512 человѣкъ, изъ коихъ $^3/_7$ русскихъ (малороссовъ), $^3/_7$ поляковъ и $^1/_7$ евреевъ и разныхъ другихъ національностей. Русскіе живутъ въ восточной и южной Г., называемой «Галицкой Русью»; поляки—въ западной части Г., а остальныя національности разбросаны по всей области. Все русское населеніе принадлежитъ къ уніатскому или греко-католическому вѣроисповѣданію, польское же населеніе исповѣдуетъ римско-католическую вѣру. Остальные жители исповѣдуютъ: 912,213 іудейскую вѣру, 52,279 протестантскую, 10,000 армяно-католическую и 2,000 караимскую вѣру. Православная церковь насчитываетъ всего около 2 тысячъ человѣкъ, изъ коихъ большая часть приходится на долю проживающихъ въ Г. румынъ и только незначительное количество русскихъ. Въ церковномъ отношеніи они подвѣдомственны сосѣднему буковинскому православному митрополиту и имѣютъ одну православную церковь въ г. Львовѣ.

Уніатская церковь въ Г., называемая тамъ русскою церковью, состоитъ изъ трехъ епархій: львовской, перемышльской и станиславовской. Во главѣ первой стоитъ митрополитъ, въ остальныхъ двухъ-епископы. Въ нихъ насчитывается 89 благочиній, 3,225 церквей, 2,347 священниковъ, 19 монастырей чина св. Василія Великаго, 50 монаховъ и 15 монахинь. Римско-католическая церковь раздѣляется на четыре епархіи: краковскую, тарновскую, перемышльскую и львовскую, а проживающіе въ Г. армяно - католики, образующіе всего шесть приходовъ, составляютъ одну епархію съ отдѣльнымъ епископомъ, имѣющимъ мѣстопребываніе въ г. Львовѣ. Въ административномъ отношеніи Г. раздѣлена на 76 уѣздовъ, изъ коихъ 46 русскихъ, 20 польскихъ и 10 смѣшанныхъ русско-польскихъ. Во главѣ административнаго управленія области стоитъ *намѣстникъ*, назначаемый императоромъ и подчиненный центральному правительству въ Вѣнѣ. Въ вѣдѣніи намѣстника состоятъ начальники уѣзда, называемые *«старостами»*. Такъ какъ Г. пользуется съ 1867 года самоуправленіемъ, то наивысшей галиційской властью, независимой отъ центральнаго правительства въ Вѣнѣ, является областной сеймъ, состоящій изъ 150 членовъ (депутатовъ), избираемыхъ на три года отъ помѣщиковъ, крестьянъ, горожанъ и торгово-промышленныхъ палатъ. Во главѣ послѣдняго стоитъ *«маршалъ»*, назначаемый императоромъ изъ числа депутатовъ сейма. Онъ же является и предсѣдателемъ состоящаго при сеймѣ *земскаго управленія*, представителями котораго въ уѣздахъ являются «уѣздные совѣты». На 7.211,512 жителей число неграмотныхъ достигаетъ свыше $3^1/_2$ милліоновъ человѣкъ. Первоначальное образованіе сосредоточено въ 4,450 народныхъ училищахъ, среднее въ 30 гимназіяхъ, 3 реальныхъ училищахъ и нѣсколькихъ спеціальныхъ учебныхъ заведеніяхъ; высшее же—въ львовскомъ и краковскомъ университетахъ и въ одной политехникѣ въ г. Львовѣ. Все уніатское, римско-католическое и армяно-католическое духовенсво получаетъ образованіе въ университетѣ, по богословскому факультету. Кандидаты духовенства, посѣщая богословскій факультетъ, живутъ въ *«духовныхъ семинаріяхъ»*, въ которыхъ получаютъ полное содержаніе и обучаются церковному уставу, пѣнію и проповѣдническому искусству. У уніатовъ одна львовская духовная семинарія; у католиковъ двѣ—въ Краковѣ и Львовѣ. На богословскомъ факультетѣ всѣ предметы преподаются на латинскомъ языкѣ, за исключеніемъ нѣсколькихъ, читаемыхъ для уніатовъ—по малорусски и для католиковъ — по польски. Богослуженіе у уніатовъ совершается, какъ и у православныхъ, на церковно-славянскомъ языкѣ, у католиковъ — на латинскомъ и польскомъ языкахъ, у армяно-католиковъ—на латинскомъ, армянскомъ и польскомъ, у протестантовъ—на нѣмецкомъ и у евреевъ—на старо-еврейскомъ и польскомъ языкахъ.

Галицкая или Червонная Русь, составляя, какъ уже сказано, часть искони русской земли, входитъ въ составъ Австро-Венг. монархіи. Населяющее Россію русское племя не оканчивается на югѣ подол. и волын. губерніями, а тянется сплошной массой дальше на югъ, за предѣлы Россійской имперіи, занимая всю австр. территорію до Карпатъ и даже дальше, за Карпатами, всю сѣверную часть Венгріи. Пространство этой, такъ называемой еще, Зарубежной или Прикарпатской Руси составляетъ около 120,000 кв. км., со сплошнымъ русскимъ населеніемъ, достигающимъ до 4.000,000 человѣкъ. Вся эта территорія раздѣлена въ административномъ отношеніи на три отдѣльныхъ провинціи: Галицію, Буковину и сѣверные округа Венгріи (Угорскую Русь). Благодаря такому дѣленію, русское населеніе въ каждой отдѣльной провинціи живетъ особой жизнью и при весьма разныхъ условіяхъ. Галицко-русское населеніе, соединенное административно съ поляками западной Галиціи, находится въ полномъ подчиненіи послѣднихъ. Буковинскіе русскіе, подъ вліяніемъ мѣстнаго румынскаго населенія, терпятъ частыя обиды отъ румынъ. Угорскіе же рус-

скіе поглощены всецѣло мадьярами. Въ вѣроисповѣдномъ отношеніи русское населеніе Галиціи и Венгріи принадлежитъ къ уніатскому исповѣданію, въ Буковинѣ же почти все населеніе православное. Галицкіе и буковинскіе русскіе въ духовномъ отношеніи развиваются почти одинаково и составляютъ одно политическое и духовное цѣлое. Угорскіе же русскіе удалены отъ этой духовной связи и развиваются почти самостоятельно. Это различіе происходитъ отъ того, что Галиція и Буковина входятъ въ составъ Австріи (Цислитаніи), угорская же Русь принадлежитъ венгерской коронѣ (Транслитаніи). Главнымъ духовнымъ и политическимъ центромъ для галицкихъ и буковинскихъ русскихъ является г. Львовъ, для угорскихъ же русскихъ—г. Ужгородъ (Унгваръ). Оторванная на много вѣковъ отъ остального русскаго міра, Г. Р. принуждена была переносить много разныхъ невзгодъ. Въ теченіе цѣлыхъ вѣковъ она подвергалась гоненіямъ безчисленныхъ враговъ, въ особенности Польши и Рима. Благодаря имъ, она потеряла свою независимость, свою православную вѣру, дворянство, пришла къ совершенному упадку и, наконецъ, досталась Австро-Венгріи, подъ владычествомъ которой до сихъ поръ угнетаютъ ее тѣ-же поляки и римскіе патеры, къ которымъ присоединились теперь еще нѣмцы, мадьяры и разные другіе враги. Въ непосильной борьбѣ съ этими врагами Г. Р. продолжаетъ однако бороться за свои народныя права съ достойнымъ удивленія мужествомъ.

Исторія Галицкой Руси. — Галицкое княжество, какъ называлась въ древности большая часть нынѣшней Галиціи,—одно изъ самыхъ своеобразныхъ и важныхъ явленій въ Русской исторіи.

Русь, озаренная христіанской вѣрой при Владимірѣ Святомъ, достигла высокой степени могущества. Побѣды Рюрика, Олега, Игоря, Святослава и самого Владиміра соединили въ одну державу многія славянскія племена, такъ что это древнее русское государство занимало почти всю нынѣшнюю европейскую Россію, простираясь отъ озера Ладожскаго до Таврическаго полуострова и обнимая все, что извѣстно было подъ именемъ великой, малой, бѣлой, черной и червонной Руси. Передъ смертью Владиміръ Святой раздѣлилъ свое государство между своими тринадцатью сыновьями и тѣмъ невольно содѣйствовалъ распаденію Руси. Политика, которой слѣдовалъ Владиміръ, раздѣляя государство между сыновьями, была общею политикою того времени. Благодаря ей, нынѣшняя Галичина съ половины XI вѣка оставалась въ родѣ князя тмутараканскаго Ростислава Владиміровича, внука Ярослава Мудраго и правнука Владиміра Святаго. Затѣмъ, переходя изъ рода въ родъ русскихъ князей, Г. Р. достигла наивысшаго процвѣтанія при Романѣ Мстиславичѣ, который, переселившись въ Галичъ и единодержавно царствуя надъ соединенными Волынскимъ и Галицкимъ княжествами, далеко распространилъ свою власть надъ Русью и сталъ однимъ изъ самыхъ славныхъ князей древняго Галича. При немъ сдѣлана была первая попытка Рима къ обращенію православной Г. Р. въ латинство, но не имѣла никакого успѣха, и явившемуся въ Галичъ папскому легату пришлось вернуться ни съ чѣмъ. Сынъ Романа — Даніилъ Романовичъ принимаетъ уже королевскій титулъ, который переходитъ затѣмъ и къ его сыну Льву Даниловичу, перенесшему свою столицу изъ Галича въ основанный имъ въ 1268 году городъ Львовъ, ставшій съ тѣхъ поръ постояннымъ центромъ Г. Р. Подъ вліяніемъ татарскаго нашествія, отрѣзавшаго сѣверную Русь отъ южной и тѣмъ совершенно обезсилившаго послѣднюю, а также, благодаря постояннымъ враждебнымъ проискамъ западныхъ враговъ южной Руси, Галичина постепенно стала клониться къ упадку. На нее устремляются взоры алчнаго Рима, который и поддерживаетъ ставшихъ угрожать ей сильныхъ сосѣдей: Польшу, Литву, Угрію. Сѣверъ былъ далеко, югъ страдалъ отъ татарскаго разоренія, и Г. Р. приходилось круто. Польскіе короли неоднократно пытались, при всякомъ удобномъ случаѣ,

завладѣть галицкими землями, но всѣ попытки ихъ были безуспѣшны. Когда однако въ половинѣ XIV вѣка умеръ послѣдній изъ мужскихъ потомковъ Романа—бездѣтный Юрій, князь галицкій и владимірскій (именовавшій себя Rex totius Russiae minoris, т. е. королемъ всей Малой Руси), и на галицк. престолѣ появился родственникъ польскаго короля Казиміра Великаго, — латинянинъ Болеславъ Мазовецкій, котораго галицкіе бояре поспѣшили отравить, какъ ненавистнаго имъ чужого ставленника, польскій король рѣшилъ воспользоваться этимъ случаемъ для овладѣнія сокровищами и богатствами могущественныхъ и бережливыхъ галицкихъ князей, хранившимися во львовскомъ княжескомъ замкѣ. Собравъ на скорую руку нѣсколько

Каѳедральный соборъ св. Юра (Георгія) въ г. Львовѣ.

отрядовъ короннаго войска и войска польскихъ вельможъ, онъ окольными путями пробрался къ городу Львову и окружилъ его со всѣхъ сторонъ. Прежде всего онъ сжегъ монастырь св. Георгія (Юрія), потомъ осадилъ городъ и деревянный замокъ, угрожая обратить его въ груду пепла, въ случаѣ сопротивленія. Находясь въ такомъ опасномъ положеніи и не имѣя достаточныхъ средствъ къ защитѣ, Львовъ принужденъ былъ сдаться алчному наѣзднику. Казиміръ вошелъ въ городъ, заставилъ оставшихся присягнуть себѣ на вѣрность и подданство и затѣмъ, ограбивши несмѣтныя сокровища, принадлежавшія нѣкогда князьямъ галицкимъ: золото, серебро, два золоченныхъ креста съ частью древа Св. Креста, два золотыхъ вѣнца, богато осыпанные разными драгоцѣнными каменьями, княжескія багряницы, и даже дорогой престолъ галицкихъ князей, украшенный золотомъ и биссеромъ, предалъ огню деревянные княжескіе замки и, отягощенный огромной добычей, возвратился въ Краковъ. Поощренный успѣхомъ, онъ предпринялъ второй походъ съ цѣлью завоевать этотъ *«текущій млекомъ и медомъ»* край и уже окончательно присоединить его къ своимъ владѣніямъ. Послѣ кровопролитныхъ сраженій, Казиміръ занялъ Галичину, раздѣлилъ ее на воеводства и уѣзды, въ которыхъ поставилъ начальниками поляковъ (первыхъ тогда здѣсь поселенцевъ), и провозгласилъ вновь завоеванный русскій край нераздѣльною частью своего государства. Это завоеваніе, сопровождавшееся грабежами и разными безчинствами, походило на нашествіе татаръ. Съ тѣми же чувствами и ненавистью, какъ и татаръ, встрѣтили теперь галичане новыхъ пришельцевъ — поляковъ. Долго не могло мѣстное русское населеніе примириться съ тягостнымъ положеніемъ. Духъ свободы, любовь къ родинѣ и собственному правленію, опасеніе за цѣлость и неприкосновенность православной церкви, побуждали галичанъ сбросить съ себя ненавистное иго. Начались возстанія, во главѣ которыхъ неоднократно вставали потомки Владиміра Святаго, но, къ сожалѣнію, нелегко уже было добиться успѣха. По смерти Казиміра, польскій престолъ достается Людовику венгерскому, который отдаетъ Галичину мелкому польскому князю Владиславу Опольскому, усердному распространителю латинства въ этомъ краѣ, въ которомъ, со времени польскаго завоеванія, не только города, но и селенія были заселяемы поляками, захватывавшими все болѣе обширныя земельныя пространства. При преемникѣ Людовика, польско - литовскомъ королѣ Ягеллѣ, колонизація, а вмѣстѣ съ тѣмъ и латинизація Галичины принимаютъ еще болѣе крупные размѣры. Папа Мартинъ V назначилъ Ягелло генеральнымъ викаріемъ римской церкви въ земляхъ русскихъ и поручилъ ему употребить всѣ усилія для соединенія восточно-православной церкви съ римско-католическою. Латинизація и ополяченіе русскаго края быстро совершается, русскіе бояре постепенно обращаются въ польскихъ пановъ, простой народъ закрѣпощается, а православная церковь подвергается всевозможнымъ лишеніямъ и гоненіямъ. Но борьба все еще продолжается, не всѣ соглашаются предать безропотно свою, плѣненную врагами, родину. При одномъ изъ послѣдующихъ королей польскихъ, Казимірѣ IV, въ 1490 году, разражается возстаніе галичанъ противъ польскаго ига. Предводителемъ его является нѣкій *Муха*, который, сосредоточившись со своими отрядами между рѣками Днѣстромъ и Прутомъ въ юго-восточной части Галичины, въ продолженіе четырехъ лѣтъ храбро защищался отъ наступавшихъ польскихъ войскъ. Кто былъ этотъ Муха— достовѣрно неизвѣстно. Одни лѣтописцы называютъ его простымъ крестьяниномъ, другіе—русскимъ бояриномъ, а иные утверждаютъ, что Муха былъ князь и происходилъ отъ потомковъ Владиміра Святаго. Какъ бы то ни было, однако это возстаніе Мухи и цѣлый рядъ послѣдующихъ за нимъ противупольскихъ вооруженныхъ движеній ясно доказываютъ, что борьба мѣстнаго русскаго народа противъ поработившей его Польши, начавшись съ перваго же завоеванія, никогда не прекращалась,

и что русскіе галичане, несмотря на свое безсиліе, старались при всякомъ удобномъ случаѣ освободиться отъ противнаго имъ польскаго владычества. Тѣснимые съ сѣверо-запада, недовольные галицко-русскіе элементы сосредоточивались въ юго-восточной части Галичины, между рѣками Днѣстромъ и Прутомъ, вблизи Молдавіи; откуда большею частію и получали поддержку въ своей борьбѣ съ поляками. Но не будучи въ силахъ выдерживать атаки польскихъ войскъ, они укрывались въ горахъ, откуда и производили нападенія, тревожившія польскую шляхту и помогавшихъ имъ жидовъ почти до самаго распаденія Польши. Характеръ ихъ былъ тотъ же, что и гайдамачины на Украйнѣ.

Эти возстанія однако оставались безуспѣшными. Вліяніе польскаго господства распространялось все сильнѣе, а введенная въ началѣ 1600 года церковная унія съ Римомъ уже окончательно поработила Галичину, отрѣзавъ ее и въ духовномъ отношеніи отъ благотворныхъ связей съ остальною Русью. Русское дворянство стало принимать польское образованіе, польскіе обычаи, языкъ, и постепенно отрывалось отъ народа, который, будучи лишенъ всякихъ гражданскихъ правъ, превращался въ безправную и темную рабочую силу, безпощадно эксплоатировавшуюся изъ года въ годъ увеличивавшимся числомъ польской шляхты. Во время этого вѣкового польскаго владычества русскимъ галичанамъ приходилось очень круто. Однако, претерпѣвая всѣ ужасы тяжелаго рабства, этотъ несчастный народъ находилъ единственную надежную опору въ своей церкви, которая и спасла его впослѣдствіи отъ неминуемой гибели.

Достигнувъ къ концу XVI вѣка высшей степени силы и могущества, Польша начала быстро клониться къ упадку, вслѣдствіе всѣмъ извѣстныхъ пороковъ шляхты и гибельнаго вліянія іезуитовъ. Польскія неурядицы вошли въ пословицу. Явился раздѣлъ Польши при Екатеринѣ II-й. Этотъ раздѣлъ содѣйствовалъ объединенію разорванной на части русской земли. За флагомъ осталась одна Г. Р. Ее, не спросясь народа, отдали подъ власть нѣмецкой Австріи. Съ тѣхъ поръ, т. е. съ 1772 года, галицко-русскій народъ изъ подъ одного польскаго ига попалъ подъ двойное: польско-нѣмецкое иго. При переходѣ Галичины подъ власть Австріи, матеріальный бытъ крѣпостныхъ русскихъ людей улучшился; положеніе однако народа осталось то же самое, если не хуже. Но съ начала XIX вѣка вновь появляются проблески національнаго движенія въ Г. Р. Сначала за него принимаются единичныя личности, которыя и терпятъ неудачи, но потомъ движеніе разростается, крѣпнетъ и постепенно увлекаетъ за собою весь галицко-русскій народъ. Въ 1816 году въ древнемъ галицко-русскомъ княжьемъ городѣ Перемышлѣ нѣкто Іоаннъ Могильницкій, протоіерей мѣстнаго каѳедральнаго собора, основываетъ при содѣйствіи перемышльскаго епископа Михаила (Левицкаго) первое галицко-русское просвѣтительное общество, поставившее себѣ цѣлью изыскивать средства къ распространенію просвѣщенія среди простого народа и къ изданію для него полезныхъ книгъ. Несмотря на всѣ старанія протоіерея Могильницкаго, общество, состоявшее всего изъ нѣсколькихъ членовъ, издало составленныя тѣмъ же Могильницкимъ первыя въ Галичинѣ русскія книжки «*Букварь*» и «*Катихизисъ*» и затѣмъ, а невозможностью увеличить число членовъ, а также вслѣдствіе подозрительности тогдашняго правительства, косо смотрѣвшаго на эти благія начинанія перемышльскихъ патріотовъ, принуждено было прекратить свою дѣятельность. Тѣмъ не менѣе однако починъ былъ сдѣланъ, и поднятому протоіереемъ Могильницкимъ дѣлу не суждено уже заглохнуть. Однимъ изъ членовъ прекратившаго свое существованіе общества былъ священникъ Іоаннъ Снѣгурскій, ставшій впослѣдствіи, въ 1818 году, епископомъ той же перемышльской епархіи. Воспитанникъ вѣнскаго университета, единомышленникъ и другъ о. Іоанна Могильницкаго, воодушевленный приверженецъ тогдашняго славянскаго движенія, онъ сразу понялъ, что только путемъ системати-

ческаго и упорнаго труда надъ просвѣщеніемъ народа возможно его возрожденіе изъ того многовѣковаго закрѣпощенія, въ которомъ онъ пребывалъ. У него возникаетъ мысль учрежденія цѣлой сѣти церковно-приходскихъ школъ, а такъ какъ для такихъ школъ прежде всего необходимы были соотвѣтственно подготовленные учители, то онъ основываетъ въ томъ же 1818 году, на свои собственныя средства, у себя, въ Перемышлѣ, учительскій институтъ, въ которомъ училъ самъ, вмѣстѣ съ состоявшими при немъ двумя-тремя священниками. Это невзрачное на видъ, скромное и убогое учрежденіе имѣло однако громадное значеніе для возрожденія Г. Р. Воспитывавшіеся въ немъ и расходившіеся затѣмъ по всей Галичинѣ учители—псаломщики хорошо знали церковно-славянскій языкъ и церковный уставъ, дѣлались наставниками доморощенныхъ, большею частью неграмотныхъ псаломщиковъ, уговаривали крестьянъ открывать церковно-приходскія школы и по мѣрѣ силъ своихъ старались пробуждать въ нихъ любовь къ грамотѣ и просвѣщенію. Большинство священниковъ, единственной тогда галицко-русской интеллигенціи, были пропитаны польскимъ духомъ, не заботились о своей церкви, смотрѣли на подвѣдомственныхъ имъ прихожанъ исключительно только какъ на доходную статью, употребляли въ разговорѣ польскую рѣчь и совершенно не знали ни своего церковнаго устава, ни церковно-славянскаго языка. Многіе изъ нихъ косо смотрѣли на этихъ первыхъ піонеровъ просвѣщенія галицко-русскаго простолюдина, но были между ними и такіе, которые, не желая быть ниже своего новаго псаломщика, принимались за изученіе родного слова, знакомились съ уставами своей церкви, постепенно сближались съ заброшеннымъ и забытымъ простымъ народомъ и все чаще и усерднѣе старались помогать учрежденію новыхъ школъ, просвѣщенію крестьянъ, облегченію имъ ихъ горькой доли и т. п. Доставшіяся съ невѣроятнымъ трудомъ нѣкоторыя удачи толкаютъ энергичнаго и воодушевленнаго епископа Снѣгурскаго къ дальнѣйшей дѣятельности. Въ 1829 году онъ выписываетъ изъ Петербурга сочиненія Бортнянскаго, основываетъ первую въ Галичинѣ школу церковнаго пѣнія, устраиваетъ церковные хоры, открываетъ въ Перемышлѣ русскую типографію, печатаетъ въ ней букварн, молитвословы, катехизисы, литургиконы, требники и проч., первый изъ тогдашнихъ галицко-русскихъ іерарховъ употребляетъ въ разговорѣ русскую рѣчь и тѣмъ даетъ лучшій примѣръ всему подвѣдомственному ему духовенству, требуетъ отъ вновь посвящаемыхъ въ духовный санъ безусловнаго знанія церковно-славянскаго языка, настаиваетъ на произношеніи церковныхъ проповѣдей на русскомъ языкѣ и вообще разными способами старается поощрять всѣхъ къ изученію родного языка, къ просвѣщенію народа и къ труду на литературномъ поприщѣ. Изъ г. Перемышля національное движеніе переходитъ въ г. Львовъ, гдѣ послѣдователи перемышльскихъ первоучителей: о. Шашкевичъ, о. Головацкій, о. Устіановичъ, Зубрицкій, Вагилевичъ и другіе основали кружокъ, начавшій съ большимъ уже усердіемъ дѣйствовать въ пользу дальнѣйшаго національнаго развитія пробуждавшейся Г. Р. Первымъ плодомъ ихъ дѣятельности является въ 1837 году первое въ Галичинѣ литературное произведеніе, составленное на мѣстномъ русскомъ нарѣчіи, подъ названіемъ «*Днѣстровая Русалка*», сдѣлавшееся родоначальникомъ галицко-русской литературы. Русскіе галичане пользовались въ то время исключительно только польскими и отчасти нѣмецкими книгами, русскихъ же книгъ не было, равно какъ и не существовало никакихъ живыхъ связей съ Россіей. Первымъ русскимъ произведеніемъ, появившимся въ то время въ Галичинѣ, является извѣстная ода Державина «Богъ», затѣмъ попадаются, хотя все еще очень рѣдко, и другія русскія сочиненія, доставленныя галичанамъ, посѣщавшими тогда Галичину русскими учеными: Погодинымъ, Срезневскимъ и др... Съ каждымъ годомъ это движеніе укрѣплялось и развивалось, ожидая того времени, пока

можно будетъ разлиться широкой рѣкой по всей Галицкой Руси.

Въ 1848 г. грянула гроза надъ державою Габсбурговъ. Во всей З. Европѣ одновременно началось грозное револ. движеніе. На всѣ народы Австріи повѣяло духомъ свободы и равноправности. Вездѣ проявлялось неудовольствіе, раздавались клики о свободѣ, конституціи, равенствѣ, національности, о народномъ языкѣ, уничтоженіи крѣпостного права и т. п. Безпомощный импер. австр. Фердинандъ I безъ протеста исполнилъ желаніе революціонеровъ и провозгласилъ себя конституціоннымъ монархомъ. 14 марта 1848 г. въ г. Вѣнѣ вспыхнуло возстаніе, а вслѣдъ за нимъ грозное зарево пожара нависло надъ всѣми австрійскими областями, въ томъ числѣ и надъ Галичиной. Въ послѣдней поднялись русскіе и поляки. Первые воодушевились новымъ теченіемъ и двинулись къ мирной, національной жизни, къ защитѣ своей церковно-національной святыни. Они не желали ни вражды, ни раздора, а только свѣта науки и равнаго права на своей праотеческой землѣ. Движеніе же вторыхъ носило характеръ чисто наступательный. Недовольные своими тѣсными этнографическими границами, поляки, по принципу издавна внушенному имъ ихъ воинствующею церковью, забыли уроки прошедшихъ столѣтій и, опьяненные чадомъ свободы, потребовали признанія за собою полнаго и неограниченнаго права на Галичину и провозгласили на галицко-русской землѣ роковыя слова: Niema Rusi! (долой русскихъ!) Неминуемо началась ожесточенная борьба.

Образованные русскіе галичане, съ восторгомъ принявъ конституцію, обѣщавшую имъ національную и вѣроисповѣдную равноправность съ поляками, собрали «Головную Русскую Раду», т. е. главный совѣтъ, поставившій себѣ цѣлью—войти въ непосредственныя сношенія съ освобожденнымъ народомъ, заботиться о его нуждахъ и охранять его свободу. 10 мая 1848 г. «Главная Русская Рада» издала горячее воззваніе къ галицко-русскому народу, въ которомъ призывала его воспрянуть отъ вѣкового сна, «чтобы поднять народность нашу и упрочить данную намъ свободу». «Мы должны сохранить нашу церковь, поддержать и развить народность нашу всѣми средствами: обработкою родного языка, введеніемъ его въ низшія и высшія училища, изданіемъ газетъ, открытіемъ прямыхъ сношеній съ жителями нашей земли и съ другими славянскими народами». Народъ горячо отозвался на голосъ лучшихъ своихъ представителей. Во всей Галичинѣ закипѣла жизнь, среди интеллигенціи пробудилась литературная дѣятельность. Въ 1848 г. появляются въ г. Львовѣ первыя русскія газеты: «Галицкая Заря», ставшая органомъ «Главной Русской Рады»; «Галицко-Русскій Вѣстникъ», «Галицкая Пчела» и «Новины». Въ этомъ же году основывается и первое литературное общество «Галицко-Русская Матица», существующее до сихъ поръ, издавшее много популярныхъ книжекъ для народа и нѣсколько историческихъ сборниковъ. Такъ возникла галицко-русская литература, которая хотя и не представляла собою ничего выдающагося, но вполнѣ отвѣчала тѣмъ требованіямъ, которыя тогда предъявлялись только что народившеюся русскою интеллигенціею. Нужно было расшевелить русскихъ галичанъ отъ многовѣковаго оцѣпенѣнія, необходимо было зажечь въ нихъ искру любви къ своему народу, церкви и заброшенному прошлому. И это съ честію и усердіемъ, достойнымъ полнаго одобренія, исполняли тогда юные галицко-русскіе литераторы. Во Львовѣ въ томъ же 1848 г. создается, буквально на гроши, собранные со всего русскаго народа, въ высшей степени благодѣтельное для Г. Р. учрежденіе «Народный Домъ», долженствовавшій быть средоточіемъ всего необходимаго для народа. «Народный Домъ», заложенный самимъ австрійскимъ императоромъ Францемъ Іосифомъ, существуетъ до сихъ поръ и вмѣщаетъ въ себѣ богатѣйшую русскую національную библіотеку, музей, русскій клубъ, воспитательный интернатъ, большой залъ для разныхъ собраній, концертовъ, театральныхъ представленій, русское сту-

денческое общество и т. п. Сверхъ того, была открыта каѳедра русской словесности во львовскомъ университетѣ, нѣкоторые предметы на богословскомъ факультетѣ того же университета стали читаться по-русски, русскій языкъ сталъ обязательнымъ предметомъ въ гимназіяхъ вост. Галичины и русскихъ комитатахъ Венгріи; всѣ народныя школы, съ преобладающимъ русскимъ элементомъ, были переданы въ завѣдываніе русскаго духовнаго начальства; Законъ Божій въ гимназіяхъ сталъ преподаваться по-русски и т. п. Всѣ эти событія дали могучій толчекъ къ живѣйшей духовной жизни Г. Р.

Хотя это оживленіе и было всеобщее, но ему, къ сожалѣнію, не соотвѣтствовала политическая подготовка народа и его умственная зрѣлость, отчего вскорѣ не преминули произойти внутренніе раздоры, причемъ одна партія стала явно тянуть къ Польшѣ, вопреки народу, исторически сохранявшему свою симпатію къ Россіи и проявлявшему ее въ трогательныхъ фактахъ. И дѣйствительно, родство между этими народами было очевидное. Русскіе офицеры, вступивъ въ 1849 г. въ галицкія селенія, встрѣтили нѣчто знакомое, родное, что-то въ родѣ полтавской или подольской губерніи. Солдаты изъ малороссовъ также были озадачены: къ нимъ навстрѣчу выходили, въ бѣлыхъ свиткахъ и сѣрыхъ барашковыхъ шапкахъ, двойники ихъ родичей, будто тѣ же украинцы изъ Батурина, Смилы, Чигирина, говорили имъ теплыя привѣтствія на чистомъ малорусскомъ нарѣчіи и, принимая ихъ, какъ родныхъ братьевъ, повторяли: «Мы давно васъ ждемъ; добро пожаловать». Встревоженные однако поляки порѣшили, во что бы то ни стало, подавить это націон. движеніе въ Г. Р. Они, въ союзѣ съ неразлучными ихъ друзьями—римскими патерами и особенно іезуитами, набросились на галичанъ съ алчностью кровожадныхъ звѣрей. Не помогли никакіе протесты, ни мольбы, ни ссылки на законы и распоряженія,—русскій народъ, скрѣпя сердце снова принужденъ былъ переносить посыпавшіеся на него новые удары его старыхъ отъявленныхъ враговъ. Наученные опытомъ, польскіе политики, въ союзѣ съ Римомъ, принялись теперь за истребленіе всего того, что̀ послужило причиной воскресенія Руси. Порабощеніе русскаго языка и прадѣдной вѣры стало главною ихъ цѣлью. Эти два фактора, спасшіе галицко-русскій народъ отъ неминуемой гибели, очутились теперь подъ сильнымъ гнетомъ. «*Долой русскихъ*» — озлобленно кричала разсвирѣпѣвшая польская шляхта. «*Прочь со всякимъ признакомъ православія*»,—вторили имъ лукавые патеры. Послѣднимъ мало было того, что русскіе галичане совращены были въ унію и что ихъ издревле-православная церковь вмѣщала уже въ себѣ разныя противныя русскому человѣку латинизаторскія новшества и примѣси. Имъ хотѣлось стереть всякій слѣдъ русскаго имени въ этой несчастной странѣ. Цѣлью первыхъ было поголовное ополяченіе галицко-русскаго народа, цѣлью же вторыхъ—окончательное совращеніе ихъ въ латинство. Гоненіе на русскихъ и на всѣ самыя священныя ихъ учрежденія сдѣлалось любимой цѣлью и занятіемъ польскихъ шляхтичей. Это занятіе продолжается до сихъ поръ, и хроника его полна самыми невѣроятными фактами, неуклонно направленными къ одной и той же цѣли, т. е. къ порабощенію и уничтоженію этого искони русскаго, многострадальнаго края. Русскій народъ по мѣрѣ силъ отражалъ враждебные натиски и удары. Къ сожалѣнію, полякамъ удалось внести разладъ въ среду самихъ русскихъ галичанъ, подѣливъ ихъ на партіи. Этотъ разладъ они обосновали на нивѣ такъ назыв. «украйнофильства», внушивъ нѣкоторымъ горячимъ головамъ изъ малороссовъ мысль о полит. и языковой самостоятельности Малороссіи. Поляки усердно стали распространять среди галицко-русской молодежи мысль объ отдѣльности малорусскаго языка отъ великорусскаго, указывали на зарождавшуюся будто бы совершенно особую малорусскую словесность, сочиняли малорусскія стихотворенія, дышащія ненавистью къ Россіи и т. п.

Какъ разъ въ это время одинъ изъ львовскихъ русскихъ купцовъ, ѣздившій по своимъ торговымъ дѣламъ въ Кіевъ, привезъ оттуда нѣсколько брошюръ стиховъ Шевченки. Стихи эти расхватывались русскою молодежью, списывались ею и заучивались наизусть. Произведенія Шевченки затронули въ глубинѣ души галицко-русскаго народа тѣ живыя струны, тѣ искры поэзіи, которыя таились въ ней подъ толстымъ слоемъ чуждыхъ наносовъ многовѣковой жизни подъ чуждымъ игомъ. Молодежь бросилась подражать Шевченкѣ, своему новому, вѣрнѣе, первому идолу, копировать его картины, усваивать себѣ его пріемы, форму и языкъ. Этого только и нужно было галицкимъ полякамъ. Они съ особеннымъ усердіемъ принялись толковать вкривь и вкось невинныя въ политическомъ отношеніи пѣсни и думы Шевченки и въ такомъ изуродованномъ видѣ предлагать ихъ потомъ ослѣпленнымъ, увлекшимся людямъ, или наивнымъ новичкамъ, какъ евангеліе литературной, общественной и народной жизни. Поляки расчитывали на то, что въ поэзіи Шевченки галицко-русская молодежь почерпнетъ духъ противленія великорусской тенденціи въ народѣ и стремленія къ національной самобытности и отдѣльности малорусскаго племени. Часть неопытной русской молодежи пошла на эту ловушку, и такимъ образомъ среди русскихъ галичанъ образовалась такъ называемая *«украинофильская партія»*. Въ началѣ галицко-русскіе народные дѣятели относились съ улыбкой къ этому движенію, но когда въ срединѣ 60-хъ годовъ они спохватились и сознали, что сдѣлали крупный промахъ, то было уже поздно! Раздвоенію дано было совершиться безпрепятственно, и уже въ 1866 году, когда протоіерей Наумовичъ, одинъ изъ заслуженнѣйшихъ народныхъ дѣятелей въ Галичинѣ, кликнулъ во львовской газетѣ «Слово» свой громкій кличъ о единствѣ всего русскаго народа и предложилъ Г. Р. слѣдовать въ этомъ направленіи единодушно впередъ,—на этотъ зовъ былъ уже готовый отвѣтъ украинофиловъ, протестовавшихъ противъ такого единства.

Бросивъ сѣмя раздора между русскими галичанами и раздѣливъ ихъ на двѣ партіи, галицкіе поляки принялись теперь, поддерживая для вида созданныхъ ими украинофиловъ, приводить свои цѣли въ исполненіе. Съ тѣхъ поръ гнетъ правительства, вѣрнѣе, мѣстныхъ поляковъ, становится все болѣе невыносимымъ. Разъединивъ русскихъ и ослабивъ ихъ политически, поляки стали полноправными хозяевами въ Галичинѣ и уже безъ всякаго стѣсненія принялись распоряжаться по своему. Въ 1867 году они вводятъ во всѣхъ среднеучебныхъ заведеніяхъ преподаваніе на польскомъ языкѣ, а затѣмъ постепенно стремятся къ осуществленію конечныхъ своихъ цѣлей—полонизаціи и латинизаціи Г. Р. Сначала во Львовѣ и болѣе значительныхъ городахъ, а потомъ въ мѣстечкахъ и селеніяхъ усердно строятъ католическіе костелы и часовни, основываютъ новые іезуитскіе, змартвыхвстанскіе, доминиканскіе, францисканскіе, бернардинскіе и всевозможные другіе мужскіе и женскіе монастыри, выписываютъ изъ западной Галиціи польскихъ крестьянъ, поселяютъ ихъ среди русскихъ и учреждаютъ для нихъ новые римско-катол. приходы; всѣ высшія должности по администраціи, народному образованію, судебному и финансовому управленіямъ, замѣщаютъ исключительно только поляками, открываютъ цѣлый рядъ экономическихъ и просвѣтительныхъ обществъ, имѣющихъ цѣлью порабощать и совращать въ латинство русскихъ людей, организуютъ всевозможные союзы, съѣзды, миссіи и т. п., стремясь во всѣхъ проявленіяхъ своей самой разнообразной дѣятельности къ единственной цѣли—какъ можно скорѣе стереть всякіе слѣды русскаго имени въ захваченной ими искони русской странѣ. Въ 1881 году по всей Галичинѣ производятся обыски у русскихъ патріотовъ, многихъ изъ нихъ арестуютъ и бросаютъ въ тюрьмы; въ слѣдующемъ году судятъ за государственную измѣну лучшихъ представителей Г. Р. и безпощадно

приговариваютъ къ тюремному заключенію неутомимыхъ борцовъ за русское дѣло—Наумовича и Площанскаго. Въ томъ же году дѣлаютъ вопіющее посягательство на мѣстные русскіе монастыри, которые, при помощи грубой силы и вопреки всенародному протесту, передаютъ въ завѣдываніе іезуитамъ; протестовавшаго противъ этого гнуснаго захвата львовскаго митрополита Іосифа смѣщаютъ съ каѳедры и ссылаютъ въ Римъ, а въ преемники ему назначаютъ безхарактернаго и продажнаго Сильвестра Сембратовича, всенародно поклявшагося служить врагамъ церкви и народа. Въ 1887 году они убѣждаютъ римскаго папу издать постановленіе о запрещеніи излюбленныхъ русскими галичанами трехраменныхъ крестовъ, начинаютъ на нихъ самое неимовѣрное гоненіе, дошедшее до того, что административные чиновники, въ сопровожденіи жандармовъ, вторгаются въ церковныя ограды, на кладбища и другія священныя мѣста, обрѣзываютъ кресты, поносятъ восточный церковный обрядъ, наказываютъ протестующихъ и вездѣ стараются унизить русскую церковь и посѣять самый возмутительный соблазнъ. Въ 1890 году тѣ же польскія правящія сферы заставляютъ избранныхъ, по ихъ волѣ, нѣсколькихъ безхарактерныхъ русскихъ пословъ всенародно отречься въ мѣстномъ областномъ сеймѣ отъ всякой общности и связей съ историческими преданіями, восточной церковью и остальнымъ русскимъ міромъ; въ 1893 году добиваются закрытія находившейся внѣ польскаго контроля русской духовной семинаріи въ гор. Вѣнѣ, въ которой долго воспитывалось лучшее галицко-русское духовенство, и, наконецъ, въ 1897 году доходятъ даже до того, что при выборахъ народныхъ представителей въ вѣнскій рейхсратъ, не желая допустить къ избранію русскихъ кандидатовъ, пускаютъ въ ходъ военную силу, результатомъ чего явилась масса убитыхъ, раненыхъ и арестованныхъ.

Подъ вліяніемъ этой возмутительнѣйшей польско-іезуитской политики, мѣстные русскіе люди разбрелись въ разныя стороны. Желая спасти себя и получить такія же права, какими пользуются другіе народы, они мечутся взадъ и впередъ, въ отчаяніи придумываютъ всевозможныя, иногда прямо гибельныя для нихъ и противоестественныя, спасительныя мѣры. Одни стараются мириться съ поляками и переходятъ въ раболѣпныхъ поклонниковъ Рима (*партія новокурсниковъ*); другіе, сбитые съ пути врагами въ своихъ историческихъ стремленіяхъ (*партія украинофиловъ*, или націоналъ-демократовъ), мечтаютъ о созданіи отдѣльнаго независимаго украинскаго народа отъ Карпатъ до Кавказа; третьи (*партія радикаловъ*) ищутъ спасенія въ соціально-экономическомъ переустройствѣ народныхъ массъ и идутъ заодно съ глашатаями западнаго соціализма; четвертые, наконецъ, силятся согласовать всѣ эти направленія и всѣ они, къ удовольствію однихъ только враговъ, разъединяютъ свои силы, сѣютъ рознь и сильно тормозятъ дѣло историческихъ защитниковъ Русскаго Прикарпатья, такъ называемой старо-русской или руссо-фильской партіи. Послѣдніе отстаиваютъ этнографическое и культурное единство всей Руси, они положили начало національному возрожденію галицко-русскаго народа, они же и по настоящее время, несмотря на неимовѣрныя гоненія, неуклонно стремятся къ освобожденію плѣненной нынѣ Г. Р. и къ возвращенію ей ея историческихъ правъ. Простой галицко-русскій народъ стоитъ внѣ этой партійной розни. Въ теченіе вѣковъ томясь въ плѣну, будучи свидѣтелемъ многихъ ужасовъ, убитый экономически и нравственно, онъ высказываетъ одну только мысль, одно только вѣрное по его мнѣнію желаніе: «*Коли-бъ скорѣе пришелъ Русскій Царь!*»

Каждая изъ этихъ партій имѣетъ въ своемъ распоряженіи по нѣсколько національныхъ учрежденій и обществъ, значительное количество разныхъ печатныхъ органовъ и не малое число рабочихъ силъ. Въ рукахъ «старорусской» народной партіи находятся: 1) древнѣйшее національное учрежденіе «*Ставропигійскій Институтъ*», съ ти-

пографіей, основанной въ 1573 г. первымъ русскимъ книгопечатникомъ, москвичемъ Иваномъ Өеодоровымъ, обширнымъ книжнымъ складомъ и богатѣйшими архивомъ и музеемъ; 2) «*Народный Домъ*», вмѣщающій въ себѣ тельное «*Общество имени Михаила Качковскаго*», основанное извѣстнымъ патріотомъ протоіереемъ Іоанномъ Наумовичемъ и издавшее до сихъ поръ болѣе двухъ милліоновъ экземпляровъ разныхъ полезныхъ книжекъ для на-

Церковь Успенія или Ставропигія въ г Львовѣ.

богатую національную библіотеку и музей, а также обширныя помѣщенія, служащія пріютомъ для разныхъ русскихъ обществъ, торжественныхъ собраній, вечеровъ, концертовъ, русскаго театра и т. п.; 3) народно-просвѣти- рода; 4) ученое и литературное общество «*Галицко-Русская Матица*»; 5) политическое общество «Русская Рада» и многія другія. Въ распоряженіи «*украинофиловъ*» имѣются: 1) ученое общество «*имени Шевченки*», подраз-

дѣлющееся на нѣсколько спеціальныхъ отдѣловъ и издающее много цѣнныхъ трудовъ; 2) народно-просвѣтительное общество «*Просвѣта*»; 3) политическое общество «Народна Рада» и другіе. Партіи «*радикальная*» и «*новокурсниковъ*» не имѣютъ никакихъ особыхъ учрежденій и обществъ и дѣйствуютъ исключительно только посредствомъ газѣтъ и брошюръ, большею частью политическаго характера. Старорусская народная партія издаетъ книги и газеты частью на обще-русскомъ литературномъ языкѣ, частью же на мѣстномъ нарѣчіи, причемъ во всѣхъ своихъ изданіяхъ придерживается этимологическаго правописанія. Украинофилы и радикалы употребляютъ исключительно только малорусскую рѣчь, съ большою однако примѣсью новосочиненныхъ словъ и заимствованій съ другихъ чужихъ языковъ и придерживаются особаго фонетическаго правописанія. Партія «*новокурсниковъ*» или «*полякофиловъ*» коверкаетъ мѣстное нарѣчіе на польскій ладъ и не прочь была бы принять даже латинскій алфавитъ. Печатными органами старорусской партіи является ежедневная газета «*Галичанинъ*» (въ г. Львовѣ) съ его мужественными и самоотверженными борцами за народное дѣло—О. А. Марковымъ и О. А. Мончаловскимъ, «*Православная Буковина*» (въ г. Черновицахъ) и «*Угрорусскій Листокъ*» (въ г. Ужгородѣ) Украинофилы издаютъ въ г. Львовѣ ежедневную газету «*Діло*» и въ г. Черновицахъ еженедѣльную «*Буковину*». Партія радикаловъ имѣетъ въ своемъ распоряженіи еженедѣльную газету «*Свобода*», издаваемую въ г. Львовѣ, а новокурсники ежедневную газету «*Руслан*». Кромѣ этихъ главныхъ органовъ печати, существуетъ еще много разныхъ другихъ повременныхъ изданій: политическихъ, научныхъ, литературныхъ и т. п., издаваемыхъ въ разныхъ городахъ Галичины, Буковины и Угорской Руси и принадлежащихъ, главнымъ образомъ, партіямъ украинофиловъ и руссофиловъ

Вліяніе народной старорусской партіи распространяется на всѣ три части Русскаго Прикарпатья; украинофилы дѣйствуютъ только въ Галичинѣ и Буковинѣ, а партія радикаловъ свила себѣ гнѣздо исключительно только въ одной Галичинѣ. Что же касается партіи новокурсниковъ или полякофиловъ, то они существуютъ только въ предѣлахъ плѣненной поляками Галичинѣ; въ Буковинѣ же и Венгріи имъ соотвѣтствуютъ неимѣющіе никакой организаціи партіи румыно-и мадьяро-фильскія. Партіи руссофильская и украинофильская поражаютъ своею живучестью. Обѣ онѣ, а отчасти и партія радикаловъ, усиленно открываютъ народныя читальни, экономическія и торговыя общества, издаютъ массу популярныхъ брошюръ, устраиваютъ съѣзды, всенародныя вѣча и т. п. При выборахъ народныхъ представителей въ галицкій сеймъ и вѣнскій рейхсратъ обыкновенно каждая партія ставитъ своихъ кандидатовъ. Этимъ пользуются мѣстные поляки, легко избирающіе своихъ кандидатовъ или поставленныхъ ими приверженцевъ полякофильствующей партіи. Гдѣ встрѣчаются малѣйшія препятствія, тамъ пускаются въ ходъ разнаго рода насилія, хитрости, подкупы и даже военная сила. Въ результатѣ выходитъ, что представителями и защитниками галицко-русскаго народа являются самые заклятые его враги Рѣдко гдѣ удается провести русскаго кандидата. Партійная рознь обезсиливаетъ русскихъ, она же сильно тормозитъ дѣло народнаго просвѣщенія. Хотя начальныхъ школъ въ Галичинѣ и очень много, но преподаваніе въ нихъ ведется плохо, тенденціозно и въ чуждомъ народу духѣ. Въ большинствѣ такихъ школъ главное вниманіе обращается на окатоличеніе дѣтей, а также на развитіе въ нихъ партійныхъ взглядовъ и на ополяченіе. «Русскую землю», напримѣръ, раздѣляютъ на двѣ части: Москву и Русь-Украйну, польскаго короля Казиміра Великаго величаютъ спасителемъ и возродителемъ Г. Руси, восхваляя римскую церковь, объявляютъ ее природной церковью русскихъ галичанъ, дѣтямъ внушаютъ, что самыми отъявленными врагами ихъ отечества являются варвары-москали и т. п. Къ счастью наука эта не при-

вивается въ крестьянской средѣ. То же самое происходитъ и въ многочисленныхъ мѣстныхъ средне-учебныхъ, а также и въ двухъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, съ той только разницею, что подобная система преподаванія даетъ здѣсь весьма печальные результаты, раздѣляя учащуюся молодежь на разныя враждующія между собою партіи. Преподаваніе во всѣхъ этихъ школахъ ведется на польскомъ, исковерканномъ малорусскомъ и нѣмецкомъ языкахъ. Опасаясь народной старорусской партіи, взгляды которой твердо лежатъ въ основѣ всего галицко-русскаго народа, галицкіе поляки какъ будто бы поддерживаютъ украинофиловъ, но въ сущности вся эта поддержка имѣетъ цѣлью лишь противодѣйствовать торжеству историческихъ русскихъ стремленій и разъединять и обезсиливать русскихъ людей. Малорусскій языкъ будто бы пользуется здѣсь правомъ гражданства, кое-гдѣ допускается въ учебныхъ заведеніяхъ, администраціи, судахъ и т. п., но мѣстные поляки вездѣ стараются коверкать его, удалять отъ обще-русскаго литературнаго языка и постепенно подготовлять его къ сближенію съ польскимъ языкомъ. Во всѣхъ взглядахъ и начинаніяхъ поляковъ постоянно проникаетъ одна неизмѣнная мысль: постепенно удалить Г. Русь отъ ея историческихъ связей съ Россіей, искоренить въ ней все то, что сдѣлалось причиной ея возрожденія и затѣмъ окатоличить ее и полонизировать. «Зарубежная Русь»,—по мнѣнію поляковъ,—должна составлять неотъемлемую часть Польши и давать жизнь австр. полякамъ, руководящимъ нынѣ, благодаря своей силѣ, общепольскимъ дѣломъ. Лишившись Г. Руси, поляки сразу потеряли бы все свое вліяніе и силу и нанесли бы роковой ударъ непокидающимъ ихъ мечтамъ о возстановленіи Польши.

Церковная исторія Галицкой Руси тѣсно связана съ ея политическою жизнью. Будучи удѣломъ русскихъ князей, въ церковномъ отношеніи она принадлежала вѣдѣнію кіевскаго митрополита, издавна раздѣляясь на двѣ епархіи: галицкую и перемышльскую. По времени своего учрежденія, епархіи перемышльская и галицкая принадлежатъ къ древнѣйшимъ епархіямъ православной Руси. Первая учреждена въ 1120 г., вторая около 1157 года. Объ одномъ изъ первыхъ галицкихъ епископовъ — Козьмѣ, упоминается въ Ипатьевской лѣтописи подъ 1165 годомъ. Въ 1302/3 году, при царѣ Андроникѣ Палеологѣ Старшемъ, галицкая епископія возводится патріархомъ Аѳанасіемъ въ митрополію, съ подчиненіемъ ей епархіи перемышльской, и продолжаетъ существовать въ качествѣ таковой, то закрываясь, то снова открываясь, до 1391 года. Постепенная полит. обособленность Г. Р., подготовляла и неизбѣжную церковную обособленность. Уже при послѣднихъ галицко-волынскихъ князьяхъ обнаруживаются признаки этой обособленности отъ остальной Руси; когда-же въ ней съ 1340 г. засѣли поляки, то всѣ національныя и церковныя связи стали постепенно ослабѣвать, а потомъ и совсѣмъ замерли. Покоривъ Галичину, польскіе короли прежде всего старались оправдать тѣ надежды, какія возлагали издавна папы на Польшу, усиленно навязывая ей религіозную миссію и считая ее единственнымъ вѣрнымъ путемъ, черезъ который успѣшно можетъ проникнуть католическая пропаганда на Русь. Съ первыхъ дней польскаго владычества надъ Г. Р., туда въ большомъ количествѣ проникаютъ римскіе патеры, а къ половинѣ XIV вѣка учреждаются уже и латинскія епископскія каѳедры, сначала въ Галичѣ, а потомъ во Львовѣ и Перемышлѣ. Католическое духовенство съ безпримѣрной настойчивостью и громадными средствами предпринимаетъ наступательное движеніе противъ православной церкви и постепенно подчиняетъ ее самому грубому произволу и насилію. Въ 1391 году умираетъ послѣдній галицкій митрополитъ Антоній и съ тѣхъ поръ галицкая епархія въ теченіе полутора столѣтія остается безъ епископовъ и митрополитовъ, которыхъ замѣнили особые намѣстники кіевскаго митрополита, не имѣвшіе однако достоинства епископскаго. Въ 1509 году

польскій король Сигизмундъ I отнимаетъ у кіевскихъ митрополитовъ власть непосредственнаго назначенія намѣстниковъ и предоставляетъ это право львовскому латинскому архіепископу Бернарду Вильчку и его преемникамъ. Такимъ образомъ галицкая епархія, лишившись своихъ епископовъ, не только окончательно утратила свое прежнее значеніе, но въ довершеніе всѣхъ золъ, подпала подъ власть враждебнаго ей римско-катол. архіепископа, всячески способствовавшаго ея униженію, умаленію и уничтоженію. Судьба православныхъ обитателей Г. Р. становится все болѣе тяжелой и невыносимой. Только спустя много лѣтъ, послѣ долгихъ усилій и борьбы, имъ удается возстановить попранныя права своей православной епархіи, но далеко не въ первоначальномъ видѣ. Въ 1539 году король Сигизмундъ II Августъ далъ привилегію на учрежденіе въ Г. Р. православной епархіи и на посвященіе львовскаго митрополичьяго намѣстника Макарія Тучапскаго въ санъ епископа, съ освобожденіемъ его и его преемниковъ навсегда отъ власти львовскаго латинскаго архіепископа. Въ слѣдующемъ году Макарій Тучапскій былъ торжественно посвященъ кіевскимъ митрополитомъ Макаріемъ въ санъ епископа львовскаго, галицкаго и каменецъ-подольскаго. Спустя нѣкоторое время, было возстановлено и епископство перемышльское. Но возстановленная епархіальная власть не могла уже быть сильною заступницею православія противъ постоянно наступавшаго на него, все съ большими силами, католицизма. Управлявшіе въ теченіе последующихъ 160 лѣтъ галицкой и перемышльской епархіями ихъ собственные православные епископы, принуждены были переносить всевозможныя лишенія и гоненія и вести самую упорную, непосильную борьбу не только съ римскимъ духовенствомъ и польскимъ правительствомъ, но и съ многочисленными своими отщепенцами. Самое грозное для православныхъ галичанъ время наступаетъ въ концѣ XVI столѣтія, когда въ 1596 году на брестскомъ соборѣ объявили унію западно-русской церкви съ римскою, а также прокляли и лишили епископскаго сана, протестовавшихъ противъ этого соединенія двухъ православныхъ западнорусскихъ епископовъ: львовскаго — Гедеона Балабана и перемышльскаго — Михаила Копыстенскаго. Въ скоромъ времени одинъ за другимъ православные епископы признали унію, и только одна Г. Р. еще болѣе столѣтія мужественно защищала свою православную церковь и, выбиваясь изъ силъ, протествовала противъ всякихъ посягательствъ Рима. Обезсиленная въ непосильной борьбѣ, она пала жертвой римской алчности только наканунѣ XVIII столѣтія, когда ея послѣдніе православные епископы: перемышльскій—Иннокентій Винницкій, въ 1691 г., и львовскій—Іосифъ Шумлянскій, въ 1700 году, объявили себя уніатами и стали первыми въ галичинѣ уніатскими епископами. За ними постепенно принуждено было послѣдовать и все бѣлое духовенство, а въ 1710 году присоединилось къ уніи и знаменитое, высоко державшеее знамя Православія *«Львовское Ставропигіальное Братство»* (Ставропигійскій Институтъ). Протествовавшихъ же противъ соединенія съ Римомъ мѣстныхъ православныхъ иноковъ частью разогнали, частью насильно обратили въ унію. Послѣ совращенія въ 1721 году въ унію братьи древняго Креховскаго монастыря, основаннаго въ концѣ XIII вѣка св. Петромъ, митрополитомъ всея Россіи, во всей Галичинѣ остался еще только одинъ монастырь и вмѣстѣ съ тѣмъ послѣдній православный храмъ, такъ называемый *«Скитъ Манявскій»*, въ с. Манявѣ, въ карпатскихъ горахъ. Братья этого монастыря, въ теченіе многихъ десятковъ лѣтъ, съ безпримѣрнымъ мужествомъ защищали православную вѣру и только въ 1785 году, уже во время австрійскаго владычества, не желая признать уніи, были изгнаны, а самый монастырь ихъ, со всѣмъ имуществомъ и церквами, былъ подверженъ закрытію и разграбленію. Живописныя развалины этого не совращеннаго въ унію послѣдняго въ Галичинѣ православнаго памятника стоятъ до сихъ поръ.

Такимъ образомъ, изъ всѣхъ бывшихъ подъ Польшей русскихъ областей, Галичина послѣдней присоединилась къ уніи, но зато насильно навязанное ей римское иго тяготитъ надъ ней и доселѣ. Такое-же иго продолжаетъ испытывать и Угорская Русь, принявшая унію въ 1649 году. Въ настоящее время уніатская церковь въ Галичинѣ, называемая галичанами «русскою церковью», состоитъ изъ трехъ епархій: львовской, перемышльской и станиславовской. Во главѣ первой стоитъ митрополитъ, носящій титулъ, «*митрополита галицкаго, архіепископа львовскаго и епископа каменецъ-подольскаго*». Этотъ титулъ присвоенъ львовскимъ уніатскимъ епископамъ австрійскимъ правительствомъ въ 1808 году. Остальными двумя епархіями управляютъ особые епископы, имѣющіе пребываніе въ г. г. Перемышлѣ и Станиславовѣ. Львовская епархія насчитываетъ въ себѣ 30 благочиній, 1,245 церквей, 1,023 священника, 6 монастырей чина св. Василія (базиліанъ) и около 1.160,000 паствы. Перемышльская епархія считаетъ: 39 благочиній, 1,282 церкви, 808 священниковъ, 8 монастырей и около 1.000,000 паствы. Въ станиславовской епархіи (учрежденной въ 1885 году) числится: 21 благочиніе, 718 церквей, 536 священниковъ, 5 монастырей и 877,147 паствы, изъ коихъ 24,139 уніатовъ среди русскаго православнаго населенія въ Буковинѣ, въ такъ называемой Буковинской Руси. Съ 1700 — 1749 г. галицкіе уніатскіе епископы назначались изъ монашествующей братьи, а съ 1780 г. по настоящее время они избирались изъ бѣлаго духовенства, и только нынѣшній митрополитъ графъ Андрей Шептицкій впервые назначенъ изъ монаховъ чина св. Василія Великаго (т. е. базиліанскаго ордена). Бѣлое духовенство получаетъ образованіе сначала гимназическое, а потомъ университетское, по богословскому факультету. Для посѣщающихъ богословскій факультетъ устроена въ г. Львовѣ духовная семинарія, имѣющая характеръ лишь общежитія, а не особаго учебнаго заведенія. Монашествующая братія воспитывается въ спеціально устроенномъ Василіанскомъ интернатѣ въ м. Добромилѣ, находящемся съ 1883 года въ непосредственномъ завѣдываніи іезуитовъ. Кромѣ того, незначительная часть галицкаго духовенства получаетъ образованіе также въ «папской коллегіи для русскихъ галичанъ въ Римѣ». Девять десятыхъ уніатскаго духовенства женато, а только одна десятая часть его находится въ безбрачіи. Содержаніе бѣлаго духовенства составляютъ: плата за исполненіе требъ, доходы съ церковной земли и небольшое жалованье отъ казны. Средній годовой доходъ каждаго священника колеблется между 1,000 и 2,000 гульденами. Богослуженіе во всѣхъ уніатскихъ церквахъ происходитъ на старославянскомъ языкѣ, а проповѣди произносятся на мѣстномъ малорусскомъ нарѣчіи. Тѣмъ не менѣе однако въ богослуженіе, обряды и церковное устройство вкралось много латинизаторскихъ новшествъ. Галицкіе священники до недавняго времени являлись единственными представителями и защитниками галицко-русскаго народа. Вѣковое польское иго и тлетворное вліяніе іезуитовъ хотя и очень сильно отразилось на галицкомъ духовенствѣ, но не успѣло ослабить въ нихъ русскаго сознанія и затмить русскихъ идеаловъ. Первые дѣятели возрожденія Г. Руси—Снѣгурскій, Могильницкій, Устіановичъ, Шашкевичъ, Яковъ Головацкій и многіе другіе,—были уніатскими священниками. Изъ среды этого духовенства вышли такіе глубокіе ревнители православія, какъ епископъ Маркеллъ (Попель), возсоединившій съ православною церковью холмскихъ уніатовъ и ставшій ихъ первымъ православнымъ епископомъ, протоіерей Іоаннъ Наумовичъ, сильно страдавшій за свою глубокую приверженность къ Православію, и другіе. Въ концѣ 60-хъ и началѣ 70-хъ годовъ минувшаго столѣтія многіе галицкіе уніатскіе священники, около 300 человѣкъ, переселились въ Холмскую Русь, гдѣ послѣ возсоединенія ея съ православною церковью, стали ея первыми православными священнослужителями. Галицкое духовенство

хорошо помнило, какими ужасами сопровождалось введеніе уніи. Для большинства этого духовенства унія была ненавистной, но, не имѣя возможности возстановить у себя православной церкви, оно, по крайней мѣрѣ, старалось оберегать чистоту своего обряда и защищать его отъ безпрестанныхъ посягательствъ на него римской церкви. Только начиная съ 1880 года въ положеніи галицкаго духовенства происходитъ большая перемѣна къ худшему.

Съ первыхъ дней существованія уніи въ Г. Р., римская церковь старалась разными нововведеніями въ греческій обрядъ приблизить его къ латинскому. Но когда въ закрѣпощенной странѣ возникаетъ національное движеніе, появляются ревнители чистоты восточнаго обряда и начинаютъ раздаваться голоса, сочувствующіе Православію,— дѣйствія Рима, въ союзѣ съ поляками, принимаютъ болѣе крутой оборотъ и переходятъ въ систематическую латинизацію уніатской церкви въ Галичинѣ. Съ тѣхъ поръ галицкорусская церковь стала подвергаться еще болѣе сильнымъ преслѣдованіямъ и оскорбленіямъ, неуклонно направленнымъ къ совершенному уничтоженію уніатской церкви, посредствомъ полнаго ея слiянія съ римско-католической. Послѣдствія этого новаго натиска на Г. Р. особенно вредно сказались на ея духовенствѣ. Оно быстро начинаетъ терять свое прежнее значеніе и вліяніе и сильно олатинивается. Стремленіе галицкорусскаго народа къ освобожденію изъ подъ польскаго ига и возвращенію поруганной и насильственно отнятой у него православной вѣры проявлялось всегда очень сильно. Галицкіе крестьяне никогда не сочувствовали уніи, признавали православіе истинно русскою «незыблемою» вѣрою, знали, что нѣкогда оно было религіею ихъ предковъ и массами прокрадывались на поклоненіе въ сосѣдній Почаевъ, гдѣ по ихъ непреложнымъ понятіямъ сохранилась самая чистая и настоящая русская вѣра. Теперь, подъ вліяніемъ быстро падающаго значенія духовенства, а также вслѣдствіе всесильно господствующаго въ Галичинѣ польско-іезуитскаго террора, эти воззрѣнія сильно заволоклись тучами. О прежнемъ Православіи напоминаетъ только единственная во всей Галичинѣ, небольшая православная церковь въ г. Львовѣ, построенная уже въ новѣйшее время для квартирующихъ тамъ православныхъ солдатъ и немногихъ прибывшихъ изъ Буковины православныхъ чиновниковъ. Къ ней принадлежитъ также и нѣсколько львовскихъ семействъ, возсоединенныхъ съ Православною Церковью.

Главнѣйшая литература: *Д. Зубрицкій,* Исторія древняго галицко-русскаго княжества. Львовъ, 1852—1855 гг. *И. Шараневичъ,* Исторія Галицко-Владимірской Руси. Львовъ, 1863 г. *А. Павловъ,* О началѣ галицкой и литовской митрополій. *Н. Тихоміровъ,* Галицкая митрополія. Церковно-историческое изслѣдованіе. Спб., 1895 г. *Д. Зубрицкій,* Историко-критическая повѣсть временныхъ лѣтъ Червонной Руси. Москва, 1855 г. *М. Малиновскій,* Историческія свѣдѣнія о русской митрополіи въ Галичѣ. Львовъ, 1875 г. *А. Петрушевичъ,* Сводная лѣтопись. Львовъ, 1887 и 1897 гг. *А. Добрянскій,* Исторія перемышльской епархіи. Львовъ, 1893 г. *А. Петрушевичъ,* Историческое извѣстіе объ учрежденіи святительскихъ столицъ въ Галичѣ и Львовѣ. Львовъ, 1882 г. *Онъ-же.* Критико-историческія разсужденія о древнемъ Галичѣ. Львовъ, 1888 г. *Д-ръ Целевичъ,* Исторія Манявскаго скиту. Львовъ, 1887 г. *И. Филевичъ;* Борьба Польши и Литвы за галицко-владимірское наслѣдіе. Спб., 1890 г. *I. Гудовичъ.* Унія въ львовской епархіи. Львовъ, 1900 г. *D-r Julian Pelesz,* Geschichte der Union der ruthenischen Kirche mit Rom. Вѣна, 1878—80 гг. *М. Гарасевичъ.* Annales ecclesiae Ruthenae. Leopol. 1862. *I. Наумовичъ,* Аппеляція къ папѣ Льву XIII. Спб., 1883 г. *И. Безсторонный,* Взглядъ на обрядовыя отношенія въ восточной Галичинѣ. Львов, 1893 г. *Смирновъ,* Судьбы Червонной или Галицкой Руси. Спб., 1860 г. *Я. Головацкій.* О первомъ литературно-умственномъ движеніи въ Галичинѣ, Львовъ, 1863 г. *Ф. Свистунъ,* Прикарпатская Русь подъ владычествомъ Австріи. Львоъ, 1896 г. *Гр. Купчанко,* Наша родина (Галицкая, Буковинская и Угорская Русь.) Вѣна. 1897 г. *В. Драгомирецкій,* «Галицко-Русскій Вѣстникъ». Спб., 1894 г. *Левицкій,* Галицкорусская библіографія. Львовъ. Много матеріала также въ львовскихъ изданіяхъ: *„Запискахъ Товарищества имени Шевченки“* и въ *„Науковомъ Сборникѣ Галицко-Русской Матицы“.*

В. Драгомирецкій.

ГАЛЛЪ Вибій Требоніанъ — римскій императоръ 251—254 г., положилъ конецъ гоненіямъ на христіанъ, нача-

тымъ императоромъ Деціемъ, но впослѣдствіи, быть можетъ, подъ вліяніемъ ужасной язвы, приведшей въ ужасъ народъ въ Италіи и Сѣверной Африкѣ, вновь возвратился къ жестокимъ мѣрамъ противъ христіанъ. Св. Кипріанъ, въ своемъ посланіи отъ 253 г. (Ep. 59), говоритъ объ эдиктѣ, которымъ всѣмъ повелѣвалось приносить жертву языческимъ богамъ. При немъ сосланъ былъ Корнилій, епископъ римскій, а также его преемникъ, Луцій.

ГАЛЛЪ—ирландскій монахъ и ученикъ св. Колумбана, основатель монастыря Св. Галла. Въ Штейнахѣ, въ Швейцаріи, онъ построилъ себѣ келью въ густомъ лѣсу, ок. 613 г., и собралъ около себя нѣсколько отшельниковъ, которые жили вмѣстѣ по уставу св. Колумбана; ум. 16 окт. 627 г., хотя данныя касательно этого колеблются между 625 и 650 гг. При Отмарѣ, который считается первымъ аббатомъ Сен-Галльскаго монастыря (720—759 гг.), монастырь началъ очень быстро рости. Вмѣсто устава св. Бенедикта, онъ принялъ уставъ св. Колумбана, построилъ церковь въ честь св. Галла, основалъ госпиталь для прокаженныхъ и устроилъ знаменитую впослѣдствіи школу; уже въ 771 г. одинъ изъ монаховъ монастыря написалъ жизнь его основателя. При Госбертѣ (816—37 гг.) монастырь былъ освобожденъ отъ власти епископа констанцскаго и сдѣланъ свободнымъ королевскимъ аббатствомъ, съ правомъ избирать себѣ аббата. Онъ перестроилъ церковь и отдѣльныя части монастыря въ великолѣпномъ стилѣ. При Соломонѣ III (899—919 гг.) благосостояніе монастыря достигло наивысшей степени. При Ноткерѣ-Лабео и Экгардахъ школа его сдѣлалась однимъ изъ важныхъ центровъ учености и культуры. Монахи Сен-Галльскаго монастыря особенно славились какъ переписчики. Библіотека ихъ была одной изъ величайшихъ въ мірѣ. Многія классическія сочиненія сохранились только въ копіяхъ, сдѣланныхъ сен-галльскими монахами, и въ художественномъ отношеніи ихъ произведенія часто представляютъ собою мастерскія вещи. Они также славились какъ музыканты, — вѣроятно, въ обоихъ этихъ отношеніяхъ поощряемые ирландскими основателями аббатства. Въ 1413 г. городъ Сен-Галлъ получилъ большое промышленное и торговое значеніе, возсталъ противъ аббата и добился независимости. Противъ реформаціи аббатство удержалось безъ всякаго особеннаго ущерба, но послѣ этого періода главное занятіе его прекратилось. Обладая огромными доходами, оно продолжало жить спокойно, хотя и постепенно падая, до самой французской революціи, когда въ 1798 г. оно было секуляризовано: имѣнія его были конфискованы и территорія присоединена къ діоцезу.

Источниками для исторіи Сен-Галльскаго аббатства служатъ два первые тома Monumenta Germaniae. См. также Franz *Weidmann*, Geschichte der Stiftsbibliothek St.-Gallens, 1841.

ГАЛЛАНДИ Андрей—происходилъ изъ французской фамиліи, род. въ 1709 г. въ Венеціи и, будучи священникомъ Ораторіи, ум. въ своемъ родномъ городѣ, въ 1779 г. Имя его незабвенно для богословія, вслѣдствіе изданной имъ греко-латинской «Библіотеки древнихъ отцовъ и древнихъ церковныхъ писателей» (Bibliotheca Graeco-Latina). Она стала выходить, съ посвященіемъ сенату Венеціи, въ 14 томахъ, въ Венеціи, съ 1765—81 г., 2-е изд. 1788 г. Хотя находящіяся въ общеизвѣстныхъ отдѣльныхъ изданіяхъ главныя произведенія древне-церковнаго богословія не вошли въ библіотеку Г., но въ отношеніи мелкихъ твореній и писателей она полнѣе, чѣмъ всѣ остальныя собранія до Миня. Въ нее вошли творенія 380 авторовъ. Кромѣ того, Г. издалъ сборникъ изслѣдованій о «Древнихъ собраніяхъ каноновъ» (Кустана, Петра Де-Марки, братьевъ Баллерини и др.), Венеція 1788 г., также Майнцъ 1790 г.; послѣднее изданіе въ 2-хъ томахъ.

ГАЛЛИКАНИЗМЪ — терминъ для обозначенія того своеобразнаго религіозно-національнаго духа, который во Франціи выразился въ особомъ складѣ обычаевъ, привилегій, положеній и воззрѣній, особенно въ дѣлѣ ея отношеній къ Риму. Въ этомъ понятіи не заключалось ничего похожаго на тенденцію къ ереси или отпаденію, или даже къ

независимости въ смыслѣ полнаго отдѣленія; но Г. всегда было присуще чувство свободы, сознаніе независимаго развитія на основѣ индивидуальной исторіи, что побуждало постоянно оказывать противодѣйствіе всякой попыткѣ со стороны Рима къ поглощенію или полному подчиненію французской церкви.

Основанная св. Иринеемъ, въ Галліи къ концу III вѣка возникла церковь, независимая отъ Рима, но отнюдь не безразличная къ его авторитету, свободная и однако находящаяся въ тѣсной близости съ Римомъ. Многія выдающіяся своимъ благочестіемъ лица провели это развитіе дальше, несмотря на смуты и варварство того времени, и монастыри съ цвѣтущими школами способствовали этому движенію, пока, наконецъ, галло-франкская церковь не получила окончательнаго завершенія въ могучихъ рукахъ Карла Великаго, и съ этого момента независимость французской церкви, въ смыслѣ просто ея національной самобытности, отстаивалась съ энергіей и рѣшительностью всякій разъ, какъ на сцену появлялся способный король, дѣятельный парламентъ или епископъ. Весьма характерны въ этомъ отношеніи три декрета Людовика IX (1226—70 гг.), изданные въ 1229, 1239 и 1270 гг. Первый въ своей вступительной части содержитъ общій обзоръ «вольностей и правъ галликанской церкви»; второй ограничиваетъ власть епископа въ дѣлѣ отлученія и ставитъ духовенство подъ юрисдикцію государства во всѣхъ гражданскихъ дѣлахъ; третій, заключающій въ себѣ прагматическую санкцію, гарантируетъ независимость епископской власти противъ посягательствъ папы, обезпечиваетъ право избранія епископа за капитулами и діоцезнымъ духовенствомъ и отстаиваетъ право французской церкви созывать французскіе соборы. Еще точнѣе опредѣлилось положеніе галликанской церкви вслѣдствіе спора между Бонифаціемъ VIII и Филиппомъ IV Красивымъ (1286—1314 гг.). Стоявшіе на очереди вопросы были высокой важности, — для народа, такъ какъ Бонифацій VIII, въ одной публичной рѣчи, объявилъ Францію находящеюся въ зависимости отъ Германской имперіи; для государства, такъ какъ подъ формой аннатовъ огромныя суммы денегъ ежегодно уходили за Альпы; для короля, такъ какъ папа отрицалъ за нимъ право облагать духовенство налогами для извѣстныхъ цѣлей, даже въ случаѣ настоятельной нужды, и для церкви вообще, такъ какъ папа пытался ввести существенныя перемѣны въ отношенія между епископами и куріей. Моментъ для этого спора былъ избранъ папой неблаговременно. Король энергично былъ поддерживаемъ не только парламентомъ, но также духовенствомъ и народомъ, и вышелъ изъ борьбы побѣдителемъ. Но хотя какъ короли и парламенты, такъ и епископы и университеты, единодушно утверждали, что они навсегда будутъ держаться декретовъ соборовъ пизанскаго, констанцскаго и базельскаго (гдѣ именно и выразились принципы Г.), римская курія никогда не упускала случая для того, чтобы внушать совершенно противоположныя доктрины. То и дѣло возникалъ изъ-за этого споръ, хотя всегда заканчивавшійся однимъ и тѣмъ же исходомъ, — пораженіемъ для Рима. Когда, въ 1455 г., епископъ нантскій осмѣлился обратиться къ римской куріи съ апелляціей противъ королевскаго декрета, то въ дѣло вступился парижскій парламентъ, обвинилъ и осудилъ его за нарушеніе государственныхъ законовъ и церковныхъ привилегій Франціи. Но есть и знаменитое исключеніе изъ этого правила, именно, отмѣна въ 1516 г. прагматической санкціи бургской отъ 1440 г. латеранскимъ соборомъ вслѣдствіе конкордата, заключеннаго между папой Львомъ X и королемъ Францискомъ I (1515—47 гг.). Причины этого конкордата извѣстны. Король желалъ получить себѣ въ ленное владѣніе Неаполь, и его канцлеръ Дюпратъ надѣялся украситься кардинальской шляпой. Но какъ ни важна была эта перемѣна въ теоретическомъ отношеніи, практически она не представляла ничего особеннаго. Духъ декретовъ вышеупомянутыхъ трехъ соборовъ продолжалъ сказываться въ чувствѣ народа, въ ученіи уни-

верситета, въ дѣйствіяхъ духовенства и въ мѣропріятіяхъ парламента; и когда были провозглашены декреты собора тридентскаго (1545—63 гг.), которые, въ случаѣ принятія въ ихъ цѣломъ составѣ, совершенно подорвали бы Г., то во Франціи изъ нихъ были приняты тѣ, которые согласовались съ привилегіями французской короны, положеніями французскаго государства и обычаями и законами французской церкви. Если въ умахъ французовъ существовало когда-либо сомнѣніе или колебаніе касательно истиннаго отношенія между папской каѳедрой и національной церковью, то оно было разсѣяно Пьеромъ Питу. Не говоря уже о его Corpus juris canonici, Codex canonum и Gallicae Ecclesiae in schismate status, онъ въ своихъ «Вольностяхъ галликанской церкви» (1594 г.) представилъ въ 83 членахъ изложеніе всего дѣла столь ясно и точно, что не могло уже быть никакихъ недоразумѣній.

Съ другой точки зрѣнія, но съ одинаковой ясностью и отчетливостью, изложеніе принциповъ Г. далъ Боссюэтъ въ «Деклараціи духовенства», изданной отъ имени «ассамблеи духовенства» (1682 г.). Въ этомъ документѣ говорится, что ап. Петръ, его преемники и вся церковь имѣютъ власть только въ духовныхъ дѣлахъ; что, какъ бы ни велика была власть апостольской каѳедры въ духовныхъ дѣлахъ, она не можетъ ниспровергнуть декретовъ собора констанцскаго, которые она утвердила сама; что, слѣдовательно, законы, правила и обычаи галликанской церкви, признанные этимъ соборомъ, должны оставаться неприкосновенными; и, наконецъ, что опредѣленія папы не неизмѣняемы, если только вся церковь не согласна съ ними. Папа Александръ VIII объявилъ эту декларацію ничтожной и недѣйствительной и обратился къ французскому духовенству съ длиннымъ посланіемъ; и въ одинъ моментъ, въ 1691 г., когда цѣлыхъ тридцать пять епископскихъ каѳедръ вдовствовали во Франціи, потому что папа отказывался утвердить епископовъ, назначенныхъ королемъ, Людовикъ XIV, повидимому, даже готовъ былъ уступить. Но высокомѣріе, съ которымъ въ 1713 г. онъ заставилъ папу утвердить аббата сенъ-эньянскаго епископомъ бовейскимъ, обнаружило его истинное настроеніе, и въ 1718 г. Conseil de Régence просто заявилъ, что папское утвержденіе для французскаго епископа не необходимо.

Въ значительной степени однако Г. потерялъ симпатіи народа вслѣдствіе событій, происшедшихъ между 1790 и 1800 гг., и они считались не побѣдой галликанской церкви надъ Римомъ, а побѣдой революціи надъ христіанствомъ. Въ конкордатахъ 1801 и 1813 гг. очень мало принимаются во вниманіе принципы Г. Въ силу перваго, церковь всецѣло поставлена въ зависимость отъ государства, а послѣдній дѣлалъ уступки только папѣ. Теченіе политической реакціи, начавшееся съ реставраціи, сопровождалось подобнымъ же теченіемъ религіозной реакціи, во главѣ которой стояли де-Местръ, Бональдъ, Ламенне и др. Связь между Римомъ и французскимъ духовенствомъ становилась болѣе и болѣе тѣсной, возвратились іезуиты, галликанская литургія уступала мѣсто римской, учебники въ семинаріяхъ подвергались существеннымъ перемѣнамъ, и вскорѣ послѣ половины минувшаго вѣка Г. окончательно былъ подавленъ и вытѣсненъ ультрамонтанствомъ.

Dupin, Les Libertés de l'Eglise Gallicane, Paris, 1824; *Bordas-Demoulin*, Les pouvoirs constitutifs de l'Eglise, Paris, 1855; *Bossuet*, Defensio declarationis celebrissimae etc., Luxemb. 1730, въ двухъ томахъ; *Fleury* въ Instit. au droit. eccles. и Discours sur les libertés de l'egl. gall. Ст. Gallicanismus изв. старокат. канониста проф. *Шульте*, а также въ его Geschichte d. Quellen und Litt. d. kan. Rechts III, 2 и 3 Theil, стр. 277.

ГАЛЛІЕНЪ Публій Лициній—римскій императоръ съ 260—268 гг., род. въ 218 или 219 г., былъ соправителемъ при своемъ отцѣ въ 253 г., признанъ со стороны сената въ 254 г.; отмѣнилъ, немедленно послѣ своего восшествія на престолъ, декреты своего отца Валеріана противъ христіанъ и сдѣлалъ христіанство если не religio licita, то, по крайней мѣрѣ, религіей, терпимой закономъ. Поэтому въ «Церковной исторіи» Евсевія (7, 23) онъ изображается, на основаніи словъ Діонисія

Александрійскаго, въ качествѣ «возстановителя религіи», и къ нему прилагается пророчество Исаіи (43, 19),—первый примѣръ приложенія благопріятнаго ветхозавѣтнаго пророчества къ императору. Свѣтскіе историки однако описываютъ его человѣкомъ до крайности мелочнымъ и распущеннымъ. Эдиктъ его не сохранился до насъ, и причины его неизвѣстны.

ГАЛЛІОНЪ—старшій братъ философа Сенеки, былъ проконсуломъ Ахаіи, когда туда впервые прибылъ съ проповѣдью евангелія ап. Павелъ (Дѣян. 18, 12). Его настоящее имя было Маркъ Анней Новатъ: имя Г. онъ получилъ вслѣдствіе того, что былъ усыновленъ риторомъ Юніемъ Галліономъ. Время и обстоятельства его смерти неизвѣстны: возможно однако, что, подобно своему брату, онъ былъ преданъ смерти Нерономъ. Онъ считался выдающимся ораторомъ, и Сенека посвятилъ ему свое сочиненіе «О гнѣвѣ». Ему пришлось въ Коринѳѣ разбирать весьма сложное дѣло ап. Павла по обвиненію его со стороны іудеевъ, и въ этомъ случаѣ онъ обнаружилъ высокое чувство справедливости, причемъ не только не оказалъ потворства іудеямъ и не принялъ во вниманіе ихъ доноса на ап. Павла, какъ нарушителя общественнаго мира, но съ чисто-римскимъ высокомѣріемъ спокойно отнесся къ тому, что «эллины», почти на его же глазахъ, подвергли іудеевъ побоямъ.

ГАЛЛІЯ — страна галловъ или франковъ, современная Франція. Касательно просвѣщенія Г. христіанствомъ существуетъ двоякое свидѣтельство—со стороны такъ наз. школы легендарной или антигригоріанской и школы исторической или григоріанской. По взгляду первой, всѣ главныя области Г. были просвѣщены христіанствомъ со стороны лицъ, упоминаемыхъ въ Новомъ Завѣтѣ или тѣсно связанныхъ съ нимъ. По древнему преданію, Лазарь и обѣ его сестры со своими служителями были посажены іудеями въ небольшую лодку и пущены на волю вѣтра и волнъ. Лодку выбросило на берегъ въ южной Г., и прибывшіе на ней обратили въ христіанство жителей городовъ Марселя, Экса, Тараскона и др. Три ученика ап. Павла (Трофимъ, Крискентъ и Сергій Павелъ) проповѣдывали въ Арелатѣ, Вьеннѣ и Нарбоннѣ. Св. Афродизій, который въ теченіе семи лѣтъ оказывалъ гостепріимство св. семейству въ Египтѣ, утвердилъ христіанство въ Безьерѣ; Діонисій Ареопагитъ—въ Парижѣ; мытарь Закхей — въ Каорѣ, и проч. Единственнымъ историческимъ основаніемъ для всѣхъ этихъ сказаній служитъ 2 Тим. 4, 10, гдѣ ап. Павелъ говоритъ, что Крискентъ отправился въ Г.; но чтеніе это не несомнѣнно: Тишендорфъ и пересмотрѣнный англійскій переводъ читаютъ здѣсь, вмѣсто Г., Галатія (какъ читается и въ русскомъ переводѣ). Съ другой стороны, «школа историческая» приписываетъ обращеніе Г. энергіи папской каѳедры и основывается въ своемъ воззрѣніи на авторитетѣ Григорія Турскаго, который, несомнѣнно, имѣлъ полную возможность знать дѣйствительное положеніе дѣлъ. Въ своихъ Annales Francorum онъ говоритъ, что въ 250 г., въ царствованіе Деція, папа посвятилъ семь епископовъ и отправилъ ихъ въ Г., именно, Гатіана въ Туръ, Трофима въ Арелатъ, Павла въ Нарбонну, Сатурнина или Сернина въ Тулузу, Діонисія въ Парижъ, Стремонія въ Авернъ и Марціала въ Лимузинъ. Успѣхъ предпріятія былъ слабый. Въ началѣ IV в., внутри страны, христіанъ было очень мало, хотя въ началѣ V вѣка въ каждомъ изъ 22 городовъ Г., исчисляемыхъ въ Notatia provinciarum et civitatum Galliae, было по епископу. Григорій подтверждаетъ свое повѣствованіе ссылкой на Дѣянія муч. св. Сернина, и его свидѣтельство въ общемъ подтверждается позднѣйшими историческими и археологическими изслѣдованіями, хотя разсказъ объ одновременномъ прибытіи семи епископовъ представляетъ нѣкоторое затрудніе и носитъ на себѣ нѣсколько легендарный оттѣнокъ.

Есть, впрочемъ, пунктъ, гдѣ исторія находитъ себѣ твердую почву уже въ 177 г., именно,—Ліонъ. Въ Церковной Исторіи (5, 1) Евсевія находится письмо, посланное церквами вьенской и ліонской къ церквамъ Азіи и Фригіи, съ извѣщеніемъ о мученичествѣ Поѳина,

епископа ліонскаго, и нѣсколькихъ другихъ христіанъ. У Евсевія находимъ и другое письмо, адресованное тѣми же церквами епископу Елевѳеру римскому, и рекомендующее ему Иринея, въ то время пресвитера ліонскаго (Церк Ист. 5, 4). Несомнѣнно, что эта ліонская церковь основана была греческими миссіонерами изъ Малой Азіи. Вѣроятно, что они, проходя области вьеннскую и нарбоннскую, основали христіанскія общины также и въ этихъ мѣстахъ, но неизвѣстно, насколько распространилось въ то время христіанство; хотя своеобразныя особенности галликанской церкви и, особенно, разница между римской и галликанской литургіями указываютъ на существованіе въ Г. сильнаго вліянія, совершенно непохожаго на вліяніе со стороны Рима.

Полную литературу этого предмета см. у Рюелли: Bibliographie générale de la Galle, 1789; см. также статьи: **Діонисій Ареопагитъ, Ириней, Григорій Турскій** и друг.

ГАЛЛУА Петръ, знаменитый проповѣдникъ и ученый іезуитъ (род. въ 1572, въ Люттихѣ; ум. въ 1656). Онъ попреимуществу занимался изученіемъ греческихъ отцовъ церкви («Двѣ книги о знаменитыхъ писателяхъ восточной церкви, прославившихся святостью и ученостью», Дувей, 1633 и 1636; «Жизнь и ученіе св. Іустина», 1622; «Жизнь Діонисія», «Жизнь Оригена»). Его книга «Защищенный Оригенъ», изданная въ 1648 г. въ Люттихѣ и посвященная папѣ Иннокентію X, подверглась сильному нападенію со стороны кардинала Нориса и уже въ 1655 г. была занесена въ «Индексъ» запрещенныхъ книгъ.

ГАЛУППИ Бальтазаръ (1703—1785), родомъ изъ Венеціи, знаменитый композиторъ, «отецъ итальянской комической оперы» и родоначальникъ концертной духовной музыки въ Россіи. Въ 1764 г. онъ былъ приглашенъ Екатериною II въ Россію, гдѣ пробылъ около пяти лѣтъ, управляя придворнымъ оркестромъ и сочиняя оперы, изъ коихъ нѣкоторыя были исполняемы и въ Петербургѣ. Кромѣ своихъ спеціальныхъ занятій придворною оперною музыкой, Г. пользуясь близостію къ придворнымъ пѣвчимъ, которые тогда приглашаемы были къ участію въ оперныхъ спектакляхъ,—посвящалъ часть своихъ занятій и духовной музыкѣ: онъ первый въ Россіи сталъ писать духовные концерты въ итальянскомъ стилѣ на слова церковныхъ пѣснопѣній и тѣмъ положилъ начало новому такъ называемому концертному (итальянскому) направленію нашей церковной музыки,—которое затѣмъ, поддерживаемое и укрѣпляемое другими, вызываемыми въ Россію иностранными композиторами и русскими ихъ учениками и подражателями, было господствующимъ въ Россіи въ теченіе почти цѣлаго столѣтія и оставило слѣды даже до настоящаго времени въ нашемъ церковно-богослужебномъ пѣніи. Г. написалъ нѣсколько духовныхъ концертовъ и оставилъ намъ такого даровитаго ученика, какъ Бортнянскій, который, несмотря на всеобщее увлеченіе итальянщиною, рѣшился однако поднять голосъ въ защиту нашихъ церковныхъ напѣвовъ и, обработывая ихъ по правиламъ европейской гармоніи, тѣмъ положилъ начало новому періоду въ исторіи церковнаго пѣнія—періоду равновѣсія мелодіи церковныхъ напѣвовъ съ гармоническими элементами. Изъ концертовъ Г. изданы три: «Услышитъ тя Господь», «Готово сердце мое» и «Суди Господи»; изъ мелкихъ сочиненій: «Слава — Единородный», «Благообразный Іосифъ» и «Плотію уснувъ». Концерты Г. отличаются богатствомъ музыкальной формы и гармоніи; они преукрашены аріозными солами, смѣлыми пассажами, трелями и форшлагами, но въ то же время скудны внутреннимъ идейнымъ содержаніемъ и поражаютъ рѣдкимъ отсутствіемъ необходимаго соотвѣтствія текста съ музыкою.

Пр. *Д. Разумовскій*, Церковное пѣніе въ Россіи.—Св. *В. Металловъ*, Очеркъ исторіи правосл. церк. пѣнія въ Россіи.—*П. Перепелицынъ*, Исторія музыки въ Россіи. — *И. Вознесенскій*, Осмогласные роспѣвы трехъ послѣднихъ вѣковъ. Кіевскій роспѣвъ.—*А. Преображенскій*, Словарь русскаго церковнаго пѣнія.

Свящ. А. Митропольскій.

ГАМАЛІИЛЪ—имя нѣсколькихъ библейскихъ лицъ. Изъ нихъ—1) во времена Моисея начальникъ колѣна Манассіина (Числ. 1, 10; 2, 20).—2) Во времена І. Христа **Г.**—выдающійся законникъ фарисейской секты, однимъ изъ учениковъ котораго былъ, между прочимъ, ап. Павелъ (Дѣян. 22, 3), и который въ синедріонѣ въ Іерусалимѣ сдѣлалъ касательно христіанства знаменитое замѣчаніе, что если оно дѣло человѣческое, то погибнетъ само собою, а если оно происходитъ отъ Бога, то верховный совѣтъ ничего не можетъ сдѣлать противъ него (Дѣян. 5, 38 и слѣд.). Такъ какъ этотъ Гамаліилъ, какъ законникъ, пользовался большимъ уваженіетъ у всего народа (Дѣян. 5, 34), и іудейская исторія знаетъ только одного знаменитаго законника этого имени отъ того времени, именно сына Симеона и внука Гиллеля, то этотъ Гамаліилъ (старшій), безъ всякаго сомнѣнія, есть одно и то же лицо съ послѣднимъ. О немъ часто съ похвалою упоминаетъ Талмудъ, который называетъ его даже «славой закона». И онъ, дѣйствительно, выступаетъ, какъ человѣкъ широкихъ принциповъ. Противъ несогласныхъ мнѣній и заблужденій, напр., онъ отнюдь не хотѣлъ принимать никакихъ насильственныхъ мѣръ; въ такомъ случаѣ онъ ограничивался только введеніемъ въ молитву проклятія противъ намѣренныхъ измѣнниковъ религіи. Что въ Птолемаидѣ онъ не смутился пользоваться баней, гдѣ воздвигнута была статуя Афродиты, и на своей печати имѣлъ изображеніе, служитъ также доказательствомъ того, что онъ, во всякомъ случаѣ, не былъ особенно строгимъ фарисеемъ. Съ этимъ согласно и замѣчаніе Талмуда о томъ, что изъ его тысячи учениковъ 500 изучали законъ и 500 греческую мудрость. Онъ первый получилъ титулъ *раббана* («нашъ учитель») и пользовался столь большимъ уваженіемъ, что отъ его указаній зависѣло, когда праздновать новомѣсячіе, или когда удлиннять годъ черезъ вставочный мѣсяцъ. По христіанскимъ сказаніямъ, Гамаліилъ, вмѣстѣ съ Никодимомъ, обратился въ христіанство, былъ крещенъ апп. Петромъ и Іоанномъ и нашелъ себѣ блаженную кончину, его мощи были обрѣтены нетлѣнными съ мощами св. Стефана Первомученика и Никодима. *Пам. 2 авг.* 3) **Гамаліилъ** изъ Ямны или младшій, ум. около 115 г.; славился какъ законодатель и глава верховнаго іудейскаго судилища, собиравшагося въ Ямнѣ. Въ 95 г. онъ посѣтилъ Римъ, и Талмудъ подробно разсказываетъ о событіяхъ изъ этого путешествія.

ГАМАННЪ Іог. Георгъ, нѣм. мистикъ (род. въ Кёнигсбергѣ, 1730; ум. въ Мюнстерѣ, 1788), получилъ нѣсколько безпорядочное образованіе; изучалъ древнюю литературу и языки, филологію и литературу въ университетѣ своего родного города (1746—51), отправившись въ Курляндію въ качествѣ учителя въ частное семейство, онъ познакомился съ большимъ торговымъ домомъ Беренса въ Ригѣ, началъ изучать политическую экономію и, въ качествѣ агента этого торговаго дома, совершилъ путешествіе въ Англію. Въ Лондонѣ онъ попалъ въ худую компанію и потерялъ всѣ свои деньги. Оказавшись въ отчаянномъ положеніи, онъ взялся за Библію, и, подъ ея вліяніемъ, въ немъ произошелъ глубокій нравственный переворотъ. Пробывъ нѣсколько времени въ Ригѣ, онъ поселился въ Кёнигсбергѣ (1759), занималъ сначала небольшую должность въ администраціи и въ таможнѣ и посвятилъ себя изученію литературы. Его сочиненія: «Библейскія размышленія», «Мысли о теченіи моей жизни», «Голгоѳа», и др., по большей части представляютъ собою брошюры, производили въ свое время глубокое впечатлѣніе и доставили ему имя «сѣвернаго мага». Они довольно странны, причемъ темнота и лучезарная ясность, бѣглые намеки и сильныя мысли чередуются между собою; но вообще его сочиненія имѣютъ сильно возбуждающее дѣйствіе. Послѣдніе годы своей жизни онъ провелъ въ кругу Якоби и княгини Голицыной. Собраніе его сочиненій, въ 8 томахъ, вышло въ Берлинѣ, 1821—1843.

ГАНГРА — главный городъ Пафлагоніи, былъ мѣстомъ собора, состоявша-

гося тамъ, въ точности неизвѣстно, въ какое время, въ половинѣ IV вѣка противъ евстаѳіанъ. Эта секта до крайности доводила свой аскетизмъ, отвергая бракъ не только для священниковъ, но и для мірянъ, и требуя полнаго воздержанія отъ мяса, и проч. Ересь была осуждена соборомъ; но такъ какъ соборъ одобрялъ вступленіе въ бракъ не только вообще, но и для священниковъ, то онъ причинилъ большое смущеніе въ римско-католической церкви, въ которой уже началась тенденція ко введенію целибата.

Ганнонъ — патр. александрійскій, пріѣзжалъ въ Москву въ концѣ XVI или въ началѣ XVII вв. Сопровождавшій его митрополитъ Иса описалъ его жизнь въ Москвѣ арабскими стихами, на каковое описаніе Московіи ссылается архидіаконъ Павелъ, тоже сопровождавшій въ Москву митр. александр. Макарія. *Н. М.*

ГАРДУИНЪ (Hardouin) Іоаннъ, — іезуитъ, прославившійся столько же своею ученостью, какъ и своими парадоксами (род. въ Бретани, 1646; ум. въ Парижѣ, 1729). Рано вступивъ въ орденъ іезуитовъ, онъ посвятилъ себя литературѣ и держался самыхъ странныхъ воззрѣній. Такъ, среди греческихъ и латинскихъ классиковъ, онъ признавалъ подлинными только сочиненія Цицерона, «Естественную исторію» Плинія, «Георгики» Виргилія и сатиры Горація, а всѣ остальныя считалъ монашеской стряпней XIII вѣка (Энеиду, напр., считалъ аллегоріей спасающаго свою вѣру въ Италіи ап. Павла); Іисусъ Христосъ и апостолы. будто бы, проповѣдывали полатыни; всѣ до-тридентскіе соборы не существовали. Послѣднее мнѣніе однако не воспрепятствовало ему издать тщательно обработанное собраніе соборныхъ актовъ въ 12 томахъ (Парижъ, 1715). Онъ написалъ также ученую хронологію Ветхаго Завѣта. Въ надгробной его надписи говорится, между прочимъ, о немъ: Docte febricitans scepticum pie egit». О своемъ неслыханномъ историческомъ скептицизмѣ и парадоксальныхъ результатахъ его онъ самъ неоднократно высказывался откровенно. Церковный историкъ Генке, не безъ основанія, замѣчаетъ о глубочайшихъ мотивахъ этого скептицизма: «Г. давалъ своимъ близкимъ друзьямъ довольно ясно понять, что прежде всего нужно подорвать уваженіе ко всякимъ отцамъ церкви и древнѣйшимъ церковнымъ историкамъ и при этомъ низверженіи уничтожить все множество языческихъ писателей, чтобы подорвать всякую историческую вѣру, на обломкахъ которой возвысить вѣру церкви и выбить оружіе изъ рукъ всѣхъ дерзкихъ поддѣлывателей ученія, старающихся подтвердить свои заблужденія изреченіями изъ древнѣйшихъ учителей церкви». Умирая (на 83 г. отъ рожд.), Г. передалъ всѣ рукописи своихъ сочиненій аббату д'Оливету, который часть ихъ издалъ подъ заглавіемъ: Opera varia, Amsterd. 1733, in folio, а остальныя передалъ въ корол. библіотеку. Въ своемъ сочиненіи Athei defecti онъ возстаетъ противъ «атеистовъ», къ числу которыхъ, какъ истый іезуитъ, относитъ и такихъ лицъ, какъ Янсенъ, Арнольдъ, Паскаль, Кеенель и многихъ другихъ во главѣ съ Декартомъ. Въ его глазахъ атеистъ и картезіанецъ были термины однозначущіе.

ГАРЕТОВСКІЙ Василій Ивановичъ, протоіерей. Сынъ причетника с. Гаретова, зарайскаго уѣзда, родился въ 1827 г., все дѣтство провелъ въ крайней нищетѣ, высшее образованіе получилъ въ московской духовной академіи, которую окончилъ со степенью магистра въ 1852 г. По окончаніи академическаго курса онъ около года занимался приведеніемъ въ порядокъ дѣлъ цензурнаго комитета при академіи, а затѣмъ 27 іюля 1853 г. рукоположенъ во священника и назначенъ соборнымъ протоіереемъ въ Ряжскъ. Здѣсь онъ упорядочилъ приходъ, учредилъ попечительство и при его посредствѣ выстроилъ на собранныя деньги новый храмъ, обошедшійся до 70,000 р. Въ 1868 г. онъ былъ избранъ ректоромъ рязанской духовной семинаріи и всю остальную жизнь посвятилъ трудамъ на пользу семинаріи: провелъ преобразованіе семинаріи, учре-

дилъ попечительство о бѣдныхъ воспитанникахъ и ссудную кассу для нихъ, выстроилъ два семинарскихъ зданія. Но особенно большое значеніе имѣло, хотя и не поддающееся учету, его воспитательное вліяніе на воспитанниковъ. Его кончина, 6 февраля 1883 г., встрѣчена была всеобщею великою скорбью въ семинаріи и среди духовенства. Воспитанники по собственному почину облеклись въ трауръ, обложили гробъ вѣнками, сопровождали похоронную процессію съ зажженными факелами, несли гробъ на рукахъ, вообще старались, въ чемъ только можно, высказать въ отношеніи къ почившему чувство глубокой преданности, любви и благодарности. Погребенъ почившій въ созданномъ имъ ряжскомъ соборѣ.

Біографическія свѣдѣнія—въ изданной попечительствомъ о бѣдныхъ воспитанникахъ семинаріи брошюрѣ: «Вѣнокъ на могилу ректора рязанской духовной семинаріи, протоіерея Василія Ивановича Гаретовскаго», Рязань, 1883 г. (съ портретомъ); также—некрологи въ «Церк. Вѣстн.»,1883 г., № 9;—«Ворон. Е. В.», 1883 г., №5;—«Рязанск. Е. В.», 1883 г., № 5. *С. Рункевичъ.*

ГАРИЗИМЪ — гора въ Палестинѣ, неоднократно упоминаемая въ Библіи въ связи съ немаловажными событіями библ. исторіи. По самарянскому преданію, на ней именно Ной приносилъ жертву послѣ потопа и Авраамъ хотѣлъ заклать своего сына Исаака во всесожженіе, равно какъ Іакову было видѣніе лѣствицы до небесъ. Съ ея вершины провозглашались благословенія народу израильскому (Втор. **11**, 29; **27**, 12). Самаряне показывали тамъ же 12 камней, принесенныхъ израильтянами изъ Іордана, равно какъ жертвенное мѣсто, гдѣ І. Навинъ приносилъ жертву. Съ этой горы Іоаѳамъ разсказывалъ извѣстную аллегорію о деревахъ, избравшихъ себѣ царя (Суд. **9**, 7 и сл.). Построенный тутъ самар. намѣстникомъ Санвалнаромъ храмъ былъ разрушенъ маккав. княземъ и первосвященникомъ І. Гирканомъ (124 г. до Р. Хр.) и не былъ возстановленъ вновь. На мѣстѣ бывшаго храма еще и теперь видны массивныя развалины византійской церкви, которая была построена импер. Зеномомъ въ 480 г. и послѣ нашествія самарянъ окружена была Іустиніаномъ І сильной круговой стѣной, такъ что ея развалины походятъ на остатки крѣпости. Изъ Н. Завѣта извѣстно, что еще во времена земной жизни І. Христа гор. Г. считалась у самарянъ священ. мѣстомъ молитвы и поклоненія. И такое отношеніе къ ней сохранилось и доселѣ у мѣстныхъ самарянъ, которые ежегодно совершаютъ на ней жертвоприношеніе изъ семи ягнятъ.

ГАРЛЕССЪ Готтлибъ Хр. Адольфъ — одинъ изъ вліятельнѣйшихъ нѣм. богослововъ XIX вѣка (род. 1806 г. † 1879 г.). Сынъ купца, онъ получилъ хорошее классическое и музыкальное образованіе и ничего не хотѣлъ слышать о богословіи, когда хотѣли склонить его къ этому. «Нѣтъ, никогда я не буду изучать богословіе», на отрѣзъ отказался онъ однажды. Поступивъ въ Эрлангенъ (1823 г.), онъ съ энтузіазмомъ отдался спачала физіологіи, а затѣмъ юриспруденціи: но ни та, ни другая наука не удовлетворили его. Тогда онъ подпалъ вліянію извѣстныхъ богослововъ своего времени — библеиста Винера и церк. историка Энгельгардта. Затѣмъ философія корифеевъ философіи тогдашняго времени окончательно увлекла даровитаго юношу, онъ сдѣлался философомъ-идеалистомъ въ духѣ Шеллинга и Гегеля, а отсюда еще одинъ шагъ, и—онъ сдѣлался богословомъ, каковымъ и остался на всю жизнь. Въ Пасху 1826 г. онъ перешелъ въ Галле, гдѣ подпалъ вліянію гремѣвшаго въ то время на всю Германію богослова Толюка и подъ его вліяніемъ усердно занялся крупными богословскими вопросами. Первымъ его богосл. опытомъ было разсужденіе De creatione ex nihilo, за что получилъ степень доктора философіи. Сдѣлавшись приватъ-доцентомъ богословія, онъ читалъ лекціи по «Исторіи ученія о свободѣ воли». За разсужденіе de Revelatione et Fide (1830 г.) получилъ экстраординатуру, читалъ лекціи по экзегетикѣ, въ 1834 г. сдѣланъ былъ ордин. профессоромъ съ порученіемъ читать по нравств. богословію, которое потомъ и сдѣлалось любимымъ и спеціальнымъ предметомъ

его изученія. Слава его возростала и онъ получалъ приглашенія отъ университетовъ берлинскаго, дерптскаго и цюрихскаго, но предпочиталъ остаться въ Эрлангенѣ. Тамъ онъ написалъ три главныхъ своихъ произведенія: «Комментарій на посл. ап. Павла къ Ефесянамъ» (1834 г.), «Богословскую энциклопедію и Методологію съ точки зр. христ. церкви» (1837 г.) и «Христ. Этику» 1842 г. Послѣднее сочиненіе было самымъ важнымъ его сочиненіемъ и въ дѣйствительности было первымъ опытомъ «Нравственнаго Богословія» въ XIX вѣкѣ. Книга произвела огромное впечатлѣніе, и изданія выходили одно за другимъ. Въ 1893 г. оно вышло 8-мъ изданіемъ,—что для серьезной богословской книги было въ то время явленіе неслыханное. Въ 1836 г. Г. по поводу выхода въ свѣтъ Штраусовой «Жизни Іисуса» написалъ обстоятельный апологетическій трактатъ «Критич. обработка «Жизни Іисуса» Штрауса, освѣщенная по ея научной цѣнности». Въ 1838 г. подъ его вліяніемъ создался редактировавшійся имъ «Журналъ для протестантизма и церкви» и въ немъ неустанно ратовалъ противъ іезуитской партіи, причемъ за статью «іезуитское зеркало» (1839 г.) подвергся карѣ, и статья была конфискована. Получивъ приглашеніе въ Лейпцигъ, онъ тамъ энергично боролся противъ раціонализма и достигъ наивысшей славы, такъ что его аудиторія всегда была переполнена студентами и даже приватъ-доцентами. По своему направленію, это былъ убѣжденный ортодоксалъ и всячески выдвигалъ идею церкви и церковности, непреклонный поборникъ «евангелической церкви», которую любилъ называть «нашей святой евангелическо - лютеранской церковью». Много онъ поработалъ въ этомъ направленіи и въ церковной администраціи, въ которой игралъ видную роль. Ему принадлежитъ и новый чинъ богослуженія въ этой церкви. Занимая видныя церк. должности, онъ не покидалъ пера, и ему принадлежатъ еще сочиненія: «Книга о египетскихъ мистеріяхъ: къ исторіи саморазложенія язычеллинизма» (Мюнхенъ 1858 г.), «Историч. очеркъ изъ церк. жизни Лифляндіи 1845 г.» (Лейпцигъ 1869 г.), «Государство и церковь» (Лейпцигъ 1870 г.), «Отношеніе христіанства къ культурѣ и жизненный вопросъ наст. времени» (Эрлангенъ, 1 изд. 1863 г. и 2 изд. 1866 г.) и др. Вообще это былъ человѣкъ широкихъ и идеальныхъ наклонностей.

См. о немъ 3 изд. Р. Энц. Герцога-Гаука подъ сл. *Harless*, гдѣ указана литература.

ГАРМОНІЙ—сынъ гностика Вардесана; свѣдѣнія о немъ мы имѣемъ отъ Созомена (H. E. 3, 16), которому слѣдуетъ и бл. Θеодоритъ (H. E. 4, 29...). Изъ имѣющихся у названнаго историка данныхъ оказывается, что Г. получилъ «греческое образованіе» (по мнѣнію бл. Θеодорита, именно «въ Аθинахъ») и «примкнулъ къ еретическимъ мнѣніямъ своего отца; однако въ то же время онъ находился и подъ вліяніемъ греческихъ представленій о душѣ, о происхожденіи и гибели тѣла и возрожденіи (παλιγγενεσία)» его. «Свои мысли онъ облекалъ въ стихи и, такимъ образомъ, сдѣлался творцомъ сирской гимнической поэзіи». Еретическія произведенія Г. нашли изобличителя въ лицѣ св. Ефрема Сирина, опровергавшаго ихъ въ соотвѣтствующей же формы произведеніяхъ.

См. у *Барденгевера* въ его «Geschichte d. altkirchlichen Litteratur», I. Band, 1902—въ концѣ рѣчи о «*Вардесанѣ и Вардесанитахъ*», S. 340—341. *А. Бронзовъ.*

ГАРМСЪ Клаусъ — сильный поборникъ религіозной вѣры въ вѣкъ раціонализма (род. въ Шлезвигъ-Голштейнѣ, 1778; ум. въ Килѣ, 1885). Не имѣя сначала возможности, по недостатку средствъ, получить высшее образованіе, онъ до 19-лѣтняго возраста работалъ на мельницѣ своего отца. По смерти его, онъ поступилъ въ классическую школу и впослѣдствіи въ кильскій университетъ. Преподаваніе въ университетѣ было тогда попреимуществу раціоналистическимъ. Но, подъ вліяніемъ тщательнаго изученія «Рѣчей о религіи» Шлейермахера, Г. совершенно отвернулся отъ раціонализма и всецѣло отдался вѣрѣ во Христа, какъ единственной надеждѣ грѣшни-

ковъ. Въ 1806 г. онъ получилъ мѣсто пастора въ Лунденѣ, а въ 1816 г. перешелъ въ Киль, гдѣ и служилъ въ теченіе всей остальной жизни, несмотря на приглашеніе, которое ему дѣлали въ Берлинъ, въ качествѣ преемника Шлейермахеру, и въ другія мѣста. Въ 1849 г. онъ долженъ былъ оставить свое мѣсто, вслѣдствіе слѣпоты. Въ 1878 г. въ Килѣ отпразднована была столѣтняя годовщина его рожденія, и на домѣ, гдѣ онъ жилъ, прибита доска съ надписью. Г., своимъ смѣлымъ изобличеніемъ раціонализма, оказалъ рѣшительное вліяніе на религіозную вѣру своего времени. Какъ проповѣдникъ, онъ привлекалъ массы слушателей, и даже студенты университета толпами сбирались слушать его. Это былъ человѣкъ чисто народнаго типа, и его стиль былъ не менѣе популяренъ, какъ въ то же время свѣжъ и выразителенъ. Въ трехсотлѣтнюю годовщину реформаціи Г. воспользовался случаемъ рѣшительно высказаться противъ раціонализма, причемъ опубликовалъ, рядомъ съ тезисами Лютера, 95 своихъ собственныхъ тезисовъ, гдѣ смѣло ратуетъ противъ разума, который называетъ «папой нашего времени», и противъ религіи разума, которая «ворвалась въ лютеранскую церковь, удаляетъ Христа отъ алтаря, изгоняетъ слово Божіе съ каѳедры, создаетъ Бога, между тѣмъ какъ раньше Бога считали создавшимъ человѣка, и проч. Эти тезисы, подобно бурѣ, пронеслись по Германіи. Вообще, его сочиннія принесли много пользы для оживленія религіозно-нравственнаго духа въ Германіи. Г. писалъ также гимны, изъ которыхъ иные вошли въ нѣмецкую книгу гимновъ.

ГАРНАКЪ Адольфъ—извѣстный берл. профессоръ—является не только виднѣйшимъ представителемъ современнаго прогрессивнаго протестантства, но въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ служитъ для него вождемъ, а въ научномъ смыслѣ это по истинѣ крупная продуктивная сила, почему иногда ему усвояется имя даже «Моммсена современной теологіи» [1]). Происходитъ онъ изъ даровитой семьи и унаслѣдовалъ наибольшую долю талантовъ. Его отецъ Ѳеодосій Гарнакъ былъ выдающимся ученымъ по вопросамъ практическаго, систематическаго и историческаго богословія и пользовался широкою и благотворною авторитетностію по своей церковно-практической дѣятельности въ ортодоксальномъ духѣ [1]). Въ этой атмосферѣ сосредоточивались рѣдкія условія для счастливаго развитія, и всѣ четыре брата достигли потомъ высшихъ «академическихъ» степеней и выдающагося положенія. (Карлъ Густавъ) Адольфъ род. 7-го мая (ст. стиля) 1851 г. въ Дерптѣ (нынѣ Юрьевъ, Лифляндской губ.) и съ 1869 по 1872 г. слушалъ лекціи въ тамошнемъ университетѣ, гдѣ на его церковно-историческія занятія оказывалъ особенное вліяніе проф. М. ф.-Энгельгардтъ († 23-го мая 1881 г.), авторъ извѣстнаго изслѣдованія объ Іустинѣ Философѣ. Кончивъ курсъ съ «отличіемъ» кандидатомъ богословія и получивъ золотую медаль за конкурсную

---

[1]) Такъ, проф. канадскаго университета *Samuel McComb*, обсуждая воззрѣнія Ад Гарнака касательно воскресенія Христова, пишетъ о немъ въ лондонскомъ журналѣ «The Expositor» 1901, XI, стр. 350, что «всѣ изучающіе и учащіе по предметамъ религіи обязаны огромной благодарностію тому, кто справедливо названъ „Моммсеномъ современной теологіи“.

[1]) О Theodosius Andreas Harnack'ѣ см. статьи *Ѳ. Л. Гершельмана* въ VII т. 3-го изданія «Энциклопедіи» *Герцога—Гаука* (Leipzig 1899), стр. 445—449, и въ «Словарѣ» профф. Юрьевскаго Унив. (Юрьевъ 1902), стр. 58—60. 61—62. (74). Онъ родился въ С.-Петербургѣ 22-го декабря (ст. стиля) 1816 г., съ 1844 г. былъ профессоромъ практическаго и (потомъ еще нѣкоторыхъ отдѣловъ) систематическаго богословія въ дерптскомъ университетѣ, въ 1853 г. перешелъ въ Эрлангенъ, въ 1865 г. вернулся въ Дерптъ, въ 1875 г. покинулъ каѳедру по болѣзни, но не прекращалъ научно-литературной дѣятельности до самой своей смерти, 11 (23) сентября 1889 г. Изъ его многочисленныхъ и цѣнныхъ трудовъ—на русскомъ языкѣ извѣстно солидное сочиненіе объ «общественномъ богослуженіи христіанъ въ апостольскій и древне-церковный вѣкъ» по обработкѣ бывшаго кіевскаго проф. *Ѳ. А. Смирнова* (нынѣ епископъ Христофоръ) подъ заглавіемъ «Богослуженіе христіанское со временъ Апостоловъ до четвертаго вѣка», Кіевъ 1876 (изъ «Трудовъ К. Д. А.» за 1874—1876 гг.).

работу объ ученіи Маркіона по сочиненію противъ него Тертулліапа, А. Г. перешелъ въ Лейпцигъ. Здѣсь, пріобрѣвши степени доктора философіи (въ 1873 г.) и лиценціата (въ родѣ нашего магистра) богословія (въ 1874 г.), онъ открылъ свои руководящія занятія при университетѣ еще прежде достиженія (въ іюлѣ 1874 года) званія привать-доцента и велъ со студентами маленькій «семинарій» о Мураторіевомъ канонѣ; отсюда уже вышли и его первые ученики. Затѣмъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ А. Г. читалъ законченные курсы по частнымъ отдѣламъ богословія, напр., по введенію въ Новый Завѣтъ, о гностицизмѣ, объ Апокалипсисѣ, въ связи съ изученіемъ іудейскихъ и христіанскихъ апокалиптическихъ памятниковъ, объ Евсевіи, о древне-христіанской литературѣ и т. п. По избранію совѣта, А. Г. 22-го ноября 1875 г. былъ утвержденъ въ должности доцента историческаго богословія въ родномъ университетѣ и даже получилъ 50 полуимперіаловъ на переѣздъ въ Дерптъ, но сюда не являлся и 22 мая—23 іюля 1876 г. вышелъ въ отставку, ибо въ томъ же 1876 г. онъ занялъ каѳедру экстраординарнаго профессора въ Лейпцигѣ. Въ (апрѣлѣ) 1879 г., удостоенный отъ марбургскаго университета званія почетнаго доктора богословія, А. Г.—имѣя лишь 38 лѣтъ отъ роду—перешелъ на ординатуру по церковной исторіи въ Гиссенѣ. Это было совсѣмъ необычное въ Германіи отличіе для такого молодого человѣка, но оно вполнѣ оправдывалось его научно-богословскими заслугами, которыя еще въ 1875 г. весьма лестно были оцѣнены дерптскимъ богословскимъ факультетомъ. Между другими трудами А. Г. выпустилъ въ Лейпцигѣ диссертацію о гностицизмѣ (1873), объ Аполлесѣ (1874) и вмѣстѣ съ привлеченнымъ имъ землякомъ Оскаромъ ф.-Гебгардтомъ и проф. Теодоромъ Цаномъ редактировалъ (въ 1875—1877 гг.) трехтомное изданіе апостольскихъ отцовъ, доселѣ общепринятое въ Германіи. Въ Гиссенѣ при участіи того же Гебгардта А. Г. основалъ (въ 1882 г.) повременную нерегулярную серію «Текстовъ и изслѣдованій по исторіи древне-христіанской литературы». Нельзя не признать удачною самую идею такого органа, потому что въ немъ удобно объединялись всѣ однородныя работы безъ стѣсненія сроками выхода и безъ строгаго ограниченія размѣрами. Неудивительно, что этотъ литературный типъ нашелъ себѣ подражателей—въ Англіи въ кэмбриджскихъ «Texts and Studies», редижируемыхъ Робинсономъ. Это нѣмецкое предпріятіе поставлено теперь въ связь съ академическимъ изданіемъ древне-христіанскихъ писателей и всегда служило и продолжаетъ служить интересамъ самаго широкаго, свободнаго и возможно безпристрастнаго изслѣдованія. Въ огромной массѣ этихъ томовъ самое большое участіе принадлежитъ А. Г., разные труды коего считаются прямо десятками [1]), а всѣ другіе возникли или появились въ свѣтъ подъ его руководствомъ. Еще въ Лейпцигѣ вкупѣ съ проф. Эмилемъ Шюреромъ (нынѣ въ Гёттингенѣ) былъ начатъ (въ 1875 г.) богословско-библіографическій журналъ «Theologische Literaturzeitung», гдѣ А. Г. первымъ изъ «иностранцевъ» обратилъ вниманіе западныхъ ученыхъ на русскую богословскую литературу и о нѣкоторыхъ крупныхъ (въ его глазахъ) произведеніяхъ церковно-историческаго характера (напр., о диссертаціяхъ † о. проф. А. М. Иванцова-Платонова о «ересяхъ и расколахъ первыхъ трехъ вѣковъ», проф. Ал. П. Лебедева о «Вселенскихъ соборахъ IV и V вѣковъ», А. П. Доброклонскаго по исторіи споровъ о «трехъ главахъ», К. Н. Смирнова объ

[1]) Таковы,—для примѣра,—работы о греческихъ апологетахъ II в., о противоіудейской полемикѣ въ древней церкви, объ актахъ Архелая и діатессаронѣ Татіана, о мнимомъ комментаріи на Евангелія Ѳеофила антіохійскаго, объ «ученіи 12 апостоловъ», вмѣстѣ съ изслѣдованіемъ по древнѣйшей исторіи церковнаго устройства и церковнаго права, о файюмскомъ фрагментѣ Евангелій, о хлѣбѣ и винѣ, какъ евхаристическихъ элементахъ, объ Іустинѣ, замѣтки по медицинѣ изъ древнѣйшей церковной исторіи, объ отрывкахъ Евангелія и Апокалипсиса Петра, о надписи Аверкія, объ эдиктѣ Антонина Пія, о каталогѣ еретиковъ еп. Маруѳы, о принадлежности Діодору тарсійскому четырехъ сочиненій, усвоявшихся доселѣ св. Іустину муч., и др.

«источникахъ исторіи перваго вселенскаго собора», Н. Н. Глубоковскаго о блаженномъ Θеодоритѣ киррскомъ) давалъ обстоятельные отзывы, охотно признавая и достоинства и преимущества рецензируемыхъ книгъ, хотя онѣ на родинѣ не всегда оцѣнивались въ полной мѣрѣ [1]). Въ гиссенскій періодъ А. Г. началъ и систематизацію богословскихъ воззрѣній въ своей «Исторіи догматовъ», первый томъ которой выпущенъ въ 1885 г., послѣдній же—третій—появился въ 1890 г., когда авторъ успѣлъ перемѣнить уже два университета. Въ 1886 г. онъ занялъ каѳедру въ болѣе видномъ Марбургѣ, а въ 1889 г. перешелъ въ Берлинъ, куда проникъ вопреки жестокой и оффиціальной оппозиціи консервативныхъ ортодоксаловъ «Верховнаго Церковнаго Совѣта», при чемъ много помогъ Бисмаркъ, стоявшій за свободу науки, великаго поборника которой онъ прозрѣлъ въ А. Г-кѣ. За это время послѣдній окончательно порвалъ связи съ своимъ прежнимъ коллегой проф. Цаномъ критикою его «Исторіи новоз. канона» въ цѣнной книжкѣ о «Новомъ Завѣтѣ около 200 г.», и отсюда мы оказываемся свидѣтелями прискорбнѣйшаго раздора, столь обиднаго по взаимной нетерпимости и столь мало полезнаго для науки—кромѣ развѣ того, что можно считать прочными научными положеніями тѣ крайне рѣдкіе случаи, когда оба эти корифея совпадаютъ по своему рѣшенію. Столичный университетъ раздвинулъ просторъ для энергіи А. Г., и его ученая авторитетность скоро открыла ему двери въ Прусскую Академію Наукъ, куда онъ не замедлилъ внести свою живительную предпріимчивость. По его инціативѣ—въ параллель вѣнской серіи латинскихъ патристическихъ памятниковъ—задумано было академическое изданіе «греческихъ христіанскихъ писателей трехъ первыхъ вѣковъ». Завѣдываніе взялъ на себя А. Г. и—въ качествѣ предварительнаго обзора и систематической оцѣнки матеріаловъ, съ самостоятельнымъ ихъ освѣщеніемъ,—выпустилъ (пока) три огромныя книги (Лейпцигъ, 1893, 1897) «Исторіи древнехристіанской литературы до Евсевія» (изъ нихъ двѣ первыя при участіи Dr. Erwin Preuschen'a). Самое изданіе ведется въ колоссальныхъ размѣрахъ (не менѣе 50-ти томовъ), чрезвычайно энергично (тома по три въ годъ), при содѣйствіи выдающихся европейскихъ ученыхъ и по столь широкому плану [1]), что въ него попадаютъ не только собственно патристическіе документы, а даже и «апокрифы» (напримѣръ, книга Еноха, Сивиллины оракулы). Но, направивъ берлинскую Академію Наукъ на церковную литературу христіанскую, А. Г. не могъ не обратить особеннаго вниманія на первооснову послѣдней въ новозавѣтныхъ писаніяхъ, и въ запискахъ названнаго ученаго учрежденія мы имѣемъ отъ него нѣсколько спеціальныхъ трактатовъ (въ 1899 году о Дѣян. 15, 29 и о Бляссовой гипотезѣ, которая отвергается, равно о Дѣян. 11, 27. 28; въ 1900 году о Дѣян. 18, 1—27 по тому же поводу и о Лук. 1, 46—55 съ замѣчаніями къ главамъ 1 и 2; въ 1901 году о текстѣ исторіи страданій І. Христа). Привлекши къ себѣ университетскаго профессора, Академія сама подчинилась его научно-богословскимъ стремленіямъ и нашла въ немъ наилучшаго выразителя своихъ ученыхъ традицій, почему именно А. Г. принялъ (и успѣшно выполняетъ) составленіе академической исторіи по всѣмъ сторонамъ ея дѣятельности, т. е. всего менѣе по богословію (вышло уже три тома). Эти напряженныя ученыя занятія не поглощали всей энергіи А. Г., и онъ выступалъ со своимъ мнѣніемъ по многимъ церковно-практическимъ пунктамъ съ обычною ему оригинальностію [2]). Такъ, не безъ его участія поднято обсужденіе по предмету евхаристическихъ

[1]) Г. же перетянулъ изъ Россіи за границу и многихъ ученыхъ работниковъ, каковы Гебгардтъ, Бонвечъ.

[1]) Разумѣется, относительно *такого* плана возможны принципіальныя возраженія, но исполненіе его во всякомъ случаѣ бываетъ полезно помимо и вопреки всякимъ тенденціямъ.

[2]) Нѣкоторыя свѣдѣнія по этому предмету сообщались на страницахъ «Богословскаго Вѣстника» и въ «Церковномъ Вѣстникѣ» за 90-е годы въ письмахъ изъ Берлина *о. Н. Н. Писаревскаго.*

элементовъ и имъ же возбужденъ былъ вопросъ объ апостольскомъ символѣ, который объявлялся и не достаточнымъ и не обязательнымъ безусловно. Это вызвало горячіе споры, окончательно подорвавшіе ортодоксализмъ А. Г., и его не рѣдко провозглашали разрушителемъ вѣры и христіанства. Тѣмъ не менѣе и эти ожесточенія не воспрепятствовали успѣхамъ университетской карьеры. Популярный и авторитетный на своемъ факультетѣ,—А. Г. собиралъ вокругъ себя далеко не однихъ теологовъ, и его высокая и сухощавая фигура не разъ была магнитомъ для всей университетской молодежи, охотно слушавшей живыя рѣчи профессора. Напримѣръ, въ 1896 г. онъ читалъ открытый курсъ («publicum») о молитвѣ Господней, а въ зимній семестръ 1899—1900 г. аудиторія доходила до шести сотъ человѣкъ, когда А. Г. въ 16-ти лекціяхъ излагалъ самую «сущность христіанства» по его воззрѣніямъ. Выпущенная отдѣльно, эта книжка имѣла необыкновенный успѣхъ, но и оппозиція достигла высшаго напряженія въ своей нетерпимости, вызывавшей равный отпоръ горделиваго пренебреженія. При всемъ томъ академически-научная репутація А. Г. скорѣе только поднялась. Въ 1901 г. онъ призванъ на отвѣтственный постъ ректора берлинскаго университета и — по связи съ этимъ — мы имѣемъ отъ него двѣ знаменательныя «ректоратскія» рѣчи: въ одной изъ нихъ, о «задачахъ богословскихъ факультетовъ» (Гиссенъ 1901) ораторъ энергически защищаетъ (противъ своего коллеги тоже извѣстнаго профессора Оттона Пфлейдерера) спеціальное научное изученіе *христіанскаго* богословія, которое не должно приравниваться къ другимъ дисциплинамъ и растворяться среди нихъ, ибо христіанство есть вѣчно живая религія, не высшая только, но единственная, какъ Христосъ—исключительный Учитель, почему не знающій этой религіи не знаетъ никакой, а знающій ее—вмѣстѣ съ самою исторіей ея — знаетъ всѣ; въ другой позднѣйшей рѣчи «Сократъ и древняя церковь» (ibid. 1901) А. Г. настойчиво приглашаетъ къ внимательному слѣдованію завѣтамъ исторіи, потому что всякое высшее знаніе бываетъ жизненнымъ пріобрѣтеніемъ и безъ пониманія условій происхожденія напоминало бы собою садъ, засаженный срѣзанными цвѣтами; затѣмъ, считая двигателями исторіи мысли именно людей, а не мертвую необходимость, онъ видитъ тамъ рядъ искателей и служителей истины, родственныхъ по духу, однако религія не есть знаніе и ничто не достигало высоты Евангелія; задача же всякой науки формулируется такъ, что ея адепты должны быть «живыми свидѣтелями истины и добра, мужами, которые ради этихъ благъ готовы принести всякую жертву», ибо «служеніе истинѣ есть богослуженіе». Таковъ идеалъ научнаго вѣдѣнія, провозглашаемый устами А. Г., и нельзя не признать отраднымъ, что онъ съумѣлъ подчинить чисто-научныя стремленія религіознымъ упованіямъ, при взаимномъ ихъ согласованіи.

Теперь А. Г. глава и вождь прогрессивнаго лютеранства; его многіе ненавидятъ и проклинаютъ, но къ нему всѣ прислушиваются; объ немъ возбуждаются вопросы даже въ рейхстагѣ, а благоволительное правительство награждаетъ высшими, прямо исключительными знаками отличія (напр., орденомъ pour le mérite—высшимъ и рѣдкимъ украшеніемъ для представителей науки). На своемъ жизненномъ пути А. Г. поднялся на высшую ступень, но она была добыта ученымъ подвигомъ и оправдывается имъ. Естественно, что у него внѣшнее положеніе оказывается параллельнымъ постепенно раскрывавшемуся религіозному міросозерцанію. Основной пунктъ послѣдняго, наиболѣе выдвигавшійся полемикою, заключается въ отверженіи церковной догматики. Это прискорбно и вѣрно, но съ нашей стороны требуются здѣсь не критика и разборъ, а прежде всего характеристика и объективное истолкованіе воззрѣній. На этомъ и сосредоточимся. По указанному свойству А. Г. обычно причисляется къ ричліанской школѣ и оцѣнивается по ея шаблону [1]). Едва

[1]) Въ этомъ смыслѣ не разъ говорится

ли все это вѣрно въ такой степени. Столь продуктивный умъ не можетъ замыкаться школьными рамками и въ себѣ самомъ находитъ свои границы. Несомнѣнно, что А. Г. во многомъ сочувствуетъ ричліанцамъ, привлекая ихъ въ Берлинъ, и склоняется къ сходнымъ результатамъ, но онъ достигъ этого вывода инымъ путемъ, смотритъ не одинаково и обѣщаетъ нѣчто особенное. Альбрехтъ Ричль (гэттингенскій профессоръ, † 20-го марта 1889 г.) и его прямые продолжатели отправляются отъ чисто философскихъ предпосылокъ въ невозможности и несостоятельности всякой метафизики и потому принципіально отвергаютъ всѣ христіанскіе постуляты или догматы этой категоріи. А. Г. всегда шелъ историческою дорогой и держался эмпирическаго метода, созидая въ обратномъ порядкѣ. На этомъ покоится его исторически-эмпирическое богословіе [1]). А. Г. всецѣло принимаетъ и рѣшительно признаётъ все, что дается въ историческомъ опытѣ, который для него обязателенъ во всемъ его реальномъ объемѣ. Посему онъ никоимъ образомъ не является принципіальнымъ врагомъ чудесности и сверхчувственности, а — напротивъ — исповѣдуетъ ихъ убѣжденно, въ качествѣ творческихъ факторовъ историческаго процесса и прогресса, но своего *знанія* относительно ихъ сущности не простираетъ дальше предѣловъ и размѣровъ подлиннаго историческаго откровенія. Вѣра у А. Г. не исчерпывается и не покрывается человѣческимъ знаніемъ, — и мы думаемъ, что въ этомъ различеніи гораздо больше и религіозной правды и плодотворной пользы, чѣмъ въ ихъ принятомъ смѣшеніи, гдѣ знаніе принижаетъ до себя самую вѣру, тогда какъ тамъ первое должно бы соподчиняться второй и служить ея интересамъ, постепенно поднимаясь на высоту религіознаго боговѣдѣнія. Въ этомъ смыслѣ и догматика получаетъ у А. Г. достаточную *историческую* цѣнность. Находя въ ней лишь человѣческій элементъ умственнаго постиженія, А. Г. не допускаетъ для отдѣльныхъ стадій абсолютной обязательности и вѣчной силы. Однако въ свое время и въ своей сферѣ онѣ бываютъ наилучшими моментами для выраженія религіозной истины и неизмѣнно остаются ея свидѣтелями. Поэтому А. Г. явно симпатизируетъ св. Аѳанасію въ его догматической противоаріанской дѣятельности и безъ колебаній становится на сторону никейскихъ отцовъ, между тѣмъ они авторитативно формулировали вѣру христіанскую. А. Г. энергически отклонялъ упреки касательно обвиненій христіанства въ постепенномъ вырожденіи, и для насъ несомнѣнно, что весь ходъ скорѣе рисуется ему послѣдовательнымъ прогрессированіемъ, которое опять же будетъ возрастаніемъ собственно *не* самой истины, осуществленной Іисусомъ, а нашимъ непрерывнымъ *опознаніемъ* ея. Иного Христа не было и не будетъ. Ясно, что Онъ есть средоточіе всего предыдущаго бытія и неисчерпаемый источникъ для дальнѣйшаго на всѣ вѣка. Отсюда неизбѣжно и категорическое

объ А. Г. и его сочиненіяхъ у проф. *Вл. А. Керенскаго*, Школа ричліанскаго богословія въ лютеранствѣ [изъ «Православнаго Собесѣдника» за 1902—1903 гг.], Казань 1903.

[1]) Естественно, что, не скрывая «ричліанства» своихъ воззрѣній, Ад. Гарнакъ гораздо рѣшительнѣе выражалъ свою солидарность съ поборниками исторически-эмпирическихъ началъ и, напр., еще въ Гиссенѣ выпустилъ понѣмецки (Die Gesellschaftsvefassung der christlichen Kirche im Altertum, Giessen 1883) трудъ англійскаго ученаго *Edwin Hatch*'а объ «организаціи древне-христіанской церкви» (1881 г., 2-е изд. 1882 г.) и затѣмъ въ Марбургѣ продолженіе этого труда (Die Grundlegung der Kirchenverfassung Westeuropas im frühen Mittelalter, ibid. 1888 г.) касательно «роста христіанскихъ учрежденій» (1887 г.), а въ 1892 г. издалъ переводъ (*Erwin Preuschen*'а) чтеній (1888 г.) того же автора о «происхожденіи и возрастаніи религіи» (1890 г.) подъ заглавіемъ «Griechentum und Christentum» (Freiburg i. B. 1892) со своимъ одобреніемъ и теплымъ воспоминаніемъ о почившемъ (11-го ноября 1889 г.) англійскомъ ученомъ. Замѣтимъ, что и здѣсь А. Г. обнаружилъ свою продуктивную изобрѣтательность, результатомъ чего явилась особая теорія по вопросу о «церковной организаціи», господствующая въ наукѣ подъ именемъ Гачъ-Гарнаковской, хотя теперь нѣсколько и видоизмѣняемая однимъ изъ сторонниковъ ея проф. *П. В. Шмиделемъ*.

исповѣданіе Его исторической чрезвычайности, принимаемой за божественность. И А. Г. твердо высказываетъ такое свое убѣжденіе: «что Іисусъ Христосъ есть *Сынъ Божій* или *Богочеловѣкъ*, въ которомъ познаётся Богъ, это служитъ основаніемъ и краеугольнымъ камнемъ христіанства». Здѣсь самое историческое изученіе должно направляться на выясненіе всей исторической несоизмѣримости Искупителя, при чемъ подозрѣніе къ «метафизической догматикѣ» вытекаетъ изъ желанія оградить «божественную» личность отъ человѣческихъ концепцій и сохранить ее для вѣры во всей «божественной» неприкосновенности, хотя эссенціальное и натуральное богосыновство Христа замѣтно отрицается ради божественно-несравнимаго человѣчества. Въ этомъ причина, что А. Г., очищая Евангелія отъ чудесности подъ предлогомъ легендарныхъ наслоеній, избѣгаетъ рѣзкихъ крайностей и даже въ рѣчи о «пустомъ гробѣ», гдѣ не оказалось тѣла Іисусова, не допускаетъ прямо грубости зазорныхъ сужденій, будто послѣднее было просто перенесено (Іосифомъ аримаѳейскимъ) на другое мѣсто, какъ это даже въ 1901 г. старался аргументировать проф. Оскаръ Гольцманъ въ своей «Жизни Іисуса».

Не менѣе сего понятно, что А. Г. для обезпеченія своей устойчивости вынуждается къ опредѣленію и охраненію историческаго достоинства личности Христа, и тутъ для него были дороги историческія свидѣтельства, которыя сами внушаютъ намъ идеи объективнымъ изображеніемъ Спасителя, а не устраняются по идейной предзанятости. Въ силу этого и во имя исторической правды А. Г. энергически протестовалъ противъ всякой тенденціозной разрушительности и въ 1896 (1897) г. авторитетно заявилъ объ упраздненіи всѣхъ основоначалъ тюбингенской школы. Въ этой области его работа носитъ характеръ созидательности и по замыслу и по результатамъ. Онъ усердно защищаетъ достовѣрность «синоптическихъ» Евангелій по несомнѣнности синоптическаго типа Господа, хотя не всѣхъ теперешнихъ синоптиковъ и не во всемъ объемѣ почитаетъ первоначальными, писанія же апостола Павла придвигаетъ гораздо ближе къ грани жизни Христовой и утверждаетъ подлинность посланій къ Колоссянамъ, Ефесянамъ и Филиппійцамъ вопреки возобладавшимъ критическимъ отрицаніямъ, полагая окончательную редакцію Апокалипсиса не позднѣе 93 года (см. «Theol. Literaturzeitung» 1902, № 22, столб. 591—592). Если А. Г. и сомнѣвается насчетъ четвертаго Евангелія, то единственно потому, что видитъ въ немъ не простой отчетъ, а продуктъ догматическаго созерцанія; однако нельзя забывать, что въ этомъ памятникѣ усматриваются имъ отголоски подлинныхъ Іоанновскихъ традицій и датою для него почитается время около самой апостольской эпохи,—не позднѣе 110 г.: все это выводитъ науку на такую дорогу, гдѣ ей трудно будетъ удержаться въ подозрѣніяхъ касательно Евангелія Іоаннова.

Итакъ, въ качествѣ богослова исторически-эмпирическаго направленія, А. Г. отвергаетъ абсолютизмъ догматовъ не по принципіальной ненависти къ нимъ и не ради религіознаго содержанія ихъ. Все это дѣлается лишь по предполагаемому несоотвѣтствію ихъ исторической реальности самооткровенія Божія во Христѣ Іисусѣ. Въ этомъ случаѣ догматическій скептицизмъ по своей цѣли вовсе не является покушеніемъ на вѣру, и соизмѣрять вторую первымъ было бы не точно по отношенію къ Ад. Гарнаку. Недивно, что богословскую точку зрѣнія нетерпимыхъ протестантскихъ ортодоксаловъ послѣдній назвалъ «варварскою», ибо оппоненты не хотятъ понять инкриминируемаго «еретика» и насильственно подгоняютъ критикуемую систему къ своему прокрустову ложу, не доказавъ его общепригодности. А. Г. отнимаетъ у догматики абсолютизмъ именно по интересамъ вѣры, которую исповѣдуетъ со всею искренностію убѣжденія и пламенностію сердца. Для него все во Христѣ, Который постигается лишь чрезъ Свое самосвидѣтельство въ Евангеліяхъ, догматы же не тожественны имъ и составляютъ человѣческое прибавленіе постепенныхъ моментовъ религіозно - раціональнаго

опознанія христіанской истины, исторически законныхъ и необходимыхъ, но относительныхъ и временныхъ въ процессѣ возрастанія нашего боговѣдѣнія прежде достиженія созерцанія «лицемъ къ лицу». Догматическій масштабъ, конечно, умѣстенъ для А. Г. и съ своей точки зрѣнія правъ въ самой суровости, — только съ обязательною оговоркой, что онъ не покрываетъ всецѣло сущности предмета. Въ этомъ пунктѣ прежде всего умѣстенъ вопросъ о томъ, мыслимы ли безъ догматическихъ предикатовъ самое христіанство и безъ христологіи Христосъ хотя бы въ той ихъ формѣ, въ какой рисуются они даже у А. Г.? Если нѣтъ, тогда—вопреки послѣднему—и за «христіанскимъ догматизмомъ» обезпечивается авторитетность Христова, а мы избавимся отъ тяжкаго недоумѣнія, вызываемаго системой А. Г-ка,—какимъ образомъ дѣло, бывшее божественнымъ по началу, можетъ продолжаться и развиваться одними человѣческими посредствами, разъ оно имѣетъ достигнуть завершенія нормальнаго и, слѣдовательно, равно божественнаго. При этомъ обнаружится крайность воззрѣній А. Г. безъ покушеній на его вѣру исповѣданія равно принимаемой силы Божіей.

Нельзя умолчать и о томъ, что походъ противъ ортодоксальнаго догматизированія связывается у А. Г. съ устраненіемъ преобладанія въ религіи холоднаго, узкоумнаго и безжизненнаго интеллектуализма въ пользу дѣятельнаго исповѣданія воли Божіей въ самомъ служеніи съ любовію Христовой и съ преданностію самопожертвованія. Это убѣждаетъ, что по своимъ принципіальнымъ намѣреніямъ трудъ А. Г. разсчитанъ на созидательность.

Такова идейная сторона, и она подкрѣпляется историческими соображеніями примѣнительно къ положенію протестантства. Послѣднее начало свое историческое бытіе провозглашеніемъ абсолютной самодостовѣрности Свящ. Писанія съ усвоеніемъ богодухновенности даже самой его буквѣ. Съ теченіемъ времени получилось въ результатѣ, что не только вторая, но и первое лишились всякой обязательности. Критика стремилась разгромить Нов. Завѣтъ, и еще доселѣ нерѣдкость встрѣтить протестантскихъ авторовъ, находящихъ свою ученую честь въ томъ, чтобы не оставить въ немъ камня на камнѣ. Все церковно-учительное преданіе было отвергнуто заранѣе, а примѣръ самого А. Г. показываетъ, какъ мало важности усвояется всякой догматикѣ, которую всего менѣе можетъ спасти ортодоксализмъ деспотизма, догматизирующаго свои партійныя и относительныя мнѣнія. При этомъ утрачивался объективный масштабъ, и священное благо свободы, возникающей и питающейся изъ взаимоуваженія, выраждается во взаимную нетерпимость каждаго противъ всѣхъ или однихъ кружковъ противъ всѣхъ другихъ. Цѣнятся не убѣжденія, но фирмы, и представители ихъ не допускаютъ примиренія, какъ А. Г. почти всегда отрицаетъ Цана, а этотъ не чаще соглашается съ нимъ. Среди такого разрушенія, въ религіозной сферѣ предъ нами оказывается какая-то пустыня, наполненная мертвыми костями и безъ зиждительнаго духа. При подобныхъ условіяхъ въ христіанствѣ сохранялась больше лишь моральная возвышенность, и эту именно сторону беретъ А. Г., чтобы упрочить дѣло Христово. Ясно, что задача А. Г. въ его чтеніяхъ о «сущности христіанства» чисто положительная и сводится къ обезпеченію вѣчной божественности христіанской по ея моральной живительности въ правдѣ Христовой. И заслуга А. Г. заключается еще въ томъ, что эта цѣль осуществляется историческимъ методомъ, при чемъ освѣщается историческое достоинство Христа.

Въ этомъ пунктѣ вѣра связывается съ наукой, гдѣ ученая личность А. Г. выступаетъ съ весьма благопріятной стороны. Нельзя не удивляться его изумительной продуктивности, и немного писателей могутъ поспорить съ нимъ по необычайнымъ размѣрамъ литературной производительности, цѣнные плоды которой появляются чуть не еженедѣльно и во всякомъ случаѣ ежемѣсячно [1]). И всюду сказывается обще-

[1]) Упомянемъ, что, напр., въ концѣ

признанный талантъ, отъ избытка силъ иногда дозволяющій себѣ вольности— въ родѣ остроумной аргументаціи того тезиса, будто посланіе къ Евреямъ написано женщиной и именно Прис(килл)ой при участіи Акилы. Литературный кругозоръ А. Г. отличается рѣдкою широтой, и въ объемъ изысканій ученаго входятъ всѣ вопросы христіанскаго историческаго вѣдѣнія въ его принципахъ и въ самыхъ мелкихъ деталяхъ. Вездѣ А. Г. вноситъ живую мысль творчества, выдвигаетъ новыя задачи и открываетъ неожиданныя перспективы. Самыя его крайности сопровождались тѣмъ, что вызывали горячее обсужденіе во всемъ ученомъ мірѣ [1]), а это свидѣтельствовало, что авторъ всегда желаетъ бороться за жизненные интересы христіанской вѣры и богословскаго знанія.

Отчеты объ ученыхъ трудахъ А. Г. чаще всего давались *проф. Ал. П. Лебедевымъ*, напр., въ систематическихъ «обзорахъ» журнала «Прибавленія къ твореніяхъ св. отцевъ» за 80-е годы; касательно взглядовъ на монархіанство см. у *Н. Г.* въ (московскихъ) «Чтеніяхъ въ Обществѣ любителей духовнаго просвѣщенія» 1889 г., № 9; по поводу споровъ о символахъ и объ евхаристіи тоже у *проф. Лебедева* въ «Богословскомъ Вѣстникѣ» 1893 г., IV, стр. 308—344. 481 — 520. 1894 г., I, 282—305; объ «исторіи догматовъ» у него же въ «Православномъ Обозрѣніи» 1889 г., I, 33 — 90. 295 — 340. 450—498 и сокращенно въ Собраніи сочиненій т. I (Москва 1898), стр. 437—489; о «сущности христіанства» опять у *проф. Лебедева* въ «Богосл. Вѣстникѣ» 1901 г., III (№№ 10. 11. 12), 309—330. 429—445. 650—671 и отдѣльною брошюрой (Сергіевъ Посадъ 1901), а равно у *С. Л. Кулюкина* въ приложеніи къ журналу «Странникъ» (Сущность христіанства проф. Адольфа Гарнака; изложеніе и критическій разборъ лекцій профессора берлинскаго университета Адольфа Гарнака, читанныхъ въ зимній семестръ 1899—1900 года. Петроградъ 1902). Въ этихъ трудахъ представлена подробная догматическая оцѣнка воззрѣній А. Г., а у проф. Лебедева достаточно характеризуется и его ученая «личность, выдающаяся по изумительной эрудиціи и трудолюбію и по остротѣ ума», въ качествѣ «мастера исторической науки». Ср. еще у *А. Павловича (Лопухина)*, Движенія богословской мысли въ современной Германіи въ «Христ. Чтеніи» 1897 г., I, стр. 137—138, и у *А. И. Покровскаго* въ I-мъ томѣ Исторіи христіанской церкви въ XIX вѣкѣ (Спб. 1900) изд. проф. А. П. Лопухина, стр. 485 сл.

Н. Глубоковскій.

1902 года (когда мы пишемъ эти строки) Ад. Гарнакъ издалъ (въ Лейпцигѣ) симпатичную книгу: «Миссія и распространеніе христіанства въ первые три вѣка».

[1]) См., напр., обзоръ обширной литературы, вызванной чтеніями о «сущности христіанства» у P. Lic. *Ernst Rolffs*, Harnack's Wesen des Christentums und die religiösen Strömungen der Gegenwart (Leipzig 1902).

ГАРТМАНЪ Эдуардъ (род. въ 1842 г.)—извѣстный нѣм. философъ, сразу стяжавшій себѣ всемірную извѣстность изданіемъ въ 26 лѣтн. возрастѣ «Философіи безсознательнаго» (Philosophie des Unbewussten). Въ своихъ основныхъ метафизическихъ воззрѣніяхъ онъ примыкаетъ къ Шопенгауэру (см.), но значительно измѣняетъ и пополняетъ его. По мысли Г. существуетъ абсолютъ-безсознательное (иногда Г. называетъ его сверхсознательнымъ—Ueberbewusste). Его существованіе доказывается безсознательною цѣлесообразною дѣятельностію природы (цѣлесообразнымъ устройствомъ организмовъ) и безсознательною цѣлесообразною дѣятельностью организмовъ (въ инстинктахъ самосохраненія и продолженія рода, въ художественномъ творчествѣ). Этотъ абсолютъ есть представляющая воля (у Шопенгауэра — воля, а представленіе подчинено волѣ). Воля выражается въ хотѣніи, но хотѣніе предполагаетъ собою представленіе. Для того, чтобы хотѣть продолжать свое существованіе, нужно представлять это существованіе; тѣмъ болѣе, для того, чтобы хотѣть перемѣны, нужно представлять возможность перемѣны. Воля безконечна, слѣпа и неразумна, представленіе или идея разумна, но безусловно не имѣетъ активности. Вслѣдствіе неразумнаго хотѣнія воля изъ потенціальнаго состоянія переходитъ въ дѣйствительность, создается міръ; представленіе, идея, разумъ увлекаются волею въ этомъ творческомъ процессѣ, но такъ какъ процессъ этотъ неразуменъ, то удѣломъ создавшагося міра является страданіе. Соединяя пессимизмъ Шопенгауэра съ логическимъ эволюціонизмомъ Гегеля, Г. представляетъ исторію міра, какъ процессъ развитія, въ которомъ сознаніе, разумъ,

постепенно эмансипируясь отъ власти воли, самъ начинаетъ управлять ею, и такъ какъ разумъ долженъ придти къ выводу, что міровой процессъ есть страданіе, то онъ долженъ направить свою дѣятельность на то, чтобы уничтожить этотъ процессъ, уничтожить бытіе. Г. полагаетъ, что когда сознаніе большинства достигнетъ этой ступени развитія, человѣчество прекратитъ свое существованіе путемъ коллективнаго самоубійства. Первоначально люди думали, что каждый можетъ найти счастье на землѣ (греческій періодъ), затѣмъ, что каждый можетъ найти счастье за гробомъ (христіанскій періодъ), далѣе стали мечтать объ общемъ коллективномъ благополучіи, благодаря научному и соціально-политическому прогрессу. Эти неосуществимыя мечты должна замѣнить забота о всеобщемъ самоуничтоженіи. Міръ есть только неразумное и страдальческое самораскрытіе абсолюта; попытки утвердить свою личность, доставлять себѣ наслажденія и создать свое счастье безплодны и неразумны; должно, чтобы наши личные разумъ и воля были въ то же время разумомъ и волею абсолюта-Бога, только въ этой гармоніи волѣ открывается путь къ избавленію отъ бытія, а стремленіе къ такой гармоніи служитъ основаніемъ нравственности и религіи. Г. проповѣдуетъ религію духа—die Religion des Geistes (вышло въ 1882 г.). Онъ такъ истолковываетъ и высказываетъ такія pia desideria о религіи. Должно различать психологію религіи, метафизику и этику. Психологія религіи изслѣдуетъ прежде всего религіозную функцію, какъ односторонне человѣческую; затѣмъ, религіозное отношеніе, какъ двухстороннее — божескую и человѣческую функцію. Если мы будемъ разсматривать религію, какъ психическое явленіе въ человѣчествѣ, то она будетъ отношеніемъ человѣка къ Богу. Поэтому не существуетъ религіи безъ представленія Бога. Представленія, которыя только и дѣлаютъ возможными религіозныя функціи, должны необходимо имѣть трансцендентальныя значеніе и цѣну. Въ трансцендентальномъ идеализмѣ, утверждающемъ трансцендентальную неистинность своего богопредставленія, и въ скептицизмѣ, убѣжденномъ въ его трансцендентальной истинности, нѣтъ религіозной жизни. Религіозное міровоззрѣніе для благочестиваго человѣка должно имѣть значеніе истины въ трансцендентальномъ смыслѣ, однако требуется не абсолютная увѣренность, а только практически большая вѣроятность. Только такое воззрѣніе можетъ вести къ истинной терпимости. Но хотя міровоззрѣніе и представленія имѣютъ большую важность въ религіи, они не составляютъ всего. Кто думаетъ, что религія есть суррогатъ философіи для не философскихъ головъ, тотъ жестоко ошибается. Внутреннѣйшее и существеннѣйшее зерно религіи лежитъ въ чувствѣ. Чувство есть основная религіозная функція, изъ которой исходятъ, съ одной стороны, дѣятельность представленій, съ другой—религіозная дѣятельность воли. Воля не можетъ разорвать съ представленіями. Самостоятельное религіозное чувство развивается, какъ чувственное, какъ эстетическое и какъ мистическое. Послѣднее есть высшее и глубочайшее основаніе религіозности, живой источникъ, изъ котораго истекаетъ всякая религіозная жизнь, вселенскій колодезь, изъ котораго она постоянно освѣжается и обновляется. Но вмѣстѣ съ тѣмъ оно крайне неопредѣленно и неясно и можетъ вести къ умственнымъ заблужденіямъ, какъ въ теоретическомъ, такъ и въ практическомъ отношеніи. Религіозная воля есть А и Ω всякой религіи; какъ безсознательная воля, она есть ея первое основаніе; какъ сознательная,—ея послѣдняя цѣль. Извѣстно, что религію оцѣниваютъ по ея вліянію на волю, и это привело даже къ одностороннему воззрѣнію морализма, что только воля и имѣетъ цѣнность въ религіи. На самомъ дѣлѣ, представленіе, чувство и воля неразрывно связаны въ религіи, но въ отдѣльныхъ религіяхъ можетъ преобладать одно или другое. Религія представляетъ собою отношеніе человѣка къ Богу (вѣра) и отношеніе Бога къ человѣку (благодать). Раціонализмъ признаетъ лишь вѣру.

супранатурализмъ лишь благодать, но въ религіи должно быть то и другое въ строгомъ соотвѣтствіи. Какъ вѣра имѣетъ участіе во всѣхъ трехъ сторонахъ нашей духовной жизни, такъ и соотвѣтствующая ей благодать. Послѣдняя является какъ благодать откровенія, искупленія и освященія. Благодать откровенія есть просвѣщеніе человѣка относительно сущности и значенія религіозныхъ объектовъ и ихъ отношеній. Поскольку она познается человѣкомъ, какъ собственное содержаніе сознанія и какъ собственная функція, она есть интеллектуальная вѣра. По формѣ она начинается съ чувственнаго воззрѣнія, потомъ поднимается до абстрактнаго представленія и оканчивается спекулятивною идеею, въ которой абсолютное достигаетъ выраженія въ человѣческомъ духѣ. Человѣкъ чувствуетъ себя несчастнымъ вслѣдствіе своей зависимости отъ міра. Сколь долго его увлекаетъ эвдемонизмъ, онъ надѣется на реальное устраненіе зла и положительное блаженство. По мѣрѣ того, какъ въ человѣкѣ развивается пониманіе сущности мірового цѣлаго, онъ познаетъ, что для индивидуума только смерть, для универса только прекращеніе мірового процесса принесетъ желанное искупленіе. Поэтому индивидуумъ долженъ подавлять въ себѣ всѣ желанія и стремленія, онъ долженъ всецѣло подчинять свою волю и дѣятельность волѣ Абсолюта—Всеединаго. Такое настроеніе воли и воззрѣній не можетъ быть дѣломъ самого индивидуума, они подаются ему по благодати отъ Абсолютнаго. Искупленіе состоитъ въ томъ, что человѣкъ въ пріобрѣтенномъ сознаніи своей центральной, коренной зависимости отъ Бога чувствуетъ себя освобожденнымъ отъ периферической, безконечно раздробленной и измѣнчивой феноменальной зависимости отъ міра. Въ абсолютной метафизической зависимости отъ абсолютнаго мірового основанія онъ пріобрѣтаетъ чувство свободы, котораго тщетно искалъ въ борьбѣ своего «я» съ феноменальною зависимостью отъ міра. Человѣческое усвоеніе этого искупленія, даруемаго Богомъ, есть сердечная вѣра. Благодать освященія подается волѣ, чтобы она препобѣждала зависимость отъ міра и отдавалась въ абсолютную зависимость отъ Бога. Этика религіи разсуждаетъ прежде всего о субъективномъ процессѣ освященія въ индивидуумѣ, потомъ объ объективномъ процессѣ освященія въ церковной общинѣ. Естественный человѣкъ получаетъ благодать, какъ нѣчто незаслуженное, однако онъ обязанъ всѣми силами стремиться къ тому, чтобы ее получить. Въ этомъ стремленіи ему помогаютъ религіозное сознаніе, господствующее въ его время въ его народѣ, и дарованныя ему, какъ личное приданое, собственныя способности къ добру. Усвоеніе благодати начинается съ сознанія своей виновности, какъ противорѣчія индивидуальной дѣятельности воли съ нравственнымъ міропорядкомъ или со святою волею Божіею. Это раскаяніе ведетъ только къ отвращенію отъ зла. Усиленіе вѣры или умноженіе благодати дѣйствуетъ потомъ положительнымъ образомъ въ направленіи къ добру. Измѣнивъ волю, благодать возбуждаетъ радостное сознаніе уничтоженія прежней виновности и могучее стремленіе къ постоянно возрастающему улучшенію. Метафизика религіи развиваетъ необходимыя метафизическія предпосылки религіознаго отношенія, представленнаго въ психологіи религіи. Она исходитъ, какъ и общая метафизика, изъ тѣсно ограниченной области опыта, но именно изъ важнѣйшей части этой области, и должна поэтому въ своихъ результатахъ согласоваться съ нею. Она подраздѣляется на богословіе, антропологію и космологію. Въ понятіе Бога входитъ, что онъ устраняетъ зависимость отъ міра и утверждаетъ абсолютную зависимость отъ себя и вмѣстѣ съ тѣмъ свободу. Этотъ Богъ — безсознательное, всеединое. Онъ владѣетъ всѣми свойствами, которыя благочестивый человѣкъ долженъ усвоять своему Богу, начиная съ всемогущества и всевѣдѣнія и кончая святостью и любовью. Но сознаніе и личность не принадлежатъ ему, Богъ становится сознаніемъ и личностью только въ людяхъ. Религіозная антро-

пологія вращается около двухъ полюсовъ, что человѣкъ нуждается въ искупленіи и что онъ способенъ къ искупленію. Необходимымъ предположеніемъ религіи является то, что человѣкъ чувствуетъ себя угнетеннымъ и бѣдствующимъ подъ тяжестью зла и грѣха. Зло и скорбь всякаго существованія объясняются пессимистической философіей. Грѣхъ и его условія—зло и отвѣтственность — объясняются познаннымъ въ конкретномъ монизмѣ (гартмановскомъ) отношеніемъ абсолютнаго къ конечному индивидууму. Въ естественномъ эгоизмѣ заключается радикальное зло индивидуума, которое можетъ быть преобѣждаемо лишь признаніемъ существеннаго единства всѣхъ отдѣльныхъ существъ во всеединомъ, абсолютномъ. Такъ какъ одинъ конкретный монизмъ въ своихъ опредѣленіяхъ правильнымъ образомъ примиряетъ отношенія абсолютнаго къ индивидуумамъ съ остальными индивидуальными явленіями и ихъ ничтожество съ бытіемъ Бога, то также только онъ одинъ въ состояніи объяснить способность человѣка къ искупленію. Воля индивидуума есть относительно постоянная группа частныхъ функцій абсолютной воли. Въ индивидуумѣ должно различать три сферы: естественная или нижебожественная содержитъ атомныя функціи, образующія организмъ со всѣми біологическими и психологическими функціями; злая или противобожественная содержитъ тѣ функціи, которыя хотя законосообразно вытекаютъ изъ естественной сферы, но, съ богословской точки зрѣнія объективной цѣли, не должны существовать; нравственная или согласная съ божественною сфера содержитъ тѣ функціи, которыя состоятъ не въ служеніи страстямъ индивидуума, но въ служеніи всеобщему или абсолютному преобѣждаютъ всѣ не долженствующія существовать стремленія. Такъ какъ самъ Богъ, какъ абсолютный субъектъ, является основой универса, а, какъ ограниченный субъектъ, есть основа индивидуумовъ, то весьма удобно мыслить, что функціи нравственной сферы все болѣе и болѣе будутъ возвышаться силою божественной благодати. Искупленіе индивидуума, какъ идеальное, начинается съ того, что зло и грѣхъ, гнѣздящіеся въ индивидуумѣ, для людей обратившихся къ абсолютному представляются какъ бы не имѣющими дѣйствительнаго существованія. Какъ реальное, искупленіе завершается въ смерти прекращеніемъ бытія (вѣра въ безсмертіе не только не обоснована, но противурелигіозна). Религіозная космологія разсматриваетъ міръ прежде всего, какъ абсолютно зависимый отъ Бога, потомъ какъ предметъ искупленія. Между тѣмъ, какъ теизмъ устанавливаетъ дѣйствительность міра на счетъ абсолютности Бога, абстрактный монизмъ утверждаетъ абсолютность Бога на счетъ дѣйствительности міра, одинъ лишь конкретный монизмъ примиряетъ удовлетворительнымъ образомъ другъ съ другомъ оба постулата религіознаго сознанія. Міръ есть прежде всего то, отъ зависимости чему долженъ быть освобожденъ индивидуумъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ есть совокупность индивидуумовъ ищущихъ этого освобожденія; значитъ, онъ самъ есть то, что ищетъ искупленія. Такимъ образомъ, цѣль развитія есть освожденіе міра отъ себя самого, и такъ какъ міръ есть не что иное, какъ явленіе Бога, какъ его имманентной сущности, то такимъ образомъ освобожденіе міра отъ себя самого есть освобожденіе Бога отъ своей собственной имманентности. Когда просто потенціальная воля направилась къ инпціативѣ или къ безсодержательному хотѣнію, явилось страданіе неудовлетвореннаго хотѣнія; тогда явилась мудрость, она привела безсодержательное хотѣніе къ хотѣнію опредѣленному и вмѣстѣ съ тѣмъ къ созданію этого исполненнаго мудрости и упорядоченнаго міра. Конечная цѣль ея состоитъ въ томъ, чтобы сознаніе поднялось до отрицанія жизни, чтобы абсолютное или Богъ отъ страданія существованія опять возвратился бы къ простой потенціальности. Такимъ образомъ, не человѣкъ, а Богъ нуждается въ искупленіи и не Богъ совершаетъ искупленіе человѣка, но по-

средствомъ человѣка Богъ совершаетъ собственное искупленіе. Своею философскою теоріею Г. пріобрѣлъ себѣ громадную извѣстность, но онъ не пріобрѣлъ послѣдователей. Это понятно: въ его философіи много поэзіи, у него много вѣрныхъ критическихъ замѣчаній и положительныхъ утвержденій, но ложь его принциповъ чувствуется непосредственно и безъ труда вскрывается логическимъ анализомъ. Цѣль развитія человѣчества, намѣчаемая имъ, есть коллективное самоубійство. Допустимъ, что оно осуществимо. Къ чему приведетъ оно? Не къ уничтоженію бытія, а къ уничтоженію разума въ бытіи. Это увеличитъ, а не уменьшитъ міровую скорбь, потому что не кому будетъ смягчать тяжесть страданій неразумныхъ тварей, производимыхъ слѣпою волею. Если цѣль, намѣчаемая Г.,—перевести бытіе въ небытіе—неосуществима, то средства, предлагаемыя имъ для этой цѣли прямо противорѣчатъ послѣдней. Онъ рекомендуетъ умственное развитіе, энергичную дѣятельность, но такая дѣятельность вызываетъ расширеніе и усиленіе чувства жизни, а не съуженіе и уничтоженіе. Когда буддистъ, имѣя въ виду переходъ въ небытіе, рекомендуетъ уничтоженіе желаній, угашеніе духа, онъ логиченъ съ своей точки зрѣнія. Но когда Г. рекомендуетъ духу развиваться, усовершаться, полагая, что развитіе культуры, техническія усовершенствованія сдѣлаютъ для человѣчества возможнымъ совершить въ одинъ моментъ самоумерщвленіе на всемъ земномъ шарѣ, онъ не хочетъ видѣть, что развитіе вызываетъ потребность въ дальнѣйшемъ развитіи, а не въ самоотрицаніи. Г. рекомендуетъ христіанскія средства для буддійской цѣли. Г. правъ, отвергая возможность личнаго и коллективнаго счастія въ этомъ бытіи (греческая и современная соціально-политическая точка зрѣнія), но онъ не правъ, полагая, что единственнымъ выходомъ изъ этого ненормальнаго строя является небытіе. Если бы это было такъ, то положеніе было бы безвыходнымъ, потому что бытію нельзя стать небытіемъ. Для насъ немыслимо уничтоженіе матеріи и энергіи. Но для насъ мыслимъ переходъ бытія въ инобытіе. Развитіе міра совершается теперь болѣзненнымъ путемъ, потому что въ самомъ началѣ міровая жизнь была поражена грѣхомъ. Человѣчество и жаждетъ искупленія изъ этого состоянія грѣховности, ростъ котораго болѣзнь и исходъ—смерть. Эта жажда обусловливается тяготѣніемъ не къ небытію—къ пустотѣ ничто не тяготѣетъ, а къ инобытію—къ здоровой, разумно-блаженной жизни въ общеніи съ абсолютнымъ разумомъ, къ расширенію своего сознанія въ общеніи съ сознаніемъ безконечнымъ. Печальный опытъ настоящаго подсказалъ Г. выводы отчаянія. Этотъ же опытъ, освѣщенный христіанскимъ пониманіемъ, даетъ твердыя и свѣтлыя надежды. «Не видѣлъ того глазъ, не слыхало ухо и не приходило то на сердце человѣку, что приготовилъ Богъ любящимъ его» (1 Кор. **2**, 3).

О литературѣ. Кромѣ указанныхъ въ изложеніи для выясненія религіозной философіи *Гартмана* имѣютъ значеніе еще его сочиненія Phänomenologie des sittlichen Bewusstseyns, Die Selbstzersetzung des Christenthums und die Religion der Zukunft, Die Krisis des Christenthums in der modernen Theologie, Das religiose Bewusstseyn der Menschheit. Другія его сочиненія (ихъ очень много) для выясненія его религіозныхъ взглядовъ не имѣютъ существеннаго значенія. Изложеніе религіозной философіи Г. дано *Pünjer'омъ* (Geschichte der christl. Religions philosoph. II), изложеніе и анализъ *Pfleder'омъ* (Religions philosoph. I). На русскомъ языкѣ цѣнною работою о Г. является *Соловьева Вл.*—Кризисъ западной философіи (противъ позитивистовъ). *С. Глаголевъ.*

ГАССЪ Фридрихъ Вильгельмъ—нѣм.-протестантскій богословъ (род. въ Бреславлѣ 1813 г., † 1889 г.), обучался въ Бреславлѣ, Галле и Берлинѣ 1832—36 гг., сдѣлался приватъ-доцентомъ богословія въ Бреславлѣ 1838 г., э.-орд. проф. 1846 г., тоже въ Грейфсвальдѣ 1847 г.; орд. проф. въ 1855 г., въ Гиссенѣ 1861 г., Гейдельбергѣ 1868 г. Въ 1885 г сдѣланъ былъ церк. совѣтникомъ. Придерживаясь умѣренно-либеральнаго направленія, онъ свои научныя воззрѣнія изложилъ въ многочисленныхъ богословско-философскихъ трудахъ, нелишенныхъ инте-

реса и для правосл. богословской науки, такъ какъ нѣкоторые изъ нихъ прямо касаются правосл. востока. Таковы его сочиненія: «Геннадій и Плиѳонъ, аристотелизмъ и платонизмъ въ Греческой церкви» въ двухъ частяхъ, Бреславль, 1844 г.; «Георгій Калликстъ и синкретизмъ», 1846 г.; «Мистика Николая Кавасилы о жизни во Христѣ», 1-е изд. и вступительное изложеніе, Грейфсвальдъ, 1849 г.; «Исторія протест. догматики», Берлинъ, 1854—67 г. (въ 4 том.); «Къ исторіи аѳонскихъ монастырей», Гиссенъ, 1865 г.; «Ученіе о совѣсти», Берлинъ, 1869 г.; «Символика Греческой церкви», 1872 г. (очень обстоятельное сочиненіе, отличающееся богатою эрудиціей и точностью въ изложеніи духа и характера православія въ отличіе отъ западныхъ вѣроисповѣданій и не оставшееся безъ вліянія и на наше вѣроисповѣдное самосознаніе); «Исторія христіанской этики», Берлинъ, въ двухъ томахъ, 1881 и 1886 гг. Вмѣстѣ съ Віалемъ онъ издалъ посмертный трудъ Генке «Новѣйшая церк. исторія» (отъ реформаціи до 1870 г.), Галле, 1874—80 г., въ трехъ томахъ. Много статей по исторіи и богословію греческой церкви помѣщено имъ во 2-мъ изданіи Реальной Энц. Герцога, въ 3-мъ изд. исторіи ему посвящена обстоятельная ст. *Gass* Wilhelm.

ГАССЕ Фридр. Рудольфъ—церк. ист. (род. въ Дрезденѣ, 1808 г.; ум. въ Боннѣ, 1862 г.), учился въ Лейпцигѣ и Берлинѣ; послѣдовательно былъ приватъ-доцентомъ въ послѣднемъ университетѣ (въ 1834 г.), экстраорд. проф. церк. исторіи въ Грейфсвальдѣ (1836 г.) и затѣмъ въ Боннѣ (1841 г.), гдѣ былъ орд. проф. (1843 г.). Его слава покоится на его мастерскомъ произведеніи «Ансельмъ Кентерберійскій» (Лейпцигъ, 1843—52 г., въ 2 том.). Свои изслѣдованія объ Ансельмѣ онъ началъ еще въ 1832 г., когда избралъ его предметомъ своей диссертаціи. До этого времени схоластическій періодъ церковной исторіи былъ изучаемъ мало. Г. обнаружилъ необычайную способность къ его изслѣдованію. Предметомъ его диссертаціи былъ взглядъ Ансельма на образъ Божій, и она обнаружила руку мастера исторіи. Это впечатлѣніе нашло себѣ подтвержденіе и въ его лекціяхъ по церковной исторіи. Въ Боннѣ онъ закончилъ (1843 г.) первый томъ своей монографіи объ Ансельмѣ Кентерб., въ которомъ содержалась жизнь послѣдняго. Это былъ плодъ самой тщательной работы и отвѣчаетъ на всѣ требованія ученой монографіи; Ансельмъ выступаетъ здѣсь во всей своей индивидуальности и въ то же время въ своихъ отношеніяхъ къ движеніямъ вѣка. Въ 1852 г. Г. издалъ второй томъ,—содержащій богословіе Ансельма, изложенное въ обстоятельной, объективной и въ то же время ясной формѣ. По этому сочиненію можно прослѣдить развитіе его богословія шагъ за шагомъ до его полной законченности. Гассе обладалъ большимъ преподавательскимъ талантомъ и пользовался высокимъ уваженіемъ за солидность своего характера, свое почти дѣтское благочестіе и необычайную скромность, которая заставляла его не только не думать о самомъ себѣ, но и радоваться успѣхамъ другихъ. Онъ принималъ живое и разумное участіе въ церковныхъ дѣлахъ и, особенно, въ иностранныхъ миссіяхъ. Кромѣ его мастерского сочиненія «Ансельмъ Кентерберійскій», ему принадлежатъ два посмертныхъ тома лекцій, подъ заглавіемъ: «Исторія Ветхаго Завѣта» (Лейпцигъ, 1863 г.) и «Церковная Исторія» (Лейпцигъ, 1864 г., въ 3 т., 2-е изд. 1872 г.). Его «Церковная Исторія» переведена и на русскій языкъ при казанской дух. академіи.

ГАТТОНЪ—имя двухъ видныхъ прелатовъ средневѣковыхъ. Изъ нихъ 1) **Гаттонъ**, епископъ базельскій, род. въ 763 г., получилъ образованіе въ монастырѣ Рейхенау, сдѣлался директоромъ его школы и аббатомъ въ 806 г. Въ 807 г. Карлъ Великій сдѣлалъ его епископомъ базельскимъ и въ 811 г. отправилъ въ качествѣ посланника къ императору Никифору. Въ 823 г. онъ отказался отъ должности аббата и епископа и умеръ простымъ монахомъ въ Рейхенау, въ 836 г. Отъ него дошло до насъ два сочиненія: «Видѣнія Веттини», описаніе хожденія по небу, аду и чистилищу, произведшее глубокое впе-

чатлѣніе на его современниковъ, и переложенное на лат. языкъ Валлафридомъ Страбономъ; и «Капитулярій Гаттона»,—25 статутовъ, изданныхъ имъ въ качествѣ епископа. Оба его сочиненія находятся у Миня, въ 105 томѣ Лат. Патрологіи 2) **Гаттонъ**, архіепископъ майнцскій, род. въ половинѣ IX вѣка, вѣроятно въ Швабіи; ум. въ 913 г.; получилъ образованіе въ Фульдѣ; сдѣлался аббатомъ Рейхенау въ 888 г., архіепископомъ майнцскимъ въ 891 г. Дважды сопровождалъ онъ короля Арнульфа въ Италію (894 и 896) и получилъ палліумъ отъ папы Формоза. По смерти Арнульфа, во время царствованія Людовика Дитяти (900—911), онъ и его другъ, епископъ Адальберъ аугсбургскій, учитель юнаго короля, въ дѣйствительности управляли государствомъ, и его вліяніе не уменьшилось даже и послѣ вступленія Конрада I на престолъ. Такъ какъ въ это время единство Германской имперіи покоилось, главнымъ образомъ, на христіанскомъ епископатѣ, въ которомъ короли находили себѣ лучшую опору противъ возстанія своихъ вассаловъ и стремленія къ независимости, то вполнѣ понятно, что такой могущественный представитель этой тенденціи, какъ Г., подвергался различнымъ сужденіямъ со стороны своихъ современниковъ. И дѣйствительно, въ то время, какъ нѣкоторые превозносили его, какъ благоразумнаго и патріотическаго государственнаго мужа, другіе разсказывали, какъ самъ сатана овладѣлъ имъ и бросилъ его въ кратеръ Этны.

ГАУКЪ 1) Мартинъ — знаменитый оріенталистъ (род. въ Вюртембергѣ, 1827 г.; ум. въ Щвейцаріи, 1876), учился въ Тюбингенѣ, Геттингенѣ и Боннѣ въ теченіе трехъ лѣтъ (1856—59 гг.); сотрудничалъ у Бунзена при изданіи имъ Bibelwerk; былъ профессоромъ санскритскаго языка въ поонской коллегіи (1859,—1863 гг.); на счетъ британскаго правительства совершилъ путешествіе по провинціи Гузератъ, съ цѣлью собиранія зендскихъ и санскритскихъ манускриптовъ; возвратился въ Германію въ 1866 г.; и съ 1868 г. до самой смерти состоялъ профессоромъ санскритскаго языка и сравнительной грамматики въ мюнхенскомъ университетѣ. Его обширная коллекція зендскихъ, санскритскихъ, персидскихъ и другихъ манускриптовъ была куплена баварскимъ правительствомъ и находится въ королевской библіотекѣ въ Мюнхенѣ. Наиболѣе извѣстны изъ его сочиненій «Опыты о священномъ языкѣ парсовъ», Бомбей, 1862; 2-е изд. пересмотрѣнное и дополн., Лондонъ, 1878 г.— 2) **Гаукъ** Альбертъ — проф. лейпцигскаго университета, род. 9 дек. 1845 г., учился въ Эрлангенѣ и Берлинѣ, сдѣланъ пасторомъ въ Франкенгеймѣ 1875 г., э.-орд. проф. въ Эрлангенѣ 1878 г., орд. профессоромъ 1882 г. Съ 1880 г. онъ сдѣлался издателемъ изв. «Реальный протест. Энциклопедіи» въ ея 2-мъ изданіи, начатомъ въ 1877 г. Герцогомъ и Плиттомъ, а затѣмъ единоличнымъ издателемъ ея и въ 3-мъ вполнѣ перераб. изданіи, начавшемъ выходить съ 1896 г. Ему принадлежатъ сочиненія: «Жизнь и творенія Тертулліана» (Эрл., 1877 г.) и «Выборы епископовъ при Меровингахъ», 1883 г.

ГАУСМАННЪ Николай—одинъ изъ ближайшихъ друзей Лютера (род. въ Фрейбургѣ, 1479 г.; ум. тамъ же, 1538 г.). Онъ ввелъ реформацію въ Цвиккау (1527) и впослѣдствіи въ герцогствѣ Ангальтскомъ. Лютеръ, услышавъ о его смерти, горько оплакивалъ его. Онъ хвалилъ его за примѣрное благочестіе, которое такъ много содѣйствовало дѣлу реформаціи. «То, чему мы учимъ, онъ такъ живетъ», сказалъ онъ о немъ.

ГАУСРАТЪ Адольфъ.—изв. нѣм. библеистъ, род. 13 іюня 1837 г., съ 1867 г. экстраординарный, съ 1877 г. ординарный профессоръ при университетѣ въ Гейдельбергѣ. Г. пріобрѣлъ имя въ наукѣ своими многими трудами по Н. Завѣту,—въ особенности объ апостолѣ Павлѣ (1865 г.) и о «Періодѣ новозавѣтной исторіи», въ четырехъ частяхъ (1-я въ 3-мъ изд., остальныя во 2-мъ). Придерживается Г. тюбингенскихъ традицій и о Штраусѣ написалъ большое сочиненіе въ двухъ томахъ, но мало способствовалъ поддержанію и развитію этихъ началъ по отсутствію логически-конструктивной созидательности, ка-

кую онъ самъ столь цѣнилъ въ Гольстенѣ (см.), почтенномъ отъ него сочувственными воспоминаніями (1897 г.). Гораздо выше его талантъ (извѣстный по тремъ историческимъ романамъ) и заслуги въ качествѣ историка-живописателя, хотя иногда фантазія слишкомъ господствуетъ надъ матеріаломъ, а тюбингенскія симпатіи сопровождаются тѣмъ, что на его историческихъ картинахъ правдивѣе и лучше историческій фонъ и обстановка, чѣмъ самыя новозавѣтныя фигуры. *Н. Г.*

ГАЧЪ Эдвинъ—англ. писатель-богословъ (род. 4 сент. 1835 г. † 10 ноября 1889 г.), получилъ хорошее класс. образованіе, состоялъ въ теченіе шести лѣтъ въ Канадѣ профессоромъ въ разныхъ университетахъ (1859—66 гг.), затѣмъ переѣхалъ въ Англію, гдѣ также проходилъ разныя педагогическія должности. Въ 1883 г. онъ сдѣлался настоятелемъ (ректоромъ) одной церкви въ Эссексѣ, хотя эта должность не мѣшала ему продолжать свои научныя и университетскія занятія. Одно время издавалъ «Университетскую Газету», читалъ публ. лекціи и, между прочимъ, о греч. переводѣ LXX. Какъ хорошій знатокъ христ. древностей, онъ принималъ живое участіе въ Смитовомъ «Словарѣ христ. древностей» въ 1873 по 1876 гг. Изъ его «Бамптонскихъ Чтеній» по 1880 г. составилась его первая книга: «Организація первенствующихъ церквей», Лондонъ 1881 г., за которую эдинб. унив. далъ ему степень доктора богословія (книгу эту А. Гарнакъ перевелъ на нѣмецкій языкъ съ дополненіями и приложеніями). Этотъ трудъ онъ продолжилъ въ другомъ своемъ сочиненіи подъ загл. «Ростъ церк. учрежденій», Лондонъ, 1887 г. (также перев. Гарнакомъ на нѣм. яз., Гиссенъ, 1888 г.). Въ 1889 г. появились его «Опыты въ библейскомъ греч. языкѣ» (Оксфордъ 1889 г.), гдѣ особенно обращено вниманіе на греческ. перев. LXX. Уже послѣ его смерти изданы были его «Гиббертовы чтенія» подъ загл. «Вліяніе греческихъ идей и обычаевъ на христіанскую церковь» (Лондонъ 1890 г.). Самое важное изъ его сочиненій, но вмѣстѣ съ тѣмъ и самое крайнее, такъ какъ авторъ въ немъ старается доказать, что греч. церковь уклонилась отъ своей первобытной чистоты подъ вліяніемъ эллинизма. Книга возбудила не малую полемику въ богословской литературѣ и перев. на нѣм. языкъ Эрвиномъ Прейшеномъ при участіи А. Гарнака. Наконецъ, онъ много работалъ надъ *Симфоніей* или конкорданціей къ греч. перев. LXX (въ двухъ тт. 1891 и 1897 гг.)—трудъ весьма цѣнный въ научномъ отношеніи. Вообще библ. наукѣ Г. оставилъ немалое наслѣдство.

См. о немъ Memorials of Edwin *Hatch*, London 1890.

ГВЕЛЬФЪ и ГИБЕЛЛИНЪ — итализированныя формы нѣмецкаго Welf (герцогскій домъ въ Саксоніи) и Waiblingen (туземный замокъ Гогенштауфеновъ). Эти нѣмецкія имена сначала употреблялись, будто бы, въ качествѣ боевыхъ кликовъ въ Вейнсбергѣ (1140 г.) и затѣмъ сдѣлались названіемъ партій,—съ одной стороны, государей съ ихъ стремленіями къ независимости; съ другой, императора съ его притязаніями на верховную власть. Перенесенныя въ Италію, эти имена прилагались къ приверженцамъ императора (гибеллинамъ) и приверженцамъ папы (гвельфамъ), хотя подъ эти термины впослѣдствіи входили и многіе другіе, весьма различные элементы, какъ напр., когда двѣ республики, Пиза и Генуя, Феррара и Мантуя, и друг., соперничали между собою, и непосредственно становились гвельфами и гибеллинами; или даже когда соперничество существовало только между двумя фамиліями, какъ Монтекки и Капулетти въ Веронѣ, Ламбертацици и Джеремчи въ Болоньѣ и др.

ГВОЗДЕВЪ Иванъ Петровичъ, профессоръ. Сынъ причетника пензенской епархіи, родился въ 1821 г., высшее образованіе получилъ въ казанской дух. академіи, въ составѣ перваго ея курса; началъ службу съ 1846 г. преподавателемъ кавказской семинаріи (въ Ставрополѣ), въ 1849 г. получилъ каѳедру всеобщей гражданской исторіи въ академіи въ Казани и на этой каѳедрѣ оставался до смерти, 6 августа 1873 г.

Въ студентахъ оставилъ по себѣ воспоминаніе, какъ о симпатичнѣйшемъ типичномъ профессорѣ; печатныхъ трудовъ никакихъ не оставилъ, кромѣ исторической записки о дѣятельности казанской академіи за первыя 25 лѣтъ ея существованія (напеч. въ «Правосл. Собес.» 1868 г., ч. III).

Некрологъ въ «Правосл. Собес.» 1873 г., X и «Странникъ» 1873 г., XII. Блестящая характеристика—у *Знаменскаго*, въ «Исторіи казанск. дух. акад.»

С. Рункевичъ.

ГЕБГАРДЪ II—одинъ изъ типичныхъ кельнскихъ князей - архіепископовъ (род. въ Вальдбургѣ, 1547 г.; ум. въ Страсбургѣ, 1601 г.). Избранный 5 дек. 1577 г. на каѳедру архіепископа кельнскаго, онъ утвержденъ былъ папой 14 апр. 1578 г; но любовная интрига съ Агнесой Мансфельдской дала совершенно другой оборотъ его карьерѣ на служеніе церкви. Декретомъ отъ 19 дек. 1582 г. онъ объявилъ свободу религіи и богослуженія въ своихъ владѣніяхъ. 16 янв. 1583 г. издалъ декларацію о своемъ обращеніи въ лютеранскую церковь, а 2 февр. 1583 г. женился на Агнесѣ Мансфельдской. Но Григорій XIII, буллой отъ 1 апр. 1583 г., низложилъ его и объявилъ кельнскую каѳедру вакантной, и 22 мая 1583 г. капитулъ избралъ архіепископомъ герцога Эрнеста баварскаго. Вслѣдствіе этого началась борьба. Эрнестъ занялъ митрополію діоцеза, а Г. держалъ въ своихъ рукахъ сильную крѣпость Боннъ. Послѣдній однако же не получилъ поддержки, которой онъ ожидалъ отъ другихъ протестантскихъ государей Германіи. Они не сочувствовали ему; вѣротерпимость и религіозную свободу они ненавидѣли и презирали столь же искренно, какъ и римскіе католики, а надъ злополучнымъ Г. тяготѣло подозрѣніе въ кальвинизмѣ. Въ январѣ 1584 г. Боннъ былъ взятъ, и дѣло его погибло. Онъ искалъ помощи въ Голландіи, Англіи и Германіи, но повсюду тщетно, и, наконецъ, удалился въ Страсбургъ, гдѣ и жилъ и умеръ въ полномъ забвеніи всѣми.

ГЕВАЛЪ—голая, безплодная гора къ с.-з. отъ Сихема (теперь Наблусъ), насупротивъ Гаризима на ю.-в., откуда открывается широкій видъ во всѣ стороны. На вершинѣ ея, по повелѣнію Моисея (Втор. **11**, 29; **27**, 4, 13) І. Навиномъ устроенъ былъ жертвенникъ и состоялось торжественное жертвоприношеніе всесожженія, и затѣмъ воздвигнуты были большіе, обложенные извѣстью камни, на которыхъ начертанъ былъ законъ, т. е. сущность Торы. Народъ, расположившись по шести колѣнъ на обѣихъ горахъ, съ Гаризима произносилъ благословенія на исполнителей закона, а съ Г. проклятія на нарушителей его, причемъ посрединѣ въ долинѣ находился ковчегъ завѣта и носящіе его священники (І. Нав. **8**, 30, 33). Послѣ этого акта Г. сдѣлался въ народн. представленіи горою проклятія. См. *Гаризимъ*.

ГЕВЕРНИКЪ Генрихъ Андрей Христофъ—видный нѣм. ученый богословъ (род. 1804 г, въ Мекленбургѣ, въ Германіи), изучалъ богословіе въ Галле, гдѣ его коллегіальными тетрадями, въ 1830 г., воспользовались для обвиненій противъ Векшнейдера и Гезеніуса; отправился затѣмъ въ Берлинъ, гдѣ его учителемъ и образцомъ въ ветхозавѣтной экзегетикѣ былъ Генгстенбергъ, затѣмъ въ Женеву; въ 1834 г., поселился въ Ростокѣ; въ 1840 г. сдѣлался профессоромъ въ Кенигсбергѣ и умеръ въ Нейстрелицѣ въ 1845 г. Онъ принадлежитъ къ тѣмъ богословамъ, которые благовременно укрѣпляли въ сознаніи современниковъ идею церкви, какъ древнеотеческаго и божественнаго установленія, обличали половинчатость моднаго супранатурализма, дѣлали новыя изысканія и обличали ту поверхностную ограниченность, которая выступала подъ знаменемъ разума. Понятно само собою, что эта историко-догматическая реставрація прежде всего должна была взяться за защиту основного принципа евангелической церкви,—единственно авторитета Св. Писанія въ дѣлахъ вѣры, противъ новѣйшихъ нападеній и ограниченій. Отсюда само собою вытекала необходимость, по возможности, прочно установить подлинность и неповрежденность Св. Писанія противъ рѣзкихъ нападокъ критики. Важная заслуга Г., вмѣстѣ съ такими учеными, какъ Генгстенбергъ, Курцъ, Ганъ, Кейль

и др., состояла именно въ томъ, что они ревностно выступали противъ крайностей разлагающей отрицательной критики, особенно въ области Ветхаго Завѣта, и старались утвердить истину ветхозавѣтнаго канона. Сюда принадлежатъ его «Руководство къ историко-критическому введенію въ В. З.» (Эрлангенъ, 1836—39 г.; во 2-мъ испр. Кейлемъ, изд. 1849—54 г.); его «Богословіе В. З. въ лекціяхъ», изд. Ганомъ въ 1848 г. (2-е изд. 1863 г., переработ. Шульцемъ); равно какъ его Комментаріи на книги Даніила (1832 г.) и Іезекіиля (Эрлангенъ, 1843 г.) и «Новыя критическія изслѣдованія къ книгѣ Даніила» (1838 г). Еще раньше въ Женевѣ онъ издалъ на франц. языкѣ «Смѣсь реформ. богословія».

ГЕГЕЛЬ (Георгъ - Фридрихъ - Вильгельмъ, 1770—1831 г.) въ свое время оказалъ необыкновенно могучее вліяніе на умы, его философія разсматривалась, какъ послѣднее и окончательное слово истины, но его вліяніе не было продолжительнымъ. Его ученики различнымъ образомъ измѣнили его ученіе въ существенныхъ пунктахъ, а послѣдующія поколѣнія знакомились съ нимъ лишь по краткимъ изложеніямъ его системы въ курсахъ исторіи философіи. До сихъ поръ нѣтъ ни одной спеціальной монографіи о философіи религіи Г., но за всѣмъ тѣмъ черезъ посредство своихъ учениковъ Г. еще живетъ въ богословствующихъ умахъ, и затѣмъ въ послѣднее время все болѣе и болѣе выясняется, что если слава Г. была преувеличенною, то забвеніе его было мстившею сама за себя несправедливостью: забывъ Г., забыли много глубокихъ и поучительныхъ идей. Теперь снова постепенно обращаются къ его философіи. По Г. цѣль бытія и цѣль философіи одна и та же. Цѣль философіи есть истина; цѣль, къ которой стремится бытіе, есть самопознаніе или самосознаніе; такимъ образомъ процессъ міроваго бытія есть процессъ философствованія. Вмѣстѣ съ тѣмъ это есть и процессъ самоосвобожденія, потому что познаніе истины есть пріобрѣтеніе свободы (Іоан. 8, 32). Абсолютное познаніе есть совпаденіе мышленія съ бытіемъ, есть абсолютное самосознаніе. Въ процессѣ развитія мысль предшествуетъ бытію, потому что всякое бытіе есть выраженіе или раскрытіе мысли. Такимъ образомъ, началомъ всего должно положить абсолютную мысль или идею, которая переходитъ въ бытіе черезъ самоотрицаніе (въ бытіи еще нѣтъ мысли), но бытіе, развиваясь, въ своихъ высшихъ формахъ достигаетъ сознанія и самосознанія. Здѣсь происходитъ возвращеніе идеи самой въ себя или самосознаніе абсолютнаго духа черезъ посредство конечнаго духа. Достиженіе такого самосознанія есть цѣль и религіи и философіи, но тою и другою эта цѣль достигается различнымъ образомъ. Религіозный процессъ въ его существѣ и въ его историческихъ формахъ Г. представляетъ слѣдующимъ образомъ. Первая форма, въ которой религія вступаетъ въ сознаніе, есть чувство (Gefühl), но это свойственно не исключительно религіи, такъ какъ каждое содержаніе нашего сознанія прежде всего открывается въ чувствѣ, какъ формѣ непосредственнаго знанія, въ которомъ познающій субъектъ и познаваемый объектъ еще находятся непосредственно одинъ въ другомъ. Но пока предметъ находится только въ чувствѣ, онъ и существуетъ только для субъекта и познается совершенно субъективно, смотря по природѣ каждаго отдѣльнаго человѣка. Высшую ступень по сравненію съ чувствомъ представляетъ собою воззрѣніе, созерцаніе (Anschauung), въ которомъ предметъ представляется субъекту въ чувственной опредѣленности, онъ поставляется внѣ субъекта и служитъ для послѣдняго предметомъ чувственнаго созерцанія. Надъ созерцаніемъ возвышается представленіе (Vorstellung), гдѣ предметъ является уже въ формѣ всеобщности, въ формѣ мысли, но еще нуждается для своего опредѣленія въ чувственномъ образѣ. Элементы представленія анализируетъ рефлектирующій разсудокъ (Verstand), онъ упорядочиваетъ ихъ, но онъ однако не можетъ подняться надъ противоположностью «я» и бытія иного по отноше-

нію къ «я» (не-я). Руководимое разсудкомъ «я» ближайшимъ образомъ познаетъ себя, какъ конечное противоположное иному «я», чѣмъ его собственное, или безконечному, отъ котораго оно чувствуетъ себя въ безусловной зависимости. Однако оставаясь при этомъ противоположеніи самимъ собою, я познаетъ себя, какъ особенную силу этого противоположенія, какъ то, что не отрицается и не уничтожается своимъ противоположеніемъ, но утверждается имъ. Отрицательный характеръ пріобрѣтаетъ противоположеніе, а «я», напротивъ, является положительнымъ, единою реальностью, единымъ безконечнымъ. «Не-я» отодвигается въ область идеальнаго, но эта идеальность остается одностороннею, пока она проводится только въ объектѣ, а не въ субъектѣ. Должно, чтобы «я» отвергло себя, какъ отдѣльность, и исчезло въ абсолютной всеобщности (комментируя эту мысль, Г. часто повторяетъ Лук. 9, 24 и др. параллельн. мѣста), которая поднимается надъ противоположностями «я» и «не-я», безконечнаго и конечнаго, такъ какъ равно заключаетъ въ себѣ то и другое. Это — точка зрѣнія мышленія разума (Vernunft). Въ этомъ мышленіи, какъ дѣятельности всеобщаго, «я» отрицаетъ свою обособленность и исчезаетъ во всеобщемъ, какъ въ истинной объективности; между тѣмъ какъ въ рефлексіи разсудка безконечное только противополагаетъ себя конечному такъ, что конечное удвоивается (такъ какъ противополагаемое ему безконечное, какъ членъ противоположенія, становится конечнымъ), напротивъ, въ спекулятивномъ мышленіи осуществляется истинное единеніе обоихъ: «я» различается отъ всеобщаго, какъ особенное (индивидуальное), но вмѣстѣ оно отрицается отъ своей обособленности и исчезаетъ въ идеальности всеобщаго, становится моментомъ въ жизни всеобщаго. Конечное, какъ отрицательное, имѣетъ свою истинность только въ отрицаніи самого себя, и безконечное имѣетъ свое утвержденіе только въ отрицаніи этого отрицанія. Конечное и безконечное противополагаются здѣсь, не какъ неподвижныя реальности, но только оба, какъ моменты одного и того же процесса. На этой ступени сознаніе познаетъ себя уже не просто въ отношеніи къ Богу, какъ безконечному, но оно само становится моментомъ въ бытіи духа такъ, что познающій духъ становится вмѣстѣ и познаннымъ. Религія здѣсь (и только здѣсь она является тѣмъ, чѣмъ она должна быть по своей сущности) есть не что иное, какъ самосознаніе Абсолютнаго Духа или знаніе божественнаго Духа о Себѣ Самомъ черезъ посредство конечнаго духа. Такому опредѣленію отвѣчаетъ только христіанская религія, имѣющая своимъ содержаніемъ единство Бога и человѣка, безконечнаго и конечнаго, но единство, заключающее въ себѣ различіе, какъ свое необходимое условіе, такъ какъ единство утверждается чрезъ возвращеніе изъ различія. Богъ съ христіанской точки зрѣнія не есть абстрактное всеобщее, не есть и неподвижная субстанція, Онъ имѣетъ свойства, какъ моменты, и слѣдовательно, какъ субстанція, является субъектомъ. Поэтому различаетъ ли Себя Божество, какъ особенное отъ всеобщаго, или Оно раздѣляется въ конечныхъ субъектахъ, Оно остается въ этомъ саморазличеніи и самоограниченіи Самимъ Собою, такъ какъ Оно являемыя имъ различія или конечныя духовныя существа заключаетъ въ Себѣ, какъ моменты своего бытія; такъ является сознаніе единства конечнаго духа съ безконечнымъ, т. е. такъ осуществляется религія, какъ живое единство. Божество здѣсь изъ самополагаемаго различенія возвращается къ Самому Себѣ, какъ полному единству. Религія не только не есть чувство зависимости отъ безконечнаго, которое человѣкъ противополагаетъ себѣ, какъ (воззрѣніе Шлейермахера, см.), напротивъ, въ религіи прекращается отчужденность человѣка отъ Бога, она есть откровенная истина, потому что истина есть не что иное, какъ сознаніе, что духъ для самого себя становится предметомъ или единствомъ сознанія бытія — субъекта и объекта, и поэтому религія есть совершенная свобода, такъ какъ само-

сознаніе, устраняющее различіе конечнаго и безконечнаго, «я» и «не—я», есть свобода. Абсолютною религіею является христіанство, но и остальныя религіи суть необходимые моменты въ процессѣ самореализированія понятія религіи. Г. дѣлитъ эти религіи на два класса: на религіи непосредственности и религіи духовной индивидуальности. Человѣкъ долженъ былъ начать существованіе съ непосредственнаго единства естественнаго (природнаго) и духовнаго, но онъ необходимо долженъ былъ пройдти черезъ сознаніе противоположности ихъ—черезъ грѣхъ, чтобы путемъ собственной борьбы стать совершеннымъ духомъ. Низшею ступенью религій непосредственности является волшебство или шаманство. Человѣкъ здѣсь чтитъ неопредѣленную силу и пытается владычествовать надъ нею. Послѣдующими моментами въ религіяхъ непосредственно являются религія мѣры — китайская, дѣло человѣка здѣсь исполнять неизмѣнную волю неба. Религія фантазіи—браминская; культъ заключается здѣсь въ мысленномъ погруженіи человѣка въ себя, чтобы чрезъ собранность мыслей въ собственномъ духѣ самому стать высшимъ существомъ (отождествиться съ Брамою). Наконецъ, религія бытія въ себѣ—буддизмъ. Культъ состоитъ въ поднятіи надъ желаніями, въ погруженіи въ себя, въ самоотреченіи для достиженія вѣчности. Далѣе, въ религіяхъ выясняется различіе субъекта и объекта и различіе добра и зла. Въ персидской религіи свѣта добро представляется абсолютною силою, задача культа распространять добро и разсѣевать мракъ. Въ сирійской религіи страданія борьба между добромъ и зломъ представляется, какъ скорбь. Страждетъ богъ (Адонисъ), который черезъ смерть возвращается къ самому себѣ. Въ египетской религіи загадки культъ является, какъ безконечное стремленіе выражать то, что содержится въ представленіи, отсюда колоссальныя постройки подъ землею и надъ землею. Изъ этого корня выросла живая вѣра въ безсмертіе души. Религіи духовной индивидуальности представляютъ три стадіи: іудейство, религію греческую и религію римскую. Іудейство — религія возвышенности (единства) признаетъ волю единаго Бога, призвавшаго къ бытію не имѣющій самостоятельности міръ. Культъ состоитъ здѣсь въ страхѣ Божіемъ, въ сознаніи своей несвободы, которое переходитъ въ абсолютно-спокойное довѣріе, потому что это есть Богъ, Которому отдается «я». Греческая религія красоты признаетъ и чтитъ боговъ, какъ субстанціальныя силы, какъ нравственное содержаніе естественной и духовной жизни. Греческая религія характеризуется абсолютною ясностью. Культъ, какъ служеніе, имѣетъ своею цѣлію привести человѣка къ сознанію его тождества съ богами. Римская религія — цѣлесообразности приводитъ различныя цѣли людей къ одной—служенію государству. Богамъ служатъ ради того, чтобы они по необходимости служили этой цѣли. Христіанство есть религія абсолютная. Въ немъ сознанію выясняется, что Богъ не противостоитъ конечному «я», какъ внѣшній предметъ, но какъ Духъ, Богъ полагаетъ внѣ Себя конечное, чтобы чрезъ него опять возвратиться къ Самому Себѣ. Христіанство есть религія откровенная, потому что оно содержитъ знаніе, что оно само есть Богъ, достигающій самосознанія въ конечныхъ «я». Христіанство есть религія положительная, потому что она есть опредѣленность нашей собственной разумности. Внѣшнія явленія, наприм., чудеса и свидѣтельства не могутъ быть цѣнимы, какъ доказательства истинности религіи, одно свидѣтельство духа имѣетъ для этого рѣшающее значеніе, но духъ можетъ свидѣтельствовать многообразнымъ и различнымъ образомъ. Нельзя требовать, чтобы у всѣхъ людей истина утверждалась философскимъ образомъ. Потребности людей различны и при различіи степеней развитія есть также потребность вѣрить авторитету. Но для науки достаточнымъ является только свидѣтельство мыслящаго духа, въ развитіи понятія выясняющаго необходимость религіи. Такъ является абсолютная религія, какъ религія истины и свободы. Богъ есть дѣятельность чи-

стаго знанія. Знанію принадлежитъ нѣчто, что не есть оно само—то, что познается. Поэтому Богъ вѣчно рождаетъ Сына — Себя Самого отличающагося отъ Себя. Но то, чѣмъ Онъ отъ Себя отличается, не имѣетъ образа иного бытія: отличающееся (инобытіе) есть непосредственно только то, отъ чего оно отличается (бытіе, Богъ). Различіе между Отцомъ и Сыномъ снимается въ любви (Духѣ Святомъ). Такова троичность Божества. Христіанскія выраженія о рожденіи, исхожденіи, трехъ лицахъ и единомъ существѣ, съ точки зрѣнія Г., только дѣтскій способъ обозначенія Бога, какъ живой дѣятельности, однако въ извѣстномъ смыслѣ они должны быть признаны истинными, какъ относительную истинность заключаютъ въ себѣ и указанія на троичность древнѣйшихъ религій. Другое Бога, или Его Сынъ въ идеѣ еще не отличенъ отъ Отца. Это различіе—только движеніе, любовь, въ чемъ нѣтъ еще дѣйствительнаго утвержденія, инобытія, раздѣленія и разлада. Но различіе должно вступить въ свои права, и иное должно утвердить себя, какъ самостоятельный объектъ. Это—міръ. Въ немъ инобытіе является не какъ сынъ, но какъ внѣшнее, конечное бытіе, находящееся внѣ истины. Міръ, это—та же идея въ себѣ, но въ другомъ опредѣленіи. Идея въ природѣ выражается, главнымъ образомъ, въ томъ, что она жертвуетъ природою и чрезъ препобѣжденіе ея становится духомъ. Конечное бытіе распадается на міръ естественный и на міръ конечнаго духа. Природа для самой себя не вступаетъ въ отношеніе къ Богу, но только ради человѣка, поскольку для него она есть откровеніе Божіе. Человѣкъ по природѣ и добръ и золъ. Онъ—духъ въ себѣ, разумность, созданъ по образу Божію, но онъ добръ въ идеѣ, а не въ дѣйствительности. Какъ духъ, онъ не можетъ оставаться при томъ, что есть непосредственно, онъ долженъ выйдти изъ своего естественнаго состоянія и чрезъ это достигнуть окончательнаго усовершенія. Первосостояніе человѣка есть состояніе невинности только въ смыслѣ естественной непосредственности. Но человѣкъ долженъ стать виновнымъ, т. е. отвѣтственнымъ за свои добрыя или злыя дѣла. Кромѣ того, естественный человѣкъ есть эгоистъ и онъ долженъ научиться свою обособленность подчинять всеобщей разумности. Между понятіемъ о человѣкѣ и дѣйствительностію существуетъ разладъ. Этотъ разладъ открывается самосознанію человѣка. Библейское повѣствованіе говоритъ это о первомъ человѣкѣ и это справедливо о человѣкѣ вообще. Когда человѣкъ познаетъ себя, какъ злого, онъ находитъ себя стоящимъ въ противоположности, съ одной стороны, къ міру, съ другой — къ Богу, послѣднее есть грѣхъ, первое—несчастье. Человѣкъ находитъ въ себѣ безконечное стремленіе къ добру и упорное противодѣйствіе этому стремленію. Это несогласіе приводитъ его къ безконечной скорби о себѣ самомъ и поднимаетъ до смиренія и сокрушенія. Нравственный разладъ вызываетъ страстное желаніе искупленія. Чтобы это искупленіе совершилось, чтобы противоположность въ себѣ была уничтожена, необходимо, чтобы субъектъ вообще могъ уничтожить себя для себя. Богъ, какъ живой Духъ, противополагаетъ Себѣ иное (человѣческій духъ) и въ этомъ иномъ остается тождественнымъ съ Самимъ Собою Этимъ фактомъ не отрицается различіе божескаго и человѣческаго духа и ихъ несоизмѣримость, но вмѣстѣ съ тѣмъ утверждается, что, не смотря на различіе, существуетъ тожество обоихъ. Возможность искупленія обусловливается познаніемъ сущаго въ себѣ единства божеской и человѣческой природы. Во имя этого познанія человѣкъ отрицаетъ свою самость, конечное (= не безконечное) отрицаетъ себя само, чтобы, такъ сказать, уступить дорогу безконечному. Скорбь, которую чувствуетъ конечное при этомъ отрицаніи, не скорбна, такъ какъ оно чрезъ это поднимается въ процессѣ божественнаго. Но недостаточно того, чтобы единство божеской и человѣческой природы, данное въ идеѣ Бога, было познано спекулятивнымъ мышленіемъ. Если искупленіе

совершено воистину, то знаніе это должно стать удѣломъ всѣхъ людей безъ различія образованія; для этого нужно, чтобы искупленіе совершилось въ мірѣ видимымъ, доступнымъ взору каждаго образомъ. Субстанціальное единство божеской и человѣческой природы само въ себѣ есть въ человѣкѣ, но оно недоступно обычному сознанію. Только, когда оно откроется въ отдѣльномъ, исключительномъ человѣкѣ, оно можетъ быть видимо и познано всѣми. Для другихъ этотъ индивидуумъ является выраженіемъ идеи и этотъ индивидуумъ есть единственный. Въ вѣчной идеѣ есть только одинъ сынъ. Какъ таковаго, церковь разсматриваетъ Христа, Сына Божія. Историческое явленіе Христа можетъ быть разсматриваемо двоякимъ образомъ: для невѣрующаго Христосъ—обыкновенный человѣкъ, только вѣра, разсматривающая Его въ духѣ и духомъ, проникаетъ въ истину. Человѣческой сторонѣ прежде всего принадлежитъ ученіе Христа. Новая религія выражаетъ себя, какъ новое сознаніе — сознаніе примиренія человѣка съ Богомъ. Въ результатѣ этого примиренія является царство Божіе, это—истинная родина для духа, дѣйствительность, въ которой господствуетъ Богъ. Это примиреніе по отношенію къ дѣйствительности выступаетъ отрицательно, требуя отреченія отъ конечныхъ вещей, какъ не имѣющихъ дѣйствительнаго существованія, положительнымъ оно является въ требованіи вступать съ своимъ настроеніемъ въ царство Божіе. Изъ приложенія этого общаго требованія къ частнымъ отношеніямъ вытекаютъ нравственныя заповѣди, объединяющіяся въ заповѣди о любви. Ученіе Христа восполняется представленіемъ осуществленія божественной идеи въ его жизни и судьбѣ. Его жизнь точно согласуется съ его ученіемъ, и такъ какъ утвержденіе царства Божія противорѣчило существовавшему государственному строю, то онъ долженъ былъ вѣрность своему призванію оплатить смертью. Невѣрующій при сужденіи о лицѣ Христа идетъ только до момента его смерти, вѣра простирается далѣе. Вѣрующій видитъ въ смерти Христа (этомъ высшемъ пунктѣ божественнаго самоотрицанія) уничтоженіе конечности и самообрѣтеніе Бога. Безконечное (Богъ) становится конечнымъ (человѣкомъ). Конечное умираетъ, происходитъ отрицаніе конечности, и оно становится безконечнымъ. Происходитъ смерть смерти. Таково значеніе воскресенія и вознесенія Христа. Въ томъ, что Сынъ Человѣческій возсѣлъ одесную Отца, высочайшимъ образомъ открывается честь человѣческой природы и ея тождество съ божественною. Эта смерть, какъ смерть Бога за насъ, имѣетъ всецѣло удовлетворяющее значеніе, не какъ чуждая жертва, которую другой принесъ за насъ, но какъ абсолютная исторія божественной идеи какъ чувственное представленіе существеннаго единства божескаго и человѣческаго. Ранѣе своей смерти Христосъ для учениковъ былъ сыномъ человѣческимъ. Смерть была центральнымъ пунктомъ искупленія. Въ ней они познали Христа, какъ Сына Божія, Бога, какъ Троичность. Съ этимъ признаніемъ возникаетъ община. Субъектъ, принадлежащій къ общинѣ, долженъ познать свою безконечную, нечувственную сущность, познать себя безконечнымъ, вѣчнымъ, безсмертнымъ. Въ христіанской религіи поэтому безсмертіе души является опредѣленнымъ ученіемъ. Душа имѣетъ безконечное, вѣчное назначеніе быть гражданкой въ царствѣ Божіемъ. Общины являются отдѣльными эмпирическими субъектами, существующими въ духѣ Божіемъ. Ближайшимъ образомъ истина является имъ, какъ чувственное явленіе, и они должны усвоять ее внутренне въ личномъ опытѣ. Относительно этого чувственнаго факта и совпадающей съ нимъ христіанской истины возникаетъ вопросъ: вѣрно ли, что Богъ послалъ своего Сына въ міръ, и былъ ли Христосъ Іисусъ Назаретскій? Положительный отвѣтъ на это вытекаетъ изъ идеи о Богѣ, какъ Духѣ, открывшемся самосознанію людей, когда исполнилась полнота временъ, т. е. когда духъ въ своемъ поступательномъ развитіи черезъ безконечную скорбь іудей-

скаго и римскаго міра, поскольку эта скорбь углубилась въ себя, познала свою безконечность. Почитались и другіе божественными посланниками или даже богами, но только, когда исполнилось время и идея созрѣла, она всецѣло соединилась съ Христомъ и въ немъ реализовалась. Вѣра созерцаетъ въ лицѣ Іисуса, какъ въ чувственномъ явленіи, единство божеской и человѣческой природы. Познавшій это единство, субъектъ долженъ выразить его въ себѣ, долженъ исполниться божественнымъ духомъ. Это достигается лишь вѣрою, что искупленіе совершено воистину. Задача церкви усвоить въ отдѣльныхъ субъектахъ предлежащую истину. Въ своемъ вѣроученіи объ искупленіи церковь владѣетъ истиною, въ духѣ, находящемся въ ней, она владѣетъ безконечною силою и могуществомъ для развитія и утвержденія этого вѣроученія. Чтобы предохранить истину отъ произвола и случайности мнѣній, церковь заключаетъ ее въ символы. Каждый индивидуумъ, родившійся въ церкви, назначенъ принимать участіе въ этой истинѣ. Церковь возвѣщаетъ это въ таинствѣ крещенія. Новокрещенному истина сначала предлагается отвнѣ, какъ ученіе основанное на авторитетѣ, но потомъ субъектъ въ себѣ самомъ черезъ побѣду надъ зломъ долженъ внутреннѣйшимъ образомъ постичь и испытать существенное единство съ Богомъ. Сознанное присутствіе Божіе въ субъектѣ, это—unio mystica есть существенное содержаніе таинства евхаристіи, въ которомъ чувственнымъ, непосредственнымъ образомъ человѣку дается сознаніе его примиренія съ Богомъ, проникновенія въ него и обитанія въ немъ духа.

Оцѣнка воззрѣній Г. При сужденіи о взглядахъ Г. нелишне помнить всегда слова, которыя будто бы Г. произнесъ передъ смертію: «у меня былъ одинъ ученикъ, который меня понималъ и то плохо». Разумѣя подъ этимъ ученикомъ самого себя, Г., очевидно, хотѣлъ выразить, что свое пониманіе истины онъ не успѣлъ выразить въ точной и ясной формѣ. Критиковать и отрицать отдѣльныя положенія и тезисы Г. очень легко, но эта легкость имѣетъ своимъ источникомъ неправильное пониманіе критикуемаго матеріала. Чтобы правильно оцѣнить философію Г., нужно понять ее въ ея цѣломъ. Для правильнаго пониманія его ученія о религіи много даетъ его разсужденіе о взаимоотношеніи философіи и религіи. Философія и религія имѣютъ, по Г., общее содержаніе и общую задачу, ихъ двухстороннее содержаніе есть вѣчная истина въ ея объективности: Богъ и только объясненіе Бога. Философія въ основаніи есть религія, такъ какъ она представляетъ собою отрицаніе субъективности и погруженіе въ Богѣ. Философія имѣетъ предметомъ идею, т. е. всеобщее, въ формѣ всеобщности, какъ единство различій (конечный духъ *только* самосознаніе абсолютнаго Духа). Религія разсматриваетъ всеобщее (абсолютное, Бога) только какъ одну сторону бытія, которой противополагается другая—непосредственное самосознаніе. Такимъ образомъ двѣ стороны, которыя философія разсматриваетъ, какъ два момента одной идеи, въ религіи остаются еще раздѣленными, какъ конечный субъектъ и безконечный объектъ. Практически религія поднимается надъ этимъ раздѣленіемъ въ культѣ, въ которомъ человѣкъ дѣйствительно соединяется съ Богомъ. Въ благоговѣйной молитвѣ, въ воспріятіи благодатнаго воздѣйствія человѣкъ чувствуетъ свое соединеніе съ Богомъ. Однако и здѣсь обыкновенный вѣрующій человѣкъ, чувствуя на себѣ божественное воздѣйствіе, безусловно отрицаетъ свое тождество съ Богомъ, между тѣмъ философія настаиваетъ на этомъ тождествѣ. Міровоззрѣніе религіозное есть трансцендентное, міровоззрѣніе философское есть имманентное. Изъ двухъ истиннымъ можетъ быть только одно и, по Г., истинно его философское воззрѣніе. Религія, такимъ образомъ, оказывается суррогатомъ философіи, которымъ можетъ довольствоваться только нефилософъ, но котораго философъ долженъ стыдиться. Въ исторіи развитія человѣческаго самосознанія религія оказывается устранимою ступенью.

Религіозный культъ есть суррогатъ философскаго самосознанія. Здѣсь коренное заблужденіе Г. Повышеніе самосознанія должно являться въ культѣ, но его сущность заключается не въ этомъ повышеніи, а въ сознаніи богообщенія. Культъ даетъ настроенность чувствъ. У Г. подсказывается странное положеніе, что чувство (религіозное) на высшихъ ступеняхъ развитія должно быть замѣнено мыслью (философскою), но въ живомъ человѣкѣ чувство и мысль не разъединимы, и никакая философія не поставитъ человѣка выше чувствъ скорби и радости. Г. хочетъ замѣнить въ человѣкѣ радостно-смиренное чувство божественной близости гордымъ сознаніемъ, что человѣкъ самъ есть Богъ. Какой смыслъ этого самообожествленія? Имъ утверждается, что абсолютный Духъ есть ничто безъ конечнаго духа, только въ послѣднемъ онъ находитъ дѣйствительное бытіе и самосознаніе. Но если такъ, то, значитъ, нѣтъ никакого трансцендентнаго Бога, и человѣкъ есть единственный Богъ. Такой выводъ заключаетъ въ себѣ отрицаніе всякой религіи. Сущность христіанства, которое Г. называетъ абсолютной религіей, состоитъ не въ томъ, что человѣкъ признается Богомъ *по природѣ* (напротивъ, по своей данной эмпирической природѣ человѣкъ признается здѣсь стоящимъ ниже идеи человѣка), а въ утвержденіи, что чрезъ искупленіе, совершенное Христомъ, онъ можетъ стать сыномъ Божіимъ *по благодати*. Должно однако оговориться, что высказанныя критическія замѣчанія направляются противъ выводовъ, которые повидимому слѣдуютъ изъ философіи Г. и которые были сдѣланы исторически (наприм., Фейербахомъ, см.), но которые не были сдѣланы самимъ Г. Напротивъ, рядомъ съ положеніями, изъ которыхъ подсказываются приведенные выводы, у него находятся разсужденія объ абсолютномъ духѣ, какъ истинной реальности, о культѣ, какъ общечеловѣческой потребности, о религіозномъ чувствѣ, какъ не отдѣлимомъ отъ сознанія, о христіанствѣ (въ протестантскомъ смыслѣ), какъ абсолютной истинѣ. Вотъ почему нѣкоторые всю его философію истолковывали въ теистически-христіанскомъ смыслѣ. Таковы: Гёшель, Габлеръ, Гинриксъ, Шаллеръ. Задача православнаго богослова по отношенію къ Г. состоитъ не въ томъ, чтобы въ цѣломъ видѣ припять или огульно отвергнуть его систему, а въ томъ, чтобы оправдать его воззрѣнія, согласныя съ христіанскими, и въ томъ, чтобы объяснить происхожденіе и отвергнуть содержаніе его антихристіанскихъ взглядовъ.

О литературѣ. Ученіе о религіи изложено *Гегелемъ* въ его Vorlesungen über die Philosophie der Religion (издано *Marheineke* послѣ смерти Г. и заключено въ XI и XII томы его полнаго собранія сочиненій), но они пополняются и разъясняются въ его Phaenomenologie, Encyklopädie, Aestetik, Philosophie der Geschichte. Обстоятельныя изложенія религіозной философіи Г. можно найдти у *Punjer'a* въ его Geschichte der christlichen Religions-philosophie. В. 2 и у *Pfleiderer'a* въ Religionsphilosophie Т. I. На русскомъ языкѣ изложеніе и разборъ ученія Г. о религіи даны *Д. В. Кудрявцевымъ-Платоновымъ* (почти исключительно на основаніи Die Religion... von Pfleiderer. 1869 г.) въ изслѣдованіи «Религія, ея сущность и происхожденіе». См. его сочиненія Т. 2, выпускъ 1-ый. *С. Глаголевъ.*

ГЕГЕМОНІЙ. Ему приписываютъ сочиненіе: «Acta disputationis Archelai episcopi Mesopotamiae et Manetis haeresiarchae», въ которомъ подъ фирмою диспута между вымышленнымъ епископомъ месопотамскимъ Архелаемъ и еретикомъ Манесомъ опровергается манихейское ученіе. Это — «очень цѣнный историческій источпикъ; авторъ воспользовался подлинными манихейскими сочиненіями и частью воспроизвелъ ихъ; его изложеніе образуетъ собою общую основу почти всѣхъ позднѣйшихъ греческихъ и латинскихъ разсказовъ о манихейской религіозной системѣ». Латинскій текстъ — переводъ съ «греческаго, нѣкоторые отрывки котораго существуютъ еще» и понынѣ и который, «вѣроятно», и былъ текстомъ «оригинальнымъ», хотя, впрочемъ, «другіе» таковымъ считаютъ «сирскій». Время «происхожденія сочиненія» относятъ къ «первой половинѣ IV-го вѣка». Оно помѣщено въ «патрологіи» Migne: S. G., t. X, col. 1405—1528.

А. Бронзовъ.

ГЕДЕОНЪ — одинъ изъ главныхъ судей израильскихъ (Суд. гл. 6—9). Послѣ чудеснаго избавленія, совершеннаго Деворой (см.) и Babакомъ отъ иноплеменнаго ига, водворились въ землѣ обѣтованной миръ и благоденствіе на цѣлыя сорокъ лѣтъ, но самое состояніе народа въ религіозномъ и гражданскомъ отношеніи было таково, что и въ будущемъ могли угрожать подобныя же бѣдствія. Живя среди идолопоклонниковъ, народъ израильскій при видѣ сладострастныхъ формъ ихъ идолослуженія самъ увлекался ими, нравственныя силы его ослабѣвали, внутри усиливалось разъединеніе между колѣнами, приведшее, наконецъ, къ тому, что каждое колѣно начало считать себя какъ бы отдѣльнымъ, совершенно самостоятельнымъ государствомъ. Когда это государственное раздробленіе совершенно ослабило народъ, то этимъ не преминули воспользоваться окружающія кочевыя племена, которыхъ постоянно манили къ себѣ богатства и роскошь земли обѣтованной. И вотъ, когда «сыны Израилевы стали дѣлать злое предъ очами Господа, Господь предалъ ихъ въ руки мадіанитянъ» и сродныхъ съ ними кочевыхъ племенъ. Мадіанитяне, амаликитяне и всѣ «сыны востока» въ безчисленномъ множествѣ, съ волами и верблюдами, сдѣлали нашествіе на Палестину; переправившись чрезъ Іорданъ и сломивъ всякое сопротивленіе, какое только могли оказать имъ раздробленныя силы израильтянъ, они наводнили собою всю страну отъ Ездрилонской равнины на сѣверѣ до Газы—на самомъ югѣ. И это нашествіе повторялось изъ года въ годъ. Лишь только производились израильтянами посѣвы полей, какъ опять появлялась эта дикая орда, которая своими кибитками покрывала всѣ холмы и долины, угоняла весь встрѣчавшійся скотъ и потравляла своими стадами всякую растительность. Ничего не могло быть тяжелѣе и разорительнѣе подобныхъ нашествій, такъ какъ послѣ нихъ не оставалось ни хлѣба, ни скота. Огонь и мечъ распространяли ужасъ по всей странѣ; отчаянное сопротивленіе отдѣльныхъ отрядовъ израильтянъ приводило лишь къ безпощадному избіенію храбрыхъ защитниковъ своего отечества, и, наконецъ, единственнымъ спасеніемъ оставалось лишь поголовное бѣгство населенія въ горы, гдѣ оно и скрывалось въ пещерахъ. Такъ продолжалось цѣлыхъ семь лѣтъ. «И весьма обнищалъ Израиль», и онъ опять возопилъ къ Господу. Тогда Господь опять сжалился надъ Своимъ невѣрнымъ и непостояннымъ народомъ и послалъ ему избавителя въ лицѣ Гедеона.

Г. происходилъ изъ города Офры, лежавшаго въ холмахъ средней Палестины, того именно ея округа, который подвергался наибольшему опустошенію отъ дикой орды. Это былъ, какъ показываетъ самое его имя, «отважный воинъ», отличавшійся царственнымъ величіемъ въ своей внѣшности. Онъ былъ младшій членъ семьи, которая дала уже нѣсколько храбрыхъ воиновъ и защитниковъ отечества отъ иноплеменниковъ, и два старшихъ брата его уже положили свою жизнь въ борьбѣ съ этими именно хищниками въ отчаянной стычкѣ при Ѳаворѣ. Живя среди упавшаго духомъ народа, онъ одинъ не терялъ надежды на избавленіе и ждалъ пробужденія въ народѣ духа раскаянія и возрожденія. Въ это время среди народа явился пророкъ, который пламенною рѣчью призывалъ къ покаянію, упрекая израильтянъ въ забвеніи ими всѣхъ благодѣяній Божіихъ со времени выхода ихъ изъ Египта. Это естественно пробудило духъ народа, который еще пламеннѣе сталъ просить объ избавленіи отъ тяжкаго ига. И тогда именно Г. получилъ высшее призваніе къ дѣлу избавленія страждущаго народа.

Осенью, въ седьмой годъ нашествій мадіанитянъ, Г. украдкой и торопливо молотилъ пшеницу, чтобы скорѣе укрыться отъ рыскавшихъ повсюду враговъ. Тѣпистый дубъ давалъ ему защиту отъ палящаго солнца. Занятый поспѣшной работой, Г. не замѣтилъ, какъ подъ дубомъ появился какой-то путникъ. Но это былъ «Ангелъ Господень», который сказалъ ему: «Господь съ тобою, мужъ сильный!» Привѣтствіе это странно поразило Г. и болѣзненно

затронуло въ немъ чувство угнетеннаго положенія, въ которомъ находился какъ онъ самъ, такъ и весь народъ. Не злая-ли это иронія со стороны незнакомца?—«Господинъ, отвѣчалъ ему Г.: если Господь съ нами, то отчего постигло насъ все это бѣдствіе? и гдѣ всѣ чудеса Его, о которыхъ разсказывали отцы наши, говоря: изъ Египта вывелъ насъ Господь. Нынѣ оставилъ насъ Господь и предалъ въ руки мадіанитянъ»,—съ грустью и отчаяніемъ заключилъ Г. Но ангелъ увѣрилъ его въ предстоящемъ избавленіи. Изъ чудеснаго знаменія (чудеснаго появленія огня въ принесенной жертвѣ) Г. убѣдился въ своемъ высшемъ призваніи для избавленія народа, и въ его душѣ исчезла и та малѣйшая тѣнь сомнѣнія и отчаянія, которая начала было закрадываться и въ его мужественный и вѣрующій духъ. Но чтобы имѣть больше успѣха въ возложенномъ на него дѣлѣ, Г. долженъ былъ прежде всего возбудить духъ истинной религіи въ народѣ, подавленный вторженіемъ идолопоклонства. Идолопоклонство проникло даже въ самое семейство, въ которомъ младшимъ членомъ былъ Г. Отецъ его Іоасъ, отчаявшись въ помощи Іеговы, предался идолопоклонству, и на одной изъ ближайшихъ гóръ воздвигъ жертвенникъ Ваалу, солнечному богу своихъ ханаанскихъ сосѣдей. Рядомъ съ жертвенникомъ стояло дерево, посвященное Астартѣ. Г. получилъ божественное внушеніе разрушить это капище и тѣмъ выразить открытый протестъ противъ идолопоклонства. И онъ, пылая ревностью о вѣрѣ въ истиннаго Бога, немедленно исполнилъ это внушеніе. Взявъ десять человѣкъ рабовъ своихъ и пару тельцовъ, онъ ночью разрушилъ капище, срубилъ заповѣдное дерево, на мѣстѣ низвергнутаго жертвенника Ваалова воздвигъ жертвенникъ истинному Богу и принесъ въ жертву одного изъ тельцовъ, употребивъ на дрова самое дерево Астарты. Все это было сдѣлано ночью, такъ какъ днемъ это возбудило бы суевѣрный ужасъ и возстаніе его домашнихъ и жителей города. Но тѣмъ большимъ изумленіемъ и негодованіемъ охвачены были эти послѣдніе, когда съ наступленіемъ дня они увидѣли, что сдѣлано было съ капищемъ и святыней. Народная молва не замедлила приписать это мнимое «святотатство» Г., и среди жителей города раздались яростные голоса, требовавшіе смерти виновнаго. Но его спасла мужественная рѣшимость и находчивость его отца Іоаса. Послѣдній раньше всѣхъ другихъ убѣдился изъ подвига своего сына въ жалкомъ ничтожествѣ Ваала и на требованіе толпы о выдачѣ Г. смѣло отвѣчалъ: «вамъ ли вступаться за Ваала, вамъ ли защищать его? Если онъ богъ, то самъ вступится за себя». Эта смѣлая и просвѣщенная рѣчь дѣйствительно устыдила толпу и заставила ее убѣдиться въ своемъ заблужденіи, и Г. получилъ названіе Іероваала, т. е «противоборца Ваалу».

Слава объ этомъ подвигѣ быстро разнеслась по странѣ, имя Г. было у всѣхъ на устахъ, и онъ могъ теперь выступить въ качествѣ избавителя отъ внѣшнихъ враговъ. «Духъ Господень объялъ Г., и онъ вострубилъ трубою». Звуки этой трубы нашли быстрый отголосокъ въ окружающихъ колѣнахъ, и подъ знаменемъ Г. собралось 32,000 воиновъ, готовыхъ положить свой животъ за истинную вѣру и свое отечество. Еще разъ получивъ увѣреніе въ своемъ призваніи двумя чудесными знаменіями (появленіемъ росы на шерсти при отсутствіи ея на окружающей землѣ и отсутствіемъ ея на шерсти при обиліи ея кругомъ), Г выступилъ противъ непріятеля. Но избавленіе должно было совершиться не собственными силами народа, а силою Божіею, и потому Г. повелѣно было уменьшить свое войско, отпустивъ всѣхъ боязливыхъ и робкихъ. Осталось только 10,000 человѣкъ; но и этого было много для побѣды. Посредствомъ особаго испытанія при водопоѣ на рѣкѣ, избрано было всего только триста человѣкъ, но, очевидно, самыхъ храбрыхъ и испытанныхъ воиновъ, которые были настолько закалены, что даже воду изъ рѣки, пренебрегая всякими удобствами, «локали языками своими, какъ локаетъ песъ». Съ этою горстью воиновъ Г. и

долженъ былъ выступить противъ непріятелей, которые огромнымъ полчищемъ въ 135,000 человѣкъ расположились на равнинѣ Ездрилонской. Проникнувъ ночью въ непріятельскій лагерь и узнавъ о тревожномъ настроеніи враговъ, до которыхъ уже дошла молва о движеніи среди израильтянъ, Г. рѣшилъ поразить ихъ неожиданнымъ нападеніемъ и особымъ стратегическимъ пріемомъ, нерѣдко употреблявшимся въ древности. Раздѣливъ свой отрядъ на три части и давъ каждому воину по трубѣ и по свѣтильнику въ кувшинѣ, Г. приказалъ этимъ частямъ ночью выступить въ обходъ непріятеля. По данному сигналу всѣ воины сразу затрубили въ трубы, разбили кувшины и громко воскликнули: «Мечъ Господа и Гедеона!» Пораженные неожиданно появившимся множествомъ свѣтильниковъ и громомъ трубъ и военнаго крика, непріятели пришли въ страшное смятеніе, въ суматохѣ убивали другъ друга и бросились въ безпорядочное бѣгство за Іорданъ. Но тамъ ихъ при переправѣ встрѣтило колѣно Ефремово, подвергнувъ ихъ еще большему разгрому, во время котораго убиты были два мадіамскихъ царя Орива и Зива. Самъ Г., подкрѣпленный десятитысячнымъ отрядомъ, преслѣдовалъ непріятеля и за Іорданъ, гдѣ еще нанесъ ему пораженіе, захвативъ въ плѣнъ еще двухъ мадіамскихъ царей Зевея и Салмана, которые, какъ оказавшіеся убійцами братьевъ Г., были убиты имъ самимъ. По возвращеніи Г. съ побѣднаго похода, благодарные израильтяне сказали ему: «владѣй нами ты и сынъ твой, и сынъ сына твоего; ибо ты спасъ насъ изъ руки мадіанитянъ». Но мужественный освободитель страны былъ доволенъ сознаніемъ исполненнаго долга и скромно отказался отъ предложенной ему наслѣдственной власти, отвѣтивъ израильтянамъ: «ни я не буду владѣть вами, ни сынъ мой не будетъ владѣть вами; Господь да владѣетъ вами». Онъ удовольствовался только частью военной добычи (въ 1,700 золотыхъ сиклей, кромѣ пряжекъ, пуговицъ и пурпуровыхъ одеждъ съ мадіанитскихъ царей и кромѣ золотыхъ цѣпочекъ съ шеи верблюдовъ ихъ). Къ сожалѣнію онъ имѣлъ неосторожность сдѣлать изъ этой добычи эфодъ или священную ризу, и суевѣрный народъ, придавъ ей магическое значеніе, сталъ «блудно ходить туда за нимъ», совершая нѣчто въ родѣ идолопоклонства. Впрочемъ, земля покоилась сорокъ лѣтъ, и самъ Г. мирно дожилъ до глубокой старости, оставивъ отъ своихъ многихъ женъ 70 сыновей и, главнѣе всего, ту добрую славу, которая дала ему впослѣдствіи великую честь быть записаннымъ въ число славнѣйшихъ героевъ вѣры (Евр. **11**, 32).

ГЕДЕОНЪ (Покровскій), епископъ. Уроженецъ орловской губерніи, въ мірѣ носилъ имя Герасима, среднее образованіе получилъ въ орловской духовной семинаріи, гдѣ окончилъ курсъ съ званіемъ студента. Тотчасъ, по окончаніи курса семинаріи, посвятилъ себя служенію церкви: въ 1872 г. былъ рукоположенъ во священника, черезъ два же года—въ 1874 г.—поступилъ въ число братьевъ мещовскаго монастыря и въ 1875 г. былъ постриженъ въ монахи. Затѣмъ, уже въ монашескомъ чинѣ, Г. поступилъ для завершенія своего богословскаго образованія въ кіевскую духовную академію; здѣсь получилъ степень кандидата богословія въ 1884 году, послѣ чего вскорѣ былъ назначенъ членомъ японской духовной миссіи въ Токіо, въ 1885 г. уволился отъ служенія при миссіи и былъ опредѣленъ въ число братьевъ болховскаго монастыря. Съ 1887 г. снова начинается общественное служеніе іером. Г. сначала на должности преподавателя казанской духовной семинаріи, а отсюда въ 1888 г. онъ былъ переведенъ на должность смотрителя холмскаго духовнаго училища. Въ томъ же 1888 г., послѣ защиты диссертаціи «Археологія и символика ветхозавѣтныхъ жертвъ», Казань, 1888 г., получилъ степень магистра богословія, въ слѣдующемъ 1889 г. возведенъ въ санъ архимандрита и вступилъ на должность ректора холмской духовной семинаріи. Въ этой должности и санѣ ему пришлось однако быть недолго,

такъ какъ 14 декабря 1891 г. послѣдавало высочайшее повелѣніе о бытіи ему епископомъ люблинскимъ; хиротонисанъ 12 янв. 1892 г. Съ 1896 г. по 1899 г. пребывалъ на покоѣ, а съ 12 ноября 1899 г. состоитъ епископомъ прилукскимъ, викаріемъ полтавской епархіи и настоятелемъ полтавскаго крестовоздвиженскаго необщежитнаго монастыря. Имѣетъ ордена: Анны 2 степ. (съ 1891 г.) и Владиміра 3 степ. (съ 1894 г.).

Магистерская диссертація преосвященнаго Г. — «Археологія и символика ветхозавѣтныхъ жертвъ», Казань, 1888 г.—представляетъ собою очень удобное и хорошее руководство для интересующихся затрогиваемыми ею вопросами; матеріалъ здѣсь расположенъ по плану въ порядкѣ вопросовъ, установившихся въ археологіи ветхозавѣтныхъ жертвъ. «Сочиненіе имѣетъ всѣ свойства хорошаго учебнаго пособія: систематическій порядокъ, точность, краткость и ясность. При разсмотрѣніи самыхъ многосложныхъ пунктовъ авторъ всегда попадаетъ въ самое сердце вопрса и въ короткихъ словахъ даетъ точное понятіе о предметѣ... Своимъ послѣднимъ основаніемъ авторъ всегда старается имѣть отеческія свидѣтельства, хотя эти послѣднія приводятся не въ подробномъ развитіи. Языкъ автора, можно сказать, безупреченъ. Мысль свѣжа, бойка и изворотлива» (Изъ отзыва проф. А. Олесницкаго, «Жур. сов. кіев. дух. акад.», 1888 г., засѣд. 19 мая. Стр. 160—161).

Геджра (съ арабскаго «бѣгство»)—названіе момента бѣгства Магомета изъ Мекки въ Медину, которое магометане относятъ къ 3 іюля 1622 г., и которое сдѣлалось исходнымъ пунктомъ для ихъ лѣтосчисленія. См. *Магометъ*.

ГЕДІО Каспаръ (род. въ Баденѣ, 1494; ум. въ Страсбургѣ, 1553) учился въ Фрейбургѣ и Базелѣ и былъ назначенъ придворнымъ проповѣдникомъ къ электору майнцскому въ 1520, и въ 1523 проповѣдникомъ въ соборѣ страсбургскомъ, гдѣ онъ усердно трудился надъ введеніемъ реформаціи. Онъ переводилъ Евсевія и отдѣльныя части твореній Амвросія, Августина и др., издавалъ Chronicon Urspengense и продолжалъ ее съ 1530 по 1537 г. Его собственное имя было Гейдъ.

ГЕЕННА—слово, употребляемое въ Новомъ Завѣтѣ въ смыслѣ *ада* (Ср. Матѳ. **5**, 29 и 30; **10**, 28; **18**, 9; **23**, 15; Марк. **9**, 43, 45; Лук. **12**, 5; Іак. **3**, 6). Оно употребляется въ отличіе отъ слова *адъ*, когда нужно выразить или муки самого ада или мысль объ адскихъ мученіяхъ. Приведенныя мѣста Нового Завѣта ясно показываютъ, что слово Г. было ходячимъ выраженіемъ вмѣсто *ада*, которымъ и пользовались Христосъ и Его апостолы; но было бы ошибочно предполагать, что Христосъ и апостолы просто приспособлялись къ народному выраженію, такъ какъ они подъ этимъ словомъ понимали дѣйствительное состояніе погибшихъ. Слово Г. есть греческое воспроизведеніе еврейскаго слова, означающаго *долина Еннома* или «сына» или «сыновъ Еннома», подъ которой разумѣется глубокая, узкая горловина къ югу отъ Іерусалима, гдѣ іудеи нѣкогда приносили своихъ дѣтей въ жертву Молоху (4 Цар. **23**, 10; Іерем. **7**, 31, **19**, 2—6). Въ позднѣйшія времена она служила мѣстомъ свалки всякаго рода нечистотъ и всего, что могло осквернять святой городъ, и поэтому сдѣлалась символомъ мѣста вѣчнаго наказанія, особенно вслѣдствіе постоянно поддерживавшихся въ ней огней для сожиганія этихъ нечистотъ. На это именно обстоятельство и заключается намекъ въ словахъ Христа: «И огонь не угасаетъ».

ГЕЕРБРАНДЪ Іаковъ, — видный реформатскій богословъ послѣ-реформатскаго времени; род. въ 1521 г., въ Вюртембергѣ; очень прилежно учился, по желанію своего увлекшагося Лютеромъ отца-ткача, не въ Тюбингенѣ, а въ Виттенбергѣ, и былъ тамъ любимцемъ Меланхтона. Въ 1544 г. онъ поставленъ былъ въ Тюбингенѣ въ санъ діакона, но въ 1848 г., такъ какъ не хотѣлъ принять «интерима», былъ уволенъ, и вскорѣ затѣмъ женился. Въ 1550 г., возведенный въ степень доктора богословія, онъ былъ назначенъ суперъ-интендентомъ герренбергскимъ, и въ 1852 г.

на него возложено было посольство къ тридентскому собору. Въ 1856 г. онъ помогалъ Андреэ при проведеніи реформаціи въ Баденѣ, въ слѣдующемъ году принималъ участіе во франкфуртскомъ собесѣдованіи и въ то же время назначенъ былъ тюбингенскимъ профессоромъ, а позже суперъ-интендентомъ, и послѣ смерти Андреэ—канцлеромъ. Въ 1598 онъ оставилъ всѣ свои должности и умеръ въ 1600 г., оплакиваемый многими, такъ какъ былъ вѣрный совѣтникъ знатнаго и ученаго міра и, какъ добрый, обезпеченный человѣкъ, былъ также благотворителемъ бѣдныхъ. Среди его сочиненій догматическаго, полемическаго и гомилетическаго содержанія самое значительное есть «Компендіумъ богословія»(Тюбингенъ, 1573, 1575 гг., очень расшир. 1578, 1591, 1600 гг. и др., а также въ извлеч. 1589 г.),—составленная по Loci Меланхтона первая лютеранская систематическая догматика, для облегченія изученія изложенная въ вопросахъ и отвѣтахъ, отличающаяся логическою опредѣленностью и вѣрностью символическимъ книгамъ, такъ что, рядомъ съ Loci Theol. Гаффенреффера, она въ теченіе цѣлаго столѣтія служила догматическимъ учебникомъ въ Вюртембургѣ, да и вообще была широко распространена, а по желанію герцога Людвига, въ виду переговоровъ съ греческою церковью, была переведена Крузіемъ даже на греческій языкъ (Тюбингенъ, 1589 г.).

ГЕЗЕНІУСЪ Вильгельмъ — знаменитый ученый гебраистъ (род. въ Нордгаузенѣ, 1785 г.; ум. въ Галле, 1842 г.). Онъ получилъ образованіе въ Гельмштедтѣ и Гэттингенѣ, гдѣ, подъ вліяніемъ Эйхгорна, пріобрѣлъ любовь къ критическимъ и филологическимъ изслѣдованіямъ. Свою общественную жизнь онъ началъ въ качествѣ доцента въ Гэттингенѣ и въ послѣдующіе годы любилъ разсказывать, что Неандеръ былъ его первымъ ученикомъ по еврейскому языку. Въ 1810 г. онъ приглашенъ былъ въ Галле, гдѣ и состоялъ до конца своей жизни, несмотря на сдѣланное ему приглашеніе сдѣлаться преемникомъ Эйхгорна въ Гэттингенѣ. Лекціи его были весьма популярны, и слушать ихъ въ одно время собиралось до 400 студентовъ. Въ интересѣ своихъ восточныхъ изслѣдованій, онъ два раза ѣздилъ въ Англію (1820, 1836 гг.). Изъ сочиненій Гезеніуса, заслуженной извѣстностью пользуется его «Еврейскій Лексиконъ», который вышелъ въ 2 томахъ (1810—1812 г.). Его еврейская «Сокровищница» (въ 3 том.) стала выходить въ 1826 г., но была закончена лишь послѣ его смерти подъ редакціей его ученика Редигера. Этотъ большой трудъ есть, дѣйствительно, сокровищница богатѣйшихъ матеріаловъ изъ области еврейскаго языка Ветхаго Завѣта; но нельзя не пожалѣть, что, при своей основательной семитической учености, онъ не включалъ въ нее формъ послѣ—библейскаго еврейскаго языка. Въ 1813 г. вышла въ свѣтъ его «Грамматика», въ 1815 г. — его «Исторія еврейскаго языка и письменности», и въ 1818 г «Lehrgebäude der Hebr. Sprache». Эти грамматическіе труды не пользовались такой же популярностью, какъ лексикографическіе, что отчасти зависѣло какъ отъ появленія другихъ трудовъ въ этомъ же родѣ, такъ и отъ того обстоятельства, что авторъ въ своемъ изложеніи не держался строгаго филологическаго метода. Въ 1821 г. появился въ 2 томахъ его комментарій на пророка Исаію. Это было какъ разъ въ концѣ того періода, когда безусловно господствовалъ раціоналистическій способъ истолкованія. Трудъ этотъ заслуживаетъ вниманія, какъ одно изъ лучшихъ произведеній этой школы, такъ какъ отличается филологическою основательностью, яснымъ изложеніемъ и знакомствомъ съ исторической критикой, какъ равно и свободой отъ догматической и апологетической предзанятости. Гезеніусъ принадлежалъ къ раціоналистической школѣ, но отнюдь не былъ крайнимъ партизаномъ,—въ его сочиненіяхъ преобладаетъ филологическій элементъ. Когда раціонализмъ началъ упадать въ Галле, то онъ считался главнымъ его представителемъ, какъ вслѣдствіе своего личнаго вліянія на студентовъ, такъ и вслѣдствіе славы своей уче-

ности. Онъ былъ однимъ изъ главныхъ лицъ, противъ которыхъ направлялось начавшееся въ 1830 г. противораціоналистическое движеніе, но онъ удержалъ свое положеніе, и жалобы прекратились. Вдобавокъ къ упомянутымъ выше сочиненіямъ, онъ издалъ еще «Опытъ о мальтійскомъ языкѣ» (1810 г.), «О происхожденіи самарянскаго Пятокнижія» (1815 г.), «О самарянскомъ богословіи» (1822 г.), «Самарянскіе стихи» (1824 г.), «Путешествіе Буркгарта» (1823 г.), «Финикійскіе памятники» (1837 г.). Гезеніусъ также много сотрудничалъ въ Энциклопедіи Эрша и Грубера, а также въ «Галльской Литературной Газетѣ». Грамматика его имѣла большое распространеніе даже и за предѣлами Германіи, гдѣ она имѣла больше 25 изданій; русскій переводъ ея имѣлъ также нѣсколько изданій.

ГЕЙГЕРЪ Авраамъ, — ученый гебраистъ, род. во Франкфуртѣ-на-Майнѣ, 1810 г., и ум. въ Берлинѣ, 1874 г. Онъ былъ раввиномъ въ Висбаденѣ, Бреславлѣ, Франкфуртѣ и Берлинѣ, принадлежалъ къ іудеямъ реформатскаго направленія и въ ихъ интересѣ основалъ, вмѣстѣ съ другими, «Журналъ для іудейскаго богословія» (1835 г.). Главными его изданіями были: трактатъ на основаніи іудейскихъ источниковъ о коранѣ («Что Магометъ заимствовалъ изъ іудейства», 1833); монографіи (Studien) о Маймонидѣ (1850 г.) и другихъ средневѣковыхъ евреяхъ; «Первоначальный текстъ и переводы библіи въ ихъ зависимости отъ внутренняго развитія іудейства» (1857 г.); «Саддукеи и фарисеи» (1863 г.); «Іудейство и его исторія» (1864—71 г.). Посмертное его сочиніе «Всеобщее введеніе» и др. въ 5 томахъ изданы были его сыномъ. Изъ этихъ сочиненій главнымъ былъ «Первоначальный текстъ» (Urschrift), — плодъ 20-тилѣтняго изученія, отмѣчающій собою новую эпоху въ методахъ изученія лѣтописей іудейства.

ГЕЙДЕЛЬБЕРГСКІЙ КАТИХИЗИСЪ. Реформація довольно медленно проникала въ Палатинатъ. Въ 1546 г. впервые богослуженіе было совершено по лютеранскому обряду въ церкви Св. Духа въ Гейдельбергѣ. Въ 1522 г. Оттонъ Гейнрихъ, находившійся въ тѣсныхъ связяхъ съ Меланхтономъ, издалъ декретъ, который сразу полагалъ конецъ всѣмъ «папскимъ суевѣріямъ». Правиломъ вѣры было признано Аугсбургское исповѣданіе; но формы богослуженія были установлены скорѣй по реформатскому, чѣмъ лютеранскому типу. При его преемникѣ Фридрихѣ III (1559—1576), одномъ изъ благороднѣйшихъ государей того времени, совершено было полное преобразованіе, и основой для него послужилъ Гейдельбергскій Катихизисъ. Составленіе «Катихизиса» было поручено электорамъ Захаріи Урсини и Каспару Олевіану. Первый былъ профессоромъ систематическаго богословія въ университетѣ, послѣдній — проповѣдникомъ при электорскомъ дворѣ въ Гейдельбергѣ; но оба жили въ Женевѣ и Цюрихѣ и находились подъ сильнымъ вліявіемъ швейцарской реформаціи. Въ основу своего труда они положили катихизисы Кальвина (1541 г.), Ласки (1548 г.), Монгейма (1560 г.), Буллингера (1559 г.), хотя послѣднимъ они пользовались очень мало. Къ концу 1562 г. чернякъ былъ представленъ гейдельбергскому синоду или, правильнѣе, конференціи суперъ-интендентовъ, собравшихся въ Кайзерслаутернѣ. Катихизисъ былъ единогласно одобренъ и немедленно напечатанъ со введеніемъ самого Фридриха III отъ 19 января 1563 г., служащимъ въ качествѣ эдикта о провозглашеніи его. Въ то же самое время былъ изданъ латинскій переводъ, сдѣланный Іосифомъ Лагомъ и Ламбертомъ Питопеусомъ, хотя по выразительности и силѣ онъ далеко уступаетъ нѣмецкому подлиннику. За предѣлами Палатината Катихизисъ встрѣтилъ много ожесточенныхъ противниковъ и только послѣ продолжительной борьбы былъ принятъ всѣми и нынѣ получилъ большой успѣхъ. Онъ введенъ былъ въ Юлихѣ, Клевѣ, Бергѣ и Маркѣ, гдѣ съ 1580 г. всѣ духовныя лица обязаны были присягать на немъ. Онъ введенъ былъ также въ Гессе, Ангальтѣ, Бранденбургѣ и Бременѣ. Но особенно привился онъ въ Нидерландахъ, гдѣ формально былъ принятъ отъ 1588 г. Его

приняли также реформатскія церкви Венгріи, Трансильваніи и Польши. Въ 1619 г. дортскій синодъ оффиціально объявилъ его одной изъ символическихъ книгъ реформатской церкви вообще. Изъ Голландіи и впослѣдствіи также изъ Германіи онъ перенесенъ былъ въ Америку, и въ 1870 г. пресвитеріанская церковь Соединенныхъ Штатовъ утвердила его употребленіе. Онъ былъ переведенъ почти на всѣ европейскіе языки, а также на еврейскій, арабскій, малайскій, сингалезскій и др. Это одинъ изъ трехъ историческихъ и наиболѣе широко распространенныхъ катихизисовъ протестантизма (рядомъ съ другими двумя, именно, малымъ катихизисомъ Лютера и краткимъ вестминстерскимъ катихизисомъ). Трехсотлѣтняя годовщина составленія этого Катихизиса была отпразднована въ 1863 г. въ разныхъ мѣстахъ Германіи, Голландіи и Соединенныхъ Штатахъ Америки.

Текстъ Катихизиса находится въ собраніяхъ символическихъ книгъ Нимейра (Лейпцигъ, 1840 г.), Геппе (Эльберфельдъ, 1860 г.) и Филиппа Шаффа (Нью-Іоркъ, 1877 г.).

ГЕЙКИ Куннингамъ—англійскій писатель богословъ; род. въ 1824 г. въ Канадѣ, гдѣ, по окончаніи курса въ королевскомъ университетѣ въ Кингстонѣ, проходилъ рядъ должностей, затѣмъ переѣхалъ въ Англію и въ 1877 принялъ санъ священника. Это одинъ изъ весьма плодовитыхъ англійскихъ писателей, и ему принадлежитъ много сочиненій, изъ которыхъ особенно большою извѣстностью пользуются: «Жизнь и ученіе Іисуса Христа», 1876, 30-е изд. въ 1885; «Ветхозавѣтные характеры», 1877, 2-е изд. 1884; и особенно большой трудъ «Часы съ Библіей», 1880—1885, въ 10 том., заключающій въ себѣ свободный комментарій, при свѣтѣ новыхъ открытій и изслѣдованій, на весь Ветхій и Новый Завѣтъ. Первое изъ этихъ сочиненій, именно «Жизнь и ученіе Іисуса Христа» имѣется и въ хорошемъ русскомъ переводѣ священника М. Ѳавейскаго (Москва).

ГЕЙНЕЦЦІЙ (Гейнекъ) Іоганнъ Михаилъ — извѣстный нѣм. знатокъ и изслѣдователь греческой церкви (род. въ Эйзенбергѣ, 1674; ум. въ Галле, 1722), учился въ Іенѣ и Гессенѣ и состоялъ діакономъ въ Госларѣ (1699), пасторомъ въ Галле (1709) и консисторскимъ инспекторомъ въ Заальциркле (1720). Это былъ весьма извѣстный въ свое время богословъ писатель. Въ галлеской универс. библіотекѣ хранится собраніе его сочиненій, а также аукціонный каталогъ его библіотеки, въ которомъ заключалось свыше 4.000 сочиненій,—цифра для того времени весьма значительная. Среди его сочиненій для насъ особенно интересенъ его трудъ о *греческой* церкви, который представляетъ собою первое полное и систематическое изложеніе ея исторіи и носитъ заглавіе: «Надлежащее и правдивое изображеніе древней и новой греческой церкви по ея исторіи, вѣроученію и церковнымъ обрядамъ», въ 3 ч., Лейпцигъ, 1711. Первая часть трактуетъ о «происхожденіи» этой церкви, ея «первоначальной чистотѣ, послѣдовавшемъ затѣмъ упадкѣ, различныхъ сектахъ и раздѣленіяхъ, переговорахъ о возсоединеніи, общественныхъ церковныхъ книгахъ и исповѣданіяхъ», и т. д. Вторая часть затѣмъ излагаетъ «вѣроученія, которыя содержались въ древней греческой церкви, а въ новой или удерживаются или затемнились». Третья часть посвящена «общественному богослуженію и обрядамъ греческой церкви». Въ общемъ, это сочиненіе обнимаетъ до 1200 страницъ in 4°; въ третьей части оно снабжено иллюстраціями, чтобы наглядно представить церковное облаченіе и проч. Онъ даже досталъ снимокъ съ патріархіи въ Константинополѣ. Г. затрогивалъ почти всѣ темы, которыя трактуются въ сравнительномъ богословіи. Конечно, все изложеніе проникнуто рѣзкимъ догматизмомъ, хотя въ то же время отличается замѣчательнымъ безпристрастіемъ. Авторъ съ особенною любовью останавливался на разныхъ курьезахъ. Въ одномъ приложеніи онъ приводитъ нѣсколько источниковъ, которыми пользовался, и, между ними, Diarium Стефана Герлаха, а также и разные греческіе документы

(къ сожалѣнію, въ переводѣ). Въ заключеніи онъ даетъ «библіотеку или перечень знаменитѣйшихъ книгъ, которыя могутъ служить къ болѣе точному ознакомленію съ новой греческой церковью», чѣмъ онъ хотѣлъ «оказать любезность любителямъ литературы», да и дѣйствительно оказалъ, такъ какъ этотъ перечень весьма полный и полезенъ въ библіографическомъ отношеніи.

См. о немъ ст. Kattenbusch, въ «Реал. Энциклопедіи» (3 е изд. т. VII, стр. 599—601).

Геласій (смѣющійся)—одинъ изъ 10 Критскихъ мучениковъ, пострадалъ въ гоненіе Декія. *Пам. 23 дек.*

ГЕЛАСІЙ—имя двухъ папъ. 1) **Геласій I** (1 марта 492—19 ноября 496) унаслѣдовалъ споръ съ константинопольской каѳедрой касательно Акакія, патріарха константинопольскаго, котораго папа Феликсъ III отлучилъ вслѣдствіе его наклонности къ монофизитству, но имя котораго все еще значилось въ диптихахъ константинопольской церкви. Въ 495 Г. повторилъ отлученіе и проклялъ всѣхъ, кто не принимали его. Споръ сдѣлался тѣмъ болѣе рѣзкимъ, что въ дѣйствительности вопросъ шелъ изъ-за прерогативъ. Г., въ сущности, боролся не столько за православіе своего предшественника, сколько за верховенство своей каѳедры; и въ многочисленныхъ посланіяхъ, которыя онъ писалъ во время спора, онъ доводилъ свою заносчивость до крайности и заявлялъ неслыханныя дотолѣ притязанія. Онъ требовалъ себѣ права принимать апелляціи отовсюду, со всѣхъ концовъ христіанскаго міра, хотя не допускалъ никакой апелляціи отъ Рима къ какому-нибудь другому трибуналу; права утверждать или отмѣнять рѣшенія другихъ соборовъ, хотя никому не допускалось возможности сомнѣваться въ рѣшеніяхъ Рима, и проч. Кромѣ своихъ посланій, онъ оставилъ нѣсколько мелкихъ сочиненій, изъ которыхъ самое замѣчательное есть: «Декретъ о пріемлемыхъ и непріемлемыхъ книгахъ», — первый «индексъ» запрещенныхъ книгъ. Подлинность его подвергается спору; но хотя онъ и могъ быть начатъ Дамасомъ и законченъ Гормиздой, однако главное содержаніе, тѣмъ не менѣе, принадлежитъ Г. Среди запрещенныхъ книгъ значатся творенія Тертулліана, Климента Александрійскаго, Арнобія, Лактанція и Оригена.—2) **Геласій II.** (1118—19 янв. 1119) былъ схваченъ, немедленно послѣ своего избранія партіей Франгипани и освобожденъ только благодаря возстанію римскаго населенія. Но едва онъ избѣгъ рукъ франгипановъ, какъ ему стала угрожать еще бо́льшая опасность. Генрихъ V, услышавъ, что новый папа избранъ безъ испрошенія его согласія, немедленно поспѣшилъ въ Италію и 2 марта 1118 г. вступилъ въ Римъ. Опасаясь, какъ бы его не принудили сдѣлать компромиссъ на подобіе того, который сдѣлалъ его предшественникъ Пасхалій II, Г. II. бѣжалъ въ Капую и 7 апрѣля 1118 г. отлучилъ императора и антипапу, котораго императоръ избралъ въ Римѣ подъ именемъ Григорія VIII. Вскорѣ затѣмъ онъ возвратился въ Римъ, но еще разъ былъ изгнанъ франгипанами и императорской партіей. Тогда онъ бѣжалъ во Францію и умеръ по дорогѣ въ Клуни.

Сочиненія Г. I. см. въ *Thiel,* Epist Rom. Pontif., Brunsberg, 1867; жизнеописаніе его въ Liber Pontif. vol. I и въ *Jaffé,* Reg. Pont. Rom. p. 53.—Жизнеописаніе Г. II, написанное Пандульфомъ, находится въ *Watterich,* Pont. Rom. Vitae, Tom. II; его письма въ Migne: Patr. Lat., vol. 163: ср. *Jaffé,* Reg. Pont. Rom. pp. 522 и сл.

ГЕЛАСІЙ—имя нѣсколькихъ вост. епископовъ, изъ нихъ 1) **Геласій** еп. кесарійскій (въ Палестинѣ), дѣятельность котораго въ епископскомъ санѣ падаетъ на время «около 367 — 395 гг.». Онъ былъ роднымъ племянникомъ «св. Кирилла Іерусалимскаго» («сынъ» его «сестры»). Извѣстно, что имъ были написаны «нѣкоторыя сочиненія»; но они, впрочемъ, «всѣ погибли», такъ что сказать объ ихъ важности, значеніи и пр. что-либо опредѣленное, разумѣется, нѣтъ нынѣ возможности. — 2) **Геласій** Кизическій—названный такъ по городу Кизику, откуда происходилъ. Обстоятельства жизни Г. доселѣ выяснены мало. Дѣйствительно ли онъ

былъ епископомъ кизическимъ, какъ часто утверждаютъ, неизвѣстно. Фотіева же «догадка», что онъ занималъ каѳедру «епископа Кесаріи Палестинской», должна быть признана «неосновательной». Несомнѣнно, конечно, что время жизни его падаетъ на пятый вѣкъ. Онъ извѣстенъ, какъ авторъ «Σύνταγμα τῶν κατὰ τὴν ἐν Νικαίᾳ σύνοδον προχθέντων» — сочиненія, передающаго «исторію перваго вселенскаго собора» и написаннаго имъ въ Виѳиніи. Время написанія обыкновенно опредѣляется болѣе или менѣе согласно: «около» эпохи «византійскаго императора Василиска (475—477 г.)», «около 475 г.», «въ 476г», «около 476 г.». Сочиненіе представляетъ собою «собственно только компиляцію», сдѣланную на основаніи твореній «Евсевія, Сократа, Созомена и бл. Ѳеодорита». Что же касается отдѣловъ, «не» заимствованныхъ у этихъ лицъ, то они заключаютъ въ себѣ свѣдѣнія или «сомнительныя», или даже и «явно ложныя» (книг. II, гл. 11 — 24). Du-Pin называетъ Г. «дурнымъ компиляторомъ»,—другіе судятъ снисходительнѣе, утверждая, что въ его исторіи, «на-ряду съ ложными» сообщеніями и «некритическимъ» элементомъ, ее обезцѣнивающими, имѣются и «нѣкоторыя цѣнныя извѣстія». Въ ней «три книги: первая предлагаетъ исторію Константина отъ его борьбы съ Максенціемъ до побѣды надъ Лициніемъ; вторая — подробно дѣянія собора; третья — три письма Константина». Послѣдняя, если не считать этихъ писемъ, пока сохраняется еще только въ «рукописномъ» видѣ.

Геласіева исторія напечатана у Миня, Гр. П. т. 85, см. въ «Kirchenlexicon» *Wetzer-Welte*, томъ V, 2 изд., 1888, col. 229 — 230,—статья Hefele; у Герцога, 3 изд., VI Band, 1899, S. 477,—статья *Krüger'a*; у *Bardenhewer*'а въ «Patrologie»; 2 изд. 1901, S. 471. *А. Бронзовъ.*

«**ГЕЛІАНДЪ**» — «Спаситель», сочиненіе извѣстное также подъ именемъ «древне-саксонской гармоніи Евангелій», — поэтическое жизнеописаніе Іисуса Христа, составленное въ первой половинѣ IX вѣка, вѣроятно, по просьбѣ Людовика Благочестиваго, который хотѣлъ достигнуть мирнаго обращенія старыхъ саксонцевъ, замѣнивъ ходившія у нихъ раньше воинственныя пѣсни религіозными поэмами. Это, можно сказать, есть христіанская эпопея, содержащая почти 6000 строкъ и основанная на Діатессаронѣ или Гармоніи Евангелій, составленной Татіаномъ, и до нѣкоторой степени также на комментаріяхъ Гарабана, Беды и Алкуина. Хотя авторъ, имя котораго неизвѣстно, вѣроятно, былъ человѣкъ ученый и, по всей вѣроятности, принадлежалъ къ духовенству, однако сочиненіе отличается народнымъ стилемъ; и евангельская исторія въ немъ, хотя и близко придерживающаяся повѣствованій евангелистовъ, сильно окрашена тевтонскимъ воображеніемъ. Христосъ въ немъ изображенъ, какъ благодѣтельный правитель, по отношенію къ которому Его апостолы занимаютъ положеніе тановъ или графовъ къ своему королю; Онъ носитъ разные титулы и исполняетъ обязанности идеальнаго германскаго военачальника; и Его именно личность, какъ центральная фигура, занимающая наше вниманіе отъ начала до конца, кладетъ печать единства на всю поэму. Стиль сильный, по временамъ картинный, и всегда изобилующій оборотами и эпитетами древней поэзіи. Г., вѣроятно, есть лишь отрывокъ болѣе обширнаго сочиненія, обнимающаго большія части Ветхаго и Новаго Завѣтовъ, изложенныя въ стихотворномъ видѣ. И дѣйствительно, іенскій профессоръ Сиверсъ представилъ сильные доводы въ доказательство того, что стихи 235—851 Бытія, приписываемые Кедмону, есть не что иное, какъ переводъ съ древне-саксонскаго подлинника, принадлежащаго автору Г. Какъ бы то ни было, Г. имѣетъ много общаго съ англо-саксонской религіозной поэзіей. Англо-саксонскіе миссіонеры, трудившіеся на европейскомъ материкѣ, безъ сомнѣнія, распространяли знаніе Кедмоновыхъ поэмъ среди своихъ обращенцевъ и духовныхъ собратій; и неизбѣжно, что когда кто-нибудь изъ послѣднихъ предпринималъ составленіе какой-либо религіозной поэмы, онъ долженъ былъ считаться не только съ поэтическими

преданiями своей страны, но и съ тѣми, которыя были распространены среди его учителей и духовныхъ вождей. Въ этомъ отношенiи замѣчательно, что изъ двухъ манускриптовъ, одинъ изъ которыхъ хранится въ Британскомъ Музеѣ, а другой въ Мюнхенской Библiотекѣ, первый, вѣроятно, былъ переписанъ какимъ-нибудь англо-саксонскимъ писцомъ.

Поэма впервые была издана Шмеллеромъ, Мюнхенъ, 1830 г., и это изданiе сохраняетъ свое значенiе доселѣ; другiя изданiя принадлежатъ Кене (Мюнстеръ, 1855 г.), Гейне (2-е изд. Падерборнъ, 1873 г.), Рюккерту (Лейпцигъ, 1876 г. и Галле, 1878 г.). Изъ изслѣдованiй особенно замѣчательны изслѣдованiя *Миддендорфа* «О времени составленiя «Гелiандъ» (Мюнстеръ, 1862 г.); *Виндиша*, «Гелiандъ и его источники» (Лейпцигъ, 1876 г.); *Сиверса*, «Гелiандъ и англо-саксонскiй генезисъ» (Галле, 1875 г.).

ГЕЛIОГАБАЛЪ—римскiй императоръ, 218—222; вѣроятно, род. въ 201 г. и былъ сыномъ сенатора Барiя Марцелла. О жизни этого императора, который своимъ безстыдствомъ и распутствомъ превосходилъ даже Калигулу и Нерона, мы имѣемъ достаточно свѣдѣнiй, хотя пользоваться ими нужно съ осторожностью. Мать и бабушка его удалились въ Емесу, въ Сирiи. Обѣ эти женщины имѣли на мальчика большое влiянiе и воспитали его въ томъ дикомъ восточно-религiозномъ фанатизмѣ, который сдѣлался собственно характеристической чертой въ жизни будущаго правителя. Уже рано онъ посвященъ былъ въ санъ верховнаго жреца солнечнаго бога Емесы и впослѣдствiи принялъ его имя (Елагабалъ, отъ котораго происходитъ и его имя Г., представлявшее собою греческую передѣлку перваго). Солдатъ онъ поражалъ своей красотой и роскошью своей одежды, а также возбуждалъ къ себѣ интересъ напоминанiемъ о Каракаллѣ. Интриги его матери и бабушки, а также низверженiе Макрина, привели его къ престолу, хотя впервые въ столицу онъ вступилъ лишь въ 219 г. Ослабленный постыднымъ распутствомъ и полубезумный вслѣдствiе занятiя суевѣрными чарами, онъ преслѣдовалъ только двѣ задачи, именно — служить своему сладострастiю и ввести въ Римъ культъ сирiйскаго бога, верховнымъ жрецомъ котораго онъ былъ. Тутъ сказалась общая тенденцiя того времени: во всемъ мiрѣ долженъ господствовать одинъ богъ, причемъ аттрибуты всѣхъ остальныхъ боговъ старались перенести на него одного; ему должны служить всѣ боги и богини. Это было своего рода единобожiе, реакцiя противъ языческаго политеизма, явившаяся подъ влiянiемъ неоплатонизма. Съ этимъ неоплатоническимъ мiросозерцанiемъ христiанство должно было выдержать впослѣдствiи значительную борьбу. Первоначально миролюбивое, оно въ началѣ IV вѣка сдѣлалось наступательнымъ и призывало своихъ исповѣдниковъ къ борьбѣ, пока Константинъ Великiй не одержалъ окончательную побѣду во славу Христа, Бога истиннаго. Церковь въ царствованiе этого императора пользовалась миромъ. Учрежденiя къ осуществленiю плана подчинить также и благочестiе христiанъ культу Г., повидимому, еще не были основаны. О кризисахъ въ римской церкви во времена епископа Калликста (217—222 гг.) мы достаточно знаемъ изъ «Философуменъ» Ипполита (книга IX). Во времена Г., Юлiй Африканъ писалъ свою, къ сожалѣнiю погибшую, «Лѣтопись мiра», и Ипполитъ — свой «Пасхальный Канонъ», который доведенъ до перваго года Александра Севера. Главными источниками жизни Г. служатъ Дiонъ Кассiй, Лампридiй и Геродiанъ.

ГЕЛЬВЕТИЧЕСКIЯ ИСПОВѢДАНIЯ.— I. Первое Г. исповѣданiе. Хотя въ сороковыхъ годахъ XVI в. реформатскiя церкви Швейцарiи могли ссылаться на сочиненiя Цвингли и первое базельское исповѣданiе (1534 г.), какъ на выраженiе своей вѣры, однако у нихъ еще не было общаго, формально признаннаго исповѣданiя. Для начертанiя его, въ Базелѣ, 30 янв. 1536 г., собрались делегаты изъ Цюриха, Берна, Базеля, Шаффгаузена, С. Галла, Мюльгаузена. Изъ Цюриха явились Буллингеръ и Лео Юде, изъ Берна—Мегандеръ, изъ Базеля—Миконiй и Гриней, и др. Вскорѣ затѣмъ прибыли изъ Страс-

бурга Бутцеръ и Капитонъ, такъ какъ тамъ были и другія дѣла. Этотъ моментъ нашли благопріятнымъ для установленія соглашенія между реформатскими и лютеранскими церквами; и такое же единеніе было главной задачей жизни Бутцера. Не оставленъ былъ безъ вниманія и созванный папой Павломъ III въ Мантуѣ соборъ. У швейцарскихъ реформ. церквей было намѣреніе представить свое исповѣданіе на этотъ соборъ. Документъ сначала написанъ былъ полатыни и затѣмъ переведенъ Лео Юде на нѣм. языкъ. Нѣм. переводъ былъ немедленно принятъ всѣми делегатами, но лат. встрѣтилъ нѣкоторыя возраженія со стороны цюрихскихъ делегатовъ, которые находили, что фразеологія въ немъ слишкомъ близко подходитъ къ лютеранскому. Онъ былъ вновь пересмотрѣнъ и исправленъ Миконіемъ и Гринеемъ. Оба перевода—нѣмецкій и латинскій были затѣмъ формально приняты 26 февр. 1536 г.—II. Второе Г. исповѣданіе есть произведеніе Буллингера. Первый набросокъ его сдѣланъ былъ въ 1562 г. Во время чумы 1564 г. онъ пересмотрѣлъ и обработалъ этотъ набросокъ, и завѣщалъ, въ случаѣ смерти, представить его властямъ Цюриха, какъ свидѣтельство его вѣры. Случайно сдѣлался онъ извѣстенъ публикѣ. Максимиліанъ II созвалъ сеймъ въ Аугсбургѣ, 14 янв. 1566 г. Такъ какъ электоръ Палатина, Фридрихъ III, отступившій отъ лютеранской и присоединившійся къ реформатской церкви, боялся, чтобы по этой самой причинѣ онъ не подвергнутъ былъ изгнанію изъ предѣловъ государства, то онъ обратился къ Буллингеру (послѣ смерти Мартира и Кальвина, безспорно, первому богослову реформатской церкви) и попросилъ его составить исповѣданіе, показывающее, что реформатская церковь ни въ чемъ не разнится отъ истинно-апостольскаго ученія. Буллингеръ послалъ ему вышеупомянутое сочиненіе, и оно такъ понравилось ему, что онъ просилъ у него позволенія перевести его на нѣм. языкъ и издать въ свѣтъ. Пробужденный такимъ образомъ сочиненіемъ Буллингера интересъ, естественно, обратилъ на него вниманіе и въ Швейцаріи. Тамъ уже чувствовалась потребность въ такомъ исповѣданіи, которое могло бы служить узами единенія. Первое Г. исповѣданіе было слишкомъ кратко, и притомъ его подозрѣвали въ томъ, что оно находилось подъ сильнымъ лютер. вліяніемъ. Исповѣданіе Буллингера, напротивъ, казалось удовлетворительнымъ во всѣхъ отношеніяхъ, и въ теченіе 1566 г. оно было принято въ Цюрихѣ, Женевѣ, Бернѣ, Шаффгаузенѣ, Мюльгаузенѣ, Билѣ, С. Галлѣ, Грисонахъ, Гларусѣ, Аппенцеле, Тургау и въ другихъ мѣстахъ. Въ томъ же году оно принято было въ Шотландіи, въ 1567 г.—въ Венгріи, въ 1571 г.—во Франціи, въ 1578 г.—въ Польшѣ. Оно служитъ также символомъ вѣры реформатской церкви въ Богеміи. Первое изданіе лат. текста вышло въ Цюрихѣ въ 1566 году; въ томъ же году появился также и нѣм. переводъ, сдѣланный Буллингеромъ, и франц. переводъ Безы. Рядомъ съ Гейдельбергскимъ катихизисомъ, оно есть самое распространенное исповѣданіе реформатской церкви.

См. у *Шаффа*, Creeds of Christendom. Нью-Іоркъ, Т. I, 390—420; Т. III, 234—236.

ГЕЛЬВЕТИЧЕСКОЕ СОГЛАСІЕ—formula consensus ecclesiarum gelveticarum. Суровость, съ которою дортскій синодъ (1618—1619 г.) опредѣлилъ ученіе о безусловномъ избраніи и отверженіи, возбудила реакцію во Франціи, гдѣ протестанты жили, окруженные римскими католиками. Центромъ этого движенія сдѣлался Сомюръ—мѣстожительство Амирата, Каппеля и Плацея. Амиратъ проповѣдывалъ гипотетическій или условный универсализмъ; Каппель отрицалъ буквальную боговдохновенность еврейскаго текста Ветхаго Завѣта; Плацей отвергалъ непосредственное вмѣненіе Адамова грѣха, какъ нѣчто произвольное и несправедливое. Эти идеи нашли себѣ приверженцевъ какъ во Франціи, такъ и въ Швейцаріи; но въ послѣдней онѣ встрѣтили также и рѣшительную оппозицію. Шпангеймъ писалъ противъ Амирата: Цюрихъ вызвалъ своихъ сыновъ домой изъ Сомюра и послалъ ихъ для образо-

ванія въ ортодоксальный Монтобанъ. Въ 1649 г., Моръ, преемникъ Шпангейма, но подозрѣваемый въ принадлежности къ либеральной партіи, былъ принужденъ властями Женевы подписать рядъ членовъ въ формѣ тезисовъ и антитезисовъ, составившихъ первый зародышъ «формулы согласія». Такъ какъ движеніе продолжало распространяться, то естественно возникла мысль, остановить дальнѣйшее вторженіе такихъ новшествъ чрезъ установленіе формулы, обязательной для всѣхъ учителей и проповѣдниковъ. Послѣ продолжительнаго разсужденія между Гернлеромъ базельскимъ, Гуммелемъ бернскимъ, Оттомъ шаффгаузенскимъ, Гейдеггеромъ цюрихскимъ и другими, послѣднему было поручено составить формулу. Въ началѣ 1675 г. она была представлена пасторамъ Цюриха и въ теченіе года была принята не только въ Цюрихѣ, но и въ Базелѣ, С. Галлѣ, Гларусѣ, Аппенцеле, Мюльгаузенѣ и проч. Она состоитъ изъ предисловія и 26 правилъ и даетъ ясное изложеніе различія между строгимъ кальвинизмомъ и школой сомюрской. Хотя и будучи произведеніемъ господствовавшаго въ то время схоластицизма, она отнюдь не столь исключительна, какъ можно бы предполагать: она не одобряетъ воззрѣній школы Сомюра, но и не объявляетъ ихъ прямо еретическими. За предѣлами Швейцаріи она никогда не пріобрѣтала авторитета и даже въ самой Швейцаріи постепенно вышла изъ употребленія въ теченіе слѣдующаго полувѣка. Въ 1722 г. Пруссія и Англія обращались къ властямъ швейцарскихъ кантоновъ съ предложеніемъ объ отмѣнѣ формулы, ради единства и мира протест. церквей. Отвѣтъ былъ нѣсколько уклончивый. Но хотя эта формула никогда формально и не отмѣнялась, однако она постепенно совсѣмъ вышла изъ употребленія.

Формула эта была впервые напечатана въ видѣ приложенія ко второму гельветическому исповѣданію, въ Цюрихѣ, 1714, затѣмъ 1718, 1722 и проч., и у *Нимейера*, Col. Conf. pp. 729—739. См. также у *Шаффа*, T. I, 477, гдѣ дается полный англійскій переводъ ея.

ГЕЛЬВЕЦІЙ Клавдій Адріанъ (род. въ Парижѣ, 1715 г.; ум. тамъ же, 1771 г.) былъ сынъ зажиточнаго фермера, и самъ, сдѣлавшись фермеромъ, былъ богатымъ человѣкомъ, празднолюбцемъ, единственно занимавшимся тѣмъ, чтобы производить повсюду сенсаціи. И это ему удавалось. Его книга: «О Духѣ» (Парижъ, 1758 г.) была сожжена парижскимъ палачемъ, по настоянію римско-католическаго духовенства, но была переведена почти на всѣ европейскіе языки и читалась больше, чѣмъ какая бы—то ни было другая книга того времени. Интересъ ея однако заключается въ томъ, что въ ней авторъ спустился въ самую глубокую бездну атеистическаго матеріализма и дошелъ до того пункта, гдѣ тупоуміе превращается въ полную извращенность. Языческія добродѣтели авторъ считаетъ условными обычаями, христіанскія—порочными вымыслами.

ГЕЛЬВИДІЙ — «послѣдователь языческаго ритора и государственнаго мужа Симмаха и ученикъ епископа миланскаго, аріанина Авксенція». Извѣстно, что, «во время второго пребыванія бл. Іеронима въ Римѣ (382—385 гг.) при епископѣ Дамасѣ», тамъ же находился и Г. Онъ написалъ сочиненіе, задача котораго состояла въ томъ, чтобы опровергнуть ученіе о приснодѣвствѣ Богоматери, а вмѣстѣ съ тѣмъ и доказать, что дѣвство не имѣетъ никакихъ «преимуществъ» по сравненію съ брачнымъ состояніемъ, что «монашество» вовсе не «есть высшій жизненный идеалъ» въ «христіанствѣ», и проч. Сочиненіе не дошло до нашего времени. О немъ намъ извѣстно лишь изъ вызваннаго имъ («около 383 г.») творенія бл. Іеронима: «Liber adversus Helvidium de perpetua virginitate b. Mariae» (у Миня, т. 23, Л. П.), гдѣ вопреки утвержденіямъ Г., доказывается, что Божія Матерь навсегда осталась Дѣвою, что дѣвственникомъ же всегда былъ и Іосифъ, что монашество имѣетъ на своей сторонѣ всѣ преимущества и проч. Судя по дальнѣйшимъ событіямъ въ западной церкви и по дальнѣйшей исторіи монашества на западѣ, можемъ предполагать, что симпатіи у народа снискалъ себѣ бл. Іеронимъ, а не его

противникъ, хотя были и у послѣдняго почитатели, такъ называемые «Helvidiani». Подобныя Гельвидіевымъ воззрѣнія имѣлъ и «Вонозъ Сардикійскій, привлеченный къ отвѣту капуйскимъ соборомъ 391—392 гг.».

См. въ Энциклопедіяхъ Герцога т. VIII, стр. 654—655, у *Wetzer-Welte* въ V т. col. 1757—1759, гдѣ указаны источники и литература». *А. Бронзовъ.*

Гемеллъ (двойникъ)—св. мученикъ, родомъ изъ Пафлагоніи. За обличеніе Юліана отступника въ Галатійской Анкирѣ въ 361 г., по снятіи съ живаго кожи, распятъ на крестѣ. *Пам. 10 дек.*

ГЕММЕРЛИНЪ Феликсъ (род. въ Цюрихѣ, 1389 г.; ум. въ тюрьмѣ францисканскаго монастыря въ Люцернѣ, 1457 г.) учился въ Болоньѣ, присутствовалъ на констанцскомъ соборѣ, былъ въ Римѣ и назначенъ былъ пробстомъ монастыря св. Урсуса въ Солерѣ (1421 г.) и канторомъ въ Цюрихскомъ соборѣ (1427 г.). Это былъ свѣтлый и ученый человѣкъ; и его сочиненія (число которыхъ доходитъ до 39, хотя большинство состоитъ только изъ памфлетовъ) даютъ весьма живую картину церковныхъ дѣлъ его времени. Но онъ только критикъ, а не реформаторъ; и его критика надѣлала ему много враговъ. Благодаря своему сочиненію Le Nobilitate, онъ замѣшанъ былъ въ политику и заключенъ въ тюрьму (1454 г.), изъ которой уже никогда не выходилъ

ГЕНГСТЕНБЕРГЪ Эрнстъ Вильгельмъ, извѣстный нѣмецкій богословъ (род 1802 г. въ Фрёнденбергѣ, гдѣ его отецъ былъ пасторомъ въ институтѣ; ум. въ Берлинѣ, 1869 г.). Это былъ человѣкъ слабаго тѣлосложенія и получалъ домашнее образованіе отъ своего отца до 1819 г., когда поступилъ въ боннскій университетъ. Тамъ онъ посвятилъ себя особенно изученію Аристотеля, подъ руководствомъ Брандеса, и арабскаго языка, подъ руководствомъ Фрейтага. Плодомъ этого изученія было изданіе арабскаго «Моаллакаха Амруль Каиса» (Боннъ, 1823 г.), за каковое изданіе онъ получилъ философскую премію,—и нѣмецкаго перевода «Метафизики» Аристотеля (Боннъ, 1824 г.). По недостатку средствъ, не имѣя возможности осуществить свое желаніе послушать Неандера и Толюка, онъ отправился въ Базель, въ качествѣ помощника Стегелина, впослѣдствіи профессора восточныхъ языковъ въ базельскомъ университетѣ. Смерть матери и утѣшеніе, которое онъ получилъ, въ своихъ тѣлесныхъ страданіяхъ и душевномъ уныніи, отъ Св. Писанія, пробудили въ немъ сильную вѣру въ Евангеліе и заставили его изучать богословіе, чему онъ и отдался сразу, хотя впослѣдствіи нѣсколько охладѣлъ къ нему. Онъ принадлежалъ къ реформатской церкви, но, находя въ аугсбургскомъ исповѣданіи наилучшее выраженіе своихъ собственныхъ взглядовъ, перешелъ въ лютеранскую церковь. Въ 1824 г. онъ, въ качествѣ приватъ-доцента, преподавалъ въ берлинскомъ университетѣ. Съ самаго начала онъ защищалъ истину Ветхаго и Новаго Завѣта и выступалъ съ протестомъ противъ раціонализма, особенно противъ его отношенія къ Ветхому Завѣту. Эти взгляды привели его въ столкновеніе съ министерствомъ исповѣданій, которое старалось, но напрасно, удалить его изъ Берлина, предлагая ему экстраординарное профессорство въ Кенигсбергѣ (1826 г.) и Боннѣ (1828 г.). Въ 1828 онъ сдѣлался ординарнымъ профессоромъ въ Берлинѣ, и его вліяніе въ теченіе полустолѣтія на своихъ студентовъ, въ качествѣ профессора и совѣтника, уступало развѣ только вліянію Толюка. Въ 1829 г. онъ женился, и его домашняя жизнь была очень пріятна, но всѣ его дѣти и его жена раньше его сошли въ могилу. Въ 1827 г. Г. сдѣлался издателемъ «Евангелич. Церковной Газеты», чрезъ которую онъ, быть можетъ, оказывалъ даже еще большее вліяніе на богословіе и религіозныя мнѣнія своего времени, чѣмъ своими критическими и экзегетическими трудами. Планъ этого журнала составленъ былъ Ле-Кокомъ, который сообщилъ его братьямъ Герлахамъ. Въ качествѣ ректора они пригласили Г., и въ теченіе 42 лѣтъ онъ продолжалъ издавать

этотъ журналъ, нисколько не смущаясь нападеніями критиковъ. Едва ли кто въ теченіе вѣка былъ предметомъ такой ожесточенной оппозиціи и поносительства, какъ онъ. Его обвиняли въ піетизмѣ, мертвой ортодоксіи, фанатизмѣ и іезуитствѣ, съ одной стороны, и въ демагогизмѣ и раболѣпствѣ передъ государствомъ, съ другой. Главный врагъ, противъ котораго боролся его журналъ, былъ раціонализмъ, «природный и заклятый врагъ Христа и Его Церкви». Безстрашно журналъ осуждалъ его, какъ «богословіе естественнаго человѣка», и разоблачалъ его ученія и естественныя послѣдствія передъ народомъ. Напр., онъ принималъ сильное участіе въ агитаціи, имѣвшей своею цѣлью удаленіе Векшейдера и Гезеніуса, профессоровъ въ Галле и раціоналистовъ, въ 1830 г. «Слово Божіе и исповѣданіе Церкви»—вотъ былъ его девизъ; и все, что дѣйствительно или только предположительно шло противъ этого девиза, подвергалось безпощадному осужденію. Не менѣе выступалъ Г. и въ качествѣ поборника христіанства и противника раціонализма и въ своихъ критическихъ и экзегетическихъ трудахъ. Изъ нихъ первымъ была «Христологія Ветхаго Завѣта» (въ трехъ том., 1829—35 г.; 2-е изд. 1854—57 г.). Въ этомъ сочиненіи авторъ задается цѣлью «возвратить Ветхому Завѣту его древнія и твердо установленныя права». По отзыву Делича, «онъ опять впервые и истинногероическимъ энтузіазмомъ къ вѣрѣ изрекалъ слово Господне надъ Ветхимъ Завѣтомъ, который былъ изрѣзанъ въ клочки мертвящимъ раціонализмомъ и разрушительной критической школой; и отстаивалъ для Ветхаго Завѣта экзегетику съ церковной точки зрѣнія, безъ отрицанія реальнаго прогресса подъ Божественнымъ руководительствомъ». Хотя онъ не дѣлалъ довольно рѣзкаго различія между Ветхимъ и Новымъ Завѣтами и часто заходилъ въ своемъ направленіи слишкомъ далеко, однако не подлежитъ сомнѣнію, какъ говоритъ Канисъ, что его труды много содѣйствовали оживленію признанія богооткровенности Ветхаго Завѣта. Затѣмъ, наиболѣе важнымъ экзегетическимъ трудомъ Г. былъ его «Комментарій на Псалмы» (въ 4 т., 1842—47 г.; 2-е изд. 1849—52 г.). Въ этой области онъ издалъ также «Исторію Валаама и его пророчествъ» (Берлинъ, 1842 г.); «Пѣснь Пѣсней Соломона» (Берлинъ, 1855 г.); «Экклесіастъ Соломона» (Берлинъ, 1859 г.); «Пророчества Іезекіиля» (въ 2 ч., Берлинъ, 1867 г.); «Книгу Іова» (Берлинъ и Лейпцигъ, въ 2 ч., 1870—75 г.); «Откровеніе Іоанна» (въ 2 т., 1849—51 г.; 2-е изд. 1862 г.); «Евангеліе Іоанна» (въ 3 т., 1861—63 г., 2-е изд. 1867 г.); «Чтенія по исторіи Страстей Христовыхъ» (Лейпцигъ, 1875 г.). Изъ его историко-критическихъ трудовъ извѣстны: «Изслѣдованія ко введенію въ Ветхій Завѣтъ» (въ 3 т., Берлинъ, 1831—1839 т.), гдѣ онъ защищаетъ мессіанскій характеръ пророчествъ Даніила и Захарія и подлинность Пятокнижія; «Исторія царства Божія въ Ветхомъ Завѣтѣ» (Берлинъ. 1869 — 71 г.); «Книги Моисея и Египетъ» (Берлинъ, 1841 г.), которую Дистель называетъ самымъ замѣчательнымъ его трудомъ. Онъ издавалъ также много небольшихъ трактатовъ («Франкмасонство», 1854 г.; «Дуэль», 1856 г., и др.), изъ которыхъ иные предварительно появлялись въ его церковной газетѣ.

См. *Bachmann*, Hengstenberg n. s. Leben u. Wirken, въ 2 т., Гутерсло, 1876—1879 г.

ГЕНДЕЛЬ Георгъ Фридрихъ—знаменитый композиторъ (род. въ Галле, въ Пруссіи, 1684; ум. въ Лондонѣ, 1759 г.), получилъ свое музыкальное образованіе въ родномъ городѣ, Берлинѣ и Гамбургѣ; въ 1706—1709 гг. побывалъ въ Италіи и состоялъ капельмейстеромъ въ Ганноверѣ (1709—1712 г.), но впослѣдствіи поселился въ Англіи, гдѣ вскорѣ почти совершенно національизировался. Его итальянскія оперы, которыхъ отъ него осталось до пятидесяти, теперь забыты, за исключеніемъ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ арій; но, подъ вліяніемъ строго религіознаго чувства англійскаго народа, онъ составилъ около двадцати ораторій, изъ которыхъ особенно извѣстны «Эсѳирь» (1720 г.), «Израиль въ Египтѣ» (1738 г.), «Мессія» (1741 г.), «Іуда Маккавей»

(1746 г.), «Iефөай» (1751 г.), «Валтасаръ». Эти ораторіи оказали огромное вліяніе на музыкальное развитіе всей Европы, и въ этомъ отношеніи его вліяніе недаромъ сравниваютъ съ вліяніемъ Шекспира.

ГЕНДЕРСОНЪ Эбенезеръ—именитый лингвистъ и библеистъ, а также и самоотверженный христіанскій миссіонеръ, труды котораго, главнымъ образомъ, велись въ связи съ «Британскимъ и Иностраннымъ Библейскимъ обществомъ» (род. 1784 г.; ум. 1858 г.). Сынъ простыхъ родителей, онъ, за отдаленностью школъ, не имѣлъ возможности получить правильное воспитаніе, но съ дѣтства пристрастился къ языкамъ и, кромѣ классическихъ языковъ, изучалъ еще еврейскій, сирскій, өөіопскій, русскій, арабскій, татарскій, персидскій, турецкій, армянскій, маньчжурскій, монгольскій и коптскій. Сначала онъ намѣревался заняться какимъ нибудь ремесломъ и учился часовому мастерству, но передъ нимъ открылись болѣе подходящіе къ нему виды. Хотя его родители принадлежали къ шотландскому расколу, однако, благодаря вліянію такихъ лицъ, какъ Джемсъ и Робертъ Гальдонъ,—имена которыхъ хорошо извѣстны въ религіозныхъ лѣтописяхъ Шотландіи въ началѣ XIX вѣка,—Г. получилъ строго-религіозное направленіе, которое привело его къ принятію духовнаго сана, и онъ получилъ богословское образованіе въ эдинбургской семинаріи, основанной и поддерживаемой однимъ изъ этихъ братьевъ. Курсъ продолжался только два года и, повидимому, былъ далеко не достаточенъ. Прежде чѣмъ онъ закончилъ свое образованіе въ этой богосл. семинаріи, его будущее назначеніе опредѣлилось, и въ 1806 г. онъ оставилъ Шотландію вмѣстѣ съ Джономъ Паттерсономъ, съ которымъ онъ продолжалъ совмѣстно трудиться на миссіонерскомъ поприщѣ большую часть своей жизни Первоначально онъ хотѣлъ посвятить себя миссіонерству въ восточной Индіи; но для этого встрѣтились нѣкоторыя затрудненія, и поэтому Г., вмѣстѣ съ своимъ сотоварищемъ Паттерсономъ, отправился въ Данію, съ цѣлью оттуда на датскомъ кораблѣ отплыть въ Индію. Но тамъ его планы измѣнились, и онъ порѣшилъ посвятить себя сѣвернымъ странамъ Европы, включая Данію, Швецію и нѣкоторыя части Россіи. Особенное его вниманіе обратили на себя Исландія и Финляндія, гдѣ, по различнымъ причинамъ, христіанство или, во всякомъ случаѣ, Библія почти перестали существовать. Его лингвистическія знанія оказались чрезвычайно полезными въ его трудѣ, какъ въ дѣлѣ изданія новыхъ переводовъ Библіи, такъ и, особенно, въ проповѣди евангелія среди народовъ, языки которыхъ за предѣлами ихъ собственныхъ территорій едва ли были извѣстны даже и по имени. Въ 1823 г. Г. возвратился въ Англію, гдѣ посвятилъ себя важному дѣлу приготовленія миссіонеровъ для того же дѣла, въ которомъ онъ трудился самъ и которымъ никогда не переставалъ интересоваться. На этомъ поприщѣ онъ потрудился цѣлыхъ 30 лѣтъ. Первою его должностью было преподаваніе богословія въ семинаріи для приготовленія миссіонеровъ въ Гокстонѣ, каковую должность онъ занималъ съ большимъ успѣхомъ въ теченіе пяти лѣтъ. Въ 1830 г. онъ читалъ богословскія лекціи въ Гайбюри; въ 1850 г. оставилъ общественнную жизнь, хотя продолжалъ служить евангелію, чего не оставлялъ до конца жизни. За свои труды Г. получилъ степень доктора богословія отъ копенгагенскаго университета, и изъ нихъ можно отмѣтить слѣдующіе: «Исландія или журналъ пребыванія на этомъ островѣ въ 1814—1815 гг.», Эдинбургъ, 1818 г.; «Библейскія изслѣдованія и путешествіе по Россіи», Лондонъ, 1826 г.; «Великая тайна благочестія», 1813 г.; «Призывъ къ членамъ Британскаго и Иностраннаго Библейскаго общества», 1824 г.; «Турецкій Новый Завѣтъ и его несостоятельность», 1825 г.; «Божественное вдохновеніе», 1836 г.; переводъ Исаіи съ комментаріемъ, 1840 г.; переводъ Iезекіиля, 1855 г.; переводъ Iереміи и плача, 1851 г., и переводы малыхъ пророковъ, 1858 г.

ГЕНЕ Антуанъ, род. въ Эстампѣ, 1717 г.; ум. въ Фонтенебло, 1803 г.;

былъ послѣдовательно профессоромъ риторики, каноникомъ амьенскимъ и учителемъ дѣтей графа Артуа; много путешествовалъ по Германіи, Италіи и Англіи; перевелъ нѣсколько книгъ съ нѣмецкаго и англійскаго, и написалъ противъ нападенія Вольтера на Ветхій Завѣтъ «Письма нѣкоторыхъ іудеевъ» и проч. (Парижъ, 1796 г., въ 4 том., шесть разъ перепеч. при жизни издателя, причемъ послѣднее изд. Парижъ, 1857 г.).—единственная болѣе или менѣе значительная книга, какая только со стороны римско-католической церкви появлялась противъ энциклопедистовъ.

Генезій—актеръ, который, исполняя роль кандидата на принятіе христіанскаго крещенія, вдругъ самъ обратился въ христіанство, сознался въ своемъ убѣжденіи, подвергнутъ былъ пыткѣ и обезглавленъ (285 г.), и занесенъ въ число святыхъ римской церкви. *Пам.* его *25 авг.* (см. Acta SS. подъ указ. числомъ).

ГЕНЕСІЙ Іосифъ—выдающійся византійскій историкъ X вѣка. Онъ былъ родомъ изъ знатной византійской фамиліи, его отецъ Константинъ былъ при императорѣ Михаилѣ III (842—867 г.) начальникомъ дворцовой стражи и логоѳетомъ, а самъ Г. принадлежалъ къ числу тѣхъ ученыхъ, коихъ собралъ при дворѣ императоръ Константинъ VII Порфирогенетъ (912—959 г.). По приказанію этого императора, Іосифъ написалъ, около 945—959 г., четыре книги царствованій (Historia de rebus constantipolitanis), въ коихъ изложилъ событія отъ воцаренія Льва Армянина (813 г.) до смер- Василія I Македонянина (886 г.). По первоначальному плану трудъ Г. долженъ былъ обнимать только четыре царствованія — Льва V, Михаила II, Феофила и Михаила III (813—867 г.), поэтому разсказъ о Василіи Македонянинѣ является какъ бы приложеніемъ къ сочиненію и не богатъ содержаніемъ; авторъ въ небольшомъ героическомъ двустишіи посвящаетъ его императору Константину. Источниками труда Г., по заявленію самого автора въ началѣ его, были сообщенія старшихъ его современниковъ и очевидцевъ описываемыхъ въ сочиненіи событій и циркулировавшіе въ византійскомъ обществѣ разсказы. Въ виду того, что фамилія автора занимала высокое общественное положеніе при дворѣ Михаила III, онъ имѣлъ полную возможность собрать достовѣрныя свѣдѣнія отъ современниковъ описываемыхъ событій. Что касается свѣдѣній, полученныхъ путемъ народнаго преданія, то они не всегда отличаются правильностію, каковы, напримѣръ, разсказы о пророчествахъ, видѣніяхъ и разныхъ чудесахъ, имѣющихъ какое-либо отношеніе къ иконоборческому движенію и его участникамъ. Несомнѣнно, Г. пользовался и письменными источниками, напримѣръ, житіемъ патріарха Никифора, составленнымъ Игнатіемъ, житіемъ патріарха Игнатія, составленнымъ Никитой Пафлагонскимъ, и первоначальной редакціей хронографіи монаха Георгія. Такимъ образомъ, у Г. не было недостатка въ матеріалѣ, но ему, къ сожалѣнію, недоставало критическаго отношенія къ источникамъ и надлежащей любви къ истинѣ. Если, до извѣстной степени, понятна и извинительна склонность Г. къ чудеснымъ разсказамъ, если вполнѣ объяснима его ненависть къ иконоборцамъ, бывшая господствующею и въ современномъ обществѣ, и въ тѣхъ письменныхъ источникахъ, которые были у него подъ руками, то совсѣмъ неизвинительно явное его пристрастіе къ родоначальнику македонской династіи императору Василію I, въ которомъ Г. видитъ только хорошее, намѣренно закрывая глаза на худыя ея дѣйствія, даже на убійство, по его приказанію, императора Михаила III. Въ такомъ отношеніи автора къ императору Василію, несомнѣнно, сказалось вліяніе внука его—Константина Порфирогенета. Но, за исключеніемъ этихъ недостатковъ, въ остальномъ трудъ Г. имѣетъ значеніе первостепеннаго источника для исторіи Византіи первой половины IX вѣка. Онъ оказалъ вліяніе на послѣдующіе историческіе труды - продолжателей Ѳеофана, Симеона Логоѳета и Іоанна Скилицы, которые многое заимствовали у Г. Въ отноше-

ніи языка, сочиненіе Г. характеризуется недостаточной чистотой, искусственностію, духовной бѣдностію и грубостію, унаслѣдованными византійскимъ литературнымъ языкомъ отъ эпохи иконоборства и еще изъ него не исчезнувшими. Вліяніе иконоборства на ослабленіе литературныхъ традицій выразилось и въ нѣкоторыхъ несообразностяхъ этимологическаго и миѳологическаго характера, наблюдаемыхъ въ трудѣ Г.

Литература. 1) Историческій трудъ Г. находится въ Corpus scriptorum byzantinorum. Bonnae 1835, откуда онъ перепечатанъ *Migne*'емъ, Patrologia graeca, t. 109. 2) *Krumbacher*, Geschichte der byzantinischen Litteratur. München. 1897 г.

И. Соколовъ.

ГЕНКЕ Генрихъ род. въ Брауншвейгѣ, 1752 г.; ум. въ Гельмштедтѣ, 1809 г.; учился въ Гельмштедтѣ и былъ назначенъ профессоромъ философіи (1777 г.) и богословія (1780 г.). Онъ былъ ученикъ и представитель раціонализма своего времени; и даже его лучшій трудъ («Всеобщая исторія христіанской церкви», Брауншвейгъ, 1799—1808 г., въ 6 т.) потерялъ свой интересъ. Его сынъ, *Эрнстъ Генке* (род. въ Гельмштедтѣ, 1804 г.; ум. въ Марбургѣ, 1872 г.), учился въ Гэттингенѣ и Іенѣ, былъ профессоромъ богословія въ Марбургѣ съ 1839 г. до смерти; написалъ монографію: «Георгій Калликстъ и его время» (Галле, 1853—1860 г., въ 2 т.), и издалъ вмѣстѣ съ Линденколемъ первое полное изданіе Абеляра «Sic et Non» (Марбургъ, 1851 г.). Его «Новѣйшая церковная исторія» (1874, 1878, и 1880 гг., въ 3 т.) и «Посмертныя лекціи о Литургіи и Гомилетикѣ» (1876 г.) были изданы въ Галле.

ГЕННАДІЙ Массилійскій жилъ, насколько можно судить изъ свѣдѣній въ его собственныхъ твореніяхъ, въ Галліи, во времена епископа Геласія римскаго (492—496 г.) и византійскаго императора Анастасія (491—518 г.), и былъ епископомъ, а не пресвитеромъ, въ Марсели (древней Массиліи). Онъ понималъ по-гречески, хорошо знакомъ былъ какъ съ восточной, такъ и съ западной церковной литературой, перевелъ нѣсколько греческихъ сочиненій на латинскій языкъ и написалъ самостоятельно сочиненіе о ересяхъ—противъ Несторія, противъ Пелагія—«Посланіе о моей вѣрѣ»—и каталогъ церковныхъ писателей (De viris illustribus)—продолженіе творенія бл. Іеронима по этому же предмету. До насъ дошли только два послѣднія сочиненія: первое, если оно тождественно съ «Книгой о церковныхъ догматахъ», повидимому, подвергалось различнымъ перемѣнамъ съ теченіемъ времени. Сначала оно напечатано было среди твореній бл. Августина, но отдѣльно издано Эльменгорстомъ, Гамбургъ, 1814 г. и Олеромъ въ Corp. Haereseol. I. «Сочиненіе о знаменитыхъ мужахъ» цѣнно, какъ по обширной начитанности, на которой оно основано, такъ и благодаря его безпристрастію. Оно впервые напечатано было вмѣстѣ съ названнымъ твореніемъ бл. Іеронима и затѣмъ отдѣльно издано Фухте (Гельмштедтъ, 1612 г.) и Ципріаномъ (Іена, 1703 г.). Оба сочиненія находятся у Миня, Патр. Лат. 58. Въ догматическомъ отношеніи авторъ стоитъ на полупелагіанской точкѣ зрѣнія, такъ какъ это воззрѣніе преобладало въ его время къ Галліи и особенно въ Марсели.

ГЕННАДІЙ — имя двухъ патріарховъ константинопольскихъ. Изъ нихъ 1) **Геннадій I**, занималъ вселенскую каѳедру отъ начала іюля 458 года до конца августа 471 года. О его жизни и дѣятельности сохранились немногія свѣдѣнія. Въ частности, ничего неизвѣстно о времени до занятія имъ патріаршаго престола. Лишь сохранившійся отрывокъ изъ сочиненія Г. противъ анаѳематизмовъ св. Кирилла Александрійскаго даетъ основаніе полагать, что онъ, еще задолго до вступленія на патріаршій престолъ, выдавался среди константинопольскихъ клириковъ и своимъ образованіемъ, и своими богатыми дарованіями, благодаря коимъ и достигъ высшаго іерархическаго положенія въ византійской церкви. Занявши патріаршую каѳедру, Г. прежде всего обратилъ вниманіе на умиротвореніе церкви, въ коей и послѣ халкидонскаго собора не исчезли монофиситскіе споры. Однимъ изъ центровъ монофи-

ситства былъ Египетъ, гдѣ во главѣ еретиковъ стоялъ монахъ Тимоѳей Элуръ, насильственно занявшій александрійскую патріаршую каѳедру. По ходатайству патріарха Г., современный императоръ Левъ Ѳракіянинъ удалилъ Элура въ ссылку въ Херсонесъ, и церковный миръ въ Египтѣ водворился. Трудами Г. церковный миръ былъ водворенъ и въ Антіохіи, гдѣ православный патріархъ Мартирій былъ низложенъ монофиситомъ Петромъ Гнафеемъ: по просьбѣ константинопольскаго патріарха Г., и Гнафей указомъ императора Льва былъ осужденъ на заточеніе, а патріаршая каѳедра предоставлена православному Юліану. Заботясь о церковномъ мирѣ, патріархъ Г. принималъ немалое участіе въ упорядоченіи и другихъ сторонъ современной церковно-общественной жизни. По его вліянію, императоръ Левъ «приказалъ (467 г.) праздники проводить безъ работы и обнародовалъ законъ, чтобы въ праздничный день никто не игралъ ни на свирѣли, ни на гитарѣ, ни на другомъ музыкальномъ инструментѣ, но чтобы всѣ воздерживались отъ занятій»; равнымъ образомъ, были запрещены и сценическія представленія. Затѣмъ, при патріархѣ Г. аріанамъ столицы было запрещено имѣть церкви и составлять собранія, клирики столицы были подчинены, по гражданскимъ дѣламъ, суду только преторіанскаго префекта, а не высшихъ чиновниковъ, какъ было прежде, была вновь подтверждена неприкосновенность права церковнаго убѣжища и т. п. Далѣе, въ 459 году патріархъ Г. созвалъ въ Константинополѣ соборъ по поводу обнаружившихся въ Галатіи фактовъ поставленія на церковныя должности за деньги, который и обнародовалъ горячее воззваніе къ «туне пріявшимъ туне и давать». Онъ заботился и объ экономическомъ положеніи столичнаго клира и о возвышеніи его просвѣтительнаго уровня, запретивъ, между прочимъ, назначать на низшія церковныя должности лицъ, не знавшихъ псалтири. Патріархъ Г. извѣстенъ и литературными своими трудами богословскаго характера, изъ коихъ видны его сильный умъ, широкая начитанность и вообще выдающееся образованіе. Кромѣ догматико-полемическаго трактата противъ анаѳематизмовъ св. Кирилла Александрійскаго, о коемъ упомянуто выше, патріархъ Г. написалъ много замѣчательныхъ экзегетическихъ трудовъ, напримѣръ, комментарій на книгу пророка Даніила и на другія книги Ветхаго Завѣта, толкованія на всѣ посланія св. апостола Павла. Экзегесисъ Г. имѣетъ, въ общемъ, грамматическое направленіе. Наконецъ, патріархъ Г. былъ выдающеюся личностью въ нравственномъ отношеніи. Хронографъ Ефремій называетъ его образцомъ (τύπος) благочестія и всего прекраснаго. Онъ пользовался всеобщимъ уваженіемъ и любовію за свою высокую добродѣтельную жизнь, за кротость, снисходительность, пламенную ревность о чистотѣ православія и за энергическія усилія водворить въ византійско-восточной церкви миръ и благоустройство. Патріархъ Г. скончался (471 г.), вѣроятно, на островѣ Кипрѣ, возвращаясь изъ Іерусалима, куда онъ ѣздилъ для поклоненія святымъ мѣстамъ. Православная церковь причислила его къ лику святыхъ и празднуетъ *память* его *17 ноября и 31 авг.*—2) **Геннадій II**, въ мірѣ Георгій Схоларій, былъ первымъ константинопольскимъ патріархомъ послѣ завоеванія Византіи турками въ 1453 году. Это была личность исключительная въ различныхъ отношеніяхъ. Г. родился около 1400 года въ Константинополѣ, здѣсь и учился, главнымъ образомъ, у Матѳея Камаріота, учителя патріаршей школы, и состоялъ на службѣ, сперва въ патріаршей школѣ, а потомъ (при византійскомъ императорѣ Іоаннѣ VIII Палеологѣ) въ званіи судьи царскаго суда и государственнаго секретаря; между прочимъ, онъ сопровождалъ императора въ его поѣздкѣ на западъ, по дѣлу ферраро - флорентійской уніи (1439 г.), и былъ горячимъ противникомъ этой уніи. При императорѣ Константинѣ XI Г. постригся въ монахи и жилъ въ монастырѣ Пантократора, гдѣ ревностно занимался науками. Онъ славился своими обширными познаніями

въ области законовѣдѣнія и краснорѣчіемъ и превосходилъ многихъ своимъ богословскимъ и философскимъ образованіемъ. Г. былъ свидѣтелемъ паденія Византіи и разоренія ея столицы. Послѣ катастрофы онъ бѣжалъ изъ Константинополя въ Адріанополь и, боясь плѣна, скрылся въ одной небольшой деревнѣ. Въ полной неизвѣстности и уединеніи Г. прожилъ здѣсь около года. Между тѣмъ завоеватель Византіи, султанъ Магометъ II, устроивъ гражданскія дѣла въ новомъ своемъ царствѣ, обратилъ вниманіе и на религіозную жизнь грековъ. Разсказываютъ, что онъ заинтересовался вопросомъ о томъ, почему православные греки не дѣлаютъ религіозныхъ собраній; узнавши, что они не имѣютъ патріарха (послѣдній патріархъ Византіи — Аѳанасій II добровольно отказался отъ каѳедры въ 1450 году), султанъ приказалъ духовенству избрать его. Выборъ палъ на ученаго и добродѣтельнаго монаха Г. Схоларія и былъ одобренъ Магометомъ II. Г. былъ найденъ въ глухой адріанопольской деревенькѣ, привезенъ въ Константинополь и весною 1454 года возведенъ въ санъ патріарха. Когда новый патріархъ представлялся султану, то властитель грековъ принялъ его съ большою честью, раздѣлилъ съ нимъ трапезу и много бесѣдовалъ, подарилъ ему драгоцѣнный жезлъ и проводилъ до входныхъ дверей; здѣсь для патріарха была приготовлена богато разукрашенная лошадь, на которой онъ, въ сопровожденіи блестящей султанской свиты, и отправился къ храму св. Апостоловъ, назначенному для патріаршей резиденціи. Патріаршество Г. было важно, прежде всего, въ томъ отношеніи, что при немъ опредѣлились новыя формы церковно-религіозной и общественно-бытовой жизни православныхъ грековъ подъ властію турокъ, причемъ патріархъ, по буквѣ турецкаго законодательства, былъ полнымъ господиномъ надъ высшимъ и низшимъ духовенствомъ патріархата и народомъ и не только былъ духовнымъ начальникомъ, но и вождемъ греческой націи, ея верховнымъ главой въ политическомъ отношеніи (милетъ-баши). Патріархъ Г. съ честью несъ свое высокое служеніе и былъ достойнымъ представителемъ дарованной ему церковной и гражданской власти, такъ что пользовался уваженіемъ и самого султана Магомета II. Послѣдній иногда бесѣдовалъ съ нимъ о религіозныхъ предметахъ, памятникомъ чего служитъ и сохранившійся до настоящаго времени богословскій трактатъ, представленный Г. султану. Затѣмъ, патріархъ Г. извѣстенъ заботами о народномъ образованіи, онъ, между прочимъ, основалъ патріаршую школу, изъ которой впослѣдствіи создалась нынѣшняя «Великая народная школа» въ Константинополѣ, боролся съ нѣкоторыми недостатками въ средѣ духовенства (напримѣръ, симоніей), перенесъ патріаршую резиденцію изъ храма Апостоловъ въ болѣе центральный пунктъ — въ монастырь Всеблаженной, энергично стремился ввести порядокъ и благоустройство въ жизни церкви, ревностно охранялъ православную вѣру отъ козней латинства, продолжавшаго дѣлать на нее нападки, подъ вліяніемъ нѣкоторыхъ успѣховъ недавней флорентійской уніи, и т. п. Вообще, по церковно-административной своей дѣятельности, направленной къ упорядоченію различныхъ нестроеній переходной эпохи въ жизни грековъ и къ защитѣ церкви и православія отъ двухъ могущественныхъ враговъ — мусульманства и латинства, патріархъ Г. ставится на ряду съ знаменитымъ Фотіемъ; къ сожалѣнію, эта дѣятельность Г. продолжалась лишь два года, къ тому же она освѣщена въ наукѣ гораздо меньше, чѣмъ труды его выдающагося предшественника по каѳедрѣ.

Недостаточно обслѣдована и учено-литературная дѣятельность Г., весьма выдающаяся и разнообразная, вполнѣ оцѣнить которую возможно будетъ только тогда, когда будутъ извлечены изъ рукописей и опубликованы многочисленныя его произведенія. Большая ихъ часть носитъ полемическій характеръ и направлена, главнымъ образомъ, противъ латинянъ. Произведеній послѣдняго рода такъ много, что нѣкогда они приписывались двумъ одноимян-

нымъ писателямъ. Въ нихъ ученый константинопольскій патріархъ разсматриваетъ разности въ ученіи латинянъ сравнительно съ православнымъ и опровергаетъ ихъ. Такъ, въ сочиненіи «Новый мыслитель» (Νεόφρων ἤ'Αερομυθία) опровергается латинское ученіе объ исхожденіи Духа, а также и въ «Разговорѣ» (Διάλογος); въ другомъ полемическомъ трактатѣ, имѣющемъ форму бесѣды о различныхъ особенностяхъ латинскаго вѣроученія, содержатся упоминанія о богословско - философскихъ воззрѣніяхъ Θомы Аквината и Дунсъ Скота. Ученіе Θомы Аквината въ подробностяхъ было извѣстно Геннадію, какъ это видно изъ спеціально-критическаго о немъ труда, составленнаго Г., но еще не изданнаго. Кромѣ латинянъ, Г. писалъ противъ варлаамитовъ, а также полемизировалъ съ іудеями въ одномъ діалогѣ. Противъ іудеевъ направлено и «Собраніе пророчествъ о Христѣ». Затѣмъ, Г. написалъ сочиненіе въ пяти книгахъ «О промыслѣ и предопредѣленіи», о чемъ онъ ведетъ рѣчь и въ письмѣ къ θессалоникійскому монаху Іосифу. Г. былъ одушевленъ ревностію и къ полемикѣ съ мусульманами, о чемъ свидѣтельствуетъ его сочиненіе «О единомъ пути ко спасенію», написанное по требованію султана Магомета послѣ происходившихъ съ нимъ бесѣдъ и представляющее раскрытіе догматовъ и нравоученія православной вѣры въ формѣ простой, ясной и точной; это сочиненіе было переведено и на турецко - арабскій языкъ. Кромѣ того, Г. принадлежитъ еще не изданный разговоръ съ двумя знатными турками. Къ тому времени, когда Г. состоялъ при византійскомъ дворѣ, относятся церковныя поученія, которыя онъ произносилъ въ великую четыредесятницу предъ императоромъ и придворными; изъ нихъ лишь немногія изданы и касаются евхаристіи. И изъ посланій и писемъ Г. опубликованы только нѣкоторыя (напримѣръ, извѣстно въ русскомъ переводѣ епископа Порфирія Успенскаго посланіе Г. къ инокамъ синайскаго монастыря, въ отвѣтъ на шесть ихъ вопросовъ). Наконецъ, Г. принадлежатъ литургическія сочиненія и философскія; послѣднія касаются философскихъ ученій Аристотеля и Платона и написаны по поводу спора Г. съ Плиθономъ. Вообще, патріархъ Г. былъ достойнымъ завершителемъ византійской богословской литературы, достигшей въ свободной Византіи, подъ покровительствомъ императоровъ-меценатовъ, замѣчательнаго развитія.

Послѣ двухлѣтняго управленія церковію, патріархъ Г. въ маѣ 1456 года отказался отъ каθедры, вѣроятно, по болѣзни и любви къ уединенію, удалился сперва на св. гору Аθонъ, а потомъ въ монастырь св. Іоанна Предтечи. Годъ его смерти въ точности неизвѣстенъ.

Литература: 1) О Геннадіѣ I: Μανουὴλ Γεδεών, Πατριαρχικοὶ πίνακες. Κωνσταντινούπολις. *И. Андреевъ*, Константинопольскіе патріархи отъ времени халкидонскаго собора до Фотія. Выпускъ первый. Сергіевъ Посадъ, 1895 г. *Филаретъ, архіепископъ черниговскій*, Историческое ученіе объ отцахъ церкви. 2) О Геннадіѣ II: Богословскія сочиненія Г. изданы у Миня, Патр. Гр. т. 160 и *A. Jahn*'а, въ Anecdota graeca theologica. Leipzig, 1893. *Епископъ Арсеній*, Георгій Схоларій, впослѣдствіи Геннадій, патріархъ константинопольскій. Разговоръ. Греческій текстъ и русскій переводъ. Новгородъ, 1896 г., и *его же*,—«Новый мыслитель». Греческій текстъ и русскій переводъ. Новгородъ, 1896 г. Μανουὴλ Γεδεών, Πατριαρχικοὶ πίνακες. *А. П. Лебедевъ*, Исторія греко-восточной церкви подъ властью турокъ. Томъ I. Сергіевъ Посадъ, 1896 г. *Karl Krumbacher*, Geschichte der byzantinischen Litteratur. München. 1897. Χρ. Παπαϊωάννου, Μελέται περὶ Γενναδίου Σχολαρίου. 'Εκκλησιαστικὴ 'Αλήθεια (константинопольскій патріаршій журналъ), за 1898 г., №№ 53 и 58 (начало изслѣдованія). Въ этомъ журналѣ (за 1899 и 1900 г.) г. Папаіоанну впервые напечаталъ и нѣкоторыя сочиненія Геннадія. Болѣе подробно литература о Геннадіѣ указана у *Крумбахера*, указ. соч. § 45. *И. Соколовъ.*

ГЕННАДІЙ—преподобный костромской и любимградскій. Родомъ изъ Литвы, принялъ постриженіе отъ преп. Корнилія Комельскаго. Основалъ обитель на берегахъ озера Сурскаго — нынѣ въ предѣлахъ ярославской епархіи. При жизни еще былъ прославленъ дарами чудотвореній и прозорливости. Присутствовалъ при крещеніи дочери Іоанна Грознаго и царицы Анастасіи. Скончался *23 янв.* 1565 г. Мощи его были

обрѣтены нетлѣнными *19 авг.* 1644 г.

ГЕННАДІЙ, св. архіеп. новгородскій († 1505 г.),—происходилъ изъ богатаго боярскаго рода Гонзовыхъ или Гонозовыхъ; гдѣ и когда родился, неизвѣстно. Получилъ наилучшее образованіе и былъ однимъ изъ самыхъ просвѣщенныхъ людей своего времени. Въ молодые годы принялъ постриженіе въ монастырѣ валаамскомъ и былъ здѣсь ученикомъ препод. Савватія, впослѣдствіи соловецкаго чудотворца, слѣдовательно, не позже 1430 года. Въ 1472 году назначенъ архимандритомъ московскаго чудова монастыря и сталъ въ весьма близкія отношенія къ великому князю Іоанну III Васильевичу. Съ 1479 года Г. принялъ живое участіе въ возникшемъ, по поводу освѣщенія перестроеннаго Аристотелемъ Фіоравенти успенскаго собора, спорѣ между митропол. Геронтіемъ и вел. княземъ о томъ, какъ нужно ходить крестнымъ ходомъ при освященіи храмовъ, по солнцу ли, какъ утверждали нѣкоторые (Вассіанъ и послѣ него Іоасафъ, архіеп. ростовскіе, архим. Г., вел. князь и др.), или противъ солнца, какъ утверждалъ и дѣлалъ м. Геронтій. Долго спорили, но «истины не обрѣли», однако вел. князь нашелъ нужнымъ уступить митрополиту. Возможно, что это противодѣйствіе Г. митрополиту было тайною причиной того суроваго наказанія, какому въ 1482 году Геронтій подвергъ Г. по незначительному поводу. Въ этомъ году навечеріе праздника Богоявленія случилось въ воскресенье; Г., руководясь словами устава: «литургію отпѣвъ, вкусити по укруху хлѣба въ церкви и по чаши вина, и вечерню начинати и воду священи», позволилъ чудовскимъ монахамъ принять пищу до вкушенія богоявленской воды. Геронтій объявилъ это тяжкимъ преступленіемъ и послалъ схватить архимандрита и привести къ себѣ. Г. бѣжалъ къ великому князю, но Геронтій самъ явился сюда и рѣшительно потребовалъ выдачи Г., говоря: «самовластно первіе учинилъ, что мене не спросився; другое, что такую священную воду обезчестилъ, юже святіи отцы оглашеннымъ въ причастія мѣсто повелѣша единою въ году на пасху испивати, а не покаяльникомъ тогда на Богоявленіе пити преже дары, а онъ и ѣдши велѣлъ пити». Великій князь послѣ этого выдалъ Г. митрополиту, а послѣдній приказалъ заковать его въ цѣпи и посадить на монастырскій ледникъ. Только по особенному ходатайству вел. князя и бояръ Г. черезъ нѣкоторое время былъ освобожденъ.

Въ 1483 году Г. устроилъ въ чудовомъ монастырѣ каменную трапезу и началъ строить каменный храмъ въ память строителя монастыря, св. митр. Алексія, но не успѣлъ кончить постройку, потому что въ 1484 году 12 декабря былъ посвященъ въ санъ архіепископа новгородскаго. Но и послѣ перехода въ Новгородъ Г. неоднократно оказывалъ матеріальную поддержку начатому дѣлу, такъ какъ питалъ величайшее уваженіе къ памяти св. Алексія.

Въ Новгородѣ, недавно покоренномъ Москвою и относившемся къ Москвѣ весьма недружелюбно, Г. оказался въ очень затруднительномъ положеніи, тѣмъ болѣе, что своею борьбою съ ересью жидовствующихъ и съ невѣжествомъ и пороками духовенства нажилъ себѣ здѣсь много личныхъ враговъ. Вскорѣ, по прибытіи въ Новгородъ, Г. въ 1485 г. былъ извѣщенъ о явившейся здѣсь новой ереси, отвергавшей христіанское ученіе о св. Троицѣ и о божествѣ Іисуса Христа, іерархію, таинства, обрядность и пр.; это была ересь жидовствующихъ. Первое извѣстіе о ней дошло до Г. случайнымъ образомъ: четыре священника, принадлежавшіе къ ереси, однажды въ пьяномъ видѣ поссорились между собою и проговорились о своихъ воззрѣніяхъ; ссора ихъ была подслушана и о ней было сообщено архіепископу. Начался немедленно розыскъ. Всѣ обвиняемые были арестованы и подвергнуты допросу; допрошены были и многочисленные свидѣтели. Изъ показаній выяснилось, что ересь увлекла множество духовныхъ лицъ и мірянъ. Прежде, чѣмъ кончилось слѣдствіе, четверо священниковъ, арестованныхъ, но отданныхъ на по-

руки, бѣжали въ Москву. Г. немедленно извѣстилъ велик. князя и митрополита Геронтія о всемъ случившемся и послалъ обоимъ по копіи съ розыска, умоляя того и другого немедленно принять мѣры противъ опасной ереси. Неизвѣстно, скоро ли были схвачены въ Москвѣ бѣглые изъ Новгорода священники, но извѣстно, что только въ 1488 году состоялся судъ надъ ними, на которомъ одинъ былъ оправданъ, а три остальные признаны были заслуживающими церковнаго наказанія и гражданской казни; они были биты на площади кнутомъ, а затѣмъ всѣ четверо были отправлены къ Г. для увѣщаній и для новаго изслѣдованія дѣла съ приказаніемъ отсылать нераскаянныхъ на казнь къ гражданскому суду. При содѣйствіи мѣстной гражданской власти Г. достигъ новыхъ признаній со стороны обвиняемыхъ, причемъ отысканы были богослужебныя тетради еретиковъ, составленная по іудейскому календарю пасхалія и нѣкоторыя еретическія книги. Искренно раскаявшихся Г. предалъ церковному покаянію, а не раскаявшихся, но уличенныхъ несомнѣнными свидѣтельствами передалъ свѣтской власти, послѣ чего отправилъ къ митрополиту подробное донесеніе, прося новыхъ распоряженій. Но въ Москвѣ, по словамъ Г., «положили то дѣло ни за что, какъ бы Новгородъ съ Москвою не едино православіе». Геронтій 28 мая 1489 г. скончался и каѳедра митрополичья оставалась праздною до сентября 1490 года, когда была замѣщена чудовскимъ архимандритомъ Зосимою, который самъ тайно принадлежалъ къ числу еретиковъ. Кромѣ того, въ пользу еретиковъ и противъ Г. при дворѣ сильно дѣйствовалъ дьякъ Ѳедоръ Курицынъ, имѣвшій громадное вліяніе на великаго князя; подъ вліяніемъ Курицына, вел. князь сталъ относиться къ Г. далеко не съ прежнимъ благоволеніемъ. Многіе еретики снова бѣжали изъ Новгорода въ Москву; одинъ изъ нихъ, монахъ Захарія, разсылалъ по разнымъ городамъ посланія, въ которыхъ поносилъ Г., какъ еретика. Тогда Г. особыми посланіями извѣстилъ о новгородскихъ событіяхъ управлявшаго митрополіей послѣ смерти Геронтія сарскаго еп. Прохора, суздальскаго еп. Нифонта и пермскаго Филоѳея, затѣмъ написалъ и новоизбранному митрополиту Зосимѣ, прося предать еретиковъ соборному отлученію. Такъ какъ дѣло получило широкую огласку, то Зосима не нашелъ возможнымъ уклониться отъ соборнаго разсмотрѣнія его и въ октябрѣ 1490 года составилъ соборъ, на которомъ прежде всего было прочитано посланіе Г. къ нему. Въ этомъ посланіи Г., между прочимъ, писалъ, что нечестивые еретики злословятъ Христа и Матерь Божію, ругаются надъ крестами, иконы называютъ болванами, грызутъ ихъ зубами, повергаютъ ихъ въ нечистыя мѣста, не вѣрятъ ни царству небесному, ни воскресенію мертвыхъ, и смѣло развращаютъ слабыхъ въ вѣрѣ, тогда какъ при твердыхъ хранятъ молчаніе. — Разслѣдовавши дѣло, соборъ предалъ отлученію 9 лицъ; нѣкоторые изъ нихъ были сосланы въ заключеніе, а другіе отосланы въ Новгородъ къ Г., который предалъ еретиковъ публичному позору: ихъ возили по улицамъ города на клячахъ лицомъ къ хвосту, въ вывороченной одеждѣ, берестяныхъ шлемахъ съ мочальными кистями и съ соломенными вѣнками; на шлемахъ были надписи: «се есть воинство сатанино»; затѣмъ шлемы были сожжены, неизвѣстно, на головахъ ли еретиковъ или снятые.

Тотъ же соборъ 1490 года (по старому сентябрскому счисленію 1491 г.) поручилъ Г. расчислить пасхалію на восьмую тысячу лѣтъ, потому что въ 1492 году истекала 7-я тысяча лѣтъ отъ сотворенія міра, послѣ чего, по широко распространенному тогда убѣжденію, должна была послѣдовать кончина міра. Толки о кончинѣ міра сильно волновали общество, но когда 1492 г. прошелъ благополучно, жидовствующіе стали насмѣхаться надъ православными. Г. въ 1492 году разчислилъ пасхалію на 70 лѣтъ и составилъ «коловратный ключъ пасхальный на 532 года», по которому можно было легко находить пасху во всю 8-ю тысячу лѣтъ. Въ концѣ своей пасхаліи Г. по волновавшему тогда общество вопросу

о томъ, какъ нужно пѣть «аллилуя», дважды или трижды, выразилъ свой просвѣщенный взглядъ на дѣло, сказавши, что ереси нѣтъ ни въ той, ни въ другой практикѣ, та и другая могутъ имѣть за себя свои основанія. Затѣмъ для успокоенія умовъ Г. разослалъ по своей епархіи вмѣстѣ съ пасхаліей окружное посланіе, доказывая, что время кончины міра никому неизвѣстно. Но такъ какъ разсѣявшіеся изъ Новгорода еретики стали широко распространять свои заблужденія, то Г. не прекратилъ своей борьбы съ ересью. Но онъ не видѣлъ поддержки ни со стороны великаго князя, ни со стороны митрополита; съ тѣхъ поръ какъ вернувшійся изъ посольства въ Венгрію Курицынъ сталъ оказывать сильное вліяніе на вел. князя, Г. ни разу не былъ вызываемъ въ Москву по церковнымъ дѣламъ, несмотря на значительную важность послѣднихъ и на прямую прикосновенность къ нимъ Г. Поэтому онъ въ борьбѣ съ ересью находитъ нужнымъ опереться на содѣйствіе имѣвшаго большое вліяніе при дворѣ преп. Іосифа Волоколамскаго. При содѣйствіи Іосифа Зосима былъ свергнутъ съ каѳедры за пьянство и непристойную жизнь въ 1494 г.; около этого же времени скончался и Курицынъ, и, такимъ образомъ, еретики лишились главной своей опоры. На соборѣ 1503 г., на которомъ присутствовалъ и Г., жидовствующіе были окончательно осуждены.

Кромѣ борьбы съ еретиками, Г. извѣстенъ, какъ выдающійся ревнитель просвѣщенія. Громадная заслуга его въ исторіи духовнаго просвѣщенія состояла въ томъ, что его стараніями сдѣлано первое въ Россіи собраніе книгъ Св. Писанія въ одинъ сборникъ, первая Библія. Это дѣло стоило Г. большихъ трудовъ и средствъ. Въ Новгородѣ не оказалось многихъ книгъ св. Писанія, Г. посылалъ за ними въ монастыри кирилловъ, ѳерапонтовъ и каменный; нѣкоторыя книги пришлось перевести съ латинской вульгаты, таковы: Паралипом., Ездры, Нееміи, Товита, Іудиѳь, Премудр. Солом., 1 и 2 Маккав., 1—30 гл. Іереміи, часть книги Есѳирь; изъ вульгаты же, а также изъ нѣмецкой библіи были взяты предисловія къ книгамъ и дѣленіе на главы. Переводы съ латинскаго, сдѣланные попреимуществу главнымъ сотрудникомъ Г., Димитріемъ Герасимовымъ, часто весьма неудачны; не зная значенія многихъ словъ, переводчикъ часто оставлялъ ихъ безъ перевода; напр., въ 1 Парал. **13**, 1 читаемъ: «нача же Давидъ совѣтъ кумъ трибунисъ» (cum tribunis); въ Тов. **5**, 22 читаемъ: «сотворилъ Соломонъ вале (vale) отцу своему»; въ кн. Есѳ. **12**, 5 читаемъ: «да въ аула (in aula) палатнѣи живетъ даны ему ради деласіоне (pro delacione) дары» и т. п. Часть книги Есѳирь была переведена съ еврейскаго. Но при всемъ томъ Г. пришлось пополнять текстъ св. книгъ извлеченіями изъ разныхъ толкованій на св. книги, потому что эти толкованія въ русской церкви болѣе были распространены, чѣмъ самыя книги. Изъ трехъ списковъ Геннадіевой Библіи одинъ принадлежалъ митроп. Варлааму и отданъ былъ имъ, какъ вкладъ, на поминовеніе души въ сергіеву лавру, другой принадлежалъ епископу рязанскому, третій царю Іоанну Грозному; копія съ этого третьяго была отослана кн. Константину Константинов. Острожскому, по просьбѣ послѣдняго, и легла въ основу Острожской библіи 1580 г. Два рукописныхъ списка Геннадіевой Библіи хранятся теперь въ библ. моск. дух. акад., одинъ въ имп. публ. библ. и одинъ въ синод. библ. Геннадіева же Библія легла въ основу и второго печатнаго изданія Библіи, послѣ Острожскаго, именно изданія 1663 года. Такимъ образомъ, трудъ Г. получилъ важное общецерковное значеніе.

Кромѣ того, Г. позаботился о распространеніи въ обществѣ сочиненій, направленныхъ въ обличеніе жидовства и жидовствующихъ. По его порученію сотрудникъ его, Димитрій Герасимовъ, перевелъ съ латинскаго яз. сочиненія: 1) «Магистра Николая Делира, чина меньшихъ ѳеологіи послѣдователя, прекраснѣйшія стязанія, іудейское безвѣріе въ православной вѣрѣ похуляюще» (Рукоп. Царскаго № 461); 2) «Учителя Самоила евреина на бого-

отметные жидове, обличительно пророческими рѣчьми, главъ 25» (тамъ же) и 3) «Іаковъ жидовинъ. Вѣра и противленіе крестившихся іудей во Африкіи и Карѳагенѣ» (тамъ же № 169).

Затѣмъ памятникомъ заботъ Г. о просвѣщеніи осталось замѣчательное посланіе его къ м. Симону въ 1499 г. «Я просилъ государя, пишетъ Г., чтобы велѣлъ устроить училища; для чести государя и для спасенія общаго напоминалъ я о томъ и намъ была бы легкость. — Когда приведутъ ко мнѣ грамотнаго ставленика, то я велю ему выучить ектенію, да и ставлю, потомъ, научивъ его, какъ совершать божественную службу, отпускаю тотчасъ же. Но вотъ приводятъ ко мнѣ мужика: я приказываю дать ему апостолъ, а онъ и ступить не умѣетъ; приказываю дать псалтирь, онъ и по тому едва бредетъ. Я отказываю ему, а они кричатъ извѣтъ: земля, господинъ, такова, не можемъ достать, кто бы умѣлъ грамотѣ. Вотъ видите, облаялъ цѣлую землю, будто нѣтъ ни одного, кого бы слѣдовало избрать во священство. Просятъ меня: пожалуй, господинъ, прикажи учить. И я приказываю учить ектенію, а онъ и къ слову пристать не умѣетъ, ты говоришь ему одно, а онъ другое. Приказываю учить азбуку. Они, поучась немного, просятся домой, не хотятъ учиться.—Отъ того-то на меня брань, по ихъ нерадѣнію. Не могу я ставить неучей. Потому-то умоляю государя завести училища, чтобы его разумомъ и грозою, а твоимъ благословеніемъ, пришло это дѣло въ порядокъ.—Мой совѣтъ о томъ, чему учить въ училищѣ, такой: сперва азбука съ полнымъ истолкованіемъ и слова подтительныя, потомъ псалтирь съ возслѣдованіемъ; если это изучатъ, могутъ послѣ того проучивая, съ приготовленіемъ, и канонархать и читать всякую книгу. А безъ того вотъ невѣжи мужики учатъ за деньги и только портятъ; отойдетъ отъ мастера и ничего не умѣетъ, едва бредетъ по книгѣ, а церковнаго порядка вовсе не знаетъ.— Православные ли будутъ такіе? По моему, они не годятся въ попы.—Господинъ и отецъ нашъ! Попечаться объ этомъ предъ государемъ великимъ княземъ». Забота Г. о просвѣщеніи восхвалена лѣтописцемъ, какъ выдающаяся заслуга его: «онъ хиротонисалъ во священники и діаконы такихъ, которые долго учились у него; поставленные имъ священники и діаконы были такъ просвѣщены, что оказывались свѣтильниками міру, истинными пастырями и учителями порученной имъ паствы, и всѣ люди получали отъ нихъ великую пользу» (Степ. кн. I, 475).

Упомянутое посланіе Г. къ м. Симону замѣчательно еще тѣмъ, что здѣсь Г. предлагалъ ввести правило ставить въ священники и діаконы не иначе, какъ женатыхъ лицъ, тогда какъ митрополитъ безразлично посвящалъ какъ женатыхъ, такъ и безбрачныхъ. Предложеніе свое Г. повторилъ затѣмъ на соборѣ 1501 года, гдѣ оно и было принято, причемъ вдовымъ священникамъ и діаконамъ запрещено было совершеніе литургіи. Эта борьба Г. съ безнравственною жизнію вдоваго духовенства, безъ сомнѣнія, должна была многихъ вооружить противъ него.

Памятникомъ церковно-административной дѣятельности Г. остался составленный имъ церковный уставъ, введенный имъ въ церквахъ новгородской епархіи и представляющій изъ себя сокращенное изложеніе устава іерусалимскаго.

Уставъ состоитъ изъ 40 главъ, въ которыхъ указанъ порядокъ совершенія богослуженія повседневнаго и праздничнаго. Этотъ уставъ былъ въ широкомъ употребленіи даже въ XVII в. и не въ одной новгородской епархіи, откуда видно, что въ немъ была настоятельная нужда (Рукоп. синод. библ. 395).

Затѣмъ изъ жизни Г. извѣстны его столкновенія съ непокорными псковичами, которые въ 1485 г. не приняли посланныхъ владыкою въ Псковъ для описи церквей и монастырей боярина и игумена Евѳимія. Въ 1486 г. Г. самъ ѣздилъ въ Псковъ и пріобрѣлъ здѣсь уваженіе гражданъ тѣмъ, что неоднократно говорилъ имъ живыя поученія и оставилъ имъ грамоту о по корности законной власти. Въ 1499 г.

Г. снова прибылъ въ Псковъ для судебныхъ дѣлъ, но псковичи «запретили своимъ священникамъ служить съ нимъ, а просвирницамъ готовить просфоры», такъ какъ псковичи по вопросу о наслѣдникѣ великокняжескаго престола стояли за внука Іоаннова Димитрія, а Г. за сына Іоанна отъ Софіи—Василія.

Послѣдніе годы жизни Г. омрачены прискорбными для него событіями. Г. самъ присутствовалъ на соборѣ 1503 года и подписался подъ опредѣленіями этого собора, которыми, между прочимъ, запрещено было епископамъ и всѣмъ мѣстнымъ епархіальнымъ властямъ брать пошлины за ставленническія грамоты; распоряженіе это было вызвано укорами православному духовенству со стороны еретиковъ въ симоніи. Но престарѣлый новгородскій владыка подпалъ сильному вліянію со стороны своего секретаря, Михаила Гостенкова, человѣка корыстолюбиваго, который продолжалъ брать пошлины со ставленниковъ и оказывалъ значительное вліяніе на теченіе епархіальныхъ дѣлъ. За эту старческую слабость Г. слишкомъ жестоко поплатился по проискамъ своихъ многочисленныхъ враговъ. На него посыпались доносы въ Москву съ обвиненіемъ его въ симоніи и въ низверженіи духовныхъ лицъ изъ сана безъ причинъ. Г. вызвали въ Москву и заставили здѣсь дать грамоту съ добровольнымъ отреченіемъ отъ каѳедры и даже отъ епископскаго сана. Въ этой грамотѣ Г., между прочимъ, писалъ: «своея ради немощи оставилъ есми свою архіепископію и степень своего святительства великаго Новгорода и Пскова: а по сихъ ажели повелитъ еще быти и язъ къ тому ничтожъ хочу святительскихъ преданій дѣйствовати, ни вступатись ни которыми же дѣлы, ни именоватись архіепископомъ, ни учити, но учиму быти (!); зане бо уже нѣсмь архіепископъ; вся бо дѣла святительская оставилъ и симъ своимъ писаніемъ отрекохся всего, а изволихъ себѣ въ монастыри въ чернеческомъ житіи, пребывая въ покореніи и во всемъ въ повиновеніи и до послѣдияго издыханія, берегучи своея душа». Грамоту эту Г. подписалъ своей рукой и печать свою приложилъ (Акты арх. эксп. I, 384). Такъ было поступлено съ человѣкомъ, который является великимъ свѣтильникомъ просвѣщенія среди окружающей тьмы. Епископамъ того времени все сходило съ рукъ, невѣжество, доходящее до незнанія, сколько было евангелистовъ (недаромъ же соборъ 1490 году разчисленіе пасхаліи возложилъ на отсутствовавшаго Г.), позорная, иногда даже не прикрытая внѣшнимъ приличіемъ, жизнь, (архіереямъ нужно не что-нибудь, а „пиры и села и скакати и смѣятися съ воры»—Вассіанъ Косой), симонія, тираннія надъ духовенствомъ; одинъ грѣхъ имъ не прощался, потеря благоволенія въ правящихъ сферахъ. Этого грѣха не искупали даже такія заслуги, каковы были заслуги Г. для церкви.

Неизвѣстно, совершено ли было формальное, судебное лишеніе Г. епископскаго сана, или судьи удовлетворились отреченною грамотою. Дряхлымъ старцемъ поселился Г. въ той самой чудовской обители, въ которой тридцать лѣтъ тому назадъ началось его возвышеніе, и здѣсь 4 декабря 1506 года скончался и былъ погребенъ «въ самомъ томъ мѣстѣ, идѣже бѣ лежало въ земли священное тѣло великаго святителя и чудотворца Алексія прежде обрѣтенія его у самыя стѣны великія церкви».

Изъ всего, что извѣстно о Г., видно, что онъ рѣзко выдѣлялся изъ среды своихъ современниковъ своимъ сильнымъ и яснымъ умомъ. Онъ одинъ хлопочетъ объ открытія школъ и одинъ пришелъ къ сознанію необходимости дать русской церкви Библію. Характеромъ былъ твердъ и прямъ, за истину готовъ былъ пострадать отъ сильныхъ міра. Высокою религіозною настроенностію проникнуты его посланія, а также составленная имъ молитва (въ рукоп. Троице-серг. лавры).

Въ Новгородѣ онъ чтится, какъ мѣстный святой.

Источники и пособія: Степен. кн. I, 475—477, II, 155; Собр. Лѣтоп III—VI, VIII. Истор. ак. I. 101, 104, 286; Акты арх. эк. I, 380, 383, 489; Акты юрид. 387, 388; Рукоп. Толст. II, 63, 195, 254, 311; Каноникъ серг.

лавры № 43; Чт. Общ. Ист. 1847; Словарь историч. о бывшихъ въ Россіи писат. дух. чина. ч. I; Словарь достопам. людей русск. земли, *Бантышъ-Каменскій*, ч. 2, Москва. 1836; Просвѣтитель *Іосифа Волоцкаго*, 53—61, 570—576; Русскіе святые, *Филаретъ*, т. 3. Изд. 2. Черниговъ. 1865; Жизнь святыхъ росс. церкви. Спб. 1856. Декабрь. Исторія госуд. росс. *Карамзина*. т. VI; Исторія рус. Ц. Е., *Голубинскій*, т. 2 Журн. статьи: Чтенія въ Общ. Люб. Дух Просв. 1875 г., май. Правосл. Обозр. 1878 г., сент. и 1880., ч. II—III.

А. Кремлевскій.

ГЕННИСАРЕТЪ—библейское названіе небольшого округа, лежащаго у с.-з. берега Галилейскаго озера, которое отъ него получило и свое древнѣйшее названіе—озера Геннисаретскаго. Защищенный отъ вліянія сѣверныхъ вѣтровъ и лежащій въ глубокой впадинѣ, округъ Г. представлялъ собою какъ бы теплицу: по словамъ I. Флавія, всѣ времена года соперничали тутъ между собою въ красотахъ и произведеніяхъ природы. Округъ Г. неоднократно упоминается въ евангеліяхъ подъ названіемъ земли Геннисаретской, онъ былъ однимъ изъ главныхъ мѣстъ общественной дѣятельности I. Христа. Теперь онъ извѣстенъ подъ названіемъ Эл-Гувейръ и представляетъ собою пустыню, поросшую бурьяномъ и сорными травами, среди которыхъ сохранились лишь жалкіе слѣды нѣкогда цвѣтущихъ городовъ.

А. Л.

ГЕНОВЕФА—галльская или французская святая, *Женевьева*, род. въ 419 или 425 г. въ Нантеррѣ, † въ Парижѣ *3 янв.* 512 г., избавила Парижъ отъ нашествія гунновъ при Аттиллѣ и сдѣлалась св. патронессой столицы Франціи. Она построила первую церковь надъ могилой Діонисія Ареопагита и погребена въ посвященной ея памяти церкви св. Женевьевы въ Парижѣ, которая, впрочемъ, дважды (въ 1792 и 1830 гг.) была превращаема въ націон. Пантеонъ. Житіе ея, написанное вскорѣ послѣ ея смерти, издано было въ 1687 г. См. Acta SS, подъ 3 янв. Память ея чтится и правосл. церковію.

ГЕНРИХЪ Лозаннскій, называемый также Г. Клунійскій, род. въ Швейцаріи или Италіи, къ концу XI вѣка, и поступилъ въ монашество въ Клуни, но оставилъ монастырь, сбросилъ клобукъ, и сталъ, начиная съ Лозанны, странствовать съ мѣста на мѣсто, босый, съ крестомъ въ рукахъ, проповѣдуя покаяніе. Въ 1116 онъ прибылъ въ Мансъ и принятъ былъ съ восторгомъ; но его обличенія испорченности церкви и распутности духовенства причинили ужасное народное смятеніе, и еп. Гильдебертъ удалилъ его. Въ теченіе нѣкотораго времени онъ странствовалъ вмѣстѣ съ Петромъ Брюйскимъ, еретическихъ мнѣній котораго однако не раздѣлялъ. Но Петръ былъ сожженъ у позорнаго столба, и въ 1134 г. Генрихъ былъ арестованъ еп. ерелатскимъ и приведенъ на судъ собора пизанскаго. Подробности суда надъ нимъ неизвѣстны; но вскорѣ онъ былъ освобожденъ и отправился въ южную Францію, гдѣ продолжалъ свою преобразовательную дѣятельность съ большимъ успѣхомъ: цѣлые приходы оставляли свои церкви и присоединялись къ нему. Въ 1148 г. папа Евгеній III послалъ Бернарда Клервозскаго въ Тулузу съ проповѣдью противъ него. Онъ былъ опять арестованъ и осужденъ на пожизненное тюремное заключеніе, но, повидимому, вскорѣ затѣмъ умеръ. О его ученіи извѣстно мало. То, что содержится въ письмахъ св. Бернарда, носитъ на себѣ слишкомъ рѣзкую печать страстности, чтобы можно было принимать безъ ограниченій. См. у *Неандера* въ его сочиненіи: «Св. Бернардъ и его вѣкъ», Берлинъ, 1813.

ГЕНРИХЪ IV, король Франціи (1589—1610 гг.), род. въ Беарнѣ, въ 1553. Сынъ Антуана Бурбона Вандомскаго и Жанны Альбреты, королевы Наваррской, онъ былъ воспитанъ въ реформатской вѣрѣ. Съ самой юности онъ считался признаннымъ вождемъ гугенотской партіи во Франціи, не только вслѣдствіе своего высокаго сана, но также и вслѣдствіе своего блестящаго военнаго таланта. По смерти своей матери, онъ взошелъ на наваррскій престолъ (1572 г.) и въ томъ же году женился на Маргаритѣ Валуа. Во время побоища Варѳоломеевской ночи, онъ спасся только отреченіемъ отъ своей вѣры; и въ теченіе трехъ слѣдующихъ лѣтъ, проведенныхъ имъ при

дворѣ Екатерины Медичи, онъ, повидимому, совершенно отсталъ отъ протестантскаго дѣла. Вдругъ однако онъ оставилъ дворъ (1576 г.), вновь вступилъ въ кальвинскую церковь и сталъ во главѣ гугенотской партіи; и затѣмъ послѣдовалъ длинный рядъ коварныхъ интригъ, запальчивой вражды и цѣльныхъ войнъ, пока, послѣ смерти Генриха III, онъ, согласно съ салическимъ закономъ, не оказался законнымъ наслѣдникомъ французской короны. Съ цѣлью склонить въ свою пользу римскихъ католиковъ, составлявшихъ большинство его подданныхъ, онъ во второй разъ отрекся отъ реформатской вѣры; торжественно вступилъ въ римскую церковь; 23 іюля, съ цѣлью удовлетворить протестантовъ, своихъ старыхъ друзей и товарищей, онъ подписалъ, отъ 5 апрѣля 1598 г., нантскій эдиктъ и съ этого времени царствовалъ мирно съ большимъ успѣхомъ. Что обращеніе Генриха IV было искренно, этому невозможно вѣрить: это былъ одинъ изъ умнѣйшихъ людей своего вѣка и былъ воспитанъ въ протестантствѣ. Это была просто политическая мѣра, актъ практическаго благоразумія, своего рода театральный фокусъ, поставленный на сцену со всею обстановочною пышностью, какая только требовалась для даннаго момента. Неоднократно онъ сознавался, со своею обычною и неисправимою откровенностью, что онъ присоединился къ Риму только для того, чтобы обезпечить за собою французскую корону. Но даже еслибы онъ и не говорилъ этого, самыя дѣла его свидѣтельствовали объ этомъ. Его внутренняя политика была примирительная, вѣротерпимо безпристрастная, хотя и нѣсколько склонялась въ пользу римскихъ католиковъ. Но его иностранная политика была, съ самаго начала до послѣдняго момента, въ ея высшихъ цѣляхъ и малѣйшихъ подробностяхъ, столь непоколебимо настойчивой и рѣшительной противъ Рима, Испаніи и католической лиги въ Германіи и склонялась въ пользу Англіи, Нидерландовъ и протестантскаго союза въ Германіи, что для противоположной партіи скоро стало очевиднымъ, что, для предотвращенія возможности для Франціи стать во главѣ протестантской Европы противъ папы, оставалось только одно средство, именно—смерть короля. Слѣдствіемъ этого было то, что онъ былъ убитъ въ своей коляскѣ, на улицахъ Парижа, 14 мая 1610, Франциекомъ Равайльякомъ, бывшимъ іезуитомъ.

Письма Генриха IV и другіе документы, относящіеся къ его царствованію, были изданы Рабанисомъ, Голицынымъ, Роммелемъ, Пьеромъ Д'Естуаль и Ксивреемъ. Современныя или почти современныя данныя можно находить въ сочиненіяхъ Сюлли, Пальма-Кайетъ, Дю-Плесси-Морней и Де-Ту. Монографіи были написаны Пуарсономъ, Филипсонъ Мерсье. Де-Лакомбомъ, Карне, Воловскимъ и др, Особенно см. у *Стегелина*: «Переходъ короля Генриха IV французскаго въ римско-католическую церковь», Базель, 1856.

Геологія и Библія, см. подъ сл. *Дни творенія*, *Потопъ*.

ГЕОРГЪ Богатый или Бородатый, герцогъ Саксонскій, род. въ Дрезденѣ, 1471 г.; ум. тамъ же, 1539 г.; какъ младшій сынъ, былъ предназначенъ на служеніе церкви и въ 1484 г. сдѣланъ каноникомъ въ Мейссенѣ. Такъ какъ его старшіе братья умерли, то въ 1500 г. онъ вступилъ на престолъ. Его воспитаніе и соперничество, возникшее между нимъ, представителемъ Альбертинской линіи, и его двоюродными братьями, представителями Эрнестинской линіи, сдѣлали изъ него противника реформаціи; и, послѣ диспута въ Лейпцигѣ (1519 г.), онъ порѣшилъ сдѣлать съ своей стороны все, чтобы не допустить ее въ свою страну. Но усилія его оказались напрасными. Сдѣланный Лютеромъ переводъ Библіи былъ любимымъ чтеніемъ его подданныхъ, духовенство его страны переженилось, его собственное семейство обратилось въ протестантство, и онъ остался въ крайнемъ одиночествѣ.

См. *Schulze*, Georg und Luther, 1834.

ГЕОРГИДИСЪ Іоаннъ, византійскій монахъ, извѣстный своимъ сочиненіемъ, подъ заглавіемъ «Гномы» или изреченія (Γνῶμαι συλλεγεῖσαι ὑπὸ Ἰωάννου μονάζοντος τοῦ καὶ Γεωργίδου). Сочиненіе представляетъ собраніе изреченій различнаго содержанія, преимущественно

религіозно-нравственнаго и назидательнаго, заимствованныхъ изъ Священнаго Писанія Ветхаго Завѣта, классическихъ греческихъ писателей, напримѣръ, Исократа, Менандра, Лукіана, Галина и другихъ, многихъ церковныхъ писателей. Сборникъ принадлежитъ къ числу распространенныхъ и любимыхъ византійцами книгъ для чтенія, перешедшихъ потомъ и въ Россію и послужившихъ образцами для аналогичныхъ произведеній. У Г. самымъ позднѣйшимъ писателемъ упоминается знаменитый константинопольскій патріархъ IX вѣка Фотій, значитъ, авторъ жилъ послѣ IX вѣка. Древнѣйшій списокъ его сборника, хранящійся въ парижской національной библіотекѣ (№ 1166) относится къ XI вѣку. Онъ напечатанъ у Migne'я, Patrologia graeca, t. 117.

См. *Karl Krumbacher*, Geschichte der byzantinischen Litteratur, zweite Auflage, München. 1897. *И. Соколовъ.*

Георгій (земледѣлецъ) — великомученикъ и побѣдоносецъ, пострадалъ въ Никомидіи въ 303 г. Преставленіе *23 апрѣля*, *3 ноября* — обновленіе храма его имени въ Лиддѣ, гдѣ было положено его тѣло, *26 ноября*—освященіе церкви его имени въ Кіевѣ. Покровитель домашняго скота.

ГЕОРГІЙ — имя нѣсколькихъ святыхъ,—изъ нихъ *8 янв.*—преп. Хозевитъ, ск. въ VII в.; *22 янв.*—епископъ девольтскій, муч. около 817 г.; *4 февр.*—св. вел. кн., о немъ особо; *21 февр.*—еп. амастридскій, ск. около начала IX в.; *4 апр.*—безмолвника Малеина, ск. IV в. *7 апр.* — еп. мелитинскій, ск. около 810 г. въ ссылкѣ за иконопочитаніе; *19 апр.*—исповѣдникъ епископъ Антіохіи Писидійской, борецъ за иконопочитаніе при Исаврѣ; *13 мая*—исповѣдникъ за иконопочитаніе; *26 мая*—новый великомученикъ, пострадавшій при Селимѣ; *18 авг.* — патр. конст. — 669—674 г. *24 авг.* — исповѣдникъ за иконопочитаніе, ск. 716 г.

ГЕОРГІЙ Каппадокійскій, называемый также Георгіемъ Валяльщикомъ, назначенъ былъ на каѳедру епископа александрійскаго, въ 356 г., послѣ изгнанія Аѳанасія Великаго, и вступилъ въ городъ во главѣ военной силы. Въ 361 г. онъ былъ звѣрски избитъ язычниками. Это былъ ярый аріанинъ, заносчивый и властолюбивый человѣкъ, отнюдь не безупречный, хотя, быть можетъ, въ тѣхъ портретахъ, которые даютъ о немъ православные писатели того времени, и есть нѣкоторыя преувеличенія.

ГЕОРГІЙ, епископъ лаодикійскій во Фригіи, полу-аріанинъ, род. въ Александріи; получилъ образованіе въ своемъ родномъ городѣ, гдѣ изучалъ философію, и тамъ же принялъ духовный санъ. Въ спорѣ, который его епископъ, Александръ Александрійскій, велъ съ Аріемъ и его приверженцами, онъ принималъ на себя роль посредника, но при этомъ такъ сильно склонялся на сторону аріанъ, что Александръ не только не могъ согласиться съ его примирительными предложеніями, но и его самого отлучилъ отъ церковнаго общенія за его аріанское направленіе и не духовную жизнь. Аріане однако пришли къ нему на помощь и вскорѣ, послѣ смерти Ѳеодора, добились для него каѳедры въ Лаодикіи. Долго онъ боролся противъ православныхъ, особенно противъ Аѳанасія Великаго, на многихъ соборахъ; но все-таки ему казалось, что аріане пошли слишкомъ далеко, и поэтому онъ, вмѣстѣ съ Василіемъ Анкирскимъ, сталъ во главѣ полуаріанъ. Въ Пасху 358 г., онъ, вмѣстѣ съ Василіемъ и другими епископами, составилъ соборъ, на которомъ, въ противоположность сирмійской формулѣ отъ 357 г., въ качествѣ девиза формально былъ выдвинутъ «оміусіонъ», и въ 12-ти анаѳематизмахъ осуждено уже названное исповѣданіе сирмійское, какъ безбожная ересь. По окончаніи этого собора, собравшіеся отправили посольство къ имп. Констанцію, и оно настолько успѣло повліять на него, что онъ самъ припудилъ обоихъ придворныхъ епископовъ Урсакія и Валента, вмѣстѣ со всѣми другими присутствовавшими въ придворномъ лагерѣ, подписать дѣянія анкирскаго собора. Бо́льшаго Василій и Г. не могли достигнуть въ данный моментъ, такъ какъ Урсакій и Валентъ

пользовались слишкомъ большимъ благоволеніемъ императора; но и впослѣдствіи планъ Г. и Василія склонить императора въ пользу аріанъ оказался неосуществимымъ. Г. извѣстенъ и въ области литературы: онъ оставилъ послѣ себя сочиненіе противъ манихеевъ и жизнеописаніе Евсевія Емесскаго. Древніе писатели упоминаютъ, а отчасти и приводятъ, и другія его сочиненія или рѣчи. Онъ умеръ окт. 363 г.

См. *Созоменъ*, Церк. Ист. 4, 13; *Өеодоритъ*, Церк. Ист. 2, 31; *Allatius*, De Georgiis; *Fabricius-Harles*, Bibl. gr. 7, 327, 9, 293.

ГЕОРГІЙ—византійскій монахъ, имѣвшій достоинство *синкелла*, написалъ историческій трудъ, подъ заглавіемъ «Ἐκλογὴ χρονογραφίας», обнимающій время отъ сотворенія міра до Діоклетіана (284 г. по Р. X.). Свѣдѣнія о жизни писателя можно почерпать изъ его труда, изъ предисловія къ хронографіи Өеофана, продолжившаго хронографію Г., и изъ замѣчаній о немъ въ историческомъ произведеніи Анастасія Библіотекаря. Прежде, чѣмъ получить достоинство синкелла, Г. долгое время жилъ въ Святой Землѣ. При патріархѣ константинопольскомъ Тарасіи (784—806 г.) Г. синкеллъ, несомнѣнно, былъ его секретаремъ (γραμματεύς), а по смерти патріарха удалился въ одинъ монастырь и здѣсь написалъ свою хронографію. Въ 810 году онъ былъ еще живъ. Продолженіе труда Г., послѣ его кончины, принялъ на себя его современникъ и другъ св. Өеофанъ исповѣдникъ. Хронографія Г. является самымъ важнымъ, послѣ труда Евсевія, источникомъ для ознакомленія съ событіями первыхъ вѣковъ христіанства. Впрочемъ, все то, что характеризуетъ трудъ Г. съ хорошей стороны, принадлежитъ не столько самому писателю, сколько его руководителямъ, извѣстіями коихъ онъ пользуется однако не безъ критики. Планъ сочиненія Г.—хронографическій, т. е. разсказъ о событіяхъ ведется просто по годамъ, безъ внутренняго освѣщенія, такъ что текстъ нерѣдко прерывается длинными хронологическими таблицами и является какъ бы исторической таблицей съ присоединеніемъ нѣкоторыхъ объясненій, а не общей исторіей, какъ понимаютъ ее теперь. Расположеніе различныхъ частей въ трудѣ неодинаково. Тогда какъ разсужденіе о рождествѣ Христовомъ и разсказъ о евангельскихъ событіяхъ изложено авторомъ очень тщательно, послѣдующая затѣмъ исторія римскихъ императоровъ до Діоклетіана сравнительно бѣдна содержаніемъ и представляетъ извлеченіе изъ церковной исторіи Евсевія и хроногрофіи Дексиппа, коими онъ пользовался чрезъ посредство писателя Панодора. Преимущественное вниманіе автора было обращено на изложеніе исторіи до Рождества Христова и на связь событій гражданскихъ и церковныхъ. Въ трудѣ Г. господствуетъ богословскій духъ.

Главными источниками синкелла Г. были два александрійскіе хронографа — Панодоръ и Анніанъ —и Священное Писаніе. Но въ точности опредѣлить отношеніе нашего автора къ первымъ двумъ источникамъ трудно, такъ какъ сочиненія Панодора и Анніана потеряны и извѣстны лишь въ тѣхъ отрывкахъ, которые сохранились въ хронографіи Г. и у нѣкоторыхъ сирскихъ писателей. Панодоръ, «ученый наслѣдникъ» Юлія Африкана и Евсевія, процвѣталъ съ 395 до 408 года, а Анніанъ, продолжатель Панодора въ его хронологическихъ трудахъ и гражданской исторіи, былъ моложе и закончилъ свой трудъ около 412 года. Панодоръ заимствовалъ свои свѣдѣнія у Юлія Африкана, Евсевія и Дексиппа; такимъ образомъ, все то, что въ трудѣ Г. имѣетъ отношеніе къ этимъ тремъ писателямъ, взято имъ у Панодора, въ частности, свѣдѣнія изъ египетской исторіи, извлеченія изъ Діодора, апокрифы о рождествѣ Христовомъ и пр. У Анніана Г. взялъ данныя христіанской хронологіи. Затѣмъ, Г. весьма тщательно воспользовался для своего труда свѣдѣніями изъ каноническихъ книгъ Священнаго Писанія Ветхаго и Новаго Завѣта, которыя онъ изучилъ съ рѣдкимъ вниманіемъ, прибѣгая даже къ сравненію рукописей, но онъ не зналъ евр. языка и В. Завѣтомъ пользовался въ переводѣ LXX, считая его выше

еврейскаго подлинника. Кромѣ Св. Писанія, Г. непосредственно пользовался и трудами церк. писателей, напр. Григорія Богослова, І. Златоуста. Въ послѣдующее время хронографія Г. Синкелла не нашла себѣ подражателей. Рядомъ съ нею можно только поставить трудъ подъ заглавіемъ Ἐκλογὴ ἱστοριῶν, сохранившійся въ отрывкахъ.

Литература: 1) Хронографія Георгія имѣется въ боннскомъ изданіи «Corpus scriptorum byzantinorum». 1829 г. Новое изданіе сдѣлали Gelzer и Reichardt въ серіи изданій *Teubner'a*, подъ загл. Scriptores saeri et profani». Leipzig. 2) *K. Krumbacher*, Gesch. der byz. Litteratur. München 1897 г. Здѣсь подробно указана литература пособій. *И. Соколовъ.*

ГЕОРГІЙ, митрополитъ никомидійскій, былъ однимъ изъ примѣчательныхъ византійскихъ церковныхъ ораторовъ IX вѣка. Онъ былъ современникомъ и другомъ знаменитаго константинопольскаго патріарха Фотія, которому оставался вѣренъ и въ тяжкихъ обстоятельствахъ его тревожной жизни и которымъ былъ посвященъ, изъ хартофилакса Святой Софіи, въ митрополита никомидійскаго. Онъ имѣлъ переписку съ Фотіемъ, какъ это и видно изъ опубликованныхъ писемъ послѣдняго. Изъ многочисленныхъ церковныхъ словъ Г., общее количество коихъ простирается до 170, изданы въ печати только девять (Migne, Patrologia graeca, t. 100). Большая ихъ часть написана на богородичные праздники. Историческихъ свѣдѣній въ нихъ нѣтъ, взамѣнъ того господствуетъ апокрифическій элементъ, даже Священное Писаніе ставится на второмъ планѣ, мало и богословскихъ доказательствъ. Впрочемъ, справедливость требуетъ сказать, что проповѣди Г. никомидійскаго обслѣдованы еще недостаточно, и представляется, прежде всего, необходимымъ извлечь ихъ изъ рукописныхъ сборниковъ (напр., кодексъ мюнхенскій № 146, отъ 1012 г.).

Свѣдѣнія по литературѣ см. у *Krumbacher'a*, Geschichte der byz. Litteratur München. 1897 г. *И. Соколовъ.*

ГЕОРГІЙ—греческій монахъ, называемый также *Амартоломъ* (ἁμαρτωλός — грѣшникъ), написалъ въ царствованіе визант. импер. Михаила III (842—867 г.) хронографическій трудъ подъ заглавіемъ: «Χρονικὸν σύντομον ἐκ διαφόρων χρονογράφων τε καὶ ἐξηγητῶν συλλεγὲν καὶ συντεθὲν ὑπὸ Γεωργίου ἁμαρτωλοῦ». О писателѣ извѣстно только то, что онъ былъ монахъ, о чемъ, кромѣ надписанія его хронографіи, свидѣтельствуютъ и монашескій ея духъ, враждебное отношеніе автора къ иконоборцамъ и склонность къ богословскимъ разсужденіямъ. Свой трудъ онъ закончилъ не задолго до смерти императора Михаила III, т. е. въ 866 или 867 г. Хронографія Г. монаха начинается отъ сотворенія міра и оканчивается смертью императора Византіи Θеофила въ 842 г. по Р. Х. Но къ этому труду впослѣдствіи другіе писатели, для личнаго своего пользованія и по собственнымъ своимъ нуждамъ, сдѣлали добавленія, продолжающія хронографію Г., въ нѣкоторыхъ рукописяхъ до 948 года, а въ другихъ и позднѣе. Что это такъ, видно изъ предисловія къ хронографіи, гдѣ Г. прямо говоритъ, что въ впослѣдней книгѣ его труда изслѣдуется исторія императора до Θеофила включительно (842 г.). Затѣмъ древнѣйшій списокъ хронографіи (codex Coislinianus X вѣка) имѣетъ ее только до 842 года, причемъ въ заключеніи сказано: «здѣсь конецъ хронографіи». А въ спискахъ, имѣющихъ трудъ Г. съ продолженіемъ, въ концѣ имѣется приписка: до сего хроника Георгія, а далѣе—Логоѳета» и т. п. Хронографія Г. состоитъ изъ четырехъ книгъ. Въ первой содержатся свѣдѣнія объ Адамѣ, Нимвродѣ, Нинѣ, о персахъ, римлянахъ, Филиппѣ, Александрѣ, халдеяхъ, амазонахъ и пр., т. е. то, что удовлетворяло познаніямъ византійскаго монаха изъ области языческой исторіи отъ Адама до Александра Македонскаго. Вторая книга опять начинается съ Адама и заключаетъ существенныя черты священной исторіи до римлянъ, со вставками, напр., о Платонѣ, идолослуженіи и т. п. Въ третьей книгѣ обозрѣваются событія отъ Цезаря до Константина Великаго, а въ четвертой—событія римской и византійской исторіи отъ Константина до 842 года.

Въ предисловіи къ своему труду Г. говоритъ, что онъ задался цѣлью со-

ставить полезную и необходимую для читателя книгу, заботясь объ истинѣ ученія и разсказа, пренебрегаемой другими писателями. Здѣсь читатель найдетъ разсказы о гибели идолослуженія, обличенія безбожія греческихъ философовъ, повѣствованіе о томъ, какъ возникло монашество, и многое другое, полезное для спасенія души. Вообще въ своемъ трудѣ Г. собралъ то, что интересовало образованныхъ византійскихъ монаховъ. Отсюда—частыя выдержки изъ твореній святыхъ отцевъ, богословскія размышленія, въ гражданской исторіи отмѣчается то, что свидѣтельствуетъ о благочестіи императоровъ. Такимъ образомъ, трудъ Г. является средневѣковой монастырской хроникой византійскаго происхожденія, типичнымъ памятникомъ монашеской литературы, историческимъ источникомъ для характеристики настроенія, думъ и воззрѣній византійскаго образованнаго монашества. Вліяніе хронографіи Г. не ограничивается Византіей, но перешло и къ славянамъ, у которыхъ эта полезная и поучительная книга распространила первыя сѣмена историческихъ знаній и дала толчекъ къ составленію подобныхъ произведеній.

Какіе источники имѣлъ Г. при составленіи трехъ первыхъ книгъ своей исторіографіи, сказать трудно. Въ исторіи императоровъ до Діоклетіана онъ, несомнѣнно пользовался тѣмъ утраченнымъ историческимъ трудомъ, слѣды коего встрѣчаются у византійскихъ историковъ Льва Грамматика, Кедрина и Зонары. Въ четвертой книгѣ, касающейся византійской исторіи, Г. имѣлъ главнымъ источникомъ Ѳеофана, а, кромѣ того, пользовался трудами Малалы и Ѳеодора Чтеца и исторіей патріарха Никифора. Та часть этой книги, въ которой излагается исторія 813—842 годовъ, есть *самостоятельный* трудъ Г. и имѣетъ очень важное значеніе.

Въ литературномъ отношеніи хронографія Г. не имѣетъ особыхъ достоинствъ, такъ какъ авторъ заботился больше о достовѣрности разсказа, чѣмъ объ изяществѣ рѣчи. «Лучше, говоритъ онъ въ предисловіи, лепетать истину, чѣмъ краснорѣчиво разсказывать (πλατωνίζειν) ложь». Но однако Г. не пишетъ такъ просто и естественно, какъ обѣщалъ: его языкъ находится подъ сильнымъ вліяніемъ церковной рѣчи.

Трудъ Г. имѣлъ широкое распространеніе въ Византіи, гдѣ онъ сдѣлался и школьнымъ руководствомъ, и семейною книгою для чтенія. Число его рукописей очень велико, причемъ онѣ отличаются другъ отъ друга многочисленными разночтеніями. Однако проф. Крумбахеръ находитъ возможнымъ объединить ихъ въ *трехъ* редакціяхъ. Г. Амартолъ читался и на славянскихъ языкахъ, на которые былъ переведенъ очень рано. До настоящаго времени извѣстно болѣе десяти болгарскихъ и сербскихъ переводовъ хроники Г. Несомнѣнно также вліяніе Амартола и на нашего Нестора Лѣтописца. Его хронографія извѣстна и въ грузинскомъ переводѣ. Наконецъ, Г. имѣлъ большое вліяніе и на позднѣйшую византійскую исторіографію.

Въ очень многихъ рукописяхъ хронографіи Г. имѣется большое *продолженіе* ея, обозрѣвающее событія до смерти византійскаго императора Романа Лекапина въ 948 г., въ иныхъ рукописяхъ—до 1071, 1081 и въ одной даже до 1143 года. Но болѣе важный текстъ продолженія заканчивается 948 г., такъ какъ остальныя прибавленія представляютъ большею частью немногія замѣчанія, иногда хронологическія таблицы, которыя составлены переписчиками рукописей для собственнаго пользованія. На писателя этого главнаго продолженія пролили свѣтъ новѣйшія научныя изслѣдованія. Онъ отождествляется съ магистромъ и логоѳетомъ Симеономъ, составителемъ хронографіи, извѣстной и въ греческихъ рукописяхъ и въ одномъ славянскомъ переводѣ. Но присоединилъ трудъ Симеона къ хронографіи Г. не самъ этотъ авторъ, а кто-нибудь другой, и присоединеніе это имѣетъ чисто внѣшній характеръ. Къ тому же трудъ Логоѳета отличается отъ хронографіи Г. и тѣмъ, что церковныя событія поставляетъ на второмъ планѣ и слѣ-

дитъ, главнымъ образомъ, за жизнью при императорскомъ дворѣ. Добавленія къ хронографіи Г., простирающіяся далѣе 948 года, большею частію представляютъ извлеченіе изъ историческаго труда продолжателей Өеофана.

Литература. 1) *Хронографія* Г. издана въ большой серіи Corpus scriptorum byzantinorum, 1838, а также—*Edouard de Muralt*, Georgii monachi, dicti Hamartoli, chronicon ab orbe condito ad annum p. Christum 842 et a diversis scriptoribus usque ad annum 1143 continuatum. Petersburg 1859. Изданіе Муральта перепечатано у Migne'я, Patrologia graeca, t. 110. 2) *F. Hircsh*, Byzantinische Studien. 3) *Carl de Boor*, Zur Kenntniss der Weltchronik des Georgios Monachos (Historische Untersuchungen Arnold Schäfer zum 25 jährigen Iubiläum gewidmet). Bonnae. 1882. 4) *С. Шестаковъ*, О происхожденіи и составѣ хронографіи монаха Г. Амартола (Ученыя записки Казанскаго университета, т. 58 и 59, 1891 и 1892 г.). 5) *С. Шестаковъ*, Объ источникахъ хронографіи Георгія монаха (прибавленіе къ 70 тому Записокъ Импер. Академіи Наукъ, № 4). Спб. 1892. 6) *В. Г. Васильевскій*, Хроника Логоөета на слав. и гр. (Византійскій Временникъ, т. II, 1895 г.). 7) *С. Шестаковъ*, Къ критикѣ текста хроники Георгія монаха. Тамъ же. 8) *K. Krumbacher*, Gesch. der byzant. Litt. München. 1897.

И. Соколовъ.

ГЕОРГІЙ — имя двухъ патріарховъ константинопольскихъ. Изъ нихъ: 1) **Георгій** I занималъ каөедру съ ноября 679 г. по январь—февраль 686 года. Это былъ мужъ благочестивый и ученый. До патріаршества онъ былъ синкелломъ вселенскаго престола и скевофилаксомъ Св. Софіи, а во время патріаршества оказался, по словамъ визант. хронографа Ефремія, пастыремъ добрымъ, вѣрнымъ хранителемъ законовъ Божіихъ. Онъ былъ современникомъ и участникомъ шестого вселенскаго собора, на которомъ заявилъ себя ревнителемъ православія, почему и причисленъ церковью къ лику святыхъ. *Пам.* его *18 авг.* 2) **Георгій** II, по фамиліи Ксифилинъ, управлялъ конст. церковью въ 1192—1199 годахъ. До патріаршества Г. состоялъ великимъ скевофилаксомъ Св. Софіи. Его управленіе церковью не ознаменовалось какими-либо выдающимися событіями. Извѣстно лишь опредѣленіе о правахъ приходовъ, состоявшееся на соборѣ 4 февр. 1197 года. При немъ возникло лжеученіе монаха Сикидита относительно таинствъ, противъ коего патріархъ однако не принялъ никакихъ мѣръ. Затѣмъ, патріархъ обнаруживалъ излишнюю угодливость по отношенію къ свѣтской власти. Такъ, по приказанію императора Алексѣя Ангела, онъ рукоположилъ въ санъ діакона одного придворнаго—Константина Месопотамскаго, разрѣшилъ ему соединить въ своемъ лицѣ служеніе Богу и царю, храму и двору, безъ опасенія какого-либо наказанія по канонамъ, хотя послѣдніе строго осуждаютъ подобную двойственность; спустя немного, патріархъ возвелъ Константина въ архіепископа Өессалоники, но, по волѣ непостояннаго и капризнаго императора, вскорѣ лишилъ его и каөедры и сана. Въ исторіи византійской литературы извѣстны два привѣтствія патріарху Г. II Ксифилину, одно изъ коихъ написано Георгіемъ Торникомъ, а другое Константиномъ Стилви; эти рѣчи найдены въ одной Эскуріальской рукописи.

Литература о Г. II. *1*) *Никита Хоніатъ*, Исторія, т. 1 и 2. Русскій переводъ. Спб. 1860. 2) Μανουὴλ Γεδεών, Πατριαρχικοὶ πίνακες Κωνσταντινούπολις.

И. Соколовъ.

ГЕОРГІЙ Требизондскій, род. на о. Критѣ, 1396 г., и ум. въ Неаполѣ, 1486 г., получилъ свое прозваніе не отъ своего родного острова, а отъ города своихъ предковъ; въ 1420 г. прибылъ въ Венецію; преподавалъ риторику и грамматику въ Римѣ, но потерялъ благоволеніе Николая V своей горячей полемикой противъ Виссаріона, Платона и Платоновской школы, и избавленъ былъ отъ голодной смерти только благодаря небольшой пенсіи со стороны короля Альфонса. Два его сочиненія противъ греческой церкви находятся у Льва Аллляція въ его «Православной Греціи», Римъ, 1652 г. Его переводы Платона и Евсевія не точны и не надежны.

ГЕОРГІЙ Полентцскій, род. въ Саксоніи, въ 1478 г.; ум. въ Балгѣ, близъ Кенигсберга, 1550 г.; изучалъ каноническое право въ Италіи; въ теченіе нѣкотораго времени былъ секретаремъ при папѣ Юліи II; поступилъ на

службу къ Максимиліану I и познакомился съ маркграфомъ Альбрехтомъ бранденбургскимъ, великимъ гроссмейстеромъ тевтонскаго ордена, въ императорскомъ лагерѣ въ Падуѣ въ 1519 г.; сдѣлался членомъ этого ордена, и въ 1519 г. маркграфъ назначилъ его епископомъ Самбіи. Это былъ первый епископъ, открыто принявшій реформацію. Лѣтомъ 1523 г. онъ дозволилъ проповѣдывать протестантское ученіе въ кенигсбергскомъ соборѣ; въ сент. того же года онъ назначилъ Іоанна Брисмана, ученика Лютера, штатнымъ проповѣдникомъ собора; а наканунѣ Рождества и самъ публично заявилъ о своемъ обращеніи въ протестантство. Въ 1525 г. территорія ордена была преобразована въ герцогство, и герцогъ Альбрехтъ поручилъ епископу самбійскому устройство лютеранской церкви въ его странѣ. Вскорѣ послѣ его смерти, епископъ удалился отъ общественной жизни, по слабости здоровья. Его жизнь описана Георгомъ Полентцскимъ, Галле, 1858 г.

ГЕОРГІЙ Святогорецъ († 1067 г.)— родился въ Грузіи около 1014 года и происходилъ отъ царственнаго грузинскаго рода Багратіоновъ. Отецъ его Іаковъ былъ приближеннымъ царя Георгія I. Однажды матери св. Г. Маріи явился во снѣ свѣтлый мужъ и сказалъ: «ты родишь сына агнца, избраннаго Богомъ; посвяти его Богу и дай ему имя Георгій». Родившійся младенецъ, когда сталъ приходить въ разумъ, былъ воспитываемъ въ благочестіи и семи лѣтъ былъ посланъ въ женскій монастырь, гдѣ подвизалась сестра его: тамъ онъ провелъ три года въ ученіи. Затѣмъ отрокъ былъ отданъ въ богородицкій хахульскій монастырь, гдѣ подвизались два дяди его, и здѣсь былъ отданъ подъ руководство всѣми уважаемаго старца, препод. Иларіона. Затѣмъ вмѣстѣ съ однимъ изъ своихъ дядей, также по имени Георгіемъ, онъ былъ взятъ къ царскому дворцу, гдѣ и получилъ основательное образованіе по наукамъ свѣтскимъ. 25 лѣтъ отъ рожденія Г. принялъ постриженіе отъ Иларіона и по внушенію свыше предпринялъ подвигъ странничества. Тайно, въ одеждѣ нищаго, онъ ушелъ въ Палестину. На пути посѣтилъ онъ въ малой Арменіи монастырь Никона на Черной горѣ, а затѣмъ монастырь Симеона Дивногорца, близъ Антіохіи, и обошелъ монастыри въ горахъ Ливанскихъ. Въ одной горной пещерѣ онъ нашелъ подвижника, по имени Георгія, родомъ также изъ Грузіи; у него Г. провелъ три года, послѣ чего былъ постриженъ въ схиму и ушелъ въ Іерусалимъ. Съ величайшимъ благоговѣніемъ обошелъ онъ всѣ св. мѣста и и потомъ вернулся къ своему учителю. Этотъ послѣдній направилъ его на св. гору Аѳонъ въ иверскій монастырь къ родственнику св. Г., аввѣ Евѳимію, который своими благочестивыми посланіями въ Грузію и переводомъ Св. Писанія много содѣйствовалъ утвержденію здѣсь вѣры и благочестія. Проходя Малую Азію, Г. пришелъ однажды къ большой рѣкѣ и не зналъ, какъ переправиться чрезъ нее; онъ увидѣлъ на другомъ берегу свѣтлаго юношу, на бѣломъ конѣ, обратившагося къ нему со словами: «не бойся, ступи въ рѣку», причемъ самъ устремился къ нему навстрѣчу и перевелъ на другой берегъ. Г. узналъ въ немъ своего небеснаго покровителя, св. великомученика Георгія. Въ иверской обители Г. не засталъ въ живыхъ Евѳимія и семь лѣтъ жилъ въ полной безвѣстности, исполняя простыя работы. Объ этомъ узналъ его палестинскій учитель и послалъ сказать ему, чтобы онъ принялъ священство и занялся переводомъ духовныхъ книгъ на грузинскій языкъ. Въ монастырѣ узнали объ обширныхъ познаніяхъ Г. и посвятили его въ санъ пресвитера. Тогда Г. немедленно приступилъ къ переводамъ и перевелъ сначала синаксарь, потомъ евангеліе по зачаламъ, праздничныя пареміи, большой требникъ, толкованіе на книгу Бытія, первый мѣсяцъ минеи и посланія апостольскія. За свое благочестіе и просвѣщенность Г. былъ единодушно избранъ въ настоятели иверскаго монастыря, послѣ чего онъ усугубилъ свои иноческіе подвиги, одѣлся во вретище, совершенно отказался отъ вина и молока и часто обращался къ монахамъ со словомъ поученія. Благоговѣя къ памяти Евѳимія,

онъ собралъ всѣ свѣдѣнія о немъ и составилъ полное описаніе жизни его; затѣмъ перенесъ мощи его въ новую драгоцѣнную раку, а правую руку его положилъ въ особый ковчегъ, вмѣстѣ съ частицами мощей св. Стефана Первомученика, Іакова Персидскаго, Игнатія Богоносца, св. Пантелеимона и друг. Затѣмъ онъ открылъ мощи двухъ главныхъ сотрудниковъ Евѳимія, Арсенія и Іоанна, и похоронилъ ихъ въ притворѣ соборной церкви.

Въ 1050 г. Г. путешествовалъ въ Царьградъ и испросилъ у импер. Константина Мономаха подтвержденіе правъ монастыря на земельныя владѣнія; императоръ, кромѣ того, щедро одарилъ его на устройство храма. Во второй разъ путешествовалъ Г. въ Царьградъ, когда узналъ о прибытіи туда Абхазскаго царя Баграта III и матери его Маріи. Царь Багратъ звалъ его на родину и обѣщалъ поставить его главнымъ епископомъ, но Г. отказался, послѣ чего обитель его была щедро одарена царемъ, царицею и вельможами. Неизвѣстно, въ какое время Г. оставилъ иверскій монастырь и удалился на Дивную гору, чтобы вполнѣ безпрепятственно предаться переводу свящ. книгъ. Онъ занялся исправленіемъ и восполненіемъ перевода всего Свящ. Писанія на грузинскій языкъ и благополучно совершилъ этотъ великій трудъ. Какъ мужъ просвѣщеннѣйшій, онъ пользовался великимъ уваженіемъ со стороны патріарховъ антіохійскихъ, Іоанна и Ѳеодора Вальсамона. По настойчивому приглашенію царя Баграта Г. въ 1062 г. прибылъ въ Грузію и былъ встрѣченъ здѣсь съ величайшею честію. Слава имени его была такъ велика, что къ нему стекались со всего царства священники, вельможи и простой народъ, чтобы послушать его. Царь же во всемъ слушался его и вручилъ ему воспитаніе своего сына Іоанна. Въ Грузіи Г. подвизался пять лѣтъ. Почувствовавъ приближеніе смерти, онъ сталъ настойчиво проситься у царя на Аѳонъ; царь съ глубокимъ сожалѣніемъ отпустилъ его, но св. старецъ скончался на пути въ Константинополѣ, откуда мощи его были перенесены въ иверскій монастырь, гдѣ и поставлены рядомъ съ мощами св. Евѳимія. *Пам. 27 іюня.*

А. Кремлевскій.

ГЕОРГІЙ — 7-й митрополитъ русской церкви, преемникъ Иларіона; родомъ грекъ, прибылъ въ Россію ок. 1062 г. и управлялъ русскою церковью по 1073—1074 г. О немъ въ лѣтоп. сохранилось замѣчаніе, что онъ въ началѣ «бѣ невѣрствуя, яко свята блаженная» кн. Борисъ и Глѣбъ (Лѣт. под. 1072 г. Нестор.: см. *Голуб.*, Ист. р. ц., к. 1, т. 1, гл. III, 232, 253), однако въ 1072 г., когда в. кн. Изяславъ Ярославичъ построилъ въ Вышгородѣ новую деревянную церковь для положенія мощей этихъ святыхъ, то м. Г. освятилъ ее и при громадномъ стеченіи народа совершилъ перенесеніе сюда св. мощей. — Съ именемъ митр. Г. въ настоящее время извѣстно одно сочиненіе, подъ заглавіемъ: «Георгія, митрополита кіевскаго, стязаніе съ латиною» (Сборн. новг. соф. библ. № 522, прив. у преосв. Макарія въ Ист. р. ц. т. II въ прил.). Съ полною увѣренностію можно думать, что сочиненіе это дѣйствительно написано митр. Г., а не приписано только ему: прикрываться его именемъ, какъ лица ничѣмъ не замѣчательнаго, едва ли кто бы захотѣлъ. По содержанію своему сочиненіе это полемическое; этотъ родъ сочиненій въ то время былъ господствующимъ на всемъ востокѣ въ виду отпаденія латинянъ отъ церкви и стремленія ихъ къ совращенію православныхъ; довольно близко онъ стоитъ къ сочин. преп. Ѳеодосія Печерскаго: «Посланіе къ в. к. Изяславу о вѣрѣ варяжской». Изъ сочиненій послѣдующаго времени большое сходство «стязаніе» митр. Г. имѣетъ съ посланіемъ м. Никифора къ в. кн. Владиміру Мономаху и, по всей вѣроятности, служило для него источникомъ (*Мак.*, т. II, стр. 178). Написано «стязаніе», вѣроятно, по поводу попытокъ папы Григорія VII распространить свою власть на русскую церковь; очень возможно, что Г. писалъ его, возвратясь изъ своего путешествія въ 1073 г. въ Грецію, во время котораго русская церковь и подверглась

было притязаніямъ папы (*Мак.*, ib.; *Фил.*, Обз. дух. лит., стр. 15).

Начинается «стязаніе» указаніемъ на то, что во времена семи всел. соборовъ Западъ былъ въ полномъ единеніи съ Востокомъ, и папы римскіе или сами являлись на соборы или же присылали своихъ пословъ; но когда старымъ Римомъ и всей той землей овладѣли нѣмцы, а мужи правовѣрные, хранившіе законъ Христа и правила свв. апостоловъ и отцовъ церкви, умерли, то люди молодые увлеклись прелестью нѣмецкою, «впадоша въ вины различны многы» и, такъ какъ не захотѣли послушаться совѣтовъ другихъ церквей, то и были отвержены отъ насъ. Евангеліе ихъ, какъ доброе и покланяемое, почитается въ великой церкви, но почитается на обличеніе имъ и на судъ, «яко не живутъ, како велитъ». Далѣе перечисляются отступленія латинянъ, всего 27; среди нихъ есть и такія, которыя если и могли быть приписаны, то только развѣ отдѣльнымъ членамъ западной церкви, нѣкоторыя же приписываются латинянамъ и совсѣмъ несправедливо. Въ заключеніе авторъ вооружается на латинянъ за то, что они упрекаютъ православныхъ иноковъ за употребленіе въ пищу яицъ и молока, а между тѣмъ римскіе монахи ѣдятъ свиное сало и чрезъ то утучняютъ свое тѣло и возбуждаютъ страсти.

Кромѣ «стязанія съ латиною», митр. Г. повидимому написалъ еще сочиненіе каноническаго характера, существовавшее въ XII в. Слѣдуетъ предполагать, что это то самое сочиненіе, которое въ пам. до-монг. періода упоминается подъ именемъ «Устава бѣлеческаго» (мірскаго) и «нѣкоторой заповѣди», въ позднѣйшихъ же рукописяхъ называется «заповѣдью св. отецъ къ исповѣдающимся сынамъ и дщеремъ» (На него есть указанія въ вопрошаніи Кирика, новгор. черноризца. Пам. р. сл. XII в. 194, 195. *Фил.*, Обз. дух. л., стр. 15., *Голуб.*, стр. 371). Сочиненіе это заключаетъ въ себѣ рядъ наставленій еще новымъ въ христіанской вѣрѣ русскимъ людямъ, весьма разнообразныхъ по содержанію и изложенныхъ безъ всякой послѣдовательности. Здѣсь говорится о поклонахъ, о пищѣ въ разное время, о плотскомъ сожитіи съ женами, о причастіи, о лицахъ, поставляемыхъ во священники и др. церковн. степени, о постриженіи въ монашество, объ эпитиміяхъ за разныя прегрѣшенія и пр. *Д.*

ГЕОРГІЙ св., великій князь владимірскій—сынъ великаго князя Всеволода III Георгіевича и супруги его вел. кн. Маріи Шварновны, род. въ 1189 г. († 1238 г.) и воспитанъ былъ въ строгихъ христіанскихъ нравахъ. Въ 1211 году онъ вступилъ въ бракъ съ дочерью князя черниговскаго, Всеволода Чермнаго, Агаѳіей, воспитанной также въ духѣ древняго благочестія. При немъ епископъ Симонъ перенесъ свою каѳедру изъ Суздаля во Владиміръ, и съ этого времени, съ 1215 года, начался рядъ самостоятельныхъ епископовъ владимірскихъ.

Въ 1220 году Г. послалъ войско противъ волжко - камскихъ болгаръ, побѣдилъ ихъ и на границѣ съ ними, при впаденіи Оки въ Волгу, построилъ Нижній Новгородъ, въ которомъ устроилъ церкви Преображенія Господня, Архистратига Михаила и богородицкій монастырь. Въ самомъ же Владимірѣ при немъ произошло около этого же времени освященіе богородице-рождественской церкви въ рождественскомъ монастырѣ.

Въ 1224 году татары явились на югѣ русской земли и разбили русскихъ князей въ битвѣ на р. Калкѣ. Г. въ этой битвѣ не участвовалъ и, повидимому, не предчувствовалъ, насколько будутъ опасны новые враги. Въ 1229 году болгаре камскіе убили ревностнаго христіанина Авраамія; въ слѣдующемъ 1230 году мощи его были перевезены русскими купцами во Владиміръ гдѣ вел. князь встрѣтилъ имъ съ торжествомъ и положилъ въ успенскомъ владимірскомъ женскомъ монастырѣ, основанномъ супругою Всеволода III Маріею. Въ томъ же 1230 году во Владимірѣ произошло землетрясеніе, отъ котораго въ успенскомъ соборѣ качались паникадила, а иконы сдвинулись со своихъ мѣстъ. Это же землетрясеніе чувство-

валось по всей русской землѣ. Въ слѣдующемъ 1237 году произошло страшное татарское нашествіе, опустошившее сначала княжество рязанское. Тщетно князья рязанскіе, муромскіе и пронскіе просили помощи у Г. не оказалъ этой помощи, однако отправилъ противъ татаръ свое войско подъ предводительствомъ старшаго сына; войско это встрѣтилось съ татарами около Коломны и было разбито. Опустошивъ затѣмъ Москву, гдѣ захватили сына Георгіева Владиміра, татары двинулись далѣе къ г. Владиміру, который 7 февр. 1238 г. былъ взятъ, причемъ погибло все семейство вел. кн. Г. Въ концѣ февраля Г. былъ извѣщенъ о разореніи своей столицы и о гибели своего семейства. «Лучше бы мнѣ умереть, чѣмъ жить на свѣтѣ, воскликнулъ онъ. Нынѣ для чего остался я одинъ»? 4 марта произошла битва съ татарами на Сити, въ предѣлахъ нынѣшней Тверской губерніи. Войско русское было разбито, Г. былъ убитъ и голова его была отрублена. Немного времени спустя, пришелъ на поле битвы еп. ростовскій Кириллъ и нашелъ тѣло Г. нетлѣннымъ, а головы его не могъ найти. Тѣло было перенесено въ Ростовъ и положено въ ростовскомъ соборѣ. Вскорѣ уже другими лицами найдена была на поле битвы и голова Г.; принесенная въ Ростовъ и положенная въ гробъ, она плотно срослась съ тѣломъ. На великокняжескій престолъ во Владимірѣ послѣ Г. вступилъ братъ его Ярославъ Всеволодовичъ. По его приказанію въ 1239 году нетлѣнныя мощи Г. были торжественно перенесены во Владимиръ и положены въ успенскомъ соборѣ, гдѣ онѣ и доселѣ почиваютъ на вскрытіи. Отъ мѣстнаго соборнаго протоіерея А. Виноградова мы слышали, что онъ и прочее соборное духовенство неоднократно имѣли случаи убѣдиться въ томъ, что глава св. Г. дѣйствительно плотно срослась съ тѣломъ; такъ, въ 1890 году при переложеніи св. мощей изъ липовой гробницы въ кипарисную при поднятіи мощей голова плотно сидѣла на шеѣ, не поддерживаемая руками. То же самое наблюдается и при облаченіи одеждъ на мощи. Самое же тѣло скрыто отъ глазъ, потому что въ предупрежденіе запыленія зашито въ кусокъ шелковой матеріи.

По единогласнымъ свидѣтельствамъ лѣтописей, св. Г. былъ украшенъ всѣми христіанскими добродѣтелями, особенно же любилъ подвигъ молитвы, былъ весьма воздержанъ, милостивъ къ бѣднымъ, попечителемъ о церковныхъ дѣлахъ.

Источники и пособія: Лѣтописи Никонов. и Ростовск. Рукописное житіе св. Георгія, писанное въ концѣ XVII в. и переложенное на рус. яз въ 1895 г. архим. Порфиріемъ, «Владим.-Епарх. Вѣд.» 1895 г. и отдѣл. брош. Житія святыхъ. Февраль.

А. Кремлевскій.

ГЕОРГІЙ Скрипица—ростовскій священникъ, извѣстный составленіемъ записки противъ опредѣленія Московскаго собора 1503 г., запрещавшаго служеніе вдовымъ священникамъ и діаконамъ. Соборъ 1503 г., въ виду большого соблазна, производимаго распущенною жизнію вдоваго духовенства, опредѣлилъ: всѣмъ вообще вдовымъ священникамъ и діаконамъ съ сего времени въ міру не служить; тѣмъ вдовымъ священникамъ и діаконамъ, на которыхъ будетъ доказано или которые сами про себя скажутъ, что держали наложницъ, слагать съ себя священство и быть мірянами съ подчиненіемъ обязанности давать дань съ мірскими людьми; если такіе священники, не отдавъ архіереямъ своихъ ставленыхъ грамотъ, сойдутъ куда-либо въ дальнія мѣста и, держа женокъ или наложницъ подъ видомъ законныхъ женъ, будутъ священствовать, то предавать ихъ градскимъ судьямъ; тѣмъ вдовымъ священникамъ и діаконамъ, на которыхъ не будетъ слова о паденіи блудномъ и которые сами про себя скажутъ, что послѣ своихъ женъ живутъ чисто, стоять въ церквахъ на крылосахъ, т. е., исполнять обязанности дьячковъ, а причащаться имъ, священникамъ, въ алтаряхъ въ епитрахиляхъ, а діаконамъ въ алтаряхъ же въ стихаряхъ съ ораремъ; новые священники и діаконы, которые займутъ мѣста этихъ вдовыхъ, не имѣютъ права отсылать ихъ отъ церквей, если они

захотятъ стоять на клиросѣ, т. е., исполнять обязанности дьячковъ, по обязаны давать имъ, священники священникамъ, а діаконы діаконамъ, четвертую часть всѣхъ своихъ доходовъ; если же вдовые священники, живущіе чисто, захотятъ постричься въ монахи, то, «обновивъ себя во всемъ чистымъ покаяніемъ, съ благословеніемъ святительскимъ да священствуютъ въ монастыряхъ, а не въ мірскихъ церквахъ».

Эти опредѣленія, сдѣланныя ради нечисто живущихъ вдовыхъ священнослужителей, чувствительно коснулись, такимъ образомъ, вдовцовъ съ безупречнымъ поведеніемъ: со смертію жены всякій священникъ и діаконъ низводился на должность и доходы дьячка, а у него нерѣдко на рукахъ бывало большое семейство. Не могли быть довольны этимъ опредѣленіемъ и тѣ священнослужители, которые были поставлены на мѣсто вдовыхъ, потому что лишались четвертой части своихъ, обычно скудныхъ доходовъ. Отсюда понятно, что соборныя опредѣленія вызвали сильный ропотъ въ обществѣ. Изъ среды недовольныхъ особенно выдвинулся вдовый священникъ изъ Ростова Георгій Скрипица, который не ограничился устнымъ протестомъ, но прибѣгъ и къ литературному. Его произведеніе озаглавлено такъ: «Написаніе вдоваго попа Г. Скрипицы изъ Ростова града о вдовствуюшихъ попѣхъ» (Чт. Общ. Ист. и Др. 1848 г., VI). Указывая въ началѣ на противуканоническій характеръ соборнаго опредѣленія, Г. пишетъ: «дерзнули есте сотворити дѣло велико, каково не бывало, какъ и стала православная вѣра». Затѣмъ особенно возмущается несправедливымъ отношеніемъ къ честно живущимъ вдовымъ священнослужителямъ. «Пусть, пишетъ онъ, подвергаются запрещенію тѣ, которые не хранятъ своего вдовства. Зачѣмъ же безъ вины осуждать всѣхъ? Правильно ли, что вдовый священникъ, постригшись, можетъ служить, а тотъ же священникъ, не постригшись не можетъ служить? Развѣ женою попъ святъ? Который попъ имѣетъ жену, чистъ, а не имѣетъ жены, не чистъ, а чернецъ, не имѣя жены, чистъ. И вы, господіе мои, которымъ прозрѣли духомъ чистыхъ и нечистыхъ».

На оправданіе епископовъ, что постановленіе сдѣлано для блага церкви, Скрипица отвѣчаетъ имъ укоризною, что въ плохой жизни большинство священниковъ виновны они сами со своимъ нерадивымъ дозираніемъ управляемаго ими духовенства. «А что глаголите, господа мои, мы то сотворили благочестія дѣля, очищая церковь, что попы въ женъ мѣсто наложницы держатъ, ино, господа мои, разсудите, отъ кого то зло сталось въ нашей землѣ? Не отъ вашего ли нерадѣнія и небреженія, что злыхъ не казнили, не отлучали отъ священства? Господа священноначальницы! Благословно ни сами, ни священниками избранными не дозираете священниковъ, а во грады и въ села не посылаете опытовати, како кто пасетъ церковь Божію: пазпраете священниковъ по царскому чину земного царя—боляры и дворецкими, недѣльщики, тіуны и доводчики своихъ дѣля прибытковъ, а не по достоинству святительскому; вамъ, господіѣ нашей, достоитъ пасти церковь священиками богобоязненными, а не мірскимъ воинствомъ». Авторъ оканчиваетъ свой протестъ моленіемъ къ священноначальникамъ, чтобы они сотворили любовь и смирились съ чистыми вдовыми священниками и діаконами, вражду которыхъ противъ себя они возбудили несправедливымъ постановленіемъ.

Протестъ Г. успѣха не имѣлъ, но указанія его на недостатки церковнаго управленія послужили причиной важныхъ постановленій по этому предмету собора Стоглаваго 1551 г. Противъ Г. и всѣхъ недовольныхъ опредѣленіями собора 1503 г. Іосифъ доказываетъ, что церковь имѣетъ право мѣнять свои законы сообразно требованіямъ жизни.

Источники и пособія: Чт. Общ. Ист. и Древн. 1848 г. II., Исторія рус. ц. *Голубинскаго*, т. 2, стр. 621—622. *Филаретъ*, Обзоръ рус. дух. литер. т. I, 110.

А. Кремлевскій.

ГЕОРГІЙ Кописскій (или Конискій, какъ въ актахъ)—архіеп. бѣлорусскій, «необычайный іерархъ русской

церкви», «апостольскій трудникъ» въ борьбѣ съ латинствомъ и уніей за православіе и русскую народность; онъ былъ выдающимся дѣятелемъ въ церковно-религіозной, общественной и политической жизни сѣверо-западной Россіи второй половины 18-го столѣтія. Какъ искусному политическому дѣятелю и неусыпному пастырю, ревностному защитнику православія и русской народности, ему Бѣлоруссія обязана не только сохраненіемъ своей православной вѣры при всѣхъ невзгодахъ, какія приходилось ей испытывать подъ властію польскаго правительства, но и освобожденіемъ ея отъ того тяжелаго польскаго ига, подъ которымъ 200 лѣтъ она страдала. Ему въ значительной степени была обязана и Россія успѣхомъ не только перваго, но и другихъ раздѣловъ Польши. Ему также принадлежитъ начало и великаго дѣла возсоединенія уніатовъ съ православною церковію. Еслибы не Конискій, то—кто знаетъ? — можетъ быть бѣлорусская церковь еще долгое время и послѣ 1772 года томилась бы подъ гнётомъ фанатизма и изувѣрства католиковъ.—Извѣстенъ Г. такъ же и какъ славный церковный ораторъ, «восхищавшій Бѣлоруссію своими умными и трогательными поученіями и удивлявшій иногда даже самихъ иностранцевъ». Проповѣди его—жизненныя, съ практическимъ направленіемъ—служатъ для историка вѣрнымъ показателемъ религіозно-нравственнаго настроенія екатерининскаго вѣка и прекраснымъ памятникомъ безбоязненнаго и своевременнаго обличенія распространявшагося невѣрія, вольнодумства и порчи нравовъ современнаго Конисскому бѣлорусскаго общества.

Г. (въ мірѣ Григорій) былъ сыномъ бургомистра г. Нѣжина, родился 20 ноября 1717 года. 11-ти лѣтъ онъ былъ отданъ въ кіевскую духовную академію, гдѣ съ отличнымъ успѣхомъ и окончилъ полный курсъ, въ 1743 г., основательно изучивъ, какъ богословіе, философію (подъ руководствомъ славнаго Сильвестра Кулябки), исторію, риторику и поэзію, такъ и языки—латинскій, польскій, греческій, еврейскій и нѣмецкій (подъ руководствомъ знаменитаго филолога Симона Тодорскаго). 11 авг. 1744 г. Г. принялъ монашество въ кіево-печерской лаврѣ, причемъ имъ же самимъ было сказано тогда «слово» на текстъ изъ еванг. отъ Марка 10 гл. 29—30 ст. («Слово» это находится въ рукописномъ сборникѣ кіево-михайловскаго монаст.). Съ 1745 г. и по 1755 г. Г. служилъ въ воспитавшей его академіи, сначала въ должности учителя піитики, потомъ (съ 1747 г.) профессора философіи и префекта академіи, а съ 1751 г. профессора богословія и, наконецъ, (съ 1721 г.)—ректора академіи, съ возведеніемъ въ санъ архимандрита. Памятникомъ выдающейся профессорской дѣятельности его служатъ хранящіяся и доселѣ въ рукописи усовершенствованныя, по сравненію съ предшествовавшими, руководства и системы преподаваемыхъ имъ наукъ—піитики, философіи и богословія. Кромѣ того, въ должности учителя піитики онъ писалъ стихи и духовныя драмы, изъ которыхъ особенно извѣстна его «Трагедокомедія о воскресеніи мертвыхъ...», направленная противъ безбожія (напечатана въ «Лѣтописяхъ русск. литер.», т. III). Какъ мудрый и опытный ректоръ академія, онъ довелъ ее до высшей степени процвѣтанія и славы. — 20 авг. 1755 г. Г. былъ посвященъ въ Кіевѣ въ епископа бѣлорусскаго. Бѣлорусская епархія входила тогда въ предѣлы польскаго королевства и была тамъ единственною православною епархіею, вмѣсто долженствовавшихъ быть четырехъ. Тяжелое время переживала она тогда. Всѣ силы господствовавшихъ тамъ католицизма и уніи были направлены къ тому, чтобы и эту единую православную епархію совратить въ унію и затѣмъ окончательно слить съ католичествомъ. И чего-чего только ни измышляло для сего польско-католическое и уніатское изувѣрство и фанатизмъ! Какими жестокостями ни преслѣдовало оно православныхъ! Яркую картину сего рисуетъ самъ Г. въ словѣ своемъ (въ 1767 г.) на день рожденія императрицы Екатерины II. Тяжелая и страшная борьба

съ врагами православія предстояла Г. на новомъ мѣстѣ его служенія, но онъ безбоязненно вступилъ въ нее непоколебимый вѣрою въ Промыслъ Божій, защищающій правоту. Для поднятія умственнаго и нравственнаго состоянія своей паствы прежде всего и духовенства онъ открываетъ въ Могилевѣ, въ 1757 г., первоначальную школу для духовенства, а при архіерейскомъ домѣ устрояетъ типографію, въ которой и печатаетъ первымъ дѣломъ «Катихизисъ» Ѳеофана Прокоповича, съ своими дополненіями; посылаетъ рядъ донесеній въ св. синодъ о разнаго рода притѣсненіяхъ его пасомыхъ, съ просьбою о защитѣ ихъ; а въ 1762 г. и самъ ѣдетъ въ Москву на коронацію императрицы Екатерины II. Здѣсь въ рѣчи предъ императрицею, 29 сент. 1762 г., ярко и картинно изображаетъ печальное состояніе православной вѣры въ Польшѣ и со слезами проситъ императрицу о защитѣ, которая послѣ сего твердо и рѣшается принять гонимыхъ подъ свою защиту. Изъ Москвы Г. вмѣстѣ со дворомъ переѣзжаетъ въ Петербургъ, гдѣ и живетъ до начала 1765 г., работая на благо своей паствы. Въ это время св. синодъ хотѣлъ перевести Г. въ Псковъ, но императрица оставила его въ Польшѣ. «Г. нуженъ въ Польшѣ», многознаменательно отвѣтила она синоду. Лѣтомъ 1765 г. Г. ѣдетъ, подъ охраной русской стражи, въ Варшаву, чтобы представиться новому польскому королю (Станиславу Понятовскому) и получить отъ него подтвердительную грамоту на епископскую каѳедру. Здѣсь 27 іюля онъ произноситъ предъ королемъ на латинскомъ языкѣ блестящую рѣчь въ защиту православныхъ, поразившую самихъ поляковъ и затѣмъ переведенную на разные европейскіе языки (По выслушаніи рѣчи, король спросилъ Г.: «Много ли такихъ, какъ вы, умныхъ людей въ Россіи?—Я самый послѣдній», отвѣчалъ смиренно святитель). Послѣ рѣчи Г. подалъ польскому правительству меморіалъ, гдѣ обстоятельно разсматриваетъ вопросъ о положеніи православныхъ во всѣхъ западно-русскихъ епархіяхъ. Меморіалъ вызвалъ споры, для разрѣшенія которыхъ Г. и пришлось долго жить въ Варшавѣ, изучая юридическіе и историческіе акты и документы, чтобы на основаніи ихъ доказать законность его требованій. Плодомъ такихъ занятій Г.; явилось обстоятельное сочиненіе его на польскомъ языкѣ: «Права и вольности жителей греческаго исповѣданія въ Польшѣ и Литвѣ», изд. 1767 г. Въ то же время онъ принималъ самое дѣятельное участіе въ открывшихся тогда королевскихъ сеймахъ и конфедераціяхъ диссидентовъ, чѣмъ много и способствовалъ утвержденію трактата между Россіею и Польшею, отъ 13 февр. 1768 г., которымъ дарованы были диссидентамъ права, равныя съ правами католиковъ, и для разбирательства религіозныхъ споровъ учрежденъ былъ смѣшанный судъ, членомъ котораго былъ назначенъ и Г. Но такъ какъ трактатъ 13 февр. поляками не исполнялся и преслѣдованія православныхъ продолжались, то Г. опять пришлось ходатайствовать предъ русскимъ правительствомъ за гонимыхъ православныхъ. Конецъ этимъ гоненіямъ въ его епархіи былъ положенъ въ 1772 году первымъ раздѣломъ Польши, по которому Бѣлоруссія была присоединена къ Россіи и Г. былъ оставленъ здѣсь епископомъ на прежнемъ положеніи. За время столь тяжелой борьбы Г. съ врагами православія, или по его выраженію «волками», онъ дважды едва не былъ ими убитъ: въ 1759 г. въ г. Оршѣ, въ кутеинскомъ монаст., и въ 1760 г. въ Могилевѣ въ самомъ архіерейскомъ домѣ. Слѣдующіе 22 года своей жизни Г., по его словамъ въ эпитафіи, «какъ пастырь, отдыхалъ съ овцами». Въ началѣ 1773 г. онъ въ Петербургѣ въ блестящей рѣчи благодаритъ государыню за оказанныя ею благодѣянія его паствѣ и потомъ, по возвращеніи въ Могилевъ, усиленно хлопочетъ предъ правительствомъ о разрѣшеніи уніатамъ свободно переходить изъ уніи въ православіе. Въ 1780 году хлопоты его объ этомъ увѣнчиваются успѣхомъ: «двери въ православіе отворяются узникамъ уніи»,

и въ теченіе 3-хъ лѣтъ (1781—83 гг.) въ его епархіи возсоединяется съ православіемъ 112,578 уніатовъ. Не переставалъ хлопотать предъ русскимъ правительствомъ въ то же время Г. и за православныхъ жителей, оставшихся въ подданствѣ Польши послѣ перваго раздѣла ея, помогалъ имъ своими мудрыми совѣтами и добился учрежденія и для нихъ православной епископіи съ мѣстожительствомъ епископа въ г. Слуцкѣ.—Послѣднія 15 лѣтъ жизни Г. посвятилъ заботамъ о внутреннемъ благоустройствѣ своей епархіи, объ утвержденіи въ ней истинной вѣры и чистой нравственности; посылалъ духовенству увѣщательныя грамоты — въ 1783 году о запрещеніи обливательнаго крещенія, въ 1789 г. о запрещеніи небрежнаго исполненія таинства исповѣди; усердно говорилъ проповѣди, «для сбереженія же христіанъ отъ заразы» анти-религіозной написалъ отвѣтъ на «Письмо г. Вольтера къ учителямъ Церкви и богословамъ». Въ это же время онъ окончательно благоустроилъ духовную семинарію, выстроилъ для нея въ 1785 году новое каменное зданіе. Г. же построилъ въ Могилевѣ и существующій нынѣ архіерейскій каменный домъ. Прежній же домъ, деревянный, и землю подарилъ лютеранамъ, въ благодарность за что послѣдніе и поставили въ построенной на подаренной землѣ киркѣ портретъ Г. рядомъ съ Лютеромъ (Портретъ этотъ находится въ киркѣ и по нынѣ). Стараніями Г. въ 1780 г. былъ заложенъ въ Могилевѣ, въ бытность тамъ императрицы Екатерины II и австрійскаго императора Іосифа II, новый соборъ во имя св. Іосифа Обручника. Въ 1787 г. Г. привѣтствовалъ въ соборѣ г. Мстиславля императрицу Екатерину II своей знаменитой рѣчью («Оставимъ астрономамъ доказывать....»).— Кромѣ проповѣдей, выдержавшихъ четыре изданія (въ 1761 г. изд. самаго Г., въ 1835 и 1861 гг. изд. прот. І. Григоровича и въ 1892 г изд. ред. «Могилевскихъ Епарх. Вѣдом.»), и вышеупомянутыхъ сочиненій и рѣчей, перу Г. принадлежатъ еще слѣдующія: «О должностяхъ пресвитеровъ приходскихъ» (написано вмѣстѣ съ Парѳеніемъ, еписк. смоленскимъ); «Записки о томъ, что въ Россіи до конца XVI стол. не было никакой уніи съ римскою церковію» (напечатана въ «Чтеніяхъ Московск. Общ. Исторіи и Древн.» за 1847 г., № 8); «Историческое извѣстіе о епархіи бѣлорусской и другихъ епископіяхъ, бывшихъ въ Польшѣ и обращенныхъ въ унію»; «Мысли» его изъ области вѣры и нравственности и разнаго рода надписи, особенно къ иконамъ, и эпитафія самому себѣ. Долгое время приписываемая Г. «Исторія Руссовъ или Малой Россіи», какъ доказано нынѣ, не принадлежитъ ему («Кіевск. Стар.», 1891 г., № 4).—За всѣ «претерпѣнные труды и непогоду», 23 сент. 1783 г., Г. былъ возведенъ въ санъ архіепископа и члена св. синода.—Въ домашней жизни Г. былъ простъ и со всѣми обходителенъ; былъ благотворителенъ какъ роднымъ, такъ и чужимъ. Скончался Г. 13 февр. 1795 г. и погребенъ въ г. Могилевѣ въ спасской церкви за правымъ клиросомъ. На стѣнѣ, надъ мѣстомъ его погребенія, и доселѣ виситъ мѣдная доска съ вырѣзанною на ней эпитафіей. Память о Г. и доселѣ свято чтится въ могилевской епархіи.

О Георгіи Конисскомъ, кромѣ общихъ сочиненій по западно-русской и общерусской гражданской и церковной исторіи 18-го вѣка, см. *Пушкинъ*, А. «О сочин. Георгія К.» («Современникъ», 1836, кн. I, а также «Сочин. А. С. Пушкина», под. ред. Морозова, т. V); *Соловьевъ*, «Исторія паденія Польши»; *Костомаровъ*, «Послѣдніе годы Рѣчи Посполитой» и отдѣльныя статьи: *Малиновскій*, «Проповѣдническая дѣятельность Георгія Конисскаго» («Руков. для сельск. паст.», 1871 г., №№ 25, 26, 27 и 29); *Павловичъ*, «Георгій Конисскій» («Христ. Чт.», 1873 г., №№ 1 и 7); *Георгіевскій*, «Проповѣди Георгія Конисскаго» («Тр Кіевск. Дух. Акад.», 1893 г., кн. 1); *Маиьевичъ*, «Неизданныя стихотворенія архіеп. Георгія Конисскаго» («Тр. Кіевск. дух. Ак.», 1894 г., кн. 1); *Сребницкій*, «Къ біографіи Георгія Конисскаго» (Сборн. Истор. филолог. общ. при инстит. кн. Безбородко въ Нѣжинѣ», т. I); *Бережковъ*, «Георгій Конисскій, какъ проповѣдникъ» (тамъ же); *Ливотовъ*, «Георгій Конисскій, архіеп. Бѣлорусскій» («Русское Обозрѣніе», 1895 г., №№ 3, 4, 6).

Ефр. Лукашовъ.

ГЕОРГІЙ Затворникъ (въ мірѣ Геор-

гій Алексѣевичъ *Машуринъ*), сынъ дворянина, родился въ Вологдѣ въ 1789 г., уже послѣ смерти отца, котораго во время беременности матери убили злоумышленники по ошибкѣ, принявъ его за другое лицо. Неутѣшная 22-хъ лѣтняя вдова осталась на всегда вѣрною мужу, построила себѣ близъ его могилы домикъ за городомъ и проводила съ дѣтьми жизнь въ постоянномъ общеніи съ міромъ загробнымъ. У Г. была старшая сестра, которая, впрочемъ, скоро умерла, и онъ остался однимъ у своей матери. Въ 1807 г. онъ поступилъ юнкеромъ въ лубенскій гусарскій полкъ, потомъ перешелъ въ казанскій драгунскій, дослужился до чина корнета, въ 1818 г. оставилъ военную службу и поступилъ послушникомъ въ задонскій богородицкій монастырь, воронежской епаріи. Годъ онъ провелъ въ послушаніи и безмолвіи, потомъ затворился въ сырой и холодной келліи и провелъ въ затворѣ 5 лѣтъ. Ночью Г. почти не спалъ: читалъ полунощницу и помянникъ, потомъ полагалъ много земныхъ поклоновъ, читалъ канонъ всѣмъ святымъ, три каѳизмы изъ псалтири и житія святыхъ. Это было постоянное его молитвенное правило нощное. Вмѣсто сна позволялъ себѣ только нѣсколько подремать сидя. День также проходилъ въ молитвѣ и чтеніи душеспасительныхъ книгъ. Его пищею была обыкновенно пятикопѣечная булка на два дня, да вода съ уксусомъ. Такъ какъ народъ скоро сталъ собираться къ его келліи, то Г. устроилъ въ ней подземелье, куда и удалялся на день, выходя въ келлію только ночью. Сношенія съ міромъ онъ поддерживалъ посредствомъ записочекъ, которыя клалъ на окнѣ своей келліи. Тяжкіе подвиги и жизнь въ сырой и холодной келліи крайне разстроили здоровье Г. и по требованію настоятеля онъ, вѣрный долгу послушанія, перешелъ послѣ 5-ти лѣтъ затвора въ другую келлію, болѣе удобную. Эта келлія состояла изъ пяти комнатъ. При входѣ въ келлію стоялъ открытый гробъ; въ переднемъ углу—иконы и крышка отъ гроба, передъ иконами столикъ съ крестомъ и евангеліемъ, у стѣнъ скамейки, на полу—рогожа вмѣсто постели, въ небольшомъ шкафикѣ—книги. Кагда онъ замѣчалъ, что имъ овладѣвала лѣность, онъ обливался холодной водой, или бросался въ снѣгъ нагой, или одѣвалъ вериги съ острыми гвоздями. Въ новой келліи онъ сталъ принимать посѣтителей. Каждый посѣтитель долженъ былъ спачала сотворить молитву и входить могъ только тогда, если слышенъ извнутри аминь. Вмѣстѣ съ входящимъ Г. полагалъ три поклона предъ иконами, потомъ вмѣстѣ съ нимъ прикладывался ко кресту и евангелію, лежавшимъ на столикѣ у иконъ, потомъ оба кланялись другъ другу въ ноги, потомъ давали другъ другу братское лобзаніе, а послѣ этого начиналась и бесѣда. Не всѣхъ онъ принималъ. Часто получалъ письма, на иныя отвѣчалъ, на другія нѣтъ, нѣкоторыя сжигалъ даже не раскрывая. Утомленный множествомъ посѣтителей и писемъ, онъ хотѣлъ было уйти въ другое мѣсто, но къ нему однажды явился нѣкто и сказалъ отъ имени старца Серафима саровскаго, чтобы онъ не оставлялъ своего насиженнаго мѣста, и Г. послушался. Онъ былъ извѣстенъ даромъ прозорливости. 25 мая 1836 г., давно приготовившись къ тому, Г. скончался въ молитвенномъ положеніи предъ образомъ страшнаго суда, въ понедѣльникъ во время ранней обѣдни, въ 7-мъ часу утра. Онъ былъ тайно пострижемъ съ именемъ Стратоникъ, но такъ себя никогда не называлъ ни устно, ни письменно, и въ памяти народной онъ остался съ именемъ Г.-Затворника. Мать его скончалась вскорѣ по поступленіи его въ военную службу. Въ 1827 г. съ него былъ написанъ портретъ для его почитательницы и благотворительницы Марьи Петровны Колычевой. Въ 1839 г. почитатель почившаго Порфирій Григоровъ, впослѣдствіи ставшій монахомъ козельской введенской оптиной пустыни и скончавшійся въ 1845 г., собралъ и издалъ письма и замѣтки Г. Въ 1844—1845 г.г. изданіе было повторено и, наконецъ, «Письма въ Бозѣ почивающаго затворника задонскаго богородицкаго монастыря Георгія, съ присовокупленіемъ краткаго извѣстія о жизни

его», въ 1870 г., Спб., вышло 5-мъ изданіемъ, въ трехъ частяхъ. Напечатано 897 писемъ, нѣсколько замѣтокъ при чтеніи книгъ, записочки, которыя были наклеены на стѣнахъ келліи, и нѣсколько стихотвореній. Содержаніе писемъ, весьма разнообразное, сводится въ сущности къ одному: въ нихъ изложены простымъ, доступнымъ каждому языкомъ высокія истины евангелія, правила христіанской нравственности и богоугодной жизни; изложеніе, какъ и устное слово старца, согрѣто тою внутреннею теплотою религіознаго чувства, которая всегда служитъ отличительною чертою сердца, дышущаго добромъ и любовію къ ближнимъ.

«Письма... затворника Г., собранныя Порфиріемъ Григоровымъ», Спб. 1870, изд. 5-е, въ 3-хъ ч.ч., съ біографіей, портретомъ, автографомъ, видомъ часовни и плиты надъ могилой и таблицей побѣдныхъ добродѣтелей, поражающихъ всѣ грѣхи и самого діавола, изображеннаго въ змѣиномъ видѣ.—Прот. *К. Добронравинъ*, «Георгій, затворникъ задонскаго монастыря», Спб. 1869.—*Л. Денисовъ*, «Жизнь, избранныя письма, мысли и стихотворенія Георгія, затворника задонскаго», М. 1896. — «Ворон. Е. Вѣд.».

С. Рункевичъ.

ГЕОРГІЙ (въ мірѣ Гурій), игуменъ, настоятель борковской пустыни, вязниковскаго уѣзда. Происходилъ изъ простого сословія, еще въ отрочествѣ началъ подвиги иночества и окрѣпъ въ нихъ подъ руководствомъ великаго старца—Серафима саровскаго, у котораго жилъ немалое время. Управляя своею пустынью, онъ своими простотою, чистосердечіемъ, разсудительностію, строгою жизнью и великимъ опытомъ въ духовной жизни, заслужилъ себѣ широкую извѣстность, такъ что къ нему въ монастырь помолиться и попоститься приходили благочестивые люди изъ далекихъ мѣстъ. † 12 іюня 1866 г.

«Владим. Е. В.» 1866 г., №№ 13 и 14.

С. Рункевичъ.

ГЕОРГІЙ Піонткевичъ, іеросхимонахъ, изъ дворянъ кіевской губерніи, родился въ 1796 г., въ 1852 г., поступилъ въ дерманскій монастырь, волынской епархіи, въ 1861 г. постриженъ въ монашество и рукоположенъ въ іеромонаха, въ 1877 г. принялъ схиму. Принадлежалъ къ числу тѣхъ, хотя невидныхъ свѣту, но истинныхъ подвижниковъ, которыми, по милости Божіей, не оскудѣла русская земля. Все время, за исключеніемъ 3—4 часовъ въ сутки, онъ проводилъ въ молитвѣ, постоянно старался совершать церковное богослуженіе—за себя и за другихъ, отличался кротостью, смиреніемъ и безпримѣрнымъ милосердіемъ къ нуждающимся—безъ различія вѣроисповѣданія и національности. Когда онъ скончался, 19 февраля 1881 г., его гробъ окружили тѣсною стѣной не только православные, но и католики и евреи. Погребенъ за алтарною частію свято-троицкой церкви дерманскаго монастыря.

«Волынскія Е. Вѣд.» 1881 г., № 10.

С. Рункевичъ.

ГЕППЕ Генрихъ, реформатскій богословъ (род. въ Касселѣ, 1820 г.; ум. въ Марбургѣ, 1879 г.), учился въ марбургскомъ университетѣ (1839—43 г.), въ которомъ въ 1850 г. сдѣланъ экстраорд. профессоромъ, а въ 1860 г. орд. профессоромъ богословія. Хотя и не будучи человѣкомъ первоклассныхъ дарованій, онъ издалъ много полезныхъ сочиненій, обнаруживающихъ большую усидчивость и ученость. Изъ его сочиненій наиболѣе извѣстны: по богословію — «Догматика протестантизма въ XVI столѣтіи» (Гота, 1857 г., въ 3 т.); «Происхожденіе и исторія наименованій «реформатская» и «лютеранская» церкви» (Гота, 1859 г.); «Догматика евангелико-реформатской церкви» (Эльберфельдъ, 1860 г.); по исторіи—«Исторія Гессенихъ генеральныхъ синодовъ съ 1568—1582 г.» (Кассель, 1847 г., въ 2 т.); «Исторія нѣмецкаго протестантизма въ годы 1555—85» (Марбургъ, 1852—59 г., въ 3 т.); «Къ исторіи евангелической церкви въ Рейнскихъ областяхъ и Вестфаліи» (Изерлонъ, 1867 г.); «Исторія богословскаго факультета въ Марбургѣ» (Марбургъ, 1873 г.); «Исторія квіетистической мистики въ католической церкви» (Берлинъ, 1875 г.). Затѣмъ, ему же принадлежатъ нѣсколько сочиненій смѣшаннаго характера, какъ: «Конфессіональное развитіе старой

протестантской церкви въ Германіи» (Марбургъ, 1854 г.); «Символическія книги реформатскихъ церквей Германіи» (Эльберфельдъ, 1860 г.); «Филиппъ Меланхтонъ» (Марбургъ, 1860 г.); «Өеодоръ Беза» (Эльберфельдъ, 1861 г.); «Христіанская этика и христіанскія правоученія» (Эльберфельдъ, 1882 г.).

ГЕРАСИМЪ (почтенный) преподобный, родомъ изъ Ликіи, өивскій подвижникъ, основалъ въ 450 г. обитель на берегахъ р. Іордана, по образу өивскихъ пустынниковъ, скончался въ 475 г., еще при жизни былъ прославленъ многими особенными дарами Божіей благодати, напр., дикіе звѣри не боялись его и левъ служилъ ему за осла. *Пам. 4 марта.*

ГЕРАСИМЪ—имя трехъ патріарховъ константинопольскихъ. Изъ нихъ: 1) **Герасимъ I** занималъ каөедру только одинъ годъ, съ апрѣля 1320 г. до апрѣля 1321 года. Онъ родился въ городѣ Филадельфіи, былъ монахомъ и игуменомъ монастыря сосандрскаго, построеннаго императоромъ Іоанномъ Ватацей (XIII в.), а потомъ принадлежалъ къ братіи монастыря манганскаго въ Константинополѣ. Г. былъ старецъ благочестивой и строгой жизни, но неученый и лишенный энергіи, «сѣдой волосами, по выраженію византійскаго историка Франдзи, но безполезный по своему характеру». Онъ былъ послушнымъ орудіемъ въ рукахъ свѣтской власти, неопытенъ въ дѣлахъ общественныхъ и гражданскихъ. Однако патріархъ принималъ участіе въ междоусобной борьбѣ императора Андроника Старшаго и его внука, Андроника Младшаго, добивавшагося престола, причемъ держалъ сторону внука. Онъ скончался 19 апрѣля 1321 года въ ту ночь, въ которую Андроникъ Младшій бѣжалъ изъ Константинополя, предупрежденный патріархомъ о намѣреніи царя схватить его и предать смерти.—2) **Герасимъ II** занималъ константинопольскую патріаршую каөедру съ 21 іюля 1673 года до начала 1675 г. Его патріаршество не ознаменовалось какими-либо выдающимися событіями, а равно ничего неизвѣстно и изъ предшествующей его дѣятельности. Извѣстно только, что, отказавшись отъ патріаршаго престола, Г. получилъ для управленія митрополію хіосскую, а послѣ—архіепископію андросскую (1677 г.) и митрополію паронаксійскую (1684 г.).—3) **Герасимъ III** былъ избранъ на патріаршій престолъ 3 марта 1794 года и занималъ его до 19 апрѣля 1797 г. Онъ родился въ началѣ XVIII вѣка на островѣ Кипрѣ, прекрасно изучилъ греческій языкъ, такъ что славился познаніями въ области греческой письменности, и отличался безукоризненною нравственною жизнію. Въ 1762 году онъ былъ избранъ на византійскую митрополичью каөедру, а въ 1767 году, при патріархѣ Самуилѣ, былъ назначенъ схолархомъ (ректоромъ) патріаршей академіи въ Константинополѣ, которою и управлялъ два года. Въ 1783 г. Г. былъ перемѣщенъ на митрополію никомидійскую, а въ 1791 г.—на митрополію деркскую, откуда и возведенъ на патріаршій престолъ. Въ званіи патріарха, киръ Г. пользовался уваженіемъ и за свою добродѣтельную жизнь, и за архипастырскую опытность. Изъ его распоряженій извѣстны: запрещеніе бывшимъ патріархамъ жить въ предѣлахъ Дарданеллъ, присоединеніе (въ 1794 г.) храма Живоноснаго Источника къ константинопольской архіепископіи, тогда какъ раньше принадлежалъ къ епархіи деркской, съ тѣмъ, чтобы доходы отъ него шли на содержаніе греческихъ больницъ въ Константинополѣ, распоряженіе объ устройствѣ школы въ Эносѣ (1796 г.), признаніе за антіохійскимъ патріархомъ правъ на халепискую митрополію (1794 г.), утвержденіе за ставропигіальнымъ монастыремъ св. апостола и евангелиста Іоанна Богослова на островѣ Патмосѣ прежнихъ его правъ и преимуществъ (1795 г.), признаніе правъ ставропигіи за монастыремъ Махерады на островѣ Кипрѣ, распоряженіе о внутреннемъ благоустройствѣ монастыря Петраки въ честь Безплотныхъ Силъ, близъ Аөинъ (1796 г.), и другія. Патріархъ Г. управлялъ константинопольской церковью не до конца своей жизни, по вынужденъ былъ отказаться отъ каөедры и нѣкоторое время

жилъ въ Константинополѣ, а потомъ въ Ѳессалоникѣ, гдѣ и скончался.

Литература: Свѣдѣнія о Г. I—III можно находить у византійскихъ историковъ Никифора *Григоры*, Іоанна *Кантакузина*, Георгія *Франдзи* и *Ефремія*. Сравн. Μανουήλ Γεδεών, Πατριαρχικοὶ πίνακες.

И. Соколовъ.

ГЕРАСИМЪ Даніил. Смотрицкій, ученый мужъ, строгій ревнитель православія, пользовавшійся уваженіемъ среди русскихъ,—жилъ въ то время, когда православіе на Западѣ подвергалось сильнымъ нападкамъ со стороны іезуитовъ. Сначала Г. Смотр. былъ подстаростою каменецкимъ (1574 г.). Но когда ок. 1580 г. кн. Конст. Острожскій основалъ школу, въ которой обучали не только славянскому языку, но и наукамъ греческимъ и латинскимъ, то вызвалъ Смотр. въ Острогъ и опредѣлилъ его ректоромъ (первымъ) этой школы, назначивъ ему жалованье и подаривъ два села. Школу свою Г. называлъ академіею (въ прим. къ «кал. р. н.»).—Стоя близко къ дѣлу предпринятаго кн. Острожскимъ изданія Библіи, Смотр., по всей вѣроятности, принималъ участіе въ трудахъ по приготовленію текста для этой Библіи и написалъ для нея предисловіе и стихи (силлабическіе); здѣсь говорится о святости и пользѣ книгъ Св. Писанія и кратко передается исторія изданія ихъ.—Кромѣ того, Г. Смотр. принадлежитъ сочиненіе «Календарь римскы новы»; оно напечатано въ Острогѣ въ 1857 г. послѣ того, какъ въ 1852 г. папою Григоріемъ XIII обнародована была булла о введеніи новаго календаря, которымъ поспѣшили воспользоваться іезуиты въ цѣляхъ обезпеченія успѣха своей пропаганды и тѣмъ вызвали среди православныхъ волненіе.

Фил., Обз. р. ц. лит., т. 1, стр. 171; Ист. р. ц., т. III, стр. 75. *Мак.*, Ист. р. ц., т. IV, стр. 273, 411, 412 и др. *Д.*

ГЕРАСИМЪ (въ мірѣ Георгій Ивановичъ Добросердовъ), епископъ, типъ архіерея стараго времени въ лучшемъ значеніи этого слова: мужъ мудрый, самобытный, образованный, съ евангельскою простотою сердца, поборникъ высшей справедливости. Его нравственная физіономія отразилась въ его сочиненіяхъ, преимущественно въ дневникѣ и письмахъ. Эти послѣднія произведенія (печатавшіяся въ «Душепол. Чтеніи», 1882, 1883 и 1887 г.г. и отдѣльными оттисками и «Астрах. Еп. Вѣд.», 1879 и 1880 г.г.) запечатлѣны глубокой задушевностью, отличаются благородствомъ чувствъ и мыслей, строгостію къ себѣ и мудрою снисходительностію къ другимъ, полною искренностію чувствъ и спокойною простотою выраженія. Общее настроеніе этихъ произведеній—лирикомеланхолическое. Главнѣйшіе мотивы—св. дружба, живая вѣра, любовь къ родному мѣсту, воспоминаніе о далекомъ прошломъ. «Преданность волѣ Божіей, самообличеніе, вѣра въ любовь при злостраданіяхъ, тихая скорбь о людской холодности и порчѣ нравовъ, кроткая грусть,—вотъ обычное содержаніе дневника и писемъ. Въ нихъ есть плѣнительная, простодушная своего рода прелесть, правильная живопись, свободная образность языка, въ которомъ лежитъ отблескъ изящества, благопристойности. Эго поклоненіе всему прекрасному и высокому, служеніе добру и святынѣ, любовь къ человѣчеству, стремленіе къ свѣту науки, благоговѣніе предъ всѣми родами духовнаго величія, осужденіе всякой хитрости, насилія и мрака,—вотъ постоянныя и отнюдь не прикрашенныя черты дневника и писемъ преосв. Г».

Подробная біографія за время до 1855 г. напечатана въ «Душеп. Чт.» 1865 г. (есть и оттиски), краткая, съ портретомъ, въ брошюркѣ «Преосв. Г., еп. астраханскій», М. 1888. См. также «Астрах. Е. В.» 1880 г., №№ 26 и 27 и 1894 г., № 8. Въ «Странникѣ» 1870 г. преосв. Г. напечаталъ воспоминанія о свящ. В. Я. Архангельскомъ; отдѣльною брошюрой: «Блаженный Андрей Ильичъ», 2-е изд., Пенза, 1895. См. также подъ словомъ «Астрах. Епархія» во II т. «Энциклопедіи».

С. Рункевичъ.

ГЕРБЕЛОТЪ Бартелеми, оріенталистъ, род. въ Парижѣ, 1625; ум. тамъ же, 1695. Вся его жизнь прошла надъ составленіемъ его драгоцѣнной сокровищницы восточной учености, — «Восточной библіотеки или всеобщаго словаря, содержащаго вообще все, что относит-

ся къ познанію народовъ Востока», изданной Галландомъ (Парижъ, 1697 г.). Это, главнымъ образомъ, сокращенный переводъ огромной «Біографической и Библіографической Энциклопедіи» Хайджи Хальфа, но дополненной на основаніи различныхъ источниковъ. Несмотря на случайныя неточности и противорѣчія, эта Библіотека служитъ «весьма цѣннымъ источникомъ многихъ свѣдѣній и для другихъ, кромѣ оріенталистовъ и въ этомъ смыслѣ продолжаетъ сохранять свою важность». Она была перепечатана безъ измѣненія въ Мастрихтѣ, 1776 г., и съ дополненіями Галландомъ въ Гаагѣ, 1777—1779 г., въ 4 т.; перепечатана въ Местрихтѣ въ 1780 г.; нѣм. пер., Галле, 1785—1790 г., въ 4 т.

Гервасій (копьеносецъ) — мученикъ, пострадалъ въ Медіоланѣ при Неронѣ, былъ засѣченъ оловянными прутьями. *Пам. 14 окт.*

ГЕРВАСІЙ и Протасій два брата, которые были замучены въ Равеннѣ въ царствованіе Нерона и затѣмъ совершенно забыты, пока особымъ видѣніемъ не было открыто св. Амвросію Медіоланскому о мѣстонахожденіи ихъ мощей. Это видѣніе и чудеса, вслѣдъ за тѣмъ совершавшіяся отъ мощей, послужили для св. Амвросія доказательствомъ истины православія въ его борьбѣ съ аріанами. Подробныя свѣдѣнія объ этихъ мученикахъ находятся въ Acta SS. подъ *19 іюня.*

ГЕРВАСІЙ Линцевскій, епископъ. Сынъ священника, родился въ Кіевѣ въ 1683 г., образованіе получилъ въ кіевской академіи, по окончаніи академическаго курса былъ въ академіи учителемъ, потомъ принялъ монашество, былъ намѣстникомъ кіевомихайловскаго монастыря, въ 1742 г. возведенъ въ архимандрита и назначенъ начальникомъ пекинской духовной миссіи и настоятелемъ пекинскаго срѣтенскаго монастыря; въ 1755 г. онъ вернулся въ Россію съ прекрасною аттестаціей отъ китайскаго правительства и оставался въ Москвѣ; 27 іюля 1757 г. хиротонисанъ во епископа переяславскаго и бориспольскаго. Состоя на каѳедрѣ епархіи, въ значительной части которой (правая сторона Днѣпра, бывшая подъ Польшей) римскій католицизмъ и унія въ это время съ особенною силою обрушились на православіе, въ виду зарождавшагося уже возсоединенія, преосвящ. Г. оказался на высотѣ своего положенія: онъ разсылалъ по епархіи архипастырскія посланія съ увѣщаніемъ твердо и стойко бороться съ уніей и католичествомъ (напечатаны въ «Кіевск. Еп. Вѣд.» 1862 г., № 22 и 1863 г., № 6), заботился о благоустройствѣ церковномъ, значительно пошатнувшемся во времена господства уніи (замѣчательное посланіе напечатано въ «Страннікѣ» 1872 г., кн. 8; вступительное посланіе въ «Маякѣ» 1843 г.; членамъ дух. правленія — въ «Кіевск. Е. В.» 1864 г., № 6) и т. п. Изъ распоряженій его по переяславской епархіи обращаютъ на себя вниманіе нѣкоторыя по своей характерности. Такъ, преосв. Г. приказывалъ протопопу провинившихся священниковъ «смирять тюрьмою и «цѣпою удручать», востретилъ просить посвященія не прошедшимъ риторики; распорядился, чтобы за браки не было взимаемо болѣе 1 р.; вдовамъ священниковъ предоставилъ представлять взрослыхъ дочерей въ Переяславъ, гдѣ консисторія обязывалась доставлять имъ мужей изъ добропорядочныхъ семинаристовъ; обязалъ священниковъ носить приличную сану темную одежду подъ угрозою отбирать «бѣлыя шубы и юпки поверху, таможъ и шапки каплоухія», а взамѣнъ снабжать изготовленнымъ подрядчиками платьемъ; предписалъ по епархіи, чтобы въ метрическія записи о рожденіи и крещеніи незаконнорожденныхъ священники вносили и отца, незаконно прижившаго ребенка.

Дѣятельность преосв. Г. по оживленію православной церковной жизни въ области, бывшей подъ польскимъ владычествомъ, была истолкована польскимъ правительствомъ въ смыслѣ возмущенія польскихъ подданныхъ, поэтому, когда дѣйствительно вспыхнуло возстаніе, извѣстное подъ именемъ гайдамачины, Г., по представленію польскаго правительства, былъ удаленъ изъ Пе-

реяслава съ обязательствомъ имѣть пребываніе въ Кіевѣ, хотя и управлять попрежнему переяславскою епархіей. Но, очутившись въ такомъ положеніи, этотъ борецъ за православіе сразу почувствовалъ себя скверно, протянулъ еле годъ и скончался, на 86-мъ году жизни, 22 декабря 1769 г., въ 9-мъ часу утра. Погребенъ въ Переяславѣ, въ б. каѳедральномъ вознесенскомъ соборѣ, въ усыпальницѣ подъ лѣвымъ клиросомъ.

«Странникъ» 1872 г., 8 и 9.—«Полтавскія Е. В.» 1863 и 1867 г.г. —Акты Юго-западной Россіи. *С. Рункевичъ.*

ГЕРГАРДЪ Іоганнъ, род. въ Кведленбургѣ, 1582 г.; ум. въ Іенѣ, 1637 г.; изучалъ сначала медицину въ Виттенбергѣ, затѣмъ богословіе въ Іенѣ и Марбургѣ; въ 1606 г. назначенъ былъ суперъ-интендентомъ гедльбургскимъ, но въ 1615 г. перешелъ въ Іену въ качествѣ профессора богословія. Онъ былъ однимъ изъ героевъ лютеранской ортодоксіи, безспорно самымъ ученымъ и, среди ученыхъ того вѣка, несомнѣнно, самымъ симпатичнымъ. Какъ догматистъ, онъ пріобрѣлъ особенно большую извѣстность своими сочиненіями: «Ученіе католическое и евангелическое» (1634 г., 3 тома), и Loci communes theologici (Іена, 1610—22 г., въ 9 томахъ; новое изд., Лейпцигъ, 1863—76 г., въ 10 томахъ). Прогрессъ, который онъ сдѣлалъ, по сравненію съ своими предшественниками, Хемницемъ и Гуттеромъ, состоитъ отчасти въ болѣе совершенной систематизаціи, отчасти въ болѣе глубокой и умозрительной аргументаціи догматовъ, но особенно въ полнотѣ и обстоятельности изслѣдованія. Изъ его экзегетическихъ трудовъ, отличающихся богатствомъ патристической учености, наибольшую важность имѣетъ «Комментарій на гармонію евангельской исторіи о страданіяхъ и воскресеніи Христа» (1617 г.). Его комментаріи на Ветхій Завѣтъ, изданные послѣ его смерти, не пользовались особою извѣстностью. Кромѣ того, онъ издалъ нѣсколько назидательныхъ книгъ, изъ которыхъ его «Священныя размышленія» появились въ 1606 г. и часто перепечатывались и переводились съ латинскаго на нѣмецкій (3-е изд. нѣм. перевода, Лейпцигъ, 1876 г.). Но его «Школа благочестія» скоро подверглась забвенію. Его Encheridion Consolatorium было переиздано и переведено на нѣмецкій языкъ въ 1877 г.

ГЕРГЕНРЁТЕРЪ — римско-католическій ученый, кардиналъ, род. въ Вюрцбургѣ, въ Баваріи, 15 сент. 1824 г.; учился въ Вюрцбургѣ и Римѣ, гдѣ въ 1848 г. принялъ священный санъ; послѣдовательно былъ въ мюнхенскомъ университетѣ приватъ-доцентомъ (въ 1851 г.), э.-орд. профессоромъ (1852 г.) и орд. профессоромъ церк. права и исторіи (1855 г.). Въ 1868—69 г. онъ былъ однимъ изъ членовъ комитета по приготовленію къ ватиканскому собору. Это былъ упорный защитникъ догмата папской непогрѣшимости. За это Пій IX сдѣлалъ его однимъ изъ своихъ придворныхъ прелатовъ, а Левъ XIII, 12 мая 1879 г., назначилъ его кардиналъ-діакономъ съ титуломъ св. Николы in carcere и опредѣлилъ ему мѣстопребываніе въ Римѣ, гдѣ онъ сдѣланъ былъ префектомъ апостолическихъ архивовъ. Ему принадлежатъ многочисленныя сочиненія, изъ которыхъ наиболѣе извѣстны: «Церковное государство со времени французской революціи» (Фрейбургъ, 1860 г.); «Фотій, патріархъ константинопольскій» (Регенсбургъ, 1867—69 г., въ 3 т.), одна изъ самыхъ замѣчательныхъ монографій новѣйшаго времени, служившая предметомъ многихъ критическихъ замѣчаній и изслѣдованій и въ нашей русской литературѣ; «Анти-Янусъ» (Фрейбургъ, 1870 г.), составляющій отвѣтъ на извѣстное сочиненіе Дёллингера «Янусъ»; «Католическая церковь и христіанскія государства въ ихъ историческомъ развитіи и въ отношеніи къ вопросамъ настоящаго времени» (1872 г.); «Литературныя приложенія» къ нему (1876 г.); «Переговоры Пьемонта съ св. престоломъ въ XVIII вѣкѣ» (Вюрцбургъ, 1876 г.); «Учебникъ общей церковной исторіи» (Фрейбургъ, 1879—80 г., въ 3 т., 4-е изд. 1902 г.) и др.

ГЕРДЕРЪ Іоганнъ Готфридъ, род. 25 авг. 1744 г. въ Морунгенѣ, въ во-

сточной Пруссіи; ум. въ Веймарѣ 18 дек. 1803 г.; изучалъ богословіе, философію, языки и литературу въ Кенигсбергѣ, гдѣ пользовался дружбою Канта; въ 1764 г. назначенъ былъ учителемъ въ каѳедральную школу въ Ригѣ и въ 1767 г. послѣобѣденнымъ проповѣдникомъ въ одной изъ пригородныхъ церквей. Въ Ригѣ онъ впервые выдѣлился, какъ церковный ораторъ, привлекавшій многочисленныхъ слушателей и въ то же время обратилъ на себя вниманіе литературной Германіи своими сочиненіями подъ заглавіемъ: «Отрывки о нѣмецкой литературѣ» и «Критическіе лѣса». Въ 1769 г. онъ оставилъ Ригу, былъ въ теченіе нѣкотораго времени компаньономъ принца Гольштинъ-Эйтинскаго; въ Страсбургѣ познакомился съ Гёте и Юнгъ-Штиллингомъ; и въ 1771 г. назначенъ былъ придворнымъ проповѣдникомъ и суперъ-интендентомъ въ Брюккенбургѣ. Къ этому періоду его жизни относятся изъ его богословскихъ сочиненій: «Провинціальные Листки», «Лѣтописи человѣческаго рода», «Поясненія изъ новооткрытаго восточнаго источника», и «Письма двухъ братьевъ Іисуса», которыя произвели глубокое впечатлѣніе и установили тотъ взглядъ въ библейской экзегетикѣ, что Библія не просто кодексъ ученія, догматическая система, но и цѣлая литература, на которую нужно смотрѣть съ точки зрѣнія ея времени, мѣста и историческихъ обстоятельствъ, чтобы вполнѣ понимать ее. Въ 1776 г. онъ отправился въ Веймаръ, въ качествѣ придворнаго проповѣдника и генеральнаго суперъ-интендента, и тамъ издалъ самыя зрѣлыя и наиболѣе важныя изъ своихъ произведеній, какъ богословскія, такъ и философскія. Къ первому разряду принадлежатъ его знаменитыя «Идеи къ философіи исторіи», «Богъ» и проч.; къ послѣднему его «Пѣсни любви» (1778 г.)—полуперифразъ, полукомментарій на книгу Пѣснь Пѣсней; «О духѣ еврейской поэзіи» (1782 г.), которое совершенно преобразило все ходячее и научное пониманіе еврейской поэзіи; и особенно его такъ наз. «Христіанскія сочиненія», давшія первый импульсъ къ той необозримой литературѣ, которая вообще стала извѣстна подъ названіемъ «Жизни Іисуса». Не принадлежа ни къ какой спеціальной богословской школѣ, Г. самъ не основалъ никакой школы; но при своемъ широкомъ историческомъ горизонтѣ и живомъ психологическомъ вдохновеніи, онъ оказалъ возвышающее и облагораживающее вліяніе почти на всѣ области богословской науки и христіанской жизни. Въ общемъ изданіи полнаго собранія его сочиненій его богословскія сочиненія занимаютъ первые 12 томовъ.

См. *A. Werner*, Herder als Theolog. 1771. Полное собраніе сочиненій Гердера вышло въ Берлинѣ въ 1877 г. и слѣд. гг. въ 32 томахъ.

ГЕРИКЕ Генрихъ, род. въ 1803 г., въ Веттинѣ, гдѣ его отецъ, впослѣдствіи много лѣтъ состоявшій суперъ-интендентъ въ Галле, былъ лютер. проповѣдникомъ въ замкѣ. Свое гимназическое, какъ и богословское, образованіе даровитый и прилежный юноша получилъ въ Галле. Въ двадцатилѣтнемъ возрастѣ онъ издалъ замѣчательный трактатъ: «Объ огласительной школѣ, процвѣтавшей въ Александріи» (на лат. яз.) и, сдѣлавшись предсѣдателемъ новооснованнаго въ Галле миссіонерскаго союза, уже тогда сталъ въ рѣшительную оппозицію къ раціоналистическимъ вожакамъ богословскаго факультета Галле. Въ 1827 г. онъ издалъ свою, «отъ всего сердца написанную» біографію Франке, въ 1828 г. и слѣд. годахъ—свои «Опыты къ историко-критическому введенію въ Новый Завѣтъ» (въ 1867 г., въ 3-мъ изд., въ качествѣ новозавѣтной исагогики). Ему было 26 лѣтъ отъ роду, когда, благодаря вліянію кронпринца Фридриха Вильгельма, послѣдовало его назначеніе экстраорд. профессоромъ; а въ 30 лѣтъ тюбингенскій факультетъ далъ ему степень доктора богословія. Еще въ томъ же году (1833 г.) вышло его «Руководство къ церковной исторіи» (1866 г. и слѣд. въ 9-мъ изд., 3 тома), во многихъ отношеніяхъ, правда, стоящее въ зависимости отъ Неандера и, какъ вообще сочиненія Г., написанное пыш-

нымъ языкомъ, но въ то же время отличающееся большою точностью и такою объективностью, что даже его противники, по крайней мѣрѣ при позднѣйшихъ изданіяхъ, не могли отказать ему въ свидѣтельствѣ объ этомъ. Такъ называемой «уніи» Г. никогда не сочувствовалъ, а когда онъ увидѣлъ, какія насильственныя мѣропріятія принимало правительство для введенія этой уніи, то рѣшительно возсталъ противъ нея. За это онъ не мало потерпѣлъ, въ 1837 г. былъ лишенъ профессорства, а въ 1838 г. и своей пасторской должности. Тогда онъ опять взялся за перо и издалъ въ 1839 г. свою «Всеобщую христіанскую символику» (3-е изд. 1861 г.) и «Евангелическія проповѣди и исповѣданія на весь церковный годъ». Вступленіе на престолъ Фридриха Вильгельма IV вновь открыло ему путь къ общественной дѣятельности: въ 1840 г. онъ опять получилъ профессуру и до самой смерти не былъ преслѣдуемъ правительствомъ. Еще въ 1840 г. онъ основалъ, вмѣстѣ съ Рудельбахомъ, видный, позже издававшійся Деличемъ, «Журналъ для всего лютеранскаго богословія и церкви». Въ 1843 г., по поводу 50-лѣтняго юбилея своего отца, онъ написалъ «Объ истинной уніи». Въ 1847 г. вышелъ въ свѣтъ его «Учебникъ христіанской церковной археологіи» (2-е изд. 1859 г.). Не мало писалъ онъ противъ такъ называемыхъ «друзей мира». Въ 1852 г. онъ издалъ сочиненіе подъ заглавіемъ «Къ умиротворенію жгучихъ церковныхъ вопросовъ настоящаго времени». Чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе онъ пріобрѣталъ общественное вниманіе, хотя правительство относилось къ нему съ нѣкоторымъ недовѣріемъ. Онъ умеръ 4 февраля 1878 г.

ГЕРЛАХЪ Оттонъ род. въ Берлинѣ, въ 1801 г., и ум. тамъ же, въ 1849 г. Онъ изучалъ сначала законовѣдѣніе въ Гейдельбергѣ и Гёттингенѣ, затѣмъ богословіе въ своемъ родномъ городѣ, и былъ назначенъ проповѣдникомъ елисавстинской церкви тамъ въ 1834 г., и сдѣлался придворнымъ капелланомъ въ 1847 г. Онъ и его одинаково знаменитые братья (изъ которыхъ одинъ былъ извѣстнымъ государственнымъ дѣятелемъ а другой—адъютантомъ короля Фридриха Вильгельма IV) стояли въ тѣсномъ соотношеніи съ Генгстенбергомъ во время возрожденія ортодоксіи и благочестія въ Пруссіи. Онъ перевелъ и издалъ нѣсколько церковныхъ гимновъ, и написалъ весьма полезный общедоступный комментарій на Библію, полное изданіе котораго появилось въ 6 томахъ въ Берлинѣ, въ 1847—53 гг.

Германъ (единоутробный)—имя нѣсколькихъ святыхъ, изъ коихъ одинъ пострадалъ въ 308 г. въ Кесаріи-Палестинской, бывъ усѣченъ мечемъ,—*пам. 13 ноября.* — **Германъ** — преподобный, одинъ изъ мучениковъ, пострадавшихъ въ г. Диррахіѣ при Траянѣ. Мощи его были обрѣтены чрезъ 50 лѣтъ по кончинѣ, *пам. 7 іюля.*—**Германъ**—преподобный Валаамскій (см. Сергій преп. Валаамскій), *пам. 28 іюня.*

ГЕРМАНЪ,—имя четырехъ патріарховъ константинопольскихъ. Изъ нихъ: 1) **Германъ I** занималъ каѳедру съ 1 августа 715 года до 7 января 730 года. Онъ былъ сынъ патриція Юстиніана, занимавшаго высокія государственныя должности, родился въ половинѣ тридцатыхъ годовъ VII столѣтія и учился въ одной изъ высшихъ юридическихъ школъ Византіи. По смерти отца, казненнаго Константиномъ Погонатомъ за участіе въ заговорѣ противъ императоръ Констанція II, Г. былъ сдѣланъ евнухомъ и причисленъ къ клиру великой софійской церкви. Въ званіи клирика Г. усердно занимался изученіемъ Священнаго Писанія и святоотеческой литературы, а также проповѣдничествомъ и, какъ человѣкъ образованный, получилъ вліяніе на дѣла церковныя и политическія. Онъ, вмѣстѣ съ патріархомъ Георгіемъ, былъ главнымъ иниціаторомъ въ дѣлѣ созванія шестого вселенскаго собора, и, вѣроятно, не безъ его участія состоялось созваніе и пято-шестого собора. Заслуги Г. привели его на кизическую митрополичью каѳедру, которую онъ занялъ по окончаніи Труллъскаго собора, или немного спустя. Но кизическая паства отвергла новаго митро-

полита за то, что онъ, вслѣдствіе обычной своей мягкости и уступчивости и подъ вліяніемъ насилія, сочувственно отнесся къ эдикту императора Филиппика, изъ-за государственныхъ интересовъ отмѣнившаго въ 712 году опредѣленіе шестого вселенскаго собора противъ монооелитства. Однако 1 августа 715 года Г. вступилъ на константинопольскую каоедру, при содѣйствіи императора Анастасія, къ религіозной политикѣ котораго онъ относился снисходительно. При императорѣ Өеодосіи въ 716 году Г. созвалъ соборъ, на которомъ было возобновлено опредѣленіе VI вселенскаго собора о двухъ воляхъ во Христѣ и осуждены патріархи: Сергій, Киръ, Павелъ и другіе. Съ воцареніемъ Льва Исавра, въ дѣятельности Г. почти на десять лѣтъ наступило затишье, во время котораго онъ написалъ большинство своихъ сочиненій и принялъ мѣры къ устраненію разномыслія армянъ съ православною церковью. Когда возникла иконоборческая смута, патріархъ Г. вступилъ въ борьбу съ ея виновникомъ — императоромъ Львомъ, который встрѣтивъ въ патріархѣ сильнаго противника и обличителя, сталъ «безстыдно» съ нимъ обращаться и этимъ побудилъ его отказаться отъ патріаршества. Удалившись съ каоедры, Г. поселился въ своемъ помѣстьѣ Платоніи, близъ Константинополя, гдѣ и скончался столѣтнимъ старцемъ; его погребеніе было совершено въ столичномъ монастырѣ Хора. Вообще жизнь патріарха Г. была исполнена треволненій и даже колебаній. Извѣстно, что копронимовскій соборъ 754 г. даже провозгласилъ анаоему «двоедушному» патріарху; иначе взглянулъ на него VII-й вселенскій соборъ, именуя Г. «святымъ отцемъ» и «іереемъ Христовымъ». Причина подобныхъ противорѣчивыхъ взглядовъ на Г. лежитъ въ принципѣ οἰκονομία, котораго онъ держался и который въ теченіе цѣлаго ряда вѣковъ дѣлилъ византійское духовенство и общество на два враждебныя лагеря (см. объ этомъ въ статьѣ «Византійская церковь»). Но, несомнѣнно, Г. внесъ богатый вкладъ въ церковную жизнь, посему и причисленъ церковью къ лику святыхъ. Его *память* чтится *12-го мая*.

Патріархъ Г. извѣстенъ и литературными своими трудами, которыя въ сознаніи потомства «уподобили его святымъ отцамъ». Изъ нихъ сохранились лишь немногіе, такъ какъ императоръ Левъ Исаврянинъ распорядился предать ихъ огню. Первое мѣсто изъ трудовъ Г. занимаютъ его три посланія — къ Іоанну, митрополиту синаидскому, Константину, епископу наколійскому, и Өомѣ епископу, клавдіопольскому, которыя важны, какъ по заключающимся въ нихъ историческимъ свѣдѣніямъ изъ первыхъ временъ иконоборства, такъ и по апологетическимъ пріемамъ и средствамъ борьбы православныхъ богослововъ съ иконоборцами. Затѣмъ, Г. принадлежатъ: посланіе къ армянамъ, въ которомъ, въ духѣ замѣчательной снисходительности къ заблуждающимся и съ искреннимъ желаніемъ примиренія, разъясняются заблужденія армянъ и опредѣленно излагаются истины православной догматики, какъ онѣ формулированы четвертымъ, пятымъ и шестымъ вселенскими соборами, и — посланіе къ папѣ Григорію по поводу иконоборства. Кромѣ посланій, отъ патріарха Г. сохранились также сочиненія — «О ересяхъ и расколахъ» и толкованіе на литургію. Въ первомъ сочиненіи Г. перечислилъ соборы отъ Симона волхва до его времени, изложилъ ихъ опредѣленія, указалъ поводы, по которымъ они созывались, назвалъ предсѣдателей соборовъ и императоровъ, при которыхъ они происходили, и отмѣтилъ, кто изъ отцевъ и противъ какой ереси подвизался. Это сочиненіе, особенно въ послѣдней своей части, имѣетъ важное значеніе. Но еще большую важность имѣетъ толкованіе на литургію, служащее и теперь почти единственнымъ источникомъ для исторіи литургій въ VIII—IX вѣкахъ. Далѣе, Г. написалъ полуфилософскій, полудогматическій трактатъ «О предѣлѣ жизни — Περὶ ὅρου ζωῆς», въ коемъ, въ формѣ діалога, рѣшается вопросъ, правда ли, что Богомъ назначены опредѣленныя границы жизни каждаго человѣка. Съ

имонемъ Г. сохранилось также нѣсколько словъ на господскіе и богородичные праздники, съ характерными признаками византійской риторики—обиліемъ образовъ, витіеватостію, отсутствіемъ историческихъ свѣдѣній, а также — много церковно-богослужебныхъ пѣснопѣній. Наконецъ, константинопольскій патріархъ Фотій въ своей «Библіотекѣ» упоминаетъ, что патріархъ Г. написалъ особое сочиненіе противъ Оригена, допускавшаго предѣлъ, послѣ котораго падшіе духи пріобрѣтутъ свое первоначальное состояніе, а души грѣшниковъ перестанутъ мучиться (апокатастасисъ), и защиту ученія св. Григорія Нисскаго объ этомъ предметѣ; но это сочиненіе не сохранилось. Тотъ же Фотій слѣдующимъ образомъ отзывается о формѣ сочиненій патріарха Г.: «слогъ Г. чистъ и легокъ, обилуетъ удачными фигуральными выраженіями, красивыми, изящными оборотами и чуждъ сухости; преслѣдуя поставленную цѣль, авторъ не удаляется въ сторону, не говоритъ ничого лишняго, но не забываетъ и того, что нужно для его задачи; если кто хочетъ писать убѣдительныя, доступныя и пріятныя бесѣды, то въ сочиненіяхъ Г. найдетъ прекрасный образецъ для подраженія».

Литература. 1) Сочиненія патр. Г. напечатаны у Migne'я, Patrologia graeca, t. 98. 2) *И. Андреевъ*, св. Германъ, патріархъ константинопольскій, «Богословскій Вѣстникъ» за 1897 годъ и отдѣльно. 3) Μανουὴλ Γεδεών, Πατριαρχικοὶ πίνακες 4) *K. Krumbacher*, Geschichte der byzantinischen Litteratur. München. 1897 г. 5) Подробности у Андреева и Крумбахера.

2) **Германъ II былъ** патріархомъ въ 1222—1240 годахъ, когда въ Константинополѣ господствовали латиняне, а византійцы удалились въ Малую Азію и основали здѣсь Никейскую имперію. Патріархъ Г. II и управлялъ греческою церковію изъ Никеи. Онъ родился въ селеніи Анаплусъ на берегахъ Босфора, былъ сыномъ рыбака и получилъ хорошее образованіе. Во время завоеванія Константинополя латинянами (1204 г.) онъ состоялъ діакономъ великой Христовой церкви (св. Софіи), а затѣмъ удалился въ монастырь св. Георгія Прекраснаго (Πανευμόρφου) въ Ахиранѣ, откуда и былъ призванъ на никейскій патріаршій престолъ. Византійскіе историки (Акрополитъ, Григора и Ефремій) съ большою похвалою отзываются о Г., называютъ его человѣкомъ ученымъ, образованнымъ, доблестнымъ въ словахъ и поступкахъ. Въ теченіе всего своего патріаршества Г. велъ непрерывную борьбу съ папскимъ престоломъ, стремившимся подчинить себѣ греческую церковь. Онъ призывалъ латинскаго патріарха въ Константинополѣ къ миру и христіанскому братолюбію, хвалилъ монаховъ столичнаго монастыря Петра во имя Іоанна Крестителя за ихъ мужественное противодѣйствіе латинской пропагандѣ, защищалъ въ сочиненіяхъ православное ученіе и укрѣплялъ византійскихъ богослововъ въ ихъ полемикѣ съ латинянами. При немъ въ Никеѣ состоялись два собора, одинъ въ 1232 году по частнымъ дѣламъ мѣстной церкви, а другой въ 1234 году, по поводу прибытія въ Никею четырехъ пословъ римскаго папы Григорія IX для переговоровъ объ уніи. Но эти переговоры не имѣли успѣха, главнымъ образомъ, потому, что патріархъ Г. былъ весьма жаркимъ противникомъ латинства и мужественно боролся съ коварными замыслами папства. Онъ написалъ пространное письмо папѣ, въ коемъ доказалъ, что виновниками схизмы были латиняне, а не греки, и изобличилъ, на основаніи историческихъ данныхъ, прикровенные замыслы Рима въ отношеніи къ востоку. Папа отвѣтилъ патріарху особымъ посланіемъ, съ обычными доводами въ защиту папской системы, имѣвшими значеніе аргументовъ ad hominem, но нимало не убѣдительными для восточнаго патріарха. Одновременно патріархъ писалъ посланіе къ православному населенію острова Кипра, находившемуся подъ властію латинянъ. Въ одномъ изъ этихъ посланій ревностный святитель даетъ кипрскому духовенству и народу совѣты касательно религіозныхъ отношеній къ латинскимъ клирикамъ, а въ другомъ говоритъ объ ихъ отношеніяхъ къ греческимъ священникамъ, призна-

вавшимъ надъ собою власть папы. Патріархъ Г. былъ и ревностнымъ защитникомъ точности въ соблюденіи догматовъ и каноновъ и тщательно назидалъ свою паству въ истинахъ вѣры и благочестія. Онъ извѣстенъ также многими своими распоряженіями, направленными къ благоустройству монастырей, а въ 1228 году, по его ходатайству, императоръ Іоаннъ Дука Ватаца издалъ хрисовулъ, коимъ было опредѣлено, что все имущество умершихъ архіереевъ, въ чемъ бы оно ни состояло, должно поступать на храненіе эконома епископіи, который принимаетъ его въ присутствіи клира и хранитъ до прибытія новаго архіерея. Патріархъ Г., послѣ смерти, былъ погребенъ въ никейскомъ монастырѣ Киріотиссы, гдѣ, по словамъ Никифора Каллиста, явилъ многія чудеса, а хронографъ Ефремій говоритъ о немъ, какъ пребывающемъ въ сонмѣ святыхъ патріарховъ.

Патріархъ Г. извѣстенъ и въ исторіи византійской литературы, прежде всего, своими посланіями къ римскому папѣ Григорію IX, къ латинскому патріарху въ Константинополѣ и къ православнымъ жителямъ Кипра, а также доселѣ не изданными полемическими трактами, направленными противъ латинянъ, напримѣръ, «Объ исхожденіи Святаго Духа», «Объ опрѣснокахъ» и др. Но главныя произведенія Г. относятся къ разряду церковныхъ словъ и бесѣдъ, изъ коихъ изданы лишь очень немногія, а наибольшая ихъ половина хранится въ библіотекахъ востока и запада. Знаменитый русскій ученый епископъ Порфирій Успенскій видѣлъ въ библіотекѣ иверскаго монастыря на Аѳонѣ Киріакодроміонъ Г. II, т. е. сборникъ словъ и поученій на цѣлый годъ, а профессоръ К. Крумбахоръ сообщаетъ, что въ національной библіотекѣ въ Парижѣ имѣется рукописный кодексъ (Coislinianus, № 278), съ 46 бесѣдами и 6 катихизическими поученіями Г. О достоинствѣ патріарха Г., какъ проповѣдника, можно будетъ судить только тогда, когда будутъ изданы эти его произведенія,—что и составляетъ одну изъ ближайшихъ задачъ византологіи.

Литература. 1) Сочиненія Г. II изданы у Migne'я, Patrologia graeca, t. 140. 2) *Проф. А. П. Лебедевъ*, Историческіе очерки состоянія византійско-восточной церкви отъ конца XI-го до половины XV-го вѣка. Изданіе 2. М. 1902 г. 3) М. Γεδεών, указ. соч. 4) *K. Krumbacher*, указ. соч.

3) **Германъ III**, по фамиліи Мармутца, изъ рода лазовъ, занималъ константинопольскую патріаршую каѳедру съ 5 іюня до 14 сентября 1267 года и былъ первымъ патріархомъ, избраннымъ въ Константинополѣ послѣ освобожденія его отъ господства латинянъ. Избраніе состоялось по волѣ императора Михаила Палеолога, коему Г. былъ извѣстенъ еще во время своего пребыванія въ одномъ изъ монастырей на горѣ Черной: когда Палеологъ, боясь царя Ѳеодора Ласкариса, бѣжалъ изъ Никеи къ иконійскому султану, то Г. съ радостію встрѣтилъ его въ своемъ монастырѣ, принялъ со всевозможнымъ почетомъ и радушіемъ и снабдилъ всѣмъ необходимымъ на дорогу. Послѣ, когда Михаилъ Палеологъ сдѣлался императоромъ, то Г. явился къ нему и въ числѣ многихъ другихъ почестей получилъ адріанопольскую митрополичью каѳедру, съ которой былъ возведенъ на патріаршій престолъ. Византійскій историкъ Георгій Пахимеръ сообщаетъ о Г., что онъ былъ нрава свободнаго, прекрасно совершалъ священное служеніе, былъ человѣкъ вообще отличный и ученый въ высшей степени. Ему было извѣстно все прекрасное и полезное не только для добродѣтели, но и для управленія дѣлами. Онъ преимущественно хвалилъ тѣхъ, кто совершалъ чистую добродѣтель, проводя жизнь болѣе среди людей, чѣмъ въ пустынѣ. Не отличался самъ краснорѣчіемъ, онъ уважалъ людей краснорѣчивыхъ, любилъ слушать ихъ и охотно становился ихъ другомъ. Онъ украшался не тою добродѣтелью, какою хвалятся люди, представляющіе себя лучше другихъ, любящіе различать пищу и питье, предпринимающіе путешествія пѣшкомъ, вообще соблюдающіе лишь внѣшніе формы благочестія, а милосердіе и любовь, человѣколюбіе и сочувствіе поставляющіе на второмъ планѣ,—нѣтъ, его добродѣтель была истинно-человѣчс-

ская, которая характеризовала его, какъ истиннаго человѣка; онъ больше отличался умѣренностію и снисхожденіемъ, чѣмъ аскетическимъ безстрастіемъ. Нѣкоторые, добавляетъ историкъ, называютъ такую добродѣтель политическою, а жизнь, согласную съ нею, жизнію политика, которая занимаетъ средину между созерцательною и свѣтскою. Вступивъ на престолъ, Г. почтилъ наградами и достоинствами людей образованныхъ и добродѣтельныхъ. Золото онъ презиралъ болѣе всего, такъ что не имѣлъ кошелька, а поступавшія къ нему деньги онъ щедро раздавалъ на добрыя воли. Будучи человѣкомъ образованнымъ, Г. заботился и о просвѣщеніи клира. Съ этою цѣлью онъ пригласилъ нѣкоего Оловола, далъ ему дипломъ ритора и разрѣшилъ устроить школу для дѣтей клириковъ. Патріархъ усердно ходатайствовалъ предъ царемъ за обиженныхъ и страждущихъ, ревностно заботился о благоустройствѣ церкви и вообще былъ по своимъ личнымъ достоинствамъ архипастыремъ примѣчательнымъ. Но онъ жилъ въ тревожное время, когда въ нѣдрахъ византійской церкви происходило такъ называемое арсенитское движеніе, получившее свое начало при патріархѣ никейскомъ и константинопольскомъ Арсеніи (см. о немъ). Г., занявшій престолъ послѣ Арсенія, вызвалъ противъ себя сильный протестъ со стороны приверженцевъ низложеннаго патріарха, которые и излили на него всю свою ненависть, все свое презрѣніе. Характеръ новаго патріарха, образъ его дѣйствій, пріемы, самый родъ его подверглись самому безпощадному осужденію и осмѣянію. Въ уваженіи, которое Г. имѣлъ къ царю и его правленію, арсениты видѣли низкое пресмыкательство и ложь, въ его щедрости видѣли глупую, тенденціозную расточительность; его манеру держать себя—открытое и свободное обращеніе — провозгласили униженіемъ высокаго сана, называли его недостойнымъ патріаршаго званія и даже открыто говорили, что онъ противозаконно перешелъ съ престола дочери (адріанопольская митрополія) на престолъ матери (патріархія). Все это сильно унижало патріарха въ глазахъ духовенства и народа. Затѣмъ и самъ императоръ разочаровался въ своемъ избранникѣ, такъ какъ послѣдній не всегда соотвѣтствовалъ его видамъ, обнаруживалъ излишнюю слабость въ управленіи церковными дѣлами и безхарактерность. Наконецъ, противъ патріарха сталъ интриговать духовникъ императора Іосифъ, которому хотѣлось самому занять патіаршій престолъ. При такихъ условіяхъ, Г. вынужденъ былъ отказаться отъ каѳедры, на которой онъ возсѣдалъ лишь три мѣсяца. Такимъ образомъ, патріархъ Г., хотя и отличался многими достоинствами, однако, вслѣдствіе неблагопріятнаго для него стеченія обстоятельствъ, не только не развернулъ во всей полнотѣ своихъ силъ, но и оказался ниже своего положенія и не съумѣлъ умиротворить церковь, обуреваемую смутами. Слабость характера Г., уступчивость и непостоянство обнаружились и въ томъ, что онъ путешествовалъ на западъ, въ качествѣ делегата отъ византійской церкви, для участія на ліонскомъ соборѣ, коимъ была провозглашена унія церквей греческой и латинской. О послѣднихъ годахъ жизни Г. извѣстій не сохранилось.

Литература. 1) *Георгій Пахимеръ*, Исторія Михаила и Андроника Палеологовъ. Русскій переводъ. Спб. 1862 г. 2) *Никифоръ Григора*, Римская исторія. Русскій переводъ. Спб. 1862 г. 3) *И. Е. Троицкій*, Арсеній, патріархъ никейскій и константинопольскій, и арсениты. Спб. 1873 г. 4) *А. П. Лебедевъ*, указ. выше сочиненіе. 5) Μανουήλ Γεδεών, указ. соч.

4) **Германъ IV** занималъ константинопольскую патріаршую каѳедру дважды— съ 12 іюня 1842 до 18 апрѣля 1845 года и съ 1 ноября 1852 до 16 сентября 1853 года. Онъ родился въ 1790 году въ Константинополѣ, служилъ сперва при патріаршемъ храмѣ, въ 1826 году былъ избранъ митрополитомъ видинскимъ, откуда былъ потомъ перемѣщенъ на каѳедру драмскую (1831 г.) и деркскую (1835 г.). Г. не получилъ систематическаго образованія, но былъ большой любитель науки и просвѣщенія, памятникомъ чего служитъ и нынѣ существующая бого-

словская школа на островѣ Халки, въ монастырѣ Святой Троицы, основанная патріархомъ въ 1844 году и бывшая прежде, какъ и теперь, единственнымъ разсадникомъ высшаго духовенства на греческомъ востокѣ. Кромѣ того, онъ отличался большою ревностію о благѣ греческой церкви и народа, нестяжательностью и добротою. Въ первое свое патріаршество онъ сдѣлалъ нѣсколько важныхъ распоряженій, изъ коихъ главное запрещало митрополитамъ хиротонисать новыхъ епископовъ безъ крайней необходимости, лишь для титула. Во второе патріаршество Г. построилъ внѣ стѣнъ Константинополя національный греческій орфанотрофій (сиротскій домъ) и украсилъ патріаршій храмъ. Онъ скончался 16 сентября 1853 года и былъ погребенъ въ храмѣ Живоноснаго Источника.

Литература. Μανουήλ Γεδεών, Πατριαρχικοὶ πίνακες. Срав. *И. Соколовъ*, Очерки исторіи православной греко-восточной церкви въ XIX вѣкѣ. Спб. 1901 г. (и во второмъ томѣ «Исторіи церкви» въ XIX в., изд. А. П, Лопухина),

И. Соколовъ.

ГЕРМАНЪ св., архиеписк. казанскій, † 1567 г., происходилъ изъ древняго боярскаго рода Полевыхъ - Садыревыхъ, изъ рода князей Смоленскихъ, и родился въ г. Старицѣ. Отецъ его Ѳеодоръ имѣлъ значительныя земельныя владѣнія около знаменитаго волоколамскаго монастыря, въ который онъ и пожертвовалъ одну изъ своихъ вотчинъ. Сыну своему, по имени Григорію, Ѳеодоръ далъ наилучшее воспитаніе, такъ что Григорій еще въ домѣ родителей соблюдалъ строгій постъ и любилъ молитву. Иночество Григорій принялъ въ волоколамскомъ монастырѣ, гдѣ уже подвизались двое изъ рода Полевыхъ, Серапіонъ и Симеонъ, и гдѣ принялъ постриженіе и отецъ Григорія-Германа, Ѳеодоръ, съ именемъ Филоѳея. Игуменомъ этого монастыря въ то время былъ Гурій впослѣдствіи первый архіепископъ казанскій. По благословенію Гурія Г. трудился надъ списываніемъ книгъ; такъ имъ списаны евангеліе и богородичникъ. Здѣсь же Г. сблизился съ блаж. Максимомъ Грекомъ, который жилъ въ монастырѣ въ заключеніи; Г. внимательно слушалъ его и читалъ его литературныя произведенія.

Въ 1551 году Г. былъ выбранъ братіею тверского старицкаго монастыря въ архимандриты себѣ и былъ посвященъ въ этотъ санъ епископомъ тверскимъ Акакіемъ. Пробывъ два съ половиною года въ Старицѣ, Г. вернулся въ волоколамскій монастырь. Въ 1553 г. архим. Г. былъ на Московскомъ соборѣ противъ Матѳея Башкина, причемъ послѣдній отданъ былъ ему на увѣщаніе и былъ заключенъ въ волоколамскомъ мон. На соборѣ 1555 года, когда Гурій былъ избранъ въ архіепископа новоучрежденной каѳедры въ Казани, Г. поручено было устроить монастырь въ г. Свіяжскѣ, чтобы этотъ монастырь былъ центромъ просвѣщенія христіанскаго для татаръ горной волжской стороны. Г. ревностно занялся устройстомъ монастыря, построилъ каменный храмъ въ честь Успенія Божіей Матери, съ колокольнею, и кельи для монаховъ. Подъ колокольней была его тѣсная келья, не болѣе трехъ квадратныхъ аршинъ, съ однимъ окномъ. Насколько просто жилъ архим. Г., видно изъ того, что онъ самъ занимался починкой своей одежды; иглы, нитки и наперстокъ его хранятся при его гробницѣ. Скоро монастырь Г. наполнился иноками и прославился въ окрестностяхъ святостію жизнію настоятеля его и широкою его благотворительностью, такъ какъ былъ весьма богатъ. Царскаго жалованья монастырю шло 500 руб. денегъ, 500 чет. ржи, столько же муки ржаной, пшеницы 200 чет., муки пшеничной 100 чет., крупъ гречневыхъ 50 чет., кромѣ того, были и земельныя владѣнія. Такъ какъ монастырь долженъ быть центромъ христіанскаго просвѣщенія въ татарскомъ краѣ, то св. Г. позаботился о собраніи книгъ въ монастырѣ; при немъ было собрано, какъ видно изъ писцовыхъ книгъ 1568 г., 152 книги разнаго содержанія. Св. Гурій имѣлъ къ Г. неограниченное довѣріе, поручилъ ему судъ надъ всѣмъ духовенствомъ свіяжскаго края и освободилъ свіяжскій монастыря отъ своего суда. Въ 1564 году св. Гурій скончал-

ся и на его мѣсто избранъ былъ Г., принявшій посвященіе 12 марта въ Москвѣ. О дѣятельности св. Г. въ санѣ архіеп. казанскаго извѣстно очень немногое. При немъ заложенъ былъ іоанно-предтеченскій монастырь въ Казани и троицкій монастырь въ Чебоксарахъ, а въ казанскомъ зилантовомъ монастырѣ введено общежитіе съ цѣлію увеличенія числа братіи и учениковъ, получавшихъ въ обители образованіе. Не внѣшними громкими дѣлами прославился Г., а высокими христіанскими добродѣтелями, въ которыхъ онъ вполнѣ подражалъ святому своему предшественнику по каѳедрѣ. О святости его сохранилось замѣчательное свидѣтельство князя Андрея Курбскаго, современника его и друга. «Г., пишетъ Курбскій, былъ человѣкъ свѣтлаго рода, и сколь великъ тѣломъ, столько и разумомъ, мужъ чистаго и святого жительства, изслѣдователь священныхъ писаній и ревнитель по Богѣ въ трудахъ духовныхъ. Не былъ онъ причастенъ никакому обычаю лукавому и лицемѣрію, но человѣкъ простой, истинный и непоколебимый, великій помощникъ объятымъ бѣдами и напастями и весьма милостивый къ убогимъ».

Эта характеристика Курбскаго находитъ себѣ очевидное подтвержденіе въ обстоятельствахъ послѣдняго года жизни Г. Въ Казани Г. пробылъ только около двухъ лѣтъ, такъ что и времени не имѣлъ совершить какія-либо крупныя начинанія. Въ 1566 году, послѣ отказа митрополита московскаго Аѳанасія отъ святительскаго престола, царь Іоаннъ Грозный, питавшій уваженіе къ Г., избралъ послѣдняго на митрополичью каѳедру и приказалъ ему занять митрополичьи палаты. Г. въ то время былъ въ Москвѣ, ходатайствуя за князя Воротынскаго. Видя необузданную жестокость царя, Г. прежде утвержденія своего въ новомъ санѣ рѣшилъ наединѣ переговорить съ царемъ, чтобы убѣдиться, можно ли будетъ затѣмъ вліять на него и сдерживать порывы гнѣва его. Однажды царь посѣтилъ его въ митрополичьихъ палатахъ. Г., и ранѣе настойчиво отказывавшійся отъ высокаго сана, заговорилъ о томъ же и теперь и при этомъ, по словамъ Курбскаго, «напоминалъ тихими и кроткими словесы, что судъ Божій и истязаніе нелицепріятное каждаго человѣка о дѣлахъ, какъ царей, такъ и простыхъ». Вернувшись въ свои палаты, царь пересказалъ эти слова опричникамъ. Алексѣй Басмановъ и другіе опричники убѣдили царя, что Г. хочетъ взять надъ царемъ такую же власть, какую имѣли прежде Алексѣй Адашевъ и Сильвестръ. Тогда Іоаннъ сказалъ Герману: «еще и на митрополію не возведенъ еси, а уже меня невольею обязуешь», и приказалъ изгнать его изъ дома митрополичьяго. Въ Казань его не отпустили, а держали въ Москвѣ, хотя и не лишили каѳедры. Въ Москвѣ онъ и скончался 6 ноября 1567 г.; погребенъ былъ въ церкви св. Николая Мокраго, а въ 1592 году граждане Свіяжска испросили у царя Ѳеодора Іоанновича и патріарха Іова разрѣшеніе перенести останки св. Г. въ Свіяжскъ. Въ Свіяжскѣ ихъ освидѣтельствовалъ митроп. каз. Гермогенъ и нашелъ ихъ нетлѣнными, причемъ произошло нѣсколько чудесныхъ исцѣленій. По порученію каз. митрополита Лаврентія (1657 — 1673 г.), монахъ свіяжскаго успенскаго монастыря Іоаннъ написалъ житіе св. Г. съ чудесами и надгробнымъ словомъ.

Источники и пособія: Житіе монаха Іоанна въ рукоп. гр. А. С. Уварова, № 792. Содержаніе его изложено у *Елисеева* въ жизнеописаніи Гурія, Варсонофія и Германа. Казань. 1847 г. Акты арх. эпск. I. 261. Ист. акты. I. 354, 411. *Филаретъ*, Русскіе святые, т. 3. Энц. Лекс. Спб. 1838 г. т. I. *Ключевскій*, Древнерусскія житія святыхъ. стр. 342.

А. Кремлевскій.

ГЕРМАНЪ, монахъ-миссіонеръ. Сынъ серпуховскаго купца, 16-ти лѣтъ пошелъ въ монахи, сначала поступилъ въ троице-сергіеву пустынь, близъ Петербурга, потомъ лѣтъ черезъ 5—6 перешелъ на Валаамъ, гдѣ сначала исполнялъ разныя послушанія, а затѣмъ жилъ въ уединеніи въ мѣстности, которая потомъ получила названіе «Германово». Въ 1794 г., въ числѣ десяти другихъ, избранныхъ по порученію св. синода и митрополита пе-

тербургскаго Гавріила настоятелемъ монастыря, знаменитымъ старцемъ Назаріемъ, былъ отправленъ для проповѣди христіанства на только что открытые Алеутскіе острова. Онъ поселился на о. Еловомъ близъ о. Кадьяка и провелъ здѣсь около 40 лѣтъ высоко-подвижнической жизни: ходилъ въ рубищѣ, спалъ на скамьѣ, покрытой шкурой, съ доскою, вмѣсто одѣяла, и кирпичами въ головахъ, строго постился, носилъ вериги. Его жизнь напоминала жизнь древнихъ пустынниковъ,—онъ былъ въ общеніи съ міромъ духовъ и съ природой: кормилъ изъ своихъ рукъ горностаевъ, медвѣдей, птицъ, которые съ довѣріемъ приближались къ нему, напоминая первобытное состояніе въ раю Это вообще былъ одинъ изъ замѣчательныхъ православно-русскихъ подвижниковъ-миссіонеровъ и представляетъ собою примѣръ того самоотверженія, съ которымъ русскій православный человѣкъ можетъ всецѣло посвятить себя на служеніе благу своихъ духовныхъ дѣтей. Живя на своемъ островѣ Еловомъ, Г. всецѣло посвятилъ себя дѣлу просвѣщенія туземцевъ, которыхъ собиралъ около себя и какъ отецъ съ дѣтьми бесѣдовалъ съ ними, поучая ихъ не столько словами, сколько самымъ примѣромъ своей жизни. На свои средства онъ основалъ нѣчто въ родѣ пріюта, въ которомъ у него воспитывалось нѣсколько мальчиковъ и дѣвочекъ — сиротъ алеутскихъ, и это заведеніе онъ содержалъ въ такомъ образцовомъ порядкѣ, что на него обращено было особенное вниманіе бывшимъ начальникомъ Русско-америк. компаніи, барономъ Врангелемъ. Въ апост. трудахъ и молитвахъ онъ прожилъ на этомъ уединенномъ островѣ, переименов. имъ въ «Новый Валаамъ», до своей кончины. Къ концу его жизни при немъ поселилась обращенная имъ молодая женщина Софья Власова и наблюдала за дѣтьми въ училищѣ. Умирая, о. Г. завѣщалъ ей оставаться на Еловомъ до смерти и быть похороненною у его ногъ. Знавшіе старца вспоминаютъ, что онъ обладалъ великою силою убѣдительности слова. Для алеутовъ онъ былъ истиннымъ просвѣтителемъ и горячимъ заступникомъ. По наружности онъ былъ небольшого роста, съ блѣднымъ морщинистымъ лицомъ, сѣро-голубыми глазами, имѣлъ на головѣ немного сѣдыхъ волосъ; говорилъ негромко. Передъ кончиной онъ велѣлъ зажечь свѣчи и читать «Дѣянія Апостоловъ», во время чтенія тихо склонилъ голову —и духъ его отошелъ въ міръ надзвѣздный Скончался на 81 году жизни 13 декабря 1837 г. Онъ никогда не забывалъ Валаама, къ которому привязанъ былъ всей душой, и писалъ съ Еловаго о. Назарію: «вашихъ отеческихъ мнѣ убогому благодѣяній не изгладятъ изъ моего сердца ни страшныя непроходимыя сибирскія мѣста, ни лѣса темные, ни быстрины великихъ рѣкъ не смоютъ, и грозный океанъ не угаситъ чувствъ оныхъ; я въ умѣ воображаю любимый мною Валаамъ, на него всегда смотрю чрезъ великій океанъ». Въ свое время его хотѣли возвести въ іеромонахи, но онъ, по глубокому своему смиренію, пожелалъ навсегда остаться простымъ монахомъ. Память о немъ окружена ореоломъ святости. У туземцевъ, горько оплакивавшихъ потерю своего благочестиваго духовнаго отца, ходили потомъ разсказы о его прозорливости, равно какъ и о томъ, какъ въ моментъ кончины келья его наполнилась благоуханіемъ, и лицо его озарилось необычайнымъ блескомъ. Эти разсказы — дань благодарнаго сердца духовныхъ дѣтей памяти своего духовнаго пастыря!

«Валаамскіе миссіонеры въ Америкѣ», Спб. 1900 г. (съ портретомъ м. Германа и видомъ о. Еловаго).—«Жизнь валаамскаго монаха Германа, американскаго миссіонера», Спб. 1868 и 1894 г.—«Странникъ», 1868 г., кн. 2.—«Валаамскіе подвижники», изд. 2, Спб. 1891 г. *С. Рункевичъ.*

ГЕРМАНИКЪ—св. мученикъ, во цвѣтѣ лѣтъ пострадавшій вмѣстѣ съ престарѣлымъ епископомъ Поликарпомъ въ Смирнѣ въ 167 г. Съ неустрашимымъ мужествомъ онъ дразнилъ и раздражалъ звѣрей, на съѣденіе которымъ былъ отданъ, и за это восхваляется въ окружномъ посланіи, съ которымъ смирнская церковь обратилась къ другимъ христ. церквамъ. *Пам.* его *19 янв.*

Русская правосл. церковь
въ д. Тегель, близъ Берлина, въ Германіи.

Германія.

Исторія распространенія христіанства въ Германіи. Наиболѣе раннія извѣстія о Германіи, какъ отдѣльной странѣ, относятся ко времени Галльскихъ войнъ (54 — 47 годъ до Р. Хр.), когда Юлій Цезарь, завоевавъ древнюю Галлію, сдѣлалъ также рядъ наступательныхъ походовъ на «Germania Magna». Границы ея въ то время простирались отъ Эльбы до Рейна съ востока на западъ и отъ береговъ Балтійскаго и Сѣвернаго морей до лѣсовъ Тюрингіи и горныхъ цѣпей Богеміи съ сѣвера на югъ. Цезарь своими походами имѣлъ въ виду, главнымъ образомъ, предупредить возможность нашествій на римскія владѣнія со стороны германцевъ, завоевательныхъ же притязаній на ихъ территорію у него, повидимому, не было. Мысль о завоеваніи возникаетъ уже послѣ него и осуществляется сыномъ римскаго императора Тиверія-Клавдія-Нерона-Друзомъ, который побѣдоносно прошелъ со своими войсками до рѣки Эльбы, всюду проводя дороги и строя укрѣпленія. Но уже при преемникахъ Друза († 9 г. до Р. Хр.) произошло въ Г. возмущеніе, и въ 7-мъ году послѣ Р. Хр. херусскій князь Арминій (Германъ) нанесъ рѣшительное пораженіе римскому полководцу Вару въ Тевтобургскомъ лѣсу, послѣ чего римляне не только потеряли надежду на завоеваніе этой страны, но должны были сами впослѣдствіи защищаться противъ напора германцевъ, какъ напр. при Александрѣ-Северѣ (222—235), убитомъ подъ Майнцемъ, или Декіѣ (249—251), когда на Римъ двинулись германскія племена по Рейну и Дунаю, по Альпамъ и Пиринеямъ. Начиная съ царствованія Тиверія (14—37) и кончая Адріаномъ (117—138), для укрѣпленія пограничной линіи между Г. и Римской имперіей была сооружена въ видѣ вала искусственная граница, т. наз. «Римскій валъ» (limes).

Первоначальными обитателями Германіи были различныя племена, принадлежавшія къ индо-европейской семьѣ народовъ и извѣстныя въ исторіи подъ общимъ названіемъ «Germanes». Они дѣлились на двѣ вѣтви— восточную и западную, изъ нихъ къ

первой принадлежали готы съ ихъ подраздѣленіями остъ-готовъ и вестъ-готовъ, бургунды, вандалы, и ко—второй герминоны, фризы, саксы, англы, лангобарды, херуски и др. Позднѣе, въ періодъ великаго переселенія народовъ, многія изъ этихъ мелкихъ народностей исчезли безслѣдно, смѣшавшись съ другими, такъ что къ концу III в. въ западно-германской группѣ выступаютъ лишь четыре объединенныхъ племени: 1) *алеманны* на Майнѣ и среднемъ Рейнѣ, 2) *франки* въ области нижняго теченія Рейна, 3) *готы* на сѣверномъ побережьи Чернаго моря и въ области нижняго Дуная и 4) *саксы* около устьевъ Эльбы.

Христіанство уже рано стало проникать въ среду этихъ молодыхъ, свѣжихъ народовъ и *слѣды евангельской проповѣди* среди нихъ встрѣчаются уже въ вѣкѣ апостольскій. Есть основаніе думать, что Г., по крайней мѣрѣ, въ нѣкоторыхъ своихъ частяхъ, познакомилась съ христіанскимъ ученіемъ уже во времена *апостольскія*. Одинъ изъ учениковъ ап. Павла, Крискентъ, сопровождавшій его въ 66 году въ Римъ, вскорѣ разставшись со своимъ учителемъ, отправился въ Галлію, гдѣ основалъ церковь *Вьенскую*; затѣмъ пошелъ на сѣверъ въ главный городъ первоначальной Г.—Майнцъ и впервые благовѣствовалъ здѣсь Евангеліе прирейнскимъ германцамъ, извѣстнымъ подъ именемъ *вангіоновъ* (vangiones) и *нѣметовъ* (nemetes). По свидѣтельству св. Иринея, († 202 г.), Крискентомъ было основано здѣсь нѣсколько церквей. О распространеніи христіанства послѣ Крискента точныхъ данныхъ не сохранилось. Вѣроятно, христіане, гонимые языческимъ Римомъ, расходясь въ разныя стороны, бывали также и въ Г., гдѣ, несомнѣнно, распространяли христіанское ученіе и пріобрѣтали новыхъ послѣдователей. Съ другой стороны, частыя столкновенія римлянъ съ германскими племенами также могли содѣйствовать успѣху распространенія евангелія среди послѣднихъ, такъ какъ въ римскихъ войскахъ было много христіанъ и, попадая въ плѣнъ къ германцамъ, они знакомили ихъ съ христіанскимъ ученіемъ.

Около 170 г. епископъ церкви смирнской Поликарпъ отправилъ въ Галлію Поѳина и Иринея, которые, вѣроятно, проникали и въ Германію по, крайней мѣрѣ, въ ту часть ея, которая была отрѣзана искусственной границей и, въ качествѣ отдѣльной провинціи, вмѣстѣ съ Галліей, входила въ составъ Римской имперіи. Жертвой римскихъ гоненій на христіанъ въ царствованіе Марка Аврелія (161 — 180 г.) былъ и самъ 90-лѣтній епископъ Поѳинъ, скончавшійся въ ліонской тюрьмѣ. Преемникъ его св. Ириней продолжалъ дѣло Поѳина, принявъ на мѣстѣ своего служенія мученическій вѣнецъ вмѣстѣ съ 19,000 христіанъ въ 202 г., во время гоненій Септимія Севера (193—211 г.).

Съ III вѣка извѣстія объ евангельской проповѣди въ Г. становятся уже болѣе точными, и христіанство начинаетъ дѣлать быстрые успѣхи, благопріятствующимъ условіемъ для чего было великое переселеніе народовъ, сопровождавшееся движеніемъ германскихъ племенъ на западъ и югъ Европы, послѣ перваго вторженія въ Европу гунновъ, пришедшихъ изъ Азіи въ 372 г. Кровавая битва на Каталаунской долинѣ въ 451 г., положившая конецъ завоеваніямъ Атиллы и господству гунновъ, способствовала возсоединенію герм. племенъ, которыя, скоро возвративъ себѣ независимость, возобновили и наступательныя нашествія на Римскую имперію. Бѣдствія, побуждавшія христіанъ удаляться съ мѣстъ своего жительства, служили средствомъ распространенія Евангелія: такимъ именно образомъ готы въ Мизіи получили первое благовѣстіе о вѣрѣ отъ плѣнниковъ, которыхъ они уводили послѣ своихъ вторженій въ Римскую имперію при императорахъ Валеріанѣ (253—260 г.) и Галліенѣ (260—268 г.). Въ началѣ IV вѣка готы, повидимому, довольно твердо освоились съ христіанствомъ, такъ что изъ среды ихъ на 1-мъ вселенскомъ соборѣ въ Никеѣ присутствовалъ и явилъ себя ревностнымъ защитникомъ православія противъ аріанства первый епископъ готовъ Ѳеофилъ. Непосредственнымъ преемникомъ его былъ Уль-

фила, родившійся около 318 г., по преданію отъ плѣнныхъ христіанъ изъ Каппадокіи. Получивъ уже въ тридцатилѣтнемъ возрастѣ епископскій санъ, онъ началъ проповѣдывать среди вестъ-готовъ, на которыхъ теперь стали нападать свои же единоплеменники язычники во главѣ съ ихъ предводителемъ Атанарихомъ. Это побудило Ульфилу (въ 350 г.) значительную часть христіанъ перевести за Дунай и искать защиты въ предѣлахъ Римской имперіи (см. подъ сл. *Готы*, и *Ульфила*). Вслѣдствіе того, что почти во всѣхъ походахъ готовъ на Римскую имперію принимали участіе и вандалы, мы находимъ одновременно слѣды христіанства и среди нихъ, сначала въ чистой формѣ его, а потомъ въ видѣ аріанства. Къ этому же періоду относится обращеніе маркоманновъ св. Амвросіемъ, еп. миланскимъ (медіоланскимъ). Наслышавшись о святой жизни Амвросія, маркоманнская королева Фритигильда обратилась къ нему съ просьбой познакомить ее съ ученіемъ Христа. Епископъ послалъ ей, спеціально для нея составленный, катехизисъ, изучивъ который, Фритигильда вскорѣ склонила къ принятію христіанства своего супруга и народъ. Пожелавъ лично видѣть своего учителя, она прибыла въ Медіоланъ, но уже не застала Амвросія въ живыхъ; онъ скончался въ 397 году. Но самымъ важнымъ для распространенія христіанства въ Германіи событіемъ было крещеніе франкскаго короля Хлодвига. Жена его Клотильда, будучи ревностной христіанкой, уже давно склоняла мужа послѣдовать ея примѣру, но онъ упорно оставался язычникомъ. Наконецъ, въ одномъ изъ своихъ сраженій съ алеманнами при Цюльпихѣ въ 496 г. Хлодвигъ, находясь въ очень трудномъ положеніи, далъ обѣтъ креститься, если христ. Богъ даруетъ ему побѣду надъ врагами. Сраженіе было выиграно, и въ самый день Пасхи 497 г. архіеп. реймскій Ремигій совершилъ надъ Хлодвигомъ и 3,000 лицъ изъ его войска св. крещеніе. Историки видѣли въ немъ второго Константина, призваннаго Богомъ для уничтоженія язычества и аріанства. И дѣйствительно, принятіе имъ христіанства имѣло весьма важное значеніе для дѣла христіанской проповѣди, за каковыя заслуги какъ онъ самъ, такъ и послѣдующіе французскіе короли пріобрѣли титулъ «старшихъ сыновъ церкви».

Крещеніе могущественнаго повелителя франковъ прежде всего открыло путь къ принятію христіанства *алеманнами*, первымъ апостоломъ коихъ считается Фридолинъ, прибывшій около 500 г. изъ Ирландіи. Сначала онъ остался среди вестъ-готовъ въ Аквитаніи около гор. Пуатье и въ 507 г., по разрушеніи вестъ-готскаго государства Хлодвигомъ, подъ его покровительствомъ основалъ церкви и школы въ Аквитаніи. Оттуда онъ отправился въ Швейцарію, гдѣ на одномъ островкѣ Рейна около Базеля построилъ монастырь «Зэкингенъ» (510 г.). Другимъ дѣятелемъ на миссіонерскомъ поприщѣ въ юго-западной Г. былъ Колумбанъ, родомъ изъ Ирландіи. Въ 583 г. онъ отправился съ 12 товарищами изъ ирландскаго монастыря «Bangor» и прибылъ въ Вогезы, гдѣ основалъ въ 585 г. монастырь «Люксовій» (нынѣ Luxeuil) въ департаментѣ Соны, ставшій разсадникомъ многихъ другихъ христіанскихъ оазисовъ. Послѣ своей 20-лѣтней дѣятельности въ 610 г. Колумбанъ, по навѣтамъ бургундскаго духовенства, поддержаннаго Брунгильдою и ея юнымъ сыномъ Теодорихомъ II-мъ, подвергся изгнанію и удалился въ Швейцарію къ алеманнамъ.

Въ юго-восточной Германіи среди богаріевъ или нынѣшнихъ баварцевъ, смѣнившихъ собою древнихъ ругіевъ и руловъ, на верховьяхъ Дуная труды Колумбана продолжалъ въ 615 г. ученикъ послѣдняго, франконскій аббатъ Евстаѳій, вышедшій изъ монастыря Люксовія и боровшійся съ остатками аріанства, привнесеннаго готами. Около половины VII вѣка при дворѣ герцога Теодо I въ Регенсбургѣ, на Дунаѣ, трудился апостолъ Баваріи Рупертъ, еп. вормскій († 716 г.), крестившій въ 696 г. Теодо II вмѣстѣ со всѣмъ его дворомъ. Имъ учреждено было также епископство въ Зальцбургѣ. Послѣ Руперта проповѣдывалъ въ

Баваріи франкскій еп. Корбиніанъ, основавшій въ 724 г. епископство Фрейзингенъ (Freisingen). Апостоломъ сосѣдней Тюрингіи въ концѣ VII вѣка является ирландецъ св. Киліанъ, явившійся съ 12 спутниками въ Вюрцбургъ, гдѣ нашелъ себѣ радушный пріемъ у герцога Гоцберта. Спустя нѣкоторое время, онъ отправился въ Римъ и тамъ, получивъ отъ папы Конона (686—687 г.) полномочіе на повсюдную проповѣдь, возвратился въ Тюрингію и крестилъ герцога. Послѣдній, будучи еще язычникомъ, женился на вдовѣ брата своего Гейланѣ. Киліанъ потребовалъ расторженія этого брака, какъ не освященнаго христіанской церковію, за что и былъ убитъ (689 г.) вмѣстѣ съ своими сотрудниками, въ отсутствіе герцога по приказанію Гейланы. Въ области средняго Рейна въ сѣверо-западной Германіи сохранилось еще къ концу VI в. нѣсколько христіанскихъ епископій, хотя въ очень жалкомъ видѣ. Въ это время въ области трирской епископіи франкскій монахъ Гоаръ (род. въ 575 г.), поселившись отшельникомъ, обращалъ въ христіанство многихъ окружныхъ язычниковъ. На мѣстѣ, гдѣ онъ выстроилъ свою келлію и потомъ церковь, впослѣдствіи появился красивый городокъ Гоаръ, названный его именемъ. Послѣ него въ той-же странѣ проповѣдывалъ, подобно восточнымъ столпникамъ, съ высокаго столпа, несмотря на суровый сѣверный климатъ, лангобардъ Вульфлайхъ (Wulflaich). По завоеваніи южной части Нидерландовъ франкскимъ королемъ Дагобертомъ I, въ 630 г. явился среди фризовъ Амандъ, получившій полномочіе крестить язычниковъ даже насильно; но это возбудило противъ него ненависть, такъ что фризы неоднократно бросали его въ Шельду. Удалившись временно къ славянамъ, на Дунай, онъ снова затѣмъ вернулся въ Гентъ (нынѣ Бельгія), гдѣ пріобрѣлъ большое вліяніе, обративъ, между прочимъ, въ христіанство одного богатаго фриза по имени Баво, съ помощію котораго построилъ два монастыря. Въ 647 г. его выбрали епископомъ Мастрихта (на р. Маасъ, притокѣ Рейна). Черезъ два года онъ, впрочемъ, отказался отъ каѳедры, предпочтя снова удалиться въ монастырь, гдѣ и умеръ въ 684 г. Одновременно съ нимъ трудился Элигій († 695 г.), который съ 641 года былъ епископомъ нойонскимъ и простеръ свою апостольскую миссію между фризами до р. Шельды. Фризовъ, жившихъ къ сѣверу отъ Шельды, впервые познакомилъ съ христіанствомъ Вильфридъ (634—709 г.). Во время пути своего въ Римъ онъ былъ выброшенъ на фризійскій берегъ, гдѣ оставался съ проповѣдію о Христѣ всю зиму и крестилъ герцога Альдгильда и множество народа; весной онъ уѣхалъ въ Римъ. Наслѣдникъ Альдгильда Радбодъ († 719 г.) всю жизнь воевалъ съ Пипиномъ Геристальскимъ и Карломъ Мартеломъ, ненавидѣлъ и преслѣдовалъ христіанство, какъ религію франковъ, и стремился уничтожить всѣ успѣхи Вильфрида. Но побѣда Пипина при Дюрштедтѣ въ 689 г. принудила Радбода къ бóльшей терпимости, благодаря чему среди фризовъ немедленно начала свои дѣйствія франкская миссія епископа Рульфрама, вышедшаго изъ монастыря «Фонтанель», основаннаго Колумбаномъ. По одному сказанію, при немъ король Радбодъ рѣшилъ принять крещеніе, но сначала хотѣлъ узнать, гдѣ находятся его предки—въ аду или въ раю, и когда услышалъ, что умершіе безъ крещенія по необходимости должны оставаться въ аду, сказалъ, что предпочитаетъ быть въ аду со своими предками, чѣмъ въ раю съ нищими, и вышелъ изъ крещальни, оставшись навсегда язычникомъ. Истиннымъ же апостоломъ фризовъ долженъ быть признанъ англосаксъ Виллибродъ и его преемникъ Бонифацій (см. подъ этими словами). Изъ нихъ Бонифацій запечатлѣлъ свою проповѣдь мученическою смертію. Въ 752 г. Бонифацій, въ качествѣ архіеп. майнцкаго, вѣнчалъ на царство Пипина. Въ 754 г. предпринялъ новое путешествіе къ фризамъ и, остановившись близъ Докумъ (Доккита), онъ пригласилъ туда къ 5 іюня 755 г. для крещенія массу неофитовъ; но до ихъ прибытія прискакала толпа заговорщиковъ-язычниковъ. Вооруженная стража Бонифація хотѣла сопротивляться, но

Бонифацій, запрещая кровопролитіе, палъ подъ ударами язычниковъ, держа надъ головою Библію. Съ нимъ вмѣстѣ погибли и его товарищи. Мощи Бонифація находятся въ монастырѣ «Фульда», гдѣ до сихъ поръ показываютъ переписанное его рукою Евангеліе и омоченный его кровію листъ бумаги.

Чего не смогла сдѣлать проповѣдь Бонифація, того достигъ мечъ Карла Великаго, могущественнѣйшаго изъ всѣхъ франкскихъ королей. Покореніе саксовъ для Карла Великаго было дѣломъ политической необходимости, но фактическое покореніе было не мыслимо безъ обращенія въ христіанство, такъ какъ саксы ненавидѣли религію франковъ не меньше, чѣмъ самихъ франковъ. Войны противъ саксовъ длились 33 года (772—804 г.). Франкскіе священники шли вслѣдъ за войскомъ и обращали въ христіанство завоеванныя страны; но какъ только войска уходили, саксы снова возвращались въ язычество и разрушали христіанскія учрежденія. И хотя на соборѣ въ Падерборнѣ въ 777 г. саксы принуждены были дать клятву сохранять христіанскую вѣру, въ противномъ случаѣ они отвѣчали жизнію, но могущественный и храбрый князь Витекиндъ, не присутствовавшій на соборѣ, организовалъ новое возстаніе. Франкское войско потерпѣло пораженіе при горѣ Сунталѣ, священники были перебиты и церкви разрушены. Хотя Карлъ и отомстилъ за это — избіеніемъ въ 782 г. въ городѣ Верденѣ до 4,500 саксовъ, но эта жестокость повела только въ слѣдующемъ же году къ новому возстанію. Карлъ созвалъ второй соборъ въ Падерборнѣ въ 785 г. и на немъ предписалъ саксамъ кровавые законы, по которымъ малѣйшее преступленіе противъ церкви влекло за собою смертную казнь. При этихъ условіяхъ храбрый вождь саксовъ Витекиндъ понялъ тщетность дальнѣйшаго сопротивленія и въ 785 г. самъ принялъ христіанство. Карлъ учредилъ въ саксkихъ владѣніяхъ 8 епископій. Водворивъ христіанство на первыхъ порахъ силою оружія, онъ старался затѣмъ укрѣпить новое ученіе и мирнымъ путемъ, съ каковой цѣлію построилъ много школъ и церквей, между послѣдними особенно извѣстны въ Мюнстерѣ, Оснабрюкѣ, Падерборнѣ, Минденѣ, Бременѣ, Верденѣ и друг.

Постепенно затѣмъ христіанство распространилось изъ этихъ центровъ въ Шлезвигъ-Голштинію, Ютландію и Скандинавію (см.), а также и среди разбросанныхъ по Германіи славянъ (см.). Позднѣе всѣхъ познакомились съ евангельскимъ ученіемъ *пруссы*. Имъ впервые проповѣдывалъ епископъ пражскій Адальбертъ, убитый въ Самландіи въ 997 г. 12 лѣтъ спустя такая же участь постигла англо-саксонскаго монаха Бруно съ 18 товарищами (1009 г.): всѣ они были убиты на литовской границѣ. Послѣ 200-лѣтняго періода въ Пруссіи появились новые миссіонеры. Первымъ явился игуменъ Готфридъ изъ польскаго монастыря «Лукина», но и онъ и его сподвижникъ Филиппъ послѣ многообѣщающаго начала нашли здѣсь мученическую кончину въ 1207 г. Успѣшнѣе была дѣятельность монаха померанскаго монастыря «Олива» (близъ Данцига) Христіана, который можетъ быть названъ дѣйствительнымъ апостоломъ пруссовъ. По примѣру ордена «меченосцевъ» онъ основалъ въ Пруссіи въ 1225 г. орденъ рыцарей «Добринскихъ» (Milites Christi), но они уже въ теченіе перваго года были почти всѣ перебиты. Послѣ этого, въ соединеніи съ герцогомъ Конрадомъ мазовскимъ, страна котораго также много страдала отъ нападеній пруссовъ-язычниковъ, Христіанъ призвалъ на помощь знаменитый тогда орденъ «Нѣмецкихъ рыцарей», и съ этого времени началась 60-лѣтняя кровавая борьба съ язычествомъ (1226 г.). Въ періодъ этой борьбы, кромѣ Христіана, трудился среди пруссовъ папскій легатъ, епископъ моденскій Вильгельмъ. Въ 1243 г., по порученію папы Иннокентія IV, онъ основалъ въ Пруссіи 4 епископскія каѳедры — кульмскую, померанскую, эрмеландскую и самландскую. Наконецъ, въ 1283 г. война закончилась утвержденіемъ христіанства, хотя и среди жалкихъ остатковъ въ опустошенной странѣ.

Главными дѣятелями на миссіонерскомъ поприщѣ въ Г., какъ и во всей вообще западной Европѣ, были монахи и государи, хотя мотивы дѣятельности тѣхъ и другихъ были различны. Въ то время, какъ первые дѣйствовали большею частью по религіознымъ побужденіямъ, у государей на первомъ планѣ всегда стояли соображенія политическія. Способы распространенія христіанскаго ученія были также различны; духовенство старалось пріобрѣтать новыхъ послѣдователей убѣжденіемъ, ласкою, улучшеніемъ ихъ положенія, школами и просвѣщеніемъ, свѣтскіе же правители не стѣснялись прибѣгать къ силѣ внѣшняго авторитета, войнѣ и оружію. Миссіонеры изъ монаховъ обыкновенно испрашивали сначала благословенія папы и потомъ уже отправлялись на проповѣдь; государи-же дѣлали это лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда папское благословеніе имъ почему-либо было полезно или необходимо. Такимъ образомъ роль папъ въ дѣлѣ распространенія христіанства первоначально была только поощрительною, и только впослѣдствіи мало по малу миссія переходитъ въ ихъ полное распоряженіе и въ свою очередь начинаетъ иногда служить и цѣлямъ политическимъ, вызывая такія явленія, какъ крестовые походы и т. п.

Оставляя въ сторонѣ дальнѣйшую судьбу христіанской церкви въ Г. въ періодъ чрезмѣрнаго возвышенія и захвата папской власти и послѣдовавшей затѣмъ реакціи въ видѣ *протеста* въ гражданскомъ и церковномъ отношеніяхъ, породившаго въ 1517 г. реформацію (см.), мы скажемъ лишь, что церковная реформа Лютера (см.) далеко не имѣла бы успѣха и не принесла бы тѣхъ результатовъ, въ области церковной жизни въ Г., если бы она не была подготовлена всѣми прочими условіями политической и общественной жизни народовъ запада. Реформацію берутъ подъ свою защиту не только нѣмецкіе короли, курфюрсты и князья, но и иноземные, какъ напр. шведскій король Густавъ Адольфъ, павшій въ битвѣ у Люцена въ 1632 г., онъ тѣмъ не менѣе былъ однимъ изъ главныхъ творцовъ вестфальскаго мира (1648 г.), давшаго протестантамъ полную религіозную свободу и уравнявшаго ихъ положеніе и права съ римско-католиками. Имя Густава Адольфа сдѣлалось затѣмъ (въ 1834 г.) знаменемъ цѣлаго союза членовъ протестантской церкви для поддержки братьевъ по вѣрѣ въ Г., Австріи и др. странахъ.

Съ введеніемъ реформаціи религіозное единство на западѣ и въ частности въ Г. было разрушено, а вмѣстѣ съ симъ возникло множество сектъ раціоналистическаго и мистическаго направленія, какъ-то, методистовъ, баптистовъ, квакеровъ, ирвинганъ и т. п., такъ что составъ настоящаго населенія Германіи по исповѣданіямъ представляетъ собою слѣд. картину.

Какъ извѣстно, однимъ изъ постановленій аугсбургскаго мира (1555 г.) было провозглашеніе извѣстнаго принципа «Cujus regio, ejus religio», въ силу котораго подданные должны были слѣдовать вѣрѣ своихъ правителей. Этимъ уже тогда было намѣчено, кто долженъ остаться вѣрнымъ Риму и кто могъ принять реформацію, и лишь этимъ объясняется быстрая смѣна вѣроисповѣданій въ герцогствахъ саксонскомъ, швабскомъ и франконскомъ.

Впослѣдствіи римско-католич. церковь становится преобладающей на югѣ и евангелическая — на сѣверѣ; лишь въ нѣкоторыхъ областяхъ оба исповѣданія существовали на *равныхъ* правахъ.

Римско-католич. остались три огромныхъ архіепископства на нижнемъ Рейнѣ—Майнцъ, Триръ и Кельнъ, вестфальскія епископства Мюнстеръ и Падерборнъ, франкскія епископства на Майнѣ, Вюрцбургъ и Бамбергъ, монастырь Фульда, на Альтмюлѣ епископство Эйхштеттъ, на Рейнѣ епископства Вормсъ и Шпейеръ. всѣ австрійскія области на Рейнѣ, въ южной Швабіи такъ называемая Передняя Австрія, швабскія и баварскія епископства и прелатуры и, наконецъ, герцогство Баварское съ верхнимъ Пфальцемъ. Вся же сѣверная часть Фрисландіи до Помераніи, районы рѣкъ Везера, Эльбы ниже границы Богеміи и Одера ниже границы Силезіи — образовали

обширную протестанскую область. По вѣроисповѣданію населеніе Германіи, числящееся по статистическимъ даннымъ къ 2 декабря 1895 г. въ 52.276,901 (для округленія взято 52.500.000), распредѣляется слѣдующимъ образомъ: протестантовъ и реформатовъ 63%, римско-католиковъ 35,8%, іудеевъ 1,2%.

Отношенія между церковью и государствомъ. Взаимныя отношенія церкви и государства въ рим. католицизмѣ, конечно, понимались въ смыслѣ церковнаго главенства или подчиненія государства церковной власти. Но реформація, разрушивъ принципъ римско-католич. главенства, выдвинула на первый планъ власть гражданскую съ императоромъ, въ качествѣ Summus Episcopus,—„Верховнаго епископа, съ чѣмъ конечно не охотно мирился воинствующій Римъ. Въ результатѣ явилась извѣстная «культурная борьба», когда германское, или точнѣе прусское, правительство вслѣдъ за политическимъ объединеніемъ, опасаясь вліянія папы на политическую жизнь страны, рѣшило перейти къ новой системѣ церковно-государственныхъ отношеній. Иниціаторомъ этой борьбы былъ князь Бисмаркъ, исполнителемъ его плановъ прусскій министръ народнаго просвѣщенія и вѣроисповѣданій (Kultusminister) Фалькъ. Первымъ шагомъ въ этомъ направленіи было изгнаніе въ 1872 г. изъ Германіи ордена іезуитовъ по опредѣленію рейхстага. Затѣмъ вступаютъ въ дѣйствіе извѣстные «Майскіе законы» (1873 г.), которыми устанавливается строгій контроль правительства надъ школами, назначеніемъ на должности и вообще надъ всей системой образованія и пасторальною дѣятельностью католическаго духовенства. Послѣднее вступило въ борьбу, устраивая всюду протесты, чѣмъ вызывало свѣтскія сферы къ новымъ репрессаліямъ, непокорныхъ епископовъ правительство подвергало значительнымъ денежнымъ штрафамъ и даже тюремнымъ заключеніямъ. 5 февраля 1875 г. папа Пій IX энцикликой «Quod nunquam» объявилъ законы неимѣющими силы и этимъ окончательно уничтожилъ возможность мирнаго уляженія взаимно-обострившихся отношеній. Прусское правительство отвѣтило изгнаніемъ изъ страны всѣхъ римско-катол. орденовъ и конгрегацій и прекращеніемъ выдачи правительственнаго содержанія на церковь и духовенство [1]). При такихъ обстоятельствахъ вступаетъ на папскій престолъ Левъ XIII (избр. 10 февр. 1878 г.). Избѣгая открытой борьбы, онъ съ изумительною ловкостью повелъ политику дипломатическаго умиротворенія и въ короткое время совершенно обезоружилъ Бисмарка, который, несмотря на свое гордое заявленіе «мы не пойдемъ въ Каноссу», въ дѣйствительности пошелъ въ нее. Успѣху папы много содѣйствовало то обстоятельство, что онъ имѣлъ на своей сторонѣ въ рейхстагѣ такъ называемый «центръ», который къ тому времени усилился почти вдвое и образовалъ сильную оппозиціонную партію, представлявшую въ союзѣ съ партіей консервативной весьма опасную силу, между тѣмъ какъ правительству для борьбы съ соціалъ-демократіей нужны были голоса, и оно принуждено было пойти на уступки. Министръ Фалькъ, принимавшій главное участіе въ борьбѣ съ ультрамонтанствомъ, получилъ отставку, и «майскіе законы» были почти отмѣнены; ордена и конгрегаціи, за исключеніемъ нѣкоторыхъ, получили разрѣшеніе возвратиться; вновь допущено открытіе католическихъ духовно-учебныхъ заведеній; закономъ отъ 29 апрѣля 1887 г. отмѣняется право правительственнаго «veto» при назначеніи папою духовенства на должности въ Г. Наконецъ, въ 1891 г. были даже возвращены римско-катол. церкви удержанныя у ней съ 1875 г. 16 милліоновъ марокъ.

Послѣ побѣды рим.-католицизма надъ прусскимъ правительствомъ въ «куль-

[1]) Для характеристики уже позднѣйшихъ отношеній католическаго духовенства къ своимъ противникамъ не безъинтересно указать, что когда умеръ оберъ-бургомистръ Берлина фонъ-Форкенбергъ, католикъ по вѣроисповѣданію, но стоявшій на сторонѣ правительства въ культурной борьбѣ, то католическое духовенство отказалось хоронить его и обрядъ погребенія былъ совершенъ *лютеранскимъ пасторомъ.*

турной борьбѣ» и въ евангелической церкви появилось желаніе освободить внутреннее церковное управленіе отъ вмѣшательства свѣтской власти. Ходатайство объ этомъ было внесено въ палату депутатовъ Фрейгеръ-фонъ-Гаммерштейномъ. Евангелическое духовенство выставило слѣдующія требованія: свобода сношеній церковной власти съ главой государства, какъ съ «summus episcopus»; независимость внутренняго церковнаго законодательства отъ ландтага и министерства; право голоса и «veto» при назначеніи пасторовъ и профессоровъ богословія въ университеты. Но это уже грозило свободѣ религіозной мысли, такъ какъ приблизило бы строй протестантской церкви къ католической іерархіи. Поэтому кн. Бисмаркъ въ 1887 г., выражая мнѣніе правительства по этому вопросу, сказалъ, что «не ожидалъ этого отъ евангелическаго духовенства, и заявилъ, что равенство между обѣими церквами невозможно, такъ какъ обѣ онѣ представляютъ собою «величины несоизмѣримыя».

Въ настоящее время «de jure» всѣ религіи въ Г. пользуются равноправностью, но de facto этого, конечно, нѣтъ. Хотя еще со временъ Фридриха Великаго (1740—1786 г.), когда въ составъ Пруссіи вошли нѣкоторыя р.-католическія области (Силезія, Познань, часть Польши), здѣсь оба исповѣданія формально должны пользоваться одинаковыми правами, но въ государствахъ, съ большинствомъ протестантскаго исповѣданія, какъ напр., въ Пруссіи, глава государства есть въ то же время и глава церкви (summus episcopus), и церковь представляетъ собою болѣе учрежденіе государственное, чѣмъ церковное. Въ государствахъ же р.-католическихъ, какова, напр., Баварія, верховной главой церкви является папа; онъ вполнѣ самостоятельно распоряжается здѣсь епископскими каѳедрами, и свѣтская власть имѣетъ лишь самое незначительное вліяніе. Но какъ въ тѣхъ, такъ и въ другихъ государствахъ, при назначеніи на должность, р.-католическое духовенство обязано давать присягу (Eidleistung) на вѣрность правительству страны, хотя обѣщаетъ при этомъ исполнять ее лишь настолько, насколько она не стоитъ въ противорѣчіи съ обѣтами, данными римскому престолу при посвященіи въ санъ. Отъ правительствъ римско-католическая церковь получаетъ весьма значительную субсидію, размѣры которой не вездѣ одинаковы, считая приблизительно на каждое епископство ежегодно отъ 100 до 300 тысячъ марокъ.

Церковное устройство разныхъ исповѣданій. Вслѣдствіе полит. раздробленности Герм. имперіи, не имѣющей, такъ сказать, еще обще-имперскаго исповѣданія, строй *евангелической* церкви не вездѣ одинаковъ, хотя въ общемъ церковная іерархія и администрація во всѣхъ союзныхъ государствахъ существеннаго отклоненія отъ общаго типа не представляетъ. Поэтому будетъ достаточно разсмотрѣть здѣсь лишь устройство евангелической церкви хотя бы въ Пруссіи, какъ въ государствѣ наибольшемъ по объему и важнѣйшемъ по значенію.

Въ административномъ отношеніи Прусское королевство раздѣляется на 12 провинцій, приблизительно соотвѣтствующихъ нашимъ генералъ-губернаторствамъ. Девять изъ нихъ — 1) Восточная Пруссія (Кенигсбергъ), 2) Западная Пруссія (Данцигъ), 3) Познань (Позенъ), 4) Силезія (Бреславль), 5) Померанія (Штетинъ), 6) Бранденбургъ (Берлинъ), 7) Вестфалія (Мюнстеръ), 8) Саксонская провинція (Магдебургъ) и 9) Рейнская (Кельнъ и Кобленцъ), составляютъ коренную Пруссію и носятъ названіе «старыхъ» провинцій; три же остальныхъ—1) Шлезвигъ-Голштейнъ, 2) Ганноверъ и 3) Гессенъ-Нассау (Кассель), присоединенныя къ Пруссіи лишь съ 1866 г. и позднѣйшихъ годовъ, считаются новыми.

Центральнымъ дух. учрежденіемъ для старыхъ провинцій является *верховный евангелич. совѣтъ* (Oberkirchenrat), находящійся въ Берлинѣ; онъ приблизительно соотвѣтствуетъ нашей канцеляріи оберъ-прокурора св. синода. Совѣтъ состоитъ изъ свѣтскаго президента, духовнаго вице-президента и 12 членовъ, которыми могутъ быть богословы, юристы и другія лица. Въ дѣлахъ своего вѣдомства со-

вѣтъ подчиненъ только королю, хотя, какъ и всѣ государственныя учрежденія, онъ имѣетъ сношенія съ министромъ вѣроисповѣданій въ вопросахъ административнаго характера; всѣ дѣла разрѣшаются въ немъ большинствомъ голосовъ. Члены совѣта назначаются пожизненно самимъ королемъ; по своимъ правамъ и служебному положенію они могли бы быть приравнены къ совѣтникамъ министерствъ и приблизительно соотвѣтствуютъ директорамъ департаментовъ. Компетенціи верховнаго совѣта подлежатъ всѣ важнѣйшіе вопросы церковнаго законодательства и управленія. Онъ непосредственно сносится съ центральными государственными учрежденіями, издаетъ предписанія духовенству и имѣетъ надзоръ за дѣятельностью заграничнаго духовенства, пасторовъ военнаго и тюремнаго вѣдомствъ и богоугодныхъ заведеній.

Вторую административную инстанцію составляютъ консисторіи, находящіяся въ главныхъ городахъ провинцій— Берлинѣ, Бреславлѣ, Кенигсбергѣ, Кобленцѣ, Мюнстерѣ, Магдебургѣ, Позенѣ и Штетинѣ. На обязанности этихъ учрежденій, во главѣ коихъ стоятъ также свѣтскіе предсѣдатели, а ближайшими помощниками генералъ - суперъинтенденты, лежитъ наблюденіе за церковной дисциплиною, дѣятельностью пасторовъ, ихъ назначеніемъ и увольненіемъ, а также завѣдываніе церковными имуществами. При консисторіяхъ существуютъ особыя коммиссіи, гдѣ экзаменуются и получаютъ право проповѣдниковъ кандидаты на духовныя должности. Число членовъ провинціальныхъ консисторій, въ зависимости отъ размѣровъ подвѣдомственныхъ округовъ, колеблется между 6 и 15. Какъ въ верховномъ совѣтѣ, такъ и въ консисторіяхъ число духовныхъ членовъ значительно превышаетъ количество свѣтскихъ, но они обыкновенно занимаютъ лишь второстепенныя должности и поэтому наибольшее вліяніе на ходъ дѣлъ оказываютъ свѣтскіе члены. Кромѣ консисторій областныхъ, существуютъ еще *діоцезы* или консисторіи уѣздныя, во главѣ которыхъ стоятъ *суперъ - интенденты*. Въ восточныхъ провинціяхъ они назначаются пожизненно самимъ королемъ, въ западныхъ— на 6 лѣтъ уѣздными синодами. Со включеніемъ военныхъ оберъ-пасторовъ въ Пруссіи имѣется 415 суперъинтендентовъ. Каждому суперъ-интенденту среднимъ числомъ подчинено 16 пасторовъ. Обязанности суперъинтендентовъ заключаются въ непосредственномъ личномъ надзорѣ надъ дѣятельностью пасторовъ и кандидатовъ и надъ религіозною жизнію общинъ; кромѣ того, имъ вмѣняется въ обязанность школьная инспекція и ревизія церковныхъ суммъ.

На ряду съ указанными правительственными органами церковнаго управленія въ Пруссіи существуютъ еще три категоріи синодовъ, въ основу дѣятельности которыхъ положенъ принципъ *общиннаго* самоуправленія, выражающійся въ системѣ синодовъ уѣздныхъ и областныхъ и находящій себѣ завершеніе въ генеральномъ синодѣ. *Генеральный синодъ*, собирающійся въ Берлинѣ, состоитъ изъ 150 человѣкъ, избираемыхъ 8-ю провинціальными синодами; изъ этого количества на Бранденбургъ приходится 27 лицъ, на прусскую и саксонскую провинціи по 24, на Силезію 21, Померанію 18, рейнскую провинцію 15, Вестфалію 12 и Позенъ 9. Затѣмъ въ составъ генеральнаго синода входятъ 6 депутатовъ отъ богословскихъ факультетовъ всѣхъ университетовъ прусскаго королевства, всѣ генералъ-суперъ-интенденты и 30 лицъ, назначаемыхъ королемъ. Обыкновенныя собранія уѣздныхъ синодовъ бываютъ ежегодно, провинціальныхъ— черезъ 3 года и генеральнаго — черезъ каждые 6 лѣтъ. Обязанности уѣздныхъ синодовъ состоятъ въ разсмотрѣніи дѣлъ и выработкѣ проектовъ административнаго характера для своего района. *Областные синоды* наблюдаютъ за церковнымъ ученіемъ и богослуженіемъ и рѣшаютъ вопросы церковнаго управленія въ предѣлахъ провинцій; кромѣ того, отъ областныхъ синодовъ зависитъ разрѣшеніе вводить новые катехизисы и руководства по преподаванію Закона Божія, имѣть главный надзоръ надъ кассами

уѣздныхъ синодовъ и право посылать депутатовъ въ экзаменаціонныя коммиссіи. *Генеральному* синоду предоставлено главнымъ образомъ право санкціи въ церковномъ законодательствѣ; онъ вводитъ или отмѣняетъ церковные праздники, церковные, общинные и синодальные порядки; онъ имѣетъ дисциплинарную власть надъ пасторами и другими церковными служителями.

Военное духовенство состоитъ въ вѣдѣніи военнаго министерства и подчинено духовному лицу, именуемому «Feldprobst (полковой благочинный), а такъ какъ служащіе въ войскахъ не всѣ протестанты, то въ соотвѣтствіе протестантскому пробсту, для католиковъ имѣется католическій пробстъ, иногда облеченный саномъ епископа in partibus infidelium, какъ напр., въ настоящее время епископъ Асманъ, считающійся филадельфійскимъ, бывшій прежде настоятелемъ католической церкви св. Ядвиги въ Берлинѣ.

Матеріальное положеніе духовенства. Доходы духовенства, какъ въ смыслѣ источниковъ, такъ и размѣровъ очень различны. Большею частью пасторы получаютъ отъ приходовъ квартиру или деньги для этой цѣли. Источниками доходовъ служатъ церковныя земли, натуральныя повинности общинъ, церковные капиталы, субсидіи правительства и разныхъ обществъ, пожертвованія и, наконецъ, исправленіе церковныхъ требъ. Всѣмъ евангелическимъ священникамъ, имѣющимъ ежегоднаго дохода менѣе 1800 марокъ, правительство доплачиваетъ до этой суммы; прослужившіе болѣе 5 лѣтъ получаютъ 2400 мар. въ годъ; имѣющимъ за собой 20 лѣтъ службы полагается жалованье въ 3000 мар. Кромѣ того, по духовному вѣдомству существуетъ предписаніе, согласно которому на мѣста съ доходомъ свыше 3600 мар. могутъ быть назначаемы лишь пасторы, прослужившіе не менѣе 10 лѣтъ, и въ церкви съ доходомъ болѣе 5400 мар., — только прослужившіе 15 лѣтъ. Закономъ отъ 26 января 1880 г. въ Пруссіи отмѣнены существовавшія ранѣе эмеритальныя духовныя кассы и образованы пенсіонныя, которыя выдаютъ ежегодныя субсидіи: за 25-тилѣтнюю службу въ размѣрѣ $^1/_2$ жалованья и за 40 л. службы $^3/_4$ оклада [1]).

Во главѣ римско-католической церкви стоитъ, конечно, папа, около котораго группируются епископы, непосредственно подчиненные ему въ религіозномъ отношеніи. Въ ихъ рукахъ сосредоточена законодательная и административная власть, и для цѣлей управленія они сами назначаютъ себѣ помощниковъ, называемыхъ генералъ-викарами. При отправленіи же богослуженія ихъ помощниками являются викарные епископы (Weih-Bischoff); при каждомъ епископствѣ находится капитулъ канониковъ, члены которыхъ въ старыхъ провинціяхъ назначаются отчасти королемъ, отчасти самимъ епископомъ, въ новыхъ провинціяхъ поочередно — или епископомъ или самимъ капитуломъ; въ веденіи дѣлъ каноники имѣютъ большею частью только совѣщательный голосъ; по смерти каждаго епископа они прежде всего избираютъ исправляющаго должность, потомъ самого епископа, но при этомъ они обязаны избирать только такого, который представленъ свѣтской властью. Для подготовки р. католическаго духовенства существуютъ богословскіе факультеты при университетѣ въ Бреславлѣ и Боннѣ, кромѣ того, при академіи въ Мюнстерѣ и въ лицеѣ «Gosianum» въ Браунсбергѣ. Въ Г. существуютъ 5 архіепископій: 1) кельнская, 2) познано-гнезенская для Пруссіи, 3) мюнхенъ - фрейзинская, 4) бамбергская для Баваріи и 5) фрейбургская для Бадена, Гогенцоллерна, Вюртемберга, Гессена и Гессенъ - Нассау; 20 епископій 3 викарныхъ епископій въ Дрезденѣ, въ Ангальтѣ и для сѣверныхъ миссій. Въ качествѣ диссидентскаго вѣроученія, возникшаго на почвѣ р.-католицизма, является старо-католическая церковь, находящаяся подъ управленіемъ признаннаго государствомъ епископа, имѣющаго свое пребываніе въ Боннѣ. Церковное устрой-

[1]) Пенсію въ размѣрѣ полнаго оклада получаютъ только министры.

ство старо-католическаго вѣроисповѣданія утверждено на первомъ конгрессѣ въ Боннѣ въ 1874 г.; согласно постановленіямъ этого конгресса, единственнымъ законнымъ государственнымъ органомъ духовнаго управленія признаются синоды, которымъ предоставлено право избранія епископа и исполнительнаго комитета (Synodal - repraesentance). Конгрессы собираются въ неопредѣленные сроки; до сихъ поръ состоялось одиннадцать конгрессовъ, изъ нихъ 5 международныхъ: въ 1890 г.—въ Кельнѣ, въ 1892 г.—въ Люцернѣ, въ 1894 г.—въ Роттердамѣ, въ 1897 г. въ Вѣнѣ и въ августѣ 1902 года пятый международный и вмѣстѣ съ тѣмъ 11-й нѣмецкій конгрессъ въ Боннѣ.

Церковно-религіозная жизнь народа. Разнохарактерность національностей германскаго населенія и отсутствіе однообразія въ смыслѣ вѣроисповѣданія естественно отражается и на религіозной жизни народа. Наиболѣе интенсивной она является въ католическихъ областяхъ, гдѣ народъ усердно посѣщаетъ храмы и строго придерживается церковныхъ обрядовъ. Кромѣ того, въ этомъ отношеніи несомнѣнное преимущество передъ столицами и вообще крупными центрами имѣютъ деревни и небольшіе провинціальные города.

Среди протестантовъ нравственное вліяніе церкви все болѣе и болѣе уменьшается, особенно съ тѣхъ поръ, какъ правительство признало цѣлесообразнымъ передать веденіе списковъ о рожденіи, заключеніи браковъ и смерти гражданской власти [1]), вслѣдствіе чего народъ не имѣетъ болѣе надобности въ важнѣйшихъ случаяхъ своей семейной жизни обращаться къ представителямъ церкви. При догматической свободѣ протестантизма и почти приближающемся къ атеизму раціонализмѣ главнѣйшихъ представителей протестантской теологіи, большая часть которыхъ не признаетъ божества Іисуса Христа, сверхъестественнаго Его рожденія, чудеснаго воскресенія и т. п., протестантской церкви не достаетъ необходимаго авторитета, чтобы повліять на массы, которыя все болѣе и болѣе удаляются отъ церкви [1]), чему въ значительной степени содѣйствуетъ особенное развитіе соціалъ - демократическихъ тенденцій съ исключительно утилитарнымъ характеромъ. Этимъ объясняется и то, что католики, составляя лишь 1/3 населенія Г., но объединенные хорошо организованнымъ церковнымъ строемъ, оказываютъ наибольшее вліяніе не только на религіозную, но и политическую жизнь страны. Протестантское общество давно уже поняло ненормальность религіозно-нравственной жизни и подъ вліяніемъ этого сознанія создало, такъ называемую «*внутреннюю миссію*». Главнымъ представителемъ этого движенія въ Г. сдѣлался въ 1848 г. извѣстный писатель - романистъ Вихернъ (см.), дѣятельность котораго оставила глубокій слѣдъ на развитіи внутренней миссіи послѣднихъ лѣтъ. Онъ ясно понималъ, что всѣ бѣдствія церкви, открытыя и тайныя отпаденія отъ христіанства, невѣжество и деморализація народныхъ массъ должны неизбѣжно привести къ ниспроверженію существующаго соціальнаго строя. Для устраненія этой грозящей опасности необходимо организовать миссію для своихъ собственныхъ членовъ церкви и работать среди нихъ съ такимъ же усердіемъ, какъ и между язычниками. Разница между ними состоитъ лишь въ томъ, что дѣятельность внутренней миссіи направлена на искорененіе нехристіанскихъ элементовъ въ обществѣ уже христіанскомъ и укрѣпленіе въ немъ

[1]) Пасторъ, совершившій вѣнчаніе безъ предварительнаго зарегистрированія вступающихъ въ бракъ въ Standesamt'ѣ или меріи, подвергается денежному штрафу въ 300 марокъ или 2-хъ недѣльному заключенію въ тюрьмѣ.

[1]) Самая церковная проповѣдь, замѣняющая собою почти все богослуженіе, при полной свободѣ отношенія къ авторитету Св. Писанія, имѣетъ значеніе лишь *частнаго* мнѣнія, а не постояннаго, незыблемаго авторитета Слова Божія. Нерѣдко слышатся заявленія противъ необходимости сооруженія храмовъ, которые съ протестантской точки зрѣнія вполнѣ легко и съ неменьшимъ удобствомъ могутъ быть замѣнены помѣщеніями цирковъ и театровъ.

этихъ началъ. Средства, коими пользуются миссіи, чуждыя всякой политической партійности, заключаются въ проповѣди, распространеніи книгъ и брошюръ религіозно-нравственнаго содержанія, въ оказаніи помощи больнымъ и въ разнообразной поддержкѣ нуждающихся безъ различія возраста, пола, образованія, общественнаго положенія и занятія. Первоначально ей пришлось бороться не только съ скептицизмомъ общества, но даже съ самой церковью, которая видѣла въ миссіи вмѣшательство въ церковныя дѣла со стороны свѣтскихъ лицъ. Но благотворное вліяніе миссіи на народныя массы сказалось и было признано всѣми, и теперь не только правительство, но и сами церковныя власти принимаютъ живѣйшее участіе въ развитіи внутренней миссіи, и она пользуется большой популярностью. По замѣчанію Ф. Ольденберга, она оказалась единственнымъ средствомъ борьбы противъ тѣхъ темныхъ силъ, которыя, отрицая Высшее Существо и не признавая никакихъ божественныхъ и человѣческихъ правъ, поставили своей задачей уничтоженіе христіанства, представляющаго собою единственную прочную основу народнаго благосостоянія. Ужасающій ростъ преступленій, возрастающая распущенность молодежи, обиліе самоубійствъ, по мнѣнію цитируемаго автора, могутъ только подтвердить это убѣжденіе. Съ полною увѣренностью можно надѣяться, что и въ будущемъ миссію ожидаетъ успѣшное развитіе, и именно вслѣдствіе ея сближенія съ церковью [1]).

Въ римско-католической церкви также много дѣлается для внутренней миссіи, хотя здѣсь она и не носитъ такого общаго названія. Въ составъ ея входятъ различныя общества, какъ-то: общества св. Викентія для пособія бѣднымъ и преимущественно семьямъ, св. Бонифація,—тѣ жѣ цѣли благотворенія и церковно-строительныя, св. Борромея, Франца-Ксаверія, Урсулы, призрѣнія и воспитанія дѣвочекъ, вспомогательное общество католическихъ подмастерьевъ и проч. Успѣху дѣятельности этихъ учрежденій содѣйствуютъ главнымъ образомъ огромныя денежныя средства, особенно жертвуемыя по духовнымъ завѣщаніямъ. Къ сожалѣнію, нельзя сказать, чтобы внутренняя миссія римско-католической церкви ограничивалась чистою дѣятельностью «внутренней миссіи», бо́льшею частью въ нихъ играютъ главную роль политическія соображенія, иногда враждебныя государству, національные интересы или цѣли пропаганды.

Что касается внѣшней миссіи, то прямого отношенія къ религіозной жизни страны она не имѣетъ и участіе общества въ ней выражается лишь въ поддержкѣ миссіонеровъ денежными средствами, причемъ предоставляемыя для этой цѣли суммы выражаются въ весьма значительныхъ цифрахъ.

Народное образованіе въ Г. занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ въ Европѣ. По статистическимъ даннымъ за 1883 г. все населеніе въ Г. даетъ лишь 1,27% неграмотныхъ и впереди ея въ этомъ отношеніи стоятъ лишь Швеція (0,4%) и Данія (0,36%). Изъ отдѣльныхъ государствъ Г. выше всѣхъ по образованію стоятъ Вюртембергъ и Баденъ (0,02%) и позади всѣхъ остается Пруссія (2%). Въ концѣ 1890 г. во всей Г. насчитывалось до 57,000 народныхъ школъ съ 7.000,000 учащихся обоего пола. Въ Г. каждый гражданинъ обязанъ закономъ посылать своихъ дѣтей въ школу отъ 6 до 14-лѣтняго возраста (до конфирмаціи). Первоначальное народное образованіе въ Г. было дѣломъ «церковныхъ общинъ» (Kirchen-Gemeinde) и вообще частной предпріимчивости, причемъ контроль принадлежалъ почти исключительно духовнымъ лицамъ (суперъиндендантамъ, деканамъ), но законъ отъ 11 марта 1872 г. объявилъ школу главнымъ образомъ *государственнымъ учрежденіемъ*, и высшій надзоръ надъ нею признается за правительствомъ, которое и назначаетъ собственныхъ

[1]) Въ настоящее время однимъ изъ главныхъ дѣятелей «внутренней миссіи» является бывшій придворный проповѣдникъ пасторъ Адольфъ Штёккеръ (Stöcker), основатель и глава партіи «Христіанскаго соціализма», издатель Deutsche Evangelische Kirchenzeitung.

инспекторовъ изъ свѣтскихъ лицъ. На ряду съ этимъ продолжаютъ, впрочемъ, существовать частныя и церковно-приходскія школы, но всѣ онѣ находятся подъ наблюденіемъ правительственной власти.

Затѣмъ идетъ цѣлая система среднихъ учебныхъ заведеній [1]), и, наконецъ, всю эту систему завершаютъ университеты, которые въ Г. состоятъ большею частью изъ 4 факультетовъ: теологическаго, юридическаго, медицинскаго и философскаго. Богословскіе факультеты преимущественно *евангелическіе*; римско-католическіе же имѣются лишь въ университетахъ въ Мюнхенѣ, Мюнстерѣ, Фрейбургѣ (въ Brisgau) и въ лицеѣ въ Браунсбергѣ, и по два теологич. факультета (римско-католическій и евангелическій) имѣютъ университеты въ Боннѣ, Бреславлѣ и Тюбингенѣ. Послѣдній имѣетъ собственно 7 факультетовъ, такъ какъ здѣсь существуютъ еще факультеты: политической экономіи и естественный. Университеты въ Мюнхенѣ и Вюрцбургѣ имѣютъ также по 5 факультетовъ; первый имѣетъ факультетъ политической экономіи, второй — соціальныхъ наукъ. Академія въ Мюнстерѣ (стоящая на степени университета) имѣетъ только 2 факультета — католическій богословскій и философскій. Старѣйшій университетъ Г. находится въ Гейдельбергѣ (1386 г.), самый новый — въ Страсбургѣ (1872 г.). Всего въ Г. со включеніемъ академіи въ Мюнстерѣ и римско-катол. теологическаго факультета въ Браунсбергѣ—22 университета.

Русскія и другія православныя церкви въ Германіи. По лицу германской территоріи, среди грандіозныхъ римско-католическихъ и протестантскихъ храмовъ нашли себѣ мѣсто наши русскія православныя церкви, частію въ видѣ особыхъ отдѣльныхъ храмовъ, частію въ домахъ при посольствахъ и миссіяхъ, въ слѣдующихъ 21 городѣ и селеніи: 1) *Берлинѣ* съ приписными къ нему храмами, 2) въ *Потсдамѣ* и 3) *Гомбургѣ* (vor der Höhe) близъ Франкфурта на Майнѣ, 4) кладбищенскимъ братскимъ храмомъ близъ *Тегеля*, 5) братскими храмами въ *Киссингенѣ* (въ Баваріи), 6) въ *Герберсдорфѣ* (въ Силезіи) и 7) вольномъ и ганзейскомъ городѣ *Гамбургѣ*; 8) *Дрезденѣ*, 9) *Веймарѣ*, 10) *Висбаденѣ* и приписанномъ къ нему храмомъ, 11) въ *Эмсѣ*, 12) въ *Дармштадтѣ*, 13) въ *Штутгартѣ* и приписанномъ къ нему храмѣ 14) на *Ротенбергѣ*, 15) въ *Кобургѣ* и 16) *Готѣ*, 17) въ *Карлсруэ* и 18) *Баденъ-Баденѣ*, 19) въ *Людвигслюстѣ*, 20) *Шверинѣ* и 21) *Ремплинѣ*. Кромѣ русскихъ церквей, находятся въ Германіи греческія православныя въ 22) *Лейпцигѣ* и 23) *Мюнхенѣ* и православная *румынская церковь* (Стурдзы) 24) въ *Баденъ-Баденѣ*. Итого 24 православныхъ церкви на 26,559 русскихъ (по подданству) и около 7 т. (изъ 8947) грековъ, румынъ, сербовъ, черногорцевъ, болгаръ и прочихъ славянскихъ народностей, обитающихъ постоянно или временно въ Германіи. Сюда нужно присоединить еще 25) *молитвенный домъ единовѣрцевъ*, пребывающихъ въ восточной Пруссіи въ селеніи *Федорвальдѣ*, близъ города Alt Ukta, въ Зензбургскомъ округѣ. Изъ упомянутыхъ церквей, однѣ состоятъ при императорскихъ россійскихъ посольствахъ и миссіяхъ (Берлинъ, Дрезденъ, Штутгартъ), другія состоятъ при высочайшихъ особахъ русскаго царствующаго дома (Кобургъ-Гота, Шверинъ, Карлсруэ, Ремплинъ), третьи — надгробныя, сооруженныя на мѣстѣ упокоенія царственныхъ особъ (Висбаденъ, Роттенбергъ, Веймаръ, Людвигслюстъ), четвертыя — курортныя (Баденъ-Баденъ, Эмсъ, Киссингенъ, Гомбургъ, Герберсдорфъ), на мѣстахъ, наиболѣе посѣщаемыхъ русскими больными, и, наконецъ, церкви, возникшія по особымъ историческимъ потребностямъ, какъ напр. въ Потсдамѣ при русской колоніи Александровкѣ, или по мѣстнымъ потребностямъ, какъ кладбищенскій братскій храмъ близъ Тегеля. Вотъ очеркъ важнѣйшихъ изъ нихъ:

Домовая церковь во имя св. равноап. вел. князя Владиміра при импер. росс. посольствѣ въ Берлинѣ въ на-

[1]) Кромѣ учительскихъ семинарій, какъ въ католическихъ, такъ и протестантскихъ странахъ, существуютъ *духовныя семинаріи,* также относящіяся къ типу средне-учебныхъ заведеній.

стоящемъ своемъ видѣ и помѣщеніи (Подъ Липами N 7) существуетъ съ 1837 г., когда покойный Императоръ Николай Павловичъ, женатый на прусской принцессѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ, дочери прусскаго короля Фридриха Вильгельма III, пожелалъ пріобрѣсти въ собственность особый домъ для своихъ остановокъ на случай пріѣзда и 30 окт. (11 ноября) пріобрѣлъ его покупкою за 93 т. талеровъ отъ герцогини Саганъ (нынѣшняя стоимость этого дома простирается до 2 милліоновъ талеровъ или 6 мил. марокъ, т. е. ок. 3 мил. рублей). Съ 1837 г. церковь находится въ нижнемъ этажѣ посольскаго дома, не имѣетъ снаружи ни креста, ни колоколовъ, такъ что по внѣшнимъ признакамъ трудно догадаться о ея существованіи. Церковь можетъ вмѣстить не болѣе 150 человѣкъ [1]).

Въ 25 верстахъ отъ Берлина, по направленію къ западу, въ русской колоніи «Александровка» (названной въ честь покойнаго Императора Александра I), близъ Потсдама находится небольшой каменный 5-ти главый русскій правосл. храмъ во имя св. благовѣрнаго и великаго князя Александра-Невскаго. Закладка храма была совершена 30 августа (11 сент.) 1826 г. въ присутствіи прусскаго короля Фридриха Вильгельма III, а освященіе въ присутствіи Императора Николая Павловича и членовъ прусскаго королевскаго дома совершено было протоіереемъ Чудовскимъ 10 іюня 1829 г., причемъ вслѣдъ за освященіемъ храма совершено было таинство крещенія надъ нѣкоторыми изъ дѣтей колонистовъ. Храмъ находится въ очень живописной мѣстности на горѣ Капелленбергъ. Онъ сооруженъ для подареннаго императоромъ Александромъ I королю Фридриху Вильгельму III 23 марта 1813 года хора русскихъ военныхъ пѣсенниковъ. Во время походовъ 1813—1819 гг. русск. хоръ пѣсенниковъ неоднократно пѣлъ на бивуакахъ за королевскимъ столомъ. Настоящіе колонисты прямые потомки ихъ, но уже во 2 и 3-мъ поколѣніи. Ко дню освященія храма всѣхъ колонистовъ было всего 12 человѣкъ, считая въ томъ числѣ русскаго лейбъ-кучера Евлампія Бархатова (котораго нѣмцы называли Иваномъ Боковымъ, какъ по доселѣ раздѣляемому убѣжденію, что въ Россіи всѣ кучера называются Иванами, такъ и по легкости произношенія и запоминанія этихъ болѣе упрощенныхъ именъ). Кучеръ этотъ былъ также подаренъ вмѣстѣ съ тройкой лошадей прусскому королю

За послѣднее десятилѣтіе, въ періодъ времени между 1893 и 1903 гг., возникаютъ, при содѣйствіи основаннаго въ 1890 году при берлинской посольской церкви св. князь-владимірскаго братства, состоящаго подъ августѣйшимъ покровительствомъ великаго князя Владиміра Александровича, заграницею 4 православныхъ храма: кладбищенскій въ сѣверной окрестности Берлина, близъ Тегеля, въ Киссингенѣ, Герберсдорфѣ и вольномъ г. Гамбургѣ.

Кладбищенскій братскій во имя св. равноапостольныхъ царей Константина и Елены построенъ «иждивеніемъ православнаго св. князь-владимірскаго братства и доброхотными приношеніями усердствующихъ жертвователей», на мѣстѣ, пріобрѣтенномъ братствомъ въ собственность, въ 1892 г. Сооруженіе храма въ связи съ устройствомъ при немъ правосл. кладбища вызывалось самыми существенными потребностями такого многолюднаго города, какъ Берлинъ, чрезъ который, кромѣ постоянно живущихъ тамъ православныхъ русскихъ, грековъ, румынъ, сербовъ и прочихъ славянскихъ народностей, проѣзжаетъ среди массы путешествующихъ немало трудно больныхъ, отправляемыхъ врачами на воды и климатическія станціи. Нерѣдкіе случаи внезапной кончины въ отеляхъ, клиникахъ и санаторіяхъ германской

[1]) Настоятелями церкви въ ближайшее время были: Трифонъ Тимоѳеевичъ Кедринъ (1773—1782 г.); Гавріилъ Семеновичъ Данковъ (1782 — 1799 г.); Іоаннъ Борисовичъ Чудовскій (1799 — 1834 г.); Доримедонтъ Васильевичъ Соколовъ (1834—1853 г.); Василій Петровичъ Полисадовъ (1853—1858 г); Іоаннъ Леонтьевичъ Янышевъ (1858—1859 г.); Тарасій Ѳеодоровичъ Серединскій (1859—1886 г.); Алексѣй Петровичъ Мальцевъ.

столицы ставили родныхъ въ весьма затруднительное положеніе при невозможности пользоваться домовою посольскою церковью и при необходимости немедленнаго удаленія почившихъ, особенно изъ отелей, а затѣмъ отданія имъ послѣдняго христіанскаго долга. Бывали случаи, гдѣ приходилось совершать отпѣваніе въ покойницкихъ, въ городскомъ моргѣ и даже въ гробовомъ магазинѣ, что не могло не отягчать горькаго чувства при видѣ такой необычной для православныхъ обстановки.

Дрезденская церковь въ столицѣ королевства саксонскаго состоитъ при императорской россійской миссіи въ Дрезденѣ. Настоящій храмъ, во имя св. Симеона Дивногорца, сооруженъ въ 1872—74 гг. (освященъ 24 мая 1874 г.). Храмъ 5-тиглавый, съ колокольней, выстроенъ, въ прекрасномъ виз. стилѣ, при священникѣ А. Ѳ. Розановѣ и посланникѣ В. Е. Коцебу. Изъ достопримѣчательностей храма обращаютъ на себя вниманіе — иконостасъ, весь изъ бѣлаго каррараскаго мрамора; на престолѣ — серебр.-вызолоченый ковчегъ чеканной работы въ формѣ храма въ руско-византійскомъ стилѣ, даръ покойнаго Государя Императора Александра II; на аналоѣ, у солеи, находится крестъ и образъ Воскресенія (ἀνάστασις) изъ Іерусалима,—даръ патріарха Никодима; образъ написанъ на доскѣ изъ прежней дубовой кувукліи надъ гробомъ Господнимъ съ частицею Живоноснаго гроба.

Въ *Веймарѣ* — столицѣ великаго герцогства саксенъ-кобургъ-готскаго имѣются двѣ православныя церкви — домовая на ул. Аккервандъ 25 и надгробная за городомъ, на протестантскомъ кладбищѣ, обѣ — во имя св. Маріи Магдалины. Первая сооружена въ 1804 г. ея имп. высоч. вел. кн. Маріей Павловной, велико-герцогиней веймарской († 11 123] іюня 1859 г.). Другая, надгробная — въ 1862 г. уже надъ могилою е. и. высочества августейш. сыномъ ея вел. герцогомъ Карломъ-Александромъ и находится рядомъ (стѣна-о-стѣну) съ протест. капеллою, служащей мѣстомъ послѣдняго упокоенія всѣхъ членовъ царствующаго веймарскаго дома. Прав. церковь и капелла имѣютъ одинъ общій склепъ, гдѣ рядомъ съ гробницею вел. княгини Маріи Павловны находится и грабница ея авгуcт. супруга вел. герцога Карла-Фридриха († 8 іюля н. ст. 1853 г.). Церковь въ визаитійскомъ стилѣ и увѣнчана пятью позлащенными куполами.

Въ *Висбаденѣ*, нѣкогда гл. городѣ герцогства нассаускаго, изъ всѣхъ достопримѣчательностей едва ли не первое мѣсто принадлежитъ православно-русскому храму на Нероберrѣ. Малая домовая церковь, существовавшая съ 21 марта 1844 г. при русской миссіи во Франкфуртѣ на Майнѣ, соединена была по волѣ Государя Императора Александра II, согласно съ желаніемъ герцога Адольфа нассаускаго, въ маѣ 1855 г., съ воздвигнутою герцогомъ на склонѣ Таунусскихъ горъ, близъ Висбадена, съ нынѣ существующимъ прекраснымъ храмомъ, который былъ сооруженъ во имя св. праведныя Елизаветы надъ гробомъ благ. госуд. вел. княгини Елизаветы Михаиловны, дочери вел. князя Михаила Павловича, сконч. 16 янв. 1845 г. во цвѣтѣ лѣтъ, первой супруги герцога Адольфа нассаусскаго. Главными средствами для созданія этого величественнаго памятника безвременно почившей послужило оставшееся послѣ ея смерти приданое (до 1 мил. руб.), которое по благоч. желанію герцога и волѣ Импер. Николая Павловича употреблено было на это благое дѣло.

Гессенъ-Дармштадтское великое герцогство, давшее въ послѣднее время нашему царствующему дому двухъ императрицъ, въ Бозѣ почившую Марію Александровну и нынѣшнюю Государыню Александру Ѳеодоровну, до послѣдняго времени (1899 г.) не имѣло на своей территоріи русскаго правосл. храма. И лишь, по мысли и желанію Государя Императора Николая Александровича 4 окт. 1897 г. былъ заложенъ въ присутствіи Ихъ Величествъ и великогерцогскихъ особъ, а чрезъ 2 года (26 сент. 1899 г.) и освященъ во имя св. равноапост. Маріи Магдалины, въ память августѣйшей бабки, также въ присутствіи Ихъ Величествъ, живописно расположенный въ стилѣ старин-

ныхъ ярославскихъ церквей русскій правосл. храмъ. Освященіе было совершено о. протопресвитеромъ въ сослуженіи ближайшихъ священниковъ изъ Висбадена и Кобурга. Своего причта церковь не имѣетъ и служенія въ ней происходятъ въ присутствіи пребывающихъ высочайшихъ особъ сопутствующимъ придворнымъ духовенствомъ.

Въ *Штуттгартѣ*, столицѣ вюртембергскаго королевства, появленіе русской правосл. церкви относится ко времени прибытія сюда для бракосочетанія съ королемъ Вильгельмомъ I ея имп. выс. вел. княжны Екатерины Павловны; она прибыла съ причтомъ и переносными принадлежностями храма, который и былъ помѣщенъ въ такъ называемомъ «Княж. зданіи», теперь уже не существующемъ. Въ 1894 г. по ходатайству г. посланника Э. К. Коцебу, Имп. Александръ III соизволилъ утвердить проектъ постройки новаго особаго храма во имя святителя и чуд. Николая на небольшой площади, выходящей на «Гегелеву улицу». Закладка храма происходила 6 мая 1895 г., через 7 мѣсяцевъ онъ былъ уже вполнѣ готовъ и 6 (18) декабря того же года освященъ. Храмъ—одноглавый и можетъ вмѣстить до 250 человѣкъ. Три золоченыя люстры — даръ вел. княгини Вѣры Константиновны — служатъ прекраснымъ украшеніемъ внутри.

Кромѣ вышеупомянутыхъ православныхъ русскихъ церквей въ Г., существуютъ еще 2 греческія (въ Лейпцигѣ и Мюнхенѣ), 1 румынская (въ Баденъ-Баденѣ) и единовѣрческая молельня (въ Федорвальде—вост. Пруссіи). Изъ нихъ: а) *Греческая* церковь въ Лейпцигѣ, во имя великомученика Георгія, существуетъ съ 1847 г. и помѣщается на ул. Katharinenstr. б) *Греческая* церковь въ Мюнхенѣ, во имя Христа Спасителя, построена въ 1494 г. герцогомъ Альбрехтомъ IV, и до 1803 г. была католической. Въ 1832 г. передана проживавшимъ въ Баваріи православнымъ грекамъ. Закономъ отъ 1 іюля 1834 г. греческое исповѣданіе было уравнено въ правахъ съ римско-католическимъ. Богослуженіе совершается большею частію на греческ. яз., а нѣкоторыя молитвы и на русскомъ, особенно въ высокоторж. дни, когда присутствуетъ импер. русская миссія [1]).

Румынская церковь въ Баденъ-Баденѣ существуетъ съ 1867 г. и построена на капиталъ, завѣщанный кн. Стурдзою, гробница котораго, равно какъ и его 2-хъ сыновей, находится нынѣ въ склепѣ подъ церковью. Причтъ состоитъ изъ румынъ: настоятеля, діакона (оба монашествующіе) и псаломщика, живущихъ при церкви. Богослуженіе совершается на рум. яз.

Единовѣрческая молельня у такъ называемыхъ *филиппоновъ*, выходцевъ въ 1807 г. глав. обр. изъ витебской губ., находится въ селеніи Федорвальде, въ кам. домѣ, принадлежащемъ Филиппу Дановскому. Сюда сходятся для службъ въ воскресные и праздничные дни присоединившіеся изъ ѳедосеевскаго и филипповскаго согласій къ единовѣрію, по примѣру своего бывшаго учителя, извѣстнаго впослѣдствіи архимандрита Павла Прусскаго, жители 9 окрестныхъ селеній: Онуфригова, Пясокъ, Катыдюла и др. Ѳедосѣевское согласіе (не пріемлющее ни священства, ни браковъ) также имѣетъ свой центръ въ монастырѣ, живописно расположенномъ на берегу Дюссзее, въ 2-хъ верстахъ отъ Еккертова (Войнова), гдѣ теперь живутъ переселившіяся изъ закрывшагося женскаго монастыря въ Маданахъ монахини. Весь монастырь, основанный въ 1847 г., обнесенъ каменной оградой и имѣетъ внутри отлично устроенный каменный молельный домъ съ такою же колокольнею Прежде онъ былъ мужской, и здѣсь то жилъ первоначально архим. Павелъ Прусскій [2]).

Прот. *А. М—въ*.

[1]) Кромѣ греческ. храма, въ Мюнхенѣ существовала одновременно русская православная церковь графа Адлерберга, освященная въ 1867 г. во имя Честнаго и Животворящаго Креста Господня. До 1881 г. она находилась близъ г. Гельсингфорса и была подарена графу Адлербергу Императоромъ Александромъ II для его дачи въ Финляндіи. Лѣтомъ церковь эта переносилась на дачу графа Адлерберга въ Тегернзее.

[2]) Подробнѣе объ этомъ см. у d-r Franz *Tetzner*, die Slawen in Deutschland, Braunschweig, 1902.

Герменевтика — наука о способахъ толкованія Св. Писанія. Какъ отдѣльная наука она не существуетъ теперь въ системѣ нашего богословскаго образованія, см. подъ слов. *Св. Писаніе.*

ГЕРМЕСЪ и гермесіанство. Гермесъ— знаменитый боннскій богословъ. одинъ изъ борцовъ за права разума и истины противъ папскаго абсолютизма и іезуитскаго схоластицизма, основатель такъ наз. *гермесіанства* (род. 1775 г. † 1831 г). Переживъ тяжелую школу невѣрія и скептицизма, господствовавшаго въ концѣ XVIII вѣка, Г. пришелъ къ убѣжденію, что старые методы защиты религіи и церкви потеряли свое значеніе для новѣйшаго времени. Новое время требовало и новыхъ методовъ. Поэтому онъ углубился въ изученіе новѣйшей философіи, особенно Канта и Фихте, и пришелъ къ убѣжденію, что если у этихъ философовъ и не все было удобопріемлемо для богословія, то ихъ методъ былъ превосходенъ и могъ оказать важныя услуги дѣлу религіи, давая ей возможность отыскать для себя непререкаемыя основы въ самыхъ законахъ нашего мышленія. Съ этой точки зрѣнія онъ написалъ рядъ превосходныхъ сочиненій (какъ «Введеніе въ христокатолическое богословіе», 1829 г., «Христокатолическая Догматика», посмерт. изд. 1831—4 гг. и др.), въ которыхъ, прилагая къ богословію философскій методъ, успѣшно поборалъ невѣріе и спектицизмъ въ самыхъ его первоосновахъ. Этотъ новый методъ онъ примѣнялъ и въ своей профессорской дѣятельности. Лекціи его по богословію отличались необычайною жизненностью, и такъ какъ въ нихъ богословіе ставилось на совершенно необычную почву чисто-разумнаго изысканія и оправданія существеннѣйшихъ истинъ христіанства, то онѣ производили огромное впечатлѣніе. Аудиторіи его постоянно были переполнены восторженными слушателями еще въ Мюнстерѣ, гдѣ онъ профессорствовалъ въ 1807—1820 годы; но слава его особенно возрасла, когда онъ перешелъ въ знаменитый боннскій университетъ. Этотъ университетъ, основанный (въ 1818 г.) щедростью Фридриха Вильгельма IV, который въ своемъ меценатствѣ порѣшилъ своимъ дѣтищемъ затмить всѣ другіе германскіе университеты, дѣйствительно, быстро занялъ передовое положеніе среди другихъ университетовъ и отовсюду стягивалъ къ себѣ лучшія силы. Богословскій факультетъ его получилъ особенную извѣстность, такъ какъ въ немъ болѣе, чѣмъ въ другихъ университетахъ, предоставлялась свобода богословскаго умозрѣнія—отчасти, быть можетъ, и вслѣдствіе того, что Боннъ по самому положенію своему стоялъ, такъ сказать, на международномъ рубежѣ, въ которомъ сходились вѣянія не только изъ Германіи, но и изъ сосѣднихъ Франціи и Голландіи, которымъ онъ по временамъ принадлежалъ. Въ этомъ-то новомъ храмѣ науки, болѣе свободномъ отъ старыхъ традицій, чѣмъ всѣ другіе университеты съ ихъ болѣе или менѣе средневѣковымъ укладомъ, представился полный просторъ для свободнаго богословскаго умозрѣнія Г., которое не только соотвѣтствовало живымъ запросамъ времени, но увлекало и внутренней силой убѣдительности, и своеобразною свѣжестью самаго метода. Молодежь была въ восторгѣ отъ новаго профессора, и скоро около него собрался кружокъ восторженныхъ учениковъ, которые вполнѣ усвоили себѣ методъ учителя и сдѣлались впослѣдствіи распространителями его почти по всей Германіи, по мѣрѣ того, какъ лучшіе изъ его учениковъ постепенно занимали университетскія каѳедры и въ другихъ городахъ. Вліяніе живого слова Г. было огромно. Около него скоро въ Боннѣ образовалась цѣлая богословская школа, къ которой примкнули не только ближайшіе ученики его — Браунъ, Ахтерфельдъ, Фогельзангъ, Мюллеръ, но и его старшіе коллеги, какъ Шульцъ и Риттеръ, философъ Элвенихъ, юристъ Дросте-Гюлсгофъ. Ученики его заняли каѳедры въ университетахъ и семинаріяхъ въ Бреславлѣ и Браунсбергѣ, Кёльнѣ, Трирѣ, Кульмѣ и Эрмеландѣ.

Понятно, какое небывалое оживленіе внесено было этимъ въ мертвую дотолѣ схоластику римско-католиче-

скаго богословія, которое оцѣпенѣло въ свѣтобоязни и не шло дальше механическаго повторенія сухихъ формулъ средневѣковой догматики. Для многихъ это было въ высшей степени отраднымъ откровеніемъ и давало наглядное доказательство того, что богословская наука можетъ состоять и въ чемъ-то другомъ, кромѣ повторенія схоластическихъ положеній, что она можетъ стать на одинъ уровень съ другими науками и смѣло призывать разумъ къ оправданію и утвержденію вѣковѣчныхъ истинъ христіанства, что она, однимъ словомъ, можетъ быть, столь же жизненна, какъ и само вѣчно живое христіанство. Но было бы удивительно, если бы не нашлись и такіе, которые были недовольны такимъ обновленіемъ и оживленіемъ богословской мысли. Имъ казалось подозрительнымъ все это оживленіе богословской мысли, а увлеченіе имъ со стороны молодежи даже и прямо опаснымъ. Въ самомъ дѣлѣ, тутъ богословіе сводилось на философскую почву, пособниками его являлись такіе мыслители, какъ Кантъ и Фихте, которые придавали слишкомъ много значенія разуму, разрушали старое міросозерцаніе, самыя доказательства бытія Бога, на которыхъ догматика покоилась съ давнихъ временъ, считали недостаточными и все подвергали безпощадной критикѣ и сомнѣнію. Уже не потому ли и богословствованіе Г. получило такую жизненность, что оно всецѣло прониклось скептицизмомъ новой философіи и, такимъ образомъ, разжигало сомнѣнія въ молодыхъ умахъ? И вотъ не замедлила явиться оппозиція, которая стала во враждебное отношеніе къ популярному богослову. Сначала втихомолку, а потомъ и открыто стала распространяться молва, что на богословскомъ факультетѣ въ Боннѣ не все обстоитъ благополучно, и что тамъ народилось направленіе, которое крайне опасно для римской церкви. Главными распространителями этой молвы выступили іезуиты, которые, послѣ возстановленія ихъ ордена въ 1814 году («по желанію всего христіанскаго міра», какъ, съ почти невмѣняемою наивностью, выразился папа Пій VII въ своей знаменитой буллѣ Sollicitudo отъ 1814 года), порѣшили оправдать возлагавшуюся на нихъ надежду, какъ на лучшихъ стражей «правовѣрія». И открыто и тайно іезуиты успѣли составить довольно сильную партію, которая была недовольна Г. и его богословствованіемъ. Тайные доносы полетѣли и въ Римъ, и оттуда уже послышались довольно явственныя выраженія недовольства. Мюнхенскому нунцію поручено было разслѣдовать это дѣло. Къ счастью для Г., архіепископомъ кельнскимъ, которому подвѣдомственъ былъ боннскій богословскій факультетъ, былъ графъ Шпигель, весьма образованный и просвѣщенный человѣкъ, который самъ интересовался богословскими лекціями Г. и неоднократно лично бесѣдовалъ съ нимъ по богословскимъ вопросамъ. Онъ не находилъ ничего опаснаго въ воззрѣніяхъ Г. и въ этомъ смыслѣ не разъ отписывался въ Римъ, успокоивая зилотовъ увѣреніемъ, что онъ и самъ дорожитъ истиной и первый подавилъ бы заблужденіе, но такового не находитъ ни въ ученіи самого Г., ни его учениковъ. Тѣмъ не менѣе оппозиція не успокоивалась и все настойчивѣе стала распространять молву, что боннскій богословскій факультетъ сдѣлался очагомъ новой опасной ереси—Гермесіанизма!

Можно себѣ представить, сколько огорченій и непріятностей доставила эта подпольная вражда іезуитовъ знаменитому богослову, такъ глубоко принимавшему къ сердцу интересы богословской науки, которой онъ посвятилъ лучшіе годы своей жизни, трудясь надъ разрѣшеніемъ существеннѣйшихъ для всякаго христіанина вопросовъ Наиболѣе непріятная и опасная сторона этой оппозиціи новому направленію состояла въ томъ, что она въ полномъ смыслѣ была подпольная: какія-то темныя силы, несомнѣнно, работали надъ тѣмъ, чтобы сокрушить и задушить новое богословско-философское направленіе, повсюду распространялись разные темные слухи и толки, летѣли доносы къ архіепископу и въ Римъ; но кто такіе были эти враги, оставалось въ сущности неизвѣстнымъ. Они были не уло-

вимы. Мало того, и въ самыхъ обвиненіяхъ, сыпавшихся на Г. и его школу, господствовала крайняя туманность и неопредѣленность: его обвиняли то въ раціонализмѣ, то въ пелагіанствѣ, то въ социніанствѣ, но никто не могъ опредѣленно сказать, въ чемъ же именно. Всѣ эти огорченія и непріятности не могли не отозваться на Г., который заболѣлъ и въ 1831 году скончался, оплакиваемый своими многочисленными учениками, изъ которыхъ многіе, какъ уже сказано, заняли университетскія каѳедры въ разныхъ городахъ Германіи, особенно южной, а еще больше вступили въ ряды духовенства, унося и въ жизнь идеи своего славнаго учителя.

Смерть Г. не только не успокоила его враговъ, а только еще болѣе ободрила ихъ въ своемъ походѣ противъ его школы. При его жизни они не смѣли открыто выступать противъ него, такъ какъ обаяніе его личности и авторитета было слишкомъ велико въ наукѣ и образованномъ обществѣ, чтобы можно было безнаказанно обнаруживать свою враждебность къ нему. Поэтому они дѣйствовали подпольнымъ путемъ, ограничиваясь тайными доносами и инсинуаціями. Но когда онъ самъ сошелъ со сцены, то дѣло приняло болѣе крутой оборотъ. Враги стали дѣйствовать открыто и беззастѣнчиво, и походъ ихъ еще болѣе ожесточился, когда умеръ архіепископъ Шпигель, до конца жизни остававшійся при своемъ мнѣніи о благонадежности Г. и его учениковъ, и на его мѣсто назначенъ былъ Клеменсъ Августъ фонъ Дросте-Вишерингъ, человѣкъ совершенно иныхъ взглядовъ, узкоумный и подозрительный и притомъ уже давно враждебно настроенный къ Г., съ которымъ у него было столкновеніе еще въ Мюнстерѣ, гдѣ онъ въ качествѣ генералъ викарія выказывалъ явное неодобреніе лекціямъ Г.: когда, по переходѣ Г. въ Боннъ, нѣкоторые студенты богословія выразили желаніе послѣдовать за нимъ и перейти въ тотъ же университетъ, онъ даже угрожалъ имъ лишеніемъ права на занятіе священническихъ мѣстъ. Это былъ человѣкъ, лучше котораго и нельзя было найти іезуитамъ, и они его именно и выдвинули на каѳедру кёльнскаго архіепископа въ надеждѣ, что онъ съ корнемъ вырветъ зародившуюся въ Боннѣ язву вольномыслія и ереси. И онъ вполнѣ оправдалъ возлагавшуюся на него надежду. Но насколько дѣло приняло уже неблагопріятный для школы Г. оборотъ, показываетъ тотъ фактъ, что какъ только умеръ архіепископъ Шпигель (2 авг. 1835 г.), и еще не былъ назначенъ, а только имѣлся въ виду новый архіепископъ, въ Римѣ дѣло было уже рѣшено на счетъ гермесіанства. Подъ вліяніемъ многочисленныхъ доносовъ, въ которыхъ враги Г. не переставали доказывать весь вредъ и опасность его школы, разслѣдовать этотъ вопросъ съ научно-богословской стороны въ Римѣ поручено было, такъ сказать, присяжному, вполнѣ довѣренному въ Ватиканѣ догматисту, извѣстному ученому іезуиту Перроне, автору самой популярной и доселѣ въ римско-католическомъ мірѣ «Догматики». И этотъ ученый іезуитъ-догматистъ, хотя о немъ извѣстно было, что онъ почти совсѣмъ не зналъ нѣмецкаго языка, представилъ подробный разборъ сочиненій Г. и съ поразительною беззастѣнчивостью, передерживая его мысли и прямо искажая его выраженія, провозгласилъ нѣмецкаго ученаго богослова опаснымъ еретикомъ, который вполнѣ заслуживалъ осужденія. Этотъ приговоръ присяжнаго догматиста рѣшилъ судьбу Г.: въ Ватиканѣ изготовленъ былъ въ этомъ смыслѣ декретъ, который и былъ изданъ въ видѣ папскаго бреве отъ 26 сент. 1835 года. Въ немъ папа Григорій XVI, изливъ горечь своего сердца въ жалобахъ на всевозможныя козни враговъ противъ церкви и сказавъ вообще о Г., что онъ принадлежитъ къ тѣмъ людямъ, которые «всегда учатся и никогда не приходятъ къ познанію истины», осуждаетъ и запрещаетъ какъ его «Введеніе въ христокатолическое богословіе», такъ и «Догматику», гдѣ папа усматриваетъ неудобопріемлемыя и противныя ученію церкви выраженія о сущности и правилахъ вѣры, о св. Писаніи, преданіи, откровеніи и

учительной должности въ церкви, объ основахъ достовѣрности, о доказательствахъ бытія Божія, о существѣ Бога, Его святости, праведности, свободѣ и о цѣли творенія, о необходимости благодати, о раздаяніи ея даровъ, о наградахъ и наказаніяхъ въ здѣшней и загробной жизни, о первобытномъ состояніи прародителей, о первородномъ грѣхѣ и силахъ падшаго человѣка. Въ качествѣ общаго признака гермесіанскихъ заблужденій папа отмѣчаетъ — явную наклонность къ скептицизму и индифферентизму, пренебреженіе къ старой богословской школѣ, уклоненіе къ еретическимъ мнѣніямъ, возстановленіе старыхъ уже осужденныхъ заблужденій. Однимъ словомъ, съ высоты папскаго престола ученіе Г. было объявлено ложнымъ и вреднымъ какъ въ самомъ своемъ существѣ, такъ и въ приложеніи ко всѣмъ существеннымъ истинамъ христіанской догматики, и всѣ главныя сочиненія его занесены въ «Индексъ» запрещенныхъ книгъ.

Это оффиціальное осужденіе Г. съ высоты папскаго престола было крайнею неожиданностію для всѣхъ его учениковъ и почитателей, которыхъ было уже весьма много — какъ среди профессоровъ и образованнаго духовенства, такъ и вообще просвѣщеннаго свѣтскаго общества, которое съ радостью отдыхало на этихъ блиставшихъ свѣжестью богословской мысли сочиненіяхъ отъ скучной и мертвящей схоластики казеннаго латинскаго богословія. Безъ сомнѣнія, опасеніемъ силы его послѣдователей объясняется и тотъ фактъ, что осуждающее Г. бреве было опубликовано только въ самомъ Римѣ, а въ Боннъ, гдѣ оно, несомнѣнно, было бы встрѣчено съ крайнимъ неодобреніемъ, препровождено только конфиденціально, на имя замѣстителя архіепископа кельнскаго, какъ главнаго начальника богословскаго факультета въ боннскомъ университетѣ. Тѣмъ не менѣе фактъ совершился и — бреве сдѣлалось извѣстнымъ и въ Боннѣ, и когда всѣ ознакомились съ его содержаніемъ, то пришли не только въ изумленіе, но и полное негодованіе. Всѣмъ стало ясно, что «святѣйшій отецъ» сдѣлался жертвой слѣпой вражды іезуитовъ къ ненавистному для нихъ богослову. Среди ближайшихъ учениковъ и послѣдователей Г. (а многіе изъ нихъ, какъ уже сказано, занимали университетскія каѳедры и пользовались большимъ вліяніемъ) папское бреве возбудило тѣмъ большое негодованіе, что для нихъ стали ясными тайныя махинаціи, посредствомъ которыхъ достигнуто было это осужденіе ихъ знаменитаго учителя. Осужденіе это было дѣломъ самой беззастѣнчивой клеветы, потому что ихъ учитель никогда не держался тѣхъ заблужденій, которыя приписывались ему папскимъ декретомъ. Всѣ перечисленныя въ бреве заблужденія они готовы были осуждать и сами, и дѣйствительно осуждали ихъ; но дѣло въ томъ, что ни они, ни ихъ покойный учитель никогда не учили ничему подобному, и если бы Г. былъ живъ, то съ негодованіемъ отрекся бы отъ всѣхъ тѣхъ заблужденій и ересей, какія приписывались ему въ такомъ авторитетномъ документѣ, какъ папское бреве. Очевидно, тутъ произошло какое-нибудь странное недоразумѣніе, или дѣйствовала какая-нибудь злобная клевета, которая ввела въ заблужденіе и самого папу. Дѣло принимало весьма непріятный оборотъ. Между сторонниками и противниками Г. началась постоянная полемика, причемъ послѣдніе, защищая правоту папскаго бреве, стали прямо изобличать въ опасныхъ ересяхъ всѣхъ его учениковъ и послѣдователей, обвиняя ихъ въ томъ, что они будто бы порѣшили ввести въ заблужденіе мнѣніе всей Германіи и на этомъ основаніи сдѣлать скандалъ—къ униженію главы римской церкви. При этомъ противники Г. перестали даже щадить личности, и стали прямо называть тѣхъ профессоровъ и приверженцевъ Г., которые выступали явными продолжателями его заблужденія и противились приговору непогрѣшимаго папы. Такая полемика, естественно, еще болѣе раздражила «гермесіанцевъ», и страсти угрожали разгорѣться до необычайной степени. Споръ перешелъ въ среду духовенства, которое тоже раздѣлилось на партіи по поводу ученія Г. Чтобы хотя нѣсколько

утишить страсти, въ дѣло вмѣшался замѣститель кельнскаго архіепископа Гюсгенъ и издалъ окружное посланіе къ деканамъ и священникамъ, въ которомъ, напомнивъ о томъ, что папа осудилъ сочиненія Г., и что на обязанности каждаго изъ вѣрныхъ—свято подчиняться приговору святого престола, строго запретилъ вообще вмѣшиваться въ это дѣло, упоминать о немъ въ публичныхъ бесѣдахъ и въ поученіяхъ. Тѣмъ не менѣе полемика между приверженцами и противниками Г. все болѣе разгоралась, и въ то время, какъ профессора университета, защищая уже не только честь своего учителя, но и свое профессорство, продолжали приводить доводы въ пользу богословской школы Г., доказывая, что она подверглась осужденію по недоразумѣнію, противники ихъ уже прямо взывали къ ревнителямъ церкви, призывая ихъ къ дружнымъ усиліямъ на борьбу съ зародившеюся въ Боннѣ опасною «ересью», которая не только не хочетъ сознать своего заблужденія, но даже дерзаетъ возставать противъ приговора непогрѣшимаго папы! Возбужденіе отъ профессоровъ перешло и къ студентамъ, среди которыхъ также образовались партіи, и даже ходили по рукамъ разные полемическіе памфлеты и рукописныя тетреди по вопросу о гермесіанствѣ [1]).

Въ такомъ положеніи находилось дѣло, когда лѣтомъ 1836 года въ Кельнъ прибылъ новоназначенный архіепископъ Клеменсъ-Августъ, изъ рода бароновъ Дросте-Вишерингъ. О его отношеніяхъ къ Г. всѣмъ было извѣстно, и ни для кого не было тайной, что еще въ Мюнстерѣ, въ качествѣ генералъ-викарія, онъ обнаружилъ явную враждебность къ нему. Неудивительно, если противники гермесовой богословской школы подняли голову и громко высказывали надежду, что новый архіепископъ какъ бы самимъ Промысломъ Божіимъ призванъ къ искорененію зародившейся въ Боннскомъ университетѣ язвы еретичества. Самъ архіепископъ тоже сознавалъ важность предстоящей ему миссіи, и вскорѣ его настроеніе обнаружилось, когда онъ въ ноябрѣ 1836 года, недовольный защитительной статьей въ пользу «гермесіанства» въ 20 выпускѣ боннскаго «Журнала для философіи и католическаго богословія» [1]), сдѣлавшагося главнымъ органомъ гермесіанцевъ, захотѣлъ подчинить этотъ журналъ своей цензурѣ, ссылаясь при этомъ на постановленіе IV сессіи тридентскаго собора. Профессора однако воспротивились этому, указывая на то, что приведеннымъ постановленіемъ епископской цензурѣ подчиняются только изданія Св. Писанія и анонимныя сочиненія, и при этомъ сослались вдобавокъ и на прусскій государственный законъ, по которому въ епископской аппробаціи нуждаются только религіозныя и назидательныя книги, а не чисто научныя сочиненія. Такой отпоръ со стороны профессоровъ богословскаго факультета, который по уставу подчиненъ былъ его вѣдѣнію, видимо раздражилъ его; но онъ не прибѣгъ къ прямому дѣйствію чрезъ посредство министерства народнаго просвѣщенія, хотя могъ заявить предъ нимъ о своемъ правѣ противодѣйствовать распространенію такихъ ученій, которыя, по его мнѣнію, были вредны для учащагося юношества, какъ несогласныя съ ученіемъ церкви,—и, по всей вѣроят-

[1]) О томъ возбужденіи, которое было среди профессоровъ и студентовъ по поводу осужденія ихъ учителя Г., можетъ свидѣтельствовать и то, что по рукамъ среди нихъ ходили письма, въ которыхъ чрезвычайно рѣзко осуждались какъ бреве, такъ и высшая церковная власть. Такъ, въ письмѣ къ профессору Ахтерфельду говорилось: «Вы не повѣрите, какъ взволновалъ меня позоръ, который навлекаютъ на нашу церковь подобные злополучные промахи высшей церковной власти. Одинъ такой фактъ уничтожаетъ всю доселѣ пріобрѣтенную репутацію, которую наше истинно-научное превосходство надъ протестантствомъ давало католицизму. И если бы вы знали, какія грязныя руки тасуютъ карты, въ которыя приходится играть бѣдному папѣ,—и подъ столомъ дергаютъ за проволоку, приводящую руки папы въ движеніе для подписи такихъ осужденій и молніеносныхъ угрозъ».

[1]) Zeitschrift für Philosophie und katholische Theologie.

ности, потому, что не надѣялся найти себѣ поддержку въ министерствѣ, стоявшемъ на точкѣ зрѣнія безразличнаго отношенія къ ученымъ спорамъ въ университетѣ. Тутъ, очевидно, представлялась одна изъ тѣхъ роковыхъ коллизій, какія неизбѣжны при проведеніи теоріи папскаго главенства. Каждому римско-католическому іерарху роковымъ образомъ представляется на разрѣшеніе дилемма — кому служить: папѣ или правительству страны? Такъ какъ эти двѣ власти по существу не согласимы между собой, то, стараясь быть вѣрнымъ папистомъ, онъ становился плохимъ гражданиномъ, а стараясь быть хорошимъ гражданиномъ, вѣрнымъ служителемъ государства, онъ измѣняетъ своему верховному главѣ— папѣ. Объ эту роковую дилемму не мало разбилось честныхъ сердецъ, не хотѣвшихъ входить въ компромиссъ съ своею совѣстью. Крайне затруднительно было и положеніе архіепископа Клеменса-Августа. При возведеніи его на важный постъ кельнскаго архіепископа, онъ принялъ присягу въ вѣрности королю Пруссіи и основнымъ законамъ страны, причемъ одинъ изъ параграфовъ этихъ законовъ прямо гласитъ: «Никакой иноземный епископъ или другое церковное начальство не можетъ присвоять себѣ права на законодательную власть», а въ другомъ постановляется, что «никакой епископъ не можетъ дѣлать новыхъ постановленій въ дѣлахъ религіи и церкви безъ позволенія государства, или принимать таковыя отъ чужеземныхъ церковныхъ властей». А между тѣмъ, въ виду разногласія между папствомъ и Пруссіей по существеннымъ вопросамъ общежитія, со стороны Рима производилось на архіепископа непреодолимое давленіе, заставлявшее его дѣйствовать вопреки этимъ законамъ, какъ вопреки имъ дѣйствовало и само папство. Такъ, по § 118 прусскаго законодательства «всѣ папскія буллы, бреве и всѣ распоряженія иноземныхъ властей, прежде ихъ публикаціи и исполненія должны быть представляемы государству на разсмотрѣніе и одобреніе»; между тѣмъ папское бреве, осуждавшее Г., не только не было представлено правительству на разсмотрѣніе и одобреніе, но даже и не доведено до его свѣдѣнія, а прямо предъявлено духовной власти къ исполненію, какъ законодательный актъ. Понятно, что прусское правительство ревниво относилось къ подобнымъ посягательствамъ. И въ гермесіанскомъ спорѣ оно держало сторону профессоровъ боннскаго университета и, видя въ нихъ жертву папскаго самовластія, конечно, не прочь было поддерживать ихъ въ борьбѣ съ тайною папскою властью. Это вполнѣ понималъ и чувствовалъ архіепископъ Клеменсъ - Августъ, и такъ какъ онъ и по своему характеру, и по своимъ симпатіямъ былъ папистъ чистой воды, для котораго голосъ папы есть вѣщаніе непогрѣшимаго, то онъ и порѣшилъ отселѣ дѣйствовать исключительно въ интересахъ папства, принося имъ въ жертву свои обязанности по отношенію къ государству. Вслѣдствіе этой коллизіи и разыгрался поразительный эпизодъ церковно - политической борьбы, приведшей къ надѣлавшей въ свое время много шума катастрофѣ. Вотъ почему, вмѣсто того, чтобы уладить возникшій разладъ въ университетѣ прямымъ соглашеніемъ съ министерствомъ, архіепископъ порѣшилъ прибѣгнуть къ иному способу воздѣйствія на профессоровъ— чрезъ тайное давленіе на ихъ слушателей, студентовъ богословскаго факультета. Съ этою цѣлію онъ разослалъ духовникамъ города Бонна циркуляръ (отъ 12 января 1837 года), въ которомъ повелѣвалъ имъ внушать студентамъ богословія не только не читать сочиненій Г., какъ осужденныхъ папой, но и не посѣщать лекцій профессоровъ, извѣстныхъ за приверженцевъ и учениковъ Г. Мѣра возъимѣла свое дѣйствіе, и профессора боннскаго богословскаго факультета, къ удивленію, увидѣли, какъ стали пустѣть ихъ аудиторіи. Всѣмъ стало ясно, что архіепископъ рѣзко выступилъ противъ гермесіанцевъ, а когда сталъ извѣстенъ подлинный текстъ циркуляра, то изъ него увидѣли, что тамъ гермесіанцы уже прямо приравнивались къ «сектантамъ вообще». Чтобы формально осудить гермесіанство, архіепископъ, спустя нѣ-

сколько времени, издалъ 18 тезисовъ, въ которыхъ излагалось своего рода римско-католическое исповѣданіе вѣры съ намѣреннымъ противопоставленіемъ его «гермесіанству». Но эти тезисы не представлены были ни правительству, ни профессорамъ, а просто предложены были къ подписи духовникамъ и священникамъ. 18-й тезисъ гласилъ: «обѣщаю и клянусь оказывать моему архіепископу во всемъ, что касается ученія и дисциплины, должное почтеніе и послушаніе, безъ всякой внутренней оговорки, и признаю, что на рѣшеніе моего епископа по чину католической іерархіи не могу и не долженъ ни къ кому аппеллировать, кромѣ какъ къ папѣ». Съ тѣми, кто отказывались подписываться подъ этими тезисами, архіепископъ поступалъ весьма круто. Такъ, когда капелланъ Веберъ, въ Кельнѣ, выразилъ сомнѣніе въ законности продписи этихъ тезисовъ, какъ содержащихъ не утвержденное папой исповѣданіе вѣры, то, хотя онъ безвозмездно преподавалъ въ институтѣ глухонѣмыхъ и добросовѣстно исполнялъ свои пастырскія обязанности, былъ лишенъ своего мѣста и переведенъ на худшій приходъ, и вообще, архіепископъ такъ далеко пошелъ въ своемъ усердіи противъ гермесіанства, что многихъ среди духовенства сталъ преслѣдовать по одному подозрѣнію въ сочувствіи этому ученію и по этому же подозрѣнію уволилъ всѣхъ преподавателей духовной семинаріи въ Кельнѣ.

Такимъ образомъ, отношенія Клеменса-Августа къ гермесіанцамъ обострились до крайности. Правительство безпокоилось этимъ, опасаясь, какъ бы все это не повело къ какимъ-нибудь безпорядкамъ. Положеніе его было весьма затруднительное. Хотя по законамъ Пруссіи, какъ сказано выше, никакое чужеземное распоряженіе не могло имѣть силы, пока оно не предъявлено правительству страны и не будетъ одобрено имъ, однако, въ данномъ случаѣ все совершалось помимо и вопреки правительству Пруссіи. Прежде всего явился папскій декретъ, который не только осуждалъ ученіе одного изъ лучшихъ профессоровъ боннскаго университета, но и повлекъ за собою тайное преслѣдованіе почти всего богословскаго факультета со стороны архіепископа, причемъ послѣдній видимо не хотѣлъ входить ни въ какія объясненія съ представителями правительственной власти, а прямо ссылался на папскій авторитетъ, считая его выше авторитета правительства. Мало того, этотъ папскій декретъ совсѣмъ не предъявленъ былъ правительству, какъ это непремѣнно требовалось законами страны, чтобы придать ему силу и законность дѣйствія, и однако въ силу этого, оффиціально неизвѣстнаго правительству, папскаго декрета, архіепископъ считалъ себя въ правѣ чуть не закрывать цѣлый факультетъ и издавать тезисы и распоряженія, клонившіяся именно къ этой цѣли. Чтобы выйти изъ этого затрудненія и далѣе не усложнять положенія дѣла, попечитель университета, по порученію государственнаго министра Алтенштейна, порѣшилъ испытать еще одну мѣру. Собравъ всѣхъ профессоровъ богословія, онъ потребовалъ отъ нихъ, чтобы они, подъ страхомъ лишенія своихъ мѣстъ, не смѣли упоминать о сочиненіяхъ Г. ни въ лекціяхъ, ни въ частныхъ бесѣдахъ по исполненію своей должности, а равно перестали говорить и о павшемъ на эти сочиненія папскомъ осужденіи и вообще избѣгали всякой полемики за и противъ Г. и его богословской школы. Профессора подписали предложенный имъ протоколъ въ этомъ смыслѣ и добросовѣстно исполняли его. Но правительство ошиблось, думая, что оно такимъ мѣропріятіемъ достигнетъ умиротворенія разыгравшихся страстей. Главный органъ враговъ гермесіанства [1]) не удовлетворился этимъ. Онъ съ чисто іезуитскою настойчивостью сталъ разоблачать внутренную жизнь университета и доказывалъ, что профессора и не думали исполнять даннаго имъ обѣщанія, что, хотя они въ своихъ лекціяхъ и не называли Г. по имени, однако продолжали учить въ его духѣ, многозначительно величали его «великимъ мыслителемъ», и вообще всяче-

[1]) «Ашшаффенбургская Церковная газета».

ски обходили протоколъ, продолжая проповѣдывать гермесіанство. Въ виду этого газета желала бы большаго и,— наконецъ, прямо требовала, чтобы всѣ заподозрѣнные въ гермесіанствѣ профессора вышли въ отставку, а если не выйдутъ добровольно, то правительство должно принудить ихъ къ тому. Самъ архіепископъ, очевидно вдохновляемый тѣмъ же органомъ, около котораго сосредоточивались всѣ нити іезуитской интриги противъ гермесіанства, продолжалъ дѣйствовать въ томъ же духѣ, и въ видахъ подрыва авторитета гермесіанскихъ профессоровъ издалъ тайный приказъ студентамъ общежитія, чтобы они не смѣли посѣщать ни чьихъ лекцій въ университетѣ, кромѣ лекцій профессоровъ Клее и Вальтера, завѣдомыхъ враговъ новой богословской школы. Но тутъ приказъ архіепископа встрѣтился съ тѣмъ затрудненіемъ, что директоромъ общежитія былъ профессоръ Ахтерфельдъ, одинъ изъ самыхъ горячихъ приверженцевъ Г., впослѣдствіи сдѣлавшій посмертное изданіе его догматики. Студенты общежитія оказались въ крайне затруднительномъ положеніи и не знали — кого слушать, архіепископа ли, который запрещалъ посѣщать чьи-либо лекціи, кромѣ указанныхъ двухъ профессоровъ, или директора, который опираясь на то, что программы всѣхъ вообше профессоровъ богословскаго факультета были утверждены правительствомъ, считалъ себя въ правѣ требовать отъ студентовъ посѣщенія всѣхъ, обязательныхъ по уставу, лекцій безъ различія. Дѣло поставлено было даже весьма круто, и студентамъ общежитія въ началѣ полугодичнаго селестра прямо предоставлено было на выборъ—или посѣщать всѣ лекціи, или уволиться изъ общежитія. Большинство студентовъ при этомъ заявили, что они считаютъ своимъ долгомъ держаться приказа своего архіепископа и своихъ духовниковъ, и, дѣйствительно, изъ числа семидесяти студентовъ общежитія шесьдесятъ вышло изъ него, и многіе изъ нихъ, не имѣя никакихъ средствъ къ жизни, должны были потомъ и совсѣмъ оставить университетъ.

Результатъ былъ печальный, но онъ все-таки доставилъ немалую радость врагамъ гермесіанства, такъ какъ, съ выходомъ такого большого числа студентовъ богословія, въ сущности опустѣлъ весь богословскій факультетъ боннскаго университета,—а этого только и добивалась іезуитская партія, видя въ этомъ факультетѣ опасный для нея очагъ вольномыслія. Однако дѣло приняло столь непріятный оборотъ, и общественное возбужденіе было настолько сильно, что правительство нашло нужнымъ вмѣшаться въ него и сдѣлать еще разъ попытку уладить затрудненіе чрезъ соглашеніе съ архіепископомъ. Но теперь было уже поздно. Архіепископъ не хотѣлъ уже входить ни въ какіе компромиссы и стоялъ на своемъ. Отношенія его къ правительству сдѣлались вполнѣ враждебными. Этому содѣйствовалъ еще сильно обострившійся вопросъ о смѣшанныхъ бракахъ, въ которыхъ архіепископъ не хотѣлъ знать никакихъ требованій правительства и, съ непреклонностью вѣрнаго слуги Рима, дѣйствовалъ въ интересахъ послѣдняго. Такъ какъ улаженіе вопроса о смѣшанныхъ бракахъ для правительства было особенно важно, потому что съ нимъ связывались существенные государственные интересы въ поддержаніи перевѣса протестантства, какъ главной духовной и народной стихіи въ Пруссіи, то оно, въ видахъ склонить архіепископа къ своему взгляду на этотъ вопросъ, даже обѣщало ему помочь подавить гермесіанцевъ. Но и это не помогло. Клеменсъ-Августъ все надменнѣе отвергалъ всякія предложенія со стороны правительства, прямо объявляя, что онъ повинуется только своему верховному главѣ—папѣ и слѣдуетъ его велѣніямъ. Тогда правительству ничего не оставалось болѣе, какъ принять репрессивныя мѣры. Оно предложило архіепископу выйти въ отставку, обѣщая ему пенсію въ 12,000 талеровъ, но онъ высокомѣрно отвергъ это предложеніе, сказавъ, что «лучше будетъ жить милостыней отъ вѣрныхъ, на подобіе древнихъ епископовъ, и все-таки будетъ исполнять свой долгъ». Этимъ чаша терпѣнія правительства

была переполнена, и 15 ноября былъ изданъ приказъ—арестовать архіепископа Клеменса-Августа, который подъ конвоемъ драгунъ и былъ препровожденъ въ крѣпость Минденъ.

Такой катастрофой закончилась борьба, возникшая по поводу гермесіанства между духовной и свѣтской властью. Но хотя главный противникъ послѣдняго былъ устраненъ, однако іезуитская партія не была сломлена, и, напротивъ, съ еще большимъ ожесточеніемъ продолжала громить враговъ церкви, т. е. гермесіанцевъ, и восхвалять доблестнаго поборника ея, архіепископа Клеменса-Августа, котораго крайніе паписты (какъ Гёрресъ) не преминули провозгласить даже «Аѳанасіемъ великимъ» XIX вѣка. Гермесіанцы продолжали отстаивать честь своего учителя и его школы, но какъ трудно было имъ прать противъ рожна, показалъ весьма любопытный эпизодъ этой борьбы, происшедшій за нѣсколько мѣсяцевъ до ареста архіепископа. Самыми стойкими и ревностными защитниками Г. и его богословія были профессора Элвенихъ и Браунъ, и особенно первый, еще въ 1838 году издавшій на латинскомъ языкѣ сочиненіе, въ которомъ, съ философскою основательностью изложивъ философски-богословскую систему Г., показалъ всю неосновательность обвиненія его въ ереси. Но такъ какъ у Клеменса-Августа, очевидно, нельзя было добиться правды для ихъ невинно осужденнаго, по ихъ убѣжденію, учителя, то эти мужественные профессора порѣшили даже отправиться въ Римъ, чтобы тамъ лично передъ папой высказать свои основанія въ пользу Г. и его богословской школы. Правительство, начавшее сильно тяготиться этими спорами, дало имъ позволеніе на это, и они дѣйствительно отправились въ Римъ, куда и прибыли въ концѣ мая 1837 года. Но тамъ приняты уже были всѣ мѣры къ тому, чтобы миссія ихъ кончилась ничѣмъ. И дѣйствительно, тамъ ихъ сразу ввергли въ самое осиное гнѣздо злѣйшихъ враговъ ихъ учителя и отдали ихъ въ распоряженіе генерала іезуитовъ Роотанна, которому поручено было изслѣдовать ихъ дѣло, хотя онъ, именно, и руководилъ всей интригой противъ Г. Съ свойственнымъ ему искусствомъ онъ началъ истощать терпѣніе профессоровъ, стараясь возможно дольше затянуть дѣло. Только черезъ мѣсяцъ имъ удалось добиться аудіенціи у папы, который однако не далъ имъ никакого опредѣленнаго отвѣта, замѣтивъ имъ только: «я думаю, что вы прибыли въ Римъ не для того, чтобы учить св. престолъ, а чтобы поучиться отъ него». Между тѣмъ генералъ іезуитовъ продолжалъ съ гордымъ пренебреженіемъ помыкать ими. Прежде всего онъ поручилъ имъ перевесть на латинскій языкъ всѣ сочиненія Г. Трудъ былъ громадный, но профессора засѣли и за него. Когда они однако перевели часть ихъ (именно часть «Введенія») и представили Роотану съ объяснительной запиской, то послѣдній отъ лица папы выразилъ имъ неудовольствіе, что они слишкомъ медленно ведутъ дѣло и намѣренно затягиваютъ его. Имъ-де слѣдовало бы уже раньше сдѣлать этотъ переводъ и привесть его съ собою въ Римъ, а они только теперь приступили къ нему. Кромѣ того, они начали съ положительной части «Введенія», а слѣдовало бы начать съ философской, въ которой, именно, и заключаются главнѣйшія заблужденія Г. Къ чему всѣ эти промедленія и уловки? «Во всемъ этомъ, писалъ имъ генералъ іезуитовъ, святой отецъ усмотрѣлъ безполезныя проволочки и такое поведеніе, къ которому не привыкли въ Римѣ. Если бы могло оставаться какое-нибудь сомнѣніе, правильно ли осуждено ученіе Г., то въ виду Acta Hermesiana (сочиненія Элвениха) оно должно исчезнуть. Къ чему еще дальнѣйшіе переговоры»? Такое беззастѣнчиво высокомѣрное отношеніе показало профессорамъ, что дѣло ихъ погибло. Отъ Рима, очевидно, они не могли надѣяться на безпристрастное изслѣдованіе. Они попытались еще разъ обратиться къ государственному секретарю папы, кардиналу Ламбрускини, умоляя его разслѣдовать дѣло, и подали записку на имя самого папы. Но ихъ

послѣднее письмо Ламбрускини возвратилъ имъ не распечатаннымъ, сопроводивъ его запиской, въ которой между прочимъ писалъ: «Вы вступили на путь заблужденія. Вмѣсто того, чтобы подчиниться, вы хватаетесь за выдуманное янсенистами distinctio juris et facti. Не пишите мнѣ впредь. Дѣло кончено—causa finita est, и да кончится съ нимъ и самое заблужденіе». Такимъ образомъ Roma locuta—causa finita! Злополучнымъ профессорамъ оставалось поскорѣе убраться изъ Рима. Они окончательно убѣдились, что въ Римѣ нѣтъ больше правды, и по возвращеніи на родину продолжали на свой рискъ и страхъ полемику съ противниками ихъ школы, въ своемъ «Журналѣ философіи и католическаго богословія», но дѣло ихъ очевидно было проиграно, и въ 1844 году двумъ изъ главныхъ поборниковъ гермесіанства, профессорамъ Брауну и Ахтерфельду (издателю «Догматики» Г.), было запрещено дальнѣйшее чтеніе лекцій, и они вынуждены были выйдти въ отставку, хотя прусское правительство для успокоенія общественнаго мнѣнія и сохранило за ними полное профессорское содержаніе. Наконецъ, въ 1847 г. папа Пій IX вполнѣ подтвердилъ приговоръ Григорія XVI надъ гермесіанствомъ. Напрасно непреклонный защитникъ чести своего коллеги, профессоръ Элвенихъ опять блистательно доказалъ всю неосновательность этого новаго осужденія и неопровержимо показалъ, что все осужденіе Г. покоится на недоразумѣніи, такъ какъ въ дѣйствительности ученіе Г. въ существенныхъ пунктахъ тождественно съ ученіемъ самого папы,—дѣло было безнадежно и неизбѣжно должно было погибнуть подъ тяжестью двойного осужденія и, дѣйствительно, оно погибло. Мало-по-малу богословская школа Г. была совершенно подавлена. Такъ печально закончилась первая попытка свободнаго богословскаго самоопредѣленія въ нѣдрахъ римскаго католицизма въ XIX вѣка. Она въ корнѣ задушена была іезуитами.

Литература—*Niedner*, Philosophiae Hermesianae explicatio et existimatio, Leips. 1838; *Perrone*, Zur Geschichte d. Hermesianismus 1839; *Elvenich*, Acta Hermesiana, Gotting. 1836; *его же*, Pius IX, die Hermesianen 1848; *А. П. Лопухина* «Христ. чтеніе» за 1899 г. въ ст. «Противопапскія движенія въ римск. католицизмѣ въ XIX в. I. Гермесъ» и въ его же «Исторіи христ. церкви XIX вѣка» т. I, Спб. 1901 г., стр. 193 и сл. *А. Лопухинъ*

ГЕРМОГЕНЪ — имя нѣсколькихъ древнихъ св. мучениковъ память которыхъ *17*, *19* и *25 апр.*, *3 мая* и *10 дек.* Также имя нѣсколькихъ древнихъ епископовъ. Изъ нихъ: 1) Г. — новаціан. епископъ, присутствовавшій при хиротоніи пресвитера Савватія въ Константинополѣ; онъ произвелъ расколъ въ средѣ новаціанъ между 391 и 407 гг. по вопросу о праздновaніи пасхи. Самъ Г. предъ этимъ подвергался порицанію за богохульственныя сочиненія со стороны Савватія (*Сократъ*, Ц. Ист. **7**, 12). 2) *Г.*, еп. ринокорурскій, на границѣ Египта и Палестины, принималъ участіе на III вселенскомъ соборѣ въ Ефесѣ (431 г.), гдѣ держалъ сторону Кирилла и впослѣдствіи былъ посылаемъ въ Римъ, чтобы склонить на эту сторону и папу Целестина. Но онъ прибылъ туда уже послѣ смерти Целестина; объ этомъ посольствѣ упоминаетъ преемникъ послѣдняго Ксистъ въ своемъ письмѣ къ Кириллу (Патр. Лат. **50**, 583). Къ этому Г. адресовалъ нѣсколько писемъ Исидоръ Пелусіотъ (Патр. Греч. **78**, кн. I, 419 и сл.). — 3) Г.—епископъ Кассандріи—къ Македоніи, одинъ изъ участниковъ «Разбойничьяго собора» 449 г.; присутствовалъ также и на соборѣ халкидонскомъ (Mansi VI, 847, 930).

ГЕРМОГЕНЪ, африканскій еретикъ, живописецъ по профессіи и, вѣроятно житель Карѳагена,—противъ котораго Тертулліанъ написалъ свой Adversus Hermogenem между 199 и 277 гг. (см. у Бонвеча, «Творенія Тертулліана», Боннъ, 1878 г.). Его главное положеніе, корень всѣхъ его заблужденій, было ученіе о вѣчности матеріи. Онъ, повидимому, писалъ книги и имѣлъ учениковъ, но не оставилъ по себѣ никакой опредѣленной школы. Противъ него писалъ также Ѳеодоритъ, Оригенъ и Ѳеофилъ Антіохійскій.

Гермогенъ,

патріархъ всероссійскій.

Патріархъ Гермогенъ родился около 1530 года въ Казани и въ молодости служилъ клирикомъ въ казанскомъ спасо-преображенскомъ монастырѣ подъ руководствомъ основателя этого монастыря, св. Варсонофія. Въ 1579 году мы видимъ Гермогена въ санѣ приходскаго священника въ Казани при церкви св. Николая въ Гостинномъ ряду. Въ этомъ 1579 году въ присутствіи Г. произошло явленіе и обрѣтеніе чудотворной казанской иконы Божіей Матери; при видѣ чудотворной иконы Г., какъ разсказываетъ онъ самъ о себѣ, прослезился и съ благословенія архіепископа казанскаго Іереміи отнесъ св. икону на своихъ рукахъ въ ближайшій храмъ св. Николая Тульскаго; это было 8 іюля 1579 года. Впослѣдствіи, въ 1594 году, Г. составилъ сказаніе о явленіи этой иконы и о совершившихся отъ нея чудесахъ. Вскорѣ послѣ обрѣтенія св. иконы Г. принялъ иночество и поставленъ въ архимандриты каз. спасо-преображ. монастыря въ 1582 г., а 13 мая 1589 года былъ посвященъ въ архіерейскій санъ на казанскую каѳедру и первый началъ собою рядъ митрополитовъ казанскихъ.

Въ 1592 году Г. ходилъ въ Свіяжскъ для встрѣчи перенесенныхъ туда изъ Москвы мощей св. Германа Казанскаго. Открылъ гробъ съ мощами и, найдя мощи совершенно нетлѣнными. Г. приказалъ поставить гробъ въ алтарѣ успенской церкви основаннаго св. Германомъ свіяжскаго богород. монастыря. Въ 1595 году при перестройкѣ соборной церкви въ казанскомъ спасо-преображенскомъ монастырѣ произошло открытіе мощей св. Гурія и Варсонофія казанскихъ. Это открытіе Г. затѣмъ описалъ, какъ очевидецъ, въ составленномъ по порученію царя Ѳеодора Іоанновича житіи св. Гурія и Варсонофія. Какъ пастырь ревностный

и просвѣщенный, Г. обратилъ вниманіе на печальное состояніе своей новопросвѣщенной казанской паствы въ религіозно-нравственномъ отношеніи. Въ 1591 году Г. созывалъ всѣхъ этихъ новокрещеновъ въ Казань, въ соборную церковь, и поучалъ ихъ въ продолженіе нѣсколькихъ дней отъ божественнаго Писанія и убѣждалъ, какъ подобаетъ жить христіанамъ.

Начало XVII вѣка было смутнымъ временемъ на Руси. Въ это время Г. оказалъ весьма крупныя услуги церкви и государству. Въ 1605 году онъ имѣлъ мужество оказать сопротивленіе Лжедимитрію I по вопросу о бракѣ послѣдняго съ Мариной Мнишекъ; онъ рѣшительно потребовалъ, чтобы прежде бракосочетанія Марина вполнѣ приняла православную вѣру и была вновь крещена. Находясь въ Москвѣ на соборѣ по случаю помазанія Лжедимитрія на царство, когда Лжедимитрій предложилъ собору вопросъ о бракѣ своемъ съ Мариной, Г. отвѣтилъ: «не подобаетъ христіанскому царю брать некрещеную и вводить во святую церковь и строить римскіе костелы. Не дѣлай такъ, царь, потому что никто изъ прежнихъ царей такъ не дѣлалъ, а ты хочешь сдѣлать». За эту твердость Г. подвергся опалѣ; Лжедимитрій выслалъ его въ Казань и отдалъ приказаніе лишить его сана и заточить въ монастырь, но приказаніе это не было приведено въ исполненіе за смертію его.

Послѣ смерти Лжедимитрія на русскій престолъ вступилъ царь Василій Ивановичъ Шуйскій, который вскорѣ послѣ своего восшествія на престолъ собралъ въ Москвѣ соборъ русскихъ епископовъ, низложившихъ поставленнаго Лжедимитріемъ патріарха Игнатія и избралъ на патріаршую каѳедру Г. Казанскаго. Самъ бывшій патріархъ Іовъ, низложенный Лжедимитріемъ и жившій на покоѣ въ старицкомъ монастырѣ, указалъ на Г., какъ на человѣка способнѣйшаго къ управленію церковію въ тѣ тяжелыя времена. 3 іюля 1606 года Г. былъ посвященъ русскими епископами въ успенскомъ соборѣ въ санъ патріарха по чину поставленія патріарха Іова.

Главная дѣятельность патріарха Г. была посвящена на служеніе царю и отечеству въ ихъ борьбѣ сначала съ самозванцемъ, потомъ съ польскимъ королемъ Сигизмундомъ. Такъ какъ за тѣмъ и другимъ стояли іезуиты съ замысломъ ввести въ Россіи католичество, то служеніе Г. государству было вмѣстѣ съ тѣмъ и служеніемъ церкви. Въ первые же дни царствованія Шуйскаго распространился слухъ, что Димитрій живъ и бѣжалъ изъ Москвы, а въ Москвѣ вмѣсто него убитъ какой-то нѣмецъ. Вскорѣ отъ Шуйскаго отложились южно-русскіе города. Для того, чтобы убѣдить народъ, что Димитрій, сынъ Іоанна IV, дѣйствительно мертвъ, Шуйскій приказалъ перенести изъ Углича въ Москву мощи царевича Димитрія. Г. вышелъ за городскія ворота навстрѣчу мученику и на себѣ несъ открытыя мощи до церкви св. Михаила. Здѣсь въ придѣлѣ Іоанна Предтечи, гдѣ лежали тѣла Грознаго и его сыновей, Ѳеодора и Іоанна, было приготовлено мѣсто и для царевича Димитрія; такъ какъ отъ св. мощей произошло много чудесныхъ исцѣленій, то онѣ были поставлены поверхъ земли для всеобщаго чествованія. Кромѣ того, п. Г. учредилъ три раза въ годъ праздновать память его, день рожденія, убіенія и перенесенія мощей изъ Углича въ Москву. Затѣмъ онъ издалъ приказаніе, чтобы по всѣмъ церквамъ предавали анаѳемѣ самозванца Гришку Отрепьева. Въ то же время по благословенію Г. перенесены были изъ обители св. Варсонофія въ троицкую лавру и погребены здѣсь тѣла Бориса Годунова, его супруги Маріи и сына Ѳеодора.

Между тѣмъ къ бунту стали приставать и города средней Россіи — Орелъ, Тула, Рязань и др. Во главѣ бунтовщиковъ стали Иванъ Болотниковъ и князь Григорій Шаховской. Болотниковъ разбилъ царское войско, а Шаховской отъ имени царя Димитрія разсылалъ по городамъ указы съ приложеніемъ государственной печати, которую онъ похитилъ въ Москвѣ при убійствѣ Лжедимитрія. 14 октября 1606 года Г. учредилъ въ Москвѣ трех-

дневный общенародный постъ и молитвословія для избавленія отечества отъ мятежниковъ. Въ ноябрѣ Болотниковъ подступилъ къ самой Москвѣ. Тогда Г. разослалъ по русскимъ городамъ грамоты отъ 29 и 30 ноября съ извѣщеніемъ о гибели Лжедимитрія, о перенесеніи въ Москву и явленіи мощей истиннаго царевича Димитрія и о воцареніи Шуйскаго; говорилъ далѣе, что нашлись измѣнники царю, которые говорятъ, что Лжедимитрій живъ, возстали противъ законнаго государя, собрали вокругъ себя толпы вооруженныхъ людей, насильно увлекли многихъ, подступили къ Москвѣ и стоятъ станомъ въ селѣ Коломенскомъ. Эти грамоты произвели свое дѣйствіе; во многихъ городахъ жители вооружились противъ бунтовщиковъ, изгнали послѣднихъ и поспѣшили въ Москву на помощь. Казанскій митрополитъ Ефремъ, узнавъ, что жители Свіяжска измѣнили царю, наложилъ на нихъ церковное запрещеніе, послѣ чего свіяжцы смирились. Г. прислалъ Ефрему за это свое благословеніе (22 декабря). Между тѣмъ московское войско, усилившееся пришельцами изъ разныхъ городовъ, подъ управленіемъ князя Михаила Скопина-Шуйскаго разбило Болотникова, послѣдній бѣжалъ въ Калугу.

Чтобы еще болѣе успокоить народное волненіе, царь съ благословенія Г. рѣшилъ вызвать въ Москву престарѣлаго патріарха Іова. Іовъ, дряхлый и уже ослѣпшій старецъ, пріѣхалъ изъ старицкаго монастыря въ Москву 14 февраля 1607 года, а 20 февраля, въ пятницу, въ 8 часовъ утра, оба патріарха явились въ успенскій соборъ, гдѣ уже собралось безчисленное множество гражданъ московскихъ. Совершенъ былъ молебенъ, послѣ котораго Г. сталъ на патріаршемъ мѣстѣ, а Іовъ въ простой монашеской одеждѣ вблизи патріаршаго мѣста. Тогда всѣ находившіеся въ храмѣ съ воплемъ и плачемъ обратились къ Іову, просили у него прощенія и подали ему челобитную. Г. приказалъ своему архидіакону взойти на амвонъ и громко прочитать челобитную. Въ ней православные исповѣдывались предъ своимъ бывшимъ патріархомъ, какъ они клялись служить вѣрою и правдою царю Борису Ѳедоровичу и не принимать вора, назвавшагося именемъ царевича Димитрія, и измѣнили своей присягѣ, какъ клялись потомъ сыну Бориса Ѳедору и снова преступили крестное цѣлованіе, какъ не послушались его патріарха, и присягнули Лжедимитрію, который лютостію отторгнулъ его, пастыря, отъ его словесныхъ овецъ, а потому умоляли теперь, чтобы первосвятитель простилъ и разрѣшилъ имъ всѣ эти преступленія и измѣны, и не имъ только однимъ, обитающимъ въ Москвѣ, но жителямъ всей Россіи, и тѣмъ, которые уже скончались. По прочтеніи этой челобитной патріархи Іовъ и Гермогенъ приказали тому же архидіакону прочесть съ амвона разрѣшительную грамоту, которая ранѣе была составлена, по пріѣздѣ Іова въ Москву, отъ имени обоихъ патріарховъ.

Спустя два мѣсяца послѣ этого, 15 тысячный отрядъ царскаго войска измѣнилъ Шуйскому и подъ Калугой перешелъ на сторону Болотникова. Тогда Г. предалъ церковному проклятію Болотникова и главныхъ помощниковъ его. Вскорѣ, 1 августа, въ Стародубѣ объявился второй самозванецъ, онъ двинулся къ Москвѣ и 1 іюня 1608 года сталъ станомъ въ 12 верстахъ отъ Москвы въ селѣ Тушинѣ, отъ котораго и получилъ названіе Тушинскаго вора. Среди самихъ московскихъ бояръ явились попытки низложить Шуйскаго. 17 февраля 1609 года крамольники громадною толпою собрались на площадкѣ около лобнаго мѣста, бросились за патріархомъ въ успенскій соборъ и требовали, чтобы шелъ на лобное мѣсто; Г. не хотѣлъ идти, его потащили, подталкивая сзади, обсыпали его пескомъ и соромъ, нѣкоторые схватывали его за грудь и крѣпко трясли. Поставивъ его па лобное мѣсто, заговорщики начали кричать народу, что Шуйскій избранъ незаконно, что онъ тайно побиваетъ и въ воду сажаетъ братію нашу, дворянъ и дѣтей боярскихъ, женъ ихъ и дѣтей, и такихъ побитыхъ съ двѣ тысячи». Патріархъ спросилъ: «какъ же это могло статься, что мы ни-

чего не знали? Въ какое время и кто именно погибъ»? Заговорщики продолжали кричать: «и теперь повели многихъ, нашу братію, сажать въ воду, за это мы и стали». Патріархъ опять спросилъ: «да кого же именно повели въ воду сажать?» Въ отвѣтъ закричали: «мы послали уже ворочать ихъ, уже сами увидите». Потомъ начали читать грамоту, написанную ко всему міру изъ московскихъ полковъ отъ русскихъ людей: «князя де-Василія Шуйскаго одною Москвою выбрали на царство, а иные города того не вѣдаютъ, и князь Василій Шуйскій намъ на царство нелюбъ и для него кровь льется и земля не умирится: чтобы намъ выбрать на его мѣсто другого царя?»—«До сихъ поръ, сказалъ на это Г., Москвѣ ни Новгородъ, ни Казань, ни Астрахань, ни Псковъ и ни которые города не указывали, а указывала Москва всѣмъ городамъ; государь царь и великій князь Василій Ивановичъ возлюбленъ и избранъ и поставленъ Богомъ и всѣми русскими властями, а вы забыли крестное цѣлованье, немногими людьми возстали на царя, хотите его безъ вины съ царства свесть, а міръ того не хочетъ, да и не вѣдаетъ, да и мы съ вами въ тотъ совѣтъ не пристанемъ же». Сказавъ это, Г. отправился домой. Заговорщики, не встрѣтивъ подкрѣпленія въ народѣ, не смѣли его удержать и вскорѣ бѣжали въ Тушино. Туда Г. послалъ двѣ грамоты съ трогательными увѣщаніями опомниться русскимъ людямъ и отстать отъ измѣны. «Бывшимъ, такъ начинается первая грамота, православнымъ христіанамъ всякаго чина, возраста и сана, теперь же не знаемъ, какъ васъ и назвать, ибо вы отступили отъ Бога, отступили отъ Богомъ вѣнчаннаго и святымъ елеемъ помазаннаго царя Василія Ивановича.

Въ слѣдующемъ 1610 году положеніе Шуйскаго сдѣлалось еще хуже. Г. продолжалъ убѣждать и со слезами умолять народъ хранить вѣрность царю. Наконецъ, 11 іюля 1610 года произошло сверженіе Шуйскаго. Захаръ Ляпуновъ съ товарищами большою толпою пришли во дворецъ, причемъ Ляпуновъ обратился къ царю со словами: «долго ли за тебя будетъ литься кровь христіанская? Земля опустѣла, ничего добраго не дѣлается въ твое правленіе, сжалься надъ нашею гибелью, положи посохъ царскій, а мы уже о себѣ какъ-нибудь промыслимъ«. Шуйскій, повидимому, уже привыкъ къ подобнымъ сценамъ и въ отвѣтъ закричалъ: «смѣлъ ты мнѣ вымолвить это, когда бояре мнѣ ничего такого не говорятъ», и вынулъ было ножъ, чтобы еще болѣе пристращать мятежниковъ. Ляпуновъ былъ человѣкъ высокаго роста и сильный; услыхавъ брань и увидавъ грозное движеніе Шуйскаго, онъ закричалъ ему: «не тронь меня; вотъ какъ возьму тебя въ руки, такъ и сомну всего»! Послѣ этого мятежники отправились на лобное мѣсто, куда вскорѣ собралась громадная толпа народа, такъ что когда пріѣхалъ патріархъ и нужно было объяснить дѣло, народъ не помѣщался на площади. Тогда Ляпуновъ и товарищи закричали, чтобы всѣ шли на просторное мѣсто за Москву-рѣку, къ Серпуховскимъ воротамъ; сюда долженъ былъ отправиться и патріархъ. Здѣсь бояре, дворяне и лучшіе купцы стали совѣтоваться, какъ предотвратить полное раззореніе московскаго государства, и приговорили: бить челомъ государю царю Василію Ивановичу, чтобы онъ, государь, царство оставилъ для того, что кровь многая льется, а въ народѣ говорятъ, что онъ государь несчастливъ, и города Украинскіе, которые отступили къ вору, его государя на царство не хотятъ же. Г. сопротивлялся такому рѣшенію, но его не послушали. Во дворецъ отправился князь Воротынскій просить Василія, чтобы оставилъ государство и взялъ себѣ въ удѣлъ Нижній Новгородъ. На эту просьбу, объявленную Воротынскимъ отъ имени всего московскаго народа, Шуйскій долженъ былъ согласиться и выѣхалъ изъ дворца съ женою своею въ прежній свой боярскій домъ. Такъ какъ Г. и послѣ этого продолжалъ признавать Шуйскаго царемъ и увѣщалъ народъ къ тому же, то мятежники 19 іюня насильно постригли Шуйскаго. Г. не признавалъ этого постриженія, тѣмъ не менѣе Шуй-

скаго заключили въ чудовъ монастырь. Объ участи Шуйскаго Г. продолжалъ заботиться и тогда, когда потеряна была всякая надежда возвратить ему престолъ.

Послѣ низложенія Шуйскаго государствомъ стала управлять боярская дума во главѣ съ княземъ Мстиславскимъ. Немедленно возникъ вопросъ объ избраніи царя. Мстиславскій предложилъ избрать царемъ польскаго королевича Владислава, чѣмъ немедленно было бы прекращено участіе поляковъ въ русскихъ смутахъ. Г. понималъ выгоды избранія Владислава, но въ избраніи послѣдняго не безъ основаній видѣлъ опасность для православной вѣры, и потому со всѣмъ своимъ авторитетомъ возсталъ противъ предложенія Мстиславскаго и съ своей стороны предлагалъ избрать на престолъ или князя Голицына, выдававшагося своимъ умомъ и твердостію, или Михаила Θеодоровича Романова, какъ ближайшаго родственника царя Іоанна Грознаго по супругѣ его Анастасіи Романовнѣ.—Г. даже установилъ по всѣмъ церквамъ русскимъ моленіе «о избраніи на престолъ царскій отъ корене россійскаго рода, но не изъ иноземцевъ». Но такъ какъ смута достигла такихъ размѣровъ, что прекратить ее русскимъ боярамъ казалось невозможнымъ безъ помощи поляковъ, то предложеніе и увѣщанія Г. остались напрасными. Г. однако все еще настаивалъ на избраніи царя изъ русскихъ, не разъ онъ «плакался предъ всѣмъ народомъ и просилъ его молить Бога, чтобы Богъ воздвигъ царя русскаго». Такъ какъ бояре, побуждаемые польскимъ гетманомъ Жолкевскимъ, упорно стояли на своемъ, а дальнѣйшее продолженіе междуцарствія грозило страшною опасностію для государства, то Г., наконецъ, уступилъ, но принялъ со своей стороны рѣшительныя, всѣ отъ него зависящія мѣры, чтобы избраніе Владислава не принесло вреда православной вѣрѣ. Онъ безусловно потребовалъ крещенія Владислава въ православную вѣру прежде избранія его на русскій престолъ. Бояре заключили съ представителемъ польскаго короля гетманомъ Жолкевскимъ договоръ, въ которомъ сказано было, что православная вѣра должна остаться въ Россіи неприкосновенною и что къ королю будутъ отправлены великіе послы бить челомъ, да крестится государь Владиславъ въ вѣру греческую.

Затѣмъ патріархъ и бояре отъ лица всей русской земли избрали пословъ къ королю Сигизмунду, ростовскаго митрополита Филарета, князя Василія Васильевича Голицына, Авраамія Палицына, келаря троице-сергіевой лавры и другихъ, и дали имъ подробную инструкцію, которою послы должны были руководиться въ переговорахъ съ королемъ. Осторожность, съ которою Г. руководилъ всѣмъ дѣломъ и въ частности выработкой этой инструкціи, обнаруживаетъ въ немъ, при обширномъ разумѣ, непоколебимую твердость характера, не оставлявшую патріарха въ самыхъ бѣдственныхъ, стѣсненныхъ обстоятельствахъ. — Патріархъ отправилъ вмѣстѣ съ послами отъ себя письмо къ Сигизмунду, гдѣ умолялъ короля отпустить сына въ греческую вѣру. Отправилъ Г. грамоту и къ Владиславу, въ которой убѣждалъ его принять вѣру греко-россійскаго закона и изображалъ предъ нимъ величіе православной Руси. Наконецъ, вмѣстѣ съ боярами, Г. далъ посламъ наказъ, какъ дѣйствовать посламъ въ случаѣ несогласія королевскаго на какую-либо статью, что отстаивать, что оговаривать, на что уступать. Растрогавшись, Г. со слезами умолялъ и «укрѣплялъ пословъ на подвигъ, яко мучениковъ, хотящихъ мучитися, даже до смерти не щадити живота своего ради вѣнцовъ небесныхъ за таковые подвиги». Ревностный Филаретъ тутъ же далъ обѣтъ «лучше умереть за православную христіанскую вѣру, нежели учинить что-либо противное и постыдное». Получивъ такое твердое удостовѣреніе въ точномъ исполненіи всѣхъ наставленій, Г. изрекъ слѣдующее благочестивое напутствіе въ путь шествующимъ: «идите, Богъ съ вами и Пречистая Богородица и великіе чудотворцы, иже въ Россіи просіявшіе, наши заступники и хранители: Петръ и Алексій, Іона и Сергій и Димитрій Чудотворецъ, и святый новострадаль-

ный благовѣрный царевичъ Димитрій».

Немедленно по отъѣздѣ пословъ гетманъ Жолковскій началъ склонять бояръ къ пропуску поляковъ въ столицу. Чтобы лучше достигнуть желаемаго, онъ побудилъ Михаила Салтыкова и другихъ своихъ сообщниковъ распустить молву, будто чернь хочетъ пустить въ Москву самозванца и что потому слѣдуетъ немедленно пустить поляковъ, такъ какъ Москва присягала не самозванцу, а королевичу польскому. Узнавъ объ этомъ, Г. послалъ за боярами и началъ убѣждать ихъ не вдаваться въ обманъ. Ночью съ 20 на 21 сентября поляки тихо вступили въ Москву. Начальство надъ польскими войсками въ Москвѣ послѣ Жолкевскаго принялъ Гонсевскій, послѣ чего безчинства поляковъ усилились. Опасаясь народнаго возстанія, Гонсевскій постарался отнять у жителей столицы всѣ средства къ оборонѣ и защитѣ. Терпѣніе русскихъ, наконецъ, истощилось, когда получены были вѣсти о коварствѣ поляковъ въ переговорахъ съ русскими послами.

Когда послы прибыли къ королю Сигизмунду подъ Смоленскъ (7 октября), поляки начали ихъ проводить, спорили съ ними, давали имъ неопредѣленные отвѣты и, наконецъ, объявили, что въ крещеніи и женитьбѣ Владислава воленъ Богъ и Владиславъ. Когда прибылъ подъ Смоленскъ Жолкевскій, король сталъ отклонять предъ послами не только вопросъ о крещеніи Владислава въ православную вѣру, но даже и вопросъ о его царствованіи въ Россіи, и прямо говорилъ, что «не бывать королевичу на Московскомъ государствѣ»; по прежнему требовалъ сдачи Смоленска и по прежнему домогался свободнаго пропуска подъ Москву какъ будто-бы для истребленія сомозванца, а на самомъ дѣлѣ для водворенія своей власти въ Россіи. Въ Москвѣ скоро поняли желаніе короля самому царствовать въ Россіи.

Между тѣмъ Сигизмундъ принялъ съ своей стороны мѣры къ тому, чтобы въ средѣ самого московскаго боярства найти защитниковъ своей кандидатуры на русскій престолъ. Онъ щедро раздавалъ русскимъ боярамъ придворные чины и земельныя владѣнія. У Сигизмунда постепенно составилась значительная партія приверженцевъ въ самой Москвѣ.

Русскіе люди увидѣли конечную гибель свою отъ поляковъ и обратили взоры свои на Г., какъ на послѣднюю надежду. Многіе съ плачемъ приходили къ Г. и съ плачемъ просили его, «чтобы онъ, великій святитель, на нихъ бѣдныхъ и насилуемыхъ призрѣлъ. Г. неоднократно просилъ поляковъ мирно оставить Москву, чтобы предотвратить готовое вспыхнуть кровопролитное народное возстаніе, но поляки были глухи къ этимъ совѣтамъ благоразумія. Въ бесѣдахъ съ людьми благонадежными Г. сталъ высказывать мысль о необходимости созванія общаго народнаго ополченія для возстановленія законнаго образа правленія на Руси и изгнанія поляковъ. Тогда воевода рязанскій Ляпуновъ Прокопій началъ сноситься съ жителями различныхъ городовъ, и къ концу 1610 года начали собираться народныя ополченія. Равнымъ образомъ и «между москвичами начала становиться смута». Гонсевскій успѣлъ перехватить письмо москвичей къ областнымъ жителямъ и узналъ изъ него какъ о подготовляющемся народномъ возстаніи, такъ и о главѣ возрастанія, патріархѣ Г., однако предпринять что либо противъ патріаха не посмѣлъ. Дерзость же русскихъ измѣнниковъ, Салтыкова и Андронова, дошла до того, что 30 ноября 1610 года они пришли къ Г. и прямо стали просить его благословить народъ на присягу Сигизмунду. «Патріархъ благословить не согласился и у бояръ за то съ патріархомъ брань была, и патріарха хотѣли за то зарѣзать». 6 декабря мятежники снова пришли къ Г. уже съ Мстиславскимъ и принесли ему для подписи двѣ грамоты, одну на имя короля Сигизмунда, другую—на имя пословъ московскихъ при Сигизмундѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ измѣнники предлагали Г. послать приказаніе ополчившимся русскимъ, чтобы они оставили свои замыслы и не ходили подъ Москву. «Я согласенъ писать королю, сказалъ Г., прочитавъ грамоты, но не о томъ и не такъ. Если

король дастъ сына своего на Московское государство и Владиславъ, оставивъ латинскую вѣру, крестится въ православную вѣру греческую и всѣхъ литовскихъ людей изъ Москвы выведеть вонъ, то я къ такому письму руку свою приложу». Этотъ геройскій отвѣтъ привелъ въ ярость Салтыкова, съ бранью выхватилъ онъ свой ножъ и замахнулся на Г. Г., не потерявъ присутствія духа, осѣнилъ измѣнника крестнымъ знаменіемъ и громко сказалъ: «не страшусь ножа твоего, но силою креста Христова вооружаюсь противъ твоего дерзновенія; буди же ты проклятъ отъ нашего смиренія и въ семъ вѣкѣ и въ будущемъ»!

Несмотря на противодѣйствіе Г., бояре отправили свои грамоты королю и русскимъ посламъ, но успѣха не имѣли, потому что на грамотахъ не было подписи патріарха. Со смертію самозванца въ 1610 г. у Сигизмунда и московскихъ его приверженцевъ не было болѣе основанія требовать дальнѣйшаго движенія короля подъ предлогомъ очищенія русской земли отъ самозванца, не было предлога и продолжать осаду Смоленска. У русскихъ людей теперь руки стали развязаны, потому-что коварство поляковъ и замыслы ихъ покорить русскую землю стали очевидны для всѣхъ. Въ Москвѣ открыто по улицамъ стали раздаваться клики: «мы по глупости выбрали ляха въ цари, однако не съ тѣмъ, чтобы идти въ неволю къ ляхамъ; время раздѣлаться съ ними». Возбужденіе достигло крайнихъ предѣловъ, когда въ Москву пришла изъ Смоленска (въ январѣ 1611 года) грамота съ извѣщеніемъ о всѣхъ насиліяхъ и вѣроломствѣ поляковъ. Дѣйствіе этой грамоты было громадное. Г. принимаетъ къ себѣ пословъ изъ разныхъ городовъ, убѣждаетъ ихъ стоять крѣпко за вѣру и отечество, но грамотъ не пишетъ, потому что съ 16 января 1611 года подвергся отъ поляковъ большимъ стѣсненіямъ, дворъ патріаршій былъ разграбленъ, слуги патріарха разбѣжались, такъ что и писать было не кому; такъ говоритъ самъ Г. посламъ изъ Нижняго-Новгорода. За то прежде разосланные имъ грамоты, а также взаимныя посланія городовъ другъ къ другу съ приложеніемъ копіи со смоленской грамоты къ москвичамъ произвели сильный подъемъ патріотическаго чувства русскихъ, отовсюду послышались клики: «пойдемъ, умремъ за святыя Божія церкви и за вѣру христіанскую»! Въ разныхъ городахъ стали собираться народныя ополченія и потянулись къ Москвѣ для освобожденія столицы и государства.

Когда въ Москвѣ увидѣли, что народное движеніе принимаетъ громадные размѣры, измѣнники во главѣ съ Салтыковымъ подвергли преслѣдованіямъ патріарха, какъ главнаго виновника народнаго возстанія. Салтыковъ нѣсколько разъ приходилъ къ Г. и требовалъ, чтобы онъ написалъ приближавшимся къ Москвѣ русскимъ ополченіямъ, чтобы они прекратили дальнѣйшее движеніе и вернулись по своимъ городамъ. Г., жизнь котораго всецѣло находилась въ рукахъ измѣнниковъ, отвѣчалъ съ мужествомъ, рѣдкимъ въ исторіи. «Если, отвѣчалъ онъ со свойственною ему простотою и безстрастіемъ; если ты и съ тобою всѣ измѣнники и королевскіе люди выйдете изъ Москвы, то напишу, чтобы ополченія вернулись назадъ, и тогда все умирится». Тогда мятежники подвергли Г. заключенію подъ стражу, не пускали къ нему ни міряпъ, ни духовенства, какъ къ главному заговорщику, обходились съ нимъ жестоко и безчинно. Только когда ополчившіеся узнали о положеніи патріарха и потребовали у бояръ облегченія его участи, Г. дана нѣкоторая свобода и слуги. 17 марта въ вербное воскресеніе Г. выпустили изъ подъ стражи, чтобы онъ совершилъ обычное торжественное шествіе на осляти. Подражая шествію Спасителя въ Іерусалимъ на вольную страсть, Г. готовился самъ къ ожидавшей его мученической кончинѣ. По площадямъ Гонсевскій разставилъ полки поляковъ и нѣмцевъ, опасаясь народнаго возмущенія въ громадной толпѣ, обычно собирающейся на это зрѣлище, но теперь почти никто не сопровождалъ патріарха.

Во вторникъ страстной недѣли, 19 марта 1611 года, въ Москвѣ дѣйствительно вспыхнулъ мятежъ; два дня

продолжалось кровопролитіе, пока, наконецъ, поляки, не имѣя силъ одолѣть русскихъ, зажгли Москву въ разныхъ мѣстахъ и выжгли ее совершенно, кромѣ Кремля и Китай—города, гдѣ сами укрылись отъ огня. На сожженныхъ развалинахъ столицы поляки неистовствовали, разоряя церкви и монастыри, разсѣкая чудотворныя мощи, обдирая дорогіе оклады съ иконъ, нагло издѣваясь надъ всѣмъ священнымъ для русскаго человѣка. Русское населеніе въ ужасѣ разбѣжалось. Г. былъ заключенъ въ чудовомъ монастырѣ, а потомъ на кирилловскомъ подворьѣ и содержался подъ крѣпкимъ карауломъ. Измѣнники вывели изъ чудова монастыря поставленнаго первымъ самозванцемъ и низложеннаго послѣ убійства самозванца лжепатріарха Игнатія и заставили его служить въ Пасху, объявивъ Г. низложеннымъ.

Изъ Бѣлаго города и Китай-города поляки были вытѣснены и принуждены держаться въ Кремлѣ. Положеніе ихъ было критическое. Салтыковъ и Гонсевскій не разъ присылали къ патріарху Г. и сами иногда приходили и говорили: «вели ратнымъ людямъ, стоящимъ подъ Москвою, идти прочь; а если не послушаешь насъ, велимъ уморить тебя злою смертью».—«Что вы мнѣ угрожаете? отвѣчалъ Г. Боюсь одного Бога. Если всѣ вы, литовскіе люди, пойдете изъ московскаго государства, я благословлю русское ополченіе идти отъ Москвы; но если останетесь здѣсь, я благословлю всѣхъ стоять противъ васъ и помереть за православную вѣру». Уже изъ заключенія Г. написалъ нижегородцамъ грамоту, узнавши, что нѣкорые крамольники пытались воцарить тамъ сына Марины Мнишекъ. Въ этой грамотѣ Г. запрещаетъ нижегородцамъ признавать сынаМарины царемъ, ободряетъ возставшихъ за отечество обѣщаніемъ вѣнцовъ небесныхъ въ будущемъ вѣкѣ и, какъ бы предчувствуя, что это—послѣднее его слово къ русскимъ людямъ, передаетъ нижегородцамъ свою власть собирать отъ городовъ грамоты, удостовѣряющія въ общемъ единодушіи, повелѣваетъ имъ быть главою ополчающихся за родину, приказываетъ посылать во всѣ города пословъ и говорить вездѣ отъ его патріаршаго имени.

Отселѣ уста Г. были замкнуты насиліемъ, но никакое насиліе не могло запереть въ тѣсную келью тѣхъ крылатыхъ, великихъ словъ, которыя изъ сердца Россіи, изъ Кремля, изъ устъ доблестнаго Г. разнеслись по всей русской землѣ. Великое дѣло Г. продолжали препод. Діонисій, архимандритъ троице-сергіевой лавры, и келарь Авраамій Палицынъ. Возсталъ въ Нижнемъ Козьма Мининъ, явился новый вождь русскаго ополченія, вмѣсто убитаго казаками Прокопія Ляпунова, князь Пожарскій. 22 октября 1612 г. произошло очищеніе Москвы отъ поляковъ русскими полками, воодушевленными присутствіемъ въ станѣ чудотворной казанской иконы Божіей Матери. Но тотъ, кто подготовилъ это торжество русскихъ, не дожилъ до этой радости: 17 февраля 1612 г. «святѣйшій патріархъ Г. мученически скончался отъ голодной смерти въ душномъ заключеніи; тѣло его было погребено въ чудовомъ монастырѣ, какъ онъ самъ завѣщалъ». Черезъ 40 лѣтъ, въ февралѣ 1652 года, тѣло Г. было перенесено въ успенскій соборъ и поставлено поверхъ земли подлѣ мѣднаго шатра ризы Господней. Входя западными вратами въ успенскій соборъ, всякій можетъ видѣть на правой сторонѣ скромную гробницу Г. и поклониться праху великаго русскаго человѣка, великаго патріота и высокой души человѣка,

Черезъ девять лѣтъ исполнится 300 лѣтъ со дня смерти патріарха Г. Благодарность требуетъ, чтобы русскіе люди почтили память доблестнаго Г. достойнымъ памятникомъ. Сравнительно съ заслугами Г. ничтожны были заслуги Минина и Пожарскаго, увѣнчанныя памятникомъ въ Москвѣ, хотя эти лица еще при жизни удостоились славы и почестей. А Г. за всѣ свои подвиги не видѣлъ спасеннаго отечества и самую жизнь свою страдальчески отдалъ за него. Если мысль о памятникѣ Г. осуществится, то на памятникѣ прилично начертать слова

изъ грамоты ярославцевъ къ казанцамъ: «Г. сталъ за православную вѣру неизмѣнно и, не убоясь смерти, всѣмъ велѣлъ стоять и умереть за православную вѣру.

Источники и пособія. «Акты археогр. эксп.» т. II, 57, 58, 61, 67, 74, 164, 165, 169, 175, 176, 180, 181, 183, 188, 194, 202, 289, 290. «Собр. госуд. грам. и догов.» т. II, 89, 216, 226, 227, 229, 376. «Лѣтоп. о мног. мятеж.» стр. 216 и дал. «Никон. Лѣтоп.» т. VIII. «Чтенія общ. ист. и древн.»; III, 8. «Временникъ Моск. Общ. Ист. и Древн.» кн. 16, 17. «Ист. росс. іерар.» ч. I, 137, 390; ч. III, 382; ч. V, 628, 634, 635. «Авраамій Палицынъ. Сказаніе объ осадѣ Троиц. мон.» «Повѣсть патріарха Филарета». «Древняя росс. вивліое. т. VII. *Карамзинъ*, «Исторія госуд. росс.» т. XII. *Соловьевъ*, «Исторія Россіи». т. VIII. *Макарій*, «Ист. русс. цер.» т. X. *П. Рублевскій*, Гермогенъ, патріархъ Всероссійскій, «Странникъ» 1864 г. май—іюнь (Съ портретомъ Г.). *П. Мансветовъ*, «Патріархъ Г.», «Духов. Бесѣда», 1861 г., т. XIII. «Служеніе Ермогена, патріарха Московскаго бѣдствующему отечеству», «Прав. Собес. » 1866 г., ч. II.

А. Кремлевскій.

ГЕРМОГЕНЪ (Константинъ Петровичъ Добронравинъ), епископъ. По мѣсту рожденія, первоначальнаго образованія и большей части службы преосв. Г. принадлежитъ петербургской епархіи. По окончаніи петербургской дух. академіи въ 1845 г. со степенью магистра, онъ былъ около года профессоромъ московской дух. семинаріи, затѣмъ въ октябрѣ 1846 г. поступилъ священникомъ въ Петербургъ на Волково кладбище. Лишившись жены, онъ оставилъ приходскую службу и въ 1854 г. перешелъ въ законоучители 3-й петербургской гимназіи. По порученію начальства исполнялъ разныя временныя обязанности, получилъ протоіерейство. Въ 1869 г. избранъ духовенствомъ въ смотрители петербургскаго александроневскаго дух. училища. 1 сентября 1873 г. принялъ монашество и въ томъ же году былъ хиротонисанъ во епископа выборгскаго—викарія петербургской епархіи; потомъ онъ былъ переименованъ во епископа ладожскаго; въ 1876 г. назначенъ епископомъ таврическимъ, въ 1885 г. переведенъ въ Псковъ. Изъ Пскова онъ часто былъ вызываемъ на лѣтніе мѣсяцы въ Петербургъ къ присутствованію въ св. синодѣ. Въ Петербургѣ и скончался 17 августа 1893 г., на 74-мъ году жизни. Погребенъ въ исидоровской церкви александроневской лавры.

Біографы характеризуютъ преосвященнаго Г., что на всѣхъ мѣстахъ своего служенія онъ отличался удивительною скромностью въ образѣ жизни, въ словахъ и дѣйствіяхъ, искренними, сердечными отношеніями ко всѣмъ, строгимъ воздержаніемъ, заботливостью о просвѣщеніи паствы, попечительностью о вдовахъ и сиротахъ духовенства. Будучи волковскимъ священникомъ и лишившись жены, онъ написалъ «Утѣшеніе въ смерти близкихъ сердцу», Спб. 1854 г., въ 1902 г. вышло 11-е изданіе этой книги. Въ свое законоучительство онъ издалъ «Очеркъ исторіи русской церкви», Спб. 1863 г., и «Очеркъ исторіи христіанской церкви», Спб. 1866 г. Затѣмъ ему принадлежатъ: «Вечернія бесѣды отца съ дѣтьми о пѣніи при богослуженіи и о церковной музыкѣ», Спб. 1876 г.; «Литургика, или ученіе о богослуженіи православной церкви, составленное примѣнительно къ гимназическому курсу», изд. 2, Спб. 1884 г. (въ 5-мъ изданіи: «О богослуженіи православной церкви», Спб. 1901 г.); «Таврическая епархія», Псковъ, 1887 г., —историко-статистическое описаніе; «Очеркъ исторіи славянскихъ церквей», изд. 2, Спб. 1899 г. Самою извѣстною его книгой являются «Минуты пастырскаго досуга», въ двухъ большихъ томахъ, первое изданіе, Спб. 1882 г., 2-е изд. 1901 г.,—сборникъ разнообразныхъ статей религіознонравственнаго содержанія, словъ и рѣчей. Помѣщенное въ первомъ томѣ стихотвореніе «Житейское море» («Дай, добрый товарищъ, мнѣ руку свою»), положенное на ноты, распѣвается во всѣхъ духовно-учебныхъ заведеніяхъ и создало преосвященному автору наиболѣе широкую популярность («Церк. Вѣд.», 1893 г., №№ 34, 35, 36).

С. Рункевичъ.

Гернгутъ-городъ въ Саксоніи, верстахъ въ 90 отъ Дрездена, у подошвы горы Гутбергъ, основанъ былъ Цинциндор-

фомъ въ 1722 г. для моравскихъ братьевъ, которые иногда по нему называются гернгутерами.

Геронтій (престарѣлый) — мученикъ III вѣка, *пам. 1 апрѣля.*

ГЕРОНТІЙ митроп. московскій † 1489 г. Обстоятельства жизни его совершенно неизвѣстны до 1447 года, когда мы видимъ его уже архимандритомъ московскаго симонова монастыря. Съ 1455 г. онъ былъ епископомъ коломенскимъ, а въ 1473 году 29 іюня занялъ кафедру московской митрополіи послѣ м. Филиппа I. При Г. русскіе епископы на соборѣ 1476 года рѣшили внести въ архіерейскую ставленную грамоту присягу не принимать на митрополію лицъ, присланныхъ изъ Греціи; это было по случаю отдѣленія кіевской митрополіи отъ московской и поставленія на первую въ 1475 году второго самостоятельнаго митрополита, послѣ смерти Григорія Болгарина, Спиридона, прозваннаго Сатаною.

При Г. продолжалась начатая ранѣе перестройка московскаго успенскаго собора; въ 1473 и 1474 годахъ складены были стѣны и своды собора, но при кладкѣ главнаго купола соборъ обрушился 20 мая 1474 года. Тогда по вызову великаго князя Іоанна III, прибылъ изъ Венеціи 25 марта 1475 г. знаменитый архитекторъ Аристотель Фіоравенти, которому и было поручено строеніе собора. Аристотель нашелъ необходимымъ совершенно разобрать старую кладку. 16 апрѣля 1475 года изъ развалинъ собора перенесли въ близъ стоявшую церковь Іоанна Лѣствичника (нынѣ Ивановская колокольня) раки съ мощами св. Петра и прочихъ митрополитовъ московскихъ, затѣмъ разобрали стѣны и заложили новый фундаментъ. Самую кладку Аристотель началъ 26 апрѣля 1476 года и кончилъ къ августу 1479 года. Этотъ новый соборъ, существующій до настоящаго времени, 12 августа 1479 г. торжественно былъ освященъ м. Г. Послѣ освященія собора какіе-то недоброжелатели Г. обратили вниманіе великаго князя на то, что при освященіи собора Г. ходилъ противъ солнца, а не по солнцу, какъ, по ихъ мнѣнію, нужно было. Великій князь нашелъ это важнымъ преступленіемъ и разгнѣвался на митрополита, говоря, что за подобные грѣхи «гнѣвъ Божій приходитъ». Въ столицѣ возникъ жаркій споръ о томъ, какъ ходить съ крестнымъ ходомъ при освященіи церкви, по солнцу или противъ солнца; большая часть духовенства стала на сторону митрополита, а на сторону великаго князя архіепископъ ростовскій Вассіанъ и преемникъ его Іоасафъ, а также чудовскій архимандритъ Геннадій, впослѣдствіи (съ 1485 г.) архіепископъ новгородскій. Долго искали рѣшенія вопроса въ различныхъ книгахъ, долго спорили, но «истины не обрѣтоша». Великій князь, упорствуя въ своемъ мнѣніи, запретилъ даже освящать вновь устрояемые храмы, а Г. въ 1481 году въ виду крайняго упорства великаго князя рѣшилъ оставить митрополію и удалился въ симоновъ монастырь. Такъ какъ почти все духовенство стояло на сторонѣ митрополита, то великій князь уступилъ и послалъ къ Г. сына съ просьбою вернуться на митрополію, а затѣмъ и самъ явился къ нему, объявилъ себя виновнымъ во всемъ и обѣщалъ впредь слушаться владыку митрополита во всемъ. Г. вернулся и споръ кончился, хотя князь не позволилъ сдѣлать какое-либо обязательное постановленіе по спорному вопросу на будущее время. Геннадію за противодѣйствіе Г. жестоко отмстилъ въ 1482 году, когда по маловажному поводу, по случаю разрѣшенія Геннадіемъ чудовскимъ монахамъ пить богоявленскую воду въ навечеріи Богоявленія послѣ принятіи пищи, приказалъ въ оковахъ бросить въ монастырскій ледникъ и освободилъ только по особому ходатайству самого великаго князя. Другимъ противникомъ Г. по вопросу о хожденіи посолонь былъ Вассіанъ Ростовскій, который еще въ 1478 году сталъ во враждебное отношеніе къ Г. по поводу грамоты Г. кирилло-бѣлозерскому монастырю; по этой грамотѣ монастырь исключался изъ управленія епархіальнаго архіерея, каковымъ въ то время былъ Вассіанъ, и передавался въ непосредственное управленіе мѣстному удѣльному князю Михаилу

Андреевичу Верейско-Бѣлозерскому. По поводу этой грамоты Вассіанъ обратился къ великому князю, который приказалъ разобрать дѣло соборомъ епископовъ; соборъ нашелъ дѣйствія Г. неправильными, послѣдній долженъ былъ отказаться отъ своего рѣшенія и просить у Вассіана прощенія.

Въ 1480 году, когда великій князь со своими полками стоялъ на рѣкѣ Угрѣ противъ хана Ахмата, Г. написалъ къ нему посланіе съ увѣщаніемъ мужественно стоять противъ врага; посланіе краткое и слабое по мыслямъ и изложенію.

Въ ноябрѣ 1483 года Г., будучи болѣнъ, рѣшилъ оставить митрополію и удалился въ симоновъ монастырь, но по выздоровленіи измѣнилъ свое рѣшеніе. Между тѣмъ великій князь, не любившій митрополита, уже свыкся съ мыслію объ оставленіи Г. каѳедры и когда узналъ о намѣреніи послѣдняго снова вступить въ управленіе церковію, началъ убѣждать его чрезъ своего посла (старца Паисія Ярославова) оставить митрополію. Эти убѣжденія не подѣйствовали на Г. и ровно черезъ годъ послѣ удаленія въ симоновъ монастырь онъ вернулся въ митрополичьи палаты.

Во второй половинѣ 1487 года Г. получилъ изъ Новгорода отъ архіепископа Геннадія донесеніе о появившейся тамъ новой ереси жидовствующихъ. Вскорѣ въ Москву бѣжали изъ Новгорода многіе еретики въ надеждѣ найти здѣсь сильныхъ покровителей, въ чемъ и не ошиблись. Еретики были схвачены и осуждены въ 1488 году соборомъ русскихъ епископовъ съ м. Г. во главѣ. Трое изъ схваченныхъ были уличены въ ереси, биты на площади кнутомъ и отосланы въ Новгородъ для новаго подробнаго изслѣдованія ихъ дѣла. Геннадій прислалъ митрополиту новый свой розыскъ, но Г. не придалъ ему значенія «по своей ли грубости, или по нерадѣнію, или изъ боязни предъ державнымъ», говоритъ препод. Іосифъ Волоцкій въ своемъ Просвѣтителѣ. Скончался Г. 28 мая 1489 года. Отъ него осталось: 1) неизвѣстно когда написанныя двѣ грамоты въ Вятку, одна духовенству, другая мірянамъ съ обличеніемъ въ дурной жизни и съ увѣщаніемъ покоряться великому князю; 2) посланіе великому князю на Угру и 3) посланіе къ Геннадію новгородскому съ рѣшеніемъ о жидовствующихъ.

Источники и пос біа: Акты истор. I, 57, 90 97, 98, 235; Никон. лѣт. VI; Соф. 2-я лѣт. въ собр. лѣт. VI, 221, 233, 234, 236. Просвѣтитель Іосифа волоцкаго. Исторія рус. ц. *Е. Голубинскаго.* Т. 2. Ист. рус. ц. *Макарія,* т. 6.

А. Кремлевскій.

Геронтій, соловецкій іеромонахъ, см. *Соловецкій монастырь и Солов. возмущеніе.*

ГЕРОНТІЙ (Кургановскій), архимандритъ. Образованіе получилъ домашнее, или, лучше сказать, монастырское, такъ какъ въ монастырь поступилъ съ раннихъ лѣтъ, былъ іеромонахомъ въ задонскомъ богородицкомъ монастырѣ, а въ 1899 г. назначенъ настоятелемъ новосильскаго святодуховскаго монастыря, съ возведеніемъ въ архимандрита. «Извѣстенъ, какъ авторъ многочисленныхъ историческихъ изслѣдованій о монастыряхъ воронежской, орловской и новгородской епархій и задонскихъ подвижникахъ. Ему принадлежатъ: «Методъ богослужебныхъ возгласовъ, положенныхъ на ноты»; «Историческое описаніе Короцкаго монастыря»; «Историко-статистическое описаніе кириллобѣлозерскаго монастыря», М. 1897 г.; «Преподобный Кириллъ Бѣлозерскій», М. 1897 г.; «Историко-статистическое описаніе елецкаго святотроицкаго монастыря», Спб. 1894 г.; «Историческій очеркъ новосильскаго святодухова монастыря», Тула, 1901 г.; «Можайскій лужецкій ѳерапонтовъ монастырь», М. 1902 г.; «Слова и рѣчи», Тула, 1901 г.; «Воспоминаніе объ Антоніи Алексѣевичѣ, Христа ради юродивомъ», Задонскъ, 1880 г.; «Тюнинскій богородицетихоновскій женскій монастырь», Воронежъ, 1873 г.; «Жизнь Матроны Наумовны Поповой» (благотворительницы), Спб. 1881 г., и др. «Ворон. Е. В.», 1899 г., № 16.

С. Рункевичъ.

ГЁРРЕСЪ Іоганъ-Іосифъ — одинъ изъ наиболѣе видныхъ ученыхъ въ новѣйшей нѣмецкой литературѣ, пользовавшійся въ свое время весьма боль-

нимъ вліяніемъ (род. въ Кобленцѣ, 1776 г.; ум. въ Мюнхенѣ, 1848 г.). Это былъ энтузіастъ. Первымъ предметомъ его восторженнаго увлеченія была французская революція. Едва сойдя со школьной скамьи, онъ основалъ газету («Красный Листокъ»), въ которой проповѣдывалъ свободу, равенство, республиканизмъ и радикализмъ самаго краснаго типа. Газета была вскорѣ запрещена. Но немедленно за тѣмъ онъ основалъ подобную же другую, которая также была запрещена. Въ 1799 г. онъ отправился въ Парижъ, съ политической миссіей къ директоріи; но при видѣ Наполеона, который только-что возвратился изъ Египта и низпровергъ директорію, онъ сразу охладѣлъ въ своемъ къ нему энтузіазмѣ. Онъ отказался отъ политики и вновь взялся за научныя занятія. Вторымъ предметомъ его увлеченія была философія Шеллинга, въ то время стоявшая на вершинѣ своей славы, и, подобно учителю, онъ писалъ о всемъ—объ искусствѣ, вѣрѣ и разумѣ, по физіологіи, миѳологіи, и проч., и всегда блестяще. Но оказалось легче производить сенсацію, чѣмъ пріобрѣсть последователей: его попытки вступить на университетскую карьеру потерпѣли неудачу. Третьимъ предметомъ его увлеченія было освобожденіе отечества. Въ 1814 г. онъ вновь обратился къ политикѣ и сталъ издавать «Рейнскій Меркурій», газету, главная идея которой была скорѣй національность, чѣмъ свобода, и въ которой онъ изложилъ самыя здравыя и положительныя мысли. Наполеонъ называлъ эту газету «пятой великой державой». Но эта газета въ 1816 г. была запрещена прусскимъ правительствомъ, и когда, въ 1820 г. его сочиненіе «Германія и революція» было также запрещено другимъ прусскимъ указомъ, причемъ постановлено было и его самого подвергнуть аресту, то онъ бѣжалъ въ Страсбургъ, отчаявшись въ томъ, чтобы политика когда-либо въ состояніи была спасти міръ. Тогда онъ отдался своему четвертому и послѣднему увлеченію, именно всецѣло предался римско-католической церкви. Онъ всегда былъ членомъ романтической школы и теперь сдѣлался вождемъ крайняго лѣваго крыла этой школы,—тѣхъ, кто прямо шли къ Риму. Но онъ писалъ съ тѣмъ же энтузіазмомъ въ пользу этого призрака средневѣковья, какъ раньше писалъ въ пользу идеаловъ будущаго. Въ 1827 г. онъ назначенъ былъ профессоромъ исторіи въ Мюнхенѣ и тамъ издавалъ какъ большіе научные труды («Исторію христіанской мистики», 1836—42 г., въ 4 томахъ), такъ и небольшія случайныя политическія статьи въ «Историко-политическихъ листкахъ» (1838 г.). Это былъ, дѣйствительно, блестящій литературный поборникъ ультрамонтанства въ Германіи. Но такъ какъ литература вообще не пригодное оружіе для ультрамонтанства, такъ какъ ультрамонтанство скорѣе предпочитаетъ избѣгать литературы съ ея аргументаціей и публицистикой, то неудивительно, что въ концѣ концовъ онъ не могъ не чувствовать, что всѣ его литературные труды въ этомъ отношеніи были писаны на водѣ.

Собраніе его сочиненій было издано въ Мюнхенѣ, въ 1854—60 г., въ 8 томахъ; письма его съ 1858—74 г., въ 3 т. Біографія его написана Морицемъ Брюлемъ (Ахенъ, 1854 г.) и Галланди (Фрейбургъ, 1876 г.). См. также *Denk*, Joseph v. Görres u. s. Bedeutung f. d. Altcatholicismus, Mainz, 1876 г. и *Sepp*, Goerres u. s. Zeitgenossen, Noerdlingen, 1877 г.

ГЕРТРУДА—имя нѣсколькихъ римско-католическихъ святыхъ женщинъ, извѣстныхъ средневѣковой церковной исторіи, изъ которыхъ наиболѣе замѣчательны:—1) такъ называемая «**Великая Гертруда**», род. въ Эйслебенѣ 6 ноября 1256 г. Она вступила въ монастырь гельфскій еще въ пятилѣтнемъ возрастѣ и съ большимъ усердіемъ изучала свободныя науки. Но 21 янв. 1281 г. ей было видѣніе, которое заставило ее приняться за изученіе Библіи и св. отцовъ. Впослѣдствіи ей было много видѣній, свѣдѣнія о которыхъ можно читать въ Jnsinnationes Divinae pietatis, впервые напечатанныхъ въ 1536 г. и впослѣдствіи часто переиздававшихся.—2) **Гертруда**, дочь Пипина ланденскаго (майордома Кло-

таря II) и Итты. Послѣ смерти Пипина въ 639 г. Итта построила большой двойственный монастырь для отшельниковъ и отшельницъ въ Нивеалѣ, теперешней Нивеллѣ, и поставила свою дочь аббатиссой въ немъ. Г. умерла въ 659 или 664 г. и доселѣ почитается во Фландріи покровительницей кошекъ, путниковъ и паломниковъ. Она изображается съ крысами и мышами, бѣгающими у ея ногъ, или пробирающимися по ея посоху или по ея одеждѣ. См. Acta SS. подъ 17 марта.

ГЕРСОНЪ Жанъ Шарлье, знаменитый богословъ и одинъ изъ основателей галликанизма, извѣстный подъ названіемъ «Doctor christianissimus» («самый христіанскій учитель»), род. въ деревнѣ Жерсонъ, въ реймскомъ діоцезѣ, 14 дек. 1363 г.; ум. въ Ліонѣ 12 іюля 1429 г. Его родители были крестьяне; его мать, по одному свидѣтельству, была «второй Моникой». Въ 1377 г. онъ вступилъ въ наваррскую коллегію въ Парижѣ и черезъ пять лѣтъ позже занялся изученіемъ богословія подъ руководствомъ Петра Дайльи и Жилля де-Шампъ. Къ 1387 г. онъ уже пользовался такимъ вліяніемъ, что университетъ избралъ его однимъ изъ своихъ представителей ходатайствовать передъ папой Климентомъ VII объ осужденіи доминиканца Іоанна Монсона, отрицавшаго непорочное зачатіе Пресвятой Дѣвы. Въ 1392 г. онъ былъ преемникомъ Петра Дайльи въ должности канцлера парижскаго университета, находившагося тогда въ зенитѣ своей славы. Какъ богословъ, Г. во многихъ своихъ богословскихъ сочиненіяхъ возставалъ противъ схоластизма, противъ его безполезныхъ и несостоятельныхъ тонкостей. Въ своемъ сочиненіи «О преобразованіи богословія» (1400 г.) онъ настаивалъ на изученіи Библіи и отцовъ церкви. Будучи номиналистомъ въ философіи, онъ держался мистическаго направленія въ богословіи. Это былъ однако не нѣмецкій мистицизмъ XIV вѣка, старавшійся разрѣшить тождество индивидуальности смѣлымъ погруженіемъ разума въ божество и услажденіемъ мечтательными религіозными чувствами. Среди многихъ его трактатовъ о таинственной жизни наиболѣе важное есть сочиненіе De monte contemplacionis («О горѣ созерцанія»). Но главнымъ предметомъ дѣятельности Г. была его попытка внести порядокъ и миръ на мѣсто церковной смуты своего времени и опредѣлить права и отношеніе церкви къ папѣ. Отсюда онъ справедливо считается основателемъ галликанизма и предтечей Боссюэта. Папскій расколъ въ одно время угнеталъ его до такой степени, и попытки исцѣлить его казались столь безнадежными, что онъ оставилъ должность канцлера и общественную жизнь, и только послѣ пятилѣтняго отшельничества вновь уговоренъ былъ возвратиться въ Парижъ, около времени бѣгства папы Бенедикта XIII (1403 г.). Г. опять посвятилъ себя дѣлу исцѣленія раскола, чего и старался достигнуть сочиненіями и личными обращеніями къ Бенедикту. Къ другимъ своимъ трудамъ онъ присоединилъ еще труды проповѣдника (1408 г.), въ качествѣ каноника одной изъ церквей Парижа. На соборѣ въ Пизѣ (1409 г.) онъ, вмѣстѣ съ Петромъ д'Айльи, оказывалъ преобладающее вліяніе. Тутъ, какъ и на соборѣ констанцскомъ (1414—1418 г.), онъ дѣйствовалъ по принципамъ, изложеннымъ въ нѣкоторыхъ изъ его трактатовъ, именно, что вселенскіе соборы независимы отъ папы, имѣютъ высшій авторитетъ и могутъ осуждать и низлагать папу. Онъ предложилъ потребовать обоихъ соперничествующихъ папъ на соборъ, но такъ какъ они отказались явиться, то соборъ низложилъ ихъ обоихъ. Въ 1410 г. появилось его сочиненіе «О средствахъ къ объединенію и преобразованію церкви на вселенскомъ соборѣ», гдѣ подтверждается опять превосходство церкви надъ папой и право государства или епископовъ, въ случаѣ его отказа, созывать общіе соборы. Правда, папа есть намѣстникъ Христа, но peccator et peccabilis (грѣшникъ и погрѣшимый), подобно всѣмъ другимъ христіанамъ. Въ Констанцѣ Г. стоялъ во главѣ французской депутаціи. Въ одной весьма сильной рѣчи онъ призывалъ собраніе проявить свой законный авторитетъ

какъ стоящій выше папы. Въ своемъ сочиненіи: De auferibilitate papae ab ecclesia, написанномъ во время засѣданій собора, онъ, подтвердивъ авторитетъ соборовъ, говоритъ, что въ дѣлахъ ученія, какъ и въ другихъ дѣлахъ, нужно обращаться къ этому именно авторитету, такъ какъ папа не непогрѣшимъ. Пятно лежитъ на жизни Г. въ томъ участіи, которое онъ принималъ въ осужденіи Іоанна Гуса на этомъ соборѣ. Онъ рѣзко обвинялъ Гуса и представилъ 19 еретическихъ положеній, извлеченныхъ изъ его сочиненій. По окончаніи собора онъ не могъ возвратиться во Францію, вслѣдствіе ожесточенной враждебности герцога Бургундскаго, и нашелъ себѣ убѣжище въ Баваріи. Послѣ этого онъ еще дѣятельно продолжалъ свое писательство и былъ приглашенъ въ новооснованный университетъ въ Вѣнѣ, но отклонилъ это приглашеніе. Послѣ смерти герцога Бургундскаго (1419 г.) онъ возвратился на свою родину и послѣднія десять лѣтъ своей жизни провелъ въ Ліонѣ. Будучи уже сѣдовласымъ старцемъ, онъ посвящалъ себя обученію дѣтей, и, когда приблизилась его кончина, еще разъ собралъ ихъ около себя, чтобы помолиться вмѣстѣ съ ними.

Лучшія изданія сочиненій Г.—изданіе парижское (1606 г. въ 3 том.) и антверпенское (1706 г. въ 5 т.). Г. неосновательно приписываютъ извѣстное сочиненіе «Подражаніе Христу», о чемъ см. н. сл. Ѳома Кемпійскій.

ГЕРЦЕГОВИНА (древн. Захолмье, Захлумія или Хумская земля),—издревле сербская земля, находящаяся съ 1878 г., вмѣстѣ съ Босніей, во временной оккупаціи Австро-Венгріи. Занимая пространство въ 9,141 кв. клм., Г. насчитываетъ въ настоящее время болѣе 200 тысячъ жителей и граничитъ на сѣверѣ съ Босніей, на востокѣ съ принадлежащимъ Турціи Ново-Базарскимъ санджакомъ, на югѣ съ Черногоріей и на западѣ съ Далмаціей и Адріатическимъ моремъ, съ которымъ соприкасается только въ двухъ точкахъ: у г. Клека, въ проливѣ Статьо и у г. Суторина, въ бухтѣ Бокко Которской. Подавляющее большинство населенія принадлежитъ къ коренному сербскому племени, незначительная же часть состоитъ изъ пришлыхъ элементовъ—албанцевъ, цыганъ, евреевъ и нѣмцевъ. Коренное населеніе хотя и образуетъ одну юго-зап. вѣтвь сербскаго племени, но историческія условія рѣзко раздѣлили ихъ на три группы: православныхъ, римско-католиковъ и магометанъ. *Православные*, составляя сплошное населеніе въ вост. и южн. частяхъ Г., образуютъ одну правосл. епархію—*мостарскую*, въ коей 75 приходовъ, 82 священника, 19 монаховъ и около 70,000 прихожанъ. *Римско-католики* преобладаютъ въ зап. части Г., насчитываютъ около 78,000 душъ и образуютъ два викаріатства: *требиньское*, управляемое іезуитами и подчиненное епископу рагузскому, и *герцеговинское*, находящееся въ завѣдываніи францисканцевъ изъ сербовъ. *Мусульмане* наиболѣе многочисленны на сѣверѣ, составляютъ около 52,000 населенія. Хотя приверженцы всѣхъ трехъ исповѣданій и принадлежатъ къ одному сербскому племени, но эту національность въ дѣйствительности признаютъ только одни православные герцеговинцы. Для простого народа *сербъ* значитъ—православный и наоборотъ—православный—это непремѣнно сербъ. Римско-католики и отчасти магометане пользуются покровительствомъ австро-венгерскаго правительства, православные же терпятъ постоянныя обиды. Находясь во временной оккупаціи Австро-Венгріи, Г., вмѣстѣ съ Босніей (см. Боснія), составляютъ въ гражданско-политическомъ отношеніи одно нераздѣльное цѣлое и состоятъ подъ особымъ, одинаковымъ для обѣихъ провинцій, управленіемъ.

Исторія Герцеговины. Захолмье, Захлумія или Хумская земля, какъ называлась въ древности нынѣшняя Г., составляла особое княжество (жупанство), которое однако подобно Босніи, никогда не имѣло полной самостоятельности и постоянно находилось въ нѣкоторой зависимости отъ тѣхъ или другихъ изъ своихъ сосѣдей. Съ самаго начала появленія тамъ сербовъ Хумская земля находилась подъ правле-

ніемъ сербскихъ удѣльныхъ князей. Одинъ изъ первыхъ ея князей, имя котораго извѣстно въ исторіи, Михаилъ Вышевичъ, правилъ страной въ первой половинѣ X вѣка. Со смертью Михаила, хумская земля въ теченіе ста лѣтъ переходила отъ однихъ сосѣдей къ другимъ, и только въ 1168 г. великій жупанъ Сербіи Стефанъ Неманя присоединилъ ее къ своимъ владѣніямъ. Войдя въ составъ сербской державы, она болѣе полутораста лѣтъ управлялась князьями изъ рода Неманичей. Съ постепеннымъ ослабленіемъ сербскаго государства Захолмье стало тяготѣть къ Босніи, къ которой формально присоединилось въ 1325 году. Утвердившаяся вслѣдъ за тѣмъ въ Хумской землѣ династія князей Храничей, хотя и находилась въ ленныхъ отношеніяхъ къ Босніи, но правила страною почти независимо. Въ 1448 г. одинъ изъ князей дома Храничей,— Стефанъ Вукчичъ отдался въ ленную зависимость императору Фридриху III, отъ котораго получилъ титулъ герцога, отчего и вся страна съ тѣхъ поръ получила названіе Г. Въ 1483 году Г. была покорена турками и съ того времени до 1831 года составляла вмѣстѣ съ Босніей одну турецкую провинцію, надъ которой въ одинаковой степени тяготѣло турецкое иго, сильно отразившееся на ея народной жизни, а особенно на ея вѣроисповѣдномъ вопросѣ, совративъ массу мѣстнаго сербскаго дворянства въ магометанскую вѣру. Въ 1831 году турецкое правительство отдѣляетъ Г. отъ возставшей въ то время Босніи и образуетъ изъ нея самостоятельную провинцію съ отдѣльнымъ султанскимъ визиремъ. Когда однако, начиная съ конца 50-хъ годовъ, въ Г. разражаются одно за другимъ возстанія, ее, въ качествѣ двухъ санджаковъ, снова присоединяютъ къ боснійскому вилайету, которымъ управляютъ съ рѣдкостнымъ въ лѣтописяхъ исторіи ожесточеніемъ. Послѣднее приводитъ къ памятному герцеговинскому возстанію въ 1875 году, послужившему началомъ къ русско-турецкой войнѣ 1877—78 гг. Послѣдовавшій вслѣдъ за этой войной берлинскій трактатъ не оправдалъ ожиданій герцеговинцевъ, съ которыхъ хотя и сняли тяжелыя турецкія цѣпи, но временно отдали подъ болѣе просвѣщенное австро-венгерское иго, тяготѣющее надъ ними до сихъ поръ.

Исторія церкви и вообще религіозныхъ движеній въ Герцеговинѣ. Г., подобно Босніи, была и остается страной печальнаго разновѣрія. Собственной вѣрой герцеговинцевъ было православіе, проникшее къ нимъ еще въ IX столѣтіи. На первыхъ порахъ своего существованія оно сталкивается съ католической пропагандой, съ которой безпрерывно, по сіе время, ведетъ отчаянную борьбу. Къ ней присоединились впослѣдствіи, сначала проникшая туда изъ Босніи *богумильская*, или *патаренская* ересь, а затѣмъ и *магометанство*. Уже въ началѣ X в. первый извѣстный въ исторіи князь Хумской земли Михаилъ Вышевичъ принадлежалъ къ католической церкви и вмѣстѣ съ хорватскимъ королемъ Томиславомъ созвалъ церковный соборъ въ Спалато, на которомъ запретилъ существовавшую уже въ то время у герцеговинцевъ славянскую литургію. До времени св. Саввы православные герцеговинцы не имѣли собственнаго епископа и обращались въ своихъ церковныхъ нуждахъ къ единственному для всѣхъ сербовъ епископу рашскому. При св. Саввѣ, Захолмье, принадлежа въ государственномъ отношеніи къ Сербіи, получило первую собственную епископскую каѳедру, переименованную впослѣдствіи въ митрополію, которая названа была по имени области «*захолмскою*». Послѣ переименованія Захолмья въ Г., захолмскіе митрополиты стали называться *захолмскими* или *герцеговинскими*; они же до сихъ поръ стоятъ во главѣ православной герцеговинской іерархіи. Въ настоящее время митрополитомъ герцеговинско-захолмскимъ состоитъ Серафимъ Перовичъ, съ мѣстопребываніемъ въ каѳедральномъ городѣ Мостарѣ. Кромѣ послѣдней уцѣлѣвшей митрополіи, въ Г. существовали еще недолгое время православныя епископскія каѳедры—*милешевская* и *петровская*.

Латинство появилось въ Г. почти одновременно съ православіемъ, но его проповѣдники не имѣли сначала успѣха. Только, когда Захолмія въ государственномъ отношеніи стала переходить изъ однѣхъ рукъ въ другія, между православными и католическими сосѣдями, то въ тѣ промежутки времени, когда она находилась подъ властью послѣднихъ, въ ней болѣе прочно обосновались латинскіе пропагандисты. Въ XII столѣтіи римско-католики имѣли уже въ Босніи свою особую еп. каѳедру, къ которой принадлежало и все римско-катол. населеніе Г. Вслѣдъ за распространеніемъ латинства, туда проникаетъ изъ сосѣдней Босніи *богумильская* или *патаренская* ересь и находитъ много приверженцевъ въ рядахъ герцеговинскаго боярства. Съ подпаденіемъ же Г. подъ власть турокъ богумильская ересь совершенно исчезаетъ и на ея мѣстѣ возникаетъ новая религія—магометанство. По примѣру прочихъ славянскихъ странъ, герцеговинской знати было предложено на выборъ: смерть или обращеніе въ исламъ. Нетвердые въ началахъ религіознаго исповѣданія, герцеговинскіе бояре, принадлежавшіе большею частію къ ереси богумильской, легко отрекались отъ христіанства и принимали исламъ, благодаря которому сохраняли свое привилегированное положеніе на родинѣ. Новые прозелиты оказались фанатичнѣе самихъ османовъ и всею тяжестью своего господства насѣли главнымъ образомъ на беззащитное православное населеніе Г. Послѣднее постоянно выставляемо было на самыя гнусныя обиды. Сначала надъ православными издѣвались одни латинскіе миссіонеры, потомъ къ нимъ примкнула патаренская ересь, и, наконецъ, надъ ними черной тучей нависло магометанство. Но со времени австро-венгерской оккупаціи гоненіе на православную церковь принимаетъ самые ужасающіе размѣры. Полное дикихъ ужасовъ оно продолжается до сихъ поръ. Цѣль этой политики австро-венг. правительства заключается въ томъ, чтобы посредствомъ всевозможныхъ репрессивныхъ мѣръ, стереть въ Г. всякій слѣдъ православія и водворить на его мѣсто латинство. Послѣднему Австро-Венгрія оказываетъ самую сильную поддержку, отчего и ростъ его поражаетъ своими быстрыми успѣхами. Въ настоящее время число католическаго населенія превышаетъ число православныхъ на цѣлыхъ 8 тысячъ. Картина печальнаго положенія православной сербской церкви въ Г. производитъ еще болѣе удручающее впечатлѣніе при сознаніи, что она оторвана не только отъ православныхъ русской и сербской церквей, но даже и отъ церкви константинопольской и совершенно оставлена на произволъ судьбы. Истинными сербами считаютъ себя одни только православные, да незначительная часть приходящихъ понемного въ сознаніе магометанъ, тоже подверженныхъ разнаго рода гоненіямъ и лишеніямъ. Римско-католическое же населеніе называетъ себя босняками или хорватами. Г., равно какъ и Боснія, находится въ настоящее время на военномъ положеніи; для нея существуютъ спеціальные законы, благодаря которымъ тамъ существуетъ безграничный произволъ и безконечныя злоупотребленія и самоуправство. Свобода вѣры и національности стѣснена въ высшей степени. Въ то время, когда покровительствуемыя правительствомъ латинскія святыни отличаются благолѣпіемъ и число ихъ ежегодно увеличивается, православныя церкви находятся въ крайне ветхомъ состояніи, а богатые когда-то православные монастыри частью разрушены, частью влачатъ самое жалкое существованіе. Только одна народная любовь и сильная къ нимъ привязанность мѣстнаго православнаго населенія оберегаетъ ихъ отъ неминуемой гибели. Среди послѣднихъ особенно славятся: *монастырь во имя св. Троицы*, близъ г. Таслиджа; *Дужи*, около г. Требинья; *Завала*, построенный по народному преданію Константиномъ Великимъ; *Житомислючи*, основанный въ 1563 г. предками выселившагося въ Россію рода Милорадовичей; *Милешево*, въ которомъ погребенъ св. Савва, первый архіепископъ сербскій, и другіе.

Главнѣйшая литература: *Е. Голубинскій*, «Очеркъ исторіи правосл. церквей (Захолмія, или Герцеговина») Москва, 1871 г. *Г Б.*, «Герцеговина въ историческомъ, географическомъ и экономическомъ отношеніяхъ», С.-Петербургъ, 1875 г. *А. Гильфердингъ*, «Боснія, Герцеговина и Старая Сербія», Спб., 1873 г. *А. Харузинъ*, «Боснія и Герцеговина», Спб., 1901 г. Много статей также въ разныхъ славянофильскихъ изданіяхъ: Извѣстіяхъ Слав. общества, Руси, Русской Бесѣдѣ и др. *Spalaïkovitch*, La Bosnie et l'Herzegowine, Paris, 1899. *Bozidar Nikaschinovitch*, *Bosnien und die Herzegovina*, *Berlin*, 1901—1902 г.

Б. Драгомирецкій.

ГЕРЦОГЪ Іоганнъ Іаковъ, нѣм. богосл основатель знаменитой протестантской «Реальной богосл. Энциклопедіи», извѣстной подъ его именемъ и выходящей теперь въ третьемъ изданіи подъ ред Гаука (см.); род. въ 1805 г., въ Базелѣ, въ семьѣ купца; учился съ 1823—29 г. въ своемъ родномъ городѣ, гдѣ находился подъ вліяніемъ Де-Ветте, и въ Берлинѣ, подъ руководствомъ Шлейермахера и Неандера. Въ 1835 г. онъ сдѣлался въ Лозаннѣ профессоромъ церк. исторіи въ тамошней академіи рядомъ съ приглашеннымъ въ 1837 г. Винѐ; былъ представителемъ нѣм. богословія, особенно неандерскаго направленія. Такъ какъ онъ не хотѣлъ подчиниться революціонному правительству 1845 г. въ его насильственныхъ мѣрахъ въ отношеніи церкви, то въ 1846 г. сложилъ съ себя профессуру и въ 1847 г., по предложенію Толюкка, познакомившагося съ нимъ въ Лозаннѣ, приглашенъ былъ въ качествѣ орд. профессора въ Галле, и въ Берлинѣ получилъ степень доктора богословія. Съ цѣлью собрать и изучить разбросанную и находившуюся въ рукописяхъ литературу о вальденсахъ, для чего онъ особенно вступилъ въ личныя сношенія съ вальденскими студентами въ Лозаннѣ, онъ въ 1851 г. предпринялъ, съ пособіемъ отъ прусскаго правительства, ученое путешествіе въ Женеву, Гренобль, Парижъ и Дублинъ, и затѣмъ въ своемъ сочиненіи (1853 г.): «Романскіе вальденсы» показалъ, что, вопреки господствовавшему дотолѣ мнѣнію, они появились только въ XII вѣкѣ. Уже въ 1848 г. въ Германіи возникла мысль объ изданіи Богословской Реальной Энциклопедіи, но революція задержала осуществленіе этой мысли. Когда вновь наступили болѣе спокойныя времена, исполненіе этого дѣла, по совѣту Толюкка, поручено было Г., который особенно пригоденъ былъ для этого, какъ по своей научной дѣятельности, такъ и по примирительному направленію мысли. Въ 1854 г., въ бытность его уже профессоромъ въ Эрлангенѣ, появился первый томъ знаменитаго изданія, которое, несмотря на его громадность, получило такую распространенность, что въ 1877 г. потребовалось второе изданіе, которое Г. было доведено до XI-го тома. Труды по этому изданію настолько поглотили все время Г., что онъ долженъ былъ оставить свою университетскую дѣятельность, хотя и не оставляя самостоятельныхъ ученыхъ трудовъ. Такъ, въ 1876 г. началъ выходить и въ 1882 г. закончился его большой трудъ подъ заглавіемъ: «Очеркъ всеобщей церковной исторіи, въ 3 т., отъ основанія христіанства до XVIII вѣка», причемъ исторія XIX вѣка уже послѣ его смерти обработана была Кофмане (Эрлангенъ, 1887 г.). Этотъ трудъ, по замыслу автора, долженъ былъ замѣнить собою уже устарѣвшіе курсы церковной исторіи Гизелера и Неандера и воспринять въ себя всѣ сдѣланные съ того времени успѣхи въ церковно-историческомъ изслѣдованіи. Значительная часть этого сочиненія, именно, съ XIV в. до конца, вошла въ изданіе «Исторіи христіанской церкви» Робертсона и Г., въ переводѣ проф. А. П. Лопухина. Онъ умеръ 30 сент. 1882 г. Кромѣ указанныхъ сочиненій, имъ изданы были еще «Іоаннъ Кальвинъ» (1843 г.), «Жизнь Эколомпадія» и «Реформація церкви въ Базелѣ», 1843 г., въ 2 т.

ГЕРЦОГЪ — еп. старок. ц. Швейцаріи, род. въ люцерн. кантонѣ въ 1841 г., получилъ образованіе въ Тюбингенѣ, Фрейбургѣ и Боннѣ (1865—68 г.), состоялъ учителемъ въ разныхъ институтахъ и затѣмъ профессоромъ экзегетики въ люцерн. римскокат. богословской семинаріи въ 1868 г. Провозглашеніе ватиканскаго догмата о папской непогрѣшимости глубоко возмутило его

и онъ примкнулъ къ старокатолицизму, сдѣлался старокат. пасторомъ въ Крефельдѣ, въ Пруссіи 1872 г., перешелъ въ Ольтенъ въ 1873 г., въ Бернъ 1876—84 г. Какъ одинъ изъ дѣятельнѣйшихъ вождей старокатолическаго движенія въ Швейцаріи, онъ былъ избранъ епископомъ и посвященъ 18 сент. 1876 г. въ еписк. санъ. Съ того времени онъ выступаетъ какъ дѣятельнѣйшій глава швейцарской старокатол. церкви. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ не оставлялъ и профессорской научно-литер. дѣятельности. Съ 1874 г. онъ состоялъ профессоромъ берн. университета, а въ 1884—85 г. былъ его ректоромъ. Ему принадлежатъ сочиненія: «О времени составленія пастырскихъ посланій» (Люц. 1870 г.); «Христово-католическій молитвенникъ» (Бернъ, 1879 г., имѣлъ нѣсколько изданій и послѣ); «Взаимообщеніе съ англо-амер. церковью» (1881 г.); «Религ. свобода въ Гельветической республикѣ» (1884 г.); и въ самое послѣднее время много надѣлавшій шума трактатъ: «Обязательная тайная исповѣдь—римская выдумка» (нѣсколько изданій). Кромѣ того, имъ издано множество пастырскихъ посланій, дышащихъ широтою христіанскаго духа и проникнутыхъ стремленіемъ къ осуществленію идеи христіанскаго взаимообщенія. 18 сент. 1901 г. торжественно отпразднованъ былъ 25-ти лѣтній юбилей его епископствованія.

ГЕССГУЗЕНЪ Тилеманъ (род. въ Веселѣ, 1527 г.; ум. въ Гельмштедтѣ, 1588 г.)—одинъ изъ оригинальнѣйшихъ типовъ нѣмецкаго протестантизма въ вѣкъ реформаціи; изучалъ богословіе въ Виттенбергѣ; путешествовалъ по Англіи и Франціи. Въ 1557 г. онъ былъ изгнанъ изъ Ростока, гдѣ былъ профессоромъ университета и пасторомъ. Въ 1559 г. онъ былъ профессоромъ въ Гейдельбергѣ и генеральнымъ суперъинтендентомъ Палатината. Въ 1562 г. онъ былъ вооруженной силой изгнанъ изъ Магдебурга, гдѣ состоялъ первымъ проповѣдникомъ въ церкви св. Іоанна. Въ 1569 г. онъ отказался отъ своей должности придворнаго проповѣдника въ Нейбургѣ. Въ 1573 г. онъ бѣжалъ изъ Іены, гдѣ сдѣлался было профессоромъ богословія. Въ 1577 г., уже будучи епископомъ самландскимъ, онъ былъ низложенъ. Судьба преслѣдовала его. Человѣкъ, который торжественно обличалъ Флація въ ученіи, будто діаволъ былъ столь же творцемъ, какъ и Богъ, самъ былъ уличенъ въ проповѣданіи ученія, что существуютъ два божества, одинаково всемогущихъ. Защищая себя, старый боецъ оставилъ епископскую каѳедру Самланда, чтобы занять епископскую каѳедру въ Гельмштедтѣ; и, хотя уже удрученный борьбой, онъ не переставалъ поднимать новыя бури споровъ и борьбы. Онъ никогда не могъ ужиться ни съ кѣмъ. Порицанія, осужденія, отлученія, гоненія — вотъ въ чемъ состояла вся его жизнь,—и въ своемъ завѣщаніи онъ обвиняетъ себя въ томъ, что слишкомъ былъ мягокъ въ своихъ изобличеніяхъ и слишкомъ суровъ въ своихъ нападеніяхъ. По отзыву Геппе (быть можетъ слишкомъ жестокому), это былъ «одинъ изъ отвратительнѣйшихъ лютеранскихъ папъ времени, высокомѣрный, съ одной стороны, и раболѣпный, съ другой, — зилотъ и флюгеръ». Въ общемъ это былъ стойкій представитель той точки зрѣнія, которая не дѣлаетъ различія между христіанствомъ и теологіей, между церковной дисциплиной и дисциплиной политической, и вообще былъ выразителемъ той бурно-вулканической стихійной почвы, на которой разыгралась реформація.

ГЕССІЙ ФЛОРЪ — послѣдній (64 — 66 г.) и самый негодный прокураторъ Палестины, какъ говоритъ о немъ І. Флавій, «въ своей жестокости грубый, въ своихъ постыдныхъ дѣлахъ безстыдный, въ своихъ грабительствахъ изобрѣтательный». Особенно кровожадно поступалъ онъ въ Іерусалимѣ и Кесаріи; въ Іерусалимѣ потому, что тамъ неодобрительно отзывались о произведенномъ имъ расхищеніи храма. Пришедшихъ къ нему съ поздравленіемъ іудеевъ онъ приказалъ изрубить и верхній городъ отдалъ на разграбленіе и избіеніе своимъ солдатамъ; на встрѣчу возвращавшейся въ Іерусалимъ когортѣ онъ отправилъ іудеевъ съ поздравленіемъ, предварительно давъ

приказаніе подвергнуть ихъ также избіенію. Кровавое побоище въ Кесаріи, при которомъ на его глазахъ было избито 20,000 іудеевъ, послужило сигналомъ къ общему возстанію, къ послѣдней рѣшительной борьбѣ, приведшей къ разрушенію Іерусалима и храма и почти къ поголовному истребленію іудейскаго народа.

GESTA ROMANORUM («Дѣянія римлянъ»)—латинское собраніе анекдотовъ и разсказовъ, предназначавшихся первоначально для проповѣдниковъ, какъ матеріалъ для ихъ бесѣды. Этотъ сборникъ, вѣроятно, монашескаго происхожденія. Онъ имѣетъ большой литературный интересъ, потому что содержитъ въ себѣ зародыши многихъ знаменитыхъ разсказовъ; для богослововъ онъ имѣетъ цѣнность, какъ показатель состоянія нравовъ того времени. Многіе разсказы превосходны по своему тону и замѣчательны по благочестію и ревности ихъ авторовъ. Самое время собранія можно относить приблизительно къ началу XIV вѣка; авторъ и мѣсто происхожденія неизвѣстны. Критическое изданіе латинскаго текста сдѣлано было Келлеромъ (Штутгартъ, 1842 г.) и Эстерлеемъ (Берлинъ, 1872 г.). Существуютъ нѣмецкій и англійскій переводы этого собранія.

ГЁТЕ Іог. Вольфгангъ, знаменитый поэтъ, творецъ страданій молодого Вертера, Фауста, Прометея Ифигеніи, Эгмонта, Тассо и др., создавшихъ ему всемірную извѣстность. Родился во Франкфуртѣ на Майнѣ въ 1749 г. въ очень состоятельной семьѣ; первоначальное воспитаніе получилъ подъ руководствомъ своего отца, человѣка серьезнаго, все свое время посвящавшаго наукамъ, литературѣ и музыкѣ. Весьма большое вліяніе на развитіе характера Г. имѣла мать его, женщина умная, добрая и веселая. «Отъ отца, говорилъ впослѣдствіи поэтъ, я получилъ осанку и серьезный взглядъ на вещи, а отъ матери—веселость нрава и страсть къ повѣствованію».—Въ 1765 г. 16 лѣтъ, Г. отправился въ лейпцигскій университетъ, гдѣ слушалъ юридическія науки, однако кончить курсъ здѣсь ему по случаю серьезной болѣзни не удалось; доктора правъ онъ получилъ уже въ Страсбургѣ. Нѣкоторое время (1771—1775) выступалъ въ качествѣ юриста-практика сначала въ родномъ городѣ, а затѣмъ въ Ветуларѣ. Значительную же часть своей жизни провелъ въ Веймарѣ при дворѣ Карла-Августа, который пригласилъ поэта къ себѣ, еще будучи юношей, а во время власти возлагалъ на него важнѣйшія административныя заботы, такъ что Г. въ разное время стоялъ во главѣ горнаго вѣдомства, военной комиссіи, заботился о школахъ, о народномъ здоровьѣ, о путяхъ сообщенія, а съ 1791 г. завѣдывалъ театромъ. Сильное вліяніе на поэта оказало сближеніе его съ г-жей ф.-Штейнъ, при содѣйствіи которой ему удалось образовать кружокъ даровитѣйшихъ писателей, вскорѣ прославившійся во всей Германіи. Былъ въ весьма близкихъ отношеніяхъ съ Шиллеромъ, находившимъ, что Г. слишкомъ увлекается пантеизмомъ.—Много работалъ Г. и съ большимъ увлеченіемъ въ области геологіи, минералогіи, ботаники и под.—Умеръ въ 1832 г.

Взглядъ на религію и ея значеніе лучше всего выражалось поэтомъ въ «Фаустѣ», гдѣ съ одной стороны выступаетъ Фаустъ, знаменитый ученый, потерявшій живую непосредственную вѣру, ищущій и не находящій замѣны ея, а потому страдающій и съ каждымъ разомъ все болѣе и болѣе погрязающій въ порокахъ и преступленіяхъ;—а съ другой стороны Гретхенъ, дѣвушка неглупая по природѣ, но необразованная, вѣрующая со всею искренностію своего неиспорченнаго сердца. Она поддается соблазну Фауста и Мефистофеля, падаетъ, но не ожесточается и остается непоколебимой въ своихъ вѣрованіяхъ; паденіе, напротивъ, заставляетъ ее внимательнѣе и строже отнестись къ себѣ и быть снисходительнѣе къ другимъ; въ послѣдній моментъ, въ тюрьмѣ, за нѣсколько часовъ до смерти, когда на землѣ для нея все было уже потеряно, она остается послушна внутреннему голосу своей совѣсти. Это ее спасаетъ. Каковы же были собственно религіозныя убѣжденія Г.? По собственному признанію, онъ, какъ и Фаустъ,

стремился постичь корень мудрости и для этой цѣли «бросался въ разныя области знанія», помимо другихъ наукъ, занимался еврейскою каббалою и даже алхиміею и «скоро пришелъ къ заключенію объ его (знанія) суетности». «Невозвратима вѣра мнѣ живая», съ сожалѣніемъ говоритъ Ф.; его религіозные взгляды основаны на разсудочныхъ изысканіяхъ, которымъ однимъ онъ довѣряетъ, и всецѣло проникнуты пантеизмомъ. Богъ—это «вѣчный Промыслитель и міра Вседержитель», который «не обнимаетъ ли, любя, весь міръ—меня, тебя, Себя»?...

«Зови Его, какъ хочешь, дорогая
(говоритъ онъ Гретхенъ):
«Восторгъ, душа, сіянье, Богъ, любовь-
«Къ чему здѣсь имя? Намъ его не надо:
«Все въ чувствѣ. Въ чувствѣ вся отрада!

Въ этихъ немногихъ словахъ Фауста сказалось все вѣрованіе самаго Г., на образованіе религіозно - философскихъ убѣжденій котораго большое вліяніе оказала философія Спинозы; только поэтическая натура Г. придала пантеистическимъ началамъ Спинозы болѣе жизнерадостный характеръ, въ духѣ теизма и лейбницевскаго оптимизма. Чисто христіанское ученіе о личномъ, живомъ Богѣ осталось чуждымъ поэту. Богъ—это абсолютное начало всего бытія, всей міровой жизни, доступное лишь настолько, насколько открывается въ природѣ. А разъ всѣ творенья, отъ человѣка до неорганической природы, проникнуты божествомъ, суть носители божества, то естественно, между ними нѣтъ существеннаго различія; созерцать себя можно и должно и «въ волнахъ, въ порывахъ вѣтра и въ тихой рощѣ» и тогда, «когда въ лѣсу бушуетъ ураганъ». Болѣе же всего въ природѣ Богъ открывается въ томъ, что насъ восхищаетъ и вдохновляетъ, что мы называемъ прекраснымъ; отсюда—религіозное чувство отождествляется съ чувствомъ эстетическимъ, и почитаніе Бога должно выражаться въ благоговѣйномъ отношеніи ко всему прекрасному, высокому и таинственному и вмѣстѣ съ тѣмъ въ сознаніи своей зависимости отъ Бога и покорности Ему, покорности вѣчнымъ законамъ божественнаго міроправленія и провидѣнія. «Признавать Бога, гдѣ и какъ Онъ проявляетъ Себя, во внѣшней ли природѣ или въ человѣческой жизни, это и есть собственно блаженство на землѣ».—Потребность ощущать Бога, познавать Его откровеніе, Его силы всюду въ природѣ прирождена каждому человѣку, но съ особенной силою она проявляется, какъ даръ, у отдѣльныхъ людей, каковы поэты, философы, а также и основатели религій. Эти послѣднія так. обр. не даны непосредственно Богомъ, онѣ созданы отдѣльными людьми, искавшими удовлетворенія потребности своей и имъ подобной толпы. Въ нихъ есть только чувственныя изображенія отдѣльныхъ откровеній божества, самая же идея Непостижимаго выражена смутно въ вѣрованіи въ рокъ, въ судьбу.—Совершенно особенное представляетъ собою религія христіанская, которая, какъ и все нравственное, пришла въ міръ черезъ самого Бога и потому заслуживаетъ того, чтобы всѣ люди относились къ ней съ полнымъ довѣріемъ; она одна способна возвести человѣка на небо. «Я считаю, писалъ поэтъ Лафатеру, всѣ 4 евангелія, несомнѣнно, подлинными, ибо въ нихъ ясенъ отблескъ той высоты, которая вышла отъ лица Христа и которая настолько дѣйственна, насколько только божественное можетъ являться на землѣ.. Я преклоняюсь предъ Нимъ (Христомъ), какъ предъ божественнымъ откровеніемъ наивысшаго принципа нравственности». Такъ однако Г. относился къ христіанской религіи только дотолѣ, пока она учитъ о любви и о благодати; въ остальномъ онъ не признавалъ христіанскаго ученія; оно, по его мнѣнію, своимъ антропоморфизмомъ и догматическимъ формализмомъ только искажало истинную религію. Въ частности онъ не придавалъ значенія историческому элементу въ христіанствѣ. «Меня даже голосъ съ неба не убѣдилъ бы въ томъ, что... жена рождаетъ безъ мужа и что дочь воскреснетъ, напротивъ, это я считаю оскорбленіемъ Бога и Его откровенія въ природѣ». Вмѣстѣ съ тѣмъ Г. не признавалъ и ученія о злѣ. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи нельзя не отмѣтить, между прочимъ, того

впечатлѣнія, какое вынесъ Г. изъ поѣздки въ Италію. Тамъ онъ увидѣлъ множество прекраснѣйшихъ произведеній классическаго міра и не могъ помириться съ тѣмъ пренебреженіемъ, съ какимъ относились къ этимъ произведеніямъ, потому только, что они вышли изъ рукъ языческихъ, представители католичества, осуждавшіе, какъ грѣхъ и преступленіе, самое наслажденіе ими.

Лучшей біографіей Г. признается написанная Дж. Г. *Льюисомъ*, не пощадившимъ труда и энергіи для своего дѣла, перев. и на русск. яз. Есть на русск. яз. *Іог. Шерра*, «Гете въ молодости»; *Куно Фишера*, «Ф. Гете, возникн. и составл. поэмы»; лекціи *А. Шахова*, «Гете и его время», 1841 г., стр. 131-183 и др.; проф.-прот. *Т. Буткевича*, «Взглядъ Г. на религію и ея сущность», «Вѣра и Раз.», 1901 г., Ноябрь. Переводы *Холодковскаго*, *Павлова*, изд. *Гербеля*, *Вейнберга* и др. *Д.*

ГЕТТЕ Рене-Франсуа, въ православіи Владиміръ — бывшій сначала римско-католическимъ аббатомъ, а затѣмъ православнымъ священникомъ въ Парижѣ, родился въ Блоа (во Франціи) въ дек. 1816 г., въ семьѣ съ среднимъ достаткомъ. Въ 1832 г., лишившись матери, онъ отданъ былъ для духовнаго воспитанія къ о. Леону Гарапену, у котораго пробылъ два года; послѣ того пробылъ 4 г. въ малой семинаріи въ Блоа и 3 года въ большой, гдѣ изучалъ философію и богословскія науки. Своимъ развитіемъ и любовью къ серьезнымъ занятіямъ однако обязанъ былъ только себѣ. Предъ окончаніемъ курса едва не былъ увлеченъ въ орденъ іезуитовъ. 23 лѣтъ былъ посвященъ во священника, каковую должность и занималъ по выходѣ изъ семинаріи въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ въ бѣдныхъ и незначительныхъ приходахъ блоаской епархіи. При епископскомъ дворѣ среди враговъ имѣлъ и покровителя въ лицѣ одного викарія, впослѣдствіи епископа Фабра. Подъ его вліяніемъ и по его настоянію началъ изданіе своего труда «Исторія французской церкви». Послѣ революціи 1848 г. нѣкоторое время состоялъ редакторомъ мѣстнаго республиканскаго журнала. Въ скоромъ времени затѣмъ перешелъ въ Парижъ, гдѣ въ теченіе перваго года своего пребыванія занимался преподаваніемъ классическихъ языковъ въ одной школѣ. Быть профессоромъ — было завѣтнымъ желаніемъ Г., однако изъ школы черезъ годъ онъ былъ назначенъ священникомъ при двухъ парижскихъ, одинъ послѣ другого, госпиталяхъ. Архіепископъ парижск. Сибуръ сначала относился покровительственно къ Г., но затѣмъ подъ давленіемъ изъ Рима, перемѣнилъ свои отношенія и не оправдалъ довѣрія, которое самъ внушилъ къ себѣ со стороны Г. По проискамъ враговъ, бывшихъ при обоихъ еписк. дворахъ, строгихъ ультрамонтанъ, «Исторія франц. церкви», вышедшая къ тому времени въ 7 т., декретомъ 22 янв. 1852 г. была осуждена и внесена въ «Индексъ запрещ. книгъ». Автора обвинили въ янсенизмѣ и приверженности къ галликанизму. Это однако не помѣшало Г. довести свой трудъ до 12 т. Въ 1857 г. архіеп. парижск., не найдя другихъ поводовъ, запретилъ Г. совершать богослуженіе въ пар. епархіи подъ предлогомъ, что онъ принадлежитъ къ еп. блоаской. Впослѣдствіи, когда Сибуръ былъ убитъ свящ. Верже, враги Г. пытались его выставить причастнымъ къ этому убійству. Попытка эта не удалась. Подъ вліяніемъ постигшаго его трудъ осужденія, а также въ виду возникшей по этому поводу полемики, Г. съ особеннымъ вниманіемъ занялся изученіемъ церковно-историч. вопросовъ. Это изученіе привело его къ убѣжденію въ истинности православія. И когда къ нему явился Сушковъ, бывшій не въ состояніи разобраться въ религ. вопросахъ, то о. Г. далъ ему настолько православныя объясненія, что тотъ поспѣшилъ познакомить его съ прот. Іос. Васильевымъ. Послѣдній нашелъ его совершенно православнымъ, какъ если бы онъ окончилъ курсъ въ моск. дух. акад. Черезъ нѣкоторое время послѣ того въ Парижѣ, на освященіи русской церкви, былъ преосв. Леонтій. Онъ принялъ отъ Г. прошеніе въ св. син. о присоединеніи къ православію, каковое и послѣдовало въ 1862 г. съ оставленіемъ присоединеннаго въ сущемъ санѣ. Импер. Александромъ II, удостоившимъ о. Г. особой аудіенціи, былъ пожалованъ орденъ св. Анны, права на ношеніе котораго Г. долго однако не могъ добиться.

Въ 1875 г. принялъ русское подданство. Умеръ въ 1892 г., завѣщавъ свои останки похоронить въ Россіи. Вся жизнь покойнаго о. Г. прошла въ ученыхъ изысканіяхъ и полемикѣ съ ультрамонтанами, которой онъ посвящалъ, помимо журнальныхъ статей и писемъ къ представителямъ франц. духовенства, и отдѣльные труды. Таковы, напр.: «Янсенизмъ и іезуитизмъ» (1857 г.); «Исторія іезуитовъ» (1858г.); «Папство мірское, осужденное Григоріемъ Великимъ» (1861 г.); «Опроверженіе мнимой «Жизни Іисуса» Ренана» (1863 — 5 г.; есть р. пер.); «Объ энцикликѣ 8 дек. 1864 г.» (1865 г.)и др. Изъ другихъ трудовъ, кромѣ упомянутой «Ист. фр. церкви», слѣдуетъ назвать «Исторію христ. церкви отъ Р. Хр. до нашихъ дней» (Т. I—III, Спб., 1872—75). До конца этотъ трудъ Г. довести не успѣлъ. Въ немъ авторъ имѣлъ въ виду изложить исторію христіанства по первоначальнымъ источникамъ, надѣясь тѣмъ показать, что рим.-католицизмъ построенъ на заблужденіяхъ и на ложныхъ основаніяхъ и что истина сохранилась только въ православіи. Сочиненіе «Изложеніе ученія Правосл. Церкви и другихъ христ. церквей», имѣвшее цѣлью дать краткое и точное руководство по вопросамъ вѣры для лицъ, не спеціалистовъ въ богословіи, и посвященное Импер. Маріи Александровнѣ, было переведено на языки всѣхъ православныхъ церквей, а также и на англійскій, и всюду принято хорошо. Въ «В. и Р.», 1887 г., №№ 11 и 15 напечатана его полем. съ римско-катол. журн. по вопросу объ отнош. между церквами зап. и вост. Въ томъ же журн. за 1890, 91 и 92 гг. напечатана его автобіографія. Кромѣ того, о. Г. до принятія православія издавалъ журн. «Observateur Cathol.», соединившійся потомъ съ нов., первымъ въ Парижѣ русск. журналомъ «Union chrétienne».

Д.

ГЕТТИНГЕРЪ Францъ—римскокат. богословъ—писатель, род. въ Ашаффенбургѣ 1819 г., обучался въ Вюрцбургѣ и затѣмъ въ «Германской коллегіи» въ Римѣ, гдѣ пропитался ультрамонтанскимъ духомъ, принялъ свящ. санъ 1843 г., пройдя нѣсколько духовныхъ должностей, сдѣлался въ 1856 г. профессоромъ богословской энциклопедіи и патрологіи въ вюрцб. университетѣ, а въ 1867 г. профессоромъ апологетики и гомилетики, въ 1862 и 1867 г. состоялъ ректоромъ университета, въ 1865 г. сдѣланъ былъ почетнымъ членомъ вѣнскаго университета, въ 1868 г. приглашенъ былъ въ Римъ на подготовительныя работы для Ватик. собора, въ 1879 назначенъ папскимъ домашнимъ прелатомъ. Это былъ плодовитый писатель, ему принадлежитъ много сочиненій, изъ которыхъ наиболѣе важны и извѣстны: «Священство кат. церкви» (Регенсбургъ, 1851 г.); «Литургія рим. церкви и лат. языкъ», 1856 г.; «Искусство въ христіанствѣ» (1867 г.) и особенно его «Апологія христіанства», 1862—67 г., въ двухъ томахъ, имѣвшая потомъ много изданій и переведенная, между прочимъ, и на русскій языкъ. † 1890 г.

ГЕТЦЪ Леопольдъ Карловичъ—проф. боннскаго университета, род. 7 окт. 1868 г., въ Карлсруэ, учился въ Боннѣ и Бернѣ, въ 1891 г. получилъ въ послѣднемъ степень лиценціата богословія, а въ 1899 г. въ бернскомъ университетѣ степень доктора богословія honoris causa. Съ 1872 по 1900 г. онъ состоялъ священникомъ старокатолической общины въ Пассау, въ Баваріи. 1 окт. 1900 г. былъ назначенъ профессоромъ старокатол. богословской семинаріи, а 1 окт. 1902 г. онъ получилъ назначеніе на каѳедру церковной исторіи въ боннскомъ университетѣ (на философ. факультетѣ), между прочимъ, въ видахъ удовлетворенія потребностей студентовъ-старокатоликовъ. Это человѣкъ съ весьма широкими научными познаніями и талантливый писатель, который съ успѣхомъ работаетъ особенно въ области церковно - исторической и именно съ цѣлію выясненія исторіи происхожденія и развитія старокатолицизма, какъ вѣроисповѣдной системы. Изъ многихъ его сочиненій заслуживаютъ особеннаго упоминанія слѣдующія: «Ученіе св. Кипріана о покаяніи» (1893 г.), «Игнатій Лойола и протестантизмъ» (1891 г.), гдѣ рѣ-

шается въ положительномъ смыслѣ вопросъ о томъ, дѣйствительноли іезуитскій орденъ основанъ для борьбы съ протестантизмомъ; «Историческое положеніе и задача нѣм. старокатолицизма» (1896 г.), «Жизнеописаніе Фр. Рейша»—извѣстнаго ученаго и сотрудника Деллингера, «Левъ XIII, его міросозерцаніе и его дѣятельность», 1899 г. и др. Какъ старокатоликъ, онъ глубоко интересуется правосл. востокомъ, что выразилъ въ своемъ сочиненіи «Исторія слав. апостоловъ Кирилла и Меѳодія», 1896 г., а также въ ст. «Старокатолицизмъ и славянство». Съ цѣлію ближе познакомиться съ церковно-рел. жизнію въ Россіи, онъ нѣсколько времени пробылъ въ Кіевѣ, достаточно изучилъ русскій языкъ, чтобы непосредственно знакомиться съ русской богословской литературой. Въ настоящее время онъ состоитъ редакторомъ «Старокат. народнаго Листка»—одного изъ лучшихъ старокат. еженед. журналовъ, и вообще полный силъ и научныхъ задатковъ обѣщаетъ еще много дать и сдѣлать для старокатолицизма и выясненія его отношеній къ прав. востоку.

ГЁТЦЕ Іоганнъ Мелхіоръ — литерат. противникъ Лессинга (род. въ Гальберштадтѣ, 1717 г.; ум. въ Гамбургѣ, 1786 г.); учился въ Галле и былъ назначенъ пасторомъ церкви св. Духа въ Магдебургѣ, въ 1750 г., и церкви св. Екатерины въ Гамбургѣ, въ 1755 г. Въ 1777 г. онъ выступилъ съ полемикой противъ Лессинга по поводу появленія Вольфенбюттельскихъ фрагментовъ (см.); и Лессингъ изъ многихъ выступавшихъ противъ него противниковъ избралъ Г., вѣроятно, потому, что считалъ его наиболѣе важнымъ и опаснымъ. Г. открылъ полемику въ 1777 г. и затѣмъ настойчиво продолжалъ ее и въ слѣдующіе годы. Лессингъ написалъ противъ Г. 18 статей, которыя находятся въ полныхъ собраніяхъ его сочиненій. См. *Боденъ*, Lessing und Götze, Лейпцигъ, 1862 г.

ГЕФЕЛЕ—извѣстный римско-католическій церковный историкъ, род. въ Вюртембергѣ, 16 марта 1809 г.; изучалъ философію и богословіе въ Тюбингенѣ въ 1827 — 32 г., затѣмъ въ теченіе года въ богословской семинаріи въ Ротенбургѣ; 14 авг. 1833 г. принялъ священство; въ 1834 г. былъ репетиторомъ въ Тюбингенѣ; въ 1835 г. преподавалъ въ ротвейльской гимназіи; въ 1836 г. сдѣлался преподавателемъ вмѣсто Мёлера въ Тюбингенѣ, затѣмъ въ 1837 г. экстраорд. профессоромъ и въ 1840 г. ордин. профессоромъ церковной исторіи и патрологіи въ римско-катол. факультетѣ этого университета; въ 1853 г. получилъ дворянство; съ 1842—45 г. былъ членомъ вюртембергской палаты депутатовъ; въ 1868 — 69 г. членомъ совѣта по приготовленію къ Ватиканскому собору, на которомъ онъ присутствовалъ и на которомъ былъ противъ установленія догмата о папской непогрѣшимости. 29 дек. 1869 г. онъ возведенъ былъ въ санъ епископа ротенбургскаго, 21 апр. 1871 г. провозгласилъ новый догматъ въ своемъ діоцезѣ и въ 1872 г. публично объявилъ о его принятіи. Онъ авторъ многочисленныхъ сочиненій, изъ которыхъ наиболѣе извѣстны: «Исторія введенія христіанства въ юго-западной Германіи, особенно въ Вюртембергѣ» (Тюбингенъ, 1837 г.), «Patrum Apostolicorum Opera» (1839 г., 4-е изд. 1855 г.); «Посланіе ап. Варнавы» (1840 г.); «Кардиналъ Хименесъ и церковное состояніе Испаніи въ концѣ XV и въ началѣ XVI вѣка» (1844 г.); I. Bonaventurae breviloquium et etinerarium mentis ad Deum (1845 г., 3-е изд. 1861 г.); «Златоустова постилла» (1845 г., 3-е изд. 1857 г.); «Изслѣдованія по церковной исторіи, археологіи и литургикѣ (1864 — 65 г., въ 2 т.); «Дѣло папы Гонорія» (на лат. яз., Неаполь, 1870 г., нѣм. пер. Румпа, Мюнстеръ, 1870 г.); «Гонорій и VI вселенскій соборъ» (также на лат. яз.; нѣм. пер. 1870 г.). Но самымъ капитальнымъ его трудомъ и однимъ изъ важнѣйшихъ произведеній новѣйшаго времени является его «Исторія соборовъ» (отъ перваго всел. собора до Ферраро - флорентійскаго,— трудъ законченный уже другими учеными, Фрейбургъ, 1855 — 74 г., въ 17 т.; 2-е изд. 1873 г.). Учено - литературная дѣятельность Г. была предметомъ разнообразныхъ сужденій. Рѣз-

че всего она осуждалась старо-католиками, которые надѣялись склонить его на свою сторону. Но не менѣе сурово отозвался о немъ и знаменитый протестантскій профессоръ, историкъ Газе, который сказалъ, что въ немъ «епископъ задушилъ ученаго». Онъ и самъ сознавалъ, что подчиненіе новоиспеченному въ Ватиканѣ догмату совершилось въ немъ послѣ тяжелой борьбы, хотя онъ никогда не раскаявался въ этомъ шагѣ. Причиной этого шага были не какія-нибудь внѣшнія основанія, желаніе удержать за собою епископскій престолъ и т. д., но убѣжденіе, что въ цѣляхъ умиротворенія необходимо принести своей церкви эту тяжкую жертву. Отказъ отъ еписк. должности былъ бы для него невозможенъ. Если вникнуть ближе во все развитіе жизни Г., то нельзя не придти къ убѣжденію, что это было «логикой его жизни». Вѣра въ единство церкви была въ немъ господствующимъ принципомъ. Онъ навсегда останется прискорбнымъ примѣромъ того, какъ и столь благородная натура можетъ быть поставлена въ положеніе, въ которомъ для нея не оказывается болѣе возможнымъ безпристрастное рѣшеніе высшихъ задачъ жизни. Въ библейскомъ изреченіи, которое онъ завѣщалъ сдѣлать на своей гробницѣ, все еще звучитъ скорбная нота о той тяжелой борьбѣ, которую ему пришлось пережить, и онъ противъ всякаго человѣческаго порицанія обращается съ мольбой къ Высшему Праведному Судіи: «Non intres in judicium cum servo tuo»! (Не вниди въ судъ съ рабомъ Твоимъ). Онъ еще при жизни озаботился о 2-мъ изданіи первыхъ томовъ своей «Исторіи соборовъ», сдѣлавъ въ нихъ нѣкоторыя видоизмѣненія, особенно во введеніи къ первому тому и по вопросу о Гоноріи въ 3-мъ томѣ, отчасти примѣняясь къ роковымъ послѣдствіямъ новаго догмата. Гергенрötеръ завѣдывалъ продолженіемъ этого труда, именно восьмого и девятаго томовъ (1887 — 1890 г.), Кнепфлеръ завѣдывалъ пятымъ томомъ 2-го изд. (1886 г.). Послѣ краткой болѣзни Г. умеръ 5 іюня 1893 г. въ Вюртембергѣ, пользуясь уваженіемъ за свой безкорыстный и любвеобильный характеръ далеко за предѣлами своего исповѣданія. И хотя по оригинальности мышленія его нельзя сравнивать съ Мёлеромъ, а по научной самостоятельности съ Дёллингеромъ, но послѣ нихъ онъ, несомнѣнно, былъ первымъ церковнымъ историкомъ, какого только римско-католическая Германія имѣла въ XIX вѣкѣ.

Геѳъ — въ древн. важный городъ филистимлянъ; при царѣ Осіи былъ присоединенъ къ царству іудейскому. Изъ Г. происходилъ Голіаѳъ.

ГЕѲСИМАНІЯ («масличное точило») — мѣсто у подножія Елеонской горы, знаменитое тѣмъ, что тутъ совершилось послѣднее искупительное томленіе Спасителя и была принесена Имъ Его первосвященническая молитва (Іоан. **18**, 1; Марк. **14**, 26, 32; Лук. **22**, 39); по преданію, восходящему къ IV вѣку, оно лежало саженяхъ въ пятидесяти къ востоку отъ моста черезъ Кедронъ. Оно состоитъ изъ четырехъугольнаго пространства саженъ въ семьдесятъ въ окружности и обнесено стѣной, внутри которой находится садикъ съ восемью весьма древними знаменитыми маслинами. Это одно изъ самыхъ священныхъ мѣстъ въ святомъ городѣ.

ГИББОНЪ Эдуардъ — извѣстный историкъ XVIII вѣка, авторъ «Исторіи разложенія и упадка Римской имперіи», род. въ Путнеѣ, 1737 г.; ум. въ Лондонѣ, 1794 г. Раннее его воспитаніе часто прерывалось, вслѣдствіе слабости здоровья. Въ 1752 г. онъ вступилъ въ оксфордскій университетъ, но былъ исключенъ изъ него черезъ годъ съ небольшимъ, вслѣдствіе его (временнаго) обращенія въ римскій католицизмъ (8 іюня 1753 г.), совершившагося подъ вліяніемъ сочиненія Боссюета «Разногласія протестантизма». Отецъ отправилъ его къ одному кальвинскому пастору въ Лозанну, въ Швейцаріи. Тамъ онъ въ теченіе пяти лѣтъ усердно занимался науками и обстоятельно познакомился съ классическими латинскими писателями, а также настолько изучилъ французскій языкъ, что, когда началъ писать свою «Исторію», онъ серьезно помышлялъ, не написать ли

ему ее на этомъ языкѣ. Въ это время произошли два событія, которыя оказали вліяніе на всю его жизнь,—это его отреченіе отъ римскаго католицизма (1754 г.) безъ обращенія въ протестантизмъ, и его любовь къ Сусаннѣ Кюршодъ (1758 г.), которая впослѣдствіи вышла замужъ за Жака Неккера, знаменитаго финансиста. Результатомъ этой его перемѣны вѣры было безразличіе ко всякой религіи; результатомъ его разочарованія въ любви была его рѣшимость никогда не жениться. Въ 1758 г. онъ по желанію отца возвратился на родину и въ теченіе многихъ лѣтъ велъ безцѣльную, хотя и ученую и трудолюбивую жизнь. Одинъ эпизодъ имѣлъ большое значеніе на направленіе его жизни. Въ теченіе двухъ лѣтъ (1760—62 г.) онъ былъ капитаномъ милиціи, и эта служба не только возстановила ему хорошее здоровье, но и познакомила его съ военными дѣлами, что очень пригодилось ему, когда онъ приступилъ къ составленію своей «Исторіи». Когда онъ, находясь въ Римѣ (15 окт. 1764 г.), сидѣлъ среди развалинъ Капитолія, у него впервые явилась мысль написать о разложеніи и упадкѣ этого города; но, въ дѣйствительности, онъ приступилъ къ составленію своего знаменитаго сочиненія лишь въ 1772 г. Въ февралѣ 1776 г. появился первый томъ, въ ночь на 27 іюня 1787 г. онъ написалъ въ своемъ саду въ Лозаннѣ, куда онъ возвратился въ 1783 г., послѣднія слова своей «Исторіи», и послѣдній томъ вышелъ въ свѣтъ 27 апр 1788 г. Первоначальное изданіе было въ 6 томахъ in 4°. Книга расходилась съ замѣчательною быстротою, хотя и не безпримѣрною. Вскорѣ затѣмъ онъ скончался. Вся его слава, конечно, основывается на этомъ его главномъ сочиненіи, которое, несомнѣнно, принадлежитъ къ величайшимъ произведеніямъ исторической литературы, и позднѣйшія изслѣдованія внесли лишь незначительныя поправки. Вѣроятно, оно, какъ историческое произведеніе, никогда не устарѣетъ. Обнимаемый имъ періодъ простирается отъ половины II вѣка до 1453 г. Единственнымъ обвиненіемъ противъ этой исторіи можетъ быть лишь то, что она проникнута враждебнымъ духомъ къ христіанству. Авторъ такъ мало имѣлъ симпатіи къ цѣлямъ церкви, что не считалъ нужнымъ набрасывать мантію снисхожденія на недостатки и пороки представителей церкви. Въ отношеніи знаменитыхъ 15-й и 16-й главъ, гдѣ говорится о происхожденіи и распространеніи христіанства, причемъ успѣхъ его объясняется второстепенными причинами, и жестокость первыхъ гоненій на него объявляется преувеличенною, можно замѣтить, что самъ Г. допускалъ, что приводимый имъ рядъ второстепенныхъ причинъ оставлялъ вопросъ о божественномъ происхожденіи христіанства незатронутымъ. И теперь, когда дымъ битвы противъ этой части его «Исторіи» прояснился, церковные историки допускаютъ въ существенныхъ пунктахъ правильность его главныхъ положеній. Конечно, въ намѣренія Г. не входило писать церковную исторію, но ему невольно приходилось вступать и на эту почву; и поэтому, вопреки его желанію, остается несомнѣннымъ тотъ фактъ, что, «слѣдя за постепеннымъ разложеніемъ и упадкомъ императорскаго Рима, онъ невольно сдѣлался свидѣтелемъ постепеннаго роста и торжества религіи Христа».

Лучшее изданіе «Исторіи разложенія и упадка Римской имперіи» сдѣлано Мурреемъ въ Лондонѣ, 1854 г. (повторено въ 1872 г.), въ 8 томахъ. Въ изданіи этого труда Вилліамомъ Смитомъ присоединены примѣчанія Гизо, Венка и Мильмана. Его «Смѣшанныя произведенія» съ очеркомъ его жизни и сочиненій, составленномъ имъ самимъ и поясненномъ, на основаніи его писемъ, случайными замѣчаніями и повѣствованіями, появились въ новомъ изданіи въ 1837 г. Его автобіографія, одна изъ лучшихъ, какія когда-либо писались, присоединена къ изданіямъ его «Исторіи» и упомянутыхъ выше «Смѣшанныхъ произведеній», а также издана была и отдѣльно въ «Избранныхъ автобіографіяхъ», Бостонъ, 1878 г.

ГИБЕРТЪ Пармскій — императ. канцлеръ и впослѣдствіи архіепископъ равеннскій, сильный противникъ папы Григорія VII и его церковной политики. Его оппозиція Гильдебрандовой политикѣ была не просто результа-

томъ его должности въ качествѣ канцлера. Онъ возмущался тѣмъ, что Григорій VII такъ беззастѣнчиво пользовался монахами патаринами и массой народа для упроченія своей власти надъ духовенствомъ; и, въ качествѣ архіепископа равеннскаго, вездѣ, гдѣ только возможно было, противился этой политикѣ. Въ 1075 г. онъ былъ отрѣшенъ отъ должности, но не уступилъ. Въ борьбѣ между Генрихомъ IV и Григоріемъ VII онъ стоялъ на сторонѣ перваго; и въ 1080 г. былъ избранъ антипапой въ Бриксенѣ тридцатью епископами и принялъ имя Климента III. Въ 1084 г. онъ короновалъ Генриха императоромъ въ Римѣ. Но хотя Генрихъ никогда не оставлялъ его, онъ никогда не въ состояніи былъ укрыться отъ ярости Гильдебрандовой партіи. Не только Григорій VII, но и Викторъ III, Урбанъ II и Пасхалій II, проклинали и отлучали его. Онъ умеръ въ Равеннѣ въ 1100 г., и, послѣ смерти Генриха IV, Пасхалій II приказалъ вырыть его кости и выбросить въ воду.

См. у *Jaffé*, Regest. Pontif. Roman. pp. 443—447.

Гигантій (исполинскій), — одинъ изъ 33 мучениковъ милитинскихъ, пострадавшихъ при Діоклитіанѣ. *Пам. 7 ноябр.*

ГИЗЕЛЕРЪ Іоаннъ-Карлъ-Людвигъ— протестантскій церковный историкъ, происходилъ изъ старо-лютер. проповѣднической семьи въ Вестфаліи; род. 3 марта 1792 г. въ Петерсгагенѣ, близъ Миндена. Свое образованіе онъ закончилъ въ сиротскомъ домѣ въ Галле; состоялъ въ этомъ заведеніи учителемъ; въ 1818 г. сдѣлался директоромъ гимназіи въ Клеве, въ 1819 г. профессоромъ богословія въ новооснованномъ боннскомъ университетѣ и въ 1831 г. приглашенъ былъ въ университетъ гёттингенскій; тамъ онъ умеръ 8 іюля 1854 г. Въ своихъ лекціяхъ онъ обнималъ церковную исторію, догматику и исторію догматовъ. Его богословскую точку зрѣнія можно назвать историко-критическимъ раціонализмомъ. Генгстенбергъ упрекалъ его за его близость къ вульгарному раціонализму и Мауреровскому гуманизму. Главное его сочиненіе есть «Учебникъ церковной исторіи» (3 тома въ 8 отдѣлахъ, Боннъ, 1823—52 г., первые 4 отдѣла въ 4 изд. 1844—48 г., 5-й отдѣлъ во 2-мъ изд. 1849 г.); изъ его посмертныхъ сочиненій Редепеннингъ издалъ еще 4-й и 5-й томы (1854—55 г.), къ которымъ въ 1855 г. въ качествѣ 6-го тома присоединена была еще «Исторія догматовъ». Г. предоставляетъ каждому вѣку говорить за себя чрезъ посредство своихъ собственныхъ выразителей и поэтому въ изданныхъ имъ самимъ трехъ первыхъ томахъ присоединяетъ къ крайне краткому тексту огромную массу примѣчаній, содержащихъ въ себѣ длинныя извлеченія изъ современныхъ авторовъ. Указаніе литературы въ высшей степени содержательно и драгоцѣнно. Подборъ цитатъ, напротивъ, очень тенденціозенъ. Во многихъ отдѣлахъ его «Исторія» есть прямо исторія скандаловъ, для чего особенно неисчерпаемымъ источникомъ ему служила книга братьевъ Телеръ «о принудительномъ безбрачіи латинскаго духовенства» (Альтенбургъ, 1828 г.). Въ качествѣ предварительныхъ изслѣдованій къ главному труду, явились четыре монографіи, изъ которыхъ можно назвать: «Историко-критическій опытъ: происхожденіе Евангелій, помѣщенныхъ въ Аналектахъ Чирнера» (Лейпцигъ, 1818 г.); «О назареяхъ и евіонитахъ (тамъ же, 4); «Ученіе Климента Александрійскаго и Оригена о тѣлѣ Христовомъ» (лат., Геттингенъ, 1837 г.). Вмѣстѣ съ Ликкомъ издавалъ онъ «Журналъ для образованныхъ христіанъ евангелической секты» (Эльберфельдъ, 1823 г., и слѣд. 4 выпуска съ 1838 г.). Г. принадлежалъ также къ издателямъ богословскихъ Studien und Kritiken. Подъ именемъ Иринея онъ издалъ сочиненіе «О кельнскомъ событіи» (Лейпцигъ, 1838 г.). Перечень его трудовъ даетъ Остерлей въ своей «Исторіи Гёттингенскаго университета» (тамъ же, 1838 г., 410 и слѣд.; ср. Редепеннингъ, во введеніи къ 5-му тому Церковной Исторіи Г.).

ГИЗО Франсуа Пьеръ Гильомъ, род. въ 1787 г.; ум. въ 1874 г.; происходилъ изъ семейства гугенотскихъ па-

сторовъ; получилъ образованіе въ Женевѣ; изучалъ юриспруденцію, исторію и философію въ Парижѣ. Первый періодъ его жизни (1812—1830 гг.) былъ, главнымъ обрузомъ, литературный. Въ теченіе этого времени онъ послѣдовательно состоялъ профессоромъ исторіи въ Сорбоннѣ, генеральнымъ секретаремъ въ департаментѣ внутреннихъ дѣлъ, журналистомъ, и проч., и написалъ свои блестящія историческія сочиненія, изъ которыхъ «Исторія цивилизаціи въ Европѣ» (1828 г.) и «Исторія цивилизаціи во Франціи» (1830 г., въ 5 том., не конч.) имѣютъ большой интересъ и для церковной исторіи. Второй періодъ (1830—1848 гг.) былъ попреимуществу политическій, когда онъ былъ министромъ народнаго просвѣщенія (1832—1836 гг.) и первымъ министромъ (1840—1848 гг.). Какъ министръ народнаго просвѣщенія, онъ совершенно преобразовалъ всю воспитательную систему во Франціи и ввелъ много усовершенствованій, особенно въ элементарныхъ школахъ и въ высшихъ гимназіяхъ. Въ третьемъ періодѣ (съ 1848 г. до смерти) религія болѣе и болѣе стала выступать въ его сочиненіяхъ. Въ 1852 г. онъ былъ избранъ предсѣдателемъ консисторіи и, управляя реформатскою церковью, прилагалъ тотъ самый принципъ «противодѣйствія», который онъ раньше примѣнялъ въ управленіи государствомъ. Это былъ человѣкъ ортодоксальный, строго державшійся кальвинистической системы XVI вѣка; но именно поэтому онъ дѣлалъ различіе между различными вѣтвями реформатской церкви во Франціи. Его главныя богословскія сочиненія: «Церковь и христіанское общество», 1861 г., и «Размышленія о сущности христіанской религіи», 1864 г. Болѣе популярный характеръ носитъ его «Жизнеописаніе четырехъ великихъ французскихъ христіанъ». Въ 1826 г. онъ основалъ «Библейское общество», въ 1833 г. «Протестантское общество первоначальнаго образованія» и въ 1858 г. «Общество исторіи французскаго протестантизма». Нѣкоторыя изъ его сочиненій переведены и на русскій языкъ.

ГИЗЫ, младшая вѣтвь лотарингскаго дома, которая, будучи основана въ началѣ XVI вѣка Клодомъ II, дала нѣсколько видныхъ прелатовъ, игравшихъ весьма важную роль въ исторіи Франціи въ качествѣ вождей римско-католической партіи, главъ лиги, пособниковъ іезуитскаго движенія и жестокихъ истребителей гугенотовъ. Изъ нихъ наиболѣе извѣстны—1) *Карлъ Гизъ* род. въ 1524 г.; ум. въ 1574 г.; еще въ 14-ти лѣтнемъ возрастѣ онъ былъ сдѣланъ архіепископомъ реймскимъ, и 23 лѣтъ былъ кардиналомъ. Подъ его властью находились десять епископій, кромѣ множества аббатствъ, и онъ имѣлъ ежегодный доходъ въ 300,000 кронъ, когда весь доходъ Франціи былъ не болѣе пяти или шести милліоновъ. Это былъ человѣкъ высокомѣрный и распущенный, но ловкій и краснорѣчивый. Сначала онъ былъ поклонникомъ эпохи Возрожденія и сторонникомъ церковныхъ реформъ; но, послѣ своей встрѣчи съ кардиналомъ Гранвеллемъ, онъ перешелъ на сторону Филиппа II и сталъ поборникомъ римско-католической церкви. Неожиданный переворотъ совершился въ его судьбѣ и въ судьбѣ его семейства, вслѣдствіе неожиданной смерти Франциска II въ 1560 г. Онъ удалился въ Реймсъ, а братъ его Францискъ — въ Гизъ, власть же получили королевскіе принцы—Бурбоны, Конде и др. Съ цѣлію защиты римско-католической церкви противъ протестантизма, Франциску удалось составить при дворѣ союзъ, и онъ находился на пути въ Парижъ, когда въ Осси произошло кровавое побоище (1562 г.),—избіеніе его свитой цѣлаго протестантскаго прихода, собравшагося на богослуженіе. Тогда поднялись гугеноты, и началась междоусобная война. Францискъ поставленъ былъ во главѣ римско-катол. войска, разбилъ гугенотовъ при Дрё и осадилъ ихъ крѣпость Орлеанъ, гдѣ былъ застрѣленъ Польтротомъ Мере. При открытіи тридентскаго собора кардиналъ пытался собрать около себя всю оппозицію, но потерпѣлъ полную неудачу, и впослѣдствіи онъ ревностно старался о введеніи во Франціи каноновъ этого собора. По своемъ возвра-

щеніи, онъ былъ холодно принятъ дворомъ; но особенная дружба со стороны Филиппа II, блестящіе военные успѣхи его племянника, герцога Генриха Гиза, и щедрая поддержка, какую онъ оказывалъ литературѣ и искусству, продолжали сохранять за нимъ извѣстное вліяніе. Умирая, онъ оставилъ значительный долгъ. — 2) Герцогъ *Генрихъ Гизъ* род. въ 1550 г., ум. въ 1558 г.; былъ сыномъ герц. Франциска, наслѣдовалъ отъ своего отца храбрость и военныя дарованія, но превосходилъ его своимъ политическимъ честолюбіемъ и ненавистью къ гугенотамъ. Если и не основателемъ, то, во всякомъ случаѣ, онъ былъ главой лиги съ самаго начала (1576 г.). Онъ заключилъ тѣснѣйшіе союзы съ Филиппомъ II (который назначилъ ему ежегодную пенсію въ 200,000 франковъ) и съ папой, который, по его настоянію, отлучилъ Генриха Наваррскаго. Послѣ смерти герцога Анжуйскаго (1584 г.) онъ даже заявлялъ притязаніе на престолъ Франціи, и какъ папа, такъ и Филиппъ II, считали необходимымъ поддерживать его, чтобы Франція не сдѣлалась кальвинистической. Но ему, повидимому, не хватило мужества. Онъ медлилъ, и когда король Генрихъ III вполнѣ понялъ теченіе дѣлъ, то приказалъ своимъ тѣлохранителямъ убить его въ Блуа, а также его брата, кардинала Людовика Лотарингскаго.

ГИЛЛЕЛЬ—наиболѣе извѣстный раввинъ вѣка, предшествующаго христіанской эрѣ, происходилъ изъ виднаго іудейскаго семейства, жившаго въ Вавилонѣ; ум. въ Іерусалимѣ, въ послѣдніе годы царствованія Ирода Великаго, по Деличу, ок. 4 г. до Р. Хр. Наши свѣдѣнія о его жизни исключительно извлекаются изъ Талмуда, который представляетъ интересную картину его необычайной умственной остроты и мягкости нрава. Все это повѣствованіе преувеличено, но. по мнѣнію Делича, можетъ быть принимаемо въ своихъ общихъ чертахъ. Во многихъ случаяхъ оно, очевидно, не заслуживаетъ довѣрія; и такія сообщенія, какъ то. что Г., будто бы, достигъ вѣка Моисеева (120 лѣтъ) и проч., могутъ быть принимаемы, вопреки іудейскому писателю Гейгеру, въ нашъ критическій вѣкъ лишь съ нѣкоторою снисходительностью. Еще въ молодости Г. отправился въ Іерусалимъ, гдѣ онъ работалъ въ качествѣ поденщика, причемъ часть своихъ заработковъ отдавалъ на содержаніе своего семейства, а другую часть платилъ за право допущенія въ высшую школу, гдѣ учили раввины Шемайя и Автальонъ. Однажды, не имѣя возможности заплатить входной платы, онъ взобрался на окно, гдѣ просидѣлъ цѣлую ночь, слушая бесѣды и не обращая вниманія на валившій снѣгъ, и постепенно былъ заваленъ имъ. Тамъ, на слѣдующее утро, онъ найденъ былъ учителями. Этотъ случай открылъ поденщику путь къ славѣ, и Г. сдѣлался основателемъ школы, которая отличалась большею широтою и свободой взглядовъ, чѣмъ школа его современника, Шаммайи. Память Г. только недавно выведена на свѣтъ изъ забвенія. Онъ, безъ сомнѣнія, былъ высокій нравоучитель; но, конечно, крайне преувеличено то мнѣніе, которое считаетъ его учителемъ, не только равнымъ съ Христомъ, но даже, будто бы, превосходящимъ Его. Гейгеръ говоритъ: Г. представляетъ намъ картину истиннаго преобразователя, Іисусъ же не высказалъ ни одной новой мысли. И Ренанъ, въ своей «Жизни Іисуса», называетъ Г. «дѣйствительнымъ учителемъ Христа, изъ примѣра котораго Христосъ научился терпѣливо сносить бѣдность и противодѣйствовать священникамъ и лицемѣрамъ». Достаточно однако внимательно прочитать разсказы, передаваемые объ умственной проницательности Г., чтобы убѣдиться, что онъ вращался въ кругѣ фарисейства и никогда не выходилъ изъ узкихъ предразсудковъ этой секты. Онъ просто былъ рабби (быть можетъ, лучшій и чистѣйшій въ своемъ родѣ), человѣкъ школы, державшійся прецедента; но онъ ни въ какомъ смыслѣ не былъ преобразователемъ своего народа, и ни одно изъ его изреченій не можетъ служить источникомъ возрожденія для духовной жизни міра. Ему приписываютъ изреченіе: «Что непріятно тебѣ самому, не

дѣлай того твоему ближнему. Въ этомъ заключается весь законъ, и все остальное есть только толкованіе на него». Изреченіе это высоко восхваляли, и оно, несомнѣнно, заслуживаетъ похвалы, но вообще Г. не шелъ дальше духа раввинства и той мелочной казуистики, которую такъ сурово обличалъ Іисусъ Христосъ. Изъ разсказовъ, которые выставляютъ его въ незавидномъ свѣтѣ, наиболѣе интересенъ, быть можетъ, тотъ, въ которомъ говорится о томъ, какъ во время одного жертвоприношенія онъ сбылъ вола за корову, искусно могая хвостъ животнаго, съ цѣлью скрыть его полъ. Прошли вѣка, и исторія произнесла свой судъ надъ этимъ знаменитымъ іудейскимъ раввиномъ, показывая все различіе между нимъ и Искупителемъ міра. «Г.—говоритъ Деличъ—умеръ и занимаетъ свое мѣсто, лишь какъ представитель системы отжившихъ церемоній прошлаго; Іисусъ же Христосъ живетъ, и весь прогрессъ цивилизаціи есть все болѣе преуспѣвающее торжество исходящаго отъ Него свѣта».

О Г. см. въ извѣстныхъ курсахъ *Исторіи Эвальда, Греца, Стэнлея*, также у *Гейгера*, «Іудейство и его исторія»; у *Кейма*, въ его «Жизни Іисуса Назаретскаго»; у *Фаррара*, въ «Жизни Іисуса Христа», Т. II прил. 3; у *Киша*, «Жизнь и труды Г.», I, Вѣна, 1877; и, особенно, изслѣдованіе *Делича*, «Іисусъ и Г.», Эрлангенъ, 3-е изд., 1879 г.

Гильда, св., внучатная племянница Эдвина, короля нортумбрійскаго (род. ок. 617 г.), съ тринадцатилѣтняго возраста посвятила себя монашеской жизни; сдѣлалась аббатиссой Георты (теперь Гартельпулъ) въ 650 г. и основала знаменитое аббатство Витби, гдѣ и умерла въ 680 г.

ГИЛЬДЕБЕРТЪ род. въ Лавардинѣ, 1055 г.; ум. въ Турѣ, 1134 г; по нѣкоторымъ, былъ ученикомъ Беренгарія, по другимъ—монахомъ клунійскимъ; стоялъ во главѣ каѳедральной школы ле-манской, 1079—1092 г.; и въ 1096 или 1098 г. избранъ былъ въ санъ епископа этого діоцеза. Въ этой должности онъ потерпѣлъ много непріятностей отъ своего собственнаго капитула, отъ Вилльяма Руфа англійскаго, отъ проповѣдника Генриха лозанскаго, и др. Однажды онъ даже ходилъ въ Римъ съ просьбою освободить его отъ должности; но Пасхалій II не далъ на это своего согласія. Въ 1125 г. онъ избранъ былъ архіепископомъ турскимъ и тамъ также встрѣтилъ много затрудненій, хотя въ то же время достигъ одного изъ самыхъ видныхъ положеній среди духовенства своего времени. Его сочиненія впервые изданы были Божандромъ (Парижъ, 1708 г.) и затѣмъ Бурассе въ Патрологіи Миня, **171**. Они состоятъ изъ «Посланій» къ Бернарду Клервосскому, Ансельму, Вильгельму Шампо, и др., «Проповѣдей» (изъ нихъ 143 у Миня), разныхъ мелкихъ твореній и поэмъ. Жизнь его описана Гебертъ-Дюперрономъ (1858 г.) и Дезервиллеромъ (1877 г.)

ГИЛЬДЕГАРДА, св., род. въ замкѣ Беккельгеймскомъ, въ 1098 г.; получила воспитаніе въ бенедиктинскомъ монастырѣ Дизебоденбергѣ, подъ руководствомъ Ютты Шпонгеймъ, которой она наслѣдовала въ должности аббатиссы, въ 1136 г.; и основала, въ 1147 г., монастырь Рупертсбергъ, гдѣ и умерла въ 1178 г. Она имѣла пророческія видѣнія, и такъ какъ они были признаваемы церковью, то постепенно заняла весьма видное положеніе и оказывала чрезвычайное вліяніе на германскую церковь. Память ея чтится 17 сентября, но она никогда не была канонизована. Ей принадлежитъ нѣсколько сочиненій, среди которыхъ наиболѣе извѣстны: Scivias (впервые напечатано въ Парижѣ, 1513 г., и Кельнѣ, 1628 г); «Книга божественныхъ дѣлъ», «Объясненіе устава св. Бенедикта», «Физика» (девять книгъ), Письма и проч.; всѣ они находятся у Миня въ **197 т.** лат. Патрологіи.

ГИЛЯРОВЪ-ПЛАТОНОВЪ Никита Петровичъ (1824—1887 гг.) извѣстенъ, какъ видный общественный дѣятель и писатель-публицистъ, свои дарованія и образованіе, полученное въ духовной школѣ, приложившій внѣ обычнаго круга дѣятельности духовныхъ воспитанниковъ. Извѣстный московскій историкъ М. П. Погодинъ, восхищаясь работами Г., писалъ ему: «не пять,

не десять талантовъ далъ вамъ Богъ, а двадцать, тридцать и даже болѣе». Конечно, въ этихъ словахъ цѣну имѣетъ не точный количественный учетъ дарованій талантливаго, тогда только еще начинавшаго карьеру ученаго, а впечатлѣніе необычайной даровитости его, сразу подмѣченной наблюдательнымъ историкомъ. И дѣйствительно, это была личность выдающаяся, къ какому бы дѣлу она ни прикасалась. За то, быть можетъ, въ этомъ избыткѣ силъ кроется и практическая неудачливость Г., многократно мѣнявшаго поприща дѣятельности, повсюду остававшагося энергичнымъ, глубокимъ, самобытнымъ и искреннимъ, понимающимъ дѣло работникомъ, однако не стяжавшимъ себѣ прочнаго положенія и непререкаемаго авторитета ни у современниковъ, ни у потомства. Повидимому, основному характеру дарованій Г. соотвѣтствовала роль журналиста. По крайней мѣрѣ, въ области журнальной дѣятельности онъ держался всего дольше, оказался наиболѣе производительнымъ и нашелъ наиболѣе опредѣленныя выраженія своимъ понятіямъ. Уроженецъ г. Коломны, сынъ священника, Г. получилъ духовное образованіе въ предѣлахъ своей епархіи и всю свою жизнь провелъ въ этой же епархіи. Московскую дух. академію онъ окончилъ въ 1848 году. Судя по его автобіографіи («Изъ пережитаго»), Г. остался навсегда признательнымъ воспитавшей его школѣ, изъ которой онъ вынесъ обширныя философскія и богословскія познанія, умѣнье и привычку мыслить самостоятельно, добросовѣстность въ работѣ и любовь къ умственному труду. Академическій курсъ Г. окончилъ съ отличіемъ, почему и удостоенъ прибавленія къ своей фамиліи «Платоновъ». Магистерское его сочиненіе, одобренное конференціею академіи и въ св. синодѣ цензированное б. казанскимъ архіепископомъ Григоріемъ, писано на тему «О потребности вочеловѣченія Сына Божія для спасенія рода человѣческаго» (Д. Арх. св. син., 1848 г., № 1730). Молодому баккалавру поручено были чтенія по каѳедрѣ герменевтики и ученія о вѣроисповѣданіяхъ, ересяхъ и расколахъ. По воспоминаніямъ одного изъ своихъ учениковъ, прот. Смирнова-Платонова (Дѣтск. Помощь, 1885 г., стр. 39), Г. представляется выдающимся академическимъ преподавателемъ, имѣвшимъ весьма сильное вліяніе на студентовъ. Углубляясь въ изученіе причинъ разновѣрія и останавливаясь на дѣйствіи условій, не зависившихъ отъ личной человѣческой воли, профессоръ училъ студентовъ безпристрастію и терпимости. Вниманіе его мало-по-малу сосредоточилось на исторіи русскаго раскола. Его слушали затаивъ дыханіе. Но эта исторія не получила у него законченной научной обработки, такъ какъ самая профессорская его карьера въ 1854 г. окончилась. Біографъ его (при 1 т. Сборн. Соч., изд. 1899 г.) даетъ понять, что прекращеніе профессорской службы Г. зависѣло отъ воли митр. Филарета. Въ 1855 г. Г., согласно прошенію, уволенъ былъ изъ духовнаго званія, такъ какъ по состоянію здоровья не чувствовалъ себя способнымъ къ исполненію обязанностей, соединенныхъ съ духовнымъ саномъ. Духовное начальство, аттестуя увольняемаго исправнымъ и надежнымъ, простило ему 703 р. 47 к. сер., выданныхъ ему съ 5 ноября 1848 г. въ видѣ классныхъ денегъ, по вниманію къ семилѣтней одобрительной службѣ его при академіи (д. св. син., 1855 г., № 1933). Въ бытность баккалавромъ Г. состоялъ сотрудникомъ редакціоннаго комитета по переводу твореній св. отецъ и при разверсткѣ платы въ 1852 г. за 51 стр. перевода получилъ 60 р. 43 к. (д. 1854 г., № 1029). Переселившись изъ посада въ Москву, Г. вошелъ въ тѣсное общеніе съ кружкомъ славянофиловъ, изъ которыхъ главные близко знали его на академической каѳедрѣ и ѣздили слушать его лекціи. Въ горячихъ спорахъ съ единомышленниками, А. С. Хомяковымъ и К. Аксаковымъ, Г. имѣлъ много поводовъ къ болѣе точному опредѣленію своихъ воззрѣній, къ самоуглубленію, къ выясненію вопросовъ русской жизни и мысли. Славянофильскія изданія «Русская Бесѣда», «День», «Москва», и позднѣе «Русь» Аксакова приняли его

въ ряды ближайшихъ сотрудниковъ; вмѣстѣ съ Ю. Самаринымъ онъ переводилъ богословскія сочиненія Хомякова, изданныя заграницей, на русскій языкъ. Примыкая къ славянофиламъ, Г. съ тѣмъ вмѣстѣ не чуждался и другихъ самостоятельныхъ теченій русской общественной мысли. По этому онъ участвуетъ въ «Русскомъ Вѣстникѣ» и не только въ качествѣ сотрудника, но въ нѣкоторомъ отношеніи, какъ руководитель и вдохновитель изданія. При терпимости, зависѣвшей отъ просвѣщенной широты взглядовъ, Г. оказался весьма полезнымъ для литературы дѣятелемъ на поприщѣ цензора московскаго комитета, куда онъ поступилъ въ 1856 г. и гдѣ оставался до 1863 г. Приподнятое настроеніе въ общественныхъ и правящихъ кругахъ, характерное для даннаго времени, ставило цензора, особенно въ отношеніи къ повременнымъ изданіямъ, въ положеніе крайне затруднительное. Создались такія условія цензуры, когда статьи по вопросамъ внѣшней и внутренней политики комитетъ долженъ былъ отдавать на просмотръ довѣреннымъ чиновникамъ по отдѣльнымъ вѣдомствамъ. Г. дѣйствовалъ самостоятельнѣе другихъ и нѣкоторыя изданія держались едва ли не исключительно на его смѣлой отвѣтственности. Однако же было бы ошибкою думать, будто въ лицѣ независимаго цензора мы имѣемъ отступника отъ благородныхъ преданій духовной школы, отъ той дисциплинированной мысли, какою характеризуется богословская наука. Нѣтъ, здѣсь дѣйствуетъ убѣжденный профессоръ дух. академіи. Его обвиняютъ даже въ фанатизмѣ. А онъ говоритъ: нравственный долгъ, увѣренность въ другой жизни принадлежатъ къ тѣмъ основамъ общественности, которыя государство обязано защищать. Отрицаніе нравственнаго долга прямо ведетъ къ освященію разбоя на большой дорогѣ. Поэтому, не преступая закона братской любви, нельзя дозволять говорить во всеуслышаніе милліона малоразвитыхъ существъ сужденій, несогласныхъ съ опредѣленнымъ нравственнымъ долгомъ или сомнительныхъ. Не поступаясь подобнаго рода принципами, Г. съ тѣмъ вмѣстѣ давалъ широкій просторъ литературнымъ работамъ, согласнымъ съ этими принципами, но не всегда согласованнымъ съ болѣе конкретными требованіями высшаго цензурнаго начальства. Предсѣдатель комитета Щербининъ писалъ, что онъ убѣжденъ въ благонамѣренности Г., цѣнитъ его умъ, вѣрный взглядъ, недюжинное образованіе и дорожитъ тѣмъ довѣріемъ, какимъ Г. пользуется у московскихъ журналистовъ. Но уже къ 1861 году за Г. накопилось девять цензурныхъ провинностей и 11 авг. 1862 г. онъ получилъ назначеніе на должность чиновника особыхъ порученій при министрѣ народнаго просвѣщенія. Вмѣстѣ съ тѣмъ цензоръ, уволенный отъ этой должности за то, что не удовлетворялъ современнымъ требованіямъ и обстоятельствамъ, призванъ былъ къ участію въ работахъ по составленію новаго цензурнаго устава, когда завѣдываніе цензурою переходило изъ министерства просвѣщенія въ министерство внутреннихъ дѣлъ. Г. вступилъ въ коммиссію по составленію новаго устава съ совершенно опредѣленною программою и, безъ сомнѣнія, былъ въ ней полезнымъ участникомъ. Когда же засѣданія коммиссіи окончились, Г. не оказалось мѣста по министерству просвѣщенія, и 1 іюня 1863 г. онъ былъ оставленъ за штатомъ, съ единовременнымъ пособіемъ въ 3000 р. Въ августѣ того же года онъ получилъ мѣсто управляющаго московской синодальной типографіи (Высоч приказъ по дух. вѣд. 20 авг. 1863 г., № 9, д Канц. Об. Прок. № 225, по св. спп., № 764). Четыре года завѣдыванія этою типографіею—не достаточно большой срокъ, чтобы оказалась возможность управляющему завести здѣсь внутренніе порядки, какіе отвѣчали бы широкимъ взглядамъ новаго управляющаго, тѣмъ болѣе, что передъ самымъ назначеніемъ Г. введены были новые штаты и несвоевременно было поднимать рѣчь о переустройствѣ типографіи. За всѣмъ тѣмъ Г. удалось значительно упорядочить библіотеку типографіи, реставрировать типографскія

палаты и отстоять старинное учрежденіе, славное своимъ просвѣтительнымъ прошлымъ, отъ посягательствъ на использованіе этого учрежденія въ чисто коммерческихъ видахъ. Основной взглядъ на типографію и отдѣльныя сужденія новаго управляющаго, напр. по вопросу о печатаніи молитвослова, представленнаго гр. А. Д. Блудовою, или объ измѣненіи надписи на антиминсахъ, вполнѣ отвѣчали видамъ московскаго владыки, который не отказалъ теперь въ своемъ покровительствѣ бывшему баккалавру. Но рѣшительность взглядовъ Г., выразившаяся въ его журнальной статьѣ по вопросу о продажѣ городу типографскихъ зданій, а также участіе его въ журналистикѣ вообще дали поводъ вооружить противъ Г. новаго оберъ-прокурора гр. Д. А. Толстого, и въ 1867 г. Г. оставилъ казенную службу навсегда.

1 декабря 1867 г. вышелъ № 1 Современныхъ Извѣстій Г.-П. и этимъ открылся послѣдній почти двадцатилѣтній періодъ служенія его обществу. Изданіе скромной общенародной газеты было давнею мечтою Г. Еще въ 1859 г. онъ собирался вмѣстѣ съ А. Д. Желтухинымъ издавать «Листокъ народныхъ нуждъ», чтобы потолковать съ простымъ людомъ о томъ, что ему знать желательно, но что растолковать ему отчасти не хотятъ, отчасти не умѣютъ. Теперь ему открылся путь «содѣйствовать общественному воспитанію». Въ какомъ направленіи? Г. отвѣчаетъ: «публицистъ, не уважающій исторіи и преданій своего народа и коренныхъ основъ общественной жизни, которою онъ живетъ, столь же недостоинъ своего призванія, какъ поклонникъ суевѣрій и дикихъ инстинктовъ массы или нахальный льстецъ властей». По сравненію съ другими московскими изданіями, «Современныя Извѣстія» заняли совершенно самостоятельное мѣсто. Катковъ имѣлъ личный газетный органъ, И. С. Аксаковъ продолжалъ ученіе славянофиловъ; Г. въ своей газетѣ оказался единственнымъ публицистомъ-философомъ, который началъ осторожно, умно и съ знаніемъ дѣла касаться въ газетѣ вопросовъ вѣры и церкви и тѣмъ сближать общество съ областью, которая считалась какъ бы монополіей однихъ духовныхъ изданій, вращавшихся почти исключительно въ кругу духовенства. Съ другой стороны онъ освящалъ своимъ православно-русскимъ пониманіемъ вопросы, волновавшіе современное образованное общество. Явленія изъ области соціальныхъ вопросовъ, какъ напр. вопросъ объ отношеніи соціализма и индивидуализма, у него разрѣшались съ точки зрѣнія истинно-христіанскихъ началъ, и формулою тѣхъ же началъ предусматривалось отрицательное разрѣшеніе вопросовъ, выдвигаемыхъ утилитаристами и эстетами. «Жизнь есть подвигъ, а не наслажденіе. Трудъ есть долгъ, а не средство своекорыстія. Верховный законъ междучеловѣческихъ отношеній есть всеотдающая себя любовь, а не зависть». Своеобразный мыслитель и уже по самому этому своеобразію сторонникъ свободы естественныхъ правъ человѣка, Г. съ открытымъ забраломъ неустанно воевалъ противъ ложнаго либерализма, противъ направленія, которое въ отличіе отъ либеральнаго называлъ либералистическимъ, всею силою таланта вооружаясь противъ направленія, которое во имя правъ личности превращаетъ цѣлыя общества въ рабовъ предъ міроѣдами (разныхъ наименованій), передъ концессіонерами, банкирами и под. «Не личныя выгоды, не матеріальная корысть связуютъ единицы въ органическое цѣлое, а духовное единство, воспитываемое исторіей, хранимое преданіями, вѣрой, обычаями, языкомъ, тысячелѣтними основаніями политическаго, экономическаго устройства»... Такимъ образомъ Г. во-первыхъ не льстилъ модѣ и грубымъ вожделѣніямъ толпы, а потому и не могъ соперничать съ уличными листками (когда они появились) въ смыслѣ матеріальнаго успѣха, а во-вторыхъ на пространствѣ двадцати лѣтъ издательской дѣятельности не одинъ разъ подвергался цензурной карѣ за свои обмолвки (ибо, какъ онъ писалъ: «удобнѣе связывать сторожамъ руки, чѣмъ излавливать разбойниковъ»). 13 окт. 1887 г. Г. скончался въ бѣдности и нуждѣ и

хотя похороненъ въ новодѣвичьемъ монастырѣ, но до послѣдняго времени не имѣлъ достойнаго могильнаго памятника.

Сборникъ сочиненій его изданъ въ двухъ томахъ (1899—1900 г.) К. П. Побѣдоносцевымъ. Первому тому предшествуетъ превосходная біографія, составленная кн. Н. Шаховскимъ (стр. I—LX). На чисто-богословскія темы здѣсь имѣются статьи: «О папѣ Формозѣ» (1 и 2 вып.; 1, стр. 1—74, напечатанъ въ Приб. Тв. Св. От., 1855 г., II, и 2—(о папѣ Формозѣ и латинскомъ перстосложеніи) въ «Прав. Соб.», 1863 г. 1, 2—31, 107—141), обширный разборъ «Сказанія о странствіи и путешествіи инока Парѳенія» (1, 144—188; напеч. ранѣе въ «Рус. Бес»., 1856 г., III), «Исторія Русской Церкви» еп. Макарія (1, 248—290, «Рус. Бес»., 1859, III), по поводу ст. Чистовича объ Арсеньѣ Мацѣевичѣ (II, 68—75, «День», 1861 г., № 16), «О надписи на антиминсахъ» (II, 148—157 въ Собр. Отз. и Мн. митр. Филар.) и т. д. По философіи: «Раціоналистическое движеніе философіи новыхъ временъ» (1, 301—365, «Рус. Бес.», 1859, 1), «Онтологія Гегеля» (1, 366—444, пис. 1846 г., напеч. «Вопр. Филос.», 1891 г., VIII,—X, XI). Не останавливаясь на перечисленіи статей по исторіи и политическимъ наукамъ, мы должны указать автобіографію *Г.-П.* «Изъ пережитаго» (М., 1886 г.), гдѣ представлена яркая, талантливая картина духовной среды и школы, какую прошелъ авторъ.

Въ личности Г.-П. на всемъ протяженіи его жизни, сохранились неизгладимыя черты убѣжденнаго и честнаго воспитанника духовной школы, который, оставивъ внѣшнимъ образомъ воспитавшую его среду, распространялъ идеи духовнаго, истиннаго образованія въ широкомъ кругу русскихъ читателей повременныхъ свѣтскихъ изданій и, стало быть, использовалъ данные ему таланты въ тѣхъ же видахъ, какъ и другіе учители духовной школы.

А. Завьяловъ.

ГИНКМАРЪ — имя двухъ извѣстныхъ прелатовъ. Изъ нихъ 1) Г. *реймскій* (род. ок. 806 г.; ум. въ дек. 882 г.) получилъ воспитаніе въ монастыряхъ С. Дени и Корвея; поступилъ ко двору въ царствованіе короля Людовика и добился самыхъ тѣсныхъ отношеній съ его сыномъ, королемъ Карломъ Лысымъ. На соборѣ вернейльскомъ (844 г.) король рекомендовалъ его на архіепископскую каѳедру Реймса, оставшуюся вакантной послѣ низложенія Эбо (835 г.); и въ слѣдующемъ году онъ былъ избранъ и посвященъ. Своимъ діоцезомъ онъ правилъ съ большою твердостью и вообще съ успѣхомъ поддерживалъ свой митрополитанскій авторитетъ надъ своими епископами суффраганами, даже предъ лицомъ папы; но, хотя онъ дѣйствительно былъ наиболѣе выдающимся представителемъ французской церкви, однако ему не удалось обезпечить себѣ приматство во Франціи; это достоинство было предоставлено архіепископу Ансегису сенскому. Замѣчательно то употребленіе, которое Г. дѣлалъ изъ Лже-Исидоровыхъ декреталій въ дѣлѣ своей администраціи. Онъ, очевидно, признавалъ ихъ подложность и сильно противодѣйствовалъ введенію этого новаго канон. права въ церковь, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, въ которыхъ эти декреталіи говорили въ его пользу; въ такихъ случаяхъ онъ и самъ ссылался на нихъ. Въ богословскомъ движеніи своего времени Г. также игралъ выдающуюся роль, хотя, какъ богословъ, не имѣлъ самобытности. Въ вопросѣ же о предопредѣленіи съ Готшалкомъ (см.) онъ стоялъ одиноко. Рабанъ измѣнилъ ему; Джонъ Скоттъ Эригена, Ратрамнъ, Пруденцій, Серватъ, Люпъ и др. высказались противъ него, но онъ никогда не отступался отъ своего мнѣнія. Въ вопросѣ же о пресуществленіи онъ стоялъ на сторонѣ Пасхазія Ратберта. Одно изъ его лучшихъ литературныхъ произведеній есть его «Анналы Реймса», продолженные Флодоардомъ. Незадолго до своей смерти онъ былъ изгнанъ изъ Реймса норманнами. Его творенія были изданы Сирмондомъ, Парижъ, 1645 г., и у Миня, Лат. Патр. **125**, **126**. — 2) **Г.** сдѣлался епископомъ лаонскимъ въ 858 г., благодаря содѣйствію своего дяди, Гинкмара реймскаго; но, дерзко противодѣйствуя королю, отказывая въ

повиновеніи своему митрополиту и, наконецъ, отлучая свой собственный капитулъ, онъ управлялъ своимъ діоцезомъ съ такимъ произволомъ, что былъ низложенъ соборомъ дузейскимъ (871 г.), хотя на немъ председательствовалъ его дядя. Король заключилъ его въ узы и подвергъ ослѣпленію. Напрасно о немъ ходатайствовалъ папа Адріанъ II. Іоаннъ VIII далъ ему позволеніе (872 г.) совершать мессу. Онъ умеръ въ 882 г. До насъ дошло нѣсколько изъ его писемъ, и они находятся въ Сирмондовомъ изданіи сочиненій Гинкмара реймскаго.

ГИНОВСКІЙ Яковъ Михайловичъ, происходя изъ дух. званія, окончилъ курсъ кіевской дух. академіи и въ 1789 г. поступилъ учителемъ еврейскаго и французскаго языковъ въ ту же академію; но въ 1794 г. оставилъ эту службу и поступилъ въ канцелярію святѣйшаго синода, гдѣ занималъ различныя должности и, наконецъ, былъ сдѣланъ секретаремъ, отъ каковой должности уволенъ 3 декабря 1833 г. 65 лѣтъ, съ чиномъ надворнаго совѣтника, пенсіей и мундиромъ, согласно собственному желанію, за преклонностію лѣтъ. Таковы скромныя формулярныя свѣдѣнія о человѣкѣ, съ именемъ котораго связано одно изъ важнѣйшихъ предпріятій по духовному вѣдомству — первая попытка изданія полнаго собранія дѣйствующихъ законоположеній по духовной части въ Россіи. Трудъ Г. подъ названіемъ: «Оглавленіе законамъ греко-россійскія церкви» былъ предпринятъ по личной его инниціативѣ, но затѣмъ получилъ нѣкоторую и оффиціальную окраску. Въ октябрѣ 1826 г. Г. обратился въ синодъ съ прошеніемъ, въ которомъ объяснилъ, что въ продолженіе своей службы въ синодѣ, занимаясь въ свободное отъ службы время собираніемъ узаконеній, до духовнаго управленія относящихся, онъ собралъ ихъ столько, что едва ли не всѣ. По его словамъ, въ составъ своего собранія онъ старался вносить только такія узаконенія, которыми нужно руководиться, такихъ же, которыя вовсе отмѣнены, или по другимъ учрежденіямъ особымъ получили измѣненіе, не помѣщалъ. Зная по опыту, какъ необходимо для дух. вѣдомства подобное полное собраніе законовъ, дѣйствующихъ въ этомъ вѣдомствѣ, Г. ходатайствовалъ о дозволеніи ему на его собственный счетъ напечатать это собраніе въ синодальной типографіи; при этомъ онъ представилъ первыя 3 части своего труда, прося «подвергнуть ихъ освидѣтельствованію въ канцеляріи свят. синода». Такое «освидѣтельствованіе» было поручено по распоряженію тогдашняго оберъ-прокурора свят. синода, князя С. Н. Мещерскаго, синодальнымъ секретарямъ Бейеру, Инсарскому и Серединскому, которые, обозрѣвъ 1-ю часть труда Г., нашли, что содержащіеся въ ней законы собраны и изложены вѣрно и для понятія достаточно и ясно; остальныя же двѣ части обѣщали разсмотрѣть въ непродолжительномъ времени. По доведеніи объ этомъ до свѣдѣнія свят. синода было постановлено: «дозволить Г. напечатать въ синодальной типографіи, на собственныя его средства, первую часть составленнаго имъ оглавленія законовъ россійской церкви, въ какомъ онъ пожелаетъ количествѣ экземпляровъ» (д. арх. св. синода, 1826 г., № 317). Въ «предувѣдомленіи» къ изданію этой 1-й части своего труда, Г. такъ объясняетъ побужденія, задачу и цѣль своей работы: «Собраніе законовъ по свѣтской части давно уже издано въ свѣтъ во всемъ ихъ пространствѣ подъ разными заглавіями; по духовной же части не только таковаго собранія законовъ, но ниже реестровъ онымъ доселѣ издано не было. Всякъ, служащій по дух. вѣдомству, крайне затрудняясь по случающимся дѣламъ въ примѣненіи духовныхъ узаконеній, для отвращенія напрасной въ томъ траты времени и медленности въ производствѣ дѣлъ, принужденъ имѣть у себя нѣкоторыя изъ оныхъ выписки, при составленіи коихъ, а паче при перепискѣ оныхъ другъ у друга допущены бываютъ ошибки не только въ мѣсяцахъ и числахъ состоянія указовъ, но даже въ годахъ, и потому таковое пособіе производитъ одну лишь въ вѣрности

запутанность и большое затрудненіе въ случаѣ измѣненія въ архивныхъ дѣлахъ самыхъ законовъ. При томъ многіе изъ священно-церковно-служителей, по неимѣнію еще каноническаго права, часто по важнымъ дѣламъ безъ всякаго умысла подлежатъ суду, извиняясь тѣмъ, что такихъ-то и такихъ указовъ, которые св. синодомъ предписано имѣть имъ при церквахъ для прочитыванія въ предосторожность, нѣтъ при ихъ церкви, и они ихъ не читали, а потому не знаютъ, или же вообще не знаютъ законовъ, каковое извиненіе не вмѣняется въ оправданіе. Всѣ сіи уваженія и желаніе употребить въ пользу свободныя отъ должности минуты побудили составителя собрать узаконенія, до дух. управленія относящіяся. Занимаясь таковымъ трудомъ съ 1794 г., мало по малу, тѣмъ съ большею надеждою, что по мѣсту службы онъ имѣлъ возможность почерпать узаконенія изъ самыхъ источниковъ, собралъ оныя и въ 1811 г. предполагалъ составить сводъ оныхъ, по примѣру вышедшаго въ свѣтъ систематическаго свода россійскихъ узаконеній во всемъ ихъ пространствѣ. Но принявъ въ соображеніе, что такое изданіе потребуетъ значительныхъ затратъ, которыя увеличатъ и цѣну изданія, сдѣлавъ ее обременительною для священно-церковнослужителей при пріобрѣтеніи книги, издатель вмѣсто этого составилъ изъ оныхъ узаконеній подробное и обстоятельное оглавленіе, раздѣливъ оное на шесть частей, съ мыслію сдѣлать такимъ образомъ трудъ свой полезнымъ, хотя для неопытныхъ въ церковномъ законовѣдѣніи». Въ изданную съ этимъ «предъувѣдомленіемъ» первую часть «оглавленія» вошли расположенныя въ 6 отдѣленіяхъ слѣдующія узаконенія: 1) о законовѣдѣніи церковномъ; 2) о православной вѣрѣ; 3) о таинствахъ; 4) о бракахъ; 5) о священныхъ обрядахъ и 6) о погребеніи мертвыхъ. Весь матеріалъ этихъ отдѣловъ заимствованъ издателемъ изъ: а) апост. правилъ, правилъ соборовъ всел. и помѣстн., законовъ визант. императоровъ, въ Кормчей напечатанныхъ; б) устава и правилъ церковныхъ; в) Высочайшихъ указовъ всероссійскихъ Государей; г) правилъ собора 1667 г., въ Д. Регламентѣ упоминаемаго; д) опредѣленій россійскихъ патріарховъ; е) Д. Регламента и ж) опредѣленій всероссійскаго Синода. Книга Г., вышедшая въ октябрѣ 1827 г., вызвала жестокую критику митр. московскаго Филарета, который «въ предупрежденіе неблагопріятныхъ и съ общею пользою несообразныхъ послѣдствій» счелъ своимъ долгомъ представить на усмотрѣніе свят. синода цѣлый рядъ соображеній о неудобствѣ выхода этого изданія и именно съ разрѣшенія св. синода. Начавъ свои замѣчанія съ самаго названія книги, митр. Филаретъ нашелъ его неправильнымъ въ томъ отношеніи, что у церкви есть правила, а у государства — законы. Останавливаясь затѣмъ на мысли «предувѣдомленія» о томъ, что многіе священно и церковно-служители по незнанію законовъ подпадаютъ суду, высокій критикъ находитъ это «извѣтомъ» со стороны составителя, сдѣланнымъ необдуманно, такъ какъ «въ каждой церкви и въ рукахъ у каждаго церковника есть Кормчая, Номоканонъ при Б. Требникѣ и краткая выписка при катехизисѣ изъ правилъ церковныхъ и Д Регламента», и, слѣдовательно, духовенство вовсе не въ такомъ темномъ и печальномъ положеніи, какъ кажется составителю «оглавленія». Переходя къ самому содержанію сборника, митр. Филаретъ указываетъ недостатки въ соблюденіи надлежащаго расположенія матеріаловъ, въ сбивчивости понятій, имѣющей послѣдствіемъ смѣшеніе догматовъ вѣры съ правилами церковными, имѣющими характеръ внѣшній, и т. п. Такъ, наприм., отдѣленіе 1-е трактуетъ о законоположеніяхъ церковныхъ, а въ отд. II-мъ гл. 2 говоритъ о церковныхъ законахъ или правилахъ, т. е. одинъ и тотъ же предметъ трактуется въ разныхъ мѣстахъ «съ неудобствомъ для пріисканія закона». Отд. II-е говоритъ о православной вѣрѣ, а въ части 1-й идетъ рѣчь о греко российской вѣрѣ — два заглавія, показывающія сбивчивость понятій и непорядокъ. Отд. III-е посвящено таин-

ствамъ, а отд. IV-е говоритъ о бракахъ — сбивчивость, противная и логикѣ и догматическому богословію въ томъ, что бракъ, будучи исключенъ изъ статьи о таинствахъ, тѣмъ самымъ исключенъ изъ числа таинствъ. Отд. V-е говоритъ о священныхъ обрядахъ, а въ ч. 2-й помѣщена литургія — ошибка догматическая, исключающая литургію изъ числа таинствъ и поставляющая ее въ число обрядовъ. Далѣе, — отдѣленіе VI посвящено погребенію мертвыхъ — новая сбивчивость, будто погребеніе мертвыхъ не принадлежитъ къ числу священныхъ обрядовъ. Стараясь ясно показать, какъ сбивчиво расположена книга и какъ неудобно ею пользоваться, митр. Филаретъ, между прочимъ, останавливается на слѣдующемъ: «Въ книгѣ есть положеніе траура по мужѣ — срокъ одинъ годъ. Гдѣ же сіе положеніе? Не думаетъ ли кто, что въ отдѣленіи VI о погребеніи умершихъ? Отнюдь нѣтъ! Оно находится въ отдѣленіи о бракахъ, въ главѣ объ обрученіи». Остановившись въ заключеніе на неточности и неправильности выраженій при изложеніи законовъ, митр. Филаретъ закончилъ свои возраженія такъ: «думаю, что и этихъ примѣровъ довольно для обращенія на книгу вниманія свят. синода». Однако свят. синодъ почему-то не обратилъ желаемаго митр. Филаретомъ «вниманія» на трудъ Г. и въ 1828 г. дозволилъ ему напечатать въ синодальной типографіи и 2-ю часть его «оглавленія», раздѣляющуюся на слѣдующія 5 частей: а) о церквахъ вообще и молитвенныхъ домахъ; б) о священныхъ принадлежностяхъ храмовъ; в) о церквахъ соборныхъ разныхъ наименованій; г) о монастыряхъ, лаврахъ и пустыняхъ разныхъ наименованій, московскомъ синодальномъ домѣ и д) объ имуществѣ церковномъ и монастырскомъ. Появленіе и этой книги побудило митр. Филарета вновь представить свят. синоду, какъ прежнія, такъ и новыя свои возраженія противъ труда Г. Второе свое возраженіе митр. Филаретъ заключилъ такъ: «Книга сія не знаетъ различія между закономъ и распоряженіемъ, между постановленіемъ Высочайше утвержденнымъ и между случайнымъ предложеніемъ свят. синода, между неопредѣленными понятіями гражданскими и ученіемъ церковнымъ и догматическимъ, которое съ особенною точностію должно быть соблюдено въ книгѣ, которая выходитъ въ свѣтъ отъ свят. синода и которой, слѣдовательно, безпорядки и погрѣшности уничтожали бы достоинство св. синода, и, конечно, произвели бы болѣе вреда, нежели ошибка книги, пропущенной обыкновенною цензурою». Къ этому митр. присоединялъ особенно подчеркиваемое имъ обстоятельство, что книга выходитъ съ разрѣшенія св. синода, а между тѣмъ не были разсматриваемы ни кѣмъ-либо изъ членовъ св. синода, ни цензурою. На этотъ разъ замѣчанія митр. Филарета имѣли успѣхъ: св. синодъ рѣшилъ пересмотрѣть трудъ Г. въ полномъ объемѣ, руководясь замѣчаніями митр. Филарета, что и поручено было преосвященнымъ Григорію, архіепископу рязанскому, а послѣ — митрополиту с.-петербургскому, и Владиміру, епископу курскому; печатаніе же было пріостановлено, а напечатанныя книги приказано хранить «въ удобномъ мѣстѣ за казенною печатью, впредь до разрѣшенія», вмѣстѣ съ тѣмъ отъ Г. былъ потребованъ «полный реестръ, сколько экземпляровъ, куда именно и на какую сумму разослано имъ изъ напечатанныхъ первыхъ двухъ частей его книги». Вскорѣ св. синоду былъ представленъ отзывъ упомянутыхъ двухъ лицъ о недостаткахъ и остальныхъ частей труда Г., почему они и остались въ рукописи, не будучи разрѣшены къ печати. Содержаніе ихъ таково: Первая изъ нихъ (3-я по общему счету), подъ общимъ заглавіемъ: «о дух. чинѣ, правахъ и обязанностяхъ онаго», распадаясь на 5 отдѣленій, содержитъ постановленія: 1) о Свят. Правит. Синодѣ; 2) объ архіереяхъ и епархіяхъ; 3) о бѣломъ духовенствѣ и церк. причтѣ; 4) о духовенствѣ армейскомъ и флотскомъ и 5) о монахахъ и послушникахъ. Каждое изъ этихъ отдѣленій имѣетъ свои подраздѣленія на главы, которыя излагаютъ тѣ или другія постановленія съ

указаніемъ на источники. Четвертая (по общему счету) часть, озаглавляясь: «о мѣстахъ и заведеніяхъ духовнаго вѣдомства», трактуетъ: 1) о духовныхъ училищахъ; 2) о типографіяхъ духовныхъ и 3) о богадѣльняхъ и больницахъ. Пятая и послѣдняя часть подъ общимъ заглавіемъ «о управленіи судебной части», заключаетъ постановленія: 1) о судебныхъ мѣстахъ, властяхъ, чиновникахъ и прочихъ канцелярскихъ служителяхъ; 2) о властяхъ и начальникахъ; 3) о канцелярскихъ чиновникахъ и служителяхъ; 4) о судѣ, судебныхъ дѣлахъ и обрядѣ судопроизводства; 5) о законопротивныхъ и непозволительныхъ поступкахъ, преступныхъ происшествіяхъ, пьянствѣ и безчиніи въ церкви; 6) объ ересяхъ, отступничествѣ и заблужденіяхъ разнаго рода и 7) о духовныхъ епитиміяхъ, штрафахъ и взысканіяхъ. Таково общее содержаніе громаднаго труда Г., являющагося плодомъ его свыше 30-тилѣтнихъ усилій по отысканію и приведенію въ систему многоразличныхъ постановленій по духовному вѣдомству,— усилій тѣмъ болѣе почтенныхъ, что они были предприняты на личный страхъ и исполнены составителемъ безъ всякой посторонней помощи. Конечно, трудъ этотъ страдаетъ и отсутствіемъ правильно выработанной системы и сбивчивостію самыхъ опредѣленій, быть можетъ, даже неточностію терминологіи, каковыми недостатками, какъ указано выше, и воспользовался мптр. Филаретъ въ своихъ возраженіяхъ; но по времени своего появленія и по громадному собранному матеріалу, онъ имѣетъ несомнѣнное значеніе даже въ настоящее время для всякаго, кто пожелалъ бы ознакомиться съ ходомъ развитія нашего законодательства по вопросамъ церковнымъ. Поэтому нельзя не пожалѣть, что трудъ этотъ, начатый при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ, на глазахъ, такъ сказать, свят. синода, не встрѣтилъ болѣе радушнаго къ себѣ отношенія и надлежащаго вниманія. Быть можетъ, по исправленіи замѣченныхъ недостатковъ, надлежащемъ дополненіи и упорядоченіи системы, его можно было издать подъ другимъ, болѣе удачнымъ заглавіемъ, и тогда мы имѣли бы, вмѣсто массы наполненныхъ всевозможными недостатками частныхъ руководственныхъ книгъ для духовенства, полное собраніе дѣйствующихъ по дух. вѣдомству законовъ и правилъ и при томъ собраніе съ характеромъ оффиціальнымъ.

Литература: Дѣла Архива Свят. Синода; мптр. *Филаретъ*, Собраніе мнѣній и отзывовъ; проф. *Т. В. Барсовъ*, О собраніи законовъ, Спб., 1898 г., стр. 4—12.

Н. М.

ГИРКАНЪ—имя двухъ представителей Асмонейскаго дома. Изъ нихъ 1) **Гирканъ I**, царь и первосвященникъ іудейскій; ум. въ 105 г. до Р. Хр. Сынъ Симона Маккавея, онъ, по умерщвленіи своего отца и двухъ братьевъ, сдѣлался наслѣдникомъ этихъ двухъ высшихъ достоинствъ въ своемъ народѣ (135 г. до Р. Хр.). Послѣ смерти Птоломея (128 г. до Р. Хр.), онъ расширилъ свою власть на Самарію и Идумею и укрѣпилъ свой престолъ договоромъ съ римлянами. Въ послѣдніе годы его царствованія сталъ обнаруживаться антагонизмъ между фарисеями и саддукеями. Г., слѣдуя традиціямъ своего дома, склонялся въ пользу первыхъ (*I. Флавій*, Древности, **13**, 10, 5), пока они не потребовали отреченія его отъ первосвященнической должности, и онъ перешелъ на сторону саддукеевъ. Шюреръ говоритъ о его царствованіи, что «оно было самымъ славнымъ, какое только Израиль видѣлъ со временъ Соломона». 2) **Гирканъ II**, внукъ Гиркана I и первосвященникъ іудейскій, былъ казненъ въ 30 г. до Р. Хр. Это былъ человѣкъ слабаго характера, легко поддававшійся обманамъ и служившій слѣпымъ орудіемъ въ рукахъ другихъ въ теченіе сорока лѣтъ. По смерти его матери Александры (въ 69 г. до Р. Хр.), наслѣдовавшей престолъ по смерти своего мужа (78 г. до Р. Хр.), его младшій братъ оспаривалъ у него права наслѣдства силой оружія, разбилъ его и принудилъ отказаться не только отъ царскаго достоинства, но даже и отъ первосвященства, въ которое онъ былъ возведенъ по смерти своего отца. Хитрый и честолюбивый Антипатръ, основатель Иродова дома, однако заста-

вилъ его раскаяться въ своемъ дѣйствіи, и онъ, ночью бѣжавъ изъ Іерусалима, отправился въ Петру. Когда Помпей подступилъ къ Дамаску (64 г. до Р. Хр.), онъ искалъ у него милости, и въ слѣдующемъ году ему возвращено было первосвященство. Въ этой должности онъ былъ утвержденъ Цезаремъ (47 г. до Р. Хр.) и получилъ номинальную гражданскую юрисдикцію рядомъ съ Антипатромъ, прокураторомъ Іудеи. Когда парѳяне произвели набѣгъ на страну и разграбили Іерусалимъ (40 г. до Р. Хр.), они взяли Г. въ плѣнъ, отрѣзали ему уши, чтобы навсегда сдѣлать его неспособнымъ къ занятію первосвященства, поставили въ эту должность его сына Антигона и увели его въ плѣнъ. Онъ возвратился въ Іерусалимъ въ 36 г. до Р. Хр., но преданъ былъ смерти Иродомъ Великимъ, который женился на его прекрасной дочери Маріаннѣ, съ цѣлью устранить всякую возможность признанія за нимъ царскихъ правъ со стороны римлянъ и уничтожить вліяніе Асмонейскаго имени на своихъ подданныхъ іудеевъ. См. у *Шюрера*, «Исторія іуд. народа въ вѣкъ І. Христа» 3-е изд., т. I, стр. 287, 290—301, 338—354 и сл. См. также статью «Маккавеи».

ГИРШАУ или **ГИРСАУ**—бенедиктинскій монастырь, въ діоцезѣ шпейерскомъ, теперь разрушенный, но нѣкогда весьма знаменитый, былъ основанъ въ 830 г. графомъ Эрлафридомъ кальвійскимъ и его сыномъ, епископомъ Ноттингеномъ верчельскимъ. Первые монахи прибыли изъ Фульды, принеся съ собою сѣмена учености, но всевозможныя внутреннія разногласія, алчность графовъ кальвійскихъ и чума окончательно разрушили это учрежденіе. Въ теченіе полустолѣтія монастырь стоялъ пустымъ, пока Левъ IX (1049 г.) не понудилъ графовъ кальвійскихъ возстановить зданіе и вновь дать жизнь учрежденію. Своимъ новымъ аббатомъ, Вильгельмомъ Блаженнымъ (1069 — 91 г.) онъ былъ опять приведенъ въ весьма цвѣтущее состояніе, и его уставъ, составляющій близкое подражаніе уставу клунійскому, оказалъ вообще весьма сильное вліяніе на другіе нѣмецкіе монастыри. Во время реформаціи онъ былъ преобразованъ въ богословскую семинарію, и въ 1692 г. разрушенъ французами. Исторія его написана *Триттенгеймомъ*, аббатомъ шпангеймскимъ († 1516 г.), «Хроника» котораго была напечатана въ Базелѣ, 1559 г., и «Анналы» въ Сен-Галлѣ, 1690 г.

ГИРШЕРЪ Іоганъ Баптистъ—римско-кат. богословъ (род. въ Вюртембергѣ, 1778 г.; ум. въ Фрейбургѣ, 1865 г.), состоялъ профессоромъ нравственнаго и практическаго богословія въ Тюбингенѣ (1817 г.) и Фрейбургѣ (1837 г.), но въ 1863 г. удалился въ частную жизнь. Будучи человѣкомъ примирительнаго направленія, онъ принадлежалъ къ преобразовательной партіи въ римско-кат. церкви, и принималъ дѣятельное участіе въ общественной жизни. Изъ его сочиненій наиболѣе извѣстны: «Христ. мораль», въ 3 томахъ (5 изд.); «Катехетика» (4 изд.), «Кат. ученіе объ индульгенціяхъ» (5 изд.) и др. Нѣкоторыя изъ его книгъ, какъ напр. «О мессѣ» (1821 г.), «Церковное состояніе настоящаго времени» (1849 г.), и проч., были занесены въ «индексъ» запрещенныхъ книгъ, и онъ принесъ раскаяніе въ нихъ, подчинившись приговору конгрегаціи.

ГИСТАСПЪ или **ГИДАСПЪ**. Среди христіанъ въ первомъ вѣкѣ ходило пророческо-апокалипсическая книга, которая представляла собою, будто бы, творенія персидскаго или мидійскаго мудреца и царя Г., и содержала пророчество о Христѣ и Его царствѣ. Это было одно изъ тѣхъ лже-эпиграфическихъ сочиненій, которыя въ то время появлялись въ большомъ числѣ, въ различныхъ видахъ, съ апологетической цѣлью. Вообще они приписывались какому-нибудь лицу Ветхаго Завѣта. Съ проникновеніемъ христіанства въ языческій міръ, дѣлалась попытка не только истолковывать дѣйствительныя изреченія древнихъ языческихъ мудрецовъ и поэтовъ въ христіанскомъ смыслѣ, но и сочинять языческія пророчества о христіанствѣ. Самымъ замѣчательнымъ произведеніемъ этого рода были такъ называемыя Сивиллины книги, которыми много пользовались апологеты и отцы церкви

отъ II до IV вѣка; къ числу ихъ принадлежатъ и «Пророчества Гистаспа» (Vaticinnia Hystaspis). Объ этой книгѣ упоминаютъ трое древнихъ писателей— Іустинъ (Apol. 1, 20,44), Климентъ Александрійскій (Strom. 5, 6, 43) и Лактанцій (Instit. div. 7, 15, 18; Epistom. 2, 69). Объ авторѣ Іустинъ и Климентъ ничего не говорятъ, но Лактанцій прибавляетъ, что это былъ древній мидійскій царь, жившій до Троянской войны. Несмотря на хронологическую путаницу, Лактанцій, повидимому, разумѣетъ здѣсь отца царя Дарія I, о которомъ Аммiанъ Марцеллинъ (23, 6) говоритъ, что онъ научился многой мудрости и многимъ тайнамъ отъ браминовъ Индіи, и въ свою очередь самъ ихъ научилъ магіи. Кіаѳій, визант. историкъ VI вѣка, говоритъ (Hist. 2, 24) о Г., какъ о современникѣ Зороастра, не рѣшая вопроса, былъ ли онъ или нѣтъ одно и то же лицо съ отцомъ Дарія. Очевидно, здѣсь мы встрѣчаемся съ слѣдами персидскихъ миѳовъ о бактрійскомъ царѣ Вистаспѣили Г., современникѣ Зороастра, и можно съ увѣренностью предполагать, что «Пророчества Г.» основаны были на персидскихъ воспоминаніяхъ, хотя дошедшіе до насъ скудные отрывки книги не позволяютъ составить опредѣленнаго мнѣнія о ея формѣ, содержаніи или цѣли.

См. у *Вальха*, De Hystaspae въ Comment. Societ., Götting. II, 1779, *Шюреръ*, Ист. іуд. пар., 3-е изд. III т., 450—453, а особенно въ Oracula Sibyllinal, изд. Парижъ, 1856 г., и Geffcken'a (Берлинъ 1902) II, 257.

ГИТЦИГЪ Фердинандъ — ученый экзегетъ и критикъ Ветхаго Завѣта. Сынъ раціоналистическаго проповѣдника (род. въ Баденѣ, 1807 г.; ум. въ Гейдельбергѣ, 1875 г.). онъ изучалъ богословіе въ Гейдельбергѣ подъ руководствомъ Павлюса, въ Галле подъ руководствомъ Гезеніуса, въ Гэттингенѣ подъ руководствомъ Эвальда, которому посвятилъ своего «Исаію», какъ «основателю новой науки еврейскаго языка и ветхозавѣтной экзегетики». Въ 1830 г. онъ сдѣлался доцентомъ въ Гейдельбергѣ и въ 1832 г. былъ приглашенъ въ Цюрихъ, гдѣ оставался до 1861 г., когда былъ избранъ преемникомъ Умбрейта въ Гейдельбергѣ. Въ Цюрихѣ Г. публично высказался въ пользу приглашенія Штрауса. Это былъ человѣкъ, съ одной стороны, безъ страха и лицемѣрія, съ другой — безъ полемическаго темперамента и казуистическаго остроумія. Въ сущности онъ былъ человѣкъ благочестиво натуры и не только любилъ Ветхій Завѣтъ, но и старался служить царству Божію своими изслѣдованіями. Онъ пользовался уваженіемъ своихъ коллегъ и друзей, и въ этомъ отношеніи не лишены значенія слова Кейма, сказанныя имъ въ посвященіи своей «Исторіи Іисуса Назаретскаго»: «памяти Ф. Г., честнаго человѣка безъ страха, вѣрнаго друга безъ обмана, гордости Цюриха и Гейдельберга, смѣлому и неутомимому созидателю библейской науки». Какъ экзегетъ и критикъ, Г. отличался неутомимостью, проницательностью, непоколебимой любовью къ истинѣ и основательной ученостью. Онъ усердно работалъ въ области текстуальной критики, но многія изъ его положеній не выдерживаютъ критики. Лучшее его сочиненіе есть «Комментарій на пророка Исаію». Нельзя не согласиться, что переводъ обнаруживаетъ руку мастера, но вмѣстѣ съ тѣмъ нельзя не пожалѣть о томъ, что автору не удается понять религіозный духъ пророка, и онъ вмѣсто того, чтобы держаться естественнаго смысла, старается отыскивать самое неправдоподобное. Это особенно нужно сказать о второй части «Псалмовъ» (Гейдельбергъ, новое дополн. изд. 1863—65 г.), гдѣ авторъ, съ полною серьезностью не только относитъ большую часть псалмовъ за вѣкъ до Рождества Христова, но и излагаетъ обстоятельства, при которыхъ каждый псаломъ былъ написанъ, съ такою точностью, какъ будто и въ самомъ дѣлѣ есть для этого какія-нибудь точныя данныя. Въ 1869—70 г. вышла въ свѣтъ его «Исторія народа Израильскаго», доведенная до 72 г. до Р. Х. Книга, по обычаю, изобилуетъ многочисленными произвольными предположеніями. Странствованіе въ пустынѣ, напр., онъ ограничиваетъ всего только четырьмя годами. Вообще Г. выска-

зывалъ много смѣлыхъ предположеній и тамъ, гдѣ въ нихъ не было никакой надобности. То, что воспрепятствовало этому даровитому и любящему истину изслѣдователю сдѣлаться замѣчательнымъ экзегетомъ и надежнымъ историкомъ, это былъ недостатокъ того, что можно назвать здравымъ смысломъ. Эвальдъ совершенно справедливо жаловался, что Г. сдѣлалъ то, что есть наиболѣе прекраснаго и нѣжнаго въ Пѣсни Пѣсней Соломона, непріятнымъ и отталкивающимъ. Но, несмотря на это, онъ всегда будетъ занимать видное мѣсто среди своихъ современниковъ, и его сочиненія долго будутъ служить источникомъ полезнаго изученія для многихъ.

Кромѣ уже упомянутыхъ сочиненій, Г. написалъ: «Понятіе критики, практически объясненное изъ Ветхаго Завѣта» (Гейдельбергъ, 1831 г.); Комментаріи на Іеремію (1841 г., 2-е изд. 1866 г.), Іезекіиля (1847 г.), Экклесіастъ (1847 г.), Даніила (1850 г.), Пѣснь Пѣсней (1855 г.), Притчи (Цюрихъ, 1858 г.), Малыхъ Пророковъ (3 е изд. 1863 г.), Іова (Гейдельбергъ, 1874 г.). Онъ также писалъ и по Новому Завѣту: «Іоаннъ Маркъ и его творенія» (Цюрихъ, 1843 г.); «Къ критикѣ Павловыхъ Посланій» (Лейпцигъ, 1870 г.); «Пасха и Пятидесятница,—къ хронологіи Ветхаго и Новаго Завѣта» (Гейдельбергъ, 1838 г.): «Надгробная надпись Дарія» (Цюрихъ, 1840 г.); «Библейское богословіе и мессіанскія пророчества» (изд. Кнейкеромъ, Карлсруэ, 1880 г.), и проч. Г. также былъ сотрудникомъ «Библейскаго Лексикона» Шенкеля и многихъ журналовъ.

ГЛАГОЛЕВЪ Сергѣй Серг. — докторъ богословія, ординарный профессоръ московской духовной академіи по каѳедрѣ «Введенія въ кругъ богословскихъ наукъ». Высшее образованіе получилъ въ московской духовной академіи, гдѣ кончилъ курсъ въ 1889 г. со степенью кандидата богословія и съ правомъ на исканіе степени магистра богословія безъ новыхъ устныхъ испытаній. Какъ блестяще кончившій (вторымъ) курсъ богосл. наукъ, онъ былъ оставленъ на годъ при академіи и занимался естествознаніемъ при моск. университетѣ, въ качествѣ профессорскаго стипендіата; по прошествіи же года—въ 1890 г. назначенъ преподавателемъ въ вологодскую духовную семинарію, гдѣ пробылъ только до 1892 г., когда былъ удостоенъ званія исполняющаго должн. доцента московской дух. академіи по каѳедрѣ Введенія въ кругъ богословскихъ наукъ. Въ 1894 г. защищалъ диссертацію: «О происхожденіи и первобытномъ состояніи рода человѣческаго»; хотя защита прошла вполнѣ удовлетворительно и диссертація заслужила въ общемъ одобреніе со стороны рецензентовъ, однако же, въ виду высказанныхъ однимъ изъ нихъ замѣчаній о необходимости болѣе точныхъ способовъ выраженія въ нѣкоторыхъ случаяхъ для установленія болѣе правомыслящихъ воззрѣній, св. синодъ предварительно утвержденія магистранта въ искомой степени поручилъ его диссертацію на прочтеніе преосвященному Анастасію, епископу воронежскому, и только въ 1896 г., согласно съ отзывомъ преосвященнаго рецензента, утвердилъ въ этой степени («Журн. сов. моск. дух. акад.» 1894 г., ср. 1896 г., стр. 223—224). Въ 1896 г. Г. удостоенъ былъ сначала званія доцента акад., а затѣмъ и экстраординарнаго профессора. Уже будучи на каѳедрѣ Введенія въ кругъ богословскихъ наукъ, онъ для пополненія своего образованія ѣздилъ заграницу.

Изъ литературныхъ трудовъ проф. С. Глаголева—прежде всего заслуживаетъ вниманія магистерская диссертація «О происхожденіи и первобытномъ состояніи рода человѣческаго» (Москва, 1894 г.). Сочиненіе это носитъ характеръ полемическій; направлено противъ теоріи Ч. Дарвина. Какъ свои собственныя разсужденія авторъ обосновываетъ путемъ естественно - научнымъ, на фактахъ, такъ и опроверженію подвергаетъ преимущественно фактическіе доводы дарвинистовъ въ пользу ихъ теоріи, а не обобщенія только; причемъ съ своей стороны авторъ приводитъ новые многочисленные факты, направляющіе мысль къ выводамъ противоположнымъ дарвинизму. «Въ 17 главахъ своей

огромной диссертаціи авторъ погружается то въ область геологическую, зоологическую и антропологическую, то физіологическую и анатомическую, то археологическую и историческую, то, наконецъ, чисто богословскую, экзегетическую», почерпая отовсюду нужный ему богатый матеріалъ. «И сдѣланнаго авторомъ вполнѣ достаточно, чтобы непредубѣжденный читатель могъ усмотрѣть, что ученіе о родствѣ между человѣкомъ и обезьной основывается и поддерживается не фактами и законами мысли, а матеріалистическими предубѣжденіями эпохи. Отрадное впечатлѣніе производитъ и то обстоятельство, что мысль автора направлена очень твердо и совершенно чужда того неодобрительнаго преклоненія предъ самозванными авторитетами ложнаго естествознанія, въ коемъ, къ сожалѣнію, повинны столь многіе апологеты религіи, особенно изъ протестантовъ». (Изъ отзыва [архим.] Антонія, рект. моск. дух. акад., Журн. Совѣта на 1894 г., засѣд. 4 іюня). — Кромѣ диссертаціи г. Г. извѣстенъ и другими литературными трудами, каковы: «Религія, какъ предметъ изученія» («Богосл. Вѣстн.», 1897 г., отд. оттискъ, Москва, 1898 г.);— «Протоіерей Ѳеодоръ Александровичъ Голубинскій, какъ православно-христіанскій философъ («Вѣра и Раз.», 1898 г., II), «Гаданія ученыхъ о происхожденіи міра» (ib., 1896, т. XI, отдѣльн. оттискъ, Харьковъ, 1898 г.); «Больной цѣлитель» (о Шлаттерѣ) («Богосл. Вѣстн.», 1896 г., отдѣльн. отт., Серг. Пос., 1896 г.); «Запретныя идеи» (ib., 1896 г., отд. отт., Москва, 1897 г.); «Секція по наукамъ о религіи на третьемъ международномъ конгрессѣ римско - католическихъ ученыхъ» (ib., 1896 г.); «Новыя вѣянія въ области естествознанія» (ib., 1896 г.); «Мнимое открытіе» (ib., 1896 г.); «Астрономія и богословіе» (ib., 1897 г. IX—X); «Конецъ земли» (ib.); «Протоіерей Ѳеодоръ Александровичъ Голубинскій» (Его жизнь и дѣятельность) (ib., 1897 г., XII); «Происхожденіе жизни» («Христ. Чтен.», 1898 г., II—X); «Протестантское богословіе на театральной сценѣ» (письмо изъ Берлина по поводу трагедіи «Іоаннъ Креститель» Зудермана) («Христ. Чт.», 1898 г., I—III); «Религія, какъ предметъ изученія въ Парижѣ» (ib., VIII) и др. Кромѣ того, проф. С. Г. принадлежатъ многія статьи въ отдѣлѣ критики и библіографіи «Богословскаго Вѣстника». Таковы напрям.,—«Новая книга по психологіи животныхъ» Хэдсонъ (Hudson); «Анализъ вселенной въ ея элементахъ», Густава Афольфа Гирна; «Всемірный потопъ», проф. Неймайръ, «Исторія земли», перев. подъ ред. проф. Иностранцева (1898 г., VI) и др. Въ самое послѣднее время проф. Г. помѣщены статьи въ «Вѣрѣ и Раз.» 1900 г. (VI): «Естественное богопознаніе»:—докторская диссертація, доставившая автору отъ синода и половинную макаріевскую премію; въ «Бог. Вѣстн.» 1900 г. (IX); «Очерки по исторіи религіи»; въ «Чт. въ общ. любит. духовн. просв.» ему принадлежитъ также нѣсколько статей, каковы: «Древность человѣка»; «Антропологическая проблема въ настоящее время» и др. Наконецъ, ему принадлежитъ много статей и въ «Православной Богословской Энциклопедіи». Вообще это одинъ изъ самыхъ плодовитыхъ писателей-богослововъ нашего времени, и наша богословская наука имѣетъ всѣ основанія ожидать отъ него многаго въ будущемъ.

ГЛАГОЛЕВЪ Димитрій Сергѣевичъ— священникъ, магистръ богословія. Сынъ протоіерея г. Крапивны, тульской губ., образованіе получилъ въ тульской духовной семинаріи и завершилъ въ московской духовной академіи, гдѣ кончилъ курсъ въ 1888 г. со степенью кандидата богословія и съ правомъ при исканіи магистерской степени не держать новыхъ устныхъ испытаній. Въ томъ же 1888 г.—былъ назначенъ въ пермскую духовную семинарію преподавателемъ гомилетики и соединенныхъ съ нею предметовъ и занялъ также мѣсто преподавателя нѣмецкаго языка; въ 1891 г. перешелъ во владимірскую духовную семинарію преподавателемъ практическихъ богословскихъ предметовъ, а черезъ нѣсколько времени (въ томъ же году) былъ назначенъ инспекторомъ классовъ и законоучителемъ тульскаго епархіальнаго женскаго училища, въ каковыхъ долж-

ностяхъ состоитъ и до настоящаго времени. Въ 1892 г. былъ посвященъ во священника. — Кромѣ указанныхъ прямыхъ обязанностей, о. Г. въ 1893 г. состоитъ членомъ тульскаго епархіальнаго училищнаго совѣта, съ 1897 г. — предсѣдателемъ совѣта тульскаго епархіальнаго іоанно-предтеченскаго братства и съ того же 1897 г.—членомъ тульскаго археологическаго товарищества. Степень магистра богословія получилъ въ 1893 г., послѣ защиты установленнымъ порядкомъ особой диссертаціи на тему: «Второе великое путешествіе св. Апостола Павла (Дѣян. **15**, 40 — **18**, 22). Опытъ историко-экзегетическаго изслѣдованія». Тула, 1893 г. Въ сочиненіи этомъ о. Глаголевъ даетъ не столько простое описаніе великаго втораго путешествія св. апостола, сколько описаніе миссіонерской дѣятельности его въ это путешествіе: когда, откуда, куда шелъ св. Павелъ—авторъ не описываетъ подробно, но онъ останавливаетъ вниманіе на томъ, что сдѣлано апостоломъ для распространенія вѣры Христовой въ мѣстахъ его пребыванія. Для своей цѣли «авторъ тщательно изучилъ и основательно воспользовался не только всѣми наилучшими экзегетическими пособіями какъ древнихъ авторитетныхъ толкователей церковныхъ, такъ и новѣйшихъ иностранныхъ, но и спеціальными изслѣдованіями по исторіи апостольскаго вѣка, по древней исторіи, географіи, этнографіи, религіи, археологіи, хронологіи, причемъ наиболѣе важныя и основныя даты провѣрены авторомъ по первоисточникамъ. Кромѣ того, авторъ изучилъ не только посланія св. апостола Павла, имѣющія отношенія къ данному путешествію апостола, но и лучшіе, древніе и новые, экзегетическіе и исагогическіе труды, касающіеся этихъ посланій». Въ результатѣ такихъ трудовъ автора получился «подробный и обширный (стр. 784) богословскій, историческій, филологическій, археологическій и географическій комментарій на Дѣян. **15**, 40 — **18**, 22», представляющій «весьма серьезное и всестороннее изслѣдованіе даннаго предмета». Спеціальными работами различныхъ инославныхъ ученыхъ по этому предмету авторъ пользовался крайне осмотрительно и осторожно: весь добытый оттуда обширный научный матеріалъ «тщательно провѣренъ и—гдѣ была надобность—самостоятельно переработанъ православнымъ вѣро-и-науко-сознаніемъ автора». Вообще все сочиненіе о. Г. можетъ быть признано весьма полезнымъ вкладомъ въ русскую литературу по экзегесису книги «Дѣяній святыхъ Апостолъ» и по исторіи апостольскаго вѣка» (Изъ отз. доц. М. Муретова. «Журн. сов. моск. духовной акад.», 1892 г., засѣд. 30 окт.).—Кромѣ этого—главнаго—своего труда, о. Г. напечаталъ нѣсколько проповѣдей и мелкихъ статей въ мѣстныхъ «Епарх. Вѣд.».

ГЛАГОЛЕВЪ Александръ Александровичъ — профессоръ кіевской духовной академіи, магистръ богословія. Уроженецъ тульской губ., образованіе получилъ въ тульской семинаріи, гдѣ кончилъ курсъ въ 1894 г. и затѣмъ на казенный счетъ былъ посланъ въ кіевскую духовную академію; въ 1898 г., по прослушаніи четырехъ годичнаго курса лекцій въ академіи, получилъ степень кандидата богословія и право на соисканіе степени магистра богословія безъ новыхъ устныхъ испытаній; по окончаніи курса, былъ оставленъ профессорскимъ стипендіатомъ при академіи для научныхъ работъ, а въ слѣдующемъ году началъ чтеніе лекцій въ академіи въ званіи исправляющаго должность доцента академіи. Въ скоромъ же времени представилъ въ совѣтъ академіи на магистерскую степень диссертацію въ рукописномъ видѣ, по напечатаніи же ея, удовлетворительно защитилъ ее въ публичномъ засѣданіи совѣта 21 сент. 1900 г., послѣ чего былъ утвержденъ св. синодомъ въ искомой степени и удостоенъ званія доцента академіи—28 окт. 1900 г.

Темой для магистерскаго сочиненія г. Г. послужило: «Ветхозавѣтное библейское ученіе объ ангелахъ». Работать на эту тему авторъ началъ, еще будучи студентомъ, и тогда уже за свое кандидатское сочиненіе удостоился отъ

личныхъ отзывовъ со стороны профессоровъ-рецензентовъ. Поставивъ себѣ задачей дать историко-генетическое изложеніе ветхозавѣтнаго библейскаго ученія объ ангелахъ, авторъ, сообразуясь съ тѣмъ, какъ различаютъ ангеловъ священные писатели Ветхаго Завѣта, въ своемъ сочиненіи излагаетъ ученіе: 1) объ Ангелѣ-Іеговѣ, какъ верховномъ и непосредственномъ дѣятелѣ ветхозавѣтной теократіи и главѣ принимающихъ участіе въ послѣдней ангеловъ, 2) объ ангелахъ въ собственномъ смыслѣ, 3) о херувимахъ и серафимахъ, какъ ангелахъ особаго рода и, наконецъ, 4)—библейское ученіе о сатанѣ и демонахъ, «дѣйствующихъ подобно ангеламъ, но въ оппозиціи цѣлямъ и планамъ божественнымъ». Для своей цѣли авторъ «разсматриваетъ всѣ библейскія мѣста, относящіяся къ дѣлу, и путемъ экзегесиса устанавливаетъ ихъ смыслъ. Попутно разсматриваются и неправильныя мнѣнія по вопросамъ ангелологіи, проводимыя нѣкоторыми западными учеными». Благодаря трудолюбію автора, тщательности и умѣлости его анализа, въ сочиненіи дано «правильное освѣщеніе библейской ангелологіи» и ясно опредѣленъ «ея глубокій смыслъ въ системѣ вѣроученія». Вообще «сочиненіе представляетъ собою трудъ, отличающійся богатствомъ содержанія, тщательностью и глубиною изслѣдованія всѣхъ пунктовъ ветхо-завѣтной ангелологіи, основательнымъ знакомствомъ съ библіологическою литературою и экзегетическимъ методомъ», и по своимъ качествамъ можетъ считаться «дѣйствительнымъ вкладомъ въ нашу богословскую литературу, не имѣвшую доселѣ ни одного серьезнаго изслѣдованія по ангелологіи» (Ср. отзывы пр. А. Олесницкаго и доц. В. Рыбинскаго. «Журн. сов. кіев. дух. акад.», 1898 г., стр. 277—280 и 1899 г., стр. 243—244). Кромѣ того, Г. помѣщено нѣсколько статей главнымъ образомъ въ «Тр. К. Д. Акад.»: «Основныя черты ветхозавѣтнаго библейскаго ученія объ ангелахъ» (Рѣчь предъ защитою диссерт., 1900 г., X); «Древнееврейская благотворительность» («Тр. Кіевск. Дух. Ак.», 1903 г, № 1); и др. также нѣсколько библіографическихъ замѣтокъ на книги: «Восточные обычаи въ библейскихъ странахъ», Г В. Тристрама; Н. А. Переферковичъ, «Талмудъ, Мишна и Тосефта»; «Православная церковь въ отношеніи къ отлученнымъ вообще и къ гр. Л. Н. Толстому въ частности». Наконецъ, Г. сотрудничаетъ и въ изданіи «Правосл. Богосл. Энциклопедіи».

Глаголица—славянская письменность, выработанная (не ранѣе X в.) латинскими миссіонерами для совращенныхъ въ латинство или унію славянъ, въ отличіе отъ Кириллицы (см.), какъ первоначальной славянской азбуки.

ГЛАДСТОНЪ Вилліамъ Эдвардъ,—знаменитый государственный дѣятель Англіи и замѣчательный свѣтскій богословъ; род. въ 1809 г., въ Ливерпулѣ. Сынъ возведеннаго въ баронское достоинство богатаго купца-шотландца, онъ получилъ тщательное воспитаніе и, еще будучи студентомъ коллегіи церкви Христа въ Оксфордѣ, обнаружилъ замѣчательныя дарованія и блестящій ораторскій талантъ. Будучи приверженцемъ принциповъ высокой церкви, которая тогда шла по пути, указанному Пюзеемъ, онъ, съ цѣлью освобожденія этой церкви отъ государственнаго гнета, выступилъ съ проектомъ отдѣленія церкви отъ государства, что и выразилъ въ своихъ сочиненіяхъ: «Государство въ его отношеніи къ церкви» (Лондонъ, 1838 г.) и «Церковные принципы, разсматриваемые въ ихъ результатахъ» (Лондонъ, 1840 г.). Сдѣлавшись съ 1852 г. членомъ нижней палаты, въ качествѣ представителя отъ Оксфорда, онъ постоянно выступалъ главнымъ противникомъ Дизраэли, и въ этомъ смыслѣ, вопреки своему сопернику, неустанно ратовалъ за права угнетенныхъ исламомъ христіанъ на Востокѣ. Эта его дѣятельность навсегда останется памятной для балканскихъ православныхъ народовъ, особенно послѣ того, какъ онъ именно въ своемъ сочиненіи «Болгарскіе ужасы» обнаружилъ вопіющую необходимость освобожденія этихъ народовъ отъ турецкаго ига. Эта его книга, получившая огромное распространеніе и переведенная на русскій

языкъ, была, между прочимъ, той искрой, которая воспламенила пожаръ, поведшій къ освободительной войнѣ Россіи въ 1877—78 гг. Будучи сторонникомъ свободы совѣсти, онъ въ то же время поэтому самому былъ рѣшительнымъ противникомъ новѣйшихъ папскихъ посягательствъ на свободу народовъ. Такъ, онъ принималъ горячее участіе въ оппозиціи противъ ватиканскаго догмата. Очень много интересовался онъ и православнымъ, особенно греческимъ богословіемъ, и входилъ въ частыя и близкія сношенія со многими выдающимися представителями православно-греческаго богословія. Вообще въ его лицѣ Англія имѣла замѣчательнаго выразителя своего христіанскаго духа въ его лучшихъ стремленіяхъ. Онъ скончался болѣе, чѣмъ девятидесятилѣтнимъ старцемъ, почитаемый всѣмъ англійскимъ народомъ, и, какъ одинъ изъ лучшихъ сыновъ его, нашелъ себѣ мѣсто упокоенія въ Вестминстерскомъ аббатствѣ.

«**Гласящіе** отъ земли»—волшебники дававшіе отвѣты въ изступленномъ состояніи отъ сильныхъ испареній пещеръ или разныхъ подкуриваній (Ис. **29**, 4).

Глафира—гладкая—св. прав. дѣва, рабыня Ликиніевой жены, спасаясь отъ нецѣломудренныхъ заискиваній Ликинія, бѣжала къ св. Василію Амасійскому (см.), на обратномъ пути съ которымъ скончалась. *Пам. 26 апр.*

ГЛИКА МИХАИЛЪ—визант. писатель XII вѣка, родился въ первой трети этого столѣтія, вѣроятно въ городѣ Керкирѣ и умеръ въ концѣ его. Въ 1159 году Г. былъ запутанъ въ какой-то политическій судебный процессъ и былъ осужденъ на заключеніе, изъ котораго онъ написалъ императору Мануилу Комнину прошеніе въ стихахъ на народномъ языкѣ. Однако онъ былъ осужденъ на ослѣпленіе, которое, повидиму, было совершено весьма снисходительно, такъ какъ впослѣдствіи онъ, находясь въ бѣдности и несчастіи, вторично представилъ тому же императору нѣкоторыя произведенія, именно—собраніе народныхъ пословицъ съ богословскими толкованіями въ политическихъ стихахъ, къ косму, въ качествѣ пролога и эпилога, присоединилъ похвалу и прошеніе (1164 г.). Спустя немного, онъ написалъ народную хронографію. Наконецъ, въ 70—80 годахъ XII столѣтія онъ составилъ богословскія и естественно-научныя разсужденія въ отвѣтъ на письменные запросы различныхъ лицъ, въ томъ числѣ и высокопоставленныхъ, благосклонностью коихъ онъ пользовался. Въ надписаніяхъ рукописей съ сочиненіями Г. онъ называется секретаремъ (γραμματικός). Такія немногія свѣдѣнія извѣстны о писателѣ. А изъ сочиненій его видно, что онъ былъ человѣкъ образованный, но не имѣлъ того высшаго образованія, которое нерѣдко встрѣчалось въ эпоху династіи Комниновъ. То, что въ рукописяхъ Г. называется ученѣйшимъ и мудрѣйшимъ, ничего не значитъ. Г. принадлежалъ по образованію къ числу тѣхъ немногихъ лицъ, которыя были представителями народнаго обученія и свѣтскаго направленія. Они шли въ разрѣзъ съ общимъ теченіемъ тогдашняго просвѣщенія, покоившагося на основѣ древняго классицизма. Но, съ другой стороны, писатели народнаго духа ближе стояли къ низшему духовенству и простому народу и были ему болѣе понятны. Поэтому и сочиненія Г., какъ свидѣтельствуютъ многочисленныя ихъ рукописи, пользовались широкимъ распространеніемъ.

Главный литературный трудъ Г. есть *Хронографія* («Τοῦ κυροῦ Μιχαὴλ τοῦ Γλυκᾶ βίβλος χρονική»). Она раздѣляется на четыре части, изъ коихъ въ первой говорится о твореніи, во второй излагается еврейская и восточная исторіи, третья повѣствуетъ о Римской имперіи до Константина Великаго и четвертая расказываетъ о послѣдующихъ византійскихъ императорахъ до смерти Алексѣя I Комнина (1118 г.). Г. много старается, какъ и говоритъ въ предисловіи, о сокращенномъ изложеніи событій. Онъ и остается вѣренъ своему началу, хотя его трудъ и не во всѣхъ своихъ частяхъ представляетъ краткую общую исторію: тамъ, гдѣ рѣчь идетъ о твореніи міра, или о богословскихъ

спорахъ, онъ становится пространнымъ и допускаетъ подробности. Сравнительно съ другими византійскими хронографами, Г. имѣетъ слѣдующія особенности. Онъ задался цѣлью написать для молодежи и остальныхъ своихъ читателей книгу новую, какой еще не было въ современной византійской литературѣ. Поэтому въ выборѣ, расположеніи и обработкѣ матеріала онъ соблюдаетъ полную независимость отъ другихъ хронографовъ—Θеофана, Георгія монаха, Симеона и т. д. Ему одному принадлежитъ идея внести въ повѣствованіе о твореніи тѣ данныя, которыя заключалъ въ себѣ современный Физіологъ, и нужно признать вполнѣ цѣлесообразнымъ его намѣреніе оживить сухой хронологическій разсказъ свѣдѣніями, иногда миѳическими, о животныхъ. Кромѣ странностей Физіолога, онъ включилъ въ свою хронографію свѣдѣнія о камняхъ, растеніяхъ и животныхъ, взятыя у Эліана и изъ другихъ источниковъ. Такимъ образомъ, первая книга хронографіи Г. не имѣетъ никакого сходства съ повѣтствованіями Симеона и другихъ о твореніи. Другую особенность труда Г. составляютъ весьма большія богословскія разсужденія, заимствованныя изъ церковныхъ писателей. Эти разсужденія, въ связи съ сообщеніями о природѣ, иногда даже закрываютъ общій хронографическій характеръ труда. Третья особенность труда Г.—его увѣщательный оттѣнокъ. Г. не только въ предисловіи посвящаетъ трудъ сыну своему, называя его возлюбленнымъ чадомъ, но и на пространствѣ всего сочиненія часто обращается къ читателю со словами: «Обрати вниманіе, любезный, посмотри, ты долженъ знать» и т. д. Такимъ образомъ, Хронографія Г. является какъ бы дидактическимъ руководствомъ.

Изслѣдованіе объ источникахъ труда Г. значительно облегчается тѣмъ, что авторъ называетъ своихъ руководителей. Въ исторіи міротворенія онъ ссылается на церковныхъ писателей и отцовъ—Іустина Философа, Василія В., Іоанна Златоуста, Θеодорита, Максима, Іоанна Дамаскина, Анастасія Синаита и другихъ, менѣе извѣстныхъ. Разумѣется, на первомъ планѣ у него были тѣ писатели, которые имѣютъ сочиненія о шестодневѣ. Характерную особенность Г. составляетъ и то, что, наряду съ общепризнанными твореніями, онъ пользуется и народными легендарными, напримѣръ, о Варлаамѣ и Іоасафѣ. Въ описаніи историческихъ эпохъ Г. пользуется Кедриномъ, Зонарой и съ 811 года Скилицей вмѣстѣ съ Зонарой. Несомнѣнно, онъ зналъ и риѳмованную хронику Манасси, а также пользовался Михаиломъ Пселломъ и даже монографіями, въ родѣ житія патріарха Игнатія, составленнаго Никитой Пафлагонскимъ. Пользованіе Г. источниками буквальное, причемъ онъ иногда допускаетъ ужасные недосмотры.

Г. извѣстенъ и *богословскими* своими трудами. Изъ нихъ извѣстны, прежде всего, письма догматическаго, герменевтическаго, нравоучительнаго и литургическаго содержаній, которыя онъ писалъ въ отвѣтъ на запросы современниковъ. Общее ихъ число въ рукописяхъ простирается до 92, но изъ нихъ изданы только 29. Въ нѣкоторыхъ рукописяхъ письма Г. приписаны Іоанну Зонарѣ, но это ошибка, легко изобличаемая сходствомъ писемъ съ Хронографіей Глики по языку, любви къ пословицамъ, подбору словъ и т. п. Письма Г. адресованы большею частію неизвѣстнымъ лицамъ, но имѣются среди его корреспондентовъ и исторически извѣстные дѣятели, напримѣръ, севастократоръ Мануилъ Комнинъ, сынъ императора Андроника, Андроникъ Палеогъ, Θеодора, племянница императора Мануила и т. д. Второй богословскій трудъ Г., хранящійся въ рукописи (Paris., 160 saec. 16), дѣлится на двѣ книги, въ одной изъ коихъ рѣчь идетъ о божественномъ единствѣ и различіи, а во второй—о воплощеніи Бога Слова.

Наконецъ, Г. принадлежатъ вышеупомянутые—прошеніе въ стихахъ и сборникъ пословицъ. Первое состоитъ изъ 581 политическихъ стиховъ, обращено къ императору Мануилу Комнину, по поводу заключенія автора въ въ тюрьму, описываетъ его бѣдствія и взываетъ о помилованіи. Причина наказанія автора не извѣстна. Г. пишетъ

свои стихи на народномъ языкѣ, можетъ быть, потому, что онъ нравился императору. Однако стихи не умилостивили Мануила. Тогда Г. представилъ сборникъ пословицъ съ богословскими толкованіями въ стихахъ, опять на народномъ языкѣ. Этотъ сборникъ очень любопытенъ и принадлежитъ къ числу немногихъ памятниковъ византійской паримiографіи.

Литература. 1) Лучшія изданія Хронографіи Глики—въ серіи Corpus scriptorum byzantinorum. Romae. 1836 и у Migne'я. Patrologia graeca, t. 158; здѣсь и другія сочиненія Г. 2) *K. Krumbacher*, Michael Glycas въ Sitzungsberichte der bayer. Акад. 1894. 3) *K. Krumbacher*, Geschichte der byzantinischen Litteratur, München. 1897; здѣсь подробно указана вся литература предмета. *И. И. Соколовъ.*

Гликерій (сладкій) одинъ изъ 20,000 мучениковъ никомидійскихъ, пострадавшихъ въ 302 г., *пам. 28 дек.*

Гликерія (сладкая) мученица II вѣка. *Пам. 13 мая.* Память другой мученицы Гликеріи-жены *22 окт.*

ГЛИНКА Θедоръ Николаевичъ, духовный поэтъ. Родился въ 1787 г., смоленскій уроженецъ, образованіе получилъ въ 1 кадетскомъ корпусѣ, состоялъ въ военной службѣ, потомъ вышелъ въ отставку, но во время отечественной войны снова вступилъ въ службу и былъ адъютантомъ у Милорадовича, въ 1816 г. причисленъ къ гвардіи и затѣмъ былъ редакторомъ «Военнаго журнала», а также предсѣдателемъ петербургскаго общества любителей россійской словесности. Въ 1826 г., привлеченный къ отвѣтственности по дѣлу декабристовъ, былъ высланъ въ Петрозаводскъ, гдѣ былъ назначенъ совѣтникомъ олонецкаго губернскаго правленія, въ 1830 г. перешелъ въ Тверь, гдѣ женился на Голенищевой-Кутузовой (ставшей писательницею—Авдотья Глинка), въ 1832 г. перешелъ въ Орелъ, въ 1835 г. вышелъ въ отставку и поселился въ Москвѣ, въ 1853 г. перешелъ въ Петербургъ, въ 1862 г. вернулся въ Тверь; скончался въ 1880 г. Написалъ немало сочиненій поэтическихъ, историческихъ и беллетристическихъ, но извѣстность пріобрѣлъ наиболѣе, какъ духовный поэтъ. Ему принадлежатъ: «Гимнъ величію и всемогуществу Божію», Спб., 1818 г.; «Опыты священной поэзіи», Спб., 1826 г.; «Духовныя стихотворенія», М., 1839 г.; «Іовъ—свободное подражаніе священной книгѣ Іова», Спб., 1859 г.; «Таинственная капля», средневѣковое преданіе, 1-е изд. 1861 г., вышло за границей, 2-е въ «Собр. сочиненій». По отзывамъ критики, онъ обладалъ «талантомъ небольшимъ, но оригинальнымъ». Бѣлинскій отмѣтилъ въ немъ направленіе «Художественное и святое».

«Сочиненія Θ. Н. Г.», т. I (духовныя стихотворенія) М. 1869 г.; т. II (Таинственная капля), М. 1871 г.; т. III (Іовъ), М. 1872 г. Стихотворенія Г. печатались и въ «Страннкѣ». Словари: Брокгауза и Геннади и «Обзоръ» Филарета.

С. Рункевичъ.

ГЛИНКА Михаилъ Ивановичъ, знаменитый композиторъ, творецъ русской музыки и реформаторъ гармоническаго церковнаго пѣнія, положившій начало новой гармонической обработкѣ древнихъ церковныхъ напѣвовъ. Родился въ 1804 г. въ селѣ Новоспасскомъ, смоленской губерніи, родовомъ имѣніи отца, происходившаго изъ польской шляхты. Дѣтство, до 13 лѣтъ, провелъ дома среди деревенской природы и жизни, гдѣ въ особенности любилъ слушать колокольный звонъ и народныя пѣсни. Когда ему, семилѣтнему, случалось слышать въ городѣ колокола самыхъ разнообразныхъ тембровъ, онъ безошибочно могъ отличать звонъ каждой церкви. Много способствовалъ его музыкальному образованію домашній оркестръ его дяди, жившаго въ сосѣднемъ имѣніи. Этотъ оркестръ перѣдко пріѣзжалъ въ Новоспасское, и Г. принималъ въ немъ горячее участіе, разучивалъ новыя пьесы, сочинялъ для нихъ увертюры и симфоніи. Уже въ дѣтствѣ Г. признавался, что «музыка—душа его». По окончаніи курса въ благородномъ пансіонѣ при с.-петербургскомъ педагогическомъ институтѣ Г. вопреки намѣреніямъ отца, предназначавшаго его къ чиновничьей карьерѣ, весь отдался музыкѣ, совершенствуя себя въ ней и теоретически и практически, благодаря знакомству со многими музыкальными знаменитостями того времени и чрезъ

частыя путешествія за границу, особенно въ Берлинъ, гдѣ онъ особенно любилъ заниматься у извѣстнаго теоретика Зигфрида Дена—этого «перваго (по выраженію самого Г.) музыкальнаго *знахаря* въ Европѣ. По возвращеніи въ 1834 г. въ Петербургъ, Г. занялся созданіемъ своей знаменитой оперы «Жизнь за Царя», которую и окончилъ въ 1836 г. Она имѣла блистательный успѣхъ; самъ императоръ посѣтилъ ее, принялъ посвященіе этой первой русской національной оперы и назначилъ Г. капельмейстеромъ (главнымъ руководителемъ) въ придворную капеллу. Поручая своихъ пѣвчихъ Г., императоръ говорилъ ему: «Г., я имѣю къ тебѣ просьбу и надѣюсь, что ты не откажешь мнѣ. Мои пѣвчіе извѣстны всей Европѣ и, слѣдовательно, стоятъ того, чтобы ты занялся ими. Только прошу, чтобы они не были итальянцами». Въ 1838 году Г. былъ посланъ въ Малороссію для набора пѣвчихъ въ капеллу, а въ слѣдующемъ 1839 году онъ, изъ-за разныхъ интригъ, оставилъ службу при капеллѣ, успѣвъ написать для нея лишь одну «*Херувимскую пѣснь*», которую, впрочемъ, самъ находилъ *неудачною*. Около 1853 г. Г. заинтересовался произведеніями западной церковной музыки и съ удовольствіемъ слушалъ ихъ исполненіе хоромъ графа Шереметева. Строгодіатоническая гармонія, съ успѣхомъ примѣненная къ западной церковной музыкѣ великимъ итальянскимъ маэстро — Палестриною, подала мысль и Г. примѣнить ту же систему гармоніи и къ нашимъ церковнымъ напѣвамъ, и онъ рѣшился заняться этимъ дѣломъ; до начала же занятій положилъ на три голоса «Эктенію», «Литургію» и «Да исправится». Для осуществленія своей мысли Г. собиралъ въ Петербургѣ источники и руководства и потомъ, въ 1856 г., отправился съ этою цѣлію въ Берлинъ къ своему прежнему учителю Дену, подъ руководствомъ котораго и началъ изучать строгій контрапунктъ, церковные тоны и проч., и уже самъ замѣчалъ свои успѣхи, какъ смерть 2 февраля 1857 г. — неожиданно прервала всѣ его мечты и надежды. Въ маѣ того же года съ высочайшаго соизволенія тѣло Г. было привезено въ Петербургъ и съ надлежащей торжественностію погребено въ александро-невской лаврѣ.

Г. великъ, конечно, не въ области церковнаго пѣнія, а въ сферѣ національной русской музыки, которой онъ считается основателемъ. Тѣмъ не менѣе замѣчательно его отношеніе къ нашему древнему пѣнію, его любовь къ нему и желаніе «проложить хотя тропинку по собственному его выраженію, къ нашей церковной музыкѣ». Не лишены значенія и оставленныя имъ переложенія, какъ первый опытъ переложенія въ томъ направленіи, которое потомъ было усвоено Потуловымъ и друг.

См. пр. *Д. Разумовскій*, Церковное пѣніе въ Россіи. Свящ. *В. Металловъ*, Очеркъ исторіи православнаго церк. пѣнія въ Россіи. *Н. Финдейзенъ*, Русская музыка въ XIX в., журн. «Музыки и пѣнія», № 10, 1901 г. «Записки М. И. Г.», Спб., 1887 г.

Свящ. А. Митропольскій.

ГЛОССЫ БИБЛЕЙСКІЯ. Слово глосса, производимое отъ греческаго, означаетъ не только языкъ, но употреблялось грамматиками для обозначенія примѣчанія, прилагаемаго къ извѣстному слову или фразѣ, съ цѣлью ихъ поясненія. Творенія, содержащія такія примѣчанія, назывались глоссаріями и заключали въ себѣ не только филологію, но и вообще свѣдѣнія по разнымъ наукамъ,—медицинѣ, географіи, и проч., а также изъ св. книгъ Библіи. Примѣчанія на послѣднюю назывались свящ. глоссами. Прежде однако, чѣмъ стали употребляться такія глоссы, текстъ Библіи былъ предметомъ экзегетическихъ изслѣдованій; и слово глоссы, которое у грековъ обозначало подлежащія истолкованію слова, употреблялось у латинянъ вмѣсто «самаго объясненія». Въ послѣднемъ смыслѣ оно употреблялось у христіанскихъ писателей среднихъ вѣковъ и употребляется еще до настоящаго времени. Обычай помѣщать примѣчанія на полѣ, въ поясненіе или исправленіе текста, такъ же старъ, какъ и сама письменность. Это особенно нужно сказать о Библіи,—частью потому, что ее читали больше, чѣмъ всякую другую книгу, а частью потому,

что ее читали такія лица, которыя нуждались въ объясненіи или сами считали себя способными къ такимъ объясненіямъ. Сначала очень краткія, ограничивающіяся единичными словами, эти глоссы, наконецъ, выросли въ болѣе обширныя примѣчанія. Въ еврейскихъ кодексахъ эти глоссы были источникомъ не малаго числа такъ наз. чтеній *кери*. А глоссы на поляхъ кодексовъ LXX и Новаго Завѣта дали поводъ къ множеству разночтеній, которыя существуютъ въ томъ и другомъ, и устраненіе которыхъ требуетъ здраваго и осторожнаго сужденія. Чѣмъ труднѣе считалось разумѣніе свящ. Писаній, тѣмъ длиннѣе были примѣчанія на поляхъ (Glossae marginales), которыя особенно дѣлались къ тексту Вульгаты,—изъ нихъ нѣкоторыя грамматическія, иныя историческія, иныя богословскія, иныя аллегорическія и мистическія. Знаменитѣйшее собраніе этихъ маргинальныхъ глоссовъ есть собраніе Валафрида Страбона, которое, составленное въ IX вѣкѣ, сдѣлалось громадной экзегетической сокровищницей среднихъ вѣковъ и было извѣстно подъ названіемъ Glossa ordinaria. Кромѣ примѣчаній на поляхъ, писались также замѣчанія среди строкъ (Glossae interliniares). Собраніе послѣднихъ было сдѣлано Ансельмомъ Лаонскимъ. Въ началѣ XII вѣка оба эти труда часто печатались вмѣстѣ. Особенное вниманіе на эти глоссы обращалось въ XVIII столѣтіи: таковъ трудъ Эрнести подъ заглавіемъ Glossae sacrae (Лейпцигъ, 1785 г.).

ГЛУБОКОВСКІЙ Николай Никаноровичъ—ордин. профессоръ спб. дух. академіи по каѳедрѣ Свящ. Писанія Новаго Завѣта, докторъ богословія, родился 6 декабря 1863 г. въ селѣ Кичменгскій Городокъ, никольскаго уѣзда, вологодской губ., 7-мъ и послѣднимъ въ большой семьѣ (двѣ сестры и 5 братьевъ) мѣстнаго священника, но по смерти послѣдняго (23 февраля 1866 г.) воспитывался въ селѣ Кобыльско-Ильинскомъ (за 20 верстъ отъ Городка) у зятя о. В. М. Попова; обучался въ никольскомъ дух. училищѣ (1873—1878 гг.) и въ вологодской духовной семинаріи (1878—1884 гг.), а затѣмъ пять лѣтъ (ибо выходилъ съ IV-го курса) былъ въ московской дух. академіи, гдѣ—по окончаніи курса первымъ кандидатомъ въ 1889 г.—состоялъ (съ 16-го августа 1889 г. по 16-е авг. 1890 г.) профессорскимъ стипендіатомъ при каѳедрѣ общей церковной исторіи. 18-го окт. 1890 г. былъ назначенъ преподавателемъ Свящ. Писанія въ воронежскую дух. семинарію, но пробылъ здѣсь лишь до 21 окт. 1891 г., когда приглашенъ въ с.-петербургскую дух. академію, которой остался вѣренъ, несмотря на неоднократныя предложенія университетской каѳедры. Въ Спб. Г. явился въ званіи доцента, какъ имѣвшій степень магистра богословія съ 10-го іюля 1890 г., по защитѣ диссертаціи о бл. Ѳеодоритѣ 5-го мая 1890 г. [1]). Академическая служебная карьера Г. шла необычайно быстро: 11 окт. 1894 г. онъ сталъ экстраорд. профессоромъ, а, по утвержденіи (21-го января 1898 г.) въ степени доктора богословія, 28-го января 1898 г. получилъ и ординатуру. Во время профессорскаго служенія по иниціативѣ Г. былъ поднятъ горячій вопросъ о преподаваніи Свящ. Писанія въ духовныхъ семинаріяхъ, и его записка объ этомъ служила предметомъ спеціальныхъ обсужденій. Участвовалъ Г. также въ частныхъ совѣщаніяхъ объ академическомъ образованіи, и нѣкоторыя соображенія его касательно сего изложены въ особомъ рефератѣ (см. «Странникъ» 1897 г., № 8, стр. 519—540).

Литературная дѣятельность Г. началась еще въ 1883 г., когда онъ былъ въ 5-мъ классѣ семинаріи, и съ тѣхъ поръ непрерывно продолжается доселѣ. Объ обширности ея можно судить и по многочисленности органовъ, пользовавшихся его перомъ; таковы: 1) «Вологодскія Губернскія» и

[1]) Кромѣ оффиціальныхъ документовъ—нѣкоторыя біографическія свѣдѣнія о Г. даютъ «Церк. Вѣстникъ» 1893 г., № 4 (стр. 54—56) и № 38 (стр. 598—598); 1894 г., № 1 (стр. 7, прим.); 1900 г., № 27 (столб. 863—867); 1902 г., № 16 и 17 (столб. 502—504, 518—522) и книга: «Знаменательный день въ жизни сельскаго пастыря. Юбилей 35-лѣтняго служенія въ санѣ священника о. В. М. Попова». Спб., 1902 г.

2) «Епархіальныя Вѣдомости», 3) «Церковно-Обществ. Вѣстникъ», 4) «Воскресный День», 5) «Московскія Церк. Вѣдомости», 6) «Воронежскія Епарх. Вѣдом.», 7) «Церк. Вѣстникъ» (гдѣ съ 1892 г. Г. велъ отдѣлъ подъ заглавіемъ «отголоски свѣтской журналистики» и съ 1 ноября 1893 г. по 13 мая 1894 г. былъ помощн. редактора «Церк. Вѣстн.» и «Хр. Чт.»), 8) Прибавленія къ «Церковнымъ Вѣдомостямъ», 9) «Московскія Вѣдомости» (съ 1883 г.), 10) «Русское Дѣло» (С. Ѳ. Шарапова, въ 1888—9 г.), 11) «Наука и Жизнь», 12) «Русское Слово» (А. А. Александрова), 13) «Новое Время», 14) «Восходъ» (газета), 15) «Русское Обозрѣніе» (кн. Д. Н. Цертелева), 16) «Библіографическія Записки», 17) «Словарь русскаго историческаго Общества», 18) «Вѣра и Разумъ», 19) «Правосл. Обозрѣніе», 20) «Чтенія въ (Московскомъ) Обществѣ любителей духовнаго Просвѣщенія» (гдѣ Г действительный членъ съ 1892 г.), 21) «Прибавл. къ твореніямъ св. отцевъ», 22) «Странникъ», 23) «Христ. Чтеніе», 24) «Вѣра и Церковь», 25) «Правосл. Богословск. Энциклопедія А. П. Лопухина», 26) «A Select Library of Nicene and Post-Nicene Fathers of the Christian Church» (vol. XIV, New York), 27) «The Expository Times» (vol. XIII, Edinburgh). Здѣсь г. Г. отзывался на самые разнообразные вопросы и иногда способствовалъ ихъ «практическому» рѣшенію. Такъ, въ интересахъ своего родного края онъ много писалъ объ учрежденіи великоустюжскаго викаріатства, причемъ чрезъ разныя посредства подавались въ соотвѣтствующія инстанціи еще особыя записки,—и это дѣло устроилось, хотя теперь нуждается въ дальнѣйшемъ развитіи.

Что до научной дѣятельности, то, несмотря на сравнительную молодость, проф. Н. Г. успѣлъ пріобрѣсти себѣ извѣстность въ ученомъ мірѣ, какъ человѣкъ глубокаго ума, учености и богатой эрудиціи. Имя его широко извѣстно не только въ Россіи, но и въ западно-европейскихъ ученыхъ кругахъ [1]), гдѣ нѣкоторыя изъ его ученыхъ работъ удостоивались признанія даже раньше, чѣмъ въ Россіи. Среди учено-литературныхъ трудовъ заслуживаетъ вниманія прежде всего его магистерская диссертація, написанная подъ руководствомъ извѣстнаго проф.-историка Ал. П. Лебедева и сразу поставившая автора на надлежащую высоту: «Блаженный Ѳеодоритъ, еп. киррскій. Его жизнь и литературная дѣятельность. Церковно-историческое изслѣдованіе». Т. I и II. Москва, 1890 г. Авторъ не пожалѣлъ труда на эту работу; въ ней онъ обнаружилъ основательное знаніе предмета по первоисточникамъ, обширную эрудицію и рѣдкое знакомство съ литературой предмета, и не только съ сочиненіями о блаж. Ѳеодоритѣ, но и о всемъ, что имѣетъ болѣе или менѣе близкое отношеніе къ жизни и дѣятельности этого учителя. Нечего уже говорить о томъ, что сочиненія самого блаж. Ѳеодорита изучены до тонкости и при томъ въ подлинникахъ. Въ выводахъ Г. совершенно самостоятеленъ: «авторъ ни отъ кого не беретъ научныхъ результатовъ, не подвергнувъ ихъ предварительной критической провѣркѣ, и рѣдко остается доволенъ ими и усвояетъ ихъ». По обширности и богатству собранныхъ въ немъ матеріаловъ, по строго критическому отношенію къ источникамъ и пособіямъ, сочиненіе это можетъ вполнѣ служить важнымъ пособіемъ въ работахъ людей науки и не только по вопросамъ о блаж. Ѳеодоритѣ, какъ дѣятелѣ церкви, но и касательно всей эпохи восточной церкви V в. «Это въ своемъ родѣ энциклопедія знаній. Въ провинціяхъ нашего обширнаго отечества книга г. Г. будетъ замѣнять собою источники (за ихъ недостаткомъ), такъ какъ трудолюбивый ученый собралъ такой богатый матеріалъ для исторіи V и VI вв. (и даже болѣе), что отчасти упразднилъ нужду въ источникахъ. Для послѣдующихъ поколѣній г. Г. получитъ значеніе русскаго Тильмона,—Тильмона въ миніатюрѣ». Обращаетъ на себя вниманіе въ этой работѣ и са-

[1]) См. еще «Theol. Literaturzeitung» 1901, № 21 (за 12-е октября), столб. 571 (проф. N. Bonwetsch); «Bessarione» anno VII (Roma 1902), vol. III. fasc. 69 (P. Aurelio Palmieri) и др.

мый языкъ автора,—ясный, живой, не рѣдко изящный и увлекательный. «Написано это сочиненіе, по отзыву проф. Н. И. Субботина, тѣмъ учено-литературнымъ языкомъ, коимъ принято нынѣ писать такого рода сочиненія, и надобно отдать справедливость автору, что онъ въ совершенствѣ владѣетъ такимъ языкомъ, въ полной степени обнаруживая его достоинства, хотя не избѣгаетъ и извѣстныхъ его недостатковъ». Встрѣченное съ живымъ сочувствіемъ въ русской литературѣ (см. два отзыва проф. Лебедева и затѣмъ проф. Субботина въ «Журн. совѣта моск. дух. акад.» за 1889 и 1891 гг., проф. И. Н. Корсунскаго въ «Моск. Церк. Вѣд.» 1890 г., № 38, о. І. И. Соловьева въ «Моск. Вѣдом.» 1890 г., № 87 и 211, проф. Н. Ѳ. Красносельцева въ «Лѣтописи ист.-фил. общ. при новор. у-тѣ» II, 1 за 1892 г., прот. П. А. Смирнова въ Прибавл. къ «Церк. Вѣдом.» 1890 г., № 47 и др.), это сочиненіе было удостоено отъ синода и полной макаріевской преміи (по отзыву проф. В. В Болотова въ «Хр. Чт.» 1892 г., т. II). Не менѣе того данный трудъ обратилъ на себя вниманіе и на западѣ, гдѣ доселѣ пользуется авторитетностію (см. особенно «Русское Обозрѣніе», 1895 г., XI, стр. 381 и ср. «Церк. Вѣстн.», 1895 г., № 45, столб. 1451). Прежде другихъ оцѣнилъ его корифей западной церковно-исторической науки берлинскій проф. Адольфъ Гарнакъ. По его словамъ, «вообще, это одна изъ самыхъ выдающихся патристическихъ монографій, какія только появились въ свѣтъ со времени Ляйтфутовой—объ Игнатіѣ. И чѣмъ сильнѣе нужно привѣтствовать русскую церковь, что изъ ея среды вышелъ такой трудъ, тѣмъ больше нужно сожалѣть, что авторъ написалъ свое сочиненіе порусски, почему его работа не найдетъ того распространенія, какого она по всѣмъ правамъ заслуживаетъ... Насколько я могу судить, Г. изучилъ и воспользовался всѣмъ матеріаломъ съ полнымъ совершенствомъ. Это качество... становится почти безпримѣрнымъ въ сочиненіи, обнимающемъ пятое столѣтіе. Съ похвалой нужно отмѣтить и ту равномѣрность, ь какою авторъ старается вѣрно изобразить всѣ многоразличныя отношенія Ѳеодорита и все многообразіе его литературной дѣятельности... Но по истинѣ достойна удивленія эрудиція. За послѣднія 10 лѣтъ и въ Германіи не появлялось церковно-историческаго труда, въ которомъ привлечена была бы въ такомъ изобиліи старая и новая нѣмецкая, а также англійская и французская литература... Въ примѣчаніяхъ къ своему труду авторъ собралъ въ полномъ смыслѣ слова международное общество ученыхъ»... Отмѣтивъ случаи «дѣйствительнаго обогащенія для науки», Гарнакъ говоритъ: «слѣдуетъ весьма привѣтствовать русскую церковь, что изъ нѣдръ ея возникъ такой трудъ» (см. «Theologische Literaturzeitung» 1890 г., № 20, сокращенный переводъ въ «Моск. Вѣдом.» 1890 г., № 288 и отсюда во многихъ русскихъ изд., особ. въ «Епарх. Вѣд.»; см. также у W. J. Birkbeck въ рѣчи на норичскомъ конгрессѣ: «Церк. Вѣстн.», 1895 г., № 46, столб. 1461). Въ этомъ достоинствѣ книга Г. была признана западною наукой (см. «Theol. Jahresbericht» т. XI, стр. 177—178 у проф. G. Krüger'а) и всегда рекомендуется и въ Энциклопедіяхъ (см., напр., Wetzer und Welte's Kirchenlexicon, 2-е изд., XI т., столб. 1536), и въ обзорахъ (проф. *Alb. Ehrhard*, Die altchristliche Litteratur und ihre Erforschung seit 1880 въ «Strassb. Theol. Studien» I, 4—5, стр. 23), и въ патрологическихъ курсахъ (см. Prof. *O. Bardenhewer*, Patrologie, Freiburg im Breisgau 1894 г., стр. 350; 2-е изд. 1091 г., стр. 331). Точно такими же качествами отличается и докторская диссертація проф. Н. Г: «Благовѣстіе св. Апостола Павла по его происхожденію и существу. Библейско - богословское изслѣдованіе». Спб., 1897 г. И здѣсь читатель поражается обширностію и громадностію труда, богатствомъ знаній автора, тщательностію и тонкостію разбора иностранныхъ ученыхъ, къ которымъ Г. относится съ здравою критикой, стоя на строго-православной точкѣ зрѣнія, какой онъ остается вѣренъ на всемъ протяженіи книги. «Толкованія разныхъ мѣстъ посланій апостола отличаются тонкостью

критико-экзегетическаго анализа и глубиною богословской мысли». И объ этой книгѣ «безъ опасности преувеличенія можно сказать, что она, по содержащимся въ ней предметамъ, представляетъ такую полную энциклопедію новѣйшей литературы, какой доселѣ не имѣетъ ни одна изъ западно-европейскихъ литературъ» (изъ отз. проф. М. Д. Муретова въ «Журн. сов. моск. дух. акад.» за 1897 г. отъ 1-го декабря). Но эта диссертація является только малою частію обширнаго труда, долженствующаго выдти въ двухъ большихъ томахъ; пока напечатаны главы объ искупленіи и оправданіи, объ эсхатологіи, объ ангелологіи и демонологіи по связи съ іудейскою апокрифически-апокалиптическою литературою, объ отношеніи къ Филону и книгѣ премудрости Соломоновой (см. «Христ. Чт.» 1898 г., №№ 3—6; 1899 г., №№ 4—8; 1909 г., №№ 1—8; 1901 г., №№ 2—8, 11, 12; 1902 г, №№ 1, 2, 4; 1903 г. и сл. г.).

Изъ другихъ трудовъ назовемъ слѣдующіе: «Теософическое общество и современная теософія», «Свобода и необходимость», «Разборъ ученія Гартмана объ абсолютномъ началѣ, какъ безсознательномъ» (ср. Фанкенбергъ, Исторія новой философіи, Спб. 1894 г., стр. 522), «Евангеліе и евангелія» («Вѣра и Раз.» 1888 г., №№ 8, 14—15, 20, 21 и 24; 1896 г., № 7); «Преображеніе Господа» («Правосл. Обозр.», 1888 г., № 8 и 10); «Путешествіе евреевъ изъ Египта въ землю ханаанскую», «Происхожденіе, сущность и значеніе монархіанства», «О значеніи надписанія псалмовъ: Lamnazzeach», «Св. Кипріанъ, митрополитъ всея Россіи, какъ писатель» («Чтенія въ общ. люб. дух. пр.» 1889 г., №№ 1—4, 9, 12; 1892 г., № 2); «Историческое положеніе и значеніе личности блаж. Θеодорита» (рѣчь предъ защитою диссертаціи въ «Прибавл. къ твор. св. отц.» 1891 г., II); «О пасхальной вечери Христовой», «Разводъ и его послѣдствія по ученію Христа Спасителя» (ср. «Богосл. Вѣстн.» 1895 г., № 9), «Греческій рукописный Евангелистарій» (ср. «Богосл. Вѣстн.» 1898 г. № 2, и у C. R. Gregory въ III т. Textkritik des N. T.), «О пурпуровомъ спискѣ Евангелій», какъ «новѣйшемъ пріобрѣтеніи для текстуальной критики Н. З.», «Современное состояніе и дальнѣйшія задачи изученія греческой Библіи въ филологическомъ отношеніи». «Греческій языкъ Библіи, — особенно въ Н. З.,—по современному состоянію науки» («Хр. Чтеніе» 1893 г., №№ 7—8 и 9—10; 1895 г., №№ 1—2 и 3—4; 1897 г., №№ 6—12 и 1898 г. №№ 1—9; 1897 г., № 7 и 1899 г., № 9; 1898 г., № 9; 1902 г., № 7); «Библейское богословіе», «Воскресеніе (изъ) мертвыхъ», «Проф. Ад. Гарнакъ» (въ I, III и IV томахъ Пр.-богосл. Энциклопедіи). Наконецъ, въ качествѣ оттисковъ изъ журнала «Странникъ» (1902 г., №№ 5—8), въ 1902 г. Г. издано было новое капитальное сочиненіе «Благовѣстіе христіанской свободы въ посланіи св. Ап. Павла къ Галатамъ». Это сочиненіе встрѣчено было лестными отзывами въ Россіи и заграницей (A. Palmieri, N. Bonwetsch) и оффиціально рекомендовано нашею высшею духовно-учебною властію.

Вообще, проф. Г. выдается въ нашей богословской литературѣ какъ богатствомъ и обширностію своихъ познаній, такъ и оригинальностію научнаго метода, ставящаго его на одинъ уровень съ западно-европейскою ученостію, при чемъ съ послѣднею онъ знакомится не книжно только, но и непосредственно—въ лицѣ ея важнѣйшихъ представителей (каковы Ад. Гарнакъ, Н. Бонвечъ, А. Пальміери, N. McLean. А. Тумбъ, Ад. Дейсманъ, П. Вендландъ: см. его и Кона изд. Philonis opera III, стр. XXI, и др.), съ которыми поддерживаетъ живую связь по чисто научнымъ потребностямъ и интересамъ. *Д.*

Глухая нѣтовщина, см. подъ сл. *безпоповщина*, т. I, стол. 340.

Глѣбъ—см. Борисъ.

Гной голубиный—по всей вѣроятности, подъ этимъ именованіемъ разумѣется растительная пища — бобы, горохъ, являвшаяся самою дешевою на Востокѣ (4 Цар. **6**, 25; сн. 2 Цар. **17**, 28; Іез. **4**, 9).

ГНОСТИЦИЗМЪ—эклектическая философія первыхъ вѣковъ христіанства,

построявшая свои системы изъ языческихъ, іудейскихъ и христіанскихъ элементовъ и придававшая своимъ идеямъ миѳологическія формы. Самый терминъ первоначально заимствованъ былъ отъ слова гносисъ, т. е., знаніе, которое ап. Павелъ употребляетъ въ смыслѣ глубокаго проникновенія въ пути Божіи въ дѣлѣ искупленія (1 Кор. **13**, 21). Ириней свидѣтельствуетъ, говоря о всей сектѣ, что карпократіане — одна изъ древнѣйшихъ сектъ — называли себя «гностиками». Этотъ фактъ, равно и раннее развитіе христіанской философіи въ Александріи, приводятъ насъ къ заключенію, что слово это употреблялось въ этомъ городѣ весьма рано. *Гносисъ* употреблялось въ противоположность не *пистисъ*, т. е., вѣрѣ, но также и языческой философіи.

Г. стоитъ на рубежѣ между христіанской системой и язычествомъ. Онъ былъ результатомъ двухъ процессовъ, возникшихъ изъ различныхъ направленій, — изъ соприкосновенія церкви, съ одной стороны, съ языческой мыслью, и изъ попытки философіи, съ другой стороны, согласить христіанское откровеніе съ своими системами. Онъ отказался отъ монотеизма Библіи, ограничилъ канонъ, и отчасти или вполнѣ превращалъ въ аллегоріи великія событія изъ дѣятельности и личной жизни Спасителя Христа. Г., главнымъ образомъ, бралъ изъ греческихъ системъ Платона и стоиковъ; но то, что есть въ немъ наиболѣе характеристическаго, было заимствовано изъ религій Востока. Онъ воплощалъ въ себѣ смѣлый восточный дуализмъ; между тѣмъ какъ греческая философія, по большей части, склонна къ пантеистическому представленію вселенной. Онъ обыкновенно представлялъ себѣ индивидуальную жизнь, какъ результатъ процесса эманаціи изъ первоначальной сущности; между тѣмъ какъ греческое умозрѣніе учило процессу развитія чрезъ эволюцію въ восходящей лѣстницѣ отъ хаоса. Въ противоположность греческимъ системамъ, мысль гностиковъ была не методической, а поэтической, и уснащена восточными образами и фантазіями. Гностики также обнаруживали предпочтеніе къ восточнымъ миѳологіямъ въ именахъ ангеловъ. Парсеизмъ съ его вполнѣ развитой идеей Бога, какъ свѣта, халдейская астрологія (у Вардесана и Сатурнина) и буддизмъ съ его аскетической тенденціей, — все это вмѣстѣ съ сирійской и финикійской миѳологіями и придавало Г. его восточный отпечатокъ. Первой задачей, какую ставилъ себѣ Г., была задача привести человѣка, посредствомъ умозрительнаго знанія, къ спасенію. Главные вопросы, предъявлявшіеся ему для разрѣшенія, состояли въ томъ, какъ человѣческій духъ оказался заключеннымъ въ матерію и какъ возможно освободить его. Первый вопросъ почти тождественъ съ вопросомъ касательно происхожденія зла, — что Тертулліанъ, вмѣстѣ съ другими полемическими писателями, считалъ главнымъ предметомъ гностической мысли. Въ послѣднемъ, именно въ вопросѣ объ очищеніи и освобожденіи души, Г. содѣйствовалъ развитію одной изъ глубочайшихъ идей христіанства. Подъ вліяніемъ греч. философіи, гностики подчиняли волю знанію и представляли экспериментальное христіанство скорѣй какъ знаніе, чѣмъ вѣру, и дѣлали знаніе мѣриломъ нравственнаго состоянія. Они измѣняли послѣдовательность словъ Христа въ Матѳ. **5**, 8 на положеніе: видящіе Бога — чисты сердцемъ. Они находились подъ вліяніемъ аристократически сословнаго чувства греческаго философа, который считалъ себя стоящимъ выше религіознаго вѣрованія и унизительныхъ занятій толпы. Эта толпа оставалась на низшей ступени знанія, характеризуемой вѣрою. На вѣрующаго, державшагося послѣдней, они смотрѣли съ презрѣніемъ. Вѣра такимъ образомъ сдѣлалась для Г. принципомъ раздѣленія; между тѣмъ какъ христіанство дѣлаетъ ее узами единенія и братства между всѣми людьми. Гностики раздѣляли человѣчество на три класса, — духовныхъ (πνευματικοί), душевныхъ и плотскихъ (ὑλικοί, σαρκικοί). Послѣдніе дѣйствуютъ подъ вліяніемъ страстей и инстинктовъ. Матерія есть источникъ хаотическаго движенія и грѣховныхъ похо-

теи: Богъ и духовная природа (πνεῦμα) не подлежатъ вліянію инстинкта и страсти. Духовныя существа съ теченіемъ времени сознàютъ свое родство съ Богомъ и впослѣдствіи достигнутъ полной свободы. Это есть источникъ нравственнаго долга и законъ жизни для духовнаго класса людей. Члены его должны стараться возвыситься до духовнаго царства, и такимъ образомъ возростить заключающееся въ нихъ сѣмя. Разные писатели старались вывести различныя фазы Г. изъ какого-нибудь единичнаго главнаго принципа. Бауръ находитъ его въ идеѣ абсолютной религіи, выводимой изъ сочетанія язычества и іудейства, Липсіусъ полагаетъ его въ различіи между знаніемъ и вѣрой. Не отрицая этой антитезы, Неандеръ и Гильгенфельдъ точкой отправленія Г. считаютъ личность Міросоздателя, который у Валентина (вслѣдъ за Платономъ) называется Диміургомъ; у Василида — Архонтомъ, у офитскихъ сектъ—Ялдабаоѳомъ, т. е., сыномъ Хаоса. Это, во всякомъ случаѣ, есть наиболѣе отличительный образъ въ гностическихъ системахъ и сосредоточиваетъ въ себѣ его важнѣйшія идеи. Введеніе этого существа между Богомъ и видимой природой возникаетъ изъ противоположности между Богомъ и матеріей. Этотъ умозрительный дуализмъ приводитъ къ религіозному дуализму, который ставитъ Бога Н. Завѣта въ рѣзкое противорѣчіе съ Богомъ В. Завѣта. Диміургъ почти постоянно изображается, какъ имѣющій весьма соподчиненную дѣятельность по сравненію съ Богомъ (и одинъ только Іустинъ приписываетъ ему духовную или пневматическую природу). Духи, происходящіе отъ Бога, стоятъ выше его. Онъ принадлежитъ къ міру и отмѣчаетъ собою грань между міромъ и Богомъ. Описаніе его творческаго дѣла, по большей части, заимствуется изъ первыхъ главъ книги Бытія. Онъ есть Богъ іудеевъ. Но его царство разрушается царствомъ сатаны и царствомъ духовной или пневматической жизни. Классификація гностическихъ сектъ представляетъ много затрудненій. Со времени открытія Ипполита, затрудненіе сдѣлалось еще сильнѣе вслѣдствіе выставляемыхъ имъ дополнительныхъ системъ. Онъ сдѣлалъ также вѣроятнымъ, что среди гностиковъ распространена была не только дуалистическая, но и пантеистическая концепція. Гизелеръ раздѣляетъ ихъ на александрійскихъ, находившихся подъ вліяніемъ Платона, и сирійскихъ, среди которыхъ сильнѣе выступалъ дуализмъ. Но, по его собственному сознанію, система сирійскаго Маркіона не согласуется съ этимъ дѣленіемъ. Классификація на основѣ религіознаго вліянія, по которой Газе дѣлитъ гностиковъ на восточныхъ, греческихъ, христіанскихъ и іудейскихъ, не точна. Липсіусъ различаетъ среди нихъ три стадіи: 1) ранній Г., въ которомъ элементы сирскихъ миѳологій перемѣшаны съ іудейско-христіанскими идеями; 2) греческій Г., начинающійся съ предполагаемаго переселенія Василида въ Александрію; 3) переходный, къ которому принадлежитъ Маркіонъ. Мнимый переходъ отъ сирскаго къ греческому Г. въ Василидѣ не подтверждается фактами; обѣ эти формы его развивались одновременно. Въ Александріи Г. былъ силенъ уже въ половинѣ II вѣка. Тамъ началъ свою дѣятельность Керинѳъ, и, если слѣдовать свидѣтельству Ипполита, туда же принадлежалъ и Василидъ. Бауръ располагаетъ эти системы такъ: 1) гностики, которые сочетаютъ христіанство съ іудействомъ и язычествомъ (Василидъ, Валентинъ и офиты); 2) гностики, противопоставляющіе христіанство обоимъ послѣднимъ (Маркіонъ); 3) гностики, которые, отождествляя іудейство и христіанство, противопоставляютъ ихъ язычеству (Климентинскія бесѣды). Наилучшая группировка принадлежитъ Неандеру, который различаетъ два главныхъ класса,—іудействующихъ и противоіудействующихъ. Мы предпочитаемъ классификацію, основанную на историческомъ развитіи, и различаемъ: 1) періодъ спорадическаго гностицизма въ концѣ I вѣка; 2) періодъ величайшей плодовитости умозрѣнія до половины III вѣка; 3) періодъ упадка, въ которомъ уже замѣчается мало самобытной мысли (послѣ

V вѣка уже не появлялось ни одной новой системы); 4) возрожденіе гностическихъ идей около VII вѣка въ сектѣ каѳаровъ. Мы ограничимся разсмотрѣніемъ только первыхъ двухъ классовъ.

Г. оказалъ могучее воздѣйствіе на церковь. Когда церкви угрожала опасность подвергнуться мертвому буквоѣдству и формализму, идеалистическое умозрѣніе гностиковъ побуждало ее къ мысли и къ болѣе обстоятельному обсужденію ученія. Слѣдствіемъ было то, что тѣ пункты, въ которыхъ христіанство отличалось отъ іудейства и язычества, подверглись болѣе тщательному изслѣдованію. Александрійская школа богослововъ, которая далеко превосходила гностиковъ глубиною умозрительной мысли, давала тонъ новой жизни. Не вполнѣ свободная отъ того заблужденія, по которому сущность христіанства полагалась въ знаніи, она была христіанской по тону какъ ученія, такъ и нравственности. Она много заимствовала изъ богатыхъ умозрѣній греческой философіи, но держась вдалекѣ отъ восточной теософіи. Вліяніе Г. было не только полезнымъ въ смыслѣ повода для церкви яснѣе опредѣлить основные пункты своего ученія, но онъ далъ также стимулъ къ истолковательнымъ трудамъ. Василидъ и Иракліонъ были первыми толкователями на все Евангеліе. Гностики также были передовыми выразителями религіозной поэзіи. Многому научаясь у Г., церковь, съ другой стороны, тѣснѣе собиралась около своихъ епископовъ и сильнѣе выдвигала отличительные пункты своего ученія, свои обряды и свое апостольское происхожденіе. Г. былъ раціонализмомъ древней церкви. Это было усиліе умозрительной мысли объединить христіанское откровеніе съ разумомъ. Онъ выдвигалъ отличительные принципы эллинской философіи, восточной теософіи и іудейской религіи, и сравнивалъ съ ними великія идеи христіанства. Христіанство часто принимало самые фантастическіе внѣшніе образы, но оно всегда объявляло себя стоящимъ выше того, что́ предшествовало ему. Но Г. древней церкви отличался отъ раціонализма нашего времени тѣмъ, что ограничивался лишь умозрѣніями ученыхъ; новѣйшій Г. проникъ и въ народную массу. Это различіе объясняется, быть можетъ, тѣмъ обстоятельствомъ, что народъ тогда яснѣе видѣлъ вліяніе не-христіанской мысли и жизни на міръ и лучше понималъ превосходство и силу христіанства надъ всѣми предшествовавшими ему системами.

Первый періодъ Г. относится къ концу I вѣка. Самые ранніе признаки Г. можно усматривать въ Симонѣ Волхвѣ. Это былъ одинъ изъ многочисленныхъ маговъ или чародѣевъ Востока, которые приписывали себѣ силу совершать чудеса. Родоначальниками іудейскаго Г. были тѣ же лже-учители, противъ которыхъ возстаетъ ап. Павелъ въ своемъ Посланіи къ Колоссянамъ. Не отрицая мессіанскаго служенія Христа, они, повидимому, имѣли широко развитое ученіе объ ангелахъ, на которыхъ, быть можетъ, смотрѣли какъ на участниковъ въ твореніи. Указаніе на Г. есть также въ Посланіяхъ къ Тимоѳею. Первое Посланіе Іоанна направляется противъ докетизма. Въ концѣ апостольскаго вѣка Керинѳъ дѣйствовалъ въ той части Малой Азіи, гдѣ трудился ап. Іоаннъ. Онъ удерживалъ нѣкоторые пункты ученія В. Завѣта, но на мѣсто Бога ставилъ міросоздателя, Бога іудеевъ, который былъ также главой низшихъ ангеловъ. Іисусъ былъ сынъ Іосифа и Маріи. Искупитель сошелъ на Него во время Его крещенія и передъ страданіемъ оставилъ Его. Золотой періодъ Г. закончился около половины III вѣка. Послѣ первыхъ десятилѣтій II вѣка, гност. умозрѣніе было такъ плодовито системами, что въ этомъ отношеніи не имѣетъ ничего себѣ подобнаго въ исторіи и философіи, ни въ древней, ни въ новой. Возникнувъ въ Египтѣ и Сиріи, Г. распространился до отдаленнѣйшихъ частей христ. міра, отъ Едессы до Ліона. Переходимъ теперь къ описанію гностическихъ системъ въ отдѣльности.

I. Іудействующіе гностики. Василидъ и Валентинъ. До насъ дошли два разногласныхъ свидѣтельства о системѣ Василида. Ириней и Епифаній говорятъ,

что его система заключаетъ въ себѣ смѣлый дуализмъ и много заимствуетъ изъ парсизма. Ипполитъ и Климентъ Александрійскій, съ другой стороны, представляютъ ее монистической, находящейся подъ сильнымъ вліяніемъ греческой философіи, особенно стоиковъ. Послѣднее, очевидно, есть болѣе вѣрное представленіе. Св.Ириней не имѣлъ достаточныхъ свѣдѣній и даже не упоминаетъ объ Исидорѣ, сынѣ и ученикѣ Василида. Климентъ и Ипполитъ, съ другой стороны, повидимому, были знакомы съ сочиненіями обоихъ. О системѣ Василида см. подъ сл. «Василидъ». Что касается о Валентинѣ, то свѣдѣнія наши о немъ ограничиваются тѣмъ, что онъ прибылъ въ Римъ при епископѣ Гигинѣ (ок. 138 г.), пользовался наивысшимъ вліяніемъ при Піѣ (ок. 155 г.) и училъ до вступленія на папскій престолъ Аникиты (ок. 166 г.). Несомнѣнно, что онъ вышелъ съ Востока. Но свидѣтельство Тертулліана, что онъ порвалъ съ церковью и былъ неоднократно отлучаемъ, сомнительно. Валентинъ былъ одаренъ богатыми силами ума. Его система есть самая художественная изъ всѣхъ гностическихъ системъ. Она представляетъ собою эпическое повѣствованіе о твореніи, паденіи и искупленіи въ двухъ областяхъ, — на небѣ и на землѣ. См. о немъ подъ сл. «Валентинъ и валентиніане». О Вардесанѣ также см. подъ его собств. именемъ «Вардесанъ».

II. Антиіудейскіе гностики. Главными представителями ихъ были: 1) *Сатурнинъ* или Сатурнилъ изъ Антіохіи сирійской. Жилъ и дѣйствовалъ въ первой половинѣ II вѣка. Онъ училъ о рѣзкомъ антагонизмѣ между невѣдомымъ Богомъ и матеріей, надъ которой владычествуетъ сатана. Іудейство и язычество враждебны христіанству, и Христосъ былъ посланъ разрушить Бога іудейскаго и принести освобожденіе духовнымъ существамъ. 2) *Маркіонъ* былъ сынъ епископа синопскаго. Это былъ человѣкъ серьезнаго настроенія и сохранилъ въ себѣ много нравственной христіанской силы. Тертулліанъ сообщаетъ, что онъ нѣсколько разъ былъ отлучаемъ. Вѣроятно, что причиной оставленія имъ Сиріи и отправленія въ Римъ было то, что онъ надѣялся найти тамъ христіанство въ большей чистотѣ. Онъ былъ знакомъ съ св. Поликарпомъ. На христіанство онъ смотрѣлъ какъ на стоящее неизмѣримо выше іудейства и язычества. Но апологеты церкви сильно противодѣйствовали ему, и св. Поликарпъ, встрѣтившись съ нимъ въ Римѣ, относился къ нему, какъ къ первородному сатаны. Ходило преданіе, что впослѣдствіи, передъ своею смертью, онъ добивался возможности вновь вступить въ лоно церкви. Основныя идеи въ системѣ Маркіона слѣдующія. Существуетъ высочайшій Богъ, который есть любовь; затѣмъ слѣдуетъ Диміургъ, котораго онъ отождествляетъ съ Богомъ Ветхаго Завѣта и представляетъ его немилосерднымъ, и, наконецъ, *Или*, т. е. матерія, управляемая сатаной. Диміургъ сначала сочетается съ Или, чтобы создать міръ и человѣка, но, обманывая ее, присвояетъ человѣка себѣ. Въ отмщеніе за это, Или наполняетъ землю многобожіемъ и идолопоклонствомъ. Диміургъ продолжаетъ господствовать въ іудействѣ; но ни исторія іудейства, ни язычества не имѣетъ никакого отношенія къ высочайшему Богу. Сжалившись надъ человѣкомъ, Богъ посылаетъ Христа. Диміургъ добивается Его распятія. Христосъ сходитъ во адъ и проповѣдуетъ искупленіе іудеямъ, осужденнымъ Диміургомъ, и языческимъ идолопоклонникамъ Или. Онъ осуждаетъ самого Диміурга въ адъ и избираетъ своимъ апостоломъ Петра; ему только Онъ и вручаетъ чистое евангеліе. Маркіонъ принималъ въ свой канонъ только 10 Павловыхъ Посланій и искаженное Евангеліе отъ Луки. Наиболѣе способными послѣдователями его были: Апеллесъ, Препонъ и Луканъ. Маркіониты раздѣлялись на много сектъ и во времена Епифанія, по его свидѣтельству, были разсѣяны на огромномъ пространствѣ отъ Персіи до Рима. О докетахъ, которые принадлежали сюда же, см. подъ сл. Докетизмъ.

III. Языческіе гностики, представителями которыхъ были: 1) карпокра-

тіане. *Карпократъ* былъ александрiецъ, и училъ въ первыхъ десятилѣтіяхъ II вѣка. Его система была монистической. Вся жизнь, благодаря вѣчно расширяющемуся процессу, происходитъ изъ монады. На границахъ божественнаго развитія находится матерія, въ которой обитаютъ духи, окончательно отпавшіе отъ Бога. Его сынъ Епифанъ, написавшій сочиненіе «О справедливости», точно слѣдовалъ системѣ своего отца. Антиномизмъ карпократіанъ давалъ поводъ языческому міру возбуждать обвиненіе противъ христіанъ, съ которыми послѣдній отождествлялъ ихъ. 2) *Симонъ Волхвъ* (Дѣян. 8, 9, 10) уже во II вѣкѣ былъ объявленъ церковью какъ архіеретикъ и основатель Г. Хотя онъ и притворялся вѣрующимъ (Дѣян. 8, 13), но выдавалъ себя за великую силу Божію. Во II вѣкѣ отъ него вела свое происхожденіе одна секта, которая считала его власть равною съ властью апостоловъ. Ходило преданіе, что въ Тирѣ онъ купилъ себѣ блудницу. Своимъ послѣдователямъ онъ позволялъ боготворить ее, какъ свою первую мысль (Эннія), которая создала ангеловъ. Ангелы творятъ міръ; но она обольщаетъ ихъ своими чарами, такъ что они предаются похоти, на которую есть указаніе въ поэмахъ Гомера. Симонъ, повидимому, освобождаетъ Эннію, и, подобно ей, будутъ освобождены и всѣ гностики. Климентъ Александрійскій упоминаетъ нѣсколько сектъ, принадлежавшихъ къ этому разряду. Общій у всѣхъ нихъ былъ пантеизмъ. *Антитакты* надѣялись достигнуть спасенія, пренебреженіемъ всякаго нравственнаго закона, тѣмъ самымъ думая поразить Диміурга. Также поступали и послѣдователи Продика, которые гордо прилагали къ себѣ названіе гностиковъ. — *Николаиты* производили свое происхожденіе отъ діакона Николая (Дѣян. 6, 5) и равнымъ образомъ проповѣдывали свободу плоти. Они не имѣли никакого отношенія къ сектѣ того же имени, упоминаемой въ апокалипсисѣ.

IV. Офиты. Этого рода гностики, называемые у Ипполита офитами, у Климента Александрійскаго офіанами, отводятъ выдающееся мѣсто въ своихъ системахъ змѣю, — демону, который является представителемъ то зла, то добра. Въ этомъ отношеніи они, очевидно, впадали въ тонъ миѳологій древняго Вавилона (въ которой семиглавый змѣй борется противъ силъ свѣта), Персіи и Египта. Апокрифическая литература іудеевъ также часто упоминаетъ о змѣѣ. Офиты много заимствовали также изъ греческой философіи. Рѣзкая противоположность, въ которую они ставятъ іудейство и христіанство, а также преобладаніе у нихъ языческаго элемента, устраняютъ теорію, что они были іудейскаго происхожденія.—Третій гностикъ этого направленія—3) *Густинъ*, систему котораго излагаетъ Ипполитъ, находился гораздо больше подъ вліяніемъ ветхоз. идей, чѣмъ кто-либо другой изъ офитовъ. Отъ первоначально добраго мужского существа произошло женское существо — Едема, которая въ своей верхней части была человѣкомъ, а въ нижней — змѣемъ. Диміургъ (называемый Елогимъ), происшедшій отъ Бога, входитъ въ связь съ Едемой и рождаетъ два рода существъ, соотвѣтствующихъ ея двоякой природѣ. Оставленная имъ Едема наполняетъ землю зломъ. Елогимъ старается вести людей вверхъ, любитъ іудеевъ и открывается чрезъ Варуха, одного изъ ангеловъ, Моисею и пророкамъ. Послѣдніе однако соблазнены Едемой. Тогда Елогимъ обращается къ пророкамъ языческаго міра. Ихъ постигаетъ та же участь. Наконецъ, Варухъ находитъ въ Іисусѣ, сынѣ Маріи и Іосифа, твердаго противника Едемы. Онъ противодѣйствуетъ всѣмъ искушеніямъ змѣя, и послѣдній доводитъ Его до распятія. Этимъ открывается путь для полнаго отдѣленія земного и небеснаго; причемъ духъ Христа отошелъ къ Елогиму, а тѣло—къ Едемѣ. Офиты Иренея ставятъ христіанство въ болѣе рѣзкій антагонизмъ къ Диміургу. Явственно признается дуализмъ: съ одной стороны, Виѳосъ (бездна), божественное существо; съ другой стороны, матерія, безотрадный океанъ, составленный изъ воды, тьмы, хаоса и бездны. Изъ смѣшенія свѣта съ мате-

ріей происходитъ Ялдабаоѳъ, сынъ хаоса. Онъ есть создатель міра. Съ мрачной ненавистью относясь къ Или, онъ производитъ свой діавольскій образъ-Офіоморфъ или «змѣя извивающагося» (Ис. 27), а отъ него происходятъ всякое зло, скорбь и смерть. Онъ господствуетъ надъ Каиномъ и язычниками; Ялдабаоѳъ—надъ іудеями, и вдохновляетъ Моисея и другихъ пророковъ. Но онъ распинаетъ Іисуса, на котораго низшелъ небесный Христосъ, и не участвуетъ въ царствѣ свѣта. Но Христосъ приноситъ спасеніе всѣмъ духовнымъ существамъ.

Сиѳіане пользовались «Парафразомъ Сиѳа», откуда происходитъ и ихъ названіе. По ихъ ученію, матерія есть океанъ, бурный, хаотическій, мрачный. Свѣтъ возбуждаетъ въ матеріи змѣиную душу, которая становится Димиургомъ. Логосъ нисходитъ отъ свѣта, обманываетъ Димиурга, принимая видъ змѣя, и возводитъ душу въ царство свѣта.

Наасены (змѣепоклонники) жили во Фригіи. Они учили, что змѣй происходитъ отъ Бога и есть душа міра. Христосъ не искупляетъ людей Своею смертью, а Своимъ гносисомъ и ученіемъ.

Ператы, какъ означаетъ и ихъ имя, смотрѣли на себя, какъ на принадлежащихъ къ другому міру и находящихся въ этомъ мірѣ лишь въ состояніи переходности. Они учили около 150 г., потому что о нихъ упоминаетъ Климентъ Александрійскій. По ихъ ученію, архонтъ матеріи и есть илическій демонъ, и его сотоварищи суть ядовитые змѣи пустыни. Змѣй, какъ апостолъ мудрости, освобождаетъ Еву отъ рабства архонта. Къ нему принадлежатъ Каинъ, Нимвродъ и даже Моисей, возносящій змѣя въ пустынѣ. Подобно каинитамъ, они считали Іуду истиннымъ апостоломъ. Такимъ образомъ, вся евангельская исторія совершенно извращалась ими, причемъ змѣй признавался символомъ разума, который первый далъ истинное знаніе нашимъ прародителямъ, и истинный предатель Христа объявлялся высочайшимъ апостоломъ.

Другія различныя гностическія секты, описываемыя Епифаніемъ, какъ ѳивіониты, стратіоки, и др., отличались крайнею нравственною испорченностью, превосходящею всякое вѣроятіе. Съ одной стороны, богословіе и апологетика показали громадное превосходство христіанства надъ Г.; съ другой, гностическія секты, нѣкогда одушевлявшіяся благороднѣйшими цѣлями, выродились настолько, что не осталось ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что время ихъ прошло.

Обобщая ученіе Г. нужно сказать, что его богословіе составляетъ полную противоположность истинному христіанству. Что касается вопроса объ искупленіи, то общимъ у нихъ было то ученіе, что цѣль всякаго мірообразованія состоитъ въ томъ, чтобы два первоначально раздѣленныхъ принципа,—добрый и злой, опять отдѣлить одинъ отъ другого, части плиромы освободить изъ плѣненія въ этомъ видимомъ мірѣ, развязать или искупить; мысль объ искупленіи исходитъ отъ высочайшаго Бога; для этого требуется особый эонъ, котораго они называютъ то Спасителемъ, то Іисусомъ, то Христомъ, хотя называли еще и иначе, и который у всѣхъ сектъ былъ однимъ изъ высочайшихъ эоновъ; ни у одной изъ этихъ сектъ избавляющій эонъ не мыслился, какъ дѣйствительный человѣкъ. Но при этомъ опять выступали и разногласія между ними. Александрійцы, у которыхъ матерія мыслилась какъ низшая мертвая грань для божественнаго жизнеразвитія, видѣли въ Спасителѣ двойственное существо, именно человѣка, который былъ образованъ изъ матеріи, и на котораго позже сошелъ эонъ. Послѣдній только при крещеніи во Іорданѣ, посланный высочайшимъ Богомъ, соединился съ человѣкомъ (почему они уже во II вѣкѣ имѣли праздникъ Богоявленія — Климентъ Алекс., Strom. 1, 22), съ того времени совершалъ въ Немъ необычайныя дѣла и опять оставилъ Его во время страданій. Сирійскій гносисъ, который въ матеріи признавалъ безусловное зло, не признавалъ у Искупителя дѣйствительнаго, состоящаго изъ злой матеріи тѣла, а просто кажущееся тѣло (откуда такіе гностики

и назывались докетами), почти такъ, какъ теперь народное повѣрье представляетъ себѣ являющееся людямъ привидѣніе съ видимымъ и однако не дѣйствительнымъ тѣломъ. Дѣйствительныя или кажущіяся страданія Спасителя представляются, какъ дѣло Диміурга, который или по своей ограниченности, или по злобѣ, хотѣлъ такимъ образомъ разрушить дѣло избавленія. Вся задача искупленія состояла въ просвѣщеніи «духовныхъ» существъ, т. е., гностиковъ, касательно ихъ собственнаго превосходства и небеснаго происхожденія; кто этому вѣровалъ, тотъ и былъ таковымъ; у душевныхъ натуръ (т. е. православныхъ), могла быть еще нѣкоторая надежда, если только онѣ признавали гносисъ; для «вещественныхъ» натуръ не было избавленія, такъ какъ имъ не доставало для этого воспріимчивости. О воскресеніи Спасителя, какъ о немъ учитъ христіанство, естественно не могло быть и рѣчи; такъ какъ Спаситель не воскресъ, то и остальные люди не могли ожидать воскресенія тѣла. Таковое совсѣмъ не мирилось со всей системой, такъ какъ невозможно, чтобы матерія, какъ источникъ всякаго зла, вошла въ плирому, гдѣ существуетъ только доброе и божественное. Цѣль и конецъ мірового теченія, поэтому, есть возвращеніе всѣхъ составныхъ частей плиромы въ послѣднюю, послѣ чего матерія, лишенная всего высшаго, возвратится въ прежнюю смерть или свое ничто. Царство тьмы всецѣло будетъ ограничено само собою. Это состояніе они называли «возстановленіемъ всѣхъ вещей», которое въ ихъ системѣ играетъ значительную роль. О таинствахъ, въ христіанскомъ смыслѣ, въ этой системѣ не могло быть и рѣчи, такъ какъ она при своемъ презрѣніи къ матеріи, никогда не могла признавать ее средствомъ сообщенія благодати. Да имъ не доставало и самого понятія о благодати, такъ какъ, обладая превосходной природой, они не нуждались ни въ какой благодати. Такая цѣпь заблужденій не могла не остаться безъ вліянія на нравственное ученіе ихъ приверженцевъ. Но и въ этомъ отношеніи сильно обнаруживается различіе между александрійскимъ и сирійскимъ гносисомъ. Александрійскіе гностики, по самымъ своимъ принципамъ, такъ какъ они признавали въ Диміургѣ органъ высшаго Бога, который по Его идеямъ создалъ природу и далъ древній законъ, должны были соблюдать извѣстную умѣренность въ отношеніи къ тѣлу и къ міру, а также подчиняться закону; особенно они соблюдали достоинство брака, отчасти потому, что въ сильно населенной іудеями Александріи всегда сохранился тотъ высокій взглядъ на бракъ, который составлялъ особенность іудейства; отчасти потому, что въ Александріи и была сильно распространена система Валентина, которая населяла плирому чистыми четами эоновъ и въ ихъ сочетаніяхъ видѣла небесный прообразъ брака. Иначе смотрѣлъ сирійскій гносисъ, который изъ міросоздателя и законодателя дѣлалъ существо, совершенно враждебное высочайшему Богу и Его міроправленію; изъ этого гносиса вышла крайне фантастическая, мрачная вражда къ міру. Вражда эта обнаруживалась двоякимъ образомъ: у болѣе благороднѣйшихъ и благоразумныхъ людей въ видѣ крайне строгаго образа жизни, который боязливо избѣгалъ всякаго соприкосновенія съ міромъ; у нечистыхъ же, склонныхъ къ распущенности, выражался въ дерзкомъ пренебреженіи всякими нравственными законами. Первые носили имя *энкратитовъ* (воздержныхъ), а послѣдніе—*антитактовъ* или антиномистическихъ сектъ (см. статьи Антитакты и Антиномизмъ). Первые предписывали обязательное безбрачіе и пренебрежительно относились къ браку, какъ къ чему-то нечистому, совершенно преступному; послѣдніе оправдывали всякое удовлетвореніе постыдныхъ страстей, на томъ основаніи, что все чувственное, внѣшнее, совершенно безразлично, и что истинный гностикъ, чрезъ пренебреженіе всѣми ограничивающими законами, именно чрезъ преступленіе исходящихъ отъ Диміурга заповѣдей Десятословія, имѣющихъ своею цѣлью порабощеніе и угнетеніе

высшаго человѣческаго духа, долженъ относиться къ нимъ съ противодѣйствіемъ и презрѣніемъ. Послѣ всего этого не удивительно, что гностики ничего не хотѣли знать о мученичествѣ за Христа и Его ученіе. Спаситель оставался тѣмъ, чѣмъ Онъ былъ и безъ ихъ исповѣданія; они совершенно не почитали Его Богомъ, между тѣмъ какъ главная суть дѣла и состояла именно въ исповѣданіи предъ іудеями и язычниками божества Іисуса Христа. По мнѣнію гностиковъ, достаточно было вѣровать, а не исповѣдывать.

Невольно возникаетъ вопросъ, какимъ образомъ гностики могли выдавать за христіанскую истину столь странныя, чудовищныя фантазіи. Это объясняется тѣмъ, что они свое ученіе заимствовали изъ различныхъ источниковъ. Одни изъ нихъ ссылались на тайное преданіе, которое будто бы апостолы оставили своимъ наиболѣе довѣреннымъ лицамъ, и которое до нихъ въ тишинѣ распространялось, какъ тайное ученіе избраннаго кружка вѣрующихъ. Другіе ссылались на Св. Писаніе, причемъ однако смотрѣли на Ветхій Завѣтъ, какъ на дѣло Димiурга, и поэтому или вполнѣ отвергали его, или не придавали ему никакого существеннаго значенія. Въ Писаніяхъ Н. Завѣта, при критическомъ обращеніи съ которыми они допускали неограниченный произволъ, различали, что́ отъ лица Спасителя говорилъ небесный эонъ и что́ — земной человѣкъ, утверждая, что апостолы многое поняли невѣрно и приспособлялись къ понятіямъ своего времени, и не безъ остроумія обращали въ пользу своей системы кое-что изъ того, что́ послѣ этого оставалось въ качествѣ чистаго ученія Христова. Особеннно на руку имъ были притчи Господни, потому что здѣсь представлялось больше всего мѣста для произвольнаго истолкованія. При извѣстномъ произволѣ, естественно, можно было съ помощью ихъ доказать все, что угодно, и кто охотно вѣритъ, тому легко и доказать. Многіе однако охотно присоединялись къ Г. потому, что въ немъ удобно было держаться старой народной религіи, и потому еще, что эта система сильно потворствовала прирожденной гордости и (по крайней мѣрѣ у одного направленія сирійскихъ гностиковъ) чувственности — этимъ двумъ старымъ страстямъ еретическаго іудейства. Кромѣ того, въ восточной философіи и тѣсно связанныхъ съ нею народныхъ религій Востока, египетской, финикійской, парсійской и буддистской, и въ самомъ александрійскомъ іудействѣ, насколько онъ образовался подъ вліяніемъ Платоновской философіи, особенно благодаря Филону, въ самомъ христіанствѣ можно было находить нѣкоторыя точки соприкосновенія для гностическихъ идей. Враждебное положеніе тогдашняго міра къ христіанской церкви и глубокій чувственный упадокъ большей части человѣчества, вмѣстѣ съ ученіемъ христіанства, что существуютъ два царства,—царство Божіе и царство зла, между которыми происходитъ неустанная борьба; что Христосъ есть гражданинъ высшаго міра; что «князь міра сего» долженъ быть побѣжденъ, и т. д.,—все это у отдѣльныхъ благонамѣренныхъ, но не особенно просвѣщенныхъ христіанъ, могло давать доступъ гностическимъ идеямъ.

Литература. До насъ сохранилось единственное гностическое сочиненіе: Pistis-Sophia Valentina, изданное Петерманомъ въ Берлинѣ, 1851 г. Свидѣтельство о гностикахъ находится у *Иринея*, Adv. Haer., Libri V; *Ипполита* въ его «Изобличеніи всѣхъ ересей»; также *Tertullian*, Praescrip. adv. Haer. и adv. Tarc.; *Clem. of Alexandria*: въ его «Строматахъ»; *Origen*, Com. on Gosp. of Iohn; у *Евсевія* въ Церк. Ист.; у *Епифанія* въ Панакріонѣ; и *Θеодорита*. См. также *Neander*, Genet. Entw. d. Gnost., Tüb., 1831; *Möhler*, Ursprung d. Gnost., Tüb., 1831; *Baur*, D. christl. Gnosis, Tüb., 1835; *Lipsius*, D. Gnosticismus, Leip., 1860; *Harnack*, Zur Quellenkritik d. Gesch d Gnost., Leip., 1873 и др.

ГОББЕСЪ Θома (1588 — 1679 г.) — извѣстный религ. философъ, сынъ сельскаго священника. Мать родила его преждевременно, когда армада Филиппа испанскаго угрожала берегамъ Англіи Г. родился очень слабымъ и, несмотря на это, прожилъ очень долго. За его метафизическія воззрѣнія Г. называютъ матеріалистомъ, такъ какъ онъ признавалъ, что суще-

ствуютъ только тѣла, что и Богъ есть тѣло, и духъ тѣлесенъ. Но понятіе тѣла у Г. не матеріалистическое: онъ и государство называетъ тѣломъ. Всякое явленіе, по Г, познается нами, какъ движеніе: движеніе тѣла или движеніе въ тѣлѣ. Явленія совершаются съ необходимостію. Установивъ механическую точку зрѣнія на существующее, Г. для изученія его рекомендуетъ математическій методъ. Внѣшніе предметы воздѣйствуютъ на человѣка, но образы, вызываемые въ немъ, не отвѣчаютъ дѣйствительности; они такъ же не соотвѣтствуютъ имъ, какъ числа вещамъ, они—условные знаки; человѣкъ комбинируетъ ихъ, какъ и числа. Такъ и сенсуализмъ Г., какъ и его матеріализмъ, только символическій, а не реалистическій. Внѣшніе предметы вызываютъ въ человѣкѣ не только ощущенія, но и чувства удовольствія и неудовольствія. Отсюда возникаютъ стремленія, стремленіе одерживающее верхъ надъ другими есть воля, свобода является тамъ, гдѣ для воли нѣтъ внѣшняго препятствія, но это не исключаетъ внутренней необходимости дѣйствія. Г. въ ученіи о волѣ является строгимъ детерминистомъ. Добро есть то, что влечетъ къ себѣ; зло—то, что отъ себя отталкиваетъ. Понятіе добра условно и для различныхъ людей различно. Впервые общая мѣрка для оцѣнки добра является въ государствѣ. Государство есть человѣческое созданіе. Въ до-государственномъ состояніи каждый велъ на свой счетъ и страхъ борьбу за свое благополучіе, и тогда происходила bellum omnium contra omnes, и homo былъ homini lupus. Такой порядокъ вещей былъ невыгоденъ для человѣка, и вотъ—принципъ борьбы за существованіе люди дополнили принципомъ взаимопомощи. Status naturalis смѣнился на status civilis. Человѣкъ не есть по природѣ животное общественное, какъ опредѣлялъ его Аристотель; этотъ эпитетъ съ гораздо большимъ правомъ приложимъ къ пчеламъ, осамъ и муравьямъ, но онъ сталъ животнымъ общественнымъ, потому что это для него выгодно. Такимъ образомъ возникновеніе государства обязано человѣческому эгоизму, но будучи продуктомъ эгоизма, оно прежде всего обязываетъ отрекаться отъ эгоизма тѣхъ, кто его создалъ: въ естественномъ состояніи человѣкъ признавалъ за собою право на все, въ государственномъ онъ передаетъ это право государству. Эта передача совершается посредствомъ договора, который и лежитъ въ основаніи государственнаго союза. Человѣкъ отказывается здѣсь отъ личной воли и подчиняется общей. Представителемъ общей воли является или одно лицо или цѣлая коллегія. Власть представителя должна быть безусловной. Въ государствѣ не должно быть свободы личности. Подобно тому, какъ Эпикуръ училъ, что боги существуютъ лишь въ промежуткахъ вещества, такъ Г. допускаетъ, что свобода въ государствѣ существуетъ лишь въ промежуткахъ положительнаго законодательства, и понятно, что эти промежутки постоянно должны становиться все болѣе и болѣе узкими. Не должно быть свободы въ сферѣ религіозной, таковая можетъ вести только къ бѣдствіямъ. Такъ, при различіи религіозныхъ воззрѣній представитель власти можетъ потребовать отъ гражданина чего-нибудь такого, что послѣднему представится грѣхомъ (присяги, участія въ военной службѣ). Возникаютъ несогласія, раздоры, которые многократно вели къ междоусобіямъ и войнамъ. Нѣтъ такого догмата, относительно котораго нельзя было бы спорить, отсюда при раздѣленіи свѣтской и религіозной власти всегда неизбѣжны конфликты. Римскій папа всегда можетъ потребовать отъ англійскаго гражданина противнаго тому, чего требуетъ отъ него король. Чтобы этого не было, нужно единство власти, нуженъ цезаро-папизмъ. Эти разсужденія показываютъ, что Г. не видѣлъ въ религіи чего-либо безусловно неизмѣняемаго, и дѣйствительно, онъ не только невысоко цѣнитъ религіозныя формы, но и ихъ основаніе—религіозное чувство выводитъ изъ очень невысокихъ свойствъ человѣческой природы. Вотъ—его взгляды на происхожденіе религіи. Человѣку свойственна пытливость, т. е.

стремленіе знать причины наблюдаемыхъ имъ явленій. Стремленіе это различно у различныхъ лицъ, но всякій непремѣнно интересуется тѣми явленіями, которыя приносятъ ему счастье или несчастье. Разсматривая явленія, какъ цѣпь причинъ и слѣдствій, человѣкъ по прекращеніи одного явленія ожидаетъ другаго, т. е. думаетъ о будущемъ. При незнаніи причинъ дѣйствительныхъ, будущее должно страшить его. Этотъ страхъ долженъ быть обращенъ на какой-либо предметъ, и если таковаго не находитъ, то создаетъ его своимъ воображеніемъ, т. е. относитъ причину благопріятныхъ и неблагопріятныхъ для него явленій къ невидимымъ силамъ. Въ этомъ смыслѣ правы древніе, говорившіе timor primos fecit deos, ибо эти незримыя силы, которыхъ мы боимся, суть не что иное, какъ боги. Признавъ эти силы нематеріальными, люди стали мыслить ихъ съ тѣми самыми аттрибутами, которые приписываются человѣческой душѣ. Вслѣдствіе этого мы и стараемся дѣйствовать на эти силы тѣми же средствами, которыми дѣйствуемъ на людей болѣе сильныхъ, чѣмъ мы—поклоненіемъ, почитаніемъ, ухаживаніемъ и т. д. Естественно, что къ этимъ средствамъ особенно прибѣгаютъ въ случаѣ поразительныхъ и рѣдкихъ явленій, которыхъ не умѣютъ объяснить. Такъ, невѣжество рождаетъ страхъ, а страхъ рождаетъ боговъ. По мѣрѣ расширенія знаній съуживается территорія дѣятельности божества. Такимъ образомъ, какъ у Г. выходитъ, что свобода людей существуетъ лишь въ промежуткахъ государственнаго законодательства, такъ у него оказывается, что боги существуютъ лишь въ промежуткахъ или пробѣлахъ человѣческаго знанія. Исчезнутъ или, по крайней мѣрѣ, должны ли исчезнуть совсѣмъ эти промежутки? Г. не даетъ отвѣта на этотъ вопросъ, но онъ даетъ рядъ соображеній объ откровеніи и христіанствѣ, которыя, правда, не дышатъ особенно глубокою вѣрою, но изъ которыхъ однако вытекаетъ, что онъ никакъ не долженъ быть называемъ атеистомъ. Г. предлагаетъ рядъ правилъ, которыя должны быть приняты во вниманіе при изслѣдованіи предлагаемаго откровенія. Слово Божіе можетъ быть возвѣщаемо лишь чрезъ истиннаго пророка. Мы должны узнать, кто истинный пророкъ? Народъ вѣрилъ Моисею за его чудеса и за его ученіе. Позднѣйшимъ пророкамъ вѣрили и за ихъ пророчества и по вѣрѣ въ Бога Авраамова. Въ изслѣдованіи откровенія мы должны руководиться нашимъ разумомъ и всѣми имѣющимися у насъ средствами познанія. Въ откровеніи не можетъ быть ничего противоразумнаго, но можетъ быть нѣчто сверхъразумное — тайны. Встрѣчая ихъ въ откровеніи, мы должны подчинять нашъ разумъ словамъ. Религіозныя тайны подобны пилюлямъ: ихъ нужно проглатывать цѣлыми, а если ихъ начнешь разжевывать, то по большей части непремѣнно выплюнешь. Подчиненіе разума не должно быть понимаемо такъ, что мы непремѣнно соглашаемся съ словами Писанія. Послѣднее—не въ нашей власти, мы можемъ только не опровергать тѣхъ, кому принадлежитъ власть утверждать ученіе. Откровеніе можетъ быть или непосредственнымъ или посредственнымъ: непосредственное знаетъ тотъ, кто его получилъ, а повѣрить другому, что онъ его получилъ, во всякомъ случаѣ очень трудно. Если тотъ, кому я обязанъ послушаніемъ, скажетъ, что онъ получилъ откровеніе, я обязанъ ни словомъ, ни дѣломъ не опровергать его, но вѣры у меня онъ не можетъ вынудить. Заявленіямъ лицъ, не имѣющихъ авторитета о получаемыхъ ими откровеніяхъ, я не обязанъ повиноваться. Писаніе указываетъ два признака истиннаго пророка—возвѣщеніе ученія уже принятаго и совершеніе чудесъ. Человѣкъ считаетъ чудомъ то, что необычно, и то, что не умѣетъ объяснить. Если оселъ заговоритъ, это — чудо, а если человѣкъ произведетъ подобнаго себѣ, это не считается чудомъ. Первая радуга была чудомъ, теперешнія—нѣтъ. Чудеса можетъ творить только Богъ. Исключительная задача чудесъ—возбудить вѣру въ совершающихъ ихъ пророковъ, поэтому твореніе міра, напримѣръ, не было чудомъ. Пророки воз-

вѣщали слово Божіе, это Г. принимаетъ безъ изслѣдованія, какъ историческій фактъ, но онъ указываетъ, что подъ словомъ Божіимъ должно разумѣть не только Откровеніе Божіе, но и ученіе о Богѣ, причемъ выдвигаетъ многія возраженія противъ обычнаго пониманія Моисеева Пятокнижія и полагаетъ начало критикѣ ветхозавѣтнаго канона. Непосредственнымъ Откровеніемъ, по Г., основано царство Божіе. Хотя человѣкъ и владѣетъ способностью естественнаго богопознанія, однако, предоставленный самому себѣ, онъ легко можетъ впасть въ атеизмъ или суевѣрія. Разумъ безъ страха ведетъ къ атеизму, страхъ безъ разума — къ суевѣріямъ. Когда большая часть людей впала въ идолопоклонство, Богъ призвалъ Авраама вести людей къ истинному богопочитанію. Богъ открылъ ему себя непосредственно, съ нимъ и его сѣменемъ заключилъ завѣтъ такъ, чтобы Авраамъ признавалъ Бога, какъ своего Бога, т. е. подчинялся Ему, какъ Владыкѣ. За это Богъ отдавалъ ему Ханаанъ. Знакомъ завѣта служило обрѣзаніе, но кромѣ него мы не видимъ никакихъ законовъ, которые бы возвышались надъ естественными требованіями. На Синаѣ этотъ законъ былъ возобновленъ и расширенъ. Богъ былъ царемъ Израиля. Выразителемъ его воли былъ Моисей, затѣмъ должны были быть первосвященники, но фактически часто бывали пророки. Послѣ избранія царя вся власть перешла къ нему. Теократія съ согласія Божія была упразднена. Царство Божіе возстановляется Христомъ. Служеніе Христа было тройственнымъ: Онъ — искупитель, учитель и царь. Царское служеніе Его, несомнѣнно, важнѣйшее. Христосъ посылается Богомъ, чтобы заключить союзъ между Нимъ и народомъ. Царство Божіе, основанное Христомъ, дѣйствительно начнется только съ Его вторымъ пришествіемъ въ день суда. Первое пришествіе было только призывомъ тѣхъ, которые желаютъ быть принятыми въ будущее царство. Хотя царство это наступитъ въ будущемъ, однако желающіе вступить въ него должны въ настоящемъ вести себя такъ, чтобы укрѣпляться въ послушаніи требуемомъ завѣтомъ. Христіанская религія есть договоръ: Богъ обѣщаетъ прощеніе грѣховъ и введеніе въ небесное царство, люди обѣщаютъ послушаніе и вѣру. Одно послушаніе было бы достаточнымъ, еслибы оно было совершеннымъ, но какъ мы за грѣхъ Адама и за свои собственные подлежимъ наказанію, то нуждаемся для того, чтобы стать послушными въ будущемъ, въ прощеніи прошедшихъ грѣховъ. Вѣра есть свободный даръ Божій. Для спасенія необходимъ одинъ членъ вѣры, что Іисусъ есть Христосъ; въ каковомъ членѣ само собою заключается утвержденіе, что Богъ всемогущъ и есть создатель всего, что Іисусъ Христосъ воскресъ и воскреситъ всѣхъ людей въ день суда. Христіанская церковь, по Г., подчинена или вчинена государству, какъ высшему авторитету. Общество гражданъ есть государство, общество христіанъ есть церковь.

Оцѣнка. У Г. много отдѣльныхъ цѣнныхъ мыслей, иногда они связываются между собою крѣпкою и прямолинейною, хотя и грубою логикою, только эта логичность, къ несчастію, присуща лишь отдѣльнымъ мѣстамъ системы, но безусловно отсутствуетъ въ системѣ. Въ этой системѣ есть общій недостатокъ всѣхъ детерминистическихъ религіозныхъ системъ: Богъ, по этимъ ученіямъ, оказывается, наказываетъ человѣка за то, что Самъ создалъ его дурнымъ. Но есть еще у Г. и другой капитальный недостатокъ. Г. развиваетъ теорію подчиненія церкви безъ личной вѣры, какъ и подчиненія государству безъ уваженія къ законамъ. Но такое подчиненіе несовмѣстимо ни съ разумомъ, ни съ чувствомъ благополучія, ни съ совѣстью. У Г. государство и церковь возникаютъ для блага человѣка, а потомъ оказывается, что человѣкъ долженъ жить и дѣйствовать лишь для ихъ процвѣтанія. Конецъ забылъ свое начало. Государство является левіаѳаномъ (наименованіе Г.), поглощающимъ въ себѣ всѣхъ своихъ гражданъ, ихъ свободу и благополучіе. Затѣмъ, при несоотвѣтствіи государственныхъ законовъ благополучію гражданъ, естественно у мно-

гихъ желаніе перемѣны управленія и религіи. А разъ такая перемѣна—хотя бы и насильственно совершенная—состоялась, новый порядокъ будетъ такъ же законнымъ и обязательнымъ, какъ и прежній. Слѣдовательно, законна и революція, если она будетъ имѣть счастливый исходъ. Теорія Г. *принудительнаго* подчиненія *во всемъ* власти, какъ условіе наибольшаго благополучія и развитія, противорѣчитъ всему историческому ходу вещей, по которому процессъ развитія есть процессъ освобожденія, а не подчиненія. Это—какъ въ сферѣ политической, такъ и въ сферѣ религіозно - нравственной. Идеалъ въ послѣдней области—*свободное* исполненіе долга. «Идѣже духъ Господень, ту свобода» (2 Кор. 3. 17).

Литература: Для изученія религіозной философіи Г. важны главнымъ образомъ два его сочиненія: 1) латинское—De cive. 1647 и 2) Leviathan, or the matter, forme and power of a commonwealth ecclesiasticall and civil. 1651. См. еще *G. V. Lechler*, Geschichte des englischen Deismus. 1841, *Р. В. Орбинскій*—Англійскіе деисты XVII—XVIII в; *Pünjer*, Geschichte der christlichen Religions-philosophie B. I. 1880. Краткія изложенія—въ курсахъ по исторіи новой философіи и по исторіи политическихъ ученій. *С. Глаголевъ.*

ГОБЧАНСКІЙ Іоаннъ Мироновичъ, священникъ, представляетъ собою рѣдкій примѣръ настойчивости и борьбы во имя науки съ самыми неблагопріятными условіями. Сынъ бѣднаго псаломщика волынской епархіи, онъ, окончивъ курсъ своей семинаріи, въ 1891 г., поступилъ священникомъ въ с. Пособину, дубенскаго уѣзда. Еще въ семинаріи съ особенною любовію отдавшись изученію психологіи, онъ съ необыкновеннымъ усердіемъ продолжалъ свои занятія и по выходѣ изъ семинаріи, не взирая на свою крайнюю болѣзненность и хилость, и тратилъ на выписку нужныхъ ему книгъ свои послѣдніе рессурсы. Плодомъ его настойчивыхъ занятій явилась его «Опытная психологія». Крайне больной, онъ въ 1896 г. вынужденъ былъ выйти за штатъ и совсѣмъ уже сталъ готовиться къ смерти. Однако судьба дала ему счастливую отсрочку. Первое изданіе его книги вызвало нѣкоторыя возраженія учебнаго комитета. Авторъ съ жаромъ принялся дѣлать исправленія и закончилъ эту свою работу. Тогда пришла и смерть. Онъ скончался 21 августа 1899 г., 30 лѣтъ. Съ 1897 г. онъ снова вступилъ на службу и состоялъ священникомъ въ с. Колоденкѣ, ровенскаго уѣзда. Послѣ смерти трудъ жизни увѣнчался успѣхомъ. «Опытная психологія», въ 2 ч., изд. 2, Спб. 1901 г., въ переработкѣ, увѣнчана св. синодомъ преміей митрополита Макарія. Книга обратила на себя вниманіе «свѣжестью матеріала», «искуснымъ его выборомъ», единствомъ, и въ особенности искренностью тона; «видно, что авторъ былъ психологомъ по призванію». Изъ существующихъ руководствъ и пособій «Опытная психологія» Г. признана наиболѣе приспособленною къ семинарской программѣ этой науки («Волынск. Е. В.», 1899 г., № 30.—«Церк. Вѣд.», 1902 г., № 8).

С. Рункевичъ.

ГОВАРДЪ Джонъ—извѣстный ратоборецъ за преобразованіе тюремъ въ духѣ христіанскаго милосердія и человѣколюбія (род. близъ Лондона, въ 1726 г.; ум. въ Херсонѣ, въ Россіи, въ 1790 г.). Сначала онъ состоялъ мальчикомъ при зеленной лавкѣ; но, получивъ въ 19-тилѣтнемъ возрастѣ значительное наслѣдство по смерти своего отца, онъ оставилъ торговлю и отправился путешествовать по Европѣ. Въ 1756 г. онъ отправился въ Лиссабонъ, но корабль былъ захваченъ французами, и Г. заключенъ былъ въ тюрьму въ Брестѣ. Положеніе его въ тюрьмѣ было тяжелое, пища плохая, причемъ провизія бросалась узникамъ прямо нарасхватъ. Переведенный въ Морле, онъ на честное слово былъ отпущенъ и возвратился въ Англію. Въ томъ же году (1756 г.) онъ сдѣлался членомъ королевскаго общества по изслѣдованію метеорологіи. Въ 1769 г. онъ совершилъ обширное путешествіе по Италіи и другимъ странамъ Европы, и, по возвращеніи, былъ избранъ шерифомъ округа Бетфорда, въ 1773 г. Съ этого времени начинается новый періодъ въ жизни Г. Онъ началъ рядъ изслѣдованій о состояніи тюремъ, про-

должавшихся въ теченіе многихъ лѣтъ, путешествовалъ по разнымъ странамъ Европы, и осмотрѣлъ почти всѣ главныя тюрьмы въ наиболѣе важныхъ городахъ какъ Англіи, такъ и континента. Эти безкорыстные труды приводили его въ соприкосновеніе съ коронованными особами и парламентами и пріобрѣли его имени мѣсто, рядомъ съ именами Вильберфорса и г-жи Фрей, среди благороднѣйшихъ филантроповъ своей страны. По должности шерифа, онъ имѣлъ случай посѣщать тюрьмы Бетфордскаго округа, и состояніе его души выразилось въ его собственныхъ словахъ: «Я видѣлъ сцены бѣдственности, потребность облегчить которыя возрастали во мнѣ все болѣе и болѣе». Не только самыя помѣщенія были жалки, но заключенные всецѣло отданы были на милость не получавшихъ жалованья тюремщиковъ, которые присвоивали себѣ то, что шло на содержаніе заключенныхъ. Въ ноябрѣ 1773 г. онъ началъ посѣщать тюрьмы сосѣднихъ округовъ и эти изслѣдованія, постепенно расширяясь болѣе и болѣе и простираясь на большинство окружныхъ тюремъ въ Англіи, Ирландіи и Шотландіи (1775 г.), укрѣпили въ немъ убѣжденіе въ настоятельной необходимости принять мѣры къ преобразованію этихъ учрежденій. Помѣщенія тюремъ были сырыя и находились въ подземельяхъ, мрачныхъ и грязныхъ. Въ одномъ случаѣ общій городской стокъ шелъ прямо подъ одну изъ тюремъ, и притомъ незакрытый. Постели обыкновенно состояли изъ соломы, и пища давалась нездоровая и въ недостаточномъ количествѣ. Тюремныя лихорадка и оспа, въ самой жестокой формѣ, были самыми обычными болѣзнями. Въ 1774 г. онъ былъ призванъ, въ качествѣ свидѣтеля подобнаго состоянія тюремъ, въ комитетъ палаты общинъ. Въ постановленной палатою резолюціи, она «признавала гуманность и ревность, которая побудила Г. посѣщать различныя тюрьмы въ королевствѣ»; и въ томъ же году прошло два законопроекта о необходимости лучшаго обращенія съ заключенными и попеченія о тюрьмахъ. Весной 1775 г. Г. побывалъ въ Парижѣ, и, послѣ многихъ хлопотъ, ему удалось получить позволеніе посѣтить тюрьмы, которыя онъ описываетъ, какъ «ужасныя и страшныя свыше всякаго воображенія». Онъ путешествовалъ также по Швейцаріи, Германіи, Бельгіи и Голландіи, причемъ въ послѣднихъ двухъ странахъ нашелъ тюрьмы въ сравнительно сносномъ положеніи. По возвращеніи въ Англію, онъ издалъ сочиненіе о «состояніи тюремъ въ Англіи и Валлисѣ, съ предварительными замѣчаніями» и проч. Въ теченіе слѣдующихъ лѣтъ онъ путешествовалъ по Швеціи, Россіи, Венгріи и по другимъ странамъ Европы, повсюду преслѣдуя одну и ту же филантропическую цѣль, сдѣлавшуюся страстью всей его жизни. Послѣднія пять лѣтъ своей жизни Г. провелъ въ мѣропріятіяхъ къ ослабленію ужасовъ чумы. Съ этою цѣлью онъ посѣтилъ, въ 1785 г., лазареты въ различныхъ городахъ Италіи, ѣздилъ даже въ Смирну, и инкогнито плавалъ на судахъ, зараженныхъ чумой, чтобы только лучше познакомиться со способами борьбы съ этою болѣзнью и съ характеромъ карантинныхъ учрежденій. Въ 1789 г., во время своего послѣдняго пребыванія въ Англіи, онъ издалъ «Отчетъ о главныхъ лазаретахъ въ Европѣ», и проч. Эти послѣдніе годы были омрачены для него дикимъ поступкомъ его единственнаго сына, сошедшаго съ ума; но еще разъ онъ отправился въ путешествіе по Европѣ, доѣхалъ до Херсона, заразился чумой отъ одной женщины, которую старался излѣчить, и умеръ. Въ честь его поставленъ въ соборѣ св. Павла памятникъ, содержащій хорошо заслуженную похвалу. Ему именно обязана система тюремъ своимъ улучшеніемъ, не только въ Англіи, но и въ большей части странъ Европы.

ГОВОРОВЪ Алексѣй Вас.—б. экстраординарный проф. казанской духовной академіи по каѳедрѣ гомилетики и исторіи проповѣдничества, магистръ богословія. Уроженецъ воронежской губ., образованіе получилъ въ воронежской духовной семинаріи и закончилъ въ казанской духовной академіи, гдѣ получилъ въ 1879 г. степень кандидата бого-

словія съ правомъ при исканіи степени магистра богословія не держать новаго устнаго испытанія. Въ томъ же—1879 г., по защитѣ pro venia legendi «Отношеніе комедій Аристофана къ современной жизни поэта въ Аѳинахъ» и по прочтеніи двухъ пробныхъ лекцій: «О Ксенофонтѣ, какъ историкѣ» и «о греческомъ произношеніи», допущенъ былъ къ чтенію лекцій въ казанской дух. акад. по каѳедрѣ греческаго языка въ званіи приватъ-доцента и продолжалъ это преподованіе до новаго устава 1884 г. Въ 1884 г. былъ назначенъ помощникомъ инспектора академіи, а въ 1885 г. избранъ совѣтомъ акад. на каѳедру гомилетики съ званіемъ исправл. должн. доцента (Жур. сов. 1885 г., стр. 323—326). Въ 1887 г. получилъ степень магистра богословія, послѣ чего былъ утвержденъ въ званіи доцента, въ каковомъ званіи пребывалъ до 1892 г., когда былъ удостоенъ званія экстра-ординарнаго профессора. Съ 1896 г. состоитъ въ академіи лекторомъ нѣмецкаго языка. Помимо академическихъ обязанностей, г. Г. въ 1880 и 1881 гг. преподавалъ теорію словесности въ казанскомъ пансіонѣ г. Дубровиной, а съ 1890 г. состоитъ преподавателемъ русскаго языка въ казанскомъ пѣхотномъ юнкерскомъ училищѣ. Среди литературныхъ трудовъ А. Г. слѣдуетъ отмѣтить его магистерскую диссертацію: «Св. Григорій Богословъ, какъ христіанскій поэтъ», Казань, 1886 г. «Сочиненіе это, по отзыву проф. А. Некрасова, имѣетъ содержаніемъ своимъ почти исключительно литературную сторону поэзіи св. Григорія Богослова; написано оно языкомъ яснымъ, чистымъ, по мѣстамъ даже увлекательнымъ. Литературная оцѣнка св. отца сдѣлана съ пониманіемъ какъ литературныхъ требованій вообще, такъ и требованій литературы духовной. Въ авторѣ видѣнъ литературно-богословскій навыкъ. Въ сочиненіи весьма удачно систематизированы разбросанныя по разнымъ стихотвореніямъ нравственно-назидательныя изреченія святаго отца» (Журн. сов. каз. духовн. акад. 1886 г.; засѣд. 13 іюня). Кромѣ того, г. Г. напечатано въ «Правосл. Соб.» 1883 г. I—III: «Евстаѳій, митрополитъ солунскій, писатель XII-го вѣка» (Къ характеристикѣ внутренней исторіи Византіи), 1889 г., II; «Къ исторіи поученій при крещеніи» (съ нѣмецкаго), 1895 г., XII; «Основной принципъ церковной проповѣди и вытекающіе изъ него предметы и задачи церковнаго краснорѣчія» (есть и отд. изд.), 1897 г.; «Ораторское искусство въ древнее и новое время» (Публ. лекція въ пользу общества вспомощ. своекоштнымъ студ. каз. дух. акад.;—есть и отд. изд.). Въ «Правосл. же Собесѣдн.» печаталась первоначально въ 1885 г. и магистерская диссертація. Въ «Филог. Записк.» за 1882 г. напечатана его статья: «Произношеніе греческой буквы Δ. Пер. нѣм. брошюрки: Wie studirt man Philologie». Ему же принадлежитъ въ «Извѣстіяхъ по Казанской еп.» за 1895 г. статья по поводу двадцатипятилѣтія казанской братской школы, въ «Душеп. Чт.», 1894 г. (V—VI): «Воспоминанія о преосвященномъ Ѳеофанѣ—затворникѣ близкихъ родственниковъ». *Д.*

ГОГЪ и Магогъ — царь и страна, о которыхъ говорится въ знаменитомъ пророчествѣ Іезекіиля въ гл. **38** и **39** и въ Апокалипсисѣ **20**, 7. Онъ жилъ въ землѣ Магогъ и назывался «княземъ Роша, Мешеха и Ѳувала» (Іезек. **38**, 2; **39**, 1). Имя Г. встрѣчается въ библейскихъ генеалогіяхъ (1 Пар. **5**, 4) и въ клинообразныхъ надписяхъ. По общепринятому толкованію, Г. былъ царемъ скиѳовъ, и о немъ упоминается въ разсказахъ о войнахъ Ассурбанипала. Въ концѣ VII вѣка до Р. Х. скиѳы сдѣлали нашествіе на западную Азію и навели ужасъ на всѣ народы. Прогнанные съ обитаемыхъ ими кавказскихъ горъ массагетами, они спустились въ Малую Азію. Вооруженные луками, сидя на коняхъ, какъ ихъ изображаетъ Іезекіиль (**39**, 3 и **38**, 15), они взяли Сарды. Затѣмъ, повернувъ къ югу и плѣнивъ царя Сіаксара, они направились къ Египту. Псамметиху удалось избавиться отъ нихъ только богатыми подарками. Возвращаясь прежнимъ путемъ, они разграбили храмъ въ Аскалонѣ. Наконецъ, они были разбиты и

разсѣяны, но имя ихъ навсегда осталось синонимомъ ужаса и страха. Воспоминанія о ихъ грабежахъ и жестокостяхъ были еще свѣжи въ памяти у всѣхъ, когда писалъ Іезекіиль, и потому пророкъ и беретъ ихъ, какъ эмблему жестокости къ избранному народу и противниковъ царства Божія вообще. По изображеніи пророка, Г. собираетъ огромное полчище, состоящее изъ персовъ, эѳіоповъ, ливійцевъ, самарійцевъ и армянъ, и ведетъ его на Палестину (Іезек. **38**, 1—9) съ цѣлію опустошить святую землю, вновь достигшую процвѣтанія (10—16). Но Богъ, чтобы показать язычникамъ свое могущество, уничтожаетъ этихъ варваровъ (17—23), которые и гибнутъ массами на горахъ Израиля (**39**, 1—8), такъ что звѣри и хищныя птицы питаются ихъ тѣлами (9 — 20). Эта побѣда Іеговы такимъ образомъ содѣйствовала распространенію славы Его имени среди язычниковъ. Въ Апокалипсисѣ Г. и М. выступаютъ какъ многочисленные народы, враждебные царству Божію, и въ символическомъ смыслѣ подъ ними нужно вообще разумѣть противниковъ христіанства во всѣхъ ихъ видахъ и проявленіяхъ.

ГОГОЛЬ Николай Васильевичъ (род. 1809, † 1852 г.) занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ въ рядѣ первоклассныхъ писателей нашей художественной литературы. Какъ Пушкинъ считается отцомъ русской поэзіи, такъ Г.—отцомъ нашей художественной прозы. Литературное величіе Г. озарено ореоломъ неизмѣнной, засвидѣтельствованной всею его жизнію, преданности православной церкви и ея идеаламъ. Онъ родился въ православной, малороссійской, помѣщичьей семьѣ, стариннаго дворянскаго рода, одинъ изъ членовъ котораго (прадѣдъ отца Г.) былъ питомцемъ кіевской духовной академіи и впослѣдствіи священникомъ. Мѣсторожденіе Г.—Сорочинцы, находящіеся на границѣ миргородскаго и полтавскаго уѣздовъ. До десяти лѣтъ онъ воспитывался дома, обучаясь грамотѣ подъ руководствомъ учителя-семинариста. На одиннадцатомъ году его отдали въ гимназію высшихъ наукъ въ Нѣжинѣ, иначе называвшуюся лицеемъ. Большихъ успѣховъ въ наукахъ въ теченіе курса этой гимназіи Г. не оказалъ; выдѣлялся онъ изъ среды товарищей только успѣхами въ рисованіи и сценическомъ искусствѣ, которое страстно любилъ. Уже на школьной скамьѣ Г. проявляетъ характерныя свойства своего духа: религіозность и стремленіе послужить человѣчеству, сдѣлавъ для него что-нибудь великое. На пятнадцатомъ году жизни лишившись отца, онъ пишетъ матери, что только религія спасла его отъ самоубійства. Учась въ послѣднихъ классахъ лицея, онъ страстно мечтаетъ о будущей своей дѣятельности на пользу человѣчества и боится только того, чтобы судьба «не отвела ему черной квартиры неизвѣстности въ мірѣ». Несмотря на то, что въ лицеѣ онъ много и охотно писалъ для журнала, издаваемаго лицеистами, Г. мечтаетъ осуществлять свою идеальную мечту о служеніи человѣчеству не на поприщѣ писательской дѣятельности, а чиновничьей. Въ цѣляхъ осуществленія своей мечты, по окончаніи курса лицея, онъ стремится въ Петербургъ, надѣясь тамъ найти широкое поле для дѣятельности. Пріѣхавъ сюда со скромными средствами, онъ терпитъ цѣлый рядъ неудачъ и разочарованій. Устроиться сообразно мечтамъ ему не удается; напечатанная имъ идиллія въ стихахъ «Ганцъ Кюхельгартенъ» жестоко осмѣивается критикой. Въ порывѣ отчаянія Г. сжигаетъ оставшіеся отъ продажи ея экземпляры и уѣзжаетъ за-границу почти безъ всякихъ средствъ и опредѣленныхъ цѣлей. Доѣхавъ до Любека, онъ однако возвращается назадъ и устраивается чиновникомъ въ департаментѣ Удѣловъ. Канцелярская дѣятельность, конечно, не могла удовлетворить юношу съ такими идеальными запросами отъ жизни. Онъ томится среди нея и энергично ищетъ выхода къ осуществленію взлелѣянной имъ еще въ школѣ мечты. Инстинктъ толкаетъ его на поприще писательской дѣятельности; онъ пишетъ цѣлый рядъ разсказовъ изъ малороссійской жизни, которые въ 1831 и 32 гг. выходятъ отдѣльнымъ изданіемъ въ 2-хъ частяхъ

подъ названіемъ «Вечеровъ на хуторѣ близъ Диканьки» (Ч. I, «Сорочинская ярмарка», «Вечеръ наканунѣ Ивана Купалы», «Майская ночь или утопленница», «Пропавшая грамота»; II ч., «Ночь передъ Рождествомъ», «Страшная месть», «Иванъ Ѳедоровичъ Шпонька и его тетушка», «Заколдованное мѣсто»). Эти разсказы доставляютъ ему литературную извѣстность и знакомство. Жуковскій, котораго сближала съ Г. не одна общая имъ любовь къ искусству, а и общая религіозность, принимаетъ участіе въ его судьбѣ. По его просьбѣ Плетневъ устраиваетъ Г. преподавателемъ исторіи въ патріотическомъ институтѣ. Г. однако не удовлетворяется скромной дѣятельностью преподавателя, не отвѣчавшей его, хотя нѣсколько нескромной, но безспорно идеальной мечтѣ о великой службѣ человѣчеству, и очень скоро начинаетъ думать о каѳедрѣ исторіи при университетѣ, какъ о своемъ призваніи. Жуковскій и Пушкинъ успѣваютъ доставить ему эту каѳедру въ Петербургѣ. Однако первый же годъ опыта убѣждаетъ Г. въ его неподготовленности къ данному дѣлу. Онъ оставляетъ каѳедру глубоко огорченный неудачей. Между тѣмъ литературный успѣхъ продолжаетъ ему сопутствовать и невольно обращаетъ его вниманіе на писательскую дѣятельность, какъ путь къ осуществленію завѣтной мечты. Изданные въ 1835 г. два сборника его произведеній «Арабески» (въ него вошли статьи по исторіи и искусству, а также повѣсти «Портретъ», «Невскій проспектъ» и «Носъ») и «Миргородъ» («Старосвѣтскіе помѣщики», «Тарасъ Бульба», «Вій» и «Повѣсть о томъ, какъ поссорился Иванъ Ивановичъ съ Иваномъ Никифоровичемъ») окончательно упрочили его литературную славу. Впрочемъ, знаменитая комедія Г. «Ревизоръ», напечатанная имъ въ 1834—35 г., была встрѣчена какъ большею частью печати, такъ и публикой несочувственно. Разстроенный этой неудачей, совпавшей съ тяжелымъ разочарованіемъ въ своемъ ученомъ призваніи, Г. въ 1836 г. уѣзжаетъ за-границу. Побывавъ въ Германіи, Швейцаріи и Франціи, онъ выбираетъ себѣ Римъ, какъ мѣсто постояннаго жительства. Оставаясь здѣсь почти до конца жизни, онъ совершаетъ отсюда только эскурсіи по заграницѣ и только наѣзды въ Россію, всегда по дѣламъ и, по возможности, на короткое время. По новѣйшимъ біографическимъ даннымъ Г. чуть-чуть не сдѣлался въ Римѣ жертвою польско-католической агитаціи, завлекшей тогда въ свои сѣти многія русскія знатныя фамиліи, а также все русское консульство въ Римѣ въ его полномъ составѣ. Два брата ордена «воскресенцевъ», только что основаннаго знаменитымъ поэтомъ Мицкевичемъ, уже доносили своему начальству, что Г. поддается на ихъ хитрыя рѣчи. Однако, какъ показало будущее, онъ устоялъ въ православіи и только лишь глубоко задумался о вопросахъ религіозныхъ и своемъ призваніи. Его пламеннымъ желаніемъ въ эти годы жизни дѣлается служеніе идеаламъ церкви. Ихъ проповѣди желаетъ онъ посвятить свой литературный талантъ; работѣ надъ этой задачей онъ отдаетъ всѣ остальные года своей жизни. Уѣзжая заграницу, онъ увезъ съ собою сюжетъ «Мертвыхъ душъ», данный ему Пушкинымъ. Надъ этимъ сюжетомъ онъ и работаетъ за-границей въ духѣ своего настроенія. Въ 1842 г. Г. издаетъ первую часть этого труда, для чего пріѣзжаетъ въ Россію. Однако она писателя не удовлетворяетъ, какъ и все доселѣ напечатанное имъ. Во второй части этого труда онъ надѣется «создать такіе живые образы и характеры, которые пошли бы на вѣкъ въ урокъ людямъ и которыхъ въ то же время никто не назвалъ бы идеальными». Задавшись такими грандіозными цѣлями и чувствуя во все продолженіе труда, что онъ далекъ отъ нихъ, Г. изнываетъ надъ этой работой и въ подвигахъ поста, молитвы и нравственнаго самоусовершенствованія ищетъ для нея силъ. Наконецъ, въ 1845 г., удается ему довести вторую часть до конца, однако, перечитавъ ее, Г. не удовлетворяется ею и съ болью въ сердцѣ сжигаетъ свой многолѣтній трудъ. Отчаявшись выполнить задуманное и въ то же

время, желая сдѣлать въ качествѣ писателя что-либо полезное, онъ въ 1847 г. рѣшается выпустить въ свѣтъ «Выбранныя мѣста изъ переписки съ друзьями». Однако эта книга, несмотря на искреннее христіанское настроеніе и идеалы ея автора, вызываетъ цѣлую бурю самыхъ жестокихъ нападокъ, даже отъ друзей писателя. Подавленный этими неудачами Г. рѣшаетъ, что онъ не можетъ продолжать работу не съѣздивъ въ Палестину поклониться Гробу Господню. Въ 1848 г. онъ приводитъ свое намѣреніе въ исполненіе. Изъ Палестины онъ возвращается въ Россію и затѣмъ уже не покидаетъ ея до самой смерти. Вторично написавъ здѣсь вторую часть «Мертвыхъ душъ», Г за нѣсколько дней до смерти сжигаетъ ее вновь по неизвѣстнымъ мотивамъ. Умеръ Г. послѣ долгихъ и строгихъ аскетическихъ приготовленій къ смертному часу. За недѣлю до смерти онъ говѣлъ, питаясь одною просфорою и простаивая ночи въ молитвѣ. Его строгимъ наставникомъ и руководителемъ въ его аскетическихъ подвигахъ былъ извѣстный ржевскій протоіер. о. Матвѣй Константиновскій. Погребенъ Г. въ Москвѣ въ Даниловомъ монастырѣ и на его памятникѣ вырѣзано изреченіе пророка Іереміи: «горькимъ словомъ моимъ посмѣюся». Какъ о памятникѣ глубокой религіозной настроенности Г. необходимо упомянуть о его «Размышленіяхъ о божественной литургіи», начатыхъ имъ еще въ 1845 г. и потомъ постоянно писавшихся и исправлявшихся до самыхъ дней смерти.

Лучшее изд. сочиненій Г. сдѣлано подъ редакціей профессора Н. С. Тихонравова и В. И. Шенрока. Послѣднему также принадлежитъ наиболѣе полное и провѣренное собраніе писемъ Г. въ четырехъ томахъ, а также лучшая его біографія, изданная въ четырехъ томахъ въ 1898 г. подъ заглавіемъ «Матеріалы для біографіи Гоголя». *П. Ласкѣевъ.*

ГОГОЦКІЙ Сильвестръ Сильвестровичъ, магистръ богословія, докторъ философіи и древней филологіи; сынъ каменецъ-подольскаго каѳедр. протоіерея, родился въ 1813 г.; первоначальное воспитаніе получилъ дома подъ руководствомъ своего отца, который, между прочимъ, часто упражнялъ его въ произнесеніи поздравительныхъ рѣчей и чтеніи стихотвореній, благодаря чему онъ привыкъ съ раннихъ лѣтъ къ публичнымъ чтеніямъ. Впослѣдствіи Г. всегда съ благодарностью вспоминалъ объ отцѣ, какъ своемъ воспитателѣ. Въ 1821 г., 8 лѣтъ, поступилъ въ духовное училище, а въ 1827 г. въ дух. семинарію. Еще до полнаго окончанія курса въ семинаріи начальство хотѣло послать его въ академію, но этому воспротивился отецъ, и Г. поступилъ въ кіевск. д. акад. уже въ 1833 г. Будучи студентомъ, съ особеннымъ вниманіемъ и интересомъ слушалъ лекціи по философіи прот. Скворцова, Карпова и Новицкаго и по богословію — ректора архим. Иннокентія (Борисова). Лекціи этихъ проф. имѣли наиболѣе сильное и глубокое вліяніе на Г. — Курсовое сочиненіе при окончаніи курса писалъ на тему: «Критическое обозрѣніе ученія римской церкви о видимой главѣ церкви». Сочиненіе это впослѣдствіи выдержало нѣсколько изданій и дало автору степень магистра богословія (въ 1887 г.). По окончаніи курса, оставленный при академіи, Г. состоялъ сначала преподавателемъ польскаго яз., затѣмъ съ 1839 г. — нѣмецкаго яз. и только въ 1842 г. былъ назначенъ баккалавромъ философскихъ наукъ. — Но академическая аудиторія не удовлетворяла Г., онъ искалъ болѣе широкаго поля дѣятельности и въ этихъ видахъ въ началѣ 40-хъ годовъ подалъ въ университетъ св. Владиміра заявленіе о своемъ желаніе читать тамъ лекціи, какъ ни отговаривалъ его отъ этого шага высокопреосв. Филаретъ (Амфитеатр.). Прежде чѣмъ однако удалось достичь намѣченной цѣли, пришлось перенести много разныхъ испытаній: отъ него потребовали, чтобы онъ получилъ сначала ученыя степени при университетѣ, для чего необходимо было держать и устныя испытанія. Но затрудненія эти, какъ велики они ни были (по нѣкоторымъ предметамъ нужно было отвѣчать на латинск. яз.), были преодолѣны, и въ 1845 г. Г. удостоенъ былъ степени кандидата философіи, въ 1848 г. — магистра, а въ 1850 г. — доктора фи-

лософіи и древней филологіи. Докторскую диссертацію писалъ на тему: «Обозрѣніе системы философіи Гегеля». Однако любимую каѳедру получить не удалось и теперь, послѣ стольких трудовъ и усилій, такъ какъ каѳедра философскихъ наукъ въ это время была закрыта во всѣхъ университетахъ, а преподаваніе логики и психологіи поручено было законоучителямъ. Въ виду этого Г., послѣ кратковременнаго исполненія временно возложенной на него университетомъ обязанности цензора кіевскаго ценз. комитета, въ 1851 г. избранъ былъ на каѳедру педагогіи, съ званіемъ экстраординарн. проф. и только въ 1869 г., съ открытіемъ вновь каѳедры философскихъ наукъ, занялъ эту послѣднюю каѳедру съ званіемъ ординарнаго профессора, не оставляя однако каѳедры и педагогіи (безвозмездно), и состоялъ при ней до 1886 г., когда, въ силу постигшей его хронической болѣзни глазъ и преклонныхъ лѣтъ, вынужденъ былъ оставить свои занятія при университетѣ.

Занимаясь однако въ университетѣ, Г. не забывалъ и духовной академіи. Къ ней онъ всегда чувствовалъ благодарность и любовь. «Шестнадцать цвѣтущихъ лѣтъ моей жизни, писалъ онъ впослѣдствіи по поводу поздравленія его съ юбилеемъ, я формировался подъ вліяніемъ академіи и желалъ бы, чтобы мое глубокое уваженіе къ академіи и искренняя признательность за полученное въ ней образованіе были во всеуслышаніе гласны» («Тр. Кіевск. Д. Ак.», 1887 г., XII, стр. 656). Чтеніе лекцій въ академіи онъ прекратилъ въ 1851 г., будучи ординарнымъ профессоромъ, каковое званіе получилъ въ 1850 г. (экстра-ордин. былъ назначенъ въ 1848 г.). Среди студентовъ академіи онъ пользовался любовью и уваженіемъ; лекціями его были всѣ довольны, онъ умѣлъ вліять на умы своихъ слушателей. Читая исторію философіи, Г. не пропускалъ никогда случая сопоставить то или иное положеніе съ христіанскимъ ученіемъ, стараясь оттѣнить то, когда разумъ человѣческій самъ доходилъ до истины, которую провозвѣстилъ во всей полнотѣ Спаситель. Съ другой стороны, видя въ своихъ слушателяхъ будущихъ служителей св. алтаря, онъ старался заронить въ ихъ душу уваженіе къ твореніямъ отечественныхъ пастырей церкви. По свидѣтельству его слушателя, онъ такъ хорошо умѣлъ заинтересовать отеческой проповѣднической литературой, что даже тѣ, кто, повидимому, не чувствовалъ никакого расположенія къ этой литературѣ, съ увлеченіемъ принимались за знакомство съ рекомендуемымъ имъ писателемъ (*Н. Флоринскій*, прот. «В. и Раз.», 1889 г., № 20. С. С. Гогоцкій). Академія съ своей стороны никогда не забывала заслугъ своего труженика-профессора. Когда въ 1887 г. исполнилось 50 л. ученой и учебной его дѣятельности, представители корпораціи являлись съ поздравленіемъ къ нему, а совѣтъ академіи избралъ его почетнымъ членомъ, въ каковомъ званіи онъ былъ утвержденъ св. синодомъ 11 сент. 1887 г.

Кромѣ дух. академіи и унив., Г. въ разное время преподавалъ во многихъ другихъ учебныхъ заведеніяхъ. Между прочимъ, онъ былъ продолжателемъ трудовъ проф. унив. Селина по устройству въ Кіевѣ высшихъ женскихъ курсовъ, состоялъ тамъ съ 1878 по 1880 г. предсѣдателемъ педагогическаго совѣта и до конца своей служебной дѣятельности читалъ лекціи по педагогіи и психологіи. — Сознавая пользу педагогическаго образованія для пастырей церкви, нѣкоторое время безмездно читалъ лекціи по педагогіи въ кіевск. дух. семинаріи; преподавалъ тотъ же предметъ въ женскомъ училищѣ гр. Левашевой, въ кіевскомъ институтѣ благородныхъ дѣвицъ, — исторію въ кадетск. корпусѣ, а позднѣе психологію для воспитателей военной гимназіи. — Любовь къ юношеству не угасала въ въ Г. до самой смерти; его завѣтнымъ желаніемъ въ цѣляхъ обезпеченія наилучшаго нравственно-религіознаго воспитанія молодыхъ поколѣній было, чтобы составлена была философія исторіи, возможно полная и обстоятельная. Съ особеннымъ участіемъ онъ относился къ молодежи изъ славянъ: его домъ навсегда оставался гостепріимнымъ

пріютомъ для учащихся славянъ—какъ въ академіи и университетѣ, такъ и въ др. учебн. заведеніяхъ, а равно и для всѣхъ временно пріѣзжавшихъ въ Кіевъ изъ славянскихъ земель. Къ тому, что дѣлается въ этихъ странахъ, онъ чутко прислушивался; уже на концѣ своей жизни для противодѣйствія стремленіямъ окатоличить славянскія народности онъ принялся за подготовку своего сочиненія о видимой главѣ церкви къ новому изданію, но смерть, послѣдовавшая 19 іюня 1889 г., помѣшала ему довести дѣло до конца.

Въ философіи Г., несомнѣнно, находился подъ вліяніемъ Гегеля, хотя и не настолько, чтобы не видѣть его крайностей. О Шеллингѣ и Гегелѣ онъ любилъ говорить; его лекціи, особенно о философіи послѣдняго, отличались особеннымъ одушевленіемъ. Въ ней, по его мнѣнію, отразилось и даже доведено до крайности стремленіе развить внутреннюю жизнь въ гармоніи съ внѣшней. Въ философіи дѣятельность мысли и познанія соприкасается съ тѣмъ противостоящимъ ей міромъ, отъ котораго она получаетъ созерцаніе свое. Задача философіи опредѣляется стремленіемъ къ познанію безусловнаго начала вещей, ихъ внутренней связи и отношенія къ этому началу. А педагогика стремится приготовить человѣка къ самодѣятельности и самообразованію: ея задача въ изысканіи и разсматриваніи способовъ возможно наилучшаго развитія всѣхъ силъ человѣка.

Наиболѣе замѣчательныя сочиненія Г.: а) богословскія: «Критическ. обзор. ученія римской церкви о видимой главѣ церкви»; затѣмъ многочисл., помѣщ. въ журн. «Воскр. Чт.», 1838—1847 гг.: «Св. Іустинъ-мученикъ, первый мыслитель христіанскій» (1838 г.); «Св. Кириллъ, патр. александрійскій», «Воскресеніе мертвыхъ»; «Молитва»; «О постѣ» и др.; б) философскія: «Критическій взглядъ на философію Канта» (диссерт. pro venia legendi. Кіевъ, 1847 г.); «О характ. философіи среднихъ вѣковъ» («Совр.», 1849 г.); «Обозрѣніе системы философіи Гегеля» (Кіевъ, 1860 г.); «Введеніе въ исторію философіи» (Кіевъ, 1871 г.); «Философскій Лексиконъ» (Т. I—IV. Кіевъ, 1857—1873 гг.)—весьма обстоятельный трудъ и какъ первое явленіе этого рода въ Россіи занимаетъ видное мѣсто въ нашей филос. литературѣ; «Философскій Словарь» (1876 г.); «Философія XVII и XVIII вв. въ сравненіи съ философіею XIX в. и отношеніе той и др. къ образованію («Унив. Изв.», 1883 г., кн. 3; 1878—1884 гг.) и др.; в) педагогическія: «Объ историческомъ развитіи воспитанія у примѣчат. народовъ древн. міра», Кіевъ, 1853 г.; «О различіи между воспитаніемъ и образованіемъ въ древнія и новыя времена», Кіевъ, 1874 г.; «Краткое обозрѣніе педагогики», Кіевъ, 1879 г.; «О высшемъ образованіи въ примѣненіи къ женщинѣ» (Рѣчь при откр. ж. к. 1878 г.); г) публицистическія: «Голосъ изъ Юго-Зап. Руси» («Р. Сл.», 1859 г.); «Галиція, Галицкіе Русины и ихъ стремленія къ религ., умств. и литературн. жизни (Приб. къ «Под. Еп. Вѣд.», 1863 г., № 2); «На какомъ яз. слѣдуетъ обучать въ сельск. школахъ Ю.-Зап. Руси» («Кіев. Тел.», 1863 г.); «Украинофильство съ его затѣями» («Вол. Вѣд.», 1881 г.) и мн. др.

См. о немъ «Труды К. Дух. Ак.», 1887 г., кн. XII; ст. *Поспѣлова*, «50-лѣтіе уч. дѣят.»; «В. и Раз.», 1889 г., № 20. *Флоринскій*, «С. С. Гогоцкій»; *Колубовскій*, «Матер. для ист. фил. въ Россіи». «Вопр. фил.», кн. 4; Некрологъ въ «Моск. Вѣдом.»; «Кіевское Слово», 1889 г., № 1. *Д.*

ГОДЪ—библейскій и церковный. 1) *годъ библейскій*. Обычнымъ обозначеніемъ года въ Библіи служитъ еврейскій терминъ שָׁנָה, заключающій въ самомъ своемъ корнѣ идею повторенія, круговращенія, правильнаго чередованія извѣстныхъ періодическихъ смѣнъ (annies, ἐνιαντός). А такъ какъ Библія почти исключительно имѣетъ дѣло съ еврейскимъ времясчисленіемъ, то и вопросъ о библейскомъ Г. въ сущности сводится для насъ къ изслѣдованію года у древнихъ евреевъ. Въ частности мы должны здѣсь рѣшить три слѣдующихъ спорныхъ вопроса: 1) какой годъ былъ у др. евреевъ: солнечный или лунный? 2) изъ сколькихъ мѣсяцевъ онъ состоялъ? и 3) когда начинался: осенью или весной? Въ рѣшеніи перваго изъ нихъ, болѣе или ме-

нѣе, сходятся почти всѣ ученые, утверждая, что Г. древнихъ евреевъ, какъ и современныхъ намъ, былъ луннымъ, т. е. опредѣлялся фазами луны и временемъ ея обращенія вокругъ земли. Правда, исторія библейской археологіи знаетъ и нѣсколько противоположныхъ попытокъ—доказать сравнительную древность у евреевъ солнечнаго счисленія передъ луннымъ (Calmet, Credner, Böttcher и Seyffart), но она же имѣетъ и прекрасные опыты разоблаченія ихъ несостоятельности (Bohlen, Benfey, Wiener, Vigouroux и др.). Убѣжденіе въ лунномъ характерѣ еврейскаго Г. покоится на цѣломъ рядѣ солидныхъ доказательствъ. Сюда прежде всего, относится та особенная, исключительная роль, которая усвояется въ Библіи лунѣ: она поставляется въ ряду великихъ свѣтилъ, долженствовавшихъ служить «въ знаменія, во времена, и во дни и въ лѣта» (Б. **1**, 14), и даже прямо называется мѣриломъ времени (Пс. **103**, 19), ясно различаясь въ этомъ отношеніи отъ солнца, которому приписывается только блескъ и зной, тогда какъ за луной признается свойство «являть лѣта и знаменія вѣка» и опредѣлять «знаменіе праздника» (Сир. **43**, 2—7 ст.). И дѣйствительно, большинство еврейскихъ праздниковъ стояло въ зависимости отъ луны и ея фазъ, а нѣкоторые даже спеціально ею обусловливались. Такъ, оба главныхъ еврейскихъ праздника «Пасха» вмѣстѣ съ «Опрѣсноками» (Исх. **16**, 10) и праздн. «Кущей» (Лев **23**, 34—44; Исх. **23**, 16 ст.; Втор. **16**, 13—15) падали на полную луну и продолжались до наступленія слѣдующей ея четверти. Кромѣ того, у евреевъ существовалъ спеціальный праздникъ «*новомѣсячій*», справлявшійся при наступленіи каждаго новолунія, причемъ особымъ звукомъ трубъ возвѣщалось и начало новаго мѣсяца (Числ. **10**, 10), на благополучное теченіе котораго и испрашивалось благословеніе Іеговы усиленными возліяніями и жертвами (Числ. **28**, 11—15). Далѣе, объ исключительной роли луны въ календарѣ евреевъ говоритъ и самое названіе «мѣсяца», для обозначенія котораго у нихъ существовало два термина—chodesch и yerah, изъ которыхъ первый значитъ «новолуніе», а второй—«полная луна»; оба—весьма древняго происхожденія. Наконецъ, нѣтъ недостатка и во внѣшнихъ свидѣтельствахъ о лунномъ Г. евреевъ: объ этомъ говоритъ не только современное счисленіе евреевъ, но и вся раввинская литература, гдѣ данный вопросъ разработанъ со всею тонкостью каббалистической учености (Гемара, трактатъ «Берахотъ» и Мишна, тракт. «Рошъ гаххашана»; а Zohar in Gensim 236 р. въ лунномъ счисленіи евреевъ видитъ даже особую привилегію ихъ передъ всѣми прочими народами, ведущими солнечное счисленіе). Сюда же въ концѣ концовъ относится и свидѣтельство древнихъ ассиро-вавилонскихъ памятниковъ, твердо устанавливающихъ какъ безспорно лунный характеръ халдейско-вавилонскаго Г., такъ и его несомнѣнное вліяніе на еврейскій, сказавшееся въ тождествѣ именъ мѣсяцевъ, въ равенствѣ ихъ общаго количества и въ одинаковой степени ихъ продолжительности.

Категорическое признаніе луннаго Г. у евреевъ отчасти уже предрѣшаетъ и второй изъ поставленныхъ вопросовъ—о продолжительности библейскаго Г. Послѣдняя ни въ какомъ случаѣ не должна быть меньше 354 дней, т. е. полнаго круга луны, состоявшаго изъ двѣнадцати синодическихъ оборотовъ, какъ даетъ право заключать объ этомъ самое древнѣйшее библейское указаніе на продолжительность Г., какое мы находимъ въ исторіи всемірнаго потопа, гдѣ между окончаніемъ 10-го мѣсяца и началомъ слѣдующаго Г. указывается интервалъ въ 54 дня, т. е. приблизительно еще два лунныхъ мѣсяца, что въ общей сложности и составляетъ 12 мѣсяцевъ [1]) (Быт. **8**, 5—13). Опредѣленныя

[1]) Въ виду этого, мы считаемъ даже излишнимъ критиковать мнѣнія тѣхъ древнихъ, средневѣковыхъ и новыхъ хронологистовъ, которые объемъ древне-еврейскаго, въ особенности патріархальнаго Г., готовы были съузить до восьми, шести четырехъ, трехъ и даже двухъ мѣсяцевъ,

свидѣтельства о двѣнадцати мѣсячномъ объемѣ библейскаго Г. проходятъ черезъ всю ветхозавѣтную исторію (3 Цар. **4**, 7; 1 Пар. **27**, 1, 15; Iер. **52**, 31; Ез. **19**, 11, 32; Дан. **4**, 26 и пр.). Первоначально, въ теченіе всей доплѣнной эпохи, мѣсяцы Г. не имѣли собственныхъ названій, а обозначались по порядку ихъ слѣдованія: первый, второй, третій и т. д. Исключеніе составляли лишь четыре мѣсяца года, имѣвшіе помимо числового еще и предметное наименованіе: это—первый мѣсяцъ Авивъ (Исх. **13**, 4; Втор. **16**), второй — Зивъ «мѣсяцъ цвѣтовъ» (1 Цар. **6**, 1, 37), седьмой—Еѳанимъ «мѣсяцъ ручьевъ» (1 Цар. **8**, 2) и осьмой — Було «мѣсяцъ дождей» (1 Цар. **6**, 38). Въ эпоху же послѣплѣнную, кромѣ прежняго обозначенія мѣсяцевъ, появляются и новыя, заимствованныя отъ ассировавилонянъ, а именно: 1—Нисанъ, 2—Іияръ, 3 — Сиванъ, 4 — Таммузъ, 5 — Абъ, 6—Элулъ, 7—Тисри, 8—Мархешванъ, 9—Хислевъ, 10—Шебетъ, 11—Шебатъ и 12—Адаръ. Несомнѣнно, что первоначально евреи, какъ и всѣ прочія семитическія народности, только этими двѣнадцатью лунными мѣсяцами и ограничивали свой Г. Но условія ихъ пастушески-земледѣльческаго быта вскорѣ должны были выяснить существенный недостатокъ такого года—его постоянное несоотвѣтствіе съ временами года, или сезонами, зависящими, какъ извѣстно, отъ солнцеоборота. Благодаря этому обстоятельству, лунный Г. превращался въ какую-то блуждающую величину: начало его, приходившееся на весну, черезъ десять лѣтъ падало на зиму, еще черезъ десять—уже на осень и т. д. А между тѣмъ извѣстная устойчивость Г.—необходимое условіе правильно организованной жизни какъ пастуха, такъ и земледѣльца. И вотъ, чтобы избѣгнуть подобной путаницы и поставить свой Г. въ соотвѣтствіе съ постоянными явленіями природы, древніе халдеи (творцы всей семитической астрономіи) и придумали дѣлать къ нему періодическія прибавки, восполнявшія недостаточность луннаго Г. по сравненіи съ солнечнымъ или астрономическимъ Г. Это достигалось тѣмъ, что къ 12 луннымъ мѣсяцамъ черезъ каждые два или три Г. прибавлялся еще 13-й. Практика такой прибавки восходитъ къ временамъ глубокой древности: по крайней мѣрѣ, въ халдейскихъ клинообразныхъ памятникахъ опредѣленныя указанія на нее имѣются еще отъ эпохи Саргона I-го, жившаго за 3000 л. до Р. Хр. Какъ рано появилась она въ древнееврейскомъ календарѣ — съ точностью опредѣлить невозможно. Но есть всѣ основанія думать, что прибавка эта возникла очень давно: по крайней мѣрѣ, законодательство Моисея, говоря о совпаденіи извѣстныхъ праздниковъ со временемъ жатвы и сбора винограда, ссылается на него, какъ на фактъ уже общеизвѣстный (Исх. **23**, 15 и **34**, 18). За это же ручается и весьма древнее, чисто еврейское названіе четырехъ вышеуказанныхъ мѣсяцевъ по сезонамъ солнечнаго Г. Изъ Талмуда мы узнаемъ, что первоначально прибавка 13-го мѣсяца (называвшагося также какъ и 12-й, только съ прибавкой союза *и* (ו) «Веаддахъ) обусловливалась состояніемъ засѣянныхъ полей (т. е. степенью ихъ готовности или неготовности къ жатвѣ: причемъ въ первомъ случаѣ Г. заканчивался 12-мъ мѣсяцемъ, а во второмъ—къ нему добавлялся еще 13-й мѣсяцъ); впослѣдствіи же она зависѣла отъ особаго на каждый разъ опредѣленія Синедріона (Roseh hasschanah) [1]).

Послѣдній вопросъ—о началѣ библейскаго Г. является наиболѣе спорнымъ. Преобладающее большинство ученыхъ, исходя изъ естественныхъ соображе-

---

Съ древними успѣшно полемизировалъ еще бл. Августинъ («О градѣ Божіемъ», XV, 12 гл., V т., Кіевъ, 1882), изъ средневѣковыхъ такъ думали два византійскихъ ученыхъ монаха Anianus и Pandorus, изъ новѣйшихъ — Hensler, Bask, Leseur etc. См. *Покровскаго*, «Библ. ученіе о первобытной религіи», 375 стр., 1901.

[1]) Г., получавшій прибавку 13-го мѣсяца былъ чѣмъ-то на подобіе нашего високоса и назывался въ Талмудѣ Saname'ôberet, т. е. «выступающій впередъ», простой же, обыкновенный Г.—Sana pesuta,—прямой, правильный, обыкновенный Г.

ній, имѣя въ виду аналогію съ ассиро-вавилонскимъ календаремъ, наконецъ, основываясь на положительныхъ свидѣтельствахъ Библіи (Исх. **12**, 2; Лев. **23**, 24; **25**, 9; Числ. **9**, 11; 2 Цар. **25**, 8; Іер. **39**, 2 и т. п.), начало Г. относитъ къ первому весеннему мѣсяцу—Нисану, соотвѣтствующему второй половинѣ нашего марта и первой—апрѣля. Но нѣкоторые, вслѣдъ за Іос. Фл. (Древн. Іуд **1**, **3**, 3) и Таргумомъ Іонафана, первымъ мѣсяцемъ Г. считаютъ—Тисри, соотвѣтствующій нашему сентябрю — октябрю. Наконецъ, Талмудъ и почти всѣ раввины соединяютъ оба мнѣнія въ одно, допуская два Г.: церковный, начинавшійся съ Нисана и гражданскій, начинавшійся съ Тисри. Правильное рѣшеніе вопроса, по нашему мнѣнію, будетъ таково. У евреевъ существовалъ только одинъ Г., начинавшійся съ весны мѣсяцемъ Нисаномъ. Къ осеннему же мѣсяцу Тисри, какъ періоду окончанія полевыхъ работъ, обычно пріурочивались экономическіе разсчеты и сельско-хозяйственныя сдѣлки, откуда и возникло значеніе его, какъ особаго экономическаго термина, какъ начала сельско - хозяйственнаго Г. [1]). Потому же самому съ этого, именно, мѣсяца начинался счетъ субботняго и юбилейнаго Г. (Лев. **25**, 9; Исх. **23**, 10; Вт. **15** гл.). И уже только подъ конецъ своей исторіи въ эпоху Селевкидовъ, у которыхъ Г. начинался съ октября, евреи мало по малу начали мѣнять свое счисленіе, перенося начало Г., въ подражаніе македонянамъ, съ весенняго — Нисана на первый осенній мѣсяцъ — Тисри. Слѣды этого переходнаго времени сохранились въ кн. Маккавейскихъ (1 Мак. **4**, 12; **10**, 21; 2 Мак. **15**, 37; **11**, 21, 30, 33, 38). Новый порядокъ все болѣе и болѣе укоренялся, приведя въ концѣ концовъ къ тому различенію церковнаго и гражданскаго Г., какой мы имѣемъ въ Талмудѣ. Знаніе всѣхъ этихъ особенностей и измѣненій еврейскаго Г. весьма важно для правильнаго рѣшенія часто весьма сложныхъ и запутанныхъ вопросовъ библейской хронологіи.

[1]) Достойно вниманія, что Мишна различаетъ цѣлыхъ четыре начала Г.: съ Нисана—начало церковнаго Г., съ Элула—Г. стадъ, съ Тисри—гражданскаго Г. и съ Шебета—Г. плодовъ.

Литература. *Selden*, «De anno civili vet. Iudeorum», 1863. *Ideler*, «Hadbuch der matemat. und technischen Chronologie» t. 1. Berlin, 1825. *Schwartz*, «Der Iudischer Kalendar historisch und astronomisch untersucht», 1872. *Zuskermann*, «Materialen zur Entwickelung der altjudischen Zerihechnung im Talmud», Breslau, 1882. *Wiener*, «Bibl. Real Wörterbuch» I. 530—533, Leipzig, 1847. *Thomas* im Vigouront «Dictionnaire de la Bible» t. I, 637 — 648, 1895. *Schrader*, «Keilinschriften und Alt. Testani.» Giessen, 1883. *Lucas*, «H'astronomie á Babylone» dans la «Revue des questions scientifiques», Octobr. 1890, Avril—1891. *Фр. Кейль*, «Руковод. къ библ. археологіи», ч I-я, Кіевъ, 1871 г. *А. Покровскій.*

2) *Годъ церковный*. По установившемуся съ глубокой древности обычаю началомъ церковнаго Г. считается въ восточной церкви первое число мѣсяца сентября. Возникновеніе такого счисленія обычно возводятъ къ IV в., съ котораго, какъ извѣстно, въ ознаменованіе побѣды Константина Великаго надъ Максентіемъ началось опредѣленіе времени по индикту. И дѣйствительно, прямое указаніе на существованіе въ данномъ столѣтіи счисленія новаго Г. съ сентября находимъ въ сочиненіяхъ Амвросія Медіоланскаго. Такъ, разсуждая въ XXIII письмѣ о совершеніи ветхозавѣтной Пасхи 14-го Нисана, онъ замѣчаетъ: «мѣсяцъ празднованія Пасхи—первый по счету египтянъ и евреевъ и восьмой по нашему счисленію, такъ какъ индиктъ начинается сентябремъ («Migne, Cursus completus patrologiae. Г. XVI. Col. 1032). Въ томъ же духѣ выражается Амвросій Медіоланскій и въ XVII гл. трактата о «Ноѣ и ковчегѣ». «Съ мѣсяца сентября, говоритъ онъ, начинается годъ, какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ современное употребленіе индиктовъ». (De Noe et arca, Migne. Г. XIV, Col. 389—90). Не менѣе опредѣленно въ данномъ отношеніи свидѣтельство одной коптской проповѣди (V в.) на память усѣкновенія главы Предтечи. «Мы, замѣчаетъ проповѣдникъ, не празднуемъ новаго года, т. е. 1-ое число мѣсяца сентября, который на языкѣ египтянъ

называется тоутъ». Александрійская церковь, въ виду того, что для естественныхъ человѣческихъ представленій новый Г. день свѣтлый, и начинать его воспоминаніемъ усѣкновенія главы Крестителя—печально, перенесла эту память съ перваго сентября на второе. По индикту, т. е. съ сентября ведетъ счисленіе времени и Аѳанасій Великій. Этимъ путемъ онъ опредѣляетъ Г. собора Антіохійскаго, бывшаго въ 341 г., и тотъ же самый пріемъ употребляетъ въ пасхальныхъ письмахъ, начинающихся 329 годомъ. Въ хронологію христіанскихъ надгробныхъ надписей разсматриваемое счисленіе проникаетъ съ VI ст. и, начиная съ VIII в., встрѣчается во всѣхъ древнѣйшихъ греческихъ мѣсяцесловахъ. Таковы Синайскій VIII в., Синодальный № 42 VIII—IX в., мѣсяцесловъ Императорской публичной библ. № LVII IX—X в. и т. п. (См. Полный мѣсяцесловъ Востока, I т., стр. 72 и др.). Во всѣхъ перечисленныхъ памятникахъ на первомъ мѣстѣ стоитъ мѣсяцъ сентябрь, первое число котораго называется началомъ индикта (Ibid. Приложенія). То же самое счисленіе удерживается въ древнѣйшихъ греческихъ евангеліяхъ апракосъ, напр., въ евангеліи 835 г. изъ библ. преосв. Порфирія, а равно и въ типиконахъ, между прочимъ, въ уставѣ великой константинопольской церкви IX—X в. (*Дмитріевскій*, Описаніе литургическихъ рукописей, Г. I, стр. 1). Единственное исключеніе въ данномъ отношеніи представляютъ пять агіологическихъ памятниковъ—святцы при двухъ греческихъ евангеліяхъ IX—X в. синайскаго монастыря и при трехъ славянскихъ XI ст.: остромировомъ, глаголитско-ассеманіевомъ и саввиномъ. Помѣта «новое лѣто» встрѣчается въ нихъ не подъ первымъ, а подъ 23 сентября. Тому же самому счисленію слѣдовалъ, между прочимъ, и русскій монахъ XVII ст. Памво Берында, поставившій подъ 23 сентября надъ изображеніемъ зачатія Предтечи 7136 годъ и тѣмъ давшій понять, что и для него 23 сентября — «новое лѣто». Что касается этого послѣдняго счисленія, то его происхожденіе объясняютъ слѣдующимъ образомъ. Благодаря заботамъ Октавіана-Августа, римскій юліанскій годъ принялъ при немъ ту твердую форму, въ какой онъ существуетъ и доселѣ, и день рожденія Августа сталъ соотвѣтствовать 23 сентября. Какъ римскій государь, Октавіанъ стремился свести къ нѣкоторому единству календари своихъ подданныхъ: римскаго календаря не навязывали имъ во что бы то ни стало, но ихъ мѣстные календари ставили въ нѣкоторое постоянное отношеніе къ римскому и твердый солнечный Г. вводили на мѣсто прежняго подвижного,—луннаго. Между прочимъ, для «асійскихъ эллиновъ» очередь поступиться своимъ луннымъ традиціоннымъ календаремъ настала около 4 г. до Р. Хр. Какъ политичные люди, асійцы поняли, что если имъ приходится сдѣлать пріятное Риму, то нужно быть любезными до конца; посовѣтовались съ проконсуломъ Павломъ Фабіемъ Максимомъ, чѣмъ бы угодить Августу, и постановили: такъ какъ день рожденія Августа принесъ величайшее благодѣяніе человѣчеству и такъ какъ для начала всякаго общеполезнаго дѣла невозможно выбрать дня болѣе счастливаго, чѣмъ тотъ, который былъ счастливъ для всѣхъ, то эллинамъ асійскимъ благоугодно оказать особыя почести дню рожденія божественнѣйшаго кесаря, принявъ его началомъ Г. Такъ явилось на свѣтъ то упоминаемое шестью вышеуказанными памятниками счисленіе, по которому 23 сентября есть «новое лѣто». (*Болотовъ*, Почему соборъ св. архистратига Михаила совершается 8 ноября? «Христ. Чт.», 1892, Ноябрь — декабрь, Стр. 612—13). Въ богослужебномъ отношеніи счисленіе съ перваго сентября есть счисленіе по минеѣ и мѣсяцеслову, причемъ въ настоящее время на каждый день церковнаго Г. приходится память того или другого святого и полагается соотвѣтствующая служба. Но подобный распорядокъ образовался не сразу. По крайней мѣрѣ, древнѣйшіе мѣсяцесловы содержатъ памяти святыхъ только извѣстнѣйшія, на немногіе дни Г. Если же и былъ до IX в. повседневный богослужебный мѣсяце-

словъ, то возстановить его нѣтъ возможности. Въ противоположность этому въ IX в. составъ церковнаго Г. по мѣсяцеслову былъ настолько полонъ, что представлялъ память святыхъ едва ли не на каждый день. Къ такому заключенію приводитъ 42-е письмо Ѳеодора Студита, въ которомъ онъ совѣтуетъ одной монахинѣ призывать въ домашней молитвѣ, кромѣ Богородицы, Предтечи и апостоловъ, дневного святого. Одновременно съ этимъ стали размѣщаться въ порядкѣ мѣсяцеслова составленныя въ VII—IX в. пѣснопѣнія,—стихиры, тропари, каноны, чѣмъ и было положено основаніе служебныхъ миней, сначала краткихъ праздничныхъ, а затѣмъ подробныхъ повседневныхъ. Дальнѣйшее развитіе церковнаго Г. по минеямъ продолжалось въ X в., такъ какъ немалое число стихиръ и часть каноновъ составлены въ этомъ столѣтіи, и закончилось (труды Іоанна, митрополита евхаитскаго) въ XI в., въ періодъ господства студійскаго и іерусалимскаго уставовъ. Кромѣ церковнаго, по мѣсяцеслову или минеѣ, богослужебная практика различаетъ еще Г. по тріоди, т. е. такой распорядокъ церковнаго Г., который ведется по недѣлямъ отъ праздника Пасхи. Этотъ кругъ такъ же древенъ, какъ самый пасхальный праздникъ, и возникаетъ одновременно съ нимъ. Зерномъ изъ котораго выродилась и развилась данная система, былъ праздникъ Пасхи, который одними изъ восточныхъ христіанъ праздновался вмѣстѣ съ евреями, въ 14 день Нисана, а другими въ слѣдующее за нимъ воскресенье. Какъ скоро послѣдній обычай получилъ законную силу, и праздникъ Пасхи былъ перенесенъ на воскресенье, вся слѣдующая за нимъ недѣля примкнула къ нему и стала считаться его продолженіемъ подъ именемъ недѣли пасхальной. Первымъ придаткомъ къ ней, почти неотдѣлимымъ хронологически, является страстная недѣля, или пасха крестная, сначала въ числѣ одного или двухъ постныхъ дней—пятницы и субботы въ память страданій и смерти Христовой (практика II в.,—времени Иринея Ліонскаго, и начала III в.—времени Тертулліана), а потомъ выработавшаяся въ цѣлую предпасхальную, или страстную недѣлю (III в.—письмо Діонисія Александрійскаго къ епископу Василиду). Дальнѣйшее развитіе этого круга выразилось въ прибавленіи къ страстной недѣлѣ предшествующихъ ей седмицъ великаго поста, а къ пасхальной примкнулъ, какъ ея продолженіе, періодъ 50-ницы. Этотъ послѣдній извѣстенъ уже Іоанну Златоусту, замѣчающему въ 48 бесѣдѣ, что въ его время читались отъ Пасхи до Пятидесятницы Дѣянія Апостоловъ. Что касается входящихъ въ составъ тріоднаго церковнаго Г. великопостныхъ недѣль, то въ IV и слѣдующихъ столѣтіяхъ число ихъ колебалось между шестью и семью. Въ VIII—IX в. къ нимъ присоединяются и нѣкоторыя предпостныя недѣли. Такъ, авторъ сочиненія «De sacris jejuniis», издаваемаго подъ именемъ Іоанна Дамаскина, къ шести недѣлямъ поста и седьмой страстной седьмицѣ прибавляетъ еще восьмую предпостную. Равнымъ образомъ въ сочиненіяхъ Ѳеодора Студита упоминается изъ дней тріоднаго круга седмица мясопустная (Sermo 49), или дни предшествующіе заговѣнью на мясо; недѣля мясопустная (Sermo 50), въ которую читалось евангеліе и канонъ о страшномъ судѣ, а міряне съ этого дня прекращали употребленіе мяса, и, наконецъ, недѣля непосредственно предшествующая посту (S. 53) На основаніи этихъ данныхъ можно утверждать, что тріодный церковный Г. въ IX в. былъ нѣсколько короче современнаго: заключалъ въ себѣ два большихъ отдѣленія,—постный періодъ,—или четыредесятницу съ одной или двумя предшествующими ей недѣлями и періодъ пасхальный, или пятидесятницу. Справедливость этого какъ нельзя болѣе подтверждается «Уставомъ великой константинопольской церкви IX—X в.», въ которомъ тріодный кругъ начинается недѣлею предъ мясопустомъ и оканчивается пятидесятницею (*Дмитріевскій*, Ibid. Стр. 110—148). Дальнѣйшее развитіе тріоднаго церковнаго Г. падаетъ на слѣдующія столѣтія и выражается въ прибавленіи къ прежнимъ предпо-

стнымъ недѣлямъ современныхъ. На этой ступени онъ встрѣчается въ полныхъ студійскихъ уставахъ. Въ нихъ церковный Г. по тріоди получаетъ полную обработку, въ какой существуетъ доселѣ, исчисляется такъ: приготовительныя къ посту седмицы, начиная съ недѣли мытаря и фарисея, семь недѣль поста, семь недѣль пятидесятницы и недѣля послѣ нея (См. Уставъ неизвѣстнаго константинопольскаго монастыря XI—XII в. Полный мѣсяцесловъ Востока. I т. Стр. 121. Приложеніе № 7; стр. 34 и д. Типиконъ константинопольскаго Евергетидскаго монастыря по рукоп. XII в. № 788 библ. Аѳинскаго университета; *Дмитріевскій.* Ibid. Стр. 499 и д. Типиконъ 1292 г. Ватиканской библ. № 1847. Ibid. Стр. 863 и д.). Кромѣ указанной системы счисленія, въ древне-христіанскую пору существовала еще другая, по которой церковный Г. начинался праздникомъ Р. Христова. Ей слѣдуетъ V кн. Апостольскихъ Постановленій (13 гл.), начинающая перечисленіе праздничныхъ дней на круглый Г. праздникомъ Р. Христова. Слѣды этой системы сохранились въ нѣкоторыхъ древнихъ паремейникахъ, которые начинаются чтеніями въ навечеріе Р. Христова и Богоявленія. Болѣе же прочно проведена она въ западной церкви, въ которой церковный Г. начинается адвентомъ, т. е. нѣсколькими недѣлями предъ Рождествомъ Христовымъ.

Что касается церковнаго Г. русской церкви, то онъ вполнѣ совпадалъ и совпадаетъ съ греческимъ, т. е. Г. по мѣсяцеслову или минеѣ начинается первымъ сентября, а Г. тріодный обнимаетъ тѣ же, что и на востокѣ, недѣли. Подобный распорядокъ встрѣчается въ древнѣйшихъ славянскихъ богослужебныхъ памятникахъ: Студійскомъ уставѣ XII—XIII в., № 380 и двухъ іерусалимскихъ, № 383 и 384 (Описаніе славянскихъ рукописей. *Горскій* и *Невоструевъ.* III, I. Стр. 239 и д; 276 и д).

А. Петровскій.

ГОДВИНЪ—два англ. богослова, изъ нихъ 1) **Г.** Францискъ епископъ лландавскій и церковный историкъ, род. въ 1561 г., въ Гавингтонѣ; ум. въ 1633 г. Онъ былъ сынъ Томаса, епископа батскаго и веллскаго (въ Англіи), который впалъ въ немилость вслѣдствіе того, что женился во второй разъ. Образованіе свое онъ получилъ въ Оксфордѣ. Главное его сочиненіе: «Списокъ епископовъ Англіи съ перваго насажденія на этомъ островѣ христіанской религіи» (изданное въ 1601 г.) доставило ему епископскую каѳедру.— 2) **Г.** Томасъ—ученый археологъ; род. въ 1587 г.; получилъ образованіе въ Оксфордѣ; ум. въ 1643 г. Его сочиненіе: «Моисей и Ааронъ, или гражданскіе и церковные обряды, употреблявшіеся у древнихъ евреевъ» (Оксфордъ, 1616 г., 12-е изд. 1685 г.)—было знаменитой книгой для своего вѣка.

ГОДЖЪ Чарльзъ,—американскій богословъ, извѣстный подъ названіемъ «американскаго Толюка», потому что онъ, тѣсно вращаясь съ студентами, имѣлъ на нихъ такое же огромное вліяніе, какъ и Толюкъ (см.) въ Европѣ. Сынъ врача, онъ родился въ Филадельфіи, въ 1797 г.; изучалъ богословіе въ богослов. семинаріи въ Принстонѣ, въ штатѣ Нью-Джерси, и тамъ же, въ 1820 г., сдѣлался преподавателемъ библейскихъ языковъ, позже профессоромъ экзегетико-библейскаго и дидактическаго богословія, а съ 1840 г.—систематическаго и полемическаго богословія. Большое вліяніе на него имѣли, въ Америкѣ—Арчибальдъ Александръ; въ Германіи, которую онъ посѣтилъ во время своего путешествія по Европѣ)1826—28 гг.), прежде всего, Толюкъ, съ которымъ у него завязалась тѣсная дружба, поддерживавшаяся и послѣ перепиской. Во время того же путешествія, онъ сошелся, между прочимъ, въ Парижѣ и съ оріенталистомъ Де-Саси, въ Берлинѣ съ Людвигомъ и Отто Герлахами, причемъ, кромѣ Швейцаріи, побывалъ въ Лондонѣ, Оксфордѣ, Кембриджѣ и Эдинбургѣ. Во время борьбы, приведшей къ расколу въ пресвитеріанской церкви С.-Америки (1834—69 гг.), онъ принадлежалъ къ «старой школѣ» (кальвинистически-ортодоксальной), за которую и боролся

съ свойственной ему энергіей и настойчивостью. Пользуясь общимъ довѣріемъ, онъ занималъ нѣсколько высокихъ церковныхъ должностей, между прочимъ, въ 1868 г. былъ предсѣдателемъ иностранной пресвитеріанской миссіи и умеръ въ 1878 г. Съ 1825—1871 гг. онъ редактировалъ одинъ богословскій литературный и церковный журналъ: «Библейскій Реперторій» и «Принстонское Обозрѣніе», которое позже слилось съ другими богословскими журналами; въ 1836 г. издалъ «Комментарій на посланіе къ Римлянамъ» (въ 1841 г. перевед. Монодомъ на франц. яз.); въ 1839 г. издалъ «Учредительную исторію пресвитеріанской церкви въ Соед. Штатахъ», а въ 1841 г. свое знаменитое сочиненіе: «Путь жизни», изданное въ Англіи, переведенное на другіе языки и разошедшееся въ Америкѣ болѣе, чѣмъ въ 35,000 экземпляровъ; комментаріи на Посланіе къ Ефесянамъ (1856 г.), на первое Посланіе къ Коринѳянамъ (1857 г.), на Второе къ Коринѳянамъ (1859 г.). Самое капитальное его сочиненіе есть «Систематическое Богословіе», въ 1871—1873 гг. вышедшее въ трехъ томахъ и заключающее въ себѣ до 2,260 страницъ. Послѣднее его сочиненіе: «Что такое дарвинизмъ»? вышло въ 1874 г. Кромѣ всего этого, онъ написалъ болѣе 130 статей въ «Принстонскомъ Обозрѣніи», изъ которыхъ многія оказывали въ свое время большое вліяніе на богословское развитіе страны, и, впослѣдствіи собранныя вмѣстѣ, заняли почетное мѣсто въ американской богословской литературѣ. Его «Систематическое Богословіе» считается доселѣ одной изъ лучшихъ догматикъ, какія только появлялись на англійскомъ языкѣ.

ГОДФРЕЙ Бульонскій (герцогъ нижней Лотарингіи и король Іерусалимскій)—славный вождь перваго крестоваго похода; род. въ Бельгіи, ок. 1060 г.; ум. въ Іерусалимѣ, 15 или 18 іюля 1100 г. Онъ принялъ крестъ въ 1095 г., заложилъ свое бульонское имѣніе церкви льежской, собралъ на полученную сумму 80,000 пѣхоты и 10,000 всадниковъ и, послѣ многихъ приключеній, прибылъ съ крестоносцами въ Іерусалимъ, и послѣ пятинедѣльной осады взялъ его 15 іюля 1099 г. Затѣмъ имъ основано было царство Іерусалимское, государемъ котораго единогласно былъ избранъ Г.; но онъ отказался носить золотую корону тамъ, гдѣ Господь носилъ терновый вѣнецъ, и, вмѣсто королевскаго титула, принялъ болѣе скромный титулъ «защитника и барона Св. Гроба». Царствованіе его было весьма непродолжительно (всего одинъ годъ), но исполнено доблестныхъ дѣлъ. Онъ умеръ, оплакиваемый какъ своими христіанскими, такъ и магометанскими подданными. Тассо обезсмертилъ его въ своемъ «Освобожденномъ Іерусалимѣ»; и исторія подтверждаетъ его описаніе Г., какъ благочестиваго, просвѣщеннаго и благоразумнаго рыцаря. Единственнымъ, лежащимъ на его памяти пятномъ служитъ избіеніе магометанскихъ защитниковъ Іерусалима; но даже и это не неизвинительно въ виду обычаевъ того времени и обстоятельствъ осады.

ГОДЭ Фр., выдающійся новозав. экзегетъ, род. въ Нэшателѣ (Швейцарія) 25 октября 1812 г., изучалъ богословіе въ Боннѣ и Берлинѣ (при Неандерѣ) и съ 1850 г. до самой смерти (въ октябрѣ 1900 г.) несъ педагогически-профессорскія обязанности на родинѣ. Среди его литературныхъ трудовъ имѣются работы историческія (о реформаціи въ нэшательскомъ кантонѣ, 1859 г.), апологическія (въ особыхъ «бесѣдахъ», 1869 г.) и другія, но особенно многочисленны и важны экзегетическія сочиненія Г., снискавшія ему всемірную извѣстность и переведенныя на иностранныя языки; таковы толкованія на Евангеліе Іоанна (1863—65 гг. въ 2 т., 3-е изд. 1881 г. въ 3 т.), на Ев. Луки (1871 г., 3-е изд. въ 3 т.), на посланія къ Римлянамъ (1879—80 гг. и 2-е изд. въ 2 т.) и на 1-е къ Коринѳянамъ (1886 г. въ 2 т.), библейскіе этюды въ двухъ вып. о В. и Н. З. (1873—74 гг. и 4-е изд.). Систематическое обобщеніе Г. задумалъ представить въ законченномъ „введеніи“, но изъ него успѣлъ издать только часть о посланіяхъ Павловыхъ (кромѣ Евр. 1893 г.), а касательно Евангелій—всего лишь

двѣ тетради (1897—1898 гг.). Г. обладалъ обширною ученостію, но эта эрудиція, въ которой онъ успѣшно могъ поспорить съ любымъ нѣмецкимъ спеціалистомъ, сочетавалась у него съ легкостью и отчетливостью построенія. Г. былъ неутомимымъ и авторитетнымъ борцомъ противъ всякихъ разрушительныхъ тенденцій и теченій въ библейской области, не будучи упорнымъ консерваторомъ; всѣ его комментаріи носятъ положительный характеръ и надолго останутся солидными учеными пособіями для научнаго и назидательнаго ознакомленія съ новозавѣтными писаніями. *Н. Г.*

ГОЗІЙ Станиславъ—извѣстный польскій кардиналъ и еп. вармійскій, сынъ баденскаго выходца, род. въ 1504 г., въ Краковѣ, дѣтство провелъ въ Вильнѣ; учился въ краковскомъ университетѣ, довершилъ свое образованіе въ унив. падуанскомъ и болонскомъ; въ 1538 г. назначенъ королевскимъ секретаремъ. Посвятивъ себя дух. званію, Г., въ 1548 г., былъ назначенъ кульмскимъ, а въ 1551 г. вармійскимъ епископомъ (въ польской Пруссіи), оба раза вопреки желаніямъ прусаковъ, видѣвшихъ въ назначеніи епископа—поляка нарушеніе ихъ привилегій; въ обѣихъ епархіяхъ Г. вступилъ въ борьбу съ протестантствомъ (особенно въ Эльбингѣ), не прекращавшуюся уже до самой его смерти. Не принадлежа собственно къ составу польской церкви (гнѣзнен. архіепископіи), Г. всегда принималъ самое дѣятельное участіе въ ея дѣлахъ, являлся на ея провинціальные синоды, на Петроковскомъ синодѣ въ 1551 году составилъ для польскихъ епископовъ исповѣданіе вѣры, старался поддержать въ ихъ средѣ единодушіе и ревность къ борьбѣ съ протестантами и просилъ папу прислать въ Польшу нунція. Еще въ 1551 г. король и епископы избрали Г. своимъ представителемъ на Триденскій соборъ (вторая сессія); въ 1558 г. самъ папа Павелъ IV, желая воспользоваться его совѣтами, вызвалъ его въ Римъ; въ 1560 г., по порученію Пія IV, онъ съѣздилъ нунціемъ въ Вѣну и склонилъ императора Фердинанда I согласиться на возобновленіе собора. Въ 1561 г. Пій IV возвелъ Г. въ санъ кардинала и назначилъ его однимъ изъ пяти своихъ легатовъ на Триденскомъ соборѣ, гдѣ онъ и явился самымъ ярымъ поборникомъ папскихъ плановъ и идей. По возвращеніи (1564 г.) въ Вармію, Г. опять взялъ на себя роль главнаго руководителя польской іерархіи въ борьбѣ съ реформаціей; добился вмѣстѣ съ нунціемъ Коммендоне принятія королемъ на Парчовскомъ сеймѣ (1564 г.) опредѣленій Триденскаго собора и изданія эдикта объ изгнаніи изъ Польши иновѣрцевъ—иностранцевъ; старался поддержать всѣми средствами разногласія въ протестантскомъ лагерѣ; съ этою цѣлью на Люблинскомъ сеймѣ (1566 г.) сильно противился потребованному протестантами изгнанію антитринитаріевъ изъ Польши и, хотя эдиктъ объ этомъ изгнаніи изданъ былъ королемъ, настоялъ на объявленіи, что этимъ эдиктомъ не признается законность другихъ сектъ; постоянно стремился собрать въ одно разрозненныя силы польскаго католичества, въ особенности же помѣшать проекту созванія въ Польшѣ національнаго религіознаго собора, въ видахъ соглашенія съ протестантами—проекту весьма популярному среди умѣренныхъ католиковъ, имѣвшему на своей сторонѣ даже примаса Уханскаго, не разъ выдвигавшемуся въ посольской избѣ; наконецъ, для большаго успѣха начавшейся уже въ Польшѣ католической реакціи, онъ призвалъ (1564 г.) въ Вармію іезуитовъ, основавшихъ коллегію въ Брунсбергѣ, а его другъ Коммендоне тогда же выхлопоталъ королевскую грамоту (1565 г.), разрѣшавшую іезуитамъ прибытіе и въ самую Польшу. Въ 1569 г. Г. уѣхалъ въ Римъ, но и оттуда продолжалъ направлять дѣйствія католической реакціи въ Польшѣ, главнымъ образомъ при посредствѣ іезуитовъ. Въ наступившее по смерти Сигизмунда-Августа безкоролевье (1572 г.), Г. сперва держалъ сторону Генриха Анжуйскаго, а послѣ его бѣгства изъ Польши,—имп. Максимиліана II, и лишь по смерти послѣдняго (1576 г.) принесъ присягу

въ вѣрности Стефану Баторію. Въ оба безкоролевья, ознаменовавшіяся сильной борьбой протестантовъ за свободу совѣсти, онъ старался воспрепятствовать принятію новоизбранными королями варш. религіозной конференціи 1573 г., гарантировавшей эту свободу, и даже послѣ данной королями присяги въ соблюденіи ея не переставалъ доказывать необязательность такой присяги, какъ вынужденной. Въ послѣдніе годы жизни Г. имѣлъ радость узнать, что польская католическая церковь, на петроковскомъ синодѣ 1577 г., торжественно приняла триденскія опредѣленія и прокляла варшавскую конференцію. Возведенный папою (1573 г.) въ санъ Poenitentiarius Major, Г. ум. въ 1579 г. Кардиналъ Г. былъ однимъ изъ наиболѣе типическихъ представителей возрожденнаго католицизма. Безупречная нравственная жизнь, глубокая религіозность, доходившая до энтузіазма, аскетическіе подвиги, изобрѣтательность въ средствахъ къ достиженію цѣли, вмѣстѣ съ общепризнанной тогда ученостью Г., какъ нельзя болѣе послужили ему въ его исторической роли главнаго вождя римско-католической реакціи въ Польшѣ. Наиболѣе важные изъ его сочиненій: Confessio fidei catholicae christianae.

См. о немъ «Хр. Чтеніе, 1885 г. Ср. *Rescius*», Vita Hosii»; *Eichhorn*, «Der ermländische Bischof und Cardinal St. Hosius» (1854—1855 гг.); *Жуковичъ*, «Кардиналъ Гозій и польская церковь его времени» (1882 г.). Письма Г. издаются краковскою акад. наукъ въ «Acta Historica». Ср. Энц. Словарь Брокгауза-Ефрона подъ сл. Гозій.

П. Жуковичъ.

ГОЛГОѲА — лобное мѣсто, холмъ, на которомъ былъ распятъ Господь. Еврейское *гулголетъ*, какъ и латинское calvaria, означаетъ лобъ, черепъ; и самый холмъ, вѣроятно, назывался такъ отъ этой своей лобообразной формы, а не отъ того, что былъ обычнымъ мѣстомъ казней. По древнему, глубоко знаменательному сказанію, холмъ носилъ это названіе вслѣдствіе того, что здѣсь погребенъ былъ Адамъ; такъ что крестъ Іисуса Христа воздвигнутъ былъ надъ головой покоющагося тутъ праотца рода человѣческаго (такъ у Іеронима Ep. XLVI). Холмъ, во время смерти Іисуса Христа, лежалъ еще за городомъ (Матѳ. **27**, 33, **28**, 11; Евр. **13**, 12 и далѣе), хотя по близости его уже и находились нѣкоторые загородные дома и сады. Вторая стѣна проходила между городомъ и Г. Только Агриппа I, около 42 г. до Р. Хр., ввелъ его въ черту самаго города чрезъ построеніе третьей стѣны. Возстановленный послѣ своего разрушенія, Іерусалимъ распространился главнымъ образомъ на сѣверъ и сѣверо-западъ, такъ что Г. оказалась почти въ срединѣ западной части новаго Іерусалима. Еще и теперь показываютъ разсѣлину въ скалѣ такъ называемой Голгоѳской горы, которая произошла отъ землетрясенія и потрясенія скалъ въ моментъ смерти Іисуса Христа (Матѳ. **27**, 51). Уже св. Кириллъ Іерусалимскій восклицалъ около 350 года: «Эта св. Голгоѳа, видимо и доселѣ возвышающаяся, служитъ до настоящаго времени свидѣтельствомъ того, что въ тотъ моментъ, когда умеръ Господь, разсѣлись скалы». Въ непосредственной близости къ Г. находился высѣченный въ скалѣ гробъ, въ который положенъ былъ Господь послѣ Своей смерти (Іоан. **19**, 41 и сл.). См. Гробъ Господень.

Голиндуха св. мученица: 1) *память 3 іюля*—спострадавшая св. муч. Іакинѳу; 2) скончалась, много пострадавъ и потрудившись надъ распространеніемъ вѣры Христовой. *Память 12 іюля.*

ГОЛИЦЫНЪ Александръ Николаевичъ, князь, извѣстный оберъ-прокуроръ св. синода начала XIX в. Сынъ гвард. капитана, род. въ 1773 г. Отецъ его умеръ черезъ двѣ недѣли послѣ его рожденія, мать вышла замужъ за гвард. капитана Кологривова. Маленькій Г. понравился извѣстной камеръ-юнгферѣ импер. Екатерины II Марьѣ Савишнѣ Перекусихиной, былъ взятъ ко двору и помѣщенъ императрицей въ пажескій корпусъ. Изъ корпуса въ дни отпуска онъ пріѣзжалъ во дворецъ и проводилъ время съ маленькими великими князьями, которые были его сверстниками. Съ будущимъ импер. Александромъ I у него теперь установилась близость,

продолжавшаяся всю жизнь. Въ 1791 г. пожалованъ камеръ-пажемъ, въ 1797 г.— поручикомъ преображенскаго полка, но въ томъ же году переименованъ въ камеръ-юнкеры и назначенъ состоять при дворѣ в. к. Александра Николаевича,— женившагося въ 1793 г. На коронацію Павла I въ 1797 г. пожалованъ въ камергеры, а 6 мая 1799 г. по собственноручному указу государя «отъ службы отставленъ». Послѣ этого уѣхалъ въ Москву и поселился въ скромномъ домикѣ на Дѣвичьемъ Полѣ, гдѣ предался на досугѣ чтенію и сдѣлался, повидимому, «вольтерьянцемъ». По восшествіи на престолъ, Александръ I вызвалъ его въ Петербургъ. Въ 1802 г. онъ былъ назначенъ сначала за оберъ-прокурорскій столъ въ 1 департаментъ сената, а затѣмъ и оберъ-прокуроромъ. 21 октября 1803 г. назначенъ оберъ-прокуроромъ св. синода, причемъ государь, назначивъ его своимъ статсъ-секретаремъ, предоставилъ ему право личнаго всеподданнѣйшаго доклада; прежніе оберъ-прокуроры такого права не имѣли. Г. и по образованію, и по тогдашнему настроенію считалъ себя несоотвѣтствующимъ этой должности, но, войдя, въ кругъ духовныхъ дѣлъ, лицъ и понятій, скоро пріобрѣлъ высокую религіозную настроенность и впослѣдствіи явился передовымъ представителемъ цѣлаго религіознаго направленія — такъ называемаго мистицизма. Въ кругъ собственно синодскихъ дѣлъ онъ вошелъ скоро и проявилъ здѣсь самостоятельность, какъ ни одинъ изъ его предшественниковъ. Въ концѣ концовъ онъ сообщилъ свое имя цѣлому довольно продолжительному періоду нашей церковной жизни, занимающему почти все время царствованія Александра I. Несомнѣнно, что почти всѣ достопамятныя и свѣтлыя духовныя реформы царствованія Александра I обязаны ему въ значительной степени. Но несомнѣнно также, что въ его исторической дѣятельности была и другая сторона, вызвавшая въ отношеніи къ себѣ болѣе или менѣе страстное и заслуженное осужденіе. Не имѣя надлежащаго церковнаго образованія, онъ далъ просторъ крайнему развитію въ себѣ религіознаго индивидуализма въ ущербъ церковности, дошелъ до увлеченія разными модными тогда направленіями инославныхъ проповѣдниковъ и даже какъ бы сталъ въ несогласіе съ церковію въ лицѣ ея наиболѣе серьезныхъ представителей. Его заботамъ обязана своимъ успѣшнымъ ходомъ первая духовно-учебная реформа, ему всецѣло обязано своимъ существованіемъ библейское общество, онъ же сообщилъ всей нашей литературѣ двадцатыхъ годовъ XIX в. особый оттѣнокъ — религіозно-мистическій. Должности синодальнаго оберъ прокурора онъ придалъ значеніе и блескъ, небывалый дотолѣ, возвысивъ ее «до степени, равной съ первыми должностями въ государствѣ». Въ 1810 г. Г. поручено было главное управленіе дѣлами иностранныхъ исповѣданій, 10 августа 1816 г.—управленіе и министерствомъ народнаго просвѣщенія. Манифестомъ 17 октября 1817 г. учреждено было министерство духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія и министромъ этого двойного министерства назначенъ Г., послѣ этого передавшій должность оберъ-прокурора въ синодѣ другому лицу. Дѣятельность министерства духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, способствовавшая нѣкоторому униженію органа высшаго церковнаго управленія — св. синода и крайнему развитію покровительствуемаго Г. мистицизма, продолжалась недолго. Новый порядокъ вещей вызвалъ естественный протестъ духовной власти; этотъ протестъ нашелъ для себя поддержку въ перемѣнѣ настроенія, происшедшей въ Александрѣ I, и привелъ къ тому, что министерство духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія 15 мая 1824 г. прекратило свое существованіе. Историческая роль кн. Г. послѣ этого кончилась, хотя онъ и оставался на прежней высотѣ положенія въ государственной іерархіи и другомъ царской семьи до конца своей жизни. Послѣ упраздненія министерства духовныхъ дѣлъ кн. Г. въ первое время оставался управляющимъ почтовою частію и членомъ государственнаго совѣта, въ 1830 г. назначенъ канцлеромъ россій-

скихъ орденовъ, въ 1842 г. совершенно оставилъ службу и поселился въ Крыму. Съ 1817 г. состоялъ президентомъ «Человѣколюбиваго Общества». Скончался въ 1844 г., полный высокой религіозной настроенности. Несмотря на его увлеченіе мистицизмомъ, митрополитъ кіевскій Филаретъ (Амфитеатровъ) послѣ его смерти отзывался о немъ, какъ о «благочестивомъ и благодѣтельномъ князѣ»; митрополитъ московскій Филаретъ (Дроздовъ), въ молодыхъ лѣтахъ обязанный ему мощною поддержкой, всегда былъ его почитателемъ. Въ личной жизни отличался глубокимъ благочестіемъ и благотворительностію. Наиболѣе полно дѣятельность князя Г. обрисована у *И. А. Чистовича*, «Руководящіе дѣятели дух. просвѣщенія», Спб. 1894 г.; свящ. *Н. Стеллецкаго*, «Князь А. Н. Г. и его церк.-госуд. дѣятельность» въ «Трудахъ К. Д. Ак.» 1900 и 1901 г.

С. Рункевичъ.

ГОЛИЦЫНЪ — Дмитрій Дмитріевичъ, род. въ Гаагѣ, гдѣ его отецъ былъ полномочнымъ министромъ, 1770 г.; ум. въ Лоретто, въ Пенсильваніи, въ Америкѣ 1841 г. Онъ былъ сынъ русскаго князя, но подъ вліяніемъ матери-католички графини Амаліи Шметтау, онъ уже въ 1778 г. тайно принялъ рим.-католичество. Отправленный въ Америку Екатериной II въ 1792 г. въ качествѣ офицера императорской русской гвардіи, отчасти для изученія американскихъ учрежденій, а отчасти и съ цѣлью разсѣянія его природной застѣнчивости, онъ поддался вліянію ловкихъ іезуитовъ, ловившихъ для упроченія своего положенія высшихъ вліятельныхъ и богатыхъ лицъ, и 18 марта 1795 г. сдѣлался римско-католическимъ священникомъ въ Балтиморѣ подъ именемъ Димитрія-Августина. Въ 1799 г. онъ, по собственному желанію, отправившись въ Пенсильванію, началъ устроять тамъ римско-католическія поселенія въ Камбрійскомъ округѣ на купленной имъ землѣ. Онъ пріобрѣлъ значительную извѣстность своею благотворительностью и ревностью подъ именемъ «Отца Смита», подъ какимъ и былъ записанъ тамъ (1802 г.). Въ 1809 г., особымъ законодательнымъ актомъ, ему позволено было принять свое родовое имя. Въ своей дѣятельности онъ встрѣчалъ много препятствій и денежныхъ затрудненій, возникшихъ вслѣдствіе невозможности уплатить за обширную площадь земли, купленную имъ въ ожиданіи полученія своего родового наслѣдства изъ Россіи; но своей настойчивостью и самоотреченіемъ онъ въ значительной степени преодолѣвалъ эти затрудненія. Онъ написалъ нѣсколько недурныхъ книгъ, особенно «Защита католическихъ началъ» (Питсбургъ, 1816 г.) и «Письмо къ одному протестантскому другу о Св. Писаніи» (Питсбургъ, 1818 г.). Его жизнеописаніе написано было Томасомъ *Гейденомъ* (Балтимора, 1869 г.) и Саррой *Браунсонъ* (Нью-Іоркъ, 1873 г.). См. о немъ въ соч. *А. П. Лопухина*, «Рим.-католицизмъ въ Америкѣ», 1882 г.

ГОЛІАѲЪ — знаменитый филистимскій исполинъ, имя котораго увѣковѣчено въ библейскомъ разсказѣ о его единоборствѣ съ Давидомъ (1 Цар. гл. **17**). Родомъ изъ Геѳа, онъ принадлежалъ къ остаткамъ древняго исполинскаго племени рефаимовъ. Во время войны филистимлянъ съ израильтянами, въ царствованіе Саула, онъ наводилъ ужасъ на израильское войско. Только у явившагося въ станъ Давида достало мужества противъ этого страшнаго противника, котораго онъ и поразилъ камнемъ изъ своей пастушеской пращи. По библейскому свидѣтельству, Г. былъ ростомъ «шести локтей и пяди», т. е. 4 арш. и 14 верш. или 11 фут. $4^1/_2$ дюйма. У древнихъ писателей (напр. у Плинія) упоминается о людяхъ почти такого же исполинскаго роста. Вооруженіе Г. подробно описывается въ Библіи. Онъ съ головы до ногъ былъ закованъ въ военные доспѣхи; на головѣ у него былъ мѣдный шлемъ, а туловище было одѣто въ чешуйчатую броню, такъ что вѣсъ брони его составлялъ 5000 сиклей мѣди, т. е. 81 кгр. и 850 гр., и одинъ наконечникъ его желѣзнаго копья вѣсилъ 600 сиклей, т. е. 9 кгр. 822 гр. Мечъ Г. впослѣд-

ствіи хранился при скиніи, какъ историческая достопримѣчательность.

А. Л.

ГОЛЛАНДІЯ—на поприщѣ церковной исторіи выступаетъ лишь въ концѣ XIV вѣка, благодаря дѣятельности «братьевъ общинной жизни». Видное положеніе она заняла послѣ реформаціи, когда быстро приняла ученіе Лютера, хотя послѣднее потомъ вытѣснено было ученіемъ Кальвина, которое болѣе соотвѣтствовало трезвому и холодному характеру нидерландцевъ, тѣмъ болѣе, что проповѣдники послѣдняго на корабляхъ легче могли сноситься съ этихъ морскимъ государствомъ, чѣмъ лютеране, чрезъ посред ство рейнскихъ епископій. Между этими вѣроисповѣданіями завязалась ожесточенная партійная борьба, которая долго велась, пока не разрѣшилась своего рода отдѣленіемъ церкви отъ государства. Г., прежде всѣхъ другихъ христіанскихъ государствъ, пришла къ признанію гражданскаго брака, какъ примирительнаго пункта между партіями, (гражданскій бракъ собственно въ Г. былъ введенъ въ 1580 г., а въ 1656 г. и во всѣхъ провинціяхъ). Но вмѣстѣ съ тѣмъ тамъ не преминулъ получить широкое развитіе и раціонализмъ, который въ голландской церкви пріобрѣлъ такое преобладаніе, что въ 30-тыхъ годахъ минувшаго столѣтія наиболѣе строгіе приверженцы ортодоксіи вынуждены были отдѣлиться отъ государственной церкви. Въ общемъ положеніе церковныхъ дѣлъ въ Г. представляется въ слѣдующемъ видѣ. Изъ почти 3¾ милліоновъ жителей, болѣе половины, почти два милліона, принадлежитъ къ прежней государственной церкви, теперь такъ наз. нидерландско-реформатской. По уставу 1816 г., она управляется синодомъ; но рядомъ съ нимъ имѣютъ большое значеніе отдѣльные общинные церковные совѣты и особенно такъ называемыя классныя собранія, составляющія нѣчто вродѣ окружныхъ синодовъ. Три различныхъ направленія мысли уживаются въ этой церкви рядомъ между собою: *свободомыслящее* направленіе, которое стоитъ на точкѣ зрѣнія Тюбингенской школы и свой главный научный центръ имѣетъ въ Лейденѣ; *посредствующее*, такъ называемое этическое направленіе, во главѣ котораго стоитъ профессоръ ванъ-Остерзее, и, наконецъ, строго кальвинистическое направленіе. Главнымъ вождемъ послѣдняго выступаетъ Кюйперъ, который энергически ведетъ свое дѣло. Кромѣ того, существуетъ еще особая церковь, такъ называемая съ 1870 г. христіанско-реформатская, которая держится дортрехтскаго исповѣданія и насчитываетъ до 130,000 душъ. Наконецъ, сохранился остатокъ арминіанъ, которые, не признавая дортрехтскаго исповѣданія, исповѣдаютъ евангеліе Христа, въ его цѣломъ, и насчитываютъ не болѣе 6,000 душъ. Среди сектъ, вышедшихъ изъ реформатской церкви, болѣе всѣхъ приверженцевъ насчитываютъ *меннониты*, насчитывающіе свыше 44,000 душъ. Они имѣютъ собственную проповѣдническую семинарію въ Амстердамѣ. Также и «армія спасенія» находитъ довольно значительное количество приверженцевъ въ большихъ городахъ. Что касается римско-католиковъ, то Г. есть единственная страна въ Европѣ, гдѣ въ теченіе столѣтій существуютъ двѣ различныхъ, открыто признанныхъ римско-католич. церкви. Со времени оффиціальнаго введенія реформаціи, римско-католич. епископіи считались вакантными. Папы назначали на нихъ апостолич. викаріевъ, которые однако всѣ болѣе или менѣе придерживались янсенизма или были противниками іезуитовъ. Въ 1702 г. Климентъ XI назначилъ де-Кокка викаріемъ, вмѣсто отрѣшеннаго Кодде, но онъ былъ изгнанъ правительствомъ. Въ 1723 г. утрехтскій капитулъ избралъ новаго архіепископа, а позже удалось назначить новыхъ епископовъ и для Гаарлема и Девентера. Эти независимыя отъ папы епископіи съумѣли добиться покровительства правительства и до настоящаго времени составляютъ центръ старо-католической церкви, которая имѣетъ до 6,000 душъ. Съ нею въ 1873 г. вошли въ сношеніе нѣмецкая и швейцарская старо-католическія церкви, а въ 1890 г. она вошла въ составъ общаго союза старо-католической

церкви.—Римско-католическая церковь получила особенное развитіе съ 1815 г. Въ 1853 г. Пій IX возстановилъ въ ней іерархію, причемъ снабдилъ архіепископію утрехтскую четырьмя суффраганными епископіями. Духовенство, прежде жившее добровольными приношеніями, теперь получаетъ жалованье отъ правительства, такъ что церковь въ состояніи обращать свои доходы на содержаніе семинарій, развитіе монашескихъ орденовъ и на постройку раскошныхъ церковныхъ зданій. Римская церковь насчитываетъ теперь свыше 1,300,000 душъ. Къ евангелическо-лютеранской принадлежитъ до 60,000 душъ. Господствующее въ послѣдней направленіе отзывается новѣйшимъ критицизмомъ, хотя въ общественныхъ кругахъ нѣтъ недостатка и въ лицахъ глубоко вѣрующихъ, старающихся противодѣйствовать раціонализму. Голландская наука въ настоящее время занимаетъ видное мѣсто въ Европѣ и въ области библейской экзегетики оказала и оказываетъ немалыя услуги, хотя, къ сожалѣнію, большинство этихъ богословскихъ произведеній носитъ на себѣ отпечатокъ раціоналистическихъ тенденцій.

Въ Г. уже до реформаціи были свои переводы Библіи, изъ коихъ одинъ, сдѣланный въ Дельфтѣ въ 1477 г. и существующій доселѣ, содержитъ текстъ В. Завѣта. Яковъ Лисфельдъ, въ 1542 г. издавшій голландскій переводъ всей Библіи, былъ преданъ за это испанцами смертной казни. Въ 1619 г. была составлена на дортрехтскомъ синодѣ спеціальная коммиссія изъ восьми богослововъ, которымъ поручено было озаботиться полнымъ переводомъ Библіи на голладск. языкъ, что было и исполнено ими подъ предсѣд. проф. Валея въ 1635 г. Вышедшая въ Лейденѣ Библія получила названіе «Государственной Библіи» (Лейденъ, 1637 г.), и текстъ ея сдѣлался оффиціальнымъ для всей Г. Было нѣсколько и янсенитскихъ переводовъ книгъ и В. и Н. Завѣтовъ.

Головщикъ—главный помощникъ регента въ монастырскихъ и синодальныхъ хорахъ; обыкновенно завѣдуетъ лѣвымъ клиросомъ и наблюдаетъ за порядкомъ пѣснопѣній, своевременностію ихъ, соотвѣтствіемъ съ положенными на данный день гласами и т. п.

ГОЛУБЕВЪ Александръ Васильевичъ, сельскій учитель. Сынъ священника костромской епархіи с. Устнейскаго, макарьевскаго уѣзда, окончивъ курсъ костромской семинаріи, онъ поступилъ учителемъ въ захолустную вохомскую волость, ветлужскаго уѣзда, и остался на своемъ скромномъ посту до конца своихъ дней. Отдавшись учительской дѣятельности по призванію, онъ достигалъ въ своихъ школьныхъ занятіяхъ «неимовѣрныхъ», по словамъ его біографа, успѣховъ. Однако этимъ онъ не удовольствовался, открылъ религіозно-нравственныя бесѣды въ церкви, а потомъ и въ школѣ, гдѣ онъ сталъ заниматься обученіемъ желающихъ церковному пѣнію и объясненіемъ богослуженія и Закона Божія. Благочестивыя его бесѣды продолжались нерѣдко до глубокой ночи. Его училище стало настоящимъ училищемъ благочестія. Авторитетъ его выросталъ все болѣе, къ нему стали направляться за совѣтомъ и руководствомъ и въ житейскихъ дѣлахъ нравственнаго характера. Перемѣнилась и самая среда, окружавшая его: уничтожился разгулъ, воровство, воцарилась честность, набожность. Крестьяне его цѣнили и послѣ его смерти отзывались о немъ, что это былъ не человѣкъ, а ангелъ. Еще въ семинаріи, особенно послѣ смерти отца, онъ отдавался сладости молитвы. Въ личной жизни всегда былъ кротокъ, не злобивъ; никто не видалъ его улыбающимся. Все, что имѣлъ, онъ отдавалъ нуждающимся, въ томъ числѣ и жалованье. Крестьянинъ, у котораго онъ жилъ, не бралъ у него за квартиру, почитая особенною милостію Божіей, что у него живетъ праведникъ. Все утро, до школы, онъ отдавалъ молитвѣ, большая часть ночи также проходила въ пламенной молитвѣ. Каждый воскресный и праздничный день онъ исповѣдывался и пріобщался свв. таинъ. Нѣкоторые присылали ему значительныя средства для раздачи нуждающимся. «За благочестивую подвижническую жизнь Господь сподобилъ его благо-

датнаго дара исцѣленій и прозорливости. Многіе изъ мѣстныхъ жителей въ случаяхъ тяжкихъ болѣзней прибѣгали къ сильной предъ Богомъ молитвѣ его и исцѣлялись». Скончался онъ въ февралѣ 1856 г., имѣя отъ роду 23 года и пробывъ учителемъ только 3 года. Погребенъ при церкви съ правой стороны алтаря. На его могилѣ сооружена чугунная плита съ изображеніемъ Спасителя, несущаго крестъ, и балдахинъ.

«Странникъ», 1868 г., кн. 6.—«Подольскія Е. В.», 1869 г., № 15, *С. Рункевичъ.*

ГОЛУБЕВЪ Стефанъ Тимоѳ.—заслуж. орд. проф. кіевской дух. академіи по каѳедрѣ Исторіи и обличенія раскола, докторъ богословія. Сынъ протоіер. пензенской губ., нижнеломовск. у. Родился въ 1849 г. Образованіе получилъ — первоначальное въ духовномъ училищѣ, среднее—въ пензенской духовн. семинаріи и высшее—въ кіевской духовной академіи, гдѣ прослушалъ курсъ лекцій по церковно - историческ. отдѣленію и въ 1874 г. получилъ степень кандидата богословія. По окончаніи курса оставленъ былъ при академіи въ званіи приватъ-доцента и читалъ лекціи по исторіи юго-зап. русской церкви. Въ 1883 г. получилъ степень магистра богословія за сочиненіе: «Кіевскій митрополитъ Петръ Могила и его сподвижники». Кіевъ, 1883 г., и въ слѣдующемъ— 1884 году утвержденъ былъ въ званіи доцента академіи по занимаемой имъ нынѣ каѳедрѣ, причемъ церковно-практическое отдѣленіе ходатайствовало о предоставленіи ему, въ виду его литературныхъ трудовъ, званія экстра-ординарнаго профессора. Въ 1899 г. получилъ степень доктора богословія за сочиненіе на ту же тему (Кіевъ, 1898 г.) и званіе ордин. профессора. Съ 1 февр. 1900 г. состоитъ заслуж. ордин. профессоромъ академіи. Изъ литературныхъ трудовъ проф. Г. самый важный и основной—«Кіевскій митрополитъ Петръ Могила и его сподвижники». Надъ этой работой авторъ трудился цѣлыхъ 25 лѣтъ. Первоначально она была издана въ 1883 г., когда авторъ удостоенъ былъ за нее степени магистра богословія. Послѣ этого въ теченіе 15 л. проф. Г. снова посвятилъ себя обстоятельному и всестороннему изслѣдованію своего предмета, кропотливо собиралъ отовсюду матеріалы, для чего предпринималъ разныя поѣздки въ архивы и библіотеки и настойчиво, упорно, несмотря на всѣ препятствія (разъ пожаромъ уничтожены были собранные матеріалы) шелъ къ своей цѣли, стремясь освободиться отъ тѣхъ недостатковъ, которыхъ нечуждо было первое изданіе, обстоятельнѣе и полнѣе развить, что тамъ было недостаточно твердо обосновано и развито, и, вдумываясь въ сдѣланныя возраженія (напр., проф. Голубинскимъ), разсмотрѣть подлежащіе вопросы со всѣхъ возможныхъ сторонъ и дать имъ прочно обоснованное и точное рѣшеніе. Въ результатѣ такихъ трудовъ появилось вполнѣ новое и самостоятельное сочиненіе, въ которомъ строго-критически провѣрены каждый источникъ, каждое пособіе, каждое извѣстіе и каждый фактъ,— сочиненіе капитальное и обширное не по объему только, а и по предмету содержанія: «это строго - научная и основательная исторія западно-русской православной церкви за время управленія ею митрополита Петра Могилы». «При чтеніи этого труда чувствуется, что авторъ до такой степени близко знакомъ съ тѣмъ, о чемъ онъ говоритъ, и такъ глубоко проникся духомъ изображаемой эпохи, что онъ какъ бы самъ переживалъ то самое, о чемъ онъ разсказываетъ».—По изложенію сочиненіе не только безукоризненно, но въ иныхъ случаяхъ художественно обработано. «Авторъ такъ умѣло пользуется оборотами стариннаго южно-русскаго языка, такъ хорошо переплетаетъ старинную рѣчь съ свойственнымъ вообще ему прекраснымъ литературнымъ изложеніемъ, что въ иныхъ мѣстахъ получается впечатлѣніе, какъ будто слышишь говорящими между собою тѣхъ историческихъ дѣятелей, которыхъ онъ выводитъ предъ умственнымъ взоромъ читателей» (изъ отзыв. доц. свящ. Ѳ. Титова. Журн. сов. кіев. дух. ак. 1899 г., стр. 211—213). За это сочиненіе авторъ былъ удостоенъ докторской сте-

пени и преміи; полное заглавіе его: «Кіевскій митрополитъ Петръ Могила и его сподвижники. Опытъ церковно-историческаго изслѣдованія». Т. II, Кіевъ, 1898 г. (изд. 1883 г., т. I). Кромѣ означеннаго труда, перу проф. С. Г. принадлежитъ много другихъ произведеній, напечатанныхъ въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ. Такъ, еще въ 1872 г. имъ напечатана была статья въ «Труд. Кіевск. Дух. Акад.»: «описаніе дворянскихъ гербовъ въ произведеніяхъ южно-русскихъ духовныхъ писателей XVII в.» (удост. Евгеніе-Румянцевской преміи); затѣмъ въ томъ же журналѣ 1876 г.:—«Библіографическія замѣтки о нѣкоторыхъ старопечатныхъ церковно-славянскихъ книгахъ XVI и XVII столѣтій»; «Археологическая замѣтка о памятникахъ старины, находящихся въ нѣкоторыхъ монастыряхъ волынской епархіи»; 1877 г.: «Двѣ неизданныя драматическія пьесы XVIII столѣтія» (Сильвестра Лясксронскаго); 1882 г.: статья «О первыхъ временахъ кіево-богоявленскаго братства и школы при немъ». Въ «Правосл. Обозр.» 1876 г.: «Вступленіе Петра Могилы въ кіевскую митрополію и его отношенія къ своему предшественнику Исаіи Копинскому»; въ «Руков. для сельск. паст.» 1878 г.: «Попытки къ соединенію церкви православной и уніатской въ первой половинѣ XVII столѣтія»; въ «Трудахъ 3-го археолог. съѣзда въ Кіевѣ»: «О составѣ библіотеки Петра Могилы»; въ «Кіевской Старинѣ»: «О началѣ книгопечатанія въ Кіевѣ»; «Кіево-печерская обитель въ концѣ XVI и началѣ XVII в.» (1876 г.); въ «Кіевск. епарх. вѣд.» 1885 г.: «Защита святости и православія кіево-печерскихъ угодниковъ въ сочиненіи Сильвестра Коссова: Pateri kon», 1874 г.: «Exegesis Сильвестра Коссова»; 1877—78 г.: «Очеркъ исторіи литературы церкви западно-русской» (перев. съ польск. съ примѣчаніями); «Кіево-печерская обитель въ концѣ XVI стол.» и нѣсколько другихъ статей по исторіи западнаго края. Всѣ эти работы, за немногими исключеніями, велись, по отзыву проф. Ив. Малышевскаго и А. Розова (см. Журн. сов. кіевск. дух. акад. 1883 г., засѣд. 15 сент.) не отрывочно, а систематически, обнимая научные вопросы и предметы цѣлой и опредѣленной области, и каждая изъ нихъ была цѣннымъ пріобрѣтеніемъ для науки, то по новости открываемыхъ въ ней матеріаловъ и фактовъ, то по критическому разбору и новому освѣщенію уже извѣстныхъ историческихъ фактовъ, установленію болѣе вѣрнаго взгляда на нихъ, исправленію историческихъ ошибокъ». Кромѣ того, перу проф. Г. принадлежатъ: «Матеріалы для исторіи западно-русской православной церкви» (XVI и XVII ст.) («Тр. Кіев. Дух. Акад.» 1878 г.); «Исторія кіевской духовной академіи. Періодъ до-Могилянскій». Кіевъ, 1886 г.; «Петръ Могила до поступленія на кіево-печерскую архимандрію» («Стран.», 1882 г., I—II); «Архивъ юго-западной Руси» (содержащій преимущественно полемику православныхъ юго-западной Руси съ латинянами и уніатами (т. I) и съ протестантами (т. II); «Историко-топографическія изысканія и замѣтки о древностяхъ кіевскихъ» («Тр. Кіев. Дух. Ак.», 1899 г., I); «Неизвѣстное полемическое сочиненіе противъ папскихъ притязаній въ юго-западной Россіи» (1633 г.) (ib. II); «Къ исторіи кіевской трехсвятительской церкви за вторую половину XVII стол.» (ib. XII). Имъ же печатались нѣкоторое время въ «Тр. Кіев. Дух. Акад.» извѣстія церковно-археологическаго общества каз. духовной академіи; за 1901 г. помѣщена его рѣчь: «Кіевская академія въ концѣ XVII и началѣ XVIII столѣтій» (XI).

ГОЛУБИНСКІЙ Ѳеод. Александр., профессоръ философіи въ московской дух. академіи, родился 1797 г. 22 декабря, былъ сыномъ псаломщика (впослѣдствіи священника) г. Костромы, учился въ костромской семинаріи, когда она была еще соединена съ училищемъ. Будучи ученикомъ старшаго (богословскаго) отдѣленія, Ѳ. А—чъ уже состоялъ инфирматоромъ, т. е. помощникомъ преподавателя въ низшихъ классахъ по греческому языку. Въ 1814 г. былъ вызванъ въ составъ 1-го курса открывшейся тогда москов. дух. академіи. Въ

1816 г. при дѣятельномъ участіи Θ. А—ча студенты основали философско-богословское общество «ученыя бесѣды», въ которомъ докладывались рефераты и велись пренія. Θ. А — чъ былъ избранъ «производителемъ письменныхъ дѣлъ», т. е. ученымъ секретаремъ общества. По окончаніи курса въ 1818 г. Θ. А—чъ былъ оставленъ при академіи баккалавромъ по философіи. Ревизировавшій академію въ 1820 г. архіеп. тверской (впослѣдствіи митр. москов.) Филаретъ далъ о немъ такой отзывъ: «очень способенъ и приленсенъ; духа добраго; въ познаніяхъ возрастаетъ благопоспѣшно». Въ 1824 г. Θ. А—чъ былъ уже ординарнымъ профессоромъ. Въ 1826 г. онъ былъ назначенъ цензоромъ духовныхъ книгъ. Еще ранѣе онъ былъ намѣренъ вступить въ бракъ, но его невѣста заболѣла, и ея болѣзненное состояніе продолжалось болѣе двухъ лѣтъ. Повидимому, Θ. А — чъ долженъ былъ стать вдовцомъ, не бывъ мужемъ. Но это было лишь испытаніемъ. Невѣста (Ан. Ив. Кутневичъ) выздоровѣла, и Θ. А—чъ сочетался съ нею бракомъ въ 1827 г. Черезъ годъ онъ принялъ священный санъ и числился священникомъ (съ 1829 г. протоіереемъ) въ Москвѣ, а служилъ безвозмездно въ Посадѣ. Позволительно думать, что единственнымъ побужденіемъ для принятія священнаго сана служило у Θ. А—ча желаніе возносить молитвы Богу предъ самымъ Его престоломъ и совершать безкровную жертву за близкихъ и знаемыхъ, живыхъ и умершихъ. Онъ стремился служить и помогать всѣмъ, кого встрѣчалъ на своемъ жизненномъ пути и кто къ нему обращался. Какъ православный священникъ, онъ прежде всего спѣшилъ съ духовною помощью. Онъ обращалъ инославныхъ въ православіе, вводилъ и не-христіанъ въ христіанскую церковь и—что гораздо труднѣе — обращалъ къ вѣрѣ раціоналистовъ и вольтерьянцевъ. Подъ благодѣтельнымъ вліяніемъ Θ. А—ча графъ В. Толстой (упорный и страшно любившій кощунствовать вольтерьянецъ) кончилъ тѣмъ, что сжегъ все, что было въ его библіотекѣ кощунственнаго и непристойнаго. Ему говорили, что книги можно продать. «Нѣтъ, отвѣтилъ Толстой, не хочу никому продавать яда; по себѣ знаю, какъ онъ пагубенъ». Спѣшилъ Θ. А—чъ на встрѣчу неимущимъ съ матеріальною помощью. Онъ получалъ всего жалованья около 700 руб. серебромъ въ годъ, имѣлъ четверыхъ дѣтей, бѣдныхъ родственниковъ, но кромѣ нихъ помогалъ и чужимъ и незнакомымъ. Когда не было своихъ средствъ, онъ просилъ о помощи знакомыхъ. Когда его знакомый Бартеневъ, оказавъ по просьбѣ Θ. А — ча помощь бѣднымъ сестрамъ Савичевымъ, намекнулъ въ письмѣ Θ. А—чу, что получилъ при этомъ нѣкоторыя непріятности и прибавилъ: «но объ этомъ помолчимъ», Θ. А--чъ писалъ: «нѣтъ, мало того, чтобы помолчать: благодарить и благодарить надо Всевышняго Милостынераздаятеля за то, что сподобилъ васъ не только помочь бѣднымъ, но и нѣчто потерпѣть. Какія это алмазныя привѣски къ золотой цѣпочкѣ»! Небогатая внѣшними событіями жизнь Θ. А—ча была богата горестями. Въ 1841 г. у него скончалась жена и онъ—мужъ вѣры и знанія, но не мужъ житейскихъ заботъ—остался съ четырьмя малолѣтними дѣтьми на рукахъ. Въ одинъ годъ у него умерли два брата и затѣмъ въ одинъ годъ два сына — старшій и младшій, студентъ академіи и ученикъ семинаріи. На надмогильномъ памятникѣ послѣдняго Θ. А — чъ помѣстилъ такое двустишіе: безсмертный цвѣтокъ, недоцвѣтшій въ юдоли земной, въ раю разцвѣти, напоенъ Господней росой (Ис. **26**, 19). М. Филаретъ, высоко цѣнившій Θ. А—ча, посылалъ ему утѣшительныя письма. Но въ то суровое время и такіе люди, какъ Θ. А—чъ, часто вмѣсто благодарности получали сверху *вразумленіе*. Широко и разносторонне образованный Θ. А—чъ былъ вмѣстѣ съ тѣмъ общительнымъ человѣкомъ. Его скромная квартира, со стѣнъ которой глядѣли на посѣтителей лики подвижниковъ: Тихона Задонскаго, Серафима Саровскаго, Паисія и Георгія Затворника, видѣла въ своихъ стѣнахъ и іерарховъ и псаломщиковъ, ученыхъ и простецовъ, русскихъ и иностранцевъ, православ-

ныхъ, масоновъ, раціоналистовъ, сектантовъ. Понятно, что на послѣднихъ онъ оказывалъ самое благодѣтельное вліяніе. Но досужіе люди довели до верха, что Г. сносится съ подозрительными людьми, и къ Г. посылались запросы. Θ. А—чъ содѣйствовалъ въ академіи ознакомленію съ русскимъ переводомъ Павскаго книгъ Ветхаго Завѣта. Въ результатѣ получился указъ: «вразумить (Г. и еще Делицына) о ихъ долгѣ преграждать распространеніе всякихъ неправославныхъ толкованій». У Θ. А—ча было много дѣла, а онъ принадлежалъ къ числу тѣхъ людей, которые никогда не могутъ понять правила: подписано и съ плечъ долой, онъ старался все дѣлать добросовѣстно и, не смущаясь, отодвигалъ въ сторону срочныя бумажныя дѣла ради заботы о бѣдныхъ и нуждающихся живыхъ людяхъ. Отсюда возникали промедленія. Такъ, Θ. А—чъ ревизовалъ тульскую и калужскую семинарію въ 1832 г., а отчетъ представилъ лишь въ 1836 г. при отношеніи:...«я долженъ признаться, что не могу ничего сказать въ извиненіе своей медленности». М. Филаретъ по поводу этого писалъ ректору академіи:... «признающагося хочется покрыть»... Какъ цензоръ, Θ. А—чъ тщательно исправлялъ представляемыя ему рукописи. Онъ цензуровалъ 1-й томъ проповѣдей архіеп. Иннокентія. Написавъ знаменитому витіи, что его проповѣди на страстную седьмицу доставили ему dulcem dolorem, Θ. А — чъ указалъ ему много богословскихъ и богослужебныхъ промаховъ. Вообще онъ цензуровалъ, не зря на лица. Онъ сурово напалъ на рукопись тайнаго совѣтника Стурдзы за инквизиторскія наклонности автора и за стремленія усматривать неправославіе въ разныхъ книгахъ. Θ. А — чъ былъ цензоромъ четверть вѣка. Безъ сомнѣнія, то обстоятельство, что ему приходилось исправлять слишкомъ много чужихъ сочиненій, было одною изъ причинъ, почему онъ не издавалъ своихъ собственныхъ. Въ 1851 г. онъ оставилъ должность цензора, въ 1854 г. по окончаніи учебнаго года въ іюлѣ онъ подалъ въ отставку отъ должности профессора академіи. Въ августѣ онъ поѣхалъ на родину въ Кострому, гдѣ и скончался 22 числа отъ холеры. Въ Костромѣ онъ и погребенъ, на его памятникѣ на одной сторонѣ написано: «Смиряяй себе вознесется», на другой: «Словами училъ любомудрію, примѣромъ жизни смиренію».

Θ. А—чъ Г. считается основателемъ русской теистической философіи. Подъ философіей онъ разумѣлъ; 1) состояніе духа, стремящагося познать истину и 2) представленія объ истинѣ. Понятно, что вторыя зависятъ отъ перваго. Философія есть лишь любовь къ мудрости, но не мудрость: мудрость, знаніе истины подается человѣку свыше, если состояніе его духа дѣлаетъ его способнымъ къ ея воспріятію. «Философія есть система познаній, пріобрѣтенныхъ разумомъ (intellectus) подъ руководствомъ ума (ratio) и при способствованіи опыта, какъ внѣшняго, такъ и внутренняго, о всеобщихъ, главнѣйшихъ, существеннѣйшихъ силахъ, законахъ и цѣляхъ природы внѣшней и внутренней, равно и о свойствахъ Виновника всѣхъ оныхъ — Бога,—система, направленная къ тому, чтобы возбудить въ духѣ человѣческомъ, воспитать и направить любовь къ премудрости божественной и человѣку предназначенной». Возможность философскаго познанія обусловливается самодостовѣрностію человѣческаго мышленія. Фактъ этой самодостовѣрности Θ. А—чъ доказывалъ анализомъ логическаго закона противорѣчія. Сомнѣніе въ немъ немыслимо. Сомнѣніе скептика въ чемъ-либо, хотя бы въ истинности закона противорѣчія, содержитъ въ себѣ утвержденіе, что это что-либо не можетъ существовать совмѣстно съ противорѣчащимъ ему началомъ. Мышленіе, будучи самодостовѣрнымъ, характеризуется двумя чертами: ограниченностью и стремленіемъ къ безграничному. Изъ факта его ограниченности слѣдуетъ, что абсолютное знаніе для человѣка невозможно, а изъ того, что духу человѣческому присуще постоянное стремленіе къ познанію, къ дѣятельности, слѣдуетъ, что полнота знанія была бы пагубна для человѣка, такъ какъ повергла бы его умъ въ бездѣйствіе. Стремленіе къ безграничному, къ

безконечному предполагаетъ собою идею безконечнаго. Эта идея единаго безконечнаго прирождена человѣку, но она прирождена въ видѣ слишкомъ общей и схематической формы, которую можетъ наполнить содержаніемъ лишь изученіе, размышленіе, должная душевная настроенность. Нѣкоторымъ отображеніемъ этого Единаго, представляющимъ данныя для составленія о Нѣмъ понятія, является человѣческое самосознаніе, характеризующееся единствомъ. Представляя себѣ все имѣющимъ причину бытія въ Единомъ, умъ человѣческій стремится все мыслить въ единствѣ, объединять въ систему. Представляя себѣ бытіе Единаго безконечнаго, умъ человѣческій долженъ отказать въ признакѣ безконечности всѣмъ другимъ видамъ бытія: времени, пространству, матеріи, конечной жизни. Представляя себѣ, что роды и виды жизни являются сущностями, представляющими собою воплощеніе божественной мысли, мы должны отвергнуть возможность перерожденія организмовъ, возможность перехода одного рода въ другой. Такъ, Ѳ. А—чъ былъ противникомъ трансформизма (слѣдовательно, и дарвинизма, ученіе котораго явилось черезъ 5 лѣтъ послѣ его смерти). Весь міръ—животный, растительный, минеральный Ѳ. А—чъ разсматривалъ, какъ совокупность организмовъ. Организмъ есть такое начало, въ которомъ имѣется нѣкоторый объединяющій центръ, обусловливающій свойства и развитіе предмета. Такое объединяющее начало имѣется въ кристаллѣ, который ростетъ и формируется какъ бы подъ воздѣйствіемъ нѣкоего внутренняго импульса. Такое объединяющее начало имѣется и въ каждой планетѣ и въ каждомъ изъ небесныхъ міровъ. Въ растеніяхъ и животныхъ исходную и объединяющую силу мы полагаемъ заключенною въ сѣмени, хотя и тамъ мы не видимъ ея,—въ тѣлахъ минеральныхъ сѣмя не открывается намъ, но сила сѣмени, несомнѣнно, существуетъ и въ нихъ. Бытіе міра со всѣми заключенными въ немъ родами и видами существъ имѣетъ цѣль. Ѳ. А—чъ находилъ, что текстъ «вся содѣла Господь Себе ради» (Притч. 16, 4) представляетъ невѣрную передачу еврейскаго подлинника и что послѣдній долженъ быть переданъ такъ: все сотворилъ Господь, чтобы все смирилось предъ Нимъ или чтобы все соотвѣтствовало Ему. Смыслъ послѣдняго тотъ: чтобы все осуществило свое назначеніе и въ этомъ осуществленіи нашло свое полное благополучіе. Философія, по Ѳ. А—чу, не есть мудрость, но должна направлять къ мудрости, которая подается церковью. Его философская аудиторія, въ которой онъ говорилъ, какъ философъ, была у него притворомъ того храма, въ которомъ онъ служилъ, какъ священникъ. Содержаніемъ философіи должно быть то, что подается естественнымъ откровеніемъ. Но естественнаго откровенія недостаточно, какъ въ теоретическомъ, такъ и въ практическомъ отношеніи: въ теоретическомъ потому, что всѣ представленія о Божествѣ и доводы въ пользу Его существованія, извлекаемые изъ разума и природы, не заключаютъ въ себѣ неотразимо доказывающей силы; въ практическомъ потому, что человѣкъ стремится къ живому единенію съ Безконечнымъ, къ богообщенію, и поэтому одно признаніе бытія Божія не даетъ еще удовлетворенія стремленіямъ человѣческаго духа. Нужно откровеніе сверхъестественное. Таковымъ является божественное ученіе, поданное черезъ нѣкоторыхъ всѣмъ и преподаваемое церковью. Но чтобы человѣку была понятна возможность откровенія и чтобы дѣйствительное откровеніе усвоялось имъ, какъ истина, нужно, чтобы онъ воспринималъ откровенія личныя. Ѳ. А—чъ готовъ принять мысль Якоби о томъ, что человѣческій духъ воспринимаетъ воздѣйствіе духа божественнаго (мысль, развитая ученикомъ Ѳ. А—ча профессоромъ Кудрявцевымъ), но, кромѣ того, онъ развивалъ воззрѣнія, что явныя дѣйствія сверхъестественнаго Промысла открываются въ жизни частныхъ людей. Онъ говорилъ, что Богъ иногда посылаетъ людямъ предвѣщанія, и въ его запискахъ говорится объ архимандр. Поликарпѣ, бывшемъ ректорѣ академіи, что онъ имѣлъ знаменательныя сновидѣнія, былъ пре-

дувѣдомленъ о смерти своего знакомаго, своей матери и, наконецъ, своей собственной. О себѣ Ѳ. А—чъ писалъ, что Богъ по неизреченному своему милосердію посылалъ ему ободряющія мысли, облегченія послѣ молитвы и отрадныя сновидѣнія. Съ этимъ религіознымъ мистицизмомъ Ѳ. А—чъ умѣлъ соединить философскій раціонализмъ. Онъ любилъ изслѣдованія, науку и не только не ограничивалъ правъ разума, но, напротивъ, вопреки Канту, онъ стремился ихъ утвердить и расширить. Онъ не только настаивалъ на объективной значимости категорій, но и на томъ, что ихъ можно и должно прилагать къ бытію неограниченному и всесущественному. Въ своихъ отношеніяхъ къ различнымъ фолософамъ онъ не былъ ни ригористомъ, ни оппортюнистомъ. Онъ цѣнилъ критицизмъ Юма, хотя Юмъ не могъ быть родственнымъ его духу, отрицалъ предуставленную гармонію Лейбница, высоко цѣня Лейбница. Различалъ цѣнное и ложное у Гегеля. Колебанія Шеллинга между пантеизмомъ и теизмомъ онъ характеризовалъ словами: отъ одного берега отсталъ, къ другому не присталъ. Извлекая доброе и полезное у всѣхъ мыслителей, Ѳ А — чъ не преклонялся ни предъ какимъ. Могучій умъ Канта (онъ взялъ у него съ ограниченіями нравственное и физико-телеологическое доказательство бытія Божія) не поработилъ его, родственные его духу Баадеръ и предшествовавшіе послѣднему мистики никогда не могли склонить его на нездоровый путь піэтизма и квіетизма. Онъ былъ строго православнымъ мыслителемъ. О немъ должно сказать то, что писалъ ему Бартеневъ: «не многимъ даются въ удѣлъ нѣмецкая образованность (Ѳ. А — чъ прекрасно зналъ и преподавалъ въ академіи нѣмецкій языкъ) и милое простодушіе русскаго священника, столь вамъ свойственныя; нѣжная, скажу, дѣтская любовь къ ближнимъ, къ роднымъ, возвышеннѣйшее любленіе всего святого человѣчества, истинная экзальтація сердца (не такъ общая, какъ многіе думаютъ) и ясный раціонализмъ ума, философія и религія, мудро сочетавающіяся въ просвѣщенномъ умѣ и облагодатствованномъ сердцѣ: вотъ характеристика достопочтеннаго профессора и достойнаго служителя церкви». Къ сожалѣнію, Ѳ. А—чъ не издалъ результатовъ своихъ философскихъ изысканій. На лекціяхъ онъ излагалъ философію такимъ образомъ. Онъ приносилъ съ собою въ аудиторію нѣсколько книгъ, въ которыхъ рѣшался поставленный имъ вопросъ, и затѣмъ говорилъ: такой-то философъ рѣшаетъ его такъ-то и прочитывалъ рѣшеніе, затѣмъ отъ себя добавлялъ: но это рѣшеніе недостаточно, оно восполняется такимъ-то философомъ и обращался къ другимъ авторамъ. Такъ, онъ не только рѣшалъ вопросъ, но и показывалъ исторію его рѣшенія. Иногда онъ читалъ по тетрадкѣ, иногда импровизировалъ. Въ своихъ импровизаціяхъ онъ излагалъ обыкновенно задушевные взгляды на важнѣйшіе вопросы бытія и знанія. Въ такихъ случаяхъ аудиторія слушала его не дыша. Изъ написаннаго непосредственно самимъ Ѳ. А—чъ напечатано «письмо первое о конечныхъ причинахъ» (Прибавл. къ творен. св. отцовъ, 1847 г., стр. 176—205, перепечатано въ 3-мъ изданіи книги Д. Г. Левитскаго «Премудрость и благость Божія въ судьбахъ міра и человѣка». М. 1885 г.). «О промыслѣ Божіемъ» («Странникъ», въ концѣ 1862 г.), нѣкоторыя *письма* (см. «Русскій Архивъ», 1880 г., т. 3). Сохранились отъ Ѳ. А — ча нѣкоторыя рукописи. Такъ имѣется его трактатъ (въ настоящее время находится у его сына Димитр. Ѳ—ча) «Взглядъ на нравственную философію древнихъ». Сущность взгляда можно представить такъ: все доброе исходитъ отъ Бога и много добраго было и въ языческой философіи. Напечатаны по записямъ, главнымъ образомъ, протоіер. Вл. Г. Назаревскаго слѣдующіе курсы Ѳ. А — ча: «Лекціи по умозрительному богословію», «Умозрительная психологія» (въ незаконченномъ видѣ), «Введеніе въ философію и метафизику», «Онтологія». Должно, конечно, быть глубоко благодарнымъ издателямъ за эти изданія, но должно помнить, что стиль ихъ не принадлежитъ Ѳ. А—чу, что его мысли изло-

жены здѣсь не во всей полнотѣ и порою могли быть переданы не вполнѣ точно.

O. Θ. А—чѣ Г. см. *Колубовскаго Я.*,—Матеріалы для исторіи философіи въ Россіи («Вопросы философ. и психол.», кн. 4), *Глаголева С.*, Протоіер. Θ. А—чъ Г., его жизнь и дѣятельность, и *Введенскаго А.*, — Прот. Θ. А—чъ Г., какъ профессоръ философіи (юбилейныя статьи въ «Богосл. Вѣстн.» 1897 г., № 12 и отдѣльно), *Глаголева С.*, — Прот. Θ. А—чъ Г., какъ православно-христіанскій философъ («Вѣра и Разумъ» 1898 г., № 3). *С. Глаголевъ.*

ГОЛУБИНСКІЙ Димитр. Θедоров., сынъ извѣстнаго профессора философіи протоіерея Θеод. Ал. Голубинскаго (см.), родился въ 1832 г. 19 мая, послѣ домашняго обученія поступилъ въ 1844 г. въ виѳанскую семинарію и въ 1854 г., по окончаніи курса москов. духов. академіи со степенью магистра, занялъ въ послѣдней каѳедру физики и геометріи. Въ 1870 г. каѳедра эта согласно уставу 1869 г. была закрыта, но, благодаря стараніямъ Дим. Θ—ча, при моск. академіи была учреждена сверхштатная каѳедра естественно-научной апологетики, которую онъ и занимаетъ до настоящаго времени. Академія глубоко цѣнитъ и чтитъ маститаго профессора, стремящагося неуклонно въ своемъ преподаваніи и своихъ печатныхъ трудахъ устанавливать твердо православные взгляды на природу и жизнь и въ своей личной жизни являющаго назидательный примѣръ возможно высокаго осуществленія евангельскихъ завѣтовъ. Въ основу преподаванія Дим. Θ—мъ положена мысль, что изученіе природы должно вестись въ духѣ вѣры. Физическіе законы и явленія представляются у него матеріаломъ для разсужденія о премудрости и благости Божіей, отсюда изученіе жизни природы, освѣщенное такими религіозными взглядами, должно наполнять сердца изучающихъ умиленіемъ и благодарностью къ Творцу. Дим. Θ—чъ преподаетъ своимъ слушателямъ физику, основанія химіи и астрономіи. Его преподаваніе чисто опытное. Весь его курсъ есть распространенное физико-телеологическое доказательство бытія Божія, опирающееся не на частныя явленія цѣлесообразности, а на всю систему физико-химическихъ законовъ и на разсмотрѣніе устройства планетнаго и звѣзднаго міра. Д. Θ—чъ признаетъ весьма важнымъ преподаваніе физико-математическихъ наукъ въ духовныхъ академіяхъ. Въ 1868 г., когда академіямъ предстояла реформа, онъ подалъ академическому начальству мнѣніе «о необходимости преподаванія физико-математическихъ наукъ въ духовныхъ академіяхъ». Эта необходимость, по его мнѣнію, обусловливалась потребностями апологетическими и потребностями правильной постановки этихъ наукъ въ духовныхъ семинаріяхъ. Вотъ что онъ говорилъ относительно перваго и относительно второго. «1) Свящ. Писаніе научаетъ насъ, что разсматриваніе видимой природы должно вести къ богопознанію, это ученіе раскрывается и отцами церкви. Къ богопознанію должно вести какъ простое разсматриваніе природы, такъ, даже болѣе, научное изслѣдованіе ея. Много можно указать примѣровъ, какъ естествоиспытатели, особенно въ прежнее время, руководствовались этимъ взглядомъ на природу и раскрывали его. Къ сожалѣнію, въ настоящее время этотъ свѣтлый и истинный взглядъ у многихъ естествоиспытателей болѣе и болѣе теряется. А потому особенно въ настоящее время, при значительномъ расширеніи области естественныхъ наукъ, весьма нужно было бы позаботиться о возстановленіи истиннаго взгляда на природу. Такую услугу истинному просвѣщенію должны оказать духовныя академіи. Въ самомъ дѣлѣ, для этого нужны дѣятели, получившіе какъ богословское, такъ и физико-математическое образованіе, а такихъ дѣятелей могутъ приготовлять духовныя академіи, если въ нихъ будутъ преподаваться физико-математическія науки. 2) Потребность въ таковыхъ дѣятеляхъ особенно ощутительна въ настоящее время, потому что многими современными естествоиспытателями не только опускается изъ вида истинный взглядъ на природу, но и распространяются ложныя мнѣнія. Таковы: пантеистическія мнѣнія о саморазвитіи вселенной... разныя ложныя мнѣнія о происхожденіи міра... стараніе

объяснить чудеса естественнымъ образомъ... 3) Въ частности со стороны геологовъ много предлагается возраженій противъ священнаго бытописанія о твореніи міра... Нужно позаботиться, чтобы были люди, готовые потрудиться на поприщѣ рѣшенія такихъ возраженій. Если при духовныхъ академіяхъ будетъ продолжаться преподаваніе физико-математическихъ наукъ, то можно надѣяться, что явятся такіе дѣятели... Если въ академіи человѣкъ отчетливо ознакомится хотя съ нѣкоторыми изъ естественныхъ наукъ, то чрезъ это открывается ему возможность самому итти далѣе по проложенному пути.. Если же при этомъ богословскимъ образованіемъ дается доброе направленіе его трудамъ, то естественно, открываются и побужденія и удобства потрудиться съ пользою надъ вопросами, относящимися къ творенію міра... 4) Физико-математическія науки имѣютъ тѣсную связь съ богословскими и другими науками. Много можно указать мѣсть изъ Священнаго Писанія, при объясненіи которыхъ нужно принимать во вниманіе физическія свѣдѣнія; много бываетъ случаевъ, когда изслѣдованія богословскихъ и другихъ наукъ соприкасаются съ вопросами изъ астрономіи, пасхаліи.. А потому, если прекратится въ духовныхъ академіяхъ преподаваніе физико-математическихъ наукъ, то много можетъ встрѣтиться затрудненій».. Знаніе богословія для преподавателей физико математическихъ наукъ въ духовныхъ семинаріяхъ, по мнѣнію Д. Θ—ча, нужно для предохраненія ихъ отъ увлеченія ложными мнѣніями, и знаніе физико-математическихъ наукъ хотя бы однимъ членомъ правленія нужно для того, чтобы препятствовать распространенію ложныхъ мнѣній преподавателемъ физики, если бы такой печальный случай имѣлъ мѣсто. Мнѣніе Д Θ—ча осталось только мнѣніемъ. Но самъ онъ остался ему вѣренъ и далъ много цѣнныхъ работъ апологетическаго характера Таковы: «Разборъ и опроверженіе ложнаго мнѣнія о кивотѣ завѣта» (Прибавл. къ творен. св. отцовъ, ч. XXI); «Христіанскія размышленія объ устройствѣ земли. Видъ земли, ея поверхность и внутренность. Море. Горы. Подземный огонь. Воздухъ» («Душеп. Чтен.», 1863 года, ч. I—III); «Воспоминанія о математическихъ занятіяхъ профессора московской духовной академіи протоіерея Петра Спиридоновича Делицына» («Творен. св. отц.», ч. XXII); «О кругообращеніи атмосферы» (Сборникъ, изданный въ 1866 г. по случаю 50-лѣтія москов. дух. академіи); «О времени празднованія пасхи въ православной Церкви и западныхъ христіанъ» («Душепол. Чтен.», 1865 г., ч. I); «Осенняя пора» (тамъ же, 1866 г., ч. III); «Замерзаніе воды» (тамъ же, 1868 г, ч. III); «О различіи климатовъ» (тамъ же, 1869 г., ч. III); «О воздушной влагѣ» (тамъ же, 1870 г., ч. III). «Облака» (тамъ же, 1871 г., ч. III); «Дождь и снѣгъ» (тамъ же, 1872 г., ч. III); «О замерзаніи воды въ связи съ ученіемъ о конечныхъ причинахъ» (противъ Тиндаля, тамъ же, 1875 г., ч. I); «Книга Секки: «единство физическихъ силъ» и тенденціи вятскаго изданія ея на русскомъ языкѣ» («Православн. Обозрѣніе», 1875 г., т. I и II); «О кругообращеніи крови» («Душеп. Чтен.», 1876 г., ч. III); «О соотношеніи устройства земнаго шара съ условіями жизни» (въ «Годичномъ актѣ москов. дух. академ.», 1878 г.); «Органы слуха и голоса» («Душеп. Чтен.», 1884 г., ч. I); «Христіанскія размышленія о суточныхъ и годовыхъ перемѣнахъ на земномъ шарѣ» (тамъ же, 1885 г., ч. III); «О затменіямъ солнца и луны» (тамъ же, 1887 г., ч. II); «О различіи климатовъ» («Воскресн. день», за 1887 г.); «Премудрое устройство орудій дыханія» («Душеп. Чтен.», 1890 г.); «О времени празднованія Пасхи у христіанъ востока и запада» («Богослов. Вѣстн.», 1892 г., ч. II); «Чѣмъ держится земля въ пространствѣ» («Душеп. Чтеніе», 1894 г., ч. III). «Изъ исторіи естественнонаучной апологетики въ Россіи» (первоначально въ формѣ рѣчи, посвященной памяти прот. А. В. Горскаго въ «Богосл. Вѣстн.», 1900 г., № 11, затѣмъ въ «Вѣр. и Церк.», 1901 г., кн. 3); «Объ изуче-

ніи видимой природы въ духѣ св. вѣры» («Вѣра и Церк.», 1901 г., кн. 6). Скоро исполнится полвѣка, какъ Д. Θ—чъ служитъ въ москов. духов. академіи и, хотя онъ является ординарнымъ профессоромъ нештатнымъ, св. синодъ утвердилъ за нимъ присужденное ему совѣтомъ званіе «заслуженнаго» (по уставу полагается лишь для штатныхъ), званія, на которое едва ли кто имѣетъ болѣе правъ чѣмъ онъ. Вся его жизнь прошла подъ сѣнью академіи и въ служеніи ей. Никто лучше его не знаетъ ея исторіи. Д. Θ—чъ—живая лѣтопись академіи: онъ точно помнитъ событія, ихъ хронологическія даты, обстановку, при которой они происходили. Когда онъ встаетъ на актовыхъ, юбилейныхъ и иныхъ торжественныхъ собраніяхъ съ тѣмъ, чтобы предложить по поводу празднуемаго событія «нѣсколько историческихъ воспоминаній», всегда можно быть увѣреннымъ, что онъ сообщитъ цѣнную и характерную историческую подробность и притомъ, такъ такъ по своему характеру онъ защитникъ обвиняемыхъ, то нерѣдко сообщаемыя имъ подробности о томъ или иномъ дѣятелѣ заставляютъ разсѣяться тяготѣющему надъ нимъ тому или другому историческому обвиненію. Д. Θ—чъ—живая лѣтопись, но не только лѣтопись академіи, его воспоминанія—уже не личныя, а по разсказамъ бабушки и старшихъ родственниковъ—идутъ далеко за день возникновенія академіи, они восходятъ къ половинѣ XVIII столѣтія (см. его «Изъ моихъ воспоминаній», «Душеполез. Чтен.», 1901 г., 12; 1902 г., 1) и они шире узкой сферы академіи. Онъ знаетъ любопытное прошлое виѳанской семинаріи (см. его рѣчь въ «Сборникѣ, изданномъ по случаю столѣтія виѳанской духовн. семинаріи», стр. 87—92). Въ домѣ своего родителя, какъ затѣмъ и у себя, онъ видѣлъ много лицъ, общественныхъ дѣятелей, іерарховъ, велъ съ ними переписку и въ своихъ бесѣдахъ онъ сообщаетъ о нихъ назидательныя и драгоцѣнныя воспоминанія. У него есть еще неоконченная работа «Макарій, основатель алтайской миссіи, по бумагамъ Θ. А—ча Голубинскаго» («Душеп. Чтен.», съ 1890 г.). Но, главнымъ образомъ, академіи и всѣмъ тѣмъ, кто вступалъ въ общеніе съ этимъ замѣчательнымъ человѣкомъ, Д. Θ—чъ дорогъ, какъ исключительная религіозно-нравственная личность. Его свѣтлый образъ заставляетъ вѣрить въ человѣчество, въ человѣка, въ то, что природа человѣка добра. Скромный, одинокій профессоръ, едва ли тратящій на себя нѣсколько сотъ рублей, не имѣетъ однако денегъ, чтобы сшить пальто: онъ раздаетъ ихъ бѣднымъ. Онъ, прекрасно умѣющій обращаться съ электрическими машинами и приборами, не имѣетъ у себя на квартирѣ не только электрическаго, но и простого звонка. Нѣкогда звонокъ устроивался, но его упорно обрывали просители. На Д. Θ—ча надвигается старость, по уставу ему не обезпечена пенсія, но онъ не заботится о завтрашнемъ днѣ, онъ старается изъ своихъ скромныхъ средствъ возможно большему числу людей облегчить день настоящій. Но если есть много людей нуждающихся въ милости матеріальной, то еще больше людей нуждающихся въ милостынѣ духовной. Щедръ такою милостынею Г. Вы сдѣлали, вы сказали, вы написали тогда-то то-то хорошее, говоритъ Д. Θ—чъ юбиляру, знакомому и указываетъ дѣйствительно хорошее дѣло. Такія ободрящія слова дѣйствуютъ нравственно-возвышающимъ образомъ. «Отъ него только и узнаешь хорошее о самомъ себѣ», сказалъ про него одинъ изъ профессоровъ. Но узнать нравственно-хорошее о себѣ значитъ получить призывъ къ тому, чтобы стать нравственно хорошимъ. Темныя событія, ошибки, промахи и грѣхи Д. Θ—чъ покрываетъ молчаніемъ. Къ чему говорить о грѣхѣ, который допустилъ какой-либо дѣятель и можетъ быть давно и горячо оплакалъ. Рѣчь о прошедшемъ грѣхѣ только родитъ злорѣчье и новые грѣхи Являя образецъ милосердія и доброты, Д. Θ—чъ представляетъ образецъ скромности. 26 сент. 1848 г. рукою митр. Филарета онъ былъ посвященъ въ первую духовную степень, т. е. въ степень чтеца, и онъ доро-

жить этою степенью и говоритъ, что не считаетъ себя вправѣ искать высшихъ. Его строй жизни опредѣляется церковнымъ уставомъ, и то, что реформа Петра I ослабила и частію даже устранила церковные устои нашей жизни, представляется ему прискорбнымъ. Рядомъ съ годомъ гражданскимъ явился годъ церковный, безъ пользы для дѣла явились нѣкоторые языческіе термины (Д. Ѳ—чъ пишетъ *Генварь*, а не *январь*, чтобы названіе не напоминало языческаго бога Януса, пишетъ Георгій, а не Юрій, потому что послѣдняго имени нѣтъ въ христіанскихъ святцахъ). Въ настоящее время Д. Ѳ—чъ занятъ вопросомъ о календарѣ, онъ полагаетъ, что реформою календаря должно помедлить до 1940 г., когда окончится великій индиктіонъ, и затѣмъ вычислять пасху уже не по индиктіонамъ, а на каждые 128 лѣтъ, принимая въ нихъ по Медлеру не 32, а 31 високосный годъ. Свои взгляды онъ изложилъ въ разсужденіи «вопросъ объ уравненіи года гражданскаго съ астрономическимъ», первоначально напечатанномъ въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» (1899 г.) и затѣмъ вышедшемъ отдѣльной книжкой. Послѣ смерти профессора Болотова Д. Ѳ—чъ былъ избранъ отъ св. синода въ члены коммиссіи по вопросу о календарѣ при академіи наукъ. Онъ имѣетъ въ виду отстаивать для настоящаго времени календарь юліанскій. Въ данномъ случаѣ онъ стоитъ на стражѣ интересовъ церковныхъ. Практическія неудобства отъ календаря юліанскаго весьма сомнительны, практическія затрудненія отъ введенія календаря грегоріанскаго несомнѣнны. Но благомъ церкви Д. Ѳ—чъ не поступится никогда. Церковь для него истина, которую онъ всѣми силами стремится осуществить въ своей жизни. Тихо и благоговѣйно проходитъ жизнь этого монаха въ міру, и всѣ, кто приходитъ съ нимъ въ соприкосновеніе, почтительно склоняются предъ его могучею нравственною силою, заключенною, повидимому, въ такомъ слабомъ тѣлѣ. Г. всѣ любятъ и уважаютъ. Начиная съ высшихъ государственныхъ сановниковъ и іерарховъ, присылающихъ ему письма, исполненныя любви и уваженія, и кончая тѣми оборванными и сомнительныхъ профессій просителями, которые обрываютъ у него звонки и не даютъ ему прохода на улицахъ, всѣ относительно Г. имѣютъ одно и то же мнѣніе. Вверху не имѣющій чина Г. былъ прямо произведенъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники, внизу оборванные нищіе говорятъ: «такого святого старика не найдешь еще по всей Россіи». Послѣдній отзывъ, конечно, гораздо выше первой награды. Пока существуютъ еще такіе люди, можно жить на землѣ. *С. Глаголевъ.*

ГОЛУБИНСКІЙ Евгеній Евсигнѣевичъ, заслуж. ордин. профессоръ моск. дух. академіи, докторъ богословія (родился 28 февр. 1834 г.) въ селѣ Матвѣевѣ кологрив. у., костром. губ., въ семьѣ священника Пескова; фамилію «Голубинскій» далъ Е. Е—чу отецъ въ честь знаменитаго земляка философа Ѳ. А. Голубинскаго при опредѣленіи въ соли-галичское духовное училище, въ которомъ онъ и получилъ первоначальное образованіе. Среднее образованіе Е. Е. получилъ въ костромской семинаріи, высшее въ московской академіи. Окончивъ академію въ 1858 г., онъ былъ назначенъ преподавателемъ словесности въ виѳанскую семинарію; въ 1859 г. получилъ степень магистра богословія за сочиненіе «Объ образѣ дѣйствованія православныхъ государей греко-римскихъ въ IV, V и VI вѣкахъ въ пользу церкви противъ еретиковъ и раскольниковъ» (напечатано въ приб. къ «Тв. св. от.» 1859 г.). 12 янв. 1861 г. назначенъ баккалавромъ московской академіи по каѳедрѣ исторіи русской церкви послѣ Ник. Кир. Соколова, перваго профессора на этой каѳедрѣ, открывшейся въ 1858 г. Первые труды Е. Е. относятся къ церковной исторіи южныхъ и западныхъ славянъ: изслѣдованіе, оставшееся въ рукописи «Константинъ и Меѳодій апостолы славянскіе», удостоенное въ 1869 г. полной Уваровской преміи; «Краткій очеркъ исторіи православныхъ церквей болгарской, сербской и румынской», изд. въ 1871 г. Но во дни юности Е. Е. далъ обѣтъ написать

и напечатать не позднѣе, какъ черезъ 35 лѣтъ службы, исторію русской церкви до учрежденія св. синода и изученіемъ церковной исторіи славянъ онъ только подготовлялъ себя къ главному труду. Не удовлетворяясь книжнымъ изученіемъ церковной жизни православнаго востока, ученый хлопочетъ о командировкѣ и въ маѣ 1872 г. отправляется въ Грецію и славянскія земли «для ближайшаго ознакомленія съ внутреннимъ бытомъ современной и памятниками исторической жизни православныхъ церквей греческой и славянской». Стремясь обо всемъ составить «свое собственное назависимое сужденіе», Е. Е. въ своемъ полуторагодовомъ путешествіи не ограничивался славянскими землями и Греціей, но побывалъ въ Іерусалимѣ и Италіи; всюду онъ знакомился съ памятниками древности, съ рукописями, собиралъ нужныя книги и свѣдѣнія о современной церковной жизни путемъ личныхъ наблюденій или разспросовъ. Въ декабрѣ (16-го) 1880 г. Е. Е. защищалъ на доктора богословія начало (I пол. I тома) своего извѣстнаго труда — «Исторіи русской церкви». Встрѣченная съ большимъ сочувствіемъ въ ученомъ мірѣ и въ читающей публикѣ, увѣнчанная академіей наукъ полной Уваровской преміей и быстро раскупленная, критическая исторія Г. не понравилась въ оффиціальныхъ сферахъ и, только благодаря настойчивымъ представленіямъ митр. Макарія, ея авторъ былъ удостоенъ св. синодомъ (3 іюня 1881 г.) степени доктора богословія. Въ томъ же году вышла II полов. I тома, обнимающаго кіевскій періодъ исторіи. Деньги на печатаніе двухъ обширныхъ полутомовъ доставилъ ученому его покровитель митр. Макарій заимообразно изъ суммъ перервинскаго монастыря. 14 іюня 1882 г. Е. Е. получилъ званіе ординарнаго профессора, а 17 янв. 1886 г. заслуженнаго ординарнаго. Неутомимый труженникъ скоро приготовилъ къ печати и второй томъ исторіи, но получилъ возможность издать его только въ самое послѣднее время, благодаря содѣйствію московскаго общества исторіи и древностей россійскихъ: I пол. II тома онъ напечаталъ въ 1900 г., а въ 1901 г. переиздалъ, исправивъ и дополнивъ I пол. I тома (192 и 198 кн. Чтеній Общ. И. и Др. Росс.) Еще раньше, въ 1895 г. (26 іюля), Е. Е вышелъ въ отставку. Но оставивъ службу, онъ не прекратилъ своихъ ученыхъ трудовъ, которымъ отдалъ свою жизнь. Въ настоящее время онъ приготовилъ къ печати II пол. II тома, исправилъ ко второму изданію «Исторію канонизаціи святыхъ», «Къ нашей полемикѣ съ старообрядцами», «Преп. Сергій Радонежскій и созданная имъ Троицкая лавра» и II пол. I тома. Кромѣ того, ученый готовитъ церковно-археологическій атласъ, который будетъ служить какъ бы приложеніемъ къ II пол. I тома, занятой церковно-археологическими изысканіями. Ученыя заслуги Е. Е. давно признаны спеціалистами и онъ избранъ въ члены многихъ ученыхъ обществъ: дѣйствительнымъ членомъ общ. ист. и древн. росск., почетнымъ членомъ кіевск. общ. Нестора Лѣтоп., 24 дек. 1882 г. избранъ въ члены корреспонденты имп. академіи наукъ, почетнымъ членомъ ростовскаго музея церковныхъ древностей, харьковскаго университета и болгарскаго книжнаго дружества въ Софіи.

Какъ историкъ русской церкви, Е. Е. является естественнымъ преемникомъ и продолжателемъ митр. Макарія. 12-ти томная исторія этого іерарха представляетъ прекрасный сборникъ церковно-историческаго матеріала, систематически подобраннаго и живо изложеннаго. Но этотъ трудъ не свободенъ отъ двухъ недостатковъ: отъ недостатка критики въ пользованіи матеріаломъ, что сознавалъ и самъ авторъ, когда восклицалъ: «критики, побольше критики—вотъ чего надобно желать намъ въ исторіи нашей литературы» (V т., 408 стр., т. е. въ исторіи древней духовной литературы, служащей матеріаломъ для исторіи русской церкви). Далѣе—исторія Макарія не описываетъ народной жизни: останавливаясь на исторіи церковнаго правительства, авторъ не выясняетъ жизни вѣрующей массы и свой разсказъ дробитъ искусственно по рубрикамъ, привнесеннымъ

отвѣ. На преемникѣ митр. Макарія лежало двѣ задачи—дать критическую исторію русской церкви и притомъ исторію не только оффиціально-церковную, но и народно-религіозную. Е. Е. выполнилъ блестяще первую задачу и подготовилъ исполненіе второй: онъ историкъ-критикъ и отчасти скептикъ. Вооруженный молотомъ критики, онъ пересмотрѣлъ и перетрогалъ все зданіе своей науки и немало камней, даже лежащихъ въ его фундаментѣ, разбилъ своимъ безпощаднымъ молотомъ: онъ опровергаетъ лѣтописное преданіе о путешествіи апостола Андрея по берегамъ Днѣпра и Волхова, повѣсть лѣтописи объ обращеніи и крещеніи св. Владиміра, разбиваетъ теоріи Карамзина о высокой степени просвѣщенія въ домонгольской Руси. Критицизмъ ученаго переходитъ въ скептицизмъ, когда онъ касается оцѣнки источниковъ своей науки. По его мнѣнію, для историка нѣтъ никакихъ средствъ возстановить нашу прошлую церковную жизнь «во всей жизненной живости и во всей своей цѣлостной полнотѣ». Очень низкаго мнѣнія онъ о лѣтописяхъ, въ которыхъ исторія церкви не пишется вовсе, а вмѣсто нея содержатся неполные каталоги митрополитовъ, епископовъ и каменныхъ церквей,— о житіяхъ святыхъ, не рисующихъ исторической обстановки, наполненныхъ общими мѣстами и риторическими фразами, — о памятникахъ церковнаго законодательства, провѣрить историческое значеніе которыхъ нѣтъ средствъ у историка. Ученый жалуется на отсутствіе у насъ обличительной проповѣди, сатиры (исключеніе—Максимъ Грекъ), на недостатокъ ярко очерченныхъ историческихъ дѣятелей (исключеніе, по его мнѣнію, одно — патр. Никонъ). Низкое качество матеріаловъ по русской церковной исторіи онъ объясняетъ нашей неспособностью, тѣмъ, что «въ своемъ прошломъ мы представляли изъ себя историческій народъ весьма невысокаго достоинства». Отсюда трудъ историка русской церкви тяжелъ и неблагодаренъ: это трудъ тряпичника, обязаннаго по десятку разъ тщательно перерывать всякій хламъ, чтобы подобрать все до лоскутка и все употребить на пользу. И кропотливый тряпичникъ получаетъ въ награду за трудъ чувство неудовлетворенности и недовольства. Таковъ взглядъ Е. Е. на свою науку и на то дѣло, которому онъ отдалъ свои силы. Но значеніе Е. Е. для исторіи русской церкви не ограничивается его критической, разрушительной работой. Его труды приводятъ и къ положительнымъ результатамъ. Критическая обработка источниковъ и сама по себѣ содѣйствуетъ выясненію исторической истины, потому что, сортируя данныя и выбрасывая часть ихъ за негодностію, критика упрочиваетъ положеніе оставшихся, очищаетъ поле зрѣнія отъ загороживающихъ истину показаній, а анализъ фактовъ содѣйствуетъ накопленію фактовъ. Теперь получается возможность твердыхъ научныхъ построеній въ исторіи русской церкви, и Е. Е. сдѣлалъ ихъ въ большомъ количествѣ, не создавъ, впрочемъ, общей схемы хода древне-русской церковной жизни, чему можетъ быть не пришло и время. Слѣдуетъ еще отмѣтить одну особенность въ научныхъ пріемахъ историка, широко примѣненную имъ впервые въ своей наукѣ и оказавшую въ высшей степени плодотворные результаты. Исторію русской церкви онъ изучаетъ сравнительнымъ методомъ, сопоставляя съ особенностями церковной жизни Византіи, и многое въ прошлой жизни нашей церкви, бывшей долго митрополіею константинопольскаго патріархата, объясняетъ порядками жизни греческой церкви: не даромъ Е. Е. такъ основательно изучилъ церковную жизнь православнаго востока въ прошедшемъ и настоящемъ. Этимъ методомъ Е. Е. воспользовался, вѣроятно, руководясь примѣромъ А. В. Горскаго, примѣнявшаго его въ своихъ ученыхъ работахъ. Благодаря ему, онъ положительно создаетъ, наприм., исторію церковнаго управленія въ кіевскій періодъ, опущенную нашими лѣтописями, и раскрываетъ много темныхъ сторонъ въ исторіи древне-русскаго монашества. Много загадочныхъ фактовъ выяснено, свидѣтельствъ истолковано: огромныя книги

его исторіи наполнены подобными мелкими открытіями и представляютъ неисчерпаемый матеріалъ для послѣдующихъ работниковъ. Немало историческихъ лицъ получило подъ перомъ откровеннаго ученаго совсѣмъ новую оцѣнку — архим. Митяй, митр. Θеодосій Бывальцевъ, Макарій съ Стоглавымъ соборомъ, преп. Максимъ Грекъ. Е. Е. историкъ независимый и вполнѣ оригинальный. Не только его главный трудъ представляетъ самостоятельную переработку содержанія, по крайней мѣрѣ, половины науки, переработку, отмѣченную яркими слѣдами своеобразнаго таланта, но и во второстепенныхъ трудахъ своихъ онъ тотъ же. Ужъ его первые изслѣдованія по исторіи славянскихъ церквей признаны самостоятельными и до сихъ поръ имѣютъ значеніе, а одинъ изъ послѣднихъ трудовъ его «Къ нашей полемикѣ съ старообрядцами» («Богосл. Вѣстн.», 1892 г.) вноситъ своеобразный взглядъ въ этотъ церковно-практическій вопросъ. По мнѣнію ученаго, полемистамъ съ расколомъ слѣдуетъ радикально измѣнить исходный пунктъ своей полемики — перестать доказывать, что обряды современной русской церкви древнѣе дониконовскихъ, потому что, не погрѣшая противъ научной истины, въ нѣкоторыхъ случаяхъ и доказать этого нельзя, а слѣдуетъ выяснить, что обрядъ есть только обрядъ, а не догматъ: не спускаясь на раскольничью точку зрѣнія слѣпой приверженности къ своему обряду, полемистъ долженъ возводить сознаніе темнаго старообрядства до степени истинно православнаго сознанія. Но Е. Е. не весь еще высказался въ своихъ ученыхъ трудахъ, онъ, несомнѣнно, подаритъ и обогатитъ еще русскую историческую науку. И полная оцѣнка его научной дѣятельности дѣло будущаго.

Кромѣ уже упомянутыхъ главнѣйшихъ изслѣдованій, Е. Е—чу принадлежатъ еще слѣдуюшія: 1) Очеркъ исторіи просвѣщенія у грековъ со времени взятія Константинополя турками до настоящаго (XIX) столѣтія, («Прав. Об.», 1872 г., т. 1 и 2). — 2) Исторія алтарной преграды или иконостаса въ православныхъ церквахъ («Прав. Об.», 1872 г., т. 2); 3) О такъ называемой Іоакимовской лѣтописи Татищева (актовая рѣчь, Приб. къ Тв. св. от., 1881 г., кн. 28); 4) Св. Константинъ и Меθодій (актовая рѣчь, Прпб., 1885 г., кн. 36); 5) Рѣчь о значеніи преп. Сергія Радонежскаго въ исторіи нашего монашества («Бог. Вѣстн.», 1892 г. 11 кн.); 6) Къ вопросу о началѣ книгопечатанія въ Москвѣ («Бог. Вѣстн.», кн. 2). Ему же принадлежатъ нѣсколько полемическихъ статей въ защиту своихъ изслѣдованій о преп. Сергіѣ и полемикѣ съ старообрядцами. Обстоятельный научный отзывъ о I п. I т. «Исторіи» принадлежитъ проф. Малышевскому (Ученыя Записки ак. н. 1882 г., 1—4). Данныя для біографіи и исторіи научныхъ работъ Е. Е. въ описаніи его докторскаго диспута, «Прав. Об.», 1881 г. 1 кн., въ отчетѣ о заграничной командировкѣ, «Журн. Совѣта» м. академіи 1874 г., стр. 8—21, въ праздновании 35-лѣтняго юбилея, «Богосл. Вѣстн.», 1894 г., февраль. — *Смирновъ.*

ГОЛУБЦОВЪ Александръ Петров. — экстра-ординарный профессоръ московской духовной академіи по каθедрѣ церковной археологіи и литургики, магистръ богословія. Сынъ священника галичскаго у., костромской губ., родился въ 1862 г.; образованіе получилъ въ костромской духовной семинаріи и завершилъ въ московской духовной акад., гдѣ кончилъ курсъ въ 1886 г. со степенью кандидата богословія и съ правомъ на исканіе степени магистра богословія безъ новаго устнаго испытанія. Какъ лучшій кандидатъ въ своемъ выпускѣ, по окончаніи курса, былъ оставленъ на годъ при академіи для занятій научными работами въ качествѣ профессорскаго стипендіата; по истеченіи этого года былъ назначенъ исправляющимъ должн. доцента въ московской академіи по каθедрѣ церковной археологіи и литургики. Въ 1891 г. 15 дек., по защитѣ диссертаціи, утвержденъ въ степени магистра богословія и черезъ нѣсколько времени, въ 1892 г.,—въ званіи доцента академіи. Съ 1893 г. состоитъ, по избранію совѣта академіи, лекторомъ французскаго языка, а съ 1891 г.—экстраординарнымъ профессоромъ академіи. Магистерская диссертація г. Г. — «Пренія о вѣрѣ, вызванныя дѣломъ королевича Вольдемара и царевны Ирины Михайловны». Москва, 1891 г. Въ этомъ сочиненіи онъ подробно излагаетъ и разбираетъ извѣстные богословскіе споры, бывшіе въ Москвѣ

между православными и протестантами въ 1644 и 1645 годахъ. До его диссертаціи были работы, посвященныя этому вопросу, но онѣ не обнимали и и трети всѣхъ относящихся сюда памятниковъ, такъ что цѣльной исторіи этихъ споровъ не было. Задавшись такой цѣлію, авторъ и даетъ въ своемъ трудѣ цѣнное критико-библіографическое изложеніе обширнаго рукописнаго матеріала, воспроизводя въ немъ обстоятельно и живо весь ходъ какъ устной, такъ и письменной полемики московскихъ богослововъ съ датскими. Такимъ образомъ, г. Г. «обработалъ цѣлый отдѣлъ русской духовной литературы XVII в.». При этомъ «обширный матеріалъ изученъ крайне старательно; — общій взглядъ на предметъ установленъ вѣрный, а частныя сужденія отличаются основательностью и свободою отъ увлеченія въ крайность». Вообще, по отзыву проф. Е. Голубинскаго, сочиненіе г. Г. представляетъ собою такую монографію по взятому имъ вопросу, по отношенію къ которой можетъ быть выражено только полное удовольствіе» (Ср. отз. профессора В. Ключевскаго и Е. Голубинскаго. Журн. Сов. моск. дух. акад.). Въ связи съ этимъ сочиненіемъ стоятъ изданные император. обществомъ исторіи и древностей россійскихъ въ «Чтеніяхъ» этого общества за 1891 г., его же: «Памятники преній о вѣрѣ, возникшихъ по дѣлу королевича Вольдемара и царевны Ирины Михайловны». Въ «Чтеніяхъ» общества любителей духовн. просвѣщ.» г. Г. напечатано: «Судьба евангелія учительнаго Кирилла Транквилліона»; въ «Прибавл. къ твор. св. отцовъ»: «Объ обрядовой сторонѣ таинства елеосвященія», «О греческомъ иконописномъ подлинникѣ»; «Къ исторіи изображенія св. креста». Въ «Богосл. Вѣстн.» за 1895 г.: «Церковно-археологическій музей при моск. духовн. академіи» (Отд. изд. М. 1895 г.); за 1896 г. III: «Молитвенныя храмины и открытые христіанскіе храмы первыхъ трехъ вѣковъ»; за 1897 г.: «О путешествіяхъ древнихъ христіанъ и нашихъ старинныхъ паломниковъ въ св. землю, Римъ и Царьградъ; «Происхожденіе, назначеніе и устройство римскихъ катакомбъ», библіограф. замѣтка: «Хлорищева пустынь. Историко-археологическое описаніе В. Георгіевскаго. Вязники. 1896 г.» Въ «Душепол. Чтен.» за 1897 г. XI: «Изъ исторіи древней русской иконописи» (Отдѣл. отт., Москва, 1898 г.); «Изъ исторіи празднованія Новаго года» М. 1898 г. *Д.*

ГОЛУБЬ—птица, болѣе пятидесяти разъ упоминаемая въ Евангеліи и единственная, которую можно было приносить въ жертву, съ каковою цѣлью ею пользовались преимущественно бѣдные люди и между ними Пресв. Марія (Левитъ **5**, 7; **12**, 6; Лук. **2**; 24). Съ этою цѣлью торговцы Г. сидѣли у преддверія храма (Матѳ. **21**, 12 и проч.). Разведеніе Г. съ самыхъ древнихъ временъ было однимъ изъ отличительныхъ занятій евреевъ (Ис. **60**, 8), хотя въ Палестинѣ было много также и дикихъ Г. (Іезек. **7**, 16), которые дѣлали свои гнѣзда въ ущельяхъ скалъ (Іерем. **48**, 28; Пѣснь **2**, 14), или, по крайней мѣрѣ, искали себѣ тамъ убѣжища. Летаніе Г. еврейскіе поэты употребляли въ качествѣ символа быстроты (Пс. **54**, 7; Осія **11**, 11; Ис. **60**, 8). Въ пѣсняхъ любви, глаза возлюбленныхъ, какъ выраженіе преданности и невинности, сравниваются съ глазами Г. (Пѣснь **1**, 14; **4**, 1). Голосъ Г. у поэтовъ принимается за выраженіе вздоха и скорби (Ис. **38**, 14; **59**, 11; Наумъ **2**, 7). Г. считался вообще добрымъ вѣстникомъ примиренія съ Богомъ (Быт. **8**, 8, 10 и слѣд.), и о немъ часто упоминается, какъ символѣ чистоты и невинности (Матѳ. **10**, 16). Въ христіанскомъ искусствѣ Г. употребляется въ качествѣ символа Св. Духа.

ГОЛЬБАХЪ, баронъ (род. въ 1723 г., ум. въ 1789 г.)—извѣстный покровитель энциклопедистовъ XVIII вѣка.—Проживая по большей части въ Парижѣ, онъ прославился тѣмъ, что вокругъ своего стола собиралъ «философовъ» своего времени, и отчасти самъ, а отчасти другимъ поручалъ писать нѣкоторыя изъ наиболѣе извѣстныхъ книгъ того вѣка. Такъ какъ эти книги печатались въ иностранныхъ государствахъ и издавались анонимно, то авторство

ихъ во многихъ случаяхъ опредѣлить трудно. Наиболѣе замѣчательна изъ нихъ «Система природы» (Лондонъ, 1770 г.), которая въ природѣ и въ исторіи не находила ничего, кромѣ матеріи и движенія. Другое сочиненіе—«Здравый смыслъ» (1772 г.) есть лишь популярное изложеніе «Системы природы» и причинило много вреда чрезъ распространіе грубо матеріалистическихъ идей въ низшихъ классахъ общества. Ему же принадлежатъ и другія менѣе извѣстныя и важныя сочиненія, какъ: «Разоблаченное христіанство», «Священническій обманъ», «Духъ духовенства», и др. Въ своей «Всеобщей морали» (1776 г.) онъ всю нравственность сводитъ къ физикѣ: самолюбіе, любовь къ ближнимъ, ненависть—все это, по нему, то же, что въ матеріи называютъ инерціей, притяженіемъ и отталкиваніемъ. По нему, христіанская религія вообще основана на обманѣ, невѣжествѣ и легкомысліи и пригодна только для людей, которые хотятъ обмануть родъ человѣческій. Всѣ эти грубо матеріалистическія идеи быстро подготовили тотъ страшный разрушительный потопъ, который въ видѣ великой французской революціи хлынулъ какъ разъ послѣ смерти Г. (1789 г.). См. о немъ у *Лянге*, въ его «Исторіи матеріализма», т. I.

ГОЛЬМСЪ Робертъ, впослѣдствіи каноникъ салисбюрійскій и деканъ винчестерскій, род. въ 1749 г., ум. въ Оксфордѣ, въ 1805 г.; издавалъ поэмы и проповѣди, но особенно прославился изданіемъ греческаго перевода LXX. Начало этого труда вышло въ свѣтъ въ 1798 г.; подъ заглавіемъ: Vetus Test. Graecae cum variis lectionibus (точная перепечатка Сикстинскаго кодекса отъ 1587 г., съ исправленіемъ опечатокъ; текстъ занимаетъ рѣдко болѣе двѣнадцати строкъ). Самъ Г. издалъ только Пятокнижіе, а продолженіе этого важнаго труда взялъ на себя, послѣ его смерти, Парсонъ, который и довелъ его до желаннаго конца.

ГОЛЬСТЕ или **ГОЛЬСТЕНІЙ** Лука; род. въ Гамбургѣ, въ 1596 г.; ум. къ Римѣ, въ 1661 г.; учился въ Лейденѣ, побывалъ въ Англіи; поселился въ Парижѣ, въ 1624 г., въ качествѣ библіотекаря у президента Месма; обратился въ римскій католицизмъ; сопровождалъ кардинала Барберени, въ 1627 г., въ Римъ, гдѣ и сдѣлался библіотекаремъ Ватикана, членомъ конгрегаціи индекса, и проч. Онъ пользовался большимъ довѣріемъ папскаго двора и, какъ прославившійся искусствомъ при обращеніи протестантовъ въ римскую церковь, между прочимъ былъ командированъ папой Александромъ VII въ Инсбрукъ съ цѣлію руководить обращеніемъ въ латинство извѣстной своею эксцентричностью дочери Густава Адольфа Христины. Большая часть его сочиненій остались неоконченными, но тѣмъ не менѣе его труды имѣютъ большую важность для Liber Pontificalis, Liber Diurnus Pontif. Rom. мартирологій, и проч. Его «Сборникъ монастырскихъ правилъ» (Codex Regularum) впервые вышелъ въ Римѣ въ 1661 г., впослѣдствіи значительно дополненный въ Аугсбургѣ, въ 1759 г., въ 6 томахъ. Письма его были изданы Буассонадомъ, Парижъ 1817 г.

ГОЛЬСТЕНЪ К. (Holsten Carl.), род. 31 марта 1825 г., воспитывался въ Лейпцигѣ, Берлинѣ и Ростокѣ и сначала посвятилъ себя пасторской дѣятельности, но разошелся съ господствовавшей ортодоксіей и избралъ педагогическое поприще, въ 1869 г. былъ приглашенъ въ Бернъ и занималъ тамъ профессорскую каѳедру до 1876 г., когда переселился въ Гейдельбергъ, гдѣ состоялъ профессоромъ Н. З. до самой кончины 26 янв. 1897 г. Писалъ Г. по религіозно-философскимъ вопросамъ («Происхожденіе и сущность религіи» 1886 г., «Наука ли богословіе?» 1897 г.), о евангеліяхъ (напр., о синоптическомъ вопросѣ: «Три первоначальныя, еще незаписанныя Евангелія» 1883 г., «Синоптическія Евангелія по формѣ ихъ содержанія» 1886 г., о новоз. изреченіяхъ «Отче нашъ [мой], иже еси на небесѣхъ [небесный]», «Сынъ человѣческій», о мессіанскомъ сознаніи І. Хр.), а по смерти изданы чтенія о новоз. канонѣ (1900 г.) и др., но важнѣйшіе труды, создавшіе авторитетъ и славу,

относятся къ изученію богословія св. апостола Павла. Главнѣйшія изъ этихъ работъ сгруппированы въ изданіяхъ о «Евангеліи Павла и Петра» (1868 г.), «Евангеліе Павла» въ двухъ частяхъ (1880 и 1898 г.). Вездѣ Г. выступалъ рѣшительнымъ сторонникомъ критическихъ идей Ф. Хр. Баура, которому онъ посвятилъ свой первый сборникъ, какъ «умершему, но не мертвому протестантскому ученому съ непогрѣшительною совѣстію относительно истинности, съ неустаннымъ стремленіемъ къ правдѣ». И нужно признать, что Г. былъ достойнѣшимъ и наилучшимъ поборникомъ тюбингенскихъ началъ въ ихъ строгой идейности, отражавшей чистѣйшее гегеліанство. Логическая проницательность и отвлеченная конструктивность Г. были по истинѣ изумительны, и онъ смѣло велъ созидательную работу даже тамъ, гдѣ окончательно пасовалъ самъ Бауръ. Такъ было касательно обращенія Савлова, которое послѣдній объявилъ непостижимымъ и непримиримымъ съ критическими воззрѣніями, а Г.—напротивъ—нашелъ въ немъ прочную основу для построенія всей новозавѣтной исторіи по отчетливому тюбингенскому плану. Въ логическомъ смыслѣ система Г. отличается замѣчательною выдержанностію, однако еще болѣе вѣрно, что она совершенно отвлеченна и нереальна. Поэтому высокіе таланты Г. не дали всѣхъ жизненныхъ плодовъ, и теоретическіе принципы его едва ли имѣютъ ревностныхъ исповѣдниковъ, косвенно же сказываются въ генетическихъ построеніяхъ, сглаживающихъ исключительную особность новозавѣтныхъ концепцій и тѣмъ затемняющихъ даже историческое значеніе христіанства, какъ *новаго* фактора въ исторіи, разъ свидѣтельствуется, что тутъ лишь оригинальная комбинація *старыхъ* элементовъ. *Н. Г.*

ГОЛЬЦМАННЪ—имя нѣсколькихъ нѣмецкихъ ученыхъ богослововъ. Изъ нихъ: 1) Г. *Даніилъ* перевелъ въ 1571 г. басни ѳессалоник. еп. Кирилла, сначала напис. на греч. языкѣ, а затѣмъ обработанныя по-латыни подъ заглавіемъ «Speculum sapientiae», на нѣм. языкѣ подъ заглавіемъ «Зерцало естеств. мудрости»—стихами во вкусѣ своего времени.—2) *Г. Юлій* (род. 1832 г.)—извѣстный библеистъ, начавшій свою ученую карьеру профессурой въ Гейдельбергѣ (1865 г.) и перешедшій позже (1870 г.) въ страсб. ун.—Начавъ въ тонѣ посредствующаго богословія, что̀ ясно выступаетъ въ его первомъ ученомъ трудѣ «Канонъ и преданіе» (1859 г.), онъ позже перешелъ на сторону тюбинг. школы, хотя и не принималъ всѣхъ ея крайнихъ выводовъ (что видно изъ его сочиненій — «Синоптич. евангелія», Лейпцигъ, 1863 г.; «Критика посланія къ Ефес. и Колос.», 1872 г.; «Пастырскія посланія», 1880 г.; «Учебникъ истор.-крит. введеній въ Н. Завѣтъ», Фрейбургъ, 1885 г. и др.). Вмѣстѣ съ Георгомъ Веберомъ онъ издалъ «Исторію изр. народа и происх. христіанства» въ двухъ томахъ (1867 г.), а съ Цёпфелемъ—«Словарь для богословія и церковности» (Лейпцигъ, 1882 г.). Кромѣ того, имъ издано два сборника проповѣдей.—3) Г. *Оскаръ*, проф. богословія въ Гиссенѣ, современный нѣм. писатель раціоналистич.-критич. направленія, авторъ нѣсколькихъ этюдовъ изъ временъ земной жизни Спасителя и первыхъ вѣковъ нашей эры. Изъ нихъ можно особенно отмѣтить: «Религіозно-историческіе этюды» (Religionsgesch. Vorträge»), Гиссенъ, 1902 г., «Іудейское книжничество времени Іисуса» и др.

Голятовскій Іоанникій, см. Іоанникій Голятовскій.

Гомилетика—наука о церк. краснорѣчіи или проповѣдничествѣ. См. подъ сл. «Проповѣдь» и «Проповѣдничество», его теорія и исторія.

ГОМИЛІАРІЙ—названіе старинныхъ сборниковъ бесѣдъ (гомилій) и проповѣдей, сдѣланныхъ изъ твореній отцовъ на весь церковный годъ частными лицами для чтенія въ церкви по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ, или церковными властями, вводившими ихъ среди духовенства въ качествѣ образцовъ для проповѣди. Такіе сборники существовали еще до Карла Великаго (особенно въ галликанской и въ англо-саксонской церкви), но самый знаменитый и наи-

болѣе распространенный сборникъ этого рода былъ «Г.» Карла Великаго. Крайняя неисправность въ подборѣ избранныхъ мѣстъ отцовъ, а также грубыя ошибки и искаженія въ нихъ побудили Карла Великаго поручить Павлу Діакону составить новый Г. подъ наблюденіемъ Алкуина. Этотъ трудъ былъ законченъ между 776 и 784. Рукописи для него собирались въ лучшихъ библіотекахъ—въ Гейдельбергѣ, Дармштадтѣ, Франкфуртѣ, Гиссенѣ, Касселѣ, Фульдѣ, и проч. Первое печатное изданіе, безъ заглавія, даты и обозначенія мѣста, вѣроятно, было сдѣлано въ Кёльнѣ въ 1470 г. Сравненіе между различными изданіями показываетъ, что содержаніе книги разросталось съ увеличеніемъ числа праздниковъ. Къ сборнику присоединялись новыя проповѣди позднѣйшихъ учителей — Алкуина, Гаймона, Бернарда и др. Основное содержаніе, равно какъ и первоначальный планъ расположенія, однако удерживались. Этотъ сборникъ оказывалъ большое вліяніе на развитіе проповѣдничества какъ въ римско-католической церкви, такъ и въ протестантскихъ церквахъ. «Книга Гомилій» англиканской церкви имѣетъ также близкое сходство съ Г.

ГОНЕНІЯ на христіанъ въ Римской имперіи.— Въ продолжавшейся въ теченіе столѣтій кровавой борьбѣ христіанство побѣдило Римъ. Исторія не знаетъ еще болѣе возвышеннаго зрѣлища чѣмъ эта борьба, которая была необходима по самому характеру столкнувшихся силъ и которая должна была заключиться лишь побѣдой христіанства. Кровь мучениковъ была, въ силу искупительныхъ заслугъ Христа, сѣменемъ христіанства. Эти Г., которыхъ насчитываютъ десять, распадаются на три стадіи, по которымъ мы и изложимъ ихъ.

1. Въ I вѣкѣ христіане потерпѣли два Г. — отъ императоровъ Нерона (54 — 68 г.) и Домиціана (81— 96 г.). *Первое* Г. было при Неронѣ послѣ большого пожара въ Римѣ (18 — 27 іюля 64 г.), виновникомъ котораго, по подозрѣнію народа, былъ самъ онъ, но свалилъ всю вину на христіанъ, которые, какъ «ненавистники-де рода человѣческаго», уже сдѣлались предметомъ ненависти со стороны язычниковъ. Г. было жестокое, выразившееся во всевозможныхъ мукахъ, которымъ предавали невинныхъ христіанъ, но въ то же время непродолжительное и едва-ли распространившееся за предѣлы Рима. Замѣчательно при этомъ, что языческій міръ, не понимая еще значенія христіанства, началъ однако уже отличать христіанъ отъ евреевъ и направлялъ свою вражду гораздо болѣе къ первымъ, чѣмъ къ послѣднимъ, и ихъ уже тогда стали обвинять въ ненависти къ человѣческому роду (odium humani generis) и относились къ нимъ враждебно. Имъ приписывались всевозможныя преступленія, какъ сектѣ, Основатель которой, въ глазахъ римлянина, умеръ смертью преступника, и о собраніяхъ которыхъ уже носились слухи, будто они предаются на нихъ противоестественнымъ порокамъ разврата, устрояя такъ называемые ѳіестейскіе ужины. Среди мучениковъ Неронова Г., безъ сомнѣнія, были ап. Петръ и Павелъ.—*Второе* Г. было при Домиціанѣ, которое собственно направлялось противъ іудеевъ, побужденіемъ къ чему служила алчность деспота; при этомъ, конечно, должны были потерпѣть и тѣ, которые совнѣ жили по іудейскимъ законамъ или вели свое происхожденіе изъ іудейства. Отсюда и христіане, якобы за неуплату подати, должны были подвергаться наказанію въ видѣ лишенія имущества и изгнанія. Другимъ обвиненіемъ противъ нихъ было «безбожіе», т. е. отрицаніе государственной религіи. Это обвиненіе направлялось противъ іудеевъ и тѣхъ, кто «впали въ обычаи іудеевъ», т. е. христіанъ. Среди многочисленныхъ христіанскихъ мучениковъ этого времени, по лѣтописи Евсевія, выдается своимъ положеніемъ Флавія Домитилла, жена консуларія Флавія Климента, которая въ 95 г. была сожжена за свою вѣру. Раздѣлялъ-ли консуларій Флавій Климентъ, своякъ Домиціана, въ это же время казненный по самому ничтожному подозрѣнію, вѣру своей жены и пострадалъ ли за нее,—на осно-

ваніи существующихъ источниковъ рѣшить невозможно. По Егезиппу, Домиціанъ изъ политическаго подозрѣнія потребовалъ къ себѣ двухъ родственниковъ Іисуса Христа, внуковъ Іуды, брата Іисусова, но послѣ того, какъ увидѣлъ ихъ мозолистыя руки отъ работы на маленькомъ земельномъ надѣлѣ и услышалъ отъ нихъ, что царство Христово не отъ міра сего и наступитъ только въ концѣ міра, отпустилъ ихъ, какъ неопасныхъ простецовъ. Къ этому же времени преданіе относитъ и ссылку ап. Іоанна на островъ Патмосъ, хотя извѣстіе о немъ впервые появляется лишь у св. Иринея.

2. Поворотный пунктъ въ отношеніяхъ римскаго государства къ христіанамъ наступилъ въ царствованіе императора Траяна (98 — 117 г.). Въ виду все болѣе возраставшей силы императорской власти, какъ выраженія римской государственности, а также и въ виду все болѣе усиливавшагося распространенія христіанства, необходимо было установить ту или другую форму въ отношеніяхъ римскаго государства къ христіанамъ, которые все болѣе и болѣе находили себѣ послѣдователей среди язычниковъ. Внѣшній поводъ къ такой регуляціи представило слѣдующее обстоятельство. Плиній младшій, который съ 111 года былъ намѣстникомъ Виѳиніи, поставленъ былъ въ затрудненіе тѣмъ, что къ нему стали поступать многочисленныя жалобы на христіанъ. Онъ не зналъ, какъ поступать ему съ этими христіанами: нужно ли дѣлать различіе между ними, смотря по возрасту, полу и состоянію обвиненныхъ, достаточно ли одного названія безъ преступленія, или наказывать только тѣхъ, у которыхъ съ именемъ соединялось и преступленіе. Желая поэтому получить болѣе опредѣленныя указанія отъ императора, онъ обратился къ нему съ своимъ знаменитымъ письмомъ, въ которомъ, задавая эти вопросы, сообщаетъ въ то же время о томъ, какъ онъ самъ поступалъ доселѣ. «Я спрашивалъ», пишетъ онъ, «христіане ли они. Если они сознавались въ этомъ, то я, подъ угрозою наказанія смертью, спрашивалъ во второй и третій разъ; если они упорствовали, то я приказывалъ казнить ихъ. Ибо я не сомнѣваюсь, что упорство и непреклонное упрямство должны быть наказываемы, какое-бы ни было самое ихъ исповѣданіе». «Тѣхъ, которые утверждали, что они не христіане и не были таковыми, я находилъ нужнымъ отпускать, если они, по моему примѣру, призывали боговъ и, принося жертвы куренія и вина, боготворили твой образъ, который я для этого ставилъ вмѣстѣ съ изображеніями боговъ, и, кромѣ того, проклинали Христа, чего, какъ говорятъ, никогда бы не сдѣлали истинные христіане». На это Траянъ, одобривъ вообще его образъ дѣйствій, далъ Плинію такое рѣшеніе: «Христіанъ не нужно нарочито разыскивать (conquirendi non sunt): но если ихъ указываютъ и приводятъ, то ихъ нужно наказать, при чемъ однако кто говоритъ, что онъ не христіанинъ и это доказываетъ самымъ дѣломъ, т. е., поклоненіемъ нашимъ богамъ, вслѣдствіе такого раскаянія долженъ быть отпускаемъ безъ наказанія, хотя бы и оставался въ подозрѣніи касательно прошлаго. Анонимныхъ доносовъ не принимать во вниманіе». Этотъ отвѣтъ императора, не будучи еще закономъ, фактически опредѣлилъ образъ дѣйствій по отношенію къ христіанамъ до начала III вѣка. Положеніе, въ которое онъ ставилъ христіанъ, было довольно опасно, хотя императоръ желалъ мягкаго къ нимъ отношенія, надѣясь этою мягкостью подавить нарождавшееся по его мнѣнію зло. Противъ христіанъ можно бы было просто привести въ дѣйствіе законы о запрещенныхъ сообществахъ и недозволенныхъ религіяхъ; но Траянъ, видимо, хотѣлъ обойтись безъ этого, когда писалъ Плинію, что въ этомъ дѣлѣ нельзя руководиться обычными правилами. Тѣмъ не менѣе положеніе христіанъ въ имперіи, вслѣдствіе этого императорскаго указа, сдѣлалось таковымъ, что всякій христіанинъ уже въ самомъ своемъ наименованіи носилъ въ себѣ преступленіе, хотя оно считалось полнымъ и достойнымъ смерти только въ томъ

случаѣ, если обнаруживалось въ уклоненіи отъ жертвоприношенія государственнымъ богамъ, въ святотатствѣ и пр. противозак. дѣяніяхъ, буде они будутъ доказаны на судѣ. Христіанскіе апологеты горько жаловались на несправедливое обращеніе съ христіанами, и Тертулліанъ изливалъ всю силу своего остроумія надъ этимъ указомъ и судопроизводствомъ, но самый указъ показывалъ, что со стороны государства хотѣли держаться возможно болѣе гуманной почвы и старались даже отстранять христіанъ отъ совершенія достойнаго смерти преступленія; однако римское государство отреклось бы отъ своей собственной сущности, если бы оно оставило безнаказаннымъ у христіанъ упорное отреченіе ихъ отъ жертвоприношенія. Вѣдь какъ въ поклоненіи государственнымъ богамъ, такъ и особенно въ боготвореніи императора, проявлялось подчиненіе величеству римскаго государства, такъ и упорное отверженіе этого религіознаго акта должно было пониматься въ смыслѣ положительной политической оппозиціи. Въ этомъ отношеніи впрочемъ принимались во вниманіе нѣкоторыя смягчающія обстоятельства, и обращалось вниманіе на ихъ древне-національное происхожденіе. По отношенію же къ христіанамъ не могло быть этого смягченія, такъ какъ, въ отличіе отъ іудеевъ, они представляли собою въ глазахъ рим. правительства новую секту, выступавшую съ притязаніемъ на значеніе міровой религіи. Но цѣль закона оказалась недостаточной для римской государственной власти, такъ какъ при этомъ не принималось во вниманіе ни сущности христіанства, котораго еще не понимали, ни мужественной готовности его исповѣдниковъ жертвовать за свою вѣру даже жизнью, что такъ часто и было на дѣлѣ. Г., которыя терпѣли христіане въ силу Траянова распоряженія, были въ различныхъ мѣстахъ и въ разное время весьма различны. Намѣстникамъ въ рамкахъ этого закона оставалось большое пространство, въ предѣлахъ котораго они могли по своему усмотрѣнію дѣйствовать съ большею или меньшею строгостью или умѣренностью. Историческія свѣдѣнія о мученикахъ отъ времени Траяна очень скудны. По свидѣтельству Егезиппа, въ это *третье* Г. потерпѣли мученическую смерть епископъ Симеонъ Іерусалимскій, сынъ Клеопы и преемникъ Іакова, находившійся (ок. 109 г.) въ преклонномъ старческомъ возрастѣ. Къ этому же времени относится и мученичество антіохійскаго епископа Игнатія (115 г.). Той же политики держался и импер. Адріанъ (117—138 г.). Отъ его времени до насъ дошелъ (въ своей подлинности не подлежащій сомнѣнію) замѣчательный рескриптъ проконсулу Малой Азіи, Минуцію Фундану. По донесенію намѣстника Серенія Граніана, въ провинціи Азіи язычники на общественныхъ празднествахъ шумно и яростно требовали массовыхъ казней для христіанъ. Вслѣдствіе этого императоръ, въ особомъ письмѣ къ названному преемнику Серенія Граніана, Минуцію Фундану, повелѣлъ пріостановить обычное судопроизводство и подвергнуть христіанъ чрезвычайному суду, въ то же время защищая христіанъ отъ вспышекъ народной ярости. О жертвахъ гоненія въ это время сохранилось мало достовѣрныхъ свѣдѣній. Вѣроятно, сюда относится мученичество римскаго епископа Телесфора (ок. 135 г.). Императоръ Антонинъ Пій (138 — 161 гг.) настойчиво слѣдовалъ примѣру своихъ обоихъ предшественниковъ, примыкая къ Адріану и въ томъ, что онъ защищалъ христіанъ противъ вспышекъ народной ненависти. Благопріятный для христіанъ документъ ad communae Asiae исходитъ не отъ него. Тутъ и тамъ судебные процессы давали поводъ къ кровавому исповѣданію. *Четвертое* Г. было при четвертомъ въ ряду великихъ римскихъ императоровъ, Маркѣ Авреліѣ (161 — 180 гг.). Это былъ истый римлянинъ и (стоическій) философъ, и тѣмъ рѣшительнѣе выступаетъ противъ христіанства. Правда, и въ его царствованіе вообще продолжалъ сохраняться тотъ же порядокъ судопроизводства противъ христіанъ; но народная ненависть, пользуясь личнымъ настроеніемъ императора, въ отдѣльныхъ про-

винціяхъ тѣмъ чаще и сильнѣе подвергала христіанъ гоненію, при чемъ даже поощрялись доносы, обѣщаніемъ части имущества осужденныхъ ихъ обвинителямъ. Къ этому времени относится мученичество апологета Іустина Философа (166 г., въ Римѣ), епископа Поликарпа Смирнскаго (по наиболѣе вѣроятному счисленію въ 166 г., а не въ 155 г.); Евсевій описываетъ Г. въ Лукдунумѣ и Вьеннѣ.—*Пятое* Г. было при неблагородномъ сынѣ Марка Аврелія, Коммодѣ (180 — 192 гг.). Хотя онъ относился и менѣе враждебно къ христіанамъ, но это попреимуществу зависѣло отъ его религіознаго равнодушія. Вѣроятно, и его наложница Марція, которая впрочемъ едва ли была христіанкой, склоняла его къ мягкости. Происходившія при немъ Г. имѣли болѣе мѣстный характеръ. Около 185 г. въ Римѣ умеръ за свое исповѣданіе сенаторъ Аполлоній. Септимій Северъ (193—211 г.) вполнѣ стоялъ на почвѣ Траянова эдикта. Распространенію христіанства онъ старался противодѣйствовать, кромѣ того, запрещеніемъ переходить изъ іудейства въ христіанство (202 г.). При этомъ однако онъ терпѣлъ христіанъ даже въ своемъ дворцѣ: одинъ рабъ, христіанинъ Прокулъ исцѣлилъ его отъ тяжкой болѣзни, помазавъ его елеемъ, а мамка изъ христіанъ кормила его сына. Въ отдѣльныхъ областяхъ имперіи, въ Египтѣ и Африкѣ, дѣло доходило до болѣе значительныхъ Г. Въ Александріи пострадали, между другими, Леонидъ, отецъ Оригена, рабыня Потаміена съ своей матерью Марцеллой; въ Африкѣ— мученики нумидійскаго города Сциллиты, кареагенянки Перепетуя и Фелицита. Почти вполнѣ крекратились Г. на христіанъ при Каракаллѣ, Еліогабалѣ и Александрѣ Северѣ.

3. *Шестое* Г. было при Максиминѣ Ѳракійцѣ (235—238 гг.), первомъ императорѣ, который, оставивъ политику Траяна, порѣшилъ систематически повести Г. на христіанъ — до полнаго уничтоженія самаго христіанства. Съ этою цѣлью онъ, сознавая силу и важность христіанскаго духовенства, приказалъ безпощадно казнить ихъ. Только слабость его авторитета и ранняя кончина воспрепятствовали ему въ исполненіи этого эдикта. Преемники его, арабы Гордіанъ и Филиппъ, оставляли христіанъ въ покоѣ. Но зато Децій, (249—251 гг.) вновь взялся за исполненіе плана Максимина и далъ сигналъ къ общему нападенію на христіанскія церкви, прежде всего на ихъ вождей. (*седьмое* Г.). Будучи слабъ какъ правитель, но одушевляемый желаніемъ возстановить Римскую имперію въ прежней славѣ и въ прежнемъ духѣ, Децій задался цѣлью совершенно уничтожить въ государствѣ это, по его мнѣнію, враждебное сообщество христіанъ. Тутъ римскій государственный принципъ впервые вступилъ въ борьбу съ своимъ противникомъ за существованіе. Самая форма судебнаго преслѣдованія осталась старая. Это было страшное посѣщеніе, разразившееся теперь надъ христіанами, но оно послужило для церкви огнемъ очищенія и укрѣпленія. Многіе изъ нихъ, ослабѣвшіе во время спокойствія, отпали. Оказались цѣлыя массы такъ называемыхъ lapsi «отпавшихъ», которыхъ, смотря по формѣ ихъ отреченія, дѣлили на thurificati или sacrificati (приносившихъ жертву куренія изображенію императора), libellatici (покупателей подложныхъ свидѣтельствъ, что они, будто бы, приносили жертву) и acta facientes (такихъ, которые давали ложныя показанія въ протоколахъ). Но не менѣе многочисленны были и истинно вѣрующіе, которые, при всѣхъ страданіяхъ, твердо стояли за свое исповѣданіе. Ихъ называли исповѣдниками, если они послѣ мученичества оставались живыми; мучениками, если запечатлѣвали свою твердость въ вѣрѣ смертію. Среди этихъ исповѣдниковъ и мучениковъ было много членовъ духовенства и нѣсколько епископовъ римскихъ. Въ Тирѣ потерпѣлъ мученическую смерть знаменитый Оригенъ (254 г.). Нѣкоторые изъ епископовъ спасли себя для своихъ церквей бѣгствомъ во время Г., какъ это было съ Кипріаномъ Кареагенскимъ. Ко времени Деція относится сказаніе о семи спящихъ юношахъ. — Буря гонительства продолжалась въ

теченіе всего (хотя и краткаго) правленія Декія; при имп. Галлѣ (251—253 г.) и въ началѣ царствованія Валеріана (253—260 гг.) она по временамъ затихала, но при послѣднемъ опять разразилась съ новою силою по Декіевымъ правиламъ (*восьмое* Г.). Тогда пострадали Кипріанъ, а также Сикстъ Римскій вмѣстѣ съ своимъ діакономъ Лаврентіемъ. Сынъ и преемникъ Валеріана, Галліенъ (260—268 гг.), отмѣнивъ правила своего отца, возвратился къ Траяновой политикѣ, которая съ того времени оставалась въ силѣ до Діоклетіана, хотя въ 275 г. былъ изданъ Авреліаномъ гонительскій указъ, оставшійся однако влѣдствіе смерти императора безъ дѣйствія. Въ лицѣ Діоклетіана (284—305 гг.) бразды правленія въ Римской имперіи опять оказались въ рукахъ сильной натуры, руководившейся опредѣленными государственными идеалами. Въ правительственной системѣ, которую онъ ввелъ для поддержанія государственнаго единства, самъ онъ сталъ во главѣ, какъ dominus, по своему достоинству имѣющаго право на богоподобное почтеніе, какъ выразитель высшаго божества. Рядомъ съ нимъ, но обязанные къ безусловному повиновенію верховному императору, стояли въ императорскомъ полномочіи кесари, изъ которыхъ способнѣйшему открывалась возможность достигнуть со временемъ верховной власти. Такъ какъ Діоклетіанъ, сынъ вольноотпущеннаго далматскаго раба, свое возвышеніе на имп. престолъ, о чемъ ему предсказано было одной друидкой, приписывалъ особому благоволенію боговъ, то и опору своего правленія онъ старался находить въ самомъ ревностномъ поддержаніи языческаго благочестія. По своимъ политическимъ и религіознымъ взглядамъ онъ вскорѣ неизбѣжно долженъ былъ придти къ столкновенію и борьбѣ съ христіанствомъ. Между тѣмъ онъ долго оставлялъ христіанъ въ покоѣ. Едва ли бы онъ и началъ эту борьбу по собственному побужденію. Но его жрецы и представители стремившагося къ возрожденію язычества на почвѣ неоплатонизма побудили его къ послѣдовательному проведенію своихъ принциповъ, при которыхъ они надѣялись вновь захватить власть въ свои руки; кесарь Галерій, фанатическій врагъ христіанъ, настойчиво потребовалъ Г. и оно началось. Это было *десятое* и самое жестокое Г., и его рѣшено было начать съ войска. Въ 298 году изданъ былъ приказъ, чтобы всѣ солдаты совершили жертвоприношеніе. Слѣдствіемъ этого былъ массовый выходъ христіанъ изъ войска. Въ Тингисѣ (Тангерѣ), въ Африкѣ, одинъ христіанинъ, воинъ Марцеллъ, сбросилъ съ себя поясъ, копье и мечъ, когда до него дошла очередь принести жертву, и, обличая идолослуженіе, воскликнулъ: «Отселѣ я перестаю служить вашимъ императорамъ». Онъ былъ казненъ. Вторымъ, изданнымъ по настоянію Галерія (303 г.) эдиктомъ открывалось общее, сначала некровавое Г. Собранія для богослуженія были запрещены, книги Св. Писанія приказано было отбирать и сожигать, церкви разрушались; всѣ христіане, отказавшіеся отъ жертвоприношенія, лишались своихъ должностей и гражданскихъ правъ. Уже до появленія эдикта дѣйствіе его проявилось въ разрушеніи главной церкви въ импер. резиденціи Никомидіи. Помимо своихъ намѣреній, Діоклетіанъ вовлекается въ кровавыя гонительства. Одинъ христіанинъ, сорвавъ прибитый экземпляръ импер. эдикта, разорвалъ его и былъ немедленно казненъ. Во дворцѣ въ Никомидіи неоднократно вспыхивалъ пожаръ; въ поджигательствѣ были обвинены христіане и массами подвергались наказанію; пришло извѣстіе о возмущеніяхъ въ восточныхъ провинціяхъ, и въ этомъ виновными, передъ глазами императора, опять выставляли христіанъ. Быстро, одинъ за другимъ, изданы были три эдикта, изъ которыхъ первымъ предписывалось заключать въ тюрьму духовныхъ лицъ, вторымъ и третьимъ всѣ христіане обязывались къ принесенію жертвъ. По всему государству (за исключеніемъ Британіи, Галліи и Испаніи, гдѣ управлялъ благорасположенный къ христіанамъ кесарь Констанцій Хлоръ) теперь въ силу этихъ эдиктовъ началось яростное Г.

на христіанъ. Рядомъ съ этимъ, за исключеніемъ нѣсколькихъ случаевъ слабости, обнаруженной нѣкоторыми христіанами при выдачѣ книгъ Св. Писанія (traditores), и отреченія изъ страха передъ пытками, среди христіанъ все болѣе и болѣе развивалось то мужественное геройство, которое проявлялось въ твердомъ до смерти исповѣданіи вѣры. Кромѣ Галерія, особенною яростью и ревностью къ кровавому истребленію христіанства пылалъ соправитель Діоклетіана, Максиміанъ. По одному сказанію, онъ приказалъ истребить цѣлый, состоявшій изъ христіанъ легіонъ, такъ называемый «Ѳиваидскій легіонъ», съ его начальникомъ св. Марціемъ, потому что онъ отказался преслѣдовать своихъ собратьевъ по вѣрѣ. Послѣ того, какъ въ 305 г. Діоклетіанъ и Максиміанъ удалились отъ управленія, Галерій, какъ верховный императоръ. продолжалъ Г. съ удвоенной силой. Северъ и Максиминъ Даза, которыхъ онъ назначилъ кесарями, поддерживали его въ этомъ. Страданія христіанъ достигли въ это время своей наивысшей степени, и ихъ подвергали самымъ изысканнымъ мученіямъ. Чтобы принудить христіанъ противъ своей воли къ отреченію, прибѣгали даже къ такимъ средствамъ, какъ окропленіе съѣстныхъ припасовъ на окнахъ жертвеннымъ виномъ и жертвенной водой. Наконецъ, даже среди самихъ язычниковъ пробудилось отвращеніе къ столь жестокимъ и все болѣе усиливавшимся мѣрамъ гонительства на христіанъ. Еще до своей кончины, Галерій, страдая отъ мучительной болѣзни, какъ послѣдствій своей преступной жизни, нашелъ себя вынужденнымъ отмѣнить нѣкоторыя мѣры гонительства и сознаться въ ихъ безплодности. Эдиктъ отъ 311 г. принесъ христіанамъ вѣротерпимость, хотя и не полное признаніе за ними правъ гражданства. Гонимые, очевидно, побѣдили, и это ясно сознавалъ самъ властелинъ, когда, умирая, онъ, въ концѣ эдикта, просилъ, чтобы христіане помолились за него. Предоставленною Галеріемъ вѣротерпимостью однако христіане не могли воспользоваться повсюду. Слѣдующій верховный императоръ Лициній вмѣстѣ съ своими соправителями, Максиминомъ на востокѣ и сыномъ Максиміана, Максентіемъ, на западѣ, опять стали на враждебную христіанамъ сторону, и вражда ихъ усиливалась тѣмъ болѣе, чѣмъ опредѣленнѣе выступало дружественное христіанамъ настроеніе все болѣе усиливавшагося Константина, сына Констанція Хлора. Но Максентій уже въ 312 г. потерпѣлъ пораженіе отъ своего западнаго соперника Константина. Между послѣднимъ и Лициніемъ еще предварительно было заключено соглашеніе, въ которомъ особенно нуждался Лициній, потому что онъ находился во враждѣ съ Максиминомъ. Изданный въ 313 г. въ Медіоланѣ эдиктъ вѣротерпимости для всѣхъ религій въ государствѣ вышелъ отъ обоихъ союзныхъ главъ восточной и западной имперій. Послѣ пораженія Максимина, открыто выступилъ разладъ между Лициніемъ и Константиномъ. Съ пораженіемъ Лицинія (323 г.) закончилась отличавшаяся благоволеніемъ къ язычеству политика, и по всему государству произошелъ переворотъ въ пользу христіанства. Небольшой перерывъ въ этомъ направленіи произошелъ при преемникѣ Константина, въ попыткѣ воскресить язычество со стороны императора Юліана Отступника (361—363 г.). Грозовое облако, которое поднялось противъ христіанъ. въ лицѣ этого «романтика на тронѣ кесарей», бросило лишь на нѣкоторое время сумрачную тѣнь и угрожало молніей; но разрушительныхъ перуновъ не послѣдовало. Возгласъ, которымъ Юліанъ во время персидскаго похода, будучи смертельно раненъ копьемъ, хотѣлъ облегчить свою душу: «Ты побѣдилъ, Галилеянинъ», ярко обрисовало безнадежное положеніе умиравшаго язычества послѣ этой послѣдней вспышки борьбы, въ то же время указывая и на ту силу, которая, несмотря на цѣлые вѣка гонительства, при всей внѣшней немощности послѣдователей Распятаго, привела къ побѣдѣ, именно силу, о которой сказано: «Кто въ васъ, Тотъ больше того, кто въ мірѣ», а возлю-

бленный апостолъ Іоаннъ восторженно воскликнулъ: «Сія есть побѣда, побѣдившая міръ,—*вѣра* наша»!

Но Г. на христіанъ не закончились съ торжествомъ его въ Римской имперіи. По мѣрѣ распространенія его за предѣлы этой имперіи, въ глубину языческихъ народовъ Азіи, оно подвергалось нерѣдко не менѣе, а иногда даже и болѣе жестокимъ Г., чѣмъ это было въ Римской имперіи. Таковы были массовыя избіенія христіанъ въ Персіи, Турціи, Японіи (см. подъ этимъ слов.), и въ самое недавнее время (1900 г.) въ Китаѣ, гдѣ отъ народной ярости, тайно поощряемой правительствомъ, погибло не менѣе 30,000 христіанъ разныхъ исповѣданій. Въ этомъ послѣднемъ фактѣ находитъ себѣ опроверженіе извѣстное мнѣніе Гиббона, а за нимъ и другихъ историковъ, доказывавшихъ якобы историческую недостовѣрность извѣстій о массовомъ избіеніи христіанъ въ Римской имперіи. Нѣтъ, эти Г. и массовыя избіенія христіанъ были и всегда будутъ, пока окончательно не разсѣется языческая тьма на землѣ.

Литература по вопросу о Г. весьма обширна, отмѣтимъ лишь важнѣйшія изслѣдованія, каковы: проф. *А. П. Лебедева*, Эпоха Г. на христіанъ, 2-е изд. Москва, 1897 г.; *Алляра*, Г. на христіанъ (франц. изданіе, а русскій переводъ Е. А. Лебедевой, печат. въ «Странникѣ»); *Ramsay*, Roman Law and Christians; *А. П. Митякина*, Христіанская церковь въ Римской имперіи; *Аллеръ*, Римская имперія и христіане (изд. К. П. Побѣдоносцева) и др.

ГОНОРІЙ—римскій императоръ, 395—423 г. Будучи только десяти лѣтъ отъ роду и находясь на воспитаніи у Стилихона, онъ наслѣдовалъ престолъ своего отца Θеодосія I въ Западной имперіи, а его братъ Аркадій въ Восточной имперіи. Г. былъ человѣкъ слабаго характера. Онъ еще болѣе усилилъ законы Θеодосія противъ язычества. Въ 399 г. онъ приказалъ сразу разрушить всѣ языческіе храмы; но не въ состояніи былъ привести такой законъ въ исполненіе. Въ С. Африкѣ, гдѣ во многихъ мѣстахъ язычники численностью превосходили христіанъ, послѣднимъ пришлось немало потерпѣть за такіе законы отъ язычниковъ. Въ 409 г. императоръ внезапно перемѣнилъ свое намѣреніе, и особымъ декретомъ поставилъ язычниковъ на равную ногу съ христіанами; но въ 416 г. они опять лишены были всѣхъ должностей въ войскѣ и въ администраціи. Нѣсколько болѣе послѣдовательнымъ онъ показалъ себя въ своихъ отношеніяхъ къ донатистамъ, которыхъ преслѣдовалъ съ все болѣе возрастающею суровостью. Но ему никогда не удалось подавить этой секты: онъ только довелъ сектантовъ до самаго дикаго изувѣрства.

ГОНОРІЙ—имя четырехъ папъ и одного антипапы. Изъ нихъ 1) **Г. I** (625—638 г.) въ монофелитскомъ спорѣ держалъ сторону императора и патріарховъ константинопольскаго и александрійскаго, т. е. стоялъ на сторонѣ монофелитовъ, и изложилъ свое мнѣніе въ двухъ, дошедшихъ до насъ, посланіяхъ къ патріарху константинопольскому. Вслѣдствіе этого онъ былъ анаѳематствованъ VI вселенскимъ соборомъ константинопольскимъ (680 г.), вмѣстѣ съ другими вождями монофелитовъ; и этотъ приговоръ, который состоялся съ согласія папскихъ легатовъ, былъ подтвержденъ его преемникомъ, Львомъ II. Этотъ печальный фактъ, доказывающій, что папская непогрѣшимость когда-то принадлежала явному еретику, въ теченіе среднихъ вѣковъ римскіе писатели вообще обходили молчаніемъ; и когда впослѣдствіи Риму напомнила объ этомъ греческая церковь, то римскіе полемисты прибѣгали къ самымъ рискованнымъ доводамъ, чтобы только опровергнуть этотъ фактъ или замять его. Бароній и Гретцеръ заявляли, что акты собора подложны; Беллярминъ и Ассемани—что приговоръ былъ ошибкой собора; Гарнье и Паги—что осужденіе касалось только политики папы, а не ученія. Когда, въ 1870 г. установленъ былъ догматъ папской непогрѣшимости, то литература по этому вопросу разрослась въ цѣлую библіотеку. См. *Гефеле*, «Дѣло папы Гонорія», Неаполь, 1870 г.; *Ругабера*, «Заблужденіе Гонорія», Штутгартъ, 1871 г.; *Биллисъ*, «Папа Гонорій и новый римскій догматъ», Лондонъ, 1879 г.—2) **Г. II**, антипапа (1061—

1064 г.), былъ епископомъ пармскимъ, и, по смерти Николая II, былъ избранъ папой ламбардскими епископами (Базель, 1061 г.), подъ вліяніемъ императрицы Агнесы, въ противодѣйствіе Александру II. Германскіе епископы однако держали сторону не императрицы и ея кандидата, а Гильдебранда и Александра II; и 31 мая 1064 г. въ Медіоланѣ созванъ былъ соборъ для рѣшенія этого сомнительнаго избранія. Но на соборъ явился Александръ II, а не Г. II, который былъ формально низложенъ. Однако онъ не оставлялъ своего притязанія на папскій престолъ, хотя признанъ былъ только ломбардскими епископами. Онъ умеръ въ 1073 г. См. у *Ваттериха* въ его Uitae римскихъ первосвященниковъ, т. I. — 3) **Г. II** папа (16 дек. 1124 г.—14 февр. 1130 г.), еще состоя кардиналъ-епископомъ Ламбертомъ остійскимъ, заключилъ вормскій конкордатъ съ Генрихомъ V и былъ возведенъ на папскій престолъ просто за свой миролюбивый характеръ. См. у *Ваттериха*, тамъ же, т. II, стр. 157.—**Г. III** (18 іюля 1216 г.— 18 марта 1227 г.) утвердилъ орденъ доминиканцевъ (1216 г.) и орденъ францисканцевъ (1223 г.) и короновалъ Петра Куртенея императоромъ константинопольскимъ и Фридриха II императоромъ римскимъ. Въ своихъ отношеніяхъ съ послѣднимъ онъ былъ весьма уступчивъ и обязателенъ, хотя показалъ себя чрезвычайно жестокимъ по отношенію къ графу Раймонду тулузскому. Его Opera Omnia находится въ изданіи средневѣковыхъ отцовъ, у Гороя (Парижъ, 1879 г., т. I). См. также сочиненія о Фридрихѣ II *Кестнера* (Гэттингенъ, 1873 г.) и *Лоренца* (Берлинъ, 1876 г.).—**Г. IV** (2 апр. 1285 г.— 3 апр. 1287 г.) обнаружилъ, несмотря на преклонность своего возраста и тѣлесныя немощи, много энергіи, какъ во внутренней администраціи, такъ и въ иностранной политикѣ. См. у *Мураторія*, въ его «Обзорѣ итальянскихъ писателей», т. 3, стр. 6115.

Гонтгеймъ—см. Феброній.

Горгій (быстрый)—мученикъ времени Максиміана, родомъ египтятинъ *Пам. 5 іюня.*

Горгоній—*9 марта*—одинъ изъ 40 севастійскихъ мучениковъ, *3 сент.*—мученикъ—сподвижникъ Анѳима никомидійскаго, царедворецъ, былъ утопленъ.— **Г.**—*28 дек*—одинъ изъ 20,000 никомидійскихъ мучениковъ.

Гордіанъ—мученикъ времени Лицинія, пострадалъ въ Новомъ Дунайцѣ. *Пам. 13 сент.*

Гордій—мученикъ, сначала былъ воиномъ сотникомъ, потомъ пустынникомъ, наконецъ, пострадалъ, бывъ усѣченъ мечемъ. *Пам. 3 января.*

ГОРДОСТЬ. Это — такого рода внутреннее настроеніе человѣка, когда онъ «слишкомъ высоко цѣнитъ свои достоинства, считаетъ себя превосходнѣе другихъ и презрительно относится къ» послѣднимъ; это, — кратко сказать, «надменность, высокомѣріе, кичливость», состояніе противоположное «смиренію, скромности» (см. академич. словарь русск. яз.). Это — ложно понятое самолюбіе (о *немъ*, а равно о *смиреніи* и *скромности* см. ниже въ соотвѣтствующихъ мѣстахъ); словомъ, явленіе, въ существѣ своемъ, фальшивое. Какъ такое, оно должно быть признано нравственно-дурнымъ. И дѣйствительно, гордый человѣкъ всецѣло несправедливъ. А всякая неправда, какъ попраніе истины, какъ такое или иное ея искаженіе и нарушеніе,—само собою понятно,—не должна имѣть мѣста въ нравственной жизни человѣка. Гордый человѣкъ несправедливъ прежде всего въ отношеніи къ самому себѣ. Взявъ фальшивую мѣрку для опредѣленія степени и цѣны своихъ личныхъ качествъ, онъ видитъ ихъ въ ненадлежащемъ ихъ объемѣ, въ слишкомъ большомъ, созерцаетъ ихъ, такъ сказать, сквозь увеличительное стекло. Съ другой стороны, гордый несправедливъ и въ отношеніи къ окружающимъ его людямъ, такъ какъ ихъ достоинства измѣряетъ уже иною мѣркою, сравнительно меньшею. Забывъ, что нравственная природа всѣхъ людей сама по себѣ тождественна, что теоріи Платона, Аристотеля и др. въ данномъ случаѣ уже давно отжили свой вѣкъ,— забывъ, такимъ образомъ, что, при сужденіи о внутренней сторонѣ какъ

его *я*, такъ и *я* прочихъ людей, долженъ быть избираемъ одинъ и тотъ-же масштабъ, — онъ обнаруживаетъ крайнее пристрастіе, когда въ настоящемъ случаѣ разсматриваетъ внутренній міръ ближняго сквозь уменьшительное стекло. Разъ себя гордый созерцаетъ чрезъ увеличительное стекло, а другихъ — чрезъ уменьшительное, — естественно въ немъ возникаетъ «высокомѣрное, надменное, кичливое» отношеніе къ послѣднимъ, по сравненію съ которыми, какъ своего рода пигмеями, онъ сознаетъ себя, такъ сказать, великаномъ. Несправедливъ, наконецъ, гордый и въ отношеніи къ Творцу, создавшему, въ лицѣ нашихъ прародителей, всѣхъ людей равными по ихъ природѣ, одинаково всѣхъ ихъ искупившему чрезъ Единороднаго Сына Своего Господа нашего І. Христа и проч. и отсюда неодобрительно относящемуся ко всякимъ проявленіямъ съ чьей-бы-то ни было стороны Г. (Дан. **4**, 34; Лев. **26**, 19; Ис. **2**, 12; Іез. **30**, 18; **33**, 28; Іак. **4**, 6; 1 П. **5**, 5 и друг.). Гордый совершенно произвольно обвиняетъ Творца въ томъ, что Онъ будто-бы пристрастно надѣлилъ людей, именно ихъ внутреннюю, духовную природу, неодинаковыми качествами, возвеличивъ однихъ предъ другими... То обстоятельство, что человѣкъ пользуется въ разсматриваемомъ случаѣ фальшивою мѣркою, объясняется, конечно, различными причинами: особенностями воспитанія даннаго лица, особенностями окружающей его среды, вообще условіями всей его жизни и проч. Разъ человѣкъ сталъ на ложный путь, для него уже трудно, а иногда и совсѣмъ невозможно повернуть на путь правый, найти и признать мѣрку надлежащую. А эта мѣрка между тѣмъ ясно и опредѣленно указана въ словѣ Божіемъ, какъ во всемъ его внутреннемъ духѣ, такъ и во множествѣ отдѣльныхъ мѣстъ. Если отъ насъ требуется любовь къ ближнимъ, равная нашей любви къ самимъ себѣ, доходящая, если понадобится, до нашего полнаго самопожертвованія въ ихъ пользу (обо всемъ этомъ см. ниже въ параграфѣ о *любви*), то ясно, что о какой-либо Г. нашей предъ окружающими не можетъ быть и рѣчи въ христіанствѣ. Въ понятіе любви даже и призрачно не можетъ входить и не входитъ элементъ кичливости (ср. 1 Кор. **13**, 4). Сознаніе же нами множества своихъ недостатковъ, постоянныхъ своихъ нравственныхъ промаховъ скорѣе всего должно возбуждать въ насъ какъ разъ противоположное чувство — смиреніе (о немъ рѣчь будетъ, какъ и сказано уже, ниже), чувство страха предъ нелицепріятнымъ Судьею нашего поведенія (ср. Римл. **11**, 20). Тамъ, гдѣ человѣкъ не можетъ даже и приблизиться къ своему нравственному идеалу (Матѳ. **5**, 48), рѣчь о Г. безусловно и неумѣстна, и непонятна. Отсюда естественно слово Божіе и предостерегаетъ насъ отъ этого порока (ср. Іерем. **13**, 15). Неумѣстная въ христіанствѣ, гдѣ освѣщается истинный внутренній міръ человѣка, гдѣ ясно и правильно начертывается его положеніе во вселенной, въ виду ближнихъ его, а особенно въ отношеніи къ Богу,—гдѣ, словомъ, на—лицо всѣ, безусловно враждебныя ей, данныя, — Г. можетъ быть понятна только тамъ, гдѣ этихъ данныхъ нѣтъ: напр., въ этикѣ Платона, въ этикѣ Аристотеля, не признававшихъ тождества нравственной природы всѣхъ людей (ср. отчасти и выше) и отсюда естественно находившихъ возможность говорить о Г., какъ даже своего рода добродѣтели (чит. особенно рѣчь Аристотеля объ одной изъ важнѣйшихъ добродѣтелей его этики — о «великодушіи» и пр.); или въ этикѣ стоической, преувеличенно смотрѣвшей на значимость человѣческихъ силъ, благодаря которымъ стоическій мудрецъ, достигавшій, казалось ему, особеннаго совершенства нравственнаго, въ концѣ концовъ такъ проникался Г., что считалъ себя не только равнымъ божеству, но даже, въ извѣстномъ смыслѣ, высшимъ его; или въ этикѣ Нитцше съ его фальшивымъ ученіемъ о человѣкѣ и его внутреннемъ мірѣ и проч. Коротко сказать: тамъ, гдѣ на-лицо нормальная нравственная жизнь, Г., какъ всецѣло съ ней несовмѣстимая, отсутствуетъ; по

мѣрѣ проникновенія послѣдней, первая стушевывается все болѣе и болѣе: вмѣстѣ онѣ не могутъ ужиться (См. еще подъ сл. *Эгоизмъ*). *А. Бронзовъ.*

ГОРНЪ Томасъ (род. въ Лондонѣ, 1780 г.; ум. тамъ же, 1862 г.), извѣстный англійскій богословъ, состоялъ старшимъ помощникомъ библіотекаря въ британскомъ музеѣ, 1824—1860 г., и съ 1833 г. занималъ пасторское мѣсто въ Лондонѣ. Онъ рано обнаружилъ литературное дарованіе своимъ сочиненіемъ: «Краткій взглядъ на необходимость и истину христіанской религіи» (1800 г., 2-е изд. 1802 г.), и написалъ много небольшихъ сочиненій и книгъ. Но главное сочиненіе, составляющее его славу, есть «Введеніе къ критическому изученію и познанію Св. Писанія» (Лондонъ, 1818 г., въ трехъ томахъ), имѣвшее послѣ того болѣе 15 изданій. Это «Введеніе» Г. является одною изъ извѣстнѣйшихъ книгъ этого рода. Оно обнимаетъ всю область библейской учености и не только представляетъ собою общее и спеціальное введеніе въ собственномъ смыслѣ слова, но и герминевтику, апологетику, библейскую географію, естественную исторію, и проч. Оно имѣло чрезвычайно важное значеніе для англик. церкви и послужило орудіемъ для обращенія весьма многихъ къ болѣе глубокому и основательному изученію Библіи. Библіографическій «Аппендиксъ» къ этому «Введенію» есть лучшее произведеніе этого рода, какое только издавалось на англійскомъ языкѣ.

Точное заглавіе книги: «An introduction to the critical study and knowledge of the Holy Scriptures».

ГОРНЕЕ МѢСТО. Названіе это усвояется устрояемому въ алтарѣ за престоломъ особому возвышенію, на которомъ ставится каѳедра епископа съ расположенными по бокамъ ея сѣдалищами для пресвитеровъ. Своимъ происхожденіемъ оно обязано тому древнему обычаю, по которому какъ служащіе священнослужители, такъ и молящіеся міряне не исключительно стояли во время совершенія богослуженія, а отчасти стояли, отчасти сидѣли. Вслѣдствіе этого въ церквахъ должны были явиться сѣдалища, или мѣста сидѣнія для священниковъ и мірянъ. Сѣдалища первыхъ, имѣвшія мѣсто въ алтарѣ, были устроены не съ западной стороны престола и лицомъ не къ востоку, а съ восточной стороны, лицомъ къ народу, — они ставились въ полукругѣ алтарной абсиды, непосредственно или вплотную къ стѣнѣ. Сѣдалище епископа находилось въ центрѣ полукруга абсиды, а сѣдалища пресвитеровъ располагались полукружіями съ обѣихъ его сторонъ (Ап. Постановленія, II кн., 57 гл.). Сравнительно съ этими послѣдними епископская каѳедра имѣла возвышенное положеніе, поднималась надъ уровнемъ пола на одну и болѣе ступеней. Такъ, въ живописи, украшающей одну изъ комнатъ усыпальницы св. Ермы, изображена каѳедра, возвышающаяся на пять ступеней, не считая платформы, на которую поставлена; на ней возсѣдаетъ епископъ, совершающій рукоположеніе. Каѳедра базилики въ Перенцо въ Истріи (VI в.) также возвышается на пять ступеней, а скамьи для пресвитеровъ расположены гораздо ниже по обѣ ея стороны и состоятъ изъ двухъ рядовъ, возвышающихся одинъ надъ другимъ въ видѣ амфитеатра. Въ Солуни существуютъ три епископскіе трона, оставшіеся отъ дотурецкихъ временъ: одинъ въ бывшей св. Софіи, другіе два на дворахъ бывшихъ церквей св. Георгія и Пантелеимона. Первый имѣетъ три ступени восхода, вторые два по шести. Наконецъ, въ базиликѣ на островѣ Торчелло епископская каѳедра возвышается на десять ступеней, а скамьи для пресвитеровъ состоятъ изъ шести, одинъ надъ другимъ возвышающихся, рядовъ, и все Г. мѣсто имѣетъ видъ настоящаго амфитеатра. Такія возвышенныя на нѣсколько ступеней каѳедры назывались въ древности «cathedrae gradatae» (*Августинъ*, Ep. CCIII ad Maxim) и были въ употребленіи уже въ IV в. и даже ранѣе, въ концѣ III в., но считались нѣкотораго рода роскошью, а иногда даже и предосудительнымъ излишествомъ. Такъ, отцы антіохійскаго собора рѣзко порицали Павла Самосатскаго за то, между прочимъ, что онъ «не какъ ученикъ

Христовъ» устроилъ для себя возвышеніе и высокій тронъ (*Евсевій*, Цер. Истор. VII, 30). Позднѣе Сульпицій Северъ (420 г.) особенно восхвалялъ св. Мартина за то, что онъ по смиренію отказывался садиться на такія каѳедры, когда предсѣдательствовалъ въ собраніи вѣрныхъ (Dial. II. De virtute S. Martini). Указаніе на болѣе высшее положеніе епископской каѳедры находимъ, наконецъ, и въ замѣчаніи Григорія Назіанзина, что онъ, какъ епископъ, возсѣдалъ на высокомъ престолѣ, а пресвитеры съ обѣихъ его сторонъ— на низшихъ сѣдалищахъ. Въ виду этого едва ли есть достаточныя основанія утверждать, что каѳедры пресвитеровъ ставились иногда на одной высотѣ съ трономъ епископа (*Голубинскій*, Исторія р. церкви, I т. II ч. Стр. 153. Изд. 1881 г.). По крайней мѣрѣ, обычная въ этомъ случаѣ ссылка на слова Евсевія Кесарійскаго о Павлинѣ, еп. тирскомъ, что онъ украсилъ свой храмъ высочайшими престолами въ честь предсѣдящихъ (Цер. Истр. X, 4), не достигаетъ своей цѣли, такъ какъ, судя по контексту, рѣчь идетъ о престолахъ внѣ алтаря, а не внутри его.

Что касается формы епископскаго сѣдалища, то оно имѣло видъ кресла съ спинкой и ручками. Такова, напр., епископская каѳедра въ подземной церкви усыпальницы св. Агнессы. Вырубленная въ той же почвѣ, что и храмъ, она имѣетъ форму кресла съ округленною спинкою и боковыми барьерами, или ручками. Точно такія же двѣ каѳедры устроены и въ другой комнатѣ той же усыпальницы. Каѳедры указанной формы нерѣдко встрѣчаются и въ древнихъ изображеніяхъ. Такъ, на одномъ надгробномъ камнѣ довольно грубо вырѣзано изображеніе епископа или священника, сидящаго на сѣдалищѣ-креслѣ самой простой и первоначальной формы. Епископъ протягиваетъ руку къ стоящимъ предъ нимъ женщинѣ и овцѣ; женщина—символическое представленіе паствы, а овца—какъ бы символическая подпись къ этой послѣдней фигурѣ. Однородныя изображенія встрѣчаются также на трехъ стеклянныхъ сосудахъ, открытыхъ Гаруччи. На двухъ изъ нихъ представлены какія-то лица, вѣроятно, епископы или пресвитеры, сидящія въ положеніи учащихъ на каѳедрахъ, имѣющихъ форму простого кресла. Третье изображеніе представляетъ каѳедру въ болѣе сложной формѣ: она довольно высока и имѣетъ подножіе. Замѣчательнымъ образчикомъ древней епископской каѳедры является, наконецъ, относимая къ III в. каѳедра св. Ипполита. Сдѣланная изъ мрамора, она имѣетъ небольшое подножіе и круглую невысокую спинку. Боковыя стѣнки ея сравнительно широки и въ верхнемъ загибѣ украшены изображеніемъ фантастическихъ головъ. Соотвѣтственно сану епископовъ ихъ каѳедры имѣли различныя украшенія. Ими являлись прежде всего болѣе или менѣе драгоцѣнныя матеріи, изъ которыхъ дѣлались покрывала и завѣсы для каѳедръ. «На будущемъ судѣ Христовомъ, говоритъ бл. Августинъ въ письмѣ къ Максимину, епископу донатистовъ, не защитятъ ни сѣдалища, ни покрытыя каѳедры». Изображенія подобныхъ каѳедръ очень нерѣдко встрѣчаются въ памятникахъ древне - христіанскаго искусства, въ мозаикахъ, живописяхъ и скульптурахъ. Такъ, на фрагментѣ одного древняго мрамора, найденнаго въ усыпальницѣ св. Марцеллина и Петра, вырѣзана каѳедра очень простой формы, поставленная въ углубленіи, которое драпировано завѣсою, украшенною бахромой и съ боковъ приподнятою. Мозаика въ равенскомъ баптистеріѣ 451 г. изображаетъ каѳедру, покрытую какою-то дорогой матеріею и подушкой. Такова же каѳедра на мозаикѣ св. Пуденціаны IV в. Украшеніями другого рода являлись различныя символическія изображенія. Можетъ быть, на нихъ намекаетъ Аѳанасій Великій въ апологіи къ Констанцію: «за что тѣ, которые оплакиваютъ жребій епископскаго нѣсколько украшеннаго престола, стараются умертвить сидящаго на немъ епископа»? Изъ памятниковъ позднѣйшаго времени видно, что такими украшеніями служили скульптурныя изображенія головы льва или собаки (каѳедра въ церкви свв. Нерея

и Ахилла; каѳедра на мозаикѣ въ церкви св. Маріи великой), чѣмъ намекалось на мужество, бодрствованіе и вѣрность — существенныя свойства епископа; голубя—символа св. Духа, вдохновляющаго епископа-проповѣдника; крылатыхъ грифоновъ, поддерживающихъ обѣ боковыя ручки каѳедры (каѳ. въ церкви св. Маріи in Transtevere) и т. п. Нѣкоторыя каѳедры были украшены даже иконографическими сюжетами. Такова, напр., епископская каѳедра Максиміана въ церкви св. Виталія Равенскаго. На ея нижней лицевой сторонѣ изображенъ І. Христосъ въ священнической одеждѣ съ правой благословляющею рукой и лѣвой, держащей дискъ, на которомъ находится агнецъ; возлѣ Спасителя — фигуры евангелистовъ. На бокахъ каѳедры изображена исторія Іосифа, а на спинкѣ—различныя событія изъ евангельской исторіи. Окружавшія епископскую каѳедру сѣдалища для пресвитеровъ имѣли или ту же самую форму кресла, на что указываетъ ихъ греческое названіе «θρόνος», или же были общими для всѣхъ скамьями, лавками (см. выше о Г. мѣстѣ въ базиликѣ въ Перецпо и на островѣ Торчелло). Составляя принадлежность древнѣйшихъ алтарей, Г. мѣсто съ епископскими и пресвитерскими сѣдалищами не исчезло и во все послѣдующее время. Такъ, въ чинѣ патріаршаго служенія литургіи по рукописи XIV в. библ. Саввы Освященнаго № 362 читаемъ, что «по окончаніи Трисвятаго патріархъ восходитъ на сопрестоліе съ сослужащими ему архіереями и іереями» (*Дмитріевскій*, Описаніе литургическихъ рукописей, II т. Εὐχολόγια. Стр. 306). Однородное замѣчаніе встрѣчается также въ Уставѣ божественной службы константинопольскаго патріарха Филоѳея по ватиканской рукописи XV ст. «Іерей, говорится въ немъ, отходитъ къ сѣдалищу» (*Красносельцевъ*, Свѣдѣнія о нѣкоторыхъ литургическихъ рукоп. ватиканской библ. Стр. 181).

По примѣру греческой церкви, Г. мѣсто съ епископско-пресвитерскими сопрестоліями устроялось и въ алтаряхъ русскихъ церквей. До сихъ поръ ихъ можно видѣть въ древнихъ новгородскихъ церквахъ. Часть ихъ сдѣлана изъ камня, часть выложена изъ кирпича (См. арх. *Макарія*, Археологическое описаніе церковныхъ древностей въ Новгородѣ). *А. Петровскій.*

ГОРОДКОВЪ Алексѣй Александровичъ,— магистръ богословія. Уроженецъ костромской губ., образованіе получилъ въ костромской духовной семинаріи и завершилъ въ казанской духовной академіи, гдѣ кончилъ курсъ въ 1884 г. со степенью кандидата богословія и съ правомъ при исканіи степени магистра богословія не держать новыхъ устныхъ испытаній. По окончаніи курса наукъ въ академіи, въ 1885 г. былъ назначенъ преподавателемъ Свящ. Писанія въ тобольскую духовную семинарію; въ 1887 г. занялъ должность преподавателя въ тобольскомъ епархіальномъ училищѣ; въ 1888 г., послѣ публичной защиты въ совѣтѣ казанской академіи диссертаціи, получилъ степень магистра богословія. Съ 1895 г. состоитъ смотрителемъ тобольскаго духовнаго училища. Магистерская диссертація г. Г. имѣетъ своимъ предметомъ «Догматическое богословіе по сочиненіямъ Филарета, митрополита московскаго», изд. Кіевъ, 1887 г. Обработку этой темы авторъ началъ, еще будучи студентомъ академіи, и ему была присуждена въ 1885 г. премія въ 300 р. преосвященнаго Палладія, архіепископа казанскаго (Журн. сов. акад. 1884 г., стр. 125, и 1885 г., стр. 89, 200, 287). Къ 1887 г. онъ подготовилъ этотъ трудъ въ качествѣ магистерской диссертаціи. По отзыву проф. Е. Будрина, къ работѣ этой нельзя не отнестись съ полнымъ уваженіемъ «уже въ силу того, что покойный святитель не оставилъ стройной системы догматическаго богословія, хотя въ его произведеніяхъ и существуетъ глубокій и осмысленный матеріалъ для системы». Поэтому задача автора сводилась къ тому, чтобы привести въ систему данный въ твореніяхъ святителя матеріалъ. «И въ томъ видѣ, въ какомъ издана книга, она заслуживаетъ вниманія, какъ первый опытъ послѣдовательнаго изложенія догматическаго ученія преосв. Филарета... Серьезная заслуга автора со-

стояла и въ томъ, что онъ вездѣ старался выражаться словами самого преосвящ. Филарета, или какъ онъ говоритъ, являлся лишь служителемъ своего угостителя. Даже въ планѣ авторъ слѣдуетъ плану, составленному самимъ преосвященнымъ Филаретомъ для преподаванія догматическаго богословія въ спб. дух. академіи» (Журн. сов. каз. дух. акад. 1888 г., засѣд. 30 янв., стр. 22—24). *Д.*

ГОРОЖАНСКІЙ Яковъ Иванов., магистръ богословія. Сынъ священника псковской губ., родился въ 1858 г.; первоначальное образованіе получилъ въ великолуцкомъ духовн. училищѣ, среднее — въ псковской духовн. семинаріи и высшее—въ кіевской духовн. академіи, гдѣ слушалъ лекціи по церковно-практическому отдѣленію и кончилъ курсъ со степенью кандидата богословія и съ правомъ на исканіе степени магистра богословія безъ новыхъ устныхъ испытаній въ 1882 г. Въ томъ же году назначенъ въ 2 орловское духовное училище преподавателемъ русскаго языка, въ каковой должности состоитъ и до настоящаго времени. Съ 1886 г. занимаетъ, кромѣ того, должность нештатнаго преподавателя русскаго языка и словесности въ николаевской женской гимназіи, и съ 1887 г. — преподавателя русской словесности и педагогики въ старшихъ классахъ александровскаго института. Въ 1894 г. защищалъ магистерскую диссертацію на тему: «Дамаскинъ Семеновъ-Рудневъ, епископъ нижегородскій» и былъ удостоенъ совѣтомъ кіевской духовн. акад. искомой степени, св. синодомъ утвержденъ въ этой степени въ 1895 г.

Важнѣйшіе литературные труды г. Г.: а) 1) Указанная магистерская диссертація: «Дамаскинъ Семеновъ-Рудневъ, епископъ нижегородскій (1737—1795); его жизнь и труды». Кіевъ. 1894 г. 8°. XII, 294. (первонач. печат. въ «Труд. Кіев. Дух. Акад.» за 1893 — 1894 гг.). За сочиненіе это автору совѣтомъ академіи присуждена была макарьевская премія (Журн. сов. 1894 г., засѣд. 14 дек.). Поставивъ себѣ задачей изобразить жизнь и учено-литературную дѣятельность одного изъ просвѣщенныхъ русскихъ іерарховъ восемнадцатаго столѣтія, Г. употребилъ всѣ усилія къ полному и всестороннему выполненію этой задачи. Въ его сочиненіи «поражаетъ обиліе доселѣ неизвѣстнаго и неизданнаго матеріала для біографіи Дамаскина». Помимо работъ въ архивахъ московской синодальной конторы и московск. духовной академіи, въ спб. синодальномъ, орл. и нижегор. дух. консисторій и нижегородской семинаріи, въ библіотекахъ московск. духовн. акад. и нижегородской духовной семинаріи и пр., авторъ, чтобы добыть полныя свѣдѣнія, лично посѣщалъ тѣ мѣста, гдѣ жилъ и дѣйствовалъ Дамаскинъ, ѣздилъ въ Гэттингенъ, имѣлъ переписку съ разными лицами, кои могли сообщить ему какія-либо данныя для уясненія его задачи. Нечего и говорить, что печатные источники и пособія для біографіи Дамаскина не только всѣ были собраны, но и тщательно провѣрены. Своей характеристикѣ преосвященнаго дѣятеля авторъ, кромѣ того, старается дать возможно широкое историческое освѣщеніе. Сочиненіе снабжено историческими и библіографическими справками, въ которыхъ авторъ выясняетъ связь жизни и дѣятельности преосвященнаго Дамаскина не только съ эпохою Екатерины II, но и съ предшествовавшими ей состояніями русской науки и литературы. «Черезъ это сочиненіе его получаетъ бо́льшій интересъ, давая немало данныхъ къ уясненію не только жизни и дѣятельности одного лица, но и того вѣка, въ которомъ пришлось дѣйствовать этому лицу». Написано сочиненіе языкомъ точнымъ, иногда «въ ущербъ даже плавности и красотѣ рѣчи» (Изъ отзыв. проф. Н. Петрова и В. Пѣвницкаго).—2) «Свв. Кириллъ и Меѳодій, просвѣтители славянъ» (Изд. «Народной бобліотеки» Москва 1885 г. 1 и 2 изд.). — 3) Памятники древней письменности въ русскомъ переводѣ. Пособіе при изученіи исторіи русской словесности. Москва 1886 г. 8°. 4) Этимологія русскаго языка для духовныхъ училищъ, съ подробнымъ орѳографическимъ указателемъ. Орелъ. 1894 г. 8°.

114 стр. 5) Синтаксисъ русскаго языка для духовныхъ училищъ. Орелъ. 1894 г. 8°. 105 стр. б) Статьи: 1) въ приложеніи къ ж. «Русская Мысль». 1883 г.: «Библіографическій указатель литературы о Н. В. Гоголѣ. 1829 — 1882 гг.». Дополненіе къ этой статьѣ составляетъ — 2) «Гоголь въ русской литературѣ». «Библіограф. записки», 1892 г. № 5. 3) въ «Русскомъ Филол, Вѣстн». 1885 г.: «Хожденіе архимандрита Грееенія во св. землю. Изслѣдованіе памятника съ примѣчаніями къ тексту» (Отд. отт. Варшава. 1885 г. 8°). 4) «Памятная книжка орловской губ. на 1888-й годъ» (изд Орелъ. 1888 г. 8°—въ качествѣ приложенія къ газ. «Орловскій Вѣстникъ»). 5) «Митрополитъ селевкійскій Герасимъ (Яредъ), въ связи съ личными воспоминаніями о немъ» (Читано въ год. зас. Орл. отд. Импер. правосл. Палест. общ. (печат. въ отчетѣ о дѣят. этого общ. 1900 г.). 6) «Крестьянская свадьба въ орловской губерніи съ ея обычаями и пѣснями» (за подп. Г.), печ. въ «Орлов. Губ. Вѣд.» ч. неофф., 1900 г, №№ 63 и 64. 7) Въ «Орловск. Губ. Вѣд.», 1900 г., №№ 95 и 96, ч. неофф.: «Матеріалы для біографіи Н. С. Лѣскова» (за подп. Я. Г.) Г. помѣщалъ свои статьи и въ разныхъ другихъ изданіяхъ. *Д.*

ГОРСКІЙ Александръ Васильевичъ,— протоіерей, ректоръ московской дух. академіи (род. 16 авг. 1812 г. † 11 окт. 1875 г.). Г. родился въ Костромѣ, въ семьѣ профессора семинаріи Василія Сергѣевича, необыкновенно добраго и образованнаго человѣка, бывшаго потомъ смотрителемъ духовнаго училища и священникомъ, наконецъ каѳедральнымъ протоіереемъ. Первоначальное образованіе послѣ домашняго Г. получилъ въ духовномъ училищѣ, среднее въ семинаріи, не покидая родительскаго крова и подъ руководствомъ отца, внимательно слѣдившаго за успѣхами сына и прямо помогавшаго ему въ ученическихъ работахъ. Въ 1828 г. Г. былъ взятъ въ московскую академію изъ философіи (по теперешнему изъ 4-го класса): его одного, какъ наиболѣе способнаго и развитого изъ всей семинаріи, выбралъ посланный изъ академіи ревизоръ Аѳанасій Дроздовъ († 1876 г. архіеп. астраханскимъ). Въ академіи Г. учился подъ наблюденіемъ своего знаменитаго земляка Ѳ. А. Голубинскаго, покровительствовавшаго ему и послѣ, и былъ довольно близокъ съ Филаретомъ Гумилевскимъ, старшимъ его на одинъ курсъ. Окончивъ академію (въ 1832 г.) третьимъ магистромъ, онъ былъ назначенъ профессоромъ церковной и гражданской исторіи московской семинаріи, а 19 авг. 1833 г. переведенъ въ академію на каѳедру церковной исторіи, обнимавшую тогда цѣлый рядъ наукъ. Въ 1837 г. Г. былъ экстраординарнымъ профессоромъ, въ 1839 г. ординарнымъ. Въ 1860 г. онъ былъ рукоположенъ во священника, не вступивъ въ бракъ, и въ тотъ же годъ получилъ званіе протоіерея. Въ февралѣ 1864 г. за ученыя заслуги удостоенъ степени доктора богословія. 23 окт. 1864 г. послѣ Саввы Тихомірова Г. былъ назначенъ ректоромъ академіи; по должности ректора перешелъ на каѳедру догматическаго богословія. Въ званіи ректора и скончался. Г. крупная личность въ исторіи русскаго духовнаго просвѣщенія прошлаго вѣка и едва ли не самый выдающійся человѣкъ, воспитанный московской академіей, оказавшій огромное вліяніе на ея научное направленіе, учебный строй и складъ жизни,—вліяніе, которое чувствуется и теперь въ «академіи Горскаго». Здѣсь сказалось не одно ученое, но и рѣдкое по степени нравственное вліяніе замѣчательнаго человѣка. Г. получилъ строго-церковное и, особенно благодаря матери, суровое чуть не домостроевское воспитаніе. Годы дѣтства онъ провелъ какъ «монастырка въ кельѣ»: безъ игръ, безъ сверстниковъ (такъ какъ былъ старшимъ ребенкомъ въ небольшой семьѣ отца), всегда дома среди взрослыхъ. Все это содѣйствовало одностороннему развитію хорошо одареннаго и сердечнаго мальчика: онъ сталъ замкнутъ и необщителенъ, неспособенъ къ дружбѣ, въ которой нуждался; воспитаніе не закалило его характера, развило напротивъ пассивность, привычку слѣдовать волѣ другихъ и безпреко-

словно повиноваться. Воля родителей долго управляла рѣшеніями Г. Свое одиночество онъ почувствовалъ еще въ костромскихъ школахъ, но въ академіи оно положительно угнетаетъ его. Погрузясь въ науку и разойдясь съ товарищами, 18-тилѣтній Г. предается самонаблюденію и бесѣдѣ съ собой — начинаетъ вести дневникъ, который вскрываетъ его тогдашнее настроеніе и который онъ велъ до конца жизни. Впослѣдствіи усиленной работой надъ собою Г. перевоспиталъ себя и былъ въ высшей степени ласковъ и предупредителенъ въ обращеніи. Всѣ любили его, многіе считали своимъ другомъ, но онъ не имѣлъ друзей, хотя и нуждался въ нихъ—никогда никому не открывалъ своихъ сердечныхъ тайнъ. Подъ вліяніемъ одиночества, религіознаго воспитанія и увлеченія примѣромъ Филарета Гумилевскаго, принявшаго монашество на студенческой скамьѣ (19 авг. 1829 г.), мальчикъ Г. рѣшается принять постриженіе. Но родители не позволили ему этого. Не одинъ разъ и послѣ того Г. проситъ у нихъ разрѣшенія на этотъ шагъ, но напрасно. Голубинскій, его руководитель, былъ также не на его сторонѣ. Впослѣдствіи у самого Г. прошло желаніе иноческаго званія; изъ боязни быть оторваннымъ отъ академіи и отъ науки онъ нѣсколько разъ отказывался отъ предложенія митр. Филарета постричься и занять мѣсто викарія въ Москвѣ. Но не принявъ монашескаго постриженія, Г. велъ образъ жизни совершенно монашескій, былъ «святѣе монаха», по отзывамъ въ обществѣ. Въ душѣ Г. всегда жила пламенная религіозность. Воспитанный по церковному, онъ былъ уставщикомъ и канонархомъ, еще учась въ академіи. Не ограничиваясь внѣшностью, религіозность Г. была жизнью духа и отличалась глубиною проникновенія. Съ восторгомъ и умиленіемъ въ своемъ дневникѣ онъ описываетъ «дни благословенія и благодати», когда пріобщался св. Таинъ, и замѣчательно тонко анализируетъ «чувство праздника». Поэтому профессоръ Г. ищетъ дополненія къ своему состоянію въ духовномъ званіи, ищетъ получить «приближеніе къ престолу благодати». Но путь къ монашеству былъ ему загороженъ; на дорогѣ же къ священству лежало препятствіе — необходимость жениться. Вѣчно занятой, привыкшій къ уединенію и несклонный къ откровенности Г. ни за что не хотѣлъ жениться. Митр. Филаретъ, знавшій о желаніи Г., поручаетъ ему сдѣлать научную справку по вопросу, необходимо ли связать санъ бѣлаго священника съ вступленіемъ въ бракъ, и, получивъ отрицательный отвѣтъ, 24 марта 1860 г. посвящаетъ въ священника холостого профессора Г., что́ было у насъ едва ли не первымъ примѣромъ. Г. сталъ священникомъ, но не искалъ пастырства: у него не было прихода, онъ отказался отъ духовничества—священство нужно ему было «для себя». Г. былъ выдающейся нравственной личностью. Постоянное самоуглубленіе, борьба съ низшими движеніями природы, наблюденіе надъ духовными расположеніями своими дѣлаютъ Г. изъ ряда вонъ выходящимъ человѣкомъ. Онъ подавляетъ свою природную склонность къ насмѣшкѣ и осужденію, борется съ вспыльчивостью, подавляетъ разные виды самолюбія, совершенно естественные въ душѣ выдающагося ученаго, и воспитываетъ въ себѣ удивлявшую всѣхъ «бездну смиренія». Не удовлетворяемый своимъ ученымъ подвижничествомъ, онъ стремится къ проявленію дѣятельной любви. Г. преподавалъ первые 30 лѣтъ своей службы церковную исторію и славно послужилъ этой наукѣ. Но тогдашняя каѳедра церковной исторіи совмѣщала въ себѣ четыре теперешнихъ—библейскую исторію, исторію древней и византійской церкви, исторію русской и исторію западныхъ исповѣданій—и какъ добросовѣстный профессоръ, Г. не упускалъ ни одного отдѣла изъ своихъ наукъ; къ тому же счастливыя природныя дарованія, выдающаяся любознательность и безпримѣрное трудолюбіе со студенческой скамьи до конца жизни—все это содѣйствовало всесторонней историко-богословской учености Г., изумлявшей всѣхъ, кто его

зналъ. Г. звали энциклопедіей, премудростью и къ его совѣтамъ обращались даже академики. Но этотъ «великанъ учености» не успѣлъ проявить себя во весь ростъ и ему суждено никогда не дождаться своей оцѣнки. Время не благопріятствовало тому, чтобы Г. высказался весь въ своихъ научныхъ взглядахъ, въ системѣ научнаго міросозерцанія и во всей широтѣ своихъ познаній. Митр. Филаретъ, управлявшій тогда академіей, зорко слѣдя за ея жизнью и мыслью, стѣснялъ свободу научнаго развитія и, будучи богословомъ-догматистомъ, не сочувствовалъ церковно-исторической постановкѣ богословскаго образованія, представителемъ котораго былъ Г. Г. остерегался писать и оставилъ сравнительно мало печатныхъ трудовъ, при томъ большая часть ихъ возникла по порученіямъ. Между тѣмъ Филаретъ выдѣлялъ Г. изъ академической братіи, потому что нуждался въ его ученой помощи, обращался за разными справками, давая порученія не всегда научнаго свойства. Близость властнаго святителя неблагопріятно отражалась и на мягкой природѣ Г., порабощая ее. Частыя порученія отвлекали ученаго отъ прямыхъ его занятій. Но не слѣдуетъ забывать, что по порученію митр. Филарета Г. предпринялъ тотъ трудъ, который обезсмертилъ его имя въ русской наукѣ—«Описаніе славянскихъ рукописей Московской Синодальной Библіотеки». Замѣчательная не многочисленностью, а качествомъ своихъ рукописей и систематичностью ихъ подбора, эта историческая библіотека начала описываться въ славянской своей части свѣтскими учеными — Погодинымъ и Ундольскимъ, жаловавшимися въ то же время на недоступность ея сокровищъ. Это побудило митрополита въ 1849 г. поручить дѣло описанія Г., «познаніямъ и духовной опытности» котораго онъ вѣрилъ. Г. выбралъ себѣ въ сотрудники магистра московской академіи, профессора симбирской семинаріи К. И. Невоструева, который жилъ въ чудовомъ монастырѣ и вмѣстѣ съ двумя писцами велъ черновую работу по описанію. Г., жившему въ Сергіевомъ посадѣ, принадлежала ученая редакція труда и руководительство своимъ сотрудникомъ, сначала неопытнымъ. Нѣкоторые важные отдѣлы написаны самимъ Г. Онъ трудился надъ описаніемъ 13 лѣтъ до назначенія ректоромъ академіи, но не оставлялъ своею помощью Невоструева и послѣ, когда тотъ остался во главѣ труда. Описаніе рукописей Г. и Невоструева является самымъ лучшимъ русскимъ трудомъ въ этомъ родѣ: оно составляетъ основу для изученія древней русской литературы, это Описаніе — сокровищница критически очищенныхъ фактовъ для исторіи русскаго и южно-славянскаго языковъ. Учеными описателями былъ сдѣланъ рядъ открытій не только въ области древней славяно-русской литературы, но и литературы греческой, древне-христіанской. Къ сожалѣнію, «Описаніе» не было окончено. Появилось въ печати только пять томовъ, шестой совершенно готовый не изданъ, значительная часть тетрадей растеряна.— Всѣ печатные труды Г. отличаются выдающимися достоинствами—полнотой матеріала, объективностью построеній, крайней осторожностью въ выводахъ, сжатостью, точностью и простотой стиля. Его изслѣдованія по русской и южно-славянской исторіи, которой онъ занимался съ особенной любовью, почти всѣ составлены по рукописнымъ источникамъ. Въ небольшихъ статьяхъ обычно безъ подписи Г. опубликовывалъ свои открытія въ указанныхъ областяхъ. Но обработка новыхъ источниковъ отличалась здѣсь такою полнотою и тщательностью, что маленькія статьи Г. и теперь нисколько не потеряли въ своемъ научномъ значеніи.—Лекціи Г отличались новостью матеріала, строгостью метода и окрашивались оттѣнкомъ религіознаго одушевленія. Но аудиторія недостаточно цѣнила феноменальнаго ученаго. Большая часть курсовъ Г. сохранилась въ студенческихъ записяхъ, иногда не въ полномъ видѣ: отчасти потому они и не изданы. Съ характеромъ его лекцій можно познакомиться по его курсу «Исторія евангельская

и церкви апостольской», изданному два раза.

Когда Г. учился въ академіи, любимымъ предметомъ была здѣсь философія, лежавшая во главѣ угла всего учебнаго строя. Г. вмѣстѣ съ Филаретомъ Гумилевскимъ, который, впрочемъ, мало служилъ въ академіи (1830—1841 гг.), произвели переворотъ въ учебной постановкѣ академіи и на самое видное мѣсто поставили исторію. Проводникомъ новаго направленія въ общество былъ журналъ «Прибавленія къ Твореніямъ св. отцевъ», начавшійся изданіемъ съ 1843 г: Г. былъ однимъ изъ редакторовъ новаго журнала и самымъ дѣятельнымъ его сотрудникомъ. Проводникомъ же новаго направленія въ академическую среду былъ одинъ Г. Его безпримѣрное служеніе наукѣ выразилось всего оригинальнѣе въ научномъ руководительствѣ. Сюда онъ вноситъ не только силу своего громаднаго ума и безпримѣрнаго трудолюбія, но и нравственную чистоту своей личности. Отличаясь необычайнымъ смиреніемъ, никому не навязывая своего авторитета, Г. проявлялъ въ то же время много терпѣнія, чисто отеческой заботливости и педагогическаго такта въ обращеніи съ своими учениками. Онъ умѣлъ возбуждать въ студентахъ научную любознательность, вызывая на споры и заинтересовывая то тѣмъ, то другимъ вопросомъ. Этотъ руководитель молодыхъ умовъ терпимо и снисходительно относился къ колебаніямъ и даже заблужденіямъ незрѣлой мысли. Студенты, получивъ тему по какому угодно предмету, шли къ Г. А такъ какъ онъ въ продолженіе 20 лѣтъ (1842—1862) занималъ должность библіотекаря, значительно умножилъ и обогатилъ библіотеку, перечиталъ и испещрилъ своими замѣтками большую часть книгъ и рукописей и зналъ библіотеку какъ никто,—то пришедшій за указаніями снабжался книгами, справками и совѣтами, послѣ которыхъ могъ смѣло работать. Почти всѣ начинающіе академическіе ученые прошли школу Г. Онъ представлялъ примѣръ удивительнаго научнаго безкорыстія и, такъ сказать, научнаго альтруизма. Чуждый авторскаго самолюбія онъ забывалъ подъ часъ о своемъ авторскомъ правѣ: не дорожа своими открытіями, доставшимися ему неусыпнымъ трудомъ, онъ охотно и предупредительно уступалъ ихъ другимъ (напр., древнія свидѣтельства о двоеперстіи—Филарету Гумилевскому). Къ Г. обращались за указаніями и совѣтами такіе ученые, какъ Погодинъ, Срезневскій, Сухомлиновъ, Бодянскій, другіе работали при помощи Г.: А. Н. Муравьевъ, Савва, впослѣдствіи тверской, гр. М. В. Толстой, Филаретъ Гумилевскій. Многія ученыя общества «безъ его исканія» избрали его въ члены.

Послѣдніе 13 лѣтъ (1862—1875)—годы ректорства—были для Г. едва ли не самымъ тяжелымъ временемъ его жизни. Митр. Филаретъ, избравшій Г. въ ректора, не успѣлъ убѣдить его къ принятію монашества и круто перемѣнился въ своихъ отношеніяхъ. Отношенія съ студентами на первыхъ порахъ не ладились: сначала не повѣрили сердечности и вызовамъ на откровенность добраго ректора. Но это недовѣріе скоро прошло, и Г. сталъ для академіи замѣчательнымъ начальникомъ. Его великій ученый авторитетъ, возвышавшій его надъ всѣми въ академіи, отеческая любовь къ «дѣткамъ»—студентамъ привлекали чуткую сердечно молодежь, и А. В. сдѣлался для нея «папашей». Въ московской академіи того времени царила чисто семейная атмосфера, умилявшая постороннихъ. Г., любя, страдалъ за своихъ дѣтокъ: серьезныхъ больныхъ изъ студентовъ онъ безпрестанно посѣщалъ, развлекалъ ихъ, исполняя даже больные капризы и какъ отецъ проливалъ неподдѣльныя слезы надъ гробомъ умершаго юноши. Студенты платили А. В. рѣдкимъ довѣріемъ, несли къ нему свои горе и радости. Много огорченій доставляли впечатлительному ректору неурядицы, случавшіяся въ академической корпораціи, и проступки студентовъ, особенно обнаруженіе холодности къ религіи. Впрочемъ, любя и жалѣя своего «папашу», и студенты, и низшее на-

чальство берегли его и многое, что бы могло огорчить А. В., не доходило до его свѣдѣнія. Управляя академіей, Г. оставилъ по себѣ добрую память церковью, которую онъ устроилъ въ ея стѣнахъ, кладбищемъ, открытымъ по его ходатайству (теперь закрытымъ), оставилъ онъ и задачу для академіи— издать богословскій словарь, — дѣло, которое не удалось московской академіи не по винѣ его инціатора. Въ послѣдніе годы жизни много неудовольствія Г. доставилъ новый уставъ 1870 г., которому онъ не сочувствовалъ и который въ то же время долженъ былъ проводить въ жизнь академіи. Здоровье его расшаталось отъ непосильныхъ трудовъ. Померъ А. В. отъ застарѣлой болѣзни, на которую не обращалъ вниманія, отъ воспаленія внутреннихъ оболочекъ артерій. Надъ его гробомъ не въ некрологахъ и рѣчахъ, а на самомъ дѣлѣ лились горькія слезы его многочисленныхъ учениковъ и сослуживцевъ. Похороненъ А. В. близъ стѣнъ академіи на бывшемъ академическомъ кладбищѣ. Въ октябрѣ 1900 г. московская академія вспоминала своего знаменитаго ректора по случаю исполнившагося 25-лѣтія со дня его смерти.

Вотъ главнѣйшіе труды А. В. Горскаго, кромѣ упомянутыхъ, помѣщенныхъ большей частью въ «Приб. къ Твор. св. отцевъ»:

I. По исторіи древней церкви: «Образованіе канона священныхъ книгъ Новаго Завѣта» (Приб. кн. 24), «Жизнь св. Аѳанасія Александрійскаго» (кн. 10), «Жизнь св. Василія Великаго» (кн. 3), «Жизнь бл. Ѳеодорита, еп. кирскаго» (кн. 14), «О санѣ епископскомъ въ отношеніи къ монашеству въ церкви восточной» (кн. 21).

II. По исторіи русской церкви: а) изданія памятниковъ — «Памятники духовной литературы временъ в. кн. Ярослава I» (Приб. кн. 2), «Посланіе къ Василію, архимандриту печерскому XII в.» (кн. 10), «О древнихъ канонахъ св. Кириллу и Меѳодію» (кн. 15), «О древнихъ словахъ на св. Четыредесятницу» (кн. 17); б) изслѣдованія — «Историческое описаніе Свято-Троицкой Сергіевой лавры» (отдѣльной книгой, много разъ изданной), «О свв. Кириллѣ и Меѳодіи (Москв. 1843. ч. 3), «О сношеніяхъ русской церкви съ святогорскими обителями до XVIII стол.» (Приб. 6 кн.), «О духовныхъ училищахъ въ Москвѣ въ XVII в.» (3 кн.). Рядъ біографій митрополитовъ русскихъ: Кирилла II, св. Петра, св. Алексія, Кипріана, Фотія, св. Іоны, Ѳеодосія и Филиппа I, Петра Могилы (кн. 1, 2, 6, 11, 4, 16).

III. Поученія и рѣчи, изданныя въ «Прибавленіяхъ» и въ «Богословскомъ Вѣстникѣ». Подробный перечень всѣхъ трудовъ см. «Исторія моск. дух. академіи», С. К. Смирнова, стр. 121—127.

Наиболѣе подробную біографію Г. представляетъ книга *С. Попова*, Ректоръ М. Д. академіи А. В. Горскій (Серг. Пос. 1897— печаталась въ «Богосл. Вѣстн.» 1896 г.), сжатую біографію - характеристику актовая рѣчь *С. Смирнова* 22 окт. 1900 г.,—довольно обширная литература о Г. указана тамъ и здѣсь. Памяти Г. посвящена книжка «Богосл. Вѣстн.» за ноябрь 1900 г., составленная изъ рѣчей, произнесенныхъ на актѣ по случаю 25 лѣтія со дня смерти Г., и матеріаловъ для оцѣнки его жизни и дѣятельности. Эти рѣчи и матеріалы изданы отдѣльно подъ заглавіемъ: «Протоіерей А. В. Горскій въ воспоминаніяхъ о немъ М. Д. Академіи въ 25-ую годовщину со дня его смерти». *С. Смирновъ.*

ГОРТЪ Фр. Дж. А. (Hort Fenton Iohn Antony), авторитетный англійскій ученый, род. въ Дублинѣ 23 апрѣля 1828 г., воспитывался въ Кэмбриджѣ, при чемъ немало вниманія посвящалъ даже естественнымъ наукамъ, особенно ботаникѣ, гдѣ не безъ права считался многообѣщающимъ. Вся дѣятельность Г. протекла въ этомъ округѣ. Съ первыхъ шаговъ своей самостоятельности онъ заявилъ себя съ наилучшей стороны и на практическомъ поприщѣ пастырскаго служенія (съ 1856 г.), и въ ученой области, съ 1853 г. (вмѣстѣ съ Весткоттомъ) началъ приготовленіе къ изданію греческаго Н. З., въ 1854 г. (съ Мэйоромъ и Ляйтфутомъ) основалъ «Журналъ классической и священной филологіи», съ 1868 г. принималъ энергическое участіе въ «Словарѣ христіанской біографіи», въ 1870 г. оказался членомъ общества для пересмотра англійскаго перевода Н. З. и пр. Несмотря на все это, богословскимъ профессоромъ въ Кэмбриджѣ Г. сталъ лишь въ декабрѣ 1871 г. и въ этомъ званіи пользовался справедливою славой ученаго авторитета, каковымъ продолжаетъ являться предъ нами и послѣ своей кончины (30 ноября 1892 г.) въ многочисленныхъ посмертныхъ изданіяхъ, напр., «Путь, истина и жизнь» (1893 г.), «Объ іудаистическомъ христіанствѣ» (1894 г.), «Введеніе въ посланіи къ Римлянамъ и Ефесянамъ» (1895 г.),

«О доникейскихъ отцахъ» (1895 г.), «О христіанской церкви» (1897 г.), «О 1 Петр. **1**, 1—**2**, 17» (1897 г.). Человѣкъ дѣятельной и самопреданной любви, помнившій обо всѣхъ и забывавшій только себя, Г. такимъ же былъ и въ наукѣ—великимъ совѣтникомъ для каждаго работника, готовымъ отдать другому все свое время, почему при жизни вышло въ свѣтъ не столь много его трудовъ, но самаго разнообразнаго содержанія и равно ученаго достоинства. При всемъ томъ важнѣйшая задача трудовъ Г. и его главнѣйшая заслуга лежатъ въ изслѣдованіяхъ по Н. З. Тутъ образовался рѣдкостный тріумвиратъ изъ Ляйтфута, Горта и Весткотта, и они намѣтили себѣ двѣ цѣли—текстуально-экзегетическаго истолкованія новозавѣтныхъ книгъ и критической реконструкціи греческаго Н. З. По первому вопросу больше потрудились Ляйтфутъ и частію Весткоттъ, но по второму особенно выступаетъ предъ нами Г. Эти занятія связывались съ интересами ревизіи англійскаго перевода, для котораго напередъ и отыскивается прочный текстуальный типъ. Плодомъ долголѣтнихъ и самыхъ тщательныхъ изысканій былъ «Новый Завѣтъ на подлинномъ греческомъ языкѣ» подъ редакціею Горта и Весткотта: первая часть, содержащая текстъ, вышла 12 мая 1881 г. (4-е изд. января 1898 г.), вторая, заключающая введеніе и прибавленіе, выпущена 4 сентября 1881 г. (3-е изд. февраля 1896 г.). Г. же завѣдывалъ изданіемъ «Пролегоменъ» къ греческому Н. З. умершаго Триджельса (Tregelles), пересматривалъ и почти вновь написалъ вступленіе къ греческому Н. З. Скривенера, участвовалъ въ приготовленіяхъ къ ревизіи (текста и англ. перевода) LXX и т. п. Тѣмъ не менѣе самымъ капитальнымъ памятникомъ Г. остается «Введеніе», которое написано цѣликомъ его рукой, хотя отъ имени обоихъ лицъ, при чемъ отмѣчаются и пункты разногласія между ними. Въ этомъ трудѣ мы находимъ стройную реконструкцію новоз. текста по началамъ объективной исторической критики. Въ основу полагаются древнѣйшіе унціальные манускрипты съ предпочтеніемъ ватиканскаго (B), а такъ какъ текстуальное преданіе ихъ и другихъ пособій не доводитъ насъ до первоначала, то мы не можемъ достигнуть истинно оригинальнаго, самоподлиннаго текста Н. З., однако доступный намъ научно обладаетъ всѣми правами и достоинствами относительной достовѣрности, какая свойственна всѣмъ прочимъ историческимъ документамъ. Таковъ общій результатъ всей теоріи, которая служитъ завершеніемъ всѣхъ прежнихъ работъ и должна быть точкою отправленія для дальнѣйшихъ экзегетическихъ и текстуальныхъ изысканій. *Н. Г.*

ГОРЧАКОВЪ Михаилъ Иванов., протоіерей, заслуженный ординарный профессоръ императорскаго с.-петербургскаго университета по каѳедрѣ церковнаго права, законоучитель маріинскаго дѣвичьяго института и настоятель церкви онаго, сынъ священника костромской епархіи, род. 8 ноября 1838 г. По окончаніи курса сначала костромской дух. семинаріи (1851—1857 гг.), а затѣмъ с.-петербургской дух. академіи (1857—1861 гг.), М. И. занялъ (2-го ноября того же 1861 г.) мѣсто псаломщика при одной изъ нашихъ заграничныхъ церквей—въ Штутгартѣ и, вѣроятно, тогда уже рѣшилъ посвятить себя той наукѣ, которой беззавѣтно и преданно служитъ до сихъ поръ. Охваченный, по пріѣздѣ заграницу, волной свѣжей, дѣятельной жизни умственныхъ центровъ западно-европейской цивилизаціи, тая въ себѣ задатки той несокрушимой энергіи и умственной бодрости, которыя такъ блестяще осуществилъ впослѣдствіи на всѣхъ своихъ трудахъ, молодой Г. поспѣшилъ воспользоваться выгодами своего положенія и началъ съ жаромъ знакомиться съ постановкой богословскихъ и общественныхъ наукъ—и особенно церковнаго права—въ нѣмецкихъ университетахъ. Но по прослушаніи курсовъ историко-богословскихъ наукъ въ тюбингенскомъ, гейдельбергскомъ и страсбургскомъ университетахъ (1862—1864 гг.) его потянуло на родину—потянуло къ разработкѣ науки *русскаго* церковнаго права, которой, въ стро-

гомъ смыслѣ слова, у насъ въ Россіи до того времени еще не существовало. При этомъ Г., знакомый съ постановкой науки церковнаго права на западѣ, понялъ, что разработка эта невозможна безъ основательнаго знакомства съ на-

Профессоръ-протоіерей

Михаилъ Ив. Горчаковъ.

уками юридическими. И, вотъ, по возвращеніи въ Петербургъ, онъ, въ качествѣ вольнослушателя, начинаетъ посѣщать лекціи юридическаго факультета с.-петербургскаго университета, славившагося въ то время блестящимъ составомъ своихъ профессоровъ. Съ какою энергіей занимался при этомъ Г., можно видѣть изъ того, что на актѣ (8 февраля) 1865 г. онъ уже былъ награжденъ серебр. медалью за сочиненіе на тему «О происхожденіи и системѣ преторскаго эдикта», а въ маѣ того года выдержалъ экзаменъ на степень кандидата правъ, въ каковой и былъ утвержденъ факультетомъ. Въ томъ же году М. И. принялъ санъ священника и назначенъ законоучителемъ маріинскаго дѣвичьяго института въ С.-Петербургѣ и настоятелемъ церкви онаго.

Вскорѣ послѣ этого Г. за сочиненіе: «О церковныхъ историкахъ первыхъ VIII вѣковъ христіанства» получилъ отъ с.-петербургской дух. академіи степень магистра богословія. 13-го мая 1868 г., по защитѣ диссертаціи «Монастырскій приказъ», М. И. былъ утвержденъ въ степени магистра госуд. права и назначенъ штатнымъ доцентомъ университета по каѳедрѣ церковнаго права. Затѣмъ, въ 1871 г. появляется его докторская (на степень доктора госуд. права) диссертація: «О земельныхъ владѣніяхъ всероссійскихъ митрополитовъ, патріарховъ и св. синода», по защитѣ которой М. И. былъ избранъ экстраординарнымъ профессоромъ, а 15 октября 1873 г. и ординарнымъ профессоромъ по занимаемой имъ каѳедрѣ. Оба названные труда М. И. изъ одной области церковно-имущественнаго права разработаны исключительно по сырымъ, не тронутымъ до него, архивнымъ матеріаламъ, при чемъ ему приходилось работать въ важнѣйшихъ нашихъ книгохранилищахъ Москвы и Петербурга, иногда при отсутствіи всякихъ удобствъ (такъ, архивъ св. синода въ то время еще не былъ приведенъ въ порядокъ и даже не отапливался, и нашему ученому приходилось заниматься по ночамъ въ дежурной комнатѣ синодальной канцеляріи). Важность этихъ двухъ трудовъ, своевременно отмѣченная ученой критикой, не подлежитъ никакому сомнѣнію и въ настоящее время: такъ, ни одно изъ появившихся затѣмъ сочиненій изъ той же области нашего русскаго церковно-имущественнаго права не обходятся безъ ссылокъ на эти труды достопочтеннаго профессора. Но ими не закончилась цѣпь ученыхъ трудовъ его: въ маѣ 1881 г. М. И. блестяще защитилъ въ кіевской духовной академіи диссертацію подъ названіемъ: «О тайнѣ супружества, происхожденіе, историко-юридическое значеніе и каноническое достоинство 50-й главы печатной Кормчей» и былъ затѣмъ утвержденъ святѣйшимъ синодомъ въ степени доктора богословія. Такимъ образомъ, въ настоящее время проф. Г. имѣетъ *шесть* ученыхъ степеней—три по богословскимъ и три по юридическимъ наукамъ, являясь въ этомъ отношеніи едва ли не единственнымъ у насъ въ Россіи носителемъ ученыхъ степеней въ двухъ различныхъ научныхъ областяхъ. — Отличаясь замѣчательною отзывчивостью ко всякимъ начинаніямъ въ научно - литературной области, почтенный профессоръ всегда спѣшилъ поддержать своими цѣнными трудами всевозможныя изданія,—будь то спеціальный журналъ, или какой-либо сборникъ по наукамъ государственнымъ и общественнымъ. Такъ, въ 1-мъ томѣ «Сборника государственныхъ знаній», начавшимъ выходить въ 1874 г. подъ редакціей В. П Безобразова, мы находимъ его библіографическія замѣтки о книгѣ В. П. Мордвинова, «Православная церковь въ Буковинѣ» и нѣмецкихъ сочиненіяхъ фонъ-Буша: «Матеріалы для исторіи и статистики церкви и школы въ евангелическо-лютеранскихъ общинахъ Финляндіи и Лоренцо», «Избраніе папы и имперія». Но особенно интересны его произведенія, помѣщенныя во 2-мъ томѣ того же сборника. Такъ, здѣсь мы находимъ его статью «Научная постановка церковно-суднаго права», представляющую собою нѣчто единственное въ русской наукѣ церковнаго права по ясности, стройности и научности изложенія. Здѣсь же помѣщенъ рядъ критическихъ его статей: 1) о появившихся около этого времени (1875) сборникахъ работавшей при свят. синодѣ особой коммиссіи о церковно-судебной реформѣ, 2) объ исторіи русской церкви архіеп. Макарія, 3) о произведеніяхъ извѣстнаго издателя руководственныхъ для духовенства книгъ, прот. Чижевскаго, 4) о сочин. проф. Нила Попова, «Судьбы уніи въ русской Холмской епархіи» и 5) сочиненіи Н. Н., «Письмо проф. Трейтшке по поводу нѣкоторыхъ его сужденій о русской православной церкви». Точно также нѣсколько мелкихъ его статей появилось въ «Юридической Лѣтописи», начавшей выходить въ 1890 г. Между прочимъ, въ № 12 этого журнала за 1891 г. находимъ его интересную статью подъ заглавіемъ: «Была ли учреждена инквизиція въ Восточной церкви?», въ которой съ громадной эрудиціей и массой

ссылокъ на иностранную литературу почтенный профессоръ блестящимъ образомъ разрѣшаетъ споръ между покойнымъ проф. Влад. Соловьевымъ и редакціей «Московскихъ Вѣдомостей» по вопросу о томъ,—когда и кѣмъ была учреждена инквизиція. Затѣмъ, М. И. помѣстилъ немало своихъ статей въ энциклопедическихъ, толковыхъ и настольныхъ словаряхъ. Но почтеннѣйшее мѣсто среди младшихъ, такъ сказать, трудовъ проф. Г., несомнѣнно, занимаютъ его *отзывы*, данные по предложенію академіи наукъ о различныхъ научныхъ сочиненіяхъ. Такихъ отзывовъ, отличающихся не только свойственною всѣмъ трудамъ его обстоятельностью и полнотою научныхъ свѣдѣній, но, обыкновенно, освѣщающихъ вопросъ съ новой, не затронутой авторомъ сочиненія, стороны, дано М. И. шесть, а именно о сочиненіяхъ: 1) покойнаго проф. А. С. Павлова, «Номоканонъ при Б. Требникѣ» (1-е изд.); 2) покойнаго проф. И. А. Чистовича, «Исторія С.-Петербургской духовн. академіи за послѣдніе 30 лѣтъ (1858—1888 гг.)»; 3) прот. К. Т. Никольскаго, «Анаѳематствованіе (отлученіе отъ церкви), совершаемое въ 1-ю недѣлю великаго поста»; 4) проф. Т. В. Барсова, «Святѣйшій Синодъ въ его прошломъ и Синодальныя учрежденія прежняго времени»; 5) С. Г. Рункевича, «Исторія русской церкви подъ управленіемъ Свят. Синода», т. I (докторская диссертація) и 6) А. А. Завьялова, «Вопросъ о церковныхъ имѣніяхъ при Императрицѣ Екатеринѣ II» (магистерская диссертація). Всѣ эти отзывы удостоены установленныхъ для рецензентовъ академіи золотыхъ медалей (нельзя не замѣтить, что и въ этомъ отношеніи М. И. является, вѣроятно, исключеніемъ, такъ какъ подобное количество рецензентскихъ медалей академіи имѣлъ только проф. московск. университета Бѣляевъ). Состоя членомъ высочайше учрежденной въ 1865 г. коммиссіи по разбору и описанію документовъ и дѣлъ, хранящихся въ архивѣ святѣйшаго синода, со дня учрежденія оной, проф. Г. составилъ и редактировалъ III и IV томы издаваемаго этой коммиссіей «Полнаго собранія постановленій и распоряженій по вѣдомству православнаго исповѣданія Россійской имперіи» (за 1723 и 1727—по 16 янв. 1730 гг.). Но, кромѣ научныхъ трудовъ, почтенный профессоръ удѣлялъ и удѣляетъ немало энергіи и на дѣятельность публицистическаго и общественнаго характера. Такъ, еще въ бытность заграницей онъ уже началъ посылать корреспонденціи по церковнымъ и церковно-общественнымъ вопросамъ въ «Вѣстникъ юго-западной Россіи» и въ газету «Голосъ», гдѣ позже сталъ однимъ изъ главныхъ сотрудниковъ и завѣдывалъ отдѣломъ «Славянскихъ извѣстій». Участіе въ послѣдней газетѣ, принадлежавшей, какъ извѣстно, къ числу либеральнѣйшихъ органовъ нашей прессы, — и при томъ участіе по вопросамъ, касающихся религіи и церкви, — требовало отъ М. И. не только большого такта, но и извѣстнаго мужества. И нужно сказать, что М. И. удалось съ честью побѣдить всѣ затрудненія, связанныя съ сотрудничествомъ въ этомъ важномъ органѣ и заинтересовать публику тѣми вопросами, о которыхъ говорить въ литературѣ въ то время было просто не принято. Изъ общественной дѣятельности проф. Г. нельзя не упомянуть объ участіи его, въ качествѣ завѣдующаго участкомъ, во всероссійской и столичной переписяхъ, при чемъ ему приходилось руководить цѣлой арміей молодежи-переписчиковъ и счетчиковъ Года два тому назадъ, по почину нѣсколькихъ священниковъ, с.-петербургское общество распространенія религіозно-нравственнаго просвѣщенія занялось разработкой вопроса объ устраненіи разныхъ затрудненій и ненужныхъ формальностей при заключеніи браковъ, причемъ руководителемъ оживленныхъ преній по этому вопросу выступилъ профессоръ Г., самъ сдѣлавшій нѣсколько рефератовъ (напеч. въ «Дух. Вѣстникѣ»). Если ко всему сказанному прибавить постоянную готовность профессора постоять за всякое правое дѣло, поддержать первые робкіе опыты научной дѣятельности, походатайствовать въ томъ или другомъ отношеніи

за своего ученика, то станетъ вполнѣ понятнымъ, почему личность нашего маститаго ученаго пользуется величайшимъ уваженіемъ какъ среди профессоровъ и молодежи, такъ и въ глазахъ его учебнаго начальства. Между прочимъ, это-то уваженіе помогло, по общему признанію, прекратить въ с.-петербургскомъ университетѣ одно изъ послѣднихъ, наиболѣе бурныхъ волненій молодежи, къ которой профессоръ Г. обратился съ горячимъ словомъ увѣщеванія и успѣлъ уговорить ее приняться за прерванныя занятія.—Какъ положительный результатъ дѣятельности М. И., между прочимъ, можно указать и на приготовленіе имъ профессоровъ церковнаго права въ университетахъ— московскомъ—такого виднаго ученаго, какъ Н. Суворовъ, и кіевскаго—Пл. Соколова, зарекомендовавшаго себя прекрасной магистерской диссертаціей по церковно-имущественному праву въ византійской имперіи. Приступивъ къ разработкѣ своей науки въ то время, когда ея у насъ въ Россіи не было, когда еще не сознавалась тѣсная принадлежность этой науки къ циклу наукъ юридическихъ, проф. Г. по необходимости долженъ былъ заимствовать систему изложенія этой науки оттуда, гдѣ она стояла, именно какъ наука юридическая, на подобающей высотѣ, т. е. съ запада; но при этомъ заимствованія его никогда не шли далѣе именно только системы, такъ какъ во всемъ остальномъ онъ всегда стоялъ и стоитъ на чисто православной точкѣ зрѣнія (найдя въ свое время достойнаго себѣ послѣдователя въ лицѣ, къ сожалѣнію, такъ рано скончавшагося проф. московскаго университета Н. К. Соколова). Въ вицу этого дѣлаемый иногда проф. Г. (такъ же, какъ и его ученикамъ) упрекъ *въ западничествѣ* нельзя не признать простымъ недоразумѣніемъ, обусловливаемымъ недостаточнымъ знакомствомъ со всею его научною дѣятельностью, или же неумѣніемъ понять настоящаго положенія той науки, которой онъ такъ беззавѣтно посвятилъ свою жизнь. Читаемый имъ обширный курсъ лекцій, къ сожалѣнію, извѣстенъ только въ литографированномъ видѣ. Проф. Г. состоитъ почетнымъ членомъ кіевской и с.-петербургской дух. академій. *Николай Марковъ.*

ГОСПИТАЛЬЕРЫ — общее названіе всѣхъ тѣхъ союзовъ изъ мірянъ, монаховъ, канониковъ и рыцарей, которые, посвящая себя дѣлу попеченія о больныхъ въ госпиталяхъ, въ то же время соблюдали извѣстные монашескіе обряды вообще по уставу Августина. Большинство этихъ братствъ находилось въ тѣсной связи съ какимъ-нибудь монашескимъ орденомъ и состояло подъ властью епископа. Когда они разростались, то получали своего собственнаго генерала; но даже и малыя общества имѣли своего настоятеля или эконома. Нѣкоторые изъ нихъ, какъ напр., госпитальеры св. Іоанна Богослова во Франціи, были освобождены отъ епископской власти и состояли непосредственно подъ властью папы. Только немногіе изъ нихъ принимали вполнѣ монашескіе обѣты. Первыя братства этого рода образовались въ Италіи въ IX вѣкѣ. Во время Крестовыхъ походовъ число ихъ чрезвычайно увеличилось, и они распространились по всей Европѣ. Религіозные ордена рыцарей, какъ напр., рыцари св. Іоанна и тевтонскіе рыцари, возникли подобнымъ же образомъ. Однимъ изъ древнѣйшихъ союзовъ, носящихъ имя госпитальеровъ, былъ союзъ госпитальныхъ братьевъ Св. Духа, основанный въ 1190 г. въ Монпелье графомъ Гвидономъ и утвержденный въ 1198 г. Иннокентіемъ III; основнымъ учрежденіемъ его былъ госпиталь Св. Духа въ Саксіи (въ Римѣ). Затѣмъ слѣдовали госпитальеры бургосскіе (1212); братья милосердія бл. Маріи, основанные въ Бушеромонѣ, въ діоцезѣ шалонскомъ (1280 г.), и имѣвшіе своимъ главнымъ учрежденіемъ госпиталь Le-Billet (въ Парижѣ); братья любви; добрые братья, и проч. Были также и госпитальныя сестры, и женскіе союзы, появившіеся въ XII столѣтіи, имѣли даже больше успѣха, чѣмъ мужскіе. Эти союзы принимали на себя обязанность попеченія о больныхъ и бѣдныхъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и о воспитаніи дѣвочекъ, особенно сиротъ, и попеченіи о падшихъ женщинахъ. Глав-

ными учрежденіями такого рода сестёръ были учрежденія св. Гервасія (1171 г.), св. Екатерины въ Парижѣ (1222 г.), св. Марты Понтарльерской (1687 г.) и др. См. у *Геліота*: «Исторія монашескихъ орденовъ», Парижъ, 1714—1719 г., въ 8 томахъ, а также у *Ульгорна* въ его «Исторіи благотворительности въ средніе вѣка» (т. II).

ГОСПОДА И СЛУГИ. Въ семьѣ, кромѣ лицъ, связанныхъ между собою тѣсными узами родства, весьма часто находятся еще и такъ называемые слуги. Отношенія между Г. и слугами такъ опредѣляются Словомъ Божіемъ: «рабы, повинуйтесь господамъ своимъ по плоти со страхомъ и трепетомъ, въ простотѣ сердца вашего, какъ Христу. Не съ видимою только услужливостью, какъ человѣкоугодники, но какъ рабы Христовы, исполняя волю Божію отъ души, служа съ усердіемъ, какъ Господу, а не какъ человѣкамъ, зная, что каждый получитъ отъ Господа по мѣрѣ добра, которое онъ сдѣлалъ, рабъ ли, или свободный. И вы, господа, поступайте съ ними такъ же, умѣряя строгость, зная, что и надъ вами самими и надъ ними есть на небесахъ Господь, у Котораго нѣтъ лицепріятія» (Ефес. **6**, 5—9). Наставленіе, преподаваемое Словомъ Божіимъ, такъ ясно и опредѣленно, что въ какихъ либо комментаріяхъ вовсе не нуждается. Если бы между Г. и слугами установились такого рода отношенія, тогда послѣдніе въ обитаемомъ ими домѣ были бы не внѣшнимъ стороннимъ какимъ-либо элементомъ, а тѣсно связаннымъ со всѣми остальными,—они были бы также своего рода членами данной семьи. Въ прежнее время у насъ—на Руси, да и во многихъ другихъ мѣстахъ дѣло въ общемъ такъ и обстояло: слуги считались однимъ изъ важныхъ элементовъ семьи, имъ отсюда довѣрялись семейныя тайны, у нихъ нерѣдко спрашивали совѣтовъ и т. п.; благополучіе Г. было ихъ благополучіемъ, а невзгоды—ихъ невзгодами. Коротко сказать: между сторонами устанавливалась связь не случайная и не ничтожная, а постоянная и имѣвшая глубокій внутренній смыслъ. Въ наши дни подобное положеніе дѣлъ, быть можетъ, гдѣ-либо еще и встрѣчается, но уже, конечно, какъ исключеніе только—не больше. Въ наши дни, когда всюду только и слышно, что рѣчь о равенствѣ всѣхъ людей между собою, кто бы они ни были,—равенствѣ, понимаемомъ обыкновенно во внѣшнемъ преимущественно смыслѣ (вопросъ о внутреннемъ тождествѣ природы всѣхъ интересуетъ современниковъ обыкновенно не въ такой степени),—каждый (почти) слуга старается показать своему господину, что онъ ни въ чемъ не ниже послѣдняго, и что если этотъ позволитъ себѣ что-либо лишнее въ отношеніи къ нему—слугѣ, то онъ, конечно, сейчасъ же и уйдетъ отъ такого господина и даже при случаѣ привлечетъ его къ судебной отвѣтственности. Отношенія между слугами и Г.—только внѣшнія, даже большею частію съ оттѣнкомъ какъ бы нѣкоторой воинственности: господинъ заботится о томъ, чтобъ побольше получить выгодъ отъ слуги, по возможности меньше платя ему, по возможности дешевле содержа его, мало заботясь о предоставленіи ему даже болѣе или менѣе приличнаго помѣщенія и проч.,—а слуга, въ свою очередь,—о томъ, чтобы поменьше услуживать своему господину, по возможности больше однако получая отъ него... Теперь уже не приходится (за немногими развѣ исключеніями) слышать о томъ, что такой-то или такой-то слуга съ опасностью для своей собственной жизни содѣйствовалъ благополучію своего господина; чаще же, напротивъ, мы читаемъ извѣстія о покушеніи слугъ на имущество и даже на самую жизнь Г... Деньги — вотъ руководящій лозунгъ нашего времени. Деньги — вотъ (почти) единственное начало, связывающее нынѣ слугу съ господиномъ. Отсюда, особенно въ большихъ городахъ, слуги въ теченіе какого-либо небольшого сравнительно промежутка времени успѣваютъ перебывать у значительнаго количества господъ. Впрочемъ, и послѣдніе нынѣ, съ своей стороны, до извѣстной степени содѣйствуютъ подобному положенію дѣла, иногда удаляя слугу за самую ничтожную (даже лишь кажущуюся только) провинность. Та и дру-

гая сторона, руководствуясь лишь эгоистическими влеченіями и расчетами, заботятся,—иногда сами того не замѣчая,—какъ бы намѣренно объ ухудшеніи ихъ взаимоотношеній, а чрезъ то и объ ихъ собственномъ вредѣ. При нынѣшнихъ условіяхъ вышеприведенное апостольское изреченіе представляется подъ часъ даже непонятнымъ; но, во всякомъ случаѣ, безспорно было бы желательно, въ видахъ общаго благополучія, возвращеніе къ старинному порядку дѣлъ, насколько и какъ это возможно при нынѣшнихъ условіяхъ жизни, что само собою уже ясно и само по себѣ здѣсь предполагается.

См. *нашу* статью: **«Къ вопросу объ условіяхъ нормальнаго теченія жизни христіанской семьи»**; «*Христ. Чт.*» 1898 г., апр., стр. 551—553. Чит. также *нашу* брошюру: **«О христіанской семьѣ и связанныхъ съ нею вопросахъ»**, Спб. 1901 г. стр. 47—49. Ср. **«Христіанское ученіе о нравственности»** — *Г. Мартенсена* (въ перев. А. П. Лопухина); т. II, Спб. 1890 г., стр. 500—502.
А. Бронзовъ.

Господства — ангелы, господствующіе надъ низшими ангелами, научающіе людей владѣть собою; занимаютъ, по ученію св. Діонисія Ареопагита, 1-ю степень во 2-мъ чинѣ (Колос. **1**, 16).

Госпожинки — народное названіе успенскаго поста, отъ западн. слова «Госпожинка»—Богородица.

ГОСТЕПРІИМСТВО. Жизнь человѣка протекаетъ въ семьѣ, въ обществѣ, въ государствѣ, въ церкви... Начинаясь въ семьѣ, она постепенно захватываетъ все бóльшій и бóльшій кругъ. Нѣкоторымъ переходомъ семейныхъ взаимоотношеній къ отношеніямъ широко-общественнаго характера служитъ общеніе данной семьи съ лицами, не принадлежащими къ ней. Оно принимаетъ различн. формы: форму гостепріимства, дружеск. союзовъ и проч.—Г. ведетъ свое начало съ самыхъ первыхъ временъ существованія человѣчества на землѣ. Появилось оно неизбѣжно и вполнѣ естественно. Приходилось одному человѣку или нѣсколькимъ путешествовать. Удобствъ передвиженія съ мѣста на мѣсто, подобныхъ нынѣшнимъ, въ отдаленныя отъ насъ времена не было: путешествія продолжались долго, и путешественникамъ, за отсутствіемъ гостинницъ, постоялыхъ дворовъ и пр., волей-неволей приходилось просить Г. Оно оказывалось, между прочимъ, уже по тому одному, что гостепріимецъ и самъ могъ со временемъ нуждаться въ немъ же во время своихъ путешествій. Обѣ стороны, словомъ, имѣли въ виду, между прочимъ, и свои выгоды. Неудивительно, что отсюда обязанность Г. затѣмъ сдѣлалась священною и получила характеръ добродѣтели на ряду съ другими, извѣстными тѣмъ или инымъ народностямъ древняго времени. И дѣйствительно, она была проявленіемъ любви человѣка къ ближнему, или практиковалась не въ корыстныхъ исключительно цѣляхъ, а и по чистымъ побужденіямъ. Помимо оказыванія ближнему матеріальнаго содѣйствія, гостепріимецъ въ данномъ случаѣ много помогалъ охраненію личности человѣка (гость, какъ извѣстно, считался особою «неприкосновенною», пока не оставлялъ пріютившаго его дома), что́ въ тѣ времена, когда въ основѣ взаимоотношеній народовъ лежалъ обыкновенно лишь принципъ борьбы за существованіе, было весьма цѣнно. Уже Авраамъ принимаетъ къ себѣ странниковъ (Быт. **18**), принимаетъ ихъ и Лотъ (— **19**)... Г. весьма широко распространено было и у язычниковъ, прекрасно понимавшихъ всю огромную его важность. Припомнимъ, что объ этомъ разсказывается, напр., въ Одиссеѣ Гомера, появившейся задолго до христіанской эры: какъ радушно, необыкновенно сердечно приняли странника — Одиссея Алкиной съ супругою?.. Впрочемъ, Г. сохраняется и во все послѣдующее время вплоть до наступленія новыхъ вѣковъ. Даже въ мрачную средневѣковую эпоху оно, какъ извѣстно, процвѣтаетъ, что́ было особенно цѣнно въ виду того безправія, какое въ то время, время царствованія грубѣйшей физической силы, всюду о себѣ краснорѣчиво заявляло. Измѣнился взлядъ на Г. лишь съ наступленіемъ новыхъ временъ. Причины понятны: при нынѣшнихъ удобствахъ путешествій, при существованіи множества гостинницъ и проч , теперь можно объѣхать вокругъ земли,

не прибѣгая къ помощи гостепріимца. Кромѣ этихъ причинъ, имѣютъ свое значеніе также и нѣкоторыя другія, лежащія въ самомъ строѣ общественной и индивидуальной жизни. Впрочемъ, если въ большихъ городахъ Г. практикуется лишь между знакомыми и родственниками (хорошъ и этотъ видъ его: здѣсь названныя лица могутъ дѣйствовать другъ на друга просвѣтительнымъ, облагораживающимъ образомъ, могутъ поддерживать другъ друга и матеріально и проч.), то въ деревняхъ и селахъ, гдѣ и понынѣ въ извѣстной степени продолжаютъ имѣть смыслъ старинныя условія, благопріятныя для Г., послѣднее въ нѣкоторой мѣрѣ практикуется и теперь. Конечно, цивилизація совершитъ свое дѣло, — и въ деревняхъ древнее Г. будетъ только воспоминаніемъ также; но объ этомъ придется только пожалѣть, такъ какъ, помимо всего прочаго, причиною здѣсь является эгоизмъ, стремленіе лишь къ личному благополучію, обособленіе себя отъ другихъ... что нынѣ все болѣе и болѣе о себѣ заявляетъ... Однако, истиннымъ христіанамъ не слѣдуетъ забывать о Г. «Ревновать о страннопріимствѣ» ясно совѣтуетъ св. ап. Павелъ (Римл. **12**,13). Онъ рекомендуетъ «не забывать страннолюбія», присовокупляя, что «чрезъ него» (т. е., чрезъ страннолюбіе) «нѣкоторые не зная, оказали гостепримство ангеламъ» (Евр. **13**,2). Подъ нѣкоторыми онъ разумѣетъ, конечно, Авраама и Лота. Всякій изъ насъ, по смыслу его словъ, помимо того, что исполнитъ долгъ человѣколюбія, можетъ изъ Г. извлечь себѣ еще и нѣкоторую выгоду, какъ извлекли и тѣ древніе мужи... Да и Самъ Господь скажетъ на страшномъ судѣ: «Я былъ странникомъ и вы приняли Меня» (т. е., разумѣется, сдѣлали это одному изъ сихъ братьевъ Его меньшихъ) (Матѳ. **25**, 35. 40)... Конечно, иногда люди злоупотребляютъ оказываемымъ имъ Г., но безъ злоупотребленій дѣло не обходится нигдѣ, — и очевидно, что не на основаніи послѣднихъ намъ надлежитъ судить о нормѣ.

См. *нашу* статью: «Къ вопросу объ условіяхъ нормальнаго теченія жизни христіанской семьи»: «Христ. Чтен.» 1898 г., апрѣль, стр. 553—555. Чит. *нашу* также брошюру: «О христіанской семьѣ и связанныхъ съ нею вопросахъ»; Спб. 1901 г., стр. 49—51. Ср. «Христіанское ученіе о нравственности» *Г. Мартенсена* (въ перев. А. П. Лопухина); т. II. Спб. 1890 г., стр. 502—503. *А. Бронзовъ.*

ГОТТИНГЕРЪ Іоаннъ Гейнрихъ, извѣстный оріенталистъ, а также церковный историкъ, род. въ 1620 г. въ Цюрихѣ, тамъ же учился; уже восемнадцати лѣтъ былъ кандитатомъ богословія и затѣмъ, для дальнѣйшаго образованія, побывалъ въ Женевѣ, Гренингенѣ и Лейденѣ; впослѣдствіи путешествовалъ по Англіи и Франціи и въ 1642 г. въ своемъ родномъ городѣ сдѣлался профессоромъ церковной исторіи, черезъ годъ также катехетики и восточныхъ языковъ, къ чему позже присоединилъ логику и риторику. Получивъ позволеніе на возстановленіе уничтоженнаго во время тридцатилѣтней войны университета въ Гейдельбергѣ (1655 г.), онъ оправдалъ на дѣлѣ оказанное ему довѣріе и, между прочимъ, участвовалъ при тамошнемъ дворѣ въ попыткахъ къ объединенію между реформатами и лютеранами. Въ 1661 г. онъ возвратился въ Цюрихъ, съ 1662 г. сдѣлался тамъ постояннымъ ректоромъ и усердно работалъ въ качествѣ члена коллегіи для пересмотра перевода Библіи. Принявъ послѣ долгаго колебанія предложеніе въ Лейденъ, онъ вскорѣ передъ самымъ отъѣздомъ туда утонулъ вмѣстѣ съ сыномъ и двумя дочерьми при плаваніи на лодкѣ на Лимматѣ, будучи всего 47 лѣтъ отъ роду. Слава его, какъ ученаго, основывается на его сочиненіи, направленномъ противъ ораторіанца Марина, старавшагося тенденціозно выдвигать Самаританское Пятокнижіе (1644 г.). Изъ другихъ его многочисленныхъ сочиненій можно упомянуть: «Указатель, гдѣ можно находить истинную вѣру» (1647 г., въ 3 томахъ), «Филологическое сокровище» (1649 г.), «Церковная исторія Новаго Завѣта, съ присоединеніемъ исторіи іудеевъ, язычниковъ и магометанъ» (1651 г., въ 9 томахъ), «Двѣ книги халдейско-сирійской грамматики» (1652 г. и слѣд.).

Оставшіяся послѣ него рукописи хранятся въ цюрихской городской библіотекѣ.

ГОТШАЛКЪ—монахъ и виновникъ спора о предопредѣленіи въ IX вѣкѣ. Еще ребенкомъ будучи принесенъ въ монастырь Фульдскій, онъ впослѣдствіи, выросши, заявлялъ, что это было сдѣлано противъ его воли. Соборъ майнцскій (829 г.) высказался въ пользу снятія съ него обѣта, но его аббатъ Рабанъ отказалъ въ этомъ, и Г. былъ отправленъ въ монастырь орбейскій, въ діоцезѣ суассонскомъ, гдѣ и оставался монахомъ. Онъ со страстной энергіей предавался наукамъ, особенно изучалъ Августина и Фульгенція, и усвоенныя имъ воззрѣнія скрывалъ лишь съ большими усиліями. Уже въ 840 г. епископъ Нотингъ Веронскій сообщилъ Рабану, котораго онъ встрѣтилъ въ лагерѣ императора на Ланѣ, о томъ соблазнѣ, который причинилъ Г., во время своего посѣщенія Италіи, своими взглядами на предопредѣленіе, будто Богъ былъ виновникомъ зла и принуждалъ погибшихъ ко грѣху. Впослѣдствіи, когда Г. посѣтилъ Италію во второй разъ, Рабанъ, бывшій въ то время уже архіепископомъ Майнца, писалъ графу Фріульскому и предостерегалъ его противъ ересей тонкаго монаха. Г. странствовалъ съ проповѣдью по Далматіи и Панноніи до Баваріи и прибылъ въ Майнцъ весной, когда тамъ засѣдалъ общій сеймъ. Передъ соборомъ германскихъ епископовъ, собранныхъ Рабаномъ, онъ изложилъ свое ученіе о двоякомъ предопредѣленіи, и обвинялъ Рабана въ полу-пелагіанствѣ. Но его ученіе было осуждено, какъ еретическое, и онъ былъ отправленъ къ Гинкмару, архіепископу реймскому, какъ своему главѣ-митрополиту, для заключенія въ тюрьму и наказанія. Весной 849 г. Гинкмаръ собралъ соборъ французскихъ епископовъ въ Квіерсѣ, гдѣ не только ученіе Г. было осуждено, но его сочиненія были сожжены, и онъ самъ подвергнутъ жестокому бичеванію, а затѣмъ полуживой заключенъ въ тюрьму въ монастырѣ Отвильерскомъ. Однако онъ оставался твердымъ до конца. Когда на смертномъ одрѣ (868 г.) ему предложили причаститься подъ условіемъ, чтобы онъ отрекся отъ своихъ воззрѣній, то онъ отказался принять его. См. также подъ сл. *Предопредѣленіе*.

ГОТШАЛКЪ—правитель вендовъ (или лужичанъ) и мученикъ, былъ воспитанъ въ монастырѣ св. Михаила въ Люненбургѣ, но оставилъ монаховъ, отрекся вмѣстѣ съ тѣмъ и отъ христіанства, какъ только услышалъ, что его отецъ Уто, правитель вендовъ, былъ убитъ однимъ саксонцемъ. Съ цѣлью отмщенія, онъ поднялъ своихъ соотечественниковъ для отчаянной войны противъ саксонцевъ, причемъ война сопровождалась избіеніемъ христіанъ и разрушеніемъ ихъ церквей. Но Г., наконецъ, былъ разбитъ герцогомъ Бернардомъ Саксонскимъ, взятъ въ плѣнъ и въ плѣну вновь принялъ христіанство. Послѣ десятилѣтняго пребыванія при дворѣ Канута Великаго, короля Даніи и Англіи, онъ отправился обратно въ страну вендовъ и съ помощью Канута объединилъ (1047) Голштейнъ, Мекленбургъ, Померанію и Бранденбургъ въ одно сильное Вендское королевство. Самъ онъ сдѣлался однимъ изъ наиболѣе ревностныхъ миссіонеровъ христіанства, какіе только трудились въ этихъ странахъ. Онъ перевелъ богослужебныя книги на вендскій языкъ, строилъ школы, церкви и монастыри, и самъ проповѣдывалъ своимъ подданнымъ. Но среди вендовъ продолжала таиться ненависть къ христіанству, и она еще разъ дала о себѣ знать: 7 іюня 1066 г. Г. былъ убитъ своими языческими соотечественниками.

Источниками для его жизни служатъ *Адамъ Бременскій*, Gesta Pontif. Hammab., III, и *Гельмольдъ*, Chron. Slav. I, 20.

ГОТЫ—народъ, жившій въ странахъ по сѣв. берегу Чернаго моря отъ Дуная до Дона. Въ половинѣ III вѣка произошло столкновеніе между ними и римлянами, и они разбили и убили императора Деція, въ 251 г. Десять лѣтъ спустя, они завели флотъ, взяли Требизондъ, разрушили храмъ Діаны въ Ефесѣ и ограбили Аѳины (262 г.). Прошло еще десять лѣтъ, и, несмотря

на сильное бѣдствіе, постигшее ихъ въ это время, они принудили (272 г.) импер. Авреліана уступить имъ провинцію Дакію, которую они занимали въ теченіе почти столѣтія. Въ это время состоялось раздѣленіе ихъ на остготовъ или восточныхъ готовъ, жившихъ къ востоку отъ Прута, и вестготовъ, т. е., западныхъ готовъ, жившихъ къ западу отъ Прута. За это же время они познакомились и съ христіанствомъ. Изъ своихъ походовъ въ Мизію, Ѳракію и Малую Азію они приводили христіанскихъ плѣнниковъ, и эти-то плѣнники и посѣяли между ними первыя сѣмена христіанства. Въ одномъ письмѣ, въ которомъ сообщается о мученичествѣ Саввы (Acta ss. подъ 12 апрѣля), христіане среди готовъ обращались къ каппадокійскимъ христіанамъ, какъ къ своей матери-церкви; и какой успѣхъ христіанство имѣло, благодаря этому обстоятельству, объ этомъ можно судить по тому, что на никейскомъ вселенскомъ соборѣ (325 г.) былъ уже готскій епископъ (Ѳеофилъ, митрополитъ Готіи). Полное обращеніе готовъ однако было дѣломъ Улфилы (318—388 гг.). Онъ трудился среди вестготовъ, но его вліяніе простиралось также и на остготовъ. Однако введенное имъ среди Г. христіанство имѣло аріанскую форму, и, когда въ послѣдней половинѣ IV вѣка значительная часть вестготовъ, оттѣсненная за Дунай гуннами, поселилась въ предѣлахъ Восточной имперіи, у нихъ возникли столкновенія съ православной церковью. Импер. Ѳеодосій (379—395 гг.), повидимому, относился къ этому предмету съ большою осторожностью; но его старанія присоединить Г. къ православной церкви не удались, какъ не удались также и старанія въ этомъ отношеніи со стороны св. Іоанна Златоуста.

Вскорѣ послѣ смерти Ѳеодосія, вестготы поднялись и начали вести бродячую жизнь. Во главѣ съ Аларихомъ они сдѣлали нашествіе на Грецію (395 г.), взяли и ограбили Аѳины. Въ 402 г. они вторглись въ Италію, и въ 410 г. взяли и ограбили Римъ. Но отъ этого бѣдствія пострадало язычество, а не христіанство. Жители-язычники разбѣжались, между тѣмъ какъ христіане оставались и даже обогатились чрезъ присвоеніе себѣ языческихъ храмовъ и превращеніе ихъ въ христіанскія церкви. Сынъ Алариха, Атаульфъ, женатый на Плацидіи, сестрѣ императора Гонорія, оставилъ Италію и основалъ въ южной Галліи готское царство, сдѣлавъ своей резиденціей Тулузу. Изъ правителей этого царства Теодорихъ I сражался рядомъ съ правителемъ Галліи, Аеціемъ, на Каталаунской равнинѣ (451 г.) противъ Аттилы, а Теодорихъ II вторгся въ Испанію и завоевалъ ее (456 г.). Сначала аріанскіе Г. мирно жили среди православныхъ римлянъ и латинизированныхъ кельтовъ въ Галліи; но когда король Эврикъ (466—483 гг.), частью изъ религіозныхъ, а частью изъ политическихъ причинъ, началъ гоненіе, то православные вошли въ союзъ съ франкскимъ королемъ Хлодвигомъ, который разбилъ Г. при Вуглѣ, близъ Пуатьера (507 г.), и прогналъ ихъ за Пиринеи. Въ Испаніи готское королевство процвѣтало, пока не разрушено было сарацинами послѣ битвы при Хересъ-дела-Фронтера (711 г.). Но въ Испаніи Г. обратились въ православіе. На соборѣ толедскомъ (581 г.) аріане, при королѣ Леогсвильдѣ, и православные, во главѣ со своимъ митрополитомъ Леандеромъ, составили общее засѣданіе, на которомъ происходили горячія пренія, и результатомъ ихъ было то, что на слѣдующемъ толедскомъ соборѣ (589 г.) король Реккаредъ и большинство его готскихъ подданныхъ отказались отъ аріанства.

Между тѣмъ остготы сначала послѣдовали за Аттилой и вмѣстѣ съ нимъ сражались противъ Аеція и Теодориха; затѣмъ, послѣ смерти Аттилы, они отдѣлились отъ гунновъ и поселились въ Панноніи, гдѣ, наконецъ, во главѣ съ своимъ великимъ королемъ Теодорихомъ (475—526 гг.) они завоевали Иллирію и Ѳессалію у восточной имперіи, нѣсколько разъ разбили Одоакра въ сѣв. Италіи, взяли Римъ и составили большое государство, имѣвшее на сѣверо-западѣ и сѣверѣ своими границами Рону и Дунай, при чемъ сто-

лицей ихъ была Равенна. Остготы были также аріане, но отношенія Теодориха съ православною церковью въ Италіи были самыя дружественныя. Онъ покровительствовалъ ей и обогощалъ ее, что, быть можетъ, отчасти зависѣло отъ вліянія на него его совѣтника Кассіодора. Только когда восточный римскій императоръ Юстинъ издалъ эдикты противъ аріанъ среди своихъ подданныхъ и даже воздвигъ гоненіе противъ нихъ, Теодорихъ этимъ вызванъ былъ если не на возмездіе, то, по крайней мѣрѣ, на самозащиту. Онъ отправилъ епископа римскаго Іоанна въ Константинополь, и такъ какъ это посольство не имѣло успѣха, то онъ сталъ подозрѣвать заговоръ; папа былъ заключенъ въ тюрьму, и сенаторы Симмахъ, Альбинъ и Боетій были обезглавлены. Но Теодорихъ умеръ въ слѣдующемъ году, и съ его смертью немедленно началось распаденіе остготскаго государства. Въ теченіе слѣдующихъ двадцати-шести лѣтъ, или до пораженія Тейяса Нарзесомъ (552 г.), религіозные вопросы совершенно не затрогивались. Со смерти Тейяса не только остготское государство, но и сами остготы исчезли изъ исторіи.

Aschbach, Geschichte d. Westgothen, Francfort, 1827; *Köpke*, Das Königthum bei den Gothen, Berlin, 1859; и особенно см. у *Гиббона* въ его «Исторіи упадка и разрушенія Римской имперіи».

ГОФМАННЪ Іоганнъ Хр. Карлъ,—извѣстный въ свое время богословъ, оказавшій глубокое вліяніе на современниковъ (род. въ 1810 г. въ Нюренбергѣ, гдѣ подъ руководствомъ своей бѣдной, но благочестивой матери, былъ воспитанъ въ глубокомъ уваженіи къ религіи; ум. въ 1877 г. въ Эрлангенѣ). Въ 1827 г. онъ пѣшкомъ отправился въ эрлангенскій университетъ, а въ 1829 г.,—въ берлинскій университетъ. Въ это время читали лекціи Гегель, Шлейермахеръ, Неандеръ и Генгстенбергъ. Но Г. отдался почти исключительно историческимъ наукамъ и слушалъ Ранке и Раумера. Пробывъ нѣсколько лѣтъ преподавателемъ гимназіи въ Эрлангенѣ, онъ сдѣлался репетиторомъ въ университетѣ, и въ 1835 г. писалъ: «Чѣмъ болѣе я занимаюсь толкованіемъ Св. Писанія, тѣмъ сильнѣе убѣждаюсь въ несомнѣнности того, что слово Божіе есть одно цѣльное твореніе, и тѣмъ болѣе я проникаюсь радостной надеждой, что наше поколѣніе будетъ свидѣтелемъ побѣды боговдохновенной истины... Было бы странной невозможностью, чтобы пророчества пророковъ и апостоловъ оказались ложными, между тѣмъ какъ ихъ ученія истинны; потому что здѣсь форма и содержаніе, фактъ и ученіе тождественны, и это есть отличительная черта богооткровенной истины .. Молю Бога, да сподобитъ Онъ меня увидѣть, что Христосъ, нынѣ распинаемый Его врагами, возстанетъ Самъ Собою, дабы я могъ вложить мои руки въ язвины отъ гвоздей и, во славѣ побѣды, познать Того, Кого я доселѣ любилъ въ уничиженіи Его борьбы и страданія». Въ 1841 г. онъ былъ сдѣланъ профессоромъ въ Эрлангенѣ, въ слѣдующемъ г. принялъ приглашеніе въ Ростокъ, смѣнявъ аудиторію со ста слушателями на аудиторію съ тремя только слушателями, и возвратился въ 1845 г. въ Эрлангенъ, гдѣ съ этого именно времени начался періодъ новаго процвѣтанія университета. Во время пребыванія въ Ростокѣ, онъ съ глубокимъ интересомъ относился къ церковнымъ дѣламъ, ревностно трудился вмѣстѣ съ Вихерномъ и др. въ дѣлѣ внутреннихъ миссій. Первымъ его богословскимъ трудомъ было сочиненіе: «Семьдесятъ лѣтъ Іереміи и семьдесятъ седминъДаніила» (1736 г.). Семьдесятъ седминъ Даніила онъ считалъ, какъ 62+1+7 (см. Даніилъ). Шестьдесятъ двѣ седмины простираются отъ 605—171 гг. до Р. Х., одна седмина съ 171—164 г., а остальныя семь составляютъ промежуточный періодъ до пришествія Христа. Его книга: «Пророчества и исполненіе ихъ въ Ветхомъ и Новомъ Завѣтѣ» (1841—1844 гг.) вышла какъ разъ въ то время, когда преобладали два взгляда на пророчество. Генгстенбергъ понималъ его въ смыслѣ простого предсказанія; спекулятивная критика превращала его въ простой обзоръ и ставила пророчество послѣ событія. Г. поставилъ про-

рочество въ тѣснѣйшую связь съ исторіей и разсматривалъ его, какъ органическое цѣлое. Сама исторія есть пророчество, и всякій періодъ содержитъ зародышъ будущаго и предъизображаетъ его. Вся свящ. исторія есть пророчество о конечномъ и вѣчномъ отношеніи между Богомъ и человѣкомъ. Главное значеніе этого сочиненія состоитъ въ доказательствѣ, что Ветхій и Новый Завѣты суть части цѣльной исторіи спасенія, при чемъ раскрываютъ постепенную реализацію искупленія человѣческаго рода свыше. Второй большой трудъ Г.: «Апологія Св. Писанія» (D. Schriftbeweis, 1852—1856 гг., въ 2 т.; 2-е изд. 1857—1860 гг.) представляетъ собою попытку доказать подлинность и божественное происхожденіе христіанства на основаніи его собственныхъ лѣтописей.

Изъ другихъ сочиненій Г. извѣстны: «Св. Писаніе Новаго Завѣта» (1862—1881 гг., въ 9 ч.), «Богословская Этика» (1878 г.), «Разныя статьи» (Эрлангенъ, 1878 г.), «Энциклопедія Богословія» (1879 г.) и «Библейская Герменевтика» (1870 г.) и др.

ГРААЛЬ святая—названіе чаши, изъ которой Спаситель, въ ночь совершеннаго надъ Нимъ предательства, вкушалъ пасхальнаго агнца. По западному преданію, эта чаша была взята изъ горницы Іосифомъ Аримаѳейскимъ, который собиралъ въ нее кровь изъ ранъ Христа, когда тѣло было снято съ креста. Іосифъ, будто бы, увезъ ее съ собою въ Британію, куда онъ былъ посланъ ап. Филиппомъ. Св. Грааль играетъ большую роль въ Артуровыхъ Легендахъ и служитъ предметомъ одной изъ идиллій Теннисона. Ей приписывались чудесныя свойства. Благодаря ей, Іосифъ Аримаѳейскій, будто бы, жилъ безъ всякой пищи въ теченіе сорока-двухъ лѣтъ, когда былъ заключенъ въ тюрьму іудеями, и ею же былъ духовно озаренъ. Одинъ изъ преемниковъ Іосифа, къ которому перешла св. Грааль, оказался недостойнымъ, и чаша исчезла. Рыцари Артура старались вновь добыть ее, но ее могъ найти только человѣкъ, не осквернившій своего цѣломудрія. Нѣсколько церквей во Франціи и Италіи спорили о томъ, что онѣ именно обладаютъ этой чашей, и теперь въ Генуѣ есть чаша, привезенная въ 1101 г. крестоносцами, которую одно время считали именно св. Грааль. Эти легенды, виновникомъ которыхъ считается Вальтеръ Мабъ, каноникъ салисбюрійскій, въ XII столѣтіи изъ Англіи распространились по всей Европѣ и пользовались широкой популярностью въ теченіе всѣхъ среднихъ вѣковъ.

ГРАДЪ Божій—Іерусалимъ (Пс. **86**, 3); гр. іудовъ—Хевронъ (Лук. **1**, 39), данный потомкамъ Аарона изъ колѣна Іудина (нав. **21**, 9); гр. свой (Христовъ)—Капернаумъ, гдѣ жилъ І. Христосъ (Матѳ. **9**, 1); грады убѣжещныхъ (Числъ **35**, 6)—6 левитскихъ городовъ, въ коихъ неумышленные убійцы находили безопасное убѣжище отъ мщенія и оставались до смерти первосвященника послѣ коей они дѣлались безопасными и свободными и внѣ ихъ (І. Нав. **20**, 7, 8); градъ финиковъ—Іерихонъ (Втор. **34**, 3; Суд. **1**, 16), такъ какъ онъ былъ богатъ финиками (Плин. кн. 13, гл. 4.); градъ Горній, или «Горняя», на западъ отъ Іерусалима въ 3-хъ часахъ пути; здѣсь жили Захарія и Елизавета и род. Іоаннъ Предтеча. Въ настоящее время здѣсь правосл. храмъ во имя иконы Казанской Б. М., монастырь, пріютъ и домъ для богомольцевъ, а также католич. монастырь и храмъ, гдѣ подъ престоломъ показываютъ мѣсто рожд. Предтечи Господня. **Н. М.**

ГРАМОТЫ: *ставленыя*,—такъ назывались и называются грамоты, выдаваемыя членамъ клира посвятившимъ и поставившимъ ихъ епископомъ въ доказательство правильности ихъ поставленія и полномочій на отправленіе должности. Первое, наиболѣе ясное и прямое, указаніе на ихъ установленіе находимъ въ 100-мъ прав. соб. карѳагенскаго, которое требуетъ, чтобы «отнынѣ» поставляемые въ африканскихъ областяхъ получали грамоты отъ рукополагавшихъ за подписью этихъ послѣднихъ и съ указаніемъ года и числа рукоположенія, чтобы не было сомнѣній, кто старшій и кто младшій. Но

и ранѣе этого времени и послѣ существовало нѣсколько особыхъ видовъ грамотъ, въ которыхъ также упоминалось о рукоположеніи и полномочіяхъ по отправленію богослуженія и совершенію таинствъ, или же свидѣтельствовалось о принадлежности даннаго лица къ извѣстной христіанской общинѣ. Таковы были *представительныя* гр-ты (*γράμματα συστατικά*), которыя выдавались отъ мѣстнаго епископа священнослужителямъ въ удостовѣреніе законности ихъ рукоположенія и полномочій на случай ихъ перехода въ предѣлы другой епархіи (12 и 33 прав. св. апост.). И только лицу, снабженному такой грамотой, могли быть оказаны въ предѣлахъ иной епархіи подлежащее уваженіе и братское общеніе и, между прочимъ, дозволено совершеніе литургіи и произнесеніе поученій (IV всел. соб. пр. 13 и др.). Ушедшій изъ своей епархіи безъ этой грамоты лишался предоставленныхъ ему правъ, какъ, равнымъ образомъ, не оставался безъ взысканія и принявшій его епископъ (апост. пр. 15; I всел. соб. пр. 15—16; IV всел. соб. пр. 5, 10, 20; VI всел. соб. пр. 17 и 18; Ант. соб. пр. 3 и 8; Сардик. соб. пр. 16). Иногда эти грамоты назывались *увольнительными* (VI всел. соб. пр. 17), *каноническими* (Ант. соб. пр. 8-е), *правильными* (Лаодик. соб. пр. 41). Что всѣ эти виды грамотъ напоминали по своему значенію ставленыя, видно изъ того, что наша славянская Кормчая, въ толкованіи на вышеуказанное 33 пр. св. апост., называетъ представительную грамоту «ставильнымъ писаніемъ», т. е. ставленою грамотою. Представительныя грамоты выдавались иногда и мірянамъ, имѣя значеніе или простой рекомендаціи предъ предстоятелями и членами другихъ христіанскихъ общинъ, или же удостовѣренія въ дѣйствительной принадлежности даннаго лица къ православію (2 Кор. 3, 1). Наконецъ, мірянамъ, почему-либо обѣднявшимъ и нуждавшимся въ поддержкѣ другихъ, также выдавались особыя грамоты, называвшіяся *мирными* (γραμ. εἰρηνικά) и, несомнѣнно, отличавшіяся отъ представительныхъ по формѣ и содержанію (IV Всел. соб. пр. 11). Если имѣть въ виду, что русская церковь первоначально во всемъ руководилась практикою церкви греческой, то слѣдуетъ допустить, что и обычай давать клирикамъ особыя грамоты, при посвященіи и поставленіи на мѣста, былъ извѣстенъ въ ней очень рано Однако образцы такихъ грамотъ сохранились лишь отъ начала IV ст. (Ист. россійск. ѳепархіи *Амвросія*, ч. IV, стр. 559—560). Обыкновенно въ нихъ обозначались: имя епископа, при которомъ рукоположенъ ставленникъ, церковь, къ которой онъ назначенъ, право его литургисать, вязать и рѣшить, запрещеніе самовольно переходить отъ назначенной ему церкви, годъ (отъ сотворенія міра, мѣсяцъ и число посвященія). Но единообразной формы такихъ грамотъ не было (Акт. истор. т. I. № 109). Такое единообразіе вводится лишь въ патріаршій періодъ, когда ставленникамъ начали выдаваться печатныя грамоты; причемъ патріархъ Іоакимъ подписывалъ ихъ собственноручно, а при патр. Адріанѣ лишь вверху грамоты печаталось его имя. Къ грамотамъ этого періода обыкновенно прикладывалась двойная печать изъ краснаго воска, на одной сторонѣ которой былъ изображенъ образъ Успенія Божіей Матери, и на другой—двѣ благословляющія руки. По учрежденіи свят. синода, форма ставленной грамоты не была измѣнена и лишь на грамотахъ для священнослужителей синодальной области имя патріарха было замѣнено именемъ свят. синода, а патріаршая печать — печатью синодальной (Полн. собраніе пост. и распор. по вѣд. прав. исп. II, № 447, стр. 91). Нынѣшняя форма ставленыхъ грамотъ установлена въ 1738 г. (23 янв.); но нѣкоторыя измѣненія внесены лишь въ священническую ставл. грамоту въ 1864 г. по указанію митрополита моск. Филарета. Митрополитъ Филаретъ, между прочимъ, указалъ, что въ этой послѣдней грамотѣ вкралась католическая черта ученія объ елеопомазаніи, какъ о послѣднемъ, предсмертномъ помазаніи (extrema unctio) болящаго, и находилъ необходимымъ сдѣлать подле-

жащее измѣненіе, какъ въ этомъ пунктѣ, такъ и въ нѣкоторыхъ другихъ.

Вслѣдствіе этого святѣйшій синодъ, опредѣленіемъ 18 мая—10 іюня 1864 г., постановилъ: заготовить нынѣ же и впредь печатать ставленыя священническія грамоты съ тѣми измѣненіями, какія преосвященнымъ митрополитомъ московскимъ указаны, а именно: на 10-й строкѣ, сверху, слово *послѣднее* опустить, а слово *елеомазаніе* замѣнить словомъ *елеопомазаніе*; на 19 стр. слово *прочимъ* опустить; на 20-й слово *селенскаго* исправить на слово *вселенскаго*; на строкѣ 27-й выраженія: *грабежества и хищенія каковымъ-либо образомъ творити*—замѣнить: *корысти себѣ истязати отъ братіи*; на строкѣ 36-й слово: *памятно*, замѣнить *въ памяти*; слово *изоустъ*—опустить; слово *умѣти* измѣнить *имѣти* (Дѣло канцеляріи свят. синода 1864 г., № 808; мнѣніе митр. Филарета см. въ Собр. мнѣній и отзыв., т. V, ч. 2, стр. 558). Затѣмъ измѣненіе текста ставленой грамоты священника и діакона было произведено въ концѣ истекшаго столѣтія. Именно, въ 1897 г. святѣйшій синодъ, опредѣленіемъ 1/8 апрѣля, постановилъ: принимая во вниманіе, что существующая съ 1738 г. форма ставленыхъ священническихъ грамотъ, по содержанію своему, составлена на случаи рукоположенія ставленниковъ епархіальнымъ архіереемъ, и имѣя въ виду, что по закону (уст. дух. конс., ст. 70) и по издавна установившейся практикѣ, ставленыя грамоты священнослужителямъ должны быть выдаваемы епархіальнымъ архіереемъ, въ вѣдѣніи коего состоятъ священнослужители, хотя бы рукоположеніе ихъ совершалось иноепархіальнымъ архіереемъ или викарнымъ,—1) поставить въ извѣстность епархіальныхъ преосвященныхъ, что ставленыя грамоты священнослужителямъ, рукополагаемымъ иноепархіальнымъ архіереемъ или викарнымъ, должны быть подписываемы и выдаваемы епархіальнымъ архіереемъ, въ вѣдѣніе коего поступаютъ эти священнослужители, при чемъ въ грамотахъ должно быть обозначено, когда и кѣмъ рукоположено извѣстное лицо въ священный санъ и, для сего,—2) измѣнить, на случай рукоположенія ставленниковъ иноепархіальнымъ архіереемъ или викарнымъ, нынѣ существующую форму грамоты слѣдующимъ образомъ: въ іерейской грамотѣ, послѣ словъ: «о немъ увѣрившеся» вставить слова: «судихомъ достойна быти святаго сана пресвитерскаго» и далѣе «по обычаю же и чину Святыя Апостольскія Восточныя Церкви и по нашему благословенію, содѣйствующу томуждe Животворящему и Всесовершающему Святому Духу, рукоположенъ», послѣ этого пропускъ для вставки—когда и кѣмъ рукоположенъ; затѣмъ «во іереа ко храму» и послѣ пропуска для вставки къ какому храму рукоположенъ: «и онъ, іерей N. N., имѣетъ власть»; въ концѣ грамоты, вмѣсто словъ «нами рукоположенъ и благословенъ», напечатать: «рукоположенъ и нами благословенъ»; въ нынѣ же существующей формѣ діаконской грамоты слова «рукоположеніемъ посвятихомъ» замѣнить словомъ «рукоположенъ» (когда и кѣмъ) и далѣе вмѣсто словъ: «и повелѣхомъ ему» поставить: «подобаетъ ему діакону N. N.»; въ словахъ: «по нашему архіерейскому рукоположенію, благословенію и повелѣнію» опустить слово «рукоположенію»; выраженіе: «всебогатодавца здѣ пристяжетъ» замѣнить словами: «богатаго въ милости Господа здѣ пріобрящетъ»; опустить слово: «смотреливу» и въ концѣ грамоты «яко отъ насъ сей» опустить слово «отъ насъ» и слова: «іеродіаконскій», «іеродіаконство» и «іеродіаконъ» замѣнить словами: «діаконскій», «діаконство» и «діаконъ» (см. «Церк. Вѣд.» 1897 г. № 18—19). Но этотъ порядокъ не примѣняется къ лицамъ, опредѣляемымъ на священнослужительскія мѣста по *военному* вѣдомству, такъ какъ они, по разъясненію святѣйшаго синода («Церк. Вѣд.» 1898 г., № 10), обыкновенно рукополагаются и получаютъ ставленыя грамоты въ епархіяхъ не по мѣсту ихъ назначенія, а по мѣсту предшествующей ихъ службы или жительства. Ставленая грамота, подписанная рукоположившимъ архіереемъ, должна быть прочитана мѣстнымъ благочиннымъ въ

той церкви, къ которой новопроизведенный священникъ опредѣленъ (36 § инструкц. благочинн.); въ случаѣ подпаденія священноцерковнослужителей подъ важныя обвиненія, особенно въ преступленіяхъ уголовныхъ, грамоты, на основаніи § 34 той же инструкціи, отбираются отъ нихъ и препровождаются благочиннымъ въ консисторію; отбираются онѣ точно также, на основаніи указа святѣйшаго синода, отъ 9 мая 1835 года за № 5432, и у заштатныхъ—главнымъ образомъ съ цѣлію предъотвратить опасность блужданія ихъ съ мѣста на мѣсто.

Гр. благословенныя, или благословительныя обыкновенно заключали въ себѣ благословеніе высшей духовной власти (патріарха, митрополита, епископа) на учрежденіе чего-либо, или на начало какого-либо дѣла. Напримѣръ, такая грамота выдавалась на разрѣшеніе какой-либо церковной службы. Благосл. грамотой называлась и извѣстная грамота константинопольскаго патріарха Іереміи, коей московскій патріархъ былъ признанъ пятымъ патріархомъ, а россійскимъ митрополитамъ и архіепископамъ было предоставлено право поставлять его на патріаршій престолъ. Б. грамоты получались священнослужителями при отправленіи ихъ къ назначеннымъ имъ церквамъ. Въ настоящее время въ русской православной церкви извѣстны нѣсколько видовъ благ. грамотъ: гр. съ благословеніемъ святѣйшаго синода, выдаваемыя по представленію епархіальныхъ начальствъ какъ духовнымъ, такъ и свѣтскимъ лицамъ; таковыя же грамоты, выдаваемыя епархіальными архіереями свѣтскимъ лицамъ, преимущественно церковнымъ старостамъ, за ихъ попечительность о церкви Божіей; грам. на скуфью, набедренникъ и санъ протоіерея и грам. храмозданныя, выдаваемыя въ видѣ благословенія и разрѣшенія на построеніе храма.

Гр. епитрахильныя и орарныя выдавались у насъ въ древней Россіи архіереями вдовымъ священникамъ и діаконамъ, если они давали обѣщаніе вести строгонравственную жизнь и не участвовать въ богослуженіи, а лишь пѣть и читать на клиросѣ; епитрахиль же и орарь дозволялось имъ держать дома и возлагать ихъ на себя лишь при причащеніи св. Таинъ.

Гр. душевныя—въ древности то же, что и завѣщанія.

Гр. льготныя — таковыми давались монастырямъ и духовенству различныя льготы въ несеніи повинностей.

Гр. наказныя—таковыми епархіальные архіереи старались упорядочить теченіе монастырской жизни, почему въ нихъ и встрѣчаются строгія предписанія, правила пользованія монастырскими доходными статьями, отчетности и т. п.

Гр. тарханныя—отъ татарскаго слова «тарханъ»—вольный, свободный человѣкъ,—дѣлаются извѣстными со времени татарскаго ига, когда татары выдавали духовенству «тарханные ярлыки» на различныя льготы. Позже такими грамотами стáли называться грамоты, утверждавшія за патріархомъ, митрополитами и епископами «тарханное право», т. е. право быть судимымъ только государемъ и не нести никакихъ повинностей. Хотя право это, а съ тѣмъ вмѣстѣ и выдача утверждавшихъ оное грамотъ, были отмѣнены при Іоаннѣ IV, на практикѣ оно встрѣчалось еще и въ XVIII ст.

Гр. настольныя являются какъ бы ставлеными грамотами, но только высшимъ лицамъ церковной іерархіи—митрополитамъ и епископамъ, такъ какъ выдавались имъ при настолованіи или возведеніи на епархіальную каѳедру. Въ грамотахъ этихъ обыкновенно сначала объявлялась о поставленіи такого-то лица на такую-то каѳедру; затѣмъ указывались права, опредѣляющія объемъ власти поставляемаго, а въ концѣ помѣщалось приглашеніе всѣхъ вѣрныхъ христіанъ оказывать надлежащее почтеніе поставленному. *Н. Марковъ.*

ГРАССЪ *Карлъ Конрадъ* родился 8-го апрѣля 1870 г. въ курляндской губерніи и, по окончаніи курса въ митавской гимназіи, поступилъ въ дерптскій (нынѣ юрьевскій) университетъ, гдѣ съ августа 1888 г. до Рождества 1892 г. спеціально изучалъ богословіе. Еще

здѣсь за проповѣдь на текстъ Еф. 2, 14—16 Г. удостоенъ серебряной медали, а сочиненіе (напечатанное, понѣмецки, въ Спб.) на тему: «адресовано ли посланіе къ Евреямъ къ христіанамъ изъ язычниковъ»? доставило ему и золотую медаль. Послѣ небольшого перерыва, съ осени 1893 г., въ теченіе года Г. занимался при университетахъ эрлянгенскомъ и лейпцигскомъ, когда приготовлены имъ два сочиненія: «Объ отношеніи къ Іисусу по изреченіямъ Господа въ трехъ первыхъ Евангеліяхъ» и «Объ отношеніи къ царству Божію по изреченіямъ Господа въ трехъ первыхъ Евангеліяхъ». За первый изъ этихъ трудовъ авторъ удостоенъ 21-го апрѣля 1895 г. юрьевскимъ университетомъ степени магистра богословія и съ 28-го апрѣля въ теченіи двухъ семестровъ читалъ лекціи, главнымъ обвазомъ. по новозавѣтной экзегетикѣ и частію по догматикѣ (о «системѣ» Франка), а въ іюнѣ 1896 г. былъ командированъ во внутреннія губерніи Россіи съ научною цѣлію. Затѣмъ Г. былъ законоучителемъ главнаго нѣмецкаго училища при лютеранской церкви св. Петра въ С.-Петербургѣ, а 13-го августа 1901 г. переведенъ на таковую же должность въ юрьевское реальное училище, при чемъ съ 9-го октября вновь назначенъ приватъ-доцентомъ экзегетическаго богословія при юрьевскомъ университетѣ. Кромѣ многихъ сообщеній въ журналахъ, Г. принадлежатъ слѣдующіе труды: «О новозавѣтныхъ свидѣтельствахъ касательно рожденія Христа» (въ «Учен. Запискахъ Юрьевск. У—та» за 1895 г.); «Краткое истолкованіе 1 посланія Іоанна» (Рига. 1897 г.); «Къ ученію о божествѣ Іисуса Христа» (Гютерслогъ. 1900 г.; см. о немъ «Христ. Чтеніе» 1901 г., XI, 806 — 807); «Исторія догматики въ русскомъ изложеніи» (тамъ же, 1902 г.; см. «Церк. Вѣстникъ» 1902 г., № 44, 1398—1399). Ученая карьера Г. еще только начинается, но начинается она при такихъ добрыхъ предзнаменованіяхъ, что «положительное» богословіе имѣетъ всѣ основанія видѣть въ немъ своего надежнаго работника. *Н. Гл—скій.*

ГРАТРИ,—франц. писатель-богословъ род. въ Лиллѣ, 1805 г.; ум. въ Монтре, близъ Лозанны, 1872 г.; учился въ Парижѣ, но, порѣшивъ посвятить свою жизнь на служеніе Богу, вступилъ въ монастырь Бухенбергскій, въ Вогезахъ. Послѣ революціи (1830 г.) монастырь былъ закрытъ, и отецъ Г. былъ назначенъ учителемъ богословія и философіи, сначала въ семинаріи въ Страсбургѣ (1830—1842 гг.), впослѣдствіи въ станиславовской коллегіи въ Парижѣ (1842—1847 гг.). Въ 1852 г. онъ возобновилъ орденъ ораторіанцевъ, и съ 1868 г. читалъ лекціи по богословію и философіи въ Сорбоннѣ. Онъ держался направленія, нѣсколько похожаго на направленіе Ламенне, Лакордера и Монтоламбера, но былъ человѣкъ болѣе мягкаго и поэтическаго настроенія. Во время ватиканскаго собора онъ издалъ четыре письма въ опроверженіе ученія о папской непогрѣшимости, но, когда догматъ былъ провозглашенъ, онъ принялъ его. Большая часть его твореній имѣютъ полуназидательный, полунаучный характеръ, каковы: «Познаніе Бога», «Письма о религіи» (противъ позитивизма), «Нравственность и законы исторіи» (изложеніе его соціальныхъ идей), «Размышленія», и проч.

ГРАЦІАНЪ—римскій императоръ; род. въ Сирміи, 359 г.; убитъ въ Ліонѣ, 25 авг. 383 г.; послѣ своего отца, Валентиніана I, наслѣдовалъ престолъ Западно-Римской имперіи, въ 375 г., а отъ своего дяди Валента—престолъ Восточно-Римской имперіи, въ 378 г. Въ этомъ послѣднемъ году онъ избралъ Θеодосія своимъ соправителемъ. Политика, которой онъ держался по отношенію къ церкви и въ которой онъ пошелъ еще дальше подъ вліяніемъ Θеодосія, имѣла весьма важныя послѣдствія. При немъ допускалась полная религіозная свобода, т. е., язычеству, аріанству и православію предоставлено было бороться между собою своими собственными средствами. Затѣмъ на его церковную политику оказалъ сильное вліяніе св. Амвросій миланскій. Въ 376 г. Г. запретилъ еретикамъ собираться для какихъ-либо рели-

гіозныхъ цѣлей, конфисковалъ принадлежавшую ихъ церквамъ собственность и передалъ зданія православнымъ. Въ 377 г. онъ освободилъ всѣхъ служителей православной церкви, вплоть до «остіарія» (привратника), отъ всѣхъ муниципальныхъ повинностей и личныхъ налоговъ, и въ 379 г. онъ даже освободилъ отъ всякихъ пошлинъ розничную торговлю, которою низшее духовенство занималось въ Иллиріи, Италіи и Галліи. Въ 381 г. соборъ константинопольскій произнесъ анаѳему на всѣхъ, не признававшихъ никейскаго символа вѣры. Послѣ восшествія на престолъ Ѳеодосія, язычество поставлено было въ такое же положеніе, какъ и ереси. Въ 381 г. отступники отъ христіанства въ язычество лишены были права дѣлать завѣщанія. Въ 382 г. всѣ жреческія привилегіи, даже привилегіи весталокъ, и всякія пособія со стороны государства, были отняты у язычества, и недвижимыя имущества, принадлежавшія языческимъ капищамъ, были конфискованы. Затѣмъ послѣдовали эдикты противъ жертвоприношеній, гаруспицій, и т. д. Жертвенникъ побѣды, находившійся въ палатѣ сената, былъ удаленъ, и Г. отказался принять эмблемы должности Pontifix Maximus, потому что онѣ для него, какъ христіанина, были предметомъ соблазна. Понятно, что, вслѣдствіе этихъ мѣропріятій, языческіе историки сравнивали его съ Нерономъ, зато православные восхваляли его. При тогдашнихъ обстоятельствахъ, не трудно понять, что столь рѣшительныя его мѣры противъ язычества должны были возбудить во многихъ мѣстахъ недовольство. Враги воспользовались его невинными слабостями, особенно его страстью къ охотѣ и пристрастіемъ къ аланамъ, чтобы возбудить противъ него солдатъ, и поэтому онъ, при одномъ военномъ бунтѣ, былъ убитъ въ Ліонѣ, 25 авг. 385 г.

Граціанъ, составитель знаменитаго Decretum Gratiani, былъ монахъ сначала въ Клоссѣ, близъ Равенны, впослѣдствіи въ монастырѣ св. Феликса въ Болоньи, но время его рожденія и смерти неизвѣстно. Относительно его произведенія, которое онъ закончилъ въ 1131 или 1151 г., см. подъ сл. *Каноническое право.*

ГРЕГОРИ (или по его собственной русской транскрипціи «Грегорій») *К. Р.*, родомъ американецъ (въ г. Филадельфіи 6-го ноября 1846 г.), принесъ на европейскій материкъ чисто американскую предпріимчивость, которая сочеталась здѣсь съ феноменальнымъ трудолюбіемъ. Съ 1876 г. по 1884 г. Г. велъ библіографію при «Theolog. Literaturzeitung» (см. ст. Гарнакъ), въ 1878—1879 гг. пасторъ (пресвитеріанскій) въ Лейпцигѣ, съ 28 мая 1884 г. приватъ-доцентъ здѣсь же, въ 1888 г. въ американскомъ John Hopkins University профессоръ, каковымъ нынѣ состоитъ при лейпцигскомъ университетѣ. Г. является самымъ авторитетнымъ представителемъ новозавѣтной текстуальной критики. Къ ней онъ былъ привлеченъ покойнымъ К. Тишендорфомъ, и для извѣстнаго 8-го изданія его греческаго Н. З. почти цѣликомъ написалъ на латинскомъ языкѣ «Пролегомена» въ огромномъ (третьемъ) томѣ, имѣющемъ VI + 1426 страницъ (Лейпцигъ, 1894 г.). Въ послѣднее время Г. предпринялъ систематическую обработку матеріаловъ новозавѣтной текстуальной критики и въ 1900 г. выпустилъ (по-нѣмецки) обширный 1-й томъ (о немъ см. «Христ. Чт.», 1901 г., XII, 988—995); имѣется въ виду изложить и исторію навоз. канона (по-англійски). Г. утверждается на почвѣ унціальныхъ манускриптовъ, но придаетъ достаточное значеніе и позднѣйшимъ (курсивнымъ) рукописямъ (со включеніемъ литургическихъ), надъ которыми поработалъ больше всѣхъ другихъ. Г. интересуется успѣхами русской науки и старается овладѣть русскимъ языкомъ. *Н. Г.*

ГРЕГУАРЪ Анри род. въ Вего, близъ Люневилля, 1750 г.; ум. въ Парижѣ, 1831 г.; получилъ воспитаніе въ іезуитской коллегіи въ Нантѣ и сдѣлался преподавателемъ въ одной іезуитской школѣ, затѣмъ пасторомъ и епископомъ блуаскимъ (1791—1801 гг.); послѣ 1814 г. онъ совершенно удалился отъ общественной жизни. Отправлен-

ный въ качествѣ делегата на ассамблею генеральныхъ штатовъ въ 1789 г., онъ игралъ выдающуюся роль во время всей революціи, защищая наиболѣе передовые взгляды касательно общественныхъ реформъ, но часто съ большимъ мужествомъ противодѣйствуя царству террора. Онъ былъ первымъ французскимъ священникомъ, который принесъ присягу конституціи (27 дек. 1790 г.). Вслѣдствіе конкордата (1801), онъ отказался отъ своей епископской должности. Во время реставраціи онъ подвергался сильнымъ гоненіямъ со стороны ультрамонтанъ, и аббату Гильону пришлось сильно пострадать за то, что онъ далъ ему причастіе на смертномъ одрѣ. Отъ него осталось нѣсколько сочиненій, изъ которыхъ наиболѣе извѣстны: «О возрожденіи іудеевъ» (Мецъ, 1789); «О литературѣ негровъ» (Парижъ, 1808 г.): «Исторія религіозныхъ сектъ» (Парижъ, 1828 г., въ 5 томахъ); «Историческое изложеніе о вольностяхъ галликанской церкви» (Парижъ, 1818 г., 3-е изд. 1827); «О вліяніи христіанства на положеніе женщинъ» (Парижъ, 1821 г., три изданія и много переводовъ); «Исторія императорскихъ духовниковъ» (Парижъ, 1824 г.); «Исторія брака священниковъ во Франціи» (Парижъ, 1828 г.); «Мемуары Грегуара» (Парижъ, 1837 г., въ 2 том.). На своемъ смертномъ одрѣ ему пришлось выдержать еще одну борьбу до конца. Архіепископъ парижскій отказалъ ему въ елеосвященіи. Среди большихъ страданій, восьмидесятилѣтній старецъ не терялъ ни на одинъ моментъ ни мужества, ни разума, и его никакъ не могли принудить отказаться отъ своей присяги, данной имъ 27 дек. 1790 г. Противъ воли архіепископа онъ получилъ таинство елеосвященія отъ аббата Гильона. Погребеніе его было настоящимъ тріумфомъ: лошади были выпряжены изъ его печальной колесницы, и молодые люди везли ее. Въ процессіи участвовало до 20,000 народа. Надъ гробомъ Тибодо и друг. восхваляли добродѣтели умершаго. Это былъ вообще одинъ изъ типичнѣйшихъ представителей французскаго духовенства и общества въ смутный періодъ великой революціи. См. о немъ также *Рене Грегори*, «Грегуаръ, священникъ и революціонеръ» (Лейпцигъ, 1876 г.).

ГРЕЧЕСКАЯ ЦЕРКОВЬ. Греческая, иначе—греческаго королевства, церковь до 1821 г. входила въ составъ константинопольскаго патріархата, признавала надъ собою безусловную власть вселенскаго патріарха и жила общею съ великой Христовой церковью жизнью. Въ 1821 г. въ Греціи вспыхнуло возстаніе противъ ненавистнаго турецкаго ига, охватившее собою всѣ слои общества и поставившее подъ знамена національнаго войска и представителей церкви, приходскихъ клириковъ и монаховъ. Вслѣдствіе тяжелыхъ обстоятельствъ военнаго времени, пришла въ разстройство и церковная жизнь въ провинціяхъ современной Греціи. Духовенство, занятое борьбой за національную свободу, порвало сношенія съ константинопольской патріархіей, хотя зависимости своей отъ патріарха не отвергало. Константинопольскіе патріархи, быстро смѣнявшіеся на престолѣ и озабоченные благоустройствомъ ближайшихъ дѣлъ, считали безполезнымъ посылать обычныя общительныя грамоты въ возставшія мѣстности, гдѣ не было ни церковной, ни гражданской власти, а ограничивались лишь грамотами увѣщательными, призывая народъ къ подчиненію турецкому правительству. При такихъ условіяхъ, греческіе епископы и клирики поминали за богослуженіемъ «всякую православную епископію», или просто—«всякую епископію». Въ виду полнаго разстройства церковныхъ дѣлъ въ Греціи, упорядоченіемъ ихъ на первыхъ порахъ занялись такъ называемыя народныя собранія, состоявшія изъ свѣтскихъ и духовныхъ лицъ и временно усвоившія себѣ административныя права. Но эти собранія (въ г. Эпидаврѣ въ 1822 г., въ Астрѣ—въ 1823 г., въ Эрміонѣ и Трезенѣ—1827 г.) не пришли къ какимъ-либо опредѣленнымъ формамъ церковнаго управленія и ограничились одними проектами, хотя юрисдикціи вселенскаго патріарха надъ епархіями Греціи оффиціально и не отвер-

гали. Въ правленіе графа Іоанна Каподистріи (съ 11 апрѣля 1827 г.) была сначала избрана епитропія изъ пяти епископовъ для управленія церковными дѣлами, а потомъ учреждено министерство, при чемъ было возстановлено и каноническое общеніе съ вселенскимъ патріархомъ. Но неожиданная смерть Каподистріи (1831 г.) порвала его церковную дѣятельность въ самомъ началѣ. Въ январѣ 1833 г. въ Греціи водворился новый король Фридрихъ Оттонъ, семнадцатилѣтній баварскій принцъ. Въ виду его несовершеннолѣтія, было учреждено регентство изъ баварскихъ сановниковъ, во главѣ съ Маурером. Для устройства церковныхъ дѣлъ регентство образовало особую семичленную коммиссію, во главѣ съ министромъ церковныхъ дѣлъ Трикуписомъ. Коммиссія была вдохновлена вести дѣло на основѣ протестантскихъ началъ. Къ сожалѣнію, и среди грековъ нашлись лица, которыя искренно раздѣляли протестантскія воззрѣнія на положеніе церкви въ государствѣ и усердно старались осуществить ихъ въ своемъ отечествѣ. Таковъ былъ секретарь коммиссіи іеромонахъ Ѳеоклитъ Фармакидъ, учившійся въ Германіи, человѣкъ образованный и энергичный, бывшій душею коммиссіи. Онъ первый подалъ регентству мысль о провозглашеніи греческой церкви автокефальною, подъ главенствомъ короля, при томъ безъ всякаго сношенія съ константинопольскимъ патріархомъ. Въ этомъ смыслѣ коммиссія въ 1833 г. и составила проектъ устройства церкви. Правительство сначала разсмотрѣло этотъ проектъ въ совѣтѣ министровъ, затѣмъ тайно запросило епископовъ по вопросу объ автокефальности церкви и, наконецъ, созвало соборъ изъ 22-хъ епископовъ для обсужденія проекта. 23 іюля 1833 г. элладская церковь была объявлена независимой отъ константинопольскаго патріарха, а вскорѣ былъ назначенъ и синодъ для управленія ея дѣлами. Сущность канонисма 1833 г. о церковномъ устройствѣ въ Греціи заключалась въ слѣдующемъ. Православная церковь королевства греческаго, духовно не признающая иной главы, кромѣ Господа Іисуса Христа, а въ правительственномъ отношеніи имѣющая своимъ верховнымъ начальникомъ короля Греціи, автокефальна и независима отъ всякой другой власти, при точномъ соблюденіи догматическаго единства во всемъ, издревле чтимомъ всею православною восточною церковію. Верховная церковная власть находится въ рукахъ постояннаго синода, называемаго «священнымъ синодомъ королевства греческаго» и подчиненнаго верховному надзору короля; король особымъ распоряженіемъ учреждаетъ государственное министерство съ правами верховной власти, коему синодъ и будетъ подчиняться. Синодъ состоитъ изъ пяти членовъ, изъ коихъ одинъ предсѣдатель и четыре совѣтника; они опредѣляются правительствомъ срокомъ на одинъ годъ и получаютъ жалованье. Дѣла въ синодѣ рѣшаются большинствомъ голосовъ, рѣшенія заносятся въ протоколъ, который всѣми и подписывается. Въ синодѣ присутствуетъ представитель правительства—королевскій прокуроръ, безъ участія коего синодъ не имѣетъ власти дѣлать рѣшающія постановленія. Члены синода и чиновники его канцеляріи принимаютъ присягу по особой формулѣ. Во всѣхъ внутреннихъ дѣлахъ церкви синодъ дѣйствуетъ независимо отъ всякой мірской власти. Но такъ какъ верховной государственной власти принадлежитъ высшій надзоръ за всѣми дѣлами, возникающими въ государствѣ, то ни одно дѣло, подлежащее вѣдѣнію синода, не разсматривается или не рѣшается безъ предварительнаго сношенія съ правительствомъ и безъ его утвержденія. Это относится какъ къ внутреннимъ дѣламъ церкви, каковы —сохраненіе въ чистотѣ ученія вѣры, правильное совершеніе богослуженія, исполненіе клириками своихъ обязанностей, религіозное просвѣщеніе народа, церковная дисциплина, рукоположеніе клириковъ, освѣщеніе церковной утвари и церковныхъ зданій и юрисдикція въ дѣлахъ чисто-церковныхъ, такъ особенно къ дѣламъ смѣшаннаго характера, каковы: назначеніе времени и мѣста богослуженій, осно-

ваніе и упраздненіе монастырей, назначеніе и отмѣна религіозныхъ процессій, опредѣленіе на церковныя должности, указаніе границъ епархій, распоряженія касательно учебныхъ и благотворительныхъ заведеній и т. п. Епархіальные архіереи находятся подъ властью синода и ему подчиняются, опредѣляются на каѳедры и низлагаются правительствомъ по предложенію синода и получаютъ отъ правительства приличное содержаніе. Число и расположеніе епархій и приходовъ опредѣляется правительствомъ, по докладу синода. Синоду принадлежитъ верховный судъ надъ духовенствомъ и мірянами въ дѣлахъ чисто-церковныхъ, при чемъ его рѣшенія представляются на утвержденіе правительства, гражданскія же дѣла клириковъ (напримѣръ, объ имуществахъ церквей и монастырей, о постройкѣ храмовъ) подлежатъ компетенціи свѣтскаго правительства. Король имѣетъ право созывать подъ своимъ покровительствомъ церковные соборы. Во время богослуженій архіереи поминаютъ прежде короля, а потомъ синодъ. Итакъ, въ силу канонисма 1833 г. вся правительственная власть въ церкви была предоставлена королю, который признанъ главою и верховнымъ ея начальникомъ, а синодъ оказался не болѣе, какъ однимъ изъ гражданскихъ учрежденій, посему и названъ священнымъ «синодомъ королевства греческаго»; въ канонисмѣ, вопреки опредѣленію собора епископовъ (1833 г.), ничего не было сказано о томъ, что участіе короля въ церковномъ управленіи не должно противорѣчить церковнымъ канонамъ, а съ другой стороны, въ немъ не было упомянуто, что самъ синодъ долженъ управлять дѣлами по церковнымъ правиламъ. Синодъ, несмотря на свой административный характеръ, былъ подчиненъ двойственной опекѣ—министерства церковныхъ дѣлъ и королевскаго епитропа; его члены опредѣлялись только на одинъ годъ, дабы правительство съ удобствомъ могло удалять изъ него безпокойныхъ и непріятныхъ для себя членовъ.

Время весьма быстро доказало всѣ ненормальности вновь водвореннаго въ Греціи церковнаго строя и убѣдило мѣстный священный синодъ въ полной его зависимости отъ свѣтской власти. Спустя около мѣсяца послѣ изданія канонисма 1833 г., синодъ нашелъ необходимымъ возбудить предъ правительствомъ вопросъ, въ какихъ случаяхъ онъ можетъ вести непосредственную переписку съ разными церквами и гражданскими властями государства и въ какихъ долженъ предварительно испрашивать разрѣшеніе правительства. Синоду было разъяснено, что во внутреннихъ церковныхъ дѣлахъ требуется утвержденіе правительства (placet) только тогда, когда дѣло идетъ объ изданіи новыхъ законовъ и распоряженій, а во всѣхъ прочихъ случаяхъ достаточно прокурорскаго «смотрѣно». Въ дѣлахъ смѣшаннаго церковно-общественнаго характера требуется утвержденіе прокурора или министерства, смотря по важности дѣла. Судебные приговоры суда всѣ безъ исключенія нуждаются въ утвержденіи правительства. Изъ этого правительственнаго дополненія къ канонисму синодъ ясно увидѣлъ, что онъ подчиненъ правительству не только во внѣшнихъ церковныхъ дѣлахъ, но и во внутреннихъ, и горько разочаровался въ своихъ надеждахъ основать церковное управленіе на канонахъ. Напрасно синодъ просилъ правительство измѣнить первые параграфы канонисма въ духѣ соборнаго опредѣленія 1833 г. и предоставить ему нѣкоторую самостоятельность въ управленіи: правительство отвѣтило, что внесеніе въ канонисмъ постановленія о томъ, что основаніемъ церковнаго управленія должны служить церковныя правила, можетъ подать поводъ ко многимъ и вреднымъ перетолкованіямъ относительно королевскаго главенства (κυριάρχια), а по поводу вообще возраженій синода правительство отвѣтило въ рѣзкомъ грубо-угрожающемъ тонѣ, съ обвиненіемъ въ государственной измѣнѣ, побудившимъ членовъ синода принести унизительное и жалкое оправданіе. И въ обществѣ возникло сильное недовольство новымъ канонисмомъ, коимъ

въ церкви узаконялся цезаропапизмъ, т. е. королю, вопреки канонамъ, предоставлялось главенство въ церкви и власть даже надъ священнымъ синодомъ; многимъ не нравилось то, что провозглашеніе независимости греческой церкви состоялось безъ согласія константинопольскаго патріарха и т. п.

Въ 1843 году въ Греціи вспыхнула революція, и королевство было объявлено конституціоннымъ государствомъ. Перемѣна образа правленія подала поводъ и къ пересмотру законоположеній прежняго правительства относительно устройства и управленія церковнаго. На собраніи депутатовъ 1844 года въ конституцію были внесены два слѣдующихъ положенія: 1) «Господствующая религія въ Греціи есть вѣра восточной православной Христовой церкви, а всякая другая извѣстная религія терпима и богослужебныя ея дѣйствія совершаются безпрепятственно подъ надзоромъ законовъ, но запрещается прозелитизмъ и всякое другое нападеніе на господствующую религію. 2) Православная церковь Греціи, признавая главою Господа нашего Іисуса Христа, существуетъ нераздѣльно соединенною догматически съ великой константинопольской и всякою другою православною Христовой церковью, неизмѣнно сохраняя, подобно имъ, священные апостольскіе и соборные каноны, пребываетъ автокефальною, дѣйствуя независимо отъ всякой другой церкви въ административныхъ своихъ обязанностяхъ, и управляется священнымъ синодомъ архіереевъ». Этими двумя положеніями уничтожались первые члены канонисма 1833 г., но въ остальномъ этотъ канонисмъ остался безъ измѣненія.

Прошло уже около двадцати лѣтъ съ того времени, какъ церковь королевства греческаго была провозглашена автокефальною, а она все еще оставалась въ неопредѣленномъ положеніи, такъ какъ не получила согласія на свое автономное управленіе со стороны константинопольскаго патріарха, которому прежде была подчинена, и не была признана въ качествѣ независимой другими помѣстными православными церквами. Правительство Греціи, не признавая силы за церковными правилами, считало свою церковь законно-существующею, но іерархія не могла стать на точку зрѣнія свѣтской власти и продолжала живо сознавать свою прежнюю каноническую связь съ константинопольской патріархіей и необходимость согласія съ ея стороны на автокефальность греческой церкви. Краснорѣчивымъ свидѣтельствомъ этого служитъ тотъ фактъ, что за весь этотъ длинный промежутокъ времени греческіе епископы не позволили себѣ рукоположить ни одного архіерея, хотя нужда въ этомъ была большая. Въ виду такого положенія церковныхъ дѣлъ, правительство и синодъ Греціи неоднократно дѣлали хитрыя попытки завязать сношенія съ константинопольскимъ патріархомъ и какъ бы случайнымъ путемъ достигнуть отъ него признанія независимости греческой церкви. Но въ Константинополѣ хорошо понимали значеніе этихъ попытокъ и не шли ни на какія уступки. Тогда въ Аѳинахъ убѣдились въ необходимости прямыхъ дѣйствій. Правительство и синодъ въ 1850 г. отправили къ константинопольскому патріарху грамоты, тождественныя по содержанію, въ коихъ просили у патріарха только *разсмотрѣнія* водворившагося въ Греціи церковнаго законоположенія. Но въ патріархіи правильно поняли истинное положеніе церковныхъ дѣлъ въ Греціи и смыслъ обѣихъ грамотъ, поэтому, при обсужденіи этихъ дѣлъ на соборѣ 1850 года, члены его держались слѣдующей основной точки зрѣнія: епархіи греческія издавна находились подъ юрисдикціей вселенскаго престола, но потомъ заблудились и теперь снова ищутъ принятія въ церковное единство. Соборъ выразилъ свою радость по поводу возстановленія нарушеннаго общенія съ вселенскимъ патріархомъ, которому только и принадлежитъ каноническое право признать греческую церковь независимою, и, по тщательномъ обсужденіи дѣла, постановилъ въ Духѣ Святомъ слѣдующее опредѣленіе. «Православной церкви въ королевствѣ греческомъ,

имѣющей Началовождемъ и Главою, какъ и вся каѳолическая православная церковь, Господа и Бога и Спаса нашего Іисуса Христа, быть впредь законно-самостоятельною, и высшимъ церковнымъ правительствомъ ея признавать постоянный синодъ, состоящій изъ архіереевъ, преемстственно призываемыхъ по старшинству рукоположенія, подъ предсѣдательствомъ преосвященнаго митрополита аѳинскаго, и управляющій дѣлами церкви по божественнымъ и священнымъ правиламъ свободно и безпрепятственно отъ всякаго мірского вмѣшательства. Установляемый этимъ соборнымъ дѣяніемъ священный синодъ въ Греціи мы признаемъ и провозглашаемъ нашимъ по духу собратомъ, возвѣщая всѣмъ повсюду благочестивымъ и православнымъ чадамъ единой святой соборной и апостольской церкви, да признаютъ его таковымъ и поминаютъ подъ именемъ священнаго синода церкви эллинской. Предоставляемъ же ему и всѣ начальственныя права, приличествующія высшему церковному правительству, дабы онъ впредь поминаемъ былъ при богослуженіи эллинскими архіереями въ ихъ епархіяхъ, а предсѣдатель его поминалъ бы все епископство православныхъ, и дабы сему синоду принадлежали всѣ каноническія дѣйствія касательно рукоположенія архіереевъ. Но для сохраненія законнаго его единства съ константинопольскою великою церковію и съ прочими православными Христовыми церквами, по божественнымъ и священнымъ правиламъ и преданнымъ отъ отцевъ обычаямъ каѳолической православной церкви, онъ долженъ поминать въ священныхъ диптихахъ именно вселенскаго патріарха и прочихъ трехъ патріарховъ по чину, равно какъ и все епископство православныхъ, а также получать, сколько нужно, и святое муро отъ святой Христовой великой церкви. Предсѣдатель священнаго синода, по соборнымъ и преданнымъ отъ отцевъ повелѣніямъ, при вступленіи въ это званіе, обязуется посылать обычныя соборныя грамоты къ вселенскому и прочимъ патріархамъ, равно какъ и они, при своемъ вступленіи, будутъ дѣлать тоже. Кромѣ того, когда церковныя дѣла будутъ требовать совмѣстнаго разсмотрѣнія и взаимнаго содѣйствія къ лучшему устроенію и утвержденію православной церкви, надлежитъ, чтобы эллинскій священный синодъ относился къ вселенскому патріарху и находящемуся при немъ священному синоду. А вселенскій патріархъ, вмѣстѣ съ своимъ синодомъ, охотно будетъ оказывать свое содѣйствіе, сообщая о нужномъ священному синоду церкви эллинской. Но дѣла, относящіяся къ внутреннему церковному управленію, какъ то — избраніе и рукоположеніе архіереевъ, число ихъ, наименованіе каѳедръ ихъ, рукоположеніе священниковъ и діаконовъ, сочетаніе и расторженіе браковъ, управленіе обителей, благочиніе, надзоръ за клиромъ, проповѣданіе слова Божія, воспрещеніе противныхъ вѣрѣ книгъ,—все это и подобное долженъ рѣшать священный синодъ синодальнымъ опредѣленіемъ, отнюдь не преступая священныхъ правилъ св. соборовъ, преданныхъ отцами обычаевъ и наставленій православной восточной церкви». Послѣ признанія греческой церкви автокефальною, мѣстному правительству надлежало составить новое положеніе о церковномъ управленіи, въ духѣ постановленія константинопольскаго собора 1850 г. и въ согласіи съ церковными канонами, при чемъ канонисмъ 1833 года, какъ противорѣчившій тому и другому, естественно, долженъ былъ потерять законодательную силу и уступить мѣсто другому законоположенію, совершенно отличному отъ прежняго. Греческій синодъ такъ и понималъ дѣло и въ этомъ смыслѣ, по порученію правительства, составилъ законопроектъ, который въ февралѣ 1852 года и представилъ министру на разсмотрѣніе и утвержденіе. Министръ Влахосъ въ маѣ разсмотрѣлъ и исправилъ законопроектъ и возвратилъ его синоду. Синодъ съ удивленіемъ увидѣлъ, что его законопроектъ совершенно извращенъ и переработанъ въ духѣ канонисма 1833 года. Члены синода сдѣлали обстоятельныя

замѣчанія на министерскій проектъ и потребовали его измѣненія, согласно съ церковными канонами. Требованія синода и его замѣчанія привели Влахоса въ большой гнѣвъ; онъ далъ понять членамъ синода, что въ его лицѣ оскорблена гражданская власть, и отказался дать дѣлу быстрый ходъ, такъ какъ засѣданія синода будто-бы показываютъ, что законопроектъ не настоятельно нуженъ. Синодъ долженъ былъ отказаться отъ нѣкоторыхъ своихъ замѣчаній, но просилъ министра возможно скорѣе провести проектъ законодательнымъ путемъ, такъ как онъ настоятельно нуженъ. Но министръ не уступалъ до тѣхъ поръ, пока синодъ не вынужденъ былъ выразить свое согласіе на принятіе министерскаго законопроекта во всемъ его объемѣ и въ данной ему редакціи. Министръ легко провелъ его во всѣхъ законодательныхъ инстанціяхъ, а 10 сентября 1852 года разослалъ по всѣмъ церковнымъ властямъ королевства для исполненія. Этотъ законъ объ устройствѣ управленія въ церкви Греціи, безъ всякаго существеннаго измѣненія, дѣйствуетъ и въ настоящее время. Онъ называется такъ: «Νόμος καταστικὸς τῆς ἱερᾶς συνόδου τῆς ἐκκλησίας τῆς 'Ελλάδος». По своему духу и самому изложенію онъ напоминаетъ регламентъ 1833 года, но имѣетъ и такія выраженія, которыя внесены въ негоподъ вліяніемъ опредѣленія константинопольскаго патріаршаго синода 1850 г. Отсюда въ законѣ наблюдается двойственность началъ. Въ немъ церковь эллинская признается новымъ общественнымъ союзомъ, отличнымъ отъ государства, считается членомъ вселенской церкви, признающей своимъ главой Господа Іисуса Христа, говорится, что она управляется духовно епископами, которые руководятся апостольскими и соборными канонами и отеческими преданіями, а высшее управленіе возложено на «священный синодъ церкви эллинской», состоящій изъ пяти членовъ, во главѣ съ митрополитомъ аѳинскимъ. Но въ тоже время члены синода, при вступленіи въ должность, клянутся быть вѣрными конституціи и безпрекословно повиноваться законамъ государства, вызываются въ синодъ правительствомъ на одинъ годъ, по окончаніи коего возвращаются въ свои епархіи, при чемъ правительство можетъ удержать двоихъ изъ нихъ и на второй срокъ, по своему усмотрѣнію; секретари синода—клирики также опредѣляются королемъ, по представленію министра церковныхъ дѣлъ. На засѣданіяхъ синода обязательно присутствуетъ королевскій епитропъ, представитель гражданской власти, и подписывается подъ всѣми его рѣшеніями, чего бы они ни касались; всякое дѣло, рѣшенное синодомъ въ отсутствіе епитропа или имъ не подписанное, не имѣетъ силы. Дѣла, подлежащія разсмотрѣнію синода, раздѣляются на внутреннія или церковныя и на внѣшнія, имѣющія связь съ общественными интересами; во внутреннихъ дѣлахъ синодъ дѣйствуетъ независимо отъ гражданской власти, а внѣшнія обязанности онъ исполняетъ при содѣйствіи и съ утвержденія правительства. Но то, что сказано выше о королевскомъ епитропѣ, разрушаетъ всякую свободу синода въ дѣлахъ и внутреннихъ, лишаетъ его иниціативы въ области чисто церковной, создаетъ полную невозможность что-либо сдѣлать и предпринять по своему усмотрѣнію и въ интересахъ церкви. Значитъ, по существу дѣла, различіе между тѣми и другими предметами вѣдѣнія синода сглаживается на практикѣ. Далѣе, синоду принадлежитъ верховная юрисдикція надъ всѣми клириками и онъ является высшей инстанціей по дѣламъ церковнаго судопроизводства, но опять всѣ рѣшенія синода по судейскимъ дѣламъ, равно и епархіальныхъ архіереевъ, приводятся въ исполненіе не иначе, какъ послѣ предварительнаго утвержденія короля или министра. Отлученіе отъ церкви мірянъ производится лишь послѣ предварительнаго разрѣшенія правительства. Дѣла брачныя разсматриваются синодомъ лишь въ отношеніи ихъ церковнаго элемента, а въ отношеніи гражданскомъ они подлежатъ вѣдѣнію свѣтской власти. Жалоба на синодъ приносится высшему граждан-

скому правительству. Синодъ сносится съ мѣстными и иностранными гражданскими или церковными властями чрезъ посредство министра церковныхъ дѣлъ. За богослуженіемъ синодъ поминается послѣ короля и королевы.

Такимъ образомъ, законъ 1852 года объ устройствѣ синода греческой церкви, отличающійся двойственностью началъ, совершенно стѣснилъ свободу дѣйствій синода и поставилъ эллинскую церковь въ полную зависимость и даже рабство отъ власти гражданской. Распорядителемъ въ церкви является не синодъ, а министръ церковныхъ дѣлъ, имѣющій обширныя права, создавшіяся на счетъ и въ ущербъ власти церковной; безъ его разрѣшенія синодъ не можетъ совершить ни одного дѣла не только внѣшняго характера, но и внутренняго. Та же двойственность началъ и подчиненность церкви государству наблюдаются и въ другихъ церковныхъ законахъ Греціи, и прежде всего-въ законѣ объ епископіяхъ и епископахъ, изданномъ въ томъ же 1852 г. Здѣсь епископъ называется духовнымъ начальникомъ ввѣренной ему епископіи; онъ по своему сану есть естественный предстоятель подчиненнаго ему клира, обязывается соблюдать священные каноны, подчиняться синоду и слѣдить за тѣмъ, чтобы и его паства руководилась въ своей жизни церковными правилами. Но съ другой стороны, епископы мыслятся и государственными чиновниками. Послѣ рукоположенія, сказано въ законѣ, епископы утверждаются и королевскимъ приказомъ, дабы они были признаны таковыми и со стороны свѣтскихъ властей королевства. Прежде вступленія въ должность епископъ даетъ торжественное обѣщаніе быть вѣрнымъ конституціи и соблюдать законы государства. Въ своей пастырской дѣятельности епископъ ограниченъ со стороны свѣтской власти; такъ, члены епископскаго суда опредѣляются королевскимъ приказомъ; епископъ не можетъ издать такъ называемыхъ анонимныхъ епитимій, т.-е. пастырскихъ прещеній и увѣщаній по поводу пороковъ и заблужденій, безъ предварительнаго согласія мѣстнаго свѣтскаго начальства. И въ самомъ порядкѣ законодательства по церковнымъ дѣламъ въ Греціи замѣчается двойственность. Законы о синодѣ и епископахъ, вопреки опредѣленію константинопольскаго патріаршаго синода 1850 г., являются не церковными въ тѣсномъ смыслѣ, а государственными, касающимися церковныхъ дѣлъ. О такомъ ихъ характерѣ прямо и сказано въ заключеніи ихъ текста: «настоящій законъ, опредѣленный палатой депутатовъ и герусіей и утвержденный нами, долженъ быть опубликованъ въ правительственной газетѣ и долженъ исполняться какъ законъ *государственный*».

Послѣ изданія законовъ о синодѣ и епископахъ, правительство Греціи въ томъ же 1852 г. опубликовало законъ о раздѣленіи королевства на 24 епархіи, изъ коихъ одна (аѳинская) возведена на степень митрополіи, десять — на степень архіепископій, а остальныя наименованы епископіями. Закономъ 1856 г. епархіи были раздѣлены на приходы. Дѣленіе было произведено очень неравномѣрно; сельскіе приходы оказались очень невелики и бѣдны. Въ 1852 г. при епархіальныхъ архіереяхъ были учреждены епископскіе суды (ἐπισκοπικὰ δικαστήρια), постоянными членами коихъ были назначены находившіяся при архіереяхъ должностныя лица: экономъ, сакелларій, хартофилаксъ и протекдикъ, а сверхштатными — скевофилаксъ и сакеллій, за отсутствіемъ коихъ засѣдаютъ ипомниматографъ и іеромнимонъ. Всѣ эти члены назначаются епископомъ, а утверждаются синодомъ. Дикастиріи разсматриваютъ судебныя дѣла клириковъ, рѣшенія по которымъ постановляетъ епископъ; кромѣ того, члены дикастиріи, въ случаѣ смерти архіерея, составляютъ епископскую епитропію, для управленія епархіей. Для поученія народа слову Божію правительствомъ были назначены іерокириксы. Низшіе клирики—священники и діаконы избирались самими прихожанами, но назначались архіереями послѣ предварительнаго ихъ испытанія. По закону 1852 г., епархіальнымъ архіереямъ было назначено жалованье изъ государственнаго казначей-

ства: митрополиту — 6.000 драхмъ въ годъ, архіепископу — 5.000, епископу — 4.000; кромѣ того, аѳинскій митрополитъ получалъ 3.000 драхмъ въ годъ за предсѣдательство въ синодѣ, а члены синода — по 2.400 драхмъ. Архіереи имѣли и случайные доходы—за разрѣшенія на бракъ, за выдачу бракоразводнаго свидѣтельства и т. п. Низшее духовенство получало вознагражденіе отъ прихожанъ, взимая плату за требы, получая добровольныя приношенія и т. п.

Церковная реформа коснулась и греческихъ монастырей. Въ эпоху возстанія грековъ противъ турокъ въ Элладѣ было до 524 мужскихъ монастырей и 18 женскихъ. Они владѣли громадными недвижимыми имуществами, но управленіе послѣдними велось крайне безпорядочно. Общее число монаховъ простирались до 3.000. Они распредѣлились по монастырямъ очень неравномѣрно. До 200 монастырей имѣли менѣе пяти монаховъ, а 120 обителей были совершенно пусты. Внутренняя жизнь монастырей находилась въ большомъ упадкѣ, а назначеніе настоятелей монастырей зависѣло не отъ епархіальныхъ архіереевъ, а отъ свѣтскихъ властей, которыя, обыкновенно за извѣстную плату, сдавали монастыри какъ бы въ аренду угоднымъ имъ монахамъ, которые и пользовались монастырскими угодіями, какъ своею собственностью. Предпринявъ монастырскую реформу, правительство поступило крайне несправедливо. Оно распорядилось закрыть всѣ пустые и имѣющіе не болѣе шести монаховъ монастыри, имущества ихъ конфисковать въ пользу народнаго казначейства, а монаховъ переселить въ другіе монастыри; монастыри не упраздненные должны были платить пять процентовъ съ своего ежегоднаго дохода въ пользу упомянутаго казначейства, а лица, искавшія монашескаго званія, и рясофоры, имѣвшіе не болѣе 25 лѣтъ отъ роду, должны были удалиться изъ монастырей. Въ 1834 году гражданскіе чиновники приступили къ исполненію этого правительственнаго распоряженія. Были пущены въ ходъ всѣ виды лжи, обмана и коварства, чтобы закрыть возможно больше монастырей, изгнать какъ можно больше монаховъ и конфисковать всѣ ихъ имущества. Величайшая безсовѣстность овладѣла страной, — всѣ стремились извлечь для себя выгоду изъ бѣдственнаго положенія монастырей, всякій старался или обмануть, или укрыть, или купить за полцѣны. Въ результатѣ государство пріобрѣло громадную денежную сумму отъ конфискаціи монастырскихъ имуществъ, а церковь лишилась 394 монастырей, изъ нихъ 16 женскихъ. Монастырскія деньги, вопреки обѣщанію правительства употреблять ихъ на церковныя нужды, стали расходываться на потребности государства, а потомъ и совсѣмъ слились съ общегосударственными доходами. Это создало въ духовенствѣ и среди монаховъ большое неудовольствіе, а затѣмъ самая конфискація монастырскихъ имуществъ представлялась оскорбленіемъ православной вѣры и святости обителей, тѣмъ болѣе, что предпринятая правительствомъ мѣра еще болѣе ухудшила внутренній быть монастырей. Среди монаховъ и народа возникло грозное движеніе. Въ виду этого правительство въ 1858 г. издало новый законъ о монастыряхъ. Этимъ закономъ во главѣ внутренняго монастырскаго управленія поставленъ монастырскій совѣтъ, состоящій изъ игумена и двухъ монаховъ — совѣтниковъ. Они избираются самими монахами изъ своей среды, срокомъ на пять лѣтъ, подъ руководствомъ особой коммиссіи. Избраніе совершается открытою подачей голосовъ. Избранный утверждается епархіальнымъ архіереемъ, который объ этомъ доноситъ синоду и номарху, а синодъ—министру церковныхъ дѣлъ. Монастырскій совѣтъ рѣшаетъ дѣла коллективно. Онъ управляетъ монахами обители и завѣдуетъ ея имуществомъ. Въ первомъ отношеніи совѣтъ подчиненъ епархіальному архіерею, а во второмъ—гражданской власти въ лицѣ номарха, епарха и министра церковныхъ дѣлъ. Монастырскій совѣтъ обязанъ вести точную и подробную опись владѣній монастыря и его инвентаря, обязанъ ежегодно представлять номарху на утвержденіе смѣту доходовъ и рас-

ходовъ и отдавать отчеты въ управленіи имуществомъ монастыря; безъ разрѣшенія свѣтскихъ властей, совѣтъ не имѣетъ права ни продать, ни обмѣнять монастырскаго имущества движимаго и недвижимаго, а также отдавать въ аренду монастырскія угодія, брать и отдавать деньги въ заемъ, выступать въ судѣ по хозяйственнымъ дѣламъ, расходывать монастырскія деньги на хозяйственныя нужды свыше 100 драхмъ. Такимъ образомъ, и въ законѣ о монастыряхъ правительство Греціи осталось вѣрнымъ своему принципу господства и въ дѣлахъ церковныхъ: оно не только захватило въ свои руки завѣдываніе монастырскими имуществами, но и ограничило власть епископа надъ монастырями, усвоивъ себѣ право вліять на утвержденіе избраннаго настоятеля монастыря. Изложеннымъ закономъ греческіе монастыри руководятся въ своемъ управленіи и въ настоящее время. Нынѣ число греческихъ монастырей простирается до 175, изъ коихъ 10 женскихъ; въ нихъ подвизается до 1.500 монаховъ и 200 монахинь. Всѣ монастыри относятся къ разряду епархіальныхъ. Они имѣютъ ежегоднаго доходу болѣе двухъ милліоновъ драхмъ, изъ коихъ пятую часть, по распоряженію правительства, обязываются вносить на нужды народнаго образованія, на содержаніе іерокириксовъ, духовныхъ школъ и т. п. Многіе изъ монастырей замѣчательны своею почтенною древностью, историческими заслугами, особенно въ области просвѣщенія, богатствомъ, благотворнымъ вліяніемъ на окружающую среду, въ смыслѣ подъема нравственности и т. п. Таковы, напримѣръ, монастыри Метеорскіе въ Ѳессаліи, Великая пещера въ Пелопоннесѣ, Лавра въ честь Успенія Богоматери въ каловритской епархіи, Архангельскій въ городѣ Эгіаліи и т. д.

Духовное просвѣщеніе въ странѣ, въ первые годы исторіи греческой церкви, стояло очень невысоко. Первая богословская школа была учреждена въ 1830 г. Каподистріей въ монастырѣ Живоноснаго Источника на о. Паросѣ. Приготовительными для нея школами служили орфанотрофій и элементарное училище на Эгинѣ. Въ 1837 г. при аѳинскомъ университетѣ былъ открытъ богословскій факультетъ, устроенный по образцу западныхъ. Въ настоящее время здѣсь преподаютъ и выдающіеся ученые богословы, пользующіеся европейскою извѣстностью. Число студентовъ на факультетѣ не велико. По окончаніи ученія, они идутъ на служеніе церкви въ званіи клириковъ, іерокириксовъ, учителей и т. п. Другимъ разсадникомъ богословской науки въ Греціи служитъ Ризарьевская духовная семинарія въ Аѳинахъ, основанная въ 1843 году братьями Ризарами. Школа оказала большія услуги странѣ въ области просвѣщенія. Нынѣ она сдѣлана спеціально богословской школой, питомцы коей, по окончаніи ученія, обязываются идти на служеніе церкви. Изъ другихъ духовныхъ школъ существовали—на островѣ Сиросѣ, въ Халкидѣ и Триполисѣ, открытыя въ 1856 г., и въ Керкирѣ, основанная въ 1875 г. Они принадлежали къ типу низшихъ школъ и скоро были закрыты. Въ 1899 г. спартскій епископъ Ѳеоклитъ основалъ духовное училище въ г. Араховѣ. Покойный аѳинскій митрополитъ Германъ († 1896 г.) построилъ зданіе для новой духовной семинаріи въ Аѳинахъ, но открытія школы не послѣдовало и въ настоящее время, несмотря на совершенную необходимость. Кромѣ школъ, дѣломъ религіозно-нравственнаго просвѣщенія народа въ Греціи занимались различные силлоги, т. е. общества или братства. Свою дѣятельность они вели посредствомъ школы, бесѣдъ, чтеній, изданія журналовъ и религіозно-нравственныхъ книгъ, устройство библіотекъ и читаленъ и т. п. Изъ силлоговъ извѣстны: «Братство Христолюбцевъ —'Αδελφότης τῶν Φιλοχρίστων» основанный профессорами аѳинскаго университета въ 1875 г. и нынѣ не существующій, — «Священный Союзъ—Ἱερὸς Σύνδεσμος», открытый митрополитомъ Германомъ въ Аѳинахъ для просвѣщенія клириковъ и извѣстный выдающеюся полезною дѣятельностью, — «Возрожденіе — 'Ανάπλασις», раскинувшій сѣть своихъ школъ въ

Аѳинахъ и сосѣднихъ городахъ и селахъ, «Οἰκονομία», «Общество друзей народа—Ἑταιρεία τῶν Φίλων τοῦ Λαοῦ», «Παρνασσός» — ученое аѳинское общество, «Силлогъ для изданія полезныхъ книгъ—Σύλλογος πρὸς διάδοσιν ὠφελίμων βιβλίων», находящійся подъ покровительствомъ королевны Софіи, «Силлогъ для распространенія греческой грамотности», «Силлогъ—въ пользу воспитанія женщинъ», «Историческое и этнологическое общество», «Археологическое общество», «Христіанская археологическая коммиссія», «Аѳинскій Силлогъ». Изъ провинціальныхъ силлоговъ извѣстенъ въ Патрахъ—во имя апостола Андрея. Затѣмъ, просвѣщеніемъ народа въ Греціи занимались многочисленные богословскіе журналы. Наконецъ, и богословская наука имѣла и имѣетъ въ Греціи достойныхъ представителей. Изъ греческихъ ученыхъ богослововъ болѣе другихъ извѣстны: іеромонахъ Ѳеоклитъ Фармакидъ († 1860 г.), пресвитеръ Константинъ Экономосъ († 1857 г.), Вамвасъ († 1855 г.), Дука († 1845 г.), проф. Контогонисъ († 1878 г.), Александръ Ликургъ († 1875 г.), Никифоръ Калогерасъ († 1876 г.), проф. Діомидисъ Киріакосъ, архим. Андроникъ Димитрокопулъ († 1875 г.), Іоаннъ Скальцунисъ и многіе другіе (о нѣкоторыхъ изъ нихъ въ Энциклопедіи будетъ особая рѣчь). При всемъ томъ нельзя сказать, что религіозно-нравственное просвѣщеніе въ Греціи находится на желательной высотѣ. Напротивъ, профессоръ аѳинскаго университета А. Діомидисъ-Киріакосъ говоритъ въ своей «Церковной исторіи», что оно оставляетъ желать многаго. Клиръ греческій далеко не достаточно образованъ, а это вліяетъ и и на простой народъ, который и невѣжественъ въ вопросахъ вѣрѣ и нравственности, и суевѣренъ, и равнодушенъ къ нравственному совершенствованію. Со стороны церкви необходимы еще большіе и ревностные труды для возвышенія религіозно-нравственнаго уровня въ странѣ, хотя справедливость и требуетъ сказать, что въ концѣ XIX вѣка просвѣщеніе въ Греціи значительно поднялось сравнительно съ положеніемъ его въ срединѣ столѣтія. Постепенно стало возвышаться въ Греціи и богослуженіе. Въ Аѳинахъ и въ другихъ городахъ построены прекрасные храмы, священная живопись стала улучшаться, а церковное пѣніе возвращаться къ основнымъ византійскимъ мелодіямъ.

Большую смуту внесли въ умы православныхъ грековъ католики и протестанты, которые водворились въ странѣ вскорѣ послѣ ея освобожденія. Они старались вліять на грековъ главнымъ образомъ посредствомъ школъ, но когда греки поняли всю опасность обученія своихъ дѣтей въ католическихъ и протестантскихъ школахъ, то всѣми мѣрами стали оказывать противодѣйствіе иновѣрной пропагандѣ. Поэтому ни католики, ни протестанты не имѣли въ странѣ большого успѣха. Кромѣ инославной пропаганды, въ Греціи въ XIX вѣкѣ немалую смуту воздвигли мѣстные еретики, фанатики и либералы. Изъ нихъ извѣстны: Ѳеофилъ Каирисъ, Андрей Ласкаратъ, Мануилъ Роидисъ, Христофоръ Папулакисъ, Апостолъ Макракисъ и другіе. Они отрицательно относились къ ученію православной церкви, неодобрительно отзывались о ея установленіяхъ, имѣли собственныя религіозно-философскія ученія, коими и прельщали многихъ. Но священный синодъ бдительно стоялъ на стражѣ своихъ духовныхъ чадъ, отлучилъ этихъ отщепенцевъ отъ церкви, а колеблющихся въ православной вѣрѣ укрѣпилъ соотвѣтствующими окружными посланіями.

Изъ другихъ событій въ исторіи греческой церкви, послѣ ея устройства въ 1852 году, слѣдуетъ отмѣтить присоединеніе къ ней епархіи на островахъ Іонійскихъ, состоявшееся въ 1866 году. Въ 1864 г. эти острова (Керкира, Левкада, Закинѳъ, Кефаллинія, Итака, Киѳира и Наксосъ), принадлежавшіе англичанамъ, были подарены ими греческому королю Георгу I. Политическое объединеніе, естественно, должно было повести и къ церковному единенію съ Греціей этихъ островованъ, признававшихъ юрисдикцію вселенскаго патріарха. Завязались переговоры

по этому поводу между цеквами іонійской, эллинской и константинопольской. Дѣло было оформлено въ каноническомъ отношеніи и присоединеніе состоялось въ іюлѣ 1866 г. Въ 1881 году, въ силу Берлинскаго трактата 1878 г., къ Греціи были присоединены Ѳессалія и часть Эпира; мѣстныя епархіи, въ числѣ девяти, послѣ надлежащихъ сношеній съ вселенскимъ патріархомъ, также вошли въ составъ эллинской церкви.

Въ 1900 году во внутреннемъ устройствѣ греческой церкви совершилась важная перемѣна: королевство было вновь раздѣлено на епархіи, число коихъ назначено тридцать двѣ, тогда какъ раньше было больше; новыя границы епархій совпали съ предѣлами гражданскихъ округовъ. Всѣ епархіальные архіереи, за исключеніемъ митрополита аѳинскаго, получили титулъ епископа, при полномъ равенствѣ своихъ правъ и обязанностей; имѣющіе званіе архіепископа сохраняютъ его до конца своей жизни. Въ 1901 году всѣ епархіи королевства замѣщены достойными кандидатами; и это фактъ примѣчательный, такъ какъ многія епископскія каѳедры оставались вакантными въ теченіе продолжительнаго времени, иныя отъ 20 до 30 лѣтъ. Затѣмъ, при каждой каѳедрѣ назначенъ постоянный іерокириксъ,—чего прежде также не было, а на все королевство существовало не болѣе десяти проповѣдниковъ слова Божія. Въ ноябрѣ 1901 года лишился своей каѳедры аѳинскій митрополитъ Прокопій [1]). Поводъ къ этому былъ не совсѣмъ обычный, а именно—буквальный переводъ Евангелія съ оригинальнаго на простонародный греческій языкъ, исполненный свѣтскимъ писателемъ Паллисомъ. Переводъ былъ исполненъ крайне грубо и невѣжественно. Общественное религіозное чувство возмутилось профанаціей священной книги, извращеніемъ ея ученія и порчей завѣтнаго достоянія грековъ—единственнаго памятника греческой письменности и языка. Въ Аѳинахъ возникъ народный бунтъ, до кровавой стычки съ войсками включительно. Митрополитъ Прокопій, какъ не съумѣвшій предотвратить народнаго движенія своевременнымъ запрещеніемъ перевода Паллиса, вынужденъ былъ отказаться отъ каѳедры.

Современное положеніе греческой церкви, какъ видно изъ рѣчей митрополита Прокопія, произнесенныхъ имъ на засѣданіяхъ священнаго синода, довольно печально и вызываетъ необходимость реформы. Необходимо, прежде всего, измѣнить основной законъ (καταστικὸς νόμος) объ устройствѣ синода и канонисмъ о епархіальныхъ архіереяхъ, поражающіе двойственностью началъ, какъ это и отмѣчено выше. Неудовлетворительно и монастырское управленіе, безъ верховнаго надзора епархіальнаго архіерея за всѣмъ строемъ монастырской жизни. Слѣдуетъ также лишить монаховъ избирательнаго права, которое вноситъ въ монастыри раздоры вражду, а и нужно предоставить назначеніе настоятелей и членовъ совѣта мѣстному архіерею и синоду. Нужно, далѣе, присоединить бѣдные и малонаселенные монастыри къ богатымъ, дабы сократить расходы и улучшить внутренній бытъ монастырей. При монастыряхъ необходимо открыть школы не только элементарныя, но и среднія, для обученія монаховъ и кандидатовъ священства, съ преподаваніемъ церковной музыки и пѣнія, иконописанія и ремесла; хорошо было бы учредить при монастыряхъ типографіи для печатанія богослужебныхъ книгъ и мастерскія для изготовленія священной утвари и одежды. Необходимо увеличить и число іерокириксовъ. Сельское духовенство невѣжественно и бѣдно. Необходимо умножить число духовныхъ школъ въ королевствѣ и улучшить существующія, особенно богословскій факультетъ при аѳинскомъ университетѣ. гдѣ нѣтъ полнаго комплекта профессоровъ, а нѣкоторыя каѳедры остаются вакантными въ теченіе продолжительнаго времени. Вопросъ о матеріальномъ обезпеченіи всего греческаго ду-

[1]) Предшественниками Прокопія Икономидиса по аѳинской митрополичьей каѳедрѣ были: Неофитъ, Мисаилъ, Ѳеофилъ, Прокопій I (съ 1874 г.) и Германъ Каллигасъ (1889—1896 г.), іерархъ очень энергичный и просвѣщенный.

ховенства, какъ высшаго, такъ и низшаго, есть вопросъ неотложный и чрезвычайно важный. Онъ успѣшно можетъ быть рѣшенъ лишь въ томъ случаѣ, если будетъ учреждено спеціально церковное казначейство; а основать такое казначейство будетъ не трудно, если государство возвратитъ церкви нѣкогда конфискованныя имъ монастырскія денежныя суммы; этихъ денегъ церкви будетъ достаточно и для устраненія многихъ другихъ ея нуждъ. Далѣе, необходимо произвести новое раздѣленіе епархій на приходы, съ цѣлью ихъ уравненія, и лишить гражданскую власть права назначать т. н. церковные совѣты, завѣдующіе приходскими храмами, предоставивъ это право епархіальнымъ архіереямъ. Ненормальнымъ нужно признать и крайнее обиліе приходскаго духовенства, при бѣдности приходовъ: необходимо посвящать новыхъ клириковъ лишь въ случаѣ крайней необходимости. Греческій народъ по природѣ религіозенъ, унаслѣдовавъ набожность отъ византійскихъ временъ, но эта религіозность иногда осложняется посторонними элементами, порождаемыми невѣжествомъ. Необходимо обратить вниманіе и на просвѣщеніе народа, при чемъ одна церковь, безъ матеріальныхъ средствъ, совершенно безсильна выполнить эту трудную и великую задачу: необходимо содѣйствіе государства и прежде всего—матеріальное. Наконецъ, постройка новыхъ храмовъ, снабженіе ихъ приличною утварью и иконами хорошаго письма, водвореніе благочинія за богослуженіемъ, распространеніе правильныхъ церковно-богослужебныхъ напѣвовъ также должны служить предметомъ попеченія церкви и государства. Такія ближайшія задачи дѣятельности высшей церковной и гражданской власти въ Греціи завѣщалъ минувшій вѣкъ двадцатому столѣтію.

Литература. 1) *Архимандритъ Стефанъ Гіаннопулъ* (Γιαννόπουλος), Συλλογη τῶν ἐγκυκλίων τῆς ἱερᾶς συνόδου τῆς ἐκκλησίας τῆς Ἑλλάδος. Ἀθῆναι. 1901. 2) *Проф. Θ. А. Кургановъ*, **Устройство управленія въ церкви королевства греческаго. Казань. 1871.** 3) Ἀ. Διομήδης—Κυριακός, Ἐκκλησιαστικὴ ἱστορία, т. 3. Ἀθῆναι. 1898. 4) Ἐ. Κυριακίδης, Ἱστορία τοῦ συγχρόνου ἑλληνισμοῦ, τόμοι 1—2. Ἀθῆναι. 1892. 5) *И. Соколовъ*. **Очерки исторіи православной греко-восточной церкви въ XIX вѣкѣ. Спб. 1902 (и во второмъ томѣ «Исторіи христіанской церкви въ XIX в.», изданіе проф. А. П. Лопухина).**

И. Соколовъ.

ГРИГОРА Никифоръ—замѣчательный византійскій церковно-общественный дѣятель и писатель. Онъ родился въ 1295 году въ городѣ Иракліи Понтійской, где первоначально и учился подъ руководствомъ своего дяди, мѣстнаго митрополита Іоанна. Въ юношескомъ возрастѣ онъ прибылъ въ Константинополь, гдѣ и примкнулъ къ группѣ замѣчательнѣйшихъ византійскихъ богослововъ. Константинопольскій патріархъ Іоаннъ Гликисъ, къ которому Г. питалъ чувство сыновней любви, преподавалъ ему риторику и настолько полюбилъ его за благородство души, что въ 1320 году возложилъ на него составленіе своего завѣщанія, не имѣя возможности самъ исполнить это вслѣдствіе болѣзни. Большое вліяніе на образованіе Г. имѣлъ весьма просвѣщенный современный мужъ логоѳетъ Ѳеодоръ Метохитъ, «живая библіотека, по выраженію Г., въ которой можно было наводить справки по какимъ угодно вопросамъ»; Метохитъ обучалъ его преимущественно астрономіи, а Г., въ свою очередь, объяснялъ его дѣтямъ сочиненія древнихъ писателей. Наконецъ, молодой ученый получилъ доступъ къ императорскому двору и обратилъ на себя благосклонное вниманіе императора Андроника Палеолога (1282—1328 гг.); въ 1325 году Г. имѣлъ случай представить императору свой хорошо исполненный имъ проектъ исправленія юліанскаго календаря, но Андроникъ не согласился произвести реформу подъ тѣмъ предлогомъ, что будетъ трудно убѣдить и склонить народъ къ признанію новаго календаря. Когда Андроникъ Старшій былъ лишенъ власти (1328 г.), то Г., какъ политическій его другъ и союзникъ, потерялъ все свое имущество, какое собралъ въ Византіи, но отъ изгнанія спасся, хотя другіе его единомышленники, въ томъ числѣ и Метохитъ, были удалены въ ссылку. Послѣ этого не-

счастья Г., занимавшійся до этого времени преподаваніемъ наукъ, отказался отъ званія народнаго учителя, несмотря на большое число желавшихъ слушать его, сталъ проводить уединенную жизнь и всецѣло предался астрономическимъ и философскимъ занятіямъ. Но черезъ нѣсколько времени онъ опять возвратился къ прежнему образу жизни по обстоятельствамъ, совершенно неожиданнымъ. Въ Византію прибылъ изъ Калабріи монахъ Варлаамъ (см. о немъ) и вызвалъ здѣсь большую смуту въ умахъ еретическимъ своимъ ученіемъ. Возмущенный сильными нападеніями Варлаама на византійскихъ ученыхъ, Г. вышелъ изъ своего уединенія и вступилъ съ нимъ въ діалектическій споръ; одержавъ надъ нимъ побѣду, Г. былъ возстановленъ императоромъ въ прежнемъ своемъ достоинствѣ и чести и снова, подъ вліяніемъ постороннихъ убѣжденій, принялъ на себя обязанность народнаго профессора. Въ своемъ преподаваніи Г. преимущественное вниманіе обращалъ на естественныя науки и астрономію. Это и дало поводъ одному изъ противниковъ Г. клеветать на него, будто онъ не имѣетъ никакого знанія въ области языка, такъ какъ вращается всецѣло въ области круговъ и линій, и будто вся его мудрость и заключается въ діаграммахъ и чертежахъ. Но споръ съ Варлаамомъ заключалъ въ себѣ сѣмена новыхъ осложненій, которыя впослѣдствіи принесли Г. много огорченій. Послѣ смерти Андроника Старшаго (1332 г.), возникла попытка устроить соединеніе церквей западной и восточной. Два легата римскаго папы прибыли съ этой цѣлью въ Константинополь въ 1333 году. Патріархъ Исаія возложилъ представительство отъ греческой церкви въ этомъ дѣлѣ на Г., который, будучи свѣтскимъ человѣкомъ, превосходилъ всѣхъ іерарховъ богословскими познаніями и краснорѣчіемъ. Въ разсужденія вмѣшался и Варлаамъ, который, хотя прежде принадлежалъ къ римской церкви, теперь письменно высказался противъ римскихъ легатовъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ возникъ горячій споръ о существѣ и энергіи Божества, отодвинувшій вопросъ объ уніи на второе мѣсто, и Г. опять явился сильнымъ противникомъ Варлаама. Соборъ 1341 года не водворилъ мира и спокойствія, а когда престолъ занялъ Іоаннъ Кантакузинъ (1347 г.), страсти противниковъ достигли высшей степени развитія, вслѣдствіе вмѣшательства въ споръ самого императора. Наконецъ, на соборѣ 1351 года восторжествовали мнѣнія Г., за котораго высказались патріархъ и многіе изъ высшаго клира. Однако въ письмахъ Г. къ друзьямъ, жившимъ въ Трапезундѣ и Кипрѣ, сообщается, что онъ борется за права свои, лишился благосклонности императора и заключенъ въ знаменитомъ монастырѣ Хора, въ которомъ и содержался очень строго; лишь черезъ два года онъ былъ освобожденъ изъ этого заключенія. Но враги Г. не дремали и снова оклеветали его предъ императоромъ въ томъ, будто онъ въ своихъ сочиненіяхъ неодобрительно отзывался о Кантакузинѣ; онъ опять впалъ въ немилость и, вѣроятно, снова подвергся заключенію. Причина несчастій Г. въ послѣдніе годы его жизни состояла въ томъ, что онъ расходился въ богословско-философскихъ воззрѣніяхъ съ св. Григоріемъ Паламой, главнымъ противникомъ Варлаама Калабрійскаго, и велъ съ нимъ весьма жаркую полемику по вопросу о существѣ и энергіи Божества и о Ѳаворскомъ свѣтѣ (см. выше о варлаамитахъ, т. III, стр. 154). Извѣстно, что ученіе Паламы утверждено церковью. Годъ смерти Г. въ точности не извѣстенъ; въ виду того, что его «Исторія» доведена до 1359 года, полагаютъ, что этотъ годъ былъ послѣднимъ въ жизни Г.

Сочиненія Г. относятся почти ко всѣмъ областямъ византійскихъ знаній, преимущественно же къ богословію, философіи, астрономіи, исторіи и грамматикѣ. Полный обзоръ всѣхъ сочиненій Г. невозможенъ какъ по многочисленности ихъ, такъ и потому, что очень многія изъ нихъ хранятся въ рукописяхъ. Главный литературный трудъ Г. есть *«Римская исторія»*. Здѣсь въ тридцати семи книгахъ описываются событія отъ 1204 до 1359 го-

да. Событія, совершившіяся между 1204—1320 гг. Г. описываетъ кратко въ семи книгахъ, дополняя Пахимера. И въ остальныхъ книгахъ нѣтъ равномѣрности въ разсказахъ и описаніяхъ: повѣствуя о богословскихъ спорахъ, Г. вдается въ подробности, въ историческомъ трудѣ не вполнѣ умѣстныя. Здѣсь сказалось личное пристрастіе автора, горячаго участника движенія, стремившагося изложить какъ бы свои воспоминанія о пережитомъ. Наблюдается нѣкоторое пристрастіе историка и въ характеристикѣ Андроника Старшаго съ одной стороны, а съ другой Андроника Младшаго и Іоанна Кантакузина, при которыхъ Г. не имѣлъ прежняго благополучія. Послѣднія книги (съ 18-й) своей исторіи Г. написалъ, находясь въ заключеніи и по слухамъ. Разумѣется, эта часть не во всѣхъ подробностяхъ достовѣрна, тѣмъ болѣе, что написана въ очень короткій срокъ (40 дней). Послѣднія книги ниже предыдущихъ и въ литературномъ отношеніи: здѣсь нѣтъ той отдѣлки языка и слога, какая наблюдается въ первыхъ книгахъ. Но несомнѣнно, Римская исторія Г. есть источникъ первостепенной важности для ознакомленія съ гражданской и церковной исторіей Византіи съ 1204 до 1359 года.

Изъ богословскихъ трудовъ Г. извѣстны, прежде всего, тѣ, которые были направлены противъ исихастовъ и защитника ихъ св. Григорія Паламы. Изъ нихъ на первомъ мѣстѣ надо поставить «Десять полемическихъ словъ» (*Δέκα λόγοι ἀντιρρητικοὶ καὶ στηλιτευτικοί*), за которыми послѣ 1347 года послѣдовали еще восемь. Такъ какъ всѣ они еще не изданы, то точная характеристика ихъ невозможна. Изданъ только діалогъ «Флорентій или о мудрости», имѣющій своимъ содержаніемъ споръ Г. съ Варлаамомъ, который произошелъ въ 1330 и 1331 году. Г. выводится здѣсь подъ именемъ Никагора, а Варлаамъ подъ именемъ Ксенофана. Діалогъ написанъ въ сатирическомъ тонѣ и имѣетъ цѣлью осмѣять Варлаама, который надмевается своимъ энциклопедическимъ образованіемъ, а между тѣмъ не знаетъ самыхъ простыхъ началъ науки. Діалогъ имѣетъ важное историко-литературное значеніе, такъ какъ изображаетъ любопытный историческій фактъ, рисуетъ литературные обычаи XIV вѣка и показываетъ направленіе главнѣйшихъ научныхъ и литературныхъ теченій того времени. Г. написалъ и нѣкоторые герменевтическіе труды, одинъ въ формѣ діалога по вопросу, создалъ ли Богъ человѣка смертнымъ или безсмертнымъ, а также собраніе изреченій изъ большихъ и малыхъ пророковъ и изъ книги Іова съ толкованіями, прологъ къ эпизоду съ Сусанной; но и эти труды всѣ не изданы. Изданъ только его комментарій на сочиненіе «О сновидѣніяхъ» Синесія Киринійскаго, гдѣ сдѣланы замѣчанія по поводу отдѣльныхъ мѣстъ и фразъ, безъ внутренней связи. Далѣе, Г. извѣстенъ и синаксарными своими трудами. Въ рукописяхъ сохранилось достаточное число синаксарныхъ житій, которыя были составлены Г. для чтенія въ церкви въ дни памяти тѣхъ или иныхъ святыхъ. Но многіе изъ нихъ были, по распоряженію императора Кантакузина, преданы огню, когда составитель ихъ впалъ въ немилость. Изъ нихъ изданы лишь мученичество св. Кодрата, епископа коринескаго, и житіе императрицы Θеофаны, супруги Льва VI Мудраго. Въ рукописяхъ сохранились житія константинопольскаго патріарха Антонія Кавлея, Михаила синкелла іерусалимскаго, митрополита ираклійскаго Іоанна, дяди автора и др.

Сочиненія Г. по остальнымъ отраслямъ науки, разработывавшимся въ Византіи, хранятся еще въ рукописномъ видѣ въ различныхъ библіотекахъ востока и запада. Число ихъ весьма велико, какъ видно изъ простого перечисленія, далеко неполнаго, сдѣланнаго Boivin'омъ въ бонскомъ изданіи исторіи Г. (предисловіе, стр. 44—58). Въ ряду этихъ сочиненій имѣются *діалоги*, *молитвы*, *похвальныя слова*, *риторическія упражненія*, *рѣчи*, *завѣщанія*, *некрологи* (Григорія Метохита) *утѣшительное слово* императрицѣ по поводу смерти митрополита фила-

дельфійскаго Θеолипта, *надгробныя рѣчи*, *біографіи*, *грамматическія изслѣдованія* (объ орѳографіи), *комментаріи* (на Одиссею Гомера), *схоліи*, *астрономическія разсужденія* (о смѣющихся надъ астрономіей, о томъ, какъ нужно дѣлать астролябію), *ямбическіе стихи*. Наконецъ, Г., какъ и многіе другіе замѣчательные византійцы, оставилъ богатое собраніе *писемъ*, которыя прежде всего заслуживаютъ изданія. Но, въ виду того, что изъ богатѣйшаго учено-литературнаго наслѣдія Г. въ печати издана лишь небольшая часть, окончательное и всестороннее сужденіе немъ, какъ писателѣ, высказать невозможно. Несомнѣнно лишь, чтоэто былъ колоссальный представитель византійской учености, типичный византійскій энциклопедистъ, мощный, талантливый носитель византійскаго ученаго духа эпохи Палеологовъ.

Литература: 1) *Исторія* Г. въ трехъ томахъ издана въ боннской серіи Corpus scriptorum byzantinorum. 1829—30 г. 1855 г. Перепечатано у *Migne'я*, Patrologia graeca, t. 148 и 149. Здѣсь помѣщены и другія сочиненія Г., изданныя въ разное время и разными учеными. *Русскій переводъ* «Исторіи» изданъ при спб. духовной академіи. 1862 г. О другихъ изданіяхъ сочиненій Г. см. 2) *Karl Krumbacher*, Geschichte der byzantinichen Litteratur. Zweite Auflage. München. 1897 г. 3) *Проф. А. П. Лебедевъ*, Очерки исторіи византійско-восточной церкви отъ конца XI до половины XV вѣка. Изданіе I. Москва, 1892 г. 4) *Θ. И. Успенскій*, Очерки по исторіи византійской образованности. Спб. 1892 г. 5) *Епископъ Порфирій Успенскій*, «Исторія Аѳона». Часть III. Отдѣлъ 2. Спб. 1892 г. 6) *П. А. Сырку*, Къ исторіи исправленія книгъ въ Болгаріи въ XIV вѣкѣ. Спб. 1899 г. 7) Подробности объ иностранной литературѣ см. у *Крумбахера*, указ. соч. *И. Соколовъ.*

ГРИГОРЕВСКІЙ М. С. — смотритель арханг. дух. училища, магистръ богословія. Сынъ псаломщика курской губ., род. въ 1872 г.; по окончаніи курса въ кур. дух. семинаріи, поступилъ въ кіев. дух. академію, гдѣ окончилъ курсъ въ 1895 году съ правомъ полученія магистра богословія безъ новыхъ устныхъ испытаній. 1 февр. 1896 г. былъ опредѣленъ на должность преподавателя гражд. исторіи въ арханг. дух. семинарію, гдѣ состоялъ вмѣстѣ съ тѣмъ и преподавателемъ нѣмецкаго языка, 29 іюня 1899 г. онъ былъ назначенъ смотрителемъ арх. дух. училища, въ каковой должности состоитъ и въ настоящее время. Въ разное время Г. напечатаны въ дух. журналахъ и вышли отдѣльными оттисками слѣдующія работы: «Ложные пророки въ Ветхомъ Завѣтѣ и ихъ религіозно-политическія воззрѣнія въ борьбѣ съ истинными», «Воззрѣнія св. Іоанна Златоуста на существо и цѣль брачнаго союза», «Ставропигіальный первоклассный Соловецкій монастырь»; «Николаевскій Корельскій монастырь» (Историческій очеркъ); «Ученіе св. отцовъ и учителей церкви I — IV в. о бракѣ» (Историческій очеркъ, «Странникъ» 1898 г.); «Ученіе св. Іоанна Златоуста о бракѣ» («Странникъ» 1899 г.). «Религіозный характеръ русскихъ государей XVIII в.: «Религіозный характеръ имп. Александра I»,—«Царь Миротворецъ Александръ III»; «Сущность христіанской апологетики и полемики II в.» (по апологетическимъ твореніямъ); «Ученіе св. Іоанна Златоуста о бракѣ». Это послѣднее сочиненіе (въ исправл. и дополн. видѣ) было представлено на степень магистра богословія. Печаталось въ «Арх. Епарх. Вѣд.» 1901 г., №№ 3—18, прилож. Выясняя во вступительной своей рѣчи передъ диспутомъ (14 ф. 1903 г.) побужденія къ написанію своего труда, авторъ говоритъ, что въ послѣднее время, когда замѣтно всеобщее шатаніе нравственныхъ основъ, идея брака также не избѣжала своей участи,—и появилось два діаметрально противоположныхъ взгляда. По мнѣнію однихъ, бракъ въ своемъ существѣ есть нѣчто унизительное, скверна; онъ противорѣчитъ христіанскому идеалу, требующему отречься отъ себя для служенія Богу и ближнимъ. По другому воззрѣнію, сущность брака чувственна: чадозачатіе есть главный трансцедентно-мистическій актъ. «Христіанство, читаемое правильно, отъ начала къ концу, изъ рыданій надъ гробомъ и около гроба переходитъ въ неизъяснимую глубину херувимской пѣсни около брака».. Отношеніе къ полу въ этомъ воззрѣніи доведено до религіознаго

поклоненія ему и христіанское воззрѣніе на бракъ отождествлено съ языческимъ культомъ Ваала и Астарты. Въ виду такого колебанія взглядовъ и явилось у него желаніе обратиться къ ученію о бракѣ св. Іоанна Златоуста, этого величайшаго моралиста христіанской древности. По отзыву одного изъ оппонентовъ, доц. І. Бродовича, сочиненіе Г. удовлетворительно рѣшаетъ поставленную задачу: «характеръ работы выдержанъ вполнѣ, и авторъ, строго систематизировавъ свой матеріалъ, обнаружилъ большое знаніе свято-отеческой литературы и безпристрастное отношеніе къ ученію св. отцовъ о бракѣ; вслѣдствіе этого сочиненіе магистранта найдетъ отзвукъ и въ свѣтскомъ современномъ обществѣ. Несмотря на то, что сочиненіе написано на «сѣверѣ дикомъ», вдали отъ культурныхъ центровъ, оно все-же является довольно значительнымъ вкладомъ въ богословскую науку».

ГРИГОРІЙ — имя нѣсколькихъ святыхъ; изъ нихъ св. преп. Критскій — въ схимѣ мирно скончался въ окрестностяхъ Царьграда около 820 г.; *8 янв.* — преп. Печерскій ск. 1094 г.; *10 янв.* — Григорій Нисскій (см.); *25 янв.* — Григорій Богословъ (см.); *12 март.* — Григорій Двоесловъ или великій (см.); *20 апр.* — патріархъ Антіохійскій: *8 авг.* — преп. Печерскій иконописецъ, сподвижникъ Алипія иконописца, ск. 1310 г.; *30 сент.*: — св. просвѣтитель Великой Арменіи ск. 335 г., преп. Пельшемскій ск. 1442 г., основалъ обитель въ вологодской губ., гдѣ и мощи; *5 ноября* — архіепископъ александрійскій пострадалъ при Львѣ Исаврянинѣ; *14 ноября* Гр. Палама (см.); *17 н.* Гр. Неокесарійскій (см.); 20 н. Декаполитъ борецъ за иконопочитаніе, пострадалъ около 820 г.; *23 нояб.* — архіеп. акрагантійскій, участникъ 5-го всел. собора, ск. въ VI в.; *19 дек.* — епископъ омиритскій ск. около 552 г.

ГРИГОРІЙ БОГОСЛОВЪ — великій отецъ церкви и вселенскій учитель. Отецъ Гр. Б., Григорій Старшій, былъ епископомъ незначительнаго городка въ Каппадокіи — Назіанза. До своего обращенія въ христіанство онъ принадлежалъ къ сектѣ ипсистаріевъ, которые поклонялись Всевышнему, соблюдали іудейскія постановленія о субботѣ и пищѣ, но вмѣстѣ съ этимъ почитали огонь и свѣтъ. Въ 325 г., подъ вліяніемъ жены, онъ крестился, а въ 328 или 329 г. былъ избранъ епископомъ Назіанза. Какъ епископъ, онъ отличался щедрою благотворительностью и добротою, но былъ вспыльчивъ. По своему догматическому направленію онъ принадлежалъ къ полуаріанамъ, принявшимъ впослѣдствіи терминъ ὁμοούσιος. Мать Гр. Б. происходила отъ христіанскихъ родителей и была очень набожна Она не читала языческихъ сочиненій, проходя мимо языческихъ храмовъ, старалась не смотрѣть на нихъ. не прикасалась къ язычникамъ, не цѣловала родныхъ, если они не были крещены, не вкушала вмѣстѣ съ ними пищи.

Бракъ родителей св. Гр., долгое время оставался безплоднымъ. Гр. — вѣроятно первый плодъ этого брака, — былъ сыномъ молитвы. За нимъ слѣдовала дочь Горгонія и младшій сынъ Кесарій. Гр. родился около 329 года въ Аріанзѣ, имѣніи своихъ родителей, лежавшемъ недалеко отъ Назіанза къ югу. Мать и сына связывала трогательная любовь. Неудивительно поэтому, если религіозно-аскетическое настроеніе первой сообщалось и ребенку. Въ раннемъ дѣтствѣ Г. Б. видѣлъ поразившій его сонъ. Въ образѣ прекрасныхъ дѣвъ въ простой, но изящной одеждѣ, ему явились цѣломудріе и чистота, приглашая его слѣдовать за собою. Среднее образованіе Г. получилъ въ Кессаріи Каппадокійской, гдѣ онъ впервые встрѣтился съ Вас. Вел. Затѣмъ онъ предпринялъ свое образовательное путешествіе въ Кесарію Палестинскую, въ Александрію и Аѳины. Во время осенняго переѣзда изъ Александріи въ Аѳины Г. пережилъ тяжкіе часы смертельной опасности. Разразившаяся буря едва не потопила корабля. Г., тогда еще не крещенный, былъ въ отчаяніи, боясь погибнуть, не омывшись отъ грѣховъ въ водахъ крещенія. Въ Аѳинахъ Г. пробылъ довольно долго, и это время студенчества навсегда оставило въ немъ самыя лучшія воспоминанія. Здѣсь воз-

никла дружба между нимъ и Вас. Вел., пріѣхавшимъ въ Аѳины немного позднѣе. Друзья жили подъ одною кровлею, ревностно предавались занятіямъ, мечтали о жизни пустынниковъ, посвященной аскетическимъ подвигамъ. Соблазны большого города не коснулись ихъ: «они знали лишь два пути — въ школу и въ христіанскую церковь». Въ 355 г. они познакомились съ Юліаномъ, будущимъ реформаторомъ язычества, который тогда еще произвелъ на Г. самое отталкивающее впечатлѣніе. Около 357 г. не безъ труда оторвался Г. отъ «золотыхъ Аѳинъ» и чрезъ Константинополь возвратился на родину. Однако юношескимъ мечтамъ о жизни пустынника не суждено было исполниться: престарѣлые родители нуждались въ молодыхъ силахъ своего любимаго сына. Г. остается съ родителями, и ему ввѣряется управленіе имѣніемъ. Только на короткое время онъ посѣщаетъ своего друга въ его уединеніи на берегахъ Ириса. По возвращеніи въ 359 г. къ родителямъ, въ одинъ изъ большихъ праздниковъ, вѣроятно, въ Рождество, Г. былъ неожиданно для самого себя посвященъ отцомъ въ пресвитера. Отвѣтственность пастырскаго служенія устрашила созерцательную и слабовольную натуру Г., и онъ бѣжалъ въ Понтъ. Только по настойчивому требованію отца онъ возвратился къ мѣсту своего служенія. Отецъ Г., подобно большинству епископовъ, имѣлъ неосторожность подписать вѣроопредѣленія аріанскаго собора 360 г. Это вызвало негодованіе монаховъ, и обстоятельства приняли такой серьезный оборотъ, что миру Назіанза угрожала схизма. Стараніями Г., произнесшаго по этому случаю слово о мирѣ, примиреніе епископа съ паствою было достигнуто. Въ 365 г. Г. явился примирителемъ между Василіемъ Великимъ и Евсевіемъ Кесарійскимъ (См. Вас. Вел.). Въ 370 г. Евсевій Кесарійскій скончался. Предстояли бурные выборы новаго епископа. Лучшимъ кандидатомъ былъ Василій. Предвидя затрудненія, Василій подъ предлогомъ болѣзни пригласилъ въ Кесарію Г. Г. поѣхалъ, но на дорогѣ узналъ о дѣйствительной причинѣ приглашенія и, обиженный недостаткомъ искренности со стороны друга, съ негодованіемъ возвратился домой. Тѣмъ не менѣе всѣми уважаемый назіанзскій епископъ Григорій Старшій и его непосредственный помощникъ Г. Б. письмами къ вліятельнымъ епископамъ всячески поддерживали кандидатуру Василія, а въ рѣшительную минуту престарѣлый епископъ Григорій, несмотря на болѣзнь, отправился въ Кесарію, и его личное появленіе на соборѣ склонило мнѣніе избирателей въ пользу Василія (Объ обстоятельствахъ посвященія Г. Б. въ епископа Сасимъ и о его размолвкѣ съ Вас. Вел. см. статью Василій Великій). Послѣ полунасильственнаго посвященія въ епископа Сасимъ, Г. удалился въ Понтъ, но по настоянію отца возвратился въ Назіанзъ и оставался его ближайшимъ помощникомъ и викаріемъ до самой смерти престарѣлаго епископа, послѣдовавшей зимою въ концѣ 373 г. или началѣ 374 г. Вслѣдъ за отцомъ скоро скончалась и мать Г. Б.—Нонна. Братъ и сестра умерли ранѣе. Теперь св. Г. счелъ себя свободнымъ отъ всякихъ обязательствъ и рѣшился воспользоваться обстоятельствами для того чтобы осуществить свою давнишнюю мечту о подвижнической жизни. Оставаясь временнымъ замѣстителемъ своего покойнаго отца, онъ тотчасъ же пригласилъ епископовъ для избранія преемника почившему пастырю. Но такъ какъ епископы долгое время не могли ни на что рѣшиться, Г. внезапно оставилъ Назіанзъ и удалился въ Селевкію въ монастырь св. Ѳеклы. Здѣсь въ молитвенномъ уединеніи онъ провелъ нѣсколько лѣтъ—съ конца 375 до начала 379 г. 1 янв. 379 г. скончался Вас. Вел. Г. самъ въ это время былъ болѣнъ и не присутствовалъ ни при кончинѣ, ни на похоронахъ своего друга. Въ этомъ году начинается самый плодотворный, но самый печальный періодъ въ жизни Г. Столица находилась всецѣло въ рукахъ аріанъ. Небольшая горсть православныхъ, оставшаяся безъ пастыря, обратилась къ Г. съ предложеніемъ явиться въ столицу, стать во главѣ ихъ и поддержать умирающую никей-

скую вѣру. Этому плану сочувствовали многіе изъ православныхъ епископовъ. Весною 379 г. Г. прибылъ въ столицу и поселился въ домѣ своихъ родственниковъ. Одна изъ залъ этого дома была обращена въ церковь во имя воскресенія (Анастасія). Въ этомъ посвященіи Г. выразилъ свое желаніе видѣть воскресеніе никейской вѣры. Проповѣдь Г. имѣла успѣхъ, что навлекло на него преслѣдованіе со стороны аріанъ. Однажды толпа подъ предводительствомъ монаховъ ворвалась въ домашнюю церковь Г., осквернила алтарь, избила молящихся и въ этихъ безпорядкахъ обвинила потомъ самого же Г.

Много непріятностей перенесъ въ это время Г. отъ Максима Циника. Эта темная личность выдавала себя за потомка мучениковъ и за исповѣдника, претерпѣвшаго мученія за вѣрность никейской вѣрѣ. Какъ послѣдователь философіи циниковъ, Максимъ носилъ бѣлый плащъ, въ который умѣлъ красиво драпироваться, и длинные волосы, которые, согласно модѣ, завивалъ въ локоны и красилъ въ рыжій цвѣтъ. Чтобы снискать довѣріе Г., Максимъ хвалилъ его проповѣди, превозносилъ всѣ его планы и громилъ его противниковъ. Непрактичный и непроницательный Г. не распозналъ во время этого авантюриста, далъ ему убѣжище въ собственномъ домѣ, предоставилъ въ его распоряженіе столъ и все свое имущество и даже имѣлъ неосторожность произнести публично рѣчь въ похвалу Максима. Между тѣмъ Максимъ питалъ честолюбивые планы овладѣть каѳедрою Гр. Всѣ нити интриги исходили изъ Александріи. Петръ, еп. александрійскій, поддерживалъ Максима и чрезъ шпіоновъ слѣдилъ за успѣхами предпріятія. Когда почва была подготовлена, изъ Александріи прибыли епископы для посвященія Максима. Для этого ночью они тайно проникли въ каѳедральную церковь Г. и начали обрядъ посвященія. Но это было скоро замѣчено. Собравшійся народъ изгналъ епископовъ, которые бѣжали въ квартиру какого-то флейтиста, гдѣ и окончено прерванное богослуженіе. Получивъ санъ епископа, Максимъ попытался было овладѣть и каѳедрой Г. Съ этою цѣлію онъ отправился въ Ѳессалоники, гдѣ въ это время стоялъ съ войскомъ имп. Ѳеодосій, искать его благоволенія, но былъ отвергнутъ императоромъ, который желалъ имѣть епископомъ столицы только Г. Потрясенный этимъ случаемъ, Г. хотѣлъ удалиться изъ Константинополя, но былъ удержанъ народомъ.

24 ноября 380 г. имп. Ѳеодосій вступилъ въ столицу и передалъ православнымъ церкви, отнятыя у нихъ аріанами. 26 ноября Г. вмѣстѣ съ императоромъ торжественно вступилъ въ храмъ св. Апостоловъ. Въ это время со стороны озлобленныхъ аріанъ подготовлялось покушеніе на жизнь Г., «извлеченъ былъ одинъ мечъ, но опять былъ скрытъ въ ножны». Вскорѣ другой убійца проникъ въ спальню Г., но мучимый совѣстью раскаялся въ своемъ намѣреніи и просилъ у Г. прощенія. «Да спасетъ тебя Богъ, отвѣтилъ ему на это Г., а мнѣ спасенному не трудно быть милостивымъ». Замѣчательною чертою Г. служитъ его терпимость къ еретикамъ и иномыслящимъ. «Тайна спасенія, говорилъ онъ, для желающихъ, а не для насилуемыхъ». Сдѣлавшись господиномъ положенія въ столицѣ, Г. не былъ ревностенъ въ отобраніи церковныхъ имуществъ у аріанъ и не пользовался своимъ вліяніемъ, чтобы отплатить имъ за притѣсненія. Паства не понимала этого и роптала противъ него.

Въ маѣ 381 г., по волѣ имп. Ѳеодосія, былъ созванъ второй вселенскій соборъ въ Константинополѣ, подъ предсѣдательствомъ Мелетія Антіохійскаго. Согласно желанію императора и народа, епископомъ столицы былъ избранъ Г. Вскорѣ послѣ этого Мелетій скончался и предсѣдателемъ собора естественно сдѣлался вновь избранный епископъ Константинополя. Онъ тотчасъ же внесъ предложеніе, въ видахъ прекращенія антіохійскаго раскола, не избирать преемника Мелетію впредь до смерти второго антіохійскаго епископа Павлина, а послѣ смерти Павлина, избрать для Антіохіи одного епископа съ согласія той и другой

партіи. Предложеніе предсѣдателя было отвергнуто и преемникомъ Мелетія былъ избранъ Флавіанъ. Обиженный этимъ, Г. пересталъ посѣщать собранія, даже покинулъ архіерейскій домъ у церкви св. Апостоловъ и переѣхалъ въ частное помѣщеніе. Когда на соборъ прибыли запоздавшіе епископы Египта и Македоніи, они возбудили вопросъ о законности избранія Г., ссылаясь на 15 правило 1-го всел. собора, воспрещающее епископамъ переходить съ одной каѳедры на другую. Не желая служить причиною раздора, св. Г. явился въ засѣданіе собора, добровольно отказался отъ константинопольской каѳедры и въ іюнѣ 381 г. удалился въ Назіанзъ. Его мѣсто по избранію собора занялъ Нектарій. Возвратившись на родину, Г. нашелъ церковь, которою управлялъ его отецъ, въ рукахъ аполлинаристовъ. Забота о подавленіи ереси заставила его взять на себя снова бремя церковнаго правленія, пока въ 383 году не былъ избранъ по его указанію епископомъ Назіанза Евлалій. Послѣ этого Г. удалился въ свое имѣніе, гдѣ и провелъ остальныя шесть лѣтъ своей жизни, въ уединеніи, среди природы, страдая отъ болѣзней и одиночества и занимаясь литературными трудами. Онъ умеръ въ 389 году.

Значеніе Г. Б. въ исторіи догматовъ исчерпывается тремя пунктами. 1) Въ ученіи о Троицѣ Г. В. примыкалъ, какъ и Василій В., къ новоникейской партіи, которая развилась изъ такъ называемаго полуаріанства, принявшаго терминъ ὁμοούσιος и истолковавшаго его въ смыслѣ ὁμοιούσιος. Сочиненія Г. Б. были первымъ научнымъ обоснованіемъ ученія новоникейцевъ. Ученіе о Троицѣ и троичная терминологія Г. Б. по существу тожественны съ ученіемъ и терминологіей Вас. Вел., но болѣе послѣдовательны. Сущность его ученія выражается формулой: Богъ единъ по существу и троиченъ по ипостасямъ. Единство лицъ Пресв. Троицы выражается терминами μία θεότης, μία οὐσία, μία φύσις, троичность лицъ — τρεῖς ὑποστάσεις, τρεῖς ἰδιότητες, особенности каждаго лица—ἀγεννεσία, γέννησις, ἔκπεμψις. Οὐσία понимается въ смыслѣ родового понятія, ὑπόστασις въ смыслѣ индивидуальныхъ особенностей, ὁμοούσιος въ смыслѣ полнаго подобія по существу. Признавая численное различіе лицъ Св. Троицы, Г. навлекалъ на себя обвиненія въ требожіи, но отклонялъ его на основаніи тѣхъ же соображеній, которыя были высказаны и Вас. Вел. Ученіе о Духѣ Святомъ у Г. Б. болѣе закончено чѣмъ, у Вас. Вел. Г. относился снисходительно къ людямъ, колеблющимся въ ученіи о Духѣ Святомъ. «Кто признаетъ Духа Богомъ, говоритъ онъ, тотъ божественъ. А кто даже и именуетъ Его Богомъ, тотъ, если дѣлаетъ это предъ людьми благоразумными, высокъ, а если предъ низкими, неосмотрителенъ». Въ то время, какъ Вас. Вел. избѣгалъ называть Духа Св. Богомъ, Г. открыто доказывалъ эту истину. Объясняя, почему въ св. Писаніи Духъ Св. никогда не называется Богомъ, Г. высказываетъ оригинальное ученіе о продолжаемости откровенія въ церкви. «Ветхій Завѣтъ возвѣщалъ объ Отцѣ ясно, а о Сынѣ не такъ ясно. Новый открылъ Сына, на божество же Духа только указалъ. Теперь (со времени пятидесятницы) Духъ Св. живетъ съ нами, сообщая намъ яснѣйшее преданіе о себѣ». Въ то время, какъ Вас. Вел. удовлетворялся формулою антіохійскаго собора 362 г., требующей отъ присоединяющихся къ православію аріанъ лишь обѣщанія не называть Духа Св. тварью, Г. доказывалъ всю непослѣдовательность этой формулы, такъ какъ между Богомъ и тварью не можетъ быть ничего средняго. Личною особенностью Духа Св. Вас. Вел. признавалъ святыню. Это оригенистическое мнѣніе противорѣчило всей новоникейской системѣ и терминологіи, такъ какъ святыня принадлежитъ всѣмъ тремъ лицамъ. Г. устранилъ это опредѣленіе и замѣнилъ его другимъ, указывающимъ личную особенность Духа по аналогіи съ личною особенностію Сына въ способѣ происхожденія (ἐκπόρευσις, ἔκπεμψις).

2) Наряду съ ученіемъ о Троицѣ для позднѣйшаго времени важное значеніе имѣла христологія Г. Б. Выдержки изъ

сочиненій Г. въ доказательство истинности православнаго ученія о лицѣ I. Христа приводились отцами Ефесскаго и Халкидонскаго собора. Ученіе о лицѣ I. Христа выяснилось въ сознаніи св. Г. уже въ послѣдніе годы его жизни, когда, возвратившись изъ Константинополя и найдя церковь назіанзскую въ рукахъ аполлинаріанъ, онъ познакомился съ сочиненіями Аполлинарія и подвергъ ихъ критикѣ. По ученію Г. Б., человѣческая природа Христа состоитъ не только изъ тѣла и неразумной души, какъ утверждалъ Аполлинарій, но и изъ ума или духа. Въ пользу этой мысли онъ приводилъ основанія философскія и сотиреологическія. Аа) Только умъ отличаетъ человѣческую душу отъ души животныхъ. Если Логосъ воспринялъ лишь душу, то не можетъ быть и рѣчи о вочеловѣченіи. Аб) Только чрезъ посредство безплотнаго ума Логосъ могъ соединиться съ тѣломъ и душею человѣка. В) Искупленіе состоитъ въ обожествленіи человѣческой природы вслѣдствіе ея соединенія съ Божествомъ въ лицѣ I. Христа. Если умъ, иниціаторъ грѣха, не воспринятъ Сыномъ Божіимъ, то самое главное въ человѣкѣ остается неискупленнымъ. Несмотря на соединеніе въ лицѣ I. Христа Божества и полной человѣческой природы, личность Богочеловѣка остается единой и нераздѣльной.

3) Г. Б. вмѣстѣ съ Вас. Вел. тщательно изучалъ Оригена. Это отразилось на его богословской системѣ, въ которой есть много отзвуковъ оригенизма. Сюда относится своеобразная переработка оригеновскаго ученія о вѣрѣ и гносисѣ, ученіе о томъ, что Богъ выше сущности, ученіе объ умѣ, какъ посредствующемъ началѣ, чрезъ посредство котораго возможно было соединеніе безплотнаго Логоса съ душою и тѣломъ человѣка, ученіе о существованіи въ загробномъ мірѣ очистительнаго огня для грѣшниковъ, нѣкоторая неувѣренность въ ученіи о вѣчности мученій. Изъ философскихъ вліяній на системѣ Г. болѣе всего отразился новоплатонизмъ.

Сочиненія Г. раздѣляются на три группы: 45 словъ, 243 письма и собраніе стихотвореній.

1) Изъ словъ Г. Б. особенно важны въ догматическомъ отношеніи а) «Пять словъ о богословіи», названныя такъ самимъ проповѣдникомъ и въ свою очередь сообщившія ему наименованіе Богослова (Новое изданіе A. I. Mason, Orationes quinque de theologia. Cambridge. 1899), б) «О поставленіи епископовъ и о догматѣ св. Троицы», в) «О соблюденіи добраго порядка въ собесѣдованіи о Богѣ». Въ этихъ словахъ, произнесенныхъ въ Константинополѣ, защищается православное ученіе о Троицѣ противъ аріанъ и послѣдователей Македонія.

Въ историчеслмъ отношеніи важны похвальныя слова въ честь Вас. Вел. и Григорія Старшаго, Кесарія (Новое изд. E. Sommer. Paris. 1898). Особенною извѣстностію пользуется «Защитительное слово по поводу бѣгства въ Понтъ послѣ посвященія въ пресвитера». Въ немъ говорится о высотѣ и трудности пастырскаго служенія. Позднѣйшіе писатели древніе и новые широко пользуются этимъ словомъ.—Два обличительныхъ слова противъ Юліана, написанныя вскорѣ послѣ его трагической смерти (26 іюня 363 г.), стоятъ не на высотѣ христіанскихъ чувствъ и по своему страстному характеру не достойны благородной души Г. По своимъ научнымъ склонностямъ Г. былъ филологъ въ широкомъ смыслѣ и болѣе всего цѣнилъ науки литературныя. Онъ усвоилъ гомилетическія теоріи своего времени и никогда не отступалъ отъ нихъ. Отсюда огромный успѣхъ, который проповѣди Г. имѣли среди его современниковъ. Но отсюда же и ихъ недостатки: внѣшніе эффекты, вычурность, искусственно подобранныя антитезы, игра словъ, широкое употребленіе общихъ мѣстъ.

2) Большая часть писемъ св. Г. относится къ послѣднимъ годамъ его жизни. Письма Г. не могутъ идти въ сравненіе съ письмами Вас. Вел. съ точки зрѣнія ихъ исторической важности, но въ литературномъ отношеніи они представляютъ собою лучшія произведенія Г. Б.

Нѣкоторыя изъ писемъ Г. важны въ догматическомъ отношеніи. Сюда относятся высоко цѣнившіяся въ послѣдующее время посланія къ пресвитеру Кледонію и патріарху Нектарію. Оба направлены противъ Аполлинарія.

3) Большинство стихотвореній Г. Б. написано имъ также въ уединеніи послѣднихъ лѣтъ жизни. Изнуренный болѣзнію и тяготясь одиночествомъ, Г. находилъ отраду въ стихахъ. Къ тому же онъ хотѣлъ противопоставить свои стихи, съ одной стороны, произведеніямъ классическихъ поэтовъ, съ другой, еретическимъ стихотвореніямъ Аполлинарія. Самое важное изъ стихотворныхъ произведеній Г.—автобіографическая поэма о жизни своей,—главный источникъ для его жизнеописанія. Трагедія Χριστὸς πάχων (11 или 12 в.) не принадлежитъ Г. Б.

Источникомъ для жизнеописанія Г. Б. служатъ главнымъ образомъ его сочиненія, которыя въ противоположность сочиненіямъ Вас. Вел. и Г. Нис., полны автобіографическихъ подробностей и лирическихъ отступленій, прекрасно характеризующихъ особенности его личности и настроенія. У древнихъ историковъ сравнительно съ сочиненіями Г. Б. нѣтъ ничего новаго. Житіе Г. Б, написанное пресвитеромъ Григоріемъ, составлено по его сочиненіямъ съ произвольными и ни на чемъ не основанными добавленіями. Лучшимъ совокупнымъ изданіемъ твореній Г. Б. служитъ Бенедиктинское, перепечатанное у Migne, p. gr. XXXV—XXXVIII.

Въ русской церкви издавна обращались переводы твореній Г. Б. Въ спискѣ XI в. сохранились 13 словъ Г. Б., въ переводѣ болгарской редакціи. Позднѣе болгарскій переводъ былъ исправленъ въ Сербіи и въ исправленномъ видѣ тоже проникъ въ Россію. 50 словъ Г. Б. были переведены на славянскій языкъ Епифаніемъ Славинецкимъ (Богодухновенная книга великихъ пастырей и учителей всея вселенныя. Москва. 1787—1790). Почти одновременно былъ изданъ въ Москвѣ (1798) переводъ «Поучительныхъ словъ Г. Б.» Ириною Климентьевскимъ. Съ 1822 по 1841 г. появлялся отъ времени до времени переводъ твореній Г. Б. въ «Христіанскомъ Чтеніи». При московской дух. академіи изданъ полный переводъ твореній Г. Б. Т. 1—6. Москва. 1843—1848. Изд. 2. 1889 г.

Изслѣдованія о жизни и сочиненіяхъ Г. Б.: *Арх. Агапитъ*, Жизнь Григорія Богослова, архіеп. Константинопольскаго. и его пастырская дѣятельность. СПБ. 1869. Свящ. *Н. Виноградовъ*, Догматическое ученіе св. Григорія Богослова. Казань. 1887. *А. Говоровъ*, Св. Григорій Богословъ, какъ христіанскій поэтъ. Казань. 1886.—*C. Ullmann*, Gregorius v. Nazianz, der Theolog. 2 Auf. Gotha. 1867. *Fr. Böhringer*, Die Kirche christi und ihre Zeugen. B. VIII. *H. Weiss*, Die grossen Kappadocier Basilius, Gregor. v. Nazianz und Gregor. v. Nyssa, als Exegeten. Braunsberg. 1872. Fr. *K. Hümmer*, Des hl. Gregr. v. Nazianz, der Thelogen, dehre von der Gnade. Kemptir. 1890. *A. Benoît*, St. Gregoire de Nazianz, archevque de Constantinople et docteur de l'eglise. Paris. 2 edit. 1885. *Проф. И. Поповъ.*

ГРИГОРІЙ Неокесарійскій, называемый Θавматургомъ, т. е. чудотворцемъ, родился въ Неокесаріи, въ Понтѣ, теперь Никсарѣ, на рѣкѣ Ликѣ, около 221 года. Его настоящее имя было Θеодоръ, то-есть, «богодарованный»; родители его однако же не были христіанами, а ревностными язычниками, занимавшими почетное положеніе и находившимися въ хорошихъ матеріальныхъ обстоятельствахъ. Хотя въ Понтѣ и были христіане уже во времена ап. Петра, однако Неокесарія настолько была еще попреимуществу языческою, что, когда Г. сдѣлался въ ней епископомъ, въ ней оказывалось только всего 17 христіанъ.

Главными источниками для его жизнеописанія служатъ его собственныя творенія, рѣчь Г. Нисскаго и нѣсколько намековъ на него у Іеронима, Василія Великаго и у церковныхъ историковъ. Вотъ что говоритъ о немъ бл. Іеронимъ въ жизнеописаніяхъ своего творенія «De Viris illustribus»: «Θеодоръ, который впослѣдствіи назывался Г., епископъ Неокесаріи въ Понтѣ, въ крайне раннемъ возрастѣ, по причинѣ своихъ знаній въ греческой и латинской литературѣ, пошелъ изъ Каппадокіи въ Беритъ и оттуда въ Палестинскую Кесарію, сопровождаемый своимъ братомъ Аθинодоромъ. Когда

Оригенъ замѣтилъ ихъ выдающіяся способности, онъ поощрялъ ихъ изучать философію, въ которой, постепенно вводя ихъ въ вѣру Христову, онъ сдѣлалъ ихъ своими собственными послѣдователями. Проучившись у него въ теченіе пяти лѣтъ, они отправлены были назадъ къ ихъ матери. Передъ тѣмъ какъ отправиться въ путь, Ѳеодоръ написалъ благодарственный панегирикъ Оригену и, созвавъ большое собраніе, прочиталъ его въ присутствіи самого Оригена, и произведеніе это еще существуетъ. Онъ написалъ также парафразъ книги Екклесіастъ, правда краткій, но чрезвычайно полезный. Въ обращеніи находятся также и различныя его посланія, и онъ особенно славился знаменіями и чудесами, которыя совершалъ во время своего епископствованія къ великой славѣ церквей». Въ своемъ «Панегирикѣ» Г. также даетъ нѣсколько автобіографическихъ подробностей. До четырнадцатилѣтняго возраста онъ былъ, подобно своимъ родителямъ, язычникомъ, но въ это время отецъ его умеръ. Это обстоятельство оказалось поворотнымъ пунктомъ въ его жизни. Мать его желала, чтобы онъ воспитанъ былъ для общественной жизни въ качествѣ оратора, и вслѣдствіе этого ему посовѣтовала поступить въ общественную школу юриспруденціи въ Беритѣ, предпочитая эту школу даже отправленію въ Римъ. Около этого времени его зятю было предложено занять важный постъ при римскомъ правителѣ въ Кесаріи, и когда онъ получилъ возможность вызвать къ себѣ свою жену, она была сопровождаема, по его просьбѣ, ея двумя молодыми братьями, Григоріемъ и Аѳинодоромъ, которые такимъ образомъ и получили возможность воспользоваться общественными колесницами и паспортами (σύμβολα), которые присланы были изъ Кесаріи съ однимъ римскимъ воиномъ. Во время путешествія они проходили чрезъ многіе города и, наконецъ, прибыли въ Беритъ, откуда, какъ бы по особому указанію свыше, они отправились въ Кесарію и поступили подъ попеченіе и обученіе Оригена. Разъ поддавшись могучему обаянію его генія, они напрасно старались уже освободиться отъ него. Ихъ наклонность къ философіи была еще болѣе усилена благословеннымъ и любвеобильнымъ наставленіемъ Оригена. День за днемъ они ходили къ нему, и съ самаго начала «души ихъ были пронжены его разумомъ, какъ стрѣлою; ибо онъ обладалъ рѣдкимъ сочетаніемъ сладостной убѣдительности съ странною силою принудительности». Тамъ они научились смотрѣть на философію, какъ на основу всякаго истиннаго благочестія, и отказались отъ всѣхъ другихъ цѣлей. Оригенъ, повидимому, посвятилъ себя сердцемъ и душой ихъ воспитанію. Начавъ съ логики, онъ провелъ ихъ въ должной послѣдовательности чрезъ физику, геометрію и астрономію; но главнѣе всего онъ вливалъ въ ихъ души принципы нравственности и подтверждалъ свое ученіе постоянствомъ и простотою своей личной жизни. Справедливость, благоразуміе, умѣренность, твердость, самопознаніе,—все это, повидимому, ослѣпляло ихъ въ ученіи Оригена и истекало изъ того благочестія, которое онъ излагалъ предъ ними, какъ мать всѣхъ добродѣтелей. Но въ то же время онъ незамѣтно склонялъ ихъ къ признанію еще болѣе глубокихъ и вѣчныхъ истинъ, къ убѣжденію ихъ въ которыхъ онъ напрягалъ всѣ свои чудесные дары убѣдительности. Онъ велъ ихъ къ метафизикѣ и богословію, какъ къ вѣнцу всего, что только онъ преподавалъ. Тѣмъ не менѣе его наставленіе отнюдь не было узкимъ. Онъ читалъ съ ними лучшую литературу языческой Греціи и не запрещалъ изученія никакихъ книгъ, за исключеніемъ совершенно атеистическихъ. Верхъ его силы обнаруживался въ толкованіи св. Писанія, и задолго еще, чѣмъ онъ достигъ этого пункта, юноши уже перестали быть язычниками, потому что «подобно нѣкой молніеносной искрѣ, павшей на наши души, въ насъ возгорѣлась и перешла въ пламя любовь, именно любовь къ святому Логосу, святѣйшему изъ всѣхъ предмету, который привлекаетъ все къ себѣ своею неизреченною красотою». Прошло пять лѣтъ съ того вре-

мени, какъ юноши стали учиться у Оригена въ Кесаріи. Къ этому времени, вѣроятно, относится случай ложнаго обвиненія Г. въ безнравственности. По разсказу Григорія Нисскаго, одна женщина возбудила обвиненіе противъ Г. и требовала нѣкоторой суммы денегъ. Сумму эту онъ съ презрѣніемъ заплатилъ, но немедленно послѣ принятія ея женщина сдѣлалась бѣсноватой, и демонъ изъ нея былъ изгнанъ Г. Но вотъ настало время для Г. оставить своего возлюбленнаго учителя. Онъ радъ бы остаться съ нимъ до конца своей жизни, какъ ученикъ и слушатель, и онъ сравниваетъ свое отшествіе съ оставленіемъ Адамомъ рая, или съ удаленіемъ блуднаго сына изъ дома своего отца, или съ отведеніемъ іудеевъ въ вавилонскій плѣнъ. Единственнымъ его утѣшеніемъ было то, что Спаситель его останется съ нимъ и будетъ хранить его. «Но, о дорогая душа», говоритъ онъ, обращаясь къ Оригену, «возстань и вознеси молитву, и теперь отпусти насъ; и какъ съ твоимъ святымъ обученіемъ ты былъ нашимъ спасителемъ, когда мы наслаждались твоимъ обученіемъ, такъ спасай насъ твоими молитвами и въ нашемъ разлученіи... Молись, чтобы Господь послалъ намъ какого-либо добраго путеводителя, какого-либо ангела въ сотоварищи намъ на пути. И умоли его также повернуть нашъ путь и привести насъ обратно къ тебѣ: потому что это болѣе всего могло бы утѣшить насъ». Счастливъ учитель, заслуживающій такой любви! Счастливы ученики, благодарность которыхъ вдохновила такой панегирикъ! Недолго спустя послѣ того, какъ Г. возвратился въ свой родной городъ, онъ получилъ отъ Оригена письмо, адресованное къ нему, какъ «моему превосходнѣйшему господину и достопочтенному сыну». Письмо это еще существуетъ и теперь, такъ какъ сохранено было Григоріемъ Назіанзиномъ и Василіемъ Великимъ въ «Филокаліи». Оригенъ, поговоривъ о способностяхъ и знаніяхъ Г. въ римскомъ законѣ и греческой философіи, убѣждаетъ его посвятить свои таланты споспѣшествованію христіанства и направить свои различныя ученыя занятія къ расширенію божественнаго знанія; воспользовавшись всѣмъ, что есть лучшаго въ языческой литературѣ, онъ, подобно израильтянамъ, могъ взять добычу отъ египтянъ. Главнѣе всего онъ убѣждаетъ его изучать св. Писаніе, въ которомъ онъ найдетъ полноту обѣтованія: стучите, и откроется вамъ. «Моя отеческая любовь къ тебѣ», говоритъ онъ въ заключеніе, «сдѣлала меня столь смѣлымъ; но хороша ли эта моя смѣлость, это знаетъ Богъ, Его Христосъ и всѣ участники Духа Христова. Да будешь участникомъ также и ты». Затѣмъ извѣстно, что Г., будучи еще молодымъ человѣкомъ, былъ избранъ на епископскую каѳедру Неокесаріи. Услышавъ о томъ, что это избраніе имѣлось въ виду, Г. скрылся, но Федимъ, епископъ амасейскій, побѣдилъ его нежеланіе необычайной мѣрой, по которой онъ сначала избралъ и рукоположилъ его заочно, и затѣмъ уже склонилъ его подчиниться обычному обряду. Его епархія, правда, была необширною, если вѣрно то, что въ городѣ было всего только 17 христіанъ. Но мы имѣемъ свидѣтельство, что все населеніе уже упрашивало его остаться среди нихъ и, подобно другому Моисею, быть ихъ правителемъ и законодателемъ. Его убѣдили склониться на эту просьбу, что было не только слѣдствіемъ его собственнаго размышленія, но, по свидѣтельству Г. Нисскаго, результатомъ особаго видѣнія, въ которомъ Пресв. Дѣва Марія поручала ап. Іоанну наставить его въ истинной вѣрѣ. Еще и теперь существуетъ символъ вѣры, носящій его имя, и Г. Нисскій говоритъ, что въ Неокесаріи онъ видѣлъ подлинный автографъ этого символа. Символъ этотъ сдѣлался образцомъ вѣры для церкви Понта, и Василій Великій говоритъ, что онъ и его братъ научились этому символу отъ своей бабки Макрины. Василій Великій приписываетъ православіе церкви понтійской именно вліянію Г. Епископъ нисскій подробно передаетъ объ этомъ въ своей «Жизни Григорія Чудотворца», хотя подлинность этого жизнеописанія не безусловно досто-

вѣрна. Вѣроятно, около 240 года Г. былъ рукоположенъ въ санъ епископа, и свое время, главнымъ образомъ, проводилъ въ миссіонерскихъ трудахъ. Онъ былъ столь успѣшенъ въ этомъ отношеніи, что когда умеръ, то всѣ граждане Кесаріи сдѣлались христіанами за исключеніемъ 17 человѣкъ. Въ 250 году начало свирѣпствовать гоненіе Деція, и Г., который по этому предмету держался здравыхъ воззрѣній Аѳанасія, Діонисія Александрійскаго и Кипріана, удалился и совѣтовалъ всѣмъ, кто были въ опасности, спасать свою жизнь бѣгствомъ или сокрытіемъ. Онъ былъ, правда, преслѣдуемъ до самаго мѣста своего укрывательства, но, согласно съ однимъ сказаніемъ, посланные арестовать его и его діакона видѣли предъ собою только два дерева. Въ 257 году онъ въ состояніи былъ возвратиться въ Неокесарію. Въ 258 году онъ учредилъ ежегодные праздники въ память мучениковъ, надѣясь, что они посодѣйствуютъ въ дѣлѣ привлеченія къ христіанству языческаго населенія, привычнаго къ такимъ праздникамъ. Въ 266 году его церковь пострадала отъ нашествія готовъ и борадовъ, которые увели съ собою многихъ плѣнниковъ, и она еще болѣе удручена была низкимъ и алчнымъ поведеніемъ многихъ мнимыхъ христіанъ, которые воспользовались этимъ обстоятельствомъ ради своихъ собственныхъ мірскихъ интересовъ. Эти факты мы узнаемъ изъ каноническаго письма Г., въ которомъ такой образъ дѣйствія подвергается строгому обличенію. Въ 264 году Г. присутствовалъ на соборѣ антіохійскомъ, созванномъ для осужденія Павла Самосатскаго, и опять въ 269 году, если только Ѳеодоръ, подписавшій акты этого собора, есть именно Г. Онъ умеръ, вѣроятно, около 270 года, сожалѣя съ своимъ послѣднимъ вздохомъ, что въ Неокесаріи осталось хотя бы даже только 17 язычниковъ, и дѣлая распоряженіе, чтобы для его могилы не покупалось никакой земли. Онъ былъ погребенъ въ великолѣпной церкви, построенной имъ самимъ.

О немъ разсказывается много чудесъ: напримѣръ, какъ онъ, поставивъ свой жезлъ въ ложе рѣки Лика, обратно повернулъ ея теченіе, и какъ его посохъ превратился въ дерево; какъ онъ совершенно высушилъ одно озеро, около котораго спорили два молодыхъ брата, такъ что даже въ ложбинахъ не осталось никакой влаги; какъ онъ провелъ однажды ночь въ языческомъ храмѣ, изгоняя обаяніемъ своего присутствія оракуловыхъ демоновъ и давая имъ позволеніе возвратиться написаніемъ на пергаментѣ: «Григорій сатанѣ — войди»; какъ онъ однимъ словомъ могъ двигать самые тяжелые камни; какъ большая часть его дѣлъ исцѣленія повела къ построенію христіанской церкви, которая стояла во времена Григорія Нисскаго; какъ онъ убилъ одного іудея, притворившагося мертвымъ, набросивъ на него свою мантію; какъ на одномъ большомъ собраніи язычниковъ въ театрѣ чернь выкрикивала: «Зевсъ, дай намъ мѣстъ»! и Г. послалъ имъ сказать: «вамъ будетъ дано больше мѣстъ, чѣмъ вы просите или даже воображаете себѣ», послѣ чего послѣдовала ужасная и опустошительная язва, которая прекратилась только по молитвамъ Г. Какъ изъ этого, такъ и изъ многихъ другихъ обстоятельствъ, мы можемъ ясно видѣть, что Г. былъ однимъ изъ тѣхъ людей, которые одарены были необычайными дарованіями ума и сердца, и своимъ достоинствомъ и благочестіемъ производили необычайное впечатлѣніе на души и даже тѣла другихъ. Весьма интересна картина, представляемая его панегиристомъ касательно его миссіонерскихъ трудовъ. Изъ этой картины видно, что рано утромъ около его дверей собирались толпы всякаго возраста и пола съ больными и огорченными, и что согласно съ ихъ различными нуждами Г. «проповѣдывалъ, спрашивалъ, увѣщевалъ, наставлялъ и исцѣлялъ. Такимъ путемъ и знаками божественной силы, проявлявшейся въ немъ, онъ привлекалъ толпы къ проповѣди Евангелія. Печальный былъ утѣшаемъ, юноша былъ научаемъ трезвенности, старцу преподавался надлежащій совѣтъ. Рабы были увѣщаемы къ должному исполненію обязанностей по от-

ношенію къ своимъ господамъ; люди властные — быть добрыми къ своимъ подчиненнымъ. Бѣдные были научаемы, что добродѣтель есть единственное богатство, и богатые — что они только управители богатства, а не его собственники».

Главные источники для жизнеописанія св. Григорія Чудотворца слѣдующіе: его «Панегирикъ па Оригена»; *Григорій Нисскій* Orat; *Basil*, De Spir. Sanct. XXIX, 73; pp. 28, 204, 210 *Jer.*, De Vir. ill. 65; In Eccles, 4, Ep. 70. *Rufinus*, H. E. VII, 15, *Sozomen*, VII, 27. *Socrates*, IV, 27, *Evagrius*, III, 31: Suidas, Lexicon. См. у *Фаррара* въ соч. «Жизнь и труды свв. отцевъ и учителей церкви» 2-е изданіе 1902 г. т. 1, стр. 586 и сл.

ГРИГОРІЙ Нисскій, отецъ и учитель церкви. Г., впослѣдствіи епископъ нисскій, братъ Вас. Вел., былъ значительно моложе его годами. Г. Н. называетъ Вас. Вел. своимъ учителемъ и отцомъ (о родителяхъ и братьяхъ Г. Н. смотри подъ слов. Вас. Вел.). Для опредѣленія года рожденія Г. Н., кромѣ того факта, что онъ былъ значительно моложе Вас. Вел., нѣтъ никакихъ данныхъ. Нѣтъ опредѣленныхъ свидѣтельствъ какъ о годахъ его дѣтства, такъ о его воспитаніи. Образованіе Г. получилъ уже не такое блестящее, какъ его братъ Василій. Оно ограничилось посѣщеніемъ отечественныхъ школъ и не было восполнено образовательнымъ путешествіемъ въ центры просвѣщенія. Знанія, пріобрѣтенныя имъ въ языческой школѣ Кесаріи, были потомъ восполнены самостоятельными научными занятіями и уроками Вас. Вел., которымъ Г., по его словамъ, былъ очень многимъ обязанъ. Въ ранней молодости Г. не обнаруживалъ большой религіозности. Изъ этого періода его жизни извѣстенъ слѣдующій фактъ. Однажды въ имѣніи его матери предполагался праздникъ перенесенія мощей 40 мучениковъ. Г., обучавшійся въ Кесаріи, былъ приглашенъ принять участіе въ этомъ семейномъ торжествѣ. Раздосадованный необходимостью прервать свои занятія и негодуя на то, что празднество не было отложено до другого болѣе благопріятнаго времени, равнодушно слушалъ Г. пѣснопѣнія богослуженія, происходившаго въ саду и длившагося всю ночь, и, наконецъ, удалившись въ одну изъ бесѣдокъ, легъ спать. Но здѣсь онъ увидѣлъ сонъ, имѣвшій на него нѣкоторое вліяніе. Ему снилось, что онъ хочетъ войти въ садъ, но какіе-то свѣтоносные воины не пропускаютъ его и только, благодаря заступничеству одного изъ нихъ, ему удается избѣжать наказанія. Вѣроятно, подъ вліяніемъ этого устрашающаго сновидѣнія онъ принялъ на себя обязанности анагноста, состоявшія въ чтеніи св. Писанія въ богослужебныхъ собраніяхъ. Однако его религіозное одушевленіе не было продолжительнымъ. Мечты о свѣтской карьерѣ скоро отвлекли его въ другую сторону. Онъ избралъ для себя призваніе преподавателя риторики, что вызвало разные пересуды въ обществѣ и недовольство друзей. По всей вѣроятности, въ это же время Г. вступилъ въ бракъ съ Ѳеосевіей, о благочестіи и высотѣ религіознаго настроенія которой много говоритъ Г. Бог., въ письмѣ къ Г. Н. по поводу ея смерти. Повидимому, со времени посвященія Г. Н. супруги, по взаимному соглашенію, отказались отъ супружескихъ сношеній. Хотя на это нѣтъ никакихъ указаній въ источникахъ, но біографы Г. Н. обыкновенно предполагаютъ, что онъ недолго стремился къ славѣ ритора, но скоро подъ вліяніемъ членовъ своей аскетически настроенной семьи и друзей оставилъ міръ и удалился въ монастырь, основанный Вас. Вел. на берегу Ириса. Избраніе Вас. Вел. въ епископы, нежелательное для извѣстной части кесарійскаго духовенства, послужило причиною разрыва вновь избраннаго епископа съ дядей, епископомъ Г., человѣкомъ очень близкимъ и уважаемымъ въ семьѣ Вас. Вел. Желая примирить родственниковъ, неопытный въ дѣлахъ житейскихъ, Г. Н. написалъ два подложныхъ письма къ Василію отъ имени дяди, дѣлая за него и вопреки его волѣ этотъ первый шагъ къ примиренію. Подлогъ, конечно, тотчасъ же былъ раскрытъ, епископъ отрекся отъ писемъ, и Вас. Вел. оказался въ такомъ положеніи, что желалъ, чтобы подъ нимъ «разступилась земля». Немного ранѣе пасхи 372 г. Г. былъ посвященъ Вас. Вел. въ

епископы незначительнаго города Ниссы. Но и въ епископскомъ санѣ Г. Н. остался такимъ же неопытнымъ въ дѣлахъ житейскихъ. Желая оказать услугу Вас. Вел., онъ собралъ какой то соборъ въ Анкирѣ, но сдѣлался самъ орудіемъ интригъ и только повредилъ дѣлу. Хорошо зная неопытность брата въ дѣлахъ церковныхъ, Вас. Вел. отклонилъ предложеніе нѣкоторыхъ епископовъ включить епископа Ниссы въ число членовъ посольства, которое предполагалось послать въ Римъ къ папѣ Дамасу. Въ царствованіе Валента Г. подвергся несправедливымъ гоненіямъ со стороны аріанскаго правительства, старавшагося замѣщать епископскія каѳедры своими приверженцами. Зимою 375 г. въ Каппадокію прибылъ намѣстникъ Понта Демосѳенъ. Вскорѣ послѣ этого въ Анкирѣ составился соборъ изъ покорныхъ правительству епископовъ. На этомъ соборѣ Г. былъ обвиненъ въ растратѣ церковныхъ денегъ. Кромѣ того, были выставлены какія-то основанія противъ законности его поставленія во епископа. По приказанію Демосѳена Г. былъ арестованъ и подъ конвоемъ отправленъ въ Анкиру. Дорогою онъ очень страдалъ отъ грубости солдатъ и собственной болѣзни. У него была лихорадка и колотье въ боку, причинявшее ему страданіе при каждомъ толчкѣ и сотрясеніи. Не видя другого исхода, Г. рѣшился бѣжать и, какимъ то образомъ ускользнувъ отъ стражи, скрылся въ безопасное мѣсто. На этотъ разъ осужденіе Г. по случаю его отсутствія не состоялось. Но весною 376 г. созванъ былъ новый соборъ изъ епископовъ Понта и Галатіи въ самой Ниссѣ. Г. опять не явился на судъ, но былъ низложенъ заочно и сосланъ, а его каѳедра отдана человѣку, котораго можно было «купить за нѣсколько оболовъ». По смерти Валента (9 авг. 378 г.), Г. былъ возвращенъ къ своей каѳедрѣ православнымъ импер. Іовіаномъ и съ искренней радостью былъ встрѣченъ своею паствой. Скоро однако радость возвращенія была отравлена семейнымъ несчастіемъ. 1-го янв. 379 г. скончался Вас. Вел. На погребеніи его Г. было произнесено похвальное слово въ честь почившаго. Въ сентябрѣ того же года Г. принималъ участіе въ Антіохійскомъ соборѣ. Возвращаясь оттуда къ своей каѳедрѣ, Г. получилъ извѣстіе о болѣзни своей старшей сестры Макрины, съ которой онъ не встрѣчался уже 10 лѣтъ. Г. Н. тотчасъ же поспѣшилъ къ обители, гдѣ Макрина стояла во главѣ монашеской общины, но засталъ ее уже на смертномъ одрѣ. Послѣдній разговоръ съ этой замѣчательной христіанской подвижницей, ея кончину и погребеніе Г. описалъ въ двухъ сочиненіяхъ—въ посланіи къ монаху Олимпію и въ трактатѣ о душѣ и воскресеніи. Въ отсутствіе Г. въ его епархію было занесено аріанство, которое ему съ трудомъ удалось побороть по возвращеніи домой. Въ это же время онъ принималъ участіе въ избраніи епископовъ для Иворы и Севастіи по просьбѣ жителей этихъ городовъ, опасавшихся, что преемниками почившихъ епископовъ будутъ избраны еретики. Въ Севастіи совершенно неожиданно для себя въ епископы былъ избранъ самъ Г. Н. и только съ большимъ трудомъ и непріятностями могъ отказаться отъ этого незаконнаго избранія. Въ 381 г. Григорій присутствовалъ на второмъ вселенскомъ соборѣ и, благодаря своей учености, былъ однимъ изъ вліятельнѣйшихъ дѣятелей собора. Въ это время онъ произнесъ двѣ проповѣди—одну по случаю избранія Г. Б. епископомъ столицы, другую надгробную, на погребеніи Мелетія Антіохійскаго. Императорскимъ эдиктомъ 30 іюля 381 г. Г., вмѣстѣ съ своимъ митрополитомъ Елладіемъ Кесар. и Отріемъ Митиленскимъ, былъ объявленъ хранителемъ православія для Понта: всѣ епископы, желавшіе сохранить за собою свои каѳедры, должны были, согласно этому эдикту, находиться въ общеніи съ этими епископами. Григорій не нашелъ однако въ митрополитѣ добраго сотрудника въ дѣлѣ утвержденія православія. Этотъ честолюбивый, властный и богатый церковный вельможа за что-то былъ недоволенъ Г. Возвращаясь изъ Севастіи послѣ перваго поминовенія годъ тому назадъ скончавшагося брата Петра, Г.

рѣшилъ заѣхать къ Елладію и объясниться. Елладій былъ въ горахъ, совершая память мучениковъ. Пришлось оставить повозку и 50 стадій сдѣлать по горнымъ тропинкамъ отчасти верхомъ, отчасти пѣшкомъ. Усталый и разбитый, Г. прибылъ къ мѣсту назначенія въ тотъ моментъ, когда Елладій, окончивъ богослуженіе, возвратился домой. О прибытии Г. тотчасъ же доложили, но Елладій не торопился принять его. Подъ раскаленными лучами солнца, усталый и голодный, окруженный толпою зѣвакъ, указывающихъ на него пальцами, сидѣлъ Г., ожидая, пока его позовутъ къ епископу. «Наконецъ, говоритъ онъ, были отверсты намъ царскія палаты, и мы вошли внутрь святилища». Елладій не сказалъ ни слова въ привѣтствіе, не пригласилъ Г. сѣсть. Послѣ нѣсколькихъ минутъ тягостнаго молчанія, Г. заговорилъ первый, но Елладій не пожелалъ слушать его объясненій. Несмотря на то, что былъ уже готовъ праздничный обѣдъ, Г. не было предложено подкрѣпить свои силы. Подъ проливнымъ дождемъ вынужденъ былъ онъ тотчасъ же возвращаться тѣмъ же труднымъ путемъ. Вѣроятно, послѣ второго вселенскаго собора Г. пришлось переѣзжать отъ церкви къ церкви для приведенія въ порядокъ церковныхъ нестроеній и утвержденія православія. Неизвѣстно навѣрное, когда именно—послѣ Антіохійскаго собора 379 г. или послѣ 2 всел. соб.,—но Г. посѣтилъ церкви Аравіи и Святую Землю. Для этого путешествія императоромъ ему были предоставлены всѣ удобства и была дана казенная колесница. Іерусалимъ произвелъ на Г. Н. самое отталкивающее впечатлѣніе. Ссылаясь на свои личныя впечатлѣнія, Г. возстаетъ противъ паломничествъ во Святую Землю, потому что они не заповѣданы Евангеліемъ, сопряжены съ нравственными опасностями, особенно для дѣвственницъ, и потому, что вообще «перемѣна мѣстъ не приближаетъ къ намъ Бога». Въ 383 г. Г. былъ на соборѣ въ Кон-лѣ, гдѣ произнесъ слово о Божествѣ Сына и Духа Святаго. Въ 385 или 386 г. Г. снова былъ въ Кон-лѣ и здѣсь произнесъ рѣчи надъ гробомъ шестилѣтней дочери импер. Пульхеріи и императрицы Плакиллы. Въ это же время онъ познакомился съ знаменитой діакониссой и почитательницей Златоуста Олимпіадой. Въ 394 г. онъ снова присутствовалъ на соборѣ въ Конст-полѣ, созванномъ для рѣшенія вопросовъ по дѣламъ церкви Аравіи. Это послѣднее извѣстіе о Г. Н. Годъ его смерти неизвѣстенъ.

Не будучи администраторомъ и выдающимся церковнымъ дѣятелемъ, Г. Н. извѣстенъ своею плодотворною литературною и учено-богословскою дѣятельностью. Догматическое ученіе Г. по своему составу слагается 1) изъ общественныхъ вѣрованій, 2) изъ оригенизма, 3) изъ мистической философіи Филона и новоплатониковъ. Самостоятельность Г. выразилась въ сліяніи и примиреніи этихъ трехъ элементовъ. Онъ сумѣлъ быть философомъ и почитателемъ Оригена, оставаясь на почвѣ церковнаго ученія своего времени. Изложить оригинальную догматическую систему Г. Н. въ узкихъ предѣлахъ настоящей статьи невозможно. Мы лишь перечислимъ здѣсь тѣ идеи Г. Н., которыя отличаютъ его отъ другихъ писателей.

Средствомъ богопознанія служитъ 1) разсудочное заключеніе отъ свойствъ міра къ свойствамъ его первопричины, 2) созерцаніе собственной богоподобной души, послѣ предварительнаго очищенія ея отъ пороковъ, 3) экстазъ какъ отрѣшеніе не только отъ чувствъ, но и разума, во время котораго душа непосредственно ощущаетъ непознаваемость и необъятность Бога. Сущность Божія не познаваема, поэтому всякое понятіе о ней, составленное человѣкомъ есть «кумиръ». Но на основаніи проявленій Бога въ мірѣ, мы познаемъ его, какъ самосущее Бытіе, верховное Благо, первообразъ Красоты. Какъ Благо и Красота, Богъ есть предметъ томительнаго стремленія къ нему всего живущаго, всегда манящій къ себѣ и всегда ускользающій отъ объятій любящей души (Весь изложенный рядъ мыслей носитъ слѣды вліянія философіи Филона и новоплатониковъ).

Въ ученіи о Троицѣ Г. Н. совпадаетъ съ Вас. Вел. и Гр. Бог.; его оригинальность выражается лишь въ подробностяхъ аргументаціи. Особенностями ученія Г. Н. объ ангелахъ служатъ: 1) строгое понятіе о ихъ духовности, какъ неприложимости къ нимъ никакихъ пространственныхъ и матеріальныхъ опредѣленій, 2) ученіе о количествѣ ангеловъ, число которыхъ относится къ числу людей, какъ 99: 1, 3) ученіе о размноженіи ангеловъ, непонятномъ для человѣка, по чистымъ и святымъ способамъ, 4) объясненіе различій въ мірѣ ангеловъ, равныхъ по природѣ, изъ степени ихъ свободно-нравственныхъ усилій приблизиться путемъ саморазвитія къ Богу (оригенизмъ). Въ исторіи происхожденія міра Г. различаетъ 1) твореніе Богомъ хаоса, заключавшаго въ себѣ въ неупорядоченномъ видѣ всѣ вещества, силы и потенціи природы, 2) механическое развитіе міра изъ хаоса въ шестидневный періодъ, вслѣдствіе различія по вѣсу и плотности частицъ, составляющихъ его. Для объясненія происхожденія тѣлеснаго изъ безтѣлеснаго Г. Н. отрицаетъ матеріальность вещества: если мы отнимемъ у предмета всѣ его качества, въ остаткѣ получится нуль. Качества же суть наши понятія, слѣдовательно, бытіе духовное. Богъ творитъ качества, какъ духовныя начала, а ихъ совокупность и есть матеріальный міръ. Ученіе Библіи о раѣ и первобытномъ состояніи человѣка Г. Н. считалъ слишкомъ дѣтскимъ и несоотвѣтствующимъ величію Божію, и потому объяснялъ его аллегорически. Рай, по его толкованію, находился не на землѣ, а на небѣ. Человѣкъ могъ обитать въ немъ потому, что былъ чуждъ грубой плотяности. Только послѣ грѣха Богъ облекъ его кожаными ризами, т.-е. замѣнилъ эѳирную тѣлесность болѣе грубою. Древо жизни и древо познанія добра и зла не существовали реально. Они означаютъ субъективное состояніе первыхъ людей. Вкушеніе отъ древа жизни означаетъ повиновеніе верховному закону блага и блаженство, какъ слѣдствіе этого. Вкушеніе отъ древа познанія добра и зла символизируетъ то, что человѣкъ избралъ для себя зло, введенный въ заблужденіе свойственной ему видимостью добра. Въ ученіи о лицѣ Іисуса Христа Г. Н. совпадаетъ съ ученіемъ Гр. Бог. Въ лицѣ Богочеловѣка онъ видитъ соединеніе двухъ совершенныхъ природъ—Божеской и человѣческой. «Двѣ полныхъ природы соединены въ единствѣ личности (καθ' ὑπόστασιν составляютъ ἓν πρόσωπον). Но терминологія ученія Г. Н. о лицѣ Іисуса Христа является далеко не законченной и не безупречной съ точки зрѣнія позднѣйшаго православія. Для обозначенія единенія двухъ совершенныхъ природъ въ лицѣ І. Христа Г. Н. употребляетъ термины ἕνωσις, κράσις, συνάφεια, μίξις, изъ нихъ терминомъ συνάφεια пользовались въ послѣдствіи несторіане, а терминами κράσις, ἀνάκρασις и κατάκρασις Евтихій и монофизиты. Тѣло Христа, вполнѣ подобное нашему, во время его земной жизни, послѣ его воскресенія обоготворилось, растворилось въ Божествѣ, какъ капля уксуса, упавшая въ море, утратило свойства тѣла. Г. Н. защищалъ сотиреологическую теорію Оригена, согласно которой Сынъ Б. воплотился для того чтобы обольстить діавола, скрывъ свое божество подъ видомъ смиреннаго человѣка, а страдалъ и умеръ для того, чтобы по договору съ сатаной заплатить ему своею душею за освобожденіе всего рода человѣческаго. Въ эсхатологіи Г. Н. повторяетъ ученіе Оригена о всеобщемъ возстановленіи (Ἀποκατάστασις) и уничтоженіи зла. Это ученіе Г. Н. вытекаетъ изъ его новоплатоническаго понятія о злѣ. Бытіе въ собственномъ смыслѣ принадлежитъ только Богу. Все существующее можетъ имѣть источникъ своего бытія только въ Богѣ. Зло не можетъ происходить отъ Бога. Слѣдовательно, оно не есть реальность. Оно—отсутствіе добра, какъ тьма есть отсутствіе свѣта. Какъ явленіе отрицательное, оно не можетъ существовать вѣчно. Смерть есть величайшее благо. Тѣло человѣка должно умереть и разложиться для того, чтобы отъ него отдѣлилось все, привнесенное въ него грѣхомъ: тлѣнность и законъ

грѣха. Нравственное развитіе продолжается и за гробомъ. Души младенцевъ начинаютъ свое нравственное развитіе уже за гробомъ и переходятъ постепенно отъ безразличнаго состоянія къ блаженству. Въ послѣдній день человѣкъ воскреснетъ въ томъ же тѣлѣ, которое онъ имѣлъ во время земной жизни. Это возможно, 1) потому, что и по разложеніи тѣла непространственная душа остается связанной со всѣми частицами матеріи, входившей въ составъ его тѣла, и 2) потому, что душѣ, какъ формующей силѣ, принадлежитъ способность сообщать тѣлу, оживляемому ею, опредѣленный обликъ (εἶδος), остающійся неизмѣннымъ при всѣхъ измѣненіяхъ тѣла. Въ послѣдній день душа соберетъ всѣ частицы принадлежавшаго ей тѣла и сообщитъ имъ свойственную ей форму (оригенизмъ). На всеобщемъ судѣ вся тварь почувствуетъ все безумство грѣха и пожелаетъ врачеванія. Согласно этому желанію любовь Божія пошлетъ ей спасительныя страданія въ очистительномъ огнѣ. По истеченіи весьма долгаго времени этими страданіями будутъ очищены всѣ грѣшники и самъ иниціаторъ грѣха—діаволъ. Вмѣстѣ съ этимъ исчезнетъ безслѣдно зло, и будетъ Богъ всяческая во всѣхъ. Патріархи конст. Германъ и Фотій полагали, что сочиненія Г. Н. въ ихъ эсхатологическихъ частяхъ интерполированы оригенистами, но мнѣніе это отвергнуто современной научной критикой.

Г. Н принадлежатъ слѣдующія сочиненія.

I. *Экзегетическія*: a) О шестодневѣ. Написано въ дополненіе къ шестодневу Вас. Вел. b) Объ устроеніи человѣка. c) О жизни Моисея Законодателя. d) О надписаніи псалмовъ. e) На псаломъ шестой. f) Точное истолкованіе Екклисіаста Соломона. g) Точное изъясненіе Пѣсни Пѣсней. h) О чревовѣщательницѣ. i) О молитвѣ. j) О блаженствахъ.

II. *Догматико-полемическія*: a) Большое огласительное слово. Оно содержитъ въ себѣ богословско-философскую защиту христіанскаго ученія о Троицѣ, искупленіи, крещеніи и причащеніи противъ язычниковъ, іудеевъ и еретиковъ. b) Опроверженіе Евномія въ 12, по другому счету въ 13 книгахъ,—обширнѣйшее изъ противоаріанскихъ патристическихъ трудовъ. Направлено противъ отвѣта Евномія на сочиненіе Вас. Вел. Противъ Евномія. c) Опроверженіе мнѣній Аполлинарія. d) Противъ Аполлинарія къ Θеофилу, епископу александрійскому. Оба сочиненія важны для изученія исторіи христологическихъ споровъ. Далѣе, выясненію ученія о Троицѣ посвящены: e) Къ Симпликію о вѣрѣ. f) Къ Авлалію о томъ, что не три Бога. g) Къ Еллинамъ на основаніи общихъ понятій. h) Слово противъ Арія и Савеллія. i) Слово о св. Духѣ противъ Македоніанъ. j) Слово о Божествѣ Сына и Духа и похвала праведному Аврааму. Предметомъ слѣдующихъ двухъ сочиненій служатъ вопросы эсхатологическіе: k) О душѣ и воскресеніи, l) О младенцахъ, преждевременно похищаемыхъ смертью. Наконецъ, въ защиту свободы воли противъ фатализма написано сочиненіе — Противъ ученія о судьбѣ.

III. *Нравственно-аскетическія* сочиненія: a) Къ Армонію о томъ, что значитъ имя и названіе христіанинъ. b) О совершенствѣ и о томъ, какимъ должно быть христіанину. Къ Олимпію монаху. c) О цѣли жизни по Богѣ. Объ истинномъ подвижничествѣ. d) О дѣвствѣ.

IV. *Проповѣди* Г. Н. немногочисленны и по своимъ достоинствамъ стоятъ гораздо ниже ораторскихъ произведеній Вас. Вел. и Гр. Бог. По содержанію проповѣди Г. можно раздѣлить на догматическія (на свое рукоположеніе), нравственныя (противъ ростовщиковъ, противъ тяготящихся церковными наказаніями, о нищелюбіи и благотворительности, противъ отлагающихъ крещеніе, слово къ скорбящимъ и преставившимся отъ настоящей жизни въ вѣчную), похвальныя (въ честь первомученика Стефана, великомученика Θеодора Тирона, Г. Чудотворца, сорока мучениковъ, Ефрема Сирина, Вас. Вел., преп. Макрины), произнесенныя въ большіе праздники.

V. *Письма*—числомъ 26.

Сочиненія, признаваемыя *неподлинными*: Jn diem natalem Domini. De ascensione Domini. Jn ex scripturae

verba «Faciamus hominem ad imaginem»; Ex quaestionibus de eo, quid sit «ad imaginem»; De anima (принадлежитъ Немезію). Testimonia adv. Judaeos; Contra manichaeos sillagismi X.

Сомнительныя: De pauperibus amandis or. sec., ep. canonica ad Litoium, De fugienda fornicatione, De laudibus martyris Theodori.

Хорошаго критическаго изданія всѣхъ твореній Г. Н. до сихъ поръ не имѣется. Наиболѣе полнымъ служитъ изд. *Migne.* P. gr. XLIV—XLVI. *Русскій переводъ* твореній Г. Н. печатался въ «Христ. Чт.» за 1826; 1830—31; 1834; 1842; 1847. Полное собраніе подлинныхъ сочиненій Г. Н. въ русскомъ переводѣ издано Моск. духовн. академіей въ 8 томахъ (Москва. 1861—1872). Арх. *Порфирій,* Св. Г. Н. Москва. 1861. Изъ приб. къ твор. оо. церкви, т. 20. *В. Несмѣловъ,* Догматическая система св. Г. Н. Казань. 1887. *Д. Тихомировъ,* Св. Г. Н., какъ моралистъ. Могилевъ на Днѣпрѣ. 1888. *J. Rupp.* Gregors. des Bischofs von Nyssa, Leben und Meinungen. Leipzig. 1834. *A. Krampf.* Der Urzustand des Menschen nach der Lehre des hl. Gregor von Nyssa. Würzburg. 1889. Fr. *Nilt.* Des hl. Gregor v. Nyssa Lehre von Menschen systematisch dargestellt. Köln 1890. Проф. *И. Поповъ.*

ГРИГОРІЙ Просвѣтитель—св. просвѣтитель Арменіи христіанствомъ. Онъ былъ сынъ персидскаго вельможи Анана изъ рода Арсанидовъ, который, обольщенный заманчивыми обѣщаніями основателя дома Сассанидовъ Артамира, убилъ армянскаго царя Хозроя и, спасаясь бѣгствомъ, бросился въ рѣку Арамъ и погибъ въ ея водахъ. Умирающій Хозрой приказалъ избить всѣхъ родныхъ Анана, и отъ этого избіенія спаслись только двое его малолѣтнихъ дѣтей, изъ коихъ маленькій Г. тайно увезенъ былъ своей кормилицей христіанкой Софіей въ Кесарію Каппадокійскую, гдѣ по достиженіи зрѣлости лѣтъ женился и имѣлъ двоихъ дѣтей. Но чрезъ три года супруги разошлись между собой, чтобы всецѣло посвятить себя попеченію о спасеніи души, причемъ воспитаніе одного изъ сыновей было поручено кормилицѣ, а другой взятъ былъ своею матерью Маріей въ монастырь. Самъ Г. отправился въ Римъ и, чтобы искупить кровавое преступленіе своего отца, поступилъ на службу царскаго сына Тиридата, который послѣ смерти своего отца Хозроя искалъ себѣ убѣжища въ Римѣ. Когда послѣдній съ помощію Діоклитіана прогналъ персовъ изъ Арменіи и вновь овладѣлъ царствомъ своихъ отцовъ (286 г.), то приказалъ Г. принести благодар. жертву языческимъ богамъ. Но послѣдній отказался отъ этого, заявляя, что онъ служитъ единому своему царю—Господу Іисусу, и никакія пытки и мученія не могли заставить его измѣнить этому рѣшенію. Когда при этомъ Тиридатъ узналъ, что Г.—сынъ убійцы его отца, то пришелъ въ еще большую ярость и приказалъ бросить его въ обитаемую ядовитыми змѣями цистерну, воздвигъ общее гоненіе на христіанъ и болѣе твердыхъ изъ нихъ подвергалъ тюремному заключенію и смерти. Но наконецъ ярость его была укрощена свыше: его, какъ нѣкогда Навуходоносора, постигло безуміе, а вмѣстѣ съ нимъ и его вельможъ, и гоненіе должно было прекратиться. Между тѣмъ прошло 13 лѣтъ съ того времени, какъ Г. былъ брошенъ въ яму, и всѣ уже думали, что онъ давно умеръ. Но ангелъ Господень, явившись во снѣ неповинной въ гоненіяхъ царемъ дочери, возвѣстилъ ей, что Г. еще живъ. И дѣйствительно, одна благочестивая христіанка—вдова тайно приносила ему каждый день хлѣба и воды, чѣмъ и поддерживала его жизнь. Узнавъ объ этомъ и получивъ чудесное исцѣленіе, царь помиловалъ его и, самъ принявъ христіанство, ревностно сталъ разрушать языческіе храмы и жертвенники и воздвигалъ христіанскія церкви. Имущества разрушенныхъ храмовъ, ихъ многочисленныя богатства раздавались бѣднымъ и нищимъ или отбирались въ казну на дѣло утвержденія новой вѣры. Вмѣсто разрушенныхъ капищъ, Г. вездѣ воздвигалъ знаменіе креста; онъ ставилъ кресты на перекресткахъ, на площадяхъ и въ началѣ улицъ; во всѣхъ городахъ, мѣстечкахъ и селахъ онъ назначалъ мѣста для церкви, но не полагалъ самаго основанія и не воздвигалъ алтаря во имя Божіе, потому что еще не былъ облеченъ саномъ священства; онъ только окружалъ выбранныя мѣста стѣнами и ставилъ кресты.

Наконецъ Тиридатъ созвалъ (въ 317

или 318 г.) въ Вагармапатъ начальниковъ и предводителей армянскаго народа, и здѣсь, уже съ общаго согласія, рѣшено было обратить армянскій народъ въ христіанство, а Г. признать духовнымъ руководителемъ и учителемъ вѣры. Тогда составлена была пышная депутація изъ главныхъ сатраповъ и князей страны и отправлена вмѣстѣ съ Г. въ Кесарію Каппадокійскую къ архіепископу Леонтію для посвященія Г. въ епископа. Почему выбрана была въ этомъ случаѣ Кесарія? Вѣроятно просто потому, что самъ Г. принадлежалъ къ кесаріе-каппадокійской церкви; Кесарія была издавна знакома ему; она была вторымъ его отечествомъ. Тиридатъ снабдилъ депутацію богатыми дарами для сосѣднихъ церквей и особымъ письмомъ къ архіепископу Леонтію. Архіепископъ Леонтій исполнилъ просьбу армянъ, созвалъ соборъ мѣстныхъ епископовъ и вмѣстѣ съ ними «возложилъ на Г. руки со св. Евангеліемъ». Армянскіе историки говорятъ, что по просьбѣ Г. Леонтій далъ ему половину мощей св. Іоанна Предтечи и присоединилъ еще мощи священномученика Аѳиногена, епископа севастійскаго, замученнаго при Діоклетіанѣ. Возвратившись въ Арменію, Г. думалъ было уже приступить къ крещенію армянъ, но такъ какъ въ округѣ Тиронѣ оставалось еще два храма, въ которыхъ приносились жертвы индійскимъ идоламъ, то отправился туда, чтобы разрушить ихъ. Разрушить эти храмы оказалось не легко. Храмы индійскихъ боговъ владѣли громадными сокровищами, многими значительными селами и обширными пастбищами. Сословіе жрецовъ, находившихся въ этихъ храмахъ, составляло изъ себя какъ бы государство въ государствѣ и находилось къ царю въ такихъ же вассальныхъ отношеніяхъ, какъ армянскіе князья. Вліяніе этого сословія въ Тиронѣ было значительно, и Г. имѣлъ уважительныя причины какъ можно скорѣе разрушить эту твердыню язычества. Послѣ упорной борьбы жрецы были побѣждены, храмы были разрушены, и на ихъ мѣстѣ заложена церковь во имя св. Іоанна Крестителя, которую Фавстъ Византійскій называетъ матерью армянскихъ церквей. Тогда же были крещены армянскіе князья, сопровождавшіе Г. въ Кесарію, и многіе изъ мѣстныхъ жителей. Продолживъ путь, Г. наконецъ прибылъ къ подошвѣ горы Небатъ, въ Араратской области. Здѣсь встрѣтилъ его Тиридатъ съ своимъ семействомъ и множествомъ народа. Въ назначенный день самъ царь и масса народа собрались на рѣку Евфратъ и крестились. Послѣ того св. Г., путешествуя по странѣ, въ живой и одушевленной бесѣдѣ проповѣдывалъ слово Божіе, крестилъ желавшихъ принять христіанство и строилъ церкви. Такъ какъ въ то время у армянъ не было еще письменности, и совершать богослуженіе и читать свящ. Писаніе возможно было лишь на иностранномъ языкѣ, греческомъ или сирійскомъ,—то положеніе св. Г. было трудное. Требовалось исключительно живое слово на армянскомъ языкѣ, нужны были такіе пастыри и проповѣдники, которые бы знали греческій или сирійскій языкъ и въ то же время говорили по армянски. На обратномъ пути въ Кесарію Г. пробылъ нѣсколько дней въ Севастіи, нашелъ здѣсь много монаховъ, готовыхъ идти съ нимъ въ Арменію; но ихъ оказалось недостаточно. Такъ какъ бывшіе армянскіе жрецы, безъ сомнѣнія, составляли самый образованный классъ среди армянъ, то Г. не пренебрегъ ихъ прежнимъ званіемъ и болѣе искреннихъ изъ нихъ и преданныхъ христіанской вѣрѣ рукоположилъ въ священныя степени и даже поставлялъ епископами. Чтобы приготовить для ближайшаго будущаго пастырей и проповѣдниковъ для армянъ, были устроены школы, набраны мальчики для обученія ихъ греческому и сирійскому языкамъ и свящ. Писанію. Нѣкоторыхъ дѣтей Г. даже воспитывалъ при себѣ, подъ своимъ личнымъ наблюденіемъ. Въ тѣхъ же просвѣтительныхъ цѣляхъ Г., по совѣту св. Леонтія, устроилъ въ Арменіи нѣсколько монастырей. Первый монастырь былъ устроенъ въ Тиронской области, на мѣстѣ разрушенныхъ храмовъ индійскихъ божествъ, — это извѣстный Глакскій мо-

настырь, съ церковью св. Іоанна Предтечи, матерью армянскихъ церквей. Кромѣ того, онъ (Г.) цѣлыми толпами посылалъ кеновитовъ въ мѣста населенныя и дикія, въ поля и на горы. Онъ самъ былъ примѣромъ для монаховъ и старался подъ своимъ руководительствомъ воспитать строгихъ подвижниковъ. «Онъ оставлялъ Альбина», говорилъ Агаѳангелъ, «человѣка искренняго и преисполненнаго любви къ Богу, бодрствовать при царскомъ дворѣ, а самъ отъ времени до времени уходилъ на горы и показывалъ собою примѣръ другимъ». Онъ бралъ нѣкоторыхъ изъ своихъ учениковъ изъ разныхъ монастырей и уходилъ жить вмѣстѣ въ пустынныхъ горахъ, скрываясь въ гротахъ и пещерахъ и вполнѣ довольствуясь употребленіемъ въ пищу травъ. Нѣтъ сомнѣнія, что аскетическая жизнь и строгое подвижничество монаховъ производили благодѣтельное дѣйствіе на армянское населеніе, обращенныхъ укрѣпляя въ новой вѣрѣ и нравственной жизни, а оставшихся въ язычествѣ располагая къ принятію христіанства.

Около 325 года Г. и Тиридатъ имѣли свиданіе съ импер. Константиномъ. Это свиданіе, состоявшееся гдѣ-то на Востокѣ, быть можетъ, въ Никомидіи, имѣло большое значеніе для успѣховъ христіанства въ Арменіи. Ласковое и почтительное отношеніе Константина къ Тиридату и Г. и сочувствіе къ просвѣтительнымъ трудамъ ихъ сами по себѣ уже были полезны дѣлу христіанства, такъ какъ ободряли Г. и Тиридата къ продолженію трудовъ въ томъ же направленіи. Но еще полезнѣе было то, что подданные Тиридата увидѣли, что образъ дѣйствій ихъ царя одобряется императоромъ, что теперь противъ язычества заключенъ союзъ между двумя христіанскими государями и что, слѣдовательно, судьба язычества въ обоихъ государствахъ рѣшена окончательно. Благодаря трудамъ св. Г. и его сподвижниковъ и при могущественномъ содѣйствіи царя Тиридата, почти вся Арменія въ короткое время сдѣлалась христіанскою. Св Г. далъ основанной имъ церкви полное устройство. Онъ учредилъ епископскія каѳедры во всѣхъ болѣе важныхъ армянскихъ провинціяхъ, поставилъ епископовъ и хорепископовъ и организовалъ церковное управленіе. Число епископій невозможно опредѣлить даже приблизительно. У позднѣйшихъ арм. писателей (Ухтанесъ X в.) упоминается 30 каѳедръ, основанныхъ будто бы св. Г. Но можно думать, что во времена св. Г. епископскихъ каѳедръ было больше, потому что, при замѣчательной раздробленности армянскаго царства, каждому значительному князю хотѣлось имѣть своего епископа. Поэтому не невозможно, что Г. во время своего правленія поставилъ болѣе 400 епископовъ, какъ говорятъ арм. историки (Agath § 158; Oukht p. 269), конечно, включая сюда и хорепископовъ. Собственная каѳедра св. Г. была въ Эчміадзинѣ.Такъ какъ Г. находился въ іерархической зависимости отъ кесаріе-каппадокійскаго епископа, то, устрояя армянскую церковь, онъ во всемъ слѣдовалъ указаніямъ матери своей кесаріе-каппадокійской церкви. Естественно поэтому, что ученіе и всѣ церковные порядки введены были въ Арменіи тѣ же самые, что были въ Кесаріи-Каппадокійской. Въ эпоху перваго вселенскаго собора армянская церковь только что созидалась, поэтому отъ нея не было представителя на этомъ соборѣ, и никейскія постановленія армянская церковь получила отъ св. Леонтія Кесарійскаго, бывшаго на соборѣ. Спустя нѣсколько лѣтъ послѣ никейскаго собора, именно около 334 г., Г. совершенно отказался отъ управленія церковью и, предоставивъ полное завѣдываніе церковными дѣлами своему сыну еп. Аристакесу, удалился на гору Себухъ, въ округѣ Тарапачи, въ пещеру Мане, гдѣ и умеръ въ полной безъизвѣстности (331 г.). «Такъ угодно было божественному Провидѣнію», говоритъ Моисей Хорейскій, «чтобы невѣжественные народы, недавно обращенные въ христіанство, не сдѣлали изъ него предмета поклоненія» («Исторія Арм.», II, 51). Оставшіяся послѣ него «Бесѣды» изданы были въ арм. подл.

мехитаритами въ Венеціи 1835 г., а издавались на исп., франц. и нѣмецкомъ языкахъ.

См. *А. Аннинскій*, Исторія армянской церкви, Кишиневъ, 1900 г., стр. 7—14.

ГРИГОРІИ, патріархи константинопольскіе:

Григорій I, Богословъ, архіепископъ константинопольскій. См. выше.

ГРИГОРІЙ II, патріархъ константинопольскій, занималъ патріаршій престолъ съ 11 апрѣля 1283 по іюнь 1289 года. Это былъ одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ византійскихъ писателей и церковно-общественныхъ дѣятелей. Г., въ мірѣ Георгій, родился въ 1241 году на островѣ Кипрѣ, отъ родителей, прежде богатыхъ и знатныхъ, а потомъ, когда островъ былъ покоренъ франками, потерявшихъ свое прежнее значеніе, учился сперва въ школахъ острова, но не достигъ здѣсь большихъ успѣховъ, вслѣдствіе непониманія латинскаго языка, на которомъ совершались преподаванія, и, стремясь къ знанію и отличаясь любовью къ наукѣ, тайно отъ родителей бѣжалъ въ Никею, представлявшуюся древними Аѳинами для желавшихъ учиться, по обилію школъ и людей ученыхъ. Но сначала онъ около шести мѣсяцевъ прожилъ въ Ефесѣ, гдѣ тогда у всѣхъ на устахъ было имя знаменитаго ученаго Никифора Влеммида, надѣясь сдѣлаться его ученикомъ. Несмотря на всѣ усилія, онъ не могъ однако осуществить этого своего желанія, такъ какъ Влеммидъ оказался совершенно недоступнымъ для чужестранца и бѣдняка. Любознательный юноша, борясь съ нищетою, прибылъ, наконецъ, въ Никею, къ этому дивному, казалось, и многожеланному источнику учености. Но увы! оказалось совсѣмъ другое. «Тамошніе ученые, пишетъ въ своей автобіографіи патріархъ Г., ничему другому не учили, да и не могли учить, кромѣ грамматики и піитики, да и тѣмъ учили поверхностно, а что касается риторики и философіи, равно и другихъ наукъ, которыя преимущественно слѣдуетъ изучать и знать всякому, о тѣхъ они и краемъ уха не слыхали». Все это сильно опечалило Г. Къ счастью, въ 1261 году Михаилъ Палеологъ освободилъ отъ латинянъ Константинополь, который, вслѣдъ за тѣмъ, сдѣлался и центромъ просвѣщенія. Г. прибылъ сюда и сдѣлался ученикомъ Акрополита, у котораго изучалъ философію Аристотеля, геометрію Евклида и ариѳметику Никомаха. Здѣсь же Г. прекрасно изучилъ риторику. Вообще, по образованію онъ былъ однимъ изъ выдающихся среди византійскихъ ученыхъ, хорошо былъ извѣстенъ и императору Андронику II, по желанію котораго и занялъ патріаршій престолъ. Время управленія Г. церковью было весьма тревожное, вслѣдствіе возникшаго въ ея нѣдрахъ арсенитскаго движенія и иныхъ бѣдствій, вызванныхъ царившей тогда свободой отъ всякаго стѣсненія въ дѣйствіяхъ. «Тогда, пишетъ въ своей автобіографіи Г., каждый искалъ собственнаго своего удовольствія, чести и выгоды, а не ближняго, и не того, что было угодно Богу; церковь же была полна смутъ и безпорядковъ,—всѣмъ хотѣлось въ ней начальствовать и предписывать законы, а быть подначальнымъ и подчиняться божественнымъ законамъ никто не хотѣлъ, такъ что къ тогдашнему ея положенію было вполнѣ примѣнимо и оказывалось совершенно справедливымъ изреченіе Платона, что «не для всѣхъ полезна свобода, а нѣкоторымъ полезно рабство и жизнь подъ страхомъ до самой старости и смерти». Противъ Г. возстали, прежде всего, арсениты, которые нашли въ немъ не союзника себѣ, а противника. Затѣмъ, сторонники церковной уніи съ Римомъ, число коихъ было многочисленно, вступили съ Г. въ жаркую полемику по поводу разностей въ ученіи церкви восточной и западной и причинили патріарху много безпокойства. Самымъ сильнымъ противникомъ Г. былъ Іоаннъ Веккъ, человѣкъ весьма ученый и краснорѣчивый; онъ рѣзко нападалъ на Г. въ своихъ сочиненіяхъ, изобличалъ его въ неправомысліи и совершенно поколебалъ въ современномъ обществѣ авторитетъ патріарха и какъ ученаго, и какъ администратора. Даже друзья Г. отказали ему въ своей поддержкѣ въ трудныхъ обстоя-

тельствахъ его положенія и причинили ему рядъ большихъ разочарованій. «Сколько вдругъ постигло насъ напастей, ужасовъ и треволненій», писалъ Г. въ 1288 году въ письмѣ къ императору Андронику Палеологу Старшему; а все отъ того, что многіе были ошеломлены грамотой Векка, которую онъ прислалъ (въ столицу) въ огромномъ количествѣ списковъ для раздачи всѣмъ, если можно. Городъ раздѣлился на два лагеря: одни готовы защищать его, а другіе полагаютъ, что онъ самъ долженъ защищаться въ своей дерзости. «Какъ все это на меня дѣйствуетъ, легко пойметъ всякій, кто меня знаетъ». Описавъ дальше волненія и смуты въ народѣ, вызываемыя «нечестивыми сонмищами враговъ церкви» (арсенитовъ и приверженцевъ уніи), патріархъ проситъ императора поскорѣе созвать соборъ, для того, чтобы зло не распространилось слишкомъ далеко. Патріарха волновали не только церковныя смуты, но и невзгоды въ общественной и политической жизни: притѣсненія народа, грабежъ и хищничество, произволъ властей и т. п. Но жалоба патріарха не встрѣтила у императора сочувствія. Когда Г. увидѣлъ, что и самые надежные и любимые имъ люди вооружились противъ него и что ни царь, ни кто другой изъ людей сильныхъ ему не помогаетъ, то онъ, признавши это судомъ Божіимъ и возмездіемъ, свыше ему положеннымъ и опредѣленнымъ, простился съ выгодами своего положенія и удалился на покой въ монастырь Пресвятой Богородицы Одигитріи, а потомъ въ монастырь св. Андрея, гдѣ и скончался въ 1290 году. Одинъ изъ учениковъ Г.-Никифоръ Хумнъ въ одномъ словѣ пишетъ о немъ: «Г. былъ моимъ руководителемъ и воспитателемъ, онъ посвятилъ меня въ тайны (знанія) и былъ моимъ учителемъ въ теченіе всей своей жизни, онъ былъ весьма свѣдущъ въ мудрости, великъ въ словѣ; удивителенъ въ жизни, его родиной былъ Кипръ, а потомъ онъ былъ архіереемъ и учителемъ всей вселенной».

Патріархъ Г. извѣстенъ многими литературными трудами богословскаго и свѣтскаго содержанія. Изъ богословскихъ произведеній на первомъ мѣстѣ надо поставить «Изложеніе свитка вѣры противъ Векка», представляющее оффиціальный фактъ низложенія Іоанна Векка на константинопольскомъ соборѣ 1283 года; актъ составленъ Г., какъ предсѣдателемъ собора, и былъ подписанъ всѣми его членами. Содержаніемъ свитка служитъ вопросъ объ исхожденіи Св. Духа. По поводу этого свитка епископъ Іоаннъ Хила представилъ императору Андронику Палеологу Старшему записку съ критикой нѣкоторыхъ мѣстъ въ сочиненіи Г. Въ отвѣтъ на эту записку и съ цѣлью ея опроверженія патріархъ Г. представилъ на имя того же императора «Грамоту» (λίβελλος) и «Исповѣданіе» (Ὁμολογία). Затѣмъ Г. принадлежитъ спеціальный трактатъ «Объ исхожденіи Св. Духа (Ἀντιῤῥητικός)», написанный имъ еще до патріаршества; онъ вызвалъ особый отвѣтъ Іоанна Векка. Въ свою очередь, Григорій написалъ общій отвѣтъ всѣмъ его противникамъ, въ коемъ защищается отъ нападокъ на его свитокъ и другіе труды («Ἀπολογία πρὸς τὴν κατὰ τοῦ Τόμου μέμψιν ἰσχυροτάτη). Полемическіе труды Г. очень важны для характеристики византійской догматической мысли XIII вѣка. Г. извѣстенъ и какъ церковный ораторъ. Ему принадлежатъ, напримѣръ, похвальныя слова въ честь св. великомученика Георгія и св. Евѳимія, епископа мадитскаго († между 989—996 г.); первое слово является образцовымъ въ риторическомъ отношеніи, а второе имѣетъ и историческое значеніе. Изъ свѣтскихъ произведеній Г. особенно важна «Автобіографія», любопытная по ясности и простотѣ изложенія и искренности тона. Большой историческій интересъ имѣютъ и письма Григорія, число коихъ простирается до 200; они адресованы преимущественно на имя его ученика Ѳеодора Музалона, иныя—Георгію Акрополиту, императорамъ и высшимъ духовнымъ лицамъ; къ сожалѣнію, письма Г. еще не изданы и хранятся въ рукописяхъ, извѣстно лишь письмо императору Андронику Старшему, упомянутое выше.

Напротивъ, панегирики Михаилу и Андронику Палеологамъ имѣютъ значеніе лишь въ риторическомъ отношеніи, такъ какъ отличаются витіеватостью и неискренностью. Небольшое значеніе имѣютъ и другія риторическія произведенія Г., въ видѣ рѣчей, похвальныхъ словъ (напримѣръ, къ морю и вообще ко всей водѣ). Наконецъ, любопытная школьная книга (σχολιxὸν βιβλίον), составленная Г. для его учениковъ и еще не изданная; она состоитъ изъ перевода прозой басенъ Эзопа, миѳологическихъ разсказовъ (объ Энеѣ, Ифигеніи и пр.) и пословицъ, помѣщенныхъ въ концѣ книги. Въ общемъ Г. написалъ немного сочиненій. Это объясняется тяжелыми обстоятельствами его патріаршества, тѣлесными недугами и постоянными работами по перепискѣ произведеній древнихъ ученыхъ, какъ онъ самъ говоритъ въ своей автобіографіи. «Человѣкъ онъ былъ бѣдный, пишетъ о себѣ Г—ій, а книги любилъ какъ зѣницу ока, къ тому же у него былъ довольно хорошій почеркъ, и такъ какъ денегъ на пріобрѣтеніе этихъ драгоцѣнныхъ сокровищъ у него не было, то онъ пріобрѣталъ ихъ своимъ личнымъ трудомъ». Относительно внѣшней стороны своихъ сочиненій Г. пишетъ слѣдующее: «а что всѣ его произведенія отдѣланы не съ одинаковой тщательностью, это разумѣется само собою; что̀ замѣчаемъ мы у ремесленниковъ, то же бываетъ и здѣсь: какъ позднѣйшія ихъ произведенія бываютъ лучше раннихъ, вслѣдствіе навыка и упражненій, такъ и у писателей и риторовъ—труды зрѣлыхъ лѣтъ бываютъ совершеннѣе первоначальныхъ. Что касается словесныхъ формъ, то онъ былъ весьма разборчивъ въ выборѣ выраженій, больше всего хлопоталъ о ясности, возвышенности, благородствѣ, строгости стиля и добрыхъ правилахъ нравственности, въ соединеніи съ нѣкоторымъ благозвучіемъ и сочетаніемъ словъ не совсѣмъ обыкновенными». Эти свойства въ литературныхъ произведеніяхъ Г. находитъ и византійскій писатель Никифоръ Григора, который пишетъ въ своей исторіи: «при богатыхъ дарованіяхъ и примѣрномъ трудолюбіи Г., можно сказать, вывелъ на свѣтъ и оживилъ благородную музыкальность, отличающую греческія сочиненія, и аттически звучащую рѣчь, съ незапамятныхъ временъ скрывавшуюся въ глубинѣ забвенія». И новѣйшіе ученые съ большимъ одобреніемъ отзываются о сочиненіяхъ Г., примѣчательныхъ какъ въ отношеніи содержанія, такъ и со стороны изложенія.

Литература. 1) Сочиненія Г. напечатаны у *Migne'я*, Patrologia graeca, t. 142. Русскій переводъ нѣкоторыхъ изъ нихъ сдѣланъ † проф. *И. Е. Троицкимъ* въ «Христіанскомъ Чтеніи» за 1870 г., т. 2 и за 1889 г., т. 1—2 и *епископомъ Арсеніемъ* въ «Чтеніяхъ въ Общ. Люб. Дух. Просв.» за 1889 г. (приложеніе—«Похвала св. Евѳимію»). 2) *Никифоръ Григора*, Римская исторія. Рус. пер. Спб. 1862. 3) *Георгій Пахимеръ*, Исторія Михаила и Андроника Палеологовъ. Русскій пер. Спб. 1862. 4) *Karl Krumbacher*, Geschichte der byzantinischen Litteratur. München. 1897. 5) Μανουὴλ Γεδεών, Πατριαρχιxοὶ πίναxες. 6) *Проф. А. П. Лебедевъ*, Историческіе очерки состоянія византійско-восточной церкви отъ конца XI до половины XV вѣка. Изданіе 2. М. 1902. 7) *И. Е. Троицкій*, Арсеній, патріархъ никейскій и константинопольскій, и арсениты. Спб. 1873.

ГРИГОРІЙ III, по фамиліи Мамма, а по прозванію Мелиссинъ и Стратигопулъ, занималъ патріаршую каѳедру въ 1445—1450 годахъ. До патріаршества онъ долгое время жилъ простымъ монахомъ, а потомъ былъ протосинкелломъ вселенскаго патріарха и близкимъ къ императору Іоанну Палеологу человѣкомъ. Какъ сторонникъ уніи Византіи съ Римомъ, онъ присутствовалъ на ферраро-флорентійскомъ соборѣ и горячо защищалъ необходимость церковнаго единенія между востокомъ и западомъ. Это еще больше сблизило Г. съ императоромъ, который избралъ его даже своимъ духовникомъ, а когда патріаршій константинопольскій престолъ оказался вакантнымъ, содѣйствовалъ его возведенію въ патріаршее достоинство. Однако новый патріархъ, отличавшійся умомъ и образованіемъ, не былъ угоденъ духовенству и народу, вслѣдствіе своего расположенія къ уніи и тяготѣнія къ Риму. Его измѣна православію и церкви возбудили противъ него

сильное недовольство, и Г. вынужденъ былъ удалиться съ престола. Онъ уѣхалъ въ Римъ (1452 г.) и жилъ здѣсь до самой своей смерти, послѣдовавшей въ 1459 году. Здѣсь онъ пользовался большимъ уваженіемъ, а по смерти былъ прославленъ какъ святой и чудотворецъ. Г. извѣстенъ и литературными трудами полемическаго содержанія, направленными въ защиту уніи. Изъ нихъ изданы: «Апологія противъ исповѣданія Марка Ефесскаго» и «Отвѣтъ на окружное посланіе того же Марка». Здѣсь Г. въ противоположность православному исповѣданію и посланію Марка, предлагаетъ свои, составленныя въ латинскомъ духѣ, а кромѣ того старается доказать, что опредѣленія флорентійскаго собора согласны съ ученіемъ древнихъ отцевъ и учителей церкви. Авторъ пользуется тѣми же аргументами, которые встрѣчаются у Іоанна Векка и другихъ защитниковъ уніи. Кромѣ того, извѣстно посланіе Г. къ трапезунтскому императору «О прибавкѣ въ символѣ вѣры», сходное по содержанію съ аналогичными произведеніями другихъ, склонныхъ къ уніи, греческихъ богослововъ. Неизданными остаются слѣдующія сочиненія Маммы: объ опрѣснокахъ, о блаженствѣ святыхъ и о власти римскаго папы.

Литература. 1) Сочиненія Григорія Маммы напечатаны у *Migne'я*, Patrologia graeca, t. 160. 2) *Krumbacher*, указ. соч. 3) М. Γεδεών, указ. соч. 4) *Проф. А. П. Лебедевъ*, указ. соч.

ГРИГОРІЙ IV, по сообщенію Мануила Гедеона, занималъ патріаршій престолъ только 33 дня, съ 17 мая до 18 іюня 1623 года, такъ какъ вступилъ на престолъ при содѣйствіи іезуитовъ, низложившихъ и его предшественника Кирилла Лукариса. Онъ сначала былъ митрополитомъ амасійскимъ. Его избраніе на патріаршій престолъ вызвало сильный протестъ въ греческомъ духовенствѣ и народѣ. Соборъ константинопольскихъ архипастырей поспѣшилъ низложить его и удалить изъ столицы. Онъ былъ сосланъ на островъ Родосъ, откуда болѣе и не возвращался.

ГРИГОРІЙ V, одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ святителей греко-восточной церкви, занималъ константинопольскую каѳедру трижды (1797—1798, 1806—1808 и 1818—1821 гг.). Онъ въ мірѣ именовался Георгіемъ, родился въ 1751 году въ городкѣ Димитсанѣ, въ Пелопоннесѣ, отъ бѣдныхъ родителей, учился на родинѣ, въ Аѳинахъ, въ смирнской евангелической школѣ и у знаменитаго дидаскала Даніила Керамевса, въ его богословской школѣ при монастырѣ св. Іоанна Богослова на Патмосѣ. По окончаніи ученія, Г. состоялъ архидіакономъ и протосинкелломъ митрополіи въ Смирнѣ, а потомъ и занялъ мѣстную каѳедру. Въ званіи смирнскаго митрополита, Г. заявилъ себя плодотворною дѣятельностью: онъ усердно занимался просвѣщеніемъ народа посредствомъ проповѣди, весьма много заботился объ устройствѣ народныхъ школъ, о матеріальномъ обезпеченіи духовенства и внѣшнемъ благополучіи своей паствы; въ то же время онъ отличался самымъ простымъ образомъ жизни и аскетическою настроенностью. Въ 1797 году (1 мая) онъ былъ избранъ на вселенскую каѳедру. Первое его патріаршество было ознаменовано многими примѣчательными дѣяніями: онъ возобновилъ зданіе патріархіи, учредилъ патріаршую типографію, заботился о благоустройствѣ церквей и монастырей, а особенно объ открытіи школъ и распространеніи въ народѣ истиннаго просвѣщенія, стремился упорядочить жизнь и бытъ высшаго и низшаго духовенства, желая сдѣлать его достойнымъ своего высокаго назначенія, заботился о внѣшнемъ благополучіи греческаго народа и охранялъ его отъ насилія и произвола турецкихъ властей. Но мѣропріятія Г., направленныя противъ нѣкоторыхъ злоупотребленій въ дѣятельности высшаго духовенства, возстановили противъ него многихъ митрополитовъ, которые и вошли на него съ жалобой къ турецкому правительству. Г., какъ человѣкъ «крутой и неспособный соблюсти народъ въ покорности», былъ Портою низложенъ съ каѳедры (19 декабря 1798 года) и удаленъ на Аѳонъ. Здѣсь онъ, въ теченіе семи лѣтъ, любомудр-

ствовалъ вмѣстѣ со старцами Иверскаго монастыря и занимался учеными трудами. Въ октябрѣ 1806 года Г. вторично занялъ патріаршій престолъ. Его архипастырская и административная дѣятельность во второе патріаршество была прямымъ продолженіемъ прежнихъ его трудовъ: по прежнему, патріархъ Г. особенно ревностно заботился о народномъ просвѣщеніи, требовалъ отъ монаховъ точнаго соблюденія монастырскаго устава, а отъ архіереевъ—постояннаго руководства въ своей дѣятельности церковными канонами, ставилъ на первомъ планѣ интересы церкви и вѣры, соблюдалъ аскетическую простоту въ личной жизни и былъ строгъ въ оцѣнкѣ поступковъ другихъ. 10-го сентября 1808 года, послѣ низложенія султана Селима III, который благосклонно относился къ Г., и послѣдній лишился своей каѳедры. Онъ сначала жилъ въ монастырѣ Христа Спасителя на островѣ Принкипо, былъ потомъ въ Халкидонѣ и Драмѣ, а послѣ опять былъ удаленъ въ Иверскій монастырь на Аѳонѣ. Отсюда Г. въ третій разъ былъ приглашенъ (14 декабря 1818 г.) на патріаршую вселенскую каѳедру. И опять патріархъ больше всего заботился о народномъ просвѣщеніи, совѣтуя обращать преимущественное вниманіе на изученіе родного языка и литературы, призывалъ духовенство и дидаскаловъ распространять въ народѣ истинное знаніе—въ духѣ православной церкви, учредилъ при патріархіи должность постояннаго іерокирикса, основалъ (въ 1819 году) благотворительное учрежденіе, подъ именемъ «Кружка милосердія (Κιβώτιον τοῦ ἐλέους»), съ цѣлью оказывать матеріальную помощь бѣднымъ и больнымъ грекамъ и т. д. Въ 1821 году вспыхнуло возстаніе грековъ противъ турецкаго ига, охватившее собою весь эллинскій народъ и имѣвшее полное свое оправданіе въ законномъ его стремленіи къ свободѣ. Возстаніе сопровождалось ужасными жестокостями съ той и другой стороны, потоками крови, которая залила весь Пелопоннесъ, заревами пожаровъ, вандальскимъ истребленіемъ греческихъ храмовъ и монастырей, многочисленными жертвами изъ знатныхъ грековъ свѣтскаго и духовнаго званія, иногда ни въ чемъ неповинныхъ. Патріархъ Г. оказался въ крайне затруднительномъ положеніи. Съ одной стороны, онъ былъ представителемъ, въ глазахъ турецкаго правительства, греческаго народа и отвѣтственнымъ за всѣ его поступки, а съ другой—онъ не могъ не сочувствовать грекамъ въ ихъ естественномъ стремленіи освободиться отъ жестокихъ поработителей и враговъ христіанской вѣры. По требованію Порты, патріархъ 11 марта 1821 года издалъ страшную отлучительную грамоту противъ инсургентовъ и призывалъ ихъ къ повиновенію турецкой власти; но грозный, вынужденный его голосъ не произвелъ на грековъ никакого дѣйствія, грамота осталась безъ прочтенія, и проклятіе никого не устрашило: возстаніе шло своимъ чередомъ. Однако патріархъ ничего не предпринималъ для своего спасенія, онъ не отрекся отъ престола, какъ сдѣлалъ бы другой, малодушный и слабый человѣкъ, и даже отказался отъ бѣгства, когда опасность стала угрожать и его жизни и когда окружавшія его лица совѣтывали ему тайно оставить Константинополь, предоставивъ въ его распоряженіе и корабль, и деньги. Патріархъ всецѣло предалъ себя волѣ Божіей и даже принесъ себя въ искупительную жертву за свой народъ и его свободу. Извѣстно, что 10 апрѣля 1821 года, въ первый день Св. Пасхи, патріархъ Г., по приказанію султана Махмуда, былъ повѣшенъ на воротахъ патріаршаго дома. Его тѣло три дня пробыло на открытомъ воздухѣ, потомъ было продано евреямъ съ тѣмъ, чтобы они отдали его на съѣденіе собакамъ, но было выкуплено греками и отправлено въ Одессу; въ 1871 году оно было перевезено въ Аѳины. Мученическая смерть патріарха Г. поразила ужасомъ всю Европу, а въ средѣ грековъ она создала чувство священнаго благоговѣнія къ памяти знаменитаго и доблестнѣйшаго святителя. Поистинѣ, этотъ іерархъ церкви константинопольской заслуживаетъ са-

маго высокаго прославленія за свои замѣчательные труды въ области церковно-общественной жизни грековъ, за солидное образованіе, горячій патріотизмъ и спасительную смерть.

Изъ литературныхъ трудовъ патріарха Г. извѣстно изъясненіе на Шестодневъ св. Василія Великаго, напечатанное имъ въ основанной имъ типографіи.

Литература. 1) Ἀγγελόπουλος, Τὰ κατὰ τὸν ἀοίδιμον πρωταθλητὴν τοῦ ἱεροῦ τῶν ἑλλήνων ἀγῶνος τὸν πατριάρχην Κωνσταντινουπόλεως Γρηγόριον τὸν Ε.' Τόμος 1. Ἀθῆναι. 1865. 2) Βίος καὶ πολιτεία τοῦ ἱερομάρτυρος Γρηγορίου τοῦ Ε' πατριάρχου Κ—πόλεως. Ἀθῆναι. 1853 (Русскій переводъ въ «Прибавленіяхъ къ изданію твореній св. отцевъ», часть XIII. Москва. 1854). 3) Μανουὴλ Γεδεών, Πατριαρχικοὶ πίνακες. 4) Διομήδης Κυριακός, Ἐκκλησιαστικὴ ἱστορία, τόμ. 3. Ἀθῆναι. 1898. 5) *Проф. Ѳ. А. Кургановъ*, Устройство управленія въ церкви королевства греческаго. Казань. 1871. 6) *Проф. А. И. Лебедевъ*, Исторія греко-восточной церкви подъ властью турокъ. Т. I. М. 1896. 7) *И. Соколовъ*, Очерки исторіи православной греко-восточной церкви въ XIX вѣкѣ. Спб. 1901 (и во второмъ томѣ «Исторіи христ. церкви въ XIX в.», изданіе А. П. Лопухина). 8) Отчетъ о годичныхъ занятіяхъ профессорскаго стипендіата казанской духовной академіи *Алексѣя Преображенскаго* (Протоколы засѣданій Совѣта Каз. акад. за 1900 г.); здѣсь указана и журнальная греческая литература о Григоріи V.

ГРИГОРІЙ VI дважды занималъ константинопольскую патріаршую каѳедру (1835—1840 и 1867—1871 г.). Онъ родился въ 1798 году въ селѣ Фанараки на Босфорѣ, учился въ Ѳерапійской школѣ, состоялъ великимъ архидіакономъ и великимъ протосинкелломъ патріархіи, а потомъ митрополитомъ пелагонійскимъ и серрскимъ. Въ званіи патріарха Г. обнаружилъ выдающуюся дѣятельность. Онъ строго требовалъ отъ духовенства и народа точнаго соблюденія догматовъ вѣры и церковныхъ каноновъ, ревностно охранялъ православную паству отъ злокозненныхъ нападеній иновѣрной пропаганды, побуждалъ духовенство учить народъ въ храмѣ и внѣ его, въ чистотѣ соблюдать православную вѣру, осудилъ буквальный переводъ св. Писанія съ оригинальнаго греческаго на простонародный разговорный языкъ, а особенно много положилъ трудовъ на благоустройство народныхъ школъ и процвѣтаніе просвѣщенія. Онъ учредилъ церковную школу на Фанарѣ и многія народныя въ Константинополѣ и внѣ его, обратился къ монастырскимъ властямъ съ окружнымъ посланіемъ по поводу открытія при монастыряхъ школъ для обученія кандидатовъ священства, слѣдилъ за направленіемъ обученія и воспитанія въ народныхъ школахъ въ духѣ православной церкви и учредилъ въ 1836 году «Центральную Церковную и Духовную Епитропію». Задача этой епитропіи состояла въ надзорѣ за школами и учителями и въ заботахъ о матеріальномъ ихъ обезпеченіи. Ближайшее завѣдованіе константинопольскими школами было возложено на главнаго инспектора-члена епитропіи, который былъ обязанъ посѣщать школы, слѣдить за обученіемъ и воспитаніемъ, наблюдая главнымъ образомъ за истиннымъ церковно-религіознымъ направленіемъ того и другого и т. п. Епитропія цензировала также школьныя книги, подвергала учителей экзамену, контролировала школьныхъ ефоровъ (попечителей), заботилась о безбѣдномъ существованіи школъ и т. п. Епитропія находилась подъ предсѣдательствомъ самого патріарха. Она оказала громадныя услуги дѣлу народнаго просвѣщенія въ константинопольской церкви, такъ какъ внесла въ школьное дѣло единство, систему, контроль, коихъ прежде не было. Въ личной своей жизни патріархъ Г. отличался строгостью и суровостью, былъ твердъ и непреложенъ въ своихъ рѣшеніяхъ. Вообще, въ немногіе годы своего перваго патріаршества Г. упрочилъ за собою славу мудраго и проницательнаго правителя, высокаго подвижника и ревностнаго пастыря своего духовнаго стада. Разумѣется, такой святитель не былъ пріятенъ различнымъ врагамъ православной церкви и вѣры, особенно инославнымъ миссіонерамъ, которые, при содѣйствіи англійскаго посла Редклифа, и добились низложенія доблестнаго архипастыря. Въ теченіе 26 лѣтъ онъ проводилъ частную жизнь, а потомъ вторично занялъ вселенскую каѳедру (10 февраля

1867 г.). Его вступленіе въ управленіе церковью радостно было привѣтствовано всѣмъ православнымъ міромъ, а митрополитъ московскій Филаретъ писалъ ему: «Ревнители мира и благосостоянія святыхъ Божіихъ церквей въ православной россійской церкви или, лучше сказать, вообще россійская церковь на ваше, святѣйшій владыко, пребываніе въ устраненіи отъ патріаршаго вселенскаго престола долго взирала съ мыслію: для чего свѣтильникъ не на свѣщницѣ? О, еслибы на свѣщницѣ былъ свѣтильникъ! Наконецъ, она увидѣла съ радостью, съ какимъ сильнымъ единодушнымъ желаніемъ и священноначаліе, и благочестивый народъ константинопольской церкви обратились къ вамъ, призывая васъ вновь на вселенскій престолъ». Второе патріаршество Г. было менѣе благопріятно для церкви и прошло, главнымъ образомъ, въ улаженіи извѣстнаго греко-болгарскаго вопроса. Потерявъ надежду удержать болгаръ въ подчиненіи вселенской патріархіи и не желая служить орудіемъ запальчивыхъ ревнителей греческой народности, Г. въ августѣ 1871 года отказался отъ каѳедры. Онъ поселился въ селеніи Арнаутквей (Μέγα Ρεῦμα), на Босфорѣ, близъ Константинополя, здѣсь и скончался въ 1881 году и погребенъ въ мѣстномъ храмѣ Архистратига Михаила.

Литература — вышеуказанныя сочиненія *Мануила Гедеона*, профессора *А. П Лебедева* и *И. Соколова*. *И. Соколовъ.*

ГРИГОРІЙ Великій или Двоесловъ, папа римскій (3 сент. 590—12 марта 604) происходилъ изъ знаменитой сенаторской фамиліи, вѣроятно Аниціанъ, и род. въ Римѣ, между 540 и 550 гг. Воспитанный сообразно съ своимъ общественнымъ положеніемъ, онъ посвященъ былъ въ діалектику и риторику, изучалъ законовѣдѣніе, вступилъ на гражданскую службу, пріобрѣлъ довѣріе императора Юстина, и получилъ (ок. 574) достоинство praetor urbis. Но онъ изучалъ также отцовъ западной церкви,— блл. Августина, Іеронима и св. Амвросія. Его родъ отличался большою религіозностью: его мать Сильвія и двѣ его тетки со стороны отца были канонизованы. Его глубоко религіозная натура возмущалась роскошью и честолюбіемъ, связанными съ его должностью: онъ порѣшилъ удалиться отъ міра и принять иноческій санъ. Все свое огромное богатство, оставшееся ему послѣ отца, онъ употребилъ на построеніе шести бенедиктинскихъ монастырей въ Сициліи, и седьмой основалъ въ своемъ собственномъ домѣ въ Римѣ. Впослѣдствіи онъ и самъ сдѣлался монахомъ, и предавался столь суровому аскетическому подвижничеству, что здоровье его значительно пошатнулось, и даже жизнь его находилась въ опасности. Въ этотъ моментъ на него обратилъ вниманіе папа Пелагій II, взявъ его изъ монастыря, рукоположилъ его въ санъ діакона (579) и отправилъ въ Константинополь въ качествѣ апокрисіарія.—Возложенное на него порученіе онъ исполнилъ съ большимъ успѣхомъ, и, находясь въ Константинополѣ, онъ началъ свой знаменитый трудъ: «Толкованіе на Іова или XXXV книгъ о нравственности». Послѣ своего возвращенія въ Римъ (585), онъ продолжалъ принимать дѣятельное участіе во всѣхъ дѣлахъ куріи; и, послѣ смерти Пелагія II, единогласно избранный духовенствомъ, сенатомъ и народомъ на папскій престолъ, принужденъ былъ принять эту должность.

Положеніе римскаго епископа въ то время было отнюдь не легкое. Тѣснимый, съ одной стороны, аріанскими полуварварскими ломбардами, онъ былъ не свободенъ и съ другой, такъ какъ долженъ былъ во многихъ отношеніяхъ подчиняться власти Византійскаго императора и его представителя въ Италіи, экзарха равеннскаго. Тѣмъ не менѣе, положеніе не лишено было своихъ преимуществъ, и Г. съумѣлъ воспользоваться ими. Папа былъ самымъ крупнымъ поземельнымъ собственникомъ въ Италіи. Изъ его многочисленныхъ владѣній, не только въ Кампаньи, Апуліи, Калабріи, Сициліи и Сардиніи, но также въ Галліи, Далмаціи и Сѣверной Африкѣ, въ его казну стекались огромныя суммы, и Г. оказался великолѣпнымъ администраторомъ, строгимъ и не упускавшимъ изъ вида

даже самыхъ ничтожныхъ мелочей. Съ этимъ богатствомъ соединялся извѣстный престижъ и въ свѣтскихъ дѣлахъ. Вслѣдствіе слабости и малоспособности экзарховъ, папа сдѣлался дѣйствительнымъ правителемъ Рима, и эта роль особенно подходила Г., который прежде, чѣмъ сдѣлаться папой, былъ praetor urbis. Такимъ образомъ, онъ занималъ почти совершенно независимое положеніе, служа посредникомъ между ломбардами и Византіей. Черезъ посредство Теодолинды, баварской принцессы, принадлежавшей къ православной церкви, и жены короля Агилулфа, онъ оказывалъ нѣкоторое вліяніе на ломбардовъ; хотя однажды (593), какъ разъ въ то время, когда произносилъ бесѣду на пророка Іезекіиля, долженъ былъ откупиться большой суммой золота и серебра отъ Агилулфа, подступившаго къ воротамъ Рима. Его голосъ имѣлъ значеніе и въ Константинополѣ, хотя его отношенія съ импер. Мавритіемъ, особенно послѣ спора съ Іоанномъ Постникомъ, болѣе и болѣе омрачались.—Іоаннъ IV, патріархъ константинопольскій, любилъ называть себя «вселенскимъ патріархомъ». Но онъ не первый принялъ этотъ титулъ, да и не къ нему одному онъ прилагался: его предшественникъ Мина принялъ его въ 536, и онъ предоставленъ былъ также папѣ Льву I соборомъ халкидонскимъ съ 451, Ормиздѣ — сирійскими монахами въ 517, и Бонифацію II— митрополитомъ ларисскимъ въ 531. Г., однако, предпочитавшій называть себя servus servorum Dei (не въ укоръ константинопольскому патріарху, а просто въ подражаніе бл. Августину), неодобрительно отнесся къ этому титулу, жаловался по этому поводу Мавритію (595), и съ необычайною рѣзкостью нападалъ на самого Іоанна IV. Іоаннъ умеръ въ томъ же году. Но его преемникъ, Киріакъ, продолжалъ носить этотъ титулъ, и Г. болѣе и болѣе раздражался, особенно когда Мавритій уклонился отъ вмѣшательства въ это дѣло. Въ ноябрѣ 602 Мавритій былъ низвергнутъ съ престола Фокой, и не только самъ былъ обезглавленъ, но и его жена, пятеро сыновей и три дочери. Новый императоръ, узурпаторъ и убійца, однако, былъ привѣтствуемъ папой въ поздравительныхъ письмахъ, раболѣпство и ласкательство которыхъ можно объяснить только предположеніемъ, что Г., когда писалъ эти письма, не зналъ о той вопіющей жестокости, которою сопровождалась узурпація (что въ виду смутности тѣхъ временъ, отнюдь не невѣроятно). Такъ же можно объяснять и его отношенія къ Брунегильдѣ. Брунегильда была просто чудовищемъ. Преступленія, которыя она совершала въ теченіе царствованія ея сына, Хильдеберта II (575—596) и ея двухъ внуковъ, Теудеберта II и Теудеберика II, пріобрѣли ей прозвище «франкской фуріи», «новой Іезавели». А между тѣмъ къ этой женщинѣ Г. писалъ письма, исполненныя похвалы и лести. Но онъ, очевидно, судилъ о ней просто по ея собственнымъ письмамъ. А въ этихъ послѣднихъ она съ притворною набожностью обращалась къ нему то за какими-нибудь мощами для церкви, то за палліумомъ для св. Сіагрія Аутунскаго, то за какой-либо привилегіей для какого-нибудь монастыря, то съ просьбой о присылкѣ папскаго легата на франкскій соборъ; причемъ обѣщала поддерживать англійскую миссію, строить церкви и монастыри, отмѣнить симонію, вводить целибатъ, воздерживаться отъ раздачи церковныхъ должностей и бенефицій мірянамъ, и т. п. Въ виду всего этого Брунегильда могла казаться ему такою, какъ онъ и описывалъ ее,— женщиной весьма благочестивой.

Г. много потрудился для христіанскаго просвѣщенія чужеземныхъ странъ, особенно Испаніи и Англіи. Благодаря вліянію епископа Леандера Севильскаго, близкаго друга Г., который познакомился съ нимъ въ Константинополѣ, Реккаредъ, король вестготовъ, согласился оставить аріанство и присоединиться къ православной церкви. Въ письмѣ отъ 599 г. король сообщилъ о своемъ обращеніи папѣ, и въ то же время послалъ золотую чашу въ качествѣ своего подарка св. Петру. Г. отвѣчалъ ему чрезвычайно любезно, и отправилъ аббата Киріака въ Испанію съ палліу-

момъ для Леандера. Соборъ барцелонскій, состоявшійся въ томъ же году подъ предсѣдательствомъ митрополита Азіатика Таррагонскаго и обсуждавшій вопросы о симоніи и инвеституръ мірянъ церковными бенефиціями, вѣроятно, находился въ связи съ посольствомъ Киріака.—Что касается Англіи, то она обратила на себя вниманіе Г., когда онъ былъ еще монахомъ. Увидѣвъ англо-саксонскихъ мальчиковъ, выставленныхъ на продажу въ качествѣ рабовъ въ Римѣ, онъ почувствовалъ къ нимъ глубокое сожалѣніе, и порѣшилъ отправиться въ Англію въ качествѣ миссіонера. Онъ и дѣйствительно уже двинулся въ путь, но былъ возвращенъ папой. Сдѣлавшись самъ папой, онъ отправилъ (596) Августина и сорокъ другихъ монаховъ къ королю Этельберту Кентскому, и дѣло пошло такъ успѣшно, что уже въ слѣдующемъ году Августинъ сообщилъ ему о крещеніи короля и 10.000 его подданныхъ. Съ какимъ великимъ интересомъ Г. относился къ англійской миссіи, это можно видѣть изъ его писемъ къ Августину, въ которыхъ давались ему самыя подробныя инструкціи.

Какъ ни велики были успѣхи Г. Великаго въ распространеніи вліянія и власти римской каѳедры въ западныхъ странахъ, но еще больше онъ сдѣлалъ для внутренней организаціи и укрѣпленія церкви. Деликатный вопросъ о зависимости западныхъ митрополичьихъ каѳедръ отъ каѳедры римской онъ рѣшилъ съ большой прямотою. Въ сѣверной Африкѣ, гдѣ духовенство особенно ревниво отстаивало свою независимость, онъ дѣйствовалъ съ большою осторожностью и въ строгомъ согласіи съ канонами сардикійскаго собора (347). Геннадій экзархъ и два наиболѣе выдающихся епископа провинціи, Доминикъ Карѳагенскій и Колумбъ Нумидійскій, были близкими его друзьями, и къ римской каѳедрѣ многіе обращались съ аппелляціями. Но спорящія стороны никогда не вызывались въ Римъ: дѣло рѣшалось на мѣстѣ, папскими легатами. Иначе поступилъ онъ съ діоцезомъ Равеннскимъ: онъ запретилъ архіепископу Іоанну, и довольно рѣзко, носить палліумъ иначе, какъ при совершеніи литургіи, и когда возникъ споръ между преемникомъ Іоанна, Mapиніаномъ, и извѣстнымъ аббатомъ Клавдіемъ, онъ потребовалъ ихъ обоихъ въ Римъ для выслушанія ихъ дѣла лично. То же самое онъ хотѣлъ сдѣлать въ Иллиріи по поводу спорнаго епископскаго избранія въ Салонѣ (593); но въ этомъ случаѣ въ дѣло вмѣшался императоръ Мавритій, и, къ своему великому огорченію и униженію, Г. принужденъ былъ вступить въ компромисъ.

Идеи Г. Великаго о папской власти были довольно неопредѣленны; но вообще онъ былъ строгъ и явно стремился къ верховенству. Весьма характеристичны въ этомъ отношеніи были его старанія отдѣлить монаховъ отъ мірского духовенства. Онъ самъ былъ монахомъ и зналъ, какимъ искушеніямъ и иллюзіямъ человѣческая природа подвергается вслѣдствіе монашеской жизни: поэтому онъ установилъ срокъ новиціатства въ два года, а для воиновъ—въ три года. Юношамъ менѣе восемьнадцати лѣтъ онъ запрещалъ вступать въ монастырь, а женатыхъ людей допускалъ лишь съ согласія ихъ женъ. Церковнымъ властямъ онъ повелѣвалъ арестовывать тѣхъ монаховъ, которые часто большими толпами бродили по странѣ и въ дѣйствительности представляли собою не болѣе какъ бродягъ самаго назойливаго и дерзкаго свойства, и отдавать ихъ въ ближайшіе монастыри для наказанія. Этимъ онъ много сдѣлалъ для преобразованія монастырей, но еще болѣе для упроченія ихъ независимости. Одинъ монастырь за другимъ онъ освобождалъ отъ епископской власти, и на одномъ римскомъ соборѣ (601) власть епископа надъ аббатствами вообще была ограничена лишь правомъ поставленія аббатовъ. Очевидно, у него была мысль сдѣлать изъ монаховъ могучее орудіе, которымъ папа могъ бы располагать независимо отъ духовенства. Съ другой стороны, нѣкоторыя изъ особенностей монашеской жизни онъ перенесъ на духовенство, какъ, напр., целибатъ, о введеніи котораго онъ особенно ревностно заботился. Для духовенства онъ напи-

салъ, вскорѣ послѣ своего восшествія на папскій престолъ, свою знаменитую книгу: «Пастырское правило» (Regula Pastoralis), которая въ теченіе столѣтій считалась нравоучительнымъ кодексомъ духовенства. Императоръ Мавритій приказалъ перевести ее на греческій языкъ, а на англійскій языкъ ее перевелъ самъ Альфредъ Великій. По сообщенію Гинкмара Реймскаго отъ 870 г., всѣ франкскіе епископы отселѣ принимали на ней присягу при своемъ рукоположеніи. Проповѣдь онъ считалъ главною обязанностью священниковъ, и самъ въ этомъ отношеніи подавалъ блестящій примѣръ. Кромѣ вышеупомянутыхъ Бесѣдъ на пророка Іезекіиля, до насъ дошли отъ него сорокъ Бесѣдъ на Евангелія. Какъ богословъ, Г. не отличался самобытностью; тѣмъ не менѣе, и въ этомъ отношеніи онъ оказалъ благотворное вліяніе, возбуждая интересъ къ твореніямъ бл. Августина. Его иногда называютъ «изобрѣтателемъ чистилища»; но хотя его ученіе о промежуточномъ состояніи между смертью и осужденіемъ и довольно неопредѣленно, но вообще оно не идетъ дальше ученія бл. Августина. Свои догматическія воззрѣнія онъ изложилъ въ своихъ «Діалогахъ о жизни и чудесахъ италійскихъ отцовъ и о вѣчности душъ». Съ другой стороны, своимъ вліяніемъ на обрядовую сторону христіанства, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, онъ произвелъ почти полный переворотъ. Ему приписывается составленіе Литургіи «Преждеосвященныхъ даровъ», о чемъ см. подъ сл. «Литургіи», и имъ же произведенъ полный переворотъ въ церковномъ пѣніи, когда онъ вм. Амвросіанскаго пѣнія (cantus figuratus) ввелъ свое знаменитое Cantus planus или такъ называемое «Григоріанское пѣніе». Къ четыремъ гласамъ главнымъ Амвросія св. Г. прибавилъ еще четыре гласа, усвоивъ имъ значеніе побочныхъ, именно отъ **ля**, отъ **си**, отъ **до** и отъ **ре**—и такимъ образомъ составилъ цѣлую церковно музыкальную систему, состоящую изъ **восьми** діатоническихъ звукорядовъ. Въ цѣломъ своемъ видѣ музыкальная система св. Г. имѣетъ близкое отношеніе къ восточной системѣ осмогласія, обоснованнаго въ свою очередь на Греческой музыкальной системѣ, построенной на тетрахордахъ или четырезвучіяхъ. Каждый тетрахордъ представлялъ собою систему четырехъ звуковъ, сумма коихъ равнялась $2^1/_2$ интерваламъ. По характеру своему тетрахорды были трехъ родовъ: діатоническіе съ характернымъ интерваломъ въ $^1/_2$ тона, хроматическіе съ отличительнымъ интерваломъ въ $1^1/_2$ тона и энгармоническіе—съ интерваломъ въ $^1/_4$ тона. Діатоническіе тетрахорды въ свою очередь, смотря по мѣстоположенію своего отличительнаго интервала, были трехъ родовъ: дорійскіе (съ полутономъ въ срединѣ), фригійскіе (съ полутономъ внизу) и лидійскіе (съ полутономъ вверху). Съ теченіемъ времени къ тетрахорду прибавленъ былъ пятый звукъ и получилась система пентахорда. Наконецъ тетрахорды начали соединять между собою и съ системою пентахорда въ одну систему октохорда. Въ этой послѣдней системѣ октохорда изъ восьми звуковъ написаны были всѣ Греческіе лады, изъ коихъ каждый былъ не иное что, какъ музыкальная лѣствица о восьми ступеняхъ. На этихъ-то ладахъ и построены были церковные гласы, которыхъ по тогдашней системѣ можно было построить только восемь. Свв. Амвросій и Г. въ своихъ музыкальныхъ трудахъ воспользовались тѣми гласовыми звукорядами, которые уже были въ употребленіи въ Христіанской церкви, и возвели ихъ въ церковно-музыкальную систему. Св. Г. составилъ музыкальную книгу «антифонарій», называемую иначе «сентономъ», т. е. сборникомъ. Содержащееся въ немъ пѣніе имѣло своимъ основаніемъ греческіе музыкальные лады: фригійскій, дорійскій, лидійскій и др. Такъ, первый Григоріанскій гласъ—ладъ дорійскій простирался, какъ въ греческомъ пѣніи, отъ **ре** до **ре**, представляя собою два дорійскихъ тетрахорда; второй гласъ—ладъ фригійскій, отъ **ми**—до **ми**—два тетрахорда фригійскихъ и т. д., съ точностію повторяя греческіе лады. Все отличіе Григоріанскаго пѣнія отъ прежняго состояло въ томъ, что оно утратило прежній речитатив-

ный характеръ амвросіанскаго пѣнія и не было уже въ такой степени ритмическимъ, какъ пѣніе амвросіанское,—оно превратилось въ одну сплошную мелодію, въ коей музыка выдвигается надъ текстомъ и господствуетъ надъ нимъ. Григоріанское пѣніе, въ отличіе отъ амвросіанскаго, не зависѣло отъ долготы и краткости слоговъ текста и состояло преимущественно изъ тоновъ одинаковой ритмической продолжительности, отчего и получило названіе *равнаго* (cantus planus). Система Григоріанскаго пѣнія доселѣ служитъ основаніемъ для Богослужебнаго пѣнія Римско-Католической церкви.

Свящ. *А. Митропольскаго.*

Главнымъ источникомъ жизни и ученія св. Григорія служатъ, конечно, его собственныя творенія, особенно въ его письмахъ, доходящихъ до 850. Лучшія изданія сдѣланы Діонисіемъ Саммартаномъ (Парижъ, 1705, въ 4 том.) и Галлиціоли (Венеція, 1768—1776, въ 17 том.). Вслѣдъ за тѣмъ, по важности, идутъ древнія жизнеописанія: 1) въ liber Pontificalis у *Мураторы*: Scrip. Rer. Jtal. Ш; 2) у *Каннизія*: Thes., Antwerp., 1725, II; 3) у *Павла Діакона* (VIII вѣка); и 4) у *Іоанна Діакона* (IX в.), оба in Opp. Greg. Нѣкоторыя замѣчанія можно также находить у *Павла Діакона*: De gestis Longobardorum. III, 24—25, IV и V; у *Григорія Турскаго*: Annales Francorum. X, 1—2; *Беды*: Hist. Eccl. Angl., I, 23—27, 33. II, 1—3. Среди новѣйшихъ изслѣдованій этого предмета можно упомянуть сочиненія *Біанки — Джіовини*. Миланъ, 1844. *Лау*. Лейпцигъ, 1845; *Пфалера*, Франкфуртъ, 1852; *Барнаби*, Лондонъ. 1879. По частнымъ предметамъ можно указать: *Гербертъ*, De canta et musica sacra, Бамбергъ, 1744; *Guettée*: La papauté moderne Greg. le grand, Paris, 1861.

Изъ его твореній на русскомъ языкѣ имѣются: «Бесѣды на прор. Іезекіиля» въ двухъ книгахъ, перев. съ лат. архим. Климента (Казань, 1863 г.). Изъ изслѣдованій о немъ см. нач. диссертаціи проф. *А. Пономарева*, «Собесѣдованія св. Г. Великаго о загробной жизни въ ихъ церковномъ и историко-литературномъ значеніи». СПБ. 1896 г. Тамъ же указана и вся относящаяся сюда литература. *Пр. Д. Разумовскій*, Церковное пѣніе въ Россіи. Вып. I. стр. 17—19. *Свящ. В. Металловъ*, Очеркъ исторіи православнаго церковн. пѣнія въ Россіи, стр. 17—19. *Ст. А. С—ва*, «Богослужебная музыка Западной церкви» въ Чтен. въ Общ. Любит. дух. просвѣщенія. 1 кн. 1889 г.

ГРИГОРІЙ—имя 16 римскихъ папъ. Изъ нихъ, кромѣ 1) **Г. I** В. или Двоеслова (см. выше), **Г. II** (19 мая 715—10 февр. 731) былъ бенедиктинскимъ монахомъ, и построилъ мон. Монте-Кассино, который было разрушенъ ломбардами. Онъ былъ первый папа, который обращался къ франкамъ за помощью противъ ломбардовъ, но не имѣлъ успѣха. Его посланія находятся у *Jaffè*, Regest. Pont. Roman., его жизнеописаніе у *Vignoli*, Lib. Pont. II.—**Г. III** (11 февр. 731—28 нояб. 741) былъ сиріецъ родомъ. Онъ также просилъ у франковъ помощи противъ ломбардовъ, но съ такимъ же малымъ успѣхомъ, какъ и его предшественникъ. Творенія, въ которыхъ онъ, по свидѣтельству Анастасія, писалъ о законности иконопочитанія, потеряны. — **Г. IV** (827—844), побуждаемый честолюбіемъ дѣйствовать въ качествѣ свыше назначеннаго посредника, вмѣшался въ печальныя семейныя смуты франкской династіи, и сдѣлался, быть-можетъ, невольно и несознательно орудіемъ, съ помощью котораго Лотарь совершилъ свое измѣнничество на поляхъ Кольмарскихъ. Жизнь его см. у *Vignoli*, Lid. Pont., III.—**Г. V** (3 мая 996 — 18 февр. 999), сынъ герцога Отона Каринтійскаго и близкій родственникъ Отона III, былъ первый папа изъ нѣмцевъ. Онъ былъ возведенъ на престолъ Отономъ III; но едва императоръ оставилъ Италію, какъ римская знать, во главѣ съ Кресцентіемъ, произвела мятежъ и избрала антипапу (Іоаннъ XVI). Но по возвращеніи императора возстаніе было подавлено, Кресцентій обезглавленъ, Іоанна XVI влачили по улицамъ Рима, оскопили и заключили въ тюрьму. *Jaffè*, Reg. Pont. Roman. — **Г. VI** (1044—1046) купилъ папскую тіару у Бенедикта IX, и въ теченіе $1^1/_2$ года правилъ съ благоразуміемъ и сноснымъ успѣхомъ. Но онъ не нравился римской знати, и она убѣдила Бенедикта IX возвратиться. Въ качествѣ посредника, приглашенъ былъ императоръ Генрихъ III, и Г. VI, встрѣтивъ его въ Піаченцѣ, сопровождалъ его до Сутри. Тамъ онъ прямо сознался, что купилъ папское достоинство съ цѣлью спасти его, и, когда всѣ епископы осудили такой поступокъ, онъ

сложилъ съ себя знаки папскаго достоинства, и вмѣстѣ съ императоромъ отправился въ Германію, гдѣ и умеръ въ Кельнѣ, въ 1048. Былъ также и антипапа подъ именемъ Г. VI, при Бенедиктѣ VIII, но только на короткое время.

ГРИГОРІЙ VII (22 апр. 1073—25 мая 1085)—Гильдебрандъ; родился отъ простыхъ родителей, въ Саонѣ или въ Римѣ. Онъ былъ капелланомъ при Г. VI, сопровождалъ его во время его путешествія въ Кельнъ, и послѣ его смерти вступилъ въ Клунійскій монастырь. Тамъ во время реймскаго собора (1049) съ нимъ познакомился папа Левъ IX. По возвращеніи въ Италію, онъ принялъ санъ діакона и получилъ достоинство кардинала, и вскорѣ сдѣлался душой папскаго правительства. Человѣкъ высокаго ума и неутомимой энергіи, онъ умѣлъ пользоваться всякимъ обстоятельствомъ въ свою пользу, никогда не отступая отъ своихъ плановъ ни при какихъ неблагопріятныхъ обстоятельствахъ. Хотя во многихъ отношеніяхъ плоды его трудовъ обнаружились только долго спустя послѣ его смерти, однако идеи, которыя повели къ преобразованію дѣлъ въ христіанскомъ мірѣ въ это время, зародились именно въ его головѣ, и были дѣломъ его рукъ. Ему прежде всего удалось сломить вліяніе римской знати и нѣмецкаго двора при папскихъ выборахъ. Когда умеръ Стефанъ X (1058), римская знать избрала Бенедикта X, а кардиналы, во главѣ съ Гильдебрандомъ, Николая II. Съ помощью императрицы Агнесы, Гильдебрандъ, подкупомъ и насиліемъ, добился водворенія своего кандидата въ Римѣ. Одною изъ первыхъ мѣръ Николая II былъ декретъ, въ силу котораго избраніе папы было предоставлено всецѣло въ руки кардиналóвъ и германскаго императора, съ лишеніемъ римской знати всякаго права участвовать въ нихъ. Николай II умеръ въ 1061. Одна партія кардиналовъ немедленно послала знаки папскаго достоинства къ императрицѣ Агнесѣ, чтобы она назначила новаго папу; между тѣмъ какъ другая партія, во главѣ съ Гильдебрандомъ, собралась на обычный конклавъ, и избрала епископа Ансельма Лукскаго, который принялъ имя Александра II, 1 окт. 1061. Императрица избрала епископа Кадала Пармскаго, 21 окт., и во главѣ императорской арміи онъ вступилъ въ Римъ. Но въ маѣ 1062 въ Германіи произошла революція, которая лишила императрицу Агнесу власти, и во главѣ правительства, во время малолѣтства Генриха IV, поставила архіепископа Аннона Кельнскаго. Соборами аугсбургскимъ (окт. 1062) и мантуанскимъ (мая 1064) Александръ II былъ признанъ законнымъ папой.—Александръ II умеръ 22 апр. 1073; и въ тотъ же самый день папой былъ избранъ Гильдебрандъ. Онъ принялъ имя Г. VII, и былъ посвященъ 29 іюня 1073. Но при этомъ не было испрошено согласіе германскаго императора: отношенія между Г. VII и Генрихомъ IV были съ самаго начала натянутыми, и угрожали опасностью для нихъ обоихъ. Въ 1071 сдѣлалось вакантнымъ аббатство Рейхенау, на Констанцскомъ озерѣ; и одинъ монахъ (Робертъ бамбергскій), подкупивъ совѣтниковъ короля, добился назначенія себя аббатомъ. Но монахи Рейхенау сдѣлали доносъ на новаго аббата въ Римъ, и Александръ II подвергъ его изгнанію. Такъ какъ императорскіе совѣтники не хотѣли отказаться отъ имѣній, полученныхъ ими отъ Роберта, то и они также подвергнуты были отлученію; и такъ какъ король не хотѣлъ уволить своихъ совѣтниковъ, то и онъ также подвергся отлученію. Таково было положеніе дѣлъ, когда на престолъ вступилъ Г. VII. Благодаря, однако, посредничеству императрицы Агнесы, состоялось примиреніе. Генрихъ IV унизился до того, что принесъ покаяніе, и былъ разрѣшенъ отъ отлученія. Миръ сохранялся въ теченіе нѣкотораго времени, за которое спорящія стороны набирались силъ—въ предчувствіи неизбѣжности новой борьбы.

Г. весьма ревностно старался объ упроченіи целибата. Онъ считалъ эту мѣру необходимой для укрѣпленія церкви въ ея борьбѣ съ государствомъ,

и въ 1074 онъ издалъ декретъ, по которому никто изъ мірянъ не долженъ посѣщать богослуженій или принимать таинствъ, когда они совершаются женатымъ священникомъ: онъ даже поощрялъ мірянъ силою принуждать священниковъ удалять отъ себя своихъ женъ. Декретъ однако исполнялся лишь съ большою неохотою, и во многихъ мѣстахъ, особенно въ Южной Германіи, священники чрезвычайно много терпѣли отъ насилія и буйства рыцарей и черни. Но эти необычайныя мѣры усиленія его власти надъ духовенствомъ, съ помощью мірянъ, возбудили большую ненависть по отношенію къ Г. въ рядахъ низшаго духовенства, и оно обратилось за помощью къ Генриху IV. Среди наиболѣе довѣренныхъ друзей императора былъ одинъ изъ ожесточеннѣйшихъ враговъ папы, — герцогъ Нижней Лотарингіи Готфридъ. Въ 1074 онъ женился на Матильдѣ, дочери маркграфини Беатрисы Тосканской; но Матильда отказалась жить съ нимъ и возвратилась къ своей матери. Вслѣдствіе тѣсной дружбы, существовавшей между Г. съ одной стороны, и Беатрисой и Матильдой,—съ другой, и непреодолимаго вліянія, которое онъ оказывалъ на умы этихъ двухъ женщинъ, герцогъ Готфридъ былъ не совсѣмъ неправъ, когда онъ всю вину въ нарушеніи его семейнаго счастья свалилъ на папу: во всякомъ случаѣ, онъ ненавидѣлъ его. Другой причиной охлажденія между Г. VII и Генрихомъ IV былъ законъ инвеституры, изданный Г. въ 1075, хотя вообще онъ получилъ силу не раньше 1078. Въ силу этого закона, ни государь, ни вообще какой либо мірянинъ не могъ дѣлать никакихъ назначеній на церковныя должности, равно какъ никто изъ духовныхъ лицъ не могъ получить своей должности отъ мірянина. Дѣло угрожало сильнымъ столкновеніемъ, и собиравшаяся буря разразилась въ Миланѣ (1075). Въ 1071 миланская каѳедра сдѣлалась вакантной, и въ томъ же году Генрихъ IV назначилъ на нее архіепископомъ миланскаго священника Готфрида. Въ 1073 Г. съ своей стороны назначилъ на нее другого миланскаго священника, Аттона. Ни тотъ, ни другой не имѣли никакого значенія въ діоцезѣ; начались пререканія и смуты. Съ цѣлью положить конецъ этой смутѣ, Генрихъ IV назначилъ третьяго архіепископа, Тедальда. Но эта мѣра встрѣтила самый рѣшительный протестъ со стороны Г. VII. Дѣло приняло крутой и рѣзкій оборотъ. Генрихъ IV, повидимому, совершенно не расчиталъ силу своего противника. 1 января 1076, въ Госсларѣ, онъ порѣшилъ низложить папу, и 24 января нѣсколько германскихъ епископовъ и священниковъ подписали въ Вормсѣ жалобу на то, что Г. былъ избранъ незаконно, такъ какъ не получилъ согласія со стороны германскаго императора, которое, согласно съ опредѣленіемъ Николая II, онъ долженъ былъ имѣть. Г. VII отвѣчалъ на это просто тѣмъ, что подвергъ и Генриха IV, и его приверженцевъ отлученію. Нѣсколько германскихъ государей вслѣдствіе этого немедленно отказали ему въ своемъ повиновеніи и пригласили папу на аугсбургскій сеймъ (2 февр. 1077) для обсужденія этого дѣла. Генрихъ, понимая, что такой сеймъ не только будетъ для него униженіемъ и подвергнетъ его опасности, но и послужитъ къ его полной гибели, поспѣшилъ въ Италію въ декабрѣ 1076, нашелъ папу въ Каноссѣ (одномъ изъ замковъ Матильды), явился къ нему одѣтый во вретище, съ босыми ногами и съ пепломъ на головѣ, стоялъ на дворѣ, и только чрезъ три дня былъ допущенъ къ папѣ, и получилъ разрѣшеніе отъ отлученія. Нѣмецкіе государи, опасаясь мщенія Генриха IV, избрали анти-императора (15 марта 1077), вслѣдствіе чего началась война, продолжавшаяся до 1080. Въ теченіе этого времени Г. VII настаивалъ на созваніи сейма, на которомъ онъ самъ хотѣлъ уладить дѣла; но когда онъ убѣдился, что Генрихъ ни за что не согласится явиться на такое собраніе, онъ во второй разъ подвергъ его отлученію весной 1080. Но 15 октября, въ битвѣ на Эльстерѣ, ему удалось разбить анти-императора и подавить возстаніе, и весной 1081 онъ явился

въ Италію во главѣ большого войска, поставивъ въ то же время антипапу, Климента III. Онъ осаждалъ Римъ въ теченіе четырехъ лѣтъ, занялъ Львову часть города и заперъ папу въ замкѣ св. Ангела; но, наконецъ, онъ изгнанъ былъ Робертомъ Гюискаромъ, который освободилъ Г. VII и привезъ его въ Салерно, гдѣ онъ и умеръ. См. подъ сл. *Гибертъ Пармскій*.

Voigt, Hildebrand als Papst Gregor VII, 2-е изд. 1846, *Söltl*, Gregor der Siebente, 1847. *Floto*, Kaiser Heinrich der Vierte und sein Zeitalter, 1855—56, 2 т., *Meltzer*, Papst Gregor VII u. d. Bischofswahlen, Dresden, 1869, 2-е изд. 1876. S. Gregorii VII Epistolae et diplomata, ed. Horoy, Paris, 1887, 2 т. Въ русской литературѣ: см. изслѣдованія *А. Вязигина*. СПБ. 1898 г.

Григорій VIII (21 окт.—17 дек. 1187). Былъ также и антипапа этого имени, Маврицій Бурдинъ, архіепископъ брагскій, возведенный на папскій престолъ Генрихомъ V 8 марта 1118, впослѣдствіи оставленный императоромъ, низложенный Калликстомъ II, и влачимый изъ одной тюрьмы въ другую до самой смерти, 1125.— **Григорій IX** (19 марта 1227—22 авг. 1241) былъ восьмидесятилѣтнимъ старцемъ, когда взошелъ на папскій престолъ, но оказался стойкимъ соперникомъ Фридриха II Гогенштауфена, не уступая ему ни въ мужествѣ, ни въ энергіи. Фридрихъ принялъ обѣтъ совершить крестовый походъ, но, повидимому, не прочь былъ и обойти этотъ обѣтъ. Получивъ увѣщаніе отъ папы, онъ сѣлъ на корабль въ Бриндизѣ, но чрезъ нѣсколько дней высадился въ Отранто, якобы вслѣдствіе болѣзни. 29 сентября папа подвергъ его отлученію; и хотя императору удалось изгнать Григорія изъ Рима, сначала въ Витербо, потомъ въ Перуджію, однако отлученіе не было съ него снято. 28 іюня 1228 онъ во второй разъ сѣлъ на корабль, прибылъ въ Св. Землю, совершилъ блестящій походъ и былъ коронованъ въ качествѣ короля Палестины въ церкви Св. Гроба; но отлученіе все еще тяготѣло на немъ. Только послѣ его возвращенія, Германнъ Зальцскій, гроссмейстеръ тевтонскаго ордена, добился примиренія между ними (1 сент. 1230), и отлученіе было снято съ него. Но когда, въ 1238 г., онъ потерпѣлъ нѣкоторыя военныя и политическія неудачи въ Верхней Италіи, Г. IX опять сталъ во главѣ его враговъ и возобновилъ отлученіе (1239). Фридрихъ II немедленно двинулся противъ папы,—и престарѣлый папа умеръ плѣнникомъ въ своей собственной столицы. Его декреталіи были собраны Раймундомъ Пеннафортомъ и изданы въ пяти книгахъ въ 1234. Изъ его писемъ, всего до 4450, 3200 находятся въ Potthast,—Regest. Pontif. Roman., I; жизнеописаніе его см. у *Мураторія*.— **Григорій X** (1 сент. 1271—10 янв. 1276) былъ избранъ на папскій престолъ послѣ трехлѣтней вакансіи, продолжавшейся такъ долго вслѣдствіе спора между французской и итальянской партіями среди кардиналовъ. Онъ пытался примирить гвельфовъ и гибеллиновъ съ цѣлью устроить новый крестовый походъ, и на второмъ ліонскомъ соборѣ (1274) старался достигнуть возсоединенія между Восточной и Западной церквами; но потерпѣлъ неудачу въ обоихъ отношеніяхъ. Жизнь его см. у *Мураторія*.—**Григорій XI** (30 дек. 1370—27 марта 1378) перенесъ папскую резиденцію изъ Авиньона и вступилъ въ Римъ 27 янв. 1377. — **Григорій XII** (2 дек. 1406) былъ низложенъ соборомъ пизанскимъ 5 іюня 1409. Сначала онъ протестовалъ противъ этого, но видя безполезность протестовъ, самъ отрекся отъ престола предъ соборомъ констанцскимъ 4 іюля 1415 и умеръ въ качествѣ кардиналъ-епископа портскаго, 18 окт. 1417. — **Григорій XIII** (13 мая 1572—10 апр. 1585) основалъ двадцать-двѣ іезуитскихъ коллегіи; отпраздновалъ кровавое побоище въ Варѳоломеевскую ночь процессіями и чеканкой медалей; поддерживалъ Генриха III противъ гугенотовъ, и проч. Въ 1582 онъ закончилъ исправленіе юліанскаго календаря, надъ которымъ работали соборы констанцскій, базельскій и тридентскій, а также и многіе папы; и въ томъ же году онъ опубликовалъ новое и исправленное изданіе Corpus juris canonici. Творенія его см. въ *Eggs*, Pontific. doctum. Біографіи

его писали Чіаппи (1591 г.), Бомпіано (1655 г.), Маффеи (1742 г.), Де-Виделльянъ (1840 г.). — **Григорій XIV** (5 дек. 1590—15 окт. 1591 г.) былъ слѣпымъ орудіемъ испанской партіи и членовъ французской лиги. Буллы его находятся у Керубини: Bullar.. Magn., II.—**Григорій XV** (9 февр. 1621 — 8 іюля 1623 г.) былъ престарѣлый и болѣзненный человѣкъ и предоставлялъ завѣдываніе дѣлами своему молодому и энергичному племяннику Людовику, который усердно поддерживалъ іезуитовъ въ ихъ усиліяхъ возстановить римскую церковь въ Богеміи, Венгріи, Австріи, Баваріи, Франціи и Нидерландахъ. Имъ основана была «конгрегація для распространенія вѣры» и сдѣлано нѣсколько улучшеній въ организаціи конклава.—**Григорій XVI** (2 февр. 1831 — 1 іюня 1846 г.) при своемъ восшествіи на престолъ былъ уже старымъ монахомъ; род. въ Беллюно, 18 сент. 1765 г.; съ 1823 г. состоялъ генераломъ ордена камальденсовъ; съ 1826 г.—префектомъ пропаганды, и извѣстенъ какъ авторъ сочиненія подъ заглавіемъ: «Тріумфъ святаго сѣдалища», 1799 г. Его управленіе церковью вообще было весьма успѣшно. Онъ основалъ 30 новыхъ апостолическихъ викаріатствъ, 15 новыхъ миссіонерскихъ епископій и 43 новыхъ коллекціи для воспитанія миссіонеровъ. Хотя въ Португаліи онъ принималъ сторону Донъ Мигуеля, въ Испаніи сторону Донъ Карлоса, однако умѣлъ во время приспособляться къ обстоятельствамъ. Во Франціи также при немъ постоянно возрастали сила римской церкви и вліяніе іезуитовъ. Но управленіе имъ собственно церковною областью было печальное. Немедленно послѣ восшествія на престолъ разразилось возстаніе, и папа держался на престолѣ только благодаря тому, что Австрія постоянно занимала Болонью, а Франція Анкону. Государственный долгъ возросъ до 38,000,000 скуди. Пришлось сдѣлать заемъ у Ротшильдовъ, при чемъ этотъ заемъ далъ лишь 65 на 100. Ежегодный дефицитъ опредѣлялся въ 500,000 скуди. Однимъ изъ источниковъ дохода была лоттерея, которая приносила 1,120,000 скуди, но устроить которую стоило 850,000 скуди. См. о немъ подробнѣе въ «Исторіи Христіанской Церкви XIX вѣка». Т. I, Петроградъ, 1900 г., изданіе А. П. Лопухина.

ГРИГОРІЙ Турскій род. въ 538 г., или 539 г., въ Арвернѣ (теперь Клермонъ Феррантъ), главномъ городѣ Оверна. Онъ происходилъ изъ знатной римской фамиліи, первоначально назывался Георгій Флоренцій, но позже, изъ уваженія къ дѣду своей матери, епископу Григорію лангрскому, принялъ имя Г. Его отецъ Флорентій умеръ рано, онъ воспитанъ былъ своимъ дядей, епископомъ Галломъ клермонскимъ, и подъ его руководствомъ, отчасти вслѣдствіе чудеснаго спасенія отъ тяжкой болѣзни, порѣшилъ вступить въ духовный санъ. Такъ какъ Галлъ умеръ, когда Г. былъ еще ребенкомъ, и его мать переселилась въ Бургундію, гдѣ жили ея родственники, то онъ переданъ былъ нѣкоему Авиту, уважаемому, хорошо знакомому съ Св. Писаніемъ священнику его родного города, и подъ его вліяніемъ отдался тщательному изученію духовныхъ сочиненій. Постигшая его ок. 563 опасная болѣзнь послужила для него поводомъ къ паломничеству ко гробу Мартина Турскаго, который тогда считался величайшимъ святымъ Галліи. Тамъ онъ получилъ ожидаемое исцѣленіе, что имѣло рѣшающее значеніе для религіознаго направленія его жизни. Когда, въ 573 г., умеръ епископъ Евфроній Турскій, Г. избранъ былъ тамъ епископомъ и съ большою ревностью отдался исполненію возлагавшихся на него епископствомъ задачъ: онъ не только ревностно исполнялъ свою пастырскую должность, но и наблюдалъ за мірскими дѣлами города, съ рѣшительностью и благоразуміемъ отстаивалъ его противъ насилія королевскихъ чиновниковъ и заботился о возвышеніи его благосостоянія. Сгорѣвшую при Евфроніѣ епископскую церковь онъ вполнѣ возобновилъ, сдѣлавъ ее еще обширнѣе и красивѣе; она была освящена въ 590 г. Велѣлъ онъ также возобновить и церковь св. Перепетуи и украсить ее картинами. Вообще онъ

много настроилъ церквей въ своемъ діоцезѣ, пріобрѣталъ и открывалъ мощи. Политическія обстоятельства, при которыхъ приходилось исполнять Г. свою должность, были тяжелы, но онъ умѣлъ примѣняться къ нимъ. Когда въ 587 г., вслѣдствіе андалотскаго договора, Туръ перешелъ къ Хильдеберту II (576—595 г.), то при немъ и его матери, Брунгильдѣ, Г. пользовался особеннымъ уваженіемъ, былъ часто приглашаемъ ко двору и участвовалъ въ важныхъ государственныхъ дѣлахъ. Этими благопріятными обстоятельствами онъ пользовался въ теченіе девяти лѣтъ, и умеръ 17 ноября 593 или 594 г. Своею большою извѣстностью онъ обязанъ главнымъ образомъ своимъ сочиненіямъ. Кромѣ сочиненія о чудесахъ, онъ написалъ Annales Francorum, которое служитъ главнымъ, если не единственнымъ источникомъ для исторіи Галліи этого періода. Впервые оно напечатано было въ Парижѣ, въ 1511 г., и критически издано Рюинаромъ, Парижъ, 1699 г. Превосходный мѣмецкій переводъ этихъ Анналовъ сдѣланъ Гизебрехтомъ въ изданіи Пертца: «Историки нѣмецкаго прошлаго», Берлинъ, 1851 г., 9-е изд. 1873 г. Полное изданіе его Opera сдѣлано Арндтомъ и Крушемъ (Ганноверъ, 1884 г. и слѣд.).

ГРИГОРІЙ Утрехтскій род. въ 707 г. или 708 г.; происходилъ отъ знатной франкской фамиліи и получилъ воспитаніе въ придворной школѣ. Позже онъ поступилъ въ монастырь Пфальцель, трирскаго діоцеза, гдѣ аббатиссой была его бабушка Аддула. Послѣдняя, а вмѣстѣ съ нею и Г., вслѣдствіе подлога, сдѣлалась членомъ Меровингскаго дома. Въ Пфальцелѣ Г. (722 г.) встрѣтился съ направлявшимся изъ Фрисландіи въ Тюрингію Бонифаціемъ. Онъ обратилъ на себя вниманіе послѣдняго своимъ хорошимъ чтеніемъ за столомъ, и Бонифацій настолько овладѣлъ сердцемъ юноши, что послѣдній присоединился къ нему и отправился съ нимъ. Съ того времени Г. постоянно сопровождалъ своего учителя, за которымъ онъ въ 737 г., послѣдовалъ и въ Римъ. Къ концу жизни послѣдняго онъ выступаетъ священникомъ и аббатомъ, т. е., начальникомъ школъ въ Утрехтѣ. Послѣ мученической смерти Бонифація, папа Стефанъ III и король Пипинъ поручили ему проповѣдь среди фризовъ. Это порученіе онъ исполнилъ съ большою ревностью и успѣхомъ; Утрехтъ и важный въ торговомъ отношеніи городъ Вiйкъ, близъ Дурстеда, были главнѣйшими мѣстами его дѣятельности, которая простиралась на всю среднюю Фрисландію до Лауерса. Къ его сотрудникамъ принадлежали англосаксы Алубертъ и Ліяфвинъ и фризъ Людгеръ. Благодаря процвѣтавшей подъ его руководствомъ школы, въ которую стекались юноши изъ самыхъ различныхъ нѣмецкихъ племенъ (тамъ были франки, англосаксы, фризы, саксы, баварцы, швабы и др.), вліяніе Г. простиралось и за предѣлы Фрисландіи. Самъ онъ постоянно оставался пресвитеромъ, такъ какъ, будучи монахомъ, считалъ непристойнымъ добиваться чего-нибудь высшаго. Въ позднѣйшіе свои годы онъ поручилъ исполнять епископскія обязанности хорепископу Алуберту. По желанію Г., послѣдній получилъ (767 г.) въ Іоркѣ отъ епископа Антельберта епископское рукоположеніе, и именно для труда среди саксовъ. Три послѣдніе года жизни Г. находился въ крайне болѣзненномъ состояніи. Чувствуя приближеніе смерти, онъ велѣлъ привести себя къ алтарю св. Сальватора, гдѣ и умеръ, 25 августа 775 или 776 г. По изображенію его ученика Людгера. это былъ человѣкъ искренняго и сердечнаго благочестія, который и въ тяжелыя минуты своей жизни сохранялъ высшій духъ христіанства и, по своимъ воззрѣніямъ, былъ истый монахъ. Преемникомъ его былъ его племянникъ Альберихъ.

ГРИГОРІЙ Акиндинъ — византійскій монахъ, одинъ изъ главныхъ участниковъ варлаамитскаго движенія (см. о немъ). Онъ былъ родомъ изъ Мизіи, весьма свѣдущъ въ богословіи и философіи. Когда Варлаамъ Кавадрійскій сталъ распространять въ Византіи свою ересь, Акиндинъ сдѣлался ревностнымъ ея защитникомъ. Онъ велъ диспуты

съ противниками Варлаама и писалъ сочиненія въ оправданіе воззрѣній своего учителя. Но впослѣдствіи онъ разошелся съ Варлаамомъ во взглядахъ на существо и энергію Божества, а также и на сущность ѳаворскаго свѣта, и занялъ особое самостоятельное положеніе среди византійскихъ ученыхъ, принимавшихъ участіе въ религіозно-философскомъ движеніи XIV вѣка. Акиндинъ извѣстенъ многими сочиненіями, но большая ихъ часть (пять книгъ противъ Варлаама, шесть книгъ противъ Григорія Паламы, исповѣданія вѣры, разсказъ о началѣ варлаамитскихъ споровъ, письма) находятся еще въ рукописяхъ. Въ печати извѣстенъ, прежде всего, трактатъ Г. «О сущности и энергіи—Περί οὐσίας και ενεργείας», въ шести книгахъ. Здѣсь съ философской точки зрѣнія рѣшается вопросъ о существѣ и свойствахъ Божества. Первыя двѣ книги этого трактата, по словамъ профессора Карла Крумбахера, представляютъ буквальный переводъ сочиненія Ѳомы Аквината. «De veritate catholicae fidei contra gentiles», а все вообще сочиненіе не свободно отъ вліянія западной схоластики. Неизвѣстно, самъ ли Акиндинъ сдѣлалъ заимствованіе у Аквината (онъ могъ изучить латинскій языкъ при помощи Варлаама), или онъ воспользовался уже готовымъ переводомъ, исполненнымъ какимъ-либо другимъ византійскимъ ученымъ, но фактъ этотъ имѣетъ важное значеніе и указываетъ, что основанія варлаамитскаго движенія заложены глубоко и представляютъ одну изъ фазъ въ борьбѣ западной схоластики съ византійской мистикой. Кромѣ того, Акиндинъ написалъ въ ямбическихъ стихахъ (509) сочиненіе противъ Паламы (Κατὰ τῶν αἰρέσεων Γρηγορίου του Παλαμᾶ), въ коемъ указываетъ на заблужденіе этого защитника исихастовъ. Наконецъ, извѣстны его письма и ямбическіе стихи къ Никифору Григорѣ, въ коихъ онъ вызывалъ его на борьбу и изобличалъ въ ошибкахъ.

Литература. Сочиненія Г. напечатаны у *Migne*'я, Patrologia graeca, t. 151. *Ѳ. И. Успенскій*, Очерки по исторіи византійской образованности. Спб. 1892. *Ѳ. И. Успенскій*, Синодикъ въ недѣлю православія. Одесса. 1896. *Karl Krumbacher*, Geschichte der byzantinischen Litteratur. Münch. 1897.

И. Соколовъ.

ГРИГОРІЙ Синаитъ — выдающійся византійскій подвижникъ и писатель. Онъ родился въ мѣстечкѣ Кукулѣ, близъ Клазоменъ въ Малой Азіи, въ шестидесятыхъ годахъ XIII столѣтія, отъ богатыхъ родителей. Въ царствованіе Андроника II Палеолога (1281—1332 г.) Г. былъ взятъ въ плѣнъ турками, но выкупленъ лаодикійскими христіанами и удалился на островъ Кипръ, гдѣ и жилъ въ одномъ монастырѣ. Спустя немного, онъ отправился на гору Синай постричься въ мѣстномъ монастырѣ (поэтому называется Синаитомъ) и, послѣ трехлѣтнихъ подвиговъ, удалился въ Іерусалимъ, а потомъ на островъ Критъ, гдѣ отъ монаха Арсенія усвоилъ начала иноческаго подвижничества въ формѣ дѣланія и созерцанія. Затѣмъ Г. отправился на св. Гору Аѳонъ, обозрѣлъ мѣстныя исихастиріи и поселился въ мѣстечкѣ Магула, гдѣ построилъ себѣ исихастирій и собралъ учениковъ. Въ своей жизни Г. осуществлялъ начала т. н. исихастскаго ученія (см. о немъ особо) и былъ однимъ изъ выдающихся теоретиковъ этого ученія. Пребываніе Г. на Аѳонѣ продолжалось до нашествія турокъ на эту гору (около 1305 г), а затѣмъ подвижникъ путешествовалъ на Синай, въ Ѳессалонику, на Хіосъ, Ливанъ и въ Константинополь. Здѣсь о немъ узналъ императоръ Андроникъ Палеологъ. Изъ столицѣ Г. отправился въ городъ Созополь и, нашедши здѣсь уединенное мѣстечко въ пустынѣ Пароріи, основалъ здѣсь монастырь, который потомъ сдѣлался крупнымъ пунктомъ аскетическо созерцательной жизни монаховъ не только греческихъ, но и славянскихъ. Изъ своего монастыря Г. путешествовалъ въ Созополь, Константинополь, на Аѳонъ и въ Адріанополь, а возвратившись въ Паророю, вполнѣ благоустроилъ свой монастырь, при матеріальномъ содѣйствіи болгарскаго царя Александра. Подвижникъ здѣсь и скончался въ сороковыхъ годахъ XIV столѣтія. Значеніе Г. въ

исторіи византійско-восточнаго монашества состояло въ томъ, что онъ содѣйствовалъ упроченію и развитію на востокѣ дѣятельно созерцательнаго аскетическаго идеала и былъ однимъ изъ авторитетныхъ проповѣдниковъ т. н. исихастскаго ученія. Въ виду того, что Г. большую часть своей жизни провелъ въ путешествіяхъ, осуществляя принципъ византійскихъ странниковъ — φεῦγε, σιώπα, ἡσύχαζε, онъ не имѣлъ возможности всецѣло посвятить себя литературной дѣятельности и поэтому оставилъ лишь краткія аскетическія сочиненія. Самое большое изъ нихъ состоитъ изъ 137 главъ и надписывается такъ: «Различныя слова о заповѣдяхъ и догматахъ, угрозахъ и обѣтованіяхъ, а еще о помыслахъ, страстяхъ и добродѣтеляхъ, о безмолвіи и молитвѣ». Сочиненіе содержитъ собраніе назидательныхъ размышленій объ указанныхъ предметахъ, слабо соединенныхъ между собою. Кромѣ того, съ именемъ Г. извѣстны краткія творенія: «О безмолвіи и молитвѣ», «О безмолвіи и двухъ видахъ молитвы», «Наставленія исихастамъ» и «Главы (семь) аскетическаго содержанія». Въ первомъ произведеніи Г., между прочимъ, убѣждаетъ аскетовъ читать творенія Іоанна Лѣствичника, Максима Исповѣдника, Симеона Новаго Богослова, ученика Никиты Стиѳата, и Филоѳея Синаита. Нѣкоторыя творенія Г. остаются неизданными.

Литература. 1) Творенія Г. изданы у *Migne*'я, Patrologia graeca, t. 150. Срав. *Добротолюбіе* въ русскомъ переводѣ, т. V. Москва. 1889. 2) Житіе иже во святыхъ отца нашего Гр. Синаита. По рукописи Московской Синодальной библіотеки издалъ *И. В. Помяловскій*. Спб. 1894. Это житіе составлено ученикомъ Г. константинопольскимъ патріархомъ Каллистомъ. Анализъ его сдѣланъ *И. Соколовымъ* въ Журналѣ Минист. Нар. Просв., 1896, іюль. стр. 180 — 190. Славянскій текстъ житія изданъ *П. А. Сырку*. 3) *П. А Сырку*, Къ исторіи исправленія книгъ въ Болгаріи. Т. 1. Спб. 1899. 4) *K. Krumbacher*, Geschichte der byzantinischen Litteratur. München. 1897. *И. Соколовъ.*

ГРИГОРІЙ Цамблакъ, митроп. кіевскій и литовскій † 1419. Родомъ былъ болгаринъ, изъ города Тернова, изъ боярской фамиліи Цамлаковъ (Самвлаховъ, Семивлаховъ). Образованіе получилъ подъ руководствомъ патріарха терновскаго Евѳимія. Былъ пресвитеромъ великой (соборной) церкви молдавовлахійской, затѣмъ былъ игуменомъ Дечанскаго Пантократорова монастыря въ Сербіи, наконецъ, игуменомъ греческаго монастыря Плинаирскаго, около Константинополя. Митрополитъ московскій Кипріанъ († 1406 г.), родной дядя Г., вызвалъ послѣдняго въ Москву, но Г. на дорогѣ, въ Литвѣ, получилъ вѣсть о смерти Кипріана и отложилъ свое намѣреніе ѣхать въ Москву. Въ Литвѣ Г., какъ человѣкъ выдающійся по образованію, успѣлъ пріобрѣсть расположеніе великаго князя литовскаго Витовта, который въ 1414 г. избралъ Г. въ митрополита православныхъ литовскихъ епархій и послалъ его посвящаться въ Константинополь. Епископы литовскіе съ своей стороны написали патріарху константинопольскому Евѳимію грамоты съ жалобами на управлявшаго тогда обѣими половинами русской церкви, московскою и кіевскою, митрополита Фотія и съ просьбою отдѣлить западныя епархіи отъ митрополіи московской и поставить для нихъ особаго митрополита. Особенно хлопоталъ объ этомъ раздѣленіи самъ великій князь литовскій Витовтъ, для котораго было не желательно тяготѣніе православнаго литовскаго населенія къ единовѣрной Москвѣ. Когда Фотій узналъ о случившемся въ Литвѣ, онъ немедленно съ поспѣшностію отправилъ своихъ пословъ въ Константинополь; послы пришли ранѣе Г. и успѣли настолько вооружить патріарха противъ кандидата на литовскую митрополію, что патріархъ не только оставилъ безъ удовлетворенія просьбу Витовта и литовскихъ епископовъ, но еще извергнулъ самого Г. изъ священнаго сана и предалъ его отлученію. Однако когда Г. вернулся въ Литву, Витовтъ собралъ литовскихъ епископовъ и заставилъ ихъ посвятить Г. въ санъ митрополита. Но прежде посвященія Витовтъ, по убѣжденію епископовъ, въ 1415 г. въ мартѣ еще разъ обратился въ Константинополь съ просьбою о поставленіи особаго митро-

полита для Литвы и назначилъ крайнимъ срокомъ для отвѣта—день Успенія Богородицы, затѣмъ продлилъ этотъ срокъ до 14 ноября и, когда отвѣта не получилъ, 15 ноября 1415 г. заставилъ епископовъ посвятить Г. Затѣмъ епископы составили окружную грамоту, въ которой оправдывали свое поведеніе, указывали на небреженіе Фотія о церкви кіевской, такъ какъ онъ доходы здѣсь собиралъ, а поучать сюда паству не пріѣзжалъ, указываютъ на свои попытки получить согласіе патріарха, которое не было получено по насилію императора Мануила «ради своихъ неправедныхъ прибытковъ», приводятъ въ свое оправданіе церковныя правила и историческіе примѣры, наконецъ, излагаютъ свою православную вѣру и заявляютъ, что они не отдѣляются, а хотятъ быть въ единеніи съ восточными патріархами и со всѣми православными церквами. Также и Витовтъ обнародовалъ свою окружную грамоту, въ которой поставленіе Г. объясняетъ своими заботами о благосостояніи православной церкви въ предѣлахъ его княжества. Получивши соборную грамоту литовскихъ епископовъ о поставленіи Г. Цамблака, Фотій свое крайнее негодованіе по этому поводу выразилъ въ своемъ окружномъ посланіи ко всѣмъ православнымъ христіанамъ русской земли. Въ этомъ посланіи онъ называетъ литовскихъ епископовъ несмысленными, непотребными, окаянными, волками, а не пастырями, рѣзко осуждаетъ своеволіе ихъ въ поставленіи Г., укоряетъ ихъ за нарушеніе клятвы, данной каждымъ изъ нихъ при посвященіи въ епископскій санъ—не принимать другого митрополита, кромѣ посланнаго отъ патріарха, и убѣждаетъ всѣхъ православныхъ не имѣть съ ними, какъ отступниками, никакого общенія даже въ пищѣ и питіи; особенно нападаетъ на самого Г., указываетъ на лишеніе его патріархомъ священства и отлученіе отъ церкви. Въ такомъ же духѣ Фотій написалъ еще посланія въ Кіевъ, какъ каѳедральный городъ Г. Цамблака, и во Псковъ, какъ смежный съ Литвою городъ. Кромѣ того, Фотій на соборѣ русскихъ епископовъ отлучилъ и анаѳематствовалъ Г. и немедленно отправилъ посольство къ патріарху Евѳимію съ просьбою провозгласить Г. незаконнымъ митрополитомъ и предать его отлученію и проклятію. Патріархъ дѣйствительно подвергъ Г. изверженію и отлученію, которое въ 1416 г. повторено было и преемникомъ Евѳимія Іосифомъ. Несмотря на все это, Г. оставался на митрополіи до своей смерти въ 1419 г. и пріобрѣлъ извѣстность обширными, но совершенно отвлеченными, витійственными, неприложимыми къ жизни поученіями, которыхъ отъ него осталось 27. Кромѣ того, онъ написалъ особую статью о 35 заблужденіяхъ и отступленіяхъ латинянъ отъ православной вѣры и обрядовъ. Обличая латинянъ письменно, Г. обличалъ ихъ и въ своихъ поученіяхъ, а однажды обратился къ самому Витовту съ вопросомъ, почему онъ держится латинской вѣры, а не греческой. Витовтъ отвѣтилъ ему: если хочешь видѣть въ греческомъ законѣ не только меня, но и всѣхъ людей моей земли, то иди въ Римъ и препирайся съ папой и его мудрецами; если переспоришь ихъ, мы всѣ примемъ греческую вѣру, а если не переспоришь, всѣхъ людей моей земли, держащихся греческой вѣры, заставлю принять вѣру латинскую. Затѣмъ Г. отправился на констанцскій соборъ, на которомъ былъ и папа Мартинъ V, но прибылъ сюда 19 февраля 1418 г., когда соборъ, начавшійся съ 1414 г., уже кончался. Г. былъ торжественно принятъ папою, но онъ заявилъ папѣ чрезъ присутствовавшихъ на соборѣ польскихъ епископовъ, что рѣшительно не желаетъ приступать къ соединенію съ римскою церковію. Въ сентябрѣ 1419 г. Г. Цамблакъ возвратился въ Литву, а зимою того же года скончался въ Кіевѣ. По свидѣтельству же одного молдавскаго лѣтописца, Г. въ 1419 г. не скончался, а переселился, неизвѣстно почему, изъ Россіи въ Молдавію, гдѣ будто бы еще жилъ очень долго, и въ 1439 г. утвержденъ охридскимъ архіепископомъ въ званіи молдовлахійскаго митрополита. Съ 1420 г. обѣ половины русской митрополіи снова соединились подъ

властію митрополита Фотія, и такимъ образомъ кончилось первое церковное раздѣленіе русской церкви, повторившееся затѣмъ черезъ 40 лѣтъ, въ 1458 году.

Пособія и источники: П. *А. Сырку*, Новый взглядъ на жизнь и дѣятельность Григорія Цамблака. „Журналъ Минист. Нар. Просв". 1884 г., ноябрь; *Е. Е. Голубинскій*. Исторія рус. церкви, т. II.; Арх. *Макарій*, Исторія рус. церкви, т. IV; Архіеп. *Филаретъ*, Обзоръ рус. дух. лит., т. I. Словарь историч. о писателяхъ духовнаго чина, т. I. изд. 2, Спб. 1827. *А. Кремлевскій.*

ГРИГОРІЙ Болгаринъ, митроп. кіевскій † 1473 г. Происходилъ изъ Болгаріи, въ 1435 году прибылъ въ Россію вмѣстѣ съ вновъ назначеннымъ митрополитомъ московскимъ Исидоромъ, ученикомъ котораго былъ Г. При Исидорѣ онъ служилъ въ Россіи въ должности протодіакона, будучи монахомъ. Когда Исидоръ, принявшій Флорентійскую унію, долженъ былъ въ 1441 году бѣжать изъ Россіи, бѣжалъ вмѣстѣ съ нимъ и Г. въ Римъ, гдѣ прожилъ до 1452 года, въ этомъ году онъ вмѣстѣ съ Исидоромъ прибылъ въ Константинополь и здѣсь былъ сдѣланъ игуменомъ монастыря св. Димитрія. Когда для римскаго папы стала ясною невозможность введенія уніи въ Россіи, онъ принялъ мѣры къ тому, чтобы по крайней мѣрѣ литовско-польская половина русской митрополіи, давно стремившаяся обособиться отъ митрополіи московской, признала его власть, и съ этою цѣлью 21 іюля 1458 года папа Каллистъ III поставилъ Г. въ митрополиты девяти литовско-галицкихъ русскихъ епархій, черниговской, полоцкой, смоленской, туровской, луцкой, владиміро-волынской, холмской, галицкой и перемышльской. Самое посвященіе Г. совершено было въ Константинополѣ низверженнымъ за принятіе уніи патріархомъ константинопольскимъ, Григоріемъ Маммой. Титуловаться Г. сталъ кіевскимъ и всея Россіи. Великій князь московскій Василій Васильевичъ, узнавъ о поставленіи Г., написалъ къ литовскому королю Казиміру грамоту съ просьбою не принимать Г. Св. Іона, митроп. московскій, также разослалъ грамоты къ епископамъ, князьямъ, боярамъ и всѣмъ православнымъ христіанамъ литовскимъ, чтобы твердо стояли за православную вѣру и не принимали Г. Несмотря на это, Казиміръ не только принялъ Г. на каѳедру кіевскую, но еще писалъ къ великому князю московскому, чтобы и онъ призналъ власть Г. и принялъ его, какъ преемника уже престарѣлаго Іоны. Изъ епископовъ литовскихъ большинство приняло Г. немедленно по прибытіи послѣдняго, нѣкоторые пытались противиться, но смирились, подвергшись преслѣдованіямъ со стороны правительства. Только одинъ епископъ черниговскій Евѳимій оказался твердъ, почему и вынужденъ былъ бѣжать въ Москву, гдѣ ему дали въ управленіе епархію суздальскую. Это принятіе Г. епископами литовскими не привело послѣднихъ къ обращенію въ унію, но послужило причиной окончательнаго раздѣленіе русской церкви на двѣ митрополіи, московскую и кіевскую. Назначеніе Г. митрополитомъ западнорусскихъ епархій было дѣломъ полной несправедливости со стороны папы. Христіане этихъ епархій держались православной вѣры и, когда Исидоръ былъ низложенъ за измѣну православію, признали надъ собою вмѣстѣ съ русскою церковью новаго православнаго первосвятителя Іону, которому и повиновались уже около десяти лѣтъ. Теперь этихъ христіанъ даже не спросили, желаютъ ли они оставаться въ единеніи съ русскою церковію, а рѣшили насильно отторгнуть отъ нея; ихъ не спросили и о томъ, признаютъ ли они еще Исидора за архипастыря, принимаютъ ли Флорентійскую унію, а прямо прислали къ нимъ, какъ преемника Исидора, нового митрополита уніата, чтобы навязатъ имъ унію. Поэтому съ прибытіемъ Г. масса православныхъ въ литовской митрополіи оставалась православною и рѣшительно чуждалась уніи. Частію добровольно, частію по принужденію Г. подчинились епископы, а за ними и низшее духовенство и міряне, но Г. ясно видѣлъ, что дѣло уніи отъ этого нисколько не подви-

нулось впередъ. Въ теченіе десяти лѣтъ хлопоталъ онъ объ упроченіи своей власти и введеніи уніи, но, наконецъ, ясно убѣдившись въ безплодности своихъ стараній за унію и въ ненормальности своего положенія, въ 1469 году отправилъ своего посла Мануила въ Константинополь съ богатыми дарами и съ просьбою у константинопольскаго православнаго патріарха «благословенія и подтвержденія» себѣ, прося вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобы патріархъ посодѣйствовалъ ему утвердиться и въ Москвѣ. Ясно, что его усилія насадить въ Литвѣ унію были безплодны. Патріархъ Діонисій (1469—1476) далъ Г. благословеніе и утвержденіе въ митрополичьемъ санѣ и отправилъ своего посла въ Литву, въ Москву и въ Новгородъ съ грамотою, въ которой приказывалось признавать Г. за истиннаго митрополита, а Іоны, умершаго еще въ 1461 году, чуждаться, такъ какъ константинопольская церковь не признавала и не признаетъ его за митрополита. Въ Константинополѣ, очевидно, разсчитывали чрезъ Г. возвратить себѣ власть надъ московской митрополіей, присвоившей себѣ право самовольно ставить митрополитовъ. Когда слухъ о патріаршей грамотѣ дошелъ до великаго князя Ивана Васильевича, послѣдній немедленно распорядился не впускать въ московскіе предѣлы ни патріаршихъ, ни Григоріевыхъ пословъ, написалъ и новгородскому владыкѣ, чтобы и тамъ этихъ пословъ не принимали и грамотъ ихъ не слушали. Возсоединившись съ православною церковію, трудно рѣшить — искренно или притворно, Г. подчинилъ литовскую митрополію православному константинопольскому патріарху и управлялъ ею еще около четырехъ лѣтъ въ мирѣ съ своею паствою. Патріаршая грамота о немъ успокоила православныхъ въ Литвѣ. Въ началѣ 1473 г. Г. скончался въ Новогородкѣ Литовскомъ и былъ понимаемъ православною церковію на западѣ наравнѣ съ другими православными митрополитами.

Источники и пособія: Собраніе русскихъ лѣтоп. IV. VI. VIII. Никонов. лѣт. VI. 2. 3. Акты. историч. I 52. 272. 275. Акты арх. Э. I. 80. *Dubowicz*, Hierarchia. We Lwowie 1644. Исторія рус. ц. *м. Макарія*, т. VI. IX. Исг. рус. ц. *Е. Голубинскаго*, т. 2.

А. Кремлевскій.

ГРИГОРІЙ (Георгій Петровичъ Постниковъ), митрополитъ. Сынъ діакона московской епархіи, родился въ 1784 г., высшее образованіе получилъ въ только что преобразованной тогда петербургской дух. академіи, которую окончилъ со степенью магистра. Сряду по окончаніи курса, оставшись баккалавромъ академіи, принялъ монашество 25 августа 1814 г., въ 1817 г. возведенъ въ архимандрита, въ 1822 г. хиротонисанъ во епископа ревельскаго, викарія петербургской епархіи. Въ 1825 г. онъ назначенъ на калужскую каѳедру, въ 1829 г. возведенъ въ архіепископа, перемѣщенъ въ Рязань и сдѣланъ членомъ св. синода, въ 1831 г. перемѣщенъ въ Тверь, въ 1848 г въ Казань, на коронаціи въ 1856 г. лично возведенъ въ митрополита, а черезъ мѣсяцъ получилъ и петербургскую каѳедру, здѣсь и скончался 17 іюля 1860 г., въ 3-мъ часу утра. Преосв. Г. отличался широкимъ образованіемъ, твердостью въ догматахъ и преданіяхъ, ревностью къ церковной службѣ и соблюденію церковнаго устава, проповѣдничествомъ, заботами о водвореніи мира и любви между пастырями и пасомыми, борьбою съ расколомъ и другими лжеученіями, содѣйствіемъ переводу богослужебныхъ книгъ на языки татарскій въ Казани и финскій въ Петербургѣ, строгимъ аскетизмомъ и тою прямотою характера, которая не допускала его быть причастнымъ какой-либо партіи. Онъ всегда былъ самъ по себѣ и не стѣснялся никому говорить правду открыто. Ни къ кому онъ никогда не примѣнялся, а между тѣмъ неуклонно шелъ по пути повышеній, потому что его умственная и нравственная сила дѣлали то, что безъ него не могли обойтись. Въ бытность ректоромъ академіи и викаріемъ ему пришлось принимать участіе въ руководящихъ сферахъ тогдашнихъ религіознофилософскихъ петербургскихъ направленій—сначала мистицизма, а потомъ борьбы съ нимъ. Въ бытность

митрополитомъ онъ вступалъ въ литературную полемику съ развивавшимся тогда противовѣріемъ («Свѣчки въ тьму и сумракъ» — рядъ статей въ «Дух Бесѣдѣ»). Ему обязаны своимъ возникновеніемъ три духовныхъ журнала: въ Петербургѣ «Христіанское Чтеніе» (съ 1821 г.) и «Духовная Бесѣда» (съ 1858 г.), въ Казани — «Православный Собесѣдникъ». Казанская академія обязана ему развитіемъ своего миссіонерскаго отдѣленія. Въ Твери онъ часто посѣщалъ мѣста, населенныя раскольниками, ихъ скиты и часовни, и самъ вступалъ въ бесѣды и пренія съ заблуждающимися. Несмотря на слабый голосъ, говорилъ проповѣдь въ каждый воскресный и праздничный день. Лично, въ качествѣ предсѣдателя петербургскаго комитета (въ бытность въ Петербургѣ съ 1850 г.), онъ принималъ самое дѣятельное участіе въ переводѣ богослужебныхъ книгъ на татарскій языкъ. Въ Петербургѣ ему обязанъ высокимъ своимъ развитіемъ лаврскій хоръ. Преосв. Г. съ 1817 г. былъ докторомъ богословія. Его докторская диссертація — Commentatio de prophetis in genere. Его записки по догматическому богословію въ свое время были руководствомъ для всѣхъ академій. Въ «Христ. Чтеніи» онъ напечаталъ изъ этихъ лекцій ученіе о Богѣ единомъ и ученіе о Троицѣ (1822 г.) и др. Его сочиненія въ отдѣльныхъ изданіяхъ вышли главнымъ образомъ въ бытность его въ Казани: «Истинно-древняя и истинно-православная церковь», чч. 1 и 2, Спб. 1855, дополн. изданіе 1859; «Отвѣтъ единовѣрца старообрядцу на его возраженія», Спб. 1856; «Житіе святителей и чудотворцевъ Гурія и Варсанофія», Спб. 1853; «Слова или бесѣды на всѣ воскресные и праздничные дни въ году», тт. 1—3, изд. 2, Спб. 1850; другой годъ — Спб. 1853, въ 2-хъ частяхъ; «День святой жизни, или отвѣтъ на вопросъ: какъ мнѣ жить свято?», Спб. 1894 (1-е изд. 1853). Его мечтою было убѣдить всѣхъ неопровержимыми научными доказательствами въ истинности православной церкви. Онъ и самъ писалъ по этому предмету, и обѣимъ академіямъ, къ которымъ былъ причастенъ, казанской и петербургской, оставилъ капиталъ на преміи за сочиненія на такую тему.

«Истор.-статист. свѣдѣнія о спб. епархіи», вып. 8 — «Исторія казанской академіи», *Знаменскаго*. — «Обзоръ» *Филарета*.

С. Рункевичъ.

ГРИГОРІЙ (Николай Васильевичъ Митькевичъ), архіепископъ. Сынъ священника черниговской епархіи, родился въ 1807 г., высшее образованіе получилъ въ кіевской дух. академіи, которую окончилъ въ 1831 г. магистромъ. Былъ оставленъ при академіи баккалавромъ богословскихъ наукъ. Принялъ монашество. Въ 1833 г. назначенъ инспекторомъ казанской семинаріи, въ 1836 г. переведенъ инспекторомъ же въ кіевскую академію съ возведеніемъ въ архимандрита, въ 1838 г. назначенъ ректоромъ ярославской семинаріи, въ 1844 г. — ректоромъ казанской академіи. Историкъ казанской академіи, проф. Знаменскій, отзывается о немъ, что «при незаурядной учености и строгой монашеской жизни онъ былъ человѣкъ въ высшей степени дѣловой и опытный, съ сильной волей, съ серьезнымъ, крѣпкимъ и властнымъ характеромъ, невольно заставлявшимъ подчиняться ему всѣхъ, администраторъ по призванію». Казанская академія обязана ему законченностью какъ своей внутренней организаціи, такъ и внѣшней устроенности, и, несмотря на его строгость, вспоминаетъ о немъ съ глубокою симпатіей. 9 декабря 1851 г. онъ былъ хиротонисанъ во епископа калужскаго и управлялъ калужскою паствой до самой кончины, 13 апрѣля 1881 г. Съ 1869 г. онъ былъ архіепископомъ. И на архіерейской каѳедрѣ онъ «прежде всего являлся человѣкомъ дѣла, честнымъ, справедливымъ, по внѣшности суровымъ, требовательнымъ и строгимъ, но въ душѣ добрымъ и сердечнымъ администраторомъ, всѣмъ доступнымъ, необычайно трудолюбивымъ, дѣлавшимъ все своими руками и не полагавшимся на своихъ приближенныхъ совѣтниковъ». Отличался строгою простотой жизни, безкорыстіемъ, богослужебными трудами и абсолют-

нымъ уваженіемъ къ закону. Онъ умеръ, такъ сказать, на своемъ посту, не желая заплатить смерти дань ни одною минутою жизни и почти на смертномъ уже одрѣ занимаясь еще своими дѣлами. Памятникомъ его литературной дѣятельности остались его проповѣди, напечатанныя въ «Христіанскомъ Чтеніи», «Воскресномъ Чтеніи» и «Калужскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ».

П. В. Знаменскій, «Исторія казанской духовной академіи».—«Странникъ» 1890 г., т. II.—«Воронежскія Епархіальныя Вѣдомости» 1881 г., № 12.—«Православный Собесѣдникъ» 1889 г., кн. I.

С. Рункевичъ.

ГРИГОРІЙ (Иванъ Воиновъ), архимандритъ. Сынъ московскаго протоіерея, высшее образованіе получилъ въ московской духовной академіи; будучи студентомъ, принялъ монашество 3 марта 1857 г.; по окончаніи академическаго курса въ 1858 г. назначенъ учителемъ виѳанской семинаріи; въ 1859 г. утвержденъ въ степени магистра, въ 1860 г., назначенъ инспекторомъ вологодской семинаріи, въ 1862 г. перемѣщенъ въ виѳанскую семинарію, въ 1863 г.—въ московскую, въ 1864 г. возведенъ въ архимандрита, въ 1867 г. опредѣленъ настоятелемъ московскаго златоустова монастыря съ увольненіемъ отъ духовно-учебной службы, въ 1873 г. переведенъ въ московскій высокопетровскій монастырь, въ 1882 г. въ спасо-андроніевъ, въ Москвѣ, настоятелемъ же. Скончался 1 августа 1896 г. Его перу принадлежитъ немало богословскихъ статей и замѣтокъ разнообразнаго содержанія. Къ концу жизни онъ составилъ изъ нихъ нѣсколько сборниковъ. Имъ изданы: «Слова и рѣчи», изд. 3-е, М. 1889; «Сборникъ для любителей духовнаго чтенія», М., чч. 1—4, 1889—1890, помѣщенныхъ ранѣе въ разныхъ изданіяхъ: «Моск. Вѣдомостяхъ», «Русскихъ Достопамятностяхъ» (изд. Мартынова, М. 1883), «Моск. Еп. Вѣдомостяхъ», «Душепол. Чтеніи», «Чтеніяхъ въ Императ. Обществѣ Исторіи и Древностей», «Извѣстіяхъ Импер. Археологическаго Общества»; «Слово въ великій пятокъ», М. 1895; «На память о высокопр. митрополитѣ Макаріѣ», М. 1888 (изъ «Правосл. Обозрѣнія»); «Архимандритъ Даніилъ, настоятель ростовскаго борисоглѣбскаго монастыря», М. 1893; «Списокъ настоятелей московскаго спасо-андроніева монастыря», изд. 3-е, М. 1895, и нѣкоторые другіе. За свои литературные труды онъ былъ избранъ почетнымъ членомъ московскаго общества любителей духовнаго просвѣщенія. Особенно онъ памятенъ въ духовной литературѣ своими настойчивыми трудами по собиранію резолюцій московскаго митрополита Филарета, которыя онъ печаталъ въ «Душеполезномъ Чтеніи» въ теченіе долгаго ряда лѣтъ.

С. Рункевичъ.

ГРИГОРІЙ (Николай Ивановичъ Борисоглѣбскій), архимандритъ. Сынъ священника новосильской соборной церкви (тульской епархіи), родился въ 1867 г. въ младенчествѣ лишился отца, выросъ въ нуждѣ, высшее образованіе получилъ въ московской дух. академіи, на 4-мъ курсѣ постриженъ въ монашество тогдашнимъ ректоромъ академіи о. Антоніемъ (Храповицкимъ), 25 февраля 1891 г., по окончаніи академическаго курса былъ оставленъ при академіи стипендіатомъ, и съ начала 1892 г. занялъ въ академіи освободившуюся каѳедру нравственнаго богословія, а въ маѣ того же года назначенъ и. д. инспектора академіи. Въ томъ же году за сочиненіе «Третіе великое благовѣстническое путешествіе св. ап. Павла. Опытъ историко-экзегетическаго изслѣдованія», Сергіевъ Посадъ, 1892, получилъ степень магистра богосвія и вскорѣ затѣмъ былъ утвержденъ въ своихъ академическихъ должностяхъ. Съ 12 іюня 1891 г. онъ былъ іеродіакономъ, съ 11 января 1892 г. іеромонахомъ, съ 30 марта 1893 г. архимандритомъ. Еще до монашества, въ бытность студентомъ, онъ выдѣлился своимъ даромъ проповѣдничества. Когда ректоромъ, о. Антоніемъ, были заведены въ академіи внѣбогослужебныя собесѣдованія, онъ явился однимъ изъ ревностнѣйшихъ дѣятелей и, обладая прекраснымъ голосомъ, устроилъ при собесѣдованіяхъ прекрасное пѣніе молитвъ и церковныхъ пѣснопѣній. Живая натура влекла его къ практиче-

ской дѣятельности, а писательскій талантъ—къ литературно-научной, и въ обѣихъ областяхъ имъ сдѣлано немало. Кромѣ магистерской диссертаціи, ему принадлежатъ: нѣсколько проповѣдей въ «Моск. Церк. Вѣдомостяхъ» 1890—1892 гг.; неоконченный очеркъ «Воспитанники моск. дух. академіи изъ тульской дух. семинаріи за 75 лѣтъ» (1814—1889)—въ «Тульскихъ Еп. Вѣдомостяхъ» 1889—1891 гг.; статья (изъ семестроваго сочиненія) «Сочиненіе блаж. Августина о Градѣ Божіемъ, какъ опытъ христіанской философіи исторіи»—въ «Вѣрѣ и Разумѣ» 1891 г.; «Отецъ архимандритъ Павелъ Прусскій и значеніе его сочиненій для полемики съ расколомъ»—въ «Странникѣ» 1892 г. (тоже семестровое сочиненіе); «Памяти почившаго оптинскаго старца о. іеросхимонаха Амвросія»—въ «Церк. Вѣдомостяхъ» 1891 г.; «Сказаніе о житіи оптинскаго старца, о. іеросхимонаха Амвросія»—въ «Душепол. Чтеніи» 1892—1893 гг. и отдѣльною книгой, М. 1893; въ «Богословскомъ Вѣстникѣ» 1892 г. имъ напечатана магистерская диссертація, рѣчь, вступительная лекція («Возрожденіе по ученію преп. Макарія Египетскаго») и нѣк. др. «Въ этихъ ученолитературныхъ трудахъ, какъ и во всей недолговременной, но кипучей, многообразной и напряженной дѣятельности о. Г. какъ въ чистомъ зеркалѣ, ясно отражаются возвышенныя стремленія и свойства его прекрасной души и степень духовнаго совершенства, котораго онъ достигъ въ короткое время. Широкіе порывы и замыслы, высокіе идеалы и свѣтлыя надежды, при глубокой религіозной вѣрѣ, одушевляли всю его дѣятельность». Самъ онъ лично былъ очень скромнаго мнѣнія о себѣ, послушенъ, какъ подобаетъ монаху, «исполненъ самоотверженія и неистощимости терпѣнія», при дѣтской непорочности души. «Искры огня Божественнаго, возженнаго въ его душѣ отъ свѣта истины и любви Христовой, свѣтились едва не въ каждомъ его словѣ и дѣйствіи, блещутъ едва не на каждой страницѣ его ученолитературныхъ трудовъ. Его горячее участіе къ скорбямъ, радостямъ и нуждамъ ближнихъ, особенно же студентовъ акедеміи, недаромъ вызывало общую взаимную любовь и признательность ихъ къ нему». Будучи истиннымъ инокомъ по образу жизни, онъ въ то же время былъ представителемъ новѣйшаго иноческаго направленія и «спасеніе своей души видѣлъ въ своемъ служеніи спасенію ближнихъ». Ярко горѣвшій свѣтильникъ скоро сгорѣлъ. Обострившаяся болѣзнь почекъ заставила его оставить академическую службу и отправиться на югъ. Ему, въ октябрѣ 1893 г., предоставили мѣсто настоятеля посольской церкви въ Константинополѣ. Вернувшись изъ Крыма, гдѣ онъ пролѣчился все лѣто и половину осени, о. Г. простился съ академіей, 17 ноября оставилъ дорогой ему Сергіевъ Посадъ, при общей скорби о разлукѣ, пріѣхалъ въ Москву и здѣсь, остановившись въ гостинницѣ Флоренція, 18 ноября 1893 г. скончался на рукахъ сопровождавшихъ его помощника инспектора и студента-іеромонаха. Академія перевезла его тѣло въ Посадъ и похоронила на своемъ кладбищѣ.

«Памяти архимандрита Григорія», Сергіевъ Посадъ, 1894.—«Богословскій Вѣстникъ» 1893 г., кн. 12 и 1894 г. кн. 1 и 2.—Свящ. *Н. М. Миловскій*, «Воспоминанія объ о. архим. Григоріѣ (Борисоглѣбскомъ)». М. 1897.—«Душепол. Чтеніе» 1897 г., кн. 2.

С. Рункевичъ.

ГРИГОРОВИЧЪ Іоаннъ Іоанновичъ, протоіерей. — Сынъ протоіерея московской епархій, родился въ 1792 г., въ дѣтствѣ получилъ уже хорошее образованіе, такъ какъ его отецъ былъ ранѣе учителемъ семинаріи и учился въ кіевской дух. академіи; дальнѣйшее образованіе получилъ въ могилевской семинаріи и уже здѣсь обнаружилъ склонность къ изученію лѣтописей, быть можетъ, подъ косвеннымъ вліяніемъ традицій о дѣдѣ по матери — архіепископѣ Георгіѣ Кониsскомъ. По окончаніи семинарскаго курса былъ нѣкоторое время учителемъ могилевскаго духовнаго училища. Бывая у отца, который въ то время служилъ въ Гомелѣ, онъ познакомился съ владѣльцемъ Гомеля, канцлеромъ графомъ Н. П. Румянцевымъ, былъ замѣченъ

имъ и на его счетъ въ 1815 г. отправленъ въ петербургскую дух. академію. Будучи студентомъ, бывалъ у гр. Румянцева на обѣдахъ, вошелъ въ кругъ знакомыхъ Румянцева ученыхъ изслѣдователей и самъ занимался учеными трудами. Такъ, въ это время онъ занимался изслѣдованіемъ нѣкоторыхъ древнихъ писателей, перевелъ Herby Rycerstwa Polskiego Папроцкаго, сличалъ списки Евангелія Іоанна, разбиралъ латинскія грамтоы и т. п. (рукописи впослѣдствіи переданы были въ румянцевскій музей). По окончаніе академическаго курса въ 1819 г. онъ женился въ Петербургѣ и по усиленной просьбѣ состарѣвшагося отца принялъ священство и былъ назначенъ протоіереемъ въ Гомель и ректоромъ гомельскихъ уѣзднаго и приходскаго училищъ. Въ 1829 г. онъ перемѣщенъ въ Витебскъ на ту же должность и здѣсь вскорѣ назначенъ законоучителемъ гимназіи. Въ 1830 г. чрезъ Витебскъ проѣзжалъ императоръ Николай I. Духовникъ государя, протопресвитеръ Музовскій, заболѣлъ въ дорогѣ и остался въ домѣ Григоровича. Очарованный его свѣтлымъ умомъ и познаніями, петербургскій духовный вельможа способствовалъ, вернувшись въ Петербургъ, тому, что о. Григоровичъ вскорѣ, въ 1831 г., былъ назначенъ протоіереемъ лейбъ-гвардіи финляндскаго полка и переѣхалъ въ Петербургъ. Въ 1838 г. онъ сталъ членомъ учрежденной въ 1836 г. при министерствѣ народнаго просвѣщенія археографической коммиссіи и переведенъ къ церкви аничковскаго дворца. Въ 1839 г. назначенъ «главнымъ редакторомъ государственныхъ юридическихъ актовъ». Подъ его редакторствомъ вышли 1, 2 и 4 томы Актовъ Историческихъ, изд. Археографической коммиссіей, 4 тома Актовъ, относящихся къ исторіи западной Россіи, и отчасти V т., Supplementum ad historica Russiae monumenta, «Бѣлорусскій Архивъ древнихъ грамотъ», т. 1 и отчасти 2 (вошли въ «Акты З. Р.»). Съ 1848 г. онъ сталъ заниматься составленіемъ словаря западнорусскаго нарѣчія, — трудъ, пріостановленный печатаніемъ за смертью автора. Скончался онъ 1 ноября 1852 г. Кромѣ перечисленныхъ трудовъ, ему принадлежатъ: «Опытъ о посадникахъ новгородскихъ», изд. 1821, «Свѣдѣніе о жизни св. Митрофана Воронежскаго», изд. 1832, «Переписка папъ съ россійскими государями», изд. 1834, изданіе сочиненій преосв. Георгія Кониссafго (Спб. 1835), нѣсколько статей въ «Христ. Чтеніи» и др. «Переписка пр. I. Григоровича съ гр. Н. П. Руянцевымъ», съ прим. Н. Григоровича. М. 1864.

Подробная біографія въ «Страннике» 1861 г., кн., 6, въ вышепомянутой книгѣ Н. Григоровича и др. *С. Рункевичъ.*

ГРИНЕЙ, — имя швабской фамиліи, поселившейся въ Базелѣ, въ теченіе двухъ столѣтій давшей нѣсколько знаменитыхъ богослововъ; изъ нихъ 1) **Симонъ Гриней** род. въ 1493; ум. въ Базелѣ, 1541; получилъ образованіе въ школѣ фордсгеймской; изучалъ богословіе сначала въ Вѣнѣ, потомъ въ Виттенбергѣ; былъ профессоромъ греческаго языка въ Гейдельбергѣ (1524 — 1529) и приглашенъ былъ въ Базель, когда Эразмъ оставилъ этотъ городъ вслѣдствіе введенія тамъ реформаціи. Въ 1531 онъ сдѣланъ былъ профессоромъ богословія; въ 1534 ввелъ реформацію въ Вюртембергѣ; въ 1540 принималъ участіе въ вормскомъ спорѣ. Его письма и списокъ его сочиненій были изданы Стриберомъ, Базель, 1847.—2) **Іоаннъ Іаковъ Гриней** род. въ Бернѣ, 1 Октября 1541; ум. въ Базелѣ, 13 Августа 1617; учился въ Базелѣ и Тюбингенѣ, и былъ назначенъ проповѣдникомъ въ Ретеленкъ въ 1565, профессоромъ Ветхаго Завѣта въ Базель въ 1578, въ Гейдельбергъ въ 1584, и профессоромъ Новаго Завѣта въ Базель въ 1586. Но изъ его писемъ одни были изданы Скультетомъ 1612, другія Апиномъ 1720. Жизнь его, отчасти автобіографія, вмѣстѣ со спискомъ его многочисленныхъ сочиненій, вышли въ свѣтъ въ Базелѣ въ 1618 г.

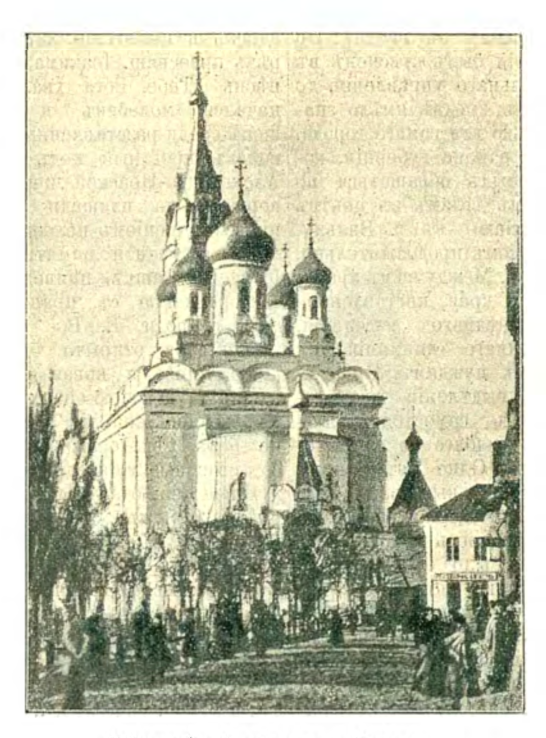
ГРИСБАХЪ *Іоганнъ Іаковъ*,—извѣстный текстуальный критикъ Новаго Завѣта; род. въ Гессе—Дармштадтѣ, 1745; ум. въ Іенѣ, 1812. Получивъ образованіе въ Тюбингенѣ, Галле и Лейп-

цигѣ, онъ много путешествовалъ по разнымъ странамъ Европы. Въ 1771 онъ сдѣлался въ Галле доцентомъ, гдѣ работалъ вмѣстѣ съ Земмлеромъ, и чрезъ два года сдѣланъ былъ профессоромъ. Въ 1775 онъ былъ приглашенъ въ Іену, гдѣ, надѣляемый титулами и почестями, работалъ въ теченіе всей остальной жизни. Труды Г. въ текстуальной критикѣ греч. Новаго Завѣта отмѣчаютъ собою начало новаго періода въ этой области знанія. Раньше его, Бенгель ввелъ нѣкоторыя измѣненія въ Эльзивирскій текстъ изъ Комплутенской полиглотты; но всѣ другія онъ помѣщалъ лишь на поляхъ. Грисбахъ былъ первымъ ученымъ Германіи, который издалъ греч. Завѣтъ со включеніемъ въ текстъ результатовъ критическаго изученія. Слѣдуя до нѣкоторой степени по стопамъ прежнихъ трудовъ Бенгеля и Земмлера, онъ раздѣлялъ манускрипты на три класса,—западные, характеризуемые глоссами; александрійскіе — грамматическими поправками; и византійскіе, сочетающіе чтеніе первыхъ двухъ, каковое дѣленіе недавно принято было въ изданіи и Н. Завѣта Весткотомъ и Гортомъ. Эльзивирскій текстъ онъ измѣнялъ лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда представлялись вполнѣ достаточныя основанія. Его критическая теорія основывалась на комбинаціи логическихъ началъ и историческихъ фактовъ, причемъ согласіе восточныхъ александрійскихъ манускриптовъ считалось особенно важнымъ и часто имѣющимъ рѣшительное значеніе. Смѣлые опыты Г. вызвали рѣзкую критику со стороны защитниковъ непреложности принятаго текста, среди которыхъ можно упомянуть сочиненія Гартмана, профессора въ Ростокѣ, появившіяся въ 1775. Но на всѣ такія возраженія онъ отвѣтилъ во второмъ изданіи. Изданія Г. текста появились въ слѣдующемъ порядкѣ: Libri N. T. Historici, Галле, 1774 — 1775; главныя изданія, Галле и Лондонъ, 1796, 1806, въ 2 том., съ обширными критическими аппаратами и цѣнными пролегоменами; въ изящной формѣ, Лейпцигъ, 1803—1807, въ 4 том.; малыя изд., Лейпцигъ, 1805, 1825; новое изд. Давида Шульца, 1827, изъ котораго вышла только первая часть. Другія его сочиненія изданы были Габлеромъ въ Іенѣ, 1825, въ 2 том. Въ богословіи Г. занималъ среднее положеніе между консервативной и радикальной школами.

ГРОБЪ — пещера, въ которой погребали умершихъ (Матѳ. **8**, 28); въ иносказательномъ смыслѣ—бѣда, страданіе (Іезек. **37**, 12);—слово и дѣло нечистое (Пс. **5**, 10; Римлянъ **3**, 12—14); *гробы похотѣнія* — такъ назыв. мѣсто въ пустынѣ Фаранъ, на коемъ евреи, во время 40 лѣтняго странствованія, были поражены страшною язвою за жадность, съ какою они ѣли перепеловъ, и за прихоть, по коей они недовольствовались манною, а требовали мяса (Числ. **11**, 4—34, Псал. **77**, 30); гробомъ называется въ Требникахъ могила («埋вземше мощи, отходимъ *ко гробу*» — εἰς τὸν τάφον — см. послѣд. погреб. мірск. челов.), что объясняется заимствованіемъ отъ іудеевъ и др. христіанъ, погребавшихъ усопшихъ въ пещерахъ, которыя служили одновременно и гробомъ и могилою (Матѳ. **27**, 64—66); гроб. для погребенія не долженъ быть долбенный изъ дуба, сосны, ели и другихъ дер., толщиною до 12 в. въ отрубѣ, но досчатый (уст. лѣсной, прим. къ 444 ст.; указы св. синода 13 февраля и 17 декабря 1723 г.). При погребеніи архіереи, священники и вообще духовенство должны идти *предъ* гробомъ (Треб. Петра Могил. 1646 г., стр. 546; Дѣян. Моск. Соб. 1667 г. Псковъ 1874 г. л. 69. обор.).

Н. М.

Гробъ Господень — величайшая христіанская святыня, пещера въ саду Геѳсиманскомъ, послужившая и мѣстомъ погребенія, и мѣстомъ славнаго воскресенія Христова. См. Іерусалимъ.

Каѳедральный соборъ въ г. Гродно.

Гродненская епархія.

I. Историческій очеркъ. Гродненская епархія открыта въ 1900 г. До этого времени она входила въ составъ литовской епархіи, которая обнимая три губерніи: виленскую, ковенскую и гродненскую, занимала пространство свыше 106,000 квадрат. верстъ и заключала въ себѣ населенія до 5.000,000 душъ разныхъ исповѣданій. Гродненская губернія по своему вѣроисповѣдному составу значительно отличалась отъ остальной части литовской епархіи: въ то время, какъ въ губерніяхъ виленской и ковенской православное населеніе составляло меньшинство (427,000 православныхъ на 3.000,000 всего населенія), въ гродненской оно являлось преобладающимъ: 865,000 на 1.600,000 всего населенія. Кромѣ того, гродненская губернія и по пространству, и по населенію, и по числу православныхъ церквей, монастырей, церковныхъ школъ и учащихся, представляла собою весьма приличный составъ для самостоятельной епархіи. Нѣкоторую долю самостоятельности гродненская губернія имѣла въ отношеніи

церковнаго управленія въ томъ, что для нея былъ опредѣленъ особый викарій, который жилъ въ Гроднѣ. Но такъ какъ викарій былъ стѣсненъ въ правахъ епархіальнаго управленія, то пребываніе его въ Гроднѣ имѣло значеніе скорѣе только для самаго города, но не для всего района губерніи, который долженъ былъ обращаться по всѣмъ важнѣйшимъ дѣламъ въ центръ управленія епархіею — въ г. Вильну. Это было и слишкомъ продолжительно, и вообще неудобно. Между тѣмъ православное населеніе края, поставленное среди разноисповѣднаго населенія, требовало особеннаго вниманія къ своимъ духовнымъ нуждамъ. Въ виду этого вопросъ о выдѣленіи гродненской губерніи въ самостоятельную епархію возникъ задолго до учрежденія этой епархіи. Одно изъ такихъ предположеній было высказано еще въ отчетѣ гродненскаго губернатора за 1882 г. и удостоилось высочайшаго одобренія; но не было осуществлено въ то время только по недостатку средствъ въ государственномъ казначействѣ. Съ улучшеніемъ нашего финансоваго положенія при министрѣ С. Ю. Витте, главное препятствіе къ учрежденію новой епархіи было устранено. Опредѣленіе св. синода объ учрежденіи Г. епархіи состоялось въ іюнѣ 1899 г., по принятому порядку оно было внесено на разсмотрѣніе въ государственный совѣтъ и 28 декабря 1899 г. мнѣніе государственнаго совѣта, согласное съ опредѣленіемъ синода, было высочайше утверждено. Открытіе епархіи состоялось 23 января 1900 г. Въ этотъ день бывшій викарій, преосвященный Іоакимъ, совершилъ въ каѳедральномъ соборѣ при многочисленномъ стеченіи молящихся литургію, послѣ литургіи прочитаны были высочайшія повелѣнія объ учрежденіи Г. епархіи и о бытіи гродненскимъ и брестскимъ епископомъ преосвященному Іоакиму, затѣмъ былъ прочитанъ адресъ отъ духовенства новой епархіи, депутація отъ холмско - варшавской епархіи поднесла новой епархіи холмскую икону Божіей Матери и посланіе архіепископа холмсковаршавскаго Іеронима, предсѣдатель гродненскаго братства д. с. с. Стояновскій поднесъ адресъ и Евангеліе, затѣмъ слѣдовала рѣчь преосвящ. Іоакима, пропѣта была пѣснь «Тебе, Бога хвалимъ», затѣмъ начался молебенъ и былъ совершенъ среди разставленныхъ шпалерами войскъ крестный ходъ изъ собора къ Александро-Невской церкви, было совершено на площади молебствіе съ провозглашеніемъ положенныхъ многолѣтій и вѣчной памяти митрополиту Іосифу Сѣмашкѣ, приведшему край къ возсоединенію съ православіемъ изъ уніи («Гродн. Е. В.» 1901 г., № 6). 26 января открыта была духовная консисторія, и новая епархія вошла въ обычную колею епархіальной жизни. Учрежденіе епархіи встрѣчено было не безъ нѣкотораго противодѣйствія со стороны вліятельнаго виленскаго духовенства; отзвукомъ этого является полемика между «литовцами» и «гродненцами» въ Гродненскихъ Губернскихъ и въ Литовскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ. Преосвященный *Іоакимъ*, первый епископъ гродненскій и брестскій, сынъ причетника кіевской епархіи, въ мірѣ именовался Іоаннъ Іоакимовичъ Левицкій, родился въ 1853 г., высшее образованіе получилъ въ кіевской дух. академіи, по окончаніи курса которой въ 1879 г. назначенъ былъ преподавателемъ въ рижскую семинарію, 24 іюня 1880 г. рукоположенъ во священника къ рижскому каѳедральному собору съ оставленіемъ преподавателемъ, 28 іюня 1893 г. принялъ монашество и затѣмъ былъ ректоромъ рижской семинаріи, въ санѣ архимандрита, 14 января 1896 г. хиротонисанъ во епископа балтскаго, викаря каменецъ - подольской епархіи, 1897 г. назначенъ епископомъ брестскимъ, 11 января 1900 г. — гродненскимъ. Въ бытность ректоромъ въ Ригѣ, преосв. Іоакимъ состоялъ редакторомъ «Рижскихъ Епарх. Вѣд.» и помѣстилъ на ихъ страницахъ нѣсколько статей по историко-статистическому описанію епархіи (1 и 3 вып. Описанія) и церковной исторіи Прибалтійскаго края и нѣсколько поученій («Рижск. Е. В.» 1893 г., № 14 и 1896 г., № 4).

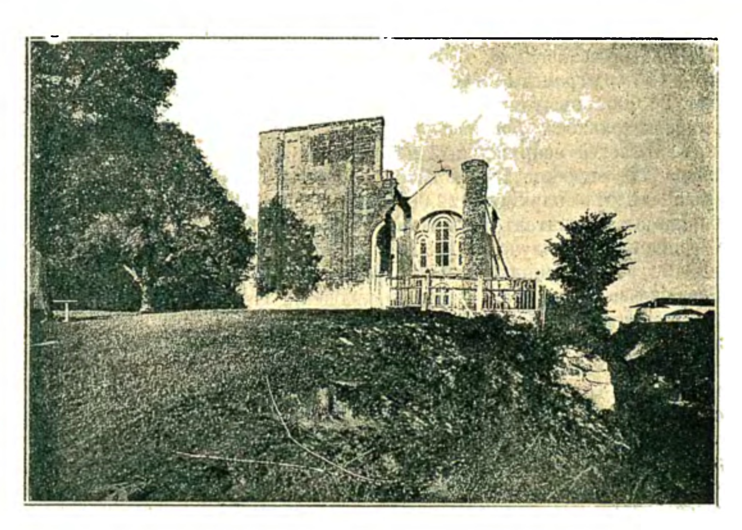

Преосвященный Іоакимъ,
Епископъ Гродненскій и Брестскій.

Изъ **древностей** въ епархіи особенно извѣстна *Коложская церковь* въ г. Гроднѣ, на берегу Нѣмана; основаніе ея относятъ къ XII в.; въ XV и XVI вв. при ней былъ монастырь; во времена уніи ею владѣли уніаты; во время шведской войны обрушился ея древній потолокъ; въ 1853 г. южная стѣна церкви, вслѣдствіе подмыва берега, рухнула въ Нѣманъ; стѣны церкви сохранили множество голосниковъ. Отъ начала XV в. сохранились церкви *Маломожейковская* и *Сынковичская*, представляющія собою памятники цвѣтущаго состоянія православія на Литвѣ.

Изъ мѣстныхъ **святынь** наиболѣе почитаются: *Жировицкая икона Божіей Матери*, явленная у источника въ 1470 г. и въ 1730 г. во времена уніи коронованная по обычаю западной церкви (см. очеркъ прот. Н. Диковскаго, «Коронованіе жиров. иконы» въ «Гродн. Е. В.» 1901 г.), *Супрасльская икона Божіей Матери*, украшенная ризой въ 1557 г., *Коложская икона Божіей Матери*, писанная, повидимому, въ XVII. в. — въ гродненскомъ Борисоглѣбскомъ монастырѣ, — *мощи* преподобномученика Аѳанасія (Филипповича), игумена брестскаго, — въ брестскомъ соборѣ.

II. **Статистическій обзоръ**.—*Пространство*, занимаемое епархіей, равняется 34.000 кв. верстъ. Границы епархіи совпадаютъ съ границами гродненской губерніи. Уѣздовъ 9: брестскій, бѣлостокскій, бѣльскій, волковысскій, гродненскій, кобринскій, пружанскій, слонимскій, сокольскій. Православнаго *населенія* въ 1901 г. числилось 896914 душъ, родившихся было 45.213, умершихъ 28.140, браковъ совершено 8.012, разводовъ 11, присоединилось изъ римскокатоликовъ 84, реформатовъ 6, раскольниковъ 3, евреевъ 9, магометанъ 1. *Церквей* въ епархіи 654, въ томъ числѣ: соборныхъ 7, монастырскихъ 6, приходскихъ 332 (въ томъ числѣ 22 двуклирныхъ, остальныя одноклирныя), при казенныхъ заведеніяхъ 3 (одна безъ причта), домовыхъ 2, кладбищенскихъ 129, приписныхъ 116, часовенъ 59; каменныхъ сооруженій 210, остальныя—деревянныя. *Монастырей* 4, въ томъ числѣ 3 мужскихъ и 1 женскій. *Духовенства* бѣ-

Остатокъ древней Коложской церкви въ г. Гроднѣ.

лаго: протоіереевъ 18, священниковъ 347, діаконовъ 30, псаломщиковъ 370; по штатамъ полагается 8, 363, 11 и 395; заштатныхъ священниковъ 23 и псаломщиковъ 12. *Монашествующихъ*: въ мужскихъ монастыряхъ — 30, по штату положено 48, послушниковъ 29; въ женскомъ—11, по штату положено 16, послушницъ 42. *Приходскихъ попечительствъ* 334. *Братства* имѣются «при всѣхъ церквахъ». *Библіотекъ* при церквахъ 183, при благочинническихъ округахъ 26.

Церковныхъ *школъ* въ епархіи 1296, въ томъ числѣ: учительскихъ и второклассныхъ 9, двухклассныхъ 6, одноклассныхъ 455 и грамоты 841; учащихся до 38,000, въ томъ числѣ до 5,000 римскокатоликовъ. *Богадѣльня* 1, на 7 лицъ. Имѣется епархіальный *катихизаторъ* для евреевъ. Римскокатоликовъ въ предѣлахъ епархіи до 422,000; раскольниковъ и сектантовъ нѣтъ. Приходскіе священники получаютъ жалованья по 400 р., псаломщики по 123 р.

III. **Епархіальное управленіе.**—*Духовная консисторія* состоитъ изъ 4-хъ членовъ и секретаря. *Благочинныхъ* надъ приходскимъ духовенствомъ 27, надъ монастырями 2. При каждомъ благочинномъ имѣется *благочиннический совѣтъ* въ составѣ 3-хъ лицъ: благочиннаго-предсѣдателя, помощника благочиннаго и выборнаго члена. Совѣты разбираютъ и иногда разрѣшаютъ пререканія между членами причта о раздѣлѣ доходовъ и нѣкоторыя пререканія между причтами и прихожанами, надзираютъ за причтовыми постройками. *Епархіальное попечительство о бѣдныхъ духовнаго званія* имѣетъ 4-хъ членовъ и дѣлопроизводителя-казначея.

IV. **Духовноучебныя заведенія.**—Пока въ епархіи только одно *духовное училище—жировицкое;* въ немъ 186 воспитанниковъ, въ томъ числѣ 33 иносословныхъ (за 1900—1 гг.). Училище это образовано изъ уніатскаго, послѣ возсоединенія уніатовъ въ 1839 г.

V. **Просвѣтительныя, благотворительныя и взаимновспомогательныя епархіальныя учрежденія.** — *Гродненское софійское братство* въ послѣднее время направило свою дѣятельность преимущественно на церковно-школьное дѣло; въ вѣдѣніи братства въ 1901 г. было 4 церковно-приходскихъ школы, 1 школа грамоты и 1 воскресная школа, открытая въ 1892 г. («Гродн. Еп. Вѣд.» 1902 г., №№ 33 и 34), при чемъ братство принимаетъ на себя расходы по содержанію дома. Общественная благотворительность братства ввѣрена особому *дамскому кружку*, который раздаетъ отъ братства пособія бѣднымъ, ежемѣсячныя и единовременныя, деньгами и вещами. Въ 1901 г. выдано пособій на сумму свыше 800 рублей. Дамскій кружокъ осенью 1900 г. открылъ для бѣдныхъ *даровыя квартиры*. Квартиры помѣстились въ наемномъ домѣ, въ здоровой части города, богатой садами, на акцизной площади; освящены 7 января 1901 г.; на первое время принято 43 человѣка («Гродн. Е. В.» 1901 г., № 3)

Слонимское преображенское братство, основанное въ 1560 г. и, по прекращеніи своего существованія въ тяжелыя времена уніи, возстановленное въ 1866 г., имѣетъ *библіотеку* и церковно-приходскую *школу*, для которой соорудило каменный домъ.

Брестское святониколаевское братство, основанное въ 1591 г. и возстановленное въ 1867 г., имѣетъ цѣлью служеніе нуждамъ и пользамъ православной церкви, содѣйствіе къ украшенію храмовъ, распространеніе въ народѣ просвѣщенія и поддержку принявшихъ православіе; въ послѣднее время братство озабочено возобновленіемъ братской церкви, сгорѣвшей въ 1895 г. Братство имѣетъ женскую церковно-приходскую *школу*. Кромѣ того, при всѣхъ церквахъ епархіи существуютъ приходскія *братства*; братства эти имѣютъ нравственное значеніе для братчиковъ, но внѣшнія проявленія ихъ дѣятельности мало замѣтны. Братскія деньги, собираемыя по 20—50 коп. съ души, почти исключительно употребляются на изготовленіе свѣчей изъ желтаго воска, съ которыми братчики стоятъ въ церкви во время богослуженія въ храмовые и великіе праздники и на заказныхъ заупокойныхъ

богослуженіяхъ объ усопшихъ членахъ братства.

Приходскія попечительства проявляютъ свою дѣятельность большею частью только въ случаяхъ экстраординарныхъ, при постройкѣ или ремонтѣ церквей, причтовыхъ помѣщеній, школъ и т. п., когда попечительствами обыкновенно жертвуются большія или меньшія суммы. Въ 1901 г. попечительствами пожертвовано до 22,000 р., — почти исключительно на поддержаніе и украшеніе церквей.

Въ *архивѣ консисторіи* хранятся метрическія книги съ 1787 г., исповѣдныя и клировыя вѣдомости, описи церквей и монастырей съ 1840 г., дѣла съ 1881 г. Все это передано изъ архива литовской духовной консисторіи.

Епархіальное попечительство о бѣдныхъ духовнаго званія учреждено 17 февраля 1900 г. Основнымъ фондомъ для него послужили суммы, выдѣленныя изъ литовскаго епархіальнаго попечительства, до 57,000 р. («Гродн. Е. В.» 1901 г, № 20). Въ 1900 г. въ вѣдѣніи попечительства было 190 лицъ, получающихъ пособія; въ 1901 г. поступленій было до 7,000 р., расходъ около 6,000 р. Капиталъ къ 1902 г. возросъ до 58,000 р.

Въ епархіи дѣйствуетъ и *вспомогательная касса духовенства*, но пока она не выдѣлена еще изъ литовской и обслуживаетъ обѣ епархіи, имѣя въ составѣ своего управленія одного члена изъ духовенства гродненской епархіи.

Епархіальный свѣчной заводъ основанъ по мысли преосвященнаго Іоакима. Закладка зданій состоялась 12 мая 1901 г. Заводъ устроенъ на землѣ борисоглѣбскаго монастыря близъ Коложской церкви надъ Нѣманомъ («Гродн. Е. В.» 1901 г., № 20). Открылъ свои дѣйствія заводъ съ конца 1901 г.

VI. Монастыри.—*1) Супрасльскій благовѣщенскій* первоклассный мужской монастырь, въ 16 в. отъ г. Бѣлостока, основанъ въ концѣ XV в. великимъ маршаломъ литовскимъ Александромъ Ивановичемъ Ходкевичемъ для защиты православія отъ католицизма. Извѣстенъ въ исторіи своею типографіей (XVII в.) и бумажною фабрикой. Во времена уніи подпалъ уніи, возсоединенъ въ 1839 г. Монастырская церковь, заложенная въ 1509 г., сохранила остатки фресковой живописи. Въ монастырѣ имѣется мѣстночтимая *Супрасльская икона Божіей Матери*, присланная въ монастырь великою княгинею Еленою Ивановною литовскою, и крестъ съ частицею животворящаго древа, сооруженный въ 1510 г. При монастырѣ состоитъ: съ 1865 г. *народное училище* съ 105 учащимися мальчиками, *пріютъ* на 8 мальчиковъ, *страннопріимный домъ* и церковное *братство*. Исторіи и описанію монастыря посвящено обширное сочиненіе архимандрита *Николая*, «Супрасльскій Благовѣщенскій монастырь», Спб. 1892 г., со многими иллюстраціями. *2) Гродненскій борисоглѣбскій коложанскій* второклассный мужской монастырь въ г. Гроднѣ, въ зданіяхъ бывшаго бернардинскаго монастыря, помѣщается съ 1854 г., а до сего былъ за городомъ, гдѣ нынѣ коложская церковь. Существовалъ монастырь уже въ XV ст., впослѣдствіи былъ разоренъ, за тѣмъ его захватили базиліане, а въ 1839 г. монастырь возсоединился съ православіемъ. При монастырѣ существуетъ *пріютъ* для мальчиковъ. *3) Жировицкій успенскій* второклассный мужской монастырь, при м. Жировицахъ, въ 10 в. отъ г. Слонима, основанъ не позднѣе половины XVI в. при церкви, построенной по случаю явленія на этомъ мѣстѣ въ 1470 г. *Жировицкой чудотворной иконы Божіей Матери*. Въ XVII в. монастырь былъ уже въ рукахъ уніи и въ такомъ состояніи пріобрѣлъ выдающееся значеніе среди уніатскихъ монастырей. Послѣ возсоединенія 1839 г. жировицкій монастырь нѣкоторое время оставался центромъ управленія новой литовской епархіи и каѳедрою литовскаго архіепископа, пока съ 1845 г. епархіальное управленіе не было перенесено въ Вильну. При монастырѣ существуетъ церковноприходская *школа* съ 27 учащимися. *4) Красностокскій* второклассный женскій монастырь расположенъ въ сѣверной части сокольскаго

уѣзда, близъ границы сувалкской губерніи. Монастырь существуетъ съ сентября 1901 г., когда въ Красностокъ, въ зданія упраздненнаго въ 1866 г. доминиканскаго монастыря, былъ переведенъ гродненскій женскій рождествобогородичный монастырь (существовавшій съ 1843 г. послѣ возсоединенія бывшаго базиліанскаго монастыря), расположенный въ Гроднѣ въ худшей, еврейской части города, крайне неудобно («Гродн. Е. В.» 1901 г., № 37). Въ обители имѣется красностокскій чудотворный *образъ* Божіей Матери, въ видѣ складня, по преданію принадлежавшій когда то, въ XVI в., князю Урусову, бывшему съ московскимъ войскомъ въ походѣ на Литву («Гродн. Е. В.» 1901 г., № 21). При монастырѣ существуетъ второклассная церковноприходская женская *школа*, образцовая *школа*, *странопріимный домъ*, *братство* во имя Пресвятыя Богородицы и амбулаторная *лечебница*. Кромѣ того, монастырь даетъ пріютъ нѣсколькимъ сиротамъ-дѣтямъ и оказываетъ матеріальную помощь окрестному бѣдному населенію. При монастырѣ заведены религіознонравственныя чтенія.

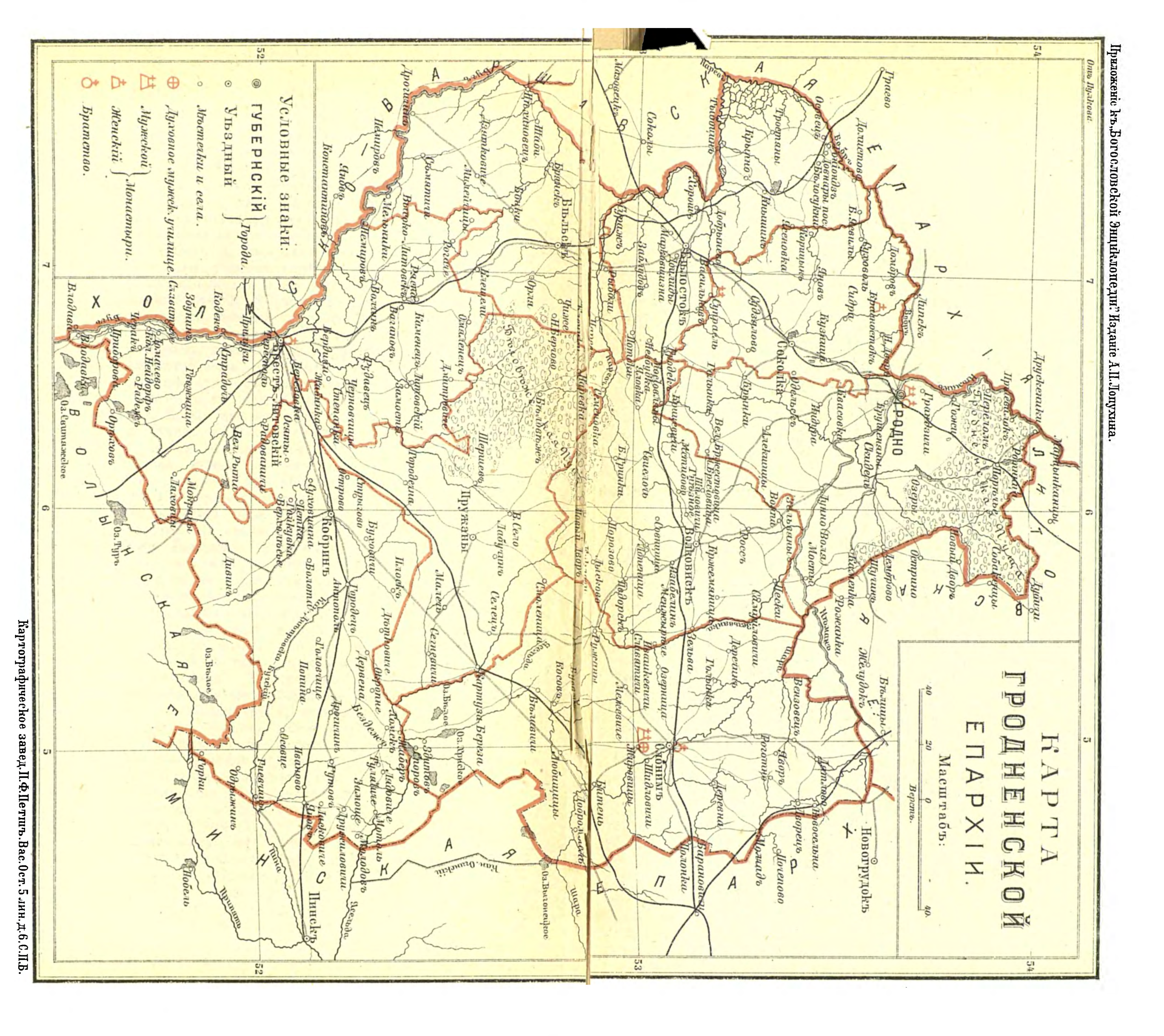
Литература. «Бѣлоруссія и Литва», изд. Батюшкова.—«Гродн. Е. Вѣд.»—*Еп. Іосифъ*, «Гродненскій православноцерковный календарь, или православіе въ брестско-гродненской землѣ въ концѣ XIX в.», изд. 2-е, тт. 1 и 2, Воронежъ, 1899 г.

«ГРОДНЕНСКІЯ Епархіальныя Вѣдомости» стали выходить съ 1901 г. подъ редакціей священника, нынѣ каѳедральнаго гродненскаго протоіерея, Николая Романовича *Диковскаго*. Выходятъ по образцу «Литовскихъ Е. В.», еженедѣльно, въ четверку, листами, съ печатью въ 2 столбца, по цѣнѣ 5 р., въ двухъ отдѣлахъ: оффиціальномъ и неоффиціальномъ. Редакторъ о. Диковскій—уроженецъ б. литовской епархіи, высшее образованіе получилъ въ Петербургской дух. академіи, по окончаніи которой въ 1891 г. поступилъ во священники въ родной епархіи. За два года изданія «Г. Е. В.» дали: подробный историческій очеркъ православія въ предѣлахъ нынѣшней гродненской епархіи (1901—1902 гг.), обстоятельное описаніе коронованія жировицкой чудотворной иконы въ 1730 г (1901 г., №№ 36—52), о родословіи Іисуса Христа (1901 г, 7—9), о символическихъ книгахъ православныхъ и инославныхъ (1902 г., 40), о пошлинахъ при рукоположеніи въ древности (1901 г., 18—26), къ исторіи матеріальнаго обезпеченія духовенства (1901 г., 12), о приходѣ современномъ и древнерусскомъ (1902 г., 29—32), о школахъ бѣлостокской церковной (1902 г., 7—21) и гродненской воскресной (1902 г., 33—35), о монастыряхъ красностокскомъ (1901 г., 21, 37, 38) и супрасльскомъ (1902 г., 5), о столѣтіи гродненской губерніи (1902 г., 2, 6), о мѣстныхъ дѣятеляхъ: преп. Аѳанасіѣ Филипповичѣ (1902 г., 34, и сл.), преосв. Іосифѣ Соколовѣ (1902 г., 14, 15), А. Н. Шумовичѣ (1901 г., 1—52), И. П. Корниловѣ (1901 г., 28), гр. М. Н. Муравьевѣ (1901 г., 32 и сл.), М. К. Стояновскомъ (1901 г., 48), В. Н. Троицкомъ (1901 г., 20), о личности учителя въ народной школѣ (1901 г., 32), объ участіи приходскаго священника въ крестьянскомъ судѣ (1901 г., 36), объ общецерковномъ пѣніи (1901 г., 13), о счастьи (1901 г., 1). Юбилеи вызвали статьи о Гоголѣ (1902 г., 9, 10) и Жуковскомъ (1902 г., 17—19); мѣстныя потребности вызвали обсужденіе вопроса объ отдѣленіи вспомогательной кассы духовенства гродненской епархіи отъ общей литовской (1902 г., 24, 33, 37, 38). Нѣкоторою особенностью является родъ духовнаго фельетона—«Въ часы досуга» (1901 г., 9, 12, 17), «Отголоски деревенской мысли» (1901 г., 21, 25, 46; 1902 г., 22), «Мимоходомъ» (1902 г., 11, 16, 22).

С. Рункевичъ.

ГРОССЕТЕТЪ Робертъ (такъ назыв. *Большая Голова*), епископъ линкольнскій 1235—1253, одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ въ церковно-политическомъ, научномъ и культурномъ отношеніяхъ дѣятелей Англіи, который съ необычайной строгостью, при визитаціяхъ монастырей и своего соборнаго капитула, поддерживалъ дисциплину и порядокъ, съ смѣлою неустрашимостью защищалъ свободу

церкви и неприкосновенность ея правъ какъ противъ королевскихъ притязаній, такъ противъ всякихъ посягательствъ папства (особенно противъ Иннокентія IV), при чемъ непреклонно боролся противъ всякихъ допускаемыхъ папскимъ престоломъ или даже чинимыхъ имъ злоупотребленій. Въ литературномъ отношеніи онъ отличался энциклопедическою универсальностью знаній, вслѣдствіе чего былъ предметомъ удивленія со стороны ученыхъ въ чисто богословской, философской и особенно въ естественно-научной области. Но большая часть его твореній все еще остаются ненапечатанными. Это былъ человѣкъ низкаго происхожденія. Впервые мы встрѣчаемъ его студентомъ оксфордскаго университета, откуда онъ перешелъ въ университетъ парижскій. Возвратившись въ Англію, онъ поступилъ въ Оксфордъ въ качествѣ учителя и посвятилъ себя многолѣтней ученой дѣятельности. Въ это время онъ особенно занялся изученіемъ греческаго и еврейскаго языковъ и издалъ переводы Аристотеля, творенія «О православной вѣрѣ» Іоанна Дамаскина, а также и нѣсколько собственныхъ сочиненій, какъ «О прекращеніи подзаконности» (книга, предназначенная для обращенія евреевъ), собраніе богословскихъ «Изреченій» и др. По свидѣтельству Роджера Бэкона, онъ пользовался также большой славой въ естественно-научныхъ познаніяхъ. По прибытіи францисканскихъ фратеровъ въ Оксфордъ (1224), Г. былъ избранъ въ качествѣ ихъ учителя въ богословіи и гомилетикѣ. Избранный на каѳедру онъ немедленно же приступилъ къ борьбѣ съ испорченностью и непросвѣщенностью духовенства. Онъ установилъ систематическіе объѣзды духовенства своего діоцеза и тщательное наблюденіе за монастырями. Особенно суровъ онъ былъ съ монастырями, при чемъ не только осуждалъ недуховныя удовольствія и безнравственную жизнь, но и старался устранить связанныя съ фермерствомъ неудобства. Съ цѣлію обезпечить приходскихъ пастырей и дать имъ возможность всецѣло посвятить себя служенію и заботѣ о душахъ народа, онъ надѣлялъ приходы имѣніями, при чемъ пользовался доходами монастырей. Г. однако не былъ врагомъ религіозныхъ орденовъ, а только боролся съ ихъ злоупотребленіями. Онъ ревностно старался поднять ихъ нравственный уровень, усилить вліяніе духовенства, и поэтому не назначалъ на приходы такихъ лицъ, которыя по молодости, мірской суетности или безграмотности были непригодными для служенія церкви, а также удалялъ испорченныхъ и неспособныхъ пасторовъ. Чрезъ нѣсколько времени послѣ своего посвященія онъ устранилъ отъ должности семь аббатовъ и четыре пріора. Эта суровая администрація, естественно, вызвала оппозицію. Были даже покушенія отравить епископа, но онъ шелъ неуклонно къ своей цѣли и сокрушалъ всякое противодѣйствіе, не останавливаясь даже предъ наложеніемъ интердиктовъ на тѣ города, которые по наущенію мѣстныхъ аббатовъ, осмѣливались оказывать ему оппозицію. По отношенію къ государству Г. отстаивалъ независимость церкви. Онъ укорялъ духовныхъ лицъ за занятіе гражданскихъ должностей и утверждалъ, что епископъ получаетъ свою власть отнюдь не отъ гражданской власти. Онъ не только смѣло отказывался исполнять королевскія повелѣнія въ своемъ діоцезѣ, какъ, напр., въ отношеніи узаконенія дѣтей, но безбоязненно говорилъ королю самыя откровенныя истины, и не разъ отказывался утверждать въ должности назначенныхъ королемъ лицъ, угрожая даже отлучить короля, если онъ не отступитъ отъ своего избранія. Но не менѣе смѣло и безбоязненно (особенно съ 1248 г.) онъ дѣйствовалъ и въ отношеніи къ Риму. Возмущаясь испорченностью папскихъ агентовъ для сбора пошлинъ и злоупотребленіемъ разными духовными изъятіями, онъ лично отправился къ папѣ въ Ліонъ, въ 1250 г., и тамъ у него еще болѣе открылись глаза на испорченность папскаго двора. Со свойственной ему неустрашимостью онъ произнесъ про-

Статистическія свѣдѣнія
по
гродненской эпархіи.

Пространство епархіи 34,000 кв. верстъ.

Въ 1901 г. было:

Православнаго населенія	896,914	душъ.
родившихся	45,213	»
умершихъ	28,140	»
браковъ	8,012	
разводовъ	11	
Присоединилось изъ:		
римско-католиковъ	84	ч.
реформатовъ	6	»
раскольниковъ	3	»
евреевъ	9	»
магометанъ	1	»
Римско-католиковъ въ епархіи	422,000	»
Церквей въ епархіи	654	
въ томъ числѣ:		
соборныхъ	7	
монастырскихъ	6	
приходскихъ	332	
при казенныхъ заведеніяхъ	3	
домовыхъ	2	
кладбищенскихъ	129	
приписныхъ	116	
часовенъ	59	
Каменныхъ сооруженій	210.	
а остальныя—деревянныя.		
Монастырей		
мужскихъ	3	
женскій	1	
Духовенства бѣлаго:		
протоіереевъ	18	ч.
священниковъ	347	ч.
діаконовъ	30	»
псаломщиковъ	370	»
Заштатныхъ:		
священниковъ	23	»
псаломщиковъ	12	»
Монашествующихъ:		
монаховъ	30	»
послушниковъ	29	»
монахинь	11	»
послушницъ	42	»

Духовное просвѣщеніе въ епархіи:

Мужское духовное училище	1	
воспитанниковъ въ немъ	186	ч.
Церковныхъ школъ	1,296	
въ томъ числѣ:		
учительскихъ и второклассныхъ	9	
двухклассныхъ	6	
одноклассныхъ	455	
грамоты	841	
Учащихся въ нихъ до	38,000	ч.
въ томъ числѣ римско-катол. до	5,000	»
Приходскихъ попечительствъ	334	
Братства имѣются при всѣхъ церквахъ.		
Библіотекъ при церквахъ	183	
При благочинническ. округахъ	26	

повѣдь, въ которой осуждалъ «римскаго первосвященника и его дворъ за то, что они сдѣлались источникомъ всѣхъ золъ церкви, не только въ томъ, что курія не старается устранить эти нестроенія, но что, руководясь разными своими диспенсаціями, декретами и проч., назначаетъ на церк. должности лицъ, которыя не пастыри, а развратители своихъ стадъ». Онъ настаивалъ, что дѣло пастыря состоитъ не просто «въ совершеніи обѣденъ, но въ *наученіи живой истинѣ*». Возвратившись въ свой діоцезъ, онъ рѣзко выступилъ противъ итальянскихъ патеровъ, наводнившихъ приходы въ Англіи. Онъ исчислилъ, что доходы ихъ восходили до 70.000 марокъ, — въ три раза превосходя доходы короля. Но весь темпераментъ Г. знаменательно обнаружился въ его рѣшительномъ отказѣ принять Фредерика ди-Лаванію на одно мѣсто въ Линкольнѣ, на которое назначилъ его папа, какъ его дядя. Въ одномъ письмѣ къ папѣ епископъ прямо и ясно говоритъ папѣ, что на немъ лежитъ долгъ дѣлать назначенія для назиданія, а не для разрушенія церкви. Матѳей Парижскій сообщаетъ, что папа былъ до крайности раздраженъ, прочитавъ это письмо и былъ успокоенъ только кардиналами, которые напомнили ему о безбоязненномъ мужествѣ, силѣ и популярности англійскаго прелата. Подобно Лютеру до вормскаго сейма, Г. полагался на папу и надѣялся получить отъ Рима помощь въ борьбѣ съ церковными неурядицами въ Англіи. Но, разочаровавшись въ этомъ, онъ быстро пошелъ по пути протеста и потерялъ всякое уваженіе къ папѣ. Будучи уже на своемъ смертномъ одрѣ, онъ въ одномъ разговорѣ съ ученымъ клирикомъ и врачемъ, Іоанномъ Сенъ-Гильскимъ, опредѣляя, что такое ересь, спросилъ, не подходитъ ли подъ нее и папа. Окружавшимъ его онъ жаловался на печальное состояніе церкви. Умирая, онъ выражалъ протестъ противъ алчности, симоніи, распущенности и свѣтскости папскаго двора. «Онъ открыто укорялъ какъ папу, такъ и короля, и былъ грозой для прелатовъ, исправителемъ монаховъ, просвѣтителемъ духовенства, неустаннымъ изслѣдователемъ книгъ Св. Писанія, сокрушителемъ и презрителемъ римлянъ», какъ говоритъ лѣтописецъ Матѳей Парижскій. Съ большою пышностью онъ былъ похороненъ въ Линкольнѣ; при чемъ при погребеніи присутствовали архіепископъ кентерберійскій и нѣсколько епископовъ. Ходили разсказы о чудесахъ, совершившихся при его гробѣ; но напрасно прелаты и король Эдуардъ I (1307) обращались въ Римъ съ просьбой о канонизаціи Г. Народное уваженіе къ нему обнаружилось въ легендѣ, что епископъ, явившись папѣ во снѣ въ ночь своей смерти, сказалъ ему: «Вставай, несчастный, и иди на ожидающій тебя судъ». Г. называли «провозвѣстникомъ реформаціи». Онъ, несомнѣнно, былъ ревностнымъ борцемъ противъ церковныхъ нестроеній и смѣло обличалъ испорченность папскаго двора. При своемъ широкомъ знакомствѣ съ Св. Писаніемъ, онъ постоянно ссылался на него, и въ этомъ отношеніи стоялъ впереди своего вѣка. Онъ былъ первымъ звеномъ въ цѣпи реформаціи въ томъ смыслѣ, что на него ссылался Виклифъ и указывалъ на его протестъ противъ Рима, какъ позже Лютеръ ссылался на Гуса, и Гусъ ссылался на Виклифа. Своимъ горячимъ и безстрашнымъ темпераментомъ онъ походилъ на Лютера. Не только Виклифъ, но и другіе, какъ епископъ Голлъ, съ удовольствіемъ находили въ епископѣ линкольнскомъ поддержку своимъ взглядамъ на Св. Писаніе, или, подобно Фильду, пользовались его именемъ противъ незаконныхъ притязаній папы на власть въ церкви.

Источниками его жизни и дѣятельности служатъ его *Письма* (изд. 1861 Лондонъ) и *Лѣтописи*, а также *Исторія* Матѳея Парижскаго. Біографіи его писали: Пеггъ (Лондонъ 1793), Лехлеръ (Лейпцигъ 1867), Перри (Лондонъ 1871) и др.

Метехскій монастырь въ Тифлисѣ.

Грузинскій экзархатъ.

I. Историческій очеркъ. — Грузинскій экзархатъ обнимаетъ области Кавказа, присоединенныя къ Россіи не одновременно. Прежде всѣхъ вошла въ составъ россійской имперіи Грузія — въ 1801 г., затѣмъ Мингрелія въ 1803 г., Гурія — Абхазія въ 1810 г., Имеретія — въ 1814 г. Послѣ присоединенія Грузіи къ Россіи (манифесты 18 января и 12 сентября 1801 г.— «Полное Собр. Зак.» №№ 19721 и 20007), въ Грузіи нѣкоторое время проставалось прежнее церковное устройство. Во главѣ стоялъ одинъ католикосъ — царевичъ Антоній II, родной братъ послѣдняго грузинскаго царя Георгія XIII, умершаго въ 1800 г.,— собственно католикосъ Грузіи, но по смерти имеретинскаго католикоса (въ 1795 г.) управлявшій также духовными дѣлами Имеретіи, Мингреліи и Гуріи. Въ Грузіи было 13 епархій: *михетская*, *тифлисская* (сіонскій соборъ), *самтаврская*, *руисская*, *цилканская*, *самтависская*, *урбниская*, *никозская*, *алавердская*, *ниноцминдская*, *руставская*, *некресская* и *бодбійская*; въ Имеретіи 4: *кутаисская*, *гаэнатская*, *хонская* и *рачинская*; въ Мингреліи 3: *чкондидская*, *цагерейская* и *чаишская*. Но какъ Грузія еще со временъ Екатерины II была подъ протекціей Россіи (съ 1783 г.), такъ и грузинская церковь понемногу входила въ сферу вліянія россійскаго св. синода, и еще съ 1783 г. иверскій (грузинскій) католикосъ былъ членомъ св. синода. Съ окончательнымъ же присоединеніемъ Грузіи, а затѣмъ и дру-

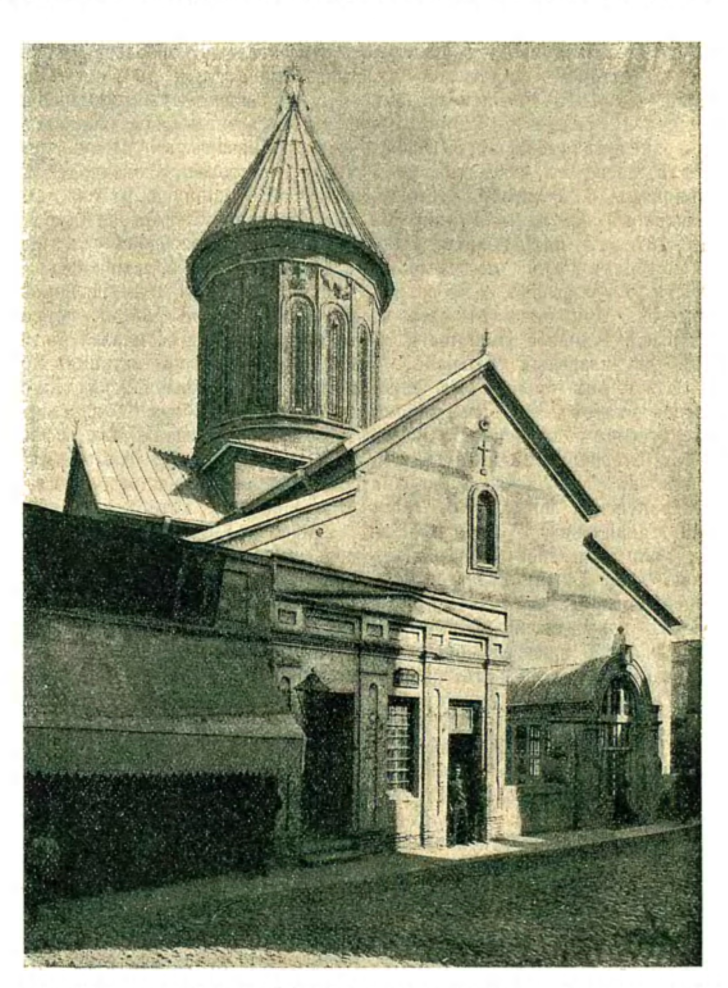
гихъ областей Кавказа къ Россіи въ нихъ введено было русское гражданское управленіе, а затѣмъ естественно явилась необходимость преобразовать и церковное устройство по россійскому образцу. Планъ преобразованій назрѣлъ къ 1810 г. Въ этомъ году католикосъ Антоній II вызванъ былъ въ Петербургъ, здѣсь отпросился на покой и былъ уволенъ 11 іюня 1811 г. съ пенсіей въ 10,000 р. Онъ поселился сначала въ Москвѣ, потомъ, въ 1812 г., перешелъ въ Тамбовъ, въ 1819 г.—въ Петербургъ и, наконецъ, перешелъ въ Нижній, гдѣ и скончался въ 1827 г. Его портретъ помѣщенъ въ книгѣ *Е. К.* «Краткая исторія Г. экзархата за XIX ст.» Проектъ церковной реформы выработанъ былъ архіепископомъ Варлаамомъ (Эристовымъ)и главноначальствующимъ въ Грузіи генераломъ Тормасовымъ и высочайше утвержденъ 30 іюня 1811 г. (докладъ св. синода). Грузинская церковь входила въ составъ церкви россійской съ подчиненіемъ св. синоду; изъ 13 епархій въ Грузіи, заключавшихъ въ себѣ налицо 799 церквей, 9 архимандрій, 7 архіереевъ, 746 священниковъ, 146 діаконовъ, 661 церковника и 75 монашествующихъ, образованы 2: *мцхетская-карталинская* изъ первыхъ перечисленныхъ выше восьми и *алавердская-кахетинская* изъ послѣдующихъ четыремъ; бодбійская временно не была включена въ новообразованныя епархіи и оставлена въ качествѣ независимой архимандріи («Дух. Вѣстн. Груз. Экз.» 1893 г., №№ 8, 10 и 11); мцхетскому митрополиту присвоялось именованіе экзарха св. синода; на обѣ епархіи учреждалась одна дикастерія и такимъ образомъ въ нѣкоторой степени сохранялось прежнее единство управленія (Полн. Собр. Зак. № 24696). Это устройство продолжалось недолго. Въ 1814 г. выработанъ былъ при содѣйствіи епископа горійскаго Досиѳея (Пицхелаурова) новый проектъ положенія о церковномъ устройствѣ Грузіи, высочайше утвержденный 30 августа 1814 г. Церковное управленіе Грузіи и царства имеретинскаго, а также княжествъ мингрельскаго и гурійскаго, было объединено въ составѣ наличныхъ епархій подъ главою одного экзарха, а вмѣсто дикастеріи, во уваженіе недавней автокефальности грузинской церкви, учреждалась въ Тифлисѣ грузино-имеретинская синодальная контора; для Имеретіи, Мингреліи и Гуріи учреждалась въ Кутаисѣ дикастерія; вмѣсто прежнихъ двухъ, въ Грузіи учреждалось 3 епархіи: *мцхетская*, *телавская* (*осетинская*) *и сигнахская*, и одно викаріатство *горійское грузинское*. Контора была открыта 8 мая 1815 г. съ большою торжественностію. Совершено было торжественное богослуженіе въ сіонскомъ соборѣ митрополитомъ-экзархомъ съ другими архіереями и прочимъ духовенствомъ, затѣмъ архіереи при колокольномъ звонѣ въ мантіяхъ въ сопровожденіи духовенства, военныхъ и гражданскихъ чиновъ и пѣвчихъ, исполнявшихъ церковныя пѣснопѣнія, пришли въ помѣщеніе конторы (на подворьи крестовоздвиженскаго монастыря), здѣсь совершено было водоосвященіе и освященіе дома, прочитанъ былъ высочайшій указъ объ учрежденіи конторы, сказана рѣчь, принесена присяга, распредѣлены мѣста и, наконецъ, все завершилось завтракомъ у экзарха и обѣдомъ у главноначальствующаго въ Грузіи. Былъ цѣлодневный звонъ. Въ 1818 г., 28 декабря, былъ высочайше утвержденъ новый проектъ преобразованія церковнаго устройства Грузіи, составленный экзархомъ, преосвященнымъ Ѳеофилактомъ (Русановымъ). На всю Грузію, имѣвшую до 700 церквей, третья часть которыхъ была безприходною и отличалась «отъ русскихъ часовенъ только дурною архитектурою, неопрятностію и убожествомъ утвари», оставлена была только одна епархія, съ именованіемъ по двумъ бывшимъ грузинскимъ царствамъ «*карталинскою и кахетинскою*»; доселѣ епархіи въ Грузіи именовались по уѣздамъ; въ Имеретіи, Мингреліи и Гуріи, какъ имѣющихъ особыхъ владѣтельныхъ князей, оставлены особыя епархіи, съ подчиненіемъ экзарху (Полн. Собр. Зак. № 27605). Вмѣстѣ съ тѣмъ предположено было ввести русскіе церковные порядки. Примѣненіе реформы

экзархомъ Θеофилактомъ въ Имеретіи вызвало цѣлый бунтъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ духовныя лица съ женами и дѣтьми, забравъ церковныя вещи, удалялись въ лѣса и горы. Волненіе возбуждалось духовенствомъ, опасавшимся отобранія церковныхъ имѣній и доходовъ и строгости управленія. Церковные порядки здѣсь были чисто патріархальные. Священники были вмѣстѣ и судьями, и совѣтчиками, и администраторами, и помѣщиками. Князь мингрельскій и дворяне по давнему обычаю собирались для совѣщаній по дѣламъ княжества у митрополита; большая часть архіереевъ были члены мѣстныхъ владѣтельныхъ домовъ; архіереи управляли епархіями безъ всякаго письмоводства, содержались податью съ духовенства и нѣкоторыми налогами съ населенія за проступки и грѣхи; духовенства былъ безспорный излишекъ: при сотнѣ домовъ въ иномъ селеніи было 8 священниковъ; въ мужскихъ монастыряхъ жили монахини въ качествѣ прислуги; архіереи вели кочующій образъ жизни, переѣзжая съ мѣста на мѣсто и занимаясь болѣе сборомъ налоговъ, служили рѣдко, одинъ архіерей «за 30 лѣтъ архіерейства не служилъ болѣе 10 разъ». Θеофилакту удалось ввести свою реформу только въ Грузіи, болѣе культурной и потому болѣе податливой, и послѣ нѣкоторыхъ усилій—въ Имеретіи; въ Мингреліи же и Гуріи реформа была введена позднѣе. Изъ дальнѣйшихъ перемѣнъ въ экзархатѣ болѣе значительными были: учреждена въ 1851 г. *абхазская епархія* и упразднена въ 1869 г.; мингрельская епархія присоединена къ имеретинской, а на мѣсто мингрельской епархіи образовано *мингрельское викаріатство* въ 1873 г., существовавшее до 1885 г.; въ 1875 г. учреждено *владикавказское викаріатство* и въ 1885 г. обращено въ самостоятельную епархію; въ 1885 же году образована *гурійско-мингрельская епархія* и учреждена *сухумская епархія;* въ 1886 года образовано *алавердское викаріатство.*

Первымъ экзархомъ назначенъ былъ проживавшій въ Петербургѣ архіепископъ ахтыльскій 1) *Варлаамъ* (князь Эристовъ); въ санѣ архіепископа ахтыльскаго онъ въ 1794 г. прибылъ изъ Грузіи въ Россію и поселился въ Москвѣ. Въ 1801 г., по ходатайству митрополита петербургскаго Амвросія, былъ вызванъ въ Петербургъ и императоромъ Павломъ пожалованъ въ синодальные члены; онъ поселился въ лаврѣ и былъ въ синодѣ всегда и во всемъ послушнымъ Амвросію; собственно вызовъ его въ Петербургъ объясняется необходимостью ознакомленія высшихъ правящихъ сферъ съ положеніемъ грузинской церкви послѣ присоединенія Грузіи къ Россіи. Въ 1808 г. Варлаамъ отпущенъ былъ въ Грузію, повидимому, съ тою цѣлію, чтобы бытность его тамъ въ качествѣ члена св. синода сдѣлала болѣе удобнымъ выѣздъ въ Петербургъ католикоса, который не хотѣлъ оставлять Грузію; вмѣстѣ съ тѣмъ ему даны были нѣкоторыя порученія по подготовкѣ церковной реформы въ Грузіи; 8 іюля 1811 г. онъ назначенъ митрополитомъ мцхетскимъ и экзархомъ Грузіи, съ 1814 г. сталъ экзархомъ и Имеретіи, по новому положенію; въ 1817 г., 14 мая, уволенъ отъ управленія экзархатомъ и вызванъ въ Петербургъ къ присутствованію въ синодѣ; 5 февраля 1825 г. уволенъ и 20 февраля назначенъ управляющимъ московскимъ даниловымъ монастыремъ; въ этомъ монастырѣ и скончался 18 декабря 1830 г.; погребенъ подъ соборнымъ монастырскимъ храмомъ. Его портретъ помѣщенъ въ книгѣ *Е. К.* «Кратк. истор. грузинск. экз. за XIX ст.» Послѣ него экзархами были: 2) *Θеофилактъ* (Θедоръ Гавриловичъ Русановъ), сынъ дьячка архангельской губерніи, родился въ 1765 г., обучался въ олонецкой семинаріи, а затѣмъ былъ отправленъ въ петербургскую главную александроневскую семинарію; по окончаніи въ ней курса былъ оставленъ въ ней учителемъ, принялъ монашество и въ 1794 г. опредѣленъ законо-учителемъ въ греческій кадетскій корпусъ, позднѣе переименованный въ корпусъ чужестранныхъ единовѣрцевъ. Въ это время ему удалось пріобрѣсти

въ Петербургѣ извѣстность выдающагося духовнаго оратора. По характеру своей проповѣди онъ былъ «ученый проповѣдникъ» («Странникъ» 1877 г., кн. 1 и 3, статьи Н. В. Покровскаго). Въ 1795 г. получилъ санъ архимандритъ съ настоятельствомъ въ зеленецкомъ монастырѣ, въ 1796 г. переведенъ въ сергіеву пустынь, въ 1799 г. хиротонисанъ въ Гатчинѣ, гдѣ тогда находился весь дворъ, во епископа калужскаго. Уже въ это время о немъ отзывались (московскій митрополитъ Платонъ) такъ: «человѣкъ молодой и не по сану отважный». «Рѣшительностію, твердою волей и рѣдкою энергіей» онъ обладалъ до конца своихъ дней. Въ 1806 г. онъ былъ вызванъ въ Петербургъ для присутствованія въ синодѣ. Здѣсь вошелъ въ составъ учрежденнаго 29 ноября 1807 г. комитета о усовершеніи духовныхъ училищъ и принялъ весьма дѣятельное участіе въ разработкѣ первой духовно-училищной реформы. Когда, вмѣсто комитета, учреждена была коммиссія духовныхъ училищъ, онъ сталъ въ ней однимъ изъ дѣятельнѣйшихъ членовъ. Въ декабрѣ 1808 г. назначенъ членомъ синода и возведенъ въ архіепископа, въ 1809 г. переведенъ на каѳедру въ Рязань, но оставался все время въ Петербургѣ, гдѣ пріобрѣлъ исключительную популярность. Тогда было предположеніе назначать въ государственный совѣтъ и духовныхъ членовъ; Ѳеофилакта считали первѣйшимъ кандидатомъ. Сулили ему и бѣлый клобукъ въ Петербургѣ. Но обстоятельства перемѣнились. Ѳеофилактъ разошелся, быть можетъ, вслѣдствіе своего своенравнаго характера, съ тѣми лицами, которыя дѣлали его карьеру — Сперанскимъ, Голицынымъ, ополчился на молодого, только что начинавшаго свою карьеру Филарета (Дроздова), остался одинокъ и не удержался на высотѣ, которой было достигъ. Послѣ 1812 года онъ былъ командированъ синодомъ для возстановленія разореннаго непріятелемъ церковнаго благоустройства въ тѣ епархіи, чрезъ которыя двигались непріятельскія полчища, кромѣ московской, блестяще исполнилъ свою задачу, но тѣмъ не менѣе къ концу 1813 г. былъ отпущенъ изъ Петербурга въ свою епархію и, казалось, умеръ для исторіи. Но 14 мая 1817 г. его вспомнили и призвали для устройства Грузіи, куда онъ былъ назначенъ экзархомъ со спеціальною миссіей ввести порядки церковнаго управленія, принятые въ Россіи. Здѣсь онъ былъ въ постоянной исключительно кипучей дѣятельности, въ страстной борьбѣ съ мѣстными условіями и традиціями. Онъ открылъ семинарію въ Тифлисѣ, уѣздныя и приходскія училища въ Тифлисѣ, Телавѣ, Гори и Сигнахѣ; установилъ по буднямъ въ каѳедральномъ Сіонскомъ соборѣ очередное богослуженіе на русскомъ языкѣ и русскими, прибывшими съ нимъ священниками, назначивъ 3 дня въ недѣлю для русскаго богослуженія и 3 дня оставивъ для грузинскаго; составилъ коммиссію для приведенія въ извѣстность церковныхъ и монастырскихъ имѣній; выработалъ проектъ о переустройствѣ духовнаго управленія, получившій утвержденіе, ввелъ свою реформу въ Имеретіи, въ другихъ мѣстахъ принялъ мѣры къ ея введенію, возбудилъ противъ себя страшное недовольство, вынесъ цѣлый бунтъ и среди своей напряженной дѣятельности скончался, при обозрѣніи епархіи, въ бодбійскомъ сигнахскомъ монастырѣ 19 іюля 1820 г., по слухамъ отравленный своими врагами; погребенъ на мѣстѣ кончины. За короткое время его управленія экзархатомъ число новообращенныхъ осетинъ простиралось до 47.000 душъ; церквей построено и возобновлено до 30. «Его же мощной инціативѣ и заботамъ осетины обязаны тѣмъ, что на народномъ ихъ языкѣ появились въ переводѣ и нѣкоторыя изъ богослужебныхъ книгъ, хотя алфавитъ былъ изобрѣтенъ и нѣсколько книгъ было переведено еще до прибытія Ѳеофилакта въ Грузію преосвященнымъ Гаіозомъ или Гаіемъ» (о немъ см. очеркъ астраханской епархіи). Съ 1 іюля 1819 г. Ѳеофилактъ былъ митрополитомъ. Онъ извѣстенъ не только какъ администраторъ, но и какъ писа-

тель. Ему принадлежитъ нѣсколько переводовъ религіозно-философскихъ сочиненій съ латинскаго, греческаго и французскаго: Философское утѣшеніе, Боэція, Спб. 1794, прозою и стихами; Врачевство отъ унынія и отчаянія, Спб. 1801 (2-е изд. Калуга, 1805); О достовѣрности Евангелія—соч. Безобра, Созерцаніе христіанства — соч. Женнингса, Пастырское наставленіе о превосходствѣ религіи — соч. Люцерна, Начала противъ безбожія — соч. Камюзе («Собраніе переводовъ, въ разныя времена изданныхъ преосвященнымъ Ѳеофилактомъ, епископомъ калужскимъ», 4 части, Спб. 1809—1812), «Поучительныя слова и рѣчи, говоренныя въ Калугѣ и другихъ уѣздныхъ и сельскихъ церквахъ», 2-е изд. М. 1809 (1-е—1806). Его портретъ имѣется въ

Сіонскій каѳедр. соборъ въ Тифлисѣ со стороны входа съ улицы армянск. базара.

упомянутой уже книгѣ *Е. К.*—3) *Іона* (Иванъ Васильевскій), сынъ калужскаго дьячка, въ 1792 г. былъ священникомъ, въ 1793 г. возведенъ въ протоіерея, въ 1802 г. овдовѣлъ, въ 1807 г. принялъ монашество и возведенъ во архимандрита, въ 1808 г. назначенъ ректоромъ калужской дух. семинаріи, въ 1810 г. инспекторомъ петербургской академіи, 29 марта 1812г.—епископъ тамбовскій, въ 1821 г., въ апрѣлѣ, назначенъ архіепископомъ астраханскимъ, а 1 октября того же года назначенъ экзархомъ Грузіи. 22 августа 1828 г.—митрополитъ. Церковный историкъ Грузіи отмѣчаетъ заботливость этого экзарха о просвѣщеніи горцевъ. При немъ открыто во Владикавказѣ духовное училище и въ Алагирѣ двухклассный пансіонъ. 5 марта 1832 г. онъ уволенъ отъ управленія экзархатомъ съ назначеніемъ присутствующимъ въ синодѣ; скончался въ Петербургѣ 22 іюня 1849 г.; погребенъ въ николаевской церкви александроневской лавры.—4) *Моисей* (Матвѣй Михайловичъ Богдановъ-Платоновъ, или Антиповъ) назначенъ экзархомъ 12 марта 1832 г. изъ епископовъ саратовскихъ (о немъ см. очеркъ вологодской епархіи). О немъ отзываются, какъ объ опытномъ администраторѣ и хорошемъ начальникѣ. «Трудолюбіе его простиралось до того», что безъ его просмотра не переписывалось въ экзаршеской канцеляріи ни одной бумаги. «За его время», по отзыву историка грузинскаго экзархата, «вездѣ наблюдается аккуратное и законное отношеніе къ дѣлу». Скончался 13 іюля 1834 г.; погребенъ въ сіонскомъ соборѣ. При немъ открыто въ 1833 г. попечительство о бѣдныхъ духовнаго званія. 5) *Евгеній* (Александръ Филипповичъ Баженовъ, или Бажановъ), сынъ причетника тульской епархіи, родился въ 1784 г., высшее образованіе получилъ въ московской академіи до ея преобразованія, съ 1811 г. состоялъ учителемъ въ тульской семинаріи, а съ 1816 г. и въ тульскомъ дворянскомъ александровскомъ училищѣ; въ 1818 г. переведенъ въ казанскую семинарію; 16 февраля 1819 г. принялъ монашество, вскорѣ назначенъ игуменомъ седміезерной пустыни, затѣмъ, все въ томъ же году, архимандритомъ симбирскаго покровскаго монастыря и, наконецъ, ректоромъ тобольской дух. семинаріи и настоятелемъ тобольскаго знаменскаго монастыря; въ 1824 г. переведенъ въ костромскую семинарію и костромской богоявленскій монастырь; въ 1828 г. вызванъ въ Петербургъ на чреду и состоялъ законоучителемъ 1 го кадетскаго корпуса. 9 іюня 1829 г. хиротонисанъ во епископа тамбовскаго; въ 1832 г. переведенъ въ Минскъ, 1 сентября 1834 г. назначенъ экзархомъ, 12 ноября 1844 г. переведенъ въ Астрахань, въ 1856 г. переведенъ въ Псковъ, гдѣ и скончался въ 1862 г. Въ Грузіи владыка оставилъ по себѣ память возобновленіемъ мцхетскаго патріаршаго собора V в. и пріобрѣтеніемъ новаго зданія для тифлисской дух. семинаріи. По отзыву мѣстнаго историка, отличался «твердымъ, самостоятельнымъ, хотя и властнымъ характеромъ».—6) *Исидоръ* (Яковъ Никольскій), сынъ діакона тульской епархіи, родился въ 1799 г., высшее образованіе получилъ въ петербургской дух. академіи, которую окончилъ со степенью магистра и по окончаніи которой принялъ монашество, 22 августа 1825 г.; затѣмъ былъ назначенъ баккалавромъ академіи, въ 1829 г. назначенъ ректоромъ орловской семинаріи и архимандритомъ мценскаго петропавловскаго монастыря, въ 1833 г. переведенъ въ московскую семинарію и заиконоспасскій монастырь; 11 ноября 1834 г. хиротонисанъ во епископа дмитровскаго, викарія московской епархіи, въ 1837 г. назначенъ епископомъ полоцкимъ, въ 1840 г. могилевскимъ, въ 1841 г. получилъ архіепископство, 12 ноября 1844. г. назначенъ экзархомъ Грузіи, 26 августа 1856 г. получилъ титулъ митрополита, 1 марта 1858 г. назначенъ на кіевскую митрополію, скончался митрополитомъ петербургскимъ въ 1892 г. Отличавшійся «спокойнымъ характеромъ» и «рѣдкимъ трудолюбіемъ», владыка «своимъ мудрымъ и

благостнымъ управленіемъ много способствовалъ тому, что грузинская церковь какъ бы преобразилась и благоукрасилась». Онъ съ первыхъ же дней «горячо отдался дѣлу возобновленія, приведенія въ соотвѣтствующій видъ и построенія» церквей, при чемъ «утруждалъ себя даже составленіемъ чертежей». При немъ докончено возобновленіе мцхетскаго храма, возобновлены соборы — сіонскій, алавердскій, самтаврскій, монастыри — марткобскій, квабтахевскій и др.; духовенство получило опредѣленное содержаніе; благоустроены духовноучебныя заведенія; возродилось миссіонерство и были случаи массоваго возвращенія въ православіе горцевъ, когда-то совращенныхъ въ исламъ; учреждено общество возстановленія православнаго христіанства на Кавказѣ; учреждена епископская каѳедра въ Абхазіи. — 7) *Евсевій* (Алексѣй Алексѣевичъ Ильинскій), сынъ діакона курской епархіи, высшее образованіе получилъ въ кіевской дух. академіи; принялъ монашество 8 декабря 1834 г., въ 1835 г. утвержденъ въ степени магистра и назначенъ баккалавромъ кіевской академіи, въ мартѣ 1839 г. назначенъ членомъ петербургскаго духовноцензурнаго комитета, а въ сентябрѣ ректоромъ кіевской семинаріи съ возведеніемъ въ архимандрита; въ 1841 г. назначенъ настоятелемъ кіевовыдубицкаго монастыря, въ 1844 г. ректоромъ литовской семинаріи, въ 1845 г. — и настоятелемъ виленскаго троицкаго монастыря, въ 1844 г. епископомъ ковенскимъ и настоятелемъ пожайскаго монастыря, въ 1851 г. — епископомъ подольскимъ. 1 марта 1858 г.—экзархомъ, 8 декабря 1877 г. перемѣщенъ въ Тверь, гдѣ и скончался въ 1879 г. «Будучи представительной и внушительной наружности, онъ своимъ высокохудожественнымъ и благоговѣйнѣйшимъ служеніемъ производилъ сильное впечатлѣніе на паству». При немъ благоустроено озургетское дух. училище, при самтаврскомъ монастырѣ Мцхета открыто дѣвичье училище для дочерей духовенства, при тифлисской семинаріи—воскросная школа. Онъ горячо поддерживалъ миссіонерское дѣло, завелъ въ Грузіи свой свѣчной заводъ, отличался доступнымъ, ласковымъ обращеніемъ и заслужилъ «глубокую признательность, искренее уваженіе и любовь всей паствы».—8) *Іоанникій* (Иванъ Максимовичъ Рудневъ), сынъ діакона тульской губерніи, высшее образованіе получилъ въ кіевской дух. академіи, которую окончилъ въ 1849 г. со степенью магистра; въ томъ же году, 11 октября, принялъ постриженіе; былъ оставленъ баккалавромъ въ академіи, въ 1854 г. возведенъ въ архимандрита, въ 1856 г. начначенъ инспекторомъ академіи, въ 1858 г.—ректоромъ кіевской семинаріи и настоятелемъ богоявленскаго монастыря, въ 1860 г. ректоромъ петербургской академіи; 12 іюня 1861 г. хиротонисанъ во епископа выборгскаго, 1864 г. назначенъ епископомъ саратовскимъ, въ 1873 г.—нижегородскимъ, въ 1877 г., въ февралѣ, получилъ архіепископство и 8 декабря этого же года назначенъ экзархомъ, 27 іюня 1882 г. назначенъ митрополитомъ московскимъ, въ 1891 г. переведенъ въ Кіевъ, гдѣ и скончался въ 1900 г. Благодаря этому владыкѣ, преобразованъ свѣчной заводъ, бывшій ранѣе въ распоряженіи конторы. а теперь переданный въ распоряженіе епархіальнаго духовенства, при чемъ увеличилась доходность завода и стала покрывать многія епархіальныя нужды; открыто и благоустроено тифлисское епархіальное женское училище, названное впослѣдствіи по его имени іоанникіевскимъ; заведены воскресныя внѣбогослужебныя собесѣдованія; при семинаріи открыто 30 ноября 1880 г., для вспомоществованія бѣднымъ ученикамъ, братство св. ап. Андрея Первозваннаго; въ семинаріи учреждена каѳедра церковногрузинскаго языка.— 9) *Павелъ* (Петръ Ивановичъ Лебедевъ), сынъ причетника тверской епархіи, родился въ 1827 г., высшее образованіе получилъ въ петербургской дух. академіи, по окончаніи курса который со степенью магистра въ 1853 г. принялъ постриженіе (28 іюня), въ 1857 г. назначенъ инспекторомъ пе-

тербургской дух. семинаріи, въ 1858 г. возведенъ въ архимандрита, въ 1859 г. назначенъ инспекторомъ петербургской дух. академіи, въ 1861 г.—ректоромъ смоленской семинаріи и настоятелемъ смоленскаго спасоавраамієва монастыря, въ 1866 г. — ректоромъ петербургской семинаріи, 8 сентября 1868 г. хиротонисанъ во епископа выборгскаго, въ 1869 г. назначенъ ладожскимъ, въ 1871 г.—кишиневскимъ, въ 1879 г. получилъ архіепископство, 16 іюля 1882 г. назначенъ экзархомъ, 29 сентября 1887 г. переведенъ въ Казань, гдѣ и скончался въ 1892 г. При немъ и его заботами пріобрѣтены новыя зданія для женскаго училища и для озургетскаго дух. училища, отведенъ участокъ казенной земли подъ горійское дух. училище, перестроены зданія тифлисскаго дух. училища, открыты ардонское дух. училище, церковноархеологическій музей при сіонскомъ соборѣ, братство Пресвятой Богородицы. Владыка извѣстенъ своими проповѣдями. — 10) *Палладій* (Раевъ) назначенъ экзархомъ 29 сентября 1887 г. Онъ памятенъ въ Грузіи заботой объ умноженіи миссіонерскихъ пунктовъ въ экзархатѣ и школъ, о развитіи духовныхъ собесѣдованій, основаніемъ мѣстнаго экзархатскаго печатнаго органа («Духовный Вѣстникъ Грузинскаго Экзархата»), но главнымъ образомъ своею умиротворяющею политикой. 18 октября 1892 г. онъ призванъ на петербургскую митрополію.—11) *Владиміръ* (Богоявленскій)—съ 18 октября 1892 г. по 12 февраля 1898 г., когда владыка былъ призванъ на московкую митрополію. О немъ см. особую статью въ III т.—12) *Флавіанъ* (Николай Городецкій), изъ дворянъ орл. губерніи, родился въ 1840 г., до окончанія курса вышелъ изъ московскаго университета (юридическаго факультета) и въ 1863 г., 10 декабря, опредѣленъ послушникомъ московскаго симонова монастыря, въ 1866 г., 17 февраля, принялъ постриженіе и въ санѣ іеродіакона перемѣщенъ въ казанскій спасопреображенскій монастырь, въ 1867 г., 9 апрѣля, рукоположенъ во іеромонаха, въ 1868 г. опредѣленъ въ братство таврическаго архіерейскаго дома, въ 1871 г. былъ назначенъ инспекторомъ классовъ и законоучителемъ вновь открытаго таврическаго епархіальнаго женскаго училища, въ 1873 г. назначенъ настоятелемъ бахчисарайскаго успенскаго скита и въ томъ же году назначенъ членомъ пекинской миссіи, въ 1879 г. назначенъ начальникомъ миссіи съ возведеніемъ въ архимандрита, въ 1883 г. оставилъ службу въ Китаѣ и съ 1884 г. состоялъ въ братствѣ александроневской лавры; 2 февраля 1885 г. хиротонисанъ во епископа аксайскаго, викарія донской епархіи, въ іюнѣ назначенъ епископомъ люблинскимъ, викаріемъ холмско-варшавской епархіи, въ 1891 г.—епископомъ холмскимъ и варшавскимъ, 15 мая 1892 г. возведенъ въ архіепископа, 21 февраля 1898 г. назначенъ экзархомъ, 10 ноября 1901 г. перешелъ въ Харьковъ, гдѣ и святительствуетъ донынѣ. Владыкою, въ бытность въ Китаѣ, переведены на китайскій языкъ нѣкоторыя книги: «Объясненіе православнаго богослуженія», имъ самимъ составленное, «Указаніе пути въ Царствіе Небесное» преосвящ. Иннокентія, «Краткое изложеніе христіанской вѣры» прот. Н. Волобуева и др. Какъ на всѣхъ мѣстахъ своего служенія, такъ и въ Грузіи владыка «снискалъ всеобщее уваженіе и искреннюю любовь за свою отзывчивость на все доброе, доступность, утонченное вѣжливое обращеніе со всѣми къ нему обращавшимися, правленіе его экзархатомъ было «мирнымъ и кроткимъ» («Дух. Вѣстн. Груз. Экз.» 1901 г., № 23—24).—13) *Алексій* (Алексѣй Алексѣевичъ Опоцкій), сынъ священника псковской епархіи, родился въ 1837 г., высшее образованіе получилъ въ петербургской дух. академіи (при чемъ жилъ въ лаврѣ), окончилъ академическій курсъ въ 1863 г. и былъ около года корректоромъ въ редакціи «Сѣверной Почты». Въ слѣдующемъ году назначенъ инспекторомъ виленскаго дух. училища, въ 1865 г. — законоучителемъ виленской женской гимназіи, 2 февраля 1866 г.

ВЫСОКОПРЕОСВЯЩЕННЫЙ **Алексій**,
ЭКЗАРХЪ ГРУЗІИ,
Архіепископъ Карталинскій и Кахетинскій.

рукоположенъ во священника николаевской виленской церкви, въ 1871 г. назначенъ настоятелемъ гродненскаго софійскаго собора и законоучителемъ гродненской женской гимназіи съ возведеніемъ въ протоіерея, въ 1872 г. получилъ степень кандидата богословія, 15 октября 1891 г. (по другимъ свѣдѣніямъ 25 января 1892 г.) принялъ монашество, въ томъ же году возведенъ въ архимандрита и назначенъ ректоромъ литовской дух. семинаріи и съ 1892 г. настоятелемъ виленскаго троицкаго монастыря; 10 апрѣля 1894 г. хиротонисанъ во епископа балахнинскаго, викарія нижегородской епархіи, въ 1896 г. назначенъ епископомъ вятскимъ, 10 ноября 1901 г. — экзархомъ Грузіи, архіепископомъ карталинскимъ и кахетинскимъ и членомъ св. синода («Дух. Вѣстн. Груз. Экз.» 1902 г., № 2 съ портретомъ; 1901 г, № 23—24).— Съ званіемъ экзарха Грузіи соединено съ самаго учрежденія экзархата и званіе члена св. синода.

Въ Г. экзархатъ входитъ нѣсколько епархій и викаріатствъ, каковы—грузинская, имеретинская, сухумская, гурійско-мингрельская и др., о которыхъ см. въ мѣстныхъ изданіяхъ и «Дух. В. Груз. Экзархата». При экзархѣ два викарія: 1) епископъ горійскій *Веніаминъ* (съ 21 апрѣля 1902 г.), 2) епископъ алавердскій *Димитрій* (съ 23 апрѣля 1902 г.). Епископомъ имеретинскимъ состоитъ преосв. *Леонидъ* (съ 12 августа 1900 года), гурійско-мингрельскимъ *Александръ* (съ 20 марта 1898 года) и епископомъ сухумскимъ *Арсеній* (съ 2 февраля 1895 года).

Груз. экзархатъ богатъ святынями и свящ. древностями. Среди святынь пользуется наибольшею извѣстностью *крестъ св. Нины* IV в. (изображеніе въ книгѣ *Е. К.* и въ «Дух. Вѣстн. Груз. Экз.» 1902 г., № 10), сооруженный изъ вѣтвей виноградной лозы, связанныхъ волосами св. просвѣтительницы Грузіи, размѣромъ $1^1/_2 \times ^3/_4$ аршина. Послѣ долгой исторіи крестъ этотъ въ 1801 г. императоромъ Александромъ I возвращенъ въ Грузію и нынѣ хранится въ сіонскомъ соборѣ («Дух. Вѣстн. Груз. Экз.» 1902 г., № 10, съ изображеніемъ креста). Вообще же нужно сказать, что святыни Грузіи, вслѣдствіе тяжкихъ для нея политическихъ обстоятельствъ, были въ разное время вывезены изъ ея предѣловъ, большею частью въ Россію. Среди памятниковъ древности имѣютъ особенное значеніе: развалины, иконы, кресты, рукописи, облаченія и др. Во время присоединенія къ Россіи Грузія въ общемъ представляла собою печальную картину разрушенія послѣ долговѣковой борьбы съ врагами креста Христова. Естественно, что великая Россія, принявъ подъ свое мощное крыло единовѣрную Грузію, озаботилась возстановленіемъ древностей, замѣчательныхъ по историческимъ и священнымъ воспоминаніямъ. На первомъ мѣстѣ стоитъ *Мцхетскій соборъ* (изображеніе въ книгѣ Е. К.), «мать церквей грузинскихъ и каѳедра грузинскихъ католикосовъ, построенный въ V в. на мѣстѣ сокрытія нешвеннаго хитона Господня», — «священная купель грузинъ, слава, краса и гордость иверской земли, свидѣтель несокрушимаго православія, усыпальница многихъ царей и католикосовъ»; онъ испыталъ на себѣ всю скорбную участь мученической Грузіи. Соборъ былъ дважды капитально реставрированъ, въ 1832—1844 и 1860—1874 гг., на сумму свыше 57,000 р. Теперь предстоитъ еще одна, уже научно-художественная реставрація собора на 200,000 р. («Дух. Вѣстн. Груз. Экз.» 1900 г., № 11). Историко-археологическому описанію Мцхета посвящено раскошно изданное сочиненіе *А. Натроева*, «Мцхетъ и его соборъ Свэти-Цховели», Тифлисъ, 1900 г., со множествомъ фотографій и рисунковъ. См. также «Мцхетскій соборъ и и жизнеописаніе св. равноапостольной Нины, просвѣтительницы Грузіи», Кутаисъ, 1887 г.—*Сіонскій соборъ* въ Тифлисѣ во славу Успенія Божіей Матери (изображеніе въ книгѣ Е. К.) начатъ постройкой также въ V в.; онъ былъ каѳедрою тифлисскихъ митрополитовъ, а по присоединеніи къ Россіи остался кафедрою экзарховъ. Этотъ соборъ сохранился довольно цѣлымъ.—

Алавердскій соборъ VI в. (изображеніе въ книгѣ Е. К.) съ мощами строителя, св. Іосифа Алавердскаго. — *Метехскій соборъ* V в. съ бетлемскою иконою Божіей Матери и метехскимъ евангеліемъ («Дух. Вѣстн. Груз. Экз.» 1901 г., № 12, съ изображеніями храма и иконы).

II. *Статистическій обзоръ.* — Грузинскій экзархатъ занимаетъ въ настоящее время «все Закавказье, замыкающееся въ *границахъ*: съ сѣвера на югъ между западнымъ склономъ главнаго хребта Кавказскихъ горъ и турецко-персидскими земельно-раздѣльными линіями и съ запада на востокъ — между побережьями Чернаго и Каспійскаго морей». Экзархатъ заключаетъ въ себѣ въ гражданскомъ отношеніи 6 *губерній*: тифлисскую, бакинскую, эриванскую, елизаветпольскую, кутаисскую и черноморскую, 1 *область* — карскую и 1 *округъ* — закатальскій, а въ духовномъ — 4 *епархіи*: грузинскую (карталинскую и кахетинскую), имеретинскую, гурійско-мингрельскую и сухумскую. Наиболѣе обширная епархія — грузинская; она обнимаетъ собою всю восточную Грузію, — губерніи тифлисскую, бакинскую, эриванскую и елисаветпольскую, область карскую и закатальскій округъ; сухумская, самая малая, обнимаетъ православные приходы черноморскаго побережья. Православнаго *населенія* въ экзархатѣ въ 1900 г. (какъ и всѣ послѣдующія свѣдѣнія) считалось 1,278,487 душъ, родившихся было 53,499, браковъ 13,898, умершихъ 33.550, присоединившихся — изъ армянскаго исповѣданія 71, римско-католическаго 21, несторіанскаго 7, лютеранскаго 15, старообрядцевъ 23, магометанъ 65, евреевъ 15, молоканъ 18, баптистовъ 3, всего 251. Въ грузинской епархіи было православныхъ 374,405 душъ, родившихся 22,627, браковъ 5,165, умершихъ 13,711, присоединившихся 162; въ имеретинской — всего населенія 478,290 душъ, родившихся 15,257, браковъ 4,235, умершихъ 10,204, присоединившихся 5; въ гурійско-мингрельской — всего православнаго населенія 321,952, родившихся 10,003, браковъ 3,141, умершихъ 7,158, присоединившихся 8; въ сухумской — всего православнаго населенія 103,750 душъ, родившихся 5,612, браковъ 1,357, умершихъ 3,477, присоединившихся 96. *Приходовъ* 1,527, въ томъ числѣ въ епархіяхъ: грузинской 576, имеретинской 496, гурійско-мингрельской 352 и сухумской 103. *Церквей*: соборныхъ 27, приходскихъ 1,515, приписныхъ 676, домовыхъ и при учебныхъ заведеніяхъ 65, кладбищенскихъ 65, миссіонерскихъ 2, бригадныхъ пограничной стражи 4, министерства путей сообщенія 1, часовенъ и молитвенныхъ домовъ 9; въ томъ числѣ въ грузинской епархіи всѣхъ церквей 965, соборныхъ 19, приходскихъ 572, приписныхъ 303, домовыхъ и при учебныхъ заведеніяхъ 17, кладбищенскихъ 51, миссіонерскихъ 2, пограничной стражи 4, путей сообщенія 1, часовенъ и молитвенныхъ домовъ 6; въ имеретинской епархіи церквей всѣхъ 829, соборныхъ 2, монастырскихъ 9, приходскихъ 495, приписныхъ 283, при казенныхъ заведеніяхъ 6, домовыхъ 23, кладбищенскихъ 11, молитвенный домъ 1; въ гурійско-мингрельской — всѣхъ церквей 458, соборныхъ 4, приходскихъ 352, приписныхъ 90, кладбищенскихъ 2, домовыхъ 8, при учебныхъ заведеніяхъ 2; въ сухумской — всѣхъ церквей 102, соборныхъ 2, приходскихъ 96, домовыхъ и при учебныхъ заведеніяхъ 1, кладбищенскихъ 1, часовенъ и молитвенныхъ домовъ 2. Въ зависимости отъ историческихъ условій, оставившихъ множество священныхъ развалинъ, и отъ неудобства путей сообщенія въ горахъ, при чемъ каждая деревня желаетъ имѣть у себя церковь, въ грузинской и имеретинской епархіяхъ недостатка въ храмахъ нѣтъ, въ особенности ихъ много на плоскостяхъ карталинской и кахетинской, въ иномъ приходѣ до 5. Но зато всѣ сельскія церкви малопомѣстительны, самой простой конструкціи, представляютъ собою продолговатыя зданія самой упрощенной техники, безъ всякихъ рельефовъ и внѣшнихъ украшеній, съ двухскатною крышей изъ желобистой и плоской черепицы, со стрѣльчатыми уз-

Приложеніе къ „Богословской Энциклопедіи". Изданіе А.П. Лопухина.

Картографическое завед. П.Ф. Петшъ. Вас. Ост. 5 лин. д. 6. С.П.Б.

Статистическія свѣдѣнія
по
грузинскому экзархату.

Грузинскій экзархатъ заключаетъ въ себѣ четыре епархіи: грузинскую (карталинскую и кахетинскую), имеретинскую, грузино-мингрельскую и сухумскую, расположенныя въ 6 губерніяхъ — тифлисской, бакинской, эриванской, елизаветпольской, кутаисской и черноморской, — въ карской области и закатальскомъ округѣ.

Въ 1900 г. было:

Православнаго населенія въ экзархатѣ	1.278,487	душъ.
Родившихся . . .	53,499	»
умершихъ . .	33,550	»
браковъ	13,898	
Присоединившихся къ православію . . .	251	ч.
Сектантовъ . . . до	50,000	»
въ томъ числѣ:		
молоканъ . . . до	32,000	»
духоборовъ . . .	7,000	»
прыгуновъ . . .	6,000	»
субботниковъ . .	4,000	»
баптистовъ свыше	2 000	»
жидовствующихъ до	2,000	»
іеговистовъ . . до	200	»
старообрядцевъ до	200	»
Приходовъ	1,527	
Церквей	2,455	
Часовенъ и молитвенныхъ домовъ . .	9	
Монастырей:		
мужскихъ	27	
женскихъ . . .	6	
Духовенства бѣлаго:		
протоіереевъ .	62	ч.
священниковъ .	1,647	»
діаконовъ	231	ч.
псаломщиковъ . .	1,805	»
Заштатныхъ:		
протоіереевъ .	3	»
священниковъ .	68	»
діаконовъ . .	8	»
псаломщиковъ .	17	»
Монашествующихъ:		
монаховъ	615	»
монахинь . . .	118	»
послушниковъ . .	573	»
послушницъ . . .	163	»

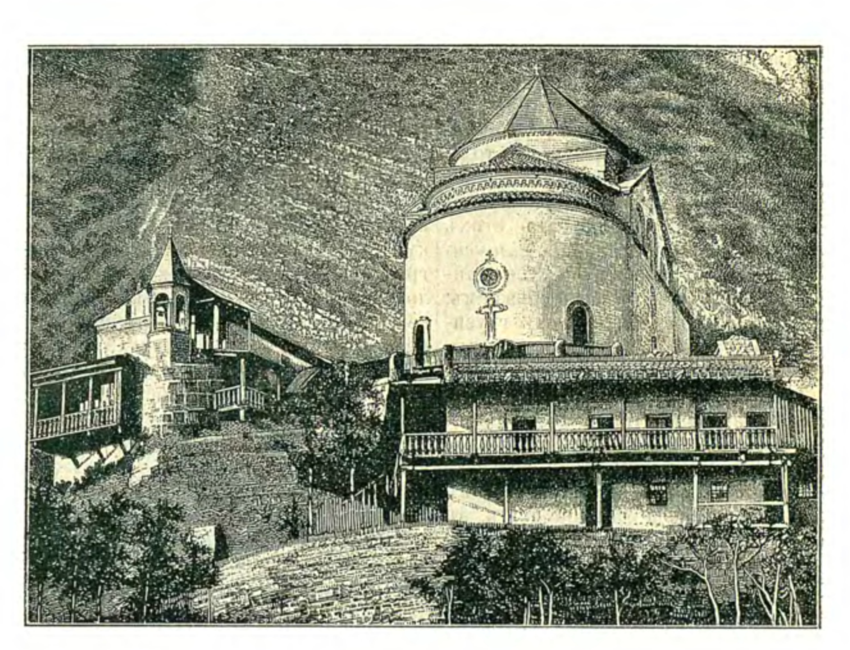
Духовное просвѣщеніе въ 1902 г. »

Духовныхъ семинарій	2	
Учащихся въ нихъ	383	ч.
Мужскихъ духовныхъ училищъ	6	
Учащихся въ нихъ	1,616	ч.
Женскихъ епархіальныхъ духовныхъ . училищъ	2	
Учащихся въ нихъ	461	ч.
Церковныхъ школъ	660	
въ томъ числѣ школъ грамоты	138	
Учащихся въ нихъ .	26.070	ч.
въ томъ числѣ дѣвочекъ	7,201	ч.

Кромѣ того, при монастыряхъ 13 школъ съ 546 ч. учащихся.

Церковно-приходскихъ попечительствъ . .	343
Больницъ при монастыряхъ	3
Библіотекъ при церквахъ	179
Благочинническихъ . округовъ	101

кими окнами (которыми собственно и отличаются отъ обывательскихъ домовъ), едва пропускающими свѣтъ, и небольшимъ желѣзнымъ крестомъ надъ алтаремъ, изрѣдка со звонницей съ 2—3 колоколами по полупуду или пуду; чаще колокола помѣщены на козлахъ, иногда на деревьяхъ; внутри—полное убожество. *Монастырей* 31, въ томъ числѣ мужскихъ 26 и женскихъ 5; архіерейскихъ домовъ 3; женская община 1; въ грузинской епархіи 12 мужскихъ и 2 женскихъ; въ имеретинской 6 мужскихъ и 1 женскій; въ гурійско-мингрельской 6 мужскихъ и 1 женскій и 1 женская община; въ сухумской 2 мужскихъ и 1 женскій. *Духовенства* въ экзархатѣ: протоіереевъ 62, священниковъ 1,647, діаконовъ 231, псаломщиковъ 1,805; заштатныхъ протоіереевъ 3, священниковъ 68, діаконовъ 8, псаломщиковъ 17; въ томъ числѣ въ грузинской епархіи: протоіереевъ 40, священниковъ 577, діаконовъ 82, псаломщиковъ 702; въ имеретинской — протоіереевъ 13, священниковъ 541, діаконовъ 42, псаломщиковъ 634; въ гурійско-мингрельской—протоіереевъ 8, священниковъ 425, діаконовъ 90, псаломщиковъ 375; въ сухумской — священниковъ 110, діаконовъ 17, псаломщиковъ 94. *Монашествующихъ* 1,379, въ томъ числѣ послушниковъ 573, монахинь 118 и послушницъ 163: въ грузинской епархіи — монаховъ 81, послушниковъ 89, монахинь 27, послушницъ 113, всего 310; въ имеретинской—монаховъ 46, монахинь 18, послушниковъ 13, послушницъ 11; въ гурійско-мингрельской—монаховъ 25, монахинь 55, послушниковъ 8, послушницъ 39; въ сухумской — монаховъ 374, послушниковъ 463. *Церковноприходскихъ попечительствъ* 343, въ томъ числѣ: въ грузинской епархіи 125, имеретинской 62, гурійско-мингрельской 141 и сухумской 15. *Больницъ* при монастыряхъ 3—всѣ въ сухумской епархіи. *Библіотекъ* при церквахъ 179, въ томъ

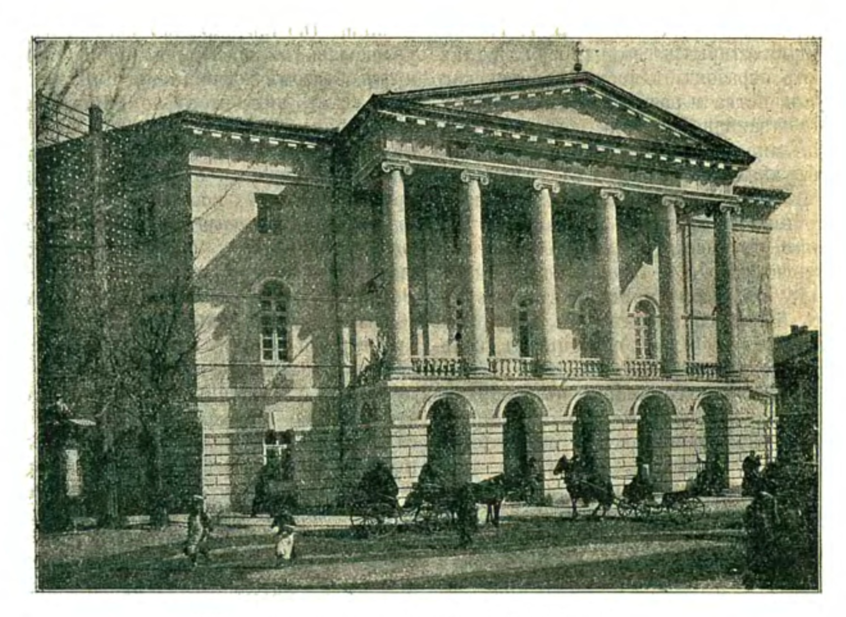
Церковь св. Давида въ Тифлисѣ.

числѣ въ грузинской епархіи 156, гурійско-мингрельской 7 и сухумской 16.

Церковныхъ *школъ* въ экзархатѣ 660, *учащихся* въ нихъ 26,070, въ томъ числѣ 7,201 дѣвочка; по епархіямъ школы распредѣлялись такъ: въ грузинской — 136 церковноприходскихъ и 56 грамоты, всего 192, учащихся 8,584; въ имеретинской—123 церковноприходскихъ и 29 грамоты, всего 152, учащихся 5,973; въ гурійско-мингрельской — 135 церковноприходскихъ и 16 грамоты, всего 151, учащихся 9,633; въ сухумской—58 церковноприходскихъ и 37 грамоты, всего 95, учащихся 2,880. Кромѣ того, было 13 школъ при монастыряхъ, въ томъ числѣ въ грузинской епархіи 5, имеретинской 2, гурійско-мингрельской 4 и сухумской 2; учащихся въ этихъ школахъ 546. Въ отношеніи *племенного состава* грузинская епархія отличается наибольшимъ разнообразіемъ; главный элементъ составляютъ грузины, но, кромѣ нихъ, еще: ингилойцы, пшаво-хевсуры, тушины, осетины, русскіе, греки, айсоры, эстонцы; имеретинская епархія состоитъ изъ грузинъ и русскихъ; сухумская—изъ русскихъ, абхазцевъ, самурзаканцевъ и грековъ. *Сектантовъ* въ грузинской епархіи въ 1900 г. считалось до 50,000 душъ, въ томъ числѣ молоканъ до 32,000, духоборовъ до 7,000, прыгуновъ до 6,000, субботниковъ до 4,000, баптистовъ свыше 2,000, жидовствующихъ до 2,000, іеговистовъ до 200; *старообрядцевъ* до 200. Для борьбы съ сектантствомъ въ грузинской епархіи есть 2 епархіальныхъ *миссіонера*. Въ сентябрѣ 1901 г., въ дни юбилейныхъ празднествъ столѣтія присоединенія Грузіи, состоялся въ Тифлисѣ «первый *миссіонерскій благочиннический съѣздъ* духовенства грузинской епархіи. Съѣздъ опредѣлилъ число сектантовъ, распредѣлилъ сплошь-сектантскія селенія по районамъ православныхъ приходовъ и занимался выработкою мѣръ духовнаго воздѣйствія на православныхъ прихожанъ и сектантовъ, какъ то: открытіе благочинническихъ и приходскихъ библіотекъ, церковная проповѣдь, внѣбогослужебныя бесѣды, школьное вліяніе, частныя бесѣды съ сектантами, распространеніе печатныхъ изданій религіознонравственнаго и противосектантскаго содержанія и пр. Съѣздъ постановилъ ежегодно устраивать подобныя собранія («Дух. Вѣстн. Груз. Экз.» 1902 г., № 1). *Жалованье* получаютъ 1,534 причта, въ суммѣ 426,417 р., въ томъ числѣ: по грузинской епархіи 567 причтовъ, имеретинской 508, гурійско-мингрельской 358, сухумской 101.

III. *Управленіе экзархата.* Во главѣ управленія экзархатомъ стоитъ грузино-имеретинская святѣйшаго правительствующаго синода контора и экзархъ Грузіи. *Контора*, подъ предсѣдательствомъ экзарха, состоитъ изъ членовъ, которыхъ въ 1900 г. было 5: одинъ архіерей, три архимандрита и одинъ протоіерей. Въ конторѣ состоитъ прокуроръ, 2 секретаря (по отдѣленіямъ—грузинскому и имеретинскому), 4 столоначальника, бухгалтеръ-казначей-экзекуторъ, архитекторъ, архиваріусъ-регистраторъ, 2 переводчика. *Экзархъ*, кромѣ управленія своею епархіей, вѣдаетъ дѣла особой важности по всему экзархату, касающіяся духовно-учебныхъ заведеній, и такія, которыя даютъ поводъ къ возникновенію какихъ-либо недоразумѣній между епархіальнымъ начальствомъ—съ одной стороны—и епархіальнымъ духовенствомъ или начальствомъ духовно-учебныхъ заведеній—съ другой. Такія дѣла или окончательно рѣшаются экзархомъ, или представляются св. синоду, или оберъ-прокурору синода. По всѣмъ же обычнымъ дѣламъ, до епархіальнаго управленія относящимся, *преосвященные епархіальные* епархіи экзархата распоряжаются вполнѣ самостоятельно. *Викаріи* экзарха по ввѣренной ему епархіи участвуютъ въ нѣкоторыхъ дѣлахъ управленія по руководству особо данныхъ имъ отъ экзарха инструкцій. Духовныхъ консисторій въ районѣ экзархата нѣтъ, а вмѣсто нихъ существуютъ канцеляріи: *экзаршеская канцелярія*, состоящая (по штату 1865 г.) изъ правителя, двухъ его помощниковъ, казначея, архиваріуса-журналиста и четырехъ канцелярскихъ служителей, и 3 епархіальныхъ канцеляріи — *име-*

еретинская (штаты 1885 г.), *гурійско-мингрельская* (штаты 1885 г.) и *сухумская* (штаты 1891 г.), состоящія, каждая изъ секретаря, помощника секретаря и канцелярскихъ служителей. *Благочинные* въ экзархатѣ, какъ и во внутреннихъ епархіяхъ, являются ближайшими и постоянными исполнителями распоряженій епархіальныхъ архіереевъ по дѣламъ епархіальнаго управленія и подвѣдомыхъ епархіальнымъ архіереямъ учрежденій; въ большинствѣ случаевъ благочиннымъ было поручаемо и производство слѣдствій и дознаній, а также собираніе разнаго рода свѣдѣній и справокъ; кромѣ того, благочиннымъ принадлежалъ, конечно, положенный по общей инструкціи надзоръ за церквами и духовенствомъ. Въ 1900 г. благочиннических округовъ въ экзархатѣ было 101: въ грузинской епархіи 40, имеретинской 25, гурійско-мингрельской 28 и сухумской 8. Число приходовъ въ каждомъ округѣ далеко не одинаково: отъ 5 до 25,—въ зависимости, главнымъ образомъ, отъ географическихъ условій. Благочинныхъ надъ монастырями въ сухумской епархіи въ 1900 г. не было, въ гурійско-мингрельской и имеретинской было по одному. Въ экзархатѣ *4 епархіальныхъ попечительства о бѣдныхъ духовнаго званія*: грузинское—съ 6 членами, секретаремъ, переводчикомъ и письмоводителемъ, имеретинское—съ 8 членами, секретаремъ и письмоводителемъ, гурійско-мингрельское—изъ 7 членовъ и секретаря, и сухумское—съ 6 членами.

Православная духов. семинарія въ Тифлисѣ.

IV. *Духовноучебныя заведенія.*—Во главѣ ихъ стоитъ *тифлисская* духовная семинарія; открыта 1 октября 1817 г. экзархомъ Ѳеофилактомъ. Въ 1902 г. въ семинаріи было 177 воспитанниковъ, въ томъ числѣ 52 иноссловныхъ. 1 сентября 1902 г. заложены новыя зданія для семинарій. Въ фундаментальной библіотекѣ имѣется свыше 8,000 названій въ количествѣ свыше 26,000 книгъ, въ ученической—до

1,800 названій и до 3,000 книгъ. Въ общежитіи живетъ около 140 учениковъ. Съ 30 ноября 1880 г. при семинаріи существуетъ *андреевское братство* для пособія недостаточнымъ семинаристамъ. Въ 1902 г. братство имѣло на приходѣ свыше 600 р., израсходовало—до 600 р., въ остаткѣ имѣло—свыше 2,300 р.—*Кутаисская духовная семинарія*, обслуживающая западную Грузію, открыта 18 сентября 1894 г. заботами преосв. Гавріила, ходатайствовавшаго объ открытіи семинаріи еще съ 1872 г. Причинами открытія семинаріи были главнымъ образомъ бѣдность имеретинскаго духовенства и разница климата восточной и западной Грузіи, вслѣдствіе чего изъ западной Грузіи дѣти духовенства затруднялись обучаться въ тифлисской семинаріи. Учебный округъ семинаріи ограниченъ округами духовныхъ училищъ кутаисскаго, мингрельскаго и озургетскаго. Въ 1902 г. въ семинаріи было 206 воспитанниковъ въ томъ числѣ 58 иносословныхъ. Въ библіотекѣ было свыше 2,000 названій въ количествѣ до 5,300 томовъ.

Кромѣ дух. семинарій, въ экзархатѣ имѣется шесть мужскихъ (горійское, кутаисское, мингрельское, озургетское, телавское и тифлисское) и два женскихъ епарх. училища (тифлисско-іоанникіевское и имеретинско-гавріиловское).

V. *Просвѣтительныя, благотворительныя и взаимно-вспомогательныя учрежденія въ экзархатѣ.—Общество возстановленія православнаго христіанства на Кавказѣ.*

Въ 1815 г. возстановлена въ широкихъ рамкахъ дѣятельность, учрежденной еще въ 1736 г., но затѣмъ (съ 1792 г.) какъ бы замершей въ бездѣйствіи *осетинской коммиссіи* по обращенію осетинъ и другихъ горцевъ въ православіе. Подъ главенствомъ архіепископа Досиѳея (Пицхелаурова) коммиссія состояла изъ архимандрита, игумена, 4-хъ іеромонаховъ, 2-хъ іеродіаконовъ, 2-хъ священниковъ, діакона и 8-и причетниковъ. На содержаніе коммиссіи назначено до 15,000 р. въ годъ, на охрану дано 100 казаковъ и 30 крестьянъ-проводниковъ. По отчету преосв. Досиѳея обращено было за 2 года свыше 6,000 душъ. Но такъ какъ дѣятельность коммиссіи была признана въ значительной мѣрѣ фиктивною, то съ отозваніемъ преосв. Досиѳея коммиссія была передана въ вѣдѣніе грузино-имеретинской конторы, послѣ чего дѣятельность коммиссіи стала плодотворнѣе: за три года обратилось до 32,000 душъ. Къ 1860 г. коммиссія построила 87 церквей, открыла 6 начальныхъ школъ и одно 4-хъ—классное училище (во Владикавказѣ). Коммиссія увлекалась въ послѣднее время главнымъ образомъ хозяйственною дѣятельностью; въ виду этого по иниціативѣ намѣстника Кавказа, князя А. И. Барятинскаго, съ согласія тогдашняго экзарха Исидора, былъ выработанъ проектъ, на смѣну коммиссіи, *Общества возстановленія православнаго христіанства на Кавказѣ*; уставъ общества высочайше утвержденъ 9 іюня 1860 г. Общество цѣлью своею ставило какъ собственно религіозныя, такъ и вообще культурныя задачи: во 1-хъ—миссіонерство, построеніе въ горахъ Кавказа церквей, улучшеніе быта мѣстнаго духовенства, переводъ и изданіе богослужебныхъ и религіозно-нравственныхъ книгъ на мѣстныя нарѣчія; во 2-хъ—образованіе горцевъ вообще, устройство школъ въ аулахъ, содержаніе стипендій для горцевъ и т. п. Общество принято было подъ августѣйшее покровительство императрицею Маріею Александровною и богато одарено: государыня даровала свыше 120,000 р., изъ казны отведено 24,000 дес. земли и отпущено 200,000 р., и, кромѣ того, общество обезпечено было разными выдачами и сборами, ежегодно болѣе 135.000 р. 29 января 1865 г. въ уставъ общества внесены нѣкоторыя измѣненія и дополненія, а 10 февраля 1885 г. высочайше утверждено новое положеніе и уставъ общества.

При сіонскомъ соборѣ въ Тифлисѣ учрежденъ экзархомъ Павломъ *церковный музей* при содѣйствіи мѣстнаго археолога Д. И. Бакрадзе. Открытъ музей въ собственномъ зданіи при сіон-

скомъ соборѣ 15 іюля 1888 г. въ день 900-лѣтія крещенія Руси, при экзархѣ Палладіѣ; уставъ музея утвержденъ св. синодомъ нѣсколько позднѣе — 21 января 1889 г. Музей учрежденъ съ цѣлью сохраненія церковныхъ древностей всего экзархата. Въ настоящее время имѣется до 1,000 рукописей, изъ коихъ половина на пергаментѣ, и до 3,000 другихъ предметовъ. Изъ манускриптовъ древнѣйшіе относятся къ VI в., изъ миніатюръ въ рукописяхъ древнѣйшія принадлежатъ IX в.

VI. *Монастыри и общины.* Монастыри грузинскаго экзархата почти всѣ по своему происхожденію и даже постройкамъ относятся къ глубокой древности и нѣкоторые въ настоящее время являются образцами и свидѣтелями высокаго въ древнее время развитія церковностроительнаго дѣла, несмотря на отсутствіе технических средствъ и приспособленій. Въ матеріальномъ отношеніи монастыри вообще бѣдны; нѣкоторые не имѣютъ никакихъ угодій и вкладовъ и пробавляются исключительно скромнымъ казеннымъ жалованьемъ. Доходовъ монастыри почти не имѣютъ, потому что монастыри въ Грузіи болѣе напоминаютъ отшельническія пустыни, и въ нихъ скопленія богомольцевъ не бываетъ. Расположены обители большею частью въ уединеніи, поэтому при нихъ почти нѣтъ ни школъ, ни богадѣленъ, ни какихъ-либо другихъ благотворительныхъ заведеній.

1) *Ахтальскій мужской монастырь*, грузинской епархіи, расположенъ въ 90 в. отъ Тифлиса. 2) *Бодбійскій св. равноапостольной Нины, просвѣтительницы Грузіи, женскій общежительный монастырь*, грузинской епархіи, открытъ 7 мая 1889 г.; первоначально на его мѣстѣ существовала только гробница св. Нины (съ IV в.), въ XI в. построенъ храмъ, до XII в. при немъ былъ дѣвичій монастырь, въ послѣдующее время монастырь былъ не разъ разоряемъ и затѣмъ былъ упраздненъ и обращенъ въ каѳедру бодбійскихъ митрополитовъ (вѣнчавшихъ кахетинскихъ царей на царство); въ такомъ положеніи оставался до 1837 г., когда умеръ послѣдній митрополитъ бодбійскій Іоаннъ (Бодбель); затѣмъ былъ обращенъ въ приходскій храмъ; реставрированъ въ 1888 г. и въ слѣдующемъ году возстановленъ, первоначально въ составѣ 6—7 сестеръ, прибывшихъ изъ внутренней Россіи съ игуменіей Ювеналіей (о ней см. «Дух. Вѣстн. Груз. Экз.» 1899 г., № 7—8). Нынѣ монастырь имѣетъ: до 200 сестеръ; второклассную женскую школу съ рукодѣльнымъ и рисовальнымъ отдѣленіями, въ которой воспитываются дѣвочки русскія, грузинки, осетинки, армянки и др.; *страннопріимницу*; *подворье* въ Тифлисѣ. Монастырю предоставлено 150 дес. земли и рыбная ловля на р. Алазани. Въ соборномъ храмѣ почиваютъ *мощи* св. Нины («Дух. Вѣстн. Груз Экз.» 1895 г., № 19—20). 3) *Вардзійскій успенскій мужской монастырь*, грузинской еп., общежительный, находится въ 55 в. отъ г. Ахалциха. 4) *Василиско-златоустовскій женскій общежительный монастырь*, близъ селенія Михайловскаго, сухумскаго округа и епархіи, на берегу р. Гумисты, учрежденъ въ 1901 г.. при возобновленномъ древнемъ храмѣ, на мѣстѣ кончины, по нѣкоторымъ преданіямъ, св. Іоанна Златоуста и священномученика Василиска, епископа команскаго («Дух. Вѣстн. Груз. Экз.» 1901 г., № 19—20). 5) *Гаенатскій — богородичный мужской монастырь*, имеретинской еп., въ 8 в. отъ Кутаиса, основанъ въ самомъ началѣ XII в. имеретино-карталинскимъ царемъ Давидомъ Возобновителемъ. Монастырь извѣстенъ и подъ мѣстнымъ названіемъ *Гелати* или *Гелатскаго.* При монастырѣ имѣется школа (Прот. *Д. В. Гамбашидзе*, «Гаенатскій монастырь и жизнеописаніе благов. царя Давида III Возобновителя», Кутаисъ, 1888 г.). 6) *Давидгареджійскій мужской монастырь*, грузинской еп., общежительный, въ 60 в. отъ Тифлиса, основанъ преп. Давидомъ въ VI в. и нѣкогда былъ центромъ окружавшихъ его 11 другихъ монастырей, высѣченныхъ въ скалахъ. Въ XVII в. Шахъ-Аббасомъ, по преданію, умерщвлено здѣсь до 6,000 иноковъ. Монастырь окруженъ высѣченными въ скалѣ пещерами. Въ мона-

стырѣ имѣются гробницы препод. Давида, основателя монастыря, и его ученика, преп. Дидо. 7) *Джручскій святогеоргіевскій мужской монастырь*, имеретинской еп., находится въ с. Мохва, шорапанскаго у., въ 114 в. отъ Кутаиса. 8) *Джуматскій архангельскій мужской монастырь*, гурійской-мингрельской еп., находится въ с. Джумати, озургетскаго у., въ 95 в. отъ Кутаиса. 9) *Драндскій успенскій мужской общежительный монастырь*, сухумской еп., въ 24 в. отъ г. Сухума, основанъ въ 1885 г. староаѳонскимъ монахомъ при возстановленномъ изъ запустѣнія древнемъ храмѣ. Монастырь имѣетъ школу, больницу, страннопріимницу и 260 дес. отведенной земли; состоитъ подъ управленіемъ преосвященнаго сухумскаго. 10) *Іоанно-зедазнійскій мужской монастырь*, грузинской еп., въ 30 в. отъ Тифлиса, основанъ въ VI в. Іоанномъ Зедазнійскимъ, названіе получилъ отъ имени стоявшаго на его мѣстѣ идола Зедана. Когда-то былъ славенъ, но потомъ пришелъ въ упадокъ. Реставрированъ въ 1849 и 1885 гг., — въ послѣдній разъ преосв. Александромъ, который обезпечилъ монастырь и денежною суммой (11,000 р.). 11) *Іоанно-крестительская мужская пустынь*, грузинской еп., расположена въ 30 в. отъ Тифлиса. При пустыни имѣется мужская церковно-приходская школа въ с. Хашми. 12) *Іоанно-крестительская мужская пустынь*, гурійско-мингрельской еп., находится въ с. Амаглеба, озургетскаго у., въ 75 в. отъ Кутаиса. 13) *Кацхскій спасовознесенскій мужской монастырь*, имеретинской еп., находится въ с. Кацхи, въ 50 в. отъ Кутаиса. 14) *Квабтахевскій успенскій мужской монастырь*, грузинской еп., основанъ въ X—XII вв., въ Карталиніи, въ 32 в. отъ г. Гори, въ замѣчательно живописной мѣстности. Нѣкогда былъ самымъ богатымъ во всей Карталиніи и первымъ по степени во всей Грузіи. Первоначально былъ женскимъ, потомъ сталъ мужскимъ, и съ того времени женщины лишены были права входа въ ограду обители. 15) *Мартвильскій богородичный мужской монастырь*, гурійско-мингрельской еп., находится въ сенакскомъ у., при с. Мартвили, въ 34 в. отъ Кутаиса. 16) *Марткобскій преп. Антонія* мужской монастырь, грузинской еп., въ 24 в. отъ г. Тифлиса, состоитъ подъ непосредственнымъ управленіемъ экзарха. 17) *Мгвимскій спасскій женскій монастырь*, имеретинской еп., расположенъ въ с. Мгвимеви, въ 85 в. отъ Кутаиса. При монастырѣ имѣется школа. 18) *Моцаметскій свв. мучениковъ Давида и Константина мужской монастырь*, имеретинской еп., расположенъ въ 6 в. отъ Кутаиса. 19) *Мцхетскій самтаврскій во имя св. Нины женскій монастырь*, въ селеніи Мцхетѣ. Его первый храмъ построенъ первымъ христіанскимъ царемъ въ Грузіи Миріаномъ (265—342 гг.). До 1811 г. служилъ каѳедрою самтаврскихъ архіепископовъ, а когда самтаврская епархія была упразднена въ 1811 г., при храмѣ учреждена женская обитель. При монастырѣ существуетъ съ 1856 г. *женская школа* съ курсомъ прогимназій. Въ соборномъ храмѣ почиваютъ строитель храма св. Миріанъ и царица Нана, на могилѣ которыхъ горитъ неугасаемая лампада. 20) *Намарневскій іоаннокрестительскій мужской монастырь*, имеретинской еп., расположенъ въ 85 в. отъ губернскаго города, въ лечхумскомъ уѣздѣ. 21) *Нахаребовскій благовѣщенскій мужской монастырь*, гурійско-мингрельской еп., находится при с. Хахаребо, въ сенакскомъ уѣздѣ, въ 34 в. отъ Кутаиса. 22) *Новоаѳонскій симоноканонитскій мужской общежительный монастырь*, сухумской еп., на берегу Чернаго моря, въ 25 в. отъ г. Сухума, на мѣстѣ древней греческой колоніи Анаконіи (Никопсіи), основанъ иноками русскаго аѳонскаго пантелеймоновскаго монастыря іеросхимонахомъ Іеронимомъ, архимандритомъ Макаріемъ и іеромонахомъ Арсеніемъ, при содѣйствіи б. намѣстника Кавказа, великаго князя Михаила Николаевича, въ 1875 г. Русско-турецкая война прервала работы по постройкѣ монастыря, которыя были возобновлены по окончаніи войны въ 1878 г. Освященіе главнаго престола первой церкви и открытіе богослуженія по аѳонскому уставу послѣдовало

3 февраля 1879 г. Монастырь имѣетъ особыя права, дарованныя положеніемъ, высочайше утвержденнымъ 8 декабря 1879 г. Въ 1885 г. къ нему присоединенъ пицундскій храмъ съ 1,049 дес. земли. Управляется монастырь почти самостоятельно. Имѣетъ школу и больницу. Обстоятельное описаніе монастыря имѣется въ книгѣ *И. Н.*, «Абхазія и въ ней ново-аѳонскій симоно-канонитскій монастырь», М., 1899 г., съ картами абхазскаго побережья и части римской имперіи, съ рисунками памятниковъ христіанства въ Абхазіи, видовъ ново-аѳонскаго монастыря и портретами почившихъ старцевъ аѳонскаго св. Пантелеймона монастыря. Также въ «Дух. Вѣстн. Груз. Экз.», 1900 г., № 20. 23) *Сафарскій саввинскій мужской монастырь*, грузинской еп., общежительный, расположенъ въ 30 в. отъ Ахалциха. 24) *Теклатскій рождествобогородичный женскій общежительный монастырь*, гурійско-мингрельской еп., находится при с. Теклати, сенакскаго у., въ 80 в. отъ Кутаиса. 25) *Тифлисскій спасопреображенскій мужской монастырь*, грузинской еп., первоклассный, находится въ г. Тифлисѣ. При монастырѣ имѣется мужская церковноприходская школа. 26) *Хирскій стефановскій мужской монастырь*, грузинской еп., расположенъ въ 8 в. отъ г. Сигнаха. При монастырѣ имѣется церковноприходская школа. 27) *Хобскій успенско-богородичный мужской монастырь*, гурійско-мингрельской епархіи, находится въ зугдидскомъ уѣздѣ, въ 100 в. отъ Кутаиса. 28) *Челишскій успенскій мужской монастырь*, имеретинской еп., находится въ с. Никорцминда, рачинскаго у., въ 60 в. отъ Кутаиса. 29) *Шемокмедскій спасскій мужской монастырь*, гурійско-мингрельской еп., въ с. Шемокмеди, озургетскаго у., расположенъ въ 105 в. отъ Кутаиса. 30) *Шіомгвимскій мужской монастырь*, грузинской еп., въ 30 в. отъ Тифлиса и 10 в. отъ Мцхета, основанъ св. Шіо въ VI в., былъ въ древности лаврой, имѣлъ до 500 иноковъ, но потомъ былъ разоренъ; былъ приписанъ къ тифлисскому спасопреображенскому монастырю, возстановленъ въ своей самостоятельности преосв. Александромъ, которымъ монастырь обезпеченъ и денежными суммами (21,000 руб.). При монастырѣ есть странноприимница. Вокругъ монастыря расположено до 1,000 древнихъ пещеръ. 31) *Шуамтинскій рождествобогородичный мужской монастырь*, грузинской еп., общежительный, въ 6 в. отъ г. Телава, основанъ царицею Тинатиною въ XVI в. на мѣсто старой обители, стоявшей въ 3 в. отъ нынѣшней къ юго-востоку. Въ монастырѣ имѣется гробница основательницы. Къ монастырю приписанъ алавердскій соборъ. 32) *Джихетская женская община* въ мѣстности Джихети, озургетскаго у., гурійско-мингрельской епархіи, въ 55 в. отъ Кутаиса, учреждена св. синодомъ въ 1893 г. («Дух. Вѣстн. Груз. Экз.» 1893 г., № 10). Кромѣ того, нѣкоторыя обители въ послѣднее время только еще возстановляются изъ развалинъ. Таковы: 33) *Бетанійскій* рождествобогородичный монастырь, въ 14 в. отъ Тифлиса, въ живописномъ ущельи р. Веры, основанный по преданію царицею Тамарою. 34) *Зарзмскій* монастырь, основанный въ XI в., находится въ 30 в. отъ г. Ахалциха въ дер. Зарзмѣ. Нынѣ возстановляется изъ развалинъ на средства почившаго Наслѣдника Цесаревича Георгія. Въ храмѣ сохранились фрески.

Литература: *Е. К.*, «Краткій очеркъ исторіи грузинской церкви и экзархата за XIX ст.», Тифлисъ, 1901 (съ потретами и изображеніями). «Духовный Вѣстникъ Грузинскаго Экзархата».—«Грузинскій Духовный Вѣстникъ». — «Мцкемси». — «Пастырь».—*И. А. Чистовичъ*, «Руководящіе дѣятели дух. просвѣщенія въ Россіи», Спб. 1890. Кое-что указано въ текстѣ. Вообще же литература о Грузіи очень обширна, здѣсь же указываются только изданія, служившія пособіемъ для очерка экзархата.

С. Рункевичъ.

«ГРУЗИНСКІЙ ДУХОВНЫЙ ВѢСТНИКЪ», ежемѣсячный журналъ, выходилъ съ 1 іюля 1864 г. въ Тифлисѣ, при духовной семинаріи, книжками до 3 листовъ, по цѣнѣ 5 р. съ пересылкой, и былъ основанъ профессоромъ тифлисской дух. семинаріи, магистромъ богословія, священникомъ Георгіемъ Хелидзе. Изданіе предпринято было съ

цѣлью «доставить повременное душеполезное нравственно-религіозное чтеніе грузинскому народу и другимъ православнымъ жителямъ закавказскаго края». Программа была заимствована изъ епархіальныхъ вѣдомостей и распадалась на 2 части: оффиціальную и неоффиціальную, но на первомъ планѣ была поставлена неоффиціальная часть. Въ журналѣ предполагалось помѣщать статьи по священной и церковной исторіи, по догматическому, нравственному и пастырскому богословію, выписки изъ твореній свв. отецъ и учителей духовныхъ—примѣнительныя къ потребностямъ читателей, объясненіе богослуженія, назидательныя размышленія, духовные совѣты, примѣры благочестія въ разныхъ состояніяхъ и обстоятельствахъ жизни, некрологи и біографіи, описаніе мѣстныхъ церковныхъ достопримѣчательностей, слова и рѣчи, библіографію и смѣсь; оффиціальная часть предназначалась для помѣщенія всего, «что и какъ мѣстному духовному начальству угодно будетъ сдѣлать извѣстнымъ для своей епархіи и публики оффиціальнымъ путемъ». Обѣ части печатались на грузинскомъ языкѣ. На русскомъ языкѣ полагались только «прибавленія». Съ этою программой о. Хелидзе обратился въ семинарское правленіе, объяснялъ, что съ цѣлію распространенія и утвержденія въ грузинскомъ народѣ нравственно-религіозныхъ понятій онъ желаетъ свободные отъ служебныхъ занятій часы посвящать изданію при семинаріи журнала, и просилъ ходатайства о разрѣшеніи изданія. Правленіе семинаріи, вполнѣ сочувствуя предпріятію своего сочлена и принявъ во вниманіе, что въ Грузіи, издревле отличающейся любовію и преданностію къ вѣрѣ Христовой, «любителей духовнаго чтенія несравненно больше читателей свѣтскихъ журналовъ» и что для большинства грузинъ русскія книги непонятны и недоступны, на грузинскомъ же языкѣ «почти вовсе нѣтъ сочиненій духовнонравственнаго содержанія», ходатайствовало о разрѣшеніи журнала предъ экзархомъ Грузіи, архіепископомъ Евсевіемъ. Преосвященный Евсевій, съ своей стороны—признавая потребность изданія такого журнала тѣмъ болѣе ощутительною, что грузинскій народъ имѣетъ свой особенный характеръ, свои особенныя духовныя потребности, опредѣляемыя временемъ, мѣстомъ, состояніемъ, языкомъ, степенью разумѣнія и прочими внѣшними и внутренними условіями религіозной жизни, которыя необходимо требуютъ и своихъ особенныхъ, чистомѣстныхъ духовнолитературныхъ дѣятелей, снесся съ августѣйшимъ намѣстникомъ Кавказа и, не встрѣтивъ у него препятствій, обратился съ ходатайствомъ о разрѣшеніи въ св. синодъ. Разрѣшеніе синода послѣдовало въ февралѣ 1864 г. Цензоромъ назначенъ былъ наставникъ семинаріи Іессей Сулхановъ. Въ редакціонной статьѣ первой книжки заявлялось, что въ Грузіи не было еще періодическаго изданія, которое бы имѣло въ виду духовную пользу вѣрующихъ; а между тѣмъ потребность въ такомъ изданіи казалась весьма ощутительной, въ особенности въ виду пробудившейся въ публикѣ того времени исключительной потребности духовноназидательнаго чтенія, а также въ виду того, что хотя просвѣщенными мужами древней Грузіи оставлено немало душеполезныхъ произведеній, но они, за весьма рѣдкими исключеніями, не были напечатаны, да и языкъ ихъ сильно устарѣлъ. Между тѣмъ въ Тифлисѣ издавались свѣтскіе журналы и газеты на русскомъ, грузинскомъ и армянскомъ языкахъ. Словомъ, энергіи и надеждъ было много. Но уже въ октябрѣ журналъ, печатая списокъ своихъ 388 подписчиковъ, меланхолически заявлялъ, что о какихъ-либо матеріальныхъ выгодахъ онъ пока не можетъ и мечтать, было бы на что свести концы съ концами.

«Прибавленія» къ Груз. Д. В., печатавшіяся на русскомъ языкѣ, можно было получать и отдѣльно, по 1 р. съ доставкой; обыкновенно они никогда не превышали $^1/_2$ печ. листа. Въ 1864 г. въ «Прибавленіяхъ» помѣщены статьи о трудности пастырскаго служенія (1), о св. Тихонѣ Задонскомъ (5), о преосвящ. Гаіѣ Такаовѣ и моздок-

ской епархіи (4), о важности домашней молитвы (3), и нѣсколько словъ и рѣчей различныхъ мѣстныхъ проповѣдниковъ. Выпусковъ за 1865, 1866 и 1867 г.г. нѣтъ въ публичной библіотекѣ въ Петербургѣ, и составитель настоящаго очерка не имѣлъ возможности ознакомиться съ ними. Въ 1868 г. прибавленія заключаютъ въ себѣ только оффиціальные документы. Послѣдніе 3 мѣсяца настоящаго 1903 года вышли въ одной книжкѣ и ею, повидимому, журналъ и окончилъ свое существованіе. Портретъ издателя помѣщенъ въ книгѣ Епископа Киріона о Грузіи (см. очеркъ грузинскаго экзархата).

С. Рункевичъ.

ГРУЗІЯ — страна въ Закавказьѣ, представляющая въ географическомъ отношеніи четыреугольникъ, омываемый съ востока и запада морями Каспійскимъ и Чернымъ, съ сѣвера ограждаемый Кавказскимъ хребтомъ, увѣнчаннымъ вѣчно бѣлоснѣжнымъ Эльбрусомъ, а на югѣ ограниченный рѣкой Араксомъ и двухглавою горой Араратомъ; нынѣ названіе Г. въ тѣсномъ смыслѣ прилагается преимущественно къ тифлисской губерніи. Въ физическомъ отношеніи Г. отличается прекрасными дарами природы, величественными и грандіозными пейзажами. Страна населена народами грузинскаго или картвельскаго племени, въ составъ коего входятъ: собственно грузины, ингилойцы, грузины-горцы, имеретины, гурійцы, аджарцы и др. Всѣ они составляютъ, въ сущности, одинъ народъ, говорящій на основномъ грузинскомъ языкѣ, лишь подраздѣляющемся на особыя нарѣчья: мингрельское, лазское, ингилойцевъ и т. д. Грузинскій языкъ въ тѣсномъ смыслѣ слова имѣетъ болѣе сложныя и разнообразныя формы, чѣмъ сродные съ нимъ языки, но это не даетъ ему права быть отцемъ остальныхъ языковъ; онъ лишь ихъ братъ, можетъ быть, и старшій. Въ составъ грузинскаго языка вошло немало словъ персидскихъ, арабскихъ, греческихъ, армянскихъ и иныхъ, свидѣтельствующихъ о культурныхъ сношеніяхъ Г. посредственно или непосредственно съ отдаленными центрами просвѣщенія. Но законы внутренняго механизма грузинскаго языка и его грамматическій строй не опредѣлены и до настоящаго времени, вслѣдствіе чего доселѣ еще остается открытымъ вопросъ о томъ, въ какомъ отношеніи грузинскій языкъ находится къ другимъ группамъ языковъ. Нѣтъ въ этомъ опредѣленнаго воззрѣнія и на происхожденіе грузинскаго алфавита, который имѣетъ два вида: мхедрули — алфавитъ гражданскій, представляющій письмо круглое, и хуцури — алфавитъ церковный, имѣющій форму письма прямолинейнаго; грузиновѣды и до настоящаго времени оставляютъ вопросъ, какой изъ этихъ алфавитовъ долженъ быть признанъ наиболѣе древнимъ. Темна и первоначальная исторія Г., древней Иверіи (Георгіи, Гурджистана и пр.), о которой можно находить лишь немногія отрывочныя свѣдѣнія у Геродота, Ксенофонта, Плутарха, Страбона и другихъ писателей древности. Они говорятъ о воинственномъ характерѣ иверовъ, ихъ культурной воспріимчивости и склонности къ политическому обособленію. Въ послѣдніе вѣка до Р. Х. иверы вовлечены были въ сферу политическаго вліянія Римской Имперіи, хотя имѣли и своихъ царей. Въ первыя столѣтія христіанской эры они стремились освободиться отъ верховной власти Рима и боролись съ армянами, персами, парѳянами и другими жителями Закавказья, претендовавшими на политическое преобладаніе. Постоянныя войны истощили народъ и страну и понизили общій уровень нравственности. Новая эпоха въ исторіи Г. началась съ водвореніемъ здѣсь христіанства, явившагося на смѣну идолопоклонству и огнепоклонству, господствовавшимъ здѣсь съ глубокой древности. По мнѣнію нѣкоторыхъ грузинскихъ историковъ, христіанство впервые было насаждено въ Г. св. апостоломъ Андреемъ. Но мѣстные историческіе памятники IV—IX вѣковъ ничего не знаютъ о проповѣднической дѣятельности апостола Андрея въ этой странѣ. Сказаніе объ этомъ было занесено въ Г. изъ

Византіи жившими здѣсь грузинами-монахами, одинъ изъ коихъ, инокъ Ефремъ Младшій, жившій въ XI вѣкѣ, впервые составилъ спеціальное изслѣдованіе о томъ, въ какихъ историческихъ памятникахъ говорится о распространеніи христіанства въ Г., при чемъ имѣлъ въ виду и грузинскій переводъ книги «Хожденіе и проповѣди св. апостола Андрея», сдѣланный Евѳиміемъ Святогорцемъ (X в.). Свѣдѣніе о проповѣди св. Андрея въ Иверіи быстро проникло и въ Г., а Руисоурбнійскій церковный соборъ (1103 г.), опираясь на изслѣдованіе Ефрема Младшаго, призналъ хожденіе и проповѣдь св. Андрея въ Г. фактомъ. Впослѣдствіи въ странѣ стали образовываться мѣстныя легенды объ Андреѣ съ національнымъ колоритомъ. И не только грузинскіе, но и византійскіе писатели до IX вѣка ничего не сообщаютъ о проповѣдническихъ трудахъ св. Андрея въ Г. Такимъ образомъ, вопросъ объ апостолѣ Андреѣ, какъ первонасадителѣ христіанскаго ученія въ Г., недостаточно разъясненъ въ научной литературѣ. Но это не даетъ основанія отрицать, что въ Г. христіанство вообще распространено не въ первые вѣка. Болѣе ясныя свѣдѣнія касательно этого предмета относятся къ IV вѣку и связываются съ именемъ св. Нины. Въ первой половинѣ IV вѣка нѣкая плѣнница, можетъ быть, родомъ сирійка изъ Каппадокіи, называвшаяся по грузинскимъ источникамъ Нина, а по армянскимъ Нунэ, начала проповѣдывать въ Г. христіанство. Около 337 года часть грузинъ, во главѣ съ царемъ Миріаномъ и его семействомъ, приняли проповѣдь плѣнницы и послали къ императору Константину Великому вѣстниковъ съ просьбой прислать имъ духовенство для крещенія народа. Константинъ исполнилъ просьбу грузинъ и прислалъ священнослужителей, во главѣ съ епископомъ Іоанномъ, которые и крестили принявшихъ вѣру Христову, за исключеніемъ нѣкоторыхъ горныхъ племенъ. Такъ возникла грузинская церковь, которая и была подчинена юрисдикціи антіохійскаго архіепископа. Послѣ принятія христіанства Г. вошла въ сферу религіознаго и культурно-политическаго вліянія Византіи, которое въ высшей степени благотворно отражалось на жизни молодого христіанскаго народа, со всею ревностью и искренностью преданнаго ученію Христа. Были, впрочемъ, и вспышки народныя на почвѣ старыхъ языческихъ вѣрованій, но онѣ удачно погашались грузинскими царями. Особенно почтенны были труды царя Вахтанга I (V в.), которому удалось создать въ странѣ политическое единство, путемъ усмиренія феодаловъ и горцевъ, и обезпечить грузинской церкви независимость отъ антіохійской каѳедры. Въ 448 году, съ согласія византійской церковной и гражданской власти, въ Г. былъ назначенъ католикосъ Петръ, родомъ изъ грузинъ, съ правами церковной автономіи, страна была раздроблена на 12 епископскихъ каѳедръ, которыя и были замѣщены іерархами изъ грузинъ, повсюду стали учреждаться школы національнаго направленія и т. п. Вахтангъ I основалъ также г. Тифлисъ, который и сдѣлался резиденціей грузинскихъ царей и католикосовъ вмѣсто Мцхета. Вообще, при немъ христіанство значительно укрѣпилось въ Г., а язычество еще болѣе ослабѣло. Не то было въ концѣ V вѣка, когда персидскіе Сассаниды всячески стремились искоренить въ Г. христіанство и распространить огнепоклонство. Защиту отъ этого нападенія Г. нашла у Византіи, которая многіе годы вела войну съ Персіей, пока, наконецъ, не былъ заключенъ миръ между Юстиніаномъ и Хосроемъ (VI в.), въ силу коего западная Г. попрежнему оставалась подъ политическимъ вліяніемъ Византіи, а восточная—подъ вліяніемъ Персіи. Въ VI в., при царѣ Парсманѣ VI (542—554 гг.), церковная жизнь Г. получила блестящій расцвѣтъ подъ благотворнымъ просвѣтительнымъ воздѣйствіемъ тринадцати сирскихъ отцовъ, прибывшихъ сюда по благословенію знаменитаго подвижника св. Симеона Столпника, подвизавшагося въ Сиріи на горѣ Дивной, въ монастырѣ Калатъ-Семанъ. Во главѣ ихъ находился преп. Іоаннъ Зедазнели, подъ руководствомъ

коего сирскіе отцы оказали грузинской церкви и народу громадныя услуги; они положили въ странѣ начало иноческой жизни, строили монастыри и школы, учили народъ истинной вѣрѣ и нравственности, боролись съ монофиситствомъ и яковитствомъ, распространявшимися въ Г. Яковомъ Барадеусомъ, искореняли идолопоклонство и огнепоклонство, еще продолжавшихъ существовать въ отдаленныхъ пунктахъ страны, и вообще много содѣйствовали упроченью истиннаго православія. Византійскій писатель Прокопій Кесарійскій свидѣтельствуетъ о грузинахъ VI вѣка, что они отличались ревностью въ вѣрѣ и твердостью въ нравственныхъ воззрѣніяхъ. Въ половинѣ VII в. Г. подверглась разрушительному нашествію арабовъ-мусульманъ. Халифъ Омаръ въ 642 г. послалъ для завоеванія этой страны полководца Халида, прозваннаго «мечемъ Божіимъ». Халидъ безжалостно опустошилъ Карталинію съ Кахетіей, Имеретію, Мингрелію и Абхазію. Арабы врывались въ церкви и монастыри, истребляли молившійся народъ и монаховъ, разрушали села и города, подвергали поруганію и разоренію все, что носило слѣды христіанскаго происхожденія и назначенія. Плачъ и рыданія огласили страну. Около 686 г. нашествіе повторилось, подъ предводительствомъ Мурвана Кру. Доблестные князья аргветскіе Давидъ и Константинъ, а позже и царь Арчилъ II пали мучениками на полѣ брани. Почти цѣлое столѣтіе Г. была театромъ всевозможныхъ жестокостей со стороны фанатичныхъ мусульманъ, а въ Тифлисѣ основалась даже резиденція арабскихъ намѣстниковъ-эмировъ. Въ концѣ VIII вѣка въ западной Г. возвысился знаменитый родъ Багратидовъ, который, завладѣвъ грузинскимъ престоломъ, на тысячу лѣтъ соединилъ свою судьбу съ судьбой многострадальнаго царства. Багратиды нѣсколько ограничили опустошительные набѣги арабовъ, такъ что въ IX вѣкѣ мусульманское иго было не такъ тяжело, какъ раньше. Въ началѣ X вѣка халифатъ Аббассидовъ сталъ приходить въ упадокъ, вслѣдствіе внутреннихъ неурядицъ, а Византія постепенно крѣпла. Тогда и Г. пріободрилась; при содѣйствіи Византіи, здѣсь началось національное и государственное обновленіе, и разрозненныя половины (западная и восточная) страны были объединены въ одно могущественное государство. Но въ XI вѣкѣ Г. дважды подвергалась нашествію турокъ-сельджуковъ, которые напомнили грузинамъ всѣ ужасы арабскихъ нападеній; въ 1088 г. сельджуки взяли г. Тифлисъ. Періодъ въ исторіи Г. отъ воцаренія Давида III Возобновителя (1089—1125 г.) и до смерти царицы Тамары (1184—1212 г.) былъ самымъ блестящимъ временемъ въ жизни страны. Царь Давидъ III расширилъ предѣлы Г. отъ Чернаго до Каспійскаго морей и удалилъ изъ нея сельджуковъ, воспользовавшись ихъ раздорами, обуздалъ и сдѣлалъ своими данниками кавказскихъ горцевъ, увеличилъ армію, отнялъ у мусульманъ грузинскую столицу Тифлисъ, возобновилъ многіе монастыри и храмы, дворцы и общественныя зданія, покровительствовалъ ученымъ и просвѣщенію, заботился объ упорядоченіи церковныхъ дѣлъ и вообще возвелъ царство на небывалую высоту. «Долго безмолствовавшія горы и долины Г. вновь огласились торжественнымъ звономъ церковныхъ колоколовъ и повсюду, вмѣсто рыданій, раздавались веселыя пѣсни поселянъ». Преемники Давида, Димитрій (1125—1150 гг.) и Георгій III (1150—1174), продолжали его политику и успѣшно боролись съ мусульманами. Вѣкъ знаменитой Тамары, въ лицѣ которой блестяще сочетались царственныя доблести съ истинно-христіанскими, было зенитомъ славы Г. и благоденствія мѣстной церкви. Царица весьма успѣшно воевала съ персами, сарацинами, турками и византійцами, еще болѣе расширила предѣлы своего царства и пріобрѣла несмѣтныя богатства, которыя употребляла на постройку крѣпостей, а главнымъ образомъ—церквей, монастырей и школъ. Водворившійся миръ отразился на развитіи наукъ и искусства и на блестящемъ расцвѣтѣ грузинской литературы, создавшейся подъ воздѣйствіемъ культуръ арабской,

персидской и византійской. При дворѣ «богоравной» царицы собирается цѣлая плеяда славныхъ писателей, возведшихъ грузинскій языкъ до полнаго совершенства въ своихъ поэмахъ и романахъ. Вообще, царствованіе Тамары было золотымъ вѣкомъ въ исторіи Г., къ сожалѣнію, больше не повторившимся. Вскорѣ начались ужасныя бѣдствія, долго не прекращавшіяся. Въ царствованіе Русудани (1223 — 1247 г.), дочери Тамары, наслѣдовавшей красоту своей знаменитой матери, но не добродѣтели ея, Г. была разгромлена хоросанскимъ султаномъ Джелалъ-Эддиномъ Макберни, который прошелъ южныя провинціи Г., вырѣзалъ ея населеніе, опустошилъ страну, взялъ Тифлисъ и, мстя царицѣ за отказъ выдти за него замужъ, подвергъ городъ ужасному разоренію. Не успѣла Г. оправиться отъ этого разгрома, какъ подверглась новому—со стороны Чингисхана, который совершенно подчинилъ страну монголамъ. Вмѣстѣ съ своими завоевателями грузины въ XIII и XIV вѣкахъ вынуждены были неоднократно совершать походы въ Сирію, Палестину и Месопотамію, гдѣ монголы оспаривали власть у египетскихъ мамелюковъ. Эти походы еще болѣе обезсиливали страну. Иго монголовъ было свержено царемъ Георгіемъ V Блистательнымъ, которому удалось объединить разрозненныя части государства и распространить предѣлы его отъ Никопсіи до Дербента,—но не надолго. Въ концѣ XIV вѣка на горизонтѣ Азіи показался Тамерланъ. До семи разъ вторгался онъ въ несчастную Г., опустошалъ, разорялъ и грабилъ все, что встрѣчалось на пути и уцѣлѣло отъ прежнихъ варварскихъ погромовъ. Положеніе Г. въ этотъ періодъ было тѣмъ болѣе тяжело, что единовѣрныя Россія и Византія также изнемогали — первая подъ игомъ монголовъ, а вторая—отъ опустошительныхъ завоеваній турокъ—Османовъ. Нѣсколько облегчилъ положеніе Г. своей разумной политикой царь Александръ I (1414—1442 г.), но въ концѣ жизни и онъ, вопреки традиціямъ своей династіи, стремившейся объединить царство, раздѣлилъ его между тремя сыновьями. На пространствѣ единой Г. образовались три царства—Карталинское, Кахетинское и Имеритинское и пять княжествъ—Гурія, Мингрелія, Абхазія, Сванетія и Самцхе. Начались внутреннія распри и смуты, которыя еще болѣе истощили страну. Но вотъ пала (1453 г.) Византія, въ теченіе вѣковъ бывшая надежнымъ оплотомъ для Европы противъ мусульманъ. Г. и въ географическомъ, и въ политическомъ отношеніи осталась одинокой, среди сильныхъ и могущественныхъ мусульманскихъ народовъ—персовъ, турокъ и монголъ. Взоры грузинскаго народа, естественно, обратились на сѣверъ, къ единовѣрному народу русскому. Съ конца XV в. и начались сношенія Г. съ Россіей, не прекращавшіяся вплоть до присоединенія первой ко второй. Эти сношенія были крайне непріятны Персіи и Турціи, которыя въ теченіе XVI—XVIII вѣковъ употребляли всѣ мѣры къ тому, чтобы подчинить Г своему политическому вліянію и изъять ее изъ сферы русской политики. Съ этою цѣлью совершались крайне опустошительныя нашествія на Г. со стороны персовъ (особенно шаховъ Аббаса I и Надира) и турокъ, побѣжденное населеніе принуждалось измѣнять вѣрѣ отцовъ и принимать мусульманство, а въ противномъ случаѣ истреблялось или же подвергалось ужасному рабству. Съ народа взимались: хараджъ—поголовная подать и ясирь—подать дѣтьми обоего пола, военная повинность, сборы за имущество и землю и т. д. Вообще, юридическое положеніе покореннаго народа было ужасно, но къ чести его должно сказать, что онъ крѣпко отстаивалъ св. православную вѣру и лишь въ исключительныхъ случаяхъ измѣнялъ ей. Иногда грузинскіе цари находили себѣ поддержку со стороны русскаго правительства. Такъ, имеретинскій царь Арчилъ, изгнанный шахомъ Аббасомъ I изъ своей страны за привязанность къ православной вѣрѣ, нашелъ мирное убѣжище себѣ и своему семейству въ Россіи, а царь Вахтангъ VI Законодатель (1719—1724 г.), тѣснимый персами и турками, отпра-

вился въ Петербургъ для заключенія наступательнаго союза съ Петромъ Великимъ противъ своихъ враговъ; къ несчастью для Г., смерть Петра В. помѣшала осуществленію этого договора. Послѣдній эпизодъ двѣнадцативѣковой борьбы Г. съ исламомъ разыгрался въ концѣ XVIII вѣка, въ царствованіе Ираклія II (1781—1798 г.). Этотъ царь былъ глубокорелигіозный витязь, неустрашимый герой, проведшій всю свою жизнь въ войнахъ съ персами и турками, ревностный строитель и украситель храмовъ и монастырей. Отличаясь рыцарской отвагой, Ираклій съумѣлъ сохранить подъ своимъ скипетромъ царства карталинское и кахетинское, даже сдѣлавъ нѣкоторыхъ персидскихъ хановъ своими данниками, удачно боролся съ турками и кавказскими горцами, которыхъ возстановляли противъ него персы и турки, увеличилъ свою армію, заключилъ союзный трактатъ съ владѣтелями Имеретіи, Мингреліи и Гуріи съ цѣлью защиты родины и отечественной церкви отъ магометанъ. Но хорошо сознавая, что одними своими силами трудно отразить враговъ, которые охватили Г. какъ бы желѣзнымъ кольцомъ, Ираклій въ 1783 году заключилъ съ Россіей договоръ, въ силу котораго грузинское царство переходило подъ покровительство Россіи, а грузинская церковь была подчинена св. синоду; Россія, въ свою очередь, обязывалась защищать неприкосновенность не только всѣхъ земель грузинскаго царства, но и тѣхъ провинцій, которыя могли быть покорены Иракліемъ. Этого договора не могли простить Ираклію враги Г. Въ 1795 году персидскій шахъ Ага-Магометъ,—желая наказать Г. за симпатію къ Россіи, собралъ 70,000 войска и двинулся противъ Ираклія. Послѣдній едва могъ противопоставить жестокому варвару семитысячную армію, которая, конечно, не могла бороться съ полчищами персовъ. Близъ Тифлиса произошло отчаянное сраженіе, грузины отступили, Тифлисъ взятъ персами и подвергнутъ жесточайшему разоренію, а населеніе испытало такія бѣдствія и ужасы, на которыя способно лишь самое дикое и необузданное варварство. Вскорѣ скончался и престарѣлый Ираклій, а престолъ грузинскій перешелъ къ сыну его Георгію XIII (1798—1800 г.), послѣднему грузинскому царю. При немъ, помимо внѣшнихъ бѣдствій, Г. страдала отъ внутреннихъ раздоровъ и междоусобныхъ распрей. Повидимому, странѣ угрожала полная гибель. Но Господь спасъ ее: въ 1801 году Г. была присоединена къ Россіи, по желанію самихъ грузинъ. «Громовержецъ съ высоты небеснаго седмизвѣздія Сѣвера (императоръ Александръ I) внялъ мольбамъ православной Иверіи, присоединилъ сиротствующую къ царскому гнѣзду своему и возвратилъ ей похищенное ястребами ислама и изувѣрства. Могучій орелъ Россіи осѣнилъ Г. крылами своими». Съ того времени въ исторіи Г. наступила иная пора.

Такимъ образомъ прошлая судьба Г., съ ея внѣшней стороны, въ высшей степени печальна и безотрадна. Въ теченіе двѣнадцати вѣковъ Г. вела непрерывную, жестокую борьбу съ исламомъ, который напрягалъ всѣ силы къ тому, чтобы свалить и подавить ея храброе населеніе. Но нѣтъ! Рѣдко какой-либо другой народъ проявлялъ столько изумительной живучести, несокрушимой твердости и необычайной способности великодушно и смиренно переносить бѣдствія, сколько выпало это на долю грузинъ. Немногія историческія народности отличались и такою любовью къ святой православной церкви и преданностью родинѣ и національности, о коихъ свидѣтельствуетъ исторія Г. Страна неоднократно падала въ неравной борьбѣ, но каждый разъ, вслѣдъ за паденіемъ, наступало возрожденіе, и Г. съ новой энергіей ополчалась на враговъ родины и креста Христова. Эта святая, непоколебимая преданность грузинъ православію и составляетъ характерную особенность ихъ исторической жизни. Православный крестъ, говоритъ одинъ писатель, невольно становился опорой отечества грузина, символомъ его народности, защита христіанства — задачей всей его исторіи. Грузинскій народъ это истинный народъ-крестоносецъ. Какъ у ры-

царя-крестоносца, вся жизнь этого народа дѣлилась между молитвами и кровавымъ боемъ съ исламомъ. Болѣе тысячелѣтія онъ не выпускалъ изъ своихъ рукъ меча, и если христіанскій крестъ не былъ вышитъ на плечѣ его мантіи, то онъ былъ за то неизгладимо врѣзанъ въ самое сердце народа! Грузины съ рѣдкимъ самоотверженіемъ переносили страданія, дабы сохранить православіе неповрежденнымъ и въ цѣлости передать его потомству. И они вполнѣ достигли этого. Далѣе при всѣхъ бѣдствіяхъ внѣшняго положенія, грузинскій народъ создалъ выдающуюся литературу. Начало просвѣщенія въ Г. современно принятію христіанства въ IV в., которое поставило страну подъ разностороннее и благотворное воздѣйствіе Византіи. На грузинской литературѣ это воздѣйствіе отразилось въ томъ, что она по данное время сохранила религіозное направленіе и въ своемъ содержаніи и языкѣ носила элементъ литературы византійской. Посредствующимъ звеномъ между литературой греческой и грузинской служили иверскіе монастыри и школы при нихъ въ предѣлахъ Византіи, а именно: лавра св. Саввы въ Палестинѣ, Крестный монастырь въ Іерусалимѣ, Синайскій монастырь, обители на Аѳонѣ, на горахъ Черной и Дивной близъ Антіохіи. Здѣсь въ громадномъ количествѣ изготовлялись монахами рукописные кодексы различнаго содержанія, преимущественно книги священнаго Писанія, богослужебныя и творенія св. отцовъ, и распространялись по всей Иверіи. Въ исторіи грузинской литературы можно различать слѣдующіе періоды: подготовительный съ V по X вѣкъ, обнимающій произведенія преимущественно духовнаго содержанія, классическій —съ X по XII вѣкъ, когда появились и памятники историческіе, собственно литературные и юридическіе, періодъ упадка—XIII—XVI вѣка и періодъ вторичнаго возрожденія, въ XVII—XIX вѣкахъ, когда грузинская литература, подъ воздѣйствіемъ западноевропейской, стала освобождаться отъ вліянія литературы восточной и преимущественно персидской и получать національный колоритъ. Подробности исторіи грузинской литературы представляютъ большой научный интересъ.

Наконецъ, Г. сохранила весьма цѣнный историко-археологическій матеріалъ — въ видѣ древнихъ храмовъ, иконъ, произведеній настѣнной церковной живописи, металлическихъ издѣлій, эмалей, надписей, рукописей, актовъ и т. п. Произведенія грузинскаго искусства свидѣтельствуютъ о живыхъ сношеніяхъ страны съ Византіей и о высокомъ подъемѣ національнаго художественнаго таланта и представляютъ глубокій интересъ. Къ сожалѣнію, и исторія Г., какъ политическая, такъ и особенно церковная, и литература, и искусство еще недостаточно обслѣдованы въ наукѣ. Надлежащимъ образомъ не освѣщены научнымъ свѣтомъ и историческія сношенія Г. съ Византіей, въ связи съ судьбами коей собственно и должна разсматриваться исторія Иверіи, какъ это вызывается существомъ дѣла и требованіями правильнаго научнаго метода.

Литература: 1) *Brosse*, Histoire de la Géorgie Спб. 1849. 2) *Епископъ Киріонъ*, Двѣнадцативѣковая религіозная борьба православной Грузіи съ исламомъ. Тифлисъ. 1899. 3) *Его же*, Заслуги грузинскаго монашества и монастырей для отечественной церкви и общества. 4) *М. Сабининъ*, Исторія грузинской церкви до конца VI вѣка, Спб. 1877. 5) *Его же*, Полное жизнеописаніе святыхъ грузинской церкви. Часть I. Спб. 1871. 6) *Ѳоминъ-Цагерели*, Грузинская церковь — свидѣтельница православія русской церкви. Спб. 1848 г. 7) *Пурцеладзе*, Грузинскіе церковные гуджари (грамоты). Тифлисъ. 1881. 8) Сборникъ законовъ грузинскаго царя Вахтанга VI, изданіе *Френкеля*, подъ редакціей *Вакрадзе*. Тифлисъ. 1887. 9) *А. Хахановъ*, Очерки по исторіи грузинской словесности. Выпускъ 1—3. Москва. 1895—1902. 10) *А. Цагарели*, Памятники грузинской старины въ Св. Землѣ и на Синаѣ. Спб. 1888. 11) *Его же*, Свѣдѣнія о памятникахъ грузинской письменности. Выпуски 1—2. Спб. 1886—1889. 12) *Кондаковъ*, Древняя архитектура Грузіи. Москва. 1876. 13) *Епископъ Киріонъ*, Житія различныхъ грузинскихъ святыхъ (Антонія Столпника, Або, Давида III Возобновителя и др.). Тифлисъ. 1899. 14) *Жорданія*, Къ матеріаламъ по исторіи Грузіи XI—XII вѣковъ. Москва. 1895. 15) *Джаваховъ*, Проповѣдническая дѣятельность апостола Андрея и Св. Нины въ Грузіи (Журн.

Мин. Нар. Просв., 1901, январь). 16) *Протопоповъ*, Главнѣйшіе дѣятели грузинской церковной исторіи (Душеполезное Чтеніе 1900 и 1901 г.). 17) Другія свѣдѣнія о литературѣ по исторіи Грузіи можно найти въ журналѣ «Византійскій Временникъ».

И. Соколовъ.

ГРУНДВИГЪ *Николай Фред. Северинъ*, извѣстный датскій богословъ, род. на островѣ Зеландіи, въ 1783 г.; умеръ въ Копенгагенѣ, 1872; изучалъ богословіе въ копенг. университетѣ, и былъ учителемъ въ частномъ семействѣ на островѣ Лангеландѣ 1805—1808, учителемъ исторіи въ школѣ въ Копенгагенѣ 1808—10, помощникомъ своего отца въ Вудби 1810—13, и опять учителемъ въ Копенгагенѣ 1813 — 21. Въ теченіе этихъ лѣтъ своей юности и первыхъ лѣтъ возмужалости, онъ жилъ со строгостью монаха. Въ теченіе двадцати лѣтъ онъ никогда не спалъ въ постели, да и спалъ только по два часа въ ночь. И, однако, онъ не былъ отшельникомъ: напротивъ, однимъ изъ глубочайшихъ стремленій его природы было именно желаніе оказывать практическое вліяніе на дѣйствительную жизнь. Въ немъ уже рано развились способности поэта и историка. Съ 1809 до 1821 г. онъ издалъ рядъ поэтическихъ и историческихъ произведеній, изъ которыхъ большая часть относится къ героическому вѣку скандинавской исторіи, при чемъ всѣ они проникнуты чрезвычайно живымъ духомъ. Между тѣмъ другая сторона его природы, — его религіозный геній также не оставался безъ проявленія. Его случайныя проповѣди обращали на себя большое вниманіе, и его сочиненіе: «Взглядъ на міровую лѣтопись» (1812, въ 1 томѣ; 1817 въ 3-хъ) заключало въ себѣ сильное обличеніе того легкомыслія, съ которымъ въ то время христіанство было исключаемо изъ жизни. Въ 1821 г. Г. былъ назначенъ пасторомъ въ Престо (небольшой городъ въ Зеландіи), и въ слѣдующемъ году призванъ былъ на мѣсто капеллана въ церкви Спасителя въ Копенгагенѣ. Тамъ онъ скоро собралъ около своей каѳедры кружокъ друзей и учениковъ, и изо-дня въ день его положеніе въ датской церкви становилось болѣе и болѣе замѣтнымъ. Въ 1825 г. профессоръ университета Клаузенъ, благородный и ученый представитель господствовавшаго въ то время раціонализма, издалъ свое сочиненіе: «Католицизмъ и протестантизмъ», и Г. выступилъ противъ него съ сильнымъ протестомъ, составляющимъ своего рода порывъ пламеннаго, чисто вулканическаго негодованія. Не Священныя Писанія, писалъ онъ, и еще менѣе богословскія толкованія ихъ, составляютъ основу христіанства, а сама церковь, какъ она основана Христомъ и Его апостолами и какъ она существовала съ того времени въ лицѣ своихъ мучениковъ, исповѣдниковъ и свидѣтелей. Свое ученіе о крещеніи, какъ истинномъ основаніи церкви, объ апостольскомъ символѣ, какъ истинномъ условіи спасенія, о «живомъ словѣ», какъ истинномъ орудіи Духа Святаго, онъ рѣзко выдвигалъ противъ того, что могъ сказать раціонализмъ объ аксіомахъ разума, философскомъ критицизмѣ и грамматико-исторической экзегетикѣ. Возникъ горячій споръ, который повелъ даже къ гражданскому процессу, и Г. былъ присужденъ заплатить штрафъ, съ запрещеніемъ ничего не издавать болѣе безъ позволенія королевскаго цензора. Наконецъ, онъ былъ отрѣшенъ отъ должности; но съ этого времени въ датской церкви образовалась партія такъ пазываемыхъ *грундвигіанъ* съ ученіемъ, получившимъ названіе *грундвигіанства*. Съ 1826—1839 Г. жилъ въ литературномъ отшельничествѣ въ Копенгагенѣ. Онъ посѣтилъ Англію, и своими рѣчами и сочиненіями пробудилъ живой интересъ къ изученію англо-саксонскихъ древностей; издавалъ ежемѣсячный богословскій журналъ, въ которомъ его идеи находили себѣ надлежащее разъясненіе и приложеніе; издалъ свое главное богословское сочиненіе: «Истинное христіанство», составляющее украшеніе новѣйшей апологетики, а также «Воскресную книгу», — собраніе проповѣдей, получившихъ въ Скандинавіи болѣе широкое распространеніе, чѣмъ какая бы то ни было другая книга; «Книгу

гимновъ» — собраніе гимновъ, отчасти подлинныхъ, отчасти переводныхъ, которые придали пѣнію въ датскихъ церквахъ новый и весьма своеобразный характеръ. Между тѣмъ, его вліяніе распространилось далеко за предѣлы столицы, по всему королевству, и даже въ сосѣднія страны, особенно въ Норвегію, гдѣ послужило поводомъ къ духовному возрожденію, въ которомъ религія и патріотизмъ, христіанство и національность нашли себѣ счастливое сочетаніе. Въ 1839 г. онъ назначенъ былъ пасторомъ въ одной изъ церквей въ Копенгагенѣ и тамъ оставался до своей смерти, будучи главой сильной и хорошо организованной партіи, которая, особенно въ 1848 г., дала себя чувствовать въ церкви, въ школѣ, въ политикѣ, повсюду внося жизнь, прогрессъ и преуспѣяніе (См. подъ сл. *Данія*). Въ 1853 г. онъ сдѣланъ былъ епископомъ. Онъ трижды былъ женатъ, и, уже имѣя болѣе семидесяти лѣтъ отъ роду, крестилъ своего младшаго сына.

См. о немъ *Pry*, N. F. S. Grundtvig, Copenhagen, 1871; *Kaftan*, Grundtvig, der Prophet des Nordens, Basel, 1876.

ГРѢХЪ. Опредѣленіе грѣха дано у св. ап. Іоанна Богослова: *грѣхъ есть беззаконіе* (1 Іоан. **3**, 4), т. е., нарушеніе закона или воли Божіей, непослушаніе. Ап. Павелъ подтверждаетъ это опредѣленіе, говоря: *гдѣ нѣтъ закона, нѣтъ и преступленія* (Рим. **4**, 15). Это непослушаніе или нарушеніе воли Божіей можетъ выразиться въ двухъ формахъ, въ формѣ совершенія того, что запрещено закономъ, и въ формѣ неисполненія того, что приказано въ законѣ; въ томъ и другомъ случаѣ человѣкъ совершаетъ беззаконіе, оказываетъ непослушаніе закону Божію, свою волю ставитъ на мѣсто воли Божіей и такимъ образомъ становится противникомъ Бога. Грѣшитъ какъ тотъ, кто обижаетъ ближнихъ, такъ и тотъ, кто не помогаетъ имъ, имѣя возможность къ тому, ибо сказано не только *уклонися отъ зла*, но и прибавлено—*сотвори благо*. Въ притчѣ Господа о талантахъ не видно, чтобы закопавшій свой талантъ дѣлалъ какое-нибудь зло, однако онъ осужденъ за то, что не дѣлалъ того добра, какое могъ сдѣлать. Такимъ образомъ корень всякаго грѣха заключается въ своеволіи, въ непослушаніи. Такъ какъ всякое сознательное дѣйствіе вытекаетъ изъ соотвѣтствующей мысли или намѣренія, то и всякій грѣхъ, какъ нарушеніе воли Божіей, зарождается въ сердцѣ человѣка, или въ его умѣ. А такъ какъ грѣховная мысль не всегда переходитъ въ грѣховное дѣяніе, то отцы церкви, согласно ученію Свящ. Писанія, различаютъ три вида грѣховъ: грѣхи мысленные, грѣхи словесные и грѣховныя дѣла. При этомъ, сообразно обязанностямъ человѣка къ Богу, ближнимъ и самому себѣ, принято различать грѣхи противъ Бога (невѣріе, отчаяніе, ересь и др.), грѣхи противъ ближнихъ (воровство, клевета, убійство и др.) и противъ себя самого (чревоугодіе, блудъ и др.). Изъ самаго понятія о грѣхѣ, какъ беззаконіи или нарушеніи воли Божіей, можно понять преступность всякаго грѣха и гибельное вліяніе грѣха на всю духовную жизнь человѣка. Всецѣло завися отъ своего Творца, какъ источника всякой жизни и подателя всякихъ благъ, человѣкъ оказывается и неблагодарнымъ и неблагоразумнымъ, когда вмѣсто воли Божіей исполняетъ свою волю и т. о. совершаетъ беззаконіе или грѣхъ. А такъ какъ истинная жизнь и истиное благополучіе человѣка заключаются именно въ осуществленіи воли Божіей, указывающей цѣль и смыслъ человѣч. жизни въ достиженіи святости и совершенства чрезъ духовно-молитвенное общеніе съ Богомъ и подвигъ жизни, то, совершая грѣхъ и ставя т. о. свой произволъ, влеченія своей ограниченной и чувственной природы на мѣсто воли Божіей, человѣкъ измѣняетъ все направленіе своей жизни въ превратную сторону, удаляется отъ Бога, вмѣсто указаннаго Богомъ истиннаго пути жизни избираетъ свой ложный путь, по которому и приходитъ къ разстройству своихъ духовныхъ силъ и къ гибели. Даже одинъ грѣхъ неизбѣжно производитъ разстройство во всемъ направленіи духовной жизни человѣка, потому что

кладетъ пятно на совѣсть человѣка, нарушаетъ естественное общеніе между Богомъ и человѣкомъ, даетъ начало новому богоборствующему направленію жизни человѣка; когда же грѣхи повторяются и учащаются, они постепенно производятъ все большее и большее разстройство въ духовной жизни человѣка, переходятъ въ пороки и страсти и могутъ привести человѣка или къ совершенно скотоподобной, животной жизни, или къ невѣрію и хулѣ на Бога или къ отчаянію, къ грѣхамъ смертн., когда человѣкъ уже теряетъ способность бороться съ грѣхомъ и жить свято, становится полнымъ рабомъ грѣха. До тѣхъ же поръ, пока онъ не впадетъ въ эти смертные грѣхи, онъ всегда имѣетъ возможность или свободу воздержаться отъ грѣховъ, какъ бы ни было сильно природное и собственными грѣхами пріобрѣтенное влеченіе его къ грѣху Въ Свящ. Пис., особенно у ап. Павла, сильными чертами изображается власть грѣха надъ человѣкомъ. *Не то дѣлаю*, говоритъ апостолъ, *что хочу*, *а что ненавижу*, *то дѣлаю. Не я дѣлаю то*, *но живущій во мнѣ грѣхъ. Желаніе добра есть во мнѣ*, *а чтобы сдѣлать оное*, *того не нахожу* (Рим. **7**, 15, 17, 18). Въ этихъ словахъ изображается сила грѣха надъ человѣкомъ и тяжесть борьбы человѣка съ грѣхомъ, но что въ нихъ не содержится ученія о безсиліи человѣка дѣлать добро, о потерѣ имъ свободы воли, въ этомъ удостовѣряютъ ясныя сужденія какъ самого ап. Павла, такъ и другихъ свящ. писателей. Таковы увѣщанія къ святости. «Да не царствуетъ грѣхъ въ смертномъ вашемъ тѣлѣ, чтобы вамъ повиноваться ему въ похотяхъ его, и не предавайте членовъ вашихъ грѣху въ орудія неправды, но представьте себя Богу, какъ ожившихъ изъ мертвыхъ, и члены ваши Богу въ орудія праведности» (Рим. **6**, 12—13).—«Если вы воскресли съ Христомъ, то ищите горняго, гдѣ Христосъ сидитъ одесную Бога; о горнемъ помышляйте, а не о земномъ» (Колос. **3**, 1—2). — «Бодрствуйте, стойте въ вѣрѣ, будьте мужественны, тверды» (1 Кор. **16**, 13). — «Радуйтесь, усовершайтесь, утѣшайтесь, будьте единомысленны, мирны, и Богъ любви и мира будетъ съ вами» (2 Кор. **13**, 11; ср. Еф. **4**—V; 1, Сол. **5** 14—22; 1 Кор. **10**, 12 и мн. др.). Правда, всѣ эти увѣщанія обращены къ христіанамъ, свободная воля которыхъ вспомоществуется благодатію. Но отсюда несправедливо было бы заключать, что для естественнаго человѣка всѣ эти увѣщанія не имѣютъ никакого смысла, что у него нѣтъ силъ, нѣтъ свободы дѣлать добро. Когда апостолъ говоритъ іудею: «ты, который, проповѣдуя не красть, крадешь», и христіанину: «кто кралъ, впредь не кради» (Рим. **2**, 21, Еф. **4**, 28), его понятія о воровствѣ и о возможности воздержаться отъ него какъ іудею, такъ и христіанину, тожественны. Правда, христіанина апостолъ судитъ строже, потому что взвѣшиваетъ обстоятельства и измѣряетъ степень виновности, но и язычникъ, совершающій грѣхъ, «безотвѣтенъ» (ἀναπολόγητος. Рим. **1**, 20; **2**, 1); ясно, что онъ могъ не совершать этого грѣха Впрочемъ, апостолъ совершенно опредѣленно учитъ, что язычникъ можетъ дѣлать добро, какъ и іудей: «когда язычники, не имѣющіе закона, по природѣ законное дѣлаютъ, то, не имѣя закона, они сами себѣ законъ; а если ты преступникъ закона, то обрѣзаніе твое стало не обрѣзаніемъ; итакъ, если необрѣзанный соблюдаетъ постановленія закона, то его необрѣзаніе не вмѣнится ли ему въ обрѣзаніе? и необрѣзанный по природѣ, исполняющій законъ, не осудитъ ли тебя, преступника закона при писаніи и обрѣзаніи?» (Рим. **2**, 14, 25—27). Такъ не только у христіанина, но и у іудея и язычника апостолъ признаетъ возможность избѣжать грѣхъ и исполнить волю Божію. Эта свобода можетъ быть стѣснена и ограничена, но въ существенныхъ чертахъ она всегда дѣйственна и обусловливаетъ отвѣтственность человѣка за грѣхи. Съ этой только точки зрѣнія объяснимы строгія слова Апостола противъ іудеевъ и язычниковъ: «неизвинителенъ ты, всякій человѣкъ, судящій другого, ибо тѣмъ же судомъ,

какимъ судишь другого, себя осуждаешь, потому что, судя другого, дѣлаешь то же; а мы знаемъ, что поистинѣ есть судъ Божій на дѣлающихъ такія дѣла. Неужели думаешь ты, человѣкъ, что избѣжишь суда Божія, осуждая дѣлающихъ такія дѣла и самъ дѣлая тоже? Или пренебрегаешь богатствомъ благости, кротости и долготерпѣнія Божія, не разумѣя, что благость Божія ведетъ тебя къ покаянію? Но по упорству твоему и нераскаянному сердцу ты самъ себѣ собираешь гнѣвъ на день гнѣва и откровенія праведнаго суда отъ Бога, Который воздастъ каждому по дѣламъ его» (Рим. **2**, 1—6). Гнѣвъ Божій не имѣлъ бы для себя основаній, если бы человѣкъ не былъ свободенъ воздержаться отъ зла; съ другой стороны,—онъ ясно указываетъ на виновность грѣха. Итакъ, человѣкъ имѣетъ свободу воли, имѣетъ возможность дѣлать добро и зло, хотя зло дѣлаетъ легко и охотно, а добро съ усиліемъ. Эта склонность воли къ злу и малосиліе къ добру вытекаютъ изъ наслѣдственнаго разстройства человѣческой природы въ Адамѣ. Здѣсь мы соприкасаемся съ догматическимъ понятіемъ о грѣхѣ, съ ученіемъ церкви о первородномъ грѣхѣ.

ГРѢХЪ ПЕРВОРОДНЫЙ. Самое выраженіе «первородный грѣхъ» представляетъ переводъ неудачнаго лат. выраженія «peccatum originale», что значитъ—грѣхъ, получаемый при происхожденіи, грѣхъ происхожденія, первородный грѣхъ. У восточ. греч. отцовъ церкви мы не найдемъ соотвѣтствующаго выраженія, такъ какъ выраженіе «peccatum originale» введено въ западной церкви въ V вѣкѣ блаж. Августиномъ Иппонскимъ въ борьбѣ съ пелагіанствомъ, отрицавшимъ церковное ученіе о поврежденіи человѣческой природы въ Адамѣ. Августинъ примѣнилъ это выраж. къ тому грѣху (ἁμαρτία), который, по ученію ап. Павла, вошелъ въ міръ чрезъ одного человѣка, Адама (Рим. **5**, 12), и сталъ учить, что отъ Адама перешелъ на всѣхъ людей чрезъ передачу (per traducem) его собственный, первый грѣхъ, какъ грѣхъ первородный. Въ этомъ была крупная ошибка Августина, надолго внесшая путаницу въ христіанское богословіе по вопросу о первородн. грѣхѣ. Эта ошибка произошла вслѣдствіе того, что Августинъ, по слабости своихъ познаній въ греческомъ языкѣ, слово ἁμαρτία понялъ и перевелъ въ смыслѣ грѣха (peccatum), какъ единичнаго акта, между тѣмъ какъ то, что называется въ собственномъ смыслѣ грѣхомъ, т. е., беззаконіе или нарушеніе воли Божіей, ап. обозначаетъ словами—преступленіе (παράβασις, παράπτωμα. Рим. **5**, 14) или непослушаніе (παρακοή. Рим. **5**, 19). Слово же ἁμαρτία, какъ это ясно видно изъ контекста, ап. Павелъ употребляетъ для обозначенія грѣховнаго разстройства человѣческой природы, того разстройства, которое апостолъ именуетъ «инымъ закономъ, сущимъ въ членахъ нашихъ, закономъ грѣховнымъ», влекущимъ человѣка къ грѣху (Рим. **7**, 11, 20). Указывая въ человѣкѣ ἁμαρτία, ап. разумѣетъ не дѣйствительные проступки, а расположеніе къ грѣху, онъ отличаетъ это послѣднее отъ первыхъ, какъ ихъ причину (ст. 20, 18). Эта наклонность къ грѣху не есть нѣчто случайное въ насъ и преходящее, но постоянное, живущее въ насъ, ἁμαρτία οἰκοῦσα, живущее во плоти, въ членахъ, остающееся до смерти (ст. 18, 23, 24). Это глубокое разстройство вошло въ человѣч. природу чрезъ грѣхъ перваго человѣка, какъ это ясно видно изъ словъ апостола: «единѣмъ человѣкомъ грѣхъ въ міръ вниде, и грѣхомъ смерть, и тако смерть во вся человѣки вниде, въ немъ же вси согрѣшиша» (Рим. **5**, 12). Одинъ изъ лучшихъ православныхъ богослововъ, архіеп. Филаретъ Черниговскій, въ своемъ перифразѣ передаетъ эти слова такъ: по дѣйствію одного человѣка грѣховность вошла въ міръ и грѣховностію смерть, и такимъ-то образомъ смерть перешла на всѣхъ человѣковъ, потому что всѣ стали расположены къ грѣху (Догм. Бог. ч. I, стр. 356—358). Это ἁμαρτία, это разстройство человѣч. природы во всѣхъ ея душевныхъ и тѣлесныхъ свойствахъ, разстройство ума, воли, чувства и самой тѣлесной жизни, то,

что у древнихъ восточныхъ отцовъ церкви именовалось словомъ φθορά, что значитъ тлѣніе, церковь и называетъ первороднымъ грѣхомъ. При этомъ ясно, что грѣхъ Адамовъ не отождествляется церковію съ первороднымъ грѣхомъ, а считается лишь причиною послѣдняго. Высказанное же блаж. Августиномъ мнѣніе о переходѣ перваго грѣха Адамова на всѣхъ людей церковь рѣшительно отвергаетъ (см. Догм. Бог. архіеп. Антонія, Филарета, еп. Сильвестра, м. Макарія). На вопросъ, вмѣняется ли человѣку въ вину это разстройство его природы, съ которымъ онъ является на свѣтъ, мы должны отвѣтить безусловно отрицательно на основаніи всего, что сказано о грѣхѣ. Понятіе вмѣненія въ Писаніи постоянно самымъ рѣшительнымъ образомъ связывается съ свободнымъ нравственнымъ дѣяніемъ; гдѣ нѣтъ свободы и сознанія, тамъ не можетъ быть вины. Если же Писаніе именуетъ всѣхъ людей чадами гнѣва Божія по природѣ (Еф. **2**, 3), то этимъ указывается только на природную предрасположенность людей къ грѣху, обыкновенно приводящую къ грѣху, когда человѣкъ вступаетъ въ сознательный возрастъ. Такимъ образомъ эта предрасположенность является первопричиной всѣхъ грѣховъ, но не вызываетъ послѣднихъ принудительно необходимо. Всякій грѣхъ рождается изъ самоволія и себялюбія на почвѣ природнаго расположенія къ грѣху. Церковь осуждаетъ какъ тѣхъ, кои выводятъ всѣ грѣхи изъ наслѣдственнаго, принудительнаго влеченія, такъ и тѣхъ, кои отвергаютъ опредѣляющее вліяніе природнаго разстройства на происхожденіе всѣхъ грѣховъ. Каждый грѣхъ совершается свободною волею, но не безъ вліянія поврежденной природы, вмѣненію грѣхъ подлежитъ постольку, поскольку человѣкъ былъ свободенъ въ совершеніи его. Отъ всѣхъ грѣховъ отличается грѣхъ противъ Духа Св. или хула на Духа Св. Спаситель говоритъ, что всякій грѣхъ можетъ быть прощенъ человѣку, но хула на Духа Св. не простится человѣку ни въ сей вѣкъ, ни въ будущій (Мѳ. **12**, 32). Подъ этимъ грѣхомъ православная церковь разумѣетъ сознательное и ожесточенное противленіе человѣка истинѣ. Такое противленіе не есть фактъ психически невозможный, оно вполнѣ возможно тогда, когда у человѣка возникло въ сердцѣ живое чувство вражды и ненависти къ Богу, которое дѣлаетъ психически невозможною всякую помощь человѣку свыше, отъ Бога. Поскольку человѣкъ есть существо свободное, постольку самъ Богъ не можетъ насильно спасти его, если онъ сознательно отказывается отъ всякаго общенія съ Богомъ. Этотъ грѣхъ ожесточеннаго противленія Богу дѣйствительно не можетъ быть прощенъ ни въ сей вѣкъ, ни въ будущій.

Источники и пособія. Догм. Богословіе архіеп. Антонія, архіеп. Филарета, еп. Сильвестра, м. Макарія. *Д. Введенскій*; Ветхозавѣтное ученіе о грѣхѣ. Москва 1901. *О грѣхѣ* и его послѣдствіяхъ. Бесѣды въ вел. постъ. Харьковъ. 1844. *В. Велтистовъ*, Грѣхъ, его происхожденіе, сущность и слѣдствія. Москва. 1885. Это сочиненіе имѣетъ цѣну, какъ указатель западной литературы по вопросу о грѣхѣ. *Комментаріи* св. отцовъ и современныхъ богослововъ на посланіе св. ап. къ Римлянамъ. *Jul. Muller*, Die christliche Lehre von der Sünde. *Paul. Menegoz*, La pèche et la redemption d'apres S. Paul. Paris. 1882. *Fr. Wörter*, Die christliche Lehre über das Verhältniss von Gnade und Freiheit. Freiburg. 1856. *А. Кремлевскій.*

ГРѢХОПАДЕНІЕ ПРАРОДИТЕЛЕЙ. Печальный фактъ грѣхопаденія первыхъ людей, о которомъ древнѣйшая лѣтопись человѣчества повѣствуетъ намъ, на одной изъ начальн. своихъ страницъ (Быт. **3** гл.), красной нитью проходитъ черезъ всю исторію не только ветхоз., но и новоз. религіи, являясь тѣмъ основнымъ узломъ, около котораго сосредоточивается и развивается вся драма міровой исторіи. Подлинный смыслъ этого безъискусственнаго библейскаго повѣствованія совершенно простъ и ясенъ и кратко можетъ быть переданъ въ слѣдующихъ немногихъ словахъ. Первозданная чета наслаждалась въ раю полнымъ блаженствомъ и безсмертіемъ. Самъ Богъ являлся имъ и руководилъ ихъ духовно-нравственнымъ развитіемъ, даровавъ имъ для этой цѣли, а равно для испытанія ихъ благодарности къ Нему и

послушанія Его святой волѣ, особую, весьма легкую заповѣдь о невкушеніи плодовъ съ одного изъ множества райскихъ деревьевъ. Такому невозмутимому блаженству прародителей позавидовалъ діаволъ и рѣшился погубить ихъ. Для этой цѣли онъ вошелъ въ змія и приступилъ съ искусительной бесѣдой къ Евѣ, въ которой онъ сначала поколебалъ увѣренность ея въ непреложности заповѣди, затѣмъ посѣлилъ чувство недовѣрія къ Богу, затѣмъ возбудилъ горделивое желаніе сравняться съ Богомъ и, наконецъ, воздѣйствіемъ на ея внѣшнія чувства окончательно склонилъ ея волю къ нарушенію заповѣди. Согрѣшивши сама, Ева къ тому-же увлекла и своего мужа Адама. Такъ пали прародители человѣчества, а въ лицѣ ихъ и все будущее ихъ потомство, т. е. весь человѣческій родъ. Общей причиной грѣхопаденія прародителей послужило, по смыслу Библіи, злоупотребленіе съ ихъ стороны свободой своей воли, болѣе частной — преступное желаніе жены выйти изъ подчиненія Богу и сравняться съ Нимъ; наконецъ, поводомъ ко всему этому явился соблазнъ, приражденный жены извнѣ, отъ діавола.

Несмотря на такую ясность и опредѣленность даннаго библейскаго повѣствованія, не было и нѣтъ недостатка въ попыткахъ, такъ или иначе, перетолковать его значеніе съ тѣмъ, чтобы отвергнуть его историческій характеръ. Въ сущности всѣ эти попытки можно свести къ двумъ основнымъ типамъ: аллегористовъ и миѳологистовъ. Первую группу во главѣ съ Филономъ и нѣкоторыми писателями александрійской школы (Оригенъ, Кл. Александр.) образуютъ, главнымъ образомъ, представители такъ называемаго «вульгарнаго нѣмецкаго раціонализма», трактующіе повѣствованіе Библіи лишь въ смыслѣ художественнаго «образа» того богопротивнаго процесса, который произошелъ въ душѣ первыхъ людей (Реймарусъ, Земмлеръ, Михаэлисъ, Толлюкъ, Эйхгорнъ, Бунзенъ, Бретшнейдеръ и др.), въ составъ второй группы входятъ представители новѣйшаго раціонализма, смотрящіе на данный библ. фактъ лишь какъ на миѳъ, или символическое выраженіе идеи культурно-историческаго прогресса человѣчества, поднявшагося отъ низшей ступени полнаго умственнаго и нравственнаго безразличія къ способности различать добро отъ зла, истину отъ заблужденія (Паулюсъ, де-Ветте, Звальдъ, Бауэръ, Штрауссъ, Велльгаузенъ, Гегель, Шеллингъ, Шульцъ, Будде, Руетши, Смендъ, и др.). Въ противоположность такимъ тенденціознымъ и искусственнымъ перетолкованіямъ даннаго библейскаго повѣствованія, значеніе его, какъ реальнаго историческаго факта и какъ величайшей религіозно-нравственной катастрофы, твердо и опредѣленно устанавливается, прежде всего, самой-же Библіей, на всемъ протяженіи которой указываются то различныя детали факта (древо жизни, древо познанія, заповѣдь), то тѣ или другіе его дѣятели (змій-искуситель, діаволъ, жена, мужъ), то самый фактъ паденія, то, наконецъ, его печальныя послѣдствія (Быт. **3**, 14—24; **6**, 5; **8**, 21; Іов. **9**, 2; **15**, 14; 3 Цар. **8**, 46; Псал. **13**, 1—3; **50**, 7; Притчи Сол. **3**, 18; **11**, 30; **15**, 4; Прем. Сол. **1**, 12—14; **2**, 22—24; **12**, 10—11; Прем. Сирах. **10**, 14—15; **25**, 27; Ис. **43**, 27; **51**, 13; Езек. **28**, 13—18; **31**, 8—14; Осіи **6**, 7; 3 Езд. **3**, 7—10; **7**, 11—12, 48; **8**, 52; Іоан. **8**, 44; Дѣян. **17**, 29—30; 1 Іоан. **3**, 8—9; Рим. **5**, 12—21; **7**, 8—11; 1 Кор. **15**, 56; Еф. **5**, 24; 1 Тим. **2**, 14; **3**, 6; **6**, 12—14; Апок. **2**, 7; **12**, 9; **22**, 2 и др.). Не менѣе громко реальность библейскаго факта грѣхопаденія удостовѣряется и голосомъ универсальной традиціи, идущей изъ временъ глубокой древности. Значеніе даннаго обстоятельства вынужденъ былъ признать даже такой свободомыслящій философъ, какъ Вольтеръ, который въ своей «философіи исторіи» отмѣтилъ, что «паденіе выродившагося (dégeneré) человѣчества составляетъ фундаментъ теологіи у всѣхъ др. народовъ». На первомъ мѣстѣ среди универсальныхъ традицій паденія мы должны поставить древнѣйшія документальныя традиціи «халдейскаго генезиса» и родственныхъ ему другихъ вавилоноассирійскихъ па-

мятниковъ. Въ одной изъ клинообразныхъ таблицъ «Халдейскаго генезиса» г. Смита (которую онъ ошибочно относилъ къ серіи таблицъ творенія, но которая, какъ это теперь выяснилось, представляетъ собой гимнъ богу-творцу Еа), мы находимъ цѣлый рядъ параллелей съ библейской исторіей райскаго блаженства, смѣнившагося печальной эпохой паденія. Такъ, на передней сторонѣ этой таблицы мы, напр., читаемъ, что «мудрѣйшій изъ всѣхъ боговъ создалъ человѣка, чтобы спасти его, что онъ избралъ его своимъ особымъ достояніемъ, что онъ даже поставилъ его въ общеніе съ богами, сердце которыхъ человѣкъ радуетъ». Однако дальше идетъ рядъ предостереженій: «человѣкъ долженъ беречься, чтобы не сотворить зла или грѣха, онъ обязанъ твердо стоять на правомъ пути и долженъ остерегаться порчи». Тутъ въ текстѣ таблицы имѣется досадный пропускъ, а на обратной сторонѣ ея раскрывается уже совершенно иная картина. «Богъ Еа, творецъ міра и людей, читаемъ мы здѣсь,—былъ въ сильномъ гнѣвѣ, потому что его человѣкъ испортилъ свою чистоту». За это на человѣка и его потомство богъ Еа посылаетъ цѣлый градъ бѣдствій: «да будетъ онъ побѣжденъ и сразу отсѣченъ, мудрость и познаніе да послужатъ ему во вредъ, да настанетъ вражда между отцомъ и сыномъ, пусть земля его будетъ плодоносить, а онъ да не прикоснется къ этому... да сокрушится хребетъ его и да не исцѣлится... сердце его разсыпется и духъ его да не будетъ знать покоя, ко грѣху и беззаконію да обратится его лицо» (Smith, Delitzsch — 80 s.). Во всемъ этомъ трудно не видѣть весьма близкой аналогіи съ библ. картиной первобытнаго блаженства и послѣдующаго грѣхопад. прародителей. Рѣзкая же противоположность между лицевой и обратной сторонами таблицъ еще самого г. Смита наводила на мысль, что въ недостающихъ строкахъ передней стороны таблицы заключался разсказъ о самомъ грѣхопад. Въ настоящее время эта догадка, повидимому, оправдалась: мы разумѣемъ недавно открытую Боскаленомъ древне-вавилонскую легенду съ слѣдующими любопытными строками: «въ саду бога (Еа) была утверждена заповѣдь. Они (первые люди) съѣли плодъ, разломили его на двое. Сладкій сокъ повредилъ ихъ тѣло. Великъ ихъ грѣхъ... Они сами превознеслись. Меродахъ ихъ искупитель, онъ управитъ ихъ судьбу». Родство съ Библіей здѣсь настолько очевидно, что комментаріи излишни. Въ другихъ древне-вавилонскихъ клинообразныхъ гимнахъ и легендахъ мы находимъ многочисленныя упоминанія о «священной рощи боговъ», о «древѣ жизни», о «крылатыхъ геніяхъ» или «священныхъ быкахъ» (kerubim), охраняющихъ его, о побѣдѣ бога Меродаха надъ великимъ дракономъ, или зміемъ-Тіаматъ и т. п., то болѣе близкія, то сравнительно отдаленныя параллели библ. исторіи грѣхопад. Прекрасной иллюстраціей ко всѣмъ этимъ нѣсколько отрывочнымъ и невсегда яснымъ даннымъ клинообразной литературы служатъ древнѣйшіе ассиро-вавилонскіе барельефы, украшающіе собой стѣны и портики древне-вавилонскихъ и ассирійскихъ дворцовъ и храмовъ, равно какъ и платье барельефныхъ фигуръ. Среди этихъ изображеній особенно выдается одно, которое, по мнѣнію авторит. ученыхъ (Smith, Bockawen), воспроизводитъ самую сцену грѣхопад. Въ центрѣ этой картины предъ нами вѣтвистое дерево, внизу котораго висятъ два большихъ плода, по одному съ каждой стороны; по бокамъ дерева помѣщены фигуры двухъ людей, судя по головному убору, мужчины и женщины, простирающихъ свои руки къ свѣсившимся плодамъ, при чемъ позади женщины замѣтна фигура вертикально взвившейся змѣи. Изъ другихъ древнихъ хамито-семитическихъ преданій обращаютъ на себя вниманіе традиціи Финикіи и Египта. Такъ, во фрагментѣ финикійскаго писателя Санхоніатона, между прочимъ, говорится, что «первой человѣческой четой были: Адамъ-Кадмонъ и Еонъ (Ева—жизнь) и что послѣдняя изобрѣла питаться плодами дерева». Еще яснѣе свидѣтельствуетъ объ этомъ рисунокъ на одной изъ весьма древнихъ вазъ финикійской работы: здѣсь изображено

лиственное дерево со свѣсившимися плодами, по направленію которыхъ, извиваясь, ползетъ змій и раскрываетъ пасть, какъ бы намѣреваясь напоить ихъ своимъ смертоноснымъ ядомъ. Древній Египетъ оставилъ намъ традицію о раѣ Озириса и о борьбѣ добраго бога Горуса съ злымъ—Сетъ-Тифономъ, олицетворенномъ въ великомъ змѣѣ—Анапѣ. Здѣсь сквозь позднѣйшее, несомнѣнно натуралистическое содержаніе миѳа, ясно просвѣчиваетъ древнѣйшая его форма, т. е. тѣ символическіе образы, которые невольно напоминаютъ намъ детали библейскаго разсказа. Болѣе отдаленные отголоски библейской исторіи Г. можно находить и въ древнѣйшихъ традиціяхъ арійской расы. Такова, напр. общеарійская легенда объ Airyana-Vedaja, т. е. раѣ индусовъ, лежавшемъ па вершинѣ священной горы Меру, и о «сомѣ», какъ источникѣ безсмертной жизни. Еще ближе къ библейской спеціально персидская традиція о раѣ, какъ «пріятнѣйшемъ твореніи Агурамазды», о хитромъ змѣѣ-Ангроменіусѣ, о древѣ безсмертія—бѣлой Гаомѣ, или Гаокеренѣ, о плодахъ, которыми злой духъ погубилъ первыхъ людей, о гордости и высокомѣріи перваго человѣка — Имы, поддавшагося лживымъ навѣтамъ Ангроменіуса, о борьбѣ съ нимъ бога—Митры и о побѣдѣ послѣдняго. Изъ традицій послѣдующей эпохи останавливаютъ на себѣ вниманіе миѳы классическаго міра, заслужившіе техническое наименованіе традицій о «золотомъ вѣкѣ», обычно заканчивающихся сѣтованіемъ на его утрату. Особенно полно представлены эти традиціи въ сочиненіи Гезіода—ἔργα καί ἡμέραι, а также разсѣяны и по произведеніямъ Платона, Овидія, Виргилія, Эмпедокла, Гезіода и Лактанція. Аналогичныя имъ традиціи имѣются и въ преданіяхъ новѣйшихъ европейскихъ народовъ, напр., въ легендахъ Скандинавіи и Германіи. Такъ, въ пѣсняхъ Эдды говорится, напр., что Браги, первый вдохновенный пѣвецъ и жена его безсмертная Идума сначала жили безмятежно въ раю Аегардъ, яблоки котораго сообщили имъ безсмертіе. Но по проискамъ хитраго демона—Локки, однажды жена уклонилась въ лѣсъ собирать другія яблоки и за это была похищена, чѣмъ и былъ положенъ конецъ невозмутимому покою и блаженству первыхъ людей. Наконецъ, не менѣе многочисленны и ярки свидѣтельства о грѣхоп. и у народовъ некультурныхъ расъ, даже такихъ, которые, повидимому, были совершенно изолированы отъ всякихъ постороннихъ вліяній. Таково, напр., преданіе африканскихъ негровъ племени Йумале, въ которомъ говорится, что высочайшій богъ Тилъ, создавъ двухъ первыхъ людей—мужа и жену—далъ имъ языкъ и свой мыслящій духъ, позволилъ имъ прямо смотрѣть ему въ лицо и сообщилъ имъ заповѣдь, чтобы они пять дней работали, а шестой—праздновали. Но люди нарушили ту заповѣдь своимъ невоздержаніемъ и за это навлекли на себя справедливый гнѣвъ бога Тила.

Особенно характеристичное въ этомъ отношеніи преданіе хранятъ негры, обитающіе на западномъ берегу Африки. Абази-Ибумъ, всемогущій богъ, сдѣлалъ всѣ вещи весьма хорошо, человѣка оставилъ подлѣ себя, на небѣ. Вотъ однажды Атаи, женская половина бога Абази—говоритъ ему: отпустимъ человѣка на землю, чтобы онъ возглавилъ собой рядъ ея твореній. Абази сначала протестуетъ, указывая, что человѣкъ легко можетъ тамъ возгордиться и захочетъ помѣряться съ нимъ; но затѣмъ уступаетъ просьбамъ Атаи подъ тѣмъ, однако, непремѣннымъ условіемъ, чтобы онъ не искалъ себѣ пищи на землѣ, а пользовался бы ею исключительно съ неба. Однажды Атаи вступаетъ въ дружбу съ женой и указываетъ ей на неудобства такой экономической зависимости отъ неба. Жена сначала говоритъ: «Абази учитъ насъ, чтобы мы не желали имѣть собственную пищу; иначе мы забудемъ Абази и онъ разгнѣвается на насъ». На это Атаи отвѣчаетъ: «нѣтъ, не разгнѣвается, онъ ничего не скажетъ». Послѣ этого Атаи даетъ женѣ топоръ и огонь, сѣмена и плоды и научаетъ ее воздѣлывать землю. Въ ту же ночь

жена соблазняетъ и своего мужа нарушить заповѣдь Абази. Въ наказаніе за это была ниспослана на людей смерть, а на послѣдующее ихъ потомство ссоры и вражда.

Литература: *C. Clemen*, «Die christliche Lehre von der Sünde». I t. Göttingen 1897. *R. Rüetschi*, «Geschichte und Kritik der Kirchlichen Lehre von der ursprüng. Vollkommenheit und von Sündenfall». Leiden 1881. *G. Smith's - Delitzsch*, «Chaldäisches Genesis» Leipzig 1876. *Lücken*, «Die Traditionen des Menschengeschlechts». Münster 1856. *Велтистовъ*, «Грѣхъ, его происхожденіе, сущность и слѣдствія». Москва 1885. *Бутkевичъ*, «Зло, его сущность и происхожденіе». «Вѣра и разумъ», ч. 3. 1896. *Д. Введенскій*, «Ученіе В. З. о грѣхѣ». Свято-Троиц. Серг. Лавра. 1901. *А. Покровскій*, «Библ. ученіе о первобытной религіи». Свято-Троиц. Серг. Лавра. 1901.

А. Покровскій.

ГУБЕРЪ Іоаннъ Непомукъ, представитель новой шеллинговой философіи и поборникъ старо-католическаго движенія, род. въ 1830, въ Мюнхенѣ, тамъ же получилъ образованіе, и съ 1859 состоялъ экстраординарнымъ, а съ 1864 ординарнымъ профессоромъ философіи и педагогики. Вслѣдствіе составленнаго имъ противъ папской непогрѣшимости сочиненія, подъ заглавіемъ: «Папа и соборъ Януса», и въ томъ же смыслѣ въ 1869 опубликованныхъ имъ «Римскихъ писемъ», студентамъ богословія изъ католиковъ запрещено было посѣщеніе его лекцій. Тогда онъ выступилъ на публицистическую дѣятельность, въ которой оказалъ большое вліяніе. Изъ его сочиненій особенно извѣстны: «Папство и государство» (1870), «Іезуитскій орденъ» (1873; есть въ русскомъ переводѣ отъ 1899), «Религіозный вопросъ» (1875, направлено противъ Гартмана, равно какъ противъ Штрауса, Геккеля и Дарвина), «Пессимизмъ» (1876). Ранѣе имъ изданы были еще: «О свободѣ воли» (1858), «Философія отцовъ церкви» (1859), «Іоаннъ Скоттъ Эригена» (1861), «Идея безсмертія» (1864) и др. Онъ умеръ въ 1879 г.

ГУГЪ Іоаннъ Леонардъ, римско-католическій ученый библеистъ (род. въ Констанцѣ, 1765; умеръ въ Фрейбургѣ, 1846). Послѣ блестящаго окончанія курса въ фрейбургскомъ университетѣ, онъ сдѣлался (1787) главнымъ надзирателемъ надъ преподаваніемъ въ семинаріи для приготовленія священниковъ (при университетѣ) и, въ 1791, профессоромъ восточныхъ языковъ В. Завѣта, а съ 1792 и Н. Завѣта. Остальную свою жизнь онъ посвятилъ всецѣло на служеніе своему возлюбленному университету, хотя, вслѣдствіе его громкой славы, его приглашали въ Бреславль, Кельнъ, Тюбингенъ и Боннъ (три раза). Одною изъ главныхъ задачъ Гуга было противодѣйствіе земмлеровой школѣ истолкованія Н. Завѣта. Онъ твердо настаивалъ на исторической достовѣрности Новоз. Писаній и на этой основѣ сильно защищалъ ихъ. Главное его сочиненіе въ этомъ родѣ есть «Введеніе въ Писанія Н. Завѣта» (Штутгартъ и Тюбингенъ, 1808, въ 2 томахъ), переиздававшееся потомъ нѣсколько разъ и переведенное на французскій и англійскій языки. Въ этомъ сочиненіи онъ защищалъ теорію, что до половины III вѣка новоз. текстъ существовалъ только въ общемъ изданіи (κοινὴ ἔκδοσις), которое впослѣдствіи послѣдовательно пересматривалось Исихіемъ, Лукіаномъ Антіохійскимъ и Оригеномъ. Изъ другихъ выдающихся сочиненій Гуга можно отмѣтить его новое толкованіе на книгу Пѣснь пѣсней (Фрейбургъ, 1813) и въ защиту толкованія Пѣсни пѣсней и дальнѣйшее его разъясненіе (Фрейбургъ, 1818). По его толкованію, невѣста происходитъ изъ царства десяти колѣнъ; женихъ есть царь Езекія; братія Суламиты суть часть въ домѣ Іудиномъ; все есть «облеченное въ идиллическую форму изображеніе стремленія царства десяти колѣнъ къ возсоединенію съ Іудой, чему однако противодѣйствовали эти его братья». Онъ писалъ также противъ Павлюса (1827) и Давида Штрауса (1840) и вмѣстѣ съ Гиршеромъ издавалъ богословскій журналъ (Zeitschrift f. Theologie).

ГУГЕНОТЫ—названіе реформатовъ или кальвинистовъ во Франціи. Происхожденіе этого слова довольно темное. Французскіе протестанты получали въ разныя времена различныя названія,

прилагаемыя къ нимъ по большей части въ насмѣшку, какъ: лютеране, сакраментаріи, христавдины, религіозники и проч. Собственно слово «гугеноты» вошло въ общее употребленіе не раньше Амбуазской смуты 1566 г. и вѣроятно есть искаженная форма нѣм. Eidgenossen (клятвенные союзники, заговорщики), каковое названіе патріотическая партія въ Женевѣ носила уже съ четверть вѣка раньше. Въ исторіи гугенотовъ во Франціи можно различать пять періодовъ: 1) періодъ гонительства подъ видомъ закона, до перваго признанія реформатской религіи январскимъ эдиктомъ (1562 г.); 2) періодъ гражданскихъ войнъ при Карлѣ IX, закончившійся побоищемъ Варѳоломеевской ночи (1572 г.); 3) періодъ борьбы съ цѣлью добиться полной вѣротерпимости въ царствованія Генриха III и Генриха IV, до провозглашенія нантскаго эдикта (1598 г.); 4) періодъ отмѣны этого эдикта Людовикомъ XIV (1685 г.), и 5) періодъ полнаго запрещенія протестантизма, заканчивающійся изданіемъ эдикта о вѣротерпимости Людовикомъ XVI (1787 г.), какъ разъ передъ первой французской революціей.

Начало реформаціоннаго движенія во Франціи можно считать съ 1512 г., когда профессоръ парижскаго университета, ученый Жакъ Леффевръ д'Етапль, въ одномъ латинскомъ комментаріѣ на Посланія ап. Павла сталъ явно проповѣдывать ученіе объ оправданіи вѣрою. Въ 1516 г. епископомъ въ Мо былъ назначенъ Вильг. Брисоннè, покровитель литературы и сторонникъ умѣренной реформаціи. Онъ скоро собралъ около себя группу ученыхъ, включая Леффевра и его учениковъ, Вильгельма Фареля, Мартіала Мазурье, Жерарда Русселя, и друг., которые съ большою ревностью проповѣдывали евангеліе въ церквахъ его діоцеза. Въ 1523 г. Леффевръ издалъ французскій переводъ Н. Завѣта, а въ 1528 и переводъ В. Завѣта. Этотъ переводъ, сдѣланный съ латинской Вульгаты, послужилъ основаніемъ для послѣдующаго перевода Оливетана, перваго французскаго перевода съ греческаго и еврейскаго подлинника. Такъ какъ епископъ Брисонне, подъ угрозой гонительства, долженъ былъ оставить свое намѣреніе, то реформаціонное движеніе въ Мо прекратилось вмѣстѣ съ разсѣяніемъ и самихъ учителей, хотя сѣмя уже брошено было въ почву и ждало только благопріятныхъ условій для произрастанія. Хотя Францискъ I и обнаружилъ благорасположеніе къ дѣлу реформаціи подъ вліяніемъ своей сестры, образованной Маргариты, герцогини Ангулемской, однако это происходило скорѣе изъ интереса къ учености и изъ честолюбія, чѣмъ изъ дѣйствительнаго сочувствія къ самому движенію. Это вскорѣ обнаружилось по «дѣлу Плакардовъ» (1534 г.), когда рѣзкая прокламація противъ папской мессы была найдена прибитой на дверяхъ спальни короля въ замкѣ Амбуазъ. Во время большой покаянной процессіи, вскорѣ затѣмъ устроенной (янв. 1535), шесть протестантовъ были заживо сожжены на глазахъ короля, и Францискъ высказалъ намѣреніе истребить ересь въ своихъ владѣніяхъ. Онъ готовъ, сказалъ онъ, отсѣчь собственную руку, если бы она была заражена этимъ ядомъ. Казни, слѣдовавшія въ теченіе нѣкоторыхъ мѣсяцевъ, были первой серьезной попыткой къ истребленію реформатовъ. Стали издаваться все болѣе суровые законы. Въ 1545 г. произошло побоище въ Мериндолѣ и Кабріелѣ. Двадцать два города и деревни на рѣкѣ Дюрансѣ, обитаемыхъ французскими вальденсами, одного и того же происхожденія съ вальденсами Пьемонта, были разрушены вооруженной экспедиціей, снаряженной въ Эксѣ (Aix), съ утвержденія провансальскаго парламента. Слѣдующій годъ былъ свидѣтелемъ мученичества «четырнадцати мучениковъ въ Мо». Несмотря на эти суровыя мѣры, реформ. движеніе однако продолжало разростаться и въ царствованіе Генриха II, фанатичнаго и распутнаго сына Франциска (1547—1559 гг.). Центромъ реформ. движенія сдѣлалась Женева, откуда Іоаннъ Кальвинъ, посредствомъ своихъ книгъ и огромной переписки, какъ и косвенно чрезъ посредство своихъ бывшихъ уче-

никовъ, оказывалъ чрезвычайно большое вліяніе. Строгіе законы противъ ввоза какихъ бы то ни было книгъ изъ Женевы не достигали цѣли. Въ 1555 г. попытка ввести испанскую инквизицію не удалась, вслѣдствіе просвѣщеннаго и рѣшительнаго противодѣйствія парижскаго парламента, во главѣ съ его президентомъ Сегье. Въ Парижѣ тайно собрался первый національный синодъ французскихъ реформатовъ (25 мая 1559 г.). Онъ принялъ исповѣданіе вѣры, которое впослѣдствіи сдѣлалось «символомъ вѣры» французскихъ протестантовъ. Онъ также установилъ въ своей «Церковной дисциплинѣ» представительную форму церковнаго управленія, съ его судами, консисторіей, провинціальными конференціями и національными синодами. Въ теченіе слѣдующихъ ста лѣтъ собиралось еще 28 національныхъ синодовъ. Послѣ 1659 г. правительство отказалось допускать собраніе дальнѣйшихъ національныхъ синодовъ. При Франциск̀ѣ II, шестнадцатилѣтнемъ юношѣ (1559—1560 г.), положеніе гугенотовъ было неопредѣленное, но уже начали появляться признаки наклонности къ допущенію вѣротерпимости. Такъ, на собраніи нотаблей въ Фонтенебло (въ авг. 1560 г.) адмиралъ Колиньи представилъ въ пользу гугенотовъ петиціи о свободѣ богослуженія, и два прелата, архіепископъ Марильякъ и епископъ Монлюкъ, открыто настаивали на созывѣ національнаго собора для исцѣленія удручающаго церковь недуга. При Карлѣ IX, десятилѣтнемъ мальчикѣ, на время установилась вѣротерпимая политика канцлера Л'Опиталя. Въ Пуасси состоялась конференція (въ сент. 1561 г.), на которой гугеноты впервые воспользовались случаемъ для защиты своихъ религ. воззрѣній въ присутствіи короля. Главными ораторами съ протестантской стороны были Ѳеодоръ Беза и Петръ Мартиръ, а кардиналъ Лотарингскій былъ наиболѣе выдающимся представителемъ римско-католической церкви. 17 января 1562 г. изданъ былъ знаменитый эдиктъ, извѣстный подъ названіемъ «Январскаго эдикта». Въ немъ заключалось первое формальное признаніе реформатской вѣры, приверженцамъ которой предоставлялась свобода собираться для богослуженія, безъ оружія, во всѣхъ мѣстахъ внѣ укрѣпленныхъ стѣнами городовъ. Январскій эдиктъ былъ великой хартіей гугенотскихъ правъ. Нарушеніе его было источникомъ долгаго періода гражданской смуты, и въ теченіе цѣлаго столѣтія усилія гугенотовъ были почти исключительно направляемы къ поддержанію или возстановленію его положеній.

Но едва эдиктъ былъ подписанъ, какъ произошло ни чѣмъ невызванное побоище въ Васси, учиненное герцогомъ Гизомъ надъ собраніемъ реформатскихъ богомольцевъ, что и послужило поводомъ къ первой междоусобной войнѣ (1562—1563). Во главѣ гугенотовъ стали адмиралъ Колиньи и принцъ Конде́; а главными римско-кат. полководцами были констабль Монморанси, герцогъ Гизъ и маршалъ Сентъ Андре. Война свирѣпствовала въ большей части Франціи съ неодинаковымъ успѣхомъ съ обѣихъ сторонъ. Какъ Монморанси, такъ и Конде́, были взяты въ плѣнъ, а Сентъ Андре убитъ въ сраженіи при Дре, гдѣ гугеноты понесли пораженіе, и ихъ права были значительно урѣзаны. Вмѣсто безграничнаго права собираться на молитву внѣ обнесенныхъ стѣнами городовъ по всей Франціи, гугенотамъ было теперь позволено собираться лишь въ пригородахъ одного какого-либо города въ каждомъ округѣ, и въ тѣхъ городахъ, которые находились въ ихъ владѣніи при заключеніи мира. Нѣсколько вельможъ получили право совершать богослуженіе въ своихъ собственныхъ замкахъ. Вскорѣ возгорѣлась вторая и третья междоусобныя войны (1567—1568 и (1568—1570), изъ которыхъ послѣдняя отличалась особенною кровопролитностью. Гугеноты были разбиты въ двухъ ожесточ. битвахъ,—при Жарнакѣ и Монконтурѣ, при чемъ въ первой изъ нихъ былъ убитъ Людовикъ принцъ Конде. Но Колиньи своей военной доблестью не только спасъ гугенотовъ отъ уничтоженія, но и далъ имъ возможность добиться мира на благопріятныхъ усло-

віяхъ. Послѣдовало два года общаго спокойствія, и въ это время, повидимому, начали заживать раны, причиненныя междоусобицей. Генрихъ, король Наваррскій, женился на Маргаритѣ Валуа, младшей сестрѣ Карла IX. Во время празднествъ, совершившихся по этому случаю, Колиньи былъ раненъ какимъ-то убійцей. За этимъ событіемъ послѣдовало, продолжавшееся въ теченіе двухъ сутокъ, побоище Варѳоломеевской ночи (воскр. 24 авг. 1572). Этимъ ударомъ предполагалось совершенно уничтожить гугенотовъ, которыхъ оказалось невозможнымъ истребить въ открытой борьбѣ. Колиньи и многіе изъ наиболѣе извѣстныхъ вождей, вмѣстѣ со множествомъ своихъ единовѣрцевъ, были безжалостно избиты. Число жертвъ въ Парижѣ и во всемъ остальномъ государствѣ различно опредѣляется отъ 20 до 100 тысячъ человѣкъ (см. подъ сл. Варѳол. ночь). Гугеноты однако не были истреблены и во время четвертой междоусобной войны (1572—1573): они не только съ успѣхомъ защищали Ла-Рошель противъ короля, но и добились мира на почетныхъ условіяхъ.

Пятая междоусобная война, начавшаяся за нѣсколько недѣль до восшествія на престолъ Генриха III, продолжалась до тѣхъ поръ, пока новый король не убѣдился въ безнадежности истребить своихъ протестантскихъ подданныхъ, подкрѣпленныхъ сильнымъ нѣмецкимъ вспомогательнымъ войскомъ. Заключенъ былъ миръ, обыкновенно называемый La Paix de Monsieur (эдиктъ Болье, въ маѣ 1576). Этотъ миръ былъ благопріятнѣе для гугенотовъ, чѣмъ всѣ прежніе, такъ какъ въ силу его имъ позволялось совершать богослуженіе повсюду во Франціи, кромѣ Парижа, безъ ограниченія времени и мѣста, если только не будетъ протестовать тотъ вельможа, на землѣ котораго предположено совершать его. Но самая либеральность новаго постановленія повела къ скорой его отмѣнѣ. По настоянію римско-католическаго духовенства и Гизовъ, образовалась такъ назыв. «Священная и христіанская лига», ставившая своею цѣлью истребленіе ереси, и вѣтви ея раскинулись по всей Франціи. На собраніи генеральныхъ штатовъ въ Блуа король согласился стать во главѣ этой лиги. Отсюда возникла шестая междоусобная война, которая однако продолжалась лишь нѣсколько мѣсяцевъ, такъ какъ король нашелъ, что штаты не желали давать ему средствъ для веденія этой войны. Заключенъ былъ новый миръ (эдиктъ Пуатьерскій, въ сент. 1577), которымъ вновь вводились ограниченія касательно городовъ, гдѣ протестанты могли совершать богослуженіе; и вельможамъ предоставлено было право совершать богослуженіе въ своихъ замкахъ. Какъ и по прежнему миру, восемь городовъ оставлены были въ рукахъ протестантовъ въ качествѣ залога точнаго исполненія условій мира и установлены были смѣшанные суды для рѣшенія дѣлъ, въ которыхъ стороны могутъ принадлежать къ разнымъ религіямъ.

Въ 1584 умеръ единственный братъ короля. Такъ какъ Генрихъ III былъ бездѣтенъ, то наслѣдникомъ престола Франціи дѣлался Генрихъ Бурбонъ, гугенотскій король Наваррскій. Одна мысль о томъ, что престолъ можетъ перейти въ руки еретика, вновь оживила дѣятельность лиги. Гизы, съ помощью Филиппа II, подняли войну противъ Генриха III, и послѣ борьбы, въ которой гугеноты не принимали участія, принудили короля подвергнуть реформ. религіи запрещенію этиктомъ Нимурскимъ (въ іюлѣ 1585). Послѣдовала восьмая междоусобная война (1585—89). Самымъ выдающимся событіемъ въ теченіе нея была битва при Кутра (1587), въ которой римскіе католики, подъ начальствомъ герцога Жуайезскаго, были разбиты гугенотскими войсками Генриха Наваррскаго, причемъ былъ убитъ и самъ герцогъ. Эта побѣда гугенотовъ произвела столь сильное впечатлѣніе на ихъ враговъ, что впослѣдствіи одинъ видъ гугенотскихъ воиновъ, колѣнопреклоненно молившихся передъ началомъ битвы, какъ они это дѣлали въ Кутра, поражалъ ужасомъ римско-католическихъ солдатъ. Въ 1589 на престолъ Франціи

взошелъ протестантскій государь Генрихъ Наваррскій, подъ именемъ Генриха IV, который, находя себѣ дѣятельную поддержку со стороны гугенотовъ, порѣшилъ вознаградить ихъ объявленіемъ закона о полной вѣротерпимости. Это былъ знаменитый *Нантскій эдиктъ* (въ апр. 1598), который обезпечивалъ свободу совѣсти по всему королевству и признавалъ за реформатами право собираться на молитву на земляхъ вельможъ, имѣвшихъ право высшей юрисдикціи (таковыхъ было около 3.500), при чемъ имъ предоставлены были и разныя гражданскія права, какъ право занятія гражданскихъ должностей, доступа въ университеты и школы на равныхъ условіяхъ съ римскими католиками и пр.

Эдиктъ Генриха IV, послѣ его умерщвленія (1610), былъ торжественно подтвержденъ послѣдующими заявленіями регента, Маріи Медичи, Людовика XIII и Людовика XIV. Тѣмъ не менѣе гугеноты вскорѣ имѣли основанія жаловаться на разныя досадныя нарушенія, за которыя они не могли добиться удовлетворенія (таково было разрушеніе реформ. церквей въ Беарнѣ 1620) Въ это время гугеноты проявляли чрезвычайную умств. дѣятельность. Свое богослуженіе, по сосѣдству съ Парижемъ, сначала совершавшееся въ деревнѣ Аблонѣ, довольно отдаленной и мало доступной, они перенесли въ болѣе близкій и болѣе удобный Шарантонъ. Это мѣсто сдѣлалось центромъ сильнаго религіознаго и философскаго вліянія, которое давало себя чувствовать въ столицѣ королевства и при королевскомъ дворѣ. Тутъ было много выдающихся писателей и проповѣдниковъ. Въ различныхъ частяхъ королевства было основано цѣлыхъ шесть богословскихъ семинарій или «академій», изъ которыхъ наиболѣе важными были семинаріи въ Сомюрѣ, Монтобанѣ и Седанѣ.

Хотя нарушенія духа и даже буквы Нантскаго эдикта были часты, однако лишь послѣ смерти кардинала Мазарини (1661) собственно начались тѣ ограниченія, логическимъ послѣдствіемъ которыхъ могла быть только полная отмѣна эдикта. Съ этого времени гугенотамъ, хотя ихъ не разъ высоко восхвалялъ самъ король за ихъ преданность коронѣ во времена смутъ фронды, почти не давали покоя. Разными досадными постановленіями у нихъ постепенно отнимались мѣста богослуженія, ихъ изгоняли съ занимаемыхъ должностей или, подъ видомъ законныхъ мѣропріятій, у нихъ отнимали собственность и даже дѣтей. Подъ предлогомъ замышляемаго возстанія, на нихъ двинуты были страшныя *драгонады* и производились всевозможныя грубыя насилія надъ тѣми, кто не хотѣлъ отрѣшаться отъ своей вѣры. Наконецъ, въ октябрѣ 1685, подъ предлогомъ, будто принятыя мѣры оказались вполнѣ успѣшными и что реформатской религіи болѣе не существуетъ въ его владѣніяхъ, Людовикъ XIV подписалъ отмѣну Нантскаго эдикта. Въ силу новаго закона, реформатская вѣра объявлялась нетерпимой во Франціи. Всѣ реформатскіе пасторы должны были оставить королевство въ теченіе двухъ недѣль. Изъ другихъ лицъ никто не могъ выселяться, подъ страхомъ ссылки на галеры для мужчинъ, заключенія въ тюрьму и конфискаціи собственности для женщинъ.

Несмотря на запрещеніе, немедленнымъ результатомъ отмѣны Нантскаго эдикта было массовое бѣгство Г. въ чужеземныя страны. Все число бѣжавшихъ невозможно опредѣлить съ достовѣрностью. Его опредѣляли въ 800,000; но эта цифра, несомнѣнно, выше дѣйствительной, и все число ихъ, вѣроятно, было отъ 300—400 тысячъ. Вслѣдствіе этого страна лишилась наиболѣе промышленной и зажиточной части населенія. Въ теченіе ста лѣтъ остававшіеся во Франціи гугеноты терпѣли всевозможныя невзгоды и гоненія. Богослуженія они стали совершать только тайкомъ, въ пустыняхъ и лѣсахъ, а пасторы, совершавшіе его и захваченные на мѣстѣ «преступленій», подвергались колесованію. Такъ еще 19 февраля 1762 одинъ пасторъ, по имени Рошеттъ, былъ обезглавленъ съ утвер-

жденія тулузскаго парламента за то, что проповѣдывалъ, заключалъ браки и совершалъ таинства крещенія и евхаристіи. Въ 1767 г. за тѣ же преступленія другой пасторъ, Беранже, былъ присужденъ на смерть и казненъ въ видѣ чучела. Но эти жестокости, наконецъ, возмутили общество, и подъ его давленіемъ Людовикъ XVI издалъ (въ ноябрѣ 1787 г.) эдиктъ вѣротерпимости. Хотя въ этомъ документѣ объявлялось, что «католическая апостольская римская религія одна будетъ продолжать пользоваться общественнымъ богослуженіемъ», но онъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, признавалъ регистрацію протестантскихъ рожденій, браковъ и смертей, и запрещалъ какимъ бы то ни было образомъ угнетать протестантовъ ради ихъ вѣры. Національное собраніе, въ 1790 г., приняло мѣры къ возстановленію конфискованной собственности протестантскихъ бѣглецовъ, а законъ 18 Жерминаля X года (1802 г.) формально организовалъ реформатскія и лютеранскія церкви, пасторы которыхъ отселѣ стали получать жалованье отъ государства.

Между тѣмъ бѣжавшіе и изгнанные изъ Франціи гугеноты повсюду встрѣчаемы были сочувственно. Всѣ протест. страны Европы рады были воспользоваться ихъ трудолюбіемъ и знаніями для оживленія своей торговли и промышленности. Самое названіе «гугенотъ» получило почетное значеніе и повсюду служило какъ бы рекомендательнымъ свидѣтельствомъ. Такъ они сначала переселялись въ *Швейцарію*, «предназначенную промысломъ служить мѣстомъ убѣжища», куда они особенно двинулись послѣ побоища Варѳоломеевской ночи и послѣ отмѣны Нантскаго эдикта. Съ большимъ сочувствіемъ гугенотскихъ бѣглецовъ принимали и въ *Голландіи*, гдѣ о нихъ совершались общественныя богослуженія и производились сборы въ ихъ пользу, а также предоставлены были (въ Утрехтѣ) всѣ городскія права и изъятія отъ налоговъ въ теченіе двѣнадцати лѣтъ. И другія страны сѣверной Европы также открывали двери свои бѣглецамъ, какъ *Данія*, *Швеція* и др. Даже въ *Россіи* указомъ, подписаннымъ царями Петромъ и Іоанномъ Алексѣевичами (1688 г.), открывались бѣглецамъ всѣ провинціи имперіи и представлялись офицерамъ мѣста въ войскѣ. Вольтеръ утверждаетъ, что одна треть двѣнадцатитысячнаго полка, основаннаго женевцемъ Лефортомъ для Петра, состояла изъ французскихъ бѣглецовъ. Но болѣе всѣхъ воспользовалась и умственнымъ, и матеріальнымъ богатствомъ гугенотовъ Англія. Со времени Эдуарда VI, англ. короли, за единичнымъ исключеніемъ Маріи, всегда покровительствовали имъ. Когда дошли слухи объ ужасахъ драгонадъ, Карлъ II издалъ (28 іюля 1681 г.) прокламацію, въ которой предлагалъ гугенотамъ убѣжище, съ обѣщаніемъ имъ правъ натурализаціи и всевозможныхъ льготъ въ торговлѣ и промышленности. Послѣ отмѣны Нантскаго эдикта, Іаковъ I также дѣлалъ имъ подобныя же приглашенія. Число гугенотовъ, бѣжавшихъ въ Англію въ теченіе десятилѣтія, слѣдовавшаго за отмѣной Нантскаго эдикта, восходило до 80,000 человѣкъ, изъ которыхъ около одной трети поселилось въ Лондонѣ. Въ пользу бѣглецовъ произведенъ былъ общій сборъ, который далъ около 200,000 ф. с. И услуги, оказанныя гугенотами Англіи, были весьма значительны. Въ войскѣ Вильгельма Оранскаго, когда онъ выступилъ противъ своего тестя, было три полка пѣхоты и кавалеріи, состоявшіе исключительно изъ французскихъ бѣглецовъ. Еще болѣе важныя услуги гугеноты оказали въ области промышленности, такъ какъ они ввели многія такія отрасли ея, которыя дотолѣ совсѣмъ неизвѣстны были въ Англіи. Даже въ умств. отношеніи вліяніе бѣглецовъ было весьма значительно. Достаточно упомянуть имена Дениса Папена, перваго изслѣдователя силы пара, и Рапенъ-Тойра, «Исторія Англіи» котораго не имѣла себѣ соперниковъ до появленія сочиненія Давида Юма. Часть гугенотовъ направилась и въ Америку, и они именно были основателями города Нью-Амстердама (теперь Нью-Іоркъ), гдѣ съ самаго начала господствовали франц. рѣчь и гугенотск. вѣра. Франц. приходъ

въ Нью-Іоркѣ, долго процвѣтавшій и обладавшій значительнымъ вліяніемъ, имѣлъ цѣлый рядъ талантливыхъ реформатскихъ пасторовъ, изъ которыхъ послѣдній принялъ епископское посвященіе отъ 1806 г., когда вообще гугенотская община слилась съ епископальной церковью и стала называться «церковью Св. Духа». Много приходовъ и церквей разсѣяно было и по другимъ городамъ и странамъ Америки. Трудно съ точностью опредѣлить, сколько именно гугенотовъ пересилилось въ Америку; но, несомнѣнно, число ихъ нужно опредѣлять тысячами. Они имѣли значительное вліяніе на характеръ американскаго народа, гораздо большее, чѣмъ можно бы ожидать по ихъ численности; и въ спискѣ патріотовъ, государственныхъ дѣятелей, филантроповъ, служителей евангелія и вообще выдающихся лицъ всякаго званія въ Соед. Штатахъ гугенотскія имена занимаютъ весьма важное и почетное мѣсто. Наконецъ, часть гугенотовъ въ послѣдующее время, особенно изъ Голландіи, направилась и на вольныя земли *Южной Африки*, и тамъ они именно сдѣлались главными основателями двухъ республикъ,—Оранжевой и Трансваальской, и выставили цѣлый рядъ именитыхъ дѣятелей, которые прославились особенно въ послѣднее время въ борьбѣ съ Англіей; таковы имена Кронье, Жубера, Де-Ветте, имѣющія чисто французскій характеръ.

ГУГО — имя нѣсколькихъ видныхъ богослововъ, изъ нихъ наиболѣе извѣстны: 1) *Гуго Сенъ Викторъ*, вмѣстѣ съ своими современниками Абеляромъ и Бернардомъ, одинъ изъ наиболѣе вліятельныхъ богослововъ XII вѣка (род. ок. 1097 г.; ум. 11 февр. 1141 г.). Онъ отдался созерцательной монашеской жизни и прославился скорѣе благочестіемъ и умозрительною мыслью, чѣмъ дѣятельнымъ участіемъ въ церковныхъ дѣлахъ своего времени. Его именно нужно считать дѣйствительнымъ основателемъ средневѣкового мистицизма во Франціи, потому что Бернардъ Клервозскій, въ существенныхъ пунктахъ своихъ мистическихъ умозрѣній, находился отъ него въ зависимости. То же самое можно сказать и о Петрѣ Ломбардѣ. Послѣдующія поколѣнія дали ему титулъ «дидаскала» (учителя) или друга Августина. Двѣ мѣстности спорятъ за честь быть мѣстомъ рожденія Г.: деревня Ипресъ во Фландріи и Саксонія. Бенедиктинцы, въ XII томѣ «Литературной исторіи Франціи», приводятъ три свидѣтельства изъ старыхъ авторовъ въ пользу перваго. Но есть болѣе важное свидѣтельство въ пользу Саксоніи: на надгробномъ камнѣ надпись гласитъ, что Г. былъ родомъ изъ Саксоніи («origene Saxo»). Пройдя школу въ Гаммерслебенѣ, онъ, вмѣстѣ съ своимъ дядей, архидіакономъ Гуго гальберштадтскимъ, отправился во Францію и поступилъ въ знаменитое монастырское заведеніе Св. Виктора близъ Парижа. Чрезъ пятнадцать лѣтъ послѣ этого онъ сдѣлался учителемъ школы, каковое положеніе занималъ восемь лѣтъ. Среди его учениковъ были знаменитые впослѣдствіи Адамъ и Ришаръ сенъ-викторскіе. Г. находился въ близкихъ отношеніяхъ съ Бернардомъ, но не принималъ выдающагося участія въ общественныхъ дѣлахъ церкви и государства. Онъ былъ человѣкъ нѣжнаго и болѣзненнаго тѣлосложенія. Сочиненія Г. чрезвычайно многочисленны. Его сочиненія, отличающіяся болѣе мистической тенденціей, принадлежатъ къ первому періоду его дѣятельности. Среди нихъ особенно извѣстны три трактата: «О ковчегѣ нравственномъ», «О ковчегѣ таинственномъ» и «О суетности міра», въ которыхъ онъ сравниваетъ Ноевъ ковчегъ съ церковью, душу въ этомъ мірѣ—съ душой, находящейся въ мирѣ съ Богомъ, и проч. Его экзегетическія сочиненія содержатъ въ себѣ краткое введеніе въ Св. Писаніе, толкованія на Пятокнижіе и другія историческія книги Ветхаго Завѣта, на Псалмы и Плачъ Іереміи, и 19-ть бесѣдъ на книгу Екклесіастъ. Другіе приписываемые ему комментаріи (на Евангелія Луки, Іоанна и др.) весьма сомнительной подлинности. Къ послѣднему періоду жизни Г. принадлежатъ три наиболѣе цѣнныхъ его сочиненія. Eruditio didascalia есть цѣлая Энцикло-

педія, въ трехъ книгахъ содержитъ разсужденія по естественнымъ наукамъ, и представляетъ своего рода введеніе въ церковную исторію и въ Св. Писаніе. Опираясь на авторитетъ бл. Іеронима, онъ въ этомъ второмъ отдѣлѣ проводитъ рѣзкую грань между каноническими и неканоническими книгами, и въ то же время, повидимому, придаетъ твореніямъ отцовъ церкви одинаковое значеніе съ каноническими книгами. Другія два сочиненія послѣдняго періода (Summa sententiarum и «О таинствахъ Христовой вѣры») содержатъ въ себѣ изложеніе богословскихъ воззрѣній Г. Въ послѣднемъ онъ опредѣляетъ свое отношеніе къ Абеляру, отъ котораго, какъ и отъ Ансельма, онъ находится въ зависимости въ нѣкоторыхъ изъ своихъ воззрѣній. Къ числу богословскихъ его сочиненій принадлежитъ также сочиненіе подъ заглавіемъ: «Дѣла творенія и дѣла возстановленія». Тутъ онъ трактуетъ о Св. Троицѣ и о трехъ основныхъ божественныхъ свойствахъ: всемогуществѣ, мудрости и любви. Въ вопросѣ о происхожденіи зла онъ далекъ отъ поверхностныхъ тонкостей схоластиковъ позднѣйшаго періода. Первородный грѣхъ, по его ученію, состоитъ въ невѣдѣніи и конкуписценціи. Онъ упоминаетъ пять таинствъ: крещеніе, евхаристію, мvропомазаніе, елеосвященіе и бракъ. Въ трехъ отдѣлахъ по эсхатологіи онъ рекомендуетъ молитвы святымъ.

Творенія Г. издавались много разъ, и наиболѣе извѣстны изданія: Парижъ, 1518 г. (неполное) и 1526 г., въ 3 томахъ, болѣе цѣнное; Венеція, 1588 г.; Майнцъ, 1617 г.; Кельнъ, 1617 г.; Руанъ, 1648 г. (въ 3 томахъ лучшее). Минево изданіе въ его патрологіи представляетъ собой простую перепечатку, безъ всякой критики. Самая обстоятельная монографія написана *Либнеромъ*, подъ заглавіемъ: «Гуго Сенъ-Викторъ» (1832 г.).

2) *Гуго Сенъ Шеръ* (De Sancto Caro), называемый также Гуго De St. Theodorico, род. въ Сенъ-Шерѣ, пригородѣ Вьенны, въ Дофине; изучалъ богословіе и каноническое право въ Парижѣ; вступилъ въ доминиканскій монастырь въ 1224; возведенъ былъ въ санъ кардинала Иннокентіемъ IV, въ 1245; и умеръ въ Орвіетто, въ 1263. Это былъ ученый человѣкъ, который принималъ дѣятельное участіе въ спорѣ между Вильгельмомъ сентъ-амульскимъ и нищенствующими орденами, и былъ членомъ комитета, составленнаго для изслѣдованія Гергардова сочиненія: «Введеніе въ вѣчное евангеліе». Его собственныя сочиненія скорѣе носятъ собирательный, чѣмъ самостоятельный характеръ. Его «Постилла на всю Библію» даетъ краткія объясненія — буквальныя, аллегорическія, мистическія и нравственныя — отдѣльныхъ словъ и содержитъ много курьезныхъ вещей. Но его «Конкорданція на св. Библію», называемая также: «Конкорданція св. Іакова» (потому что ему въ составленіи ея помогали монахи доминиканскаго монастыря Св. Іакова»), или «Конкорданція Англиканская» (потому что цитаты ея впослѣдствіи писаны были англійскими монахами, жившими въ Парижѣ), сдѣлалась образцомъ для всѣхъ послѣдующихъ изданій этого рода. Много сочиненій съ его именемъ доселѣ существуетъ въ рукописи, хотя и сомнительно, всѣ ли они принадлежатъ ему.

3) *Гуго Гроцій*, знаменитый датскій государственный мужъ, законовѣдъ и богословъ; род. въ Дельфтѣ, 1583, и ум. въ Ростокѣ, 1645. Его жизнь тѣсно связана съ судьбой арминіанъ. Его вклады въ экзегетическую и апологетическую литературу, въ систематическое богословіе и въ каноническое право также даютъ ему право на видное мѣсто въ исторіи богословской мысли. Онъ происходилъ изъ знатнаго рода; отецъ его былъ адвокатъ, занимавшій положеніе бургомистра и попечителя въ лейденскомъ университетѣ. Рѣдко еще встрѣчается въ исторіи такая скороспѣлость, какую мы видимъ въ лицѣ Г. Девяти лѣтъ онъ уже сочинялъ латинскіе стихи; въ 16-лѣтнемъ возрастѣ издалъ Марціала Капеллу, а 23-хъ лѣтъ былъ генеральнымъ адвокатомъ Голландіи. Однимъ изъ его профессоровъ былъ Іосифъ Скалигеръ. Іоаннъ Барневельдскій рано призналъ въ немъ талантъ и взялъ его съ собой во Францію. Гроцій спе-

ціально посвятилъ себя изученію законовѣдѣнія и съ большимъ интересомъ отдался литературѣ. Самыми ранними его сочиненіями, кромѣ нѣсколькихъ изданій латинскихъ авторовъ, были три драмы («Страждущій Христосъ», «Исторія Іосифа» и «Изгнанный Адамъ») и историческій трудъ о Батавіанской республикѣ (1610). Но онъ вскорѣ принялъ участіе въ богословскихъ спорахъ, волновавшихъ Голландію въ то время, и поддерживалъ арминіанъ. Послѣ побѣды гомаристовъ (кальвинистовъ) на съѣздѣ въ Дортѣ, онъ былъ осужденъ (1619) на постоянное тюремное заключеніе въ Левештейнѣ. Во время этого тюремнаго заключенія онъ написалъ нѣсколько своихъ сочиненій. Благодаря находчивости своей жены, ему удалось бѣжать. Онъ спрятался въ ящикъ, въ которомъ обыкновенно приносили и выносили изъ его кельи книги и одежду. Въ этомъ ящикѣ его отнесли въ домъ одного его друга, и онъ, переодѣвшись каменщикомъ, бѣжалъ во Францію. Людовикъ XIII назначилъ ему пенсію въ 3,000 ливровъ, и вообще онъ пользовался вниманіемъ и почетомъ. Однако, вслѣдствіе нерасположенія къ нему Ришелье, онъ долженъ былъ оставить Францію; но благодаря благосклонности Христины, ему оказанъ былъ прекрасный пріемъ въ Швеціи. Она отправила его посланникомъ во Францію, гдѣ онъ и оставался въ теченіе десяти лѣтъ. Онъ былъ отозванъ по своей собственной просьбѣ, такъ какъ намѣревался провести остальные годы своей жизни на родинѣ. Корабль, на которомъ онъ отправился, былъ сбитъ бурей съ своего пути. Онъ заболѣлъ, доѣхалъ до Ростока и тамъ умеръ съ словами молитвы на устахъ: «Боже! буди милостивъ ко мнѣ грѣшному». Тѣло его погребено въ Дельфтѣ. Здѣсь не мѣсто говорить о видныхъ заслугахъ Гроція въ качествѣ истолкователя законовъ природы и народовъ; достаточно сказать о немъ, только какъ о богословѣ. Его большой истолковательный трудъ («Примѣчанія къ Ветхому и Новому Завѣту») долго оставался безъ употребленія, но сдѣлался популярнымъ вслѣдствіе свободы автора отъ догматическихъ предрасположеній и вслѣдствіе его старанія повсюду доискиваться простого филологическаго и историческаго смысла. Его апологетическій трудъ («Объ истинѣ христіанской религіи») былъ написанъ въ тюрьмѣ, но впервые изданъ въ 1627. Онъ былъ предназначенъ для моряковъ, которые приходили въ соприкосновеніе съ магометанами и язычниками. Онъ пользовался большою популярностью до недавняго времени и былъ переведенъ на французскій, англійскій, китайскій, малайскій, арабскій и многіе другіе языки, какъ лучшее произведеніе въ своемъ родѣ. Гроцій былъ арминіанинъ, но отвергалъ ставившееся ему въ упрекъ пелагіанство, и въ своей «Защитѣ каѳолической вѣры касательно удовлетворенія Христа, противъ Социна» (1617) отрицалъ всякую наклонность къ социніанству. Исходя изъ строго Ансельмовой теоріи, онъ, намѣсто дѣйствительнаго удовлетворенія со стороны Христа, ставилъ божественное прощеніе ради Христа. Въ смерти Христа, удовлетворившей оскорбленное величіе Божіе, онъ видѣлъ страшный примѣръ наказанія, предназначенный для того, чтобы удерживать людей отъ грѣха.

Богословскіе труды Гроція: Opera Theologica, были изданы въ Амстердамѣ, 1644—1646, 3-й томъ in folio перепеч. въ Лондонѣ, 1660.

ГУДУЛА, св., прозываемая народомъ Гулой или Эргулой, была дочь герцога Тіерри Лотарингскаго и св. Амальберги; посвятила свою жизнь самому суровому подвижничеству; ум. 8 января 712 г., и вскорѣ затѣмъ была канонизована, вслѣдствіе совершившихся у ея гроба чудесъ. Она считается покровительницей Брюсселя, и ей посвященъ соборный храмъ въ этомъ городѣ. См. Acta SS. подъ 8 января.

ГУКЕРЪ Ричардъ, выдающійся богословъ англиканской церкви и ея наиболѣе извѣстный писатель по каноническому праву (род. ок. 1553 г., ум. 1600 г.). Сынъ бѣдныхъ родителей, онъ получилъ образованіе въ Оксфордѣ и въ 1581 г. принялъ священный санъ. Въ это время онъ вступилъ въ бракъ, который оказался несчаст-

нымъ. Впослѣдствіи онъ сдѣлался преподавателемъ въ Оксфордѣ и тамъ имѣлъ большой успѣхъ въ качествѣ проповѣдника. Вся слава Г. основывается на его сочиненіи: «О законахъ церковнаго управленія». Это сочиненіе состоитъ изъ восьми книгъ, четыре изъ которыхъ были изданы въ 1594 г., а пятая въ 1597 г. Послѣднія три книги имѣютъ историческій интересъ. Вдову Г. обвиняли въ томъ, что она сожгла рукопись; но вѣрно это или нѣтъ, во всякомъ случаѣ рукопись пропала. Сохранились однако черновые наброски. Шестая и восьмая книги были изданы въ 1648 г., а седьмая въ 1662 г. Изъ нихъ шестая, по мнѣнію Кебла, вѣроятно, не подлинная; другія двѣ содержатъ сущность того, что писалъ Гукеръ. Непосредственнымъ поводомъ къ составленію «Церковнаго управленія», повидимому, было обвиненіе его со стороны Траверса въ распространеніи спасенія на римскихъ католиковъ и въ недостаточной симпатіи къ кальвинизму. Это былъ весьма важный и самобытный вкладъ въ англійскую церковную литературу XVI вѣка и вообще представляетъ собою первый большой церковный трудъ, написанный на англійскомъ языкѣ. Содержаніе труда болѣе философское, чѣмъ богословское, и онъ болѣе цѣнится за свои широкіе основные принципы, чѣмъ за точность опредѣленія или ясность аргументаціи. Это, въ сущности, отвѣтъ пуританизму, который жестоко, въ теченіе столѣтія, нападалъ на епископальную систему. Вслѣдствіе своего строгаго направленія, Г. доселѣ считается однимъ изъ поборниковъ высокой церковной доктрины въ англиканской церкви. Кромѣ «Церковнаго Управленія», отъ Г. осталось нѣсколько проповѣдей. Первое полное изданіе его сочиненій было сдѣлано Гауденомъ, Лондонъ, 1662 г.; лучшее есть изданіе Кебла, Оксфордъ, 1836 г., въ 4 томахъ.

ГУЛЯЕВЪ Михаилъ Спиридоновичъ, профессоръ. Сынъ профессора кіевской дух. академіи, въ этой же академіи получилъ и высшее образованіе, по окончаніи академическаго курса въ 1849 г. со степенью магистра былъ опредѣленъ профессоромъ орловской семинаріи; здѣсь принималъ участіе въ трудахъ комитета по составленію историко-статистическаго описанія епархіи (съ 1853 г.); въ 1856 г. онъ перешелъ въ кіевскую семинарію, въ 1858 г. назначенъ баккалавромъ кіевской академіи по каѳедрѣ Свящ. Писанія; съ 1861 г. преподавалъ и еврейскій языкъ. Онъ перевелъ на русскій языкъ книги Царствъ, Эздры, Паралипоменонъ, Нееміи и Эсѳирь. Переводъ вначалѣ печатался въ «Трудахъ Кіевской Дух. Академіи». Онъ былъ дѣятельнымъ сотрудникомъ «Руководства для сельскихъ пастырей» и «Кіевскихъ Епарх. Вѣд.»,— въ обоихъ этихъ журналахъ помѣстилъ немало интересныхъ статей. Съ 1863 г. состоялъ ординарнымъ профессоромъ. Скончался 7 іюля 1866 г. отъ холеры. Біографія его — въ «Трудахъ Кіевск. Дух. Акад.» 1866 г., кн. VII.

С. Рункевичъ.

ГУМИЛЕВСКІЙ Александръ Васильевичъ, священникъ. Сынъ діакона с. Рожествина, царскосельскаго у., родился въ 1830 г., образованіе получилъ въ петербургскихъ духовно-учебныхъ заведеніяхъ, по окончаніи академіи въ 1855 г. со степенью магистра пробылъ около года учителемъ словесности въ петербургской дух. семинаріи, потомъ женился и поступилъ священникомъ къ захолустной въ то время христорождественской церкви на Пескахъ въ Петербургѣ. Тяжелое дѣтство при раннемъ сиротствѣ давно питало въ немъ мысль о священствѣ. Съ перваго же шага о. Александръ явился пастыремъ необычно доступнымъ для своихъ прихожанъ во всякое время, искреннимъ ихъ благожелателемъ, другомъ, помощникомъ, наставникомъ. Бывало, будучи приглашенъ къ больному для напутствія, онъ ночью, не стѣсняясь, самъ ходилъ за докторомъ, за лекарствами, будилъ другихъ и доставалъ нужную помощь. Онъ, по разсказамъ очевидцевъ, обладалъ особенною способностью утѣшить человѣка въ горѣ и болѣзни. Особенное вниманіе онъ обратилъ на міръ отверженныхъ, посѣщалъ многочисленные тогда на Пескахъ пріюты

разврата и нищеты и спасалъ не одну гибнувшую душу. Съ величайшею готовностью онъ отзывался на всякое церковнообщественное дѣло, безплатно законоучительствовалъ въ только что возникшихъ тогда воскресныхъ школахъ, участвовалъ въ только что возрождавшихся братствахъ и т. п. Не удовлетворяясь личною дѣятельностью, онъ скоро выступилъ и на арену дѣятельности общественной и въ этой области оставилъ по себѣ въ исторіи память, какъ первый дѣятель организованной приходской благотворительности и родоначальникъ приходскихъ благотворительныхъ обществъ и братствъ въ Петербургѣ. Какъ часто бываетъ съ изобрѣтателями, о. Гумилевскому не первому пришлось осуществить посѣянныя имъ мысли, и первое приходское благотворительное общество въ Петербургѣ учреждено помимо его въ 1862 г. При христорождественской же церкви на Пескахъ благотворительное братство считаетъ свое начало съ 1865 г., впрочемъ, всѣ почти братскія учрежденія (воскресная школа съ 1860 г., библіотека съ 1861 г., пріютъ съ 1863 г.) къ этому времени уже существовали, хотя братство оффиціально и не было открыто. Вмѣстѣ съ тѣмъ о. Александръ былъ весьма извѣстнымъ въ свое время и моднымъ проповѣдникомъ, и подвизался и на литературномъ поприщѣ. Въ «Странникѣ» онъ помѣстилъ разсказъ изъ быта духовенства («Наставники»), но скоро перешелъ на поприще духовной публицистики и велъ отдѣлъ «Замѣтки приходскаго священника»; потомъ онъ вмѣстѣ съ другими тремя священниками издавалъ свой журналъ «Духъ Христіанина». Нѣкоторыя не сдерживаемыя увлеченія привели къ тому, что о. Александръ кончилъ жизнь какъ бы въ забвеніи. Въ 1866 г. онъ былъ перемѣщенъ изъ Петербурга къ преображенскому собору въ Нарву. Здѣсь онъ тоже основалъ приходское благотворительное общество, въ Меррекюлѣ, куда ѣздилъ на дачу, устроилъ церковку. Въ 1867 г., по высочайшему желанію, о. Александръ былъ возвращенъ въ Петербургъ. Онъ былъ назначенъ къ церкви обуховской женской больницы. Но жить ему суждено было недолго. При напутствіи больной онъ заразился тифомъ и скончался 20 мая 1869 г. Смерть его обновила въ памяти общества его заслуги, и похороны его отличались необычайною торжественностію. Похороненъ онъ на смоленскомъ кладбищѣ. На могилѣ члены основаннаго имъ братства поставили мраморный памятникъ. «Приходскій священникъ А. В. Гумилевскій», Спб. 1871 г.—*С. Г. Рункевичъ*, «Приходская благотворительность въ Петербургѣ», Спб. 1900 г.

С. Рункевичъ.

Гурій (львенокъ)—имя нѣсколькихъ святыхъ. Память *1 авг. и 15 ноября.*

ГУРІЙ св. казанскій — первый архіепископъ учрежденной въ 1555 году, черезъ три года послѣ завоеванія Іоанномъ Грознымъ Казани, казанской архіепископіи. Управлялъ казанскою паствою съ 1555 по 1563 годъ, скончался 4 декабря 1563 г. Жизнеописаніе св. Гурія составлено однимъ изъ преемниковъ его по каѳедрѣ, митроп. Гермогеномъ, впослѣдствіи патріархомъ всероссійскимъ, при которомъ въ 1595 году произошло открытіе нетлѣнныхъ мощей св. Гурія, по какому случаю и было составлено, по приказанію царя Ѳеодора Іоанновича, житіе св. Гурія на основаніи устныхъ разсказовъ со стороны лицъ, въ то время еще помнившихъ и лично знавшихъ св. Гурія.

Св. Гурій родился въ концѣ XV вѣка въ г. Радонежѣ и принадлежалъ по происхожденію къ сословію младшихъ бояръ; въ мірѣ носилъ имя Григорія Григорьевича Руготина. Такъ какъ родители его были люди небогатые, то онъ еще въ молодости поступилъ въ услуженіе къ богатому боярину, князю Пенкову (изъ рода князей Ярославскихъ). Съ ранняго дѣтства и въ молодости на службѣ у Пенкова Григорій отличался выдающимся благочестіемъ, былъ, по словамъ Гермогена, «нравомъ смиренъ, и тихъ, и незлобивъ, прилежно притекая къ церкви Божіей, имѣя непрестанное попеченіе объ угожденіи Богу постомъ, и молитвами, и милосты-

нею, и цѣломудріемъ, и прочими добрыми дѣлами; къ сему же и дѣвственное житіе возлюбилъ, ибо не пожелалъ взять жену». Это глубокое благочестіе дало Григорію силы перенести тяжкое испытаніе, которое постигло его въ молодости. Злые люди, завидовавшіе благоволенію князя и княгини къ кроткому юношѣ, котораго они сдѣлали главнымъ управляющимъ надъ всѣмъ своимъ домомъ, обвинили Григорія предъ княземъ въ преступной связи съ женой князя. Князь повѣрилъ этой клеветѣ, хотя Григорій не давалъ къ тому никакихъ поводовъ и хотя княгиня была уже въ зрѣломъ возрастѣ, потому что имѣла уже взрослаго сына. Въ гнѣвѣ князь приказалъ убить Григорія, но молодой княжичъ, увѣренный въ невинности матери, убѣдилъ отца не предавать Григорія смерти, чтобы не показать всѣмъ, что онъ повѣрилъ клеветѣ, позорившей весь домъ князя; онъ приказалъ бросить Григорія въ погребъ, обложенный срубомъ, и бросать ему туда скотскую пищу, по одному снопу въ три дня и по опредѣленной мѣрѣ воды; узнику позволено было взять съ собою только икону Божіей Матери. Въ этомъ ужасномъ заключеніи Григорій провелъ два года, терпя полное одиночество, темноту, лѣтомъ зной и сырость, а зимой холодъ. Это заключеніе надорвало силы Григорія, и онъ въ остальные годы своей жизни не отличался хорошимъ здоровьемъ, хотя былъ крѣпкаго сложенія и высокаго роста, какъ это видно изъ доселѣ хранящихся въ Казани при гробѣ его костылей его и изъ иконныхъ изображеній его. Глубокое религіозное чувство спасло молодого узника отъ отчаянія, отъ попытокъ къ бѣгству или къ самоубійству. Онъ отказался бѣжать даже тогда, когда представилась полная возможность совершить побѣгъ. Къ концу второго года заключенія надзоръ за нимъ былъ ослабленъ; сторожъ позволилъ навѣщать Григорія одному изъ бывшихъ друзей его. Сострадательный человѣкъ чрезъ окошко погребной двери спросилъ Григорія, не нужно ли чего ему, и предложилъ ему приносить лучшую пищу. Но Григорій возблагодарилъ Бога за все и отвѣтилъ: что благодать Божія питаетъ его, и попросилъ только приносить ему письменныя принадлежности, бумагу, чернила и перья. Другъ исполнилъ эту просьбу, и Григорій сталъ писать книжки для наученія малолѣтнихъ дѣтей грамотѣ и начальнымъ молитвамъ. Книжки эти продавались, а деньги раздавались нуждающимся. Въ концѣ второго года заключенія Григорій вышелъ изъ темницы по какому—то особенному знаменію Божію, по необычайному сіянію въ дверяхъ. Князь въ это время могъ или совершенно забыть о немъ, или успокоиться отъ своего гнѣва, почему слуги его и имѣли возможность выражать Григорію свое расположеніе. Выйдя изъ своего заключенія Григорій немедленно отправился въ Іосифовъ волоколамскій монастырь, который былъ недалеко отъ Радонежа, откуда можно заключить, что и служилъ Григорій у князя Пенкова на своей родинѣ. Здѣсь Григорій принялъ монашеское постриженіе съ именемъ Гурія отъ самого препод. Іосифа Волоколамскаго, скончавшагося въ 1515 году, или отъ одного изъ преемниковъ его по игуменству, Даніила (съ 1515 по 1522 г.), впослѣдствіи митрополита московскаго, или Нифонта (съ 1522 по 1543 г.). Волоколамскій монастырь съ самаго начала своего существованія получилъ весьма важное значеніе въ исторіи русской церкви, ставъ во главѣ строго православнаго направленія въ борьбѣ съ усилившеюся ересью жидовствующихъ и съ партіей монаховъ-нестяжателей, противниковъ монастырскихъ вотчинъ. Кромѣ того, этотъ монастырь прославился и могъ привлекать къ себѣ лучшихъ людей, какъ центръ просвѣщенія и какъ образецъ осуществленія строгаго иноческаго устава. Здѣсь самимъ Іосифомъ, извѣстнымъ своею просвѣтительною дѣятельностію, была составлена весьма значительная по тому времени библіотека, дѣятельно пополнявшаяся и его преемникомъ—Даніиломъ. Здѣсь было среди иноковъ (да-

же особое общество любителей духовнаго просвѣщенія и переписчиковъ книгъ. Славился монастырь и своимъ строгимъ іосифовымъ уставомъ, которымъ опредѣлялась жизнь инока до мельчайшихъ подробностей.

Юный лѣтами, но глубоко умудренный тяжелымъ опытомъ жизни, инокъ Гурій началъ съ ревностью исполнять строгій монастырскій уставъ. такъ что возбудилъ въ братіи вниманіе и уваженіе къ себѣ. Это общее уваженіе было причиной того, что въ 1543 году, послѣ смерти игумена Нифонта, Гурій былъ избранъ братіею въ игумены волоколамскаго монастыря и занималъ это почетное положеніе въ теченіе 8 лѣтъ и 10 мѣсяцевъ. На игуменствѣ онъ оставался такимъ же благочестивымъ и смиреннымъ монахомъ, какимъ былъ ранѣе, но слава о добродѣтельномъ житіи его распространилась далеко за монастырскія стѣны, такъ что самъ царь Иванъ Васильевичъ пріобрѣлъ къ нему высокое уваженіе, часто посѣщалъ іосифовъ монастырь и подолгу бесѣдовалъ съ игуменомъ-подвижникомъ. Иноческое смиреніе составляло, повидимому, одну изъ главныхъ и любимыхъ добродѣтелей Гурія и побуждало его удаляться отъ всего, что такъ или иначе выдвигало его личность изъ ряда другихъ. Гурій былъ очевидцемъ важныхъ событій въ исторіи русской церкви. Какъ игуменъ знаменитаго монастыря, онъ, безъ сомнѣнія, принималъ участіе въ соборахъ 1547, 1549 и 1551 годовъ, по своему просвѣщенію, по благочестію, наконецъ, по близости къ царю онъ могъ бы имѣть весьма вліятельный голосъ на соборныхъ совѣщаніяхъ, но этого мы не видимъ. Относительно воззрѣній игумена Гурія на современную церковную русскую жизнь извѣстно только то, что по вопросу о правѣ монастырей владѣть вотчинами Гурій всецѣло держался взгляда препод. Іосифа Волоцкаго, т. е., считалъ это владѣніе не только законнымъ, но и необходимымъ для блага церкви. Въ началѣ 1552 года Гурій оставилъ игуменство, вѣроятно, тяготясь игуменскою властію, и жилъ въ томъ же монастырѣ простымъ монахомъ около двухъ лѣтъ. Въ началѣ 1554 года царь самъ лично послалъ его настоятелемъ въ троицкій селижаровскій монастырь, тверской епархіи, а отсюда черезъ годъ взялъ его на новооткрытую архіепископскую каѳедру въ Казани.

Прошло уже около трехъ лѣтъ со времени взятія Казани, а между тѣмъ замиреніе покореннаго края подвигалось очень плохо. Царь хорошо понималъ, что для упроченія русской власти надъ покоренными инородцами казанскаго края, самымъ дѣйствительнымъ средствомъ является обращеніе ихъ въ христіанство. Съ принятіемъ христіанства инородцы должны были усвоить христіанскій взглядъ на гражданскую власть, какъ богоучрежденную, возмущеніе противъ которой является тяжкимъ преступленіемъ предъ Богомъ. Кромѣ того, становясь единовѣрными и братьями русскимъ по вѣрѣ, казанскіе татары и другіе инородцы покореннаго края, естественно, должны были оставить чувства закоренѣлой вражды къ русскимъ людямъ и ко всему русскому. Все это, помимо естественнаго желанія царя сдѣлать богоугодное дѣло, обратить невѣрныхъ въ православную вѣру, побудило царя учредить въ Казани архіепископскую каѳедру для упроченія и утвержденія христіанства въ казанскомъ краѣ. На соборѣ 1555 года мысль царя была одобрена и было постановлено: «быти въ казанскомъ царствѣ архіепископу, а на Свіягѣ быти архимандриту и игуменомъ, въ Казани у владыки архимандритъ же и игумены; архіепископу быть подъ его областію, городъ Казань со окресными улусы, городъ Свіяга съ горною стороною, Василь-городъ, Вяцкая земля вся». Въ іерархическомъ отношеніи казанскій архіепископъ былъ поставленъ за архіепископомъ новгородскимъ, выше ростовскаго. Оставалось назначить способное лицо на архіепископію. Избрали четырехъ благочестивыхъ священниковъ, въ числѣ которыхъ былъ и селижаровскій игуменъ Гурій. Къ послѣднему царь

и митрополитъ Макарій были особенно расположены, однако не рѣшились, вопреки установившейся церковной практикѣ, поставить его своею волею и бросили жребій. 3 февраля 1555 года совершилось избраніе. Имена четырехъ избранныхъ кандидатовъ были написаны на особыхъ, одинаковыхъ по цвѣту и величинѣ бумажкахъ, кои были свернуты и положены, по обычаю, на престолъ успенскаго собора. Митрополитъ совершилъ торжественное молебствіе съ особымъ прошеніемъ объ избраніи достойнѣйшаго кандидата. Затѣмъ были взяты два жребія и, по уничтоженіи двухъ оставшихся, снова были положены на престолъ и снова было совершено такое же молебствіе. Затѣмъ былъ взятъ рѣшающій жребій, на которомъ оказалось имя Гурія. Тогда царь, митрополитъ съ духовенствомъ и весь народъ воздали славу Богу, «яко избра Богъ мужа преподобна и свята новопросвѣщенному граду Казани». 7 февраля Гурій съ особенною торжественностію посвященъ былъ въ успенскомъ соборѣ въ санъ архіепископа. Въ свиту Гурію и въ сотрудники ему были назначены, безъ сомнѣнія — не безъ его желанія, извѣстные благочестіемъ мужи, Германъ, бывшій архимандритъ старицкаго успенскаго монастыря, жившій въ то время на покоѣ въ волоколамскомъ монастырѣ, гдѣ онъ принялъ постриженіе, вѣроятно, въ игуменство Гурія, Варсанофій, игуменъ песношскаго монастыря, извѣстный своимъ знаніемъ татарскаго языка и еще нѣсколько игуменовъ, священниковъ, клириковъ и свѣтскихъ чиновниковъ архіепископскаго двора (Никонов. Лѣтоп. 1555 г.). На содержаніе казанскаго архіепископа и казанскихъ церквей царь обѣщалъ на соборѣ 1555 года удѣлять десятую долю доходовъ всей казанской земли; Гурію десятина эта выдавалась деньгами и естественными продуктами: «865 рублевъ, да изъ таможенныя пошлины десятые деньги 155 рублевъ 11 алтынъ; 1300 четьи ржи, 500 четьи муки ржаные, 300 четьи пшеницы 100 четьи муки пшеничны, 105 ч. крупъ грешневыхъ, 80 ч. гороху, 500 ч. солоду ячного, 1000 ч. овса, 120 ч. сѣмени конооплянаго, 60 ч. толокна, 50 пудъ масла коровьяго, 500 пуд. меду, 2 гривенки шафрану, 20 гривенокъ перцу, 5 гривенокъ инбирю, 3 грив. гвоздики, 3 корицы, пудъ брынцу, 10 грив. ядеръ миндальныхъ, 2 грив. орѣховъ мушкатныхъ, 2 грив. анису, 10 грив. горчицы, 200 грив. ладону, 10 пуд. воску на свѣчи, 3 ведра вина церковнаго» (Акты археогр. экспед., т. I, стр. 261). Кромѣ того, были обширныя земельныя владѣнія, дававшія архіепископу громадный доходъ. По жалованной грамотѣ Гурію отъ 13 августа 1555 года «архіепископу Гурію казанскому и свіяжскому дано земли на пашню на двѣ тысячи четвертей, трои Кабаны, да Тарлати, да село Кадышъ, да село Караимъ, да село Карадулатъ на рѣкѣ на Мешѣ, со всѣми угодьи, съ лѣсы и съ луги и съ озеры и съ бортными ухожеи, и съ бобровыми гоны, *потомужъ какъ было изстари при царѣхъ.* Да архіепископу жъ даны воды, въ рѣкѣ въ Волгѣ рыбные ловли и съ островы, опричь покосовъ, на которыхъ рыбная ловля, отъ казанскаго устья по обѣ стороны рѣки Волги, по казанской сторонѣ и по свіяжской, до рѣки до Камы... Да архіепископу жъ дали слободу за Булакомъ, на Кураншевѣ, да ему жъ дано мѣсто на посадѣ у Николы чудотворца» (Акты историч., т. I, №162). Такимъ образомъ архіепископъ казанскій обладалъ не меньшимъ богатствомъ, чѣмъ прежніе цари казанскіе.

Одаренный со стороны царя, бояръ и духовенства иконами, книгами и другими принадлежностями церковной утвари. Гурій съ большою свитой торжественно, съ колокольнымъ звономъ, въ сопровожденіи царя и громадной царской свиты выступилъ изъ Москвы 26 мая и отправился въ Казань водою по рѣкамъ Москвѣ, Окѣ и Волгѣ; цѣлыхъ два мѣсяца продолжалось его путешествіе, прерываемое торжественными встрѣчами населенія по берегамъ этихъ рѣкъ; 28 іюля Гу-

рій былъ торжественно встрѣченъ въ Казани, совершилъ водосвятное молебствіе въ каѳедральномъ благовѣщенскомъ соборѣ, обошелъ и окропилъ св. водою стѣны кремля, затѣмъ въ соборѣ совершилъ первую литургію, завершивъ ее обращеннымъ къ народу поученіемъ. Такъ началась пастырская дѣятельность св. Гурія.

Казань въ то время была на осадномъ положеніи. Въ краѣ часто происходили возстанія покоренныхъ инородцевъ, прекратившіяся тогда, когда усиліями русскихъ воеводъ «извелися всѣ лучшіе казанскіе люди, ихъ князи, мирзы и казаки, которые лихо дѣлали» (Акты истор., I, № 191); возстанія происходили до конца царствованія Ивана Васильевича. Такое политическое положеніе края создавало препятствія почти непреодолимыя для просвѣтительно-миссіонерской дѣятельности русскаго духовенства во главѣ со своимъ архипастыремъ. Трудно было побѣдителямъ проповѣдывать свою вѣру побѣжденнымъ, у которыхъ еще кипѣла въ сердцѣ ненависть къ побѣдителямъ и у которыхъ почти каждое семейство оплакивало кого-нибудь, погибшаго въ борьбѣ съ русскими. Въ Москвѣ это понимали, почему и рѣшили приступить къ дѣлу обрусѣнія инородцевъ не съ высшихъ, а съ низшихъ слоевъ. Въ то время, какъ мурзы и князьки были нещадно избиваемы, Гурію было наказано всѣми мѣрами привлекать простой народъ къ вѣрѣ, внушалось ласково обращаться съ ними, поить ихъ и кормить, заступаться за нихъ и всячески беречь ихъ. Разсчетъ былъ вѣрный: въ то время, какъ татарскіе мирзы и инородческіе князьки съ распространеніемъ русскаго владычества неизбѣжно должны были лишиться своего правительственнаго положенія и соединенныхъ съ нимъ привилегій и выгодъ, почему они и боролись съ русскими не на животъ, а на смерть, и истреблялись поголовно,—простой народъ съ перемѣною правительства ничего не терялъ, такъ какъ оброки были легкіе.

Изъ данной Гурію при отправленіи его въ Казань «наказной памяти» отъ царя видно, что Гурію указаны были средства обращенія инородцевъ въ христіанство и дана была весьма значительная гражданская власть, ему ввѣренъ былъ высшій надзоръ надъ всѣми казанскими властями, не исключая самого воеводы казанскаго, съ правомъ писать обо всемъ лично самому царю. Здѣсь указано было Гурію привлекать къ себѣ татаръ, «всякими обычаи, какъ возможно», но отнюдь не принуждать насильно къ принятію христіанства, а приводить ихъ къ вѣрѣ ласкою и любовію. Пожелавшимъ принять крещеніе оказывалось особенное покровительство и давались важныя преимущества: архіепископъ ограждалъ ихъ отъ лихоимства судей и чиновниковъ и селилъ ихъ на своихъ льготныхъ земляхъ; кромѣ того, архіепископу дано было право освобождать отъ наказанія всякаго преступника, если тотъ изъявитъ желаніе принять крещеніе (Акты археограф. эксп., I, 241). Все это, безъ сомнѣнія, много содѣйствовало распространенію христіанства среди инородцевъ. Но и самъ святитель примѣромъ своей истинно святой жизни и своими глубоконазидательными поученіями, съ которыми онъ постоянно обращался къ народу, весьма много содѣйствовалъ обращенію инородцевъ и, по словамъ Гермогена, «многихъ невѣрныхъ въ вѣру привелъ и крестилъ ихъ множество съ женами и дѣтьми». Въ высокомъ санѣ, въ положеніи почти царскомъ, св. Гурій сохранилъ свое благочестіе; это былъ, епископъ-аскетъ, строгій постникъ, пламенный молитвенникъ предъ Богомъ за паству, ревностный проповѣдникъ, всѣмъ доступный и безконечно щедрый для всѣхъ нуждающихся. При своихъ громадныхъ доходахъ не стяжалъ онъ себѣ сокровищъ на землѣ, но стяжалъ сокровище неувядаемое на небѣ. Немногими чертами характеризуетъ Гермогенъ св. Гурія, какъ епископа, но и изъ нихъ ясно выступаетъ высокій духовный обликъ перваго святителя казанскаго. «И жилъ преподобный, пишетъ Гермогенъ, богоугодно, кормя нищихъ и

удовлетворяя неимущихъ всѣмъ потребнымъ, заступаясь за бѣдныхъ, больныхъ и сиротъ и избавляя ихъ отъ бѣдъ, труды къ трудамъ прилагая и всенощное стояніе постоянно совершая въ молитвахъ предъ Богомъ. И угождалъ всякими добрыми дѣлами Богу, крѣпкимъ житіемъ по Богѣ живя и обращая къ вѣрнымъ слово здравое, кроткое и учительское, уча и наставляя и невѣрныхъ познать истиннаго Бога и Творца всего, и многихъ невѣрныхъ въ вѣру привелъ и крестилъ ихъ множество». Темное то было время, но какія свѣтлыя личности озаряли его! Есть ли такія въ нашъ просвѣщенный вѣкъ, одинъ Богъ знаетъ. Внѣшними памятниками дѣятельности св. Гурія въ Казани остались устроенные имъ въ миссіонерскихъ цѣляхъ монастыри спасопреображенскій и троицкій въ Казани, зилантовъ близъ Казани и успенскій богородицкій въ Свіяжскѣ, вновь построенный каменный благовѣщенскій каѳедральный соборъ и большая часть тѣхъ 16 казанскихъ церквей, которыя указываются въ писцовыхъ книгахъ 1567—68 годовъ.

Такъ подвизался св. Гурій до 1561 года. Съ этого года, онъ подвергся тяжкой болѣзни, не оставлявшей его въ теченіе трехъ лѣтъ, до самой смерти. По великимъ праздникамъ приносили его въ церковь, и онъ здѣсь сидѣлъ или лежалъ, а стоять уже не могъ. Почувствовавъ приближеніе смерти, св. Гурій 2 декабря 1563 года принялъ великую схиму отъ своего сотрудника и друга, св. Варсанофія, архимандрита спасопреображенскаго монастыря. 4 декабря въ 8 часовъ вечера св. Гурій скончался послѣ управленія казанскою церковію въ теченіе 8 лѣтъ и 9 мѣсяц. Согласно его завѣщанію тѣло его было погребено за алтаремъ церкви спасопреображенскаго монастыря и въ 1595 году, при перестройкѣ этой церкви, найдено было нетлѣннымъ. Описаніе этого открытія было сдѣлано очевидцемъ событія, святительствовавшимъ въ то время въ Казани, митроп. Гермогеномъ. Вотъ это замѣчательное описаніе. «Когда начали копать рвы, то пришлось снять каменныя гробницы, которыя были построены надъ могилами св. Гурія и Варсанофія, такъ какъ новую церковь предполагалось устроить большихъ размѣровъ, чѣмъ прежняя. Когда же, 4 октября, дошли до гробовъ св. отцевъ, то пришли сказать объ этомъ мнѣ, смиренному. Принесши со всѣмъ освященнымъ соборомъ безкровную жертву Господу Богу и отпѣвъ панихиду, мы отправились въ монастырь и, пришедъ на мѣсто, поклонились гробамъ преподобныхъ отецъ, Гурія и Варсанофія. Вскрывъ гробъ, мы увидали нѣчто совсѣмъ неожиданное: рака святаго была полна благоуханнаго мѵра, мощи же св. Гурія носились, какъ губка, поверхъ мѵра; ни одна часть не была погружена. Нетлѣніемъ одарилъ Богъ честное и многотрудное тѣло его, какъ это видятъ всѣ и нынѣ. Только верхней губы коснулось немного тлѣніе, прочіе члены были цѣлы. Я, недостойный, многогрѣшною рукою коснулся св. тѣла (а св. тѣло плавало), осязалъ ризы, въ которыхъ онъ былъ погребенъ, и онѣ были весьма крѣпки. Попытался съ силою потянуть и мантію его и прочія погребальныя одежды, и онѣ казались крѣпче новыхъ. Въ главахъ у препод. Гурія лежалъ греческій клобукъ вязаный, который, по сказанію учениковъ св. Варсанофія, былъ дѣланъ препод. Варсанофіемъ для Гурія и по смерти святителя положенъ недоконченнымъ въ возглавіе гроба его. Мы соборне осмотрѣли этотъ клобукъ и, взявъ одну прядь изъ него, едва могли перервать ее, потому что она была крѣпче новой. Мы перелили благоуханное честное мѵро въ новый сосудъ, и православные христіане, пользуясь тѣмъ мѵромъ, непрестанно получали исцѣленія. Потомъ мы открыли раку Варсанофія и увидали, что и его мощи почтены отъ Бога нетлѣніемъ, только ногъ коснулось немного тлѣніе, однако такъ, что кости были цѣлы и весьма крѣпки и прочны въ суставахъ, какъ и у св. Гурія, въ чемъ мы удостовѣрились, перелагая святыя и чудотворныя мощи обоихъ

своими собственными руками съ архимандритомъ Арсеніемъ изъ гробовъ въ ковчеги. Дивясь неизрѣченному человѣколюбію Божію, мы со слезами и кротостію пропѣли надгробныя пѣсни надъ преподобными отцами и поставили ихъ поверхъ земли, дабы всѣ приходящіе видѣли ихъ и, дивясь, славили Бога. О всемъ этомъ мы съ архим. Арсеніемъ (спасопреобр. мон.) письменно извѣстили государя царя Θеодора Іоанновича и свят. Іова, патріарха московскаго и всея Россіи. Святой же царь и святой патріархъ воздали славу Богу и повелѣли хранить честныя и многоцѣлебныя мощи поверхъ земли, и у большой церкви съ южной стороны алтаря повелѣли создать церковь и въ ней поставить мощи св. Гурія и Варсанофія; такъ и было сдѣлано, и было множество чудесныхъ исцѣленій отъ св. мощей». Такимъ образомъ и послѣ своей смерти св. Гурій не оставилъ свою паству и утверждалъ ее въ вѣрѣ не меньше, чѣмъ при жизни, нетлѣніемъ своихъ мощей, чудесами и примѣромъ своей святости. Эти мощи вмѣстѣ съ явленною въ 1579 году чудотворною казанскою иконой Божіей Матери служили и доселѣ служатъ духовными свѣтильниками для всего казанскаго края. Съ 19 іюня 1620 года мощи св. Гурія покоятся въ казанскомъ каѳедральномъ благовѣщенскомъ соборѣ.

Источники и пособія: Акты археогр. эксп. I, 257—260; Чт. Общ. Ист. III, 7; Предисл. Древн. Росс. Вивл. VI, 241; Труды Общ. Ист. 1826. 3. 29; Никонов. Лѣтоп. VII; Житіе св. Гурія, сост. мит. Гермогеномъ, напеч. въ Сборникѣ древностей казанской епархіи, Платона Любарскаго. Казань. 1868.

А. Кремлевскій.

ГУРІЙ, архіеп. новгородскій — сынъ причетника села Урусова, алатыр. у., симбирской губ., въ мірѣ Николай Васильевичъ Охотинъ, род. въ 1828 г. Первоначальное образованіе получилъ въ алатырскомъ дух. учил., среднее— въ симбирской дух. сем. и высшее въ с.-петерб. д. ак., которую окончилъ въ 1853 году со степенью магистра. Тогда же онъ былъ назначенъ преподавателемъ въ нижегородскую дух. сем. по гражд. исторіи, а въ 1855 г. перемѣщенъ въ симбирскую, гдѣ сначала былъ преподавателемъ, съ 1856 г. инспекторомъ, а съ 1874 г. ректоромъ съ возведеніемъ, при послѣднемъ назначеніи по рукоположеніи безбрачнымъ въ священство, въ санъ протоіерея. 2 декабря 1889 года протоіерей Охотинъ принимаетъ иночество съ именемъ Гурія и возводится затѣмъ въ санъ архимандрита. Въ томъ же декабрѣ (16) послѣдовало высочайшее соизволеніе о бытіи архим. Г. епископомъ смоленскимъ и дорогобужскимъ, гдѣ онъ оставался впродолженіе 6 лѣтъ (1890—1896 г.), когда вызванъ былъ въ Спб. на высшую чреду служенія— къ постоянному присутствованію въ св. синодѣ. Вслѣдъ за симъ Г., какъ еще раньше принимавшій участіе въ дѣлахъ управленія церковно-прих. школами (въ Симбирскѣ съ 1884 г. онъ былъ предсѣдателемъ епархіальнаго училищн. совѣта), поставляется во главѣ управленія церковно-прих. школами и назначается предсѣдателемъ учил. сов. при св. синодѣ (1896—1900 гг.). Съ 13 октября Г. состоитъ архіеп. новгородскимъ. Изъ полувѣковой службы 37 лѣтъ преосв. Г. посвящены были образованію духовнаго юношества въ д. семинаріяхъ. Въ симбирской д. сем. два поколѣнія прошло подъ его воспитательнымъ вліяніемъ. Въ лицѣ Г. можно видѣть рѣдкій теперь типъ маститаго ректора, всю свою жизнь почти посвятившаго родной школѣ. Столько же любви къ дѣлу Г. внесъ и въ бытность свою представителемъ училищнаго совѣта при св. синодѣ. На это время падаетъ именно широкое развитіе церковно-школьнаго дѣла, разработка новыхъ законодательныхъ проектовъ, штатовъ, программъ, устройство школъ новаго типа—второклассныхъ и церковно-учительскихъ, выработано положеніе о самомъ училищн совѣтѣ и проч., и проч. Относительно собственно-пастырской дѣятельности преосв. Г. мы имѣемъ такой отзывъ его смоленскаго біографа: «Преосвященный Г. за свой невозмутимый покойный характеръ, всегдашнюю доступность, ласковость со всѣми и отеческое участіе къ бѣднымъ и сиротамъ

пользовался въ смоленской паствѣ общею любовью и духовенства, и свѣтскаго общества». Подроб. см. о. Г. «Краткій списокъ смоленскихъ іерарховъ» («Смолен. Епар. Вѣд.» 1896 г. «Церк. Вѣд.» 1900 г. № 45). *В. Е.*

ГУРЬЕВЪ—Вакхъ Васильевичъ, протоіерей. Уроженецъ воронежской губ., родился въ 1830 г., по окончаніи воронежской дух. семинаріи, былъ учителемъ бирюченскаго, а потомъ воронежскаго дух. училища, 20 декабря 1853 г. рукоположенъ во священники къ церкви слободы Новой Мѣловатки, богучарскаго уѣзда, въ 1854 г. перемѣщенъ въ слоб. Поносную; въ 1856 г. онъ уже въ Томскѣ при знаменской церкви и законоучителемъ мужской и женской гимназій. Здѣсь онъ занялся изученіемъ архивныхъ сокровищъ и свои матеріалы и статьи о Сибири помѣстилъ впослѣдствіи въ «Русскомъ Вѣстникѣ» (1881 и 1882 гг.). Въ 1871 г. перешелъ въ военное вѣдомство и назначенъ въ 10-й гренадерскій малороссійскій полкъ (варшавскаго военнаго округа), изъ котораго вскорѣ перешелъ въ 9-й гренад. сибирскій полкъ и назначенъ благочиннымъ 3-й гренад. дивизіи. Въ этомъ званіи онъ совершилъ походъ 1877—1878 гг. Послѣ войны онъ остался съ полкомъ въ Тамбовѣ, въ 1879 г. получилъ протоіерейство, въ 1881 г. перешелъ въ лейбъ-гвардіи гродненскій полкъ (опять варш. воен. окр.), въ 1884 г. назначенъ настоятелемъ собора въ г. Калишѣ и законоучителемъ мѣстной гимназіи. Въ свое время о. Г. имѣлъ широкую литературную извѣстностью. Его «Письма священника съ похода» («Русск. Вѣстн.» 1880 г. и отд. изд. 1883 г.) «произвели большое впечатлѣніе въ широкихъ кругахъ русскаго общества. По правдивости, мѣткости и серьезности содержанія это лучшая хроника русско-турецкой войны; изнанка войны со всѣми ужасами и неприглядными сторонами изображена ярко, живо рукою пастыря, чуждаго осужденія и въ то же время не закрывающаго глазъ на всяческія безобразія, творившіяся въ тылу арміи, спокойно, съ достоинствомъ философа и ловкостью хирурга анализирующаго причины и слѣдствія. Замѣчанія автора по вопросамъ объ организаціи врачебной помощи, смѣшанной военно-медицинской администраціи, лазаретной прислугѣ, обозѣ, лошадяхъ, канцелярскихъ порядкахъ, и пр., несомнѣнно, дали толчекъ къ измѣненіямъ, послѣдовавшимъ въ законодательствѣ». Ему принадлежатъ еще: «Святые мученики воины, за Христа пострадавшіе», Спб. 1876 и 1877, «Учебная книга по закону Божію», Спб. 1873, и много статей въ «Странникѣ», «Церковно-общественномъ Вѣстникѣ», «Русскомъ Вѣстникѣ», «Бесѣдѣ», «Варшавскомъ Дневникѣ» и др. Скончался 24 іюля 1890 г. отъ разрыва сердца.

«Душепол. Чт.» 1894 г., «Варш. Дневникъ» 1890 г., «Прот. Вакхъ Вас. Гурьевъ», М. 1894. *С. Рункевичъ.*

ГУРЬЕВЪ—Викторъ Петровичъ, протоіерей. Родился въ 1842 г., по окончаніи курса московской дух. семинаріи поступилъ священникомъ въ с. Ильинское-Толбузино, клинскаго у., и здѣсь въ числѣ первыхъ священниковъ завелъ внѣбогослужебныя собесѣдованія съ прихожанами, зимою—въ церкви, а лѣтомъ—на церковномъ погостѣ; кромѣ того, и въ церкви онъ ни одного воскреснаго или праздничнаго дня не оставлялъ безъ проповѣди. По примѣру многихъ другихъ священниковъ того времени онъ открылъ на свои средства народную школу, ставшую въ скоромъ времени лучшею въ уѣздѣ. Въ 1875 г. перемѣщенъ въ с. Люберцы, московскаго у., въ 1876 г.—въ с. Покровское, что на Филяхъ, въ 3 в. отъ Москвы. Съ этого времени начинается его сотрудничество въ московскихъ духовныхъ журналахъ, преимущественно въ «Душеполезномъ Чтеніи». Въ 1888 г. онъ вмѣстѣ съ двумя московскими протоіереями сталъ издавать духовный журналъ «Кормчій» (о немъ ниже). Всѣ напечатанныя о. Г. поученія изданы аѳонскимъ пантелеимоновскимъ монастыремъ: «Четіи Минеи въ поученіяхъ на каждый день года», М. 1896, въ 4-хъ томахъ, — книга, представляющая собою не из-

ложеніе Четій Миней, а нравственные уроки, извлеченные изъ житій святыхъ; «Прологъ въ поученіяхъ», М. 1889; 3-е изд. М. 1901; «Поученія по руководству житій святыхъ подвижницъ восточной церкви», М. 1896 (изъ «Четій Миней въ поученіяхъ»); «Поученія по руководству аѳонскаго патерика», изд. 2-е, М. 1896. Поученія о. Г. отличаются доступностью пониманію простого народа, при этомъ чужды всякой искусственной приспособленности и отличаются благородною простотою изложенія и языка. Они неоднократно и нерѣдко перепечатываются въ разныхъ сборникахъ, какъ «Сѣятель», «Троицкіе Листки» и др. *С. Рункевичъ.*

ГУРЬЕВЪ—Петръ Виктор., магистръ богословія. Высшее богословское образованіе получилъ въ московской духовной академіи, гдѣ кончилъ курсъ со степенью кандидата богословія и съ правомъ на степень магистра богословія, по защитѣ диссертаціи. Въ апрѣлѣ 1890 г. поступилъ на службу въ канцелярію св. синода, въ 1891 г. защищалъ диссертацію и былъ удостоенъ степени магистра богословія; въ 1894 г. назначенъ старшимъ секретаремъ канцеляріи св. синода; въ 1900 г. переведенъ изъ канцеляріи св. синода въ училищный совѣтъ при св. синодѣ исполняющимъ обязанности завѣдывающаго совѣтомъ.

Магистерская диссертація его — «Ѳеодоръ, епископъ мопсуестскій» Москва 1890 г. Въ работѣ этой автору пришлось довольствоваться только краткими замѣтками древнихъ писателей и документовъ о сочиненіяхъ избраннаго имъ церковнаго писателя, а также немногими отрывками изъ сочиненій самого Ѳеодора, какіе дошли до нашего времени, и на основаніи такихъ незначительныхъ данныхъ составить себѣ возможно точныя и ясныя представленія о литературной дѣятельности этого писателя. «Авторъ разрѣшилъ эту задачу вполнѣ удовлетворительно. Онъ не только даетъ свѣдѣнія объ утраченныхъ сочиненіяхъ Ѳеодора, но иногда очень остроумно возстановляетъ планъ и общій составъ этихъ сочиненій, пользуясь самомалѣйшими отрывками и замѣтками древнихъ писателей и документовъ. Второе существенное достоинство сочиненія состоитъ въ томъ, что несмотря на крайнюю скудость и отрывочность своихъ матеріаловъ, авторъ даетъ очень цѣльное и отчетливое представленіе о личности и дѣятельности Ѳеодора: по сочиненію автора дѣйствительно знакомишься съ этимъ историческимъ дѣятелемъ... Равно и въ другихъ отношеніяхъ работа автора заслуживаетъ одобренія. Каждый вопросъ авторъ беретъ съ самыхъ главныхъ сторонъ, не путается въ деталяхъ и даетъ всегда отвѣтъ, которымъ можно оставаться удовлетвореннымъ; вопросы поставляются ясно и отвѣты даются не менѣе ясные. Вездѣ въ сужденіяхъ автора видны мѣра и границы». Языкъ сочиненія точный и обработанный; во всемъ сочиненіи нельзя указать ни одной строки, которая бы казалась лишнею. «Въ изложеніи отдѣла догматическихъ воззрѣній Ѳеодора (стр. 241—344) заслуживаетъ похвалы то, что авторъ, раскрывая мнѣніе церковнаго писателя древности, не оставляетъ читателя въ недоумѣніи: какъ смотрѣть на то или другое изъ неожиданныхъ мнѣній Ѳеодора? Въ такихъ случаяхъ авторъ, указываетъ воззрѣнія на тѣ же предметы православныхъ отцовъ церкви (Вас. Велик., Григор. Бог., Іоанна Зл., Аѳанасія Вел. и др.)» (Изъ отзыва проф. А. Бѣляева. Журн. Сов. моск. дух. акад. 1891 г., зас. 5 февр.). *Д.*

ГУСЪ и ГУСИТЫ. Іоаннъ или Янъ Гусъ—славный вождь религіозно-національнаго движенія чешскаго народа въ XIV вѣкѣ. Движеніе это явилось результатомъ протеста славянской души противъ церковныхъ и религіозно-нравственныхъ нестроеній того времени. Это было дѣйствительно мрачное и тяжелое время. Испорченность римской церкви «во главѣ и членахъ» достигла ужасающей степени. Папство, униженное рядомъ позорныхъ личностей, пало въ глазахъ всего міра и при томъ находилось въ «схизмѣ», при которой соперничавшіе между собой папы и антипапы позорили папскій престолъ

своими низкими интригами и искательствомъ предъ государями; прелаты и духовенство предавались пышной, а часто и зазорной жизни, нисколько не заботясь о ввѣренной ихъ попеченію паствѣ, а безъ пастырей и среди паствы начался полный разбродъ, и нравственность пала до крайней степени. Все, повидимому, клонилось къ полному упадку и разрушенію. Тогда въ душѣ благомыслящихъ людей невольно возставалъ роковой вопросъ: что же дѣлать и гдѣ искать выхода изъ этого тяжелаго положенія? Все зло, очевидно, коренилось въ системѣ папства, съ разныхъ сторонъ стали подниматься голоса о необходимости преобразованія всей западной церкви «во главѣ и членахъ», и они нашли себѣ сочувственный откликъ въ знаменитыхъ преобразовательныхъ соборахъ того времени. Но среди чешскаго народа къ этому присоединился еще одинъ мотивъ. Въ глубинѣ его души еще не угасли кирилло-меѳодіевскія преданія, не порвалась еще та внутренняя историческая нить, которая связывала его съ православнымъ востокомъ. И вотъ, въ лицѣ его лучшихъ людей вновь оживились эти преданія, взоры ихъ обратились опять къ православному востоку, гдѣ церковь жила безъ папы и ихъ разлагающей политики,—жила въ простомъ благочестіи, по преданію апостоловъ и оо. церкви. Если гдѣ, то именно тамъ, на правосл. востокѣ, нужно искать спасенія и отъ удручающихъ западную церковь золъ и невзгодъ. Къ сожалѣнію, цѣлые вѣка отчужденія правосл. востока отъ общаго движенія западнаго міра и особенно его печальное положеніе подъ тяжкимъ игомъ ислама не дали возможности осуществиться этому стремленію души чешскаго народа къ возстановленію старыхъ кирилло-меѳодіевскихъ преданій и какъ ихъ необходимаго слѣдствія—возсоединенія съ правосл. востокомъ, и все движеніе получило другой характеръ, находя себѣ стимулъ и поощреніе въ движеніи, возникшемъ на окраинѣ западнаго міра—въ Англіи и имѣвшемъ сродный характеръ въ смыслѣ протеста также противъ папства и дѣлъ его. Виновникъ этого движенія былъ Виклефъ (см.), преобразовательныя идеи котораго, не имѣвшія особеннаго успѣха въ самой Англіи, однако нашли горячее сочувствіе и широкое распространеніе по разнымъ странамъ Европы и особенно въ Чехіи, и онѣ то именно и послужили главной причиной движеній, глубоко потрясшихъ весь латино-христіанскій міръ и подготовившихъ реформацію XVI вѣка. Поводомъ къ сношеніямъ между Англіею и Чехіею послужилъ бракъ Ричарда II съ чешскою принцессою Анною, дочерью Карла VI, германскаго императора и втораго люксенбургскаго короля Чехіи, который умеръ въ 1378 г. и послѣ котораго управляла овдовѣвшая императрица Елизавета. Въ 1382 г. бракосочетаніе было торжественно отпраздновано въ вестминстерскомъ дворцѣ. Виклефъ прославлялъ Анну за то, что у нея было евангеліе на трехъ языкахъ, чешскомъ, нѣмецкомъ и латинскомъ; на этотъ фактъ онъ ссылался для оправданія своего англійскаго перевода Библіи. Затѣмъ, такъ какъ съ 1348 г. въ Прагѣ былъ свой университетъ, то случалось, что чешскіе студенты учились въ Оксфордѣ, въ знаменитѣйшемъ, послѣ парижскаго, университетѣ для богословія. Тамъ они усвоивали себѣ виклефовы идеи и принципы и приносили ихъ вмѣстѣ съ сочиненіями Виклефа на родину. Это нужно сказать особенно объ извѣстномъ Іеронимѣ Пражскомъ, открыто сознавшемся на Констанцскомъ соборѣ, что онъ списалъ въ Англіи діалогъ Виклефа и привезъ его съ собою въ Прагу. Являлись въ Оксфордъ и другіе молодые люди, переписывали другія сочиненія Виклефа и между ними извѣстную книгу «Объ истинѣ священнаго Писанія». И вотъ на этой почвѣ и при этихъ благопріятныхъ обстоятельствахъ зародилось движеніе, которое сначала имѣло чисто религіозно-нравственный характеръ и первыми начинателями котораго были Конрадъ Вальдгаузенъ, Миличъ Кромерижскій и Матеей Яновскій.

Конрадъ, получившій свою фамилію по деревнѣ Вальдгаузенъ въ верхней Австріи, гдѣ онъ родился, и по-

тому чаще называемый Конрадомъ изъ Австріи, былъ приглашенъ въ Чехію императоромъ Карломъ IV въ 1360 или 1362 г. Онъ сдѣлался приходскимъ священникомъ въ Лейтмерицѣ, хотя жилъ большею частью въ Прагѣ, и былъ тамъ потомъ приходскимъ священникомъ на Тейнѣ (умеръ 1369 г.). Это былъ краснорѣчивый проповѣдникъ, и онъ рѣзко изобличалъ испорченность бѣлаго духовенства и монаховъ. Его главный трудъ—«Постилла студентовъ пражскаго университета»; написанный по просьбѣ студентовъ. Одновременно съ Конрадомъ съ честью трудился *Миличъ Кромерижскій* изъ Моравіи, секретарь Карла IV, впослѣдствіи каноникъ въ вышгородской церкви св. Вита (въ Прагѣ) и, наконецъ, архидіаконъ. Въ 1363 г. онъ оставилъ эти свои доходныя мѣста, и архіепископъ напрасно старался удержать его. Онъ произносилъ свои проповѣди сначала внѣ Праги, потомъ въ самой Прагѣ. Но онъ увлекся апокалипсическими фантазіями и однажды въ большомъ собраніи въ лицо назвалъ Карла IV антихристомъ. За это новый архіепископъ Іоаннъ Очко заключилъ его въ темницу. По выходѣ оттуда онъ опять принялся за свое проповѣдничество. Особенно успѣшно трудился онъ по обращенію на путь истины падшихъ дѣвъ, изъ которыхъ онъ спасъ болѣе 200 душъ. Онъ ѣздилъ въ Римъ, въ Авиньонъ, одно время сидѣлъ въ заключеніи въ Римѣ изъ-за нѣкоторыхъ взведенныхъ на него обвиненій и умеръ въ 1374 г. Его главное сочиненіе—«Книжка объ Антихристѣ».—*Матеей Яновскій*, учившійся въ пражскомъ университетѣ и потомъ примкнувшій особенно къ Миличу, былъ каноникомъ въ монастырѣ въ церкви св. Вита и тамъ же духовникомъ; онъ дѣйствовалъ не проповѣдями, какъ оба выше названные дѣятели, но въ тишинѣ частными пастырскими трудами и совѣтами. Преобразованія, къ которымъ онъ стремился, можно было достигнуть, по его мнѣнію, частью чрезъ удаленіе всѣхъ плевелъ, не Богомъ насажденныхъ (Матѳ. 15, 13), и частью чрезъ возвращеніе церкви Христовой къ ея простымъ и здоровымъ началамъ. Тогда какъ Миличъ еще надѣялся на реформу чрезъ папу, Яновскій уже оставилъ всякую такую надежду и едва-ли кто другой такъ ясно понималъ тогдашнія обстоятельства. Онъ умеръ въ 1394 г.

Но эти труженики въ области преобразованія церковно-религіозной жизни были лишь предвѣстниками того могучаго движенія, во главѣ котораго сталъ знаменитый выразитель національно-религіознаго генія чешскаго народа Іоаннъ или Янъ Гусъ. Сынъ простыхъ, хотя и зажиточныхъ родителей, І. Гусъ родился 6 іюля 1369 г., въ базарномъ мѣстечкѣ Гусинецъ (отъ котораго или вѣроятнѣе отъ корол. замка Гусъ онъ и получилъ свое прозваніе). Поступивъ въ пражскій университетъ, онъ съ ревностью отдался изученію науки и быстро получилъ ученыя степени: въ 1394 г. сдѣлался баккалавромъ богословія, въ 1396 году магистромъ свободныхъ искусствъ. Тогда онъ былъ еще строгимъ католикомъ, такъ что когда праздновался юбилей 1393 года, онъ принималъ участіе въ путешествіяхъ ко святымъ мѣстамъ, и за индульгенцію отдалъ свои послѣдніе четыре гроша. Впослѣдствіи онъ горько обличалъ самого себя въ этомъ: «о, тѣ обманываютъ самихъ себя, кто падаютъ ницъ передъ папою и все считаютъ хорошимъ, что дѣлаетъ онъ, какъ и я считалъ это хорошимъ, когда еще не зналъ Св. Писанія и жизни возлюбленнаго Спасителя». Тутъ же онъ обвиняетъ себя въ томъ, что любилъ носить изящную одежду, проводилъ время въ шахматной и другихъ играхъ. Въ 1398 г. онъ открыто выступилъ при университетѣ учителемъ и на одномъ диспутѣ защищалъ виклефовы положенія, вслѣдствіе чего вступилъ въ споръ съ однимъ изъ своихъ сослуживцевъ. Тѣмъ не менѣе въ 1401 г. онъ сдѣлался деканомъ философскаго факультета и вскорѣ послѣ того получилъ мѣсто проповѣдника въ Виѳлеемской часовнѣ, въ Прагѣ, съ правомъ проповѣдывать на чешскомъ языкѣ. Для его

научныхъ стремленій Прага представляла богатыя средства. Университетъ стоялъ на высотѣ своего блеска, и Г. все болѣе расширялъ свои познанія. Онъ изучалъ главнымъ образомъ философскія сочиненія Виклефа, которыя въ то время массами привозились изъ Оксфорда и широко распространялись по странѣ, находя себѣ горячихъ приверженцевъ особенно среди молодежи. Это однако вскорѣ встревожило университетскія власти, и 28 мая 1408 г. постановленіемъ универ. совѣта подвергнуты были осужденію 45 положеній, извлеченныхъ изъ сочиненій Виклефа и строго было запрещено послѣ этого открыто или тайно читать и распространять какія-либо изъ этихъ положеній. Но подобное запрещеніе только еще больше привлекло вниманіе къ произведеніямъ Виклефа и придало имъ еще большій интересъ. Положеніе Г. въ это время было весьма благопріятно. Своими проповѣдями онъ пріобрѣлъ чрезвычайную популярность въ городѣ, и супруга короля Вячеслава, королева Софья избрала его своимъ духовникомъ, вслѣдствіе чего онъ получилъ значительное вліяніе при дворѣ. Въ хорошихъ отношеніяхъ находился онъ и съ архіепископомъ Збынькомъ, который назначилъ его синодальнымъ проповѣдникомъ и поручилъ ему щекотливое дѣло по разслѣдованію обманнаго характера мнимо-чудотворной реликвіи крови Христовой въ Вилснакской церкви, привлекавшей къ себѣ множество богомольцевъ. Результатомъ разслѣдованія было, что лѣтомъ 1406 г. путешествіе на богомолье въ Вилснакъ было запрещено особымъ архіепископскимъ приказомъ. Добрыя отношенія Г. съ Збынькомъ однако съ 1408 г. начали измѣняться, такъ какъ со стороны духовенства, раздраженнаго рѣзкими обличеніями Г., начались жалобы, доносы и клеветы на него. Такъ, духовенство Праги и епархіи жаловалось, что 16 іюля 1407 г. Г. будто бы сказалъ съ церковной каѳедры, что всякій священникъ, взимающій плату, особенно съ бѣдныхъ, за крещеніе, причащеніе и погребеніе и пр., есть еретикъ. Вѣроятно, Г. очень рѣзко выражался противъ корыстолюбія священниковъ. Духовенство упрекало его еще и въ томъ, что вслѣдствіе его проповѣдей міряне стали относиться къ нимъ еще враждебнѣе прежняго. Гусъ протестовалъ, но напрасно. Онъ былъ лишенъ должности синодальнаго проповѣдника (1408 г.); кромѣ того, архіепископъ прибилъ къ церковнымъ дверямъ грамоту на латинскомъ и чешскомъ языкѣ, въ которой всенародно клеймилъ Г., какъ непокорнаго сына церкви и запрещалъ ему въ своемъ округѣ исполнять священническія требы. Такая суровость въ отношеніи Г. находилась въ связи съ церковно-политическими обстоятельствами, волновавшими тогда латино-христіанскій міръ. Королю Вячеславу хотѣлось въ своихъ земляхъ держать нейтралитетъ по отношенію къ обоимъ соперничающими между собой папамъ авиньон. Бенедикту XII. и рим. Григорію XII, и потому онъ требовалъ отъ духовенства и университета постановленія въ этомъ смыслѣ. Но архіепископъ и большая часть духовенства заявили, что они не могутъ нарушить обѣта послушанія Григорію XII. Въ университетѣ изъ четырехъ, составлявшихъ его «націй», т. е. чеховъ, нѣмцевъ, поляковъ и саксонцевъ, за нейтралитетъ стояли только чехи, а Г. имѣлъ рѣшительное вліяніе на эти народности. Это то и разгнѣвало Збынька. Завязался споръ между обѣими партіями университета. Нѣмцы, т. е. баварская, польская и саксонская націи, составляли большинство и имѣли больше голосовъ въ сравненіи съ чехами, которые сочли это національнымъ позоромъ для себя. Да и несправедливо было бы, что каждая изъ иностранныхъ націй имѣла по голосу, слѣдовательно три голоса, а сами чехи всего только одинъ, при чемъ это было не согласно и съ первоначальнымъ уставомъ университета. И въ парижскомъ университетѣ, который считался образцомъ и примѣромъ для пражскаго, французская нація имѣла больше голосовъ. Сообразно съ этимъ 18 января 1409 г. Вячеславъ издалъ на имя ректора университета

декретъ, чтобы чешская нація при всѣхъ выборахъ и дѣйствіяхъ университета имѣла три голоса, такъ что три иностранныя націи вмѣстѣ получали только одинъ голосъ. 22 января 1409 г. издано было постановленіе, чтобы никто въ Чехіи, ни изъ духовнаго, ни свѣтскаго званія, отнюдь не признавалъ Григорія XII папою и не оказывалъ ему повиновенія. Королевскій декретъ вызвалъ въ нѣмецкой націи чрезвычайное раздраженіе. Она стала ходатайствовать о томъ, чтобы бывшій до сихъ поръ способъ подачи голосовъ оставался и дальше, угрожая въ противномъ случаѣ навсегда удалиться изъ Праги. Такъ какъ хлопоты у короля оказались напрасными, то началось выселеніе; по крайней мѣрѣ, 2,000 человѣкъ нѣмецкой націи оставили тогда Прагу и въ томъ же году основали университетъ въ Лейпцигѣ. Это событіе было весьма важно по своимъ послѣдствіямъ въ двухъ отношеніяхъ. Нѣмцы получили въ Чехіи сильный ударъ, за которымъ вскорѣ послѣдовали и другіе. Гусъ, игравшій во всемъ этомъ дѣлѣ видную роль, стоялъ теперь на вершинѣ своей національной славы и вліянія. Король Вячеславъ, которому онъ помогъ достигнуть нейтралитета въ отношеніи къ обоимъ папамъ, благоволилъ ему; королева Софья часто являлась на его проповѣди; народъ высоко цѣнилъ его и глубоко уважалъ. Въ октябрѣ 1409 г. его выбрали первымъ ректоромъ новоорганизованнаго университета, и взоры всѣхъ были устремлены на него, такъ что одинъ современникъ могъ назвать его учителемъ и вождемъ во Израилѣ. Но, съ другой стороны, противъ него преимущественно направилась ненависть выселившихся нѣмцевъ, а чрезъ нихъ и всѣхъ нѣмцевъ вообще.

Съ этого времени разладъ между Гусомъ и іерархіею дѣлается все серьезнѣе и рѣзче. Архіепископу хотѣлось такъ или иначе повредить столь высоко поднявшемуся Гусу, и онъ немедленно отправилъ въ Римъ депутатовъ, которые подали папѣ жалобу на то, что въ Чехіи и Моравіи распространились лжеученія Виклефа. Папа поручилъ архіепископу пригласить нѣкоторыхъ ученыхъ и докторовъ для борьбы съ лжеученіями; приказалъ отбирать повсюду виклефовы сочиненія, а также запретить простонародныя проповѣди. Гусъ апеллировалъ къ папѣ, которому надѣялся лучше объяснить дѣло, и самъ принесъ Збыньку бывшія у него книги, заявивъ, что если въ нихъ найдутся какія либо лжеученія, то онъ публично отречется отъ нихъ; другіе послѣдовали примѣру Гуса. Набралось около 200 томовъ, и въ нихъ были найдены разныя лжеученія и ереси; помѣстный соборъ 16 іюля 1410 г. призналъ необходимымъ сжечь всѣ эти книги и запретить произнесеніе проповѣдей въ часовняхъ. 16 іюля на дворѣ архіепископскаго замка въ Градджинѣ, въ присутствіи капитула и многихъ священниковъ, масса сочиненій Виклефа была сожжена. Збынько думалъ раздавить этимъ оппозицію и запугать общественное мнѣніе. Но въ этомъ онъ обманулся. Принятыя имъ мѣры возмутили приверженцевъ Гуса и возбужденіе охватило даже низшіе слои населенія. На улицахъ открыто стали распѣваться сатирическія пѣсни объ архіепископѣ: «Збынекъ, епископъ, грамотей, сожегъ книги, не зная самъ, что написано въ нихъ». За насмѣшками послѣдовали оскорбленія дѣйствіемъ. 22 іюля, въ праздники Маріи Магдалины, когда архіепископъ совершалъ литургію, произошелъ народный бунтъ, и архіепископъ долженъ былъ оставить церковь. Въ Новградѣ едва не убили священника, который осмѣлился поносить Гуса. Между тѣмъ Гусъ продолжалъ проповѣдывать въ Виѳлеемской часовнѣ на чешскомъ языкѣ передъ несмѣтною толпою народа, который шумно выражалъ ему свое одобреніе. Однажды проповѣдникъ въ увлеченіи воскикнулъ: «стало во истину необходимо, дабы и мы, какъ повелѣлъ Моисей въ Ветхомъ Завѣтѣ, опоясались мечемъ и защищали Законъ Божій». Это еще болѣе раздражило его враговъ. Въ то же время Гусъ получилъ отъ архіепископа папскій приказъ лично явиться въ Римъ для от-

вѣта, а 15 марта 1411 г. во всѣхъ церквахъ Праги (за исключенiемъ двухъ) торжественно объявлено было объ отлученiи Гуса; вмѣстѣ съ тѣмъ послѣдовало отлученiе и пражскаго магистрата; а когда и это не принесло никакой пользы, Збынько наложилъ интердиктъ на весь городъ. Однако всѣ эти мѣры не увѣнчались успѣхомъ. Гусъ продолжалъ свои проповѣди, какъ будто ничего ни бывало, и во многихъ церквахъ обѣдни и другiя службы совершались какъ обыкновенно по прежнему. Тѣ изъ приходскихъ священниковъ, которые соблюдали интердиктъ, должны были, по приказанiю думы, оставить городъ.

Съ кончиной архiепископа (28 сент. 1411 г.) борьба нѣсколько затихла, но она вскорѣ возгорѣлась вновь, когда въ Чехiю явились продавцы индульгенцiй. Гусъ выступилъ съ рѣзкимъ протестомъ. Съ церковной каѳедры и въ ученыхъ пренiяхъ передъ студентами онъ обличалъ обманный характеръ индульгенцiй. «Никакое папское отпущенiе грѣховъ, говоритъ онъ, не принесетъ пользы человѣку, если только самъ онъ прежде не обратится къ Богу. Благоразумные священники Христовы не просто говорятъ исповѣдующемуся, что ему разрѣшаются грѣхи, а предполагаютъ условiе, что онъ прежде раскаивается въ своихъ грѣхахъ, имѣетъ намѣренiе отнюдь уже не грѣшить, и полагаясь на милосердiе Божiе, въ будущемъ желаетъ исполнять заповѣди Господни. Многiе простодушные мiряне по невѣдѣнiю думаютъ, что папѣ ни въ какомъ случаѣ не слѣдуетъ противорѣчить. Но будто папа не можетъ заблуждаться—эта мысль не только ложная, но и кощунственная; ибо иначе онъ былъ бы столь же безгрѣшенъ, какъ и Христосъ. Всякiй благоразумный человѣкъ долженъ справиться прежде всего, что говоритъ Писанiе, и твердо держаться его. Ученикъ Христовъ долженъ съ бодрствующимъ умомъ испытывать папскiя буллы. Если онъ найдетъ въ нихъ что-либо противорѣчащее закону Христову, то долженъ мужественно стать на сторону Христа противъ буллъ». Такъ выражался Гусъ на одномъ публичномъ диспутѣ 7-го iюня 1412 г. Въ этомъ же смыслѣ говорилъ также и присутствовавшiй тутъ Iеронимъ и съ такимъ одушевленiемъ и огнемъ, что его сопровождала домой даже еще болѣе шумная толпа студентовъ, нежели какая шла за Гусомъ. Вскорѣ начались и уличныя издѣвательства надъ папскими буллами уже болѣе грубаго свойства, съ участiемъ народа. Одинъ дворянинъ устроилъ большую уличную процессiю, въ серединѣ которой на телѣгѣ ѣхали публичныя женщины, съ папскими разрѣшительными буллами на шеѣ и на груди, а впереди и позади шла толпа людей съ мечами и бичами. Процессiя прошла мимо архiепископскаго дома и остановилась на рыночной площади Новаграда, гдѣ разведенъ былъ костеръ, на которомъ были сожжены папскiя буллы—въ отвѣтъ на сожженiе сочиненiй Виклефа два года тому назадъ. Хотя Вячеславъ оставилъ въ покоѣ виновника этого скандала, однако приказалъ магистрату на будущее время запретить, подъ страхомъ смертной казни всякое публичное оскорбленiе папы и всякое противодѣйствiе булламъ, а самому Гусу приказано было удалиться на нѣкоторое время изъ Праги. Передъ отъѣздомъ Гусъ отпечаталъ статью, въ которой онъ апеллировалъ ко Христу, праведному Судiѣ, на несправедливыя преслѣдованiя и проклятiя со стороны курiи. Въ декабрѣ 1412 г. онъ оставилъ Прагу и жилъ въ замкахъ сочувствовавшихъ ему друзей, на открытомъ полѣ произносилъ проповѣди толпамъ стекавшихся къ нему людей; въ это же время онъ написалъ немало сочиненiй, между ними свой трудъ «О церкви», и ободрялъ своихъ пражскихъ друзей и приверженцевъ письмами, дышащими истинно апостольскимъ помазанiемъ и силою.

Между тѣмъ на 1-е ноября 1414 года назначенъ былъ въ Констанцѣ всеобщiй соборъ для улаженiя накопившихся церковно-политическихъ нестроенiй и смутъ, и Гусу приказано было явиться на судъ этого собора. Онъ дѣйствительно отправился въ путь, и притомъ

съ явнымъ предчувствіемъ, что онъ идетъ на смерть, какъ показываетъ весьма трогательное прощальное письмо его къ пражскимъ друзьямъ: «Я отправляюсь въ среду многочисленныхъ и могущественныхъ враговъ, писалъ онъ, но уповаю на Бога спасенія моего, что Онъ ради своего обѣтованія и вашихъ молитвъ дастъ мнѣ мудрость и велерѣчивыя уста. Молитесь, возлюбленные, обо мнѣ непрестанно, дабы мнѣ твердо устоять въ Его истинѣ. Если моя смерть будетъ споспѣшествовать Его славѣ, то пусть это такъ и будетъ». По пути, въ который онъ отправился 11-го октября 1414 г., ему повсюду оказывали величайшее вниманіе; народъ, къ удивленію самого Г., тѣснился къ нему, желая видѣть достославнаго мужа. Въ Нюренбергѣ ему пришлось бесѣдовать съ нѣсколькими священниками, которые засвидѣтельствовали ему свое полное согласіе съ нимъ. 3-го ноября онъ прибылъ со своими спутниками въ Констанцъ, гдѣ, получивъ королевскую охранную грамоту, спокойно готовился къ отвѣту предъ соборомъ. Но враги его (и между ними, къ великому огорченію Гуса, оказались бывшіе друзья его юности Михаилъ Де-Кавзисъ и докторъ Стефанъ Палецъ) не дремали и дѣлали все для его погубленія. Они распустили слухъ, будто Г., опасаясь кары за свои ереси, пытался тайно бѣжать изъ города. Хотя это оказалось совершенно ложнымъ, но враги его воспользовались этимъ слухомъ, чтобы арестовать его. Арестъ произведенъ былъ 28-го ноября, и Гуса заключили въ епископскій дворецъ, гдѣ жилъ папа Іоаннъ XXIII, подъ предлогомъ испытать его въ присутствіи папы и кардиналовъ, а затѣмъ перевели въ доминиканскій монастырь, гдѣ его посадили въ мрачную тюрьму, смежную съ клоакою. Когда до Сигизмунда, бывшаго въ дорогѣ отъ Аахена къ Констанцу, дошла вѣсть объ арестѣ Гуса, онъ сильно разгнѣвался и отправилъ въ Констанцъ приказъ освободить его, угрожая, что иначе онъ велитъ взломать его темницу. Но ему возразили, что въ дѣлѣ отлученія еретика права церкви выше правъ государя, и Гуса продолжали томить въ тюрьмѣ и даже заковали въ цѣпи, несмотря на постигшую его тяжкую болѣзнь. Но вотъ открылись засѣданія собора, который опозорилъ себя однимъ изъ несправедливѣйшихъ приговоровъ надъ великимъ поборникомъ истины. 5-го іюня Гусъ въ первый разъ явился на него. На столѣ лежали 19 пунктовъ, выписанныхъ Герсономъ изъ его сочиненія «О церкви» и считавшихся имъ противными истинному вѣроученію. Но въ засѣданіи поднялся такой крикъ, что Г. не могъ вымолвить ни слова и выразилъ только удивленіе, что въ подобномъ собраніи такъ мало приличія. На засѣданіи 7-го іюня Гуса заклинали отказаться отъ своихъ заблужденій, а онъ отвѣтилъ, что не затѣмъ онъ пріѣхалъ въ Констанцъ, чтобы упорно утверждать что-нибудь, а за тѣмъ, чтобы научиться чему-нибудь лучшему, если ему докажутъ, что онъ заблуждается. Когда онъ оставлялъ палату, вѣрный ему другъ Іоаннъ Хлумъ сказалъ ему: «мужайся, учитель Г., пусть скорѣе у тебя отнимутъ жизнь, чѣмъ истину». 8-го іюня состоялось новое засѣданіе. На столѣ лежали 39 обвинительныхъ пунктовъ, изъ коихъ 26 были взяты изъ сочиненія «о церкви». Ужасно раздражены были члены собора положеніемъ, что если апостолы и истинные священники умѣли управлять церковью и безъ папства, — то можно бы было и теперь, а пожалуй и до конца міра обойтись безъ папы, хотя такое воззрѣніе въ виду соблазнительнаго папскаго раскола было высказано и въ Парижѣ почтенными мужами. Въ концѣ засѣданія Петръ Алліакъ сообщилъ ему, что коммиссія изъ 60 докторовъ по уполномочію отъ собора пришла къ такому заключенію: Гусъ долженъ 1) повиниться, что онъ заблуждался въ тѣхъ положеніяхъ, которыя онъ до сихъ поръ утверждалъ; 2) подъ присягою отказаться отъ нихъ навсегда; 3) опровергнуть ихъ публично, и 4) на будущее время принимать и защищать противоположныя

этимъ положенія. Гусъ просилъ собраніе не заставлять его отказываться подъ присягою отъ такихъ положеній, которымъ онъ вовсе и не училъ или которыя онъ считаетъ истинными (напр. что не Петръ, а Христосъ есть глава церкви). Если бы онъ клятвенно отрекся отъ всѣхъ положеній, вмѣняемыхъ ему въ вину, то онъ сказалъ бы ложь и навлекъ бы на себя вѣчное осужденіе, что было бы противъ его совѣсти.

Въ теченіе этихъ мучительныхъ дней Гусъ искалъ себѣ облегченія въ перепискѣ съ своими чешскими друзьями и преверженцами. Изъ нея видно, что ему уже предносилась мысль объ угрожающей ему смерти. Одно изъ его писемъ заканчивается словами: «написано въ узахъ, въ ожиданіи сожженія». Онъ проситъ чеховъ, что если онъ что-либо писалъ и чему либо училъ вопреки правдѣ Божіей, то пусть они не принимаютъ этого. При воспоминаніяхъ о друзьяхъ юности, ставшихъ теперь его смертельными врагами, онъ говоритъ: «да проститъ имъ Богъ, не вѣдятъ бо, что дѣлаютъ». Онъ жалуется также на тѣлесныя страданія, но смотритъ на нихъ какъ на наказаніе за свои грѣхи и какъ на знакъ любви Божіей. Въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ: «теперь-то я начинаю понимать псалтырь». Чѣмъ ближе подходилъ онъ къ смерти, тѣмъ больше развивался и просвѣтлялся его христіанскій характеръ. Зато его отзывы о соборѣ очень рѣзки и отрицательны; онъ не считаетъ его непогрѣшимымъ, что, впрочемъ, уже раньше во всеуслышаніе заявлялъ и Петръ Алліакъ. По поводу низложенія Іоанна XXIII, Гусъ сказалъ: «что же теперь сталось съ мнѣніемъ многочисленныхъ ученыхъ, что будто папа есть глава церкви, животворящее сердце церкви, ея неисчерпаемый источникъ благодати, прибѣжище всякаго христіанина. Вотъ теперь весь христіанскій міръ существуетъ безъ папы, имѣя главою Христа». Соборъ, по его мнѣнію, заблуждается и на счетъ его положеній и потому не будетъ имѣть успѣха. При этомъ случаѣ онъ писалъ пражанамъ: «Гусу (почешски—гусю) они разставили силки, но такъ какъ гусь птица мирная и кроткая, и полетъ его не высокъ, то онъ и не можетъ разорвать своихъ путъ. Но явятся другія птицы, которыя силою слова Божія взлетятъ выше и положатъ предѣлъ коznямъ враговъ». Ту же мысль повторяетъ онъ въ другомъ письмѣ: «уповаю на Бога, что послѣ меня Онъ пошлетъ болѣе мужественныхъ борцовъ, нежели теперешніе, и тѣ лучше раскроютъ злобу антихриста». Вѣроятно, на основаніи этихъ изреченій впослѣдствіи, въ вѣкъ реформаціи, сложилось преданіе, что Гусъ, уже будучи на кострѣ, во всеуслышаніе сказалъ: «Вы теперь жарите *Гуся* (Гуса); но послѣ него явится лебедь (гербъ Лютера), котораго вамъ уже не удастся сжарить». Новѣйшая исторіографія подвергаетъ сомнѣнію подобныя сказанія; но они такъ мѣтко характеризуютъ настроеніе современныхъ умовъ, что отрицать ихъ съ легкимъ сердцемъ было бы противно здравой исторической критикѣ.

Сдѣлана была и еще одна послѣдняя попытка побудить Г. отречься отъ своихъ убѣжденій, но когда и она оказалась тщетною, то 6-го іюля **1415** г въ Констанцской соборной церкви, въ торжественномъ засѣданіи, подъ предсѣдательствомъ кардинала-епископа изъ Остіи, въ присутствіи короля Сигизмунда, былъ произнесенъ окончательный приговоръ мученику. Засѣданіе началось совершеніемъ обѣдни. Гусъ долженъ былъ, какъ еретикъ, стоять въ преддверіи до конца богослуженія. По окончаніи литургіи его ввели въ церковь, и одинъ епископъ произнесъ слово на текстъ Римл. **6**, 6: «мы знаемъ теперь, что ветхій нашъ человѣкъ распятъ съ нимъ, чтобы упразднено было тѣло грѣховное». Проповѣдникъ горячо возставалъ противъ ересей, указывалъ на «обязанность начальства искоренять ихъ, особенно (показывая при этомъ на Г.) этого еретика, который уже въ вашихъ рукахъ»,—и, обращаясь къ Сигизмунду, продолжалъ: «уничтоженіемъ этого еретика ты заслужишь

себѣ безсмертное имя въ потомствѣ». Изъ заблужденій, въ какихъ обвиняли Гуса, 30 были признаны особенно тяжкими; ихъ прочли, предварительно велѣвъ ему молчать, а онъ, ставъ на колѣна, громко воскликнулъ, что свое дѣло предоставляетъ праведному суду Божію.

Затѣмъ папскій судья прочиталъ Гусу приговоръ, что онъ, какъ упорный еретикъ, лишается сана и всякаго освященія, и передается въ свѣтскія руки для наказанія чрезъ сожженіе; книги его также подлежатъ сожженію. Гусъ горячо возражалъ, особенно противъ сожженія книгъ: «какъ можете вы осуждать мои книги? Я желаю только, чтобы онѣ были исправлены на основаніи Писанія. Этого вы не дѣлаете. Вы даже и не знаете ихъ всѣхъ, ибо многія написаны на чешскомъ языкѣ, котораго вы не понимаете». При этомъ Гусъ палъ на колѣна и молилъ Бога о прощеніи враговъ, неправедно осудившихъ его. Но это вызвало въ собраніи взрывъ смѣха. Затѣмъ къ нему подошли трое назначенныхъ для того епископовъ, одѣли его въ приготовленное заранѣе полное священническое облаченіе, дали ему въ руки св. чашу, и опять предложили ему отречься отъ своихъ убѣжденій. Когда онъ отказался отъ этого, съ него сняли священническія ризы одну за другою. Взявъ изъ его рукъ св. чашу, они сказали: «проклятый Іуда, ты, оставившій путь мира, дабы войти въ союзъ съ жидами, — мы отнимаемъ у тебя эту чашу, въ которой приносится въ жертву кровь Христова во спасеніе міра». Гусъ отвѣчалъ: «а я возлагаю всю свою надежду, все свое упованіе на моего Бога и Спаса, и надѣюсь, что Онъ не исторгнетъ отъ меня чаши спасенія. Твердо вѣрую, что еще сегодня буду пить изъ нея». Въ знакъ осужденія на него надѣли высокую пирамидальную шапку, съ изображеніемъ діаволовъ и съ надписью «ересіархъ» и сказали: «мы предаемъ твою душу діаволу». Гусъ отвѣчалъ: «Я предаю ее въ руки нашего всеблагого Спаса Іисуса Христа. Онъ за меня бѣднаго грѣшника носилъ терновый вѣнецъ. Потому и я въ честь Его имени и за Его истину радъ понести этотъ вѣнецъ, который безконечно легче Его». Императоръ передалъ Гуса пфальцграфу Людвигу, а этотъ констанцскому магистрату для сожженія его живымъ. Въ тотъ же день 6 іюля 1415 г. совершена была и самая казнь. Громадная толпа народа сопровождала благороднаго мученика въ его послѣднемъ шествіи къ мѣсту казни. Прибывъ туда, Г. палъ на колѣна и сталъ молиться. Многіе, услышавъ его молитву, говорили: «мы не знаемъ, чему училъ этотъ человѣкъ, но теперь изъ его устъ слышимъ только добрыя и благочестивыя слова». По приказу палача, онъ поднялся и громко воскликнулъ: «Господи Іисусе Христе, съ радостію и смиреніемъ претерплю я такую страшную смерть за Твое святое Евангеліе и ради благовѣствованія божественнаго слова». Затѣмъ его раздѣли и привязали къ столбу, подложили дровъ и соломы подъ ноги и обложили до подбородка дровами. Разсказываютъ, что когда воздвигали этотъ костеръ, одна бѣдная старушка тоже захотѣла принять участіе въ этой казни «ересіарха», чтобы и самой воспользоваться хоть частью награды отъ Бога, и отъ своего скуднаго запаса также принесла вязанку дровъ и съ благоговѣніемъ подложила ихъ подъ ноги Гуса. При видѣ этого усердія старушки великій страдалецъ только воскликнулъ: «о святая простота»! Когда все было готово, пфальцграфъ еще разъ подошелъ къ нему и предложилъ ему отречься; Г. отвѣчалъ, что онъ съ радостію запечатлѣетъ свое ученіе смертію. Послѣ этого зажгли костеръ, а Гусъ пѣлъ: «Іисусе, Сыне Бога живаго, умилосердись надо мною». Пламя между тѣмъ бросилось ему въ лицо; видно было только, какъ еще шевелились у него губы. Черезъ нѣсколько мгновеній онъ беззвучно задохся. Одежду его бросили въ костеръ, а пепелъ его высыпали въ Рейнъ, чтобы чехи не сдѣлали его предметомъ поклоненія. Но они вырыли самую землю на томъ

мѣстѣ, гдѣ стоялъ мученикъ, и взяли ее съ собою какъ святыню.

Вскорѣ послѣдовалъ за своимъ учителемъ и Іеронимъ Пражскій, благородный сподвижникъ Гуса. Вопреки рѣшительному совѣту послѣдняго, онъ тайно пріѣхалъ въ Констанцъ; почуявъ опасность, онъ хотѣлъ было бѣжать, но былъ схваченъ на дорогѣ, томился 340 дней въ отвратительномъ заключеніи, и понесъ мученическую кончину на кострѣ, испустивъ духъ съ радостнымъ исповѣданіемъ вѣры во Христа на устахъ. Онъ страдалъ дольше и гораздо сильнѣе Гуса и умеръ 30 мая 1416 г.

Гусъ пострадалъ за принципъ свободнаго церковно-религіознаго самоопредѣленія, за независимость убѣжденія отъ внѣшняго авторитета, и мощно закрѣпилъ его своею мученическою смертью. Главнымъ источникомъ христ. вѣроученія и жизни онъ считалъ Св. Писаніе, не отрицая однако и другого источника,—именно Св. Преданія. Противъ обвиненія, будто онъ излагаетъ Св. Писаніе по собственному разуму и не соображается съ толкованіями отцовъ церкви, онъ приводилъ въ свою защиту то, что въ дѣйствительности часто приводитъ мнѣнія отцовъ и учителей церкви.—Свои убѣжденія и воззрѣнія относительно церкви онъ изложилъ преимущественно въ «Трактатѣ о церкви» [1]), прочитанномъ въ Виѳлеемской часовнѣ. Это тяжеловѣсный трудъ, въ которомъ Гусъ учитъ о церкви въ духѣ бл. Августина, какъ о церкви избранныхъ. А если церковь есть общество избранныхъ во Христѣ, то Христосъ есть глава церкви, и такъ какъ не можетъ быть двухъ главъ, то Онъ и есть единственная глава, абсолютно достаточная глава. Что касается папства, то Гусъ прямо говоритъ, что не папа, а только Христосъ есть глава вселенской церкви (caput, capitaneus). Двухъ главъ не можетъ быть, иначе вышло бы чудовище [2]). Если бы какой-нибудь христіанинъ сдѣлался главою церкви, то онъ былъ бы самимъ Христомъ, или же пришлось бы согласиться, что Христосъ подчиненъ ему. Лишь въ томъ случаѣ римскій епископъ есть намѣстникъ Христовъ, наслѣдникъ Петра, обладатель апостольской каѳедры, когда онъ слѣдуетъ по стопамъ Христа, учитъ и живетъ по апостольски. Папскимъ велѣніямъ надо слѣдовать только тогда, когда они основаны на законѣ Христовомъ, въ противномъ случаѣ имъ должно противодѣйствовать, какъ нѣкогда епископъ линкольнскій Гроссететъ (см.) противодѣйствовалъ папѣ Иннокентію IV; иногда можетъ стать долгомъ—проповѣдывать Евангеліе вопреки папскому отлученію, какъ это и дѣлалъ Гусъ. Если отлученный папою обращается съ жалобою ко Христу, то для него это отлученіе отъ церкви не имѣетъ значенія, сказалъ онъ по другому поводу. Римскій епископъ первоначально стоялъ невыше прочихъ епископовъ. Гусъ, несомнѣнно, держался и ученія о пресуществленіи. Такимъ образомъ и въ ученіи объ оправданіи, и въ отношеніи призыванія святыхъ, онъ стоялъ на почвѣ древней церкви. Въ этомъ заключается его существенное отличіе отъ Виклефа, который открыто сошелъ съ этой почвы и, несомнѣнно, былъ повиненъ въ разныхъ ересяхъ и заблужденіяхъ, и если Гусъ увлекался сочиненіями Виклефа, то отнюдь не потому, чтобы онъ сочувствовалъ его ученію во всемъ его объемѣ, а просто потому, что находилъ въ немъ источникъ вдохновенія и возбужденія для своихъ стремленій къ свободѣ національно-религіознаго духа отъ тяжелаго и позорнаго ига папской тиранніи.

Гусъ сожженъ былъ живымъ, какъ ересіархъ, но соборъ не могъ доказать этого ни современникамъ, ни потомкамъ. При внимательномъ чтеніи обвинительнаго акта, рѣшительно получается впечатлѣніе, что соборъ былъ не увѣренъ въ основательности своихъ доводовъ противъ Гуса и притомъ перешелъ за границы своей компетенціи, потому что сожженіемъ наказывалась только ересь, а не простое неповиновеніе. Въ своемъ оправданіи Гусъ не всегда побѣдоносно отражалъ взво-

[1]) Tractatus de ecclesia.

[2]) Monstrum.

димыя на него обвиненія противниковъ. Однако въ цѣломъ онъ дѣйствовалъ великолѣпно, и память о немъ навсегда сохранится въ послѣдующихъ поколѣніяхъ, какъ память объ одномъ изъ величайшихъ и благороднѣйшихъ поборникахъ истины, запечатлѣвшихъ свою преданность ей геройскою мученической смертью на кострѣ. Если кто изъ западныхъ мучениковъ за вѣру достоинъ канонизаціи, то именно Іоаннъ Гусъ.

Гуситы. Предавъ сожженію Гуса и Іеронима Пражскаго, собравшіеся въ Констанцѣ отцы въ своемъ непонятномъ ослѣпленіи считали чешское движеніе уже подавленнымъ. Но эти-то казни и были знакомъ для новыхъ и притомъ ужасныхъ волненій, особенно, когда тутъ примѣшались политическія причины. Разыгралась борьба чешской національности противъ нѣмецкаго господства, противъ короля Сигизмунда, бывшаго преемникомъ короля Вячеслава IV. Въ области же религіи весь вопросъ въ сущности свелся къ борьбѣ изъ-за чаши, которая (особенно послѣ того, какъ часть гуситовъ подъ именемъ таборитовъ увлеклась идеями крайняго сектантства) отселѣ сдѣлалась знаменемъ чешской вѣроисповѣдной самобытности.

Уже въ концѣ 1414 г. Яковъ изъ Мизы, называемый обыкновенно Якобелломъ или Якубкомъ, приходскій священникъ Михайловской церкви въ Прагѣ, по удаленіи Гуса сдѣлавшійся самымъ уважаемымъ среди пражскихъ магистровъ, ввелъ причащеніе подъ обоими видами, считая его необходимымъ для спасенія. Къ этому его побудило сочиненіе Матеея Яновскаго. По вопросу объ этомъ самъ Гусъ до и послѣ своего ареста высказывался очень сдержанно, хотя вообще онъ признавалъ, что причащеніе подъ обоими видами согласно съ установленіемъ Христовымъ и съ преданіемъ первоначальной церкви, и что мірянамъ позволительно причащаться подъ обоими видами. Онъ совѣтовалъ испросить на то позволеніе и буллу у папы. Изъ-за этого поднялся въ Прагѣ литературный споръ между Якубкомъ и нѣкоторыми пражскими профессорами и докторами строго латинскаго образа мыслей, но народъ сильно боролся за чашу, и волненіе среди него все усиливалось.

Когда до свѣдѣнія собора дошло объ этомъ движеніи, при чемъ молва, конечно сильно раздувала дѣло, соборъ порѣшилъ покончить дѣло насильственнымъ образомъ. 15 іюля 1415 г. онъ подтвердилъ постановленіе о лишеніи народа чаши и предалъ анаѳемѣ тѣхъ, кто защищалъ ученіе о необходимости причащенія подъ обоими видами. Извѣстіе объ этомъ вызвало ужасное волненіе. Чехи чувствовали себя оскорбленными въ лицѣ своего учителя и проповѣдника. Въ Прагѣ, преимущественно сочувствовавшей Гусу, произошли сильные безпорядки. Священники и монахи, на которыхъ падало обвиненіе въ казни Гуса, подверглись личнымъ оскорбленіямъ, дома нѣкоторыхъ изъ нихъ были разграблены и частію разрушены; самый дворъ архіепископа былъ формально осажденъ, и архіепископу лишь съ трудомъ удалось спастись. Особенно сильно было ожесточеніе противъ литомышльскаго епископа, который въ Констанцѣ велъ процессъ противъ Гуса отъ имени чешскаго и моравскаго клира. Съ одобренія короля, 2-го сентября 1415 г., высшее и низшее дворянство Чехіи и Моравіи собралось въ Виѳлеемской часовнѣ въ Прагѣ. Здѣсь они подписали грамоту, въ которой жаловались на сожженіе Гуса, увѣряя, что онъ всегда право вѣровалъ во всемъ, избѣгалъ всякихъ ересей и излагалъ Писаніе В. и Н. Завѣта согласно съ толкованіями отцовъ церкви. Выразивъ протестъ противъ ложнаго утвержденія собора, будто въ Чехіи и Моравіи появились различныя лжеученія и ереси, дворяне закончили свой протестъ заявленіемъ, что своихъ благочестивыхъ и смиренныхъ проповѣдниковъ евангелія они будутъ охранять и защищать до пролитія своей крови. На новомъ собраніи, 5 сентября, они порѣшили во всемъ дѣйствовать сообща, защищать свободу проповѣди во всѣхъ своихъ имѣніяхъ и владѣніяхъ, исполнять епископскіе приказы лишь въ томъ случаѣ, когда

они согласны съ Писаніемъ, не принимать другихъ отлученій отъ церкви, кромѣ какъ отъ епископовъ, признаваемыхъ ими въ Чехіи и Моравіи, и въ случаѣ нужды оказывать другъ другу взаимную помощь. Когда будетъ правильно избранъ новый папа, они отправятъ къ нему пословъ, съ жалобою на неслыханный позоръ, какимъ они заклеймены предъ лицомъ всѣхъ христіанъ; во всемъ, что папа повелитъ имъ, они готовы оказывать ему послушаніе, если только это не будетъ противно Богу и Его закону. Важно было, что во главѣ этого вновь скрѣпленнаго союза, продолжительность котораго на первый разъ была опредѣлена на шесть лѣтъ, стояли трое господъ изъ высшаго дворянства (двое чеховъ, одинъ изъ Моравіи). Такъ образовалась сильная партія, получившая названіе *гуситовъ*, и король Вячеславъ не мѣшалъ ея дальнѣйшему развитію. Дворяне изъ помѣстій были также приглашены присоединиться къ составленной въ Прагѣ грамотѣ, и эта грамота къ собору отъ 2 сентября, написанная въ восьми экземплярахъ, имѣла не менѣе 452 именныхъ печатей.

Такъ какъ римско-католическая партія, по числу значительно уступавшая гуситской, едва заявляла о себѣ, то движеніе въ Чехіи шло впередъ. Г. былъ признанъ мученикомъ, и днемъ его ежегодной памяти было опредѣлено 6-е іюля. Пражскій университетъ также высказался за причащеніе подъ обоими видами. Дворянство повсюду ввело употребленіе чаши. Даже главный викарій епископа раздѣлялъ это мнѣніе, такъ что онъ сталъ посвящать гуситовъ въ священники. Соборъ дѣлалъ все возможное для подавленія этого движенія и 24 февраля 1416 г. онъ постановилъ вызвать къ своему суду всѣхъ чешскихъ и моравскихъ бароновъ и рыцарей, подписавшихъ грамоту отъ 2-го сентября 1415 г., но все было напрасно.

Между тѣмъ движеніе сосредоточилось въ двухъ главнѣйшихъ пунктахъ: однимъ изъ нихъ была Прага, другимъ бывшій городокъ Аусти, изъ котораго возникъ *Таборъ*. Въ Прагѣ толчокъ къ нововведеніямъ давалъ университетъ, въ Таборѣ онъ исходилъ отъ народа; тамъ движеніе шло сверху внизъ, здѣсь—снизу вверхъ; тамъ сдержанно, консервативно, аристократически, здѣсь радикально и демократически. Изъ этихъ партій, впослѣдствіи, когда онѣ вполнѣ образовались, одна получила названіе *каликстинцевъ* (чашниковъ) или *утраквистовъ*, потому что они причащались подъ обоими видами (sub utraque), или *пражиевъ*; другая партія получила названіе *таборитовъ*, но ни Прага не была исключительно каликстинскою, ни Аусти не былъ исключительно таборитскимъ.

При дальнѣйшемъ развитіи движенія эти партіи все болѣе расходились между собой, при чемъ *чашники*, во главѣ съ епископомъ Рокицаной готовы были примириться съ римскою церковью, если она 1) дозволитъ имъ причащеніе подъ обоими видами, 2) проповѣданіе Евангелія на чешскомъ языкѣ, 3) введетъ строгую дисциплину среди духовенства и 4) заставитъ духовенство отказаться отъ церковныхъ имѣній. Съ этими членами соглашались и *табориты* (во главѣ съ своимъ вождемъ Іоанномъ Жижкой), но они шли дальше и, почти всецѣло принимая осужденныя неоднократно пражскимъ университетомъ виклефовы положенія, отрицали вообще церковную іерархію, исповѣдь передъ священникомъ, почитаніе иконъ и святыхъ, молитвы за умершихъ, — однимъ словомъ прямо уже пошли по наклонной плоскости въ сторону крайняго протестантизма и даже сектантства. Несмотря на это разногласіе, обѣ партіи продолжали пока держаться за одно—въ виду угрожавшей имъ обѣимъ опасности.

Соборъ потребовалъ отъ Сигизмунда возстановленія спокойствія въ Чехіи силою, и онъ съ своей стороны отправилъ легата, который приступилъ къ насильственнымъ мѣрамъ противъ гуситовъ. Подобнымъ же образомъ сталъ дѣйствовать и пражскій архіепископъ и латинскіе священники въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ. Вячеславъ, обѣщая наказать виновныхъ, отвелъ гуситамъ въ

Прагѣ три церкви. Но вскорѣ и онъ принялъ неблагопріятное для гуситовъ положеніе. Онъ издалъ приказъ, которымъ прогнанные латинскіе священники снова возстановлялись на ихъ прежнихъ мѣстахъ, а гуситы изгонялись. Тогда раздраженіе въ народѣ до крайности усилилось, и выразителями его недовольства выступили извѣстные народные вожди *Николай*, по прозванію *Гусинецъ*, королевскій бургграфъ изъ замка Гуся, и *Іоаннъ Жижка* изъ Тропнова, казначей двора, бывшій и у короля въ большомъ почетѣ. Послѣдній задался цѣлью отмстить за Гуса. Въ роковомъ только что наступившемъ 1419 году ему исполнилось шестьдесятъ лѣтъ; но онъ сохранилъ въ себѣ юношескій пылъ, вмѣстѣ съ желѣзною силою воли и крѣпкой, какъ скала, твердостью. Религіозная ревность у него тѣснѣйшимъ образомъ соединялась съ чешскою національною гордостью. Оба они повсюду волновали народъ, въ которомъ и безъ того уже происходило сильное броженіе, особенно вслѣдствіе того, что въ деревняхъ гуситскіе священники были вытѣснены, а латинскіе опять заняли свои мѣста, и послѣдніе теперь, гдѣ только могли, стали жестоко обращаться съ гуситами. На это поднялись жалобы по всей странѣ. Народъ, которому вновь поставленные пастыри отказывали въ причащеніи изъ чаши, теперь нашелъ себѣ другихъ священниковъ, исполнявшихъ его желаніе относительно ея. Гуситское духовенство, удаленное также и изъ Аусти, поселилось на одномъ близлежащемъ большомъ холмѣ у рѣки Лужницы, который, будучи окруженъ съ трехъ сторонъ глубокими, полноводными оврагами и соединяясь съ твердою землею только узкимъ перешейкомъ, представлялъ собою какъ бы естественное укрѣпленіе. Тамъ лѣтомъ 1419 г. гуситы, расположившись въ палаткахъ, подъ открытымъ небомъ совершали богослуженіе для простаго народа, толпами стекавшагося къ нимъ; мѣсто это они назвали *Таборъ* (палатки), что вмѣстѣ съ тѣмъ намекало и на гору Преображенія (Ѳаворъ—Таборъ). Гусинецъ увидѣлъ, что этими благочестивыми собраніями можно воспользоваться для политическихъ демонстрацій. 22 іюля 1419 г. подъ его руководствомъ устроено было на Таборѣ первое большое собраніе, къ которому стеклось множество народа изъ всѣхъ сословій, болѣе 24,000 человѣкъ пришли изъ дальнихъ мѣстъ окрестности. Такія народныя собранія представляли умилительную картину народнаго торжества, возвышающую душу и сердце. Все время проводилось въ священнодѣйствіяхъ, псалмопѣніи и молитвахъ, и собранія заканчивались общей братской трапезой, скрѣплявшей духъ единенія, столь необходимый въ тѣ трудныя времена.

А положеніе становилось все труднѣе. Такъ, 6-го іюля король Вячеславъ замѣстилъ пражскій новоградскій магистратъ строго антигуситскими совѣтниками. Это вызвало цѣлую бурю. Жижка во главѣ вооруженной толпы гуситскаго простонародья вторгся въ Новоградъ и потребовалъ немедленнаго освобожденія изъ заключенія нѣкоторыхъ приверженцевъ чаши. Отказъ совѣтниковъ магистрата послужилъ сигналомъ къ ихъ смерти. Разъяренная толпа, ворвавшись въ ратушу, повыбросила ихъ изъ оконъ, и они, падая на копья, вилы и мечи, послѣ ужасныхъ мученій были убиты неистовствующимъ народомъ. Церкви и монастыри Новограда были разграблены и преданы пламени. Тогда король Сигизмундъ испросилъ себѣ у папы Мартина V объявленія всеобщаго крестоваго похода противъ чеховъ; папа отозвался на это желаніе буллою отъ 1-го марта 1420 г., въ которой онъ призывалъ всѣхъ христіанъ къ искорененію виклефитовъ, гуситовъ и другихъ еретиковъ. Началась ужасная война, опустошившая не только Чехію, но и смежныя земли, куда вторгались чехи, сжигая, убивая и грабя все. Сначала они сражались подъ предводительствомъ Жижки, который вскорѣ потерялъ и свой послѣдній глазъ и совершенно слѣпой руководилъ битвами и выигрывалъ ихъ, а послѣ его смерти, въ 1424 г., чехами предводительствовали два Прокопа, Большой и Малый. Чехи сдѣлались ужасомъ своихъ враговъ.

Хотя въ войнѣ съ внѣшними врага-

ми чехи казались вполнѣ единодушны, однако между ними все болѣе усиливались внутреннія несогласія. Такъ называемые пражскіе каликстинцы (чашники) или утраквисты строго держались ученія Гуса и Якобелла. Дворянство было на сторонѣ этой партіи, которая только по необходимости не порывала съ таборитами, заходившими слишкомъ далеко. Табориты отвергали толкованія древнихъ отцовъ, признавали лишь канонич. книги, отрицали всѣ преданія, мvропомазаніе, освященіе воды при крещеніи, весь внѣшній чинъ богослуженія и ризы, такъ что священникъ при совершеніи богослуженія у нихъ носилъ свое обычное одѣяніе; не признавали возношенія хлѣба при евхаристіи, тайной исповѣди, считая достаточнымъ исповѣдываться только предъ Богомъ; не признавали установленныхъ постовъ (каждый постись по своему желанію), а также и никакихъ праздниковъ, кромѣ воскресныхъ дней; не допускали моленій за умершихъ, иконъ и почитанія ихъ. Очень можетъ быть, что табориты дошли до такихъ результатовъ подъ вліяніемъ вальденскихъ ученій. И дѣйствительно, въ 1417 г. въ Прагѣ образовалось общество людей, державшихся вальденскихъ мнѣній, отвергавшихъ чистилище, молитвы за умершихъ, иконопочитаніе, благословеніе и освященіе воды при крещеніи. Пражскій университетъ въ 1418 г. выразился о нихъ неодобрительно и вызвалъ ихъ на диспутъ. Сами гуситы стали подозрительно относиться къ нимъ, такъ какъ Таборъ сдѣлался притономъ разныхъ сектъ. Тамъ, явилась секта *адамитовъ*, которые отличались такою дикостью въ ученіи и жизни, что возмущенный Жижка въ 1421 г. истребилъ ихъ огнемъ и мечемъ. Среди таборитовъ проявилась также и апокалипсическая мечтательность. Въ 1420 году одинъ таборитскій священникъ проповѣдывалъ о второмъ пришествіи Христа, когда всѣ злые погибнутъ, а добрые спасутся въ пяти городахъ. Поэтому многіе продали все свое имущество и переѣхали въ означенные города. Табориты мечтали, что имъ предназначено вывести всѣхъ вѣрующихъ изъ городовъ и мѣстечекъ, обреченныхъ на погибель, подобно тому, какъ Лотъ былъ выведенъ изъ Содома. Черезъ нѣсколько лѣтъ, учили они далѣе, явится Христосъ и возстановитъ свое царство, въ которомъ не будетъ ни болѣзни, ни воздыханія, а только одна чистая радость. При религіозномъ броженіи того времени въ Таборѣ были и другіе сектанты, и Эней Сильвій, сообщая въ одномъ письмѣ отъ 1451 г. о своемъ пребываніи въ Таборѣ, говоритъ: «все чудовищное безбожіе и кощунство находитъ здѣсь себѣ мѣсто и защиту; тутъ столько же ересей, сколько головъ».

Между тѣмъ въ Базелѣ открылся знаменитый соборъ, поставившій своею цѣлію благоустроеніе церковныхъ дѣлъ. 15-го октября 1431 года соборъ издалъ воззваніе къ чехамъ и приглашалъ ихъ послать уполномоченныхъ въ Базель. Послѣ долгихъ переговоровъ, наконецъ въ Базель была отправлена депутація отъ гуситскаго духовенства, во главѣ которой были Рокицана и англичанинъ Петръ Пэнъ, нѣсколько дворянъ и выдающіеся полководцы (Рокицана былъ богословъ изъ каликстинцевъ и самый выдающійся ихъ проповѣдникъ въ Прагѣ. Съ 1427 г. онъ имѣлъ высшій надзоръ за ихъ церквами въ городѣ и велъ свое дѣло съ большимъ искусствомъ). Все посольство состояло изъ трехъ сотъ человѣкъ, которое 4 января 1433 г. неожиданно приплыло въ Базель изъ Шафгаузена на судахъ. Въ теченіе 50-ти дней продолжались разсужденія и пренія на соборѣ, и только 26 ноября былъ, наконецъ, заключенъ договоръ, извѣстный подъ именемъ пражскихъ *компактатовъ*. Компактаты гласили слѣдующее: 1) Святое причастіе въ Чехіи и Моравіи каждому желающему дается подъ обоими видами; однако священники обязаны при этомъ наставлять народъ, что оно можетъ быть принимаемо также и подъ однимъ видомъ. 2) Явныя преступленія и пороки духовенства должны быть, по возможности, предотвращаемы и наказуемы по божескимъ заповѣдямъ и правиламъ отцовъ церкви и

именно обыкновенными судами, однако съ участіемъ духовенства при судебномъ рѣшеніи. 3) Слово Божіе свободно и право должно быть возвѣщаемо проповѣдниками, опредѣленными и назначенными для того ихъ начальствомъ, при чемъ должна быть принимаема въ уваженіе и власть епископа какъ главнаго распорядителя. 4) Церковь вообще можетъ владѣть наслѣдственными землями, и духовные въ качествѣ управителей (administratores) церковныхъ имѣній должны управлять ими по правиламъ святыхъ отцовъ; другія же лица не могутъ ни владѣть такими имѣніями, ни пріобрѣтать ихъ, не навлекая на себя обвиненія въ ограбленіи церкви». Что касается безпорядковъ, на которые указывалось въ трехъ послѣднихъ пунктахъ и которые омрачали жизнь церкви, то чешскому національному собранію предоставлялось полное право хлопотать объ устраненіи ихъ чрезъ своихъ пословъ передъ соборомъ, а легаты собора обѣщали оказать имъ поддержку и помощь какъ въ этомъ, такъ и во всемъ необходимомъ для преобразованій въ церкви. Не только у съѣхавшихся на соборъ отцовъ, но и въ общественномъ мнѣніи сложилось убѣжденіе, что непремѣнно что-нибудь да надо сдѣлать, чтобы хоть сколько-нибудь удовлетворить жалобы на всеобщее разстройство дѣлъ церкви, такъ какъ иначе вся церковь подвергается величайшей опасности.

Хотя означенный договоръ представлялъ значительный шагъ впередъ въ дѣлѣ сближенія партій относительно тѣхъ важныхъ вопросовъ, изъ-за которыхъ уже столько лѣтъ лилось много крови, однако оставались еще большіе пробѣлы, и партіи въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ стояли еще гораздо дальше между собой, чѣмъ прежде, такъ что должно было пролиться еще много крови, пока не состоялось болѣе прочнаго соглашенія. Табориты были въ высшей степени недовольны пражскими компактатами и видѣли въ нихъ измѣну истинѣ. Во главѣ съ обоими Прокопами они начали войну противъ чашниковъ, но при Чешскомъ Бродѣ или Липави 30 мая 1434 г. были разбиты на голову. Оба Прокопа пали на мѣстѣ. Послѣ этого, въ 1436 году въ Иглау пражскіе *компактаты* были подтверждены торжествующими каликстинцами. Они признали Сигизмунда королемъ. Рокицана еще въ Иглау былъ нареченъ пражскимъ архіепископомъ. Табориты получили свободу совершенія своего богослуженія.

Казалось, миръ былъ вполнѣ возстановленъ, но не надолго. Къ новымъ волненіямъ подалъ поводъ Сигизмундъ, который, забывъ свое обѣщаніе, нарушалъ компактаты и пытался возстановить рим. католицизмъ. Рокицана былъ вынужденъ оставить страну, когда онъ оказалъ сопротивленіе такимъ попыткамъ. По смерти Сигизмунда (1437 г.) Чехія снова очутилась въ полной неурядицѣ и броженіи. Начались внутреннія смуты и разныя треволненія, которыми успѣшно пользовалась курія для усиленія разлада среди гуситовъ и полнаго ихъ уничтоженія. Послѣ взятія Табора Подѣбрадомъ въ 1453 г. табориты, въ смыслѣ партіи, совершенно исчезли изъ исторіи, а чашники, хотя и продолжали свое существованіе, но мало-по-малу слились съ римскою церковью и только изрѣдка выступали со своими требованіями, какъ отголоскомъ ученія великаго родоначальника и вождя всего движенія [1].

Такъ мало по-малу заглохло движеніе, которое обѣщало такъ много въ смыслѣ дух. освобожденія чешскаго народа, а въ случаѣ успѣха,—и вообще западнаго славянства отъ папскаго ига. Но оно именно только заглохло, а не умерло, и настанетъ часъ, когда заглохшее въ землѣ сѣмя Гусова ученія вновь воспрянетъ къ жизни и дастъ ростокъ, который принесетъ болѣе обильный плодъ. Уже и теперь многія знаменія показываютъ, что оживленіе начинается, память Іоанна Г. съ каждымъ годомъ чтится все съ боль-

---

[1]) Обѣ партіи впослѣдствіи нашли себѣ выраженіе въ новообразовавшейся общинѣ «моравскихъ или чешскихъ братьевъ».

шею торжественностью, имя его становится все болѣе священнымъ для чешскаго народа, и кто знаетъ—быть можетъ уже недалеко то время, когда весь чешскій народъ, отбросивъ партійность и узкіе политическіе разсчеты, соберется подъ знаменемъ своего великаго вождя, который одинъ только и можетъ привесть его къ истинѣ, историческому величію и подобающей ему славѣ, какъ одного изъ передовыхъ членовъ всеславянской семьи.

Литература: Источники. Historia et monumenta Joa. Hus atque Hieronimi Pragensis. Tomi II Norimbergae 1715.—*Palacky*,—исторіографъ чешскаго королевства, самъ потомокъ чешскихъ братьевъ издалъ: Documenta mag. Ioannis Hus vitam, doctrinam, causam in Constantiensi concilio actam et controversias de religione in Bohemie annis 1403—1418 motas illustrantia etc. Prague 1869.—*Mansi*, T. XXVIII. О Гусѣ писано много монографій, которыя отличаются одна отъ другой, смотря по тому, враждебно ли авторы относятся къ Гусу и его приверженцамъ, или же, становясь на чешскую, а также вообще на христіан. точку зрѣнія, настроены къ Гусу болѣе или менѣе дружественно. Мы назовемъ только важнѣйшія изъ нихъ. Въ дружественномъ духѣ труды *Палацкаго*, Geschichte von Böhmen. Prag 1842 ff., особенно Band III Изъ новѣйшихъ разработокъ назовемъ еще *Krummel*, Geschichte der böhmischen Reformation im fünfzehnten Jahrhundert, Gotha 1866.—*Böhringer*, die Kirche Christi und ihre Zeugen. 2 Bd. Mittelalter. 4 Abtheilung. 2 Hälfte. Zürich 1858.—Затѣмъ слѣдуютъ еще многія сочиненія, перечисляемыя Круммелемъ, отчасти представляющія собою разработку отдѣльныхъ вопросовъ. По вопросу объ отношеніи Гуса къ православію извѣстны сочиненія русскихъ ученыхъ, какъ *Гильфердингъ*, «Гусъ, его отношеніе къ правосл. церкви» (Спб. 1871); *Новиковъ*, «Православіе у чеховъ» 1842 *его же*, «Гусъ и Лютеръ» (Москва 1859); *Надлеръ*, «Причины и первыя проявленія оппозиціи католицизму въ Чехіи и Зап. Европѣ въ концѣ XIV и началѣ XV в.» (Харьковъ. 1864); *И. С. Пальмовъ*, «Гуситское движеніе, вопросъ о чашѣ въ гуситскомъ движеніи» (Спб. 1871), *Бильбасовъ*, «Чехъ Янъ Гусъ»; *Клевановъ*, «Очеркъ исторіи чешскаго вѣроисповѣднаго движенія» (Москва 1876); *Ю. Анненковъ*, «Гуситы въ Россіи въ XV и XVI вв.» («Странникъ» 1878 г. за янв.); *Будиловичъ*, «Былъ ли правосл. человѣкъ Іеронимъ Пражскій» («Хр. Чт.» 1870 г. т. I) и др. См. также ст. «Іоаннъ Гусъ и гуситское движеніе» въ «Странникѣ» на сентябрь 1903 г. Въ 1892 г. въ Прагѣ предпринято большое иллюстрированное изданіе подъ заглавіемъ: «Mistr Jan Hus na concile Kostnickem v Praze 1902. Въ 1903 г. начато тамъ же изданіе его «Opera omnia».

ГУСЕВЪ Александръ Ѳеодоровичъ — ординарный проф. казанской духовной академіи по каѳедрѣ введенія въ кругъ богословскихъ наукъ, докторъ богословія, дѣйств. ст. совѣтникъ. Уроженецъ тверской губ., образованіе получилъ въ тверской дух. семинаріи и закончилъ въ с.-пет. дух. академіи, гдѣ кончилъ курсъ въ 1871 г. со степенью кандидата богословія и съ правомъ на исканіе степени магистра богословія безъ новыхъ устныхъ испытаній. По окончаніи акад. курса, назначенъ былъ преподавателемъ основного, догм. и нрав. богословія въ каз. дух. семинарію, гдѣ не разъ былъ избираемъ членомъ педагог. собранія; временно преподавалъ педагогику и русскій языкъ въ жен. училищѣ дух. вѣдомства и русскій языкъ въ юнкерскомъ пѣхотномъ училищѣ. Въ 1874 г., по представленіи въ совѣтъ с.-пет. дух. академіи диссертаціи, удостоенъ степени магистра богословія; въ 1887 г. назначенъ доцентомъ въ каз. дух. академію по каѳедрѣ введенія въ кругъ богосл. наукъ; въ 1889 г. возведенъ и утвержденъ въ званіи экстро-ординарнаго профессора; въ 1895 г. получилъ степень доктора богословія за сочиненіе «Основныя «религіозныя» начала графа Л.Толстаго. Апологетическое сочиненіе». Казань. 1893 г., и съ 1896 г. состоитъ ордин. профессоромъ академіи. Проф. А. Гусевъ извѣстенъ въ русской учено-богословской литературѣ многочисленными трудами; въ нихъ онъ является не кабинетнымъ, отрѣшеннымъ отъ современной жизни богословомъ, а писателемъ внимательно слѣдящимъ за теченіями общественной жизни; въ своихъ статьяхъ онъ трактуетъ по такимъ вопросамъ, которыми интересуется общество, затрогиваетъ жизненныя темы, отвѣчая на запросы духа времени. Магистерская его диссертація: «Нравственный идеалъ буддизма въ его отношеніи къ христіанству». Казань. 1874 г. По отзыву прот. І. Л. Янышева, въ этомъ сочиненіи «г. Гусевъ обстоятельно изложилъ и изъяс-

нилъ буддистское нравоученіе въ его связи какъ съ теоретическимъ ученіемъ буддизма, такъ и съ браминизмомъ, при чемъ нравоученіе самого Будды и ближайшихъ его послѣдователей старался, насколько позволяли ему его источники, отдѣлить отъ позднѣйшихъ наслоеній, стоящихъ внѣ связи съ первоначальнымъ ученіемъ Будды, что имѣетъ особенную важность при оцѣнкѣ его сравнительно съ христіанствомъ. Что касается до метода изложенія нравоученія какъ буддійскаго, такъ и христіанскаго, и до тѣхъ пунктовъ, въ которыхъ они сопоставляются одно съ другимъ, то, не вдаваясь ни въ изслѣдованіе основныхъ понятій, которыми опредѣляется нравственность вообще, ни въ опредѣленіе взаимнаго ихъ отношенія, авторъ сумѣлъ уяснить для себя и установить такія точки зрѣнія на нравственность, которыя объемлютъ нравственную жизнь со всѣхъ существенныхъ сторонъ ея, которыя дали ему возможность съ ясностью, основательностью и въ систематическомъ порядкѣ сопоставить буддистское нравоученіе съ христіанскимъ. Въ этомъ отношеніи сочиненіе г. Г. можетъ быть названо compendium'омъ христіанскаго нравственнаго богословія, составляющимъ замѣтное явленіе среди даже болѣе обширныхъ нашихъ системъ нравственнаго богословія. Благодаря сопоставленію съ буддистскимъ нравоученіемъ, высота и особенность христіанскаго нравоученія выступаютъ въ немъ съ особенной силою и выразительностью; такъ какъ тѣ именно нравственныя истины, которыя составляютъ существенное отличіе и превосходство христіанскаго нравоученія, выдѣляются съ наибольшею подробностью, и при томъ въ виду не только буддистскаго нравоученія, но и мнѣній разныхъ философовъ древняго и новаго міра; при чемъ, несмотря на относительную полноту изложенія христіанскаго нравоученія, въ сочиненіи г. Гусева нѣтъ и слѣда тѣхъ схоластическихъ пріемовъ, которые такъ обычны въ изложеніи ученія о христіанскихъ обязанностяхъ и добродѣтеляхъ. Въ этой главной части своего сочиненія авторъ обнаружилъ достаточное знаніе свящ. писанія, отчасти знаніе писаній св. отцевъ и знакомство со всею новѣйшею, довольно обширною западною литературой по нравственному богословію, вліянію которой однако же онъ отнюдь не подчинялся безотчетно. Все сочиненіе г. Гусева, напротивъ того, и по его плану и по основнымъ положеніямъ и въ развитіи этихъ положеній, носитъ характеръ вполнѣ сознательнаго и самостоятельнаго отношенія къ дѣлу, проникнуто его личнымъ, иногда даже слишкомъ рѣшительно выраженнымъ, убѣжденіемъ. Это убѣжденіе слышится и во всемъ тонѣ его сочиненія и въ отдѣльныхъ оборотахъ его рѣчи, которая хотя и не всегда отмѣчается строгой правильностью, всегда однако же мѣтка и оживленна» (Журн. Сов. спб. дух. акад. 1874, декабрь).

Кромѣ указанныхъ двухъ сочиненій: магистерской и докторской диссертацій, проф. Гусевъ за время своего церковно-общественнаго служенія напечаталъ весьма много своихъ трудовъ и въ качествѣ статей и въ качествѣ отдѣльныхъ сочиненій. Статьи свои онъ печаталъ не только въ духовныхъ, но и въ свѣтскихъ періодическихъ изданіяхъ, нерѣдко даже подъ псевдонимами [1]). Не имѣя возможности перечислить здѣсь всѣ статьи проф. Гусева, напечатанныя имъ въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ, укажемъ только на тѣ его труды, которые или имѣютъ наибольшее научно-литературное значеніе, или отличаются при этомъ сравнительно большимъ объемомъ, или же особенно характеризуютъ чуткость его къ запросамъ общественной мысли и его церковно-общественныя воззрѣнія. Къ такимъ трудамъ должно отнести слѣдующіе: 1) «Живой вопросъ нашей церкви» (рядъ статей въ «Гражданинѣ» за 1872 годъ); 2) «Человѣкъ въ его отличіи отъ животныхъ» (по поводу книги Дарвина о происхожденіи человѣка,—во 2-мъ сборникѣ «Гражданина» за 1872 г.); 3) «Евангельскіе совѣты» (въ 11 кн.

---

[1]) Проф. Гусевъ состоялъ даже и постояннымъ сотрудникомъ нѣкоторыхъ свѣтскихъ періодическихъ изданій, какъ, напримѣръ, газеты «Берегъ» и друг.

«Христ. Чтенія» за 1873 годъ); 4) «Нравственность какъ условіе цивилизаціи» (разборъ теоріи Бокля,—рядъ статей въ «Православ. Обозрѣніи» за 1874 годъ); 5) «Нравственныя условія матеріальнаго благосостоянія» (по поводу самар. голода и журнальныхъ толковъ о немъ,—въ «Православ. Обозрѣніи» за 1874 годъ); 6) «Вопросъ о воспитаніи въ ученіи современныхъ естествовѣдовъ» (рядъ статей въ «Православ. Обозрѣніи» за 1874 г.); 7) «Джонъ Стюартъ Милль, какъ моралистъ» (значител. рядъ статей въ «Православ. Обозрѣніи» за 1875—1878 годы); 8) «Вынужденное слово», (о сущности нравственно-христіанскаго міровоззрѣнія, — въ 2, 3 и 5 кн. «Православ. Обозрѣнія» за 1875 г.); 9) «По вопросу объ уменьшеніи праздничныхъ дней въ народѣ» (въ 4 и 6 кн. «Прав. Обозрѣнія» за 1875 г.); 10) «По поводу циркуляра министра нар. просвѣщенія о безпорядкахъ среди молодежи [1]) (въ 10 и 11 кн. «Прав. Обозрѣнія» за 1875 г.); 11) «Огюстъ Контъ, какъ авторъ курса положительной философіи» (въ «Прав. Обозрѣніи» за 1875 г.); 12) «Странный способъ распространенія духовн. журналовъ среди духовенства» (въ «Прав. Обозрѣніи» за 1876 г.); 13) «Вопросъ объ обязательности народнаго обученя» (въ 1 и 2 кн. «Прав. Обозрѣнія» за 1876 г.); 14) «Бѣгство изъ дух. семинарій въ университеты и лицеи» (въ (въ 3 и 5 кн. «Прав. Обозрѣнія» за 1876 г.); 15) «Къ вопросу объ утилитаризмѣ и о свободѣ въ религіозно-нравственномъ развитіи общества» (въ «Прав. Обозрѣніи» за 1876 г.); 16) «Журнал. и газетныя разсужденія о свободѣ совѣсти» (въ 9 и 10 кн. «Прав. Обозрѣнія» за 1876 г.); 17) «О критикѣ въ дух. журналахъ» (въ 1, 3 и 11 кн. «Прав. Обозрѣнія» за 1877 г.); 18) «Взаимное отношеніе между церковью и государствомъ» (въ 4 и 5 кн. «Прав. Обозрѣнія» за 1877 г.); 19) «Фиктивный союзъ матеріализма съ естествознаніемъ» (въ 6—8 кн. «Прав. Обозрѣнія» за 1877 г.); 20) «Понятіе о догм. богословіи и о догматахъ» (въ 1 кн. «Прав. Обозрѣнія» за 1878 г.); 21) «Важность и значеніе догматовъ» (въ 1—3 кн. «Прав. Обозрѣнія» за 1878 г.); 22) «Ложныя воззрѣнія по вопросу объ усовершаемости христіанства» (въ 4 и 5 кн. «Прав. Обозрѣнія» за 1898 г.); 23) «Къ вопросу о христ. аскетизмѣ» (въ 7 и 8 кн. «Прав. Обозрѣнія» за 1878 г.); 24) «Натуралистъ Іоллэсъ, его русск. переводчики и критики» (къ вопросу о происхожденіи человѣка); послѣ напечатанія въ «Прав. Обозрѣніи» вышло отдѣльной книжкою въ 1879 г.; 25) «Папизмъ въ наукѣ» (отвѣтъ проф. Вагнеру въ «Прав. Обозрѣніи» за 1879 г.); 26) «Совершенное и ожидаемое» (по поводу отставки Д. А. Толстого); сперва печаталось въ газетѣ *Берегъ*, а затѣмъ вышло отдѣл. брошюрой; 27) «Свѣтл. праздникъ граждан. обновленія Россіи» (по поводу 25-тилѣтія царствованія Александра 2-го, въ 3 кн. «Прав. Обозрѣнія» за 1880 г.; 28) «Злополучный день въ исторіи Россіи» (по случаю убіенія Александра 2-го,—въ 4—6 кн. «Прав. Обозрѣнія» за 1881 г.; 29) «Христіанство, наука и философія», было сперва напечатано въ 1, 3 и 4 кн. «Прав. Обозрѣнія» за 1885 г., вышло затѣмъ отдѣльнымъ изданіемъ; 30) «Положеніе преподавателей дух. семинарій и училищъ» (въ 11 и 12 кн. «Прав. Обозрѣнія» за 1885 г.); 31) «Графъ Л. Н. Толстой, его исповѣдь и мнимо-новая вѣра» (по напечатаніи въ «Прав. Обозр.» статьями за 1886—1890 годы, вышло отдѣл. книгою); 32) «Потребность и возможность научнаго оправданія христіанства» (въ 3 кн. «Прав. Собесѣдника» за 1887 г.); 33) Мухамед. космогонія» (въ 7—8 кн. «Прав. Обозрѣнія» за 1899 г.); 34) «Религіозность какъ основа нравственности» (противъ автономистовъ) въ 1894 году вышло 2-мъ, вновь переработаннымъ и значит. дополненнымъ изданіемъ; 35) «Необходимость внѣшняго богопочтенія», по предварителн. напечатаніи въ «Прав. Собесѣдникѣ» за 1890 г., вышло отдѣльной брошюрою, которая въ 1902 году выпущена 3-мъ изданіемъ; 36) «О

---

[1]) Къ категоріи такого рода статей нужно отнести и недавнюю статью проф. Гусева о студенческихъ волненіяхъ, напечатанную въ «Страннникѣ» за 1901 г.

клятвѣ и присягѣ» статья, напечатанная въ «Прав. Собесѣдникѣ» за 1891 г., имѣется и въ отдѣл. изданіи; 37) «Любовь къ людямъ въ ученіи гр. Л. Толстого и его руководителей» (акад. актовая рѣчь, имѣющаяся и въ отдѣл. изданіи); 38) «Бракъ и безбрачіе въ «Крейц. сонатѣ» Л. Толстого и въ его «Послѣсловіи» къ ней», по предварител. напечатаніи въ «Прав. Собесѣдникѣ», вышло отдѣльной брошюрою, которая въ 1902 году выпущена 3-мъ усовершеннымъ изданіемъ; 39) «Основныя правила въ нравоученіи гр. Л. Толстого» (въ «Чтеніяхъ любителей дух. просвѣщенія» за 1892 и 1893 годы); 40) «Отношеніе еванг. нравоученія къ закону Моисееву и къ ученію книжниковъ и фарисеевъ по нагорной проповѣди Іисуса Христа» (Харьковъ, 1895 г.); 41) «Единобожіе ветхозавѣтной религіи, какъ доказательство божественнаго ея происхожденія» (въ 16 и 17 кн «Вѣры и Разума» за 1895 г.); 42) «Необходимость измѣненія нѣкоторыхъ параграфовъ акад. устава въ интересахъ богосл. науки и церкви» (во 2 книжкѣ «Русской Бесѣды» за 1895 годъ); 43) «Разборъ возраженій Спенсера и его единомышленниковъ противъ ученія о Богѣ, какъ личномъ Существѣ» (Казань; 1896 г.); 44) «Къ старокатолическому вопросу» (въ 5 кн. «Христ. Чтенія» за 1897 г.); 45) «Отвѣтъ А. А. Кирѣеву по старокат. вопросу о Filioque и пресуществленіи» (въ «Вѣрѣ и Разумѣ» за 1897 г.); 46) «Отвѣтъ старок. журналу: «Нѣмецкій Меркуръ» по вопросу о Filioque и пресуществленіи» (въ «Вѣрѣ и Разумѣ» за 1897 г.); 47) «Отвѣтъ старокат. профессору Мишо по вопросу о Filioque и пресуществленіи» (въ «Вѣрѣ и Разумѣ» за 1898 — 1899 годы); 48) «Іезуитскія апологіи филіоквистическаго ученія» (въ 4 и 5 кн. журнала: «Вѣра и Церковь» за 1900 г.); 49) «Фальшивящее упрямство въ отстаиваніи Filioque и въ отверженіи пресуществленія» (въ 9—14 кн. «Вѣры и Разума» за 1900 г.); 50) «Тезисы по вопросу о Filioque и пресуществленіи» (въ 1 кн. «Прав. Собесѣдника» за 1901 г.); 51) «Докторское сочиненіе въ виду вновь появившихся сочиненій гр. Л. Толстого, совершенно переработано, весьма много дополнено и вторично издано въ 1902 году подъ слѣдующимъ заглавіемъ: «О сущности религіозно-нравственнаго ученія Л. Н. Толстого» (Казань); 52) «Старокатолич. отвѣтъ на наши тезисы по вопросу о Filioque и пресуществленіи» (въ первыхъ кн. «Прав. Собесѣдника» за 1903 г., вышло и отд. изданіями).

Уже изъ этого длиннаго списка статей и цѣлыхъ трактатовъ и изслѣдованій видно, какъ изумительно плодовито перо почтеннаго казанскаго профессора. Едва ли было такое въ церковной жизни и богословской наукѣ явленіе, на которое не отозвался бы профессоръ А. Θ. Гусевъ, и если бы собрать всѣ его статьи и сочиненія въ одинъ сборникъ, то это было бы прекрасное зеркало, съ точностью отображающее всѣ важнѣйшія явленія въ нашей богословской наукѣ и церковно-общественной жизни. Въ теченіе болѣе тридцатилѣтней своей дѣятельности онъ неутомимо преслѣдовалъ и разоблачалъ всѣ ненормальныя или вредныя явленія въ нашей духовной жизни, зорко слѣдилъ за новыми антирелигіозными движеніями на западѣ и предупреждалъ отъ нихъ русское общество и особенно много потрудился надъ критикой и разоблаченіями заблужденій толстовства и сродныхъ съ нимъ ученій. Въ самое послѣднее время онъ особенно былъ занятъ полемикой съ старокатолицизмомъ и немало содѣйствовалъ выясненію разныхъ и особенно догматическихъ сторонъ этого движенія. Нельзя не пожелать, чтобы перо почтеннаго ученаго еще долго не отходило «на покой». *Д.*

ГУСЕВЪ Θеодоръ Θеод. (братъ перваго), бывшій доцентъ кіевской духовной академіи, магистръ богословія. Сынъ псаломщика тверской губерніи; образованіе завершилъ въ с.-петербургской духовной академіи, гдѣ кончилъ курсъ въ 1871 году; при окончаніи курса, сдалъ магистерское испытаніе и началъ свою службу приватъ-доцентомъ с.-петербургской акад. съ 23 сент. 1871 г. Съ 12 янв. 1872 г. былъ назначенъ въ томъ же званіи на

штатную каѳедру логики и метафизики, согласно избранію академическ. совѣта и пребывалъ въ этой должности до перехода своего на службу въ кіевскую духовную академію. Степень магистра богословія получилъ въ 1878 г. за сочин.: «Изложеніе и критическій разборъ нравственнаго ученія Шопенгауера, основателя современнаго философскаго пессимизма». Москва. 1878. По отзыву пр. П. Линицкаго, «сочиненіе это представляетъ трудъ серьезный, безспорно заслуживающій одобреніе во многихъ отношеніяхъ. Авторъ, очевидно, тщательно изучалъ и обдумывалъ предметъ своего сочиненія; изложеніе повсюду живое, свидѣтельствующее объ увлеченіи автора своимъ дѣломъ. Разборъ нравоученія Шопенгауера немало заключаетъ въ себѣ соображеній тонкихъ и мѣткихъ» (Журн. Сов. кіев. дух. ак. 1878 г., зас. 12 марта).— Его же перу принадлежатъ: «Критико-психологическій этюдъ. Задачи психологіи Кавелина» («Граждан.» 1872, №№ 25—31); «Теистическая тенденція въ психологіи Фихте младшаго и Ульрици» («Тр. кіев. дух. ак.» 1874 г. I—II) и «Къ вопросу о философіи» («Прав. Обозр.» 1876 г. XII). *Д.*

ГУСЕВЪ Димитрій Вас. — бывшій экстраординарный проф. казанской духовной академіи по каѳедрѣ патрологіи, магистръ богословія. Уроженецъ пензенск. губерніи, образованіе завершилъ въ казанской духовной академіи, гдѣ окончилъ курсъ въ 1870 году, и былъ допущенъ совѣтомъ академіи къ чтенію лекцій по каѳедрѣ патрологіи; въ 1885 году былъ удостоенъ званія экстраординарнаго профессора «въ виду постояннаго усердія и ревностной исполнительности преподавательскихъ обязанностей» (Журн. Сов. 1885 г., стр. 61—62, 156). Въ этомъ званіи и застала его кончина, послѣдовавшая въ 1895 г.

Литературные труды покойнаго профессора: 1) «Ересь антитринитаріевъ III вѣка» (Казань. 1872 г.), за каковое сочиненіе, Гусевъ былъ удостоенъ степени магистра богословія. По отзыву проф. А. Гренкова, «сочиненіе это въ общемъ своемъ видѣ представляетъ очень солидное и ученое изслѣдованіе. Авторъ вооружился всѣми способами, чтобы представить, по возможности цѣльную, обстоятельную исторію ереси, основанную на первичныхъ источникахъ. Съ кропотливостью ученаго г. Гусевъ въ разбросанныхъ отрывкахъ, сохранившихся въ святоотеческихъ твореніяхъ, собираетъ указанія, относится къ нимъ съ тонкою критикою и очень искусно возстановляетъ цѣлую систему ученія еретика. Церковное ученіе св. отцевъ, выступавшихъ на борьбу противъ еретиковъ, излагается по первымъ источникамъ и изъ цѣлой коллекціи мыслей мастерски выводится полемическая логика» (Журн. Сов. каз. дух. акад. 1870 г., зас. 10 ноября). 2) «Чистилище у средневѣковыхъ римско-католическихъ богослововъ» («Прав. Соб.» 1872, II): 3) «Догматическая система св. Иринея Ліонскаго въ связи съ гностическими ученіями II вѣка» (Ib. 1874, II); 4) Антропологическія воззрѣнія блаженнаго Августина въ связи съ ученіемъ пелагіанства» (1876, II); 5) «Ученіе о Богѣ и доказательства бытія Божія въ системѣ Филона» (1881, III); 6) «Апологія Лица Іисуса Христа и Его земной жизни и дѣятельности въ сочиненіи Оригена противъ Цельса» (Рѣчь. 1886, III); 7) «Св. Ермъ и его книга «Пастырь» (Ib. 1895, V; отд. изд. Каз. 1896 г.); 8) «Чтенія по патрологіи». «Св. Игнатій антіохійскій и его посланія». «Св. Поликарпъ Смирнскій и его посланіе къ филодельфійцамъ» («Прав. Соб.» 1895 г. V, IX, XI). Кромѣ того, покойный проф. входилъ съ представленіемъ въ собраніе наставниковъ по дѣламъ редакціи «Правосл. Собесѣдника» объ изданіи при журналѣ русскаго перевода сочиненія Оригена «Восемь книгъ противъ Цельса», принимая на себя составленіе предисловія и комментаріевъ къ тексту. При этомъ обстоятельно, точно и подробно было опредѣлено важное значеніе этого труда Оригена для богословской науки. Въ протоколахъ акад. напечатано нѣсколько рецензій покойнаго. Посмертное изданіе: «Введеніе въ патрологію». Вып. I. Каз. 1896 г. *Д.*

Гуслица, центръ раскола, см. подъ сл. *Расколъ*.

ГУСТАВЪ-АДОЛЬФЪ — знаменитый шведскій король, неустрашимый борецъ за протестантизмъ, который онъ отстаивалъ чуть не противъ всей Европы, и оставившій по себѣ славную память во всемъ протестантскомъ мірѣ. Въ память и честь его имени съ большимъ успѣхомъ дѣйствуетъ такъ называемый **Союзъ Густава-Адольфа**, который имѣетъ своей задачей повсюду оказывать поддержку протестантизму въ его борьбѣ съ другими вѣроисповѣданіями и, особенно, съ римскимъ католицизмомъ. Мысль объ основаніи этого союза впервые возникла у д-ра Гроссмана въ Люценѣ, въ 1832 г., когда 6 ноября праздновалась столѣтняя годовщина смерти этого знаменитаго протестантскаго героя. Союзъ составился, и уставъ его былъ утвержденъ саксонскимъ королемъ 4 ноября 1834 г. Вначалѣ успѣхъ его былъ весьма слабый: хотя изъ одной Швеціи было прислано 10,000 талеровъ, весь капиталъ союза въ 1841 г. состоялъ только въ 12,850 талерахъ. Но въ томъ же году базельскій пасторъ Леграндъ и придворный проповѣдникъ въ Дармштадтѣ Карлъ Циммерманъ обратились къ публикѣ съ горячимъ воззваніемъ, въ которомъ ярко изображали тѣ религіозныя лишенія, гоненія и опасности, какимъ протестанты подвергаются среди римско-католическаго населенія. Въ различныхъ мѣстахъ Германіи, какъ и въ иностранныхъ государствахъ, основаны были развѣтвленія «Союза», и всѣ они вошли въ связь съ главнымъ «Союзомъ». Въ Штутгардтѣ, въ 1845 г., на общемъ собраніи отчетъ показалъ доходъ за послѣдній годъ возросшимъ до 42,000 талеровъ. Помощь была оказана 62-мя конгрегаціями. Въ различныхъ странахъ, какъ напр., въ Баваріи, союзъ встрѣтилъ сильную оппозицію со стороны римско-католическаго правительства, и въ теченіе революціонныхъ лѣтъ (1848—49) интересъ къ нему ослабъ, такъ что доходъ понизился до 21,000 талеровъ. Но въ 1850 г. дѣла его начали вновь улучшаться, и съ того времени успѣхъ «Союза» съ каждымъ годомъ возрасталъ все болѣе. Въ «Союзъ» теперь входятъ 43 меньшихъ союза съ 1160 филіальными обществами, 8 обществами студентовъ и 371 обществами женщинъ, и владѣетъ капиталомъ въ полмилліона марокъ. Со времени своего основанія онъ роздалъ 14,183,798 марокъ, и построилъ 1,068 церквей, 639 школъ, 42 кладбища и 358 церковныхъ домовъ. Немалое вниманіе этотъ «Союзъ» обращаетъ и на наши Прибалтійскія губерніи, гдѣ однако его дѣятельность не всегда благотворна: онъ всячески старается поддерживать упорствующихъ пасторовъ, поощряя ихъ къ совращенію православныхъ эстовъ или къ оказанію противодѣйствія стремленію среди мѣстнаго населенія къ православію.

ГУТТЕНЪ Ульрихъ фонъ (род. въ Гессе-Касселѣ, въ 1488; умеръ въ Цюрихѣ, въ 1523), происходилъ отъ знатной франконской фамиліи, и въ одиннадцатилѣтнемъ возрастѣ поступилъ въ монастырь фульдскій. Но монашеская жизнь оказалась совсѣмъ не по его натурѣ. На 16-мъ году онъ бѣжалъ изъ Фульды и съ помощью нѣкоторыхъ друзей и родственниковъ изучалъ «гуманныя науки» въ Эрфуртѣ, схоластику въ Кельнѣ и филологію и литературу во Франкфуртѣ-на-Одерѣ. Послѣ нѣкоторыхъ дикихъ приключеній и странствованій по разнымъ странамъ Европы, онъ, ища исхода своему язвительному духу, сталъ писать сатиры, которыя оказались удачными и получили широкое распространеніе въ образованномъ обществѣ. Главною цѣлью жизни Г. сдѣлось освободить Германію отъ ига, папства, и въ пользу этого дѣла онъ писалъ и боролся съ большимъ успѣхомъ. Ему принадлежатъ знаменитыя «Письма темныхъ мужей». Въ своемъ сочиненіи: «Римская троичность» (1519) онъ уже прямо ратуетъ противъ папства. На Аугсбургскомъ сеймѣ (1518) и при коронаціи Карла V (1520) онъ открыто говорилъ о союзѣ между германскими государями противъ папы. Но этотъ планъ имѣлъ уже скорѣй политическій и соціальный, чѣмъ ре-

лигіозный характеръ. Хотя Ульрихъ и не чуждъ былъ реформаціоннаго движенія, однако самъ онъ не былъ реформаторомъ: онъ былъ только юмористъ и странствующій рыцарь. Уличенный въ полит. неблагонадежности, Гуттенъ бѣжалъ въ Швейцарію, страшно страдая отъ болѣзни, заполученной еще въ ранней молодости. Власти Цюриха запретили ему вступленіе въ городъ. Только благодаря ходатайству Цвингли, ему позволено было войти въ домъ одного протестантскаго пастора, гдѣ онъ и умеръ.

Сочиненія его изданы были въ Лейпцигѣ, 1859—61, въ 5 том. съ дополн. въ 2 том., содержащимъ его «Письма», Лейпцигъ, 1864—1870. Его жизнь описана *Давидомъ Штраусомъ*, Лейпцигъ, 1858—1860, въ 3 том., 2-е изд. въ 1 томѣ, 1871.

ГФРЕРЕРЪ Августъ-Фридрихъ — нѣмецкій историкъ церкви, род. въ Кальве, 1803; ум. въ Карлсбадѣ, 1861. Родители его принадлежали къ ортодоксальному лютеранству. Получивъ хорошее первоначальное образованіе, Г. поступилъ въ тюбингенскій университетъ для изученія тамъ богословія; но его учителя не могли внушить ему глубокой вѣры въ богооткровенную религію. Послѣ блестящаго окончанія курса, онъ отправился въ Женеву, а въ 1827—28 г.г. пробылъ въ Римѣ. По возвращеніи на родину, будучи назначенъ библіотекаремъ въ Штутгардтѣ съ титуломъ профессора, онъ занялся «Критической исторіей первенствующаго христіанства», «Изслѣдованіемъ о сущности и значеніи Св. Писанія» и т. д., главнымъ образомъ, съ исторической точки зрѣнія. Но главнымъ его трудомъ была появившаяся въ 1841 г. «Церковная исторія» (Штутгартъ, 1841 — 46, въ 4 т.), доведенная до импер. Генриха IV. Въ ней онъ доказываетъ, между прочимъ, что происхожденіе іерархіи относится ко временамъ апостоловъ. Въ 1837 появилось первое изданіе его «Исторіи Густава Адольфа», имѣвшей затѣмъ нѣсколько изданій. Эти сочиненія доставили ему громкую извѣстность, и ему дѣлались изъ разныхъ университетовъ блестящія предложенія, которыя онъ однако отклонилъ, изъ опасенія потерять независимость своихъ взглядовъ. Въ 1848 онъ издалъ свою «Исторію Восточно-и Западно-Франкскихъ Каролинговъ» (Фрейбургъ, 1848, въ 2 т.), гдѣ выясняетъ «высокое значеніе средневѣковаго духовенства». Въ это время жена и дѣти Г. перешли въ римскую церковь, симпатіи къ которой неоднократно проявлялъ и онъ самъ. Между тѣмъ онъ вновь занялся «Исторіей XI вѣка», при чемъ особенно имѣлъ въ виду изобразить вліяніе Григорія VII на востокъ, чего однако ему не суждено было сдѣлать. Незаконченнымъ остался и его изданный въ 1855 г. трудъ: «Первобытная исторія человѣческаго рода» (Шаффгаузенъ, 1855, въ 2 т.), который, благодаря французскому переводу, получилъ извѣстность и за предѣлами Германіи. Силы Гфререра между тѣмъ отъ усиленныхъ трудовъ истощились. Напрасно онъ старался подкрѣпить ихъ въ Карлсбадѣ: онъ умеръ тамъ въ 58-лѣтнемъ возрастѣ. Отъ него остались еще сочиненія: «Исторія XVIII вѣка» (Шаффгаузенъ, 1862 — 73, въ 5 т.); «Византійскіе разсказы» (Грацъ, 1872—74, въ 2 томахъ).

ГЮБНЕРЪ Іоаннъ, — замѣчательный педагогъ (род. въ 1668, въ Тюргау), изучалъ въ Лейпцигѣ богословіе и гуманистическія науки: въ 1694 былъ ректоромъ въ гимназіи мерсебургской и съ 1711 въ Гамбургѣ. Ректорство его было не особенно удачно, такъ какъ болѣе имѣлъ склонности къ писательству, чѣмъ администраціи. За это время имъ издана была книга подъ заглавіемъ: «Сто четыре библейскія исторіи» (Лейпцигъ 1714), которая потомъ была переведена на латинскій, французскій, итальянскій; шведскій, польскій и русскій языки, кромѣ того, онъ написалъ сочиненіе: «Полная исторія реформаціи въ 50 рѣчахъ» (Лейпцигъ, 1730), перевелъ стихами на нѣмецкій языкъ сочиненіе Ѳомы Кемпійскаго: «Подражаніе Христу», и умеръ въ 1731 году.

ГЮЙОНЪ, Жанна Мари Бувье де ля Мотъ, извѣстная представительница французскаго мистицизма; род. отъ благородныхъ и богатыхъ родителей въ

Монтаржисѣ, во Франціи, 1648; ум. въ Блуа, 1717. Дѣтство свое она провела въ урсулинскомъ монастырѣ въ Монтаржисѣ и въ сосѣднемъ бенедикт. монастырѣ. Она была слабаго тѣлосложенія и уже въ раннемъ дѣтствѣ обнаруживала наклонность къ аскетическому мистицизму. Сочиненія Франциска де-Сальскаго и мадамъ Шанталь имѣли на нее большое вліяніе. Когда она прочитала, какъ послѣдняя выжгла у себя на груди имя Іисуса раскаленнымъ желѣзомъ, то и сама приколола иголкой кусокъ бумаги съ надписью того же имени себѣ самой въ грудь и носила его такъ. Родители воспротивились ея желанію принять монашество, и 16-ти лѣтъ (1664) она вышла замужъ за Гюйона, которому было уже 38 лѣтъ. Въ своей замужней жизни она была несчастна вслѣдствіе ревнивости и суровости своей свекрови. У нея родилось пятеро дѣтей; но мужъ мало сочувствовалъ ея религіозному энтузіазму. Въ это время она подвергала себя мучительному и продолжительному подвижничеству, бичевала себя настолько, что кровь ручьями текла изъ ранъ, носила поясъ, истыканный желѣзными шпильками, крючьями раздирала себѣ кожу, ходила съ камнями въ башмакахъ и лишала себя пищи и сна. Высшее свѣтское общество, въ которомъ вращался ея мужъ, она оставила совсѣмъ. Въ 1677 мадамъ Гюйонъ осталась вдовой съ тремя дѣтьми и, несмотря на брачныя предложенія, предпочла остаться вдовой. Переписка съ патеромъ Ля-Комбомъ, котораго она встрѣтила въ Монтаржисѣ, и другія обстоятельства, заставили ее посвятить себя христіанской благотворительности въ Жексѣ, близъ Женевы. Тамъ она вступила въ общество для обращенія протестантовъ и избрала Ла-Комба своимъ духовникомъ. Однако и это неудовлетворило ея, и, когда епископъ предложилъ ей сдѣлаться настоятельницей и обезпечить «общество» изъ своихъ богатыхъ средствъ, она удалилась въ урсулинскій монастырь въ Тунѣ, гдѣ находился Ла-Комбъ. Ея жизнь тамъ сдѣлалась рядомъ видѣній, откровеній, и проч. Когда Ла-Комбъ назначенъ былъ епископомъ верчелльскимъ въ Пьемонтѣ, мадамъ Г. отправилась вмѣстѣ съ нимъ въ Туринъ, и это обстоятельство подало поводъ къ разнымъ сплетнямъ на ихъ счетъ. Вскорѣ затѣмъ Ла-Комбъ велѣлъ ей отправиться въ Парижъ и сопровождалъ ее до Греноблязгн. Во время пребыванія тамъ, она начала составлять свой комментарій на Св. Писаніе и написала свои сочиненія: «Краткій и очень легкій способъ молиться» и «Пѣснь пѣсней». Между тѣмъ самъ Ла-Комбъ обвиненъ былъ въ грязныхъ отношеніяхъ къ мадамъ Г., и такъ какъ онъ былъ послѣдователемъ Михаила Молиноса, то былъ заключенъ въ Бастилію. Съ этого времени, религіозные взгляды мадамъ Г. сдѣлались предметомъ подозрѣнія, и съ нею обращались сурово. Въ 1688 г. она была заключена въ монастырь въ Фобургѣ Сенъ-Антуанъ, но впослѣдствіи освобождена, благодаря вліянію мадамъ Ментенонъ. Съ 1688—1694 она, по большей части, проживала въ Парижѣ и часто ходила въ воспитательный институтъ мадамъ Ментенонъ въ Сенъ-Сирѣ, гдѣ она пропагандировала свои воззрѣнія, и сдѣлалась предметомъ восторга и почтенія. Тамъ состоялась ея первая встрѣча съ Фенелономъ, которая повела къ ихъ сердечной дружбѣ. Въ 1694 состоялась встрѣча между ней и Боссюетомъ, самымъ вліятельнымъ прелатомъ во Франціи въ то время. Въ томъ же году, вслѣдствіе разныхъ жалобъ и по настоянію мадамъ Г., назначена была коммиссія изъ трехъ лицъ—изъ Боссюета, епископа ноэльскаго и аббата Тронсона, для изслѣдованія ея сочиненій. Изъ нихъ извлечено было тридцать положеній, заключающихъ въ себѣ заблужденія, отъ которыхъ мадамъ Г. отказалась, получивъ, въ свою очередь, удостовѣреніе отъ Боссюета въ ея католической правовѣрности. Такъ какъ она продолжала дѣлать религіозныя собранія въ Парижѣ, то 28 декабря 1695 была арестована, заключена въ тюрьму въ Венсеннѣ, и позже въ Бастилію, изъ которой, благодаря заступничеству Ноайелля, тогда уже архіепископа па-

рижскаго, она была переведена въ Вожираръ. Но когда письмо Ла-Комба (умершаго умалишеннымъ въ 1699), въ которомъ онъ призывалъ ее раскаяться въ ихъ взаимной интимности, попало въ руки короля, то это повело опять къ заключенію ея въ Бастилію. Въ 1699 Боссюетъ одержалъ полную побѣду надъ Фенелономъ, добившись осужденія его «Правилъ святыхъ», въ которыхъ онъ защищалъ воззрѣнія мадамъ Г. Въ слѣдующемъ году, церковный соборъ подъ его предсѣдательствомъ, въ Сенъ-Жерменѣ, объявилъ личность мадамъ Г. безупречной. Результатомъ этого было то, что она была освобождена отъ тюремнаго заключенія, но ей указано было жить съ своимъ сыномъ въ Дезьерѣ, близъ Блуа. По свидѣтельству очевидца (Де-Лабетри), она вела тамъ примѣрную христіанскую жизнь и чрезъ 15 лѣтъ скончалась. Постоянная страдалица, она ежедневно слушала мессу съ своей постели и ежедневно же причащалась.

Мадамъ Г. и школа мистиковъ или квіетистовъ, къ которой она принадлежала, придавала особенно большое значеніе внутренней жизни и единенію души съ Богомъ и учила, что наша воля можетъ и должна совершенно потонуть въ Божественной волѣ,—и если мы проникнемся безкорыстной любовію къ Нему, то и въ этомъ мірѣ возможно полное освященіе. Внѣшнія благочестивыя упражненія и молитвы суть низшія стадіи христіанской жизни, и цѣлью всякаго вѣрующаго должно быть полное успокоеніе въ Богѣ. Въ этихъ воззрѣніяхъ заключалась тенденція къ умаленію значенія внѣшней обрядности въ религіи, къ подрыву авторитета церкви въ пользу личности, и такимъ образомъ водворялся тотъ антиномизмъ, который и вызвалъ оппозицію Боссюета и другихъ.

Мадамъ Г. была превосходная писательница. Кромѣ упомянутыхъ уже сочиненій, она написала «Духовные потоки» (Кельнъ, 1704), въ которомъ сравниваетъ наши души, стремящіяся къ Богу, съ потоками различныхъ степеней быстроты, и проч., текущими къ океану; «Книги В. и Н. Завѣта, переведенныя, съ объясненіями и размышленіями, касающимися внутренней жизни» (Кельнъ, 1713—15). Она издала также «Сборникъ духовныхъ стиховъ» (Амстердамъ, 1689). О жизни ея, см. ея автобіографію: «Жизнь мадамъ Гюйонъ, написанная ею самою» (Кельнъ, 1720). Ея сочиненія имѣли большое распространеніе и въ Россіи, были почти всѣ изданы на русскомъ языкѣ и, соотвѣтствуя господствовавшему у насъ въ началѣ XIX вѣка мистицизму, приняты были подъ свое покровительство оберъ-прокуроромъ св. синода А. Н. Голицынымъ и по его предписанію даже разсылались по церквамъ и монастырямъ. Только впослѣдствіи, съ ослабленіемъ мистицизма, при оберъ-прокурорѣ Протасовѣ они были повсюду отбираемы и возвращены въ архивъ св. синода.

ГЮНТЕРЪ Антонъ, род. въ Богеміи, 1783; ум. въ Вѣнѣ, 1863; изучалъ сначала юриспруденцію, затѣмъ богословіе; былъ рукоположенъ во священника въ 1820 г., и жилъ, по большей части, въ Вѣнѣ гдѣ состоялъ профессоромъ философіи. Его сочиненія, изъ которыхъ главныя: «Преддверіе къ умозрительному богословію (1828), Южныя и сѣверныя свѣтила» (1832), «Золотая середина» (1837) и др., не представляя законченной философской системы, заключаютъ въ себѣ энергичную попытку къ примиренію римско-католической догмы съ новѣйшей наукой. Въ свое время они обратили на себя большое вниманіе и, подобно сочиненіямъ Гермеса, нашли много ревностныхъ приверженцевъ; но въ 1857 г. они были занесены въ индексъ запрещенныхъ книгъ, и все его ученіе было объявлено ересью—«гюнтеріанствомъ». Гюнтеръ былъ однимъ изъ предшественниковъ и подготовителей того движенія, которое впослѣдствіи нашло себѣ знаменательное проявленіе въ старокатолицизмѣ.

Д.

ДАВИДЪ (съ евр. „возлюбленный“)—второй и величайшій царь еврейскій, по общепринятому лѣтосчисленію царствовавшій съ 1055 по 1015 г. до Р. Хр. Будучи младшимъ (восьмымъ) сыномъ виѳлеемскаго жителя Іессея, онъ въ отрочествѣ пасъ овецъ своего зажиточнаго отца.. Это не подавило въ немъ богатыхъ духовныхъ дарованій, которыя напротивъ нашли себѣ въ красотахъ природы сильнѣйшее побужденіе къ развитію. Вмѣстѣ съ тѣмъ развивались его физическія силы, онъ встрѣчалъ съ пращей въ рукѣ львовъ и медвѣдей. Свои душевныя настроенія онъ изливалъ въ игрѣ на арфѣ. Между тѣмъ Самуилъ нашелъ необходимымъ помазать на царство вмѣсто Саула новое лицо, и его выборъ палъ на Давида. Помазаніе сохранялось въ тайнѣ; однако сама судьба влекла Давида къ центру государственной жизни. Благодаря искусной игрѣ на арфѣ, онъ былъ приглашенъ ко двору, чтобы музыкой разгонять тоску Саула. Знаменитый подвигъ въ единоборствѣ съ филистимскимъ исполиномъ Голіаѳомъ (1 Цар. 17) сдѣлалъ его народнымъ героемъ и поставилъ въ враждебныя отношенія къ подозрительному царю, который, послѣ неоднократныхъ неудачныхъ попытокъ убить его, началъ систематически его преслѣдовать. Скрываясь отъ преслѣдованій царя, Д. нѣсколько лѣтъ велъ бѣдственную жизнь, заставлявшую его спуститься до положенія атамана вольницы. Когда Саулъ палъ, вмѣстѣ съ сыновьями, въ битвѣ съ филистимлянами, царство перешло въ руки его соперника. Д. сдѣлался сначала царемъ израильскимъ въ колѣнѣ Іудиномъ, а затѣмъ надъ другими колѣнами.—Первыя семь лѣтъ своего царствованія онъ жилъ въ Хевронѣ. Царство было сильно растроено внутри и ослаблено извнѣ. Для упроченія своего положенія и укрѣпленія царства Д. нужна была столица, которая бы не принадлежала никакому колѣну въ отдѣльности. На рубежѣ между колѣнами Іудинымъ и Веніаминовымъ стоялъ принадлежавшій храброму горному племени іевуссеевъ г. Іерусалимъ, возвышавшійся на 2010 фут. надъ уровнемъ моря и сильно укрѣпленный. Д. овладѣлъ имъ и основалъ въ немъ свою столицу. Іерусалимъ началъ быстро стягивать къ себѣ іудейское населеніе. Съ цѣлію возвысить его значеніе Д. перенесъ сюда Ковчегъ Завѣта и ввелъ при немъ правильное богослуженіе. Въ дѣлахъ гражданскаго управленія Д. обратилъ особенное вниманіе на возстановленіе праваго суда, поколебленнаго во время Саулова царствованія. Подъ его личнымъ предсѣдательствомъ засѣдалъ совѣтъ, составленный изъ наиболѣе преданныхъ ему лицъ: Іоава, начальника войска; Іосафата, дѣеписателя; Садока и Авимелеха, главныхъ священниковъ; Суса, писца и т. д. Вскорѣ Д. предпринялъ цѣлый рядъ побѣдоносныхъ войнъ съ безпокойными сосѣдями, злѣйшіе враги Израиля, филистимляне, были разбиты и обезсилены навсегда; граница Давидова царства пришла въ соприкосновеніе съ Египтомъ; поражены были также моавитяне, сирійцы и идумеяне, съ захватомъ земли и городовъ которыхъ (въ томъ числѣ Дамаска) царство Израильское расширилось до р. Евфрата къ В. и до Чермнаго моря къ Ю. Однимъ изъ результатовъ этихъ походовъ и войнъ было обогащеніе столицы и всей страны. Столица украсилась великолѣпными дворцами и Д. предполагалъ даже построить великолѣпный храмъ Іеговѣ. Однако, онъ не удержался отъ искушеній восточной разслабляющей роскоши и на вершинѣ своего благосостоянія совершилъ тяжкій грѣхъ. Незаконная связь съ женой доблестнаго воина Уріи, Вирсавіей, повлекла за собою цѣлый рядъ золъ, омрачившихъ послѣдніе годы царствованія Д. Онъ далеко не отличался умѣренностью и, вопреки постановленію Моисеева закона, запрещавшаго царю умножать женъ (Второзак. 17, 17), еще въ Хевронѣ имѣлъ семь женъ и десять наложницъ, а затѣмъ увеличилъ это число еще нѣсколькими женами, къ которымъ прибавилась и красавица Вирсавія. Многочисленное поколѣніе сыновей отъ этихъ женъ сдѣлалось источникомъ всевозможныхъ

преступленій и смутъ. Наибольшею извѣстностью пользовались три его сына: старшій Амнонъ, третій Авессаломъ и четвертый Адонія, котораго убилъ Авессаломъ въ отмщеніе за безчестіе, нанесенное его кровной сестрѣ Ѳамари. Самъ Авессаломъ поднялъ возстаніе и хотѣлъ овладѣть престоломъ. Возстаніе это не удалось, и онъ погибъ трагическою смертію. Послѣдніе годы царствованія Д. были омрачены еще страшной моровой язвой, посѣтившей Іерусалимъ. Д. остатокъ своей жизни посвятилъ главнымъ образомъ собиранію матеріаловъ и подготовительнымъ работамъ для построенія храма. Онъ успѣлъ собрать для этой цѣли громадныя богатства: 100 тысячъ талантовъ золота и милл. талантовъ серебра (1 тал. зол. = 12,500 р.; 1 тал. сер. = 2,400 р. зол.). Со всей страны были собраны искусные рабочіе и каменотесы; изготовлено было желѣза и мѣди безъ вѣсу и кедровыхъ брусьевъ безъ счету. Самое построеніе храма Д. предоставилъ своему преемнику, сыну Вирсавіи—Соломону. Чувствуя приближеніе кончины, Д. созвалъ большое государственное собраніе, на которомъ формально объявилъ Соломона своимъ преемникомъ. При этомъ онъ еще разъ увѣщевалъ ихъ не ослабѣвать въ ревности при созданіи великой святыни, именно храма Божія, который „долженъ быть весьма величественъ, на славу и украшеніе предъ всѣми землями". Тутъ же Д. передалъ Соломону всѣ чертежи будущаго храма и его принадлежностей съ описью матеріаловъ и богатствъ, которыя увеличены были приношеніями начальниковъ и князей народа. Въ подтвержденіе воли царя принесены были жертвы, Соломонъ окончательно провозглашенъ царемъ, а преданный ему священникъ Садокъ помазанъ въ первосвященника. Въ этомъ торжественномъ собраніи народа и священнослужителей Д. между прочимъ сдѣлалъ подробныя распоряженія о порядкѣ служенія колѣна Левіина при будущемъ храмѣ, а также и послѣднія распоряженія касательно войска и всѣхъ другихъ государственныхъ дѣлъ. Но вотъ приблизилась и кончина, когда долженъ былъ угаснуть „свѣтильникъ Израилевъ" (3 Цар. **2**, 1 — 11). Чувствуя приближеніе смерти, Д. еще разъ призвалъ своего наслѣдника и съ своего смертнаго одра еще разъ увѣщевалъ его исполнять заповѣди Божіи и законы Моисеевы, давъ ему въ то же время нѣсколько мудрыхъ совѣтовъ касательно приближенныхъ, изъ которыхъ Соломонъ однихъ долженъ былъ удалить (и между ними безпокойнаго Іоава), а другихъ приблизить и наградить. И затѣмъ, вознеся послѣднюю пламенную молитву о благоденствіи своего сына — преемника, Д. умеръ «въ доброй старости, насыщенный жизнію, богатствомъ и славою». Всего царствованія его было сорокъ лѣтъ, изъ которыхъ семь въ Хевронѣ и тридцать три въ Іерусалимѣ, «городѣ Давидовомъ», гдѣ онъ и погребенъ былъ. Гробница его сдѣлалась общей усыпальницей и для послѣдующихъ царей іудейскихъ.

Въ лицѣ Давида религіозно-нравственный духъ избраннаго народа нашелъ всестороннее и высшее свое выраженіе. Въ разнообразныхъ событіяхъ своей жизни Д. выступаетъ предъ нами какъ пастухъ, воинъ, псалмопѣвецъ, мудрый правитель, пророкъ и царь, объединяя въ себѣ лучшія качества своего народа—простоту, великодушіе, благоразуміе и сильный религіозно-нравственный смыслъ. Его религіозно-нравственныя пѣсни или псалмы, въ которыхъ онъ, смотря по обстоятельствамъ своей богатой приключеніями и всевозможными испытаніями жизни, вдохновенно выражалъ свои чувства вѣры и упованія на Бога, благодарности и славословія, радости и скорби, ликованія и покаяннаго сокрушенія, по силѣ и нѣжности выраженія, равно какъ и по возвышенности и пламенности религіознаго чувства не имѣютъ ничего себѣ подобнаго не только въ священной поэзіи другихъ народовъ, но и въ книгахъ ветхаго завѣта. Содержащіяся въ нихъ истины ближе всего подходятъ къ истинамъ новаго завѣта, и потому Псалтирь является и у христіанскихъ народовъ самою любимою книгою, въ которой милліоны ищутъ и находятъ утѣшеніе и миръ для своей борющейся съ искушеніями и невзгодами души. Какъ по своей жизни, такъ и особенно по своему духу Д. болѣе, чѣмъ кто-либо въ ветхомъ завѣтѣ, былъ истиннымъ *прообразомъ* Христа, который поэтому съ особенною выразительностью называется «сыномъ Давидовымъ». Самое имя Д. сдѣлалось историческимъ именемъ, и увѣковѣчено въ такихъ названіяхъ, какъ «городъ Давидовъ», «престолъ Давидовъ», «сѣмя Давидово»; оно считалось столь высокимъ, что уже никто

не осмѣливался носить его потомъ, вслѣдствіе чего мы уже и не встрѣчаемъ его въ библейской исторіи послѣдующаго времени. Высшей похвалой для Д. служитъ то, что въ немъ Самъ Богъ нашелъ «Себѣ мужа по сердцу Своему» (1 Цар. **13**, 14) и что высотою его религіозно-нравственной жизни измѣрялась жизнь лучшихъ изъ его преемниковъ, похвалою для которыхъ было выраженіе: «онъ ходилъ правыми путями Давида, отца своего». Какъ и всякій человѣкъ, онъ нерѣдко падалъ съ высоты своего религіозно-нравственнаго идеала, и падалъ глубоко; но и въ этомъ паденіи онъ преподалъ намъ величайшій примѣръ покаяннаго сокрушенія, дававшаго ему возможность и силу вновь сбрасывать съ себя бремя грѣховности и возставать для новой духовной жизни. Д. есть величайшій образецъ нравственно-добраго и одушевленнаго возвышенными чувствами человѣка, который всѣми силами стремится къ добру и мужественно борется съ одолѣвающими его искушеніями. Въ этой борьбѣ онъ можетъ падать и падать глубоко, но онъ никогда не оставитъ этой борьбы, и послѣ всякаго паденія — со слезами и сокрушеніемъ вновь начнетъ эту нескончаемую, ожесточенную борьбу, и въ концѣ концовъ восторжествуетъ въ ней надъ всѣми темными силами зла. Поэтому-то Псалтирь (см.), какъ боговдохновенная лѣтопись испытаній духовной жизни великаго псалмопѣвца, и поражаетъ своею изумительною жизненною правдою, и въ ней всякій находитъ боговдохновенное выраженіе тѣхъ самыхъ чувствъ, которыя можетъ испытывать каждый человѣкъ при различныхъ обстоятельствахъ и превратностяхъ жизни.

Жизнь Давида излагается въ библ. книгахъ 1 Цар. **16** — 2 Цар. **12**; 1 Парал. **11** — **17**. См. также *Я. Богородскаго* «Еврейскіе цари» и *А. Лопухина* «Библ. исторія при свѣтѣ нов. изсл. и открытій» II томъ. Ср. Энц. Сл. *Брокгауза* и *Ефрона* подъ сл. Давидъ.

А. Лопухинъ.

ДАВИДЪ—имя нѣсколькихъ грузинскихъ святыхъ. Изъ нихъ: 1) **Давидъ** былъ разбойникомъ въ пустынѣ Ермопольской, въ Египтѣ, въ VI вѣкѣ; раскаявшись въ своихъ грѣхахъ, принялъ иноческій образъ и скорбнымъ путемъ постническихъ подвиговъ достигъ царства небеснаго, удостоившись еще при жизни получить отъ Бога даръ чудотворенія. *Пам. 6 сент.* 2) **Давидъ** и **Константинъ** Аргветскіе. Въ первой половинѣ VIII в. возсталъ противъ христіанъ арабскій халифъ Мурванъ, прозванный Глухимъ; разоривъ многія области греческаго и армянскаго царствъ, Мурванъ напалъ на земли кавказскія и, уничтожая все по пути, явился въ область Аргветскую, гдѣ дѣлами страны управляли родные братья Д. и К., наслѣдственные князья Аргветскіе, просвѣщенные св. крещеніемъ. Съ большимъ мужествомъ христіанское войско, предводимое братьями-князьями, встрѣтило враговъ и войско Мурвана было разбито. Тогда халифъ вновь послалъ войско, чтобы отмстить грузинамъ; и, дѣйствительно, застигнутые врасплохъ грузины спасались бѣгствомъ, но многіе взяты въ плѣнъ, въ томъ числѣ и св. князья, и все христіанское подвергнуто страшному разоренію. Святые братья, приведенные къ халифу, мужественно исповѣдали Христа и были жестоко биты за это желѣзными палками. Затѣмъ Мурванъ лестію хотѣлъ склонить святыхъ Д. и К. къ магометанству и, послѣ того какъ святые остались тверды въ Христовой вѣрѣ, снова били ихъ и бросили на 10 дней въ темницу, а потомъ Мурванъ приказалъ повѣсить ихъ внизъ головами, жестоко бить и наконецъ привѣсить имъ на шею камни и бросить въ быструю рѣку Ріонъ. Приказаніе исполнено было въ точности въ 730 году. Тѣла святыхъ Д. и К. были вынесены рѣкою къ лѣвому берегу; отсюда, по указанію свыше, нѣкоторые христіане взяли ихъ и положили въ каменной пещерѣ, гдѣ они пролежали нетлѣнными до царя Баграта Великаго (1072—1117 г.), который случайно обрѣлъ ихъ во время охоты явленіемъ свѣта надъ пещерою; выстроилъ церковь, именуемую досе́лѣ Моцамети, то-есть мученическая, и основалъ монастырь въ 6 верстахъ отъ города Кутаиса, гдѣ св. мощи Д. и К. нетлѣнно почиваютъ въ одномъ гробѣ доселѣ и изливаютъ донынѣ обильные дары исцѣленій (По нѣкоторымъ мученики скончались въ 741 г.). *Пам. 26 янв.* 3) **Давидъ** Возобновитель, св. благовѣрный царь Грузіи, еще юнымъ принялъ отъ своего отца, Георгія II († 1088), Грузинское царство, разоренное отъ турокъ, персовъ и арабовъ, съ церковію, страждующею отъ неустройствъ. Воспитанный своимъ духовникомъ, прп. Арсеніемъ Икальтскимъ, въ строгихъ правилахъ христіанства, царь Д., смиривъ гордыхъ и непокорныхъ въ

странѣ, водворилъ въ ней внутренній миръ. Затѣмъ, женившись на дочери кипчакскаго царя Гурандухтѣ, съ помощію кипчаковъ очистилъ Грузію отъ враговъ и, съ большимъ трудомъ и заботами объединивъ всѣ части страны, возвратилъ ей внѣшній миръ и благосостояніе. Для исправленія духовенства созвалъ соборъ, который ввелъ въ церкви прежнее исполненіе каноновъ и соборныхъ уложеній. Доставшіяся богатства послужили ему на возстановленіе и построеніе храмовъ, монастырей и школъ для народа при нихъ. Св. мѣста Палестины, Синая и Антіохіи до сихъ поръ носятъ слѣды его заботъ и о нихъ. Чтеніе Св. Писанія, умерщвленіе плоти и другіе подвиги были обычными для святого, и онъ достигъ аскетическаго совершенства; его покаянный канонъ служитъ тому явнымъ доказательствомъ. За благочестіе и святую жизнь Богъ прославилъ царя Д. многими знаменіями и призвалъ его въ небесныя селенія; святый мирно скончался въ субботу 1125 г. января 24 дня, и былъ погребенъ въ основанномъ имъ Гаенатскомъ монастырѣ въ усыпальницѣ царей. Черезъ нѣсколько времени, по прославленіи чудесами, св. мощи были вынуты и положены подъ престолъ соборнаго храма обители 26 января; въ концѣ XIII в. царь Д. причисленъ къ лику святыхъ и составлена ему служба, поемая понынѣ. *Пам. 26 янв.* 4) Святые **Давидъ** и **Таричанъ**, дѣти-мученики, родные братья по крови, происходили изъ рода правителей Бассіанской области въ Арменіи. Отецъ ихъ по имени Варданъ и мать Тагина воспитали ихъ въ вѣрѣ православной. По смерти Вардана власть и все имущество захватилъ братъ Тагины Ѳеодосій. Самъ язычникъ, онъ принуждалъ и Д. съ Т. оставить христіанство, а когда св. дѣти, наставляемыя матерію, многократно отвергли желаніе дяди, Ѳеодосій умертвилъ благочестивыхъ дѣтей во время ихъ игръ на горѣ близъ ихъ жилища. Небесный свѣтъ озарилъ свыше тѣлеса страдальцевъ, чѣмъ и были открыты св. мощи. Тагина, мать св. дѣтей Д. и Т., затворилась и вскорѣ скончалась во святыхъ подвигахъ. Это было въ VII в. по Р. Хр. *Пам. 18 мая.* 5) **Давидъ** препод., основатель Давидо-Гареджійской обители, прибылъ въ Грузію съ своимъ наставникомъ препод. Іоанномъ Зедазнійскимъ. При разселеніи учениковъ вел. аввы для проповѣди Д. избралъ городъ Тифлисъ, обуреваемый огнепоклонниками, и поселился около города въ пещерѣ на западной горѣ. Живою проповѣдью и ученіемъ возсоздавъ новое христіанство въ Тифлисѣ, избѣгая клеветы языческихъ маговъ и шума мірского, свят. подвижникъ съ своимъ ученикомъ преп. Лукіаномъ удалился въ пустыню. Скоро вѣсть объ отшельникахъ разнеслась по окрестностямъ; въ пустыню стало стекаться множество желающихъ принять иночество, и тамъ современемъ образовалась обширная обитель святыхъ, подраздѣлявшаяся на 12 обителей съ пещерами, имѣвшихъ великое значеніе для грузинской церкви. Проводя жизнь въ величайшихъ подвигахъ иночества, препод. Д. удостоился дара чудотворенія, достигъ глубокой старости и, извѣщенный свыше о своей кончинѣ, мирно почилъ въ 604 г. (а по друг. въ концѣ VI вѣка) и былъ погребенъ въ своей пещерной церкви. *Пам. 7 мая,* празднуется еще вмѣстѣ съ Іоанномъ Зедазнійскимъ.

ДАВИДЪ Армянинъ, называемый своими соотечественниками «философомъ», сирійскій христіанинъ и впослѣдствіи родственникъ Моисея Хоренскаго; получилъ образованіе въ Аѳинахъ, одновременно съ Прокломъ, въ школѣ неоплатоника Сиріана; писалъ на армянскомъ и греческомъ языкѣ богословскія и философскія творенія. Особенную важность имѣютъ его «Опредѣленія началъ всѣхъ вещей», — основоположенія философіи (опровержение скептическихъ ученій пирронической школы), равно какъ его комментаріи къ Порфирію и Аристотелю, изъ которыхъ Prolegomena къ комментарію о категоріяхъ нашла пріемъ въ 4-мъ томѣ предпринятаго берлинской академіей изданія Аристотеля. О его жизни и произведеніяхъ ср. *Neumann* Journal Asiatique, Paris 1829.

ДАВИДСОНЪ Самуилъ, род. въ 1808 г. въ Ирландіи; получилъ богословское образованіе въ Бельфастѣ, гдѣ онъ, состоя пасторомъ пресвитеріанской церкви, въ 1835 г. занялъ профессорскую каѳедру библейской критики, чтобы въ 1842 г. принять приглашеніе на каѳедру профессора церковной исторіи, библейской литературы и особенно восточныхъ языковъ въ новооснованной индепендентской коллегіи въ Манчестерѣ. Сложивъ въ 1857 г. профессуру, онъ поступилъ въ 1862 г. въ лондонскій университетъ въ качествѣ экзаменатора по библейской

исторіи и языковѣдѣнію. Кромѣ собственныхъ произведеній о новозавѣтной исагогикѣ и библейской археологіи, критикѣ и герменевтикѣ, онъ перевелъ на англійскій языкъ «Учебникъ церковной исторіи» Гизелера (Лондонъ, 1846) и «Еврейскій Лексиконъ» Фюрста (Лейпцигъ, 1845). Ум. 1900 г.

ДАВИКТЪ в.-муч. (лат. Давиктъ точнѣе Адавктъ—преумноженный) съ дочерью Каллисѳеніей, градоправитель Ефесскій, въ царствованіе Максиміана, за сопротивленіе отдать за императора свою дочь, сосланъ былъ въ Мелитину и тамъ усѣченъ мечемъ между 305—313 годами. Каллисѳенія же сперва укрывалась въ Никомидіи, потомъ удалилась во Ѳракію; по смерти Максиміана возвратилась въ отечество и проводила дни свои въ богоугодныхъ дѣлахъ. Скончалась въ мирѣ, въ Ефесѣ. *Пам. 4 октября.*

ДАГАЕВЪ, Несторъ Константин., магистръ богословія. Сынъ діакона, курской г.; родился въ 1871 г. Образованіе получилъ—первоначальное въ бѣлгородскомъ духовномъ училищѣ, продолжилъ въ курской духовн. семинаріи и завершилъ въ с.-петербургской духовн. академіи, куда поступилъ первымъ студентомъ и гдѣ окончилъ курсъ въ 1895 г. со степенью кандидата богослов. и съ правомъ на исканіе магистерской степени безъ новыхъ устныхъ испытаній. 25 янв. 1896 г. былъ назначенъ во владимірскую духовную семинарію помощникомъ инспектора; одновременно состоялъ библіотекаремъ ученической при семинаріи библіотеки. 9 марта 1899 г. публично защищалъ диссертацію на степень магистра богословія, въ каковой степени, согласно представленію совѣта с.-петерб. духов. акад., и былъ утвержденъ Св. Синодомъ. Въ томъ же 1899 г., съ должности помощника инспектора владимір. дух. семинаріи былъ перемѣщенъ на должность преподавателя той же семинаріи по предмету общей церковной исторіи; въ 1900 г. перешелъ въ рижскую духовную семинарію преподавателемъ по Свящ. Писанію ветхаго завѣта, въ каковой должности пребываетъ и въ настоящее время. Магистерскую диссертацію Д. писалъ на тему: «Исторія ветхозавѣтнаго канона» Спб. 1898. Работать на эту тему авторъ началъ еще студентомъ III курса и въ 1896 г. представилъ кандидатскую диссертацію, а къ 1899 г. подготовилъ и магистерскую. Предметомъ рѣчи предъ публичной защитой послѣдней диссертаціи послужило: «Два важнѣйшихъ вопроса въ исторіи ветхозавѣтнаго канона». Кромѣ того перу Д. принадлежатъ: «Вопросъ о великой синагогѣ въ его отношеніи къ исторіи в.-з. канона» («Хр. Чт.» 1895. XI); «Талмудическая хронологія въ ея отношеніи къ исторіи в.-з. канона» («Влад. епар. вѣд.» 1897); три бесѣды на 6 главъ 1 посл. къ Коринѳян. (произнесены во Владим. Успенск. каѳедр. соборѣ. Ibid. 1900); «Новая книга для простого народа» (обстоят. рецензія на Евангеліе для народа М. О. «Рижскія епархіал. вѣдом.» 1901); «Обѣтъ Іефѳая» (Ibid. 1902). Д., между прочимъ, занимается изученіемъ исторіи рижской духовн. семинаріи. *Д.*

ДАГОНЪ—филистимское божество, имѣвшее форму морской рыбы съ человѣческимъ лицомъ и руками. Онъ находится въ близкомъ соотношеніи съ сирской богиней Атаргатой, называемой также Деркетой, и вѣроятно одно и то же съ ассирійскимъ богомъ-рыбой Одакомъ, упоминаемымъ Берозомъ. Ему были посвящены капища въ Асдодѣ (1 Цар. **5**, 3 и сл.), гдѣ двѣ ночи подрядъ его статуя падала ницъ, не вынося присутствія Ковчега Господня, и въ Газѣ (Суд. **16**, 23 и слѣд.). Это послѣднее впослѣдствіи Самсонъ разрушилъ, низпровергнувъ его колонны. Одинъ барельефъ изъ дворца Саргона, въ Хорсабадѣ, хранящійся теперь въ Луврскомъ музеѣ, ясно даетъ видѣть, что именно происходило тогда въ храмѣ Дагона. На этомъ барельефѣ богъ-рыба изображенъ плывущимъ по водѣ среди рыбъ и разныхъ морскихъ чудовищъ. Верхняя часть туловища у него человѣческая—съ волосами и бородой, какъ у ассиріянина; на головѣ нѣчто въ родѣ шлема или короны. Бюстъ стоитъ прямо, руки протянуты впередъ, нижняя часть туловища—рыбья, и расположена горизонтально, такъ что вся фигура представляетъ собою какъ бы человѣка, плывущаго на рыбѣ.—По смерти Саула филистимляне положили въ храмѣ Д., въ Азотѣ, голову и руки побѣжденнаго ими царя.—Два города въ Палестинѣ, одинъ въ колѣнѣ Іудиномъ и другой въ колѣнѣ Асировомъ, назывались «Беѳдагонъ», т. е. домъ Дагона, знакъ того, что они принадлежали филистимлянамъ и имѣли храмы, посвященные Дагону.

Дада св. муч. (пламенникъ, факелъ,

греч.). Сродникъ царя Сапора, обвиненный за исповѣданіе Христа, былъ истязанъ и растерзанъ на части: во время страданій онъ научилъ вѣрѣ Христовой Гаведдая, сына Сапорова, который въ свою очередь привелъ ко Христу свою сестру Каздою и вмѣстѣ съ нею принялъ мученическій вѣнецъ около половины IV вѣка. *Память 29 сентября.*

ДАКОСТА Исаакъ — голландскій поэтъ и богословъ (род. въ Амстердамѣ, 1798 г.; ум. тамъ же, 1860 г.), принадлежалъ къ богатому и знатному семейству португальскихъ евреевъ, но въ 1821 г. принялъ христіанство. Онъ изучалъ юриспруденцію и литературу въ Лейденѣ, и, подъ вліяніемъ Бильдердика, изъ него вышелъ одинъ изъ превосходныхъ поэтовъ голландской литературы. Его поэтическія творенія вышли въ трехъ томахъ въ Гаарлемѣ (1861). Но, будучи крупнымъ поэтомъ, онъ въ то же время былъ однимъ изъ наиболѣе энергичныхъ и вліятельныхъ новѣйшихъ апологетовъ христіанства. Обладая обширными знаніями и большой критической силой, онъ успѣшно противодѣйствовалъ антихристіанскимъ тенденціямъ времени, особенно Тюбингенской школы, съ ревностью и настойчивостью, которыя производили впечатлѣніе даже и за предѣлами его страны. Онъ часто выступалъ съ лекціями, и его апологетическія сочиненія имѣли широкое распространеніе. Самымъ важнымъ его апологетическимъ трудомъ были «Четыре свидѣтеля» (1848), направленные противъ «Жизни Іисуса» Штрауса. Особаго упоминанія заслуживаетъ также и его обзоръ исторіи евреевъ до нашего времени, подъ заглавіемъ «Израиль и народы», который, между прочимъ, появился въ нѣмецкомъ переводѣ во Франкфуртѣ-на-Майнѣ, 1855.

ДАЛАЙ-ЛАМА — верховный глава тибетской іерархіи, «папа» ламаизма (см.), образовавшейся въ XIII вѣкѣ подъ монгольскимъ вліяніемъ формы буддизма. Хотя и человѣкъ, но онъ считается воплощеніемъ Сакья-муни, т. е. Будды (или также творческаго мірового духа). Первымъ извѣстнымъ Далай-Ламой былъ буддистъ, монахъ по имени Пассена, около 1260 г. Съ того времени, какъ только умираетъ Далай-Лама, ламы (священники) стараются найти отмѣченнаго особымъ знакомъ ребенка, въ котораго долженъ перейти духъ Будды. Воспитанный ламами, Далай-Лама считается намѣстникомъ божества и верховнымъ главой въ духовныхъ и мірскихъ дѣлахъ всѣхъ ламъ, по крайней мѣрѣ на сѣверѣ Тибета, такъ какъ на югѣ страны власть его оспаривается Богдо-Ламой. Резиденція его находится близъ гор. Лассы въ монастырѣ, лежащемъ на свящ. горѣ Путалѣ. Дѣятельность его состоитъ въ раздаяніи благословеній народу, постоянно притекающему къ нему издалека съ богатыми приношеніями. Свѣтская власть Далай-Ламы вслѣдствіе назначенія китайскаго намѣстника въ Тибетъ сдѣлана довольно безвредной, но его духовная власть надъ умами народа находится еще въ полной силѣ, и азіатскій «папа» въ этомъ отношеніи едва ли не могущественнѣе папы римско-католическаго въ Европѣ.

Далила—красивая филистимлянка, жившая въ долинѣ Сорехской, выпытавшая у Самсона хитростію тайну его силы и затѣмъ предавшая его въ руки филистимлянъ (Суд. **16**, 4—21). См. *Сампсонъ*. *Н. М.*

Далматика—одежда, въ родѣ стихаря, длиною до половины икръ, съ широкими рукавами, надѣвавшаяся въ нѣкоторыхъ случаяхъ государями; также назыв. богослуж. одежда діаконовъ и иподіаконовъ р.-католич церкви; введена въ VI в. *Н. М.*

ДАЛМАТІЯ—нынѣ область Австро-Венгріи, расположена узкой полосой по берегу Адріатическаго моря на площади въ 12834 кв. миль (отъ 44° 52′ до 42° с. ш). Впервые на міровую сцену далматинцы выступаютъ во II в. до Р. Хр., когда они пришли въ столкновеніе съ могущественными римлянами, которые въ 156 г. до Р. Хр. организовали противъ нихъ первую экспедицію, а при Августѣ и окончательно присоединили къ себѣ. Христіанство проникло сюда еще въ апост. вѣкъ, когда ап. Павелъ повелѣлъ Титу отправиться туда съ о. Крита для просвѣщенія свѣтомъ Хр. ученія и этой области (2 Тим. **4**, 10). Первымъ епископомъ былъ Домній изъ Антіохіи. Процвѣтанія Д. достигла, когда на римскомъ престолѣ появился Діоклитіанъ, родомъ далматинецъ, который даже резиденцію свою перенесъ въ главный городъ Д.—Салоны. Въ VI в. въ Д., тѣснимые аварами, пришли и славяне—сербы и хорваты, которые въ VII в. и утвердились здѣсь, раздѣливъ страну на части, извѣстныя подъ именемъ жупаній. Въ X в. среди дал-

матскихъ жупановъ, которые вообще зависѣли то отъ Византіи, то отъ Зап. Рим. имперіи, большую извѣстность пріобрѣлъ Томиславъ (912—340 гг.); а въ слѣдующее столѣтіе одинъ изъ его преемниковъ — Звониміръ (1071—86 гг.) принялъ королевскій титулъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ появляются въ предѣлахъ Д. венеціанцы, которые надолго и овладѣваютъ ею. Послѣ паденія Венеціанской республики (1797 г.) Д. переходитъ къ Австріи, которая вынуждена была въ 1806 г. уступить ее Наполеону. На вѣнскомъ конгрессѣ въ 1815 г. Д. снова была отдана Австріи. Въ 1848 г. Д. входитъ въ составъ Хорватскаго королевства. Въ 1860 г. была произведена реформа политическаго устройства Австріи и Д. была включена въ составъ собственно Австріи (Цислейтаніи). Двѣ попытки со стороны Австріи ближе подчинить себѣ Д. (введеніемъ общей воинской повинности и обезоруженіемъ жителей) вызвали два серьезныхъ возстанія, изъ которыхъ одно было въ 1869 г., а второе— въ 1881 г. Управляется Д. сеймомъ, состоящимъ изъ 43 представителей, среди которыхъ находятся и два епископа г. Зары— православный и римско-католическій.

Далматія издавна служитъ яблокомъ раздора между Константинополемъ и Римомъ, которые и доселѣ не перестаютъ спорить изъ-за духовнаго обладанія этой прекрасной областью. Въ настоящее время къ римской церкви принадлежитъ до 500 т. душъ, распред. въ 6 діоцезахъ. Правосл. населеніе дѣлится на двѣ епархіи—зарскую и катаррскую, изъ коихъ въ первой считается (по переписи 1901 г.) 76,866 душъ и во второй 28,722. Зарская епархія имѣетъ 5 благочиній и 54 прихода; духовенства числится 89 священниковъ, изъ коихъ 41 принадлежатъ къ бѣлому и 28 къ монаш. духовенству. Церквей числится 82 и 3 монастыря. Катаррская епархія состоитъ изъ 4 благочиній и 43 приходовъ. Церквей и часовенъ числится до 208 и монастырей 9. Народное образованіе въ обѣихъ епархіяхъ стоитъ довольно высоко, почти при каждой приходской церкви имѣется школа, а въ Зарѣ имѣется высшая богословская семинарія, въ которой въ 1900 г. состояло 8 профессоровъ и 31 студ. Во главѣ зарской епархіи стоитъ извѣстный ученый архіепископъ Никодимъ Милашъ (назнач. въ 1890 г.), магистръ кіевской дух. академіи, авторъ многихъ церковно - историческихъ изслѣдованій и такого капит. труда, какъ «Курсъ православно-церковнаго права» (въ двухъ томахъ,—имѣется и въ русск. переводѣ Спб. 1897 г.), почетный членъ спб. дух. академіи и сотрудникъ ж. «Странникъ». Во главѣ катаррской епархіи стоитъ Герасимъ Петрановичъ, посвящ. въ 1894 г. и два года тому назадъ отпраздновавшій 80-ю годовщину своего рожденія. Въ 1873 г. обѣ епархіи причислены къ карловицкой митрополіи, которая имѣетъ подъ своею властью не менѣе 600,000 душъ правосл. населенія. Съ 1862 г. въ Зарѣ существуетъ славянское ученое общество—«Далматинская матица», которое не мало содѣйствуетъ развитію славянскаго самосознанія въ краѣ, а также развитію народнаго образованія.

Литература. *Березинъ* Л. В. Хорватія, Славонія, Далмація и Военная граница. Спб., 1879 г.; *Смирновъ* И. Н. Отношеніе Венеціи къ городскимъ общинамъ Д. съ XII до пол. XIV в. Казань, 1881 г.; *Лопухинъ, А. П.* «Исторія Хр. Церкви въ XIX в.», т. II, Петр. 1901 г. Echos d'Orient, № 8, 1902 г. *В. Е.*

ДАЛМАТЪ (родомъ изъ Далматіи) преподобный. Славный воинъ, между 381—383 годами оставивъ міръ вмѣстѣ съ сыномъ своимъ Фавстомъ, постригся въ обители Исаакія, въ предмѣстьи Константинополя; по кончинѣ сего игумена, заступилъ его мѣсто, отчего обитель названа была Далматскою. Святый патріархъ Проклъ (434—446 гг.), еще при жизни преподобнаго Далмата, весьма хвалитъ его въ письмѣ къ Іоанну Антіохійскому. Святый Далматъ 48 л. не выходилъ изъ своей обители, несмотря на просьбы самого императора. Но когда ересь Несторія была осуждена въ 431 г. на вселенскомъ III-мъ соборѣ, а друзья Несторія старались склонить императора на сторону еретика; то Далматъ, по откровенію свыше, оставилъ свою обитель и съ другими архимандритами, монахами и множествомъ народа, направился къ дворцу и склонилъ императора на сторону отцовъ собора. Преподобный скончался около 440 г., не менѣе 90 лѣтъ отъ рожденія. *Память 3 авг.*

ДАЛЬТОНЪ Германъ, реформатскій пасторъ въ Петербургѣ, человѣкъ даровитый и съ бойкимъ перомъ, какъ объ этомъ свидѣтельствуютъ его сочиненія, среди которыхъ могутъ быть упомянуты: «Исторія реформатской церкви въ Россіи» (Гота, 1865), «Нафанаилъ», «Этюды о христіанствѣ» (2-е

изд. Петербургъ, 1864), «Путевыя картины изъ Греціи и Малой Азіи» (Бременъ, 1884),— опытъ библейской географіи въ формѣ новѣйшихъ путевыхъ записокъ, «Соціальная проказа» (Гамбургъ, 1884), «Каникулярное путешествіе евангелическаго проповѣдника» (Бременъ и Лейпцигъ, 1886), «Гейдельбергскій Катихизисъ» (Гейльбронъ, 1886) и «Исторія управленія евангелическо-лютеранской церкви въ Россіи» (Гота, 1887). Кромѣ того, имъ издано не мало проповѣдей, среди которыхъ извѣстны: «Размышленія о блудномъ сынѣ», «О семействѣ», «Семь словъ Іисуса Христа на крестѣ», «Виѳанія» и «Исцѣленіе слѣпорожденнаго», которыя всѣ съ 1886 г. вновь напечатаны были въ собраніи изъ пяти частей. Во время своего пребыванія въ Россіи, Д. тщательно изучалъ религіозно-общественныя отношенія русскаго народа, но, къ сожалѣнію, не въ состояніи былъ понять особаго духа православной религіозности, какъ и положенія православной церкви въ государствѣ, что̀ онъ и обнаружилъ, когда, оставивъ службу въ Петербургѣ и переселившись за границу, съ ревностью сталъ выдвигать значеніе такихъ противонаціональныхъ и антирел. элементовъ, какъ штундизмъ и др., представляя собою новое доказательство, какъ иностранцу трудно понять своеобразный укладъ церковно - религіозныхъ отношеній православной Россіи.

Дамарь — одна изъ тѣхъ немногихъ благородныхъ душъ, которыя отозвались на проповѣдь ап. Павла въ Аѳинахъ и увѣровали во Христа (Дѣян. 17, 34). Это повидимому была очень знатная женщина и, по одному мнѣнію, котораго держались св. Амвросій Мед., Златоустъ, Астерій и др., она была супругой Діонисія Ареопагита. *Память* ея греч. церковь чтитъ *4 октября*.

ДАМАСЪ—имя двухъ римскихъ папъ. 1) **Дамасъ I** (366—384) род., вѣроятно, въ 305 г., въ Римѣ. Сынъ, вѣроятно, изъ Испаніи происходящаго священника, который въ церкви св. Лаврентія въ Римѣ перешелъ отъ должности нотарія къ должности чтеца, отъ чтеца на степень діакона, отъ діакона въ санъ священника, онъ началъ свою духовную службу въ той же самой церкви. Когда епископъ Либерій, въ 355 г. на миланскомъ соборѣ за то, что онъ противился осужденію Аѳанасія, былъ изгнанъ въ Верею, во Ѳракіи, и на его мѣсто былъ избранъ архидіаконъ Феликсъ,—Дамасъ, тогда діаконъ, во всякомъ случаѣ принадлежа къ тѣмъ, которые держались твердаго въ вѣрѣ епископа, также, быть можетъ, сопровождалъ его въ изгнаніе. По возстановленіи Либерія въ его достоинствѣ, въ 357 г., возвратился и Дамасъ въ свою должность, и въ 366 г., послѣ смерти Либерія, на его епископію, конечно, не безъ противорѣчія. Небольшая противная партія избрала Урсина (Урсицина), и даже вызвала кровавую борьбу на улицахъ міровой столицы, — первую, о какой только намъ сообщаетъ исторія при папскихъ выборахъ. Какъ только первыя смятенія прошли, римская государственная власть явно поняла безсиліе соперничествующаго епископа, который былъ достаточно силенъ лишь настолько, чтобы болѣе счастливому сопернику, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, причинять всякія безпокойства и отравлять пользованіе своимъ достоинствомъ. Повсюду, гдѣ только эти упорные люди угрожали спокойствію Рима, противъ нихъ выступали императорскіе чиновники; но, пока они умѣли поддерживать хотя бы видимую миролюбивость, Валентиніанъ I всегда опять обнаруживалъ склонность относиться къ нимъ съ терпимостью, которую онъ всегда предпочиталъ всякимъ церковнымъ смутамъ. Въ 367 г. онъ издалъ декретъ, въ силу котораго епископъ Рима долженъ былъ разслѣдовать и улаживать споры остальныхъ епископовъ. Послѣ того, какъ наконецъ, вслѣдствіе изгнанія Урсина и его приверженцевъ въ Галлію (365), опять возстановилось спокойствіе, суровость, съ которою Д. проводилъ въ исполненіе императорскія распоряженія, запрещавшія клирикамъ и монахамъ всякія права на полученіе наслѣдствъ, вызвала новое недовольство, которое было улажено только мудростью и энергіей римскаго епископа. Только уже послѣ этого онъ могъ обратить свои взоры на нужды церкви въ болѣе широкомъ объемѣ. На двухъ соборахъ въ Римѣ (368 и 369) онъ боролся противъ аріанства, которое пустило корни также и на Западѣ, и на первомъ соборѣ низложилъ двухъ пресловутыхъ иллирійскихъ епископовъ, Урсакія и Валента, равно какъ на второмъ—аріанскаго епископа Авксентія миланскаго съ его приверженцами. Съ одинаковою силою выступилъ онъ и противъ антіохійскаго раскола и аполлинаріевой и македоніевой ереси, и

утвердилъ послѣ созванный имъ съ этою цѣлью въ 374 г., направленный противъ этихъ заблужденій, константинопольскій вселенскій соборъ (381), который позже, благодаря соглашенію римскаго епископа и остальныхъ западныхъ епископовъ, получилъ значеніе вселенскаго. Впрочемъ, Д. въ различныхъ церковныхъ сношеніяхъ оказался не въ состояніи поддерживать значеніе римской каѳедры въ глазахъ Востока; можно даже сказать, что его восточная политика скорѣй терпѣла пораженія, чѣмъ побѣды. Сначала онъ и не мечталъ о томъ, чтобы пріобрѣтать здѣсь новую силу и новый блескъ; въ то время, когда часть Запада подпала подъ власть Востока, онъ скорѣй заботился о томъ, чтобы сохранить ту власть патріарха Запада, которую римскій епископъ уже въ дѣйствительности имѣлъ надъ западными церквами. Но когда его епископское положеніе давало ему возможность проявлять свою дѣятельность и въ дѣлахъ, касающихся Востока, то его преданность православному Аѳанасію, вслѣдствіе этого и дружелюбная связь его съ Александріей,—стояли въ его глазахъ гораздо выше всякой попытки во что бы то ни стало добиваться приведенія Востока въ такое подчиненіе Риму, въ какомъ уже фактически находился Западъ. Такъ какъ самъ Д. не лишенъ былъ научнаго образованія, то онъ покровительствовалъ также и наукѣ, гдѣ только ни встрѣчалъ ее. Особенно тѣсную дружбу поддерживалъ онъ съ бл. Іеронимомъ. Онъ, уже ранѣе знакомый съ нимъ, обращался къ нему послѣ того, какъ тотъ поселился на Востокѣ, съ разными церковными вопросами, поддерживалъ съ нимъ оживленную переписку, приглашалъ его въ 382 г. въ Римъ и пользовался его ученостью при отвѣтѣ на тѣ посланія, которыя онъ получалъ по разнымъ церковнымъ дѣламъ отъ соборовъ и епископовъ. Равнымъ образомъ по его порученію бл. Іеронимъ приступилъ къ важному дѣлу основательнаго пересмотра старо-латинскаго перевода Библіи, текстъ котораго былъ крайне испорченъ и, съ теченіемъ времени, совершенно потерялъ свой первоначальный образъ. Въ образовавшемся въ Римѣ кружкѣ знатныхъ дамъ, главой и любимцемъ котораго былъ бл. Іеронимъ (см.), Д., котораго Іеронимъ прославляетъ, какъ «дѣвственнаго учителя дѣвственной церкви», принималъ лишь настолько участія, насколько его сочиненіе «О дѣвственности» пользовалось тамъ большимъ уваженіемъ; и рано умершая, но не забытая братомъ и еще въ послѣдніе годы своей жизни воспитанная имъ, сестра Д., Ирина, которая свою дѣвственную жизнь посвятила Богу, въ то же время не удаляясь отъ семейнаго взаимообщенія, составляла высокій идеалъ и любимую тему благочестивыхъ подругъ бл. Іеронима. Дамасъ построилъ въ Римѣ двѣ базилики, — одну вблизи Помпеева театра въ честь св. Левантія; вторую на Ардіатинской улицѣ, гдѣ были погребены мать и сестра епископа, и рядомъ съ которыми и онъ нашелъ себѣ могилу (съ 1645 г. его останки были перенесены за алтарь). Не меньшее вниманіе онъ обращалъ на мѣста съ останками древнихъ христіанъ въ катакомбахъ. Сдѣлавшіяся недоступными галлереи онъ открывалъ, проводилъ удобныя лѣстницы, давалъ доступъ свѣта и воздуха сверху, при чемъ очистилъ старые люминаріи и заложилъ новые. Засыпавшіяся гробницы, о которыхъ только сохранялось преданіе, онъ разыскивалъ, и найденныя украшалъ мраморными досками и надписями. Большинство имъ самимъ составленныхъ метрическихъ надгробныхъ надписей (28), хотя и составленныхъ часто грубымъ языкомъ, свидѣтельствуетъ о его наклонности къ поэзіи, пропитанной высокимъ чувствомъ благочестія. Все, что Д. сдѣлалъ въ этомъ отношеніи, выступаетъ передъ нами, впрочемъ, въ своеобразныхъ письменахъ (Дамасовыхъ буквахъ), отъ искусной руки каллиграфа, Фурія Діонисія Филокала. Подлинныя творенія Д. были изданы въ Парижѣ, въ 1672 г. Это изданіе предваряется жизнеописаніемъ папы, которое находится также и въ «Посланіяхъ римскихъ первосвященниковъ» Петра Кустана. Изданія этихъ твореній появлялись уже въ 1630 г., и еще одно въ Римѣ, въ 1638 г.; они перепечатаны въ Патрологіи Миня, Т. 13. Многіе писатели занимались изслѣдованіемъ жизни и дѣятельности Д. Халкедонскій соборъ называетъ его «украшеніемъ и славой Рима». Онъ умеръ восьмидесяти лѣтъ, 10 декабря 384 г., но римская церковь память его празднуетъ 11 декабря. См. о немъ превосходную монографію *Раде:* «Дамасъ, епископъ римскій» (Фрейбургъ и Тюбингенъ, 1882). — 2) **Дамасъ II,** чет-

вертый нѣмецкій папа, преемникъ Климента II въ 1047 г., раньше епископъ бриксенскій, который, будучи рекомендованъ на папскій престолъ Генрихомъ III, сначала, однако, долженъ былъ уладить дѣла съ антипапой Бенедиктомъ IX (см.), прежде чѣмъ могъ вступить въ Римъ, въ 1048 г.; и уже черезъ 23 дня послѣ этого входа (9 августа) умеръ въ Палестинѣ, куда онъ отправился для поправленія своего здоровья, не исполнивъ тѣхъ надеждъ, которыя возлагали на его благочестіе и научныя познанія.

ДАМАСКЪ (обыкновенно называемый Эшъ-Шамъ, также Димишкъ) расположенъ у подошвы Антиливанскихъ горъ, верстахъ въ 200 къ сѣверо-востоку отъ Іерусалима и въ 75 верстахъ къ востоку отъ Средиземнаго моря, на высотѣ 2,260 футъ надъ уровнемъ моря. Это одинъ изъ древнѣйшихъ и самыхъ замѣчательнѣйшихъ городовъ въ мірѣ,—замѣчательный какъ вслѣдствіе красоты своего мѣстоположенія, такъ и связываемой съ нимъ исторіи. Не даромъ его называютъ «окомъ пустыни». Магометане считаютъ его наилучшимъ земнымъ отраженіемъ рая. Іосифъ Флавій утверждаетъ, что городъ былъ основанъ Узомъ, сыномъ Арама, и что онъ хорошо извѣстенъ былъ уже во времена патріарховъ, такъ какъ довѣренный рабъ Авраама, Елеазаръ, былъ родомъ изъ Дамаска (Быт. **15**, 2). О немъ часто упоминается въ ветхомъ завѣтѣ, а также въ книгѣ Дѣяній Апостольскихъ, и дважды въ Посланіяхъ ап. Павла (Гал. **I**, 17 и 2 Кор. **II**, 32). Давидъ завоевалъ его послѣ кровопролитной войны (2 Цар. **8**, 5, 6); но при Соломонѣ одинъ авантюристъ провозгласилъ себя царемъ Дамаска и основалъ монархію, съ которой израильтянамъ впослѣдствіи часто приходилось имѣть сильныя столкновенія. Въ 732 г. до Р. Хр. царство Дамасское потеряло свою независимость, будучи завоевано Ѳеглаѳъ-Фаласаромъ, и такимъ образомъ исполнилось пророчество Исаіи (Ис. **17**, 1—3). Страну эту въ 333 г. до Р. Хр. завоевалъ Александръ Великій. Послѣ различныхъ превратностей, страна сдѣлалась римской провинціей въ 63 г. до Р. Хр. Во времена Христа, въ Дамаскѣ было нѣсколько іудейскихъ синагогъ. Въ Византійской имперіи онъ сдѣлался мѣстопребываніемъ христіанскаго епископа, стоявшаго по рангу вслѣдъ за патріархомъ антіохійскимъ, и въ немъ находилось нѣсколько церквей и каѳедральный соборъ въ честь Іоанна Крестителя. Въ 634 г. онъ попалъ въ руки ислама; и Моавіахъ, первый калифъ изъ дома Омейядовъ, сдѣлалъ его столицей магометанскаго царства (661) и придалъ ему великій блескъ. Во время Крестовыхъ походовъ онъ раздѣлялъ измѣнчивыя судьбы и превратности городовъ Св. Земли. Саладонъ сдѣлалъ его своей главной квартирой во время войны съ франками. Въ 1516 г. онъ перешелъ во власть турецкаго султана. Крестъ съ того времени никогда уже не вытѣснялъ полумѣсяца. Дамаскъ и досслѣ считается одной изъ провинціальныхъ столицъ Турціи. Самымъ важнымъ событіемъ, совершившимся въ Дамаскѣ и имѣвшимъ наиболѣе важныя послѣдствія въ исторіи человѣчества, было обращеніе ап. Павла. О немъ разсказывается три раза въ книгѣ Дѣяній Апостольскихъ (**9**, 1—22, **22**, 4—20, **26**, 12—20) и нѣсколько разъ дѣлаются намеки въ Посланіяхъ ап. Павла. Оно произошло спустя нѣсколько лѣтъ послѣ распятія Христа и чрезъ нѣсколько недѣль послѣ мученичества св. Стефана, около 37 г. Древнее преданіе указываетъ самое мѣсто этого обращенія на разстояніи семи верстъ отъ города, въ томъ пунктѣ, гдѣ прямая дорога изъ Іерусалима пересѣкается дорогой изъ Баніи и Кефръ-Гаувара, близъ оазиза и источника, въ виду минаретовъ города, величественнаго Ермона и обнаженнаго хребта горъ Антиливанскихъ. Окно въ стѣнѣ, чрезъ которое ап. Павелъ былъ спущенъ въ корзинѣ (2 Кор. **II**, 33), домъ Ананіи и домъ Іуды показываются тамъ доселѣ; и улица, называемая «прямой», на которой Ананія долженъ былъ найти Савла Тарсійскаго, еще и до сихъ поръ носитъ это названіе. Въ настоящее время городъ представляетъ собою осиное гнѣздо магометанскаго фанатизма: мусульмане къ своимъ молитвамъ къ Аллаху примѣшиваютъ проклятія на христіанъ. Христіанскому міру еще памятно страшное побоище, произведенное тамъ мусульманами въ 1860 г. Воспользовавшись волненіями среди друзовъ на Ливанѣ, мусульмане 9 іюля возстали противъ христіанъ, и въ этотъ и въ слѣдующій день хладнокровно умерщвлено было 3,000 взрослыхъ мужчинъ, а многіе другіе умерли впослѣдствіи отъ ранъ или по-

гибли въ пустынѣ. Турецкое правительство смотрѣло на это избіеніе, не пытаясь остановить его. Полезный урокъ, однако, былъ данъ мусульманамъ французской экспедиціей, которая и подвергла наказанію виновныхъ; но мусульманская вражда противъ христіанъ все еще и доселѣ ярко пылаетъ тамъ и сдерживается только страхомъ. Въ городѣ числится населенія до 130,000 чел., въ томъ числѣ 10,000 христіанъ съ семью церквами, много евреевъ, до 5,000 друзовъ и другихъ магометанскихъ сектъ, и не мало цыганъ во главѣ съ агой. Городъ славится своими роскошными базарами и замѣчательными архитектурными остатками древности.

Дамаскинъ Іоаннъ. См. подъ слов. *Іоаннъ Дамаскинъ*.

ДАМАСКИНЪ, Семеновъ-Рудневъ, еп. нижегородскій († 1795 г.), одинъ изъ талантливыхъ дѣятелей эпохи Екатерины II, изъ числа немногочисленныхъ въ то время іерарховъ-великороссовъ, постепенно вытѣснившихъ дотолѣ сильныхъ малороссовъ. Самъ Д. любилъ отмѣчать, что онъ родомъ «изъ великороссіянъ». Родился въ январѣ 1737 г. въ предѣлахъ московской еп. (теперь тульской), гдѣ отецъ его былъ сельскимъ священникомъ; дѣтскіе годы провелъ въ средѣ, гдѣ царила скромная простота и старинное благочестіе. Оба эти качества остались и на всю жизнь преосв. неизмѣнными. «Обучась словесной грамотѣ у отца своего», нѣкоторое время «заправлялся» въ крутицкой семинаріи, а отсюда былъ переведенъ въ моск. славяно-греко-латинскую академію, гдѣ засталъ Петра Левшина, впослѣдствіи митропол. Платона, съ которымъ у него установились самыя близкія отношенія, а также впослѣдствіи митроп. новгор. и с.-петербургскаго Гавріила Петрова. Въ академіи Д. пробылъ до 1761 г. и вышелъ изъ нея 24 лѣтъ въ числѣ лучшихъ учениковъ. По окончаніи курса поступилъ въ крутицкую семинарію преподавателемъ риторики, поэтики и греч. языка (*С. Смирновъ*, Ист. моск. акад. стр. 181), и нѣкоторое время управлялъ семинаріей. Въ іюлѣ 1765 г., когда изъ семинаристовъ выбирались лучшіе воспитанники для отправленія за границу, Д. подалъ прошеніе въ Св. Синодъ, въ которомъ «всепокорнѣйше просилъ съ отправляющимися учениками и инспекторами и его нижайшаго отправить по милостивѣйшему вашего святѣйшества усмотрѣнію», дополнивъ черезъ нѣсколько времени свое прошеніе, для большей убѣдительности, указаніемъ на то, что, помимо обязательныхъ въ академіи наукъ, онъ по собственному почину занимался изученіемъ греческаго и еврейскаго языковъ. Ему было тогда уже 30 лѣтъ. Будучи за границей — въ Геттингенѣ — въ качествѣ инспектора отправленныхъ туда 4 студентовъ, Д. не терялъ времени даромъ, а усиленно занимался, такъ что заслужилъ особо похвальные отзывы со стороны профессоровъ. «Мужъ ученіемъ и честными правами нашихъ превосходящій Дим. Семеновъ (коего обхожденіемъ и дружествомъ я весьма доволенъ) число моихъ учениковъ умножать изволилъ..., особливо о томъ неусыпное прилагалъ стараніе, чрезъ что истинное христіанское благочестіе ясно представляется», доносилъ о немъ одинъ изъ профессоровъ. Изъ донесенія самого Д видно, что въ Геттингенѣ онъ «обучался языкамъ: нѣмецкому, французскому и еврейскому у проф. Михаэлиса, выслушавъ для этого у него еврейскую грамматику, толкованіе псалмовъ Давидовыхъ, Притчей Соломона, Іова, Судей, Исаіи пророка и Бытія Моис. съ евр. яз., греческ., латинск., географіи, исторіи универсальной, дипломатикѣ, исторіи европейской, исторіи литеральной или о свѣдѣніи знатнѣйшихъ книгъ, философіи, физикѣ экспериментальной, философіи практической и моральной, праву естественному и народному, статистикѣ или наукѣ о состояніи европейскихъ государствъ, математикѣ частной, прикладной м., экономіи сельской, богословіи, морали, доказательствамъ о истинѣ христіанской религіи, исторіи церковной». Сверхъ того, доносилъ онъ, въ послѣдній годъ передъ выѣздомъ на родину упражнялся по большей части въ россійской исторіи, «пріискавъ, а многихъ перечитавъ авторовъ до россійской исторіи надлежащихъ, какъ иностранныхъ, на нѣмецк., французск., англ. и лат. языкахъ, такъ и на русскомъ, о сведеніи коихъ почти совсѣмъ готова уже у меня и книжка, которую я современемъ выдать въ свѣтъ намѣренъ». По возвращеніи студентовъ въ Россію въ 1773 г. былъ назначенъ экзаменъ въ Невскомъ монастырѣ, на которомъ выяснилось, что «коштъ ихъ не напрасно издержанъ» Д. была дана степень профессора словесныхъ наукъ и церковной исторіи, съ жалованьемъ по 600 р. въ годъ и съ предоставленіемъ его въ вѣ-

дѣніе и распоряженіе с.-петербургскаго преосвященнаго. Въ 1774 г. Д. переѣхалъ въ Москву, гдѣ были отведены ему покои въ Заиконоспасскомъ монастырѣ, но въ скоромъ времени онъ, 38 лѣтъ, вступилъ въ составъ академической корпораціи. 13 апр. 1775 г. назначенъ префектомъ академіи и профессоромъ философіи. Скоро за симъ въ его жизни произошла крупная перемѣна: онъ принялъ монашество. Постриженіе совершилось въ Перервинскомъ монастрѣ 8 сент. Едва ли въ этомъ случаѣ не сказалось сильное вліяніе друзей и «покровителей», какъ онъ называлъ ихъ: Гавріила Петрова и Платона Левшина. 14 сент. Д. посвященъ въ іеродіакона, а 13 окт. въ іеромонаха. Въ томъ же году академія была ввѣрена митр. Платону, который не замедлилъ дать болѣе подходящее назначеніе и Д. Въ 1778 г. онъ былъ опредѣленъ ректоромъ академіи и профессоромъ богословія. Въ это время онъ уже былъ архимандритомъ Богоявленскаго монастыря. 19 апр. 1779 г. назначенъ членомъ московской синодальной конторы; черезъ годъ ему была поручена цензура всѣхъ книгъ, въ коихъ встрѣчаются какія-либо «до вѣры и закону христіанскаго принадлежащія разсужденія», а также періодическихъ изданій. Въ то же время онъ состоялъ членомъ Вольнаго Росс. собр., учрежд. при московск. унив. и пользовавшагося въ свое время большою извѣстностью,- принимая дѣятельное участіе въ «Трудахъ» этого собранія.

Занимая высшее положеніе въ академіи, Д. былъ ближайшимъ и, вѣроятно, лучшимъ сотрудникомъ митр. Платона во всѣхъ его благихъ начинаніяхъ, клонившихся къ возвышенію академіи. Какъ профессоръ, онъ заботился объ ознакомленіи студентовъ съ новыми философскими системами: познакомилъ ихъ съ системами Вольфа, Гольмана, Бильфингера, Канзія и Винклера; онъ же первый началъ читалъ исторію философскихъ системъ по руководству Бруккера. Въ области богословія онъ старался вводить историческій элементъ. Кромѣ этихъ главныхъ предметовъ, онъ преподавалъ студентамъ нѣмецкій языкъ, хотя онъ и не значился въ программахъ того времени. Затѣмъ, по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ въ аудиторіи предлагалъ толкованіе Св. Писанія: на эти толкованія собиралось множество постороннихъ лицъ; устраивалъ ученые диспуты, предлагая собственные тезисы какъ богословскаго, такъ и философскаго характера, при чемъ эти диспуты, а равно и другія академ. собранія обставлялъ всегда торжественностью. Но особеннымъ, всегдашнимъ предметомъ его заботливости была академ. библіотека, которую онъ привелъ въ отличный порядокъ, по образцу иностранныхъ, увеличивъ пріобрѣтеніемъ новыхъ лучшихъ сочиненій и т. д. Дѣятельность Д. въ академіи продолжалась по 1782 г., когда онъ былъ назначенъ епископомъ сѣвскимъ, викаріемъ московской епархіи. Посвященіе во епископа совершено было 5 іюля 1782 г. въ Петербургѣ, въ Троицкой пустыни, въ присутствіи императрицы и ихъ высочествъ; совершали его друзья и «покровители» Гавріилъ, Платонъ и Иннокентій (Нечаевъ). Прибывъ на мѣсто новаго служенія, Д. нашелъ здѣсь множество неисправностей какъ въ церквахъ, такъ и въ жизни духовенства, и немедленно съ энергичностью принялся за исправленіе ихъ. Стремясь къ поднятію духовенства на подобающую ему высоту и понимая, какое значеніе должно имѣть для него образованіе, онъ съ особенной любовью и заботливостью относился къ дух. семинаріи. Но дѣятельность Д. здѣсь продолжалась недолго: 22 сент. 1783 г. онъ былъ назначенъ на самостоятельную каѳедру въ Н.-Новгородъ. Тамъ его ожидала гораздо болѣе сложная и трудная задача, требовавшая особой осторожности, осмотрительности и такта, такъ какъ въ этой епархіи былъ многочисленный инородческій элементъ и много раскольниковъ разныхъ толковъ; къ тому же и духовенство мѣстное далеко не всегда стояло на подобающей ему высотѣ. Но главныя его заботы были направлены на духовныя школы. Всѣми мѣрами, не исключая и насильственныхъ, побуждалъ онъ духовенство отдавать дѣтей въ семинарію, «обуча дома грамотѣ и писать»; уклонявшихся подвергалъ денежному штрафу, который, какъ и всѣ другіе штрафы, налагаемые на духовныхъ лицъ, обращались на семинарію же. При немъ семинарія достигла самаго блестящаго положенія за весь настоящій періодъ въ исторіи; число учениковъ достигло до 450. И въ учебномъ отношеніи она значительно поднялась. Д. первый ввелъ въ ней толкованіе катихизиса и Св. Писанія въ церкви, поручалъ старшимъ семинаристамъ составлять проповѣди и про-

износить ихъ въ церквахъ; богословіе было отдѣлено отъ философіи и стало преподаваться въ болѣе обширномъ видѣ; усовершенствовано было преподаваніе инородческихъ языковъ, при чемъ нѣкоторые ученики посылались въ Казань спеціально для изученія этихъ языковъ. Семинарская библіотека была приведена въ порядокъ; составленъ для нея каталогъ, пріобрѣтено множество новыхъ, цѣнныхъ сочиненій. Не забывалъ Д. и другой стороны жизни своихъ любимцевъ-семинаристовъ: заботился о доставленіи имъ разумныхъ развлеченій, при чемъ, какъ и раньше, всѣ собранія въ семинаріи старался обставить наиболѣе торжественно. Что касается раскольниковъ, то по отношенію къ нимъ Д. не допускалъ никогда крутыхъ мѣръ, что было вполнѣ въ духѣ того времени; равно какъ и во всѣхъ другихъ отношеніяхъ Д. всегда являлся человѣкомъ вполнѣ современнымъ, прекрасно понимающимъ современныя задачи и требованія. Проводимые имъ въ проповѣдяхъ взгляды могли бы дѣлать честь просвѣщеннѣйшимъ сотрудникамъ Екатерины II. Государыня всегда относилась съ доброжелательствомъ къ Д. И только подъ конецъ пребыванія его въ Н.-Новгородѣ началось охлажденіе, неизвѣстно—чѣмъ вызванное. Подъ вліяніемъ, быть можетъ, этого охлажденія, а также въ виду болѣзненности Д. на 11 году служенія на н.-новг. каѳедрѣ подалъ прошеніе [онъ] объ увольненіи его на покой. 12 января 1794 г. послѣдовалъ указъ объ увольненіи, и онъ удалился въ московскій Покровскій монастырь, при чемъ предварительно ему пришлось «на свой коштъ» исправить отведенные для него покои. Черезъ годъ, чувствуя приближеніе смерти, онъ составилъ завѣщаніе, въ которомъ просилъ, чтобы погребеніе его совершилъ митр. Платонъ. Скончался 18 дек. 1795 г. и былъ погребенъ въ Покровскомъ мон. на избранномъ имъ самимъ мѣстѣ.

Литературная дѣятельность преосв. Д. началась еще во время пребыванія его въ Геттингенѣ: имъ была переведена на нѣмецкій языкъ лѣтопись Нестора. Изданъ этотъ переводъ въ отрывкахъ въ 1771 г. проф. Гаттереромъ въ Einleitung in d. Synchronistische Universalhistorie» (Gött, стр. 979 — 1000). Переводъ былъ сдѣланъ по Радзивилл. списку въ сличеніи его съ Никоновскимъ. Для нѣмецкой науки онъ имѣлъ большое значеніе, потому что русскій лѣтописецъ тамъ былъ почти неизвѣстенъ. За этотъ трудъ онъ получилъ дипломъ корреспондента историческаго института въ Германіи. Тамъ же сдѣланъ имъ переводъ на лат. яз. трактата Ѳеофана Прокоповича: «De processione Spiritus Sancti» (изд. 1772 г.), къ которому приложилъ «Указатель» (Index) сочиненій Ѳ. Прокоповича. Въ особой, имъ самимъ напис., XVI гл. Д. разсматриваетъ и основательно опровергаетъ обвиненія со стороны латинянъ на православн. богослововъ, что-де они допускали порчу книгъ и приноравливали къ своему ученію историческія свидѣтельства. Въ Геттингенѣ же былъ совершенъ напечатанный уже въ Петербургѣ въ 1774 г. переводъ на лат. яз. богословія преосв. Платона, митр. московск., составленнаго изъ лекцій, читанныхъ в. кн. Павлу Петровичу. Переводъ изданъ подъ заглавіемъ: «Orthodoxa doctrina seu compendium Theologiae Christianae»..., съ предисловіемъ и посвященіемъ вел. князю. Имъ же переведено съ нѣм. яз. на русскій сочин. Сульцера: «О полезномъ съ юношествомъ чтеніи древнихъ классическихъ писателей». М. 1774, 1780, 1787 гг. Въ выборѣ для перевода этого сочиненія сказалось расположеніе Д. къ классическимъ писателямъ и ихъ языку, который, какъ и древне-русскій церк.-славянскій, долженъ облагораживать рѣчь, сообщать ей изящность. Въ Россіи, состоя членомъ Вольн. Ист. Р. собр., принималъ дѣятельное участіе въ «Трудахъ» его и между прочимъ членамъ его посвятилъ свое изданіе сочиненій Ломоносова, въ 3-хъ томахъ, снабженное, кромѣ посвященія, біографіей Ломоносова. Изданіе это оставалось лучшимъ до изданія Сухомлинова; за него Д. «отъ премудрыя десницы премудрыя монархини великія Екатерины II получилъ въ награжденіе пятьсотъ рублей». Въ 1780 г. начато изданіе проповѣдническихъ трудовъ митр. Платона, посвященное имп. Екатеринѣ II и обращенное на пользу бѣдныхъ учениковъ академіи. Изданіе продолжалось до 1782 г. и вышло въ 12 томахъ. 28 окт. 1783 г. Д., уже епископъ, былъ избранъ членомъ Росс. Акад. Наукъ. Въ 1892 г. онъ между прочимъ принималъ дѣятельное участіе въ составленіи акад. словопроизводнаго словаря (См. *М. Сухомлиновъ*. Ист. росс. акад., стр. 118—183). Засимъ, Екатерина II, задумавъ

составить словарь разныхъ языковъ, поручила ему, когда онъ былъ въ Н.-Новгородѣ: «считая, что въ н.-новгородской семинаріи преподается ученіе языковъ разныхъ народовъ, въ епархіи вашей обрѣтающихся, я желаю, чтобы ваше преосвященство доставили мнѣ словарь тѣхъ языковъ, написавъ то по-россійски каждое слово, какъ оно произносится». Во исполненіе сего Д. сначала при содѣйствіи учениковъ семинаріи, а затѣмъ священниковъ епархіи, составилъ два тома инородческаго словаря: 1 томъ для языковъ русскаго, татарскаго, чувашскаго и мордовскаго, и 2 т.—для одного черемисскаго яз. Первый томъ хранится въ библіотекѣ нижегородской семинаріи. Словарь былъ отправленъ государынѣ 13 апрѣля 1785 г. Писалъ Д. и мордовскую грамматику, но она осталась неизданной. Въ то же время онъ подводилъ къ концу начатый еще въ Москвѣ трудъ: «Библіотека Россійская, по нынѣшнія времена». Это одно изъ замѣчательнѣйшихъ его произведеній, являющимся выдающимся въ нашей литературѣ того времени, какъ по основной мысли, такъ и по богатству выполненія плана. Ему предпослано «краткое описаніе россійской ученой исторіи» (въ 16 §§). Но этотъ библіографическій трудъ не былъ оконченъ печатаніемъ. Еще одинъ рукописный трудъ связанъ съ именемъ Д.: «Аллація (Льва). Два разсужденія о церковныхъ книгахъ греческой церкви въ переводѣ Д., еп. нижегородскаго»; относится къ нижегородскому періоду.

Что касается проповѣднической дѣятельности преосв. Д., то въ этомъ отношеніи онъ далекъ былъ отъ совершенства. Сборникъ его проповѣдей былъ изданъ еще въ 1783 г. въ Москвѣ «иждивеніемъ Н. Новикова»; въ автобіографіи же есть замѣтка, что «приготовленъ уже къ печати» второй томъ проповѣдей, но въ печати такого въ дѣйствительности не появлялось. Есть нѣсколько проповѣдей, говоренныхъ въ Н.-Новгородѣ въ высокоторжественные царскіе дни. Можно предполагать, что въ бытность въ Москвѣ, Д. говорилъ проповѣди скорѣе въ виду своего положенія, требованія обстоятельствъ, чѣмъ по желанію, по призванію. Ораторскаго таланта у него не было, равно не отличаются его проповѣди и литературными достоинствами, но по содержанію онѣ заслуживаютъ полнаго вниманія. Темными красками, иногда даже очень сгущенными, рисуетъ авторъ современное состояніе русскаго общества; главная причина его—въ недостаткѣ просвѣщенія; въ развитіи просвѣщенія и истинное спасеніе; науку слѣдуетъ любить; это ниспосланный съ неба даръ, и по отношенію къ ней можно опредѣлить истиннаго гражданина. Необходимо отказаться отъ мысли, что невѣжество массъ—лучшее средство управлять ими. Это пагубная мысль. Развивая эти положенія въ проповѣдяхъ, ораторъ однако оставался сухимъ ученымъ: ровнымъ, спокойнымъ тономъ, по всѣмъ правиламъ логическаго мышленія предлагалъ онъ своимъ слушателямъ съ церковной каѳедры не столько проповѣди, сколько отрывки изъ богословскихъ трактатовъ. Того, что дѣйствуетъ на сердце слушателя, элемента чувства, у него не было почти совсѣмъ, а потому не было и увлекающихся его проповѣдничествомъ. Нельзя не отмѣтить общности темъ его проповѣдей съ проповѣдями митр. Платона, встрѣчается значительное сходство и въ обработкѣ частностей. Первый опытъ проповѣди относится къ 1775 г.: «О Божескихъ къ Россіи благодѣяніяхъ»; слѣдующая проповѣдь произнесена была 15 іюля 1776 г.: «О средствахъ утѣшенія въ скорбной жизни». Въ проповѣди «О любви къ отечеству» развиваются мысли, которыя проводили Екатерина II въ «Наказѣ» и многіе лучшіе люди того времени (Фонвизинъ); «Объ истинномъ гражданствѣ»—сказалось сильное вліяніе прослушаннаго въ Геттингенѣ курса практической философіи и естественнаго права. Воплощеніе идеальнаго образа гражданина проповѣдникъ видитъ въ лицѣ императрицы и в. кн. Павла Петровича. На тему: «Правда возвышаетъ языкъ, умаляютъ же племена грѣси» (Пр. Сол. 14, 34); «О нуждѣ удовлетворенія Христова за всякаго человѣка»; «О подраженіи Христу», единственная проповѣдь, проникнутая глубокою прочувствованностью слышится какая-то особая искренность и убѣдительность; «О поправленіи народнаго характера»; «О враждебности и опасности непомѣрныхъ гуляній»; «О распространеніи всеобщаго блага»; «О томъ, какъ намъ лучшимъ образомъ умирать»; «О чаяніи будущей жизни»; «О томъ, чѣмъ апостолы побуждаемы были слѣдовать за Христомъ»—эта рѣчь произнесена была въ Петергофѣ въ придворной

церкви въ Высочайшемъ присутствіи предъ посвященіемъ во епископа. Всѣ эти проповѣди произнесены были въ періодъ времени 1775—1782 гг.

См. арх. Св. Синода, орловск. дух. консист., нижегор. дух. консист. подъ соотв. год.; *Макарій*, Ист. нижегор. сем.; Рос. Вивліоѳ. т. XVIII; Ист. Россійск. Акад. Ч. I. Спб. 1874—*М. А. Сухомлинова*; *И. Горажанскаго*, Дам. Сем.-Рудневъ, еп. нижегор., въ «Тр. Кіевск. дух. ак.» 1893 г. №№ 11 и 12 и 1894 г. №№ 1—7. Отд. изд. Кіевъ 1894 г. *Д.*

Даміанъ—безмездникъ. См. Косьма и Даміанъ. *Пам. 1 іюля, 17 октяб. и 1 ноября.* Другіе Даміаны преподобные—*23 февр. и 5 окт.*

ДАМІАНЪ, патріархъ александрійскій (ум. 601), наклоненъ былъ къ монофизитству, и держался взглядовъ касательно Св. Троицы, похожихъ на взгляды Савеллія. «Божество—говорилъ онъ—Отца, Сына и Св. Духа составляетъ одну единичную сущность, такъ что три лица Троицы не суть Богъ, каждое само по себѣ и отдѣльно, а только когда они соединены вмѣстѣ». Приверженцы этого взгляда назывались *даміанитами*. Ихъ противники называли ихъ тетрадитами, потому что они признавали какъ бы четыре Бога—Отца, Сына, Св. Духа и Божественное Существо, въ которомъ объединялись всѣ три лица.

ДАМІАНЪ—блаженн. патріархъ іерусалимскій (съ 10 іюля 1897 г.). Въ мірѣ онъ именовался Димитріемъ Косоти, родился на островѣ Самосѣ, гдѣ потомъ и служилъ товарищемъ мирового судьи, затѣмъ овдовѣлъ и поступилъ въ число иноковъ святогробскаго братства. Чрезъ нѣсколько лѣтъ Д. былъ отправленъ въ Россію, въ качествѣ эпитропа Гроба Господня и сперва (1878—1880 гг.) завѣдывалъ іерусалимскимъ Александровскимъ монастыремъ въ Таганрогѣ, а потомъ (1881—1886 гг.) святогробскими имѣніями на Кавказѣ. При патріархѣ Никодимѣ онъ состоялъ патріаршимъ эпитропомъ въ Константинополѣ, а затѣмъ былъ отозванъ въ Іерусалимъ. При патріархѣ Герасимѣ Д. былъ избранъ митрополитомъ филадельфійскимъ и состоялъ патріаршимъ намѣстникомъ въ Виѳлеемскомъ монастырѣ, а по кончинѣ кирь-Герасима единодушно былъ избранъ на каѳедру св. Іакова, брата Господня. Блаженнѣйшій Д. съ честью несетъ свое высокое служеніе и уже ознаменовалъ немногіе годы своего патріаршества заботами о просвѣщеніи народа и духовенства и энергичною борьбою съ иновѣрной пропагандой. Въ каталогѣ іерусалимскихъ патріарховъ онъ занимаетъ 145 мѣсто.

ДАМІАНЪ или **ДАМІАНИ** Петръ, род. въ Равеннѣ, 1007 г., ум. въ Фаенцѣ 1072 г., обучался въ Равеннѣ, Фаенцѣ и Пармѣ, и въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ съ большимъ успѣхомъ преподавалъ въ своемъ родномъ городѣ; но, имѣя около тридцати лѣтъ отъ роду, вдругъ и неожиданно отказался отъ должности и удалился къ отшельникамъ Фонте-Авелло, близь Губбіо. Тамъ онъ также скоро выдвинулся, былъ сдѣланъ пріоромъ и аббатомъ, увеличилъ и укрѣпилъ монастырь, и ввелъ въ употребленіе новую систему покаяннаго бичеванія. Бичеваніе плетью по голой спинѣ сопровождалось чтеніемъ псалмовъ, при чемъ удары сообразовались съ ходомъ стиховъ. На каждый псаломъ полагалось 100 ударовъ; на всю Псалтирь 15,000 ударовъ. Но 3,000 ударовъ считались равными одному году мученій, и выносливый человѣкъ могъ въ одинъ день такимъ образомъ отработать покаяніе на нѣсколько лѣтъ. Обычай этотъ впослѣдствіи превратился въ своего рода фанатизмъ, и монахи забивали себя до смерти подъ пѣніе псалмовъ; такъ что самъ Д. долженъ былъ вмѣшиваться въ это дѣло и умѣрять энтузіазмъ. Между тѣмъ, слава его чудесно возрастала. Ему приписывались чудеса; и когда Генрихъ III прибылъ въ Италію, то онъ нашелъ необходимымъ привлечь отшельника на свою сторону, чтобы народъ охотнѣе принималъ введенныя имъ реформы. Д. переписывался съ Григоріемъ VI и Климентомъ II; Льву IX онъ послалъ свою Liber Homorrianus, въ которой жизнь духовенства сравнивалъ съ жизнью жителей Содома и Гоморры. Къ Гильдебрандовой партіи онъ, такъ сказать, принадлежалъ по самой натурѣ и сдѣлался однимъ изъ наиболѣе дѣятельныхъ членовъ этой партіи. Въ 1062 г. онъ сдѣлался духовникомъ Агнесы, вдовы Генриха III. Творенія Д. среди которыхъ много гимновъ, а также и саркастическихъ эпиграммъ, собраны были Кайэтаномъ и вышли въ свѣтъ въ Римѣ, 1606 г. въ 4 том. folio; позднѣйшія изданія въ Парижѣ, 1610, 1642, 1663 гг., и въ Вѣнѣ, 1743 г. Источники его жизни см. въ Acta SS. отъ 23 февраля и въ Acta SS. бенедиктинскаго ордена.

Біографія его написана была Яковомъ Ладерки по-латыни, Римъ, 1702 г., и Нейкирхомъ по-нѣмецки, Геттингенъ, 1876 г. Болѣе новая монографія принадлежитъ Клейнермансу, подъ заглавіемъ: «Петръ Даміанъ въ его жизни и дѣйствіяхъ, по первоисточникамъ», Штейль, 1882 г.

ДАМІЕТТА въ Нижнемъ Египтѣ— мѣстность, извѣстная изъ исторіи Крестовыхъ походовъ, лежавшая въ семи верстахъ къ сѣверу отъ теперешняго города того же имени и, вслѣдствіе своей богатой водой окрестности, считавшаяся неприступной крѣпостью и ключомъ ко всей Нильской долинѣ. Она была завоевана королемъ Іерусалимскимъ, Іоанномъ Бріенскимъ, послѣ долгой осады, при которой Франциска Ассизскій проповѣдывалъ евангеліе во враждебномъ лагерѣ, въ ноябрѣ 1219 г., и затѣмъ еще разъ, въ 1248, безъ всякой борьбы перешла во владѣніе Людовика Святого французскаго. См. *Крестовые походы.*

ДАНЪ—одинъ изъ двѣнадцати сыновей Іакова (отъ Рахилевой служанки Валлы). Отъ него въ Египтѣ произошло особое колѣно, которое носило на себѣ печать личности своего родоначальника, охарактеризованнаго въ предсмертномъ благословеніи Іакова какъ «змѣй на дорогѣ и аспидъ на пути, уязвляющій ногу у коня» (Быт. **49**, 16—17). Сыны Дановы всегда отличались хитростью и коварствомъ, но изъ нихъ выходили замѣчательные художники. По завоеваніи Палестины, Данову колѣну отведенъ былъ сравнительно небольшой, но плодородный удѣлъ близъ Средиземнаго моря. Стѣсненные въ своихъ владѣніяхъ филистимлянами, сыны Дановы вынуждены были искать себѣ новаго мѣста для поселенія; значительная часть ихъ переселилась на крайній пунктъ сѣверной Палестины, гдѣ ими основанъ былъ городъ Данъ, сдѣлавшійся впослѣдствіи синонимомъ сѣверной границы обѣтованной земли. При политическомъ непостоянствѣ данитяне отличались и религіозною неустойчивостью; основанный ими Данъ сдѣлался мѣстомъ особаго незаконнаго культа, впослѣдствіи превращеннаго Іеровоамомъ въ культъ золотого тельца. Эта сѣверная колонія Д. колѣна завязала тѣсныя торговопромышленныя отношенія съ своими сосѣдями, финикіянами, принося въ жертву своимъ коммерческимъ разсчетамъ интересы отечества и народа. Изъ колѣна Д. происходили Сампсонъ, знаменитый своими подвигами въ борьбѣ съ филистимлянами. Послѣ Соломона (при немъ изъ Д. колѣна происходилъ по матери знаменитый художникъ Хирамъ, принимавшій дѣятельное участіе въ построеніи и украшеніи храма) о немъ уже не упоминается среди другихъ израильскихъ колѣнъ.

Данаитъ — св. мучен. чтецъ, *пам. 16 января.*

Данила Викулинъ, см. *Безпоповщина*, т. II, столб. 312.

Данила Филипповъ, см. *Хлысты.*

ДАНІИЛЪ пророкъ—послѣдній изъ четырехъ великихъ еврейскихъ пророковъ, жившій въ эпоху вавилонскаго плѣна, происходилъ изъ колѣна Іудина (Дан. **I**, 6) и былъ знатной фамиліи (5 ст.), состоялъ даже, если вѣрить І. Флавію, въ родствѣ съ царскимъ домомъ (Древн. **10**, 10, 1). Послѣ одного изъ нашествій на Іерусалимъ вавилонскаго царя Навуходоносора, бывшаго въ третій годъ правленія Іоакима, царя іудейскаго, т. е. около 605—607 г. до Р. Х., Д., въ числѣ прочихъ заложниковъ, былъ отведенъ въ вавилонскій плѣнъ (**I**, 1—3). Тамъ онъ, въ качествѣ юноши знатнаго рода, былъ взятъ къ царскому дворцу и получилъ блестящее воспитаніе въ духѣ тогдашней вавилонской мудрости, не забылъ въ то же время и своихъ отеческихъ преданій. Вмѣстѣ съ Д. ту же школу прошли и три его друга, при чемъ всѣ они получили и новыя халдейскія имена; въ частности Д. былъ переименованъ въ Валтасара (6 — 7 ст.). Всѣ эти подробности перваго, раннѣйшаго періода жизни пр. Д. подтверждаются, такъ или иначе, и свидѣтельствомъ вавилонскихъ памятниковъ. Изъ нихъ мы, прежде всего, узнаемъ, что обычай брать къ двору мальчиковъ изъ высшихъ аристократическихъ семей покоренныхъ народовъ и воспитывать ихъ въ халдейско-національномъ духѣ былъ въ широкомъ употребленіи у дальновидныхъ вавилонскихъ правителей. Аналогичный этому примѣръ имѣемъ мы въ одной изъ надписей Сеннахирима, гдѣ говорится о томъ, какъ ниневійскій царь Саргонъ взялъ въ свой дворецъ одного юнаго халдеянина, далъ ему блестящее воспитаніе и впослѣдствіи сдѣлалъ даже намѣстникомъ Вавилона [1]). Что, вообще, вавилонскіе дворцы,

---

[1]) *G. Smith*, «History of Sennacherib» 27 p.

начиная съ эпохи Саргонидовъ (съ VII в. до Р. Х.), служили центрами всей тогдашней образованности, за это говорятъ современныя раскопки ихъ, вскрывшія цѣлый, доселѣ невѣдомый міръ ученой и учебной литературы той эпохи.

Самое указаніе Библіи на характеръ школьнаго обученія въ Вавилонѣ точно также какъ нельзя лучше выражаетъ сущность халдейской науки, которая состояла, именно, изъ знакомства съ древнимъ суммерійско-аккадійскимъ нарѣчіемъ, на которомъ былы написаны священные гимны ассиро-вавилонянъ («книги»), и изъ изученія живого, разговорнаго языка страны (языкъ халдейскій). Обычай давать иностранцамъ, въ случаѣ ихъ возвышенія, новыя имена настолько хорошо извѣстенъ намъ, какъ изъ Библіи, такъ и изъ свидѣтельствъ монументовъ, что нѣтъ надобности это и доказывать: довольно указать только хотя бы на подобный же примѣръ изъ исторіи Іосифа (Быт. 41, 45).

Второй періодъ жизни пр. Д. былъ временемъ его постепеннаго возвышенія до роли одного изъ первыхъ по вліянію царедворцевъ. Впервые Д. особенно сильно выдвинулся послѣ того, какъ напомнилъ Навуходоносору видѣнный, но забытый имъ и сильно его мучившій сонъ,—а также и далъ его истолкованіе, исторія чего подробно излагается во второй главѣ его книги. Различныя частности этого повѣствованія точно также подтверждаются свидѣтельствами клинообразныхъ памятниковъ.

О томъ, какъ сильна была вѣра въ сновидѣнія у всей восточной древности, нечего и говорить, такъ какъ это фактъ общеизвѣстный. Въ своихъ снахъ древніе думали читать волю боговъ и потому истолкованіе ихъ естественно перешло въ руки жрецовъ. Библія раздѣляетъ этихъ жрецовъ на нѣсколько классовъ, соотвѣтственно ихъ спеціальности: «хартумимъ», «хакамимъ», «асафимъ», «касдимъ» и «гацримъ». Такое дѣленіе вполнѣ оправдывается и клинообразной литературой. Въ магическихъ книгахъ Ассурбанипаловой библіотеки именемъ kasdim называются астрономы, а gazrim—предсказатели; hartumim и hakamim—были врачи, а asafim—теософы.

Изъ числа всѣхъ мудрецовъ священный текстъ называетъ одного по имени—Аріоха, выдѣляя его въ качествѣ «архимагира», т. е. начальника маговъ. Въ евр. подлинникѣ эта должность обозначена терминомъ—rab-tab-bahayyâ, что въ буквальномъ переводѣ значитъ: «начальникъ распростертыхъ». Въ клинообразныхъ текстахъ мы не находимъ еще подобнаго термина, но встрѣчаемся съ его синонимомъ — rab-daiki что значитъ «начальникъ мертвыхъ». Что же касается самаго имени этого начальника—Аріохъ, то оно употребляется довольно, нерѣдко въ клинописныхъ документахъ.

Дальнѣйшимъ эпизодомъ изъ жизни пр. Д., отмѣченнымъ въ его книгѣ, является отказъ Д. и трехъ его друзей поклоняться статуѣ, со всѣми его послѣдствіями: вверженіемъ въ огненную печь и чудеснымъ спасеніемъ въ ней (IV гл.). Разсказъ объ этомъ, несмотря на его очевидную чудесность, полонъ исторической правды въ изображеніи различныхъ деталей. Основываясь отчасти на раскопкахъ, а еще больше на описаніяхъ клинообразныхъ текстовъ, мы знаемъ, что колоссальныя статуи, подобныя изображаемой въ данной главѣ, несомнѣнно существовали у вавилонянъ; таковы, между прочимъ, были три статуи, описанныя Діодоромъ Сицилійскимъ: онѣ заключали въ себѣ массу золота въ 5,850 талантовъ, вѣсили 143,559 килограммовъ и стоили 430, 677 франковъ[1]). Въ Британскомъ музеѣ въ настоящее время можно видѣть поразительныя по своимъ размѣрамъ обломки подобныхъ статуй и по нимъ судить о колоссальной величинѣ цѣлаго. Недаромъ такой авторитетный оріенталистъ, какъ Ленорманъ, замѣтилъ о статуѣ Навуходоносора, что библейское описаніе ея весьма достовѣрно, такъ какъ оно носитъ печать своего времени [2]).

Укоренившееся у насъ мнѣніе, что поставленная Навуходоносоромъ статуя была его собственнымъ изображеніемъ, составляетъ плодъ недоразумѣнія: по крайней мѣрѣ сама Библія хотя и не называетъ опредѣленно этой статуи, но достаточно ясно разграничиваетъ царя отъ воздвигнутой имъ статуи. Ученые же думаютъ, что это была статуя Бел-Меродаха, патрона царя Навуходоносора.

Въ клинообразной литературѣ можно видѣть указаніе и на то самое «поле Деиръ»,

---

[1]) *Diod.* II, 915 у *Vigouroux* «La Bible et les decouvertes modernes» IV t.

[2]) *Lenormant* «La divination chez les Chaldéens» 196.

гдѣ, по замѣчанію Библіи, была воздвигнута эта статуя. Въ нихъ оно называется равниной «Dura» и указывается по сосѣдству съ современными развалинами Вавилона; существующій въ настоящее время здѣсь маленькій городокъ и досслѣ носитъ древнее названіе своей долины [1]).

Поклоненіе новопоставленной статуѣ сопровождалось, по Библіи, торжественной музыкой на различныхъ инструментахъ. Черта чисто вавилонская и, именно, этой эпохи. На многихъ ассиро-вавилонскихъ барельефахъ изъ эпохи Ассурбанипала, Сеннахериба и Ассаргадона мы можемъ видѣть изображенія подобныхъ музыкантовъ и всѣхъ тѣхъ музыкальныхъ инструментовъ, которые перечисляются въ Библіи (**3**, 5). Вообще, опираясь на изслѣдованія Ленормана, мы должны сказать, что инструментальная музыка, едва извѣстная при первыхъ ассирійскихъ царяхъ, становится, начиная съ VII в. до Р. Х., главнымъ элементомъ всѣхъ религіозныхъ празднествъ въ Ассиріи и Вавилонѣ [2]). Точно также вполнѣ отвѣчаютъ современной имъ дѣйствительности и всѣ тѣ классы должностныхъ лицъ, которые были назначены состоять при этой религіозно-патріотической церемоніи, какъ это обстоятельно доказалъ напр. Pusey въ своемъ ученомъ камментаріи на кн. пр. Д. и не разъ уже упомянутый Ленорманъ въ его спеціальной монографіи [3]).

Что касается того жестокаго наказанія, которому подвергли Д. и трехъ его друзей за преслушаніе царскаго повелѣнія, то и оно было совершенно въ духѣ страны и эпохи; для этой цѣли, по свидѣтельству извѣстнаго изслѣдователя вавилонской древности—г. Смита, пользовались огромными плавильными печами, допускавшими возможность самой высокой температуры [4]). Но Богъ чудесно сохранилъ Д. и трехъ отроковъ невредимыми; и это такъ сильно поразило Навуходоносора, что онъ прославилъ ихъ Бога, а самихъ отроковъ назначилъ на высокія должности (**3**, 96—97).

Изъ событій послѣдующей жизни Д. обращаютъ на себя вниманіе еще два, отчасти напоминающія собою два вышеуказанныхъ. Это, во-первыхъ, новое истолкованіе Д. сна Навуходоносору, отличающееся отъ раннѣйшаго тѣмъ, что здѣсь дано было лишь одно истолкованіе сна, безъ его напоминанія. На основаніи послѣдняго сна, Д. предсказалъ Навуходоносору страшную болѣзнь, которая, по повѣствованію Библіи, вскорѣ его дѣйствительно и посѣтила (**4**). Въ открытыхъ доселѣ клинописныхъ документахъ мы не встрѣчаемъ ясныхъ указаній на ужасную болѣзнь, постигшую Навуходоносора («ликантропію» на современномъ медицинскомъ языкѣ); но нѣкоторую глухую ссылку на нее, повидимому, имѣемъ,—это, именно, въ тѣхъ вавилонскихъ документахъ, гдѣ преемникомъ Навуходоносора называется Нериглиссоръ, опущенный въ оффиціальныхъ спискахъ ассиро-вавилонскихъ царей. Отыскивая причины такого загадочнаго пропуска, ученые и полагаютъ, что Нериглиссоръ былъ не самостоятельнымъ царемъ, а лишь временнымъ правителемъ, именно въ теченіе болѣзни Навуходоносора. Болѣе ясное указаніе на послѣднюю сохранилось у Абидена, который упоминаетъ о томъ, какъ Навуходоносоръ во время одной изъ своихъ прогулокъ упалъ съ высоты и сдѣлался боленъ [1]).

Другимъ эпизодомъ жизни пр. Д., нѣсколько аналогичнымъ съ ввер женіемъ въ огненную пещь, было заключеніе его въ львиный ровъ, по навѣтамъ его враговъ случившееся въ царствованіе Дарія Мидянина (Дан. **6**). Всѣ детали этого библейскаго разсказа стоятъ въ согласіи со свидѣтельствами монументовъ. Достовѣрно извѣстно, прежде всего, что такой способъ казни, какъ бросаніе звѣрямъ, дѣйствительно, практиковался у вавилонянъ. На одномъ изъ охотничьихъ барельефовъ эпохи Ассурбанипала мы имѣемъ даже рисунокъ подобнаго львинаго загона: онъ представляетъ изъ себя довольно помѣстительную клѣтку, на верху которой стоитъ человѣкъ и приподнимаетъ дверцу, а изъ самой клѣтки наполовину высунулся уже левъ, повидимому, устремляющійся на несчастную жертву [2]).

Пр. Д. и на этотъ разъ, какъ и прежде, былъ чудесно спасенъ среди опасности, чѣмъ прославилъ только Бога и возвысилъ себя

---

[1]) *Lenormant* «La divination chez les Chaldéens» 183 p.

[2]) Ibidem—191 p.

[3]) *Pusey* «Daniel the Prophet» New-York. 1886. *Lenormant* Op. cit. 198 p.

[4]) *G. Smith* «Dictionary of Antiquities».

[1]) *Abydenus* «Historicorum Graecorum» fr. 9. *Lenormant* IV t. 243 p. «La Bible et les decouvertes».

[2]) *Lenormant*—Ibidem 407.

(23—27). Съ тѣхъ поръ положеніе Д. окончательно упрочилось и онъ оставался вліятельнымъ сановникомъ не только при дворѣ самого Дарія, но также и преемника его Кира. Когда Киръ, вѣроятно, не безъ вліянія Д., возвратилъ іудеевъ изъ плѣна, то пр. Д. уже не пошелъ на родину, отчасти, быть можетъ, по преклонности своихъ лѣтъ, а главное—навѣрное потому, что онъ былъ еще нуженъ здѣсь для тѣхъ изъ числа своихъ соотечественниковъ, которые, подобно ему, должны были остаться на рѣкахъ Вавилона.

Пр. Д. жилъ очень долго и дѣйствовалъ при цѣломъ рядѣ вавилонскихъ царей: при Навуходоносорѣ, Валтасарѣ, Даріи Мидянинѣ и Кирѣ. При нихъ онъ изрекъ нѣсколько замѣчательныхъ пророчествъ, относящихся къ будущей судьбѣ языческихъ царствъ, а также и къ исторіи мессіанскаго царства («Седьмины Даніиловы»).

Пр. Д. скончался въ глубокой старости (свыше 90 лѣтъ), въ началѣ полновластнаго правленія Кира, послѣ завоеванія имъ Вавилона (Рѣшеніе хронологич. затрудненій см. въ статьѣ «Дарій Мидянинъ»). О смерти и погребеніи пр. Д. сложилось нѣсколько легендъ: Вавилонъ, Экбатана и Сузы оспариваютъ другъ у друга мѣсто его погребенія, каждый указывая гробницу пророка, служащую предметомъ благоговѣйнаго почитанія не только у іудейскихъ, но и у мусульманскихъ поклонниковъ.

Дѣлая общее заключеніе о личности пр. Д. и его миссіи, мы должны сказать, что это была одна изъ самыхъ крупныхъ ветхозавѣтныхъ личностей послѣдняго періода. По тому значенію, какое имѣлъ Д. въ вавилонскомъ плѣну для своихъ соотечественниковъ, его справедливо сравниваютъ съ Іосифомъ, а по его миссіонерской роли въ центрѣ тогдашняго языческаго міра его не безъ основанія сближаютъ съ новозавѣтнымъ апостоломъ языковъ.

Литература: *Knabenbauer* «Commentarius in Danielem prophetam». Paris, 1890. *Pusey*, «Daniel the Prophet». New-York 1886. *A. Kamphausen* «Das Buch Daniel und die neuste Geschichtsforschung». Leipzig 1892. *Vigouroux* «La Bible et les decouvertes modernes» t. IV. *Lenormant* «La divination chez les Chaldéens». Paris, 1875. *Hunter* «The story of Daniel. His Life and Times». Edinburg 1885.

А. Покровскій.

Книга прор. Даніила—состоитъ изъ двухъ частей, исторической и пророческой. Въ первой содержится исторія жизни и дѣятельности пр. Даніила, какъ она изложена выше, а во второй излагаются бывшія ему видѣнія о судьбѣ Іудеи и языческихъ царствъ, имѣвшихъ вліяніе на судьбу народа Божія, отъ плѣна Вавилонскаго до пришествія Мессіи, или до утвержденія на землѣ царства святыхъ Вышняго. Первое изъ нихъ, падающее на первый годъ Валтасара, это видѣніе четырехъ животныхъ, означающихъ четыре царства въ ихъ преемственной послѣдовательности: вавилонское, мидо-персидское, македонское (греческое) и сиро-египетское (VII гл.); второе (третій годъ Валтасара) видѣніе овна и козла,—символовъ царствъ мидо-персидскаго и греческаго (гл. VIII); третье (первый годъ Дарія Мидянина)—видѣніе о семидесяти седьминахъ (IX гл.) и, наконецъ, четвертое — видѣніе о будущей судьбѣ народа еврейскаго въ связи съ исторіей двухъ языческихъ государствъ египетскаго и сирійскаго (гл. X—XII).

Различныя по содержанію, обѣ части кн. пр. Даніила раскрываютъ одно ученіе о всемірномъ царствѣ Божіемъ и Сынѣ человѣческомъ. Въ своемъ развитіи оно сводится къ двумъ положеніямъ: всемірное царство не можетъ навсегда остаться во власти язычниковъ, оно существуетъ только при посредствѣ и ради Израиля; въ лицѣ Сына человѣческаго послѣдній предназначенъ къ господству надъ міромъ, къ осуществованію на землѣ вѣчнаго царства Божія. Уясненію перваго положенія посвящены шесть начальныхъ главъ кн. Д. Власть надъ міромъ, учатъ онѣ, принадлежитъ одному всевышнему Богу. Но Его царство наступитъ по истеченіи извѣстнаго времени, послѣ паденія нѣсколькихъ всемірныхъ монархій (II гл.). До этого же времени Богъ вручаетъ власть надъ вселенной то одному, то другому царю. Языческіе монархи могутъ быть владыками міра лишь подъ условіемъ сознанія зависимости своей власти отъ верховной власти Бога. Такъ Навуходоносоръ, лишенный престола за гордость и высокомѣрное отношеніе къ Господу силъ, остался царемъ лишь потому, что подъ конецъ своей жизни исповѣдалъ величіе и силу Бога Израилева (IV гл.). Но какъ это, такъ и два предшествующихъ исповѣданія (II—III гл.) имѣютъ значеніе для него одного и не сопровождаются никакими результатами для его подданныхъ. Они остаются язычниками, не

знающими истиннаго Бога, того Бога, Который даруетъ спасеніе не только іудеямъ, но и язычникамъ. Поэтому они и не могутъ быть владыками міра. И чѣмъ дальше идетъ время, тѣмъ яснѣе становится эта невозможность. Преемники Навуходоносора уже утрачиваютъ понятіе о происхожденіи своей власти. Его потомокъ Валтасаръ зналъ, что царство, величіе, честь и слава даруются Богомъ (**5**, 18—22), и тѣмъ не менѣе вознесся противъ Владыки небесъ, осквернилъ сосуды Іерусалимскаго храма. За это онъ лишился престола и жизни: Вавилонская имперія гибнетъ тогда, когда повелитель ея позабываетъ истиннаго Бога. Власть надъ міромъ переходитъ къ другому царю—Дарію Мидянину. Онъ не нуждался, подобно Навуходоносору, въ наставленіяхъ и руководствѣ Д. для познанія истиннаго Бога, Котораго считаетъ владыкой вселенной. Уважаетъ онъ и Даніила, видя въ немъ служителя Божія. Но это отвлеченное знаніе не принесло Дарію пользы. Онъ не имѣетъ мужества всенародно исповѣдовать свою вѣру въ Бога и защитить Его служителя Д. Онъ, имѣвшій возможность спасти послѣдняго однимъ словомъ, позволяетъ бросить его въ львиный ровъ. Дарій не врагъ Бога, какъ Валтасаръ, но и не такой убѣжденный Его поклонникъ, какъ Навуходоносоръ. Онъ дѣйствуетъ нерѣшительно, склоняется то въ ту, то въ другую сторону; поступаетъ то вопреки совѣсти и вѣрѣ въ Бога, то сообразно съ лучшими своими убѣжденіями. Безхарактерный, не твердый въ вѣрѣ Дарій такъ же не могъ быть владыкою міра, какъ и легкомысленный Валтасаръ. Такъ разъясняется на примѣрахъ изъ жизни языческихъ царей основное положеніе кн. Д. о неспособности язычниковъ быть владыками міра. Понятіе объ истинномъ Богѣ не только не дѣлаетъ среди нихъ никакого прогресса, но, наоборотъ, все болѣе и болѣе ослабляется. Сперва Навуходоносоръ, смиренно признавшій величіе Бога и возвеличившій Д., затѣмъ Валтасаръ, равнодушный къ Богу, но чтившій Д., и, наконецъ, Дарій, подвергшій послѣдняго смертной опасности. При такихъ условіяхъ власть надъ міромъ не можетъ оставаться въ рукахъ язычниковъ, она должна перейти къ другому народу. И этимъ народомъ можетъ быть только Израиль. Владыкою народовъ и вселенной онъ является уже при Навуходоносорѣ въ лицѣ своего представителя Д. Но дѣйствительнымъ правителемъ міра онъ сдѣлается лишь послѣ паденія четвертой монархіи. Царство перейдетъ тогда къ святымъ Вышняго, во главѣ съ Сыномъ человѣческимъ, и они будутъ владѣть имъ «во вѣкъ и во вѣки вѣковъ». Возстановленіе славы и могущества Израиля въ этотъ, а не иной какой-либо періодъ опредѣляется тѣмъ, что только къ данному времени будутъ прощены и очищены всѣ его прегрѣшенія, мѣшавшія до сихъ поръ открытію среди него вселенскаго царства Божія (**9** гл.). Въ составъ открывающагося съ даннаго момента вселенскаго царства войдутъ всѣ «записанные въ книгѣ». Его членами сдѣлаются и имѣющіе воскреснуть впослѣдствіи мертвые. Они возстанутъ для участія въ благахъ спасенія, для полученія награды за свое благочестіе. Возстанутъ и грѣшники, но—для того, чтобы подвергнуться наказанію за содѣянное зло (**10**—**12** гл.). Главою этого вѣчнаго царства будетъ Сынъ человѣческій—обѣтованный Мессія.

Исключительный характеръ дѣятельности пр. Д., проведшаго всю свою жизнь при дворѣ вавилонскихъ и персидскихъ царей, особенность его пророчествъ, облеченныхъ въ форму возвышенныхъ видѣній, а равно и арамейскій языкъ нѣкоторыхъ частей его книги (**2** гл. съ 4 по 49 ст., **4** — **7** гл.) могли служить основаніемъ для выдѣленія ея въ еврейской Библіи изъ ряда книгъ собственно пророческихъ и отнесенія къ разряду писаній. Было ли это сдѣлано при заключеніи канона, или же позже, сказать невозможно. Тотъ, впрочемъ, фактъ, что въ александрійскомъ переводѣ LXX и у Іосифа Флавія кн. Д. причисляется къ книгамъ пророческимъ, даетъ нѣкоторымъ ученымъ основаніе думать, что отнесеніе ея къ отдѣлу писаній—явленіе позднѣйшаго времени, дѣло талмудистовъ, не считавшимъ Д. за пророка. Причисленная у LXX къ отдѣлу пророковъ, книга Д. представляетъ у нихъ еще ту особенность, что далеко не воспроизводитъ своего еврейско-арамейскаго оригинала. На каждомъ шагу встрѣчаются всевозможныя измѣненія фразъ и отдѣльныхъ выраженій подлинника, опущенія и сокращенія чередуются съ расширеніемъ текста. Ни одна глава не свободна отъ недостатковъ и промаховъ, съ этой стороны всѣ онѣ одинаковы. Все различіе между ними заключается въ томъ, что общее несовершенство перевода

принимаетъ въ отдѣльныхъ словахъ различные оттѣнки, выступаетъ то въ бо́льшихъ, то въ меньшихъ размѣрахъ. Наибольшею близостью къ подлиннику отличаются гл. I—III и VII—XII. Въ общемъ онѣ переведены вѣрно и тщательно, хотя выдерживаютъ болѣе смыслъ, чѣмъ букву. Особенно ясно выступаетъ эта черта въ гл. I—III и VII, лучшей части всего перевода. Мысль оригинала передана въ нихъ исторически вѣрно и искусно, такъ что здѣсь не страдаетъ ни первоначальное значеніе словъ, ни геній греческаго языка. Наоборотъ, гл. VIII—XII слѣдуютъ буквѣ оригинала, слѣдуютъ настолько рабски, что, напр., гл. XI можетъ быть понятна только при сличеніи съ оригиналомъ. Но при общей удовлетворительности перевода и эта первая группа главъ представляетъ не мало случаевъ разнообразнаго уклоненія отъ подлинника. Вольный переводъ чередуется въ нихъ съ добавленіями, опущеніями и прямымъ непониманіемъ оригинала, приводящимъ къ его искаженію. При этомъ одни изъ неправильно переведенныхъ мѣстъ обнаруживаютъ въ авторѣ отсутствіе историческихъ знаній, другія прямую тенденціозность. Такъ, 5—20 ст. XI гл. представляютъ въ подлинникѣ голый, но точный обзоръ исторіи Птоломеевъ и Селевкидовъ, а 21—39 ст. подробное пророческое изображеніе царствованія Антіоха Епифана. Между тѣмъ переводчикъ, не понявъ оригинала, извратилъ его, нарисовалъ совершенно ложную картину. Образцомъ тенденціозности можетъ служить переводъ IX гл. Содержащееся въ ней пророчество о 70 седьминахъ авторъ относитъ ко временамъ Антіоха Епифана и сообразно съ этимъ измѣняетъ числа подлинника: вмѣсто 7 и 62 седьминъ, имѣющихъ пройти отъ изданія указа о возстановленіи Іерусалима до Христа, онъ поставилъ 77 и 62, дающія въ суммѣ 139—число, указывающее начало царствованія Антіоха Епифана по Селевкидовой эрѣ. Совершенно инымъ характеромъ отличается переводъ IV—VI гл. Уклоненіе ихъ греческаго текста отъ арамейскаго подобно тому, какъ если бы дѣло шло не о различныхъ чтеніяхъ, а о двухъ совершенно самостоятельныхъ разсказахъ. Переводчикъ распоряжается текстомъ этихъ главъ съ неограниченной свободой: онъ то расширяетъ его (**4**, 7—9; 16. 24. 28. 30. 34; **5**, 4, 6. 30; **6**, 18. 20 и т. п.), то сокращаетъ (**4**, 3—7. 11—13; **5**, 1—3; 10—11. **6**, 8). Господствующій здѣсь произволъ невѣроятенъ: безъ всякаго права переводчикъ то истолковываетъ текстъ, то перефразируетъ, то сокращаетъ. Почти ни одинъ стихъ греческаго текста не соотвѣтствуетъ масоретскому, во многихъ случаяхъ отъ оригинала остается слово, два. Всѣ эти неисправности перевода LXX и были причиною того, что церковь отвергла кн. Д. въ александрійской редакціи и приняла ее въ переводѣ Ѳеодотіона. Вошедшій въ употребленіе въ концѣ IV или началѣ V в., онъ пользовался извѣстностью и въ болѣе раннее время. По нему читали Даніила не только Оригенъ, Ипполитъ, Тертулліанъ, но Ермъ, Климентъ Римскій. Встрѣчающіяся въ произведеніяхъ этихъ лицъ выдержки изъ кн. Д. представляютъ поразительныя уклоненія отъ ея александрійскаго перевода и характерныя совпаденія съ переводомъ Ѳеодотіона. Отверженіе древнею церковью перевода LXX въ кн. Д. было причиной того, что александрійскій текстъ вышелъ изъ употребленія въ христіанской церкви послѣдующаго времени и едва не затерялся. Онъ былъ найденъ въ концѣ XVIII ст. и изданъ въ Римѣ въ 1772 г. по рукописи IX в. Третьею особенностью александрійскаго перевода кн. Д. является существованіе въ немъ лишнихъ противъ еврейскаго текста добавленій. Это—ст. 24—90 третьей главы, исторія Сусанны, изложенная въ XIII гл., и разсказы XIV гл. о Виллѣ и драконѣ. Неизвѣстные подлинному тексту, всѣ эти отрывки встрѣчаются, кромѣ перевода LXX, въ переводахъ Ѳеодотіона, Акилы и Симмаха, древне-италійскомъ, бл. Іеронима и во всѣхъ восточныхъ — сирскихъ, коптскомъ, эѳіопскомъ, армянскомъ и т. п. И такъ какъ переводъ Ѳеодотіона сдѣланъ съ еврейскаго текста и совершенно независимъ отъ греческаго, то этотъ фактъ говоритъ въ пользу того, что указанные отрывки существовали первоначально и въ оригинальномъ текстѣ: иначе Ѳеодотіону не откуда было бы ихъ заимствовать. Въ частности, что касается присутствія въ первоначальномъ еврейскомъ текстѣ 24—90 ст. III гл., то оно доказывается нелогичностью современнаго еврейскаго чтенія въ данномъ мѣстѣ. «Седрахъ, Мисахъ и Авденаго упали въ раскаленную огнемъ печь связанные. Навуходоносоръ царь изумился и поспѣшно всталъ

и сказалъ вельможамъ своимъ: не троихъ ли мужей бросили мы... вотъ я вижу четырехъ»... Въ греческомъ и славянскомъ текстѣ изумленіе царя, а равно и замѣчаніе: «вотъ я вижу четырехъ» объяснено въ ст. 24—90, повѣствующихъ о спасеніи трехъ отроковъ ангеломъ, снисшедшимъ въ огненную печь. Очевидный пропускъ въ еврейскомъ текстѣ предполагаетъ существованіе болѣе пространной еврейско-арамейской редакціи, которую имѣли подъ руками LXX и Ѳеодотіонъ.

Авторомъ книги, носящей имя пр. Д., былъ самъ Даніилъ. На его авторство указываютъ многія мѣста книги (**5**, 1; **8**, 1; **9**, 2; **10** 1; **12**, 4), голосъ всей ветхозавѣтной церкви, въ частности, показаніе Іосифа Флавія, что іудеи показали Александру Македонскому книгу пр. Д., и, наконецъ, свидѣтельство Новаго Завѣта (Мѳ. **24**, 25; Евр. **11**, 33—4; 2 Солун. **2**, 3—4 и т. п.). Сообразно съ этимъ написаніе кн. Д. относится ко времени плѣна вавилонскаго. Справедливость послѣдняго положенія подтверждается, между прочимъ, всѣмъ содержаніемъ книги. Какъ показываютъ раскопки на мѣстѣ древняго Вавилона и Ниневіи, нарисованная въ ней картина Вавилона и его жизни настолько вѣрна, что могла быть дѣломъ только современника, видѣвшаго все описываемое своими собственными глазами. Такъ, разсказъ о воспитаніи Д. и его друзей при вавилонскомъ царскомъ дворцѣ по приказанію Навуходоносора и о назначеніи ихъ государственными чиновниками отмѣчаетъ тотъ свойственный ассиро-вавилонскимъ царямъ обычай, что при завоеваніи какой-либо страны они нерѣдко брали въ плѣнъ небольшихъ мальчиковъ знатнаго происхожденія, давали имъ при дворѣ прекрасное воспитаніе, наряду съ дѣтьми первыхъ сановниковъ государства, а впослѣдствіи предоставляли имъ не только соотвѣтствующія должности въ государственной службѣ, но и дѣлали самостоятельными правителями цѣлыхъ областей. «Белиба, выросшаго, подобно маленькой собачкѣ, въ моемъ дворцѣ, говоритъ въ одной надписи Сеннахиримъ, я поставилъ въ Сумирѣ и Аккадѣ правителемъ надъ ними». Для обученія такихъ дѣтей были устроены при дворахъ ассирійскихъ и вавилонскихъ царей хорошо организованныя школы. Открытая ниневійская библіотека Ассурбанипала главнымъ образомъ назначена была для учителей и учениковъ придворной школы. Въ плиткахъ этой библіотеки заключаются руководства по азбукѣ, грамматикѣ, исторіи, словарь халдео-туранскій, словарь древнѣйшихъ надписей, словарь ассирійскихъ синонимовъ и цѣлыхъ выраженій; записи юридическаго содержанія; фрагменты миѳологическаго содержанія; свѣдѣнія объ эпитетахъ и аттрибутахъ разныхъ боговъ; о главнѣйшихъ храмахъ и т. п. Совокупность всѣхъ этихъ знаній и свѣдѣній какъ нельзя болѣе соотвѣтствуетъ замѣчанію кн. пр. Даніила, что онъ былъ обученъ «книгамъ и языку халдейскому». Предъ началомъ воспитанія Д. получилъ новое имя. Подобнымъ же образомъ поступилъ Навуходоносоръ съ побѣжденными царями: Нехао и Матѳаніею; первому далъ имя Набу-сети-банни, второму Седекія. Наконецъ, и имена начальниковъ евнуховъ—Асфеназа и Аменсара довольно часто встрѣчается въ вавилонскихъ надписяхъ. Такимъ же точно воспроизведеніемъ вавилонской дѣйствительности является разсказъ о сновидѣніи Навуходоносора, о тревогѣ царя и приглашеніи для объясненія забытаго сна мудрецовъ пяти классовъ. Характеръ и содержаніе сна Навуходоносора какъ нельзя болѣе соотвѣтствуютъ понятіямъ и вкусамъ ассиро-вавилонскихъ царей. Царь видитъ огромный истуканъ, сдѣланный изъ разныхъ металловъ и веществъ. Статуи, самыя разнообразныя по величинѣ, матеріалу и формѣ, были весьма обычны и очень часто встрѣчались въ Ассиріи и Вавилонѣ. Одинъ Ассурбанипалъ увезъ въ Ниневію 32 статуи царей золотыя, серебряныя, мраморныя, и не меньшее количество драгоцѣнныхъ статуй боговъ. Всѣ эти статуи онъ помѣстилъ въ Ниневіи, а изъ нея онѣ могли быть перенесены въ Вавилонъ. Кромѣ драгоцѣнныхъ металловъ, въ статуѣ, видѣнной Навуходоносоромъ, были желѣзо и даже глина. И дѣйствительно, ассиро-вавилонскія раскопки показываютъ, что въ Ассиріи и Вавилонѣ статуи изготовлялись и изъ этихъ нецѣнныхъ матеріаловъ. При свѣтѣ тѣхъ же вавилонскихъ памятниковъ становится понятною и тревога Навуходоносора, забывшаго сонъ. Причины ея заключаются въ томъ важномъ значеніи, какое усвоялось вавилонянами сновидѣніямъ. Они и ихъ цари вѣрили, что боги во снѣ открываютъ людямъ свою волю. Такъ, самъ Навуходоносоръ въ одной своей надписи обращается къ богу Самасу, съ молитвою, чтобы тотъ во снѣ возвѣстилъ ему свою ми-

лость и благоволеніе. Усвояя снамъ такое значеніе, вавилонскіе цари держали для ихъ объясненія цѣлый штатъ мудрецовъ, а приводимая Д. классификація этихъ послѣднихъ какъ нельзя болѣе подтверждается найденными въ библіотекѣ Ассурбанипала магическими книгами. Три послѣдніе класса халдейскихъ мудрецовъ: хартумимъ—заклинатели, хакамимъ—медики, асафимъ—теософы, соотвѣтствуютъ по своимъ знаніямъ и занятіямъ тремъ отдѣламъ древней магической библіотеки города Эреха, составленной писцами Ассурбанипала. Одна книга ея называется «злые духи». Въ ней содержатся заклинательныя формулы, употреблявшіяся халдейскими хартумимами для предохраненія людей отъ вліянія злыхъ духовъ. Вторая книга заключаетъ въ себѣ разные наговоры и указаніе снадобій для излѣченія болѣзней. Содержаніемъ этой книги пользовались, очевидно, халдейскіе хакамимы для лѣченія больныхъ. Третья книга содержитъ гимны богамъ, пѣнію которыхъ усвоялось сверхъестественная сила. Этими гимнами, вѣроятно, пользовались асафимы при сообщеніи народу оракуловъ. Въ полномъ согласіи съ свидѣтельствомъ вавилонскихъ памятниковъ о жизни и бытѣ вавилонянъ стоитъ также разказъ III гл. кн. Д. о поклоненіи громадной статуѣ, поставленной на полѣ Деирѣ. Въ ассиро-вавилонскихъ памятникахъ часто изображаются сцены праздниковъ въ честь разныхъ статуй и боговъ. Между прочимъ и Навуходоносоръ перечисляетъ въ одной своей надписи, въ какіе дни года совершались праздничныя процессіи съ различными статуями. Одинъ изъ такихъ праздниковъ и описанъ у Д. Устроенная Новуходоносоромъ статуя поражаетъ своею колоссальностью (60 локтей высоты и 6 локтей ширины равняются 13 саж. 6 вер. и 1 саж. 15 в.) и цѣнностью. Но и эта подробность не можетъ вызвать недовѣрія къ библейскому повѣствованію. Навуходоносоръ, по свидѣтельству древнихъ памятниковъ, любилъ грандіозныя постройки. Въ одной изъ своихъ надписей онъ говоритъ о себѣ, что покрылъ чистымъ тяжеловѣснымъ золотомъ алтарь, назначенный для вавилонской пирамиды, и покрылъ блестящимъ золотомъ внутренность верхняго святилища пирамиды въ Борзиппѣ. По словамъ же Діодора Сицилійскаго, три громадныя статуи, увѣнчивавшія вавилонскую пирамиду, съ своими украшеніями образовывали массу золота въ 5,850 талантовъ, цѣнностью на наши деньги около 200 милліоновъ рублей. Равнымъ образомъ Геродотъ, посѣтившій устроенное Навуходоносоромъ святилище въ Борзиппѣ послѣ его разграбленія Ксерксомъ, видѣлъ въ немъ золотую статую Юпитера (Бела), столъ, тронъ, скамью,—все изъ чистаго золота, всѣ вѣсомъ на 800 талантовъ и стоимость на наши деньги до 26 милліоновъ рублей. Такъ, описываемая у Д. золотая статуя Навуходоносора вполнѣ соотвѣтствуетъ другимъ подобнымъ же сооруженіямъ этого царя и носитъ на себѣ точную печать его эпохи и дѣяній. Тѣмъ же характеромъ отличается указаніе на мѣсто постановки статуи: названіе «Деиръ» усвояется одной равнинѣ близъ Вавилона и до настоящаго времени; и разсказъ о вверженіи Ананіи и его друзей въ печь огненнную: по свидѣтельству пр. Іереміи Навуходоносоръ изжарилъ на огнѣ іудейскихъ лжепророковъ Седекію и Ахава за возмущеніе іудеевъ противъ его власти (Іер. **20**, 22). Подобнымъ же соотвѣтствіемъ духу времени отличается, наконецъ, и повѣствованіе объ изданномъ Даріемъ Мидяниномъ указѣ, по которому никто не имѣлъ права молиться никакому божеству, кромѣ царя. Обоготвореніе царской личности находится въ полномъ согласіи съ вѣрованіями мидянъ и персовъ. По свидѣтельству Геродота, мидійскій царь Дейокъ запретилъ являться къ себѣ лично своимъ подданнымъ, скрывался отъ глазъ народа, чтобы подданные, не видя его, признавали его высшимъ божественнымъ существомъ. Этотъ взглядъ на царей сохранялся у мидянъ и въ послѣдующее время, и имъ-то руководился Дарій и его сатрапы, издавшіе эдиктъ о поклоненіи царю. Не повиновавшійся ему Д. былъ брошенъ въ львиный ровъ. На ассирійскихъ памятникахъ нерѣдко изображаются клѣтки со львами, а ассирійскіе цари упоминаютъ, что противниковъ своей власти они отдавали на съѣденіе львамъ. Такъ какъ, далѣе, по законамъ персовъ и другихъ древнихъ народовъ, клеветники подвергались тѣмъ же наказаніямъ, на какія они обрекали свою жертву, то и враги Д. были брошены въ ровъ. Такъ, историческія повѣствованія кн. пророка Д. находятся въ полномъ согласіи съ свидѣтельствомъ не библейскихъ памятниковъ о вавилонскомъ

и мидо-персидскомъ царствахъ. И не даромъ же одинъ изъ знатоковъ и изслѣдователей въ области исторіи и археологіи—Ленорманъ, сравнивая книгу Д. съ данными клинообразныхъ надписей, изумляется вѣрности той картины, какую рисуетъ ея историческая часть относительно двора вавилонскаго и основныхъ идей и понятій времени Навуходоносора, и приходитъ къ тому выводу, что она написана въ самомъ Вавилонѣ и во время, близкое къ изложеннымъ въ ней событіямъ. Не менѣе рѣшительно и убѣдительно говоритъ о написаніи кн. Д. въ періодъ персидскаго владычества халдейскій языкъ нѣкоторыхъ ея частей. Какъ показываетъ недавно вышедшее въ свѣтъ изслѣдованіе датскаго ученаго Дитлефа-Нильсена, халдейскій текстъ кн. Д. по начертанію словъ и грамматическимъ формамъ восходитъ къ началу персидскаго владычества, написанъ на древнемъ вавилонско-арамейскомъ языкѣ, а не на позднѣйшемъ палестинско-арамейскомъ, какъ утверждаютъ библеисты-филологи. Сообразно съ этимъ данный отдѣлъ кн. Д. написанъ гораздо ранѣе не только Антіоха Епифана или Маккавеевъ, ко времени которыхъ относятъ ея происхожденіе, но и ранѣе арамейскихъ отдѣловъ 1-й книги Ездры. Въ частности, употребляемыя въ кн. Д. арамейскія названія музыкальныхъ орудій (китросъ = цитра; песантеринъ = псалтирь; спонейя = симфонія) представляютъ такія реченія, которыя образовались не изъ греческаго, а изъ основъ халдейскаго или древняго арамейскаго языка и принадлежатъ къ подлинно халдейскимъ словамъ. Равнымъ образомъ производимое изъ греческаго «кириксъ» халдейское «карозъ» (3, 4), значащее «глашатай», оказывается древне-халдейскимъ словомъ, встрѣчающимся въ арамейской надписи VII или VI ст. до Р. Х. (См. «Хр. Чт.» 1903 г. апрѣль, стр. 674—6). Этотъ выводъ въ корнѣ подрываетъ то положеніе отрицательной критики, что кн. пророка Д. написана въ періодъ Маккавеевъ, такъ какъ греческій языкъ, изъ котораго заимствованы названія музыкальныхъ инструментовъ, сдѣлался извѣстнымъ жителямъ востока только съ III в.

Литература. *Бухаревъ.* Св. пророкъ Даніилъ. Москва. 1864. *Потаповъ.* О книгѣ св. пр. Даніила. «Прибавленія къ Твореніямъ св. отцовъ» 1871 г. Ч. 24. *Смирновъ.* Св. пророкъ Даніилъ. Рязань. 1879. *Разумовскій.* Св. пр. Даніилъ и его книга. Петербургъ. 1891. *Песоцкій.* Св. пр. Даніилъ, его время, жизнь и дѣятельность. Кіевъ. 1897. *Юнгеровъ.* Внѣбиблейскія свидѣтельства о событіяхъ, описываемыхъ въ книгѣ пр. Даніила. «Православн. Собесѣдникъ». 1888. Т. I. *А. Петровскій.*

ДАНІИЛЪ—имя нѣсколькихъ святыхъ. Изъ нихъ: 1) преп. **Даніилъ** исповѣдникъ, въ схимѣ нареченный Стефанъ. Въ греческомъ прологѣ 1295 года онъ названъ Донале, у Никодима Дунале. Онъ былъ богатый начальникъ острова Ниверты, иначе Веррои, близъ Кадикса въ Испаніи. Оставивъ власть и имущество дѣтямъ, въ Римѣ сдѣлался монахомъ, въ Царьградѣ бесѣдовалъ съ царями Константиномъ VII (912—959 г.) и Романомъ (919—944 г.), въ Іерусалимѣ принялъ схиму отъ патріарха Христодула, въ Египтѣ кончилъ жизнь, послѣ многихъ мукъ отъ амиры (эмира) сарацынскаго въ X вѣкѣ. *Пам. 17 декабря.* 2) **Даніилъ** Столпникъ родился въ Месопотаміи, по молитвѣ неплодной матери, въ 12-лѣтнемъ возрастѣ вступилъ въ ближній монастырь; когда избрали его настоятелемъ, то онъ оставилъ монастырь и ушелъ къ Симеону Столпнику (см.); по указанію его онъ прожилъ 9 лѣтъ въ запустѣломъ языческомъ храмѣ, близъ Царьграда, потомъ взошелъ на столпъ на горѣ въ 9 верстахъ отъ Царьграда при устьѣ Чернаго моря и, терпя зной лѣтомъ и холодъ зимою, подвизался болѣе 30 лѣтъ до своей кончины; имѣлъ даръ прозрѣнія и чудесъ; преставился 80-ти лѣтъ, въ 489 или 490 году 11 декабря. *Пам. 11 декабря.*

ДАНІИЛЪ игуменъ — авторъ описанія извѣстнаго подъ именемъ «Паломникъ» или «Странникъ». Этотъ памятникъ дошелъ до насъ во множествѣ списковъ, что свидѣтельствуетъ о томъ, что онъ былъ любимымъ чтеніемъ русскаго народа (списки эти переч. между проч. въ предисл. къ изд. *А. С. Норова*—Путеш. иг. Дан. по Св. Землѣ въ началѣ XII в., Спб. 1864). Въ настоящее время описаніе иг. Д. представляетъ одинъ изъ немногочисленныхъ литературныхъ памятниковъ нашей старины (XII в.).— Кто былъ собственно иг. Д., неизвѣстно, такъ какъ, кромѣ его «Паломника», другихъ свѣдѣній о немъ не имѣется. Слѣдуетъ думать, что это былъ русскій игуменъ, такъ онъ самъ называетъ себя («игуменъ русской земли»), упоминая въ то же время о многихъ русскихъ — о нов-

городцахъ, кіявлянахъ; говоритъ, что молился о землѣ русской, о русскихъ князьяхъ и іерархахъ. «Богъ, говоритъ онъ, свидѣтель и святый гробъ Господень, что во всѣхъ тѣхъ мѣстахъ я не забылъ князей русскихъ и княгинь ихъ и дѣтей ихъ, не забылъ епископовъ, ни игуменовъ, ни бояръ, ни дѣтей моихъ духовныхъ, ни всѣхъ христіанъ, но вездѣ поминалъ ихъ. Благодарю благаго Бога за то, что Онъ сподобилъ меня, худого, записать имена князей русскихъ въ лаврѣ св. Саввы, гдѣ они и нынѣ поминаются на ектеніи». Далѣе перечисляются имена русскихъ князей, которыя онъ записалъ въ лаврѣ. Можно также догадываться, что Д. если не былъ родомъ изъ Чернигова, то по крайней мѣрѣ жилъ тамъ, потому что, говоря о р. Іорданѣ, онъ сравниваетъ ее съ р. Сновою, протекающею недалеко отъ Чернигова. Время путешествія, а слѣдовательно и описанія его, Д. опредѣляетъ самъ, когда говоритъ, что онъ «ходилъ тула въ княженіе русскаго великаго князя Святослава Изяславича, внука Ярослава Влад. кіевскаго», а въ Іерусалимѣ онъ былъ при королѣ Балдуинѣ, когда этотъ послѣдній совершилъ походъ противъ Дамаска. Слѣдовательно, Д. отправился изъ русской земли въ путешествіе не позже 1113 г., года смерти вел. князя Святоп. Изясл., и былъ въ Іерусалимѣ въ 1115 г., когда король Балдуинъ предпринималъ свой походъ противъ Дамаска. Пробылъ въ Іерусалимѣ Д., какъ самъ говоритъ, 16 мѣсяцевъ, въ метохіи св. Саввы (впослѣдствіи Архангельскій мон.), гдѣ нашелъ себѣ вожатая старца святого и в. книжнаго, который показалъ ему всѣ св. мѣста въ Іерусалимѣ и во всей Палестинѣ. Кромѣ того, Д. пользовался покровительствомъ короля, котораго онъ называетъ человѣкомъ добрымъ смиреннымъ и ни мало не горделивымъ и который зналъ игумена хорошо. Онъ между прочимъ позволилъ Д. воспользоваться походомъ крестоносцевъ въ Дамаскъ. «Поиде князь іерусалимскыи, именемъ Болдвинъ, на войну къ Дамаску и азъ идохъ къ князю тому и рекохъ съ мольбою, кланяясь ему: князю господине, поими мя съ собою до Тиверіадскаго моря... Повелѣ ми ити съ собою». Все описаніе сдѣлано кратко, языкомъ безыскусственнымъ. Иг. описывалъ все, что онъ видѣлъ, и такъ, какъ онъ видѣлъ. Всюду проглядываетъ душа простая, вѣрующая, проникнутая смиреніемъ и любовью къ Богу и Его святынѣ. Заслуживаетъ вниманія, чѣмъ объясняетъ игуменъ свое желаніе описать то, что онъ видѣлъ. Изъ этого объясненія открывается, какъ вообще русскіе люди того времени смотрѣли на подвигъ паломничества и какое большое значеніе приписывали ему, а также и нравственная чистота самого автора. Единственно чувство благочестія подвигнуло его на подвигъ, а желаніе нравственной пользы другимъ людямъ побудило заняться описаніемъ совершеннаго подвига. «Я, недостойный игуменъ русской земли, говорится въ началѣ описанія, худшій изъ всѣхъ иноковъ, смиренный по множеству грѣховъ, не совершившій никакого доброго дѣла..., съ нетерпѣніемъ желалъ видѣть св. градъ Іерусалимъ и землю обѣтованную. И, благодатію Божіею, достигалъ я св. мѣстъ съ миромъ и своими очами видѣлъ св. мѣста, обходилъ всю обѣтованную землю, по которой походилъ ногами Своими Христосъ Богъ нашъ и гдѣ совершилъ Онъ многія чудеса. Все то видѣлъ я своими грѣшными очами и все показалъ мнѣ Господь видѣть въ продолженіе многихъ дней, что желалъ я видѣть... Я описалъ путь мой и св. мѣста, не возносясь и не величаясь, будто я сотворилъ что доброе на пути своемъ, — да не будетъ: я не сотворилъ на пути никакого добра. Но изъ любви къ св. мѣстамъ я описалъ все, что видѣлъ моими грѣшными очами... Написалъ я это также и для вѣрныхъ людей, чтобы иной, услышавъ о св. мѣстахъ, поревновалъ о нихъ душею и мыслію и чрезъ то удостоился получить мзду, равную съ ходившими къ св. мѣстамъ. Ибо... многіе, доходившіе до св. мѣстъ и увидѣвъ св. градъ Іерусалимъ, вознесшися умомъ, какъ будто нѣчто доброе сотворили погубляютъ мзду труда своего, каковъ — первый я. Многіе же, достигнувъ Іерусалима, спѣшатъ назадъ, не видя многаго, тогда какъ путь сей нельзя совершить скоро и нужно не торопиться, чтобы видѣть всѣ св. мѣста». Затѣмъ, въ заключеніе Д. также говоритъ: «да будетъ же всякому, кто прочтетъ это писаніе мое съ вѣрою и любовію, благословеніе отъ Бога и отъ св. горы и отъ всѣхъ святыхъ мѣстъ и да приметъ онъ мзду отъ Бога наравнѣ съ ходившими до св. гроба Господня и видѣвшими св. мѣста сіи... Но, Бога ради, братіе и отцы и господіе мни-

хи, не зазрите моему худоумію и моей грубости и да не будетъ въ похуленіе писаніе сіе не ради меня, грубаго, но ради св. мѣстъ. Читайте его съ любовію, да примете мзду отъ Господа Бога и Спаса нашего Іисуса Христа. Богъ мира да будетъ со всѣми вами».

Описаніе пути начинается съ Царьграда; игуменъ перечисляетъ всѣ встрѣчавшіеся на пути острова, города, церкви и др. достопримѣчательности; описываетъ Іерусалимъ и св. мѣста въ немъ; говоритъ о путешествіяхъ изъ Іерусалима къ Іордану, Іерихону, въ Виѳанію, въ Галилею и др. Всѣ эти описанія, при краткости и безыскусственности, подробны и обстоятельны; вѣрность ихъ засвидѣтельствована позднѣйшими путешественниками (А. Н. Муравьевымъ, А. С. Норовымъ). Встрѣчаются неправильныя географическія названія и др. несообразности, но они объясняются невѣжествомъ переписчиковъ (объясн. непонятныхъ названій см. у Норова въ приб. къ Путеш. въ Іерус.).

Рядомъ съ правдивостью, искренностью христіанскаго чувства и благоговѣніемъ къ мѣстамъ, освященнымъ жизнью Спасителя, въ описаніи проглядываетъ наивность и сильная любовь къ отечеству и всему русскому. Съ подробностью Д. описываетъ, какъ, подъѣзжая къ Іерусалиму, на пути одной версты отъ него, всѣ паломники издали поклоняются храму св. Воскресенія. «Тогда великая бываетъ радость всякому христіанину, узрѣвшему св. градъ. Никто не можетъ не прослезиться, увидѣвъ землю желанную и св. мѣста, гдѣ Христосъ Богъ походилъ ради нашего спасенія. И идутъ пѣшіе къ св. граду Іерусалиму съ радостью великою». Въ разсказѣ «о свѣтѣ святѣмъ, како сходитъ съ небесе ко гробу Господню», иг. съ чувствомъ дѣтской простоты и радости, а вмѣстѣ съ глубокимъ чувствомъ патріота весьма подробно говоритъ, какъ онъ пошелъ къ Балдуину просить позволенія поставить «кадило» на гробѣ Господнемъ. «Князь съ радостью повелѣлъ мнѣ поставить лампаду и послалъ со мною своего лучшаго слугу къ иконому храма св. Воскресенія и къ ключарю гроба Господня. Оба они велѣли мнѣ принесть кандило мое съ масломъ. Поклонившись имъ, я пошелъ на торжище съ великою радостью, купилъ большую стеклянную лампаду, налилъ въ нее чистаго деревяннаго масла, безъ примѣси воды, и уже вечеромъ принесъ ко гробу Господню, гдѣ засталъ одного только ключаря. Онъ отперъ мнѣ дверь къ гробу Господню, велѣлъ разуться и босаго ввелъ меня къ гробу Господню. Здѣсь велѣлъ мнѣ поставить лампаду мою моими грѣшными руками въ ногахъ»—за всѣхъ князей русскихъ, за всю землю русскую, за всѣхъ христіанъ русской земли. «Поставивъ лампаду мою на св. гробъ Господа нашего Іисуса Христа и облобызавъ съ любовью и со слезами св. мѣсто, гдѣ лежало пречистое тѣло Господа Іисуса, вышелъ изъ гроба съ великою радостью». — Какое-то дѣтское довольствіе выражаетъ иг., когда разсказываетъ, что «благодатію Божіею всѣ три лампады (греческ., монастыря св. Саввы и его собственная) зажглись сами собою, а фряжскія лампады, висѣвшія вверху, не возгорѣлись ни одна.» Не безъ насмѣшки также противополагаетъ онъ пѣніе православныхъ «верещанію (визжанію) латинянъ». Вообще, какъ памятникъ нашей старины, «Паломникъ» иг. Даніила представляетъ много достойнаго вниманія. Въ немъ, какъ въ зеркалѣ, отразилась вся простота и глубина вѣры и любовь къ Богу и русскому народу какъ самого автора, такъ и того общества, среди котораго онъ жилъ и для котораго предназначалъ свое описаніе.

См. у *Макарія* Ист. р. ц., т. II, стр. 167—174, *Филар. (Гумилевск.)* Обз. русск. дух. лит. кн. 1, стр. 27. *А. Н. Пыпинъ,* Ист. русск. лит., т. I, Изд. 2. Спб. 1902 г., стр. 368—375. Изд. «Паломн.» Археогр. Комм. подъ ред. *А. С. Норова*, Спб. 1864 г. и др. Новѣйш. и наил., имѣвшее въ виду до 70 списк., *М. А. Венетинова:* Прав. Пал. Сбор., т. 1, вып. 3 и 9. Спб. 1883, 1885.

ДАНІИЛЪ Заточникъ — авторъ извѣстнаго литературнаго произведенія, занимающаго видное мѣсто въ ряду древнерусскихъ памятниковъ; называется оно «Слово» или «Моленіе Дан. Зат.» До нашего времени оно не дошло, сохранились только два отдѣльныхъ слова, представляющихъ собою измѣненныя редакціи подлиннаго. Оба слова, сходныя по содержанію, различаются въ порядкѣ изложенія и называютъ различныхъ князей, къ коимъ адресовано «Моленіе». По одному—мол. адресовано Юрію Владиміровичу Долгорукому († 1157 г.), по другому Ярославу Всеволодовичу Переяславскому († 1247 г.). Бо-

лѣе вѣроятно предположить, что «Слово» составлено во времена послѣдняго изъ этихъ двухъ князей, хотя вообще трудно опредѣлить, какая изъ этихъ двухъ редакцій наиболѣе близка къ подлиннику. Высказывалось даже (*Модестовъ*, Ж. Мин. Н. Пр. 1880 г. окт.) и теперь еще поддерживается предположеніе, что самое имя автора вымышлено и присоединено къ популярному народному чтенію. Въ лѣтописи память о Д. З. сохранилась до XIV в.: случайно упоминается подъ 1378 г. Въ народной памяти это имя, очевидно, оставило по себѣ память въ пословицахъ: «какъ Данило безчастный не заслужилъ ни хлѣба мягкаго, ни слова сладкаго», въ сказкахъ «О Данилѣ безсчастномъ», въ былинахъ: «О Ставрѣ», котораго иногда называетъ Даниломъ. Въ самомъ моленіи есть указаніе на личность автора: онъ—подданный переславскаго князя, сынъ его рабыни, родомъ изъ Переяславля; возрастомъ юнъ, любитъ словесную сладость, обогащающую его умъ и дающую ему перевѣсъ надъ другими: «аще ти есмь на рати не храбръ, но на словѣ ти есмь кротокъ, да тѣмъ избираю сладость словесную, совокупляя, аки воды морскія, и извитія словесъ, и рѣченія причтами хитрыми, а глаголивъ языкъ и... увѣтливы уста, яко струя рѣчныя быстрины». Обыкновенно въ немъ видятъ дружинника или, точнѣе, члена младшей дружины князя. Какъ памятникъ старины, моленіе очень интересно и съ бытовой, и съ литературной стороны. Оно даетъ матеріалъ для характеристики древне-русской жизни, указываетъ на объемъ начитанности тогдашнихъ книжниковъ и заключаетъ въ себѣ нѣсколько старинныхъ пословицъ и поговорокъ. Авторъ сумѣлъ такъ изложить свою просьбу къ князю, что, несмотря на личную цѣль, его моленіе сдѣлалось распространеннымъ чтеніемъ въ русскомъ обществѣ. Характеръ слова нравоучительный. Собственно оно представляетъ сборникъ статей о разныхъ предметахъ, написанный въ формѣ просьбы къ князю; авторъ почти обо всемъ говоритъ въ сатирическомъ или юмористическомъ тонѣ и все свое посланіе испещряетъ разными книжными изреченіями: изъ Псалтири, Притчей Соломона, Прем. Іисуса сына Сирахова, изъ Слова о злыхъ женахъ и пр. под. Слѣдуетъ предполагать, что авторъ, лицо близкое къ князю, навлекъ гнѣвъ послѣдняго на себя и былъ сосланъ на оз. Лаге (олонецкой губ.), по другой редакціи на Бѣлое озеро. Оттуда онъ пишетъ посланіе къ князю, умоляя его простить провинившагося и вернуть ему свою милость. «Вострубимъ, братіе, такъ начинается моленіе: аки въ златокованную трубу, въ разумъ ума своего начнемъ бити въ серебреные органы и возвѣемъ мудрости своея, и ударимъ въ мысли ума своего, поюще въ богодухновенныя свирѣли, до восплачутся въ насъ душеполезные помыслы»... Далѣе слѣдуетъ обращеніе къ князю, котораго авторъ вообще восхваляетъ: «вѣдый господине, твое добродушіе, притекохъ къ обычнѣй твоей любви... Тѣмъ же, господине, приклони, ухо твое въ глаголы устъ моихъ, и отъ всѣхъ скорбей моихъ избави мя.» Чтобы сильнѣе подѣйствовать на князя, заточникъ противопоставляетъ свое положеніе положенію его князя и проситъ всегда вспоминать о немъ и его горькой участи. «И насыщаяся многоразличныхъ брашенъ, помяни мене, сухъ хлѣбъ ядущаго; веселяся сладкимъ питіемъ, помяни мене, теплу воду піющаго; облачаяся въ красоту ризъ твоихъ, помяни мене въ неисправнѣмъ вретищѣ; лежа, господине, на мягцѣ постели, помяни мене, подъ единѣмъ рубомъ лежащаго, зимою умирающа, и каплями дождеными, яко стрѣлами, пронзаема.» Князь долженъ простить его, потому что хотя онъ и не храбръ на войнѣ, зато умомъ и остроуміемъ превышаетъ всѣхъ. У князя безъ него не осталось хорошаго совѣтника, а между тѣмъ «не море потопляетъ корабль, но вѣтры: тако и ты, княже, не самъ впадешь въ печаль, но введутъ тя думцы.» Послѣдняя часть представляетъ отвѣты на предполагаемыя замѣчанія князя на просьбу. Юморизируя, авторъ сильно нападаетъ на бояръ, которые введутъ князя въ печаль: «лучше мнѣ видѣть свою ногу въ лаптѣ, но въ твоемъ, княже, дому, нежели въ красномъ сапогѣ въ боярскомъ дворѣ», тіуновъ: «княжаго тіуна боится несчастный, какъ огня, а рядовичей его, какъ искръ», монаховъ: «или речеши, княже: пострижися въ чернцы... Лучше мнѣ тако скончати животъ свой, нежели, воспріимши ангельскій образъ, Богу солгати. Лжи бо, рече, мірови, а не Богу: Богу не льзѣ лгати, ни вышнимъ играти», на злыхъ женъ: «Или речеши ли, княже: у богача тестя женися; ту пей, ту и яждь; то лучше бы мнѣ трясцѣю болѣти, ни со злою, съ

нелюбою женою быти. Трясца бо тряся пустить, а злая жена и до смерти сушитъ... Кто пойметъ злообразну жену придатка дѣля или тестя дѣля богата; то лучше бы мнѣ буръ волъ видѣти въ дому своемъ, нежели жена злообразна... Лучше бы мнѣ желѣзо варити, ни со злою женою быти. Жена бо злообразна подобна перечесу: сюдѣ свербитъ, а сюдѣ болитъ.» Вообще въ моленіи затрогиваются самые разнообразные предметы; здѣсь говорится: объ умѣ и глупости, о богатствѣ и бѣдности, о добрыхъ и строптивыхъ господахъ, о добрыхъ и злыхъ женахъ и пр. Есть повидимому указанія на современныя обстоятельства: княжескія усобицы, недоброжелательность совѣтниковъ князя: «съ добрымъ думцей князь додумается высокаго стола, а съ лихимъ думцей и малаго стола лишится», бѣдствія чужеземнаго (татарскаго?) ига: «не дай, Господи, земли нашей въ полонъ языкамъ, не знающаго Бога».

Заканчивается посланіе пожеланіями благъ князю и землѣ его: «Се уже оставимъ рѣчи и речемъ сице: воскресни, Боже! Суди земли, воздвигни князя, убуди бояръ, умножи силу князю нашему; укрѣпи ны и утверди лѣнивыя, вложи ярость страшливымъ въ сердце. Не дай же, Господи, въ полонъ земли нашея языкамъ, не знающимъ Бога, да не рекутъ иноплеменницы: гдѣ есть Богъ ихъ?... Подай же имъ, Господи, побѣду на вся, возстающая на ны. Подай же имъ, Господи, Сампсонову силу, Александрову храбрость, Іосифа умъ, Соломонову мудрость, кротость Давидову. Умножи люди во вѣки, да тя славятъ вся страны и всяко дыханіе человѣче. Слава Богу во вѣки. Аминь». Неизвѣстно, дошло ли до князя моленіе заточника и имѣло ли оно какія-ниб. для автора послѣдствія, но въ одной изъ редакцій есть такая прибавка: «Сія словеса азъ Данилъ писахъ въ заточеніи на Бѣлоозерѣ, и запечатавъ въ воску, и пустихъ въ озеро, и веземъ рыба пожре, и ята бысть рыба рыбаремъ, и принесена бысть ко князю, и нача ю порти, и узрѣ князь сіе писаніе, и повелѣ Данила свободити отъ горькаго заточенія». Многія изреченія и пословицы, встрѣчающіяся въ словѣ, вошли въ позднѣйшіе сборники «Измарагдъ».

Изд. «Слово» *Калайдовичемъ* въ «Памятникахъ росс. слов. XII в.» М. 1821; привед. въ Русск. Хрест. *Ѳ. Буслаева*, М. 1901 г. См. *Лященко*: «О мол. Дан. Заточн.» Спб. 1896 г. *И. Шляпкинъ*: «Слово Дан. Заточн.» Спб. 1889 г. въ «Памятн. древн. письм.»; *Безсоновъ* въ Москвитянинѣ 1856 №№ 7–8. *Гуссовъ*, Къ вопросу о ред. мол. Дан. Зат. въ «Лѣт. истор. фил. общ. при Новор. унив.» VII. Од. 1899. *Евп. Буддс:* «О словѣ Д. З. въ его отнош. къ др.-русск. Пчелѣ» въ Юб. сборн. въ честь Н. И. Стороженко М. 1902 г. *В. М. Истринъ:* Былъ ли Д. З. дѣйст. заточенъ. Од. 1902 г. *Пыпинъ*, Ист. р. лит., т. 1. *Д.*

ДАНІИЛЪ св. князь московскій, родоначальникъ москов. князей, основатель *Данилова* монастыря въ Москвѣ. 4-й сынъ Александра Невскаго (род. 1261), онъ много потерпѣлъ отъ удѣльной безурядицы и много потрудился для возвышенія Москвы, отличался высокимъ благочестіемъ, любилъ строить храмы и монастыри, изъ коихъ самый извѣстный Даниловъ (съ храмомъ во имя Даніила Столпника), въ которомъ и нашелъ себѣ вѣчное упокоеніе († 1303 г.). Послѣ смерти князя, Даниловъ монастырь пришелъ въ упадокъ, изъ котораго былъ выведенъ благочестивою ревностью царя Іоанна Грознаго. Возобновивъ монастырь, Грозный постановилъ ежегодно митрополиту со священнымъ соборомъ совершать крестный ходъ къ мѣсту погребенія князя Даніила и служить тамъ панихиды. Этотъ заведенный порядокъ не прекращался и въ послѣдующее время. При первомъ русскомъ патріархѣ Іовѣ и по его благословенію были написаны (инокомъ Переяславскаго Данилова монастыря Сергіемъ) стихиры и канонъ «блаженному князю Даніилу»,—что̀ и было первою попыткою къ прославленію сего угодника Божія,—но составленныя пѣснопѣнія предназначались, вѣроятно, для келейнаго, а не церковнаго употребленія, такъ какъ о князѣ Даніилѣ продолжали пѣть панихиды. Въ 1652 г. честныя мощи князя Даніила были обрѣтены нетлѣнными, послѣ того какъ пробыли въ землѣ три вѣка съ половиною, и 30 августа, по повелѣнію царя Алексѣя Михайловича, перенесены въ церковь во имя седми вселенскихъ соборовъ. Можно было бы ожидать, что съ этого времени и начинается обще-церковное чествованіе князя Даніила, какъ святого. Но изъ дѣяній собора 1678 г. (при патріархѣ Іоакимѣ) и изъ Устава Московскаго Успенскаго собора второй половины XVII вѣка видно, что и въ это время не было совершаемо празднованіе святому князю, а были пѣты о немъ панихиды. Однако въ самомъ концѣ того же XVII вѣка или въ

самомъ началѣ XVIII вѣка празднованіе святому князю Даніилу уже несомнѣнно существовало. Святыя мощи сего князя открыто почиваютъ въ придѣлѣ соборнаго храма Даниловa монастыря, продолжая оказывать чудесную помощь притекающимъ къ нимъ съ вѣрою. *Память* святого князя Даніила празднуется церковію *4 марта* и *30 августа* (См. «Церк. Вѣд.» № 10 за 1903 г.).

ДАНІИЛЪ переяславскій препод., основатель Данилова монастыря въ Переяславлѣ; въ мірѣ носилъ имя Димитрія, родился въ 1453 г. въ г. Переяславлѣ-Залѣсскомъ: рано почувствовалъ призваніе къ отшельничеству, и тайно ушелъ въ монастырь, основанный преп. Пафнутіемъ въ Боровскѣ (въ 1444). Въ 1508 г. онъ основалъ собственный монастырь (Даниловъ), который сдѣлался любимымъ дѣтищемъ Д. Онъ самъ отправлялъ въ немъ церковныя службы, проводилъ долгіе часы среди братіи, давая ей назиданія и утѣшая ее въ разныхъ нуждахъ, и даже, когда въ Горицкомъ монастырѣ его упросили быть настоятелемъ и архимандритомъ, онъ пробылъ тамъ только 9 мѣс., а потомъ оставилъ настоятельство, чтобы попрежнему трудиться для своей обители. Внутри обители процвѣтало строгое исполненіе устава общежитія. Образцомъ для иноковъ во всемъ являлся ихъ настоятель. Онъ, какъ всегда, пребывалъ въ глубокомъ смиреніи и раздѣлялъ съ братіей всѣ самыя простыя и черныя работы по обители. Передъ смертью Д. оставилъ настоятельство и принялъ схиму. Скончался 7 апр. 1540 г. на 87 г. жизни. Вел. кн. Василій Иван. до самой смерти чтилъ его. Между прочимъ онъ приглашалъ его въ воспріемники своихъ сыновей. Св. мощи его были открыты 30 дек. 1652 г. Основанный преп. монастырь не только не прекратилъ своего существованія послѣ смерти основателя, хотя число братіи впослѣдствіи и сократилось до 55 (Акт. Эксп. I, № 191), но воспиталъ новыхъ сильныхъ духомъ иноковъ, чрезъ которыхъ послужилъ разсадникомъ для другихъ обителей.

Житіе преп. было написано вскорѣ послѣ его смерти, встрѣчается въ рукописяхъ: Московск. Синод. библ. № 926; гр. Толст., отд. II, № 296; съ небольш. сокращ. напечатано въ Степ. кн. II, 218—36. См. *Макарій* Ист. русск. ц. т. VII, стр. 12 — 14. Истор. росс. іер. IV, 7 — 10. Свѣдѣнія о свв. угодникахъ владим. еп. Владиміръ. 1860. Словарь историч. о св. рус. 1862. Истор. *Карамз.*, т. 7. О началѣ и устроеніи Переславскаго Даніилова мон. Свящ. *А. Свирѣлинъ*. Москва, 1863. Ист.-статист. опис. Пересл. Дан. мон. Свящ. *А. Свирѣлинъ*. Москва, 1863. *Голубинскій*. Ист. канониз. рус. св. «Бог. Вѣстн.» 1894. Іюль, стр. 94—96. Акты арх. эксп. т. IV. № 330.

Д.

ДАНІИЛЪ *митрополитъ московскій* † 1547. Первое извѣстіе о немъ относится къ 1515 году, когда мы видимъ его въ числѣ монаховъ Іосифова Волоколамскаго монастыря. Въ этомъ году братія монастырская избрала Д. себѣ въ игумены. Препод. Іосифъ Волоцкій, будучи въ преклонныхъ лѣтахъ и желая сложить съ себя бремя правленія монастыремъ, предоставилъ братіи избрать себѣ игумена и, когда братія избрала Д., утвердилъ это избраніе. Д. въ то время былъ еще сравнительно молодымъ человѣкомъ, имѣя около 30 лѣтъ отъ рожденія, но уже выдѣлялся изъ среды монаховъ своею обширною начитанностію. Видя талантливость и образованность молодого монаха и узнавши, что Д. высказывалъ желаніе уйти въ какой-нибудь монастырь на игуменство, братія избрала Д. въ игумены. Все это показываетъ, что Д., кромѣ своей просвѣщенности, обладалъ значительнымъ честолюбіемъ и умѣньемъ входить въ довѣріе къ нужнымъ людямъ.

Въ Волоколамскомъ монастырѣ еще при Іосифѣ († 9 сент. 1515 г.) составилась значительная богословская библіотека. Д. продолжалъ трудъ пріобрѣтенія книгъ и умноженія ихъ посредствомъ переписки. Кромѣ того онъ самъ составилъ обширное посланіе къ братіи, въ которомъ доказываетъ необходимость соблюденія всѣхъ правилъ строгости общежитія, введенныхъ Іосифомъ, и въ сильныхъ выраженіяхъ обличаетъ нарушителей Іосифова устава. Нѣсколько странно, почему Д. понадобилось обращаться съ письменнымъ посланіемъ къ тѣмъ людямъ, съ которыми онъ во всякое время могъ вести устныя бесѣды. Возможно, что этимъ сочиненіемъ Д. хотѣлъ дать понять великому князю Василію III, ближайшему покровителю монастыря и другу Іосифа, что онъ является строгимъ ревнителемъ завѣтовъ Іосифа. Ревность Д. по общежительному житію доведена въ этомъ сочиненіи до запрещенія монахамъ имѣть по кельямъ в[illegible] иконы и книги.

Другимъ литературнымъ трудомъ Д. на

игуменствѣ является составленіе сборника церковныхъ правилъ. Раздѣляя мнѣніе Іосифа о правѣ и необходимости для монастырей имѣть вотчины, Д. значительно увеличилъ земельныя владѣнія монастыря покупкою новыхъ земель и вкладами со стороны богатыхъ людей. Великій князь Василій продолжалъ часто навѣщать Волоколамскій монастырь, при чемъ Д. успѣлъ пріобрѣсть полное довѣріе со стороны государя, почему въ 1522 году великій князь и назначилъ его на московскую митрополичью каѳедру, послѣ удаленія митрополита Варлаама. Избраніе было совершено безъ всякаго участія собора епископовъ, посвященіе въ санъ было произведено 27 февраля 1522 г. Въ санѣ митрополита Д. проявилъ излишнюю, доходящую до предосудительнаго, угодливость великому князу. Въ частной же своей жизни значительно уклонился отъ идеальнаго монашескаго образа жизни, любилъ богатыя одежды, почетные выѣзды, хорошій столъ и вообще довольство во всемъ. По описанію современника (Герберштейна), Д. обладалъ здоровымъ и тучнымъ тѣломъ и краснымъ лицомъ. Угодливость Д. великому князу проявилась очень скоро послѣ занятія имъ митрополичьей каѳедры. Въ 1523 году онъ и великій князь послали грамоты князю Сѣверскому, Василію Дмитріевичу Шемячичу, приглашая его въ Москву и давая клятву не дѣлать ему зла. Шемячичъ явился, и скоро былъ схваченъ и заключенъ подъ стражу. При этомъ Д. не только не заступился за него, но еще открыто одобрилъ поведеніе великаго князя. Этимъ онъ сильно уронилъ свой нравственный авторитетъ въ глазахъ русскихъ людей. Въ такомъ же дурномъ свѣтѣ заявилъ себя Д. въ 1525 году, когда онъ, вопреки всѣмъ церковнымъ правиламъ, ясному евангельскому ученію и несогласію восточныхъ патріарховъ, допустилъ разводъ великаго князя съ супругой его Соломоніей Сабуровой, которая послѣ этого была пострижена въ монашество, а великій князь женился на Еленѣ Глинской съ благословенія митрополита, при чемъ Д. самъ и вѣнчалъ Василія III, 21 января 1526 г. Послѣ этого лучшіе русскіе люди во главѣ съ Максимомъ грекомъ рѣшительно отвернулись отъ митрополита. Князь Курбскій называетъ Д. «потаковникомъ» великаго князя, а бояринъ Берсень-Беклемишевъ утверждаетъ, что митрополитъ не обращаетъ учительнаго слова къ великому князю и не ходатайствуетъ предъ нимъ ни о комъ. Это не совсѣмъ справедливо, потому что о нѣкоторыхъ лицахъ (кн. Шуйскомъ, Воротынскомъ, Мстиславскомъ, Бѣльскомъ) Д. ходатайствовалъ предъ великимъ княземъ, но далеко не о всѣхъ, а только о тѣхъ, ходатайство о которыхъ не могло быть опасно для него самого лично.

Въ такомъ же и еще болѣе непригляднομъ свѣтѣ выставилъ себя митрополитъ Д. въ преслѣдованіи Максима Грека и Вассіана Косого, стоявшихъ во главѣ партіи монаховъ-нестяжателей, ведшихъ полемику съ іосифлянами-стяжателями, къ которымъ принадлежалъ Д. Но здѣсь вопросы теоретическіе служили лишь ширмой для прикрытія личныхъ счетовъ съ людьми, вызвавшими къ себѣ неумолимую ненависть со стороны Д. своими явными и тайными оскорбительными отзывами о личности и дѣятельности митрополита. Вассіанъ былъ особенно ненавистенъ Д., такъ какъ долго былъ соперникомъ его по вліянію на великаго князя и противился самому избранію Д. на митрополичью каѳедру. Максима Грека Д. сначала повидимому старался привлечь на свою сторону, поручилъ ему сдѣлать переводъ бесѣдъ св. Іоанна Златоуста на Ев. Іоанна и щедро вознаградилъ его за этотъ переводъ, потомъ просилъ перевести церковную исторію блаж. Θеодорита, но Максимъ рѣшительно отказался. Чтобы вѣрнѣе погубить Максима, Д. вооружилъ противъ него великаго князя. Видя крупные недостатки въ государственной и церковной русской жизни, Максимъ обличалъ ихъ и въ устныхъ бесѣдахъ, и въ литературныхъ произведеніяхъ. Эти обличенія не могли быть пріятны для главы государства, великаго князя, человѣка притомъ гордаго и самовластнаго. Критика Максимова была представлена великому князю, какъ осужденіе его правленія; прежнее благоволеніе Василія къ Максиму смѣнилось необузданнымъ гнѣвомъ. Въ 1525 г. великій князь поручилъ Д. судить Максима за мнимую порчу богослужебныхъ книгъ, исправленіе которыхъ было поручено Максиму, за мнѣніе о незаконности поставленія русскихъ митрополитовъ безъ благословенія патріарха константинопольскаго, за мнимыя измѣнническія сношенія съ турецкимъ султаномъ, за оскорбительныя для великаго князя сужденія о немъ и наконецъ за колдовство. Всѣ эти преступленія или были значительно

преувеличены, или даже совершенно ложны, измышлены зложелателями Максима. Тѣмъ не менѣе Д. поставилъ дѣло такъ, что Максимъ былъ признанъ виновнымъ по всѣмъ пунктамъ и приговоренъ соборомъ епископовъ къ отлученію отъ церкви и къ пожизненному тюремному заключенію въ монастырѣ, для чего и былъ отправленъ въ Волоколамскій монастырь, гдѣ не безъ вѣдома Д. подвергся всевозможнымъ мученіямъ, его морили голодомъ, морозомъ и дымомъ. Этотъ беззаконный судъ надъ самою свѣтлою личностію XVI в. ложится самымъ чернымъ пятномъ на память Д. Но злобный и мстительный характеръ Д. еще болѣе проявился въ томъ, что онъ не оставилъ своего погубленнаго врага въ покоѣ и тогда, когда вполнѣ восторжествовалъ надъ нимъ. Онъ продолжалъ собирать обвиненія противъ Максима и черезъ 6 лѣтъ, въ 1531 году, потребовалъ Максима снова на судъ. Нашли новыя ошибки въ исправленныхъ Максимомъ богослужебныхъ книгахъ, обвинили его въ хулѣ на русскихъ чудотворцевъ, въ нераскаянности его во время монастырскаго заключенія и опредѣлили, несмотря на просьбы Максима о прощеніи, отправить его въ заключеніе въ Тверской Отрочь монастырь. На томъ же соборѣ 1531 года Д. достигъ осужденія и Вассіана Косого, котораго приговорили къ заключенію въ Волоколамскомъ монастырѣ.

Какъ церковный администраторъ, Д. извѣстенъ тѣмъ, что старался на важныя церковныя должности назначать людей, раздѣлявшихъ воззрѣнія іосифлянской партіи и по возможности изъ самаго Іосифова монастыря. Такъ, въ 1522 году въ Тверь епископомъ былъ назначенъ Акакій, братъ Іосифа Волоцкаго; въ 1525 году въ Коломну епископомъ былъ поставленъ Вассіанъ Топорковъ, племянникъ Іосифа; въ Новгородъ въ 1526 году былъ поставленъ Макарій, относившійся съ большимъ уваженіемъ къ Іосифу; въ Смоленскъ въ 1536 году былъ назначенъ Савва изъ монаховъ Волоколамскаго монастыря. Въ этихъ лицахъ Д. хотѣлъ найти опору для себя, въ чемъ иногда и успѣвалъ; особенно близкимъ другомъ его былъ Вассіанъ Топорковъ, имѣвшій большое вліяніе и на великаго князя.

Затѣмъ изъ церковно-административной дѣятельности Д. извѣстно сдѣланное имъ въ началѣ управленія митрополіею распоряженіе о новой переписи церквей митрополичьей епархіи съ цѣлію новаго распредѣленія церковныхъ податей. Въ 1531 году 1 мая Д. «со всѣмъ освященнымъ соборомъ» канонизовалъ преподобнаго Пафнутія Боровскаго, подъ руководствомъ котораго началъ иноческіе подвиги Іосифъ Волоцкій. Въ Волоколамскій монастырь Д. неоднократно посылалъ богатыя жертвы. 4 декабря 1533 года скончался покровитель Д. великій князь Василій Ивановичъ. Передъ смертію онъ выразилъ желаніе принять монашество. Д. одобрилъ это намѣреніе, но ближайшіе къ государю бояре совѣтовали ему оставить это намѣреніе, и по этому поводу между боярами и митрополитомъ произошла «пря велика». Постриженіе было совершено, при чемъ Василій получилъ имя Варлаама. Умирая, великій князь «приказалъ великую княгиню и дѣти своя отцу своему Д. митрополиту, а великой княгинѣ Еленѣ приказалъ подъ сыномъ своимъ государство держати до возмужанія сына своего». Немедленно послѣ смерти великаго князя Д. привелъ къ присягѣ братьевъ его и бояръ на вѣрность малолѣтнему (3-хъ лѣтъ) Ивану Васильевичу и матери его, а самого новаго великаго князя торжественно благословилъ въ Успенскомъ соборѣ на великое княженіе. Согласно волѣ Василія III, Д. долженъ былъ стать во главѣ управлявшей государствомъ боярской думы. Формально митрополитъ дѣйствительно занялъ первенствующее положеніе въ думѣ, но вліянія на дѣла не пріобрѣлъ. Такъ, онъ не могъ защитить отъ происковъ бояръ близкаго къ нему человѣка, дмитровскаго князя Юрія Ивановича, захваченнаго боярами вскорѣ послѣ смерти Василія III и окончившаго жизнь въ темничномъ заключеніи въ 1536 году. Также ничего не могъ, а можетъ быть и не хотѣлъ сдѣлать Д. для облегченія участи младшаго брата Василія III, Андрея князя старицкаго, схваченнаго и заключеннаго въ темницу боярами. Насколько слабо было вліяніе Д. на боярскую думу, это всего лучше можно видѣть изъ того, что въ 1535 году онъ не могъ воспротивиться опредѣленію думы, по которому монастырямъ запрещалось покупать и брать на поминъ душъ вотчинныя земли служилыхъ людей безъ разрѣшенія правительства; а въ 1536 году въ Новгородѣ по распоряженію думы отобрано было въ казну значительное количество церковныхъ земель.

Послѣ смерти правительницы Елены въ 1538 году положеніе Д. ухудшилось. Въ боярской думѣ началась борьба двухъ партій, во главѣ которыхъ стояли князья Василій Шуйскій и Иванъ Бѣльскій. Д. сталъ на сторону Бѣльскаго, но Шуйскій взялъ верхъ. Когда послѣ смерти Василія Шуйскаго власть перешла къ брату его Ивану, Д. былъ «сведенъ» съ митрополіи 2 февраля 1539 года и сосланъ въ Волоколамскій монастырь, а 26 марта далъ грамоту съ отреченіемъ отъ митрополіи и отъ святительства. Болѣе восьми лѣтъ провелъ Д. въ Іосифовомъ монастырѣ и скончался 22 мая 1547 года. «Митр. Д. какъ нравственная личность, говоритъ проф. Е. Голубинскій, представляетъ изъ себя далеко не свѣтлаго человѣка: честолюбивый, искательный, на мѣстѣ митрополита покорный слуга и рабъ великаго князя до забвенія своихъ обязанностей, способный къ такимъ дѣйствіямъ угодничества, при которыхъ требовалось вѣроломное клятвопреступленіе, исполненный безпощадной ненависти къ своимъ врагамъ и готовый на всякія средства для уничтоженія ихъ, наконецъ въ частной жизни принадлежавшій къ числу тѣхъ лицъ, которыя любятъ хорошо пожить, и, какъ кажется, еще и корыстолюбивый. Но тотъ же митрополитъ Д. занимаетъ совершенно выдающееся положеніе среди другихъ нашихъ митрополитовъ въ качествѣ учителя не дѣломъ, а письменнымъ словомъ: онъ написалъ не два—три поученія, какъ другіе митрополиты, а цѣлую большую книгу учительныхъ словъ и такую же книгу учительныхъ посланій. Быть учителемъ посредствомъ письмени, не будучи учителемъ на дѣлѣ, совершенно возможно, и это сплошь и рядомъ бываетъ въ учительной средѣ, ибо, во-первыхъ, есть истины ученія теоретическія, при которыхъ нравственность учителя остается въ сторонѣ, во-вторыхъ, и истинамъ практическимъ можно учить независимо отъ того, существуетъ или не существуетъ собственная охота исполнять ихъ. Но, во всякомъ случаѣ, если посвящаетъ себя человѣкъ дѣлу учительства исключительнымъ образомъ нарочито, то не можетъ быть это не признано очень замѣчательнымъ. Два побужденія могутъ быть при семъ предполагаемы: простое славолюбіе и искреннее желаніе принести ближнему пользу хотя не дѣломъ, то словомъ. Если мы предположимъ въ Д. оба эти побужденія, то во всякомъ случаѣ учительность Д. должна быть вмѣнена ему, какъ очень не малая заслуга».

Отъ митр. Д. сохранилось, во-первыхъ, 16 догматическихъ и правоучительныхъ словъ, составляющихъ содержаніе такъ называемаго «Соборника» м. Д. Здѣсь мы видимъ слова о ветхомъ и новомъ завѣтѣ, о Свящ. Преданіи писанномъ и неписанномъ, о воплощеніи Бога Слова, о послушаніи властямъ, о разводѣ мужа и жены, о промыслѣ и др. Во-вторыхъ, отъ Д. остался сборникъ съ 14 посланіями къ разнымъ лицамъ по разнымъ, по большей части, нравственнымъ вопросамъ, напр., о важности общежительнаго иноческаго устава, о цѣломудріи, о духовномъ вниманіи. Въ составъ этого сборника не вошли: 1) Окружное посланіе м. Д. «о смиреніи, о соединеніи и согласіи, и о любви, и о соблюденіи православной вѣры и закона»; 2) Посланіе къ старцу Діонисію Звенигородскому; 3) Посланіе къ брату великаго князя Василія Ш, Юрію Ивановичу, князю дмитровскому; 4) Посланіе къ неизвѣстному лицу. Въ-третьихъ, подъ руководствомъ Д. составленъ былъ сборникъ различныхъ актовъ и грамотъ, относящихъ къ каѳедрѣ московскаго митрополита. И отъ самого Д. осталось нѣсколько грамотъ административнаго и юридическаго характера. Въ-четвертыхъ, отреченная грамота Д.

Большая часть всѣхъ этихъ сочиненій представляетъ собою обширные своды выписокъ изъ разныхъ «божественныхъ писаній». Самостоятельная работа автора проявляется только въ небольшихъ сравнительно предисловіяхъ къ словамъ и въ заключеніяхъ. Но при всемъ томъ сочиненія м. Д. представляютъ замѣчательно полную и живую картину современныхъ ему нравовъ.

Литература: *В. Жмакинъ*. Митроп. Даніилъ и его сочиненія. Москва. 1881 г. *Е. Голубинскій*. Ист. русс. ц., т. 2, стр. 700 и дал.

А. Кремлевскій.

ДАНІИЛЪ—два выдающихся сербскихъ епископа. Изъ нихъ: 1) **Даніилъ** (Якшичъ), православ. сербскій епископъ карлштадтскій (Хорватія), род. въ 1715 г. въ селѣ «Српске Моравице» (Хорватія). Юношей поступилъ въ монастырь Гомиріе, гдѣ и принялъ постриженіе. Учителями Д. были епископы карлштадтскіе: Даніилъ Люботина и Павелъ

Ненадовичъ. По выборѣ епископа Ненадовича въ митрополита карловицкаго, Якшичъ былъ назначенъ администраторомъ карлштадтской, сѣверинской и костаницкой епархій, а въ 1750 г., по желанію и просьбѣ вѣрныхъ карлштадтской епархіи, былъ выбранъ синодомъ во епископа той же епархіи. Д. велъ крайне тяжелую и мученическую борьбу противъ уніи въ монастырѣ Марчѣ и Жумберкѣ, откуда его неоднократно прогоняли военныя власти, которыя въ то же время съ помощью войска разгоняли народъ, массами сходившійся для того, чтобы увидѣть своего любимаго владыку. Если бы во время этой отчаянной и насильственной іезуитско-уніатской пропаганды не нашлось такого энергичнаго и самоотверженнаго борца за православіе, несомнѣнно большинство православныхъ сербовъ въ Хорватіи сдѣлалось бы уніатами. Въ этой страшной борьбѣ епископъ Якшичъ находилъ поддержку въ Россіи и ея императрицахъ: Елизаветѣ и Екатеринѣ Великой. Что въ Россіи слѣдили за этой борьбой, видно изъ того, что австрійское правительство поручило своему посланнику при петроградскомъ дворѣ — графу Эстерхази, чтобы онъ, въ случаѣ, если его спросятъ при дворѣ про монастырь Марчу, только отъ своего имени («privatim») заявилъ, что и «императрицѣ (Екатеринѣ) было бы весьма непріятно», если бы Марія-Терезія «стала вмѣшиваться въ подобныя дѣла русской имперіи». Во время своей тяжелой епископской службы Д. все-таки построилъ нѣсколько величественныхъ храмовъ и украсилъ ихъ церковною утварью, а также открылъ нѣсколько школъ для народа и духовенства. Самъ онъ велъ крайне строгую монашескую жизнь, былъ строгъ, но справедливъ, и помогалъ бѣднымъ. Послѣ смерти митрополита Ненадовича, сербскій народный конгрессъ въ Карловцахъ въ 1769 г. избралъ еп. Д. митрополитомъ; но австрійское правительство, вѣрное своему принципу: выбирать худшаго изъ кандидатовъ, обвинивъ еп. Д. въ сношеніяхъ съ Россіею, принудило конгрессъ выбрать въ митрополиты епископа Іоанна Георгіевича. Когда императрица Марія-Терезія насильственно отняла у епископа Якшича монастырь Марчу и юрисдикцію въ Жумберкѣ, онъ умеръ съ горя въ 1771 г. Народъ считаетъ еп. Д. святымъ, а извѣстный философъ сербскій Досиѳей Обрадовичъ называетъ его «блаженнымъ Божіимъ человѣкомъ»[1]).—2) **Даніилъ II** св., архіепископъ сербскій; былъ сыномъ богатыхъ родителей и получилъ хорошее образованіе, вслѣдствіе чего былъ взятъ во дворецъ королемъ Стефаномъ Урошемъ. Принялъ монашество въ монастырѣ Коньчульскомъ (на берегу рѣки Ибръ) отъ игумена Николая, послѣ чего архіепископъ Евстаѳій II, съ согласія короля Стефана Уроша, назначилъ его игуменомъ аѳонскаго монастыря Хиландара. Когда крестоносцы стали грабить аѳонскіе монастыри и осадили Хиландаръ, то Д. храбро боролся, пока наконецъ не удалось ему разогнать враговъ. Онъ помирилъ королей-братьевъ Драгутина и Милутина, отклонивъ войну между ними, и впослѣдствіи вѣнчалъ на королевство Душана Сильнаго. Послѣ смерти архіепископа Никодима, Д. II былъ избранъ на архіепископскую каѳедру. Какъ архіепископъ извѣстенъ своей борьбой противъ богомиловъ и происковъ Рима. Строилъ много храмовъ. Д. любилъ просвѣщеніе и самъ описалъ дѣла нѣкоторыхъ сербскихъ королей и архіепископовъ («Родословъ»). Скончался 19 дек. 1338 г.

Даничиħ. Животи краљева и архиепископа српских. Загреб. 1866, стр. 328—377. *Филаретъ*. Святые южн. славянъ. 4 изд., стр. 306—309; Летопис Матице српске. Кн. 183, стр. 136.

Душанъ Якшичъ.

ДАНІЯ. Обращеніе Д. въ христіанство началось въ VIII вѣкѣ и закончилось въ XI. Первымъ христіанскимъ миссіонеромъ, посѣтившимъ эту страну (ок. 800), былъ Виллибродъ Ансгарій (800—865), и сдѣлался ея апостоломъ. Но датскіе викинги услышали первые разсказы о «Бѣломъ Христѣ» только въ Ирландіи, а англійскіе священники и монахи въ царствованіе Канута Великаго (1019—1035) окончательно обратили датскій народъ и устроили датскую церковь. Англо-саксонскій миссіонеръ понималъ датчанъ и былъ понимаемъ ими; между тѣмъ какъ франкскій или франко-саксонскій миссіонеръ принужденъ былъ прибѣгать къ помощи толкователей или изучать иностранный языкъ.

---

[1]) *Schwicker*. Politische Geschichte der Serben in Ungarn. S. 153, 259, 260; *Schwicker*. Zur Geschichte d. kirchlichen Union in der Croatischen Militärgränze. S. 26; *Vaničêk*. Specialgeschichte der Militärgränze. II. B. S. 582, 583; Грбић. Карловачко Владичанство. II кн., стр. 19, 28, 78, 96, 119, 126, 159.

Данія первоначально принадлежала къ архіепископской каѳедрѣ гамбурго-бременской, и отношенія между ними вообще были весьма дружелюбны. Только чисто политическія побужденія заставили датскихъ королей добиваться себѣ независимаго датскаго архіепископа. Въ 1104 они добились такого архіепископа, имѣвшаго каѳедру въ Лундѣ; а въ 1105 начался споръ между королевской властью и іерархіей. Въ концѣ XIII столѣтія споръ этотъ достигъ своего высшаго напряженія, но, въ концѣ концовъ, іерархія побѣдила. Въ Даніи она боролась съ многими неудобствами. Римское законодательство никогда не переходило чрезъ Эйдеръ; законодательство страны было мѣстнаго происхожденія, вслѣдствіе чего оказалось невозможнымъ привить каноническое право. Такимъ образомъ, римская церковь не имѣла тамъ почвы; въ то же время у нея не было и главы. Папа былъ слишкомъ далекъ. Даже среди духовенства онъ не могъ приводить въ дѣйствіе своихъ опредѣленій безъ королевской помощи, которую, впрочемъ, короли часто довольно легко давали ему, какъ напр. въ вопросѣ о введеніи целибата; но динарій св. Петра никогда не платился папѣ, и апелляціи были рѣдки. Въ общемъ, положеніе дѣла для римской церкви было неблагопріятно. Папскіе перуны не достигали туда; инквизиція была почти совершенно неизвѣстна. Римская церковь была богата, но она, сравнительно, не имѣла власти; и когда наступила реформація, то не могла оказать ей противодѣйствія. Среди датчанъ собственно, повидимому, не было самостоятельнаго движенія къ реформаціи. Движеніе это пришло туда изъ Германіи, но оно быстро распространилось среди народа, и на копенгагенскомъ сеймѣ (1536) римско-католическая церковь была спокойно упразднена; весь ея авторитетъ, духовный и гражданскій, палъ и перешелъ къ коронѣ; вся ея собственность была конфискована и раздѣлена между королемъ и знатью, и сами епископы, за исключеніемъ одного, подписали документъ объ этомъ переходѣ въ реформацію.

Періодъ реформаціи въ Д. былъ періодомъ новыхъ начинаній почти во всѣхъ областяхъ жизни. По весна религіозной жизни была весьма коротка, а лѣто такъ и не наступило. Начался враждебный потокъ нетерпимости. Протестанты французской реформатской церкви, искавшіе убѣжища въ странѣ, были грубо изгнаны; и королевскій указъ 1580 г. угрожалъ смертью за введеніе копіи «формулы согласія» въ королевствѣ. Но въ XVII стол. датская церковь приняла одну изъ строжайшихъ формъ ортодоксальнаго лютеранства,—слѣдовательно, одну изъ самыхъ безплодныхъ. Тамъ была церковь, но едва ли оставалась религія; было много формулъ, но не было жизни; много споровъ, но безъ всякихъ идей; и ученый священникъ, который часто игралъ роль придворнаго шута въ домѣ какого-нибудь вельможи, вообще своей сельской паствой считался за какого-то мага.

Въ первой половинѣ XVIII столѣтія, въ свитѣ одной нѣмецкой принцессы, сдѣлавшейся королевой Д., явились піэтисты. Въ ихъ проповѣди было слишкомъ много «крови и ранъ» и слишкомъ много прещеній и наказаній въ дисциплинѣ; но они, во всякомъ случаѣ, привнесли нѣкоторую жизнь. Они закрывали театры, тормазили литературу, заключали бѣдный народъ въ кандалы и штрафовали богатыхъ, когда тѣ не ходили въ церковь по два раза въ каждое воскресенье, и проч. Но они принесли съ собою конфирмацію, которая оказалась однимъ изъ благороднѣйшихъ нравственныхъ факторовъ въ датскомъ обществѣ, а также новые гимны, которые расплавили равнодушіе предшествующаго вѣка въ энтузіазмъ, хотя и нѣсколько сантиментальнаго свойства. Какъ глубоко было впечатлѣніе, произведенное піэтистами, это обнаружилось изъ ихъ столкновенія съ раціоналистами. Раціонализмъ былъ также предметомъ чужеземнаго ввоза, но явился скорѣе изъ Франціи, чѣмъ изъ Германіи, и проникъ въ Д. въ концѣ XVIII вѣка. Радикалы изъ среды его партіи предлагали превращать церкви въ общественные торговые дома, и желали отъ священниковъ, чтобы они, вмѣсто проповѣдей, читали лекціи по агрикультурѣ и политической экономіи; но такія требованія, конечно, не привели ни къ чему, кромѣ смущенія и насмѣшки. Но если не привился такой радикальный раціонализмъ, зато утвердилась болѣе мягкая, болѣе осторожная форма раціонализма, съ ея тонкимъ артистическимъ вкусомъ и широкимъ научнымъ смысломъ. Онъ овладѣлъ церковью и школою; и когда дѣло доходило до столкновенія съ піэтизмомъ крестьянъ, то прибѣгали даже къ насилію.

Ниспроверженіе раціонализма въ Д., въ тридцатыхъ годахъ XIX столѣтія, совершилось почти съ драматическимъ эффектомъ. Его главный представитель, Клаузенъ, молодой, но весьма даровитый человѣкъ, былъ профессоромъ богословія въ университетѣ, и выступалъ въ качествѣ признаннаго учителя датской церкви. Вдругъ на него сдѣлалъ самое сильное нападеніе Грундтвигъ, тогда состоявшій служителемъ церкви. Грундтвигъ былъ произведеніемъ протестантства; но старый, узкій и нѣсколько грубоватый піэтизмъ былъ здѣсь одухотворенъ юнымъ энтузіазмомъ римской школы, и соединился съ сильнымъ практическимъ инстинктомъ свободы и демократіи. Начался споръ, который закончился судебнымъ процессомъ (1827). Грундтвигъ былъ лишенъ сана, подвергся запрещенію въ совершеніи христіанскаго богослуженія, подвергнутъ королевской цензурѣ, и проч. Въ 1840 г. однако оказалось необходимымъ возстановить Грундтвига въ правахъ его должности. Въ 1850 стало очевиднымъ, что датскій народъ началъ переходить на его сторону, что угрожало большою опасностью для датской церкви. Передъ его смертью, его ученики занимали самыя выдающіяся мѣста, какъ въ церкви, такъ и въ школѣ, и были настолько многочисленны въ конституціонномъ представительствѣ народа, что могли поворачивать кормило правленія, какъ имъ угодно. Теперь нѣтъ такого уголка въ датской церкви, въ которомъ бы не сказывалось съ очевидностью вліяніе Грундвига; были такіе видные богословы, какъ Мартенсенъ (см.) и Серенъ-Керкгоръ, но ихъ вліяніе ограничивалось предѣлами литературы. Несмотря на всѣ эти смуты строй датской церкви оставался почти неизмѣннымъ въ продолженіе трехъ столѣтій. Она была признана государственною на копенгагенскомъ сеймѣ отъ 1536. «Евангелическо - лютеранская церковь» тогда была названа «церковью страны», и не допускалось никакого другого вѣроисповѣданія. Законодательство обсолютной монархіи при Христіанѣ V (1670—1699) утвердило это устройство, и оно не было отмѣнено болѣе свободной конституціей отъ 5 іюня 1849 г. Евангелическо-лютеранская церковь здѣсь называется «народною церковью», и, какъ таковая, имѣетъ право на поддержку со стороны государства; но и другимъ вѣроисповѣданіямъ было также предоставлено свободное отправленіе своей религіи; и всѣ общественныя или политическія права и ограниченія на основаніи религіи были отмѣнены. Всѣ перемѣны, происшедшія съ 1849, совершались въ направленіи къ предоставленію большей свободы. Закономъ 4 апр. 1855 приходскія связи настолько ослаблены, что всякому члену прихода предоставляется право присоединиться къ конгрегаціи сосѣдняго священника. Законъ 15 мая 1868 предоставилъ право основывать свободныя конгрегаціи въ предѣлахъ государственной церкви, т. е. конгрегаціи, которыя сами избираютъ себѣ священниковъ и платятъ имъ. «Субботній законъ» 7 апр. 1876 запрещаетъ всякій трудъ «внутри и внѣ дома отъ 9 утра до 4 вечера по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ», но не затрогиваетъ стараго обычая, по которому вечеръ воскреснаго дня считается наиболѣе подходящимъ временемъ для общественныхъ собраній и увеселеній. Въ настоящее время Д. (по народной переписи 1890 г.) имѣетъ 2,172,380 жителей. Въ вѣроисповѣдномъ отношеніи они раздѣляются такъ: къ евангелическо-лютеранской народной церкви принадлежатъ 2.138,529; къ другимъ лютеранскимъ общинамъ 10.624; реформатовъ 1,252, англиканъ 137, методистовъ 2,301, католическая апостольская церковь (ирвингіанъ) 2,609, баптистовъ 4,556, римскихъ католиковъ 3,647, православныхъ 38, различныхъ христіанскихъ сектъ 1,106, евреевъ 4,080, мормоновъ 941, безрелигіозныхъ 2,148, не обозначившихъ своего вѣроисповѣданія 412.

Д. изобилуетъ богословской и вообще рел. литературой, произведенія которой нерѣдко идутъ и за предѣлы ея. Изъ богослововъ особенно извѣстенъ епископъ Мартенсенъ — высокодаровитый писатель, произведенія котораго переведены на многіе европейскіе языки, а нѣкоторыя также и на русскій. См. о немъ подъ сл. *Мартенсенъ*.

ДАНТЕ Аллигіери, род. во Флоренціи, 1265 г., ум. въ Равеннѣ, 1321 г. Данте есть сокращеніе имени Дуранте, полученнаго имъ при крещеніи. Родовое имя его матери донны Беллы неизвѣстно. Его учителемъ былъ Брунетто Латини, философъ и историкъ, подъ руководствомъ котораго онъ

изучалъ классическихъ поэтовъ, риторику и начатки математики. Онъ занимался также живописью и музыкой, а позже богословіемъ и философіей, и хорошо зналъ всѣ науки своего вѣка. Онъ принадлежалъ къ гвельфовой или папской партіи, и съ отличіемъ сражался въ битвѣ при Камнальдино, въ 1289 г., въ которой гибеллины, или императорская партія, потерпѣли рѣшительное и окончательное пораженіе. Въ 1295 г. онъ сдѣлался членомъ гильдіи аптекарей, и въ 1300 г. былъ избранъ однимъ изъ шести пріоровъ, которымъ ввѣрена была исполнительная власть въ государствѣ. Гвельфова партія раздѣлилась на бѣлыхъ и черныхъ. Д. принималъ участіе въ изгнаніи вождей обѣихъ партій, но въ слѣдующемъ году черные, возвратившись, обратились за помощью Карла Валуа. Чтобы разстроить эту комбинацію, Д. съ тремя другими былъ отправленъ въ Римъ, съ цѣлью добиться veto со стороны папы Бонифація VIII; но происшедшею медлительностью воспользовались черные, и, по возвращеніи Д., онъ былъ подвергнутъ суду по обвиненію въ растратѣ, и въ янв. 1302 г. приговоренъ къ тяжелому штрафу и изгнанію навсегда. Съ этого времени онъ держался гибеллинской партіи, пока постепенно не освободился отъ обѣихъ партій и не создалъ свою собственную партію. Въ 1292 г. онъ женился на Джеммѣ Донати, отъ которой имѣлъ семерыхъ дѣтей и которую никогда уже не видѣлъ послѣ своего изгнанія, въ которомъ онъ, проскитавшись по разнымъ городамъ, умеръ.

Отъ Д. осталось много сочиненій, изъ которыхъ отмѣтимъ слѣдующія: во-первыхъ, De monarchia (О монархіи), относящееся къ 1310 или 1313 г., написанное по-латыни и состоящее изъ трехъ книгъ, въ которыхъ онъ старается доказать, что монархія есть нормальная и божественно установленная форма правленія; что Римъ есть божественно назначенное для нея мѣсто, и римскій властелинъ есть гражданскій намѣстникъ, правитель Бога; что человѣкъ, съ его двойственной натурой, подлежитъ двоякому порядку—гражданскому и духовному, императорской власти и папству; что папа есть духовный намѣстникъ Бога и, подобно императору, имѣетъ свое законное сѣдалище въ Римѣ; и такъ какъ обѣ юрисдикціи независимы, то онъ въ нѣкоторомъ отношеніи стоитъ выше императора, потому что смертные интересы человѣка подчинены безсмертнымъ. Затѣмъ ему принадлежатъ трактаты о народномъ краснорѣчіи, о водѣ и землѣ, и буколическія эклоги. Но самое замѣчательное его произведеніе есть «Божественная комедія», которую онъ составилъ въ теченіе девятнадцати лѣтъ между изгнаніемъ и смертью. Онъ назвалъ ее комедіей потому, что хотя она начинается рѣзко, но заканчивается пріятно, и не похожа на трагедію, которая, начинаясь пріятно, заканчивается катастрофой. Самый терминъ «божественная» позднѣйшаго происхожденія. Первоначально заглавіе ея было таково: «Incipit comedia Dantis Allghierii Florentini natione non moribus». «Предметъ всего произведенія», говоритъ онъ, «взятый буквально, есть состояніе душъ послѣ смерти, разсматриваемой въ ея дѣйствительности; взятое аллегорически, предметомъ ея служитъ человѣкъ, насколько онъ своими заслугами или недостатками въ пользованіи свободой воли подлежитъ наградамъ или наказаніямъ». Космогонія этой поэмы основана на Птоломеевой системѣ. Центральный пунктъ вселенной есть центръ земли. Весь шаръ раздѣленъ на два основныхъ полушарія—восточное полушаріе земли и западное полушаріе воды. Іерусалимъ есть центръ земного полушарія, и какъ разъ подъ нимъ лежитъ самый низкій пунктъ ада, и составляетъ центръ тяготѣнія. Адъ изображается въ видѣ пустого свода, раздѣленнаго на девять концентрическихъ круговъ, изъ которыхъ каждый отведенъ подъ наказаніе различнаго рода грѣховъ. Чистилище есть высокій гористый островъ въ западномъ полушаріи, и берега его омываются западнымъ океаномъ. Отъ его основанія подымается тропа спиралью въ три круга, представляя собою предчистилище и заканчиваясь вратами св. Петра—входомъ собственно въ чистилище, рядомъ семи концентрическихъ террасъ, опоясывающихъ гору и сообщающихся между собою лѣстницами въ скалѣ. На каждой террасѣ искупается одинъ изъ семи смертныхъ грѣховъ, и душа затѣмъ входитъ въ земной рай; на вершинѣ его купается въ рѣкѣ Летѣ и пьетъ воды Эвнои, изглаживая такимъ образомъ память о земныхъ грѣхахъ и скорбяхъ и пробуждая память о добрѣ. Надъ горой чистилища подымаются девять небесъ, изъ которыхъ каждое представляетъ собою

пустой вращающійся кругъ, закрывающій и закрываемый, и заканчивающійся primum mobile. или хрустальнымъ небомъ, направляющимъ движеніями низшихъ сферъ. Кромѣ него, есть эмпирея,—пребываніе Бога и святыхъ, которые, разставленные въ видѣ розы, окружаютъ огромное озеро свѣта.

Поэма состоитъ изъ трехъ частей или пѣсней, подъ заглавіемъ: «Адъ», «Чистилище», «Рай», при чемъ каждая часть раздѣлена на тридцать три пѣсни, сообразно съ годами земной жизни Спасителя. Д. среди своихъ странствованій однажды заблудился въ мрачномъ и дикомъ лѣсу, гдѣ онъ встрѣтился съ тѣнью Виргилія, посланной Беатрисой провести его черезъ три міра. Послѣдовательно пройдя круги ада, они достигаютъ вершины, гдѣ сидитъ Люциферъ, и, цѣпляясь за косматые волосы этого исконнаго врага, они проходятъ центръ тяготѣнія и пробираются къ берегамъ чистилища. Подымаясь на террасы, на шестой изъ которыхъ къ нимъ присоединяется поэтъ Статій, они доходятъ до земного рая, гдѣ Виргилій оставляетъ Д. подъ руководствомъ Беатрисы, въ обществѣ которой онъ послѣдовательно проходитъ небеса до присутствія Самого Бога.

Поэма написана терціальнымъ стихомъ, и представляетъ собою картины средневѣкового общества въ концѣ XIII и началѣ XIV вѣка. Картины въ ней обнимаютъ всѣ области жизни. Какъ ни великъ Д. собственно въ художественной силѣ изображенія, высшее его достоинство заключается въ нравственномъ тонѣ поэмы. Онъ особенно высоко поднимается въ дѣлѣ изображенія человѣческаго характера и человѣческихъ страстей. Глубоко-нравственная цѣль комедіи раскрываетъ даже гнусныя подробности вульгарнаго ада. Подъ господствующей идеей человѣка, какъ наслѣдника нравственной судьбы, исчезаютъ различія времени, расы и положенія: и классическіе герои, и миѳологическія созданія перемѣшиваются съ папами, мучениками и христіанскими императорами. Его страшная сатира не щадитъ ни гражданскаго, ни церковнаго сана. Поэма изобилуетъ притчами, аллегоріями, портретами, историческими и личными намеками, а также богословскими и философскими изслѣдованіями. Она имѣетъ глубоко личный характеръ, часто эгоистическій, обнаруживаетъ сознаніе поэтомъ своего собственнаго генія, проникнута горечью его суроваго и глубоко уязвленнаго духа, не чужда жестокой мстительности и колоссальнаго презрѣнія, но въ то же время и сочувствія и нѣжности великаго духа. Ни одно еще твореніе не изображаетъ съ большею точностью благородный характеръ въ его силѣ и достоинствѣ. Д. не выноситъ туманности. Онъ чрезвычайно реалистиченъ. Въ его изображеніяхъ всякое пространство измѣрено, всякое мѣсто, такъ сказать, нанесено на карту, и всякое разстояніе отмѣчено, какъ на планѣ. Самая его скучность въ нѣкоторыхъ мѣстахъ происходитъ отъ его рѣшимости выразить свою мысль всесторонне. Въ наиболѣе возвышенныхъ мѣстахъ онъ обращаетъ вниманіе и на подробности. Свои сравненія онъ беретъ безъ вниманія къ ихъ источнику, съ единственною цѣлью пояснять мысли, и самые грубые образы являются среди самыхъ возвышенныхъ явленій неба. Нѣжное чувство краски и звука у него соединяется съ чудеснымъ чувствомъ формы. Отличительная особенность его генія—это опредѣленность, сила, искренность и краткость. Недостатками его поэмы можно считать нѣкоторую грубость и темноту.

Д. выступаетъ въ исторіи человѣкомъ весьма многостороннимъ. Какъ политикъ, онъ является представителемъ идеала священной римской имперіи,—всемірной христіанской монархіи, состоящей изъ римской имперіи и римской церкви. Какъ богословъ, онъ есть выразитель средневѣковой вѣры, «живописатель ея видѣній» и истолкователь закона нравственнаго бытія человѣка въ свѣтѣ средневѣковыхъ вѣрованій и въ терминахъ схоластической философіи. Какъ писатель, онъ является основателемъ новѣйшей литературы и создателемъ итальянской поэзіи. Онъ освободился отъ схоластической латыни литературной Европы, и изъ массы итальянскихъ діалектовъ создалъ благородный, чистый общій итальянскій языкъ. Онъ былъ первымъ христіанскимъ поэтомъ. Христіанство служитъ главнымъ мотивомъ его «Божественной комедіи». Поэма эта есть первое великое истолкованіе борьбы человѣческой воли и стремленія человѣческой души къ Богу. Ея высочайшій идеалъ красоты есть христіанскій: она проникнута сознаніемъ нравственной отвѣтственности, нравственнаго назначенія и освящающей силы скорби.

Его поэма переведена на всѣ литературныя языки. На русск. яз. было нѣсколько переводовъ отдѣльныхъ частей. Таковы переводы *Норова* «Адъ» и «Рай»; *Мина* «Адъ» и «Чистилище»; *Петрова* «Адъ»; *Д. Минаева* «Бож. Комедія»; *Соломона* «Чистилище». Недавно появился полный стихотворный переводъ (съ иллюстраціями Доре) *О. Чюминой*. Изъ біографій извѣстно соч. *Симондсъ*, Данте, его время, его произведенія и его геній (съ англ. Спб. 1893) и нѣсколько болѣе мелкихъ.

ДАРБУА Жоржъ, архіепископъ парижскій; род. въ 1813 г.; умерщвленъ коммунистами въ Парижѣ, 27 мая 1871 г. Его мужественная смерть вызвала общественное вниманіе къ его благородной жизни. Это былъ смѣлый, независимый мыслитель и настойчивый противникъ ультрамонтанства. Онъ старался устранить іезуитовъ и другіе, сродные съ ними, религіозные ордена изъ своего діоцеза; подавалъ голосъ противъ догмата о папской непогрѣшимости на ватиканскомъ соборѣ; подобно многимъ другимъ оппонентамъ, вскорѣ подчинился соборному декрету. Благодаря его энергіи, во время франко-прусской войны съ успѣхомъ организовались и поддерживались мѣропріятія къ помощи больнымъ и раненымъ. Не желая оставить своего поста, онъ смѣло появлялся на территоріи, захваченной коммуной. 4 апр. 1871 г. онъ былъ арестованъ коммунистами въ качествѣ заложника, и заключенъ въ тюрьму въ Мазасѣ и затѣмъ въ тюрьму Ла-Рокеттъ, гдѣ звѣрски былъ застрѣленъ жалкими негодяями. Онъ умеръ въ положеніи благословляющаго, съ словами прощенія на устахъ. Архіепископомъ парижскимъ онъ состоялъ съ января 1863 г. Ему принадлежатъ многочисленныя сочиненія, изъ которыхъ главными были переводъ твореній св. Діонисія Ареопагита, 1849 г., въ 2 том., и «Жизнь св. Ѳомы Беккета», 1859 г., въ 2 том. См. также его «Пастырскія творенія» (посмертныя), Парижъ, 1876 г., въ 2 том.

ДАРВИНИЗМЪ. Теорія Дарвина утверждаетъ, что все разнообразіе органическихъ существъ возникло путемъ естественнаго подбора изъ одной или 4—5 первоначальныхъ органическихъ особей, которыя или непосредственно были созданы Творцемъ, или возникли путемъ естественнаго преобразованія неорганической матеріи въ органическую и затѣмъ въ организмы. Такъ какъ представители современной науки неохотно допускаютъ сверхъестественное вмѣшательство въ процессъ развитія вселенной, то поэтому большинство ихъ держится второго предположенія. Основанія для этого предположенія они находятъ въ открытіяхъ органической химіи. Со второй четверти прошлаго столѣтія (именно съ открытія Велеромъ мочевины путемъ выпариванія ціано-амміачной соли), открытія эти показали, что изъ неорганическихъ соединеній могутъ образовываться органическія (муравьиная кислота, тройныя смолистыя соединенія, сахаринъ и т. д.),—отсюда остается одинъ шагъ до образованія бѣлка и затѣмъ протоплазмы растительной и животной. Полагаютъ, что процессъ преобразованія неорганической матеріи въ природѣ въ организмы происходитъ весьма медленно подъ вліяніемъ геологическихъ измѣненій на поверхности земли, пониженія температуры и т. д. Первыя протоплазмы явились, обыкновенно полагаютъ, въ срединѣ лаврентіевской эпохи. Дальнѣйшее развитіе организмовъ пошло двумя путями, ибо образовалось два царства — растительное и животное; чрезъ осложненіе организмовъ и дифферинцировку органовъ образовались изъ нихъ въ теченіе громадныхъ періодовъ вѣковъ существующія растенія и животныя. Слѣдующіе законы по утвержденію дарвинистовъ управляли развитіемъ организмовъ: 1) Законъ размноженія организмовъ въ геометрической прогрессіи. 2) Законъ измѣнчивости, по которому: a) рожденные часто отличаются и отъ родившихъ, и между собою въ нѣкоторыхъ признакахъ и особенностяхъ. Фактъ этихъ измѣненій извѣстенъ всякому. Можно указать нѣкоторыя обстоятельства, которыя вліяютъ на нихъ, наприм. условія, въ которыхъ находилась мать, когда носила младенца, вліяютъ на послѣдняго; b) въ теченіе жизни пріобрѣтаютъ новые признаки, которыхъ не имѣли родившіе ихъ и ихъ братья, и теряютъ тѣ, которые принадлежали ихъ предкамъ. Извѣстно, что употребленіе органовъ развиваетъ (наприм. человѣкъ можетъ развить въ себѣ способность двигать ушами), неупотребленіе органовъ дѣлаетъ ихъ атрофированными (наприм. домашнія птицы утрачиваютъ способность летать). Должно замѣтить при этомъ, что одни измѣненія всегда сопровождаются другими сопутствующими, причины чего еще неизвѣстны,—такъ, наприм., голубой цвѣтъ

глазъ у кошекъ несетъ всегда съ собою другой призракъ глухоту, удлинненіе конечностей, у голубей влечетъ за собою укорачиваніе клюва, отсутствіе шерсти у собакъ соединяется съ слабымъ развитіемъ зубовъ и т. д. 3) Законъ наслѣдственности, по которому измѣненія, пріобрѣтаемыя родителями, наслѣдуются нѣкоторыми изъ дѣтей. 4) Дѣйствія условій природы, которыя, вліяя въ теченіе многихъ поколѣній, могутъ образовывать новые органы у организмовъ. Такъ объясняютъ происхожденіе нервной системы. Когда организмъ не имѣлъ нервной системы, то раздраженіе, получаемое имъ въ той или другой точкѣ его кожи, передавалось къ тому центру, который, заправляя движеніями, былъ ихъ началомъ, всею посредствующею массою тѣла, но какъ электричество двигается въ воздухѣ не по прямому направленію, а по линіи наименьшаго сопротивленія (зигзаги молніи), такъ и раздраженіе передавалось въ организмъ чрезъ тѣ частицы, которыя были болѣе пригодны для этого. Такъ въ организмѣ образовались особые пути для передачи раздраженій, органическая матерія въ этихъ путяхъ преобразовывалась и перерождалась въ тотъ видъ, который теперь представляютъ нервы. Подобнымъ образомъ объясняютъ происхожденіе глазъ. Первые организмы явились въ глубинѣ моря, куда не проникаетъ свѣтъ, они были слѣпы, многимъ изъ нихъ потомковъ, оказавшимся въ иныхъ условіяхъ существованія, пришлось впослѣдствіи подвергнуться дѣйствію свѣта; сначала они воспринимали свѣтъ всею поверхностію тѣла, но такъ какъ на ихъ тѣлѣ должны были быть мѣста, наиболѣе воспріимчивыя къ дѣйствію свѣта (мѣста болѣе темнаго цвѣта), то въ этихъ мѣстахъ свѣтъ на ихъ кожѣ произвелъ измѣненія; эти измѣненія еще болѣе усилили ихъ свѣтовую впечатлительность, и такъ появился первый зародышъ глаза. 5) Борьба за существованіе. Размноженіе въ геометрической прогрессіи производитъ, что для всѣхъ организмовъ не хватаетъ пищи; отсюда происходитъ, что многіе погибаютъ отъ ея недостатка, другіе погибаютъ въ борьбѣ изъ-за нея, сохраняются только сильнѣйшіе. Внезапно происходящія измѣненія въ мѣстности обитанія тѣхъ или другихъ организмовъ часто дѣлаютъ для большинства изъ нихъ невозможною жизнь и сохраняютъ только тѣ, которые раньше по какому-нибудь случаю пріобрѣли качества, оказавшіяся полезными при новыхъ условіяхъ. Такъ при усиливающихся холодахъ сохраняются тѣ особи, которыя имѣютъ особенно густой мѣхъ, и изъ потомковъ сохраняются опять тѣ, которые обладаютъ этою особенностію. Животныя съ менѣе густымъ мѣхомъ погибаютъ. Другой подобный примѣръ. Положимъ, въ извѣстной мѣстности чрезвычайно умножилось количество животныхъ, питающихся листьями съ деревьевъ, тогда они скоро выгрызутъ всѣ листья, находящіяся на нижнихъ вѣтвяхъ деревъ, но тѣ изъ нихъ, которыя раньше пріобрѣли длинную шею, будутъ поставлены въ лучшія условія, они будутъ питаться листвою съ болѣе высокихъ вѣтвей. Эти животныя сохраняются и изъ ихъ потомковъ опять будутъ сохраняться наиболѣе длинношеіе. Въ борьбѣ за существованіе, такимъ образомъ, сохраняются и переживаютъ наиболѣе приспособленные; это и называется естественнымъ подборомъ (the Selection). 6) Кромѣ естественнаго подбора въ природѣ существуетъ еще половой. У животныхъ существуютъ развившіеся вслѣдствіе тѣхъ или иныхъ причинъ вкусы, по которымъ самцамъ нравятся самки, обладающія извѣстными признаками, наоборотъ—самкамъ тоже нравятся самцы съ тѣми или иными особенностями. Эти особенности, понятно, должны сохраняться и развиваться. Подборъ этотъ особенно наглядно представляется у птицъ, у которыхъ самцы отличаются красивымъ опереніемъ, пѣвчими голосами и т. д. Таковы условія, управляющія эволюціею органической жизни. Относительно ихъ должно сдѣлать слѣдующія примѣчанія. Процессъ развитія организмовъ происходитъ весьма медленно. Въ физической исторіи земного шара астрономы и геологи предлагаютъ еще, хотя довольно гипотетическія, но все-таки цифры, къ исторіи органическаго міра никто еще не пытался приложить ариѳметики, пока эволюціонисты ограничиваются замѣчаніями, что здѣсь требуются билліоны лѣтъ. 7) Процессъ развитія не охватываетъ всѣхъ организмовъ, нѣкоторые изъ нихъ живутъ въ такихъ условіяхъ, которыя не даютъ толчковъ для этого развитія; отсюда произошло то, что въ то время, какъ на землѣ появлялись высшіе организмы, сохранялись и представители низшихъ типовъ. 8) Въ природѣ

происходитъ не одинъ прогрессъ, но и регрессъ. Причина его лежитъ и въ скрытой наслѣдственности или атавизмѣ, по которому рождаются особи съ признаками, которыхъ не имѣли ихъ отцы, а которыми обладали ихъ отдаленные предки, и въ условіяхъ существованія, которыя дѣлаютъ иногда безполезнымъ для извѣстныхъ организмовъ имѣющіеся у нихъ органы; органы перестаютъ употребляться, атрофируются, исчезаютъ, остаются нѣкоторые ихъ рудиментарные слѣды; таковы, наприм., безкрылый киви (apterix mantelli), происшедшій отъ крылатыхъ предковъ, таковы нѣкоторые змѣи (peropodes), существующіе зачатки ногъ (подкожныя заднія конечности) у которыхъ показываютъ, что ихъ предки владѣли конечностями (движеніе змѣй обусловливается гибкостію ихъ позвоночнаго столба и силою реберныхъ мускуловъ, но у peropodes, кажется, имѣютъ значеніе и кости около хвоста). Таковы законы, которые, по мнѣнію дарвинистовъ, управляютъ развитіемъ органическаго міра. Конечно, можно различнымъ образомъ относиться къ этому дарвинистическому катехизису, можно принимать его съ различными ограниченіями, можно, наприм., принимать такъ, что Самъ Творецъ создалъ непосредственно первые организмы, особо создалъ первоначальные организмы растительные, положимъ—схизомицеты, особо создалъ первоначальные животные организмы, положимъ—gymnomonera, protogenes и т. д., что впослѣдствіи Самъ Творецъ непосредственно создалъ человѣка. Въ такомъ видѣ эволюціонная гипотеза принимается многими р.-католическими натуралистами, въ нѣкоторомъ смыслѣ даже Уоллэсомъ (независимо отъ Дарвина и одновременно съ нимъ развившимъ теорію естественнаго подбора). Можно допускать вмѣшательство Творца только въ образованіе первоначальной жизни и устранять непосредственное отношеніе Его къ человѣку, какъ это, повидимому, сдѣлалъ Дарвинъ — творецъ эволюціонной теоріи. Впрочемъ, Дарвинъ не вѣрилъ на самомъ дѣлѣ въ возможность сверхъестественнаго происхожденія жизни. Это открылось изъ опубликованной его переписки, въ которой онъ является сторонникомъ архебіозиса—ученія, признающаго, что органическая жизнь возникла естественнымъ образомъ въ отдаленныя геологическія эпохи путемъ медленнаго преобразованія неорганической матеріи въ органическую и что затѣмъ въ эпохи послѣдующія произвольнаго зарожденія уже не было, а организмы происходили одни отъ другихъ. Хорошо понимая, что это ученіе не имѣетъ за собою никакой фактической опоры и что споръ о немъ будетъ лишь безполезною тратою времени, Дарвинъ и высказалъ, что можно допустить, что первыя 4 или 5 основныхъ формъ были созданы непосредственно Творцомъ, при чемъ у него ясно подразумѣвается: но можно этого и не допускать. Большинство послѣдователей Дарвина совсѣмъ устраняютъ Творца, разсуждая объ образованіи вселенной и развитіи организмовъ.

Критика Д. Для того, чтобы теорія Дарвина была правильною, нужно, разсуждаютъ антидарвинисты, чтобы измѣнчивость (первый эволюціонный факторъ) въ организмахъ имѣла слѣдующіе признаки: постепенность, неопредѣленность, безграничность и мозаичность. Если нѣтъ постепенности, а существуютъ скачки, то тогда собственно теорія Дарвина не при чемъ, ибо причина такихъ скачковъ неизвѣстна, и рычагъ, который управляетъ развитіемъ организмовъ, такимъ образомъ, окажется тайной. А между тѣмъ можно указать, какъ въ ботаникѣ, такъ и въ зоологіи и даже антропологіи, примѣры такихъ скачковъ. Вотъ примѣры, приведенные Данилевскимъ изъ ботаники. «Можетъ ли кто въ здравомъ умѣ надѣяться получить яблоко перваго достоинства или сочную тающую грушу отъ дикой груши?»—спрашиваетъ Дарвинъ. «Мои опыты, отвѣчаетъ знаменитый садоводъ Декенъ, прямо показываютъ, что мы можемъ получать хорошія разновидности, высѣвая сѣмена дикихъ грушъ, и очень дурныя—высѣвая сѣмена нашихъ улучшенныхъ породъ». Другими подобными примѣрами являются внезапное появленіе однолистной земляники въ Версалѣ въ 1863 г., кипарисъ, дающій изъ сѣмянъ пирамидальную разновидность, и біота, дающая разновидность плакучую. Какъ на послѣдній замѣчательный фактъ въ этомъ родѣ должно указать на слѣдующее. Гюго и Вріасъ получили новый растительный видъ сразу: отъ культуры oenothera Lamarziana произвели oenothera gigas. Лѣтомъ 1900 г. они сдѣлали докладъ объ этомъ парижскому институту

(Rev. scientif. 28 Juillet. 1900). Теперь имъ издано цѣлое изслѣдованіе объ этомъ (oenotheraceae принадлежатъ къ порядку миртоцвѣтныхъ). Подобные примѣры можно указать въ зоологіи. Въ Америкѣ въ Парагваѣ водится племя безрогаго скота, происшедшее отъ безрогаго быка, родившагося отъ рогатыхъ родителей. Самые голуби, такъ излюбленные Дарвиномъ: гонцы, дутыши, турманы—произошли вовсе не вслѣдствіе постепенной измѣнчивости, а вслѣдствіе неожиданнаго рожденія отъ обыкновенной самки голубей съ рѣзкими особенностями, какъ это допускаетъ и самъ Дарвинъ. У людей мы видимъ тоже подобное явленіе. Такъ шестипалыя дѣти рождаются отъ родителей, имѣющихъ по 5 пальцевъ, и часто передаютъ свою шестипалость слѣдующимъ поколѣніямъ. Точно также альбиносы рождаются отъ людей съ обыкновенными глазами. Всѣ эти примѣры показываютъ, что измѣненія въ организмахъ происходятъ скачками, а не съ строгою постепенностію. Относительно того, безгранична ли измѣнчивость, или нѣтъ, нельзя съ твердою увѣренностію сказать ничего рѣшительнаго. Судя по наблюденіямъ и историческому опыту, она оказывается ограниченною. Но можетъ ли она въ теченіе вѣковъ быть безграничною, это неизвѣстно. Что касается до мозаичности измѣнчивости (подъ этимъ Данилевскій разумѣетъ, что для удовлетворенія теоріи Дарвина требуется, чтобы измѣнчивость не представляла опредѣленной связи въ одновременныхъ измѣненіяхъ различныхъ органовъ), то мозаичности удовлетворяетъ только измѣнчивость, не имѣющая значенія (напр., образованіе курдюковъ у овецъ не соединяется ни съ какими иными измѣненіями въ ихъ организаціи). Относительно другого фактора—наслѣдственности доселѣ въ біологіи не выяснено самое существенное для дарвинизма. На вопросъ: передаются ли наслѣдственностію отъ предковъ къ потомкамъ только свойства, полученныя предками отъ природы, или же и благопріобрѣтенныя, доселѣ не дано увѣреннаго отвѣта. Знанія, опытъ, искусства не передаются по наслѣдству, наслѣдственно передаются природныя способности, но не степень ихъ развитія. Говорятъ: передаются наслѣдственно болѣзни, но объясняютъ, что передаются болѣзни инфекціонныя (передаются микробы) или передается природная расположенность къ болѣзнямъ (наприм., слабая грудь, предрасполагающая къ чахоткѣ), а не болѣзни благопріобрѣтенныя (ослѣпшій, оглохшій, безногій—рождаютъ видящихъ, слышащихъ, съ ногами). Но если вопросъ о наслѣдственности оказывается покрытымъ безусловнымъ мракомъ, то вмѣстѣ съ этимъ оказывается совершенно невыясненнымъ и вопросъ объ измѣнчивости и ея факторахъ. Что производитъ измѣненія? Какимъ образомъ они передаются отъ поколѣнія къ поколѣнію? Что фиксируетъ въ растительныхъ и животныхъ видахъ эти измѣненія? Біологія не даетъ отвѣта на эти вопросы. По гипотезѣ дарвинистовъ, у многихъ организмовъ не только должны измѣняться и совершенствоваться существующіе органы, но должны возникать и совершенно новые. Здѣсь представляется слѣдующая трудность: при первомъ зачаточномъ своемъ образованіи эти органы не могутъ выполнять тѣхъ функцій, которыя имъ будетъ суждено исполнять въ будущемъ, они будутъ не только безполезны въ организмѣ, но непремѣнно вредны. Возьмемъ, положимъ, глазъ. Его зачаточная форма будетъ не что иное, какъ болѣзненное образованіе на кожѣ вслѣдствіе чрезмѣрнаго ея раздраженія отъ дѣйствія свѣта. Возьмемъ, далѣе, легкое, образующееся изъ плавательнаго пузыря; въ срединѣ процесса превращенія оно будетъ дѣлать затруднительнымъ для своего обладателя существованіе какъ въ водѣ, такъ и на сушѣ. Спрашивается: какимъ образомъ особи, претерпѣвающія въ своемъ организмѣ подобныя измѣненія, могутъ сохраниться въ борьбѣ за существованіе, вѣдь онѣ не наиболѣе, а наименѣе приспособленныя? Очевидно, онѣ должны не сохраниться, а погибнуть. О борьбѣ за существованіе—этомъ рычагѣ прогресса, по Дарвину, Данилевскій замѣчаетъ, что Дарвинъ невѣрно представляетъ себѣ эту борьбу. Во многихъ мѣстахъ у животныхъ не существуетъ борьбы ни между собою изъ-за пищи, ни съ климатомъ (напр., въ благодатныхъ степяхъ Америки у травоядныхъ животныхъ), и однако одни животныя умираютъ, а другія остаются. При этомъ мы видимъ, что вымирали виды, повидимому, совершено обезпеченные въ борьбѣ за существованіе: мамонтъ, носорогъ съ костяною перегородкою, въ на-

стоящее время вымираютъ могучіе зубры въ Бѣловѣжской пущѣ. Естественный подборъ, по утвержденію антидарвинистовъ, долженъ устраняться и уничтожаться скрещиваніемъ. Полезныя измѣненія, которыя долженъ бы былъ сохранять естественный подборъ, возникаютъ у немногихъ организмовъ, каковые скрещиваются обыкновенно съ неизмѣнившимися; ихъ потомки, отчасти унаслѣдовавшіе ихъ особенности, опять будутъ скрещиваться съ обыкновенными особями. Не трудно видѣть, что въ такомъ случаѣ, если и будутъ у тѣхъ или другихъ животныхъ и растеній возникать какія-либо особенности, онѣ всегда будутъ растворяться и исчезать въ послѣдующихъ поколѣніяхъ. Въ природѣ являются типы, рѣзко возвышающіеся надъ среднимъ уровнемъ: между людьми—геніи, въ царствѣ растительномъ и животномъ—особи съ исключительными признаками; являются также, наоборотъ, идіоты и сумасшедшіе между людьми, уродливыя животныя и растенія, но все это не сохраняется, въ концѣ концовъ все, что стоитъ выше и ниже средняго уровня, исчезаетъ. Природа такимъ образомъ является великой уравнительницей. Естественный подборъ, говоритъ Данилевскій, есть устраненіе скрещиванія, и разъ существуетъ скрещиваніе, то не существуетъ подбора. Даже и по устраненіи скрещиванія представляется весьма мало вѣроятія, чтобы подборъ дѣйствительно могъ образовывать новые виды организмовъ. Такъ какъ для образованія новыхъ видовъ измѣненія, возникающія въ организмахъ, должны фиксироваться въ одномъ направленіи, то понятно, что малѣйшее уклоненіе въ теченіе тысячелѣтіи легко можетъ уничтожить всю работу подбора. Дарвинъ придаетъ еще важное значеніе принципу полового подбора и утверждаетъ, что, не обращаясь къ этому принципу, невозможно объяснить происхожденія многихъ животныхъ видовъ и человѣка. Но здѣсь противъ Дарвина возстаютъ уже сами эволюціонисты. По мнѣнію Уоллэса, полового подбора не существуетъ. Въ доказательство существованія полового подбора Дарвинъ приводитъ только одно обстоятельство, именно то, что самцы во время полового возбужденія выставляютъ напоказъ самыя красивыя части своего организма, но Уоллэсъ объясняетъ это не стремленіемъ показать свою красоту, а нервнымъ возбужденіемъ, такъ какъ и не украшенные самцы въ этотъ періодъ машутъ крыльями, расширяютъ ихъ, поднимаютъ свои гребни или хохолки и т. д. Если же нѣтъ полового подбора, то нельзя объяснить происхожденія хвоста у павлина, роговъ у оленя. Но если этотъ подборъ и существуетъ, то и тогда вопросъ о происхожденіи хобота слона, курдюка овецъ, горба бизона остается совершенно открытымъ. Обращаясь къ прошедшему, антидарвинисты утверждаютъ, что геологія и палеонтологія также представляютъ серьезныя возраженія противъ дарвинизма. Эволюціонный процессъ, по Дарвину, долженъ происходить съ крайнею медленностію, онъ долженъ заключать въ себѣ по крайней мѣрѣ билліоны и трилліоны вѣковъ, но, по утвержденію физиковъ и астрономовъ, предлагающихъ свои вычисленія геологамъ, періодъ существованія органическаго міра на землѣ обнимаетъ собою никакъ не болѣе 40—20 милліоновъ лѣтъ. Но и эта цифра нѣкоторымъ ученымъ представляется черезчуръ преувеличенною,—такъ Перафоръ утверждаетъ, что вся исторія земли обнимаетъ собою не болѣе 5 милліоновъ лѣтъ (его разсужденіе аналогично соображеніямъ Лаппарана о будущемъ земли. См. Геологія и Библія). Палеонтологія представляетъ также серьезныя возраженія противъ Д. Первымъ изъ нихъ является фактъ неизмѣняемости многихъ родовъ растеніе и животныхъ въ теченіе многихъ гологическихъ періодовъ. Укажемъ нѣкоторые. Discina (относится къ типу мягкотѣлыхъ, къ классу головоногихъ; голова рѣзко обоблена; имѣетъ 2 большихъ очень совершенныхъ глаза; ротъ окруженъ руками; нога имѣетъ видъ воронки; раздѣльнополы) существуетъ отъ силурійской эпохи до нашихъ дней, а между тѣмъ discina относится далеко не къ типу простѣйшихъ. Tuya accidentalis и abies canadensis являются теперь такими же, каковыми онѣ были въ міоценовую эпоху. Почему онѣ не измѣнились? Не говоритъ ли это о томъ, что есть какое-то начало въ организмѣ, сопротивляющееся измѣненіямъ? Это особенно ясно открывается изъ того, что мы видимъ—хотя бы въ discina — варіаціи видовъ; это, по теоріи Дарвина, должно бы было вести все далѣе и далѣе отъ первоначальнаго типа,—однако, нѣтъ, новые виды столь же ясно говорятъ о при-

надлежности къ тому же роду, какъ и древніе. Другимъ, еще болѣе серьезнымъ возраженіемъ противъ Д. является въ палеонтологіи фактъ отсутствія переходныхъ типовъ. На первый взглядъ кажется, что это возраженіе теряетъ свою силу вслѣдствіе ссылки Дарвина на бѣдность палеонтологическихъ коллекцій, но при внимательномъ разсмотрѣніи эта ссылка оказывается не имѣющею значенія. Дѣло вотъ въ чемъ. Согласно теоріи Дарвина, между каждыми двумя видами должно существовать множество переходныхъ ступеней. Пусть такъ. Но вотъ что удивительно. Палеонтологамъ удавалось находить очень много экземпляровъ одного и того же вида и много экземпляровъ видовъ родственныхъ и между тѣмъ не удавалось находить посредствующихъ звеньевъ въ одномъ экземплярѣ. На основаніи теоріи вѣроятности, это ненахожденіе можно объяснить только дѣйствительнымъ отсутствіемъ таковыхъ звеньевъ. Пфаффъ пытался выразить числами вѣроятность, которая существуетъ для встрѣчи посредствующихъ формъ между двумя родственными видами, доставившими много образчиковъ, напр. между 2-мя видами силурійскихъ трилобитовъ. Эти переходныя формы, по гипотезѣ эволюціонистовъ, должны быть весьма многочисленны. Пфаффъ предложилъ ихъ только 10 между 2-мя чистыми формами. Онъ представляетъ потомъ кучу, составленную изъ милліона зеренъ: однихъ—цвѣта голубого, представляющихъ чистую форму, другихъ—цвѣта краснаго, представляющихъ 10 посредствующихъ формъ, которыя должны привести къ виду. Красныхъ зеренъ, слѣдовательно, будетъ въ 10 разъ больше, чѣмъ голубыхъ. Пфаффъ ставитъ затѣмъ такой вопросъ: какая существуетъ вѣроятность, выбравъ сто зеренъ изъ таза, выбрать только голубыя? Или лучше — извлекая изъ пластовъ 100 экземпляровъ одного ископаемаго вида, какая существуетъ вѣроятность не найти ни одной посредствующей формы? Вычисленіе вѣроятностей отвѣчаетъ дробью $0{,}1^{100}$ или 1, раздѣленной на 1 со ста нулями. Это вычисленіе не особенно благопріятствуетъ теоріи Дарвина; но, собственно говоря, найдены доказательства скачковъ въ природѣ. Возьмемъ хотя бы лошадь. Иногда рождаются жеребята, имѣющіе кромѣ копыта другой палецъ сзади; въ прошедшемъ удалось отыскать животное, близкое къ лошади (гиппаріонъ), но имѣвшее такое же строеніе ноги, какое теперь встрѣчается у двупалыхъ жеребятъ. Допустимъ, что послѣдніе представляютъ собою атавизмъ, но на что указываетъ этотъ атавизмъ? На то, что отъ гиппаріона путемъ какого-то загадочнаго скачка произошла лошадь подобно тому, какъ теперь путемъ скачковъ отъ лошади можетъ произойти гиппаріонъ (не всѣ считаютъ гиппаріона предкомъ лошади). Естественный подборъ здѣсь не при чемъ. Третьимъ возраженіемъ противъ Д. съ точки зрѣнія палеонтологіи является то, что въ геологическихъ пластахъ новыя формы обыкновенно являются сразу и притомъ въ большомъ количествѣ. Можетъ быть, это, дѣйствительно, слѣдствіе пробѣловъ нашей палеонтологической лѣтописи, но пока, вѣдь, эти пробѣлы не восполнены, Д. не можетъ утверждать, что палеонтологія на его сторонѣ. Наконецъ, возраженіемъ противъ Д. является отсутствіе строгой послѣдовательности въ ископаемыхъ, находимыхъ въ пластахъ (наприм., найденное млекопитающее въ юрскихъ отложеніяхъ стоитъ по своей организаціи выше млекопитающихъ эоценовой эпохи). Теорія Дарвина, безспорно, имѣетъ глубоковажное значеніе при рѣшеніи вопроса о взаимоотношеніи организмовъ, при объясненіи многаго въ жизни организмовъ, при изысканіяхъ геологическихъ, при изслѣдованіяхъ географическаго распредѣленія растеній и животныхъ. Она важна и въ педагогическомъ отношеніи, потому что объединяетъ факты, ранѣе представлявшіеся разрозненными, и даетъ возможность легко усвоивать и запоминать ихъ. Но если эта теорія при своемъ появленіи вызвала негодованіе и протесты нѣкоторой части общества, особенно богослововъ, то въ этомъ виноваты не противники теоріи, а ея творцы и ближайшіе послѣдователи. Уже Дарвинъ далъ понять, что его теорія доказываетъ ненужность вмѣшательства провидѣнія въ міровую жизнь. Затѣмъ изъ Д. были сдѣланы выводы, что имъ отрицается существованіе цѣлей въ природѣ и что имъ дается такое истолкованіе цѣлесообразнаго устройства организмовъ, при которомъ совершенно нѣтъ нужды прибѣгать къ предположенію бытія премудраго Творца. Случай производитъ всевозможныя формы жизни, а естественный подборъ, это начало слѣпой необходимости, сохраняетъ приспосо-

бленнѣйшія, цѣлесообразныя. Такіе выводы, не только антирелигіозные, но прямо атеистическіе, должны были вызвать противъ себя негодованіе всѣхъ тѣхъ, разумъ и сердце которыхъ находятъ успокоеніе въ Богѣ. Но теперь мало-по-малу эти обостренныя отношенія начинаютъ сглаживаться. Съ одной стороны вопросы, поднятые Д., привели богослововъ къ выясненію, что Богъ создалъ законы бытія, каковые законы, получивъ бытіе, стали естественными. Отсюда должна быть признана возможность естественнаго объясненія происхожденія, сходства тѣхъ или иныхъ животныхъ и растительныхъ видовъ и цѣлесообразнаго устройства ихъ организмовъ. Съ другой стороны, натуралисты должны признать и постепенно признаютъ, что теорія Дарвина, имѣя важное методологическое и мнемоническое значеніе, содержитъ въ себѣ много недостатковъ, порою ея предполагаемыя фактическія основы оказывались невѣрными, а обобщенія неправильными. Но главное—естествознаніе не знаетъ и теорія не объясняетъ причинъ, законовъ и границъ измѣнчивости въ организмахъ. Поэтому Д. никакимъ образомъ не можетъ претендовать на имя научной истины. Какъ атомизмъ въ наукахъ о матеріи, такъ Д. въ біологіи могутъ быть (на атомизмъ большинство такъ и смотритъ) лишь плодотворными фикціями. Для основного тезиса (эволюціоннаго), истолкованіе котораго хочетъ дать Д., что высшіе органическіе виды произошли отъ низшихъ, въ настоящее время предлагаютъ уже и иныя объясненія, помимо дарвинистическаго. При этомъ многіе натуралисты и даже философы полагаютъ, что этотъ эволюціонный процессъ наилучшимъ образомъ доказываетъ существованіе Бога Творца, создавшаго цѣлесообразность въ мірѣ, и вмѣстѣ Бога Промыслителя, постоянно возводящаго бытіе все къ высшему и къ высшему совершенству. Въ теоріи эволюціи пытаются теперь находить доказательства и личнаго безсмертія. Такъ дѣлаютъ Сабатье (О безсмертіи души), Жанэ (Преобразуемость живыхъ организмовъ). Такимъ образомъ, теорія, явившаяся сначала атеистической, при постепенномъ ея исправленіи и усовершеніи становится у нѣкоторыхъ базисомъ для апологетическихъ выводовъ.

Литература. Сочиненія Дарвина имѣются на русскомъ языкѣ въ нѣсколькихъ переводахъ, лучшія—изданія Поповой. *Уоллэса*—Дарвинизмъ. 1898 г. (перев. проф. Мензбира); *Тимирязева*—Дарвинъ, какъ типъ ученаго. Въ курсахъ зоологіи и общей біологіи дарвинизму всегда отводится значительное мѣсто. Число имѣющихся на русскомъ языкѣ книгъ, посвященныхъ изложенію и обоснованію дарвинизма вообще или его частныхъ положеній, нужно опредѣлять тысячами. Капитальнымъ антидарвинистическимъ трудомъ въ Россіи является изслѣдованіе *Данилевскаго*—Дарвинизмъ. Изъ западныхъ натуралистовъ противниками дарвинизма выступили *Агассицъ*, герцогъ Аргайльскій, *Бэръ* (русскій подданный и академикъ, по нѣмецъ по рожденію), ***Катрфажъ***, ***Мивортъ***, ***Негели***. Въ настоящее время принципіальныхъ и горячихъ споровъ о дарвинизмѣ не ведется ни на западѣ, ни у насъ. Изъ западныхъ изслѣдователей, работы которыхъ по частнымъ вопросамъ направляются противъ дарвинизма, можно назвать: *Арслена*, *Булэя*, *Лаппарана*, *Надаяка*, *Нодена*, *Суэтэ*, *Хэдсона*.

С. Глаголевъ.

ДАРІЙ Мидянинъ (и Валтасаръ). Dâryâveš ham Mâdi — евр., Δαρεῖος ὁ Μῆδος — LXX-ти, библейское имя послѣдняго халдейскаго царя. Единственнымъ источникомъ нашихъ свѣдѣній о немъ служитъ кн. пр. Даніила, откуда мы узнаемъ, что Д. М. былъ сыномъ Ассуира и происходилъ изъ племени Мидянъ (**9**, 1), что онъ управлялъ царствомъ халдейскимъ (**5**, 31 и **9**, 1), вступивъ на престолъ его уже 62-хъ лѣтъ отъ роду (**5**, 31), и что дальнѣйшимъ преемникомъ своимъ онъ имѣлъ Кира, царя персидскаго (**6**, 28), разрушившаго прежнюю ассиро-вавилонскую монархію и на ея развалинахъ основавшаго новое міровое царство.

Личность Д. М., такъ ясно и опредѣленно выступающая въ кн. пр. Даніила, къ сожалѣнію не только не находитъ своего подтвержденія въ другихъ историческихъ памятникахъ, относящихся къ этому времени, но и встрѣчаетъ здѣсь себѣ явное противорѣчіе въ указаніяхъ на совершенно иныхъ личностей и другихъ дѣятелей данной эпохи[1]).

---

[1]) Подъ внѣшними историческими памятниками, относящимися къ изслѣдуемой эпохѣ, мы разумѣемъ, во-первыхъ, извѣстія финикійскаго историка—Бероза, затѣмъ, произведенія классическихъ авторовъ—Геродота, Ктесія, Александра Полигистра, Страбона, Діодора Сицилійскаго, Діонисія Галикарнасскаго и христіан. писателей Евсевія и Іустина мученика, и наконецъ, важный историческій документъ—Канонъ Птоломея и не менѣе важную серію клинообразныхъ памятниковъ: а) хронику На-

Послѣднимъ обстоятельствомъ, разумѣется, не замедлили воспользоваться представители отрицательной критики, которые выдвинули его на первый планъ, въ качествѣ главнаго историческаго возраженія противъ подлинности кн. пр. Даніила (Гитцигъ, Кюненъ и др.). «И это отрицаніе подлинности кн. Даніила получило столь широкое распространеніе, что теперь, по заявленію одного нѣмецкаго профессора (Kamphausen), въ протестантской богословской наукѣ принадлежность пр. Даніилу его книги не находитъ себѣ защитниковъ» (Рождеств.). Въ виду такой важности поставленнаго вопроса, необходимо его изслѣдовать подробнѣе.

Исторія Д. М. тѣснѣйшимъ образомъ связана въ кн. пр. Даніила съ личностью его предшественника—Валтасара. О послѣднемъ въ ней говорится, что онъ былъ сыномъ извѣстнаго вавилонскаго царя—Навуходоносора (**5**, 2, 11, 13, 18, 22) и управлялъ царствомъ халдейскимъ (**5**, 1, 30. **7**, 1), при чемъ раздѣльно отмѣчаются первое (**7**, 1) и третье лѣто (**8**, 1) его правленія. Далѣе изъ того же источника намъ извѣстно, что В. въ ночь послѣ одного изъ своихъ шумныхъ и кощунственныхъ пировъ былъ убитъ, а царство его перешло въ руки мидянъ и персовъ (**5**, 22—31). Вотъ все, что мы узнаемъ отсюда о царѣ В. Но это нисколько не помогаетъ дѣлу, такъ какъ личность самого В. не менѣе загадочна, чѣмъ и личность его преемника—Д. М. «Ординарная исторія Вавилоніи не знаетъ даже именъ царей В. и Д. Мало того, преемство четырехъ царей, владычествовавшихъ въ Вавилонѣ между Навуходоносоромъ и Киромъ, въ теченіе 23-хъ лѣтъ, засвидѣтельствовано непрерывной серіею документовъ такъ твердо, что рѣшительно нѣтъ мѣста для интервала въ 3 или 4 года, которые обнимаютъ собой царствованіе В. и Д... Ясно, что исторія Вавилона въ ея обычромъ изложеніи представляетъ одно непрерывное препятствіе для толкованія кн. пр. Даніила» (Болотовъ).

Для устраненія этого препятствія библейскими гармонистами, еще со временъ глубокой древности (Іо. Фл.), былъ предпринятъ цѣлый рядъ примирительныхъ попытокъ, сводившихся, главнымъ образомъ, къ отождествленію проблемматичныхъ библейскихъ царей—В. и Д. М. съ кѣмъ-либо изъ несомнѣнныхъ историческихъ личностей послѣдняго періода вавилонской монархіи.

Въ частности В. одни, напр., отождествляли съ послѣднимъ вавилонск. царемъ—Набунаидомъ (Іо. Фл. — Ant. Jud. **10**, 2, 2 и Іеронимъ—*Мигнь* **25**, col. 518), другіе—съ Евилъ-Меродахомъ или Лабусоардахомъ (Keil, Unger, Ab. Fabre), наконецъ, почти всѣ новѣйшіе—съ В., сыномъ Набунаида, недавно открытымъ въ памятникахъ клинообразной литературы. Не говоря уже о полной произвольности двухъ первыхъ гипотезъ, нельзя безъ существенныхъ натяжекъ признать удовлетворительной и послѣднюю, повидимому, подкупающую въ свою пользу,—нельзя этого сдѣлать потому, что В. клинообразныхъ надписей не удовлетворяетъ двумъ главнымъ условіямъ В. кн. пр. Даніила: во-первыхъ, онъ не царь, а во-вторыхъ, не сынъ Навуходоносора.

Что касается личности Д. М., то его многіе отождествляли съ Кіаксаромъ II, предполагаемымъ сыномъ и наслѣдникомъ Астіага мидійскаго (Іо. Фл.—Ant. Jud. **10**, 11, 4); другіе — съ самимъ Астіагомъ, иные — съ Даріемъ Гистаспомъ, нѣкоторые—съ Губаромъ, полководцемъ Кира и т. п. Уже одно обиліе этихъ гопотезъ говоритъ объ ихъ неудовлетворительности и объ отсутствіи подъ ними солидной исторической почвы. На самомъ же дѣлѣ положеніе этого вопроса далеко уже не такъ безнадеждно и оно допускаетъ возможность серьезнаго и вполнѣ научнаго его разрѣшенія. Для этого необходимо лишь встать на твердую почву исторіи, вскрыть отличительный характеръ отдѣльныхъ историческихъ фактовъ и освѣтить ихъ внутреннее взаимоотношеніе.

Отъ взора внимательмаго историка второй вавилонской монархіи не можетъ укрыться фактъ наличности и борьбы въ ней двухъ противоположныхъ партій: пришлыхъ халдеевъ и коренныхъ вавилонянъ. Понятно, что первые, на правахъ избавителей отъ ассирійскаго ига, стремились занять здѣсь главную роль: халдей Набополоссаръ и его сынъ—Навуходоносоръ были первыми и самыми видными царями новой монархіи. Но и коренные жители Вавилона не прочь были заявить о своихъ хозяйскихъ правахъ, тѣмъ

бунаида, б) цилиндръ Кира, в) сиппарскую надпись Набунаида и г) вавилонскіе контракты торговаго дома «Егиби сыновья», открытые и обнародованные англійскими учеными—Boscawen'омъ и Pinches'омъ въ 1878—80 годахъ.

болѣе, что въ этомъ имъ значительно содѣйствовали и сами халдеи тѣми междуусобными распрями, которыя не замедлили обнаружиться у нихъ еще очень рано. Начало ихъ, если вѣрить Іо. Флавію, относится къ концу царствованія Навуходоносора, когда (вѣроятно, во время извѣстной его болѣзни,—Дан. **4**, 30) нѣкто Беллабаришкунъ захватилъ было въ свои руки власть; но, по выздоровленіи Навуходоносора, онъ принужденъ былъ снова уступить ему. Однако то, что не удалось при сильномъ и властномъ Навуходоносорѣ, было осуществлено при слабомъ и безхарактерномъ его преемникѣ—Авиль-Мардукѣ; послѣдній былъ убитъ сыномъ перваго узурпатора—Нериглиссоромъ, который и началъ собой новую династію. Но и эта династія продержалась очень не долго: при преемникѣ же Нериглиссора, несовершеннолѣтнемъ сынѣ его Лабосардахѣ, вавилоняне составляютъ заговоръ, убиваютъ царя и возводятъ на его мѣсто одного изъ своей среды—вавилонина Набунаида, который и царствуетъ до конца монархіи. Такимъ образомъ, въ лицѣ Набунаида вавилонская партія, уже давно ведшая интригу противъ халдейской, достигла полнаго торжества надъ ней.

Естественно, что гордые и свободолюбивые халдеи не могли мириться съ такимъ положеніемъ вещей: посему нисколько неудивительно, что многіе изъ среды его еще заблаговременно предпочли отдѣлиться и выбрать своего особаго царя. Первымъ толчкомъ къ этому было, какъ думаетъ проф. Болотовъ, убійство законнаго, съ халдейской точки зрѣнія, царя Авиль-Мардука и вступленіе незаконнаго съ той же точки зрѣнія—Нериглиссора. Отложившіеся халдеи вступились за попранныя права своей династіи и присягнули другому сыну Навуходоносора—Валтасару, тому самому Валтасару, который еще при жизни самого Навуходоносора трактовался въ качествѣ его наслѣдника, какъ это можно видѣть изъ слѣдующихъ словъ плѣнныхъ іудеевъ къ своимъ іерусалимскимъ соотечественникамъ: «И молитесь о жизни Навуходоносора, царя вавилонскаго, и о жизни Валтасара, сына его, чтобы дни ихъ были, какъ дни неба на землѣ. И мы будемъ жить подъ покровомъ Навуходоносора, царя вавилонскаго, и подъ покровомъ Валтасара, сына его, и будемъ служить имъ много дней, и найдемъ милость у нихъ» (Варухъ **I**, 11—12). Вотъ этотъ-то самый Валтасаръ, нѣкогда бывшій наслѣдникъ халдейско-вавилонскаго царства, но почему-то обойденный въ пользу его брата—Авиль-Мардука, и занимаетъ теперь у халдеевъ тотъ самый престолъ, который принадлежалъ ему по праву. Къ халдейской партіи примкнула обширная провинція Елама, и «въ Сузахъ, престольномъ городѣ въ области Еламской» (Дан. **8**, 2), вновь избранный халдейскій царь—Валтасаръ, сынъ Навуходоносора, утверждаетъ свою резиденцію. Сюда къ нему стекаются всѣ недовольные вавилонскими узурпаторами и всѣ оставшіеся вѣрными законно царствующей династіи, въ главѣ съ пр. Даніиломъ, который, слѣдуя обычной практикѣ др. Востока, и самое свое счисленіе ведетъ по годамъ этого царствованія (Дан. **7**, 1; **8**, 1).

Мы, къ сожалѣнію, не знаемъ, какъ долго царствовалъ Валтасаръ; знаемъ только то, что онъ не оправдалъ надеждъ своихъ избирателей, такъ какъ больше занимался удовольствіями и пирами, чѣмъ дѣлами государства. И вотъ, послѣ одного изъ такихъ особенно разгульныхъ пировъ, соединенныхъ съ кощунственнымъ поруганіемъ іудейской святыни, таинственная рука огненнымъ перстомъ начертала на стѣнѣ будущую судьбу его царства, которая, по истолкованію пр. Даніила, предвѣщала рабство мидянамъ и персамъ. Въ ту же ночь былъ убитъ и самъ Валтасаръ [1]).

Съ убійствомъ Валтасара, хотя и не-

[1]) Обычно принято думать, что данный разсказъ кн. пр. Даніила (**5**, 1—31) относится къ исторіи завоеванія города Вавилона Киромъ. Но это—сплошное недоразумѣніе. Здѣсь ни разу не названъ ни Киръ, ни Вавилонъ; да и самое указаніе на то, что царство халдейское будетъ передано въ руки мидянъ и персовъ еще не даетъ основаній думать, что непремѣнно въ эту же самую ночь мидяне и персы должны были наступить на резиденцію Валтасара и подѣлить его царство: ни о союзномъ наступленіи мидянъ съ персами, ни тѣмъ болѣе о послѣдующемъ раздѣленіи добычи здѣсь нѣтъ ни слова; говорится же вообще о будущей и, быть можетъ, довольно отдаленной судьбѣ халдейскаго царства, именно объ его послѣдовательномъ переходѣ сначала въ руки мидянъ, а потомъ и персовъ. Мѣстомъ же происшествія даннаго пророчества, по всей вѣроятности, былъ городъ Сузы, гдѣ обычно жилъ Валтасаръ и гдѣ онъ въ ту же самую ночь безславно погибъ, быть можетъ, отъ руки одного изъ своихъ же разгоряченныхъ винными парами, сотрапезниковъ.

достойнаго, но все же законнаго царя, халдейская партія очутилась въ критическомъ положеніи: ей грозило двоякая опасность— или быть порабощенной сосѣдними мидянами, или подпасть вліянію Набунаида, царя враждебной для нихъ вавилонской партіи. Въ качествѣ выхода изъ него, халдеи предпочитаютъ добровольно отдаться въ руки мидянъ и признать своимъ царемъ шестидесятидвухълѣтняго мидійскаго царя Астіага, вѣроятно, не безъ тайной надежды на скорую его смерть и на возможность наступленія лучшихъ дней. Астіагъ, охотно принимаетъ предложеніе и подъ именемъ *Дарія Мидянина* становится царемъ халдейскимъ [1]). Вмѣстѣ со всѣмъ своимъ народомъ присягаетъ ему и пр. Даніилъ, начиная свое лѣтосчисленіе теперь уже по годамъ его царствованія (Дан. **9**, 1).

Царствованіе Астіага-Дарія было кратковременнымъ, такъ какъ вскорѣ же въ одной изъ незначительныхъ областей обширной халдейско-мидійской монархіи возсталъ грозный призракъ въ лицѣ талантливаго полководца—Кира (изъ провинціи Аншанъ, въ области Еламъ). Попытка Астіага усмирить отложившагося вождя закончилась полной побѣдой послѣдняго и онъ сталъ во главѣ новаго мидо-персо-халдейскаго царства, по годамъ котораго ведетъ уже теперь свои хронологическія записи и пр. Даніилъ (**II**, 1 и **10**, 1).

Завоевавъ значительную часть вавилонской монархіи, Киръ, однако, не сразу наноситъ ей рѣшительный ударъ, а подготовляется къ нему постепенно. Зато, когда онъ послѣ него идетъ войной на Набунаида, то легко овладѣваетъ Вавилономъ, о чемъ довольно подробно мы знаемъ изъ клинообразныхъ памятниковъ (цилиндръ Кира). Съ паденіемъ вавилонской монархіи, монархія Кира становится на ея мѣсто и вступаетъ въ новый, самый славный, періодъ своего историческаго существованія. Отсюда, время завоеванія Вавилона Киромъ и было тѣмъ первымъ годомъ его новаго царствованія, о которомъ говорится въ началѣ кн. пр. Даніила (**I**, 21), какъ о предѣлѣ его жизни и дѣятельности.

Такимъ образомъ, одна изъ труднѣйшихъ библейско-историческихъ проблеммъ— о личности В. и Д. М. и тѣхъ хронологическихъ затрудненіяхъ, которыя имѣются въ кн. пр. Даніила (**II**, 1, **10**, 1 и **I**, 21),— довольно удачно разрѣшается на фонѣ общей исторіи халдейско-вавилонскаго и мидо-персидскаго царства. Что же касается молчанія клинообразныхъ надписей о судьбахъ халдейской партіи, а кн. пр. Даніила—объ исторіи вавилонской, то разгадка этого лежитъ въ ихъ партійной односторонности; такъ что только путемъ взаимнаго восполненія двухъ этихъ источниковъ можетъ быть возстановлена полная картина послѣдняго, «смутнаго періода» халдейско-вавилонской исторіи.

Литература. *Unger*, «Kyaxares und Astiages» Abh. d. k. bayr. Akad. d. W. B. Ш. München, 1882. *Halevy*, «Balthasar et Darius le Mede». Revue sémitique, 1894. *Hagen*, «Keilschriftunkunden zur Geschichte der Königs Cyrus». Leipzig, 1891. *Th. Nöldeke*, «Autzätze zur persichen Geschichte» Leipzig, 1887. *Kautzch*, «Darius der Meder» in R. E. Herzog'a B. IV. Leipzig, 1898. *Vigouroux*, «Darius le Medth» in Dictionnaire de la Bible, fasc. XII, Paris, 1897. *Hogarth* «Authority and Archeology». London, 1899. Изъ русскихъ—превосходная монографія *В. В. Болотова* въ «Хр. Чт.» 1896, II, 279—341; а также нѣсколько замѣчаній въ кн. *А. Рождественскаго*, «Откровеніе Даніилу о семид. седьминахъ», Спб. 1896, и іером. *Платона*, «Древн. Востокъ при свѣтѣ божествен. откровенія», Кіевъ, 1898.
А. Покровскій.

Дарія св. муч. (сильная съ перс.) была жрицею въ храмѣ Минервы. Обращена въ христіанствѣ св. муч. Хрисанѳомъ, жила въ III вѣкѣ. Послѣ многихъ мученій была вмѣстѣ съ мученикомъ Хрисанѳомъ живою зарыта въ землю, гдѣ и скончалась. Мощи ихъ покоятся въ аббатствѣ св. Набора въ епископствѣ города Меца и въ Римѣ въ церкви св. 12 апостоловъ. *Память 19 марта.*

ДАРОХРАНИТЕЛЬНИЦА—одинъ изъ богослужебныхъ сосудовъ, въ которомъ хранятся запасные дары. Своимъ происхожденіемъ онъ обязанъ обычаю древней церкви оставлять часть евхаристическихъ даровъ для пріобщенія почему-либо не присутствовавшихъ въ храмѣ лицъ. Предназначенные для этой цѣли дары хранились или въ частныхъ домахъ, или же въ церкви.

---

[1]) То обстоятельство, что одно и то же историческое лицо носило два различныхъ имени— Астіага у мидянъ и Дарія у вавилонянъ, никого не должно особенно смущать, такъ какъ это вообще было въ обычаѣ древнихъ. Къ тому же можно допустить, что одно изъ этихъ именъ было нарицательнымъ (означало должность, на подобіе титуловъ: фараона, авимелеха и т. п.), а другое собственнымъ. См. у *Болотова*, «Хр. Чт.» 1896, II ч., 322—323.

О храненіи въ частныхъ домахъ свидѣтельствуетъ разсказъ Діонисія Александрійскаго о нѣкоемъ Серапіонѣ, для пріобщенія котораго дары были принесены ночью и притомъ не пресвитеромъ, такъ какъ онъ былъ боленъ, а мальчикомъ (Евсевій Ц. Ист. 6, 44). Не менѣе опредѣленно въ настоящемъ случаѣ и замѣчаніе Кипріана Кароагенскаго, что одна женщина, покусившаяся недостойными руками открыть ковчегъ свой, въ которомъ хранилась святыня Господня, была устрашена исшедшимъ оттуда огнемъ (О падшихъ). Въ храмѣ запасные дары хранились или въ особомъ помѣщеніи, называемомъ, какъ видно изъ 13 гл. VIII кн. Апостол. Постановленій и толкованія блаж. Іеронима на 40 гл. кн. пр. Іезекіиля, пастоѳоріемъ, или же при престолѣ. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ они помѣщались въ особомъ сосудѣ, имѣвшемъ видъ голубя. Происхожденіе подобныхъ сосудовъ очень древнее. О голубѣ упоминаетъ уже Тертулліанъ (Contra Valentian. cap. III), хотя трудно понять, какой смыслъ соединяется у него съ этимъ именемъ. Въ IV и V ст. извѣстіе о сосудѣ въ видѣ голубя встрѣчается уже у многихъ церковныхъ писателей. Такъ, Іоаннъ Златоустъ въ XIII бесѣдѣ къ антіохійскому народу и Седулій въ XII письмѣ называютъ тѣло Христа одѣтымъ Св. Духомъ, т. е. голубемъ, который служилъ Его символомъ, а Василій Великій полагалъ, по свидѣтельству своего біографа Амфилохія, третью часть освященнаго хлѣба въ золотого голубя, сдѣланнаго по его приказанію и повѣшеннаго надъ престоломъ (Balland. Acta Ss. Iun. II. 943). Двумя столѣтіями позднѣе антіохійскіе клирики обвиняли на константинопольскомъ соборѣ 536 г. своего епископа Севрея въ томъ, что онъ обратилъ въ свою пользу золотыхъ и серебряныхъ голубей, висѣвшихъ надъ крещальными источниками и надъ престоломъ (Harduini conciliorum t. II, p. 159). Сосуды въ видѣ голубя, предназначеннаго для подвѣшиванія, сохраняются и до сихъ поръ въ ризницахъ нѣкоторыхъ западныхъ церквей. Таковъ, напр., голубь, внутри золоченый, а снаружи эмальированный, церкви св. Назарія въ Миланѣ; таковъ же голубь изъ золоченой мѣди, видѣнный Мабильономъ въ одномъ изъ итальянскихъ монастырей. Въ то время какъ приведенныя свидѣтельства говорятъ о голубѣ, какъ объ отдѣльномъ сосудѣ для храненія евхаристическихъ даровъ, другія упоминаютъ о немъ въ связи съ башнею. Такъ, въ числѣ даровъ Константина Великаго базиликѣ Петра въ Римѣ встрѣчается «башня съ голубемъ изъ чистаго золота съ драгоцѣнными камнями въ 30 фунтовъ вѣсомъ» (Migne, VIII t., col. 815). По свидѣтельству библіотекаря Анастасія, папа Иннокентій (402—7) пожертвовалъ въ церковь Гервасія и Протасія «серебряную башню съ блюдомъ и позлащеннымъ голубемъ въ 30 фунтовъ вѣсомъ». Папа Иларій (461—468) пожертвовалъ въ Латеранскій баптистерій «башню серебряную съ золотымъ голубемъ», а св. Перпетуй, епископъ турскій (V в.), завѣщалъ священнику Амалярію «перистерій и голубя серебряныхъ». Что башни этого рода заключали въ себѣ освященные дары, это видно изъ словъ Григорія Турскаго, который, намекая на существованіе въ его время особаго обряда перенесенія и поставленія башни на престолѣ, говоритъ: «и беретъ діаконъ башню, которая заключаетъ въ себѣ тайну тѣла Господня» (De gloria martyrum, стр. 86). При этомъ, судя по вѣсу подарка Константина Вел. папѣ Иннокентію, башни были иногда довольно значительной величины. Въ этомъ случаѣ онѣ состояли, какъ думаютъ, изъ четырехъ колонокъ съ пустыми промежутками между ними и кровлею. Голубь съ заключающимися въ немъ освященными дарами привѣшивался тогда внутри башни, которая и называлась перистеріемъ. Иногда же и гораздо чаще башни были очень не велики и имѣли видъ закрытаго башнеобразнаго сосуда съ конусообразною крышкою. Въ этомъ случаѣ голубь помѣщался на крышкѣ и, вѣроятно, терялъ свое самостоятельрое значеніе, т. е. дары помѣщались не въ немъ, а во внутренности самой башни. Изображенія сосудовъ этой послѣдней формы встрѣчаются на нѣкоторыхъ очень древнихъ памятникахъ. Такъ, на одномъ древнемъ саркофагѣ, опубликованномъ Боттари, при ногахъ молящейся женщины помѣщенъ сосудъ, похожій на башню, на закругленной вершинѣ котораго находится голубь. Сосуды коничеекой формы съ голубемъ на крышкѣ можно видѣть также на одной изъ мозаикъ VI в. въ церкви св. Аполлинарія въ Равеннѣ.

Что касается русской церкви, то упоми-

ваніе о дарохранительницахъ встрѣчается еще въ памятникахъ домонгольскаго періода. Такъ, митрополитъ Георгій предписываетъ въ своемъ уставѣ держать запасные дары «въ стружцѣ», Нифонтъ — «въ сосудѣ». Отъ того же самаго времени сохранились упоминанія о такъ называемыхъ Сіонахъ или Іерусалимахъ, каковымъ именемъ назывались, какъ думаютъ, тѣ же дарохранительницы. Одинъ изъ такихъ Сіоновъ, принадлежащій св. Софіи Новгородской, былъ взятъ въ числѣ прочей добычи Всеславомъ Полоцкимъ (1066 г.), четыре другихъ устроены Андреемъ Боголюбскимъ—три для Владимірскаго собора и одинъ для Боголюбской церкви (Ипатьевская лѣтопись, стр. 412, 395 и 396. Изд. 2). Подобные Сіоны сохраняются и до настоящаго времени въ ризницахъ Московскаго Успенскаго собора и Новгородскаго Софійскаго, по два въ каждой. Всѣ четыре Іерусалима серебряные позолоченые и представляютъ собою какъ бы модели церквей. Поставляемые обыкновенно на престолъ, они носились въ большіе праздники на великомъ выходѣ за литургіею (Уставъ Новгородскаго Софійскаго Собора XVII в. № 399. *Горскій.* Описаніе рукопис. Московскаго Синод. биб. III, ч. 1, стр. 377—8). Общеупотребительною современною формою дарохранительницы является форма церкви башенки. *А. Петровскій.*

ДАУМЕРЪ Георгъ Фридрихъ, род. въ Нюренбергѣ, 1800 г.; въ мѣстной гимназіи увлекшись Гегелемъ, въ университетѣ эрлангенскомъ познакомившись съ Кантомъ и Шубертомъ, онъ вскорѣ примкнулъ къ Шеллингу, и, наконецъ, совершенно отвернувшись отъ богословія, посвятилъ себя, послѣ сдачи философскаго экзамена въ Мюнхенѣ, педагогической дѣятельности; въ 1822 г. былъ профессоромъ въ латинской школѣ, и въ 1827 г. въ гимназіи въ Нюренбергѣ. Болѣзненный и раздражительный, онъ вслѣдствіе разныхъ непріятностей по должности, именно, благодаря своему враждебному положенію къ христіанству, сложилъ, въ 1830 г., профессуру, и впослѣдствіи отправился во Франкфуртъ-на-Майнѣ и Кронталь, въ Таунсѣ, гдѣ онъ предавался ученымъ занятіямъ въ полномъ уединеніи. Тамъ онъ опять мало-по-малу сблизился съ христіанствомъ, но въ 1858 г. перешелъ въ Майнцѣ въ римско-католическую церковь, о каковомъ шагѣ сообщаетъ подробности въ своемъ сочиненіи: «Мое обращеніе» (1859); и до самой своей смерти, послѣдовавшей 14 дек. 1875 г., въ своей писательской дѣятельности исключительно вращался въ области мистики, магіи и демонологіи. Обладая одаренной, но неясной, фантастической головой, которая, еще до обращенія его въ римскій католицизмъ, своими странностями представляла для многихъ психологическую задачу, Д. своимъ обращеніемъ лишь закончилъ свои духовныя превратности. Его многочисленныя сочиненія, которыя отчасти появлялись псевдонимно, подъ именемъ доктора Амодея Оттокара и Евсевія Эммерана, подверглись заслуженному забвенію. Будучи самъ духовнымъ искателемъ приключеній, съ особеннымъ интересомъ отнесся онъ къ подкидышу Каспару Гаузеру, котораго онъ съ 1828 г. содержалъ и наставлялъ въ своемъ домѣ въ Нюренбергѣ, и старался и позже разъяснять любопытной и склонной къ скандаламъ толпѣ темный вопросъ о его происхожденіи, его сущности, его невинности и его терпѣніи.

ДАѲАНЪ, сынъ Еліава изъ колѣна Рувимова, вмѣстѣ съ братомъ своимъ Авирономъ возсталъ во главѣ съ левитомъ Кореемъ и его приверженцами въ количествѣ 250 человѣкъ и всѣхъ израил. колѣнъ противъ Моисея и Аарона, какъ представителей правительства и священства. Хотя возстаніе это было сдѣлано подъ предлогомъ, что весь народъ святъ и слѣдовательно не нужно особаго священства, но въ дѣйствительности оно исходило изъ зависти и обиды, что гражданская и духовная власть досталась не Рувимову колѣну, какъ повидимому слѣдовало бы по праву первородства (Числ. 16, 1—3). Въ эгоистическомъ самоослѣпленіи они очевидно не хотѣли знать, что Моисей и Ааронъ не самовольно захватили власти, а самимъ Богомъ избраны и поставлены были Богомъ посредниками между ними и Его народомъ, и слѣдов. возстаніе противъ нихъ было возстаніемъ противъ Господа Бога. Когда они на попытку Моисея показать имъ всю неправду ихъ притязаній отвѣчали съ гордостью и насмѣшкой, то заслуженно подверглись ужасному наказанію. Ихъ постигъ страшный судъ Божій: «разсѣлась земля подъ ними, и разверзла земля уста свои, и поглотила ихъ, и дома ихъ, и всѣхъ

людей Кореевыхъ, и все имущество ихъ, и погибли они изъ среды общества». А приверженцы ихъ были попалены огнемъ, вышедшимъ изъ земли (Числ. 16 гл.). Это ужасное наказаніе да послужитъ предостереженіемъ и для новѣйшихъ притязателей на всеобщее священство, каково большинство новѣйшихъ раціонал. сектъ.

ДВЕРИ въ иконостасѣ. Ихъ три: среднія, двойныя, называются «царскими» дверями или вратами (Тvпик. гл. 9 и 22) потому, что на литургіи чрезъ нихъ исходитъ Царь славы для напитанія вѣрныхъ Своимъ божественнымъ тѣломъ и Своею божественною кровію. Они называются также «святыми» (Тvпик. гл. 23) потому, что чрезъ нихъ выносятся св. дары и непосвященнымъ не дозволяется входить въ оныя, или «великими» (Послѣд. дня св. Пасхи, литург.), какъ по величинѣ ихъ, такъ и по величію благодатныхъ даровъ, которыхъ въ нихъ сподобляются вѣрные, и по великому знаменованію ихъ при богослуженіи, когда отверзаніе ихъ изображаетъ людямъ отверзстіе небеснаго царства. Наконецъ, они называются «дольними» дверями (Нов. Скриж. гл. 8, § 2). Двери налѣво отъ среднихъ называются сѣверными, а направо—южными, или діаконскими, въ виду того, что они ведутъ въ ту часть алтаря, гдѣ прежде устроялся діаконникъ, или сосудохранилище, а также и потому, что чрезъ нихъ обыкновенно возвращается въ алтарь діаконъ по окончаніи кажденія и эктеній. Объ отверзаніи и затвореніи царскихъ вратъ см. прот. *К. Никольскій*. Пособіе къ изуч. устава, 1900 г., стр. 47—81. Алтарныя двери (сѣверныя и южныя) должны быть съ замками (указ. Св. Синода 7 дек. 1830 г.). Всѣ *церковныя* двери должны открываться *наружу* (ук. Св. Син. 28 іюля 1864 г.).

Н. М.

Двуперстіе—форма сложенія пальцевъ правой руки для крестнаго знаменія архіерейскаго и іерейскаго благословенія, употребляемая нынѣ русскими раскольниками-старообрядцами. См. подъ слов. *Перстосложеніе*. *П. Смирновъ*.

ДЕБОЛЬСКІЙ Григорій Сергѣевичъ, протоіерей, родился въ 1808 г., образованіе получилъ въ духовной семинаріи и закончилъ въ с.-петербургской духовной академіи. По окончаніи образованія посвятилъ себя служенію церкви въ санѣ священника, былъ настоятелемъ Казанскаго собора и законоучительствовалъ въ разныхъ столичныхъ учебныхъ заведеніяхъ. Какъ опытный въ дѣлѣ преподаванія Закона Божія, былъ назначенъ помощникомъ наблюдателя за преподаваніемъ Закона Божія въ учебныхъ заведеніяхъ въ С.-Петербургѣ. Скончался въ 1872 г. Прот. Д. хорошо извѣстенъ въ богословской литературѣ. Нѣкоторыя изъ его сочиненій пользуются извѣстностью до настоящаго времени. Наиболѣе замѣчательны: «Дни богослуженія православной церкви» (Спб. 1840 г., 8-е изд. въ 1887 г.); «О необходимости и важности христіанскаго поведенія и послушанія православной церкви» (1849 г.); «О говѣніи по уставу православной церкви» (1850 г.); «О любви къ отечеству и труду, по ученію слова Божія» (1859 г.); «Попеченіе православной церкви о спасеніи міра» (1847—1857 гг.); «Краткое обозрѣніе богослужебныхъ книгъ» (1861 г.); «О пользѣ чтенія Библіи, сирѣчь книгъ Свящ. Писанія» (1863 г., посл. изд. 1897 г.); «Седмица говѣнія, исповѣди и причащенія» (посл. изд. 1897 г.); «Житія свв. Василія Великаго, Григорія Богослова и Іоанна Златоуста» (посл. изд. 1898 г.). Кромѣ того много статей литургическаго и вообще богословскаго содержанія помѣщено прот. Д. въ періодическихъ изданіяхъ, въ «Христіанскомъ Чтеніи», «Странникѣ» за разные годы и др. *Д.*

ДЕБОЛЬСКІЙ Николай Григорьевичъ, одинъ изъ видныхъ педагоговъ съ цѣльнымъ философскимъ міросозерцаніемъ. Сынъ извѣстнаго священника-писателя Григ. Серг., Д. родился въ 1842 г. въ Спб. Первоначально хотѣлъ посвятить себя горному дѣлу, для чего поступилъ въ горный институтъ, но впослѣдствіи перешелъ въ университетъ, гдѣ въ 1865 г. выдержалъ экзаменъ на кандидата естеств. наукъ. По окончаніи образованія Н. Г. посвятилъ себя литературной дѣятельности и педагогикѣ, проходилъ разныя педагогическія должности и между прочимъ читалъ лекціи по педагогикѣ на высшихъ петерб. педагог. курсахъ (въ концѣ 80-хъ г. и въ спб. духовн. академіи—по метафизикѣ, а также по логикѣ и психологіи (съ осени 1882 г. до весны 1887 г.). Въ то же время Д. не оставлялъ и литературныхъ трудовъ, продолжая сотрудничать въ періодическихъ изданіяхъ. Такъ съ 1869 по 1881 г. онъ сотрудничалъ въ «Педагогическомъ сборн. военно-учебн.. завед.»,

для котораго перевелъ «Руководство къ воспитанію и ученію» Бенеке и въ которомъ помѣстилъ много самостоятельныхъ статей по предметамъ педагогіи, философіи и отчасти по естествознанію. Таковы: «Обзоръ русскихъ переводныхъ философскихъ сочиненій, имѣющихъ связь съ вопросами педагогіи», «Психологія Герберта Спенсера», «Очеркъ исторіи новой англійской философіи», «Нѣмецкая философія въ послѣднія 50 лѣтъ» (одно введ.), «Философскія основы нравств. воспитанія» (отд. изд. 1880 г.), «Вопросъ о происхожденіи человѣка», «О подготовкѣ родителей и воспитателей къ дѣлу воспитанія дѣтей» (отд. изд. обѣ въ 1883 г.), «Мысли и замѣтки о нравственномъ воспитаніи» и др. Кромѣ того, сотрудничалъ въ «Семьи и Школѣ» (въ 70-хъ гг.); его статьи: «Знаніе или характеръ», «Основы психологіи» и др. Засимъ его статьи: «Наше вѣдомство и начальная школа» («Русск. Нач. Уч.» 1884 г.), «О коренныхъ недостаткахъ русской общеобразоват. школы», «Объ учебномъ планѣ русск. общеобразоват. школы» (обѣ представляютъ сообщеніе въ комм. по технич. образов., напеч. въ «Труд. пост. ком. по н. о. 1885—1886 г.), «О средствахъ воспитанія» («Ж. восп. и обуч.» 1890 г.), «О женскомъ образованіи» («Р. Шк.» 1890 г.) и др. По порученію комм. по техн. образ. написалъ «Обзоръ технич. учебныхъ заведеній въ Германіи и Австріи» (изд. 1881 г.); ему же принадлежатъ: «Введеніе въ ученіе о познаніи» (1870); «О діалектическомъ методѣ» ч. I (1872); «Философія будущаго» (1882); «О высшемъ благѣ» (1886); «Философія феноменальнаго формализма» (вып. I—1892; в. II—1895), и др.

Въ своихъ философскихъ умозрѣніяхъ Н. Гр. нерѣдко совершенно расходился съ господствующимъ направленіемъ, неизмѣнно защищая право метафизическаго умозрѣнія. Наиболѣе полно эта сторона воззрѣній имъ проведена въ соч. «Филос. фен. форм.» Къ вопросу о познаваемости первопричины всего, по нему, философія относится или положительно, или отрицательно, сообразно съ чѣмъ и философія бываетъ или эмпирическая, или метаэмпирическая; въ послѣднемъ случаѣ можетъ быть или реализмъ (метафизическій), когда первую причину характеризуютъ признаками, взятыми изъ содержанія нашего знанія, или формализмъ, когда руководствуются одними логическими формами. Съ своей стор. Д. примыкаетъ къ тому ученію, что для опредѣленія перваго начала возможенъ только одинъ путь—заключенія по нашимъ логическимъ, чисто духовнымъ элементамъ. Оно есть умъ, но умъ совершеннѣйшій, творческій. Что касается педагогическихъ взглядовъ Н. Г., то они въ сущности сводятся къ тому, что въ воспитаніи прежде всего и главнымъ образомъ необходимо обращать вниманіе на религіозно-нравственную сторону: характеръ гораздо важнѣе знанія; все зло нашего воспитанія вытекаетъ изъ той постановки его, по которой удѣляется слишкомъ много вниманія усвоенію теоретическаго, учебнаго матеріала съ забвеніемъ потребностей образованія духовнаго характера. Воспитаніе должно быть такъ поставлено, чтобы, пройдя школу его, каждый вышелъ въ готовности приступить къ выполненію своего общественнаго назначенія. Для каждой націи должна быть своя система воспитанія сообразно съ духомъ самой націи. Строить системы, примѣняясь къ какимъ-то общечеловѣческимъ планамъ, значитъ дѣлать непоправимую ошибку, такъ какъ никакихъ такихъ плановъ не существуетъ. Отсюда слѣдуетъ два вывода: съ одной стороны—классическая школа въ русской средѣ есть не болѣе, какъ навязываніе совершенно посторонняго и чуждаго элемента: то, что имѣетъ по историческимъ основаніямъ значеніе въ Зап. Европѣ, не можетъ имѣть смысла у насъ; съ другой стороны не совсѣмъ правильно приравнивать образованіе женщины къ мужскому: женщина призвана выполнять свое особое отъ мужского назначеніе въ общественной жизни, и ея воспитаніе должно быть сообразовано именно съ этимъ ея назначеніемъ.

О фил. Д. см. «Жур. М. Н. Пр.» 1900 г. апр., ст. *Ланге;* о педаг.—у *Демкова* въ Русск. педаг., въ главѣ о ея предст. М. 1898.

ДЕВАЙ Матѳей Биро, одинъ изъ наиболѣе выдающихся венгерскихъ реформаторовъ, род. въ деревнѣ Дева, въ Трансильваніи, въ концѣ XV или началѣ XVI в., и умеръ, вѣроятно, въ Дебредзинѣ, около 1547 г. Въ 1523 г. онъ учился въ краковскомъ университетѣ, гдѣ венгры изъ Трансильваніи и Тейсской долины составляли особую націю. Въ 1527 г. онъ сдѣлался римско-католическимъ священникомъ на своей родинѣ, но въ 1529 г. отправился въ Виттенбергъ, гдѣ пробылъ

въ теченіе полутора года въ домѣ Лютера. По возвращеніи домой, онъ сталъ проповѣдывать новое ученіе, сначала въ Офенѣ, затѣмъ въ Кашау, и издалъ два памфлета De sanctorum dormitione (Объ успеніи святыхъ), направленныхъ противъ почитанія святыхъ, а также болѣе систематическое изложеніе богословія реформатовъ— въ 52 положеніяхъ; эти два памфлета, однако, обращались только въ рукописныхъ спискахъ, потому что въ Венгріи дотолѣ не было печатнаго станка. По настоянію епископа Ѳомы Шалахази, онъ былъ арестованъ и содержался въ тюрьмѣ, сначала въ Ликалѣ, затѣмъ въ Пресбургѣ и наконецъ въ Вѣнѣ. Однако, вскорѣ былъ освобожденъ; но когда, немедленно вскорѣ послѣ своего освобожденія, онъ снова принялся за свое прежнее дѣло въ качествѣ проповѣдника новаго ученія, то былъ арестованъ опять, и содержался въ тюрьмѣ почти три года (1532 — 1534). Освобожденный во второй разъ, онъ поселился въ Сарворѣ, въ графствѣ Вашъ, подъ покровительствомъ графа Надасди, могущественнаго венгерскаго магната, который держалъ сторону реформаціи. Въ 1537 г. онъ опять посѣтилъ Виттенбергъ, и оттуда отправился въ Базель, гдѣ издалъ свое Disputatio и проч., опроверженіе Censurae и проч., которое Грегоръ Шегеди, провинціалъ францисканцевъ въ Венгріи и членъ Сорбонны, написалъ противъ его 52 положеній. По возвращеніи въ Сарваръ, онъ устроилъ тамъ печатню, и издалъ свою Orthographia Ungarica,—первую напечатанную въ Венгріи книгу и содержащую грамматику венгерскаго языка, а также извлеченіе изъ малаго катихизиса Лютера, написанное по-венгерски. Вполнѣ понимая, какого рода оружіемъ реформація вѣрнѣе всего можетъ одержать побѣду въ борьбѣ, онъ былъ также ревностнымъ учителемъ въ школѣ, которую основалъ въ Сарварѣ другой венгерскій реформаторъ, Іоаннъ Сильвестръ. Но этой просвѣтительной дѣятельности положенъ былъ внезапно конецъ нашествіемъ турокъ въ 1540 г. Д. бѣжалъ въ Швейцарію, и возвратился лишь въ 1542 г. Въ Швейцаріи онъ познакомился съ воззрѣніями Цвингли на евхаристію, и принялъ ихъ и открыто проповѣдывалъ, къ неудовольствію и смущенію Лютера и виттенбергскихъ реформаторовъ. Въ одинъ изъ послѣднихъ годовъ своей жизни онъ издалъ «Руководство для употребленія при религіозномъ преподаваніи въ школахъ». Руководство было написано на венгерскомъ языкѣ и, вѣроятно, напечатано въ Краковѣ. Онъ былъ также авторомъ весьма популярнаго гимна, въ которомъ излагаются основныя начала протестантской вѣры.

ДЕ-ВЕТТЕ (De-Wette)—извѣстный нѣмецкій богословъ, основатель такъ наз. въ библ. критикѣ *ми ической* школы. Сынъ паст. (род. 1780 г., умеръ 1849 г.), по окончаніи курса гимназіи въ Веймарѣ, гдѣ впервые получилъ интересъ къ археологіи (подъ вліяніемъ директора изв. археолога Беттихера), поступилъ въ іенскій университетъ, гдѣ слушалъ, между прочимъ, лекціи Грисбаха и Павлюса, изъ которыхъ послѣдній уже успѣлъ тогда прославиться попытками реціоналистическаго объясненія библейскихъ чудесъ. Эти попытки, однако, не удовлетворили Д.; онъ занялся исключительно литературной критикой различныхъ книгъ Св. Писанія. Въ 1805 г. онъ издалъ диссертацію о «Второзаконіи», утверждая, что оно не принадлежитъ автору другихъ частей «Пятокнижія». Ту же мысль, но полнѣе и обстоятельнѣе, онъ развилъ въ изданномъ въ слѣдующемъ году «Введеніи въ Ветхій Завѣтъ», которое смѣлостью своей критики произвело громадное впечатлѣніе. Д. высказываетъ здѣсь мнѣніе, сдѣлавшееся основнымъ принципомъ послѣдующей библейской критики,—именно, что для удостовѣренія въ подлинности священныхъ книгъ недостаточно однихъ внѣшнихъ свидѣтельствъ преданія, а необходима критика, основывающаяся на самомъ ихъ содержаніи.

Исходя изъ этого принципа, онъ пришелъ къ отрицанію Моисеева происхожденія «Пятокнижія», взятаго въ цѣломъ. Оно составляетъ въ его глазахъ національную эпопею еврейскаго народа и состоитъ изъ отрывковъ, соединенныхъ въ одинъ сборникъ въ различныя времена и различными авторами. Такъ, по его мнѣнію, авторъ, издавшій книгу «Левитъ», жилъ позже того, который издалъ книгу «Исходъ», а отрывки, составившіе книгу «Числъ», были собраны еще позже. Самою позднею частью «Пятокнижія» Д. считаетъ «Второзаконіе», изданною уже незадолго до плѣна вавилонскаго, въ царствованіе царя іудейскаго Іосіи. Наиболѣе древніе фрагменты Пято-

книжія, по мнѣнію Д., восходятъ не далѣе эпохи царя Давида. Въ 1807 г. Д. былъ назначенъ профессоромъ богословія въ Гейдельбергѣ. Тамъ онъ издалъ свой комментарій на псалмы, въ которомъ отрицалъ подлинность многихъ приписываемыхъ Давиду псалмовъ и такъ наз. мессіанскіе псалмы объяснялъ соотношеніемъ съ современными имъ событіями. Въ 1810 г. Д. приглашенъ былъ въ новооткрытый тогда берлинскій университетъ, гдѣ встрѣтился съ Шлейермахеромъ. Религія чувства, которую проповѣдывалъ послѣдній, нашла горячее сочувствіе въ Д., который оставался человѣкомъ глубокорелигіознымъ. Въ Берлинѣ Д. написалъ лучшее свое ученое изслѣдованіе — «Beiträge zur histor. Kritik. Einleitung in d. Alte Testament», выдержавшее при его жизни 7 изданій. Находя, что въ священныхъ книгахъ евреевъ, какъ и въ національныхъ лѣтописяхъ другихъ народовъ, не все можетъ считаться исторически достовѣрнымъ, онъ утверждалъ, что въ нихъ важную роль играетъ миѳологія. До сихъ поръ не потеряло значенія составлен. Д. «Lehrbuch d. hebräisch-jud. Archeologie» (1814, 4 изд. 1864 г.). Какъ бы самъ испугавшись слѣпости своихъ критическихъ сужденій касательно св. книгъ, Д. долго не рѣшался приложить ихъ къ книгамъ Новаго Завѣта и старался найти въ религіозной философіи опорный пунктъ для примиренія знанія и вѣры. Съ этою цѣлью онъ тщательно изучалъ Гегеля. Но критическая тенденція взяла свое, и въ 1826 г. явилось «Einleitung in d. Neue Testament», отличающееся совершенно тѣми же критическими пріемами. Д. отрицаетъ подлинность нѣкоторыхъ новозавѣтныхъ книгъ, между прочимъ Евангелія отъ Іоанна. Въ изданномъ позже «Egsegetiches Handbuch zum Neuen Testament» онъ хотя и старался опровергать «Жизнь Іисуса» Штрауса, но уже окончательно сталъ на почву миѳизма. Д. написалъ еще много другихъ сочиненій, въ томъ числѣ два дидактическихъ романа въ которыхъ онъ старался въ легкой формѣ изложить свои идеальныя воззрѣнія на религію. Послѣдніе годы своей жизни Д. былъ профессоромъ въ Базелѣ. Разладъ между убѣжденіями критическаго ума и требованіями религіознаго сердца выразился всего яснѣе въ стихотвореніи, найденномъ въ его бумагахъ послѣ его смерти. Оно начинается словами: «Я сѣялъ сѣмя, но гдѣ жъ теперь созрѣвшая нива». А за годъ до смерти въ предисловіи къ толкованію Апоколипсиса писалъ, выражая увѣренность, «что нѣтъ спасенія ни въ какомъ другомъ имени, какъ имени Іисуса Христа распятаго, и для человѣчества нѣтъ ничего выше, какъ осуществленное въ немъ богочеловѣчество и насажденное имъ царство Божіе».

Д. пользуется значительною извѣстностью и въ нашей богословской литературѣ, которая, при всемъ отрицательномъ отношеніи къ нему, не могла не оцѣнить его превосходной библейской археологіи.

Жизнь и дѣятельность Де-Ветте была предметомъ многихъ монографій, изъ которыхъ можно назвать: *Шенкеля*, 1849; *Гагенбаха*, Лейпцигъ, 1850; *Липсіуса*, Prot. Kirchenz. 1880 и др. См. Энц. Сл. Брокгауза и Ефрона подъ сл. Де-Ветте. *А. Л.*

ДЕВОРА (пчела) — библейско-историческое имя нѣсколькихъ ветхозавѣтныхъ женщинъ, среди которыхъ особенною извѣстностью пользуется Д. пророчица и судья. Вскорѣ послѣ поселенія евреевъ въ Палестинѣ пылъ ихъ воинственности и религіознаго одушевленія остылъ; они ослабѣли политически, и окружающіе народы стали жестоко мстить имъ за ихъ недавнее торжество. Особенно жестоко было угнетеніе со стороны хананейскаго царя Іавина, который успѣлъ составить союзъ изъ мелкихъ хананскихъ племенъ, разбилъ разрозненныя силы Израиля и наложилъ на него тяжелое иго, особенно на сѣверныя колѣна. Избавительницей отъ зла выступила Д. Она жила между Рамой и Веѳилемъ, къ с. отъ Іерусалима, и уже раньше пользовалась громкой славой пророчицы. На ея призывъ отозвались израильтяне разныхъ колѣнъ, и во главѣ образовавшихся дружинъ она поставила воина Варака. Но даже мужественный Варакъ смутился отъ такого порученія; тогда Д. лично явилась среди угнетенныхъ колѣнъ и пробудила энтузіазмъ въ народѣ, который сталъ быстро стекаться подъ ея знамя. Скоро составилось многочисленное войско, которое заняло сильную позицію на горѣ Ѳаворъ. Предводитель хананеевъ, Сисара, гордый своими желѣзными колесницами, повидимому пренебрежительно отнесся къ плохо вооруженному еврейскому ополченію; оно ринулось съ горы на неподготовленнаго

врага и сразу обратило его въ безпорядочное бѣгство, во время котораго большинство вражескаго войска погибло въ волнахъ разлившагося потока Кисонъ. Сисара бѣжалъ на сѣверъ, но погибъ отъ руки кенеянки Іаили, у которой онъ хотѣлъ скрыться въ шатрѣ. Эта знаменитая побѣда, послѣ которой Израиль наслаждался миромъ и благоденствіемъ въ теченіе сорока лѣтъ, воспѣта была Д. въ восторженномъ гимнѣ, представляющемъ одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ образчиковъ ветхозавѣтной поэзіи. Д. была женщина замужняя; сохранилось и самое имя ея мужа—Лапидоѳъ. Исторія подвига Д. излагается въ Книгѣ Судей, главы IV и V.

ДЕЗИДЕРІЙ, епископъ вьеннскій, извѣстенъ по перепискѣ съ своимъ современникомъ папой Григоріемъ Великимъ. Папа жалуется, что онъ не можетъ исполнить его просьбы о присылкѣ палліума, такъ какъ права вьеннской епископіи на него не могутъ быть доказаны, но предлагаетъ ему, съ своей стороны, произвести надлежащее разслѣдованіе въ собственномъ архивѣ. Въ другой разъ, онъ порицаетъ епископа за чрезмѣрное занятіе свѣтскими науками, такъ какъ непристойно, «чтобы изъ однихъ устъ исходили слова Христа и слова Юпитера» (*Минь,* Патрологія, **9**, 112; **11**, 54 и др.). Позже Д. подвергся изгнанію, и на шалонскомъ соборѣ (603) былъ объявленъ лишеннымъ епископскаго сана. Насколько такое рѣшеніе епископовъ было вынужденнымъ, неизвѣстно. Во всякомъ случаѣ, повидимому, при этихъ событіяхъ, какъ и при послѣдовавшей, чрезъ нѣсколько лѣтъ позже, насильственной смерти епископа, главной причиной была управлявшая въ Бургундіи Брунигильда. Д. былъ одною изъ жертвъ этой средневѣковой Иродіады, какъ объ этомъ по крайней мѣрѣ свидѣтельствуетъ Адонъ въ своемъ Мартирологѣ.

ДЕИЗМЪ. Этотъ терминъ употреблялся въ весьма различныхъ значеніяхъ и доселѣ за нимъ не утвердилось точнаго и общепринятаго смысла. Впервые онъ былъ введенъ въ сферѣ религіозной, а не философской. Деистами въ XVI ст. стали называть социніанъ, отвергавшихъ догматъ Троичности и Божество Іисуса Христа. Въ XVII—XVIII стол. цѣлый рядъ англійскихъ мыслителей получилъ наименованіе деистовъ, но объединяющимъ началомъ между ними является только признаніе безграничныхъ правъ разума, при чемъ однихъ разумъ приводилъ къ вѣрѣ въ сверхразумныя тайны откровенія (Локкъ), другихъ къ отрицанію чудесъ (Тиндаль), третьихъ къ чистому пантеизму (Толандъ). Самуилъ Кларкъ (1675—1729) въ разсужденіи о *бытіи и свойствахъ Божіихъ* (т. II, гл. II) пытался установить четыре типа деистовъ: 1) признающіе Бога, но отрицающіе провидѣніе; 2) признающіе Бога и провидѣніе, но отрицающіе существованіе всякихъ иныхъ законовъ и обязанностей, кромѣ установленныхъ самими людьми; 3) признающіе Бога, провидѣніе и обязанности, но отрицающіе возмездіе; 4) признающіе и возмездіе, но отрицающіе принципъ авторитета и Откровеніе. Кантъ (въ Критикѣ чистаго разума) совершенно произвольно опредѣлилъ деиста, какъ мыслителя, который подъ первымъ принципомъ всего мыслитъ безконечную силу, имманентную матеріи и слѣпую причину всѣхъ явленій. Въ новое время нѣкоторые терминъ Д. стали сближать съ теизмомъ. Въ Книгѣ премудрости Соломона, въ Сивиллиныхъ книгахъ (іудейской сивиллы) хотѣли видѣть Д. Но преимущественно подъ Д. понимаютъ: 1) признаніе естественной религіи съ отрицаніемъ необходимости или дѣйствительнаго существованія религіи сверхъестественной (откровенной) и 2) признаніе Бога, сотворившаго міръ, но не промышляющаго о немъ. Представителемъ первой формы Д. можетъ быть названъ Гербертъ Черберн (1581—1646). Онъ изложилъ свои религіозныя воззрѣнія въ двухъ сочиненіяхъ: De veritate и De religione gentilium. Всѣмъ людямъ, по Герберту, прирождены нѣкоторыя положенія, содержащія въ себя непререкаемую истину. Это—notitiae communes. Они характеризуются слѣдующими чертами: 1) общепризнанностію,—то, что въ здравомъ умѣ всѣми людьми и всегда считалось и считается истиннымъ, не можетъ быть ложнымъ; 2) первичностью или, такъ сказать, непосредственностію,—такъ, напримѣръ, насъ поражаетъ красота чего-нибудь при первомъ впечатлѣніи независимо отъ анализа изящнаго предмета; 3) независимостью и непроизводностью; 4) непосредственной убѣдительностію. Въ сферѣ религіозной Гербертомъ признаны слѣдующія notitiae communes: 1) Есть высшее существо (numen supremum). Ему всѣми приписываются

вѣчность, всемогущество, премудрость, благость, блаженство и т. д. 2) Это высшее существо всѣ обязаны почитать за получаемыя отъ Него благодѣянія. Это почитаніе—мысленное или выраженное въ обрядахъ—и есть религія. 3) Лучшее богопочитаніе состоитъ въ добродѣтели въ связи съ благочестіемъ. 4) Человѣку врождено отвращеніе ко злу и отсюда вытекающее убѣжденіе, что всякое совершенное прегрѣшеніе нужно исправлять раскаяніемъ. Утверждать, что человѣкъ лишенъ возможности умилостивить божество, если онъ разгнѣвалъ его своими пороками и преступленіями, значитъ богохульствовать, потому что, такимъ образомъ, отрицается его благость. 5) Существованіе наше не кончается земною жизнію, за нею наступаетъ справедливое возмездіе за наши дѣйствія. Въ этомъ не только согласны всѣ религіи, но убѣждаетъ и непосредственное сознаніе и голосъ совѣсти. Атеизмъ Гербертъ разсматриваетъ или какъ видъ безумія, или какъ протестъ противъ недостойнаго представленія божества. Подобныя представленія, по его мнѣнію, возникли вслѣдствіе постепеннаго смѣшенія созданія съ создателемъ, каковому смѣшенію много содѣйствовали жрецы, законодатели и философы. Возможности откровенія Гербертъ не отрицаетъ (онъ даетъ понять, что самъ напечаталъ свою книгу De veritate лишь послѣ полученія одобрительнаго божественнаго знаменія), но откровеніе, полученное однимъ, по его взгляду, никогда не можетъ быть обязательно для другого. Другая форма Д. является очень распространенной съ XVIII в., но она никѣмъ не изложена въ видѣ строгой и послѣдовательной системы. Д. XVIII в. во Франціи былъ нѣкоторымъ посредствующимъ началомъ между атеизмомъ и теизмомъ. Д. признавалъ, какъ и теизмъ, бытіе Божіе, но помѣщалъ Бога, какъ Эпикуръ, въ какую-то трансцендентную пустоту и вмѣстѣ съ атеизмомъ стремился все происходящее въ мірѣ объяснять исключительно изъ естественныхъ причинъ. Деистами (но не въ строгомъ смыслѣ) называли Вольтера и Руссо. Деистомъ (опять-таки съ ограниченіями) можетъ быть названъ Кантъ. Порою можетъ быть Д. былъ лицемѣрящимъ атеизмомъ. Дарвинъ говорилъ, что онъ не поднимаетъ вопроса о бытіи Божіемъ,—вопроса, рѣшеннаго столькими великими умами, но что изъ того, что существуетъ Богъ, не слѣдуетъ, чтобы онъ вмѣшивался въ земныя дѣла. Деистами въ сущности являются богословы раціоналистическаго направленія. Они говорятъ о Богѣ, Христѣ, божественной любви, но они отрицаютъ откровеніе, чудеса, пророчества. Они отрицаютъ сверхъестественный промыслъ, но это значитъ, что они отрицаютъ всякій промыслъ, потому что промыслъ вообще состоитъ или въ сверхъестественномъ улучшеніи бытія, или въ сверхъестественномъ исправленіи разстроеннаго конечными тварями міровового порядка. Иногда и теперь именемъ Д. называютъ ученія пантеистическія и близкія къ атеизму. *Критика Д.* Поскольку Д. сближаютъ и отождествляютъ съ другими ученіями (пантеизмомъ, теизмомъ), постольку все, что говорятъ противъ или за эти ученія, направляется противъ или за Д. Самостоятельнымъ философскимъ направленіемъ является Д., какъ ученіе, отрицающее историческое откровеніе и—еще шире—промыслъ вообще. Доводы, утверждающіе неосновательность такого отрицанія, и направляются противъ Д. въ въ собственномъ смыслѣ. Д. отрицаетъ значеніе историческаго откровенія. Но мы имѣемъ передъ собою несомнѣнный фактъ, что человѣкъ обыкновенно оказывается неспособнымъ выработать своими единоличными усиліями возвышенныя нравственныя понятія и монотеистическія представленія. Слѣдовательно, ему нужна помощь, откровеніе. Съ другой стороны непосредственное откровеніе и по существу не должно быть доступно грѣшникамъ и затѣмъ, если сверхъестественное средство можетъ быть замѣнено естественнымъ, то мы обыкновенно и мыслимъ, что должно быть употреблено средство послѣдняго рода. Историческое откровеніе сообщается людямъ изъ поколѣнія въ поколѣніе естественнымъ образомъ. Сверхъестественное поражаетъ и устрашаетъ. Естественное всегда можетъ быть предметомъ спокойнаго и хладнокровнаго изслѣдованія. Такъ, люди спокойно могутъ размышлять о содержаніи историческаго откровенія и рѣшать своей совѣстью и разумомъ, имѣетъ ли оно сверхъестественное или естественное происхожденіе. Поэтому должно признать, что нужно именно историческое откровеніе. И тотъ, кто вѣритъ въ возможность откровенія вообще, въ возможность промысла,

вотъ долженъ признать и фактъ существованія историческаго откровенія. Но радикальный Д. отрицаетъ и промыслъ. Это отрицаніе, если его проводить послѣдовательно, должно вести и къ отрицанію прогресса, и къ отрицанію надежды на торжество добра. На чей счетъ совершается духовный подъемъ человѣчества? Прогрессъ противорѣчилъ бы закону причинности, если бы не было провидѣнія. Затѣмъ, если бы человѣческая свобода не регулировалась божественнымъ провидѣніемъ, то зло разросталось бы и разросталось бы въ мірѣ. Естественный фактъ есть тотъ, что каждое совершенное зло должно расти и развиваться естественнымъ порядкомъ. Это давно подмѣтили поэты. Неприглашеніе Эриды на свадьбу Пелея влечетъ за собою споры богинь, похищеніе Елены, троянскую войну. Убіеніе Макбетомъ Дункана влечетъ за собою со стороны перваго новый рядъ ужаснѣйшихъ злодѣяній и побуждаетъ его всю Шотландію наполнять кровью. Сердце человѣка должно бы было наполниться отчаяніемъ при представленіи, что не существуетъ никакой высшей силы, противоборствующей росту зла. Но дѣйствіе этой благой силы открывается вездѣ въ исторіи, и человѣкъ живетъ вѣрою въ торжество добра, т. е. вѣрою въ провидѣніе. Величайшее благо человѣка состоитъ въ любви къ тому и въ общеніи съ тѣмъ, кто наиболѣе вызываетъ любовь, въ богообщеніи. Д. удаляетъ человѣка отъ Бога, отнимаетъ созданіе отъ Создателя, сына лишаетъ Отца. Не молись Богу, не проси Его, говоритъ Д., но молиться можно только Богу и только молитва и данная свыше, а не самоизмышленная, религія могутъ дать истинное успокоеніе и усладу страждущему сердцу.

О Д. смотри: *Lechler*'a—Geschichte des englischen Deismus. *Sayons*'a—Le deisme anglais, *Орбинскаго* — Англійскіе деисты XVII и XVIII вв., *Кудрявцева-Платонова* — Деизмъ (Сочиненія. Т. II. вып. 3). *С. Глаголевъ.*

ДЕИСУСЪ—икона, изображ. І. Христа въ царскомъ или архіер. облаченіи, по правую Его сторону—Б. Матерь, а по лѣвую—Іоанна Предт.: иногда — три отдѣльныя иконы съ тѣми же священными изображеніями. Обыкнов. ставится въ 3 ярусѣ иконостаса, надъ иконою «Тайная вечеря». Такое названіе произошло, по предположенію, отъ того, что подъ этою иконою молитва подписывалась по-гречески: деисисъ (δέησις) и не знающіе греч. языка стали принимать это слово за названіе иконы (Церк. словарь прот. *Алексѣева*); кромѣ того, названіе могло получиться и отъ того, что Б. Матерь и Іоаннъ Предтеча изображаются въ состояніи молитвеннаго обращенія ко Господу. Иногда Д. называется весь рядъ иконъ, въ которомъ помѣщенъ Д. (Описаніе Софійск. Вологод. Соб. Изв. Импер. Археол. Общ. т. II, 1859 г., вып. 1, стр. 57). Наконецъ, Д. назывался и цѣлый многоярусный иконостасъ. Напр., въ описи Моск. Благов. собора сказано: «а Д.—три тябла (яруса), на первомъ 36 образовъ, въ другомъ тяблѣ 20 праздниковъ, въ третьемъ 8 образовъ пророковъ» (Памятн. моск. древн. *И. Снѣгиревъ*, М. 1845 г., примѣч. стр. 6; прот. *К. Никольскій*, Пособіе къ изуч. устава, 1900 г., стр. 24 прим.). *Н. М.*

ДЕЙСМАНЪ А., преемникъ Гольстена по каѳедрѣ въ Гейдельбергѣ, началъ свою ученую карьеру трудомъ о новоз. формулѣ «во Христѣ Іисусѣ» (1892 г.), гдѣ излишне настаивалъ на «мѣстномъ» оттѣнкѣ совключенія вѣрующихъ въ Господа Искупителя, но вообще глубоко и всесторонне выяснилъ богословское содержаніе данной комбинаціи. Эти занятія раскрыли автору важность изученія новозавѣтной терминологіи, и отселѣ на ней Д. сосредоточивается преимущественно (если не считать мелкихъ трактатовъ, наприм. «Іоаннъ Кеплеръ и Библія» 1894 г.). Въ этой именно области Д. и снискалъ почетное имя. Главнѣйшіе труды здѣсь слѣдующіе: «Библейскія изысканія» (Bibelstudien. 1895 г.); «Новыя библейскія изысканія» (1897 г.); «Современное состояніе и дальнѣйшія задачи изученія греческой Библіи въ филологическомъ отношеніи» (1898 г.), объ эллинистическомъ греческомъ языкѣ съ особеннымъ вниманіемъ къ библейскому — обстоятельный отчетъ въ 7 томѣ 3 изд. (1889 г.) «Энциклопедіи» Герцога-Гаука. Третій трактатъ изданъ по-русски въ «Христ. Чт.» 1898 г., IX, 365—400, съ введеніемъ и дополненіями переводчика, а два первыя сочиненіе вмѣстѣ выпущены (въ 1901 г.) по-англійски (въ переводѣ A. Grieve) подъ наблюденіемъ автора и съ его прибавленіями. Д. нѣсколько преувеличенно сглаживаетъ особенность библейскаго (LXX т. и Н. З.) языка, почитая его рядовымъ

явленіемъ въ исторіи развитія греческой рѣчи, но несомнѣнно, что теперь онъ больше и успѣшнѣе другихъ работаетъ надъ систематическою обработкой новозавѣтныхъ писаній съ филологической стороны при неизмѣнномъ соотношеніи съ задачами историческаго и экзегетическаго ихъ освѣщенія.

Н. Г.

ДЕЙЧЪ Эммануилъ-Оскаръ-Менагемъ, выдающійся оріенталистъ: сынъ еврейскихъ родителей: род. въ 1829 г., въ прусской Силезіи; ум. въ Александріи, въ Египтѣ, въ 1873 г. Его дядя, ученый раввинъ, далъ ему первонач. образованіе, и затѣмъ онъ учился въ Берлинѣ. Съ 1855 г. до своей смерти онъ былъ помощникомъ библіотекаря въ Британскомъ музеѣ въ Лондонѣ. Онъ писалъ статьи въ Энциклопедію Чамберса, участвовалъ въ Библейскихъ Словаряхъ Китто и Смита, а также и въ разныхъ другихъ періодическихъ изданіяхъ. Съ самаго дѣтства онъ тщательно изучалъ Талмудъ, и намѣревался писать большое изслѣдованіе о немъ. Въ окт. 1867 г. онъ напечаталъ статью: «Талмудъ» въ Quarterly Review. Статья эта сразу прославила его, и быстро была переведена на французскій, нѣмецкій, русскій, шведскій, голландскій и датскій языки. Но тяжелый трудъ надорвалъ его силы: онъ заболѣлъ и вскорѣ умеръ. Онъ дважды посѣщалъ Востокъ, въ 1869 и 1872 гг. Кромѣ великолѣпнаго знанія еврейскаго языка, Д. основательно зналъ также санскритскій, халдейскій, арамейскій и финикійскій языки. Его посл. труды, изданные г-жей Странкфордомъ, съ присоединеніемъ краткаго очерка его жизни, вышли въ Лондонѣ и Нью-Іоркѣ, въ 1874 г.

ДЕКАНЫ — особыя должностныя лица восточной церкви, введенныя, по предположенію, въ послѣдніе годы царствованія Константина Вел. Въ Константинополѣ ихъ было цѣлое общество, простиравшееся при Константинѣ В. и Констанціѣ до 1,100 ч.; при Аркадіѣ и Ѳеодосіѣ—до 950, при Анастасіѣ—снова до 1,100 чел. Въ другихъ церквахъ, хотя и не въ такомъ количествѣ, они все-таки существовали. Такъ, Василій діаконъ, жалуясь Валентиніану на насилія, чинимыя въ Ефесѣ Діоскоромъ, говоритъ: «онъ приказалъ схватить насъ толпѣ декановъ» (Acta Conc. Ephes. p. 139). Обязанности ихъ состояли преимущественно въ погребеніи бѣдныхъ, безродныхъ и казненныхъ, а также и вообще въ наблюденіи за благоприличіемъ всякихъ похоронъ. Считаясь въ клирѣ, Д. были освобождены отъ всякихъ повинностей и пользовались доходами отъ нѣкоторыхъ лавокъ и гостинницъ, освобожденныхъ отъ всякихъ торговыхъ пошлинъ. Но допускаемыя общиной декановъ злоупотребленія и небрежность въ исполненіи своей главной обязанности заставили Ѳеодосія Вел. и Юстиніана значительно ограничить ихъ права и преимущества (Іер. *П.* О должн. и учрежд. вост. церкви. Спб. 1857 г., стр. 91—93). *Н. М.*

Въ настоящее время должность декана удержалась (хотя и въ совершенно иномъ видѣ) въ церкви р.-католической, въ нѣкоторыхъ евангелическо-лютеранскихъ общинахъ, а также въ университетахъ. При этомъ нужно различать между деканами капитуловъ, деканами окружными и монастырскими. Во главѣ соборнаго капитула, первымъ послѣ епископа былъ, какъ еще и доселѣ бываетъ, обыкновенно пробстъ (архидіаконъ), и за нимъ слѣдуетъ архипресвитеръ или Д., — такъ это, напр., въ римско-катол. Пруссіи и Баваріи; въ Ганноверѣ, напротивъ, въ небольшихъ нѣмецкихъ союзныхъ городахъ пробста совсѣмъ нѣтъ, и во главѣ капитула стоитъ Д. Эти капитульные деканы при отправленіи обычныхъ священнич. требъ, въ каѳедральномъ соборѣ замѣняютъ епископа, а въ пастырствѣ, слѣдовательно, суть помощники епископа. Отъ нихъ нужно отличать такъ называемыхъ сельскихъ декановъ, decani rurales. Они состоятъ помощниками епископа во внѣшнемъ управленіи діоцезомъ внѣ каѳедральной церкви. Они называются также архипресвитерами, въ отличіе отъ подчиненныхъ имъ пресвитеровъ, и ихъ преимущество основывается, съ церковно-исторической точки зрѣнія, на томъ, что ихъ церкви, при расширеніи епископскихъ діоцезовъ на провинцію, дѣлались главными церквами, какъ находящіяся въ болѣе значительныхъ деревняхъ или мѣстечкахъ. Обыкновенно надзору сельскаго Д. подлежатъ десять церквей, и такой округъ называется деканіей или христіанитетомъ. Должность сельскихъ декановъ состоитъ, прежде всего, въ надзорѣ за подчиненными имъ духовенствомъ и паствой, а также и въ посредничествѣ между епископомъ и сельскими общинами. Они

должны объѣзжать свой округъ и доставлять свѣдѣнія епископу, занимаютъ предсѣдательскія мѣста въ собраніяхъ духовенства, имѣютъ нравственный надзоръ надъ общинами, и ихъ управленію и попеченію ввѣрено церковное имущество; напротивъ, судныя дѣла не подлежатъ ихъ компетенціи. Къ сельскимъ деканамъ обыкновенно обращается и государство съ своими распоряженіями. Въ мужскихъ монастыряхъ второе должностное лицо послѣ аббата также носитъ названіе декана. Въ англиканской церкви во главѣ подчиненныхъ епископамъ капитуловъ также стоятъ деканы (deans), которымъ принадлежатъ не только епископскія функціи въ душепастырствѣ, но и полная юрисдикція. Деканъ королевской капеллы въ Сентъ-Джемсѣ и Виндзорѣ занимаетъ среди англиканскаго придворнаго духовенства (числящаго въ себѣ около ста лицъ), рядомъ съ великимъ милостынникомъ, самое выдающееся положеніе, и должность такого Д., между прочимъ, занималъ извѣстный и у насъ англійскій писатель богословъ Фарраръ. Кое-гдѣ деканаты сохранились и въ протестантскихъ церквахъ, особенно тамъ, гдѣ сохранилась хотя тѣнь епископскаго управленія, какъ напр. въ Даніи.

Въ XIV вѣкѣ должность Д. установлена была и въ университетахъ. Во главѣ каждаго факультета стоитъ Д., который хранитъ факультетскую печать, скрѣпляетъ постановленія и важнѣйшія дѣла внутри факультета, руководитъ испытаніями ищущихъ академическихъ степеней и выдаетъ дипломы. Д. же опредѣляетъ и предметы, часы лекцій, и наблюдаетъ за ихъ исполненіемъ. Д. обыкновенно избирается изъ числа ординарныхъ профессоровъ, и считается помощникомъ ректора. Изъ западныхъ университетовъ должность Декана перешла и въ наши университеты.

ДЕКАРТЪ Рене считается отцомъ новой философіи. Род. въ 1596 г., воспитывался въ іезуитской коллегіи La Flèche, изъ которой вынесъ твердую вѣру въ Бога и отвращеніе къ преподаваемой тамъ схоластикѣ. Д. не любилъ шума, житейскихъ бурь и волненій, онъ любилъ лишь meditationes и если и experementa, то только научныя. Но онъ началъ самостоятельную жизнь по обычаю людей своего сословія (онъ принадлежалъ къ знатной туренской фамиліи) и своего времени; служилъ въ военной службѣ и участвовалъ въ походахъ и сраженіяхъ. Но и въ эту пору онъ бо́льшую часть времени посвящалъ занятіямъ математикой и физикой и философскимъ размышленіямъ. Имъ начиналъ тогда овладѣвать философскій скептицизмъ, сомнѣніе въ возможности достовѣрнаго познанія, и онъ далъ обѣтъ (который впослѣдствіи и исполнилъ) совершилъ путешествіе для поклоненія лоренской мадоннѣ въ Италію, если найдетъ критерій достовѣрности. Оставивъ военную службу въ 1625 г., онъ поселился сначала въ Парижѣ, затѣмъ переѣхалъ въ Голландію, гдѣ постоянно мѣнялъ мѣсто своего жительства, совершалъ онъ и путешествія по Европѣ. Онъ хотѣлъ быть отшельникомъ въ міру, котораго бы никто не тревожилъ и который бы могъ всецѣло отдаться научнымъ и философскимъ изысканіямъ. Но друзья находили его въ его уединенныхъ убѣжищахъ, и онъ пытался скрываться отъ нихъ въ новыхъ убѣжищахъ. Вообще онъ страдалъ и отъ друзей, и отъ враговъ: первые мѣшали ему заниматься, вторые заставляли его опасаться опубликовывать результаты своихъ занятій. Подъ впечатлѣніемъ преслѣдованій Галилея Д. не опубликовывалъ своего сочиненія о мірѣ—Le monde (издано послѣ его смерти). Однако и то, что онъ опубликовалъ, вызвало вражду нѣкоторой части духовенства и борьбу партій. Желаніе избавиться отъ безпокойствъ и непріятностей, которыми грозили эти борьба и вражда, было причиной преждевременной смерти Д. По предложенію шведской королевы Христины онъ переселился въ Стокгольмъ, но новыя условія жизни и суровый климатъ сѣвера быстро разстроили его здоровье. Онъ умеръ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ переѣзда (въ 1650 г.).

Исходнымъ пунктомъ для отысканія истины Д. призналъ право и даже обязанность человѣка усумниться во всемъ. De omnibus dubitandum. Но при правѣ на сомнѣніе во всемъ нельзя сомнѣваться въ фактѣ существованія самаго сомнѣнія. Сомнѣніе есть актъ мышленія; слѣдовательно, кто мыслитъ, тотъ существуетъ. Cogito, ergo sum. Если бы Высшее Существо захотѣло меня обмануть во всѣхъ моихъ представленіяхъ, Оно не могло бы этого сдѣлать, если бы я не существовалъ. Такъ, методъ

сомнѣнія приводитъ къ несомнѣнной истинѣ моего существованія. Но собственно въ несомнѣнности своего существованія каждый убѣждается не силлогизмами, а потому, что онъ знаетъ это непосредственно. Эта истина есть совершенно ясная и отчетливая идея, и должно признать, что все, что познается также ясно и отчетливо, есть истина. Отсюда признакъ истины: clara et distincta perceptio. Этимъ признакомъ должно руководиться при оцѣнкѣ тѣхъ идей, которыя мы имѣемъ. По своему происхожденію эти идеи, по Д., должны быть раздѣлены на 3 рода: врожденныя (ideae innatae), приходящія отвнѣ (отъ внѣшнихъ воздѣйствій, adventitiae) и образуемыя самимъ человѣкомъ (a me ipso factae). Важнѣйшая изъ имѣющихся у насъ идей есть идея Бога. Образовать эту идею самъ человѣкъ не могъ, потому что въ причинѣ не можетъ быть меньше, чѣмъ въ слѣдствіи, и самъ по себѣ человѣкъ не можетъ представить существо совершеннѣе себя. Конечный и несовершенный міръ точно также не можетъ дать идею Существа безконечнаго и совершеннаго; слѣдовательно, самъ Богъ произвелъ эту идею въ человѣкѣ, эта идея прирождена. Эта идея сама въ себѣ заключаетъ завѣреніе своей истинности. Въ идеѣ конечнаго существа не мыслится необходимость его бытія, но въ идеѣ Существа всесовершеннѣйшаго бытіе является необходимымъ признакомъ. Богъ есть a se или sausa sui. Какъ идея Бога для своего происхожденія заставляетъ постулировать къ бытію Бога; такъ фактъ бытія моего «я» заставляетъ также постулировать къ бытію Бога. Если бы я существовалъ самъ собою, я надѣлилъ бы себя всѣми совершенствами, которыя представляю. Этого нѣтъ. Я существую, благодаря другому—благодаря Существу совершеннѣйшему. Если бы это Существо не было всесовершеннымъ, то и для Него нужно было бы искать причины въ совершеннѣйшемъ. Въ понятіи абсолютнаго или всесовершеннаго Существа мыслится абсолютная правдивость (veracitas Dei): изъ этого свойства нашего Творца слѣдуетъ, что Онъ не могъ надѣлить насъ обманывающими насъ способностями. Слѣдовательно, то, что разумъ утверждаетъ, какъ несомнѣнную истину, есть дѣйствительно истина. Уже самая идея Бога заключаетъ въ себѣ отрицаніе солипсизма (теоріи, предполагающей, что существую лишь я), ибо я необходимо мыслю, что она произведена во мнѣ существомъ высшимъ, чѣмъ я. Veracitas Dei заставляетъ утверждать бытіе Бога и внѣшняго міра. Не все, что является во внѣшнемъ мірѣ, можетъ становиться предметомъ ясной и отчетливой мысли. Многое оказывается объективнымъ. Характеромъ объективности въ предметахъ матеріальныхъ является протяженіе, протяженность и есть сущность матеріи, сущностью духа является мышленіе. Но это сущности не самобытныя и несамосущія. Res, quea ita existit, ut nulla alia re ad existendum indigeat, есть Богъ. Изъ того, что я существовалъ минуту назадъ, не слѣдуетъ, что я долженъ существовать и теперь, мое бытіе въ настоящій моментъ имѣетъ для себя такъ же причину въ Богѣ, какъ и мое происхожденіе. Установивъ основныя принципы познанія и основные факты бытія, Д. нашелъ возможнымъ развить изъ нихъ раціональнымъ путемъ теологію, космологію, антропологію и этику. Два вопроса естественно вызывала эта раціональная философія, на которые Д. и далъ отвѣты. Если нашъ разумъ ведетъ насъ къ истинѣ, то откуда заблужденія? Источникъ заблужденій, по Д., не въ разумѣ, а въ волѣ. Разумъ составляетъ сужденія объ отношеніи между идеями и предметами. Воля утверждаетъ эти сужденія. Разумъ ограниченъ, воля безгранична. Воля можетъ и замедлить съ своимъ подтвержденіемъ, и поспѣшить съ нимъ. Такимъ образомъ, источникъ ошибокъ есть нравственный, а не умственный. Съ этой точки зрѣнія ошибочная теорія происхожденія града или атмосфернаго электричества въ сущности будетъ грѣхомъ. Другой вопросъ: если для человѣка возможна вполнѣ раціональная теологія, то какъ должно относиться къ теологіи откровенной? Отвѣтъ на этотъ вопросъ далеко не такъ ясенъ, какъ на первый. «Мы должны твердо помнить, говоритъ Д., что Богъ есть безконечное основаніе всѣхъ вещей, а мы конечны. Поэтому если Богъ открываетъ что-либо о Себѣ или о другихъ, что превосходитъ наши естественныя силы, наприм., тайны воплощенія и троичности, то мы въ такихъ случаяхъ не смѣемъ отступать отъ вѣры, хотя мы и не можемъ это ясно представлять». Этими строками ограничивается все то, что напи-

салъ Д. объ откровенной религіи. *Оцѣнка.* Признавая право человѣка сомнѣваться по каждому вопросу, нельзя признать возможности усумниться *во всемъ.* Въ положеніи de omnibus dubitandum содержится уже признаніе и утвержденіе многихъ истинъ, нормъ и методовъ изслѣдованія, кончая признаніемъ латинскаго языка и грамматики. И самъ Д., пытавшійся изъ своего принципа развить цѣлую систему знаній, привнесъ въ эту систему много идей и эмпирическихъ данныхъ, которыя вовсе не вытекали изъ его принциповъ, но которыя подъ вліяніемъ окружающихъ условій и собственнаго изученія представлялись ему несомнѣнно истинными. Поэтому, несмотря на революціонный принципъ, философія Д. является въ сущности развитіемъ философіи предшествовавшей, большимъ шагомъ впередъ, но не отрицаніемъ того, что было сзади. Что Д. не могъ и не приложилъ всецѣло своего метода къ своей системѣ, открывается изъ его опредѣленія субстанціи. Сущность матеріи—протяженіе, но послѣдующая философія разъяснила, что въ существованіи протяженія, какъ реальности, можно очень и очень сомнѣваться. Д. повидимому не представлялъ возможности этого. Не замѣтилъ Д., установившій законы преломленія и отраженія свѣта (по которымъ мы можемъ видѣть протяженные предметы тамъ, гдѣ нѣтъ никакой матеріи), что протяженность можетъ быть и безъ матеріи (радуга). Изъ протяженности нельзя вывести ни одного свойства матеріи, между тѣмъ какъ свойства должны быть раскрытіемъ и проявленіемъ сущности. Основное свойство матеріи есть способность сопротивляться такъ или иначе внѣшнимъ воздѣйствіямъ (это—ея пассивная сторона) и производить воздѣйствія (притяженіе, толчки при движеніи; это—сторона активная). Соединить протяженіе съ мышленіемъ Д. конечно не могъ, какъ нельзя сложить геометрическій шаръ въ 1 вершокъ въ діаметрѣ съ вѣсомъ въ 2 или 3 фунта. Отсюда у Д.—непримиримый дуализмъ. Точно также изъ мышленія нельзя вывести ни чувствованій, ни желаній. Если сущность духа есть непогрѣшимое мышленіе, то спрашивается: откуда является вовлекающая его въ заблужденіе и грѣхи воля? Д. былъ великимъ математикомъ, и созданная имъ аналитическая геометрія можетъ быть своимъ методомъ сбила его съ правильнаго пути при рѣшеніи вопросовъ о духѣ и матеріи. Если бы онъ сталъ не на геометрическую, а на динамическую точку зрѣнія и, разсматривалъ матерію, какъ проявленіе силы, и духъ, какъ силу, то тогда соединеніе матеріи и духа, какъ вообще соединеніе и взаимодѣйствіе силъ (основныя проблеммы статики и динамики) не вызвало бы у него и у послѣдующихъ философовъ столько недоумѣній и столько странныхъ теорій (окказіонализма, предуставленной гармоніи). Пытаясь вывести все ученіе о бытіи съ математической необходимостью изъ несомнѣнныхъ принциповъ, Д. тѣмъ самымъ проложилъ путь къ теоріи пантеистическаго детерминизма, которую и далъ въ своей системѣ Спиноза. Но самый призывъ Д. къ тому, чтобы ничего не принимать догматически, чтобы все изслѣдовать строго и точно, чтобы во всемъ добиваться ясности и отчетливости, этотъ призывъ имѣлъ великое жизненное и плодотворное значеніе. Анализъ идей и доказательства бытія Божія, предложенныя Д., являются цѣннымъ вкладомъ въ положительное достояніе философіи. На смѣну безотраднаго скептицизма и самодовольнаго догматизма Д. поставилъ плодотворный критицизмъ, который прежде всего долженъ былъ направиться на изслѣдованіе свойствъ и границъ нашихъ познавательныхъ способностей. Нѣкоторыя положенія Д. направили послѣдующую мысль на ложный путь. Но въ его собственной системѣ важнѣйшія истины религіи и морали утверждаются, какъ несомнѣнныя.

Литература. Важнѣйшія сочиненія Д.: Essais philosophiques, Discours de la méthode, Meditationes de prima philosophia, Principia philosophiae, Passions de l'âme, Traité de l'homme et de la formation du foetus, Regulae ad directionem ingenii, Inquisitio veritatis per lumen naturale, Le monde. Важное значеніе имѣютъ и изданныя его письма. На русскомъ языкѣ имѣются переводы: *Любимова*—Разсужденіе о методѣ, *Петербургск. философ. общества*—Размышленія о первой философіи. Изслѣдованія о Д.: *Рожанскаго*—Д. и его философія («Зап. Казан. универс.» 1865 г.), *Фулье*—(перев. подъ редакц. *Грота*)—Декартъ, *Гексли*—Автоматы ли животныя? (о физіологическихъ воззрѣніяхъ Д. «Природа». 1875, кн. 1). Д. отводится большое мѣсто вездѣ въ курсахъ по исторіи, математикѣ, физикѣ и философіи.

С. Глаголевъ.

ДЕЛИЧЪ—имя двухъ извѣстныхъ нѣм. уч. богословъ, изъ коихъ — 1) **Деличъ**

Францъ, докторъ и профессоръ богословія, (род. въ 1813 г., ум. 1890 г.), изучалъ филологію и философію въ Лейпцигѣ. Изъ одушевленнаго приверженца философіи Фихте, стоявшей въ религіозномъ отношеніи вполнѣ на почвѣ раціонализма, онъ, въ 1832 г., пережилъ внезапный внутренній духовный переворотъ, который пробудилъ въ немъ необычайную любовь къ богословію. Сдѣлавшись строгимъ лютераниномъ, находясь въ дружественныхъ отношеніяхъ съ основателями новаго цвѣтущаго періода лютеранской церкви въ Америкѣ, онъ стоялъ и въ Германіи, во время церковной борьбы 1830—40 гг., въ первыхъ рядахъ защитниковъ лютеранскаго исповѣданія (ср. его «Lutherthum u. Lügenthum», 1839). Въ 1842 г. онъ былъ приглашенъ на профессорскую каѳедру въ прусскій университетъ, гдѣ работалъ въ духѣ здороваго піэтизма, при чемъ его книга о причащеніи (7-е изд. 1886) получила большое распространеніе. Въ 1846 г. онъ сдѣлался преемникомъ Гофмана въ Ростокѣ. Въ 1850 г. онъ прибылъ оттуда въ Эрлангенъ, и преподавалъ тамъ рядомъ съ Гофманомъ, пока въ 1867 г., по смерти Ангерса, не освободилась каѳедра ветхо- и новозавѣтной экзегетики въ его родномъ городѣ Лейпцигѣ. Въ своихъ экзегетическихъ трудахъ онъ стоялъ на точкѣ зрѣнія эрлангенской школы, главнымъ представителемъ которой и сдѣлался рядомъ съ Гофманомъ. Уже въ 1845 г. онъ въ своемъ «Библейско-пророческомъ богословіи» подвергъ основательной критикѣ гофманскую систему, занялъ по отношенію къ ней самостоятельное положеніе, и впослѣдствіи боролся противъ ея примирительной теоріи. Въ Ростокѣ онъ, между прочимъ, написалъ четыре книги «О церкви» (1847) и «О домѣ Божіемъ или церкви» (1849). Вмѣстѣ съ Кейлемъ онъ издавалъ «Библейскій Комментарій на Ветхій Завѣтъ», при чемъ ему принадлежатъ слѣдующія части: Исаія (3-е изд. 1875), Псалтирь (4-е изд. 1883), Іовъ (2-е изд. 1876), Притчи Соломоновы (1873), Пѣснь Пѣсней и Экклесіастъ (1875). Еще раньше имъ изданы были толкованія на пророка Аввакума (1843), на книгу Бытія (1852, 4-е изд. 1872 г., послѣднее вполнѣ вновь обработанное въ 1887 г. подъ заглавіемъ: «Новый Комментарій на книгу Бытія»). Его комментарій на Посланіе къ Евреямъ (1857) считается образцовымъ новозавѣтнымъ комментаріемъ. Изслѣдованіе Д. въ области теософіи и мистики, главнымъ образомъ, выступаетъ въ его «Системѣ библейской психологіи» (2-е изд. 1869), рядомъ съ чѣмъ можно назвать его «Систему христіанской апологетики» (1869). Съ 1833 г. подъ вліяніемъ миссіонеровъ Беккера и Гольдберга, Д. заинтересовался іудейской миссіей и много занимался раввинскими изслѣдованіями. Его «Исторія іудейской поэзіи» 1836 г. служитъ основой науки въ этой литературной области, при чемъ знаменитѣйшіе іудейскіе философы средневѣковья были изданы имъ подъ заглавіемъ: «Анекдоты къ средневѣковой схоластикѣ среди іудеевъ и мусульманъ». Онъ участвовалъ также при изданіи большой Фюрстовой Конкорданціи къ Ветхому Завѣту. Результаты своей раввинской учености онъ изложилъ отчасти въ своихъ комментаріяхъ и отчасти въ многочисленныхъ апологетическихъ сочиненіяхъ, изъ которыхъ особенно извѣстны: «Іисусъ и Гиллель», «Мессія, какъ примиритель» и «Христіанство и іудейская печать». Съ 1863 г. онъ издавалъ миссіонерскую газету «Сѣмя на надеждѣ». Въ 1880 г., по его иниціативѣ, вновь основанъ былъ «Іудейскій институтъ», и съ 1886 г. онъ руководилъ семинаріей для образованія кандидатовъ богословія для іудейской миссіи. Величайшимъ трудомъ его жизни былъ переводъ Новаго Завѣта на еврейскій языкъ, который онъ закончилъ послѣ сорокалѣтнихъ трудовъ, въ 1877 г. Около 60,000 экземпляровъ его распространено среди іудеевъ, и производитъ большое религіозное движеніе на Востокѣ. Д. не чуждъ былъ и беллетристикѣ; въ этомъ отношеніи извѣстно его часто переиздававшееся сочиненіе подъ заглавіемъ: «День въ Капернаумѣ», гдѣ онъ, на основаніи содержащихся въ Библіи и въ послѣ-библейской іудейской литературѣ матеріаловъ, художественно описываетъ одинъ день изъ жизни Спасителя. Почти всѣ сочиненія Д. переведены на главнѣйшіе иностран. языки. Ум. 1890 г.—2) **Деличъ** Фридрихъ— проф. берлинскаго университета (род. 1850 г.), одинъ изъ такъ наз. «придворныхъ богослововъ», авторъ нѣсколькихъ сочиненій по библейской археологіи, какъ трактатъ: «Гдѣ лежалъ рай» (1881), «Вавилонъ» и разныя статьи по ассиріологіи. Но особенно громкую извѣстность онъ пріобрѣлъ своими двумя

рефератами, подъ загл. «Babel u. Bibel» (въ янв. 1902 и 1903 гг.,) въ которыхъ хотѣлъ подвести итоги новѣйшихъ изслѣдованій въ Вавилоніи въ отношеніи къ Библіи. Такъ какъ онъ сталъ открыто на точку зрѣнія крайняго критицизма, отвергъ божест. характеръ Библіи, вполнѣ поставивъ ее въ зависимость отъ Вавилона, то вызвалъ крайнее возбужденіе въ богословскихъ кружкахъ Германіи, и противъ него началась сильная полемика, составившая цѣлую литературу (Bibel und Babel-literatur), въ которой многіе профессора богословія опровергали крайніе выводы Д. По поводу его рефератовъ выразилъ свое неудовольствіе даже самъ импер. Вильгельмъ II, въ присутствіи котораго были они прочитаны, при чемъ царственный богословъ преподалъ ученому профессору серьезный урокъ, какъ осторожно нужно выступать съ личными мнѣніями по серьезнымъ и глубоковажнымъ вопросамъ за предѣлами ученой корпораціи—предъ широкой публикой (См. «Странникъ» май 1903 г.).

ДЕЛЛИНГЕРЪ Игнатій — знаменитый нѣм. церковный историкъ, родоначальникъ и вождь старокатолицизма. Сынъ извѣстнаго въ свое время профессора медицины при вюрцбургскомъ университетѣ (род. 22 — 16 февраля 1799 года), Д. унаслѣдовалъ отъ своего вообще даровитаго рода весьма высокія дарованія. Уже рано отецъ научилъ его французскому языку, такъ что, будучи 10-тилѣтнимъ мальчикомъ, онъ уже прочиталъ сочиненія Корнеля и Мольера и вообще жадно поглощалъ все, попадавшееся ему подъ руками на французскомъ языкѣ. До 16-ти лѣтъ онъ вообще больше читалъ французскихъ, чѣмъ нѣмецкихъ книгъ, что впослѣдствіи отразилось на его слогѣ, — весьма легкомъ и изящномъ, чуждомъ обычной нѣмецкой тяжеловѣсности. Въ гимназіи онъ основательно изучилъ, не безъ помощи своего отца, учившагося въ Павіи, итальянскій языкъ, а отъ одного шотландскаго монаха научился по-англійски. Въ университетѣ онъ дополнилъ это свое обширное языковѣдѣніе изученіемъ еще испанскаго языка, и, такимъ образомъ, предъ нимъ открылась литература всѣхъ культурныхъ народовъ запада. Съ поступленіемъ въ свой родной вюрцбургскій университетъ (въ 1816 году) Д. посвятилъ себя преимущественно исторіи, наряду съ которой однако съ одинаковымъ усердіемъ занимался филологіей и естествознаніемъ, особенно ботаникой, минералогіей и энтомологіей, при чемъ послѣдняя оставалась его любимой наукой до 30-хъ годовъ его жизни. На второй годъ университетской жизни (1817 г.) долженъ былъ состояться выборъ образа жизни и дѣятельности, и этотъ выборъ палъ на духовное званіе. Причиной такого повидимому неожиданнаго и недостаточно мотивированнаго выбора было, по его собственному заявленію, то, что ни одинъ изъ свѣтскихъ профессоровъ не оказалъ на него никакого болѣе или менѣе глубокаго вліянія и не «приманилъ» къ своей спеціальности или своему занятію, а между тѣмъ сильныя церковно-религіозныя движенія того времени, когда подъ вліяніемъ романтизма массы видныхъ протестантскихъ умовъ, какъ Эккгартъ, Вернеръ, Шлегель, Штольбергъ, Винкельманъ и другіе, искали себѣ успокоенія въ лонѣ римско-католической церкви, воодушевили молодого студента идеей служенія этой именно церкви, способной такъ увлекать даже столь сильные умы. При этомъ онъ руководился еще и другимъ побужденіемъ, которое онъ самъ опредѣлилъ такъ: «Почти для всѣхъ другихъ богословіе было только средствомъ для цѣли; для меня напротивъ богословіе (или основанная на богословіи наука вообще) самою цѣлію, и выборъ состоянія только средствомъ»,—взглядъ, которому онъ остался вѣренъ и позже, такъ что всѣ попытки возвести его на архіепископскій престолъ онъ обыкновенно отклонялъ замѣчаніемъ, что «pompam facere не его дѣло». Въ зимній сезонъ 1817—18 года онъ продолжалъ свои занятія филологіей, хотя слушалъ только библейскую филологію, а въ лѣтній сезонъ 1818 г. — «экзегезисъ Библіи» и «библейскую филологію». Въ это время у него явилось желаніе принять духовный санъ и онъ ревностнѣе началъ посѣщать богословскія лекціи въ Вюрцбургѣ. Въ 1819 году отецъ, недовольный его желаніемъ поступить въ духовное званіе и, какъ медикъ, отрицавшій священническій целибатъ даже по физіологическимъ основаніямъ, заставилъ его посѣщать лекціи по юриспруденціи. Профессора однако такъ мало смогли заинтересовать его этой наукой, что онъ вскорѣ бросилъ ее, и былъ радъ, когда осенью 1820 года былъ при-

нять въ духовную семинарію въ Бамбергѣ. Однако и здѣсь онъ не нашелъ того, чего собственно искалъ, — именно введенія къ церковно-историческимъ изысканіямъ, и впослѣдствіи называлъ себя «самоучкой», который десять лѣтъ въ своей жизни не зналъ, куда бы собственно пристроиться ему. Все-таки въ семинаріи онъ получилъ тотъ догматическій отпечатокъ во взглядѣ на вопросы, которые особенно волновали его въ теченіе послѣднихъ десяти лѣтъ его жизни. Пребываніе его въ бамбергской семинаріи было интересно для него еще и въ томъ отношеніи, что въ это именно время тамъ извѣстный князь Александръ Гогенлоэ выступалъ съ своими «чудесными исцѣленіями», давая ему возможность наглядно познакомиться съ нѣкоторыми интимными и, такъ сказать, закулисными сторонами римско-католической религіозности.

Наконецъ, совершился и рѣшительный шагъ на жизненномъ пути. 22 марта 1822 г. Д. былъ посвященъ въ Вюрцбургѣ въ санъ священника, назначенъ былъ профессоромъ церковной исторіи и церковнаго права въ лицей въ Ашаффенбургѣ. Тутъ явилось и первое его сочиненіе: «Евхаристія въ первые три вѣка» (1826 г.), за которое онъ возведенъ былъ богословскимъ факультетомъ въ Ландсгутѣ въ степень доктора богословія (1826 г.). Осенью того же года Д. былъ приглашенъ на каѳедру церковной исторіи и церковнаго права въ мюнхенскій университетъ и уже въ 1827 году возведенъ былъ въ званіе ординарнаго профессора. Тутъ онъ особенно примкнулъ къ извѣстному философствующему богослову Францу Баадеру, который оказывалъ на него значительное вліяніе и впослѣдствіи, а также и къ выдающемуся, весьма популярному церковному историку Гёрресу. Дарованія Д. здѣсь развернулись и онъ повидимому вполнѣ вошелъ во вкусъ научныхъ изысканій и лекцій (при чемъ онъ читалъ по догматикѣ и новозавѣтной экзегетикѣ). Но вскорѣ его душевный миръ былъ нарушенъ. Предпринятое имъ составленіе заключительнаго тома «Исторіи церкви» Гортига (отъ реформацій до секуляризаціи), вслѣдствіе своеобразнаго взгляда на начало реформаціи, индульгенціи и папу Льва X, подверглось сильному нападенію со стороны ярой папист. критики; но это нисколько не подорвало въ немъ охоты къ дальнѣйшимъ ученымъ трудамъ въ области церковной исторіи, и онъ опять ревностно отдался церковно-истор. работамъ, плодомъ которыхъ были его сочиненія: въ 1833 году вышелъ въ свѣтъ I-й, а въ 1835 II-й томъ его «Руководства къ церковной исторіи»; въ 1836 г. I-й, а въ 1838 г. II-й томъ его «Учебника церковной исторіи», — превосходные труды, которые, къ сожалѣнію, оба остались незаконченными. Отъ окончанія ихъ его отвлекли другія работы. Но все-таки въ это время слава его какъ церковнаго историка успѣла распространиться весьма широко, и особенно заинтересовала извѣстнаго англ. писателя богослова Вайземана, тогда еще состоявшаго профессоромъ и ректоромъ въ Римѣ. Онъ носился съ мыслью завязать болѣе тѣсныя связи между англійскимъ и нѣмецкимъ духовенствомъ, именно съ цѣлію духовнаго укрѣпленія перваго, и съ этою цѣлію нарочито пріѣзжалъ (въ 1835 г.) въ Мюнхенъ, чтобы лично познакомиться и переговорить по этому поводу съ Д., въ которомъ видѣлъ наиболѣе подходящаго посредника въ этомъ дѣлѣ. Осенью 1836 г. Д. самъ ѣздилъ въ Англію, завязалъ тамъ, не безъ участія именно Вайземана, тѣсныя связи со многими выдающимися учеными богословами и церковными дѣятелями, и эти связи уже никогда не порывались у него съ Англіей, къ которой онъ всегда питалъ самыя глубокія симпатіи. Съ цѣлію осуществленія мысли Вайземана онъ пригласилъ къ себѣ въ Мюнхенъ цѣлую партію молодыхъ англичанъ, которые жили въ его домѣ, изучали богословіе подъ его непосредственнымъ наблюденіемъ и руководствомъ. Въ самой Англіи слава его была такъ велика, что въ 1839 году онъ получилъ формальное приглашеніе въ одну изъ англійскихъ коллегій, каковое приглашеніе, однако, онъ съ признательностью отклонилъ, такъ какъ хотѣлъ поработать побольше для нѣмецко-богословской науки. Среди его учениковъ въ это время особенно выдавался прославившійся впослѣдствіи своими замѣчательными богословскими сочиненіями Мёлеръ (авторъ знаменитой «Символики», Патрологіи, Церковной исторіи и др.), и Д., съ цѣлію удержать его въ университетѣ, уступилъ ему чтеніе лекцій по церковной исторіи, а самъ читалъ (въ 1835—1839 гг.) «Историческую догматику», въ 1837 г. сдѣлался

главнымъ библіотекаремъ университета и въ 1838 г. избранъ былъ экстраординарнымъ членомъ академіи наукъ, въ качествѣ какового прочелъ торжественную рѣчь на тему: «Религія Магомета,—историческое разсужденіе». Съ этого времени онъ также заинтересовался исторіей средневѣковыхъ ересей и съ цѣлію собиранія матеріаловъ—предпринималъ путешествія въ Голландію, Бельгію и Францію (1839 г.). Въ то же время Д. принималъ дѣятельное участіе и въ рѣшеніи разныхъ церковно-практическихъ вопросовъ, какъ, напр., въ вопросѣ о смѣшанныхъ бракахъ. Этому больному вопросу, служившему постояннымъ источникомъ раздраженія и вражды между р.-католиками и протестантами, онъ посвятилъ даже небольшое сочиненьице подъ заглавіемъ: «О смѣшанныхъ бракахъ» и обнаружилъ такое большое знакомство съ этимъ вопросомъ, что оффиціально былъ приглашаемъ въ судъ въ качествѣ эксперта по брачнымъ вопросамъ, хотя съ другой стороны это вовлекло его въ продолжительную полемику съ филологомъ Тиршемъ. Участіе въ этого рода церковно-практическихъ вопросахъ не мѣшало ему продолжать свои научно-литературные труды, и въ это время явилось его большое сочиненіе подъ заглавіемъ: «Реформація, ея внутреннее развитіе и ея значеніе въ области лютеранскаго исповѣданія» въ трехъ томахъ 1846—8 гг. Изучая исторію реформаціи, онъ невольно приходилъ къ убѣжденію, что она имѣла свои основанія въ нестроеніяхъ церкви, а эти нестроенія истекали изъ такого исторически незаконнаго явленія, какъ папство. Поэтому онъ въ частныхъ лекціяхъ сталъ все чаще высказываться противъ папства и сталъ пропагандировать идею національной церкви. Эта идея о національной церкви и о не необходимости главенства папы надъ свѣтскою властью народовъ съ этого времени сдѣлалась предметомъ задушевнаго идеала Д., и онъ пропагандировалъ ее и въ засѣданіяхъ франкфуртскаго парламента, и въ отдѣльныхъ брошюрахъ,—при чемъ по естественной логикѣ необходимо долженъ былъ вступить въ борьбу съ главными поборниками папской системы—іезуитами. На первомъ генеральномъ собраніи въ Майнцѣ (въ октябрѣ 1848 г.) онъ, по настоянію прибывшихъ на собраніе въ качествѣ гостей нѣкоторыхъ членовъ по парламенту, прочелъ обстоятельный рефератъ о дѣятельности іезуитовъ въ церкви и школѣ, при чемъ яркими красками нарисовалъ картину пагубныхъ и растлѣвающихъ церковно-религіозную жизнь народа махинацій сыновъ Лойолы. Въ октябрѣ и началѣ ноября того же года, приглашенный въ качествѣ богослова на съѣздъ епископовъ въ Вюрцбургѣ, онъ выступилъ съ рефератомъ, въ которомъ опять развивалъ излюбленную имъ идею національной церкви и національнаго синода. Ту же идею онъ развивалъ и на генеральныхъ собраніяхъ въ Регенсбургѣ (1849 г.) и Линцѣ (1850 г.). Понятно, что всѣ эти рефераты съ настойчиво проводимой идеей національности и самостоятельности церкви были крайне непріятны сторонникамъ папской системы: на смѣлаго новатора полетѣли доносы въ Римъ и въ Ватиканѣ стали съ этого времени относиться къ знаменитому ученому богослову съ большимъ недовѣріемъ и подозрительностью. Все это не мало огорчало его, и онъ порѣшилъ на время устраниться отъ практической дѣятельности и вновь посвятилъ себя кабинетнымъ ученымъ занятіямъ. Особенно онъ заинтересовался изданными въ 1851 году «Философуменами» и результатомъ его ученыхъ изысканій въ этой области явилось его сочиненіе «Ипполитъ и Каллистъ», которое въ данномъ вопросѣ получило классическій характеръ. Не столь легкой оказалась борьба по вопросу о непорочномъ зачатіи Богоматери. Противъ этого ученія Д. высказывался уже и раньше, но іезуитская партія неустанно пропагандировала эту идею и добилась того, что недалеко было уже и формальное провозглашеніе этого мнѣнія въ качествѣ догмата римской церкви. Когда епископы затребовали отъ богословскихъ факультетовъ мюнхенскаго и тюбингенскаго университетовъ мнѣнія по этому вопросу, то они имѣли достаточно мужества, чтобы подать голосъ противъ него, а Д. въ своей статьѣ «Дунсъ Скоттъ», написанной для большой римско-католической энциклопедіи Ветцера и Вельте, изложивъ исторію первоначальнаго спора по этому предмету, привелъ между прочимъ отзывъ Іоанна Бэкона, сказавшаго, что такое ученіе есть haeresis adulatoria et nimis devota («соблазнительная и отнюдь не благочестивая ересь»). Это однако нисколько не смутило іезуитовъ, во главѣ которыхъ въ то

время стоялъ препрославленный ими догматистъ патеръ Перроне: они донесли Пію IX, что Д. совсѣмъ ненадежный богословъ, въ своей аргументаціи не пользуется ни Библіей, ни непрерывнымъ преданіемъ, и конечно ихъ мнѣніе восторжествовало: 8 декабря 1854 г. новый догматъ былъ объявленъ *urbi et orbi*—къ поученію и послушанію римско-католическихъ народовъ всего земного шара! Тогда Д. убѣдился, что сила іезуитизма и проповѣдуемой имъ новосхоластической системы въ богословіи сдѣлалась фактически непреодолимой и, логически развиваясь, она неминуемо должна рано или поздно привесть и къ провозглашенію догмата папской непогрѣшимости. Очевидно принципъ, что нужно вѣровать лишь въ то, во что вѣровали всегда, всѣ и повсюду, былъ оставленъ. Съ такимъ ложнымъ направленіемъ, противнымъ всей вѣковой исторіи истинно-вселенской церкви, именно державшейся заброшеннаго теперь принципа (quod semper и пр.), можно было бороться только распространеніемъ болѣе вѣрныхъ церковно-историческихъ познаній, и поэтому Д. задумалъ планъ обширной «Исторіи христіанской церкви», въ которой особенно широко предполагалось изложить исторію собственно папства, для чего собралъ обширный матеріалъ. Но къ сожалѣнію этому плану не суждено было осуществиться и отъ него мы имѣемъ лишь два начальные отдѣла, вышедшіе въ видѣ отдѣльныхъ сочиненій, изъ коихъ первое явилось въ 1857 году подъ заглавіемъ: «Язычество и іудейство», а второе въ 1860 г. подъ заглавіемъ: «Христіанство и церковь во время ихъ основанія». Отъ исполненія этого грандіознаго плана его отвлекли другія занятія, а главнымъ образомъ давно желанная имъ поѣздка въ Римъ. Тамъ именно онъ хотѣлъ найти себѣ вдохновеніе для огромнаго церковно-историческаго труда. И дѣйствительно, онъ нашелъ тамъ массу мертваго ученаго матеріала, но не нашелъ главнаго, именно живой, истинной церкви, и возвратился съ тяжелымъ чувствомъ въ душѣ, что церковное государство, долженствующее по идеѣ осуществлять идею царства Божія на землѣ, есть въ дѣйствительности мерзость запустѣнія на мѣстѣ святѣ и игрушка политическихъ страстей.

Положеніе папскаго государства давно уже представляло собою предметъ всеобщаго соблазна, и стремленіе итальянцевъ къ объединенію Италіи явно угрожало поглотить его. Но безъ папскаго государства управленіе римско-католическою церковью многіе тогда считали невозможнымъ, а іезуиты прямо утверждали, что необходимость папскаго государства для церкви принадлежитъ къ числу членовъ символа католической вѣры. Д. давно со вниманіемъ слѣдилъ за этимъ движеніемъ, и, когда въ 1861 г. на праздникъ Пасхи, нѣкоторыя высокопоставленныя дамы въ Мюнхенѣ просили его высказаться по этому предмету, онъ произнесъ свои знаменитыя Одеонскія лекціи, при чемъ прямо указалъ на возможность, даже вѣроятность уничтоженія церковнаго государства, а слѣдовательно свѣтской власти папства. Этого никакъ не могли стерпѣть строгіе ультрамонтаны-папписты. Присутствовавшій на лекціи папскій нунцій демонстративно оставилъ залу собранія: всѣ ультрамонтаны были внѣ себя отъ изумленія, ужаса и гнѣва. Д. на осеннемъ собраніи католическихъ союзовъ въ Мюнхенѣ (1861 г.) сдѣлалъ успокоительное объясненіе по поводу своей лекціи, и вскорѣ затѣмъ явилась его книга подъ заглавіемъ: «Церковь и церкви, папство и церковное государство», въ которой возбудившая ужасъ и недоумѣніе лекція излагалась въ нѣсколько ослабленной формѣ. Но дальнѣйшія его сочиненія, какъ «Этюды по политической, церковной и культурной исторіи послѣднихъ вѣковъ» (1863 г.), а также «Папскія басни средневѣковья» (1865 года; 2-е изданіе сдѣлано проф. Фридрихомъ въ Штутгартѣ 1890 г.), отнюдь не были по по вкусу ультрамонтанамъ. Правда, и въ этихъ сочиненіяхъ, особенно въ первомъ, еще довольно явственно выступаетъ полемика противъ протестантизма въ ея обычной рѣзкости, но все-таки въ нихъ уже оказывается больше справедливости нѣмецкому реформатору, чѣмъ это обычно въ римско-католическихъ курсахъ церковной исторіи, и Д. характеризовалъ Лютера какъ «бурнаго народнаго человѣка, популярнѣйшую личность, какая только появлялась въ Германіи». Совершенно въ духѣ Мёлера и и другихъ выдающихся римско-католическихъ богослововъ, принужденныхъ примирять непримиримое, онъ въ одушевленной похвальной рѣчи, восхваляя личность папы, въ

то же время свободно бичевалъ всѣ злоупотребленія въ церковномъ государствѣ. На конгрессѣ ученыхъ въ Мюнхенѣ онъ боролся за свободу науки. Папу онъ старался успокоить телеграммой, которую отправилъ въ качествѣ предсѣдателя конгресса. Но іезуиты обнаружили замѣчательную прозорливость и, предвидя опасность со стороны Д., уже въ то время начали ядовито издѣваться надъ знаменитымъ ученымъ на страницахъ своего лейбъ-органа Civilta Cattolica. И опасенія ихъ оправдались. Когда возникъ вопросъ о ватиканскомъ соборѣ, имѣвшемъ своею цѣлью установленіе догмата папской непогрѣшимости, то Д., стоя на вершинѣ своей ученой славы въ качествѣ церковнаго историка, уже открыто выступилъ противъ этой затѣи и, какъ извѣстно, открыто передъ всѣмъ міромъ заявилъ, что и какъ ученый, и какъ христіанинъ, и какъ патріотъ, онъ не можетъ признать этого самоизмышленнаго догмата. Вслѣдствіе этого онъ сдѣлался основателемъ и родоначальникомъ старокатолическаго движенія, которое именно имѣло своею цѣлью устранить всѣ позднѣйшія наслоенія въ римскомъ католицизмѣ и возвратить церковь къ ея первоначальнымъ основамъ, выработывшимся во время перваго тысячелѣтія. За это онъ подвергся большому отлученію; зато его мужество въ борьбѣ за истину повсюду возбудило восторгъ къ его личности: въ Вѣнѣ ему дали почетную степень доктора философіи, въ Марбургѣ, Оксфордѣ и Эдинбургѣ—почетную степень доктора правъ, а сенатъ мюнхенскаго университета единогласно избралъ его своимъ ректоромъ (1871 г.). Тѣмъ не менѣе, по козням ультрамонтанской партіи іезуитовъ, съ этого времени аудиторія его начала замѣтно пустѣть. Хотя по преклонности лѣтъ Д. впослѣдствіи принималъ мало участія въ дѣлахъ старокатолицизма, зато тѣмъ ревностнѣе онъ принималъ участіе въ разсужденіяхъ о соединеніи церквей, и уже въ преклонныхъ лѣтахъ, вмѣстѣ съ другимъ старокатолическимъ ученымъ Рейшемъ, онъ издалъ замѣчательную своею ученостью исторію католическихъ нравственныхъ споровъ (въ 2 томахъ), и затѣмъ единолично еще издалъ, также въ 2-хъ томахъ, важные этюды по исторіи сектантства въ средніе вѣка. Вскорѣ затѣмъ онъ умеръ, имѣя девяносто одинъ годъ отъ роду (10 янв. 1890 г.), оставивъ по себѣ славное въ исторіи имя, какъ одного изъ величайшихъ въ XIX в. борцовъ за церковную правду.

Д. нашелъ себѣ превосходнаго біографа въ лицѣ своего друга и сподвижника проф. *Фридриха*, посвятившаго ему великолѣпный трудъ подъ заглавіемъ: «Ignaz von Döllinger. Sein Leben auf Grund seines schriftlichen Nachlasses dargestellt» von *J. Friedrich*. I—III Bände. München. 1899--1901. Эта біографія въ сущности есть исторія нѣмецкаго римско-католическаго богословія въ его борьбѣ съ іезуитской новосхоластикой и, какъ таковая, не лишена глубокаго интереса для исторіи богословской науки вообще и нашей русской въ частности.

А. Лопухинъ.

Дельфина — назв. подсвѣчниковъ съ украш., вошедшихъ очень рано въ употребленіе для освѣщенія христ. храмовъ. *Н. М.*

ДЕМОКРИТЪ, греческій философъ, род. въ Абдерѣ, ок. 460 г. до Р. Хр., и ум. тамъ же послѣ продолжительныхъ научныхъ путешествій. Какъ философъ, онъ противопоставлялъ телеологически религіозному міросозерцанію своихъ раннихъ современниковъ чисто механически атомистическую систему съ геометрической конструкціей и аргументаціей, — систему, отличающуюся математически-физическою наглядностью. До насъ дошло отъ него также много нравственныхъ изреченій практическаго содержанія, особенно касательно житейскихъ отношеній, добродѣтелей и обязанностей. Къ его ученію о счастьи, которое онъ ищетъ въ веселомъ покоѣ и благодушіи, примыкалъ въ XVII столѣтіи «Веселый Демокритъ» (1649—50) Іоганна Кокая, а въ XVIII и началѣ XIX в. «Демокритъ или посмертныя бумаги смѣющагося философа», воспитавшагося на французской энциклопедической почвѣ Карла Вебера, † 1832 г.

ДЕНИСОВЫ Андрей и Семенъ, два брата, знаменитые предводители безпоповщинскаго поморскаго раскола первой половины XVIII вѣка.

Діонисій Евстафіевъ, отецъ Андрея и Семена, жилъ въ Повѣнцѣ. Онъ велъ обычную жизнь поселянина, хотя его прадѣдъ «бяше рода князей Мышетскихъ». Старшій сынъ Діонисія Андрей родился въ 1674 г. Изъ времени своего дѣтства Андрей вынесъ богатый запасъ впечатлѣній, рано заставившихъ мысль мальчика работать въ извѣстномъ направленіи. Молчаливый и тихій, но въ высшей степени даровитый и наблюдательный ребенокъ живо принималъ къ

сердцу происходившую вокругъ него борьбу раскола за свое существованіе. То была вражда, когда одно упорное содержаніе раскола, по дѣйствовавшему закону, могло возвести упорнаго на смертный костеръ. Повѣнецъ, родина Андрея, находился въ самомъ центрѣ той мѣстности, гдѣ расколъ наиболѣе свирѣпствовалъ. Андрей видѣлъ вольныя и невольныя страданія гонимыхъ фанатиковъ,—какъ ихъ казнили, какъ они сами себя сожигали. Дѣтская натура, не умѣвшая различить въ этомъ, для народа и вообще темномъ, дѣлѣ истину отъ лжи, не могла не сочувствовать страждущимъ, и страшныя впечатлѣнія глубоко залегли въ его душѣ на всю жизнь. Домъ Діонисія свободно посѣщали расколоучители, и вотъ соловецкій выходецъ Игнатій «крести Андрея первые, потомъ же и родителя его крести и весь домъ его». Андрей былъ крещенъ первымъ, по замѣчанію раскольническаго историка, потому, что Игнатій «видѣлъ и чистоту ума его, и правость смысла, и цѣломудріе душевное». Къ тому же Андрей обѣщалъ быть и книжнымъ человѣкомъ. Рано научившись грамотѣ, онъ страстно предался чтенію книгъ, какія только можно было имѣть подъ руками: то были, конечно, книги старопечатныя, главнымъ образомъ богослужебныя, и разные рукописные сборники. Когда исполнилось Андрею 18 лѣтъ, родители хотѣли его женить, но сынъ уклонился отъ этихъ родительскихъ заботъ. Чтеніе Патериковъ и Четіихъ-Миней, пламенныя рѣчи діакона Игнатія о наступившихъ послѣднихъ временахъ и о «нечестіи» никоніанъ произвели на Андрея сильное дѣйствіе. Онъ увлекся мечтою о пустынныхъ подвигахъ, и такъ какъ не ожидалъ согласія на то со стороны отца, то и покинулъ родительскій домъ тайно. Это было въ концѣ 1691 г. Игнатій тогда уже покончилъ счеты съ земною жизнью сомосожженіемъ въ Палеостровскомъ монастырѣ и основанная имъ на Сароозерѣ раскольническая община находилась подъ начальствомъ Данилы Викулина, дьячка изъ погоста Шунга. Видя даровитость и одушевленіе Андрея, Викулинъ пригласилъ его къ себѣ въ общее житье. Въ 1694 г., при участіи Андрея, было положено начало знаменитой Выговской пустыни. Съ 1703 г. Андрей дѣлается настоятелемъ послѣдней. Въ заботахъ объ основательной подготовкѣ себя къ прохожденію этой должности Андрей приходитъ къ мысли о поѣздкѣ въ Кіевъ для школьнаго обученія. Занимаясь изученіемъ св. отцовъ, Андрей, по словамъ его біографа, встрѣчалъ у нихъ много терминовъ для себя непонятныхъ. Конечно, это затрудняло пониманіе отеческихъ твореній, и потому Андрей рѣшился изучить всѣ тѣ правила, кои «отверзаютъ пространный вѣдѣнія родъ въ Св. Писаніе». И хотя онъ уже и ранѣе, во время своихъ разъѣздовъ, отъ «нѣкіихъ ученыхъ мужей» отчасти наученъ былъ «грамматикѣ яже есть начало и конецъ всякому любомудрію», но, чтобы усовершенствоваться въ этомъ дѣлѣ еще болѣе, сталъ искать себѣ болѣе искуснаго учителя. Узнавъ, что въ Кіевѣ «въ тамошнемъ богословскомъ училищѣ» есть нѣкій народный учитель, Андрей рѣшился отправиться туда, тѣмъ болѣе, что давно имѣлъ намѣреніе собрать тамъ отъ мощей и отъ древнихъ книгъ и иконъ свидѣтельства въ пользу «древляго благочестія». Въ Кіевѣ Андрей пробылъ болѣе года и имѣлъ большой успѣхъ въ пріобрѣтеніи познаній «риторскихъ, философскихъ и ѳеологическихъ». Учителемъ его былъ ректоръ академіи, расположеніе котораго Андрей пріобрѣлъ частью благодаря рекомендаціи изъ Москвы, частью своими способностями. Это «ученіе» пригодилось потомъ Д. при защитѣ раскола литературнымъ путемъ. Извѣстное классическое сочиненіе «Поморскіе отвѣты», напечатанное по поводу миссіи іеромонаха Неофита, принадлежитъ преимущественно перу Андрея и вообще составлено подъ его главной редакціей. По поводу миссіи архіепископа Питирима на Керженцѣ тѣмъ же Андреемъ написаны не менѣе извѣстные «Діаконовы отвѣты», по просьбѣ керженскихъ поповцевъ. Въ «Каталогѣ» Павла Любопытнаго перечислено 119 сочиненій, принадлежащихъ перу Андрея Д. Помимо сочиненій по вопросамъ внутренней полемики въ расколѣ, видное мѣсто здѣсь занимаютъ слова и поученія. Проповѣдь въ рукахъ Андрея была однимъ изъ самыхъ могущественныхъ средствъ владѣть душою своихъ послѣдователей. Онъ не упускалъ ни одного случая, чтобы сказать нравоученіе своей паствѣ и даже, когда по обстоятельствамъ ему не удавалось лично присутствовать на какомъ-либо скитскомъ праздникѣ, онъ посылалъ туда свое поуче-

ніе и поручалъ произнесть его другому. Благодаря Андрею, проповѣдь стала существенною частью выговской безпоповщинской службы, такъ что безъ нея былъ праздникъ не праздникъ. Ораторское искусство даже преподавалось въ выговскихъ школахъ. Какъ сильно было вліяніе Андрея въ этомъ отношеніи, видно изъ того, что въ потомствѣ за Андреемъ утвердилась слава «второго Златоуста». По своему содержанію проповѣди Андрея касались исключительно аскетической области, съ привнесеніемъ сюда и собственно раскольническаго мистическаго начала. Въ выго-лексинскихъ часовняхъ восхвалялись не «славныя дѣла» Петра, какъ это было тогда на православныхъ каѳедрахъ въ столицахъ и городахъ; здѣсь предлагались общія правила христіанской нравственности и попутно примѣшивались истолкованія народныхъ чувствъ по поводу названныхъ «славныхъ дѣлъ». Андрей проповѣдывалъ о царствованіи въ мірѣ антихриста, о спасеніи внѣ общенія съ православною церковью, о покаяніи и сердечномъ сокрушеніи, о молитвѣ и смиреніи. Внутренній характеръ этихъ проповѣдей выражается въ схоластическо-діалектическомъ направленіи проповѣднической мысли оратора. «Онѣ представляютъ въ себѣ болѣе отвлеченную игру теоретической мысли, чѣмъ содержатъ историческій интересъ. Проповѣдникъ больше имѣетъ дѣло съ собственными отвлеченными понятіями, чѣмъ съ думами и чувствами своихъ слушателей». Отъ этого многія изъ проповѣдей Андрея до крайности монотонны, утомительны и представляютъ въ себѣ больше сухую, отвлеченную мораль, чѣмъ живое и дѣйственное назиданіе. Во внѣшнемъ строѣ поученій Андрей строго слѣдовалъ правиламъ тогдашняго риторическаго искусства. Строго держась формулъ послѣдняго, онъ заботился и о томъ, чтобы украсить свои поученія отборными фразами и риторическими узорами. Языкъ его проповѣдей не столько русскій, сколько церковно-славянскій. Андрей оживлялъ свое витійство довольно искусной мимикой—въ выраженіи глазъ, въ движеніи рукъ или въ наклоненіи тѣла. Къ тому же Андрей имѣлъ «сановитость тѣла, очи ясныя, уста и ланита румяностію помазаны, свободный и легкій языкъ». Вся эта «естественная къ риторству доброта» еще болѣе способствовала силѣ впечатлѣнія отъ проповѣдей Андрея. Умеръ Андрей въ февралѣ 1730 года, 56-ти лѣтъ отъ роду, и былъ оплаканъ неутѣшными слезами раскольниковъ не одной Выговской пустыни.

Семенъ, братъ Андрея, родился около 1683 г. Онъ былъ—средняго роста, сухощавый, съ улыбкою на устахъ, съ густыми черно-русыми волосами, съ полукруглою бородою, нѣсколько сгорбленный. Имѣлъ энергичный, настойчивый характеръ, отличную память и рѣдкую склонность къ чтенію книгъ. За богатое знаніе Св. Писанія раскольниками «отитлованъ живою библіею». Не любилъ ѣсть и пить много, но любилъ кушанья пріятныя и питье вкусное. Въ домѣ родителей прожилъ до 14-ти лѣтъ и въ 1697 году былъ уже на Выгѣ, переселившись туда вмѣстѣ съ отцомъ и младшимъ братомъ Иваномъ. Отправляясь въ путешествіе по столицамъ и городамъ, что̀ бывало очень часто, Андрей всегда бралъ съ собою Семена. Это обогащало послѣдняго живыми свѣдѣніями и наблюденіями, а грамматикѣ и риторикѣ его училъ самъ Андрей. Съ самаго начала XVIII вѣка Семенъ становится ревностнымъ сотрудникомъ брата и по дѣламъ общиннаго управленія, и по долгу церковнаго учительства. Вмѣстѣ съ нимъ онъ работаетъ при постройкѣ Лексинскаго монастыря, слѣдитъ за соблюденіемъ братіей общиннаго устава, приготовляетъ къ праздникамъ и церемоніямъ торжественныя рѣчи, воспитываетъ молодое поколѣніе въ школахъ, пропагандируетъ расколъ. О его преданности расколу говоритъ слѣдующее. Въ 1713 году, въ поѣздку въ Новгородъ, Семенъ, какъ расколоучитель, былъ преданъ суду и четыре года просидѣлъ въ тюрьмѣ; но къ православію не присоединился, несмотря на всѣ увѣщанія новгородскаго митрополита; въ заключеніе постарался склонить къ расколу караульнаго солдата и вмѣстѣ съ нимъ бѣжалъ. Послѣ смерти Андрея Семенъ былъ избранъ въ настоятели Выговскаго монастыря и управлялъ послѣднимъ 10 лѣтъ. Этотъ періодъ въ исторіи поморскаго раскола богатъ событіями, частью внутренняго настроенія въ общинѣ, частью внѣшнихъ для нея невзгодъ. На выговцевъ было нѣсколько доносовъ, на Выгъ пріѣзжали правительственные слѣдователи, доставившіе много хлопотъ Семену. Съ другой стороны ему пришлось вести борьбу съ извѣстнымъ Филип-

номъ, основателемъ филипповскаго толка. Но энергія и тактъ Семена все преодолѣли и «бѣды» были сбыты сравнительно благополучно. Въ качествѣ раскольническаго писателя Семенъ особенно извѣстенъ своими историческими трудами, каковы: «Исторія объ отцѣхъ и страдальцѣхъ соловецкихъ» и «Виноградъ Россійскій», два мартирологія, содержащіе въ себѣ извѣстія о лицахъ, казненныхъ за содержаніе раскола въ ранній періодъ существованія послѣдняго. Извѣстенъ Семенъ также своими проповѣдями. По искренности и силѣ чувства особенно замѣчательны его три надгробныхъ слова: Данилѣ Викулину, Соломоніи Діонисьевнѣ и Петру Онуфріевичу. Умеръ Семенъ въ 1741 году, 59 лѣтъ отъ роду. И здѣсь, какъ и по Андреѣ, «бысть вопль и плачъ велій, рыданіе неутѣшно и стенаніе несказанно». Предъ смертію Семенъ написалъ братіи завѣщаніе, въ которомъ, засвидѣтельствовавъ свою «вѣру» и ревность къ ней, т. е. свою преданность расколу, просилъ простить его, если кого обидѣлъ, и умолялъ соблюдать выговское уложеніе, а также указалъ, кто бы могъ быть ему преемникомъ. Вообще относительно Семена Д. нужно сказать, что онъ не только былъ помощникомъ брата своего Андрея при его жизни, но и завершилъ его трудъ, когда сдѣлался самостоятельнымъ киновіархомъ.

Вся организація знаменитаго выго-лексинскаго общежитія создана умомъ и трудами братьевъ Д. Въ чемъ она состояла и какое значеніе Д. имѣли въ расколѣ вообще, о томъ см. подъ словомъ *Безпоповщина* въ отдѣлѣ *поморскій толкъ*.

Литература. *Н. Барсовъ* «Братья Андрей и Семенъ Денисовы». М. 1866 г. Въ «Трудахъ Кіевской академіи» за 1866 и 1867 гг. двѣ статьи *Е. Барсова* «Семенъ Денисовъ Вторушинъ, предводитель русскаго раскола XVIII вѣка», и «Андрей Денисовъ Вторушинъ, какъ выгорѣцкій проповѣдникъ».

П. Смирновъ.

ДЕНЬГИ въ Библіи. I. *Въ Ветхомъ Завѣтѣ*. Д. въ смыслѣ чеканной монеты у евреевъ не было до позднѣйшаго времени, именно періода Маккавеевъ. Купля-продажа большею частью производилась чрезъ обмѣнъ самыхъ предметовъ, хотя уже рано нѣкоторые предметы, особенно домашнія животныя, получили значеніе своего рода мѣновой монеты, такъ что стоимость извѣстной вещи опредѣлялась извѣстнымъ количествомъ телятъ, овецъ, козлятъ и т. д. Но вмѣстѣ съ тѣмъ цѣнность этихъ предметовъ скоро была переведена на драгоцѣнные металлы, которые и стали употребляться въ качествѣ денегъ, хотя и не имѣли еще опредѣленной монетной стоимости, которая опредѣлялась единственно по вѣсу (см. «*Вѣсы*»). Куски серебра или золота, ходившіе въ видѣ простыхъ слитковъ, колецъ, различныхъ фигуръ, имѣли извѣстный вѣсъ и по нему не только опредѣлялась ихъ стоимость, но и опредѣлялось имъ самое названіе. Если кусокъ вѣсилъ талантъ, мину или сикль, то и назывался талантомъ, миной или сиклемъ и такъ далѣе, такъ что монетная система первоначально вполнѣ соотвѣтствовала системѣ вѣсовой, какъ она опредѣлена выше. Сикль (или сребренникъ) въ этомъ смыслѣ упоминается уже въ книгѣ Быт. **20**, 16, при чемъ есть указанія и на подраздѣленіе его на беки или полусикли и на геры, которыхъ было 20 въ сиклѣ (Исх. **30**, 13). Изъ крупныхъ денежныхъ единицъ въ Исх. **37**, 24 упоминается талантъ. Но слитки драгоцѣнныхъ металловъ не имѣли точнаго, установившагося вѣса, а слѣдовательно и цѣнности, и потому для опредѣленія ихъ цѣнности приходилось часто прибѣгать къ вѣсамъ, какъ это было въ Египтѣ, гдѣ на памятникахъ можно часто видѣть изображеніе взвѣшиванія слитковъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ упоминается особая монета, такъ называемая кесита (Іаковъ купилъ часть поля за сто «монетъ» кесита— Быт. **33**, 19 и др.). Что собственно разумѣется подъ этимъ названіемъ—неизвѣстно; но судя по тому, что у LXX греч. толковниковъ и въ Вульгатѣ слово сто переведено словомъ «ягненокъ» (ἀμνῶν—agnis), можно думать, что это были такого рода слитки, которые имѣли форму ягненка и ходили по извѣстной опредѣленной цѣнѣ, имѣя опредѣленный вѣсъ.

Библейскую денежную систему можно выразить так. обр. въ соотвѣтствующей вѣсу таблицѣ, изъ которой видно будетъ, что въ этой системѣ сдѣланы нѣкоторыя отступленія отъ вѣсовой системы. Но чтобы опредѣлить цѣнность того или другого вѣса металла и прежде всего серебра, мы за норму беремъ русскій серебряный рубль. Въ немъ значится 4 золотника 21 доля чистаго серебра. Такъ какъ на одну копѣйку приходится 4,05 долей серебра, то

слѣд. 1 гера серебра будетъ равняться 3,91 коп. (15,86 : 4,05 = 3,91). Для круглоты вычисленія мы полагаемъ цѣнность геры въ 4 коп. и тогда вся денежная система выразится въ слѣдующей таблицѣ:

1 гера					4 коп.	
10	1 бека				40	
20	2	1 сикль			80	»
1,200	120	60	1 мина		48	руб.
60,000	6,000	3,000	50	1 тал.	2,400	»

Чтобы составить подобную же таблицу для золота, нужно принять во вниманіе сравнительную стоимость этихъ металловъ въ библейское время. По наиболѣе тщательному изслѣдованію оказывается, что въ древности въ зап. Азіи золото было въ 13 разъ дороже серебра (въ Аоинахъ въ 12, а въ настоящее время въ 16). Разсчитывая по этой нормѣ, мы получимъ слѣдующую таблицу золотой монеты:

1 сикль			12 р. 50 к.
100	1 мина		1,250 –
10,000	100	1 талантъ	125,000 –

Послѣ Вавилонскаго плѣна среди іудеевъ вошли въ употребленіе персидскіе червонцы, такъ называемые *дарики* съ изображеніемъ на лицевой сторонѣ царя съ копьемъ въ правой рукѣ и лукомъ въ лѣвой и на оборотѣ — неправильнаго четырехъугольника. Эти дарики или по-еврейски *даркмоны* стали впослѣдствіи извѣстны подъ названіемъ драхмъ (1 Ездр. **2**, 69 и пр.). Цѣнность ихъ неизвѣстна, но приблизительно опредѣляется въ 6 р. 25 к.

При Маккавеяхъ впервые появляется чеканная монета. Именно Симонъ Маккавей получилъ въ 140 г. до Р. Хр. отъ сирійскаго царя Антіоха VII право чеканить монету (1 Макк. **15**, 6) и отъ этого времени до насъ дошло много монетъ, которыя можно видѣть въ музеяхъ. На лицевой сторонѣ маккавейскихъ сиклей значится: «Сикль (или полусикль) Израильскій», а на оборотѣ: «Іерусалимъ святой». При римлянахъ также чеканились сикли, на которыхъ съ лицевой стороны выбивалось изображеніе того или другого римскаго императора, а на оборотѣ—женщина подъ деревомъ съ надписью по сторонамъ: Judaea capta (плѣненная Іудея).

II. *Въ Новомъ Завѣтѣ*. Въ новозавѣтное время въ Палестинѣ почти исключительно ходили уже монеты греческія и римскія. Въ книгахъ Новаго Завѣта упоминаются одинъ родъ монеты іудейской, но пять родовъ монеты греческой и четыре рода монеты римской.

Ходячей іудейской монетой былъ *сребренникъ*, остатокъ маккавейской чеканки. Онъ равнялся сиклю (около 80 коп.) и считался національною монетой, употреблявшейся предпочтительно предъ всѣми другими при храмѣ. За эти «тридцать сребренниковъ» Іуда предалъ Христа (Матѳ. **26**, 15; **27**, 3—6, 9). По тогдашнимъ цѣнамъ это была достаточная сумма, чтобы купить небольшой участокъ земли даже въ окрестностяхъ Іерусалима. Въ Талмудѣ упоминается еще особая монета *зузъ*, множ. *зузимъ*, равная 6-й части динарія, т. е. приблизительно 4—5 копѣйкамъ

Греческія монеты были пяти родовъ: 1) *драхма* (Лук. **15**, 8, 9,) серебряная монета, равная римскому динарію: она составляла 6,000-ю часть аттическаго таланта, 100-ю часть мины и раздѣлялась на 6 оволовъ. Въ вѣкъ Перикла она вѣсила около 1 золотника 5 долей и равнялась 25 копѣйкамъ, хотя послѣ Александра Великаго цѣнность ея нѣсколько понизилась. Драхма, какъ основная денежная единица, являлась въ удвоенной цѣнѣ, какъ 2) *дидрахма* (Матѳ. **17**, 23), каковая монета приравнивалась къ полусиклю, такъ что вмѣсто послѣдняго принималась въ уплату храмовой подати, хотя она по цѣнности стояла нѣсколько выше его. 3) Четыре драхмы составляли *статиръ* (Матѳ. **17**, 26), называвшійся также тетрадрахмой. Онъ приравнивался къ полному священному сиклю или сребреннику. На лицевой сторонѣ его изображалась Минерва, а на оборотѣ—ночная сова, символъ этой богини. Такой статиръ найденъ былъ ап. Петромъ въ пойманной имъ рыбѣ и отданъ имъ въ уплату храмовой подати за І. Христа и за себя. 4) Сто драхмъ или 25 статировъ составляли *мину*, которая такимъ образомъ приблизительно равнялась двадцати пяти рублямъ. 5) Высшей денежной единицей былъ *талантъ*, золотой или серебряный (Матѳ. **18**, 24; **25** и сл.; Апок. **26**, 21). Вѣсъ и цѣнность его сильно разнообразились въ различные періоды. Золотой талантъ былъ равенъ десяти серебрянымъ. Аттическій талантъ равнялся 60 минамъ или 6,000

драхмъ, т. е. приблизительно 1,500 рублей. Коринѳскій талантъ равнялся 100 минамъ (2,500 рублей). Послѣдній болѣе подходилъ къ цѣнности собственно еврейскаго (ветхозавѣтнаго) серебрянаго таланта, который равнялся приблизительно 2,400 рублей.

Римскія монеты, упоминаемыя въ Новомъ Завѣтѣ, были четырехъ видовъ: 1) *Динарій*, по-латыни *denarius*, былъ серебряной монетой, называвшейся такъ вслѣдствіе того, что она первоначально составляла десять асовъ, но позднѣе стала равняться шестнадцати. О динаріѣ часто упоминается въ евангеліяхъ какъ очевидно наиболѣе употребительной монетѣ (Матѳ. **18**, 28; **20**, 2, 9, 10, 13; **22**, 19; Марк. **6**, 37; **12**, 15; **14**, 5; Лук. **7**, 41; **10**, 35; **20**, 24; Іоан. **6**, 7; **12**, 5; Апок. **6**, 6). По своему вѣсу и цѣнности динарій приравнивался къ греческой драхмѣ или $^1/_4$ сикля; но во время земной жизни Спасителя онъ имѣлъ значительно меньшую цѣнность, и равнялся приблизительно 20 копѣйкамъ. На лицевой сторонѣ его изображался царствующій императоръ (Матѳ. **22**, 19—21). Динарій составлялъ ежедневную плату римскаго воина, какъ драхма—ежедневную плату аѳинскихъ воиновъ. Онъ же составлялъ обычную поденную плату рабочимъ (Матѳ. **20**, 2 и сл.). Динарію же равнялась поголовная подать, которую іудеи обязаны были платить римлянамъ (Матѳ. **22**, 19). 2) Динаріи раздѣлялись на десять, а затѣмъ на шестнадцать *ассаріевъ* или сокращенно—*асовъ* (Матѳ. **10**, 29; Лук. **12**, 6). Это была мѣдная монета, равная приблизительно двумъ копѣйкамъ. 3) Четвертую часть ассарія составлялъ *кодрантъ*, по-латыни *quadrans* (Матѳ. **5**, 26; Марк. **12**, 42), и онъ равнялся $^1/_2$ копѣйки, т. е. денежкѣ. На лицевой сторонѣ обѣихъ этихъ монетъ изображался императоръ, а на оборотѣ остовъ корабля съ надписями. 4) Половину кодранта составляла *минута* (*minutum*) или *лепта* (Лук. **12**, 59; **21**, 2; Марк. **12**, 42), самая мелкая мѣдная монета, равная полушкѣ. Двѣ такія-то монетки и положила въ сокровищницу храма бѣдная вдова, удостоившаяся особенной похвалы отъ Христа.

ДЕНЬ въ Библіи. Прямой смыслъ библейскаго термина *йомъ* заключаетъ въ себѣ понятіе обыкновеннаго, естественнаго дня, или, говоря точнѣе, астрономическихъ сутокъ. Въ такомъ, напр., смыслѣ употреблено это слово на первой же страницѣ Библіи, въ исторіи творенія міра, гдѣ указаны и естественныя границы дня, въ видѣ «вечера» и «утра» (Быт. **1**, 5, 8, 13 и т. д.). Исходя, вѣроятно, изъ даннаго указанія Моисеевой космогоніи, евреи вели счетъ своихъ сутокъ не съ утра, какъ это общепринято, а съ вечера (Дан. **8**, 14), откуда обычно начинался у нихъ и кругъ суточнаго богослуженія (Исх. **12**, 6, 18; Лев. **23**, 32). Достойно вниманія, что такая ветхозавѣтная практика перешла и въ новозавѣтный періодъ (νυχθήμερον,—2 Кор. **11**, 25), доселѣ удержавшись въ нашемъ церковномъ обиходѣ, гдѣ счетъ дней точно также ведется съ кануна навечерія. Кромѣ предѣльныхъ своихъ границъ—«вечера» и «утра», библейскія сутки имѣли и еще нѣсколько болѣе частныхъ дѣленій,—таковы: «заря» (Іов. **3**, 9)—прохладная пора, предшествующая утреннему разсвѣту; затѣмъ «дневной зной» (1 Цар. **11**, 9; 2 Цар. **4**, 5), т. е. самое жаркое время дня, падающее на Востокѣ на девятый часъ утра; далѣе, «полдень» (Быт. **18**, 1; **43**, 16; Втор. **28**, 29) и «прохлада дня» (Быт. **3**, 8), т. е. время предъ закатомъ солнца, соотвѣтствующее утренней «зарѣ». Наконецъ и послѣдній предѣлъ дня—«вечеръ» имѣлъ, въ свою очередь, двойное раздѣленіе: отъ трехъ пополудни до пяти продолжался первый вечеръ, а съ пяти наступалъ уже второй. Отсюда, между прочимъ, объясняется и двойственное число слова erev, при опредѣленіи времени закланія пасхальнаго агнца (Лев. **23**, 5). Впослѣдствіи, передъ временемъ пришествія въ міръ Спасителя и въ теченіе всей новозавѣтной исторіи, мы встрѣчаемъ у іудеевъ уже другое, болѣе дробное и точное дѣленіе сутокъ на стражи и часы, очевидно, перенятое ими у римлянъ.

Буквальный смыслъ термина *йомъ* какъ основной единицы времени, весьма рано получилъ у евреевъ и другое, болѣе широкое значеніе, въ смыслѣ указанія на время вообще. Иногда это время указывалось болѣе точно, тѣми опредѣляющими предикатами, которые присоединялись къ слову «день», напр. «день Іеговы» (Ис. **2**, 12), т. е. время божественнаго воздаянія, «день чего-либо», т. е. время его рожденія или смерти, «день воззванія» (Пс. **56**, 9), т. е. время обращенія къ Богу, «дни того или иного царя», т. е.

время его правленія и т. п. Но гораздо чаще, въ особенности въ формѣ мн. числа *йямимъ*—«дни». Этимъ указывалась неопредѣленная продолжительность времени, соотвѣтствующая нашимъ неопредѣл. нарѣчіямъ времени: «однажды», «нѣкогда», и въ особенности близкая не только по духу, но и по самой буквѣ хорошо извѣстной стереотипной славянской фразѣ: «во дни оны» или «во время оно».

Дни творенія. Среди всѣхъ вышеуказанныхъ значеній термина *йомъ* довольно исключительное положеніе въ библейской экзегетикѣ занимаютъ, такъ называемые, «дни творенія», т. е. шесть перыхъ дней міра, которые образуютъ библейскій гексамеронъ, или творческую недѣлю (Быт. 1 гл.).

Толкованіе этихъ творческихъ дней составляетъ одну изъ труднѣйшихъ экзегетическихъ проблеммъ. Весь вопросъ здѣсь въ томъ, какъ понимать эти дни творенія: въ смыслѣ ли обычныхъ, астрономическихъ сутокъ, или въ смыслѣ болѣе или менѣе продолжительныхъ періодовъ мірообразованія? За первое рѣшеніе этой дилеммы стоитъ прямой, буквальный смыслъ библейскаго текста, древне-христіанская традиція и ортодоксальный экзегесисъ вообще. За второе не менѣе рѣшительно высказывается положительная наука, устанавливающая, на основаніи данныхъ геологіи, астрономіи и палеонтологіи, фактъ существованія, такъ называемыхъ, «геологическихъ эпохъ», т. е. болѣе или менѣе значительныхъ періодовъ постепеннаго мірообразованія.

Для устраненія такого очевиднаго противорѣчія экзегетами и апологетами Библіи, еще со времени глубокой древности, былъ предпринятъ цѣлый рядъ конкордативныхъ попытокъ, которыя можно объединить въ нѣсколько слѣдующихъ главныхъ группъ: а) теоріи идеалистическія, дающія аллегорическое истолкованіе библейскихъ дней творенія (Филонъ, Оригенъ и вообще представители александрійской школы), б) теоріи реститутивныя, относящія происхожденіе геологическихъ пластовъ или къ періоду хаотическаго состоянія міра, или ко времени потопа (Розенмюллеръ, Букландъ, Куртцъ, Божіо и др.), в) теоріи періодистическія, трактующія библейскіе творческіе дни въ смыслѣ геологическихъ эпохъ (Кювье, Эбрардъ, Меньянъ, Властовъ, Сергіевскій и др.) и, наконецъ, г) поэтическія теоріи, усматривающія въ библейской космогоніи не дѣйствительную исторію міротворенія, а ея поэтическую идеализацію, своего рода религіозно-символическую поэму (Ленорманъ, Павлюсъ и др.).

Не входя въ подробное изложеніе и критику каждой изъ этихъ теорій, отмѣтимъ здѣсь ихъ общій главный недостатокъ, то, что всѣ онѣ, однѣ болѣе (идеалистич., періодистич., поэтич.), другія менѣе рѣшительно (реститутивныя), но въ общемъ совершенно, очевидно, отвергаютъ подлинный смыслъ библейскаго текста и навязываютъ ему свое, произвольное объясненіе. А между тѣмъ прямой, буквальный смыслъ библейскихъ дней творенія стоитъ, по нашему мнѣнію, внѣ всякихъ сомнѣній. Тамъ, гдѣ отдѣльно перечисляются дни творенія, гдѣ такъ рѣшительно выставляется на видъ ихъ опредѣленное количество и строгая послѣдовательность, тамъ всякое иное пониманіе «дней», кромѣ буквальнаго, будетъ уже явнымъ насиліемъ текста. Если же прибавить еще и то, что библейскіе творческіе дни подраздѣляются на «вечеръ» и «утро»—эти очевидные показатели естественныхъ астрономическихъ сутокъ, то иное пониманіе ихъ становится и прямо невозможнымъ.

Однако защищая столь рѣшительно буквальный смыслъ библейскаго текста, мы отнюдь не закрываемъ своихъ взоровъ передъ яснымъ свѣтомъ науки и охотно принимаемъ тѣ ея положенія, которыя считаются теперь прочными выводами геологіи, т. е. что земная кора сложилась не вдругъ, а постепенно и что вся органическая жизнь возникла и развилась на ней въ теченіе нѣсколькихъ продолжительныхъ періодовъ, извѣстныхъ подъ именемъ «геологической эпохи».

Но не обостряемъ ли мы этимъ самымъ еще сильнѣе конфликтъ Библіи и науки и не дѣлаемъ ли данную проблемму окончательно неразрѣшимой, какъ то думаетъ одинъ изъ нашихъ апологетовъ (проф. Свѣтловъ)? Отвѣтимъ, что нисколько, такъ какъ мы хотимъ указать новый выходъ изъ вышеуказаннаго затрудненія, состоящій въ болѣе внимательномъ и глубокомъ экзегесисѣ библейскаго повѣствованія, въ раскрытіи внутренняго характера Моисеевой космогоніи.

Въ самомъ дѣлѣ, что такое предста-

вляетъ собой библейская космогонія, каковъ внутренній ея характеръ и самая исторія ея происхожденія?

Для вѣрующаго сознанія единственно правильнымъ отвѣтомъ на этотъ вопросъ будетъ тотъ, что библейская космогонія есть открытая Богомъ первому человѣку и быть можетъ снова повторенная Моисею исторія міроздания, сообщенная притомъ не въ отвлеченной формѣ слова, а въ наглядной картинѣ *видѣнія* (visio) какъ болѣе доступной наивному мышленію первыхъ людей. Св. Писаніе даетъ намъ нѣсколько примѣровъ различнаго рода видѣній: одни изъ нихъ съ буквальной точностью открываютъ будущее событіе, каково, напр., видѣніе Іудой первосвященника Оніи и пр. Іереміи, молящихся за народъ іудейскій (2 Макк. **15**, 12—16). Другія лишь символически предуказываютъ грядущее, какъ напр. видѣніе пр. Іереміей жезла и поджигаемаго котла, предсказывавшее имѣвшія обрушиться на Іудею бѣдствія (Іер. **1**, 11—16), и видѣніе ап. Петромъ символическаго знаменія объ обращеніи язычниковъ въ лоно Христовой церкви (Дѣян. **10**, 10—16). Наконецъ, третьи даютъ лишь схематическій очеркъ главнѣйшихъ моментовъ историческаго будущаго; таковы, напр. видѣнія пр. Даніила, касающіяся судьбы различныхъ языческихъ государствъ (видѣніе четырехъ звѣрей—**7** гл.) и исторіи мессіанскаго царства (седьмины Даніила—**9** гл.). Къ послѣднему типу должно быть отнесено и Моисеево видѣніе космогоніи, при чемъ въ немъ, въ зависимости отъ трудности самаго предмета, умственной неразвитости перваго человѣка и особой цѣли космогоніи, всѣ отличительныя особенности этого типа (наличность только главнѣйшихъ моментовъ и опущеніе всѣхъ деталей) должны были выразиться особенно рѣзко.

Типичной чертой всѣхъ подобнаго рода видѣній служитъ ихъ почти полная отрѣшенность отъ пространственно-временныхъ границъ, благодаря чему событія, въ дѣйствительности сильно удаленныя другъ отъ друга, въ видѣніи оказываются одновременными или быстро смѣняющимися. Наглядный примѣръ этого мы и имѣемъ въ космогоническомъ видѣніи. Исторія постепеннаго мірообразованія, развивавшаяся въ силу данныхъ ей Богомъ законовъ, быть можетъ, въ теченіе многихъ вѣковъ и тысячелѣтій, прошла здѣсь предъ духовнымъ взоромъ созерцавшаго ее въ видѣніи человѣка, вѣроятно, въ очень краткій срокъ времени и представилась ему въ видѣ цѣлой серіи картинъ творенія, изъ которыхъ каждая составляла опредѣленную, законченную группу явленій. Эти группы характеризуются въ Библіи весьма обще и кратко, по ихъ главнымъ предметамъ, безъ указанія на подробности ихъ происхожденія и на время, потребное для ихъ образованія; но самый порядокъ слѣдованія библейскихъ картинъ въ общемъ совпадаетъ съ естественно-научной классификаціей, чѣмъ и доказывается его несомнѣнная историческая правда. Принимая во вниманіе, съ одной стороны, наивность дѣтскаго мышленія первыхъ людей, съ другой стороны, имѣя въ виду религіозно-нравственныя, а не естественно-научныя задачи космогоніи, мы и не въ правѣ ожидать отъ нея чего-либо большаго: она должна была сообщить людямъ, въ мѣру ихъ развитія и пониманія, только самое существенное и необходимое, предоставивъ разработку дальнѣйшихъ деталей прогрессивно развивающейся испытующей мысли самого человѣка.

Для полноты рѣшенія данной проблеммы, намъ остается выяснить еще два пункта: почему различные моменты космогоническаго видѣнія названы въ Библіи именно днями, а не какъ-либо еще, ближе къ дѣйствительности, напр. періодами или эпохами? И во-вторыхъ, чѣмъ обусловлено извѣстное, строго опредѣленное въ Библіи количество такихъ дней («шестодневъ»)?

Лучшимъ отвѣтомъ на первый изъ поставленныхъ вопросовъ служитъ, по нашему мнѣнію, то естественное предположеніе, что «день» былъ самой простой, самой понятной и непосредственно доступной хронологической мѣркой. Вполнѣ понятно, что первобытный человѣкъ не могъ еще вмѣстить и усвоить такихъ отвлеченныхъ понятій, какъ «творческій періодъ» или «геологическая эпоха», такъ что форма понятнаго ему «дня» была единственнымъ путемъ сообщенія ему идеи послѣдовательности и постепенности творенія.

Что же касается до второго изъ вышеуказанныхъ вопросовъ—о числѣ «дней», то отвѣта на него, разумѣется, должно искать въ фактической исторіи самаго творенія, т. е. въ дѣйствительномъ количествѣ

міробразовательныхъ періодовъ; и уже только впослѣдствіи и на основаніи этого факта творческій гекзамеронъ могъ сдѣлаться прототипомъ человѣческой недѣли, а не наоборотъ, какъ, повидимому, склонны думать нѣкоторые богословы.

Представленная нами теорія («візіонерная») «дней творенія» даетъ, смѣемъ думать, наилучшее разрѣшеніе этой запутанной проблеммы и прекрасно устраняетъ конфликтъ Библіи съ наукой по данному вопросу: согласно съ требованіями Библіи она сохраняетъ за библейскими «днями» ихъ прямой, фактической смыслъ; но, уважая выводы точной науки, она относитъ эти дни не къ самой исторіи творенія, а къ тому космогоническому видѣнію, въ которомъ Богъ благоволилъ впослѣдствіи открыть человѣку эту прошедшую исторію. Разграничивъ, такимъ образомъ, сферу Библіи (космогоническое видѣніе) отъ области науки (фактической процессъ), наша теорія eo ipso разъ навсегда устраняетъ всякую возможность какихъ-либо конфликтовъ между ними по данному вопросу. Да эта теорія и не составляетъ чего-либо безусловно новаго: почти всѣ отдѣльные ея пункты были высказаны гораздо раньше, а нѣкоторые, наиболѣе существенные изъ нихъ, отстаивались еще оо. и учителями церкви, во главѣ съ І. Златоустымъ, бл. Ѳеодоритомъ и Гр. Нисскимъ.

Литература. *Hummelauer* «Commentarius in Genesim». Parisiis, 1895. *Thomas* «Les temps primitifs et les origines religieuses» I. Paris, 1889. *K. Eriszl* «Das biblische Sechstagewerk». Regensburg, 1894. *А. Покровскій* «Библейское ученіе о первобытной религіи», Троице-Сергіев. лавра. 1901. *А. Покровскій.*

ДЕПУТАТЫ (*οἱ δεποτάτοι*) — члены клира восточн. церкви, имѣвшіе обязанность идти впереди патріарха и расчищать для него дорогу среди толпы, а также вызывать къ патріарху церк. властей (Corp. script. hist. Bysant., vol. XXII, p. 205, и vol. XXIII, p. 15). Совершенно иное значеніе пріобрѣли Д. въ русской церкви, такъ какъ здѣсь они стали напоминать собою другую должность восточн. церкви—*екдиковъ* (см. это слово и примѣчаніе къ 109 прав. соб. карѳагенск. въ Книгѣ правилъ). Начало должности въ этомъ именно смыслѣ можно видѣть въ тѣхъ дух. лицахъ, которыя по уставу св. Владиміра призывались для засѣданій *въ общихъ судахъ;* затѣмъ, она имѣетъ сходство и съ *заказщиками*, имѣвшими обязанность снимать показанія съ дух. лицъ, взятыхъ въ угол. преступленіяхъ. Впервые названіе «дух. депутатъ» употребляется при Елизаветѣ Петровнѣ; въ смыслѣ же особой должности дух. депутатъ является съ 26 сентября 1791 г. (П. С. З. № 16986), а съ 31 август. 1810 г. она окончательно вводится въ строй церковно-административныхъ должностей русской церкви (Уст. дух. конс. ст. 150—152 и 156 примѣч.). Но теперь, съ повсемѣстнымъ введеніемъ новыхъ судебныхъ уставовъ и учрежденій, по коимъ по угол. дѣламъ присутствіе Д. отъ вѣдомствъ не допускается, значеніе дух. судеб. Д. пропало. Въ настоящее время названіе Д. примѣняется: къ дух. лицу, вызываемому для присутствованія при слѣдствіи о лицахъ духовныхъ, къ лицамъ, избираемымъ въ качествѣ членовъ на училищные и общеепархіальные съѣзды духовенства и командируемымъ епархіальными начальствами для присутствованія въ засѣданіяхъ земствъ («Церк. Вѣд.» 1891 г. № 40) и въ собраніяхъ городскихъ думъ (Город. полож. 1892 г. § 57), къ лицамъ, командируемыхъ для присутствованія при вскрытіи тѣлъ монаховъ и священниковъ (Уст. мед. пол. ст. 1320 т. XIII Свод. зак. изд. 1892 г.), при судебно-межевомъ разбирательствѣ и спорахъ о границахъ ц. земли (ст. 482 Зак. суд. граж. Свод. зак. т. XVI ч. II изд. 1892 г.) и при межеваніи церковныхъ земель (ст. 271—282 Зак. меж. Свод. зак. т. X ч. 2 изд. 1893 г.).
Н. М.

ДЕРВИШИ, отъ перс. слова *дервисъ*—нищій. Такъ называются монахи въ мусульм. мірѣ. Среди послѣдователей Магомета много всякаго рода монаш. чиновъ или орденовъ, но всѣ они отличаются крайнею распущенностью, фанатическимъ сумасбродствомъ и циническою пошлостью. Въ теоріи, правда, отъ дервишей требуется обѣтъ бѣдности и цѣломудрія и они обязаны проповѣдывать, произносить молитвы, жить согласно съ 99 свойствами Бога и вообще вести добродѣт. жизнь, но въ дѣйствительности большинство ихъ ведутъ бродячую, безпорядочную жизнь, нищенствуютъ и занимаются всякаго рода плутовствомъ, хотя въ народѣ слывутъ за чудодѣевъ и святыхъ. Немалое число ихъ пристраиваются при дворахъ восточныхъ государей въ качествѣ придворныхъ шутовъ или ле-

жатъ въ кофейняхъ, лавкахъ, пробавляясь подачками, предаются опіуму и связаннымъ съ нимъ сумасбродствамъ. Во главѣ ихъ стоитъ верховный дервишъ, который имѣетъ надъ ними безграничную власть. Есть два рода дервишей—«завыватели» и «вертуны», которыхъ можно встрѣчать во всѣхъ мусульм. странахъ. Первымъ основателемъ ордена дервишей считается арабъ Увейсъ изъ Кару, который будто бы въ 657 г. былъ призванъ къ своему дѣлу арханг. Гавріиломъ. О немъ разсказываютъ, что онъ самъ выбилъ себѣ зубы въ воспоминаніе о томъ, что Магометъ подобнымъ же образомъ въ одной битвѣ вышибъ себѣ зубъ. Многочисленные ордена или классы дервишей называются по имени своихъ основателей и главное средоточіе всѣхъ мусульм. монастырей находится въ Коніи, въ Малой Азіи.

На русскомъ языкѣ о Д. имѣется обстоятельная диссертація *П. А. Позднева* (нынѣ ректора пенз. дух. сем.).

ДЕСНОЕ БРАТСТВО, русская секта, иначе называемая «Сіонскою вѣстью» и сектою «іеговистовъ». «Д. братствомъ» эта секта было названа самимъ основателемъ ея; названіе «Сіонская вѣсть» принадлежитъ собственно одной изъ символическихъ книгъ сектантовъ; нынѣ сектанты именуютъ себя преимущественно «іеговистами».

Основателемъ секты былъ штабсъ-капитанъ артиллеріи Николай Созонтовичъ Ильинъ, человѣкъ съ образованіемъ и не бездарный. Оффиціально онъ значился сыномъ солдата; но самъ Ильинъ называлъ своимъ отцомъ шведскаго генерала Паткуля, а матерью—польскую уроженку Тенчинскую, и считалъ себя рожденнымъ внѣ брака. Въ молодыхъ годахъ Ильинъ нѣкоторое время былъ въ Полоцкѣ въ іезуитскомъ коллегіумѣ, потомъ поступилъ въ военную службу и жилъ сначала въ Оренбургѣ, потомъ на Баранчинскомъ заводѣ пермской губерніи. Еще въ 1842 г. онъ уже выступилъ сотрудникомъ тогдашняго журнала «Маякъ», мистическимъ направленіемъ котораго вообще очень увлекался, и въ предисловіи къ одной статьѣ провелъ мысль о необходимости объединенія всѣхъ вѣръ подъ знаменемъ одной «миротворной, брато-пророческой, клеврето-ангельской вѣры». Въ 1846 г., живя на Баранчинскомъ заводѣ, Ильинъ выступилъ съ устной пропагандой и уже совершенно открыто сталъ нападать на православную церковь. За это онъ былъ преданъ суду и въ 1856 г. сосланъ въ Соловецкій монастырь. Здѣсь онъ прожилъ семь лѣтъ и все время продолжалъ свою пропаганду. «Богъ моей рукой,—говоритъ Ильинъ,—написалъ книгъ до ста, силою святою разсылалъ ихъ просто». Еще на самыхъ первыхъ порахъ въ предѣлахъ Екатеринбурга у Ильина нашлись два помощника: нѣкій К. П—въ, служившій въ уральскомъ горномъ управленіи, сынъ священника, студентъ семинаріи, и бывшій лѣсничій Нижне-Туринскаго завода Л—нъ. Подобно этому нашелся помощникъ и въ Соловкахъ—въ лицѣ караульнаго солдата, который способствовалъ распространенію тетрадей Ильина. Изъ Соловковъ Ильинъ былъ переведенъ въ Суздальскій Спасо-Евеиміевъ монастырь, а въ 1883 г. помилованъ и препровожденъ въ курляндскую губернію, гдѣ и умеръ въ 1890 г. Живя въ Митавѣ, Ильинъ и здѣсь продолжалъ свою пропаганду, писалъ сочиненія и разсылалъ по разнымъ мѣстамъ письма. Писалъ Ильинъ частью прозою, частью стихами; сочиненій его сохранилось не мало и всѣ они пользуются у его послѣдователей большимъ уваженіемъ. Самое видное сочиненіе, въ которомъ Ильинъ сдѣлалъ сводъ своего ученія, называется «Лучъ свѣта разсвѣта» или «Сіонская вѣсть».

Въ основу своего ученія основатель «Д. братства» положилъ пророческую новозавѣтную книгу Апокалипсисъ. Видя въ ней изображеніе настоящаго состоянія людей, Ильинъ называлъ ее «книгою съ неба» и добавлялъ, что «по разуму даже и китайцу ясно, что противникъ Христу тотъ христіанинъ, который говоритъ или учитъ противно словамъ Христовымъ въ той книгѣ». Поэтому въ уста своихъ послѣдователей Ильинъ влагаетъ слѣдующую пѣснь: «Преобразился Ты, нашъ Господь Іисусе, на островѣ Патмосѣ, открылъ намъ Твою человѣко-божескую славу и міроправительный планъ Твой, показалъ намъ ясно и понятно, что будетъ происходить въ мірѣ семъ, какія появляться будутъ христіанства и деспотизныя шарлатанства». Себѣ и своимъ послѣдователямъ Ильинъ приписывалъ особый даръ прозрѣнія, при помощи коего и толкуется Апокалипсисъ.

Ученіе Ильина представляетъ смѣсь мистицизма, матеріализма, еврейства и соціализма. Въ одной изъ своихъ статей, озаглавленной: «Рожонъ, выставленный отъ новозавѣтныхъ іудеевъ противъ христіанской Езавели», Ильинъ на вопросъ: «кто такіе боги»?—отвѣчаетъ: «люди же, только безсмертные и просвѣщенные таинствами натуры, музыкою и разными языками, короли, безсмертные мудрецы, или маги». Поэтому и еврейскій богъ есть человѣкъ же, хотя въ то же время онъ и богъ боговъ: онъ ходилъ, ѣлъ и пилъ, говорилъ лицомъ къ лицу съ людьми; онъ имѣетъ какъ душу, такъ и всѣ части человѣческаго тѣла; имя его — Егова, что̀ значитъ «наимудрѣйшій мудрецъ изъ всѣхъ мудрецовъ». Іисусъ Христосъ есть «распятый Егова, человѣко-богъ, простой еврей», родившійся естественнымъ образомъ. Точно также говорятъ и современные іеговисты. «Вашего Духа-Бога, возражаютъ они православнымъ, если за тысячнымъ солнцемъ еще квадралліонъ верстъ пройдешь, то и тамъ не найдешь. А нашъ богъ ходитъ по землѣ и заходитъ къ друзьямъ своимъ, ужинаетъ у нихъ вмѣстѣ съ ними, подобно тому, какъ онъ заходилъ къ Аврааму и обѣдалъ у него подъ дубомъ и послѣ ходилъ и стоялъ съ нимъ у Содома, боролся съ Яковомъ, заходилъ къ Мельхиседеку, къ Адаму и Евѣ, къ Каину и Авелю, Іову, Магомету, обѣдалъ на Синаѣ съ 75 израильтянами, перстомъ своимъ написалъ скрижали. Нашъ богъ—человѣкъ, и даже еврей, и даже обрѣзанный, но только предвѣчно безсмертный; онъ воскрешаетъ своихъ друзей и дѣлаетъ ихъ такими же неумирающими». О человѣкѣ Ильинъ училъ: «на дѣлѣ каждый видитъ, что всякому человѣку такое же назначеніе въ природѣ, какъ и подобнымъ ему обезьянамъ и другимъ животнымъ и растеніямъ, т. е. зарождаться, возрастать до опредѣленной величины и снова уничтожаться или разлагаться на составные первоначальные элементы; вотъ почему и по прошествіи многихъ тысячелѣтій никто никогда не видѣлъ безсмертнаго человѣка». Свою общину Ильинъ мыслилъ въ образѣ «новозавѣтнаго» или «возрожденнаго» іудейства. Именно—возрожденнаго, потому что настоящихъ евреевъ онъ называлъ «сонмищемъ сатанинымъ», народомъ негоднымъ и непокорнымъ Богу. Отсюда съ одной стороны Ильинъ заповѣдывалъ нѣкоторыя еврейскія установленія, напримѣръ—праздновать субботу, не ѣсть свинину; съ другой указалъ спеціальный «законъ» новозавѣтно-іудейской религіи, полагая его въ особаго рода *любви*. «Чтобъ всѣ мы шли бы безъ чиновъ, чтобъ стали быть одной семьей; въ свободномъ равенствѣ, въ любви, чтобъ въ дружбѣ были всѣ крѣпки; ласкались бы, какъ голубки». Ибо «только эгоисты могутъ говорить, что можно спастись отъ смерти, и будучи богачемъ, господиномъ, владыкою, властелиномъ, или бариномъ». Впрочемъ, главныя чаянія іеговистовъ касаются не столько настоящаго, сколько будущаго. По ихъ ученію, уже и въ настоящее время существуетъ раздѣленіе людей на десныхъ и ошуйныхъ, но пока еще—только духовное, невидимое. Но настанетъ часъ, когда Господь произведетъ это раздѣленіе видимо, и тогда для десныхъ откроется новое царство въ Іерусалимѣ. Десные возлягутъ тогда съ Авраамомъ, Исаакомъ, Іаковомъ, пророками, апостолами, мучениками, и это вотъ что значитъ: въ этомъ царствѣ будутъ рощи, сады, обиліе плодовъ, золота, серебра, и наоборотъ—не будетъ «варварскихъ наукъ», ни «школъ рекрутскихъ», «ни полиціи, ни судей». «Всюду святость у людей; хороводы дамъ, дѣвицъ, кроткихъ, мудрыхъ и пѣвицъ вьются божьимъ вензелемъ и поютъ Ему объ Немъ; всюду слышится игра, аллилуіа и ура». Продолжительность этого чувственнаго царства Ильинъ ограничивалъ тысячью лѣтъ. Послѣдователи его говорятъ и о томъ, что будетъ послѣ этой «тысячи». «Послѣ тысячи лѣтъ Егова совсѣмъ истребитъ сатану со всѣми принадлежащими ему людьми, сдѣлаетъ новую землю въ милліонъ разъ большую этой, и поселится на ней съ своими безсмертными людьми на 88 тысячъ лѣтъ». На эту преобразованную, и притомъ не одинъ разъ, землю будетъ спущенъ съ неба городъ Іерусалимъ, съ вымощенными прозрачнымъ золотомъ улицами, каждая по двѣ тысячи верстъ въ длину, ширину и вышину; посреди этого города будетъ дворецъ Іеговы, изъ-подъ дворца будетъ протекать рѣка по всѣмъ улицамъ, а на берегахъ ея будутъ расти дивныя фруктовыя деревья, питаясь плодами которыхъ люди не будутъ ни старѣть, ни умирать, оставаясь — мужчины

въ возрастѣ 34 лѣтъ, а женщины 16 лѣтъ.

Примѣнительно къ такому пониманію настоящаго и будущаго устройства своей общины іеговисты крайне отрицательно относятся къ существующему отечественному строю,—не только церковному, но и общественному и государственному. Ихъ отношенія къ Евангелію, къ таинствамъ, къ основнымъ догматамъ христіанства въ высшей степени дерзкія и кощунственныя до цинизма. Самъ Ильинъ называлъ Новый Завѣтъ костью, брошенною для раздора, всѣхъ православныхъ — дѣтьми Езавели, волко - агнцами, талмудистами, ошуйными, отмѣченными числомъ антихриста 666; православные храмы называлъ капищами, св. иконы—простыми досками, священниковъ—торгашами. Подобно этому синодъ и сенатъ Ильинъ считалъ за сонмъ губителей, царей—за деспотовъ, «чины и красные штаны—за дурь и прелесть сатаны, защиту вѣръ войной, гоньбой—за звѣрство, за разбой». Весьма характерно въ этомъ отношеніи сочиненная Ильинымъ «Эпитафія на православныхъ кладбищахъ» въ видѣ разговора «Езавели» съ «Ураніей»; осужденію послѣдней здѣсь подвергаются цари и патріархи, ученые и журналисты, «попы» и монахи, чиновники и купцы, цеховые и крестьяне. При этомъ Ильинъ написалъ даже гимнъ подъ названіемъ «Призывъ братьевъ къ сраженью на берегахъ Невы, въ этой адской сторонѣ»; этотъ гимнъ должно пѣть на голосъ «Чижикъ, чижикъ, гдѣ ты былъ». А «Утренняя заря въ военныхъ лагеряхъ царя святыхъ» прямо призываетъ іеговистовъ начать дѣло Сіона—«взять въ десницу его мечъ, и враговъ рубить и сѣчь, и направо и налѣво, по примѣру бы Халева, не щадя ужъ никого». Въ основѣ такихъ «призывовъ» лежитъ мысль о необходимости вести брань съ «сатанинскимъ міромъ», каковымъ іеговисты признаютъ всѣхъ непринадлежащихъ къ ихъ сектѣ. И такъ какъ сектанты убѣждены, что время таковой «послѣдней брани» уже настало, то и не ограничиваются одною теоретическою проповѣдью. Нынѣ іеговисты уже открыто протестуютъ противъ общественныхъ и государственныхъ повинностей, не стѣсняясь подавать о томъ по начальству даже письменныя заявленія; кромѣ того судебнымъ порядкомъ константированы ихъ покушенія на жизнь православныхъ при посредствѣ динамита. Все это показываетъ, что секта іеговистовъ должна быть считаема вредною не только въ церковномъ отношеніи, но и въ гражданскомъ.

Что касается богослужебнаго культа, то, рѣзко отрицая всю внѣшность православной церкви, Ильинъ заповѣдалъ своимъ послѣдователямъ «ни церквей, ни алтарей не созидать, а на всякомъ мѣстѣ Бога прославлять, ни обрядовъ, ни поповъ не сочинять, ибо каждый братъ есть царь и іерей». Вмѣсто этого онъ указалъ на «хороводы и парады, разныя хваленья, ибо это суть обряды богопрославленья». Для этихъ хороводовъ составлены и особаго рода гимны, которые должно пѣть на мотивъ обыкновенныхъ народныхъ пѣсенъ. Таковы, напримѣръ: *Эпитафія на православныхъ кладбищахъ*,—гимнъ двухорный съ музыкою, на голосъ «Близъ Ревеля баронъ, любитель псовъ»; *Маршъ лаодикійскихъ побѣдителей къ Сіону*, съ музыкою на голосъ: «Я посѣю молода-младенька цвѣтиковъ маленько»; *Благодарность къ Богу отъ лаодикійскихъ побѣдителей*, съ колѣнопреклоненіемъ, на голосъ: «Я вечеръ въ лугахъ гуляла»; *Догматъ покаянія безъ духовника* или *Божба Божіей артиллеріи*, на голосъ «Чѣмъ тебя я огорчила». Для молитвы сектанты собираются по ночамъ въ особомъ домѣ. Отвергая всѣ таинства православной церкви, іеговисты не признаютъ и брака и живутъ просто съ сожительницами.

Іеговисты существуютъ въ губерніяхъ пермской, оренбургской и уфимской и считаются нынѣ уже тысячами. Увлекается сектою простой народъ, изъ крестьянъ, заводскихъ мастеровыхъ, отставныхъ солдатъ,—и конечно потому, что ея ученіе проповѣдуетъ заманчивое равенство людей и обѣщаетъ вполнѣ счастливое состояніе на землѣ.

Перечень статей о сектѣ «Д. братство»—въ 2 и 3 выпускахъ указателя *О. Сахарова* «Литература исторіи и обличенія раскола». Новѣйшія статьи: проф. *Н. Ивановскаго* — «Миссіонер. Обозрѣніе», 1899 г., кн. 1 и 4, и 1901 г., кн. 7—9. *П. Смирновъ.*

ДЕСЯТИНА, или десятая часть,—обыкновенно, натурой, — отъ всѣхъ доходовъ въ пользу храма и его служителей, или какъ особый даръ Богу (Быт. **14**, 20), была извѣстна евреемъ задолго до Моисея.

Такъ, Авраамъ далъ первосвященнику Мелхиседеку 1/10 добычи, взятой отъ 4-хъ побѣжденныхъ имъ царей. Позже Д. шла въ пользу левитовъ, не имѣвшихъ земли, и служила для нихъ главнымъ средствомъ для существованія, при чемъ 1/10 часть своей доли они отдѣляли на содержаніе первосвященника (Числ. **18**, 21). Д. дозволялось уплачивать и деньгами (Втор. **14**, 24—26). Она перешла и въ церкви христіанскія, въ которыхъ просуществовала довольно долго (въ Англіи, напримѣръ, она была замѣнена особымъ денежнымъ обложеніемъ только въ 1836 г.). Существовала она, несомнѣнно, и у насъ въ Россіи, гдѣ для сбора ея при епископскихъ каѳедрахъ существовали даже особыя должностныя лица—*десятильники* (о нихъ далѣе). *Десятиною* въ древней Россіи назывались особые небольшіе округа въ епархіяхъ, порученные вѣдѣнію сначала десятильниковъ, а потомъ поповскимъ старостамъ, которые въ нихъ и жили («а что въ митропольи и въ архіепископьяхъ и въ епископьяхъ по которымъ городамъ и *десятинамъ искони вѣчно уставленніи жили десятинники*»—слова Стогл. соб., Акт. истор. I, № 155, стр. 175). Кромѣ десятильника въ десятинахъ послѣ Стоглаваго собора появляются *десятскіе* священники (Акт. Арх. Эксп. IV, № 184), получившіе часть обязанностей десятильника; десятскіе священники просуществовали довольно долго, по крайней мѣрѣ въ Москвѣ ихъ выбирали еще въ XVIII вѣкѣ (*Розановъ*, Ист. моск. епарх. упр., ч. II, кн. 1, стр. 88). *Н. М.*

ДЕСЯТИЛЬНИКЪ — церковно-правительственное должностное лицо въ древней Россіи, имѣвшее вначалѣ обязанность собирать десятину изъ княжескихъ доходовъ въ пользу епископовъ; но затѣмъ постепенно обратившееся въ завѣдующаго небольшой церковно-административной единицей—десятиной. Въ эту должность назначались лица духовныя (въ «правилѣ» митр. Кирилла II, 1274 г., говорится о поставленіи «на мздѣ» Д., что могло быть только относительно духовнаго лица,—«Русск. Истор. Библ.» VI, стр. 92); но съ проникновеніемъ свѣтскаго элемента въ епархіальное управленіе и на эти должности стали назначаться бояре и боярскія дѣти. Судя по историческимъ свидѣтельствамъ XVI и XVII ст., и въ древней Руси Д. составляли одну изъ низшихъ судебныхъ и административныхъ инстанцій, не отличавшуюся, кромѣ того, правильностію и законностію дѣйствій. Больше всего злоупотребленій десятильники допускали по сбору многоразличныхъ даней съ духовенства, что и побудило псковское духовенство отнять у нихъ эту функцію и учредить новую должность поповскаго или соборнаго старосты (о немъ—въ своемъ мѣстѣ). Затѣмъ реакція противъ свѣтскихъ архіер. чиновниковъ вообще и Д. въ частности возбудилась въ Ростовѣ (обличенія епископовъ въ томъ, что они «назираютъ» церковь «по царскому сану земнаго царя»—свѣтскими людьми «мірскимъ воинствомъ», были высказаны ростовск. священникомъ Георгіемъ Скрипицею,—см. «Чт. Общ. ист. и древн. россійск.» 1847 г.) и въ другихъ городахъ. Стоглавый соборъ 1551 г. предоставляя архіер. боярамъ судъ по дѣламъ гражд. характера, вѣдавшимся церковью, и воспрещая имъ касаться чисто духовныхъ дѣлъ, постановилъ, чтобы и въ десятинахъ служилые архіер. люди довольствовались дѣлами гражд. суда, не касаясь суда по дѣламъ духовнымъ (гл. 68). Эти послѣдніе, по опредѣленію собора, должны были вѣдаться самими святителями или уполномоченными ими духовными лицами; на долю же Д. оставлено лишь назначеніе срока для явки на этотъ судъ («а въ духовныхъ дѣлахъ Д. не судити никого, а *срочити* имъ предъ святители ставитись и святители ихъ сами судятъ, или кому повелятъ отъ священныхъ»,—А. И. т. I. № 155, стр. 276). Кромѣ того, этотъ соборъ сдѣлалъ повсемѣстнымъ явившійся во Псковѣ вышеуказанный институтъ поповскихъ старостъ, придавъ имъ въ помощники десятскихъ священниковъ. Благодаря этимъ мѣрамъ отъ Д. отпалъ цѣлый рядъ обязанностей, а именно: сборъ дани и пошлинъ (между прочимъ, для сбора вѣнечной пошлины и для наблюденія за законностію брачныхъ сопряженій были введены *закащики*, о которыхъ—въ своемъ мѣстѣ), наблюденіе за правильностію церк. пѣнія, за трезвымъ и добродѣтельнымъ поведеніемъ духовенства, за усердіемъ православныхъ христіанъ къ церкви Божіей и за тѣмъ, имѣетъ ли духовенство приходовъ данной десятины установленныя ставленныя грамоты (хотя послѣдняя функція въ отношеніи городского духовенства осталась и послѣ этого за Д.,—69 гл.

Стогл. соб.). Несмотря, однако, на стремленіе Стоглав. собора оставить за Д. одну судебную функцію, они продолжали пользоваться всѣми прежними своими правами и значительно позже. Такъ, соборъ 1675 г., подтверждая запрещеніе мірскимъ людямъ вмѣшиваться въ дѣла церковныя, о Д. говоритъ, между прочимъ, такъ: «для тѣхъ денежныхъ сборовъ и церковныхъ даней и для всякихъ архіерейскихъ доходовъ посылаемы были съ наказы Д. наши дворяне и дѣти боярскія..., а отъ нихъ объявилось всякое безчиніе ко священному чину, налоги и обругательства и убытки, сверхъ указныхъ статей имали лишніе сборы: *того ради тѣхъ мірскихъ людей не посылать*», и только на «непослушниковъ и непокорниковъ» соборъ дозволилъ посылать и Д. (А. А. Эксп. IV, № 204). Но, очевидно, посылки Д. и злоупотребленія ихъ продолжались и послѣ, такъ какъ, напримѣръ, въ самомъ концѣ XVII в. Петру В. была подана жалоба на возмутительныя злоупотребленія Д. сибирскаго митрополита (П. С. З. № 1601). Въ началѣ XVIII ст., съ уничтоженіемъ архіер. служилыхъ людей, исчезъ и Д., обратившись въ «духовныхъ дѣлъ управителя». Какъ при Д., такъ и при поповскихъ старостахъ существовало особое учрежденіе — *десятильничь дворъ*, на которомъ производились «розыски» по всѣмъ дѣламъ, входившимъ въ кругъ церк. компетенціи, хранились копіи съ подлинныхъ дѣлъ, сказокъ и розысковъ, производившихся въ десятинѣ и препровожденныхъ затѣмъ въ архіер. разрядъ (А. А. Э. IV, № 285; Инстр. патр. Адріана п. 34.).

Литература. Церк. исторіи преосв. *Макарія* и *Филарета*; замѣтка касательно устройства древн. новгородской іерархіи—Прав. Соб. 1863 г. I, 174, 244; ***Неволинъ***, Образованіе управленія въ Россіи отъ Іоанна III до Петра В.; ***Лохвицкій***, Очеркъ администраціи въ древней Руси, «Русск. Вѣстн.» 1857 г.; ***Каптеревъ***, Свѣтскіе архіер. чиновники въ древней Руси. М. 1874 г.; ***Перовъ***. Епархіальныя учрежденія въ русской церкви въ XVI и XVII вв. Рязань, 1882 г.; ***Розановъ***, Исторія моск. епархіальнаго управл. М. 1869—71 гг.; ***Суворовъ***, Курсъ церк. права, т. I. Ярославль, 1889 г. *Н. М.*

ДЕСЯТИННАЯ ЦЕРКОВЬ въ Кіевѣ заложена была (около 989 г.) св. Владиміромъ на мѣстѣ убіенія христіанъ-варяговъ Ѳеодора и сына его Іоанна, принесенныхъ кіевлянами-язычниками въ жертву идоламъ. Для строенія этой церкви св. князь выписалъ изъ Греціи строителей и художниковъ: постройка продолжалась 7 лѣтъ и 12 мая 996 г. состоялось освященіе новаго великолѣпнаго храма во имя Рождества Пресвятыя Богородицы. Св. Владиміръ, по сказанію лѣтописи (Ипат. 85) опредѣлилъ на на содержаніе этой церкви *десятую* часть «имѣнія своего и городовъ», а также отдалъ на ея украшеніе сосуды, книги, иконы, привезенные имъ изъ Корсуня. Отъ способа содержанія своего церковь эта получила названіе *Десятинной*. Какъ св. Владиміръ, такъ и послѣдующіе князья употребляли всѣ мѣры для возможно лучшаго украшенія этой церкви и питали высочайшее къ ней уваженіе, наравнѣ съ церковью св. Софіи (примѣры въ лѣтописяхъ—Ипат. 381, 399, 233, 253, 280; Лавр. 341, 339, 343, 297). Между прочимъ, св. Владиміръ отдалъ въ эту церковь св. главу папы Климента и мощи Ѳива, ученика его; вмѣстѣ съ тѣмъ можно предполагать, что св. князь желалъ сдѣлать изъ этой церкви какъ бы великокняжескую усыпальницу членовъ своего рода, такъ какъ перенесъ въ нее изъ Николаевской церкви, что на Аскольдовой могилѣ, останки бабки своей Ольги, а въ 1011 г. положилъ въ немъ и умершую супругу свою—греческую царевну Анну; впослѣдствіи, вѣроятно, по его распоряженію, и самъ онъ былъ погребенъ въ томъ же храмѣ; здѣсь же, еще при жизни св. князя, были положены останки 1-го митр. кіевскаго Михаила. Затѣмъ впослѣдствіи здѣсь были похоронены Изяславъ I въ 1078 г. и Ростиславъ Мстиславичъ въ 1094 г. Древняя Д. церковь была въ 24 саж. длины и 16 саж. ширины, при чемъ стѣны достигали до $1^1/_2$ арш. толщины; алтарь былъ въ 23 арш. длиной. Внутреннія стѣны были росписаны фресками изъ Ветхаго и Новаго Завѣта; колонны, поддерживающія куполъ были мраморныя, полы—мозаичные изъ яшмы, мрамора и другихъ камней; алтарная преграда была украшена иконами, которыя св. Владиміръ заказывалъ въ Константинополѣ въ 1007 г. Дальнѣйшая судьба этого великолѣпнаго храма св. Владиміра—общая со всѣми другими русскими церквами, т. е. и она страдала отъ пожаровъ, нашествія враговъ и междуусобицъ князей. Такъ, въ 1017 г. Д. церковь сгорѣла и возобновлена была только чрезъ 22 г. при митр.

Өеопемпѣ; въ 1169 г. (ранѣе этого года о Д. церкви въ лѣтописяхъ упоминанія не дѣлается) Д. церковь сильно пострадала отъ ополченія 11 князей, собранныхъ Андреемъ Суздальскимъ или Владимірскимъ противъ в. к. Мстислава Изяславича, при чемъ лишилась значительной части своихъ драгоцѣнностей; то же бѣдствіе потерпѣла церковь въ 1203 г. отъ половцевъ, взявшихъ Кіевъ подъ предводительствомъ Рюрика съ Ольговичами; наконецъ, она была разрушена почти до основанія въ 1240 г. Батыемъ. Отъ прежней постройки остался одинъ юго-западный уголъ; все остальное представляло собою груду обломковъ и щебня, надъ которой, за 400 лѣтъ выросли крупныя деревья; все годное изъ этой груды кіевляне разбирали для своихъ построекъ и, конечно, уничтожили массу памятниковъ сѣдой отечественной старины. Въ такомъ видѣ дѣло шло до Петра Могилы, который рѣшилъ, хотя отчасти, возстановить памятникъ начала христіанства на Руси. Для этого къ оставшемуся юго-западному углу были пристроены стѣны и надъ ними сдѣлана верхняя деревянная постройка; внизу храмъ освященъ въ честь Рождества Пресв. Богородицы, а вверху устроенъ придѣлъ въ честь апостоловъ Петра и Павла. Произошло это въ 1635 г., при чемъ П. Могила поставилъ въ храмъ древній образъ св. Николая, отчего эта церковь и получила въ народѣ названіе *Десятиннаго Николая*, подъ которымъ извѣстна и понынѣ. При этомъ возобновленіи были найдены гробницы св. Владиміра и супруги его Анны, при чемъ митрополитъ взялъ изъ гробницы св. князя черепъ и помѣстилъ его для храненія сначала въ церковь *Спаса на Берестовѣ*, основанную св. Владиміромъ, а затѣмъ перенесъ ее въ *Великую церковь* Кіево-Печерской лавры; нижняя челюсть черепа отослана была въ московскій Успенскій соборъ, а кость правой руки—въ кіевскій Софійскій соборъ; послѣ этого гробницы были снова закрыты. Чрезъ сто лѣтъ эта *малая Д.* церковь пришла въ ветхость и возобновлена старицей Флоровскаго монастыря Нектаріей, бывшею княгинею Наталіей Борисовной Долгоруковой, при чемъ сильно пострадали различные остатки старины, какъ-то: греческія надписи, муравленные орнаменты и т. п. Затѣмъ и эта церковь обратилась въ развалины, обратившія на себя вниманіе ученаго митр. Евгенія, при которомъ были произведены раскопки на мѣстѣ бывшей Д. церкви, давшія довольно много интересныхъ предметовъ, донынѣ хранящихся въ теперешней Д. церкви. Новѣйшая исторія Д. церкви начинается съ 20-хъ годовъ истекшаго столѣтія. Въ это время остатками Д. церкви заинтересовался археологъ-любитель, отставной гвардіи поручикъ Александръ Анненковъ, который выпросилъ позволеніе произвести обширныя раскопки на мѣстѣ древней церкви, за что обязался на свой счетъ выстроить на ея мѣстѣ новый каменный храмъ во имя св. князя Владиміра и свят. Николая. Разрѣшенныя ему раскопки начались въ 1825 г. подъ руководствомъ командированнаго академіей художествъ архитектора Ефимова, при чемъ 23 іюля 1826 г. найдены были двѣ краснаго шифера гробницы. Одна изъ этихъ гробницъ была составлена изъ 6 досокъ, связанныхъ желѣзными скобками; въ другой, найденной близъ алтаря прежней *малой* церкви, оказались человѣческія кости, кромѣ черепа, кисти правой руки и правыхъ реберъ, остатки шелковой, кофейнаго цвѣта, одежды, прошитой золотой канителью, золотая шарообразная пуговица, и у ноги—куски кожи отъ башмаковъ. Полагаютъ, что эту гробницу митр. Петръ Могила призналъ гробницею св. князя Владиміра и взялъ изъ нея недостающія части скелета. У сѣверной части древняго фундамента найдена, также совершенно уцѣлѣвшая гробница съ рельефно высѣченными украшеніями и крестами, въ которой лежалъ полный остовъ, прикрытый полуистлѣвшимъ покрываломъ. Кому принадлежала эта гробница—неизвѣстно. Для возведенія зданія новой Д. церкви былъ назначенъ строительный комитетъ, членами котораго были: митр. Евгеній, кіевскій губернаторъ Катериничъ и храмостроитель Анненковъ; чертежи, планъ и фасадъ были составлены архит. Стасовымъ. Желаніе Анненкова и Стасова было—пристроить новое зданіе къ старымъ стѣнамъ и, такимъ образомъ, возстановить древній памятникъ; но другіе архитекторы возстали противъ мысли о включеніи древнихъ стѣнъ въ новую постройку, угрожая неравномѣрною осадкою стѣнъ, почему древнія стѣны были

снесены до фундамента, да и этотъ послѣдній остался только на южной и западной сторонѣ. Закладка новой церкви послѣдовала 2 августа 1828 г., а 19 іюля 1842 г. (т. е. почти чрезъ 14 лѣтъ) она была освящена митр. кіевск. Филаретомъ въ сослуженіи архіеп. житомірскаго Никанора и бывшаго епископа смоленскаго Іосифа. Нынѣшняя Д. церковь представляетъ собою квадратъ съ 40-аршинными сторонами. Надъ храмомъ высится обширный византійскаго стиля куполъ, по сторонамъ котораго 4 меньшіе купола, всѣ покрыты желѣзомъ и окрашены зеленою краскою; между окнами куполовъ помѣщены изображенія святыхъ. Полъ церкви составленъ изъ шлифованныхъ плитокъ краснаго шифера, яшмы, гранита и мрамора, въ значительномъ количествѣ найденныхъ въ развалинахъ древней церкви. Въ главномъ алтарѣ, предъ престоломъ и за нимъ, вдѣланы части древняго мозаическаго пола. Надъ предполагаемою гробницею св. Владиміра, внутри церкви, съ южной стороны, воздвигнуто изящное надгробіе изъ темно-сѣраго мрамора съ бронзовыми позолоченными украшеніями и приличною надписью. На надгробіи изображенъ во весь ростъ почивающій благов. князь. Вверху надгробія, въ сіяніи — всевидящее око и подъ нимъ—988 г., года крещенія кіевлянъ; ниже—зодіакъ и подъ нимъ означены мѣсяцы, въ которые св. Владиміръ принялъ крещеніе и окончилъ жизнь. Въ срединѣ щита—звѣзда, въ которой на порфирѣ изображенъ вензель св. князя подъ великокняжеской шапкой, а по сторонамъ—регаліи и арматура. У сѣверной стороны придѣла, посвященнаго св. Николаю, симметрично съ описаннымъ надгробіемъ, устроено подобное же возвышеніе, на коемъ положены частицы св. мощей. Изъ древностей прежней Д. церкви въ новой сохранилась икона св. Николая Чудотворца, по преданію привезенная св. Владиміромъ изъ Корсуня; кромѣ того, въ Минскѣ, въ замковой Рождества Богородицы церкви, хранится икона Божіей Матери, спасенная изъ Д. церкви при разграбленіи ея татарами. Икона эта почитается наидрагоцѣннѣйшею святынею всего западнаго края Россіи. Какъ внутренняя отдѣлка, такъ и иконы и утварь теперешней Д. церкви, стоившей ея строителю болѣе 100 т. р., носятъ характеръ новыхъ временъ, а отъ древнихъ временъ осталось, кромѣ указанной иконы и нѣсколькихъ мелкихъ вещей, одно названіе Д., пережившее 8 съ половиною вѣковъ, что и дало основаніе извѣстному знатоку нашей старины проф. М. П. Погодину назвать эту новую постройку «несчастнымъ недоразумѣніемъ» («Моск. Вѣд.», 1875 г., № 84).

Литература. «Краткое историч. описаніе Десятинной ц. въ Кіевѣ». Полтава, 1849 г.; *Никол. Сементовскій,* «Кіевъ, его святыни, древности и достопамятности», изд. 6-е, Кіевъ, 1881 г.; *Д. Слюсаревъ,* «Церкви и монастыри, построенныя въ Кіевѣ князьями, начиная съ сыновей Ярослава до прекращенія кіевскаго великокняженія». Кіевъ, 1892 г. и др. *Н. М.*

Десятословіе—см. *Заповѣди Моисеевы*

ДЕТЕРМИНИЗМЪ. Нравственная дѣятельность человѣка можетъ имѣть дѣйствительный смыслъ при томъ только условіи, если совершается свободно. Если же человѣкъ не владѣетъ «силой или энергіей самоопредѣленія въ отношеніи къ добру или злу», притомъ «ни отъ кого и ни отъ чего не зависящей» (о. І. Л. Янышевъ), короче: если человѣкъ не владѣетъ нравственной свободой, тогда все его поведеніе теряетъ свое нравственное достоинство и цѣну, тогда онъ не подлежитъ и нравственной отвѣтственности. Ученіе, отрицательно относящееся къ вопросу о наличности въ человѣкѣ «нравственной свободы» и утверждающее, что вся нравственная дѣятельность (другой въ виду не имѣемъ) человѣческая «опредѣляется» (determinatur) только «необходимостью», обыкновенно называется «детерминизмомъ». Для насъ интересенъ только тотъ видъ послѣдняго, который касается исключительно нравственной области и который выставляетъ тѣ или иныя возраженія противъ признанія различнаго по существу характера въ теченіе жизни міра физическаго и міра нравственнаго. Но для того, чтобы не пришлось послѣ повторяться, а главнымъ образомъ для того, чтобы всѣ, относящіеся къ вопросу о нравственной свободѣ пункты были выяснены вмѣстѣ, благодаря чему у читателя могло бы составиться болѣе цѣльное (а не разрозненное) представленіе о всемъ дѣлѣ,—будутъ изложены въ статьѣ о «свободѣ нравственной» и подробно оцѣнены всѣ существенныя положенія, какія съ своей стороны выставляются детерминистами и о какихъ въ настоящемъ мѣстѣ, поэтому, не говоримъ.

А. Бронзовъ.

ДЕЦІЙ Кай Траянъ—римскій императоръ (249—252); одинъ изъ жесточайшихъ гонителей христіанства. Это былъ человѣкъ съ широкими планами и особенно заботился о томъ, чтобы сдѣлать изъ римской имперіи одинъ цѣлый и сильный организмъ, способный устоять противъ всякихъ превратностей судьбы. Но въ этомъ своемъ стремленіи онъ встрѣтился съ христіанствомъ, въ которомъ увидѣлъ одно изъ главныхъ препятствій къ осуществленію своего плана, такъ какъ ихъ духъ и жизнь, по его мнѣнію, были противны патріотизму и здравой государственности. Подобно Траяну онъ смотрѣлъ на христіанство какъ на вредное для государства тайное общество, и поэтому порѣшилъ истребить его. Въ 250 г. появились указы, которыми предписывалось полное истребленіе христіанства, и началось гоненіе (седьмое). Оно захватило христіанъ врасплохъ. Повсюду они охвачены были ужасомъ, и оказалось множество *падшихъ* (lapsi). Но вмѣстѣ съ тѣмъ оно было огнемъ, которое, попаливъ солому, очистило золото, и явилось много доблестныхъ исповѣдниковъ вѣры, которые предпочитали понести мученическій вѣнецъ, чѣмъ отпасть отъ Христа, и подъ ихъ вліяніемъ сила противодѣйствія христіанъ возрастала все болѣе и болѣе. Указы первоначально были направлены противъ смутителей и вождей церкви. Къ этому времени относится мученич. смерть Оригена, и св. Кипріанъ едва спасся, удалившись въ глухія окрестности Карѳагена. Гоненіе затѣмъ охватывало и массы христіанъ, какъ внезапно прекратилось, вслѣдствіе смерти гонителя: онъ палъ (252 г.) въ битвѣ съ готами на нижнемъ Дунаѣ.

Главные источники Деціева гоненія: *Евсевій*, «Ц. Ист.», VI, 40—42; *св. Кипріанъ*, «О падшихъ» и въ «Посланіяхъ».

ДИДАСКАЛЫ—учителя, состоявшіе въ клирѣ восточной церкви; дѣлились на учителей, учившихъ въ церкви и учившихъ внѣ ея; кромѣ того среди нихъ различались учителя Евангелія, учителя Апостола и учителя Псалтири. Учившіе *внѣ* церкви или преподавали порученное имъ въ народныхъ собраніяхъ, или преподавали священные предметы въ патріаршихъ школахъ. Избирались въ эту должность лица, достойныя по своей жизни и извѣстныя даромъ слова и знаніями. Должность эта была весьма почетною; такъ что учителя въ торжественныхъ собраніяхъ и выходахъ патріарха занимали мѣсто рядомъ съ важнѣйшими сановниками; кромѣ того, должность эта считалась переходною или первою ступенью къ высшимъ должностямъ. Въ вознагражденіе за свои труды Д., по закону Алексѣя Комнена, получали по 3 ф. золота и по 50 мѣръ зернов. хлѣба.

Corp. script. hist. Bysant. lib. XXII, p. 204, и XXIII, p. 3, и Leunclavii Jus graeco-romanum lib. II, p. 143 *περὶ διδασκάλων*.

Н. М.

Дидимъ (*близнецъ*, съ греч.), прозваніе св. ап. *Ѳомы* (см. подъ этимъ словомъ).—**Д.**—св. мученикъ, юноша, который въ Александріи спасъ христіанскую дѣвицу Ѳеодору отъ обезчещенія и послѣ мужественнаго исповѣданія своей вѣры принялъ мученич. вѣнецъ чрезъ повѣшеніе (28 апр. 304 г.).

ДИДИМЪ, наз. «Слѣпецъ», родился, вѣроятно, въ началѣ VI вѣка. Ослѣпнувъ въ пятилѣтнемъ возрастѣ, онъ однако неутомимымъ трудомъ и углубленіемъ въ читавшіяся ему избранныя произведенія языческихъ и христ. писателей пріобрѣлъ такія обширныя познанія, что сдѣлался впослѣдствіи однимъ изъ знаменитѣйшихъ учителей александр. огласительной школы, имѣлъ многихъ славныхъ учениковъ (какъ Руѳимъ, бл. Іеронимъ, Исидоръ Пелусіотъ и др.) и былъ авторомъ многихъ извѣстныхъ твореній (главн. трудъ «О Троицѣ»). Д. умеръ 90-лѣтнимъ старцемъ въ концѣ V вѣка, прослуживъ почти 60 лѣтъ учителемъ оглас. школы въ Александріи. Творенія Д. слѣпца отзываются оригенизмомъ, почему на 5-мъ всел. соборѣ въ Константинополѣ (553 г.) и послѣ на 6 и 7 соборахъ они подверглись осужденію. См. у *Миня* въ Патр. Греч. **39**, гдѣ помѣщены всѣ принадлежащія и приписываемыя Д. творенія.

ДИДОНЪ—франц. писатель-богословъ, доминиканецъ, прославившійся своимъ проповѣдничествомъ и блестяще написанными сочиненіями, изъ которыхъ главное подъ названіемъ «Іисусъ Христосъ» въ одну недѣлю разошлось въ Парижѣ въ 20,000 экземпляровъ и скоро переведено было на нѣсколько европейскихъ языковъ, въ томъ числѣ и на русскій (подъ заглавіемъ:

«Іисусъ Христосъ» I—II тт., переводъ съ франц. подъ ред. Скроботова и Рождественскаго, Спб. 1892 г.). На русскій языкъ переведено также и его другое сочиненіе: «Доказательства божественности Іисуса Христа», М. 1899 г. Главною особенностью его трудовъ было восторженное краснорѣчіе, богатство образовъ и смѣлость оборотовъ; но при этомъ онъ доводилъ краснорѣчіе до напыщенности и потому его «Жизнь І. Христа» при всѣхъ ея достоинствахъ не имѣла у насъ большого успѣха. Онъ собирался лично посѣтить Палестину, чтобы еще ближе ознакомиться съ обстановкой, въ которой жилъ и дѣйствовалъ Богочеловѣкъ, но скоропостижно скончался въ 1900 г. Въ Сорбоннѣ, гдѣ онъ состоялъ преподавателемъ, ему открытъ памятникъ въ 1901 г.

ДИДРО Денисъ, род. въ Ламгрѣ, въ Шампаньи, 1713 г.; ум. въ Парижѣ 1784 г.; получилъ образованіе въ іезуитской коллегіи своего родного города, не долго изучалъ законовѣдѣніе и затѣмъ вообще посвятилъ себя литературѣ. Онъ началъ съ перевода англійскихъ деистовъ, и затѣмъ самъ сдѣлался проповѣдникомъ деизма. Въ 1746 г. онъ издалъ свои «Философскія мысли»; но первымъ произведеніемъ, въ которомъ онъ проявилъ оригинальную мыслительность, было его «Письмо о слѣпомъ» (1749 г.). Это сочиненіе, однако, было слишкомъ рѣзко для вкусовъ того времени: Дидро подвергся преслѣдованію и на три мѣсяца заключенъ былъ въ Венсеннскую тюрьму. Тамъ у него явилась мысль о великомъ произведеніи его жизни, именно объ изданіи Энциклопедіи, первый томъ которой явился въ 1751 г., послѣдній въ 1772 г. Въ 1759 г. изданіе это было запрещено, и Даламберъ, Тюрго и другіе изъ его наиболѣе славныхъ сотрудниковъ оставили его. Оставшійся только съ посредственностями и принужденный прибѣгать ко всякаго рода неопредѣленностямъ, чтобы избѣгнуть вмѣшательства полиціи, онъ одинъ закончилъ этотъ трудъ, потребовавшій огромныхъ усилій. Однако, и этотъ трудъ не истощилъ его. Кромѣ Энциклопедіи, онъ написалъ много комедій, критическихъ статей, остроумныхъ импровизацій, философскихъ трактатовъ и проч. Полное изданіе его сочиненій (Парижъ, 1777 г.) состоитъ изъ 20 томовъ; кромѣ того, въ 1829 г., въ 15 томахъ, издана его корреспонденція съ Гриммомъ. Д. не былъ догматическимъ философомъ, а скорѣй критикомъ; и его критика, хотя во многихъ отношеніяхъ превосходная, когда онъ трактуетъ объ искусствѣ или наукѣ, часто носитъ афористическій характеръ. Но, несмотря на почти полное отсутствіе опредѣленныхъ положеній, главная тенденція его критики не подлежитъ сомнѣнію: это грубый матеріализмъ, окрашенный весьма прозаическимъ сентиментализмомъ и нѣсколько вульгарнымъ юморомъ, — черты, которыя весьма часто встрѣчаются у филантропическихъ атеистовъ или атеистическихъ филантроповъ XVII столѣтія.—Д. былъ однимъ изъ поклонниковъ Екатерины Великой, находился въ философской перепискѣ съ ней, гостилъ даже при ея дворѣ въ Петербургѣ, гдѣ и блисталъ среди русскаго свѣтскаго общества своимъ невѣріемъ и отрицаніемъ. Но его невѣрующее злоязычіе нашло весьма сильное ограниченіе со стороны митрополита Платона. При одной встрѣчѣ съ послѣднимъ, Д. съ свойственнымъ ему злоязычіемъ сказалъ послѣднему, что новѣйшіе ученые пришли къ убѣжденію, что нѣтъ Бога. Православно-русскій іерархъ, нисколько не смутившись, отвѣтилъ французскому невѣру, что такое отрицаніе совсѣмъ не ново, и еще царь Давидъ зналъ о немъ, когда сказалъ въ извѣстномъ псалмѣ: «Рече *безуменъ* въ сердцѣ своемъ: нѣсть Богъ». Тогда французскому невѣру ничего не осталось, какъ сконфуженно раскланяться съ митрополитомъ.

Дикирій (отъ *δύο*—два и *κηρός*—свѣча) двухсвѣчникъ, двоесвѣчіе (Чиновн. литург. преждеосв.) употребляется при архіерейскомъ служеніи, знаменуя собою двоякое естество въ Господѣ нашемъ І. Христѣ — божеское и человѣческое; свѣчи въ нихъ называются двухплетенными, осѣняльными свѣчами, осѣняльниками («Истор. русской іерарх.», ч. I, стр. 357, 394, 396; прот. *К. Никольскій* «Пособіе къ изуч. устава», 1900 г., стр. 46). *Н. М.*

ДИМИТРІАДА—дочь консуларія Олибрія въ Римѣ, изъ знаменитаго дома Генсъ-Аниція, изгнаннаго во время осады Рима при Аларихѣ (410 г.) изъ Рима. Находясь въ Африкѣ и познакомившись съ бл. Августиномъ, Олиніемъ и другими благочестивыми епископами, она приняла обѣтъ дѣв-

ства и, отказавшись отъ своего большого имущества и отъ предлагавшейся ей руки знатнаго молодого римлянина, въ 413 г. поступила въ монастырь, получивъ монашеское одѣяніе отъ руки епископа Аврелія карѳагенскаго. Она умерла въ Римѣ. Письма бл. Августина, Пелагія и Іеронима (Ер. **130**) къ этой Д. издалъ Земмлеръ (Галле, 1775 г.).

Димитріанъ (принадлежащій богинѣ Димитрѣ, греч.) муч. діаконъ, *пам. 20 іюня*. Другого **Д.** муч. *пам. 11 сент.*

ДИМИТРІЙ—имя двухъ лицъ въ Ветхомъ и двухъ въ Н. Завѣтѣ.—I. Въ В. З. это имя носили два царя изъ дома Селевкидовъ: 1) **Д. I Сотиръ** («Спаситель»), царствовавшій 162—150 гг. до Р. Хр., и 2) **Д. II Никаторъ** («Побѣдитель») съ 147—127 до Р. Хр.—сынъ предшествующаго. Оба царствовали во времена Маккавеевъ и жизнь ихъ описана въ книгахъ Маккавейскихъ. II. Въ Нов. З. **Д.** былъ золотыхъ и серебряныхъ дѣлъ мастеръ, который въ Ефесѣ занимался особенно изготовленіемъ металл. изображеній храма и статуетокъ богини Діаны (или Артемиды) и который, когда подъ вліяніемъ проповѣди ап. Павла, сбытъ этого производства значительно сократился, поднялъ противъ апостола возмущеніе, едва не стоившее жизни послѣднему (Дѣян. **19**, 23 и сл.; 2 Кор. **1**, 8 и сл.). Въ 3 Іоан. 12 ст. упоминается еще объ одномъ «Димитріи», достойномъ христіанинѣ, но ничего болѣе имени о немъ неизвѣстно.

ДИМИТРІЙ—имя нѣсколькихъ свв. мучениковъ, *пам. которыхъ 9 августа, 11 сент., 15 нояб., 26 окт.* Среди нихъ—**Д.** Солунскій, мѵроточецъ, св. великомученикъ. Д., сынъ солунскаго воеводы, воспитанный въ благочестіи и по смерти отца поставленный императоромъ Максиміаномъ проконсуломъ солунскимъ, ревновалъ о распространеніи вѣры Христовой въ своемъ городѣ. Исповѣдавъ Христа предъ императоромъ, прибывшимъ въ Солунь, былъ вверженъ въ темницу и убитъ копьями около 306 года; спустя около ста лѣтъ мощи его обрѣтены нетлѣнными и впослѣдствіи источали благовонное мѵро. *Пам. 26 окт.*

ДИМИТРІЙ Кидоній — ученый грекъ XIV вѣка, родомъ изъ Ѳессаломикъ, гдѣ онъ получилъ хорошее образованіе, достигъ высшаго положенія при констант. дворѣ и былъ близкимъ другомъ и совѣтникомъ Іоанна Кантакузина (1341—1356 гг.). Этотъ императоръ восхваляетъ его какъ философа, который изъ любви къ мудрости остался безбрачнымъ. Отъ природы любознательный, онъ завязалъ переписку съ западными учеными богословами и подъ ихъ вліяніемъ заразился духомъ латиномудрствованія. Послѣ низверженія его друга-императора съ престола онъ сопровождалъ его въ 1356 г. въ монастырь св. Маманта на Аѳонѣ, гдѣ императоръ провелъ остатокъ своихъ дней, а самъ отправился въ Италію и занялся въ Миланѣ изученіемъ западной литературы, особенно сочиненій Ѳомы Аквината. Это еще болѣе склонило его къ латинству, и онъ выступилъ поборникомъ уніи съ Римомъ. Впослѣдствіи онъ опять переселился на востокъ и жилъ преимущественно на о. Критѣ, въ г. Кидоніѣ, откуда вѣроятно происходитъ и самое его прозваніе. Отъ него осталось много сочиненій, изъ которыхъ часть напечатана, а большею частью лежатъ въ рукописяхъ. Напечатаны сочиненія: «Противъ заблужденія Григорія Паламы« (Romae 1630), «Объ исхожденіи Св. Духа», переводы—Summa Ѳомы Аквината, соч. Анзельма объ исх. Св. Духа и объ опрѣснокахъ и др. Собраніе его твореній см. у *Миня* въ греч. Патр. **151, 154** тт.

ДИМИТРІЙ Прилуцкій, препод. † 1392 г. Родился въ первой половинѣ XIV в. въ Переславлѣ-Залѣсскомъ отъ богатыхъ и благочестивыхъ родителей купеческаго званія. Воспитанный въ духѣ благочестія и религіозности и обученный грамотѣ, Д. принялъ иноческое постриженіе въ Переславлѣ въ Горицкой обители; мірское имя его неизвѣстно, равно какъ и время постриженія. Въ монастырѣ Д. увеличилъ свои подвиги благочестія, пріобрѣлъ всеобщее уваженіе не только въ стѣнахъ монастыря, но и во всемъ городѣ, и былъ удостоенъ священства. Когда до Д. дошла молва о новомъ возсіявшемъ тогда великомъ свѣтильникѣ русскаго монашества, препод. Сергіѣ Радонежскомъ, онъ посѣтилъ послѣдняго, проникся къ нему величайшимъ благоговѣніемъ и затѣмъ неоднократно посѣщалъ его для духовныхъ бесѣдъ; равнымъ образомъ оцѣнилъ и Сергій своего собесѣдника. Неизвѣстно, по какимъ побужденіямъ Д. оставилъ Горицкій монастырь и основалъ

свой, во имя святителя Николая, на Переславскомъ озерѣ.

Препод. Д. обладалъ необычайною тѣлесною красотою, которая отъ его иноческихъ подвиговъ, поста и умерщвленія плоти не только не исчезала, но еще увеличивалась. Поэтому онъ скрывалъ лицо подъ иноческимъ куколемъ и избѣгалъ бесѣдъ съ мірянами, особенно же женщинами. Одна изъ знатныхъ переславскихъ женщинъ, слышавшая о красотѣ Д., полюбопытствовала видѣть его и достигла этого однажды въ церкви, когда преподобный готовился къ богослуженію; внезапно напалъ на нее ужасъ и все тѣло разслабло и только по молитвѣ преподобнаго она оправилась.

Къ Д. имѣлъ великое уваженіе великій князь Димитрій Іоанновичъ Донской и, призвавъ однажды его въ Москву, просилъ его быть воспріемникомъ его дѣтей. Д. вскорѣ послѣ этого, убоявшись славы человѣческой, бѣжалъ вмѣстѣ съ любимымъ ученикомъ своимъ Пахоміемъ на сѣверъ въ вологодскіе лѣса. Сначала онъ поселился въ волости авнежской (теперь грязовецкаго уѣзда) близъ рѣки Лежи и устроилъ здѣсь храмъ во имя Воскресенія Христова, но отсюда онъ долженъ былъ удалиться, такъ какъ окрестные жители боялись, чтобы современемъ не пришлось подчиниться новой обители. Тогда Д. ушелъ въ Вологду и здѣсь поселился въ трехъ верстахъ къ сѣверу отъ города на извилинѣ или лучѣ рѣки Вологды, отчего и основанный имъ здѣсь монастырь получилъ названіе Прилуцкаго. Владѣльцы мѣста этого, Илія и Исидоръ, охотно уступили пришельцамъ потребное для монастыря количество земли и всѣми средствами помогали имъ въ устройствѣ монастыря, помогали и граждане Вологды, у которыхъ доселѣ не было монастыря общежительнаго. Прежде всего поставлена была деревянная церковь во имя Спасителя. Когда въ Переславлѣ и Москвѣ узнали о новомъ мѣстѣ жительства Д., то изъ Переславля пришло къ нему нѣсколько монаховъ, а великій князь прислалъ богатый вкладъ. Д. платилъ великому князю за любовь искреннимъ расположеніемъ и по откровенію свыше узналъ день и часъ смерти великаго князя въ 1389 г., сказавши однажды братіи за работой: «Мы строимъ эти земныя тлѣнныя вещи, а благовѣрный великій князь Димитрій Донской отъ сего дня уже не печется вмѣстѣ съ нами о суетномъ семъ житіи». Вскорѣ пришла вѣсть о смерти князя, при чемъ оказалось, что слова преп. Д. были произнесены именно въ день и часъ смерти князя. Кромѣ монашескихъ подвиговъ поста и молитвы преп. Д. отличался самою широкой благотворительностью, всѣмъ нуждающимся помогалъ и пищею и деньгами, выкупалъ должниковъ и заступался за невинныхъ на судѣ. Для наблюденія за монастырскими земельными владѣніями онъ самъ предпринималъ путешествія пѣшкомъ, при чемъ, и дома и въ дорогѣ, и лѣтомъ и зимой, носилъ одну и ту же грубую одежду, овчинный тулупъ. Достигнувъ глубокой старости, Д. почувствовалъ приближеніе смерти, призвалъ братію монастырскую и указалъ на Пахомія, какъ на преемника себѣ по игуменству. Предъ смертью онъ завѣщалъ, чтобы тѣло его было брошено въ болото, но, когда онъ скончался 11 февраля 1392 г., братія погребли его съ великою честью въ церкви. Послѣ смерти своей преп. Д. совершилъ множество чудесъ. Наиболѣе поразительное изъ нихъ было въ 1559 г., когда онъ явился царю Іоанну Грозному во время похода на Казань и обѣщалъ ему помощь.

Въ 1613 г. Прилуцкій монастырь подвергся опустошенію и разоренію со стороны литовцевъ, при чемъ въ монастырѣ погибло до 200 человѣкъ. Затѣмъ литовцы подожгли монастырь, при чемъ сгорѣлъ и монастырскій архивъ. Житіе преп. Д. писано монах. Макаріемъ со словъ очевидца и сотрудника Д., Пахомія, преемника по игуменству, и потому отличается полною достовѣрностью.

Литература. Степен. кн. I, 569; Прол. и Чет.-Мин. 11 февр.; «Исторія рос. іер.», VI, 215—225; «Ист. изв. о Вологдѣ», стр. 36, 37. 51, 52, 95; «Волог. Губ. Вѣд.», 1844 г.; «Словарь истор. о святыхъ рус. ц.», изд. 2, Спб. 1862 г. *А. Кремлевскій.*

ДИМИТРІЙ царевичъ—св. мученикъ, сынъ царя Іоанна Вас. Грознаго, род. 19 октября 1582 г., удаленъ былъ отъ цар. двора съ своею вдовствующею родительницею въ Угличъ, гдѣ былъ зарѣзанъ по повелѣнію Бориса Годунова, его наемниками: Никитою Качаловымъ и Даніиломъ Битяговскимъ, въ 1591 году мая 15, на девятомъ году отъ рожденія; въ 1606 году мощи царевича обрѣтены нетлѣнными и перенесены Филаретомъ, митрополитомъ ростовскимъ и ярославскимъ, по повелѣнію

царя Василія Іоанн. Шуйскаго и по благословенію московскаго патріарха Гермогена, изъ Углича въ Москву, гдѣ 3 іюня положены въ Архангельскомъ соборѣ. *Пам. 15 мая.*

ДИМИТРІЙ, по отчеству Герасимовъ,— видный литер. дѣятель XVI в. О происхожденіи, дѣтствѣ и времени рожденія его ничего неизвѣстно. Называется обыкновенно по имени и отчеству или прозванію «Толмачъ». Обучался въ Ливоніи, гдѣ пріобрѣлъ познанія въ языкахъ латинск. и нѣмецк. Прозваніе Толмача получилъ оттого, что назначался переводчикомъ при посольскомъ дворѣ въ Москвѣ. Очень искусный, ловкій, образованный, съ умомъ гибкимъ, Д. не разъ былъ посломъ при иностранныхъ дворахъ—въ Швеціи, Даніи, Пруссіи Вѣнѣ и Римѣ. Путешествія по разнымъ странамъ еще болѣе содѣйствовали развитію его. Въ 1526 г. онъ былъ уже sexagenarius senex. Названіе senex—старецъ также осталось за нимъ и его можно встрѣтить съ половины XVI в. (Опис. Рук. Толст. 417; Оп. р. Царск. 576). Литературная дѣятельность Д. относится главнымъ образомъ ко времени борьбы Іосифа Волоколамскаго и Геннадія, архіеп. новгородскаго, съ ересью жидовствующихъ. Геннадій между прочимъ посылалъ его въ Римъ и Венецію для собиранія книгъ; тамъ онъ пробылъ два года и прислалъ оттуда три книги—одну, вѣроятно, грамматику, переведенную на слав. яз. еще Іоанномъ Экзархомъ, под. загл.: «Книга... о семи частѣхъ слова» (Опис. Рум. м. 238, 239), другую—«Міротворный кругъ», очевидно, пасхалію, которая нужна была Геннадію, занимавшемуся составленіемъ пасхаліи, и третью—«Повѣсть о бѣломъ клобукѣ» (Опис. Р. м. 159—160. Пам. Ст. р. л. 287). О послѣдней самъ Д. говоритъ, что она была написана на греч. яз., а затѣмъ переведена на лат., и что ему стоило большого труда достать эту книгу отъ римскаго книгохранителя Іакова. По объясненію этого Іакова, будто бы клобукъ сперва былъ данъ ц. Константиномъ папѣ Сильвестру, потомъ былъ посланъ п. Филоѳею, а отъ Филоѳея черезъ Евменія присланъ Василію, архіеп. новгородскому. Судя по тому, что повѣсть направлена къ возвеличенію бѣлаго клобука, а вмѣстѣ и новгородскаго архіеп., догадываются (Макарій), что она сочинена самимъ Д., въ разсчеты коего входило угодить Геннадію, архіеп. новгор. Крайняя необдуманность и легкомысліе, проглядывающія въ повѣсти, повидимому подтверждаютъ это предположеніе, въ виду того, что Д. въ Римѣ, по порученію Геннадія, могъ быть въ молодыхъ лѣтахъ. Впослѣдствіи соборъ 1564 г., разсуждая о бѣломъ клобукѣ архіеп. новгородскаго, не упомянулъ о «Повѣсти о бѣл. кл.»: «богомолецъ нашъ Пименъ, архіеп. Вел. Новг. и Пскова, носитъ бѣлый клобукъ..., а писанія тому нѣтъ, котораго для случая архіеп. в. новгор. бѣлые клобуки носятъ» (Акт. И. I, № 173, стр. 332). Зато на соборѣ 1667 г. объ этой повѣсти упоминается подъ именемъ Д., но вмѣстѣ съ тѣмъ опредѣляется: «писаніе, еже писано есть изъ Рима къ Геннадію архіеп. новгор. отъ Д. Толчача о бѣломъ клобукѣ и о прочихъ,—да никто сему писанію вѣру имѣтъ, зане лживо и неправо есть» (Доп. А. И. V, № 102, стр. 472. Кор. IV, пр. 360). Изъ Рима же, вѣроятно, прислано и другое посланіе Д. къ Геннадію, содержащее отвѣтъ на запросъ арх. объ аллилуіи, о седми тысячѣхъ лѣтъ и др. По порученію же Геннадія, Д. перевелъ съ лат., въ 1501 г., состязанія Николая Делира съ іудеями по поводу ихъ невѣрія и хулы на православную вѣру и въ 1504 г. обличеніе Самуила Евреина противъ іудеевъ, на основаніи в.-завѣтныхъ пророчествъ (Оп. рук. Царск., стр. 574). Можно думать, что имъ же переведено сочиненіе Іосифа, крещеннаго еврея, объ іудеяхъ, крестившихся въ Африкѣ (Толст. т. II, № 68). Сочиненія эти, особенно два первыя (второе прозвано *золотымъ*), имѣли то значеніе, что направленныя непосредственно противъ іудеевъ, они имѣли силу и значеніе и въ борьбѣ съ жидовствующими. Образованность Д. и близость его къ Геннадію даютъ основаніе предполагать, что онъ принималъ участіе въ составленіи списка Библіи. Въ позднѣйшее время, когда прибылъ Максимъ Грекъ, ему въ помощь данъ былъ Д., который переводилъ съ латинскаго на русскій Толковую Псалтирь, послѣ перевода ея Максимомъ съ греческаго на лат. Тогда же Д. написано посланіе въ Псковъ къ Мисюрю-Мунехину, дьяку, объ образѣ, возбудившемъ споры. На немъ изображался Іис. Христосъ въ трехъ видахъ — Давида, отрока млада и бѣлаго серафима. Д.,

подкрѣплявшій себя авторитетомъ Максима Грека, нигдѣ не видѣвшаго такого образа, находилъ, что І. Христосъ только одинъ и въ трехъ видахъ писать его нельзя. Къ этому Д. добавилъ, что споръ объ этомъ образѣ былъ при архіеп. Геннадіѣ, когда иконники настояли на своемъ и продолжали писать эту икону, хотя письменнаго свидѣтельства въ свою пользу и не представили (Приб. къ тв. св. оо. XVIII, 189—192). Уже въ глубокой старости при новгор. архіеп. Макаріѣ (въ 1536 г.) Д. одинъ перевелъ съ лат. Толковую Псалтирь, заключавшую въ себѣ толкованія отцовъ и учителей церкви латинскихъ: Іеронима, Августина, Григорія Вел., Беды и др. Собрана эта Псалтирь еще въ XI в. Брюнономъ, еп. вюрцбургскимъ (рук. Серг. Л.; Опис. рук. Моск. Син. библ. I, 1, 101, 104, 107 и др.). Такіе труды, какъ переводъ Псалтири Толк. и др. по Св. Пис., имѣло то значеніе въ борьбѣ съ жидовствующими, что защищали православныхъ отъ упрека въ недостаточномъ знаніи Св. Писанія по лучшимъ спискамъ его, а также знакомили русскихъ съ лучшими толкователями Запада. Заслуживаетъ вниманіе и то, что въ то время, какъ въ Россіи относились ко всему западному подозрительно, у Д. явилась смѣлость перевести Толковую Псалтирь зап. епископа, котораго онъ даже называетъ «блаженнымъ». Толкованію псалмовъ въ этой Псалтири предшествуетъ извѣщеніе о древнихъ переводчикахъ Библіи, при чемъ говорится: «вѣждь же еже идѣже въ книгахъ В. З. ложь открывается, тещи подобаетъ къ книгамъ еврейскимъ древнимъ, зане В. З. первѣе въ языцѣ еврейскомъ написанъ есть. Аще убо въ книгахъ Н. З.,—тещи подобаетъ къ книгамъ греческимъ». Наконецъ, можно думать, что Д. принадлежитъ и слово противъ отобранія имѣній у монастырей (пис. 1505 г.). Въ письмѣ при этомъ словѣ авторъ говоритъ, что онъ написалъ его по повелѣнію «святѣйшаго и разумнѣйшаго о Христѣ отца», къ которому авторъ «долженъ есть» такой любовью, какъ никому «въ сей пресвѣтлѣй русской странѣ въ настоятелѣхъ». Авторъ—русскій, хорошо знакомый съ римской литературой и міранинъ. Вполнѣ возможно, что Геннадій поручилъ составить это слово до удаленія своего въ Москву, во время споровъ объ имѣніяхъ, бывшихъ и на соборѣ 1503 г. Д. же къ 1505 г. только окончилъ его.

Макарій, «Ист. р. ц.», т. VII, 241—252; *Филаретъ* Черниг., «Обз. русск. дух. лит.», кн. I, стр. 122—123; *Евгеній Болх.* «Слов. ист. о писат. дух. чина», 115—117.

ДИМИТРІЙ св., митрополитъ ростовскій; родился въ 1651 г. въ Малороссіи, въ гор. Макаровѣ. Отецъ его, Савва Туптало, былъ полковымъ сотникомъ, принявшимъ подданство московскаго царя. Первоначально св. Д., носившій въ міру имя Даніила, обучался дома, а затѣмъ поступилъ въ кіевскую братскую школу, когда ректоромъ тамъ былъ знаменитый Іоанникій Голятовскій. Слабый здоровьемъ, съ наклонностью къ тихой созерцательной жизни, св. Д. еще юношей въ іюнѣ 1668 г. принялъ монашество въ Кирилловомъ мон. Дарованія юноши скоро обратили на себя вниманіе. Въ мартѣ 1669 г. его посвятили (митр. Іосифъ Тукальскій) въ іеродіакона, а въ 1675 г. его вызвалъ въ Черниговъ еп. Лазарь Барановичъ, посвятилъ его въ маѣ въ іеромонаха и назначилъ проповѣдникомъ при каѳедральномъ Усп. соборѣ. Отсюда онъ ѣздилъ въ Литву (въ 1677 г.), гдѣ сдружился съ еп. бѣлорусскимъ Васильевичемъ, ревнителемъ православія; ѣздилъ въ Вильно, былъ въ Слуцкѣ, въ братскомъ монастырѣ трудился тамъ въ проповѣданіи слова Божія, и успѣлъ пріобрѣсть себѣ славу проповѣдническими дарованіями, такъ что его стали приглашать многія мірскія и духовныя власти къ себѣ. Въ Малороссію вернулся уже по смерти создателя Слуцк. мон. Скачкевича и поселился въ мон. въ Батуринѣ. За поѣздку въ Литву онъ имѣлъ возможность познакомиться съ польскою жизнію, языкомъ, съ р.-католичествомъ, а въ Батуринѣ открылась возможность ближе узнать нравы великорусскіе, представителей московскаго правительства. Это обстоятельство заслуживаетъ вниманія, потому что св. Д. воспитывался въ ту эпоху, когда между Москвою и Малороссіей были самыя невыясненныя отношенія. Въ церковномъ отношеніи Москва тянула къ себѣ, а Малор. стремилась отстоять свою независимость, сознавая за собою достоинство выдержавшей вѣковую борьбу за вѣру и достигшей значительной степени просвѣщенія. Общія малороссамъ взгляды въ этомъ отношеніи должны были привиться и у св. Д., поѣздка

же въ Литву могла вызвать въ немъ сочувствіе къ Москвѣ, далеко опередившей своего сосѣда въ отношеніи вѣротерпимости. Въ Батуринѣ на даровитаго проповѣдника обратили вниманіе, помимо народа, и представители власти, какъ свѣтской, такъ и духовной. Въ 1681 г. епископомъ черниг. возведенъ въ игумена Максановскаго мон., а затѣмъ въ 1682 г. переведенъ въ игумена въ Батур. мон. Но въ 1683 г. онъ самъ оставилъ игуменство и переселился въ Кіево-Печерскую лавру; здѣсь была богатая библіотека, архим. Варлаамъ Ясинскій, человѣкъ ученый, любившій научныя занятія, — все здѣсь способствовало ученой работѣ. Съ 1684 г. св. Д. и принялся здѣсь за свой многолѣтній трудъ — составленіе Четьихъ - Миней. Отдавшись этому труду, онъ хотѣлъ совсѣмъ удалиться отъ всякихъ сложныхъ обязанностей, которыя бы могли отвлекать его, но батуринское духовенство вмѣстѣ съ гетманомъ убѣдили его вторично принять на себя настоятельство въ Батур. мон. Однако въ 1692 г. ему удалось «для спокойнѣйшаго писанія житій святыхъ» покинуть игуменство и переселиться въ Кіевъ. Затѣмъ онъ былъ послѣдовательно игуменомъ въ Глуховскомъ мон., Кирилловскомъ, а отсюда переведенъ архимандритомъ въ Елецкій мон. въ Черниговѣ. Въ 1700 г. освободилась каѳедра митрополита сибирскаго (тобольскаго) и Д. былъ вызванъ въ Москву. Здѣсь онъ привѣтствовалъ Петра I рѣчью, по возвращеніи его изъ Троицкаго мон., и былъ назначенъ на освободившуюся каѳедру. Однако туда онъ не поѣхалъ сначала по разнымъ обстоятельствамъ, а затѣмъ Петръ I, во вниманіе къ жалобамъ его на слабое здоровье, для котораго сибирскій климатъ былъ суровъ, а также въ виду неоконченнаго еще труда (объ этомъ Д. говорилъ царю въ его посѣщеніе), назначилъ его митрополитомъ въ Ростовъ. Посвященіе въ митрополита совершено было въ Москвѣ 23 марта 1701 г. На мѣсто новаго служенія прибылъ въ 1703 г.; здѣсь ожидала его совсѣмъ иная, новая дѣятельность; пришлось считаться съ заботами административными. Еще нѣсколько ранѣе былъ возстановленъ монастырскій приказъ, въ вѣдѣніе коего передавалось управленіе церковнымъ и монастырскимъ имуществами, надзоръ за монахами, приходами, богадѣльнями, школами и пр. Такое вмѣшательство свѣтской власти въ бытъ духовенства, само собою понятно, было стѣснительно для духовной власти и, вслѣдствіе злоупотребленій и грубости нравовъ, создавало массу затрудненій. Самъ св. Д. жаловался на трудное положеніе, даже говорилъ объ умаленіи церкви «отъ внѣшнихъ гонителей». Помимо того, впервые очутившись въ непосредственной близости съ народнымъ бытомъ московской Руси, онъ долженъ былъ поражаться грубостью нравовъ какъ народной массы, такъ и пастырей ея. Послѣдніе поражали своимъ невѣжествомъ; священники оказывали непочтеніе святымъ, злоупотребляли тайною исповѣди, внимательные къ богатымъ, совершенно нерадѣли и даже презирали бѣдныхъ и т. п. Св. Д. ревностно принялся за исправленіе ихъ: разсылалъ окружныя посланія, давалъ наставленія, разъяснялъ требованія долга, а для народа говорилъ поученія на каждой службѣ. Но главною его заботою была школа. Онъ требовалъ, чтобы священники посылали своихъ дѣтей учиться; ученіе было безплатное, а бѣднякамъ давали даже на хлѣбъ. Число учениковъ при немъ достигло до 200. Д. самъ вникалъ въ жизнь своего дѣтища, часто посѣщалъ его, въ случаѣ отсутствія преподавателя, преподавалъ, выслушивалъ отвѣты учениковъ и объяснялъ имъ Свящ. Писаніе; самъ исповѣдывалъ и самъ причащалъ. Порядки въ школѣ вообще были кіевскіе. Преподавались языки греческій и латинскій; преподаватели были малороссы; по праздникамъ ученики произносили рѣчи, разыгрывали театральныя пьесы и діалоги. Но, взявъ формы схоластической школы, св. Д. не ввелъ у себя духа схоласт. Напротивъ, его школа носила характеръ семейной простоты, заботливости и благодушія. Обращеніе съ учениками было въ общемъ мягкое. Несомнѣнно, такія введенія, какъ театральное искусство, было новшествомъ для Москвы. На этой почвѣ даже созрѣло обвиненіе святителя, когда онъ употребилъ для костюмовъ старыя архіерейскія облаченія. Правда, обвинялъ его недругъ Воейковъ и вину указывалъ въ томъ, что ризы эти составляли казенное имущество. Ростовскою паствой управлялъ святитель въ теченіе 7 лѣтъ, за все время оправдывая свои слова, которыми онъ привѣтствовалъ паству при вступленіи въ Ростовъ: «я

пришелъ не себѣ угождати, но вразумляти безчинная, утѣшати малодушныя, заступати немощныя..., добрыя любити, злыя съ милованіемъ наказывати, о всѣхъ пользѣ печися, всѣмъ спасенія тщательно искати, о всѣхъ молитися». Скончался 28 окт. 1709 г. Вечеромъ, отпустивъ служителей, отправился въ особую келью для молитвы, и такъ въ молитвенномъ положеніи на колѣняхъ нашли его на утро уже мертвымъ. Погребеніе совершилъ другъ его, Стефанъ Яворскій, почтившій память усопшаго надгробнымъ словомъ и сочинившій надгробную надпись. Имущества послѣ него никакого не осталось, такъ какъ остатки отъ своихъ скудныхъ средствъ онъ употреблялъ на дѣла благотворительности; въ завѣщаніи онъ просилъ похоронить его безъ всякихъ затратъ. Обширная библіотека его, состоявшая изъ греческихъ, латинскихъ, польскихъ и славянскихъ книгъ, рукописныхъ и печатныхъ, Стефаномъ Яворскимъ была отправлена въ Москву, въ Патріаршую Библіотеку. Въ 1752 г. были обрѣтены нетлѣнныя мощи его и русская церковь сопричислила его къ лику святыхъ угодниковъ Божіихъ. *Память* его чтится *21 сент.* На серебряной ракѣ, гдѣ положены св. мощи, вырѣзана надпись сочиненія Ломоносова.

Самый капитальный литературный трудъ святителя, составившій главную славу его, представляютъ Четьи-Минеи. Надъ ними онъ трудился много лѣтъ, — не оставляя своего дѣла ни при какихъ перемѣнахъ въ своей личной судьбѣ. Не разъ даже онъ отказывался принять на себя ту или другую предлагаемую должность, исключительно съ цѣлью посвятить себя своему дѣлу, хотя достигнуть полнаго уединенія ему ни разу не удалось. Четьи-Минеи не представляютъ собою ученой работы въ строгомъ смыслѣ; это собраніе сказаній о жизни и подвигахъ святыхъ людей въ назиданіе вѣрующихъ, расположенное въ хронологическомъ порядкѣ по числамъ и мѣсяцамъ года. Въ изложеніи нашли себѣ мѣсто и объясненія разныхъ предметовъ вѣры и церковной исторіи. При составленіи Ч.-Миней св. Д. имѣлъ подъ руками московскія Минеи митр. Макарія и разные греческіе и латинскіе источники, а также русскія сказанія; были у него подъ руками «Acta Sanctorum» Болландистовъ и др. (указ. источн. см. «Св. Дим. Р—ій», М. 1849 г.). Мысль о составленія подробныхъ и обстоятельныхъ «житій св.» въ южно-русской церкви была уже давно и за осуществленіе ея принимались не разъ до св. Д. Но при св. Д. окончательно въ Кіево-Печ. л. выработанъ былъ планъ и соборомъ старцевъ подъ главенствомъ Варлаама Ясинскаго осуществленіе его было поручено св. Д. (въ 1684 г.) Работой этой вскорѣ были заинтересованы митр. Гедеонъ и гетм. Самойловичъ, благодаря содѣйствію которыхъ въ Кіевъ были доставлены моск. Четьи-Минеи. Но отношенія Москвы къ Малороссіи въ это время было далеко не изъ искреннихъ. Въ Москвѣ былъ споръ о пресуществленіи и малорусское духовенство подозрѣвалось въ расположеніи къ «латинской части». Патр. Іоакимъ требовалъ признанія московскаго православія, посылалъ поэтому ультиматумъ еп. Лаз. Барановичу, не давалъ лаврѣ привилегіи на типографію и пр. под. Въ связи съ этой недовѣрчивостью стоитъ и то, что въ 1688 г. моск. Четьи-Минеи были затребованы обратно. Но къ этому времени—въ 1689 г.—была уже закончена первая ч. «Житій» (сент., окт., ноябрь). Въ это же время св. Д. получилъ возможность быть въ Москвѣ (въ свитѣ Мазепы), гдѣ представлялся государямъ и патріарху. У послѣдняго кіевляне были очень часто за время пребыванія въ Москвѣ, бесѣдовали съ нимъ, и, уѣзжая, св. Д. получилъ отъ него благословеніе на продолженіе начатаго труда. А новый патр. Адріанъ даже всячески старался поощрить его трудиться на «всецѣлый годъ»; два раза посылалъ ему благословеніе и грамоту, въ коей похвалялъ его богоугодный трудъ (1690 г.). Къ 1695 г. была окончена вторая часть (дек., янв., февр.), а въ 1700 г.—третья (мартъ, апр., май). Послѣднюю же 4-ю (іюнь, іюль, авг.) св. Д. пришлось заканчивать уже въ Ростовѣ; печатаніе ея началось въ 1705 г., т. е. три года спустя послѣ вступленія его въ архипастырскія обязанности. Такимъ образомъ, на выполненіе своего труда, остающагося и донынѣ однимъ изъ лучшихъ чтеній для благочестивыхъ читателей, св. Д. употребилъ болѣе 20 лѣтъ. Но этотъ многолѣтній трудъ не является единственнымъ. Кромѣ него, св. Д. принадлежатъ и многіе другіе. Таковы: «Лѣтопись келейная»; не окончена;

составлена на основаніи обширнаго изученія Библіи, отцовъ и учителей церкви, византійскихъ хронистовъ и новѣйшихъ церк. писателей. Главная цѣль была дать связное изложеніе событій библейской исторіи, — такое, чтобы оно могло служить нравственно-поучительнымъ цѣлямъ. Книжные люди, скромно объясняетъ авторъ причину, побудившую его на этотъ трудъ, знаютъ все это;. сочиненій этого рода довольно на иностранныхъ языкахъ, да и на нашемъ славянскомъ есть рукописные хронографы; въ наполненныя житницы нечего прибавлять нѣсколько зеренъ, все равно какъ вливать нѣсколько капель воды въ большія рѣки. И онъ, св. Д., пишетъ эту лѣтопись не для наученія другихъ, а только для своего келейнаго чтенія, «аще же та и въ иныхъ руки книгочитателей внидетъ, и аще кому будетъ угодна, о томъ да прославится имя Господне». Однако было здѣсь и другое побужденіе, о которомъ авторъ говоритъ въ письмѣ къ Ст. Яворскому: «помню, что въ нашей малорусской сторонѣ трудно сыскать библію слав., весьма мало гдѣ оныя обрѣтаются и купити едва достанетъ кто, и рѣдко кто изъ духовнаго чина вѣдаетъ порядокъ исторій библейныхъ, что когда происходило. И для того хотѣлъ было... вкратцѣ библ. исторію преподать таковымъ для вѣдѣнія книжицею не зѣло великою и умѣренною, чтобы могъ всякій недорого купити, и удобно о всѣхъ, яже въ библіяхъ, увѣдати исторіяхъ, каковымъ идутъ порядкомъ». Была здѣсь и нѣсколько иная цѣль, о которой онъ писалъ тому же другу. Работа эта, писалъ онъ, пожалуй мало кому понравится; въ ней перемѣшаны: и исторія «и будто толкованійце нѣкое изъ Корнелія и изъ другихъ книгъ», «индѣ нравоученійце, особливо въ первой и во второй тысячѣ лѣтъ, гдѣ мало находится исторій». Такъ поступилъ онъ въ намѣреніи дать книжку съ отрывками и замѣтками, чтобы она могла пригодиться иногда и для проповѣди.—Объѣзжая, по обязанности архипастыря, епархію, св. Д. не могъ не остановиться вниманіемъ на раскольникахъ, которыхъ много было въ Ярославлѣ; тамъ онъ задерживался всегда на значительный срокъ и «училъ помощію Божіею... Но понеже словеса изъ устъ болѣе идутъ на вѣтеръ, нежели въ сердце, того ради все прилежащее лѣтописаніямъ дѣло оставивъ, яхся писати особую книжицу противъ раскольническихъ учителей. Богъ о лѣтописаніи не истяжетъ а о семъ аще молчать истяжетъ». Плодомъ его трудовъ былъ «Розыскъ (разсмотрѣніе) о раскольнической брынской вѣрѣ», который былъ разосланъ по епархіи при окружномъ посланіи. Приступая къ этому труду, онъ оговаривается, что при существованіи такихъ книгъ, какъ «Жезлъ правленія» и «Увѣтъ духовный», въ другихъ нѣтъ надобности, но онъ не знаетъ, есть ли названныя сочиненія въ его епархіи, потому что «ненавистная рука раскольническая истребляетъ ихъ»; а между тѣмъ, когда волкъ нападаетъ на стадо, пастырю нельзя быть одержиму сномъ. Св. Д. сильно возмущается, что такіе невѣжественные люди выступаютъ въ качествѣ проповѣдниковъ; они не потрудились ничему поучиться. Тонъ «Розыска» довольно рѣзкій, хотя эта рѣзкость далеко не походитъ на ту почти враждебность, съ какою писались тогда вообще обличенія раскольниковъ: у св. Д. слышится негодованіе благочестиваго человѣка на тѣ безумства, которыя совершаются въ невѣжественной средѣ раскола. Трудъ этотъ былъ оконченъ въ мартѣ 1709 г., но изданъ уже послѣ смерти автора, въ 1745 г.

Кромѣ того, св. Д. старался собирать историческія свѣдѣнія о своей епархіи; трудился надъ составленіемъ лѣтописи, или хронографа о началѣ славянскаго народа (неизд. подл. въ библ. харьковск. дух. семин., списки въ петерб. акад.). Его же: «Руно орошенное» или сказаніе о чудесахъ черниговской Ильинской иконы Богоматери; «Разсужденіе объ образѣ Божіи и подобіи въ человѣцѣ»; «Діаріи», т. е. дневныя записки (пис. на бѣлорусск. яз., перевед. на русск.); «Каталогъ росс. митрополитовъ»; «Краткій мартирологъ, остановленный на одномъ м. сентябрѣ»; затѣмъ — различныя краткія наставленія и молитвы, посланія пастырскія, духовныя пѣснопѣнія; размышленія о страданіяхъ Христовыхъ, о причащеніи, о пресуществленіи и мн. др.

Наконецъ, св. Д. былъ ревностный проповѣдникъ слова Божія. Проповѣдывать началъ онъ очень рано и тогда уже привлекалъ множество слушателей. Не оставлялъ онъ проповѣдничества и въ послѣдующіе годы, а въ годы своего пастырства онъ безъ поученія не совершалъ почти и службы

Въ первыхъ проповѣдяхъ видно еще вліяніе схоластической школы, но съ теченіемъ времени искусственность мало-помалу отпадаетъ, хотя нельзя сказать, чтобы онъ совершенно освободился отъ крѣпко усвоенныхъ въ школьные годы пріемовъ. Но всюду проглядываетъ одно желаніе сдѣлать людей лучше, добрѣе. Любимая тема проповѣдника—«любовь выше всего». Какъ проповѣдникъ, св. Д. явился вѣрнымъ преемникомъ древнихъ пастырей русской церкви. Политическихъ темъ, которыхъ въ его время было такъ много, онъ почти не касался, хотя при случаѣ и высказывалъ свои взгляды на то или другое событіе. При этомъ онъ не стѣснялся въ своихъ обличеніяхъ. Такъ, онъ обличалъ «гнѣвную ярость», пьянство, неуваженіе къ святымъ и др. пороки, очевидно имѣя въ виду Петра I и вводимые имъ обычаи. Въ одной проповѣди 1708 г. онъ говорилъ: Бахусъ «но токмо эллинамъ, но, якоже вижду, и нашимъ глаголющимся быти православнымъ христіаномъ. той божишко не нелюбимъ... Не соблюдать постовъ—то не грѣхъ; день и ночь пьянствовати — то людскость: пребывать въ гуляньи—то дружба, а что по смерти о душѣ сказуютъ, куда сй идти — баснь то». «Речетъ Бахусъ, чревоугодный богъ со ученикомъ своимъ Март. Лютеромъ: надобно въ полкахъ не смотрѣти поста, и въ постъ ясти мясо, чтобы полковые люди въ воинствѣ были сильны, въ бою крѣпки, не ослабѣли бы въ брани, отъ поста и воздержанія»... Въ другомъ случаѣ онъ говорилъ, что въ наше время «нѣтъ Константиновъ, нѣтъ Владиміровъ, которые любили благолѣпіе дома Господня, а мы о храмѣхъ его попеченія не единаго прилагаемъ». Но онъ далекъ былъ отъ того, чтобы быть противникомъ новыхъ реформъ. Имъ, какъ доброму на благо отечества начинанію, онъ сочувствовалъ вполнѣ. «Хвалю, говоритъ онъ, добрый той нынѣшнихъ временъ обычай» отправлять молодыхъ людей для науки за границу, «изъ-за морей бо умудренные возвращаются.., убо тоя мудрости учитися не довлѣетъ сидя въ дому, но и въ чужихъ странахъ побывати требѣ».

Горскій, «Св. Дим. Рост.» М. 1849. *Шляпкинъ*, «Св. Дим. Р. и его время.» Спб. 1891 г. *Пыпинъ*, «Ист. р. лит.» изд. 1902 г., т. II. *Д.*

Св. Димитрій ростовскій *какъ борецъ противъ раскола.* — Главнымъ памятникомъ дѣятельности св. Д. противъ раскола является извѣстный его полемическій трудъ: «Розыскъ о раскольнической брынской вѣрѣ». Книга эта издана была въ первый разъ въ 1745 г., по предварительномъ разсмотрѣніи ея архіепископомъ крутицкимъ Платономъ, тогда синодальнымъ членомъ; но въ спискахъ была разослана по епархіи ростовской еще при жизни автора. По содержанію «Розыскъ» состоитъ изъ трехъ частей: въ первой доказывается, что «вѣра раскольниковъ не права», во второй—что «ученіе ихъ душевредно», въ третьей—что «дѣла ихъ не богоугодны». Такимъ образомъ здѣсь указаны: причины появленія раскола, различныя его развѣтвленія, главные пункты ученія, съ разборомъ основаній послѣдняго, а также изображена нравственная и бытовая жизнь раскольниковъ. Вообще «Розыскъ» — лучшее полемическое произведеніе своего времени, неоднократно издававшееся и въ XIX столѣтіи. Въ «Каталогѣ» раскольническаго библіографа Павла Любопытнаго значится сочиненіе нѣкоего Григорія Яковлева, наставника ѳедосѣевской общины въ Астрахани, умершаго въ 1757 г.,—«ясное и разительное, духомъ благочестія и убѣжденія пылающее обличеніе противъ книги «Розыска». Среди рукописей Румянцевскаго музея также есть раскольническое обличеніе на «Розыскъ» того же XVIII вѣка, составленное въ Сибири; памятникъ примѣчателенъ тѣмъ, что писанъ на берестѣ. Какъ видно изъ «Поморскихъ отвѣтовъ» и изъ «Вопросовъ Никодима», болѣе всего раскольники возражаютъ противъ главъ «Розыска» о четвероконечномъ крестѣ и объ имени *Іисусъ*. Кромѣ того, нельзя не отмѣтить, что нѣкоторыя главы этой книги могли бы быть направлены собственно противъ сектантовъ мистическаго и раціоналистическаго характера—хлыстовъ и позднѣйшихъ молоканъ, но никакъ не противъ раскольниковъ-старообрядцевъ.

То обстоятельство, что св. Д. написалъ столь обширное спеціальное сочиненіе противъ раскола, объясняется насущными потребностями и неотложными нуждами тогдашняго ростовскаго края. Сѣмя раскола здѣсь брошено было давно и къ началу XVIII вѣка вкоренилось уже очень сильно. Еще въ 1657 г., при ростовскомъ митрополитѣ Іонѣ, посадскіе люди изъ Ростова

Сила Богдановъ и его ученики Феодоръ Галицынъ и Алексѣй Шалдовъ были сосланы—«за развратіе церковнаго устава»—въ Кандалажскій монастырь, тѣ самые Сила, Феодоръ и Алексѣй, которыхъ не преминулъ восхвалить «Виноградъ Россійскій» [1]). Въ послѣдней четверти XVII вѣка пріютъ расколу дало знаменитое Пошехонье, тогда обширная лѣсистая волость въ романовскомъ уѣздѣ, и самъ Романовъ. Достаточно назвать такихъ дѣятелей самоистребленія, какъ Поликарпъ Петровъ, родомъ изъ Романова, человѣкъ, состарившійся въ служеніи расколу и ради его «вся красная презрѣ и бездоменъ бысть»,—затѣмъ пошехонскій попъ Семенъ, отчаянный расколоучитель, наконецъ—подъячій изъ Романова Иванъ Григорьевъ, возвышавшійся надъ толпою своимъ подъяческимъ перомъ. Особенное усиленіе раскола въ ростовскомъ краѣ объясняется его сосѣдствомъ съ знаменитымъ Керженцемъ, въ концѣ XVII вѣка и началѣ XVIII являвшимся главнымъ центромъ раскола. Изъ «Сказанія» іеросхимонаха Іоанна, основателя Саровской пустыни, и изъ «Обличенія на раскольниковъ» Василія Флорова видно, что названныя двѣ мѣстности находились въ самомъ живомъ общеніи между собою. Ростовцы, являясь на Керженецъ, организовали здѣсь особые толки, какъ, напримѣръ, сдѣлалъ это Феодоръ Ростовецъ. Въ свою очередь керженскіе скитники часто ѣздили и въ Ростовъ, и въ Ярославль, и находили тамъ «всякій покой», какъ, напримѣръ, у Феодора Петрова, наставника безпоповцевъ въ Ярославлѣ [2]). Керженецъ разумѣется и подъ именемъ тѣхъ «Брынскихъ лѣсовъ», о которыхъ въ «Розыскѣ» говорится вообще какъ о главномъ мѣстѣ пребыванія раскольниковъ и главномъ разсадникѣ раскола. По изложеннымъ причинамъ, къ тому времени, когда прибылъ въ Ростовъ святитель Д., расколъ въ ростовскомъ краѣ достигъ такой силы и распространенности, что грозилъ серьезною опасностью православію. Объ этомъ находимъ многократныя свидѣтельства и въ сочиненіяхъ самого св. Д. «Дышетъ Брынская пустыня на церковь Божію своею злобою, аки огнемъ,—читаемъ, напримѣръ, въ «Розыскѣ»,—рыкаетъ хулами, аки левъ, пасется самопоступно, безпастырно, беззаконно, аки коза; и якоже змій, въ Апокалипсіи видѣнный, хоботомъ своимъ отторже третію часть звѣздъ небесныхъ и поверже я на землю: сице Брынская пустыня хвосты своя зміоподобныя, учители, глаголю, зміонравныя, посылая во грады и веси, отторгаетъ отъ церковнаго неба, яко звѣзды, души людей православныхъ, и повергаетъ я во свою пропасть».

Въ виду такой опасности отъ раскола святитель Д. не ограничилъ свой пастырскій подвигъ одною письменною полемикою. По мысли автора, выраженной въ предисловіи къ «Розыску», послѣдній былъ написанъ съ тою цѣлью, чтобы сколько возможно вразумить самихъ раскольниковъ, а главное чтобы дать ростовскому духовенству надлежащее понятіе о расколѣ и снабдить его надежнымъ орудіемъ противъ этого противника. Съ другой стороны святитель желалъ замѣнить книгою устную проповѣдь о расколѣ и восполнить такимъ образомъ то, чего она не могла сдѣлать: «устная бесѣда, по его выраженію, близъ токмо слышится, а яже писанію предаются, та и въ концы вселенныя происходятъ». Но велъ святитель Д. и устную проповѣдь противъ раскола, то съ церковной каѳедры, то частно въ домашнихъ бесѣдахъ съ раскольниками, когда имѣлъ къ тому случай. Образцами его церковныхъ поученій могутъ служить: «Слово о вѣрѣ и о четвероконечномъ крестѣ», «Слово на воздвиженіе честнаго и животворящаго креста», «Слово къ препростому народу». Въ своихъ проповѣдяхъ противъ раскола св. Д. является такимъ же замѣчательнымъ проповѣдникомъ, какимъ былъ онъ вообще, какъ по содержанію ихъ, такъ еще болѣе по положенію, простому и удобопонятному для народа. Со стороны своего тона противораскольническія сочиненія св. Д. хотя и отдаютъ дань своему времени, но негодованіе святителя направляется собственно на расколоучителей, съ одной стороны по поводу совращенія ими простодушнаго и довѣрчиваго народа, съ другой по поводу ихъ нестерпимой хулы на церковь и ея таинства и обряды. При устныхъ собесѣдованіяхъ съ раскольниками кроткій характеръ и любвеобильное сердце святителя, безспорно, проявлялось еще въ боль-

1) Нов. мат. ист. раск. *Е. Барсовъ*, М. 1890 г., стр. 3—13. «Виноградъ», гл. IV, ст. 18.

2) «Сказаніе» *Іоанна*, писанное около 1705 г., М. 1875 г., стр. 170—1. «Обличеніе» *Флорова*: «Бр. Сл.», 1894 г., I, 478.

шей степени и это имѣло, конечно, свои благія послѣдствія. Самъ св. Д. не разъ замѣчаетъ въ своихъ сочиненіяхъ о тѣхъ увѣщаніяхъ, которыя ему приходилось дѣлать уличеннымъ въ отступленіи отъ церкви. «На тая его раскольническая словеса мы, смиренніи, довольно отвѣтствовавше, увѣщевахомъ его повинутися святѣй церкви и присоединитися оной исповѣданію». Но эта любовь и кротость въ отношеніяхъ къ заблуждающимся не ослабляли защиты интересовъ церкви. Разъ сама царица Прасковья Ѳеодоровна просила ростовскаго святителя возвратить прежнее мѣсто священнику села Курбъ, лишенному таковаго за преданность расколу, но и ея просьба не имѣла успѣха. «Много мнѣ было отъ него досады,—отвѣчалъ Д. царицѣ о названномъ священникѣ, — обаче все то ему прощаю Христа ради моего... Но гнѣва Божія на себѣ боюся, аще волка, во одеждѣ овчей суща, пущу въ стадо Христово погубляти души людскія раскольническими ученьми».

Но, воздѣйствуя на самый расколъ и ознакомляя духовенство съ ученіемъ раскола путемъ книжнымъ, св. Д. въ то же время заботился объ устраненіи самихъ причинъ успѣха раскольнической пропаганды среди православной паствы. Главную изъ этихъ причинъ составляло печальное въ умственномъ и нравственномъ отношеніи состояніе ростовскаго духовенства, которое не соотвѣтствовало своему призванію, было невѣжественно, не знало, по выраженію самого святителя, «что есть санъ священства, въ чемъ состоитъ должность священническая и духовническая, и како оную проходити надлежитъ». Въ заботахъ объ устраненіи этого св. Д. обращался къ іереямъ съ архипастырскими посланіями и дѣлалъ тѣ или другія административныя распоряженія. Въ своихъ посланіяхъ святитель старался дѣйствовать не только на умъ, но и на сердце тѣхъ, кому писалъ; онъ увѣщевалъ и молилъ, обличалъ и угрожалъ; за послушаніе призывалъ благословеніе Божіе, за непокорность возвѣщалъ судъ Божій и свой архипастырскій. Но такъ какъ худшая часть духовенства оставалась глухою къ увѣщаніямъ, то по отношенію къ такимъ св. Д. прибѣгалъ къ административнымъ мѣрамъ исправленія. Цѣль ихъ была двойная: устраненіе соблазновъ, происходившихъ отъ церковнаго неблагоустройства и зазорной жизни духовенства съ одной стороны и огражденіе православія отъ увлеченія расколомъ съ другой. Такимъ образомъ административныя распоряженія были прямымъ восполненіемъ пастырскихъ посланій.

Время пастырской дѣятельности св. Д. совпало съ началомъ петровскихъ реформъ. Извѣстно, сколь много осложнилось послѣдними дѣло борьбы съ расколомъ и какъ послѣ того успѣшно сталъ распространяться расколъ даже среди тѣхъ, кто на церковной почвѣ дотолѣ оставался въ союзѣ съ православіемъ. Ростовскому святителю представлялся случай сдѣлать разъясненіе и по вопросамъ этого рода. Такъ, въ 1705 г., лѣтомъ, въ одинъ воскресный день, когда Д. шелъ отъ литургіи, два нѣкіи ярославца,—дѣло было въ Ярославлѣ,—подошли къ владыкѣ съ такимъ вопросомъ: «владыко святый, какъ ты велишь: велятъ намъ, по указу государеву, брады брить, а мы готовы головы наши за брады наши положить». Въ тотъ же день въ келліи святителя собралось «много гражданъ» и было «разглагольствіе о брадобритіи», а затѣмъ св. Д. написалъ особый трактатъ подъ заглавіемъ «Разсужденіе о образѣ Божіи и подобіи въ человѣцѣ», которое, по повелѣнію Петра I, было напечатано въ 1707 году. Въ 1714 и 1717 г. изданіе было повторено, но еще самъ авторъ внесъ этотъ трактатъ въ свой «Розыскъ» въ видѣ двухъ главъ, присоединивъ здѣсь къ нему еще главу «объ усахъ». Религіозный взглядъ на бороду былъ свойственъ всѣмъ вообще русскимъ людямъ того времени, почему и протестъ противъ этой реформы Петра I былъ всеобщимъ. Бороду считали, съ одной стороны, образомъ Божіимъ въ человѣкѣ, съ другой—признакомъ православія, а потому—русской національности. Впослѣдствіи взглядъ на брадобритіе, какъ на ересь, сдѣлался достояніемъ послѣдователей старообрядческаго раскола. Отсюда вопросъ о брадобритіи сталъ полемическимъ вопросомъ и названный литературный трудъ св. Д. занялъ въ полемич. литературѣ первое мѣсто, какъ первый опытъ этого рода и основательный.

В. Нечаевъ, «Св. Димитрій Ростовскій». М. 1849 г., стр. 68—77, 87—95. *И. Шляпкинъ*, «Св. Димитрій Ростовскій и его время». Спб. 1891 г., стр. 412—418, 441—451. Приб. къ «Яросл. Епарх. Вѣд.» за 1865 г., №№ 10—26. «Братское Слово» 1895 г., II, 495—580, 724.

П. Смирновъ.

ДИМИТРІЙ (Сѣченовъ), митрополитъ новгородскій, одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ русскихъ проповѣдниковъ; родился 6 дек. 1709 г. въ предѣлахъ московской еп. и названъ былъ при крещеніи Даніиломъ; образованіе получилъ въ московск. слав.-греко-лат. академіи, гдѣ затѣмъ съ 1730 г. и самъ состоялъ учителемъ краснорѣчія; въ 1732 г. принялъ монашество съ именемъ Димитрія, былъ архимандритомъ казанскаго Свіяжскаго монастыря и съ 1740 г. состоялъ во главѣ миссіи по обращенію въ христіанство могометанъ и язычниковъ въ поволжскихъ губерніяхъ (казанск. и нижегородск.). На этомъ поприщѣ «правитель новокрещенскихъ дѣлъ», архим. Д., много потрудился на пользу христіанской церкви: нѣсколько десятковъ тысячъ инородцевъ были обращены въ христіанство благодаря его усердію и трудамъ. Дѣло просвѣщенія свѣтомъ евангельской истины Д. продолжалъ и въ санѣ епископа нижегородскаго, куда онъ былъ назначенъ въ 1742 г. 12 сент.; нижег. епархіей управлялъ по 1748 г., когда, согласно прошенію, по болѣзни былъ уволенъ на покой. Но не долго пробылъ онъ на покоѣ: въ 1752 г. былъ вызванъ въ С.-Петербургъ для присутствованія въ Св. Синодѣ и отсюда уже, въ іюнѣ того же года, назначенъ епископомъ рязанскимъ, оставаясь членомъ Св. Синода; въ 1757 г. былъ назначенъ на новгородскую епархію, совершалъ коронованіе импер. Екатерины II и былъ возведенъ въ санъ митрополита. 8 окт. 1762 г., участвовалъ въ коммиссіи по составленію духовныхъ штатовъ, а въ 1767 г. былъ назначенъ депутатомъ отъ духовенства въ комм. для составленія новаго Уложенія. Это была послѣдняя его поѣздка въ Москву: 14 дек. 1767 г. онъ скончался вслѣдствіе застарѣлыхъ болѣзней. Отпѣваніе совершено въ Москвѣ же, въ Заиконоспасскомъ монастырѣ, а тѣло погребено въ Новгородѣ, въ Софійскомъ соборѣ. Богатая библіотека его поступила, согласно завѣщанію, въ новгородскую семинарію.

Преосв. Д. пользовался большимъ благоволеніемъ импер. Екатерины II, которая видѣла въ немъ пастыря просвѣщеннаго и энергичнаго; въ письмѣ къ Вольтеру она гордилась тѣмъ, что у нея въ Россіи есть такой священнослужитель, и намѣревалась сама издать его проповѣди. Но этого она сдѣлать не успѣла. Въ дѣлѣ секуляризаціи церковныхъ имуществъ Д. былъ на сторонѣ свѣтской власти и горячо доказывалъ противъ Арсенія Мацѣевича необходимость ея; поддержка его въ этомъ отношеніи была очень цѣнной. Среди пастырей русской церкви онъ выдѣляется своимъ проповѣдническимъ талантомъ. Содержаніе проповѣдей публицистическое; произнесены онѣ были главнымъ образомъ въ царствованіе Елисаветы Петровны, когда у насъ только-что избавились отъ владычества нѣмцевъ. Проповѣдникъ въ яркихъ картинахъ рисуетъ ужасы этого владычества, всѣ неистовства нѣмцевъ, указываетъ пороки русскаго общества, недостатокъ благочестія, сопровождая свои описанія рѣзкими порицаніями и горькимъ сѣтованіемъ. Зато, обращаясь къ императрицѣ, онъ горячо привѣтствуетъ въ ней освобожденіе Россіи отъ «внутренняго сокровеннаго врага», возвращеніе во внутреннемъ управленіи къ политикѣ ея отца. Языкъ проповѣдей—свободный отъ латинизмовъ и славянизмовъ, столь обычныхъ въ то время у нашихъ проповѣдниковъ, въ то же время сильный и живой; рѣчь простая и ясная, иногда близкая даже къ вульгарной; встрѣчаются, впрочемъ, иногда подражанія языку южно-русскихъ проповѣдниковъ XVII в. Изъ многочисленныхъ рѣчей и словъ Д. напечатаны очень немногія: на день Благовѣщенія, произнес. въ 1742 г.; на день явленія Казанской иконы Божіей Матери (8 іюля), произнес. въ томъ же году; благодарственная рѣчь импер. Екатеринѣ II; затѣмъ въ «Отеч. Зап.» 1839 г. напечатаны рѣчи его Петру III, при восшествіи его на престолъ, въ янв. 1762 г., послѣ литургіи и при входѣ его въ Синодъ. Остальныя остались неизданными (въ библ. Погодина — два сборн. его словъ). Самыми замѣчательными являются первыя два названныя выше слова. Въ сл. на Благовѣщеніе дается полная и яркая картина состоянія церкви и отечества предъ вступленіемъ имп. Елисаветы на престолъ. «Погребли мы, говор. пропов., преславныхъ монарховъ (Петра и Екатерину), погребли и благоденствія наша»... Что теперь мы видимъ, какія настали времена? «Во всей Россіи предтечей антихристовыхъ разослали, вездѣ плевельная ученія разсѣвали..., догматы христіанскія... въ басни и ни во что поставляли; ходатайцу спасенія нашего... на помощь не призывали и за-

ступленія ея не требовали; св. угодниковъ Божіихъ не почитали; иконамъ святымъ не кланялися..., въ посты святые мяса пожирали, а о умерщвленіи плоти и слышать не хотѣли; поминовенію усопшихъ смѣялися... Которыя истинныя чады церкви и истины Христовой наслѣдницы такихъ прелестниковъ не слушали..., коликія имъ руганія, поношенія врази благочестія чинили! Мужиками, грубіянами нарицали! Кто посты хранитъ—называли ханжа. Кто молитвою съ Богомъ бесѣдуетъ—пустосвятъ. Кто иконамъ кланяется—суевѣръ. Кто языкъ отъ суесловія воздерживаетъ—глупъ, говорить не умѣетъ... А наипаче коликое гоненіе на самыхъ благочестія запретителей, на самыхъ священныхъ таинъ служителей, чинъ, глаголю, духовный. Архіереевъ, священниковъ, монаховъ мучили, казнили, разстригали. Непрестанныя почты и водою и сухимъ путемъ куды, зачѣмъ? Монаховъ, священниковъ, людей благочестивыхъ въ дальніе сибирскіе города, во Охотскъ, въ Камчатку, Оренбурхъ отвозятъ; и тамъ такъ устрашили, что уже и самые пастыри, самые проповѣдницы слова Божія молчали, устъ не смѣли о благочестіи отверсти... Принялись они и за великихъ лицъ, а паче которыхъ вѣдали благочестія защитниковъ, многія знатныя фамиліи до конца истребили, многихъ честныхъ вѣрныхъ слугъ въ тяжкихъ заточеніяхъ, темницахъ поморили, многимъ головы поотрубали, языки порѣзали»... Еще сильнѣе выражается проповѣдникъ въ другомъ словѣ на 8 іюля, гдѣ онъ изображаетъ нравственные недуги своего времени. «Осмотримся, какъ мы любимъ Христа. Люблю Христа словомъ: у меня въ различныхъ селахъ каменныя палаты, прекрасныя покои, бани, поварни изрядно устроены; а церкви Хр. въ тѣхъ же селахъ безъ покрова погнили. Люблю Христа: у меня запанки, пряшки, табакирки золотыя, чайники и рукомойники серебреные, а въ церкви Хр. свинцовые сосуды. Люблю Христа: у меня златотканныя завѣсы, одѣяла; а страшныя Хр. тайны крашенинным покрываются покровомъ. Люблю Христа: самъ шанпанскія и венгерскія вина вмѣсто квасу употребляю; а въ ц. никогда и волоскаго галенка не посылалъ... Люблю Христа: свои именины какъ безъ торжества пропустить? Три дня и нощи веселюся, піянствую, а пріидетъ праздникъ Хр. Рождества или Воскресѣнія, главныя спасенія нашея вины,—за уборами, за развозами по разнымъ домамъ ласкательныхъ поклоновъ, поздравленій; и въ ц. не былъ: скорбимъ, что кого дома не засталъ, а о томъ и печали нѣтъ,—не успѣлъ, рано стали благовѣстить... Иные за кабаками, за торгомъ, за ябедами, за работою церквей не знаютъ, о покаяніи ниже помышляютъ, таинъ святыхъ не причащаются... У всякаго вмѣсто писанія во устѣхъ хула, клевета, сквернословіе, на языцѣ обманъ... Вся наша любовь (къ ближнему) въ коварной политикѣ, какъ ласково встрѣтить, довольно угостить, учтиво проводить, пріятныя письма, гладкія словца, низкія поклоны, частые стаканы, непрестанныя репетиціи: здравствуй, здравствуй,—а сердцемъ хотя бы и на свѣтѣ не было, да и въ будущемъ бы вѣцѣ покою не обрѣсть... Правосудіе ли тамъ? Присмотримся: въ передней избѣ часовъ пять постой, да заутра приди, больши не жди. Милости ли сыскать? Съ ногъ до головы обдерутъ; не срачицу, но и кожу готовы снять; а когда станешь больше правды искать, то и въ сибирскихъ странахъ мѣста не сыщешь... Богатство кому попадется, не знаетъ, что не его злато, не его сребро, но Божіе, онъ токмо строитель Божіяго имѣнія поставленъ, да помогать въ нуждѣ сущимъ. А онъ, какъ неключимый рабъ, такими стѣнами и законами оградитъ, не токмо кому подать, но и посмотрѣть никого не сподобитъ, рубля безъ процента не даетъ, полушки бѣдному въ руки не вложитъ, и самъ хлѣба въ сладость не вкуситъ, дрожитъ, ночи не спитъ, какъ бы утраты не сдѣлалося»... (см. *Фил. Черниг.* Обз. дух. лит., кн. II, стр. 337—340).

ДИМИТРІЙ (Муретовъ) архіеп. херсонскій—сынъ дьячка рязан. епархіи, род. въ 1806 г., умеръ въ 1883 г. Высшее образованіе получилъ въ кіев. дух. академ., въ которой потомъ оставался еще 16 лѣтъ въ качествѣ профессора и ректора. Въ 1850 г. онъ былъ назначенъ епископомъ въ Тулу, въ 1857 г.—въ Одессу. Послѣ 17-лѣтняго служенія здѣсь онъ переведенъ былъ, уже въ санѣ архіепископа, въ Ярославль, но оставался здѣсь недолго, вслѣдствіе неблагопріятнаго для его здоровья климата, и переведенъ былъ на Волынь, а черезъ 6 лѣтъ снова вернулся на херсонскую каѳедру, гдѣ и умеръ.

Будучи крупной научной величиной, Д. отличался замѣчательною скромностью и никогда не искалъ ученой славы. Этимъ объясняется то, что онъ почти не печаталъ своихъ трудовъ, а если и печаталъ, то безъ подписи. Исключенiе представляютъ его блестящiя проповѣди, которыя выходили подъ его именемъ и печатались большею частью въ «Правосл. Обозрѣнiи». Лекцiи Д., полныя интереса и научности, вслѣдствiе излишней его скромности, едва не погибли для потомства. Только благодаря студенту Н. Оглоблину, который сдѣлалъ полную запись этихъ лекцiй, онѣ не пропали безслѣдно для науки. Эта запись легла въ основу извѣстнаго труда м. Макарiя (Булгакова) «Введенiе въ курсъ богословскихъ наукъ». Проповѣди Д. сначала были изданы въ Почаевѣ (къ волынской паствѣ) а потомъ—въ Москвѣ (Полное собранiе). —Слова и бесѣды, произнесенныя волынской паствѣ. 5 вып. Почаевъ. 1881 г. —Цвѣты изъ сада. 7 вып. М. 1889—1890 г.—Слова, бесѣды и рѣчи, въ 5 том. М. 1897 г.—Томъ 6-й. Разныя статьи. М. 1899 г.—Т. 7-й. Бiографiя архiепископа Димитрiя. М. 1898 г.—Приложенiе къ полному собранiю проповѣд. Димитрiя, архiепископа херс. и одес. Перечень всѣхъ проповѣдей полнаго собранiя. М. 1892 г.—Бесѣды на 140 псаломъ. М. 1900 г.—О путяхъ промысла Божiя въ обращенiи грѣшниковъ и о путяхъ покаянiя для обращаемыхъ. М. 1890 г. *В. Е.*

ДИМИТРІЙ архiеп. казанскiй (въ мiрѣ—Михаилъ Георгiевичъ Ковальницкiй), сынъ священника, род. въ 1839 г., въ 1859 г. окончилъ курсъ волын. дух. сем. и тогда же опредѣленъ учителемъ въ кременецкое дух. училище. Съ 1863 по 1867 г. Д. обучался въ кiев. дух. академiи, по окончанiи курса которой здѣсь же остался и преподавателемъ—по каѳедрѣ нравственнаго богословiя. Съ полученiемъ (1868 г.) степени магистра онъ былъ переименованъ въ баккалавра академiи, а въ слѣдующемъ году—въ доцента. Въ 1878 г. доцентъ Ковальницкiй назначается э.-ординарнымъ профессоромъ по каѳедрѣ церковной исторiи, а въ 1895 г. постригается въ монашество, рукополагается въ iеромонаха, возводится въ санъ архимандрита и назначается инспекторомъ кiев. дух. акад. Въ 1898 г. Д. назначенъ былъ ректоромъ кiев. дух. акад. и настоятелемъ Кiево-Братскаго монастыря; въ этомъ же году онъ былъ хиротонисанъ во епископа чигиринскаго, викарiя кiев. епархiи, съ оставленiемъ въ занимаемыхъ имъ должностяхъ; 27 апрѣля 1902 г.—епископъ тамбовскiй, а съ 8 февраля 1903 г. архiепископъ казанскiй и свiяжскiй. Литературные труды Д. помѣщались въ «Трудахъ кiев. дух. академiи». Изъ отдѣльныхъ изданiй можно указать «О значенiи нацiональнаго элемента въ историческомъ развитiи христiанства». Кiевъ. 1880 г. *В. Е.*

ДИМИТРІЙ архiепископъ тверской (въ мiрѣ Дим. Ив. *Самбикинъ*), архипастырь, выдающiйся своими учеными трудами по русской церковной исторiи и археологiи. Сынъ протоiерея острогож. церкви ворон. губ., родился въ 1839 г., воспитывался въ ворон. семинарiи и въ спб. дух. академiи, въ которой окончилъ курсъ въ 1865 г., въ числѣ первыхъ магистровъ; 20 января 1866 г. назначенъ профессоромъ въ ворон. дух. семинарiю на классъ библейской и церк. исторiи; 1 октября того же 1866 г. рукоположенъ во священника; 13 апрѣля 1870 г. овдовѣлъ; 5 мая 1872 г. избранъ въ ректора тамбовской дух. семинарiи; 11 февраля 1877 г. постриженъ въ монашество и 13 возведенъ въ санъ архимандрита; въ декабрѣ 1880 г. вызванъ въ Петербургъ на чреду священнослуженiя, а 6 августа 1881 г. назначенъ ректоромъ ворон. дух. семинарiи; 6 дек. 1886 г. назначенъ епископомъ балахнинскимъ, викарiемъ нижег. епархiи, а 4 янв. 1887 г. хиротонисанъ въ москов. Успенскомъ соборѣ; 28 окт. того же 1887 г. переведенъ въ подол. епархiю викарiемъ балтскимъ; 13 дек. 1890 г. назначенъ епископомъ подольскимъ; 2 ноября 1896 г.—епископъ тверской; 6 мая 1898 г. возведенъ въ санъ архiепископа.

38-лѣтняя служба преосв. Д. полна великихъ заслугъ по дѣятельности педагогической, церковно-общественной и особенно ученой. Энергичный и неутомимый, всецѣло преданный своему дѣлу, онъ былъ замѣчательнымъ ректоромъ двухъ семинарiй, гдѣ его искренно любили и глубоко уважали, и въ то же время былъ виднымъ общественнымъ дѣятелемъ: онъ былъ инцiаторомъ разныхъ полезныхъ обществъ и учрежденiй, состоя въ однихъ членомъ, въ другихъ предсѣдателемъ, — всюду приносилъ

пользу и оставлялъ о себѣ благодарную память. Такимъ же онъ является и какъ архипастырь: неутомимымъ въ церк. службѣ и въ дѣлахъ епархіальныхъ, заботливымъ, доступнымъ. Но главная заслуга этого іерарха заключается въ его ученыхъ трудахъ, которыми онъ обогатилъ русскую церковно-историческую науку. Высокообразованный, съ выдающеюся памятью и отличнымъ знаніемъ церковной исторіи, труженикъ-архіерей доселѣ не оставляетъ пера, доселѣ неустанно работаетъ особенно надъ изученіемъ житій святыхъ, чтимыхъ всею русскою церковью или мѣстно. Въ тамбовскихъ, воронежскихъ, подольскихъ и тверскихъ епарх. вѣдомостяхъ имъ помѣщено до ста статей церковно-историческаго содержанія: въ этой своей дѣятельности онъ напоминаетъ собою митр. Евгенія Болховитинова, своего земляка и славнаго предшественника въ ученыхъ монографіяхъ по русской церк. исторіи и археологіи. Гдѣ бы преосв. Д. ни былъ, онъ вездѣ оставлялъ по себѣ память какъ любитель церк. археологіи и возобновитель церковн. древностей: въ Твери онъ «чрезвычайно оживилъ историч. и археологич. изысканія», учредилъ у себя церк.-археологич. собранія, устроилъ и освятилъ часовню въ Филипповой келліи (въ Отрочевѣ монастырѣ), открылъ упраздненную, но древнѣйшую, Никольскую у собора церковь и проч. На послѣднемъ археолог. съѣздѣ въ Твери (1903 г.) онъ былъ избранъ почетнымъ предсѣдателемъ отдѣла: «Памятники церковной старины». — Изъ крупныхъ трудовъ преосв. Д. укажемъ на слѣдующіе: а) «Мѣсяцесловъ русскихъ святыхъ, всею русскою церковію или мѣстно чтимыхъ», изданный въ 4 выпускахъ въ 1870—83 гг., а потомъ снова переработанный и дополненный, «Мѣсяцесловъ» этотъ изданъ имъ въ 1893—1903 гг. въ 12 выпускахъ: трудъ солидный по содержанію, громадный по богатству историческаго, біографическаго и библіографическаго матеріала,—трудъ, не встрѣчаемый у предшественниковъ; б) «Указатель храмовыхъ праздниковъ воронежской епархіи», — въ 5 выпускахъ; в) «Жизнеописаніе святителя Митрофана Воронежскаго» (2 изданія); г) «Жизнеописаніе святителя Питирима Тамбовскаго»; д) «Служба св. 12 апостоламъ» (Кіевъ, 1900 г.); е) «Служба 70 апостоламъ» (Кіевъ, 1900 г.); ж) «Соборъ св. 70 апостоловъ (4 января)»,—въ 3 выпускахъ (Тверь, 1900—1902 г.), ученое агіографическое изслѣдованіе; з) «Матеріалы для исторіи тверской епархіи», Тверь, 1898 г. Кромѣ того имъ составлено нѣсколько акаѳистовъ, въ оцѣнкѣ которыхъ онъ считается особенно компетентнымъ. Подробный перечень раннихъ (до 1885 г.) литературныхъ трудовъ преосв. Д. помѣщенъ имъ же въ своемъ сочиненіи: «Ректоры воронежской духовной семинаріи» (стр. 64—66). *А. Р—ій.*

ДИМІУРГЪ (отъ δημιός и ἔργω) означаетъ собственно художника, производящаго для народа работы, а затѣмъ вообще строителя, мастера. На библейскомъ языкѣ слово это употребляется о творческой дѣятельности Бога только въ Евр. **11**, 10 («Городъ, котораго художникъ и строитель Богъ»). Чаще оно употребляется у церковныхъ писателей, начиная съ Климента римскаго, и, по примѣру классическихъ философовъ, у гностиковъ, о значеніи каковаго термина у нихъ см. подъ сл. *Гностицизмъ.*

ДИППЕЛЬ Іоаннъ Конрадъ—интересенъ только какъ печальный типъ религіозной распшатанности въ протестантизмѣ, представлявшій курьезную смѣсь раціонализма и мистицизма, распутства и піэтизма (род. въ Франкенштейнѣ, 1673 г.; ум. въ Витгенштейнѣ, 1734 г.). Сначала онъ обучался въ Гиссенѣ, затѣмъ въ 1639 г. отправился въ Виттенбергъ, а оттуда въ Страсбургъ, гдѣ читалъ лекціи по алхиміи, хиромантіи, и проповѣдывалъ противъ піэтистовъ, но изгнанъ былъ вслѣдствіе долговъ и безпорядочнаго поведенія. Въ 1677 г. онъ издалъ, подъ псевдонимомъ Христіана Демокрита, свою Orthodoxia Orthodoxarum, въ 1698 г. Papismus Protestantium Voculans, а въ 1699 г. свое сочиненіе подъ заглавіемъ: «Вино и масло на раны избитаго папства»; но эти книги, въ которыхъ онъ отвергалъ ученіе о боговдохновенности, искупленіи и проч., были запрещены цензурой. Попрактиковавъ нѣсколько въ Берлинѣ въ качествѣ алхимика, причемъ изобрѣлъ особый «Диппелевъ елей», и въ Амстердамѣ въ качествѣ врача, онъ поселился въ Альтонѣ, гдѣ былъ арестованъ вслѣдствіе нѣкоторыхъ неосторожныхъ замѣчаній касательно датскаго правительства и заключенъ въ тюрьму въ Борнгольмѣ (1719—25 гг.). Послѣ своего освобожденія онъ отправился въ Стокгольмъ,

гдѣ встрѣтилъ лестный пріемъ и даже имѣлъ шансы сдѣлаться епископомъ упсальскимъ. Однако и тамъ нѣкоторыми неосторожными замѣчаніями онъ повредилъ своей карьерѣ: былъ изгнанъ, но нашелъ убѣжище въ замкѣ Витгенштейнскомъ, — этомъ очагѣ всѣхъ религіозныхъ сумасбродовъ и философскихъ курьезовъ того времени.

ДИПТИХИ, или помянники, поминанья. Начало употребленія Д. при богослуженіи относятъ ко временамъ апостольскимъ. Въ IV в. они являются уже во всеобщемъ употребленіи въ церкви. Наименованіе «диптихъ» принадлежитъ дохристіанской древности и по своей этимологіи (δὸς—дважды и πτύσσω—складываю) обозначаетъ вообще всѣ предметы, которые складываются вдвое; въ частности же оно прилагалось къ двумъ соединеннымъ вмѣстѣ табличкамъ, покрытымъ съ внутренней стороны воскомъ, на которомъ дѣлались записи особымъ заостреннымъ прутомъ—стилемъ; снаружи же онѣ покрывались различными изображеніями и украшеніями. Принявъ эти диптихи въ богослуженіе, церковь удержала ихъ названіе, но замѣнила наружныя на нихъ свѣтскія изображенія изображеніями священными. Въ древности были распространены нѣсколько видовъ Д., какъ-то: 1) Д. крещальные, для записи сподобившихся св. крещенія; 2) Д. живыхъ, для записи принадлежащихъ къ извѣстной церкви; 3) Д. святыхъ или мартирологіи и 4) Д. умершихъ. Въ Д. послѣдняго вида записывались прежде всего мѣстные епископы, отличавшіеся святостію жизни и безупречностію въ нравственномъ отношеніи, затѣмъ таковые же епископы иныхъ епархій, священники и, наконецъ, міряне всякаго состоянія, возраста и пола. Поминовеніе по Д. при совершеніи таинства евхаристіи церковь всегда считала особою честію, почему лишала ея исключеніемъ изъ Д., какъ скоро обнаруживались какіе-либо грѣхи и заблужденія записаннаго въ Д., остававшіяся до того времени неизвѣстными. Въ настоящее время во всеобщей практикѣ церкви православной двоякій видъ Д. или помянниковъ — общіе или церковные, такъ называемые синодики, и частные или, собственно, помянники, поминанья. Первые изъ нихъ правильно ведутся по преимуществу въ монастыряхъ, при чемъ въ нихъ обыкновенно вносятъ на вѣчное поминовеніе; вторые же имѣются почти въ каждой православной семьѣ и подаются вмѣстѣ съ просфорами на проскомидіи. Въ тѣ и другіе вносятся для поминовенія, какъ живые, такъ и умершіе. *Н. М.*

Дисанъ—св. муч., *пам. 9 апр.*

Дисидерій (вожделѣнный, лат.) — св. муч. чтецъ, *пам. 21 апрѣля.*

ДИСКОСЪ. Такъ называется одинъ изъ употребляемыхъ на литургіи священныхъ сосудовъ,—блюдо, на которое въ древности полагался евхаристическій хлѣбъ, а въ настоящее время агнецъ. Употребленіе Д. такъ же древне, какъ и употребленіе чаши. Довольно ясные слѣды его существованія можно находить уже въ живописи катокомбъ,—въ изображеніи евхаристіи въ катокомбахъ Каллиста (III в.). На задней сторонѣ одной изъ находящихся въ нихъ комнатъ художникомъ нарисованъ треножникъ, а на немъ на двухъ отдѣльныхъ блюдахъ — рыба (символъ евхаристіи) и хлѣбы (рисун. см. въ «Очеркахъ памятниковъ христіанской иконографіи» Н. Покровскаго, стр. 51; изд. 1900 г.). На существованіе Д. въ III — IV ст. указываютъ и письменныя свидѣтельства. Ихъ мы находимъ въ принадлежащихъ Анастасію Библіотекарю біографіяхъ папы Зефирина (202—19 г.), Урбана (226 г.) и Сильвестра (314 г.). Первый издалъ распоряженіе, чтобы діаконы приносили въ церковь до прихода священника стеклянные Д.; второй пожертвовалъ для одной церкви двадцать пять серебряныхъ Д. и третій, выстроивъ базилику близъ бань Домиціана, положилъ въ ней золотой Д. въ двадцать фунтовъ вѣса (Migne. Cursus completus patrologiae. T. 127, col. 1306, 1323, 1515). При немъ же Константинъ Великій пожертвовалъ для базилики св. Агнессы два золотыхъ Д. (ibid. col. 1521) и семь для другихъ (ibid. col. 1515) Отъ того же IV в. имѣются указанія на существованіе Д. въ церквахъ Галліи и Востока. «У насъ, разсказываетъ Григорій Турскій, сохраняется Д. сапфироваго цвѣта, который, какъ говорятъ, взятъ св. Мартиномъ (епископъ Галліи 400) изъ сокровищъ императора Максима» (соперникъ Валентиніана II. De miraculis s. Martini. Lib. IV, cap. X. Migne T. 77, col. 995). «Діаконъ,— замѣчаетъ Testamentum Domini nostri Jesu Christi, памятникъ сирійской или египетской церкви,—да не преподаетъ епископу пріобщеніе, но только держитъ дискосъ» (стр. 133). Появившись въ первые

вѣка христіанства, Д. не исчезли и во все послѣдующее время. Изъ писателей восточной церкви о нихъ упоминаютъ Іоаннъ Постникъ († 595), Іоаннъ Мосхъ (конецъ VI и начало VII в.), разсказывающій въ «Лугѣ Духовномъ» о томъ, какъ однажды евхаристическіе дары, надъ которыми совершилъ проскомидію простой монахъ, были предложены въ свое время діаконами на Д. на св. жертвенникъ (Migne, 87,2860); отцы пято-шестого собора, запретившіе употребленіе Д. для внѣбогослужебныхъ цѣлей; Германъ константинопольскій, по объясненію котораго онъ знаменуетъ руки Іосифа и Никодима (Красносельцевъ. Свѣдѣнія о лит. рукописяхъ Ватиканской библ., стр. 358). Въ западной церкви Д. извѣстны Григорію Великому, по словамъ котораго одинъ епископъ Венанцій пожертвовалъ въ монастырскую церковь серебряный Д. вѣсомъ въ два фунта (Epistolarum liber VIII, ep. 4. Migne. 77 t., col. 909); Григорію Турскому, разсказывающему, что франкскій король Хильдебертъ пожертвовалъ въ память своей умершей сестры двѣнадцать золотыхъ украшенныхъ драгоцѣнными камнями Д. (Historia Francorum. Liber III, cap. X. Migne, 71 t., col. 250); Льву IV, Бенидикту III и т. п. О постоянномъ употребленіи Д. въ восточной церкви позднѣйшаго времени свидѣтельствуютъ древнѣйшіе изъ извѣстныхъ списки литургіи ап. Іакова, Іоанна Златоуста и Василія Великаго. Какъ видно изъ только-что приведенныхъ свидѣтельствъ, веществомъ, изъ котораго дѣлались Д., было стекло, серебро и золото. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ они украшались драгоцѣнными камнями и покрывались изображеніями Спасителя или въ обыкновенномъ видѣ, или въ видѣ агнца, несущаго крестъ, Божіей Матери и апостоловъ (Anastasius, Vita Gregorii Magni, Boldetti Osserv. 191). Назначая Д. для богослужебныхъ цѣлей, церковь издревле установила особую молитву для его освященія.

Liber Sacramentorum Gregorii Magni. Migne 78 t., col. 158. Рукоп. XV в. патріаршей биб. въ Каирѣ № 371—48. *Дмитріевскій* Εὐχολόγια, стр. 378. *А. Петровскій.*

ДИССЕНТЕРЪ—англ. эпитетъ, который собственно прилагается лишь къ тѣмъ, кто dissent (отступаютъ) отъ ученія такъ называемой установленной государственной церкви въ Англіи. Въ Англіи названіе это однозначуще съ «нонконформистомъ». Диссентеры тамъ болѣе или менѣе подвергались гоненію, но мало-по-малу возстановлены были въ своихъ правахъ рядомъ законодательныхъ актовъ и допущены въ Оксфордскій и Кэмбриджскій университеты на равныхъ правахъ съ членами англійской церкви. Однозначуще съ нимъ и слово *диссиденты* (отъ dissidere—не соглащаться, во мнѣніи «иномыслить»), которое особенно употреблялось въ Польшѣ въ приложеніи ко всѣмъ не-католикамъ.

ДІАВОЛЪ отъ греч. διαβάλλειν—перебрасывать, отсюда—клеветать; διάβολος—клеветникъ, обвинитель, обольститель. — Въ В. Завѣтѣ это слово употребляется въ смыслѣ «негоднаго» человѣка (3 Цар. **21**, 13), обвинителя или клеветника (Пс. **108**, 6) и діавола-искусителя, «завистью котораго вошла въ міръ смерть» (Прем. **2**, 24).— Чаще это слово встрѣчается въ Н. Завѣтѣ, гдѣ оно имѣетъ смыслъ бѣса или сатаны. Онъ есть родоначальникъ и виновникъ грѣха (1 Іоан. **3**, 8); искушалъ Іисуса Христа въ пустынѣ (Мѳ. **4**, 1—11; Лук. **4**, 2—13); соблазняетъ людей и склоняетъ ихъ ко злу (Мѳ. **13**, 39; Лук. **8**, 12; Іоан. **13**, 2; 1 Тим. **6**, 9; Евр. **2**, 14; 1 Петр. **5**, 8; Апок. **2**, 10; **12**, 12; **20**, 10), мучитъ бѣсноватыхъ (Дѣян. **10**, 38). Онъ же соблазнилъ прародителей (Апок. **12**, 9; **20**, 2); грѣшники — его дѣти Дѣян. **13**, 10; 1 Іоан. **3**, 8, 10). Вѣрнымъ предписывается всячески противиться ему (Ефес. **4**, 27; **6**, 11; 1 Тим. **3**, 6 и 7; 2 Тим. **2**, 26; Іак. **4**, 7). Сынъ Божій пришелъ на землю, чтобы разрушить дѣла діавола (1 Іоан. **3**, 8); ему и его ангеламъ уготованъ огонь вѣчный (Мѳ. **25**, 41). Св. Іуда свидѣтельствуетъ, что «Михаилъ Архангелъ говорилъ съ діаволомъ, споря о Моисеевомъ тѣлѣ» (ст. 9). Въ греч. текстѣ Н. Завѣта слово διάβολος трижды употреблено не въ смыслѣ отдѣльной личности, а въ смыслѣ прилагательнаго— «клеветника» или клеветницы (1 Тим. **3**, 11; 2 Тим. **3**, 3; Тит. **2**, 3). Подробнѣе см. подъ слов. *Духи злые, Сатана.*

Діадохъ еп. Фотики, въ Эпирѣ, V вѣка. *Пам. въ сырную субботу.*

ДІАКОНЪ. Древнѣйшимъ христіанскимъ памятникомъ, въ которомъ встрѣчается имя «діаконъ», являются посланія ап. Павла. При этомъ, какъ видно изъ нѣкоторыхъ мѣстъ, оно имѣетъ у апостола двоякій

смыслъ: широкій и тѣсный. Употребляемое въ первомъ смыслѣ, оно равносильно выраженію: «служитель слова, евангелія». Подобное значеніе соединяется съ нимъ въ 7 ст. **3** гл. посланія къ Ефесеямъ, въ 5 ст. **3** гл. 1-го посланія къ Коринѳянамъ, въ 23 ст. **1** гл. посланія къ Колоссаямъ и т. п. И такъ какъ первыми провозвѣстниками евангелія были І. Христосъ, апостолы и ихъ преемники—епископы, то данное имя и примѣняется къ Спасителю (Рим. **15**, 8), къ апостоламъ (см. вышеприведенныя мѣста), а равно и къ рукоположеннымъ ими епископамъ, напр. Тимоѳею (2 Тим. **4**, 5). Въ смыслѣ тѣсномъ имя Д. означаетъ у ап. Павла лицъ, принадлежащихъ къ церковной іерархіи. Такъ, въ **1** гл. посланія къ Филиппійцамъ (1 ст.) онъ упоминаетъ о Д. наравнѣ съ епископами, т. е., какъ думаютъ, причисляетъ ихъ вмѣстѣ съ послѣдними къ служителямъ церкви, а въ **3** гл. 1-го посланія къ Тимоѳею, перечисливъ качества Д., прямо замѣчаетъ: «хорошо служившіе приготовляютъ себѣ высшую степень» (ст. 13). Такое же точно значеніе имѣетъ, по мнѣнію нѣкоторыхъ, разсказъ **6** гл. кн. Дѣяній Апостольскихъ объ избраніи и рукоположеніи апостолами семи лицъ для служенія при столахъ и попеченія о бѣдныхъ. Понимая его въ смыслѣ повѣствованія объ учрежденіи іерархической степени Д., нѣкоторыя древнія церкви имѣли по семи Д. Такой практики держалась, напр., римская церковь при папѣ Корниліи (Евсевій, Цер. Ист. кн. 6, гл. 43), Сикстѣ II, во времена историка Созомена и Максима Исповѣдника (Писаніи отцовъ и учителей церкви, относящіяся къ истолкованію православнаго богослуженія. 1 т., стр. 93). «Сообразно съ тѣмъ, замѣчаетъ Созоменъ въ XIX гл. 7 кн. своей Исторіи, что апостолы рукоположили семь Д., римляне и до сихъ поръ имѣютъ ихъ не болѣе семи». Тому же самому порядку слѣдовала сирская церковь III—IV в., коптская и другія. Имя Д. усвояютъ лицамъ **6** гл. кн. Дѣяній Ап. и памятники восточной церкви, 16 пр. Трульскаго собора, толкованія канонистовъ Зонары и Аристина, но, въ противоположность памятникамъ западнымъ, не считаютъ ихъ лицами іерархическими. «Упомянутыхъ семь Д., говорятъ отцы Трульскаго собора, не слѣдуетъ принимать за служащихъ таинствамъ, они были такими лицами, которымъ было поручено распоряженіе удовлетвореніемъ общей потребности тогда собранныхъ». Въ томъ же духѣ высказываются и два вышеупомянутыхъ канониста. Несмотря однако на это, ни отцы Трульскаго собора, ни отцы и учители болѣе ранняго времени не сомнѣваются въ богоучрежденномъ характерѣ Д. чина, происхожденіи и установленіи его самими апостолами. «Вышеупомянутыхъ служителей, т. е. епископовъ и Д., замѣчаетъ, напр., Климентъ Римскій въ 1 посланіи къ Коринѳянамъ, поставили апостолы». По словамъ Кипріана Карѳагенскаго, служеніе Д. было установлено апостолами послѣ вознесенія Спасителя на небо (65-е письмо). У писателей позднѣйшаго времени встрѣчаются, наконецъ, прямыя указанія на то, что Д. составляютъ третью степень церковной іерархіи. «Три чина, замѣчаетъ Евсевій Кесарійскій: первый чинъ предстоятелей, второй—пресвитеровъ, а третій—діаконовъ». Занимая третье мѣсто въ іерархіи, Д. подчинены, по словамъ Игнатія Богоносца (посланіе къ Магнез. гл. 2), епископу и ниже, по опредѣленію 1-го Вселенскаго собора (18 пр.), пресвитеровъ. Низшее положеніе ихъ выражается главнымъ образомъ въ томъ, что они посвящаются, по выраженію 4 пр. IV Карѳагенскаго собора, не для священства, но на служеніе, т. е. не имѣютъ права совершать таинства, а лишь помогаютъ при ихъ совершеніи. Въ роли помощниковъ они, дѣйствительно, и выступаютъ за все время своего существованія. Такъ, на литургіи Д. принимали отъ вѣрующихъ приношенія для евхаристіи и относили ихъ совершителю таинства (VIII кн. Ап. Постановленій; 76 пр. коптскихъ Ап. Постановленій). Когда эти два простые акта превратились впослѣдствіи въ болѣе сложные, первый—въ проскомидію, а второй—въ великій входъ, Д. приняли участіе и въ этихъ литургическихъ дѣйствіяхъ: не только помогали священникамъ, но иногда и сами совершали проскомидію (литургія Іоанна Златоуста по списку XII вѣка) и одни переносили дары изъ предложенія въ алтарь (см. слово «*Входъ*»). Кромѣ акта приношенія даровъ, Д. участвовали въ ихъ раздаяніи послѣ освященія, т. е. въ причащеніи. При этомъ, по словамъ Іустина Философа (1-ая апологія 65 гл.), они подавали пріобщающимся какъ хлѣбъ, такъ и чашу, а по указанію литургіи VIII кн. Ап. Постан.—только послѣднюю съ произнесеніемъ фор-

мулы: «кровь Христова, чаша жизни». Впослѣдствіи Д. были лишены права пріобщать народъ въ присутствіи священниковъ (38 пр. IV Кароагенскаго собора) и подавать присвитеру чашу (18 прав. I-го Никейскаго собора). Другою обязанностью Д. было чтеніе евангелія. Она возлагается на нихъ 57 гл. II кн. Ап. Постановленій и практикою западной церкви (57 письмо бл. Іеронима къ Савинѣ). Впрочемъ, въ другихъ церквахъ были иные порядки, изъ нихъ въ африканскихъ чтеніе евангелія предоставлялось, по словамъ 34 письма Кипріана, чтецамъ. Такимъ же характеромъ отличалось право Д. произносить поученія. Составляя принадлежность епископскаго сана, оно давалось имъ лишь съ разрѣшенія предстоятеля церкви. Такъ, Іоаннъ Златоустъ, будучи Д., говорилъ поученія съ позволенія своего епископа Мелетія, такъ же поступалъ Аэтій, Д. аріанскаго епископа Леонтія (Филосторгій, «Церков. Ист.» 3, 17): остались, наконецъ, поученія отъ Ефрема Сирина, Д. едесской церкви. Съ теченіемъ времени Д. были лишены права учительства, не выступали, по словамъ Амвросія Медіоланскаго (Толкованіе на посл. къ Ефес. 4), въ роли публичныхъ проповѣдниковъ. Исключеніемъ является лишь болѣзнь епископа или пресвитера; но и въ этихъ случаяхъ Д. произносили не свои поученія, а составленныя предстоятелемъ церкви. Подобное явленіе наблюдалось, напр., при папѣ Григоріѣ Великомъ, который, часто страдая недугами, поручалъ Д. произносить продиктованныя имъ свои бесѣды. Постоянною и неотъемлемою обязанностью Д. является возношеніе моленій отъ лица присутствующихъ въ храмѣ. Такъ, по указанію литургіи VIII кн. Ап. Постановленій, они возносятъ молитвы за оглашенныхъ, одержимыхъ нечистыми духами, просвѣщаемыхъ, кающихся и, по удаленіи ихъ, за однихъ вѣрныхъ. Подобныя же свидѣтельства находимъ у Кирилла Іерусалимскаго, въ бесѣдахъ Іоанна Златоуста (14-ая на посланіе къ Римлянамъ, 2-ая на 2-е посл. къ Коринеянамъ, 2-ая о неясности пророчествъ) и во всѣхъ древнихъ литургіяхъ. На обязанности Д. лежало далѣе охраненіе порядка за богослуженіемъ. «Если кто, читаемъ въ 57 гл. II кн. Ап. Постановленій, будетъ сидѣть на неприличномъ мѣстѣ, того долженъ обличить Д., какъ хозяинъ, и свести на приличное мѣсто. Онъ долженъ смотрѣть за народомъ, чтобы никто не спалъ, не шумѣлъ, не смѣялся, не разговаривалъ». О тѣхъ же самыхъ обязанностяхъ упоминаетъ въ 24 бесѣдѣ на книгу Дѣяній Ап. Іоаннъ Златоустъ. Говоря о безчинствующихъ въ церкви, онъ велитъ находящимся подлѣ нихъ обличать такихъ лицъ, а если они не послушаютъ— призвать Д., чтобы онъ исполнилъ надъ ними свою должность. Наблюденіе за порядкомъ возлагало далѣе на Д. обязанность стоять предъ началомъ евхаристіи у дверей въ отдѣленіи мужчинъ и смотрѣть, чтобы она не отворялась, хотя бы и прищелъ ктонибудь изъ вѣрныхъ (литургія VIII кн. Ап. Постан.). Кромѣ того, по указанію вышеупоминаемаго памятника «Testamentum Domini nostri Jesu Christi, Д. долженъ былъ обходить всю церковь, наблюдая, нѣтъ ли среди присутствующихъ лицъ подозрительныхъ, подосланныхъ врагами христіанъ сыщиковъ. Кромѣ литургіи, Д. принимали участіе въ совершеніи таинства крещенія,— снимали съ приступающаго къ крещенію одежду, поставляли лицомъ къ западу, обращали къ востоку (Максимъ Исповѣдникъ и Григорій Пахимеръ. Писанія отцовъ и учителей церкви, относящіяся къ истолкованію православнаго богослуженія, 1 т., стр. 46, 60) и даже сходили вмѣстѣ съ крещаемыми въ воду. Помимо участія въ крещеніи, Д. иногда и сами совершали это таинство съ разрѣшенія епископа. Подобное право усвояетъ имъ Тертулліанъ въ 17 гл. трактата о крещеніи и бл. Іеронимъ въ 4 гл. разговора противъ люцифераріанъ. По словамъ бл. Өеодорита и І. Златоуста (LXI бесѣда), діаконы могли крестить въ случаѣ отсутствія священника опасно больныхъ дѣтей. Въ связи съ крещеніемъ, въ качествѣ приготовленія къ нему, стояло въ древности оглашеніе. Совершаемое обычно епископомъ или пресвитеромъ, оно возлагалось въ нѣкоторыхъ случаяхъ и на діаконовъ. Служеніе діаконовъ не ограничивалось однимъ участіемъ въ совершеніи таинствъ. Какъ «ангелы и пророки епископа, его очи, уши, уста и правая рука» (Ап. Пост. II кн., гл. 30, 44), они были посредниками между нимъ и вѣрующими. Д. наблюдали за нравами и поведеніемъ народа и доносили о всемъ этомъ епископу. Они же раздавали милостыню, имѣли попеченіе о бѣдныхъ, сиротахъ, вдо-

вицахъ, дѣвственницахъ, содержащихся подъ стражею мученикахъ, ухаживали за больными, одѣвали умершихъ, хоронили странниковъ и т. п. (Ап. Пост. II кн., гл. 44). Кромѣ указанныхъ обязанностей, діаконы несли въ нѣкоторыхъ случаяхъ обязанности чрезвычайныя. Къ послѣднимъ относятся принятіе кающихся въ нѣдра церкви (13-ое письмо Кипріана Карѳагенскаго къ клирикамъ), отрѣшеніе низшаго клира отъ должности: «діаконъ отлучаетъ иподіакона, чтеца, пѣвца и діакониссу, если то будетъ нужно, въ отсутствіе епископа», говоритъ гл. VII кн. Ап. Постановленій, и замѣна своихъ епископовъ на вселенскихъ соборахъ. Въ этомъ случаѣ они сидѣли и подавали голосъ не какъ Д., но какъ представители тѣхъ епископовъ, отъ которыхъ посылались. Когда Д. представлялъ собою митрополита или патріарха, то сидѣлъ и подписывался на томъ самомъ мѣстѣ, на которомъ сидѣлъ бы и подписался самъ митрополитъ или патріархъ. Начало подобному порядку замѣны епископовъ Д. положилъ, по свидѣтельству Созомена (Церк. Ист. IV кн., гл. 16), Константинъ Великій. Какъ лица іерархическія, Д. поставлялись на служеніе чрезъ посвященіе. Состоявшее въ древности изъ молитвы и руковозложенія (Ап. Пост. VIII кн., гл. 18; Testamentum, стр. 91), оно осложнилось впослѣдствіи новыми дѣйствіями, получило болѣе развитую форму (см. объ этомъ подъ словомъ *Хиротонія*). Посвященія удостоивались лица, имѣющія не менѣе 25 лѣтъ отъ роду (14 пр. Трульскаго собора). *А. Петровскій.*

Діаконы въ памятникахъ церк. древности называются *ухомъ* и *окомъ* пресвитеровъ и епископовъ, *руками* предстоятелей, *ангелами* и *пророками* епископовъ, каковыми наименованіями, до извѣстной степени, опредѣляется положеніе ихъ въ древнемъ клирѣ и обширный кругъ дѣятельности. Наблюдая за поведеніемъ паствы и собирая всевозможныя свѣдѣнія о всѣхъ обстоятельствахъ ея, они, дѣйствительно, помогали епископамъ и пресвитерамъ *видѣть* и *слышать* о всемъ, что происходило среди паствы, и своевременно принимать тѣ или другія мѣры къ исправленію и наставленію ея, при чемъ діаконы выступали исполнителями этихъ мѣръ, какъ бы *руками* своихъ начальниковъ; чрезъ нихъ же паства узнавала о всѣхъ рѣшеніяхъ епископа и тѣхъ или другихъ его распоряженіяхъ по епархіи. Исполняя всѣ порученія епископа, завѣдуя церковнымъ благочиніемъ, раздачей церковной милостыни и содержаніемъ вдовъ, сиротъ и вообще всѣхъ бѣдныхъ, кормившихся на счетъ церкви, діаконы являлись ближайшими лицами къ епископу и фактически пріобрѣтали въ церкви большее значеніе, чѣмъ пресвитеры, тѣмъ болѣе, что ихъ было немного (во многихъ церквахъ—не болѣе 7). Возможность дѣлать аттестацію лицъ непосредственно предъ епископомъ и вліять, такимъ образомъ, на возвышеніе или униженіе этихъ лицъ въ клирѣ, дѣлала изъ нихъ людей сильныхъ, вслѣдствіе чего нѣкоторые изъ нихъ забывались и позволяли себѣ не совсѣмъ почтительно обращаться съ пресвитерами; но соборы напоминали имъ о зависимости отъ пресвитеровъ и о низшей, сравнительно съ послѣдними, іерархической ихъ степени (I Всел. соб. пр. 18: «діаконы да пребываютъ въ своей мѣрѣ, зная, что они суть служители епископа и низшіе пресвитеровъ»; VI Всел. соб. пр. 7-е называетъ «дерзостію и своеволіемъ» то, что нѣкоторые изъ діаконовъ позволяютъ себѣ «предсидѣть» пресвитерамъ; Лаодик. соб. прав. 20 указываетъ, что діаконъ можетъ сидѣть въ присутствіи священника только съ дозволенія послѣдняго). Въ клирѣ восточной церкви, кромѣ архидіакона (см. это слово), былъ еще 2-й Д. — лицо, временно или постоянно замѣщавшее арх-на со всѣми обязанностями, правами и преимуществами послѣдняго. При патріаршемъ служеніи 2-й Д. распоряжался всѣми прочими Д. и указывалъ имъ всѣмъ, что они должны дѣлать при богослуженіи; когда входили во храмъ императоры или патріархи, онъ говорилъ имъ многолѣтіе; носилъ евангеліе во время молебствій и литій; раздавалъ Д. свѣчи; кадилъ новокоронованному царю и обращался къ нему съ возгласомъ: «да помянетъ Господь Богъ»... Въ видѣ привилегіи предъ прочими Д. арх-нъ и 2-й д. получали право первенства при богослуженіяхъ и право первыми приступать къ причащенію. Въ Россіи вначалѣ Д., повидимому, были далеко не при всякой церкви, но затѣмъ, съ постепеннымъ возростаніемъ числа членовъ причта, появились и они. Въ истекшемъ XIX ст. только въ 80 годахъ они окончательно возстано-

влены въ нормальныхъ приходскихъ штатахъ каждой прих. церкви, имѣющей болѣе 700 д. прихожамъ (указ. Св. Синода 4 марта 1885 г. № 3), при чемъ на нихъ, по преимуществу, возложены труды по законоучительству и учительству въ народныхъ школахъ (указ. Св. Син. 3 марта 1886 г. № 1), а чтобы въ число ихъ не проникали лица неспособныя, приказано съ тѣхъ изъ нихъ, которые посвящены послѣ 1885 г. и не учатъ въ школахъ по неспособности, вычитать $^{1}/_{3}$ доходовъ. По исполненію обязанности учительства Д. пользуются различными льготами по отправленію богослуженія и требъ въ будничные дни («Церк. Вѣд.» 1899 г. № 48). Получая изъ доходовъ, земли и проч. церк. довольствія на одну часть менѣе священника (опред. Св. Синода $^{16}/_{24}$ декабря 1887 г., «Церк. Вѣд.» 1888 г. № 2), Д. состоитъ въ подчиненіи священника и обязанъ исполнять всѣ его законныя распоряженія. За неисполнительность, грубость, непослушаніе и т. п. священникъ имѣетъ право штрафовать его «выговорами наединѣ и при людяхъ» (Инстр. благоч. ст. 27-я). *Н. Марковъ.*

Діаконикъ—сосудохранилище, устроялся въ древнихъ христіанскихъ храмахъ въ алтарѣ, въ той его части, въ которую ведутъ *южныя* двери иконостаса, называвшіяся, поэтому, діаконскими. *Н. М.*

ДІАКОНИССЫ были уже во времена апостоловъ. Такъ, св. ап. Павелъ въ посланіи къ Римлянамъ (**16**, 1) упоминаетъ о нѣкоей Фивѣ, бывшей «служительницею церкви, яже въ Кенхреехъ»; въ послѣдующее же время о нихъ часто упоминаютъ и соборы (1 Всел. соб. пр. 19; IV Всел. соб. пр. 15; VI Всел. соб. пр. 14), и отцы и учители церкви, и императоры въ своихъ законахъ (Justin. nov. 3, 6 и 123). Число Д. при церквахъ иногда бывало довольно значительно. Такъ, при Юстиніанѣ и Иракліѣ при великой константинопольской церкви ихъ было до 40. Въ Д. избирались сначала преимущественно дѣвы; изъ вдовъ же только «вѣрныя и благоговѣйныя, бывшія замужемъ только одинъ разъ» (Const. Apost. lib. VI, c. 18), но при Юстиніанѣ дозволено было избирать изъ тѣхъ и другихъ (nov. 6) и притомъ ранѣе 40 лѣтъ, хотя дѣйствительное служеніе поручалось имъ не ранѣе достиженія ими этого возраста и не иначе, какъ послѣ тщательнаго испытанія (IV Всел. соб. пр. 15 и Justin. nov. 123). Исключеніе изъ этого общаго правила допускалось лишь для лицъ, отличавшихся особенно благочестивою жизнію: онѣ сразу назначались Д. безъ всякаго испытанія, хотя бы и не достигли 40-лѣтняго возраста. Очень часто Д. дѣлались жены епископовъ послѣ того, какъ эти послѣдніе, получая свой санъ, должны были съ ними разлучиться; но и изъ нихъ въ эту должность попадали только способныя (Hist. Sozomen. lib. VIII, cap. 9). Въ древности Д. причислялись къ клиру и поставлялись чрезъ особое рукоположеніе (1 Всел. соб. пр. 19), и въ Постановл. Апостольскихъ даже сохранилась молитва, которую при этомъ читалъ рукополагавшій: «Вѣчный Боже, Отче Господа нашего Іисуса Христа, Творче мужа и жены, исполнившій Духа Свята Маріамъ, Деворру и Анну, почтившій жену рожденіемъ Единороднаго Сына Твоего, въ скиніи завѣта и храмѣ поставившій хранительницъ священныхъ вратъ Твоихъ,—призри и нынѣ на рабу Твою сію и даруй ей Духа Твоего Святаго, да достойно совершитъ вручаемое ей дѣло сіе во славу Твою и честь Христову» (Const. Apost. lib. VIII, c. 20). Но на Лаодикійскомъ соборѣ воспрещено поставлять ихъ въ церкви: «не должно поставляти въ церкви такъ именуемыя пресвитерицы (старицы) или предсѣдательницы» (пр. 11-е). Обязанности Д. были таковы: 1) онѣ приготовляли женщинъ ко крещенію, наставляя ихъ какъ относительно дѣйствій и отвѣтовъ при крещеніи, такъ и относительно поведенія послѣ крещенія,—«вдовицы или инокини, избираемыя для служенія при крещеніи женъ, говоритъ 12 прав. такъ назыв. IV Кароагенскаго собора, должны хорошо знать сію должность, чтобы могли здравою рѣчью поучать неопытныхъ и необразованныхъ женъ предъ крещеніемъ тому, какъ отвѣчать имъ на вопросы крещающаго и какъ жить по принятіи крещенія»; 2) помогали служителямъ церкви при самомъ крещеніи женщинъ; 3) исполняли разныя порученія епископа, касавшіяся женъ (точно такъ же, какъ діаконы исполняли ихъ порученія относительно мужчинъ), а именно: посѣщали больныхъ и впавшихъ въ несчастія и передавали [illegible] намъ разныя распоряженія [illegible] 4) стояли близъ дверей, которыми [illegible] храмъ женщинъ, разставляли ихъ по мѣстамъ

и наблюдали за тѣмъ, чтобы онѣ вели себя за богослуженіемъ благочинно. На Западѣ въ р.-католической и лютеранской церквахъ Д. удержались преимущественно въ качествѣ лицъ, посвятившихъ себя уходу за больными и воспитанію дѣтей, но уже безъ всякой принадлежности къ клиру или церк. должностямъ. У насъ въ Россіи при митр. моск. Филаретѣ у нѣкоторыхъ лицъ явилась мысль возстановить этотъ древній институтъ; но мысль эта не встрѣтила сочувствія (Митр. *Филаретъ*. Письма къ Высоч. особамъ, т. I, 131. О діакониссахъ см. іером. *Павла*—О должностяхъ и учрежд. вост. церкви, 1857 г., стр. 20; журн. «Духъ Христ.» 1861—62 гг.) *Н. Марковъ*.

Діаконія—лѣчебныя и благотворительныя учрежденія въ древней христіанской церкви, находившіяся подъ ближайшемъ наблюденіемъ діаконовъ и діакониссъ. *Н. М.*

Діаконовщина, секта, см. подъ сл. *Бѣглопоповщина*, т. 2-й, стлб. 1216—1217.

Дій (божественный, греч.)—муч. *Пам. 3 апрѣля*. **Дій**—препод. *Пам. 19 іюля*.

ДІОГНЕТЪ—извѣстенъ по одному изъ драгоцѣннѣйшихъ остатковъ христіанской письменности, именно «Посланію къ Діогнету», которое по духу и формѣ едва ли имѣетъ себѣ что-либо равное среди другихъ произведеній послѣ-апостольскаго вѣка. Не новизна, однако, или богатство идей, ни глубина его догматическихъ положеній, ни острота апологетической аргументаціи даютъ ему столь выдающееся мѣсто въ христіанской литературѣ. Во всѣхъ этихъ отношеніяхъ оно не выше обычнаго рода произведеній того времени. Производимое имъ необычайное очарованіе вытекаетъ изъ той благородной простоты вѣры, которая воспринимаетъ божественную истину христіанства, какъ внутренній опытъ, и изъ того совершенно классическаго образованія, которое даетъ о себѣ знать въ смѣлыхъ и поразительныхъ, но вполнѣ гармоничныхъ выраженіяхъ. Его богословская точка зрѣнія есть точка зрѣнія переходнаго времени, когда вѣра и знаніе, хотя еще и [illegible] начали, однако, [illegible]. Въ отношеніи [illegible] представляетъ собою [illegible], предложенныхъ Д. знатнымъ и образованнымъ язычникомъ касательно христіанства и христіанъ; но въ своемъ очеркѣ христіанской жизни и христіанскаго ученія авторъ не заявляетъ никакихъ притязаній на раскрытіе болѣе глубокихъ тайнъ христіанства. Самъ авторъ неизвѣстенъ. Въ древнѣйшемъ манускриптѣ отъ XIII вѣка, но разрушенномъ пожаромъ въ Страсбургѣ (1870 г.), посланіе находилось вмѣстѣ съ нѣсколькими (предполагаемыми) твореніями Іустина, и прямо приписывалось ему. Но это невозможно. Слогъ этого посланія и слогъ подлинныхъ твореній Іустина не можетъ принадлежать одному и тому же лицу. Еще больше, пожалуй, различія между ними въ отношеніи самыхъ идей. Посланіе говоритъ о языческихъ богахъ, какъ просто идолахъ, сдѣланныхъ человѣческими руками; между тѣмъ какъ Іустинъ считаетъ ихъ символами или даже дѣйствительными явленіями бѣсовскихъ силъ. Посланіе произноситъ весьма строгій и безповоротный приговоръ іудейству, отрицая его божественное происхожденіе, его богооткровенный характеръ и нравственное значеніе его ученій; между тѣмъ какъ Іустинъ ставитъ Ветхій и Новый Завѣты въ провиденціальную связь между собою. По своему происхожденію посланіе, несомнѣнно, относится ко II вѣку, хотя для этого и не имѣется никакихъ внѣшнихъ свидѣтельствъ. Новизна христіанства и незнакомство съ нимъ образованныхъ язычниковъ, господствующее чувство среди христіанъ, что они странники и пришельцы въ этомъ мірѣ, и ожесточенная враждебность по отношенію къ нимъ среди іудеевъ и низшихъ классовъ язычниковъ; постепенное возрастаніе церкви и усиленіе самосознанія среди христіанъ, что они составляютъ соль міра,—всѣ эти выдающіяся черты посланія указываютъ именно на II вѣкъ.

Посланіе это было впервые издано въ Страсбургѣ, въ 1592 г., и въ новѣйшее время въ Opera Justini, 1843 г.; 2-е изд. 1849 г. и съ прим.; отдѣльно, Іена; 2-е изд., Лейпцигъ, 1852 г. Изъ новѣйшихъ изслѣдованій посланія можно упомянуть извѣстное изслѣдованіе *Голленберга*, Берлинъ, 1853 г.; *Кренкеля*, Лейпцигъ, 1860 г.; *Дрезеке*, Лейпцигъ, 1881 г., а также у *Гарнака*, въ его «Хронологіи древне-христіанской литературы», I, 513.

Діодоръ (Божій даръ, греч.)—имя нѣсколькихъ св. муч. *Пам. 31 января, 3 февраля, 19 марта, 29 апрѣля, 11 сентября*.

ДІОДОРЪ, пресвитеръ антіохійскій, посвященный въ епископа тарсійскаго въ 378 г.; ум. въ 394 г.; былъ въ качествѣ экзегета однимъ изъ учителей антіохійской школы и, въ догматическомъ отношеніи, ея основателемъ. Онъ происходилъ изъ знатнаго рода въ Антіохіи, и изучалъ классическую литературу въ Аѳинахъ, а христіанскую ученость подъ руководствомъ Евсевія Емесскаго (*Іеронимъ*, Vir. Ill., c. 119). Съ такимъ запасомъ учености, онъ приступилъ къ великому дѣлу своей жизни—къ защитѣ вѣры православной и къ осуществленію аскетическаго идеала христіанскихъ добродѣтелей. Представляя собою ходячій скелетъ, будучи скорѣй похожъ на тѣнь, чѣмъ на человѣка, онъ вращался среди шумной жизни Антіохіи, гдѣ язычники, евреи и христіанскіе еретики всякаго рода встрѣчались и перемѣшивались между собою, споря по всѣмъ другимъ пунктамъ, но дѣйствуя въ полномъ согласіи въ своихъ нападеніяхъ на православную церковь. У него, однако, было достаточно мужества и силы, чтобы выдерживать борьбу со всѣми ними: и ревность и успѣхъ, съ которыми онъ поборалъ платониковъ, порфиріянъ, манихеевъ и аполлинаріанъ, сдѣлали его имя однимъ изъ самыхъ почитаемыхъ и уважаемыхъ въ восточной церкви. Но хотя, во время господства аріанъ въ Антіохіи, онъ стойко боролся противъ нихъ, собирая около себя останки православной церкви и совершая вмѣстѣ съ ними богослуженіе въ разныхъ потайныхъ мѣстахъ, и даже, когда это сдѣлалось невозможнымъ, посѣщая ихъ поодиночкѣ на дому; хотя соборъ константинопольскій (381 г.) назначилъ его, бывшаго только епископомъ тарсійскимъ, митрополитомъ Киликіи (*Сократъ*, «Церк. Ист.», V, 8), а императорскій эдиктъ (Cod. Theodos. I, 16, 1, 1, 3) упоминаетъ о немъ, какъ одномъ изъ тѣхъ четырехъ епископовъ, которые давали рѣшеніе по всѣмъ вопросамъ касательно православія; хотя онъ былъ другомъ Василія Великаго, и считалъ Златоуста среди своихъ учениковъ,—однако, едва прошло 50 лѣтъ послѣ его смерти, какъ на его имя пала тѣнь подозрѣнія въ ереси. Причиной этого былъ несторіанскій споръ. Дѣйствуя согласно съ общей тенденціей антіохійской школы и желая выдвинуть человѣческій элементъ во Христѣ, въ противоположность чрезмѣрному идеализму александрійской школы, онъ въ своемъ спорѣ съ Аполлинаріемъ, развивая теорію объ отношеніи между двумя естествами во Христѣ, дѣлилъ Богочеловѣка на два лица—Сына Божія, обитающаго въ сынѣ Давидовомъ, какъ въ домѣ или въ плащѣ. Столь механическій взглядъ, конечно, не могъ удовлетворить болѣе развитыхъ христологическихъ требованій. Уже Кириллъ Александрійскій (432 г.) пытался осудить творенія Д. и его ученика Ѳеодора Мопсуестскаго, и осужденіе дѣйствительно состоялось въ 499 г.

Творенія Д. имѣютъ догматическій интересъ также и въ другихъ отношеніяхъ. Онъ былъ основателемъ космологическаго доказательства бытія Божія и возставалъ противъ ученія о вѣчности мученія. Какъ экзегетъ, онъ преслѣдовалъ и дальше развилъ принципъ антіохійской школы (см. подъ этимъ сл.).

Полный списокъ твореній Д. находится у Свиды (изд. Бернгарда, I, p. 379), несторіанскаго митрополита Эбедъ-Іезу (*Ассемани*, Bibl. Orient. I, 3, p. 28) и у Фабриція (Bibl. Graec., ed. Harles, 9. p. 277).

Діодотъ (Богомъ дарованъ, съ греч.)—муч. *Пам. 7 ноября.*

ДІОКЛИТІАНЪ Кай-Аврелій-Валерій, римскій императоръ, 284—305 г., род. въ Салонѣ, въ Далмаціи, въ 245 г. (сынъ вольноотпущенника), и ум. тамъ же, въ 313 г., совершивши самоубійство чрезъ отравленіе. Онъ поступилъ въ войско простымъ солдатомъ, но быстро выдвинулся, и былъ избранъ императоромъ въ Халкидонѣ, послѣ умерщвленія Кара и Нумеріана. Свою резиденцію онъ устроилъ въ Никомидіи, и назначилъ Максиміана со-императоромъ (августомъ), въ 286 г., и Галерія и Констанція Хлора—кесарями, въ 292 г. Въ началѣ своего царствованія онъ не обращалъ никакого особаго вниманія на христіанъ: они встрѣчались въ войскѣ, администраціи и даже въ самомъ дворцѣ. Но Галерій, находившійся всецѣло въ рукахъ языческихъ жрецовъ, уговорилъ его, что для блага имперіи необходимо полное истребленіе христіанства, и въ 303 г. внезапно началось жестокое гоненіе. Императорскимъ эдиктомъ отъ 24 февраля повелѣвалось повсюду прекратить христіанское богослуженіе, отобрать всѣ экземпляры Библіи и сжечь, и всѣ христіанскія цер-

ковныя зданія разрушить. Другимъ эдиктомъ повелѣвалось, чтобы всѣ христіане, занимавшіе должности въ администраціи или войскѣ, принесли жертву богамъ, подъ страхомъ лишенія должности, при чемъ было объявлено, что христіанинъ какъ низкій лишался всякихъ правъ гражданства и свободы; что христіанскій рабъ никогда не могъ быть отпускаемъ на волю и проч. Третьимъ эдиктомъ отъ того же года повелѣвалось, чтобы изъ христіанъ, подвергнутыхъ заключенію, тѣ, кто готовы были принести жертву, были освобождены, а тѣхъ, кто отказывались, принуждать къ тому силой. Наконецъ, четвертый эдиктъ (304 г.) повелѣвалъ, чтобы всѣ христіане, безъ всякаго исключенія, принуждаемы были къ жертвоприношенію, и при этомъ допускалось употребленіе всякаго рода пытокъ. Дѣйствіе этихъ указовъ было, поистинѣ, ошеломляющее среди христіанъ. Весьма многіе поспѣшили выдать свои книги, отречься отъ своей вѣры и принести жертву идоламъ. Но еще больше было такихъ, которые остались твердыми и вѣрными, несмотря на всѣ пытки, и даже предъ лицомъ смерти. Среди язычниковъ, многіе представители власти были весьма снисходительны, при чемъ снисходительно относились къ разнымъ уловкамъ, употреблявшимся нѣкоторыми христіанами, и съ неудовольствіемъ смотрѣли на то, на ихъ взглядъ, странное возбужденіе, съ которымъ они стремились къ мученичеству. Но въ другихъ мѣстахъ необузданно свирѣпствовалъ самый дикій фанатизмъ и христіане подвергались разнымъ невыразимымъ страданіямъ. Гоненіе распространилось по всей имперіи, за исключеніемъ сѣверо-западной части, гдѣ Констанцій Хлоръ ограничился разрушеніемъ христіанскихъ церквей, и оно неослабно продолжалось даже и послѣ отреченія Д. и Максиміана въ 305 г. Къ концу своей жизни (311 г.) Галерій издалъ эдиктъ, въ которомъ онъ сознавался, что вся его политика по отношенію къ христіанамъ потерпѣла неудачу, что онъ порѣшилъ уступить и возвратиться къ прежнему состоянію дѣлъ. Но Максиминъ и Максентій, сынъ Максиміана, возобновили гоненіе, и, только благодаря побѣдамъ Константина Великаго, сына Констанція Хлора, ему положенъ былъ конецъ.

См. у *Евсевія*, «Церк. Ист.», 8; у *Лактанція*, «О смерти гонителей», 7 и сл.; у *Гиббона*, «Объ упадкѣ и разложеніи Римской имперіи», 13; *Vogel*, Der Kaiser Diokletian, Gotha, 1857. См. также у *Аллара*, въ его «Гоненіяхъ на христіанъ», въ русск. пер. въ «Странникѣ» и отдѣльно.

Діомидъ (съ греч.—Божій совѣтъ), *пам. 3 іюля и 16 авг.*

Діонисій (съ гр. богъ винодѣлія—Вакхъ)—имя многихъ св. мучениковъ и преподобныхъ, *память* которыхъ *10 и 15 марта, 21 апр., 6 и 18 мая, 1, 3 и 26 іюня, 4 и 11 авг., 3, 5 и 22 окт.*

ДІОНИСІЙ Ареопагитъ. Достовѣрныхъ извѣстій о личности св. Д. А. очень мало. Обращенный ко Христу проповѣдью ап. Павла въ аѳинскомъ ареопагѣ, онъ былъ, по свидѣтельству Діонисія Коринѳскаго у Евсевія, первымъ епископомъ въ Аѳинахъ. Тамъ же потерпѣлъ онъ мученическую кончину. Въ IX в. аббатомъ Галдуиномъ онъ былъ ошибочно отожествленъ съ Діонисіемъ Парижскимъ, и эту ошибку до сихъ поръ защищаютъ нѣкоторыя изъ французскихъ богослововъ. Однако, это отожествленіе не имѣетъ за себя никакихъ основаній. Ни Діонисій Коринѳскій, ни Евсевій, ни даже древнія французскія хроники не говорятъ о томъ, что Д. А. предпринималъ миссіонерское путешествіе въ Галлію. Согласно древнѣйшему свидѣтельству о Діонисіѣ Парижскомъ (Григорій Турскій VI в.), этотъ послѣдній пришелъ въ Галлію въ царствованіе Декія, т. е. въ половинѣ III в., и слѣдовательно не могъ быть Д. А.

Съ именемъ Д. А. сохранились слѣдующія сочиненія: 1) Объ именахъ Божіихъ, 2) О таинственномъ богословіи, 3) О небесной іерархіи, 4) О церковной іерархіи, 5) Десять писемъ къ разнымъ лицамъ. Кромѣ перечисленныхъ сочиненій авторъ ихъ упоминаетъ еще о нѣкоторыхъ изъ своихъ трудовъ, отчасти уже написанныхъ, отчасти только предполагаемыхъ. Сюда относятся трактаты: 1) О душѣ, 2) О свойствахъ и чинахъ ангельскихъ, 3) Богословскіе очерки, 4) Символическое богословіе, 5) О духовномъ и чувственномъ, 6) Божественные гимны, 7) О праведномъ судѣ Божіемъ. Однако правдивость автора въ этомъ свидѣтельствѣ о собственной литературной дѣятельности подвергается большому сомнѣнію: отъ упоми-

наемыхъ имъ сочиненій не осталось ни малѣйшаго слѣда въ исторіи. Переводчикъ Ареопагитикъ на сирскій языкъ (ранѣе 536 г.), Максимъ Исповѣдникъ, написавшій въ VII в. на нихъ комментаріи, и римскій библіотекарь Анастасій (IX в.) имѣли предъ собою только тѣ изъ нихъ, которыя сохранились и до настоящаго времени. Приписываемыя также Д. А. посланія: 1) къ Титу объ успеніи Богоматери, сохранившееся въ сирскомъ переводѣ, 2) къ Тимоѳею о кончинѣ апп. Петра и Павла, существующее въ сирскомъ и армянскомъ переводахъ, и 3) къ Аполлофану въ латинскомъ переводѣ настолько отличаются по своему характеру и стилю отъ прочихъ Ареопагитикъ, что рѣшительно не могутъ быть приписаны одному и тому же автору.

Авторъ сочиненій, извѣстныхъ съ именемъ Д. А., выдаетъ себя за Діонисія апостольскихъ временъ. Онъ самъ называетъ себя по имени—Діонисіемъ. Всѣ упоминаемыя въ его сочиненіяхъ лица, за исключеніемъ тѣхъ, отъ которыхъ не осталось никакихъ слѣдовъ въ исторіи, принадлежатъ апостольскому времени. Четыре главныхъ его сочиненія посвящены «сопресвитеру Тимоѳею», четыре первыхъ письма адресованы «ѳерапевту Гаію» (Рим. **16**, 23; 1 Кор. **1**, 14), шестое письмо—«іерею Сосипатру» (Рим. **16**, 21), седьмое—«іерарху Поликарпу», въ восьмомъ упоминается Карпъ (2 Тим. **4**, 13), девятое направлено къ Титу, десятое носитъ надписаніе: «Іоанну Богослову, апостолу и евангелисту въ изгнаніи на островѣ Патмосѣ». Въ письмѣ говорится, что Іоанну будетъ возвращена свобода и что съ Патмоса онъ снова возвратится въ Азію. Кромѣ этого авторъ упоминаетъ о Варѳоломеѣ, объ Іустѣ, о Симонѣ и Елимѣ волхвахъ, какъ о своихъ современникахъ. Въ 7 письмѣ описывается чудесное затменіе солнца, которое авторъ наблюдалъ вмѣстѣ съ Аполлофаномъ (софистъ I в.) въ Геліополѣ. Подробности описанія не оставляютъ мѣста сомнѣнію въ томъ, что здѣсь разумѣется затменіе солнца, сопровождавшее крестныя страданія Господа. Въ сочиненіи «Объ именахъ Божіихъ» авторъ упоминаетъ о томъ, какъ онъ въ обществѣ Іакова, брата Господня, и ап. Петра созерцалъ «живоначальное и богоносное тѣло». Здѣсь очевидно имѣется въ виду посѣщеніе гроба Дѣвы Маріи.

Несмотря однако на явное желаніе автора Ареопагитикъ выдать себя за Д. А., слѣдующія соображенія убѣждаютъ въ томъ, что сочиненія его не могутъ быть отнесены къ апостольскому времени. I. Внутренніе признаки позднѣйшаго происхожденія Ареопагитикъ: a) Произведенія мужей апостольскихъ и вообще всѣ сочиненія, относящіяся къ древнѣйшему періоду христіанской литературы, отличаются безыскусственностью формы, отсутствіемъ всякихъ философскихъ вліяній и чисто библейскимъ характеромъ содержанія. Сочиненія, извѣстныя съ именемъ Д. А., какъ по внѣшней формѣ, такъ и по содержанію отличаются строго философскимъ характеромъ, и въ этомъ отношеніи оставляютъ позади себя не только апологетовъ, но и александрійцевъ. b) Новозавѣтный канонъ является въ нихъ совершенно завершеннымъ и строго опредѣленнымъ. c) Вполнѣ законченная троичная терминологія указываетъ на время послѣ 362 г.: слово ὑπόστασις употребляется здѣсь въ смыслѣ индивидуальности и противополагается οὐσία, какъ совокупности общихъ или родовыхъ свойствъ. d) Употребленіе христологическихъ терминовъ: ἀσυγχύτως, ἀτρέπτως, ἀναλλοιώτως, ἀμεταβόλως и намѣренное устраненіе терминовъ: μῖξις и κρᾶσις указываютъ на происхожденіе сочиненій послѣ Халкидонскаго собора. e) Ученіе о девяти чинахъ ангельскихъ и ихъ раздѣленіи на три степени не встрѣчается ни у одного изъ древнѣйшихъ церковныхъ писателей. Наоборотъ, со времени появленія Арепагитикъ это ученіе становится обычнымъ въ церковной литературѣ. f) Авторъ говоритъ о монашествѣ, возникшемъ лишь въ IV в., описываетъ обрядъ постриженія и излагаетъ ученіе о церковной іерархіи такъ подробно и опредѣленно, какъ ни одинъ изъ древнѣйшихъ памятниковъ. Наоборотъ, онъ ничего не говоритъ о харисматическихъ служеніяхъ, свойственныхъ апостольскому времени. g) Сочиненія полны указаній на существованіе disciplina arcana, чуждой первымъ вѣкамъ христіанства и процвѣтавшей въ IV и V вв. h) Авторъ говоритъ о пѣніи на литургіи символа вѣры. Обычай этотъ введенъ впервые въ 476 г. монофизитами въ Антіохіи и потомъ былъ усвоенъ православными. i) Описаніе обрядовъ кре-

щенія, мироломазанія, помазанія мертвыхъ слеемъ, обычай пріобщать дѣтей—все это вполнѣ соотвѣтствуетъ даннымъ, извлекаемымъ изъ сочиненій писателей IV и V вв., и не имѣетъ параллелей въ древнѣйшей литературѣ. j) Детальныя научныя изысканія послѣднихъ годовъ вполнѣ установили фактъ зависимости Ареопагитикъ отъ сочиненій новоплатоника Прокла († 485 г.), изъ которыхъ авторъ приводитъ буквальныя выдержки безъ указанія источника. II. Внѣшнія доказательства позднѣйшаго происхожденія Ареопагитикъ: a) Ни одинъ церковный писатель до начала VI в. не упоминаетъ о существованіи Ареопагитикъ, ни одинъ не цитуетъ ихъ, хотя и имѣлось для этого достаточно поводовъ. б) Въ началѣ VI в. эти сочиненія неожиданно появляются и сразу пріобрѣтаютъ популярность. О нихъ упоминаютъ Андрей Кесарійскій въ своихъ толкованіяхъ на Апокалипсисъ, Северъ, глава умѣренныхъ монофизитовъ, патріархъ антіохійскій (512—518 гг.), антіохійскій патріархъ Ефремъ (527—545 гг.). Около 530 г. Іоаннъ Скифопольскій уже составляетъ на нихъ комментаріи. Въ это же приблизительно время они переводятся Сергіемъ († 536 г.) на сирскій языкъ. На религіозномъ состязаніи между православными и северіанами, бывшемъ въ К—лѣ въ 533 г., северіане ссылались на сочиненія Д. А., но со стороны православныхъ было выражено сомнѣніе въ ихъ подлинности на томъ основаніи, что они не были извѣстны ни Аѳанасію, ни Кириллу; вмѣстѣ съ этимъ было высказано предположеніе, что спорныя сочиненія представляютъ собою подлогъ аполлинаристовъ. Изъ приведенныхъ основаній ясно, что 1) авторъ Ареопагитикъ желалъ выдать себя за Д. А., и 2) сочиненія эти не могли принадлежать ученику ап. Павла. Слѣдовательно, они суть сочиненія подложныя.

На основаніи приведенныхъ данныхъ легко опредѣляется время составленія Ареопагитикъ. I h позволяетъ заключить, что сочиненія эти составлены не ранѣе 476 г.—года введенія обычая пѣть на литургіи символъ вѣры. Факты, перечисленные подъ II b, указываютъ на то, что происхожденіе сочиненій, о которыхъ мы говоримъ, относится ко времени не позднѣе двадцатыхъ годовъ VI вѣка. Первые слѣды Ареопагитикъ указываютъ на Сирію, какъ мѣсто ихъ составленія. Вскорѣ послѣ своего появленія сочиненія псевдо - Діонисія Ареопагита (ПД. А.) быстро распространяются и пріобрѣтаютъ извѣстность въ восточной церкви. Ихъ распространенію много содѣйствовалъ авторитетъ Максима Исповѣдника, составившаго на нихъ комментаріи. На Западѣ сочиненія ПД. А. впервые цитуетъ папа Григорій Великій. Въ 827 г. визант. имп. Михаилъ прислалъ въ подарокъ Людовику Благочестивому одинъ экземпляръ сочиненій ПД. А. По приказанію Карла Лысаго они были переведены на латинскій языкъ Іоанномъ Скоттомъ-Эригеной. Переводчикъ настолько проникся ими, что они во многомъ опредѣлили его собственное ученіе, а чрезъ него оказали могучее вліяніе на всю средневѣковую мистику и схоластику.

Ученіе ПД. А. отличается мистическимъ характеромъ и стоитъ въ полной зависимости отъ философіи Прокла. Догматическая система ПД. А. въ ученіи о Богѣ, объ экстазѣ, какъ высшемъ средствѣ познанія Его, о лѣстницѣ существъ, въ порядкѣ постепенности соединяющихъ небесное и земное, въ ученіи о твореніи міра и о сущности зла, а также по разлитому въ ней общему мистическому настроенію, представляетъ собою христіанскую переработку новоплатонизма, частнѣе философіи Прокла. Чрезъ это посредство въ сочиненія ПД. А. проникла терминологія, символика и нѣкоторыя понятія, свойственныя древнимъ мистеріямъ. Нѣкоторое вліяніе новоплатонизма замѣчается уже въ трудахъ писателей IV в. (Григорія Богослова и особенно Григорія Нисскаго). Полнымъ завершеніемъ этого зарождающагося теченія служатъ сочиненія ПД. А. Служа завершеніемъ прошедшаго, они оказали большое вліяніе на послѣдующую византійскую литературу своимъ мистицизмомъ и символизмомъ въ истолкованіи богослуженія. ПД. А. первый провелъ систематически воззрѣніе на христіанское богослуженіе, какъ на обширную систему символовъ и священнодѣйствій, служащихъ таинственнымъ выраженіемъ скрытыхъ и возвышенныхъ идей. Послѣдующая литература развивала эту тему въ томъ же направленіи.

Греческій текстъ сочиненій ПД. А. изданъ у Migne, P. gr. III—IV. Въ 1371 г.

по желанію Θеодосія, митроп. серрскаго (въ Македоніи); сочиненія ПД. А. съ комментаріями на нихъ Максима Исповѣдника были переведены на славянскій языкъ монахомъ Исаіей, повидимому болгариномъ по происхожденію, ученикомъ Григорія Синаита. Переводъ этотъ проникъ въ Россію и изданъ археографическою коммиссіей—1 Великія Минеи-Четіи, Октябрь, дни 1—3. (Спб. 1870 г.). Вслѣдствіе порчи этого перевода, въ 1675 г. съ благословенія патр. Іоакима чудовскій монахъ Евθимій, ученикъ Епифанія Славенецкаго, снова перевелъ сочиненія ПД. А. съ греческой рукописи, пріобрѣтенной патр. Никономъ, и двухъ печатныхъ греко-латинскихъ книгъ. При патр. Адріанѣ Аθанасіемъ, архіеп. холмогорскимъ, переводъ былъ подвергнутъ пересмотру для печати «и въ недоумѣнныхъ нѣкіяхъ реченіяхъ въ извѣстное безблазнство и въ отъятіе всякаго сомнѣнія исправися»... По желанію того же архіеп. Аθанасія учитель греко-славянской школы въ Москвѣ Θеодоръ Поликарповъ перевелъ на славянскій языкъ перифразъ Георгія Пахимера (XIII в.). Переводъ Евθимія былъ напечатанъ въ 1787 г. На русскій языкъ были переведены монахомъ Моисеемъ сочиненія: «О небесномъ священноначаліи» (Москва 1786 г.) и «О церковномъ священноначаліи» (М. 1787 г.). Переводъ сочиненій «О таинственномъ богословіи» и «О церковной іерархіи» съ схоліями Максима Исповѣдника и перифразомъ Пахимера и писемъ печатался въ «Христ. Чт.» за 1825 г. Переводъ сочиненія «О церковной іерархіи» съ толкованіями Максима Исповѣдника и перифразомъ Пахимера напечатанъ въ сборникѣ переводовъ древнихъ сочиненій литургическаго характера—«Писанія св. отцовъ и учителей церкви, относящіяся къ истолкованію православнаго богослуженія», т. I, Спб. 1855. По опредѣленію Свят. Синода въ Москвѣ неоднократно издавался переводъ сочиненія «О небесной іерархіи» (Изд. 6-ое 1898 г.).

Въ «Христ. Чт.» за 1848 г. помѣщена статья о Д. А., въ которой признается подлинность извѣстныхъ съ его именемъ сочиненій. Преосв. *Филаретъ*, не раздѣляя этого мнѣнія и не желая высказываться прямо противъ него, не упомянулъ о Д. А. въ своемъ «Историческомъ ученіи объ отцахъ церкви». Противъ подлинности сочиненій, извѣстныхъ съ именемъ Д. А., первымъ высказался проф. *К. Скворцовъ* въ своей книгѣ «Изслѣдованіе объ авторѣ сочиненій, извѣстныхъ съ именемъ св. Д. А.» Кіевъ, 1871 г. Не признавая ихъ подлинности, онъ отрицаетъ однако ихъ подложность и приписываетъ ихъ Діонисію Александрійскому. Какъ бы отвѣтомъ на эту книгу была статья еписк. *Порфирія Успенскаго* въ «Чт. въ Общ. люб. духовн. просв.» за 1878 г. 2—«Св. Д. А. и творенія его», въ которой авторъ съ странною для его учености исторической недальновидностью защищалъ подлинность Ареопагитикъ. О вліяніи сочиненій ПД. А. на Эригену см. въ соч. *Бриліантова* «Іоаннъ Скоттъ-Эригена».

Иностранная литература по вопросу о подложности сочиненій ПД. А.: *Fr. Hipler*, Dionysius, der Areopagite. Regensburg, 1861; *H. Koch*, Der pseudepigraphische Charakter der dionysischen Schriften. Theol. Quartalschr. LXXVII 1895 (S. 353—420). Свидѣтельства древности о сочиненіяхъ ПД. А. собраны у *J. Stiglmayer*, Dionysischen Schriften und ihr Eindringen in die christliche Litteratur bis zum Latera konzi (649. Feldkirche 1895). Ученіе ПД. А. изложено у *O. Siebert*, Die Metaphysik und Ethik des Pseudo-Dionysius Areopagita. Jena 1894. Объ отношеніи сочиненій ПД. А. къ философіи Прокла и мистеріямъ см. *H. Koch*, Pseudo-Dionysius Areopagita in seinen Beziehungen zum Neuplatonismus und Mysterienwesen. Mainz, 1900. *Н. Поповъ.*

ДІОНИСІЙ Александрійскій (Великій). Д. родился приблизительно въ концѣ II в. отъ богатыхъ родителей, получилъ хорошее образованіе и, послѣ обращенія въ христіанство, былъ ученикомъ Оригена, оказавшаго большое вліяніе на его образъ мыслей. Послѣ изгнанія Оригена изъ Александріи въ 231 или 232 г. главою катехизической школы сдѣлался Иираклъ, но вскорѣ послѣ этого епископъ Димитрій скончался, Ираклъ занялъ его каθедру, а огласительная школа была поручена Д., который руководилъ ею въ теченіе 16 лѣтъ епископства Иракла. Въ 247 г., послѣ кончины Иракла, Д. былъ избранъ епископомъ Александріи. Въ 248 или 249 г., въ концѣ царствованія Филиппа Аравитянина, александрійскіе христіане подверглись гоненію со стороны черни, возбужденной противъ нихъ какимъ-то предсказателемъ. Въ 250 г. разразилось гоненіе Декія. Д. четыре дня ожидалъ ареста въ собственномъ домѣ. Взятый подъ стражу на пятый день, онъ былъ освобожденъ крестьянами, прибѣжавшими съ свадебной пирушки и насильственно отвезенъ ими

въ безопасное мѣсто. Въ гоненіе Валеріана 257—258 г. Д. мужественно исповѣдалъ свою вѣру и былъ за это сосланъ сначала въ глухое мѣстечко Ливіи Кефронъ, а потомъ въ Колутіонъ въ мареотскомъ округѣ. Къ своей паствѣ Д. возвратился лишь въ 262 г., когда вѣротерпимый Галліенъ, послѣ смерти узурпатора Макріана, получилъ власть и надъ восточными провинціями. Вслѣдъ за этимъ паству Д. постигла сначала гражданская война, вызванная провозглашеніемъ проконсула Эмиліана императоромъ, а потомъ чума, свирѣпствовавшая въ Александріи съ осени 263 г. до Пасхи 264 г., во время которой христіане оказали чудеса самоотверженной любви, ухаживая за больными и погребая мертвыхъ. Приглашенный въ 264 г. на антіохійскій соборъ противъ Павла Самосатскаго, Д. по старости и слабости здоровья не могъ уже совершить такой отдаленной поѣздки и ограничился лишь посланіемъ, въ которомъ изложилъ свой взглядъ на ученіе Павла. Въ концѣ 264 или началѣ 265 г. Д. скончался.

Значеніе Д. въ исторіи церкви опредѣляется сохранившимися фрагментами его сочиненій. I. Изъ экзегетическихъ сочиненій Д. сохранился значительный фрагментъ изъ его толкованій на кн. Екклезіастъ и менѣе значительные отрывки, извлеченные можетъ быть и не изъ экзегетическихъ сочиненій, но съ толкованіями Д. на кн. Іова, на евангельскія повѣствованія о молитвѣ Господа въ саду Геѳсиманскомъ, на кн. Дѣяній, посл. Іакова и посл. къ Римл. Въ истолкованіи Св. Писанія, не отказываясь всецѣло отъ аллегорическаго метода, Д. избѣгалъ его крайностей и предпочиталъ выяснить нравственное содержаніе слова Божія. II. Къ числу догматико-полемическихъ сочиненій Д. относится a) книга «О природѣ,» фрагменты которой сохранены Евсевіемъ въ его Praeparatio evangelica и нѣкоторыми другими церковными писателями. Въ сохранившихся отрывкахъ содержится критика ученія Епикура о происхожденіи міра путемъ слѣпого столкновенія и сцѣпленія атомовъ, которому противопоставляется христіанское телеологическое воззрѣніе на предметъ. Въ полномъ сочиненіи кромѣ критики ученія Епикура и другихъ философовъ содержалось еще положительное раскрытіе христіанскаго ученія о твореніи міра. b) Въ сочиненіяхъ по вопросу о Св. Троицѣ Д. является вѣрнымъ ученикомъ Оригена, въ системѣ котораго представленія о возвышенности природы Сына Божія стояли наряду съ субординаціанскими. Подобно Оригену Д. былъ противникомъ монархіанства. Это выразилось въ упомянутомъ уже посланіи къ антіохійскому собору по поводу ереси Павла Самосатскаго и въ борьбѣ съ савелліанствомъ. Противъ Савеллія Д. было написано нѣсколько посланій, но отрывки сохранились лишь изъ посланія къ Евфранору и Аммону. Желая доказать здѣсь, что Сынъ Божій есть особое лицо, Д. настаивалъ на его отличіи отъ Отца и для этого пользовался субординаціанскими идеями Оригена, даже преувеличивъ ихъ. Онъ утверждалъ, что «Сынъ Божій чуждъ Отцу по сущности, что Онъ—произведеніе и сотворенъ, что Отецъ относится къ Нему такъ же, какъ дѣлатель къ виноградной лозѣ и судостроитель къ челноку, что, какъ произведеніе, Сынъ не существовалъ, пока не получилъ бытія». Эти выраженія возбудили недовольство въ Александріи, и о нихъ было сообщено въ Римъ. Собранный въ Римѣ по этому поводу соборъ призналъ ученіе Д. неправильнымъ, а папа Діонисій, опираясь на это постановленіе, отправилъ посланіе къ александрійской церкви, въ которомъ высказался противъ всей катехизической школы. Папа обвинялъ александрійскихъ катехетовъ въ томъ, что ученіемъ о происхожденіи Сына Божія во времени и Его тварности, а также отрицаніемъ единосущія, они разсѣкаютъ единство лицъ Св. Троицы. Д. отвѣтилъ папѣ несохранившимся письмомъ и спеціальнымъ сочиненіемъ—«Обличеніе и оправданіе», отрывки котораго сохранены Аѳанасіемъ Великимъ. Въ этомъ послѣднемъ сочиненіи Д. беретъ назадъ свои неудачныя выраженія и вращается въ сферѣ тѣхъ идей Оригена, въ которыхъ выражалась мысль о возвышенности природы Сына Божія. Онъ говоритъ здѣсь о вѣчности Сына, исходя изъ оригеновскаго ученія о неизмѣняемости Бога, и объ Отцѣ, какъ вѣчной силѣ, предполагающей и вѣчность проявленія—Сына. Если онъ назвалъ Сына твореніемъ, то лишь въ широкомъ смыслѣ слѣдствія, но онъ отличалъ способъ Его происхожденія отъ образа происхожденія міра. Онъ не называлъ Сына Божія единосущнымъ Отцу, потому что этого термина нѣтъ въ Св. Писаніи, но онъ пользо-

вался аналогіями, указывающими на ихъ однородность, т. е. единосущіе. Св. Троицу онъ не разсѣкаетъ, потому что понятія Отецъ и Сынъ соотносительны, такъ что назвать Отца значитъ уже упомянуть о Сынѣ. По взгляду Аѳанасія Великаго, неудачныя выраженія Д. о Сынѣ Божіемъ относились къ человѣческой Его природѣ, но взглядъ этотъ не оправдывается приводимыми имъ самимъ фрагментами и не объясняетъ, почему посланіе къ Евфранору и Аммону вызвало такое волненіе въ Александріи и Римѣ. Вѣрнѣе судилъ Василій Великій, относя эти выраженія къ божеству Христа и объясняя ихъ происхожденіе полемическимъ увлеченіемъ. c) Спиритуализмъ александрійской школы болѣе всего содѣйствовалъ паденію хиліазма. Однако, послѣ удаленія Оригена изъ Александріи, въ арсинейскомъ округѣ среди людей простыхъ возникла сильная реакція. Во главѣ движенія стоялъ еп. Непотъ, написавшій сочиненіе «Обличеніе иносказателей», въ которомъ защищалъ хиліазмъ. По смерти Непота вождемъ хиліастовъ сталъ пресвитеръ Коракіонъ. Д. предпринялъ поѣздку въ арсинейскій округъ и въ личной бесѣдѣ съ заблуждающимися подвергнулъ критикѣ книгу Непота и убѣдилъ ихъ отказаться отъ хиліазма. Но, чтобы довершить это дѣло, Д. составилъ особое сочиненіе «Объ обѣтованіяхъ», въ первой книгѣ котораго онъ доказывалъ ложность хиліазма, а во второй, сохранившейся въ отрывкахъ у Евсевія, доказывалъ на основаніи сравненія Апокалипсиса съ Евангеліемъ и посланіями Іоанна по литературной формѣ, языку и основнымъ богословскимъ понятіямъ, что Апокалипсисъ не принадлежитъ Іоанну Богослову. III. Сочиненія церковно-пристическаго и нравственно-назидательнаго характера: a) 14 посланій къ разнымъ лицамъ по поводу раскола Новаціана; изъ нихъ сохранилось только посланіе къ Новаціану и фрагменты посланій къ Фабію антіохійскому, Корнилію римскому и Конону эрмопольскому. Собственное отношеніе Д. къ падшимъ сводится къ слѣдующимъ положеніямъ: α) принятіе въ лоно церкви падшихъ есть дѣло милосердія, заповѣданное Христомъ; β) нужно принимать во вниманіе ходатайство за нихъ исповѣдниковъ; γ) умирающимъ нельзя отказывать въ разрѣшеніи, если они его ищутъ и обнаруживаютъ искреннее раскаяніе; δ) въ случаѣ выздоровленія такое разрѣшеніе признается дѣйствительнымъ, но возсоединенному рекомендуется окончить свой покаянный искусъ; ε) въ случаѣ отказа, возсоединенный вновь отлучается отъ церкви за ослушаніе. b) Нѣсколько писемъ, лишь отчасти сохранившихся въ отрывкахъ, по вопросу о дѣйствительности крещенія еретиковъ. Въ интересахъ мира церкви Д. предоставлялъ рѣшеніе вопроса усмотрѣнію предстоятелей помѣстныхъ церквей. Самъ же онъ въ общемъ держался восточной и карѳагенской практики, но признавалъ дѣйствительность крещенія монтанистовъ и, можетъ быть, всѣхъ еретиковъ, не погрѣшающихъ въ ученіи о Св. Троицѣ. c) Посланіе къ Василиду, вошедшее въ составъ Книги правилъ. Въ немъ Д. говоритъ, что пасхальный постъ не должно оставлять ранѣе полуночи, что женщины въ періодъ мѣсячныхъ очищеній не должны быть допускаемы въ храмы, совѣтуетъ супругамъ по взаимному соглашенію воздерживаться отъ супружескихъ сношеній для упражненія въ молитвѣ, предоставляетъ совѣсти каждаго рѣшать, можетъ ли онъ послѣ непроизвольнаго истеченія сѣмени приступать къ евхаристіи. d) Посланіе къ Домецію и Дидиму о личномъ положеніи во время гоненія Декія и посланіе противъ Германа въ защиту отъ нареканій по поводу удаленія изъ Александріи во время гоненій. e) Нѣсколько пасхальныхъ писемъ. f) Нѣсколько посланій нравоучительнаго характера. g) Посланіе о мученичествѣ къ Оригену и похвальное посланіе объ Оригенѣ къ Ѳеотекну кесарійскому.

Фрагменты сочиненій Д. собраны у *Migne*, P. gr. X; *Pitra*, Analecta sacra III и IV; *Routh*, Reliquiae sacrae III и IV; *Harnack*, Geschichte der altchristl. Litteratur B. I, S. 409—427. Подробное обозрѣніе всѣхъ сохранившихся отрывковъ изъ сочиненій Д. А., изданій ихъ текста и литературы о Д. А.—русской и иностранной см. въ обстоятельномъ сочиненіи свящ. *А. Дружинина*, Жизнь и труды св Д. Великаго, епископа александрійскаго. Казань, 1900 г. Тому же автору принадлежитъ «Творенія св. Діонисія Великаго, еп. алекс.», въ русскомъ переводѣ, съ краткими свѣдѣніями о жизни и сочиненіяхъ св. Д. Казань, 1900 г. *И. Поповъ.*

Діонисій Коринѳскій—епископъ этого города съ 170 г., написалъ восемь посланій — къ лакедемонянамъ, аѳинянамъ, никомидійцамъ и проч., которыя пользовались въ свое время большою распро-

страненностью и которыя высоко хвалитъ бл. Іеронимъ. Всѣ они, однако, потеряны, и только отрывки изъ нихъ сохранились у Евсевія, «Церк. Ист.» IV, 23.

Діонисій Римскій, епископъ съ 259 по 269 г., преемникъ Ксиста; былъ пресвитеромъ римской церкви при Стефанѣ. Это былъ грекъ по происхожденію, и поддерживалъ живую связь съ греческой церковью; и когда Діонисій александрійскій въ своемъ спорѣ съ савелліанами зашелъ слишкомъ далеко въ противоположномъ направленіи и опредѣлялъ естество Сына, какъ простое твореніе, Д. римскій возсталъ противъ этого и заставилъ его отречься отъ своего ученія. Впослѣдствіи оба епископа, римскій и александрійскій, дѣйствовали вмѣстѣ противъ Павла самосатскаго на соборахъ константинопольскихъ (264 и 269 г.).

ДІОНИСІЙ Малый—основатель христ. лѣтосчисленія — былъ по происхожденію скиѳъ, но бо̀льшую часть своей жизни провелъ въ Римѣ въ монашествѣ. Онъ прибылъ туда уже въ концѣ V вѣка, вскорѣ послѣ смерти Геласія, и оставался тамъ до самой смерти. Позднѣйшіе писатели называютъ его аббатомъ, но отсюда еще не слѣдуетъ, что онъ дѣйствительно былъ настоятелемъ какого-нибудь монастыря. Это былъ большой знатокъ Св. Писанія, строгій блюститель всѣхъ монашескихъ добродѣтелей и, прежде всего, смиренія, въ знакъ чего онъ и называлъ себя Exiguus (Малый), однимъ словомъ—святой человѣкъ; но въ то же всемя онъ былъ не чуждъ и государственныхъ интересовъ, раздѣлялъ съ Кассіодоромъ научныя стремленія, читалъ съ нимъ діалектику и нѣсколько лѣтъ съ большимъ успѣхомъ занималъ должность учителя. При прекрасномъ знаніи греческаго, какъ и латинскаго языка, онъ былъ, такъ сказать, прирожденнымъ представителемъ греческой науки на Западѣ; какъ переводчикъ, онъ оказалъ важныя услуги церковному праву и христіанской хронологіи, исторіи монашества и догматикѣ. Онъ не разъ оказывалъ услуги папамъ, и его научныя работы, вскорѣ послѣ его смерти, приняты были римскою церковью. Ему принадлежатъ слѣдующія творенія: 1) Собраніе дѣяній соборовъ, изданное въ двухъ редакціяхъ. Обѣ редакціи состоятъ изъ перевода 50 апостольскихъ правилъ, греческаго собранія дѣяній соборовъ никейскаго, анкирскаго, неокесарійскаго, гангрскаго, антіохійскаго, лаодикійскаго, константинопольскаго и 27 канновъ халкидонскаго (при этомъ не достаетъ 28—30 главъ), равно какъ 21 правила сардикійскаго и опредѣленій карѳагенскаго отъ 419. Обѣ редакціи посвящены епископу Стефану Салонскому. 2) Довольно долго спустя послѣ второй редакціи Собранія соборовъ, явилось Собраніе декреталій, древнѣйшій сборникъ этого рода. Оно содержитъ въ себѣ посланія Сириція Римскаго (384—398 г.) въ 15 главахъ, двадцать одно посланіе Иннокентія I, одно Зосимы, четыре отъ временъ Бонифація I, три Целестина, семь Льва I, одно Геласія и одно Анастасія I. 3) Пасхалія, продолженіе 95-лѣтней пасхаліи Кирилла Александрійскаго, которая заканчивалась 531 годомъ. Въ 525 г. Д. продолжилъ эту работу, повторилъ послѣдній девятнадцатилѣтній циклъ Кирилла и присоединилъ съ 532 г. еще пять дальнѣйшихъ. Вошедшую со времени никейскаго собора на Востокѣ въ употребленіе александрійскую пасхалію онъ ввелъ въ латинскую церковь, которая дотолѣ держалась 84-лѣтняго цикла Викторія, и оказалъ этимъ немалую услугу въ дѣлѣ единенія церкви. Онъ перестаоъ вести лѣтосчисленіе отъ Діоклитіана, этого безбожнаго гонителя христіанъ, а началъ считать годы ab incarnatione Domini (отъ воплощенія Господа), и такимъ образомъ былъ основателемъ христіанскаго лѣтосчисленія. Рожденіе Христа онъ полагалъ, какъ теперь извѣстно, неправильно, въ 754 г. отъ основанія Рима, и именно 25 декабря 1 года своей эры; днемъ «воплощенія» считалъ 25 марта. Его пасхальный кругъ вскорѣ былъ принятъ Римомъ, а затѣмъ и въ остальной Италіи (ср. пасхальную таблицу на мраморѣ въ ризницѣ Равеннскаго собора, фотографическій снимокъ у Ритчи, 202), къ концу VI вѣка въ Галліи, наконецъ съ 729 г. въ британской церкви. Во время Карла Великаго, Д. лѣтосчисленіе, какъ его называли на Западѣ, вошло въ оффиціальное употребленіе въ церкви. Другія его произведенія состоятъ изъ разныхъ посланій и переводовъ.

ДІОНИСІЙ имя *пяти* патріарховъ константинопольской церкви. Изъ нихъ: **Діонисій I** дважды занималъ престолъ: въ 1467—1472 и 1489—1491 годахъ. Онъ

былъ родомъ изъ Пелопоннеса, въ дѣтствѣ прибылъ въ Константинополь и поступилъ въ братство Манганскаго монастыря. На него обратилъ вниманіе митрополитъ ефесскій Маркъ, приблизилъ къ себѣ и, посвятивъ въ санъ іеромонаха, имѣлъ въ числѣ служившихъ при немъ клириковъ до самой своей смерти. Потомъ Д. былъ избранъ на митрополичью каѳедру въ Филиппополь, гдѣ пользовался любовью за высокія нравственныя качества и архипастырскую дѣятельность. Вступивъ на патріаршій престолъ, онъ также заявилъ себя почтенною дѣятельностью, заботясь главнымъ образомъ объ урегулированіи отношеній между церковью и новымъ мусульманскимъ правительствомъ и о сохраненіи правъ церкви. Но онъ скоро долженъ былъ оставить престолъ, сдѣлавшись предметомъ интригъ со стороны другихъ претендентовъ на патріаршество, добивавшихся его посредствомъ золота. Д. отказался отъ престола и удалился на покой въ монастырь Икосифиниссы въ епархіи драшской. Отсюда онъ вторично и призванъ былъ на каѳедру въ 1489 г., когда въ константинопольской церкви возникли затрудненія въ сношеніяхъ съ правительствомъ. Второе патріаршество Д. прошло въ мирѣ и тишинѣ. Онъ опять показалъ себя добродѣтельнымъ, ревностнымъ инокомъ, усерднымъ молитвенникомъ. Во время бывшихъ въ Константинополѣ землетрясеній, патріархъ переходилъ изъ одной церкви въ другую и совершалъ молебны, при этомъ не позволялъ себѣ сѣсть на коня, а ходилъ пѣшкомъ. Оставивъ, вслѣдствіе глубокой старости, престолъ, онъ удалился въ монастырь Икосифиниссы, гдѣ и скончался. Греческая церковь чтитъ мѣстно его память. Ему составлена и особая служба.—**Діонисій II** также дважды занималъ патріаршую каѳедру—въ 1537 г. (всего нѣсколько мѣсяцевъ) и въ 1545—1555 г. Онъ былъ родомъ изъ Константинополя и до патріаршества состоялъ митрополитомъ Никомидіи. Въ первое патріаршество Д. не успѣлъ сдѣлать ничего примѣчательнаго, а во второе долго происходили смуты по поводу избранія патріарха, коимъ были недовольны сторонники иныхъ кандидатовъ, и по поводу посольства кесарійскаго митрополита Митрофана къ римскому папѣ для испрошенія милостыни въ пользу константинопольской церкви: въ этомъ враги патріарха увидѣли униженіе достоинства православія. Избавивъ церковь отъ смутъ, патріархъ Д. немало сдѣлалъ хорошихъ дѣлъ для благоустройства различныхъ сторонъ церковно-общественной жизни.—**Діонисій III** патріаршествовалъ съ 29 іюня 1662 г. до 21 октября 1665 г. Онъ родился на островѣ Андросѣ, принадлежалъ къ столичному банкирскому дому Вардалисъ. Въ 1652 г. онъ былъ уже митрополитомъ Лариссы, откуда и взошелъ на патріаршій тронъ. Выдающихся событій въ его патріаршество не произошло. Извѣстно лишь, что въ 1663 г. патріархъ Д., совмѣстно съ патріархомъ александрійскимъ Паисіемъ, антіохійскимъ Макаріемъ и іерусалимскимъ Нектаріемъ, издалъ «томъ» по поводу вопросовъ, предложенныхъ клиромъ русской церкви (Γεδεών, Κανονικαὶ διατάξεις, τ. I, σ. 341—368). Отказавшись отъ престола, Д. нѣкоторое время управлялъ ѳессалоникской митрополіей, послѣ жилъ въ Іерусалимѣ и на Аѳонѣ, гдѣ и скончался въ лаврѣ св. Аѳанасія, вѣроятно, около 1693 г.—**Діонисій IV** занималъ патріаршую каѳедру *пять разъ:* въ 1671—1673, 1676—1679, 1683—1684, 1686—1687 и 1693—1694 годахъ. Онъ былъ родомъ изъ знатной столичной фамиліи Муселимовъ-Комниновъ, учился въ патріаршей школѣ въ Константинополѣ, былъ очень образованъ, имѣлъ многочисленныхъ и вліятельныхъ при дворѣ султана родственниковъ, нѣкоторое время состоялъ чиновникомъ при патріархіи, а въ 1662 г., прямо изъ свѣтскаго званія, былъ избранъ митрополитомъ Лариссы. Въ званіи патріарха онъ оказалъ церкви большія услуги, какъ человѣкъ строгій въ рѣчи, неутомимый въ дѣлахъ, твердый въ своихъ постановленіяхъ и въ то же время скупой на расходованіе и траты патріаршей казны. Дѣятельность его, какъ патріарха, почтенна и разнообразна. Его неоднократное удаленіе съ каѳедры и вступленіе на нее объясняются вообще шаткостью патріаршаго престола въ Константинополѣ, подъ вліяніемъ безпринципнаго турецкаго режима и греческихъ интригъ. Патріархъ Д. скончался 23 сентября 1696 г. въ Букарештѣ, гдѣ и былъ погребенъ.—**Діонисій V** управлялъ константинопольскою церковью въ 1887—1891 гг. Онъ былъ родомъ изъ Адріанополя, гдѣ и получилъ образованіе, состоялъ великимъ протосинкелломъ патріар-

хіи, а въ 1858 г. былъ назначенъ митрополитомъ острова Крита, откуда перемѣщенъ въ Никею и Адріанополь. Его патріаршество примѣчательно борьбою съ турецкимъ правительствомъ изъ-за правъ вселенской церкви. Въ 1888 г. Порта самовольно и безъ вѣдома патріарха лишила власти митрополитовъ серрскаго и касторійскаго; а кромѣ того, потребовала отъ патріархіи, чтобы церковные суды впредь не разсматривали дѣлъ по завѣщаніямъ и по поводу наслѣдствъ грековъ, чтобы греческія школы были подчинена вѣдѣнію турецкаго правительства, а священники принимали присягу въ турецкихъ судахъ. Эти требованія нарушали права и привилегіи церкви, дарованныя ей турецкими султанами, начиная съ Магомета II; поэтому патріархъ Д. отказался ихъ исполнить и, въ свою очередь, требовалъ отъ Порты отмѣны ея незаконныхъ распоряженій. Порта не уступала, тогда патріархъ Д. отказался отъ каѳедры. Священный синодъ и смѣшанный народный совѣтъ церкви константинопольской 4 октября 1890 г. объявили ее въ положеніи преслѣдуемой и гонимой и распорядились закрыть храмы, не звонить въ колокола и лишь ночью совершать необходимыя богослуженія. Этотъ необыкновенный интердиктъ вызвалъ весьма сильное возбужденіе греческаго народа и породилъ во многихъ мѣстахъ демонстративные безпорядки, направленные противъ турецкаго правительства. Порта, опасаясь народнаго возмущенія, приказала полиціи отпереть греческіе храмы. Но это не помогло дѣлу, такъ какъ духовенство, находясь подъ запрещеніемъ синода, отказалось совершать богослуженія, а народъ продолжалъ собираться на молитву въ частныхъ домахъ, и на этихъ собраніяхъ всѣ молились о спасеніи вселенской церкви. При такомъ положеніи дѣлъ, Порта вынуждена была уступить и отказалась отъ своихъ требованій. 25 декабря 1890 г. православные храмы были открыты, а патріархъ Д., главный виновникъ побѣды церкви надъ Портой, торжественно возвратился изъ загороднаго своего дома на Фанаръ, среди восторженныхъ привѣтствій греческаго народа. Заявивъ себя твердой устойчивостью въ сохраненіи правъ церкви, патріархъ Д. V умѣлъ поддерживать мирныя отношенія съ другими автокефальными церквами, отличался благородствомъ духа, прямодушіемъ и искренностью, глубокимъ смиреніемъ, неутомимыми трудами учительства, самоотверженною ревностью о славѣ Божіей, о благоустроеніи церковномъ и интересахъ греческаго народа. Онъ скончался 13 августа 1891 г., на 72 году отъ рожденія. *И. Соколовъ.*

ДІОНИСІЙ архіепископъ суздальскій. Происхожденіе и время рожденія неизвѣстны. Съ молодыхъ лѣтъ возлюбилъ монашескую отшельническую жизнь, поселившись въ пещерѣ на берегу Волги въ 5 верстахъ отъ Нижняго-Новгорода. Когда около него стали селиться другіе любители подобной жизни, онъ основалъ церковь во имя Вознесенія Господня и около церкви образовался монастырь, доселѣ существующій подъ именемъ Нижегородскаго Печерскаго. Въ 1374 г. св. Алексій, митрополитъ московскій, поставилъ Д. епископомъ суздальскимъ и нижегородскимъ. Въ санѣ епископа Д. оказалъ важную услугу нижегородцамъ, предотвративъ убійство ханскихъ пословъ, явившихся для сбора дани. Послѣ смерти св. Алексія Д. явился въ Москву и сталъ здѣсь во враждебныя отношенія къ нареченному преемнику Алексія, архимандриту Митяю, любимцу великаго князя Димитрія Іоанновича. Долго не являясь къ Митяю, онъ раздражилъ послѣдняго и, когда явился, былъ встрѣченъ грубымъ вопросомъ, почему такъ долго не являлся. Д. отвѣтилъ, что ему, Митяю, слѣдуетъ явиться къ нему за благословеніемъ, потому что онъ—епископъ, а Митяй—попъ. «Я тебя и попомъ не оставлю, закричалъ Митяй. Своими руками спорю у тебя архіерейскія скрижали». Вражда Митяя къ Д. объясняется тѣмъ, что онъ подозрѣвалъ въ Д. соперника себѣ, думалъ, что Д. хлопочетъ самъ получить митрополію. Дѣйствительно Д. въ это время о чемъ-то сносился съ патріархомъ. По просьбѣ Митяя великій князь подвергъ Д. заключенію, но выпустилъ на свободу, взявъ поручителемъ за него препод. Сергія Радонежскаго въ томъ, что онъ не поѣдетъ въ Константинополь хлопотать о митрополіи. Съ Сергіемъ Д. успѣлъ познакомиться, вѣроятно, тогда, когда Сергій, по порученію митрополита Алексія, ѣздилъ въ Нижній мирить суздальскихъ князей Димитрія и Бориса Константиновичей. Получивъ свободу, Д. отправился въ Нижній, а оттуда

поспѣшно отправился въ Константинополь Волгою, Дономъ и морями. Митяй страшно разгнѣвался на Сергія и грозилъ уничтожить его монастырь. Митяй съ громадною, пышною свитой отправился въ Константинополь за посвященіемъ, но въ виду города скоропостижно скончался. Въ митрополиты московскіе былъ поставленъ одинъ изъ свиты его, архим. Пименъ. Д. же суздальскому патріархомъ Ниломъ данъ былъ титулъ архіепископа. Пименъ, какъ получившій митрополію безъ воли великаго князя, не былъ принятъ послѣднимъ. Князь вызвалъ въ Москву поставленнаго еще при жизни Алексія митрополита кіевскаго Кипріана, но въ 1383 г. удалилъ Кипріана и отправилъ въ Константинополь Д. для поставленія его въ митрополиты московскіе. Въ этомъ же 1383 г., вернувшись изъ Константинополя, Д., по порученію патріарха Нила, ѣздилъ въ Новгородъ и Псковъ для борьбы съ ересью стригольниковъ, но имѣлъ ли какой успѣхъ—неизвѣстно. Въ Константинополь Д. отправился въ іюнѣ 1384 г. Патріархъ принялъ его и затѣмъ отправилъ его обратно въ Россію съ двумя митрополитами и нѣсколькими чиновниками своего двора съ тѣмъ, чтобы эти лица въ Москвѣ разсмотрѣли дѣло Пимена и поставили на московскую митрополію Д. Но на обратномъ пути въ Кіевѣ Д. былъ схваченъ княземъ кіевскимъ Владиміромъ Ольгердовичемъ, по желанію Кипріана, и подвергнутъ заключенію, въ которомъ и скончался 26 іюня 1385 г. Погребенъ былъ въ пещерахъ Кіевской лавры, гдѣ мощи его почивали нѣкоторое время нетлѣнными, но въ XVII в. во время непріятельскихъ нашествій уничтожены вмѣстѣ со многими другими мощами.

Такъ какъ о канонизаціи Д. нѣтъ совершенно никакихъ свѣдѣній и такъ какъ о мощахъ Д., неизвѣстныхъ нынѣ, сохранилось лишь простое упоминаніе въ лѣтописи, которое можетъ быть понято въ томъ смыслѣ, что останки Д. извѣстны были въ Кіевѣ во дни лѣтописца, и такъ какъ наконецъ историческія свѣдѣнія о Д. не даютъ основаній считать его человѣкомъ святой жизни, то мы не видимъ основаній причислять Д. суздальскаго къ лику святыхъ русской церкви. Архіеп. Филаретъ черниговскій въ своей книгѣ «Русскіе святые» благоразсудительно обходитъ Д. молчаніемъ.

Литература. «Житія святыхъ», *А. Муравьева;* «Словарь историч. о святыхъ росс. церкви»; «Исторія рус. ц.», *Е. Голубинскаго*, т. II.

А. Кремлевскій.

ДІОНИСІЙ Глушицкій, препод., родомъ изъ Вологды, род. въ 1363 г. и носилъ въ мірѣ имя Димитрія. Постриженіе принялъ въ находящемся недалеко отъ Вологды Спасокаменномъ монастырѣ, на Кубенскомъ озерѣ, въ игуменство святогорца Діонисія, впослѣдствіи архіепископа ростовскаго. Черезъ девять лѣтъ жизни въ монастырѣ Д. вмѣстѣ съ другимъ монахомъ Пахоміемъ, съ благословенія игумена, по любви къ уединенію, оставилъ Спасокаменный монастырь и высадился на восточный берегъ Кубенскаго озера. Здѣсь на берегу онъ остановился недалеко отъ селенія «Святая Лука», на томъ мѣстѣ, гдѣ прежде существовалъ монастырь во имя св. еванг. Луки, и соорудилъ небольшую церковь во имя святителя Николая, къ которой онъ и былъ рукоположенъ въ санъ іеромонаха архіепископомъ ростовскимъ Григоріемъ: это было не ранѣе 1396 г., такъ какъ съ этого года Григорій занялъ ростовскую каѳедру. Черезъ нѣкоторое время сотрудникъ Д., Пахомій, сталъ тяготиться заведеннымъ порядкомъ и тогда Д. предложилъ остаться ему на этомъ мѣстѣ, а самъ отошелъ за 15 верстъ и остановился на берегу рѣки Глушицы, поставилъ здѣсь хижину подъ большой черемухой и сталъ подвизаться. Сюда постепенно стали приходить къ нему желавшіе пустыннаго жительства и такимъ образомъ составилось монашеское общежитіе, а въ 1403 г. построенъ былъ и храмъ въ честь Покрова Пресв. Богородицы; для строенія князь кубенскій Димитрій прислалъ своихъ плотниковъ и затѣмъ продолжалъ благотворить обители. Когда число братіи умножилось, то была построена другая обширнѣйшая церковь въ 1412 г. Какъ игуменъ, Д. показывалъ всѣмъ примѣръ неустаннаго трудолюбія, смиренія и нестяжательности. Онъ былъ искусный иконописецъ и иконами своей работы украсилъ свой храмъ.

Когда число братіи значительно умножилось, Д. по любви къ безмолвію въ 1420 г. удалился изъ монастыря и сталъ жить въ мѣстечкѣ, названномъ «Сосновецъ» по громадной росшей здѣсь соснѣ, подъ которой поселился отшельникъ; Сос-

новецъ находится въ 4-хъ верстахъ отъ Глушицкаго монастыря. Но и въ Сосновцѣ скоро составилось монашеское общежитіе, которое было подчинено въ управленіи Д. Глушицкому. Такъ какъ затѣмъ къ Д. приходили и многія женщины поучаться у него, то для нихъ онъ устроилъ женское общежитіе съ храмомъ въ память свят. Леонтія ростовскаго; это общежитіе было въ двухъ верстахъ отъ Глушицкаго монастыря. Кромѣ того Д. устроилъ еще два храма, на р. Сухонѣ въ память Воскресенія Христова и на р. Двиницѣ во имя святителя Николая, по просьбѣ бѣднаго мѣстнаго населенія.

Имя Д., какъ мужа святой жизни, еще при жизни его сдѣлалось широко извѣстнымъ и привлекало къ нему многихъ даже издалека. Такъ, изъ Ростова пришелъ къ нему препод. Григорій (Лопотовъ), основавшій впослѣдствіи Григоріевъ Пельшемскій монастырь въ 5 верстахъ отъ г. Кадникова (въ 30 отъ Глушицкаго мон.). Изъ Устюга пришелъ къ нему преп. Амфилохій, бывшій затѣмъ преемникомъ Д. по игуменству. Изъ Перми пришелъ къ нему игуменъ Тарасій, оставившій свое игуменство. Кромѣ того и изъ среды мѣстной братіи Д. воспиталъ многихъ иноковъ высокой святости, каковы преп. Филиппъ Рабангскій, Макарій, Михаилъ и др.

За свою святость препод. Д. пользовался уваженіемъ и помощью со стороны мѣстнаго удѣльнаго князя Георгія Бохтюжскаго и со стороны архіеп. ростовскаго Діонисія, бывшаго игумена Спасокаменнаго монастыря; преподобный неоднократно бывалъ у святителя и всегда встрѣчалъ полное довѣріе и благоволеніе. Преемникъ архіеп. Діонисія Ефремъ (1427—1454 г.) при обозрѣніи обширной своей епархіи посѣтилъ и Діонисіевъ монастырь и утвердилъ духовную грамоту Д.

За 7 лѣтъ до кончины препод. Д. выкопалъ себѣ могилу въ Сосновцѣ и часто приходилъ къ ней для размышленій о загробной жизни. Незадолго до смерти препод. Д. однажды послѣ пламенной молитвы къ Божіей Матери получилъ откровеніе о судьбѣ своей обители, въ тонкомъ снѣ онъ услышалъ слова: «услышана твоя молитва о братіи, я неотступна буду отъ сей обители, охраняя ее отъ всякихъ золъ и оскудѣнія». Передъ смертію препод. Д. собралъ къ себѣ братію, далъ ей послѣднее наставленіе, поставилъ преемникомъ себѣ Амфилохія и сказалъ: «если обрѣту милость у Бога, не оставлю мѣста сего, но буду молить Господа и Пречистую Матерь Его, чтобы не было здѣсь оскудѣнія». Потомъ, перекрестившись и благословивъ всю братію, молитвенно поднялъ руки къ небу и скончался; въ эту минуту преп. Амфилохій увидѣлъ надъ главою его сіяющій вѣнецъ, лицо его просвѣтилось и благоуханіе наполнило келью; это было 1 іюня 1437 г., въ воскресенье, въ 6-мъ часу дня. Жизни его было 74 года и 6 мѣсяцевъ. По наружности препод. Д. былъ невысокъ ростомъ и сухощавъ, лицо имѣлъ продолговатое, брови круглыя, волосы русые и наполовину сѣдые, борода его спускалась на грудь.

Послѣ смерти Д. при гробѣ его совершалось много чудесъ, почему въ 1547 г. московскимъ соборомъ препод. Д. и причисленъ къ лику чтимыхъ во всей русской церкви святыхъ.

Памятниками иконописныхъ трудовъ преп. Д. сохранились до настоящаго времени: 1) икона Знаменія Божіей Матери и икона Одигитріи въ Сосновцѣ; 2) икона препод. Кирилла Бѣлоезерскаго въ Кирилловомъ монастырѣ, писанная еще при жизни препод. Кирилла въ 1424 г., и въ томъ же монастырѣ икона Успенія Божіей Матери; 3) въ Седміозерной пустыни, въ 30 верстахъ отъ Кадникова, чудотворная икона Успенія Божіей Матери, принесенная съ Глушицы; 4) въ Прилуцкомъ монастырѣ икона препод. Димитрія Прилуцкаго. Въ настоящее время населеннымъ монастыремъ является Сосновецъ, въ которомъ почиваютъ мощи препод. Д. и Амфилохія, а Глушицкій не населенъ и управляется монахомъ изъ Сосновца.

Литература. Рукоп. житіе Д., писанное инокомъ Иринархомъ со словъ очевидцевъ. Рукоп. Синод. № 610. Сокращеніе этого житія въ Чет.-Мин. *Филаретъ* черниг. Русс. святые Іюнь. и Словарь истор. о святыхъ росс. церкви.

А. Кремлевскій.

ДІОНИСІЙ, архим. Тр.-Сергіевской лавры, преп. († 1632 г.), едва ли не болѣе всѣхъ, послѣ патр. Гермогена, способствовавшій умиротворенію Россіи въ періодъ смутнаго времени, своими пламенными воззваніями возбудивъ русскихъ людей подняться на защиту бывшаго на краю гибели отечества. Родился Д. въ г. Ржевѣ и

при крещеніи былъ названъ Давидомъ. Родители его, вскорѣ переселившіеся въ Старицу, позаботились отдать его въ ученіе двумъ инокамъ Старицкаго монастыря, у которыхъ онъ скоро пріобрѣлъ любовь необычайной кротостью и прилежаніемъ. Достигши возраста, согласно желанію родителей вступилъ въ бракъ и вскорѣ былъ удостоенъ за благочестивую жизнь сана священника. Но въ мірѣ ему пришлось жить недолго; со смертью жены и двухъ сыновей, онъ постригся въ Старицкомъ монастырѣ съ именемъ Діонисія. Кротость и сознаніе своей грѣховности вмѣстѣ съ опасеніемъ ввести въ грѣхъ другого человѣка были постоянными качествами новопостриженнаго инока, отличавшагося высокимъ ростомъ и красотою лица. Скоро братія избрала его казначеемъ, а около 1605 г. онъ былъ посвященъ въ архимандрита и сдѣлался настоятелемъ монастыря. Между прочимъ на время его настоятельства падаетъ пребываніе въ мон. патр. Іова, котораго прислали сюда съ грамотою, чтобы держать его «во озлобленіи скорбнемъ». Но Д. не могъ допустить подобнаго отношенія къ патр., онъ самъ явился къ нему за приказаніями, отдавая все въ его полное распоряженіе, и всегда старался, какъ могъ, облегчить положеніе страдальца. Послѣ же смерти патр. воздвигъ надъ его могилой каменную палатку въ видѣ часовни. Умомъ, благочестивою жизнью и ревностнымъ отношеніемъ къ своему долгу Д. пріобрѣлъ особую любовь патр. Гермогена, который почти постоянно держалъ его въ Москвѣ, пользовался его совѣтами и вмѣстѣ съ нимъ ратовалъ противъ враговъ отечества. Въ 1610 г., когда настоятель Тр.-Серг. лавры Іоасафъ удалился на покой, Д. былъ назначенъ занять его мѣсто. На это время—настоятельства его въ лаврѣ—и падаетъ его главная заслуга передъ отечествомъ. Вмѣстѣ съ келаремъ и братіей Д., чтобы поднять духъ патріотизма въ русскихъ людяхъ, началъ разсылать по городамъ грамоты, въ которыхъ призывалъ всѣхъ возстать единодушно на защиту отечества и вѣры. «Многи епистоліи архимандритъ (Д.) во время кровопролитія христіанскаго по градамъ посылалъ, въ тѣхъ грамотахъ болѣзнованія Діонисева о всемъ государствѣ Московскомъ безчисленно много. И буде изволите вы, государи, разума его искати: то въ тѣхъ его посланіяхъ не токмо подъ Москвою, но и во многихъ городахъ воеводамъ и всякихъ чиновъ многимъ людямъ подкрѣпленіе мужества отъ его совѣта и разума великое бывало» (Жит. Д. Москва 1824. 40—49). До насъ дошли только три такія грамоты: одна писана въ іюлѣ 1611 г.; другая—въ октябрѣ и третья—въ апрѣлѣ 1612 г. Въ основномъ всѣ онѣ сходны между собою, разнятся только въ частностяхъ. Начиная съ указанія, что за грѣхъ праведнымъ судомъ Божіимъ ниспослано междуусобіе, когда «отецъ возсталъ на сына, сынъ на отца и пролилась родная кровь»,—грамоты далѣе говорятъ, что, благодаря предателямъ и ихъ совѣтамъ, въ Москву проникли польскіе и литовскіе люди, сожгли ее, истребили множество жителей, разорили церкви, поругались святынѣ, низвергли съ престола патр. Гермогена. Чтобы не до конца погибла вѣра православная, всѣ должны спѣшить съ посильной помощью къ Москвѣ: «Бога ради, покажите свой подвигъ, молите служилыхъ людей, чтобы всѣмъ православнымъ христіанамъ быть въ соединеніи и стать сообща противъ нашихъ предателей и противъ враговъ креста Христова, польскихъ и литовскихъ людей... Смилуйтесь предъ общею смертною погибелью, чтобы и васъ не постигла такая же лютая смерть!.. Сами знаете, что всякому дѣлу надлежитъ одно время... Если и есть въ вашихъ предѣлахъ недовольные, Бога ради отложите то на время, чтобы всѣмъ намъ единодушно потрудиться для избавленія православной вѣры отъ враговъ, пока къ нимъ помощь не пришла. Смилуйтесь и усилитесь и поспѣшите на это дѣло: помогите ратными людьми и казною, чтобы собранное теперь здѣсь подъ Москвою воинство отъ скудости не разошлось. О томъ много и слезно, всѣмъ народомъ христіанскимъ, бьемъ вамъ челомъ!» Грамоты производили сильное впечатлѣніе и, несомнѣнно, 27-мъ ноября Москва много, если не всецѣло, обязана имъ.

Нельзя не упомянуть и о томъ, что когда въ 1612 г. при послѣднемъ напряженіи ополченія для освобожденія Москвы, казаки отказались помогать, пока не получатъ жалованья, то братія Тр.-Серг. лав., послѣ обсужденія на соборѣ во главѣ съ Д., рѣшила послать драгоцѣнныя ризы въ залогъ казакамъ. Такая жертва тронула

казаковъ и они рѣшились претерпѣть все, но не уходить отъ Москвы, пока не освободятъ ее.

Но этого горячаго патріота, ревностнаго защитника родной вѣры и страны въ будущемъ, по освобожденіи Москвы отъ враговъ, ожидали не почетъ и благословеніе, а, наоборотъ, мученія и истязанія. Д. былъ книжникъ. По его повелѣнію Арсеній Глухой переписывалъ книгу Канонникъ и сдѣлалъ въ ней нѣкоторыя исправленія. 24 же окт. 1615 г. по повелѣнію государя онъ посылалъ того же Арсенія съ Иваномъ Насѣдкою въ Москву «правити книга Потребникъ», но они отказались отъ этого дѣла «безъ настоятеля отъ властей». Тогда, въ 1616 г. 8 ноября, государь повелѣлъ самому Д. вмѣстѣ съ этими же лицами и другими старцами, «которые подлинно и достохвально извычны книжному ученію, и грамматику и риторію знаютъ», заняться исправленіемъ Потребника. Д. взялся за это дѣло, хотя Н. и отклонялъ его, боясь, что «не сдѣлати намъ того дѣла, безъ митрополичьяго совѣта». Съ усердіемъ и «безъ всякія хитрости» работали старцы полтора года «день и ночь», имѣя подъ руками до 20 списковъ. Кромѣ Потребника просмотрѣли и нѣкоторыя др. книги, въ томъ числѣ и изданныя во время междупатріаршества съ благословенія митр. Іоны: Цвѣтную тріодь, Октоихъ, Общую и Мѣсячную минеи, Псалтирь, Канонникъ и Церковный уставъ, вездѣ нашли погрѣшности и сдѣлали посильныя исправленія. Но у Д. оказались враги: Логгинъ головщикъ и Филаретъ уставщикъ. Оба были люди едва грамотные, но высоко думали о себѣ и считали себя знатоками церковнаго чина и богослуженія. Къ настоятелю своему они и раньше относились грубо и непочтительно, несмотря на его кроткое, снисходительное и незлобивое отношеніе къ братіи. Эти два старца, имѣвшіе знакомства и поддержку на Москвѣ, еще прежде, чѣмъ справщики окончили свой трудъ, распустили въ Москвѣ слухъ, что Д. со старцами вводитъ въ книги ереси. Поэтому, когда (въ 1618 г.) Д. представилъ свой трудъ, его встрѣтили въ Москвѣ съ предубѣжденіемъ, тѣмъ болѣе что митр. Іона самъ былъ недоволенъ справщиками какъ за то, что они трудились не подъ его надзоромъ и руководствомъ, такъ, быть можетъ, и за то, что они осмѣлились указать грубыя погрѣшности въ книгахъ, напечатанныхъ при немъ. 18 іюля былъ собранъ соборъ, на которомъ подъ предсѣдательствомъ митрополита присутствовало высшее столичное духовенство. Главнымъ пунктомъ обвиненія выставлялось то, что Д. «имя Св. Троицы велѣлъ въ книгахъ марать и Духа Св. не исповѣдуетъ, яко огнь есть», т. е. что въ конечныхъ словословіяхъ нѣкоторыхъ молитвъ вычеркнулъ слова «и огнемъ». Какъ ни доказывали справщики правильность своего поступка, ничто не помогало. Д., впрочемъ, предлагали прекратить все дѣло, если онъ дастъ 500 руб., но онъ отвѣчалъ: «денегъ не имѣю, да и дать не за что». Соборъ постановилъ: «архим. Д. и попа Ивана отъ церкви и божественной литургіи служити отлучаемъ, да не священствуютъ». Д. окованнаго отправили на смиреніе въ Новоспасскій монастырь, гдѣ велѣно было мучить его 40 дней, и заставили класть по 1000 поклоновъ въ день, да самъ онъ отъ усердія своего прибавлялъ еще 1000. Нерѣдко въ праздничные и торговые дни, по распоряженію м. Іоны, приводили его на патріаршій дворъ; здѣсь онъ долженъ былъ подъ открытымъ небомъ класть поклоны на виду у всѣхъ; чернь ругалась надъ нимъ, кидала въ него грязью; по цѣлымъ днямъ его оставляли безъ капли воды въ жаркіе лѣтніе дни (Жит. пр. Д. въ рук. сб. Серг. л. № 700, л. 38—41, 102—104, 110—120). Старцы старались оправдываться. Такъ, Д. написалъ «Рѣчь», въ которой обращался ко всѣмъ православнымъ: «Святыя, соборныя, апостольскія церкви чадамъ, всѣмъ православнымъ христіанамъ, падъ, припадая, молюся азъ, смиренный, послѣдній въ братствѣ Д. отъ дому вел. Сергія чудотворца». Далѣе говоритъ, какъ по повелѣнію государя онъ исправлялъ погрѣшности въ книгахъ и какъ обвинили его за то, что онъ вычеркнулъ слово «и огнемъ», доказываетъ, что это слово и должно быть вычеркнуто. Но никакія оправданія не повели бы ни къ чему, если бы не произошло перемѣнъ въ сферахъ, отъ которыхъ зависѣла судьба страдальцевъ. Въ Москву прибылъ іерус. патр. Ѳеофанъ, который нашелъ здѣсь «любопрящихся мнозѣхъ о прилозѣ» («и огнемъ») и узналъ «отъ многихъ истинныхъ вѣдцевъ», какая печальная участь постигла исправителей

книжныхъ погрѣшностей, но онъ не счелъ себя въ правѣ вмѣшиваться въ это дѣло, а только «подаде Д. руку помощи, да вознесется правда его», т. е. очень вѣроятно, что именно ему Д. обязанъ былъ освобожденіемъ изъ заключенія и отъ физическихъ мученій, такъ что онъ принималъ участіе во встрѣчѣ Филарета Никитича. Но Ѳеофанъ не ограничился только этимъ. Лишь Филаретъ сдѣлался патріархомъ, онъ посовѣтывалъ ему пересмотрѣть дѣло о справщикахъ, которые къ тому времени представили вторую «Рѣчь», впрочемъ отличавшуюся отъ первой только порядкомъ изложенія мыслей. Но Филаретъ и самъ считалъ это однимъ изъ первыхъ своихъ дѣлъ и спустя недѣлю послѣ поставленія своего, 2 іюля, повелѣлъ вмѣстѣ съ Ѳеофаномъ Іонѣ предложить дѣло о справщикахъ. Новый соборъ состоялъ уже не изъ московскаго только духовенства, но на немъ, кромѣ архіереевъ, были два патріарха и самъ государь. Въ теченіе 8 часовъ Д. стоялъ въ отвѣтѣ предъ соборомъ, на которомъ были многія пренія и изысканія отъ божественныхъ писаній. Д. былъ оправданъ и прославленъ отъ самого государя, владыки же удивлялись ему, цѣловали его любезно и благословляли. Съ честью и дарами отпущенъ онъ былъ снова въ Серг. Тр. лавру. Въ скоромъ времени пришлось ему встрѣчать въ лаврѣ и своего избавителя—патр. Ѳеофана. Послѣдній пожелалъ посѣтить знаменитую обитель русскую, такъ недавно проявившую столько твердости и мужества, и поклониться мощамъ св. ея основателя. Д. встрѣтилъ его всевозможными почестями. Передъ отъѣздомъ изъ лавры. Ѳеофанъ возложилъ на его голову свой клобукъ, предварительно положивши его у ногъ св. чудотворца, на благословеніе ему и его преемникамъ отъ патріарха іерусалимскаго.

Литература. *Макарій*, Ист. р. ц. т. X, 94—96, 176—187, 200 и др., т. XI, 10—14 и др.; *Филаретъ*, Обз. р. д. л. кн. I, стр. 218; *Соловьевъ*, Ист. Р. 11; *Горскій*, Истор. опис. лавры; *Костомаровъ*, Русск. ист. въ жизнеоп.» т. I; *Платоновъ*, «Очерк. по ист. сект.» 1899; *Д. Скворцовъ*, Д. Зоб., архим. Тр.-Серг. л., Тверь, 1890; въ Чт. Общ. люб. др. 1865 г. ч. II. ст. *Поспѣлова*, Пр. Діонисій арх. Тр.-Серг. л. и др.

ДІОНИСІЙ (Хитровъ) † епископъ уфимскій, уроженецъ рязанской губ., ученикъ и сподвижникъ по миссіонерской дѣятельности просвѣтителя Сибири архіеп. иркутскаго (впослѣдствіи митроп. московскаго) Иннокентія. Миссіонерское служеніе преосв. Д. началъ въ 1844 г., когда, по окончаніи курса въ духовной семинаріи, опредѣленъ былъ священникомъ походной миссіонерской церкви въ якутской области. Съ этою церковью онъ совершилъ въ теченіе 10 л. трудное миссіонерское путешествіе въ 9130 в. по Верхнему, Среднему и Нижнему Колыму, для просвѣщенія свѣтомъ ученія Христова инородческихъ племенъ, обитающихъ на пространствѣ отъ р. Индигирки до Анадыри, при чемъ миссіонеру приходилось ѣздить въ страшные морозы на собакахъ и оленяхъ и ходить пѣшкомъ по глубокимъ снѣгамъ, горамъ и стремнинамъ, постоянно подвергая опасности жизнь свою, особенно во время свирѣпствующихъ на сѣверѣ Сибири снѣжныхъ бурановъ. Плодомъ этого путешествія было обращеніе ко Христу тысячъ инородцевъ. Въ то же время миссіонеръ дѣятельно изучалъ нравы, обычаи и разныя нарѣчія якутскихъ инородцевъ. Принявъ монашество, Д. въ 1867 г. былъ возведенъ въ санъ епископа якутскаго, викарія камчатской епархіи, а когда, въ 1870 г., открыта была въ Якутскѣ епископская каѳедра, ему была ввѣрена новая якутская епархія. Въ санѣ епископа Д., какъ и раньше, многократно предпринималъ миссіонерскія путешествія по своей необъятной епархіи. Перемѣщенный въ 1883 г. въ уфимскую епархію, преосв. Д. управлялъ ею до послѣднихъ дней своей жизни; сконч. 8 сент. 1896 г. Памятникомъ миссіонерскихъ трудовъ преосв. Д. остались составленныя и изданныя имъ азбука и грамматика якутскаго языка, а также исполненные имъ переводы на тотъ же языкъ священныхъ, богослужебныхъ и духовно-нравственныхъ книгъ.

Эти переводы были напечатаны по благословенію Св. Синода въ московской синодальной типографіи подъ наблюденіемъ самого Д., командированнаго для этого въ Москву (1857—1859 гг.). Именно изданы были въ переводѣ на якутскій языкъ всѣ книги Новаго Завѣта, кромѣ Апокалипсиса, изъ книгъ Ветхаго Завѣта—кн. Бытія и Псалтирь, изъ богослужебныхъ—Служебникъ съ требникомъ, Канонникъ, Часословъ, а для поученій—соч. подъ заглавіемъ «Указаніе пути въ царствіе небес-

ное» (преосв. Иннокентія) и нѣсколько поученій на разные случаи, при чемъ текстъ печатался обыкновенными славянскими буквами, а немногіе звуки, не имѣющіе соотвѣтствующихъ въ русскомъ языкѣ, изображены особыми понятными знаками.

Подробн. см. въ «Уфим. Епарх. Вѣд.» и «Церк. Вѣд.» за 1896 г. *С. Сергіевскій.*

Діоскоръ, епископъ александрійскій, преемникъ Кирилла; въ 444 г. предсѣдательствовалъ въ 449 г. на такъ называемомъ «разбойничьемъ соборѣ» въ Ефесѣ, который низложилъ константинопольскаго патріарха Флавіана, но самъ былъ осужденъ и низложенъ вселенскимъ соборомъ халкидонскимъ (451 г.) и изгнанъ въ Гангръ, въ Пафлагонію, гдѣ и умеръ въ 454 г. См. *Евтихій* и *Ефесъ*.

ДМИТРЕВСКІЙ Иванъ Ивановичъ—писатель XVIII в. Сынъ протоіерея рязанской губ., родился въ 1754 г., образованіе получилъ въ ряз. дух. семинаріи, куда поступилъ въ 1767 г., и завершилъ въ московской дух. академіи. По окончаніи образованія, въ 1778 г. поступилъ въ ряз. семинарію преподавателемъ еврейскаго и греческаго языковъ, а послѣ перешелъ на преподаваніе риторики и философіи. Въ то же время, какъ обладавшему ораторскими способностями, ему поручено было обученіе произносить проповѣди духовныхъ лицъ, которыя назначались проповѣдниками при архіерейскомъ служеніи. Впослѣдствіи Д. состоялъ переводчикомъ при Св. Синодѣ, былъ въ должности секретаря рязанской и тамбовской консисторіи, а съ 1800 г. по 1805 г. преподавалъ въ московскомъ университетѣ классическіе предметы. Съ 1805 г. былъ въ отставкѣ.

Занимая различныя должности, Д. въ то же время трудился и на литературномъ поприщѣ. Отъ него осталось нѣсколько сочиненій, изъ которыхъ нѣкоторыя въ свое время пользовались извѣстностью и не могли ею не пользоваться, и въ краткій срокъ выдерживали по нѣскольку изданій. Таковъ, напр., его трудъ: «Историческое, догматическое и таинственное изъясненіе литургіи», съ 1804 по 1812 г. выдержавшій четыре изданія. Сочиненіе это должно было потребовать отъ автора много труда. Оно состоитъ изъ 6-ти частей: въ 1 части приводятся свидѣтельства Св. Писанія о св. евхаристіи, выясняется значеніе литургіи и какъ она совершалась во времена апостольскія; во 2—говорится, какъ приготовлять себя къ литургіи, о св. храмѣ, одеждахъ и сосудахъ; въ 3—изъясняется проскомидія; въ 4—литургія оглашенныхъ; въ 5—литургія вѣрныхъ, а въ 6—толкованіе Симеона Солунскаго на литургію. Кромѣ этого труда, Д. принадлежатъ «Благоговѣйныя размышленія при слушаніи литургіи» (Спб. 1831 г., М. 1839 и 1842 г.), также «Историческое и юридическое розысканіе о бракахъ» (извѣстно въ рукописи) и «О началѣ Владиміра, о перенесеніи столицы изъ Кіева и о бывшихъ тамъ великихъ князьяхъ» (М. 1802 г.). Помимо самостоятельныхъ произведеній, Д. оставилъ послѣ себя нѣсколько переводовъ съ греческаго. Таковы: «Климента, папы римскаго, (первое) посланіе къ Коринѳянамъ» (1781 г.); «Исократа, аѳинейскаго оратора и философа, политическія рѣчи»; «Рѣчь первая Демосѳена противъ Филиппа». Біографія Д. представлена въ «Краткомъ начертаніи жизни и трудовъ сочинителя книги «Изъясненіе на литургію».

См. *Филарета* черниг. Обз. дух. лит. кн. 2, стр. 411—412.

ДМИТРЕВСКІЙ Василій Никол.—преподаватель псковской дух. семин., уроженецъ калуж. губ.; по окончаніи курса въ казанской дух. академіи (1871 г.), проходилъ разныя должности, въ самарской сем. преподавалъ Св. Писаніе, а въ псковской церк. исторію. Въ своей магист. диссертаціи подъ заглавіемъ: «Александрійская школа. Очеркъ изъ исторіи духовнаго просвѣщенія отъ I до начала V в. по Р. Хр.» авторъ поставилъ себѣ задачею выяснить съ православной точки зрѣнія значеніе Александрійской школы въ исторіи христіанской церкви и духовнаго просвѣщ. за время существованія этой школы, при чемъ точкою опоры автору служилъ взглядъ на школу правосл. церкви, какъ онъ, чуждый раціонализма протестантовъ, а равно и излишняго пристрастія р.-католиковъ, выразился въ признаніи Климента и Оригена только учителями, а не отцами церкви. Все вниманіе автора сосредоточено «на изученіи внутренняго развитія школы, на положеніи ученія замѣчательнѣйшихъ представителей школы, на опредѣленіи заслугъ школы въ исторіи христіанской церкви» и о всѣхъ вопросахъ авторъ «трактуетъ на основаніи самостоятельнаго изученія твореній замѣча-

тельнѣйшихъ представителей школы». Въ планѣ сочиненія вездѣ видна стройность и логичность, а также «нельзя не признать и особой способности автора обращать вниманіе на наиболѣе важныя стороны изучаемаго предмета».

См. отз. доц. *С. Терновскаго.* Журн. сов. каз. дух. ак. 1883 г. 11 мая.

ДМИТРІЕВСКІЙ Алексѣй Аѳанасьевичъ—ордин. проф. кіевской дух. академіи по каѳедрѣ церковной археологіи и литургики, докторъ церковной исторіи. Уроженецъ астрах. губ., образованіе получилъ въ астраханской духовной семинаріи и завершилъ въ казанской духовной академіи, гдѣ прослушалъ курсъ лекцій по церковно-практическому отдѣленію, на IV курсѣ изучалъ гомилетику и окончилъ курсъ въ 1882 г. со степенью кандидата богословія. Въ томъ же 1882 г. допущенъ былъ къ къ чтенію лекцій въ академіи въ званіи приватъ-доцента при каѳедрѣ литургики, въ 1883 г. получилъ степень магистра богословія. Въ 1889 г. перешелъ въ кіевскую духовную академію, гдѣ былъ утвержденъ въ должности доцента по каѳедрѣ церковной археологіи и литургики; въ 1896 г. удостоенъ совѣтомъ кіевской дух. академіи степени доктора церковной исторіи и съ того же года состоитъ ординарнымъ профессоромъ академіи. Для научныхъ изслѣдованій проф. Д. былъ, по ходатайству совѣта академіи, командированъ на Востокъ (съ 1 сент. 1887 г. по 1 сент. 1888 г.).

Въ богословской литературѣ проф. А. Д. извѣстенъ очень многими трудами, преимущественно историко-литургическаго и археологическаго характера. Магистерскую диссертацію проф. Д. писалъ на тему «Богослуженіе въ русской церкви въ XVI в. Часть I. Службы круга седмичнаго и годичнаго и чинопослѣдованія таинствъ. Историко-археологическое изслѣдованіе съ примѣчаніями». Казань, 1884 г. Работать на эту тему авторъ началъ, еще будучи студентомъ академіи, и тогда уже его трудъ обратилъ на себя вниманіе совѣта академіи своими достоинствами и былъ удостоенъ преміи митроп. Іосифа. Задачей себѣ авторъ поставилъ описать всѣ особенности богослужебныхъ чинопослѣдованій XVI в. и объяснить историческое происхожденіе этихъ особенностей; для этой цѣли были обслѣдованы съ рѣдкимъ трудолюбіемъ рукописи соловецкой, синодальной, типографской библіотекъ, Румянцевскаго музея, Троице-Сергіевой лавры, Волоколамскаго мон. и московской дух. академіи. Благодаря своему трудолюбію авторъ оба подлежащіе элемента своей темы «сумѣлъ обработать съ совершенно достаточною полнотою и основательностью»; его сочиненіе даетъ «много новаго и весьма цѣннаго для науки о богослуженіи». И вообще это сочиненіе является «весьма солиднымъ вкладомъ въ науку археологіи вообще и археологіи православнаго богослуженія въ частности, какъ по новости и обилію обработаннаго въ немъ матеріала, такъ и по характеру обработки этого матеріала, вполнѣ научному» (Изъ отз. доц. П. Красносельцева. Журн. сов. каз. дух. акад. 1882 г., засѣд. 14 дек.). Литературная дѣятельность проф. А. Д. отличается неутомимостью; имъ помѣщено въ дух. журналахъ множество статей, изъ которыхъ заслуживаютъ быть отмѣченными особенно слѣдующія: «Богослуженіе въ русской церкви въ первые пять вѣковъ» («Прав. Соб.», 1882 и 1883 гг.); «Способы опредѣленія времени написанія рукописей безъ опредѣленныхъ датъ вообще и богослужебныхъ рукописей въ частности» (Рѣчь предъ защитою диссертаціи. «Прав. Соб.», 1884 г. XII); «Діаконъ Иванъ Ѳедоровъ, первый книгопечатникъ» («Прав. Обозр.», 1883 г.); «Греческіе нѣжинскіе храмы и ихъ капитальный вкладъ въ церковно-археологическій музей при кіевской духовн. академіи» (ib. 1885 г.); «Описаніе нѣжинскихъ рукописей, поступившихъ въ церковно-археологическій музей при кіевской духовной академіи» («Тр. Кіев. д. ак.» 1885 г.); нѣсколько статей въ «Руководствѣ для сельск. пастырей» за 1885 г. — «Чинъ скрыванія новобрачныхъ» (№ 2), «Чтеніе Евангелій на шестой и въ первые три дня страстной седмицы» (№ 8), «Выносъ плащаницы на вечернѣ въ великой пятокъ» (№ 9), «Выходъ священнослужителей на средину храма предъ плащаницу для пѣнія непорочныхъ въ великую субботу на утрени» (№ 10), «Выносъ плащаницы и евангелія на утрени въ великую субботу и хожденіе съ ними кругомъ храма» (№ 10), «Чтеніе Евангелія въ первый день Пасхи на разныхъ языкахъ и обряды, сопровождающіе это чтеніе» (№ 13) и др.; «Вечернія свѣтильничныя молитвы» (ib.

1886 г., 33 и 36); «Утреннія (свѣтильничныя) молитвы» (ib. 42); «Что нужно пѣть вмѣсто стихиры: «Видѣхомъ свѣтъ истинный» въ субботу предъ Троицынымъ днемъ»? (ib. 10); «Путешествіе по Востоку и его научные результаты», отчетъ о заграничной командировкѣ въ 1887 — 88 г., съ приложеніями («Тр. кіев. дух. академіи» 1890 г., отд. изд. Кіевъ 1890 г.); «Современное богослуженіе на православномъ Востокѣ», историко-археологическое изслѣдованіе, вып. 1, К. 1891 г.; «Библіотеки рукописей на Синаѣ и Аѳонѣ»; «Русскіе на Аѳонѣ. Очеркъ жизни и дѣятельности архимандрита Макарія (Сушкина), игумена на Аѳонѣ» («Стран.» 1892 г., II—1893 г. V. Отд. от. 1894 г.); «Древнееврейская синагога и ея богослужебныя формы въ отношеніи къ древне-христіанскому храму и его богослужебнымъ формамъ» Каз. 1893 г.; «Богослуженіе страстной и пасхальной седмицъ въ св. Іерусалимѣ по уставу IX—X вв.» («Прав. Соб.» 1889 г., III; отд. от. Каз. 1894); „Чинъ пещнаго дѣйствія. Историко-археологическій этюдъ. 1894 г.»; «Патмосскіе очерки. Изъ поѣздки на Патмосъ лѣтомъ 1891 г.» К. 1894 г.; «Типиконъ» («Тр. кіев. дух. ак.» 1896 г. XII); «Описаніе литургическихъ рукописей, хранящихся въ библіотекахъ православнаго Востока». Т. I, ч. I. Типика. 1896 г.; «Православное русское паломничество на Западъ (въ Бар-градъ и Римъ) и его насущныя нужды». Кіевъ 1897 г. (изъ «Тр. кіев. дух. академіи» 1897 г.); «Архіепископъ елассонскій Арсеній и его вновь открытые историческіе мемуары» («Тр. кіев. дух. академіи» 1898 г. I); «Пандократорскій константинопольскій монастырь XII в. и его Типикъ, данный императоромъ Іоанномъ Комненомъ» («Тр. кіев. дух. академіи» 1895, VIII); «Къ исторіи кіевской Трехсвятительской церкви за вторую половину XIII столѣтія» («Тр. кв. дух. академіи» 1899 г., I); «Незабвенной памяти профессоровъ А. С. Павлова и Н. Ф. Красносельцева» (ib.); «Древнѣйшіе патріаршіе Типиконы: іерусалимскій и константинопольскій» («Тр. кіев. дух. академіи» 1901 г.). Описаніе восточныхъ рукописей, въ виду его научной цѣнности, печаталось на казенный счетъ. Нѣкоторыя изъ перечисленныхъ сочиненій проф. А. Дмитріевскаго были удостоиваемы почетныхъ отзывовъ и денежныхъ наградъ. Такъ, за сочиненіе «Богослуженіе страстной и пасхальной седмицъ въ св. Іерусалимѣ по уставу IX—X вв.» автору была присуждена юбилейная премія преосв. Макарія въ 1000 р.; за сочиненіе «Патмосскіе очерки»—Макарьевская премія въ 800 р. («Журн. сов. академіи» 1894 г., декабрь). Кромѣ того ему принадлежатъ статьи въ «Тр. кіев. дух. академіи» за 1900 г.: «Новоизбранный патріархъ александрійскій Фотій (Пероглу) (По личнымъ воспомин.)» (V); «Послѣдніе дни, кончина и погребеніе высокопреосв. Іоанникія, митр. кіевскаго и галицкаго», за 1901 г.: «Недостатки современнаго церк.-религ. воспитанія и причины, ихъ породившія» и др. Вообще проф. Дм. является однимъ изъ самыхъ дѣятельныхъ тружениковъ въ области церковной археологіи и его труды въ этой области носятъ печать солидной эрудиціи.

ДОБРОДѢТЕЛЬ и порокъ. Человѣку, какъ извѣстно, врождена такъ называемая «нравственная потребность» (о ней см. ниже подъ этимъ словомъ). Какъ всѣ другія врожденныя же ему потребности, и данная предъявляетъ съ своей стороны извѣстныя права, такъ что человѣкъ такъ или иначе, но непремѣнно ее удовлетворяетъ, по необходимости ее насыщаетъ. Всѣ его проявленія въ данномъ случаѣ контролируются такъ называемымъ «нравственнымъ чувствомъ», всегда отзывающимся въ отношеніи къ нимъ «одобрительно» или «порицательно» (о «*нравств. чувствѣ*» см. ниже подъ этимъ словомъ). Этотъ контроль, какъ извѣстно, неизбѣженъ и неотвратимъ. Наша дѣятельность, направленная къ удовлетворенію нравственной потребности и непрерывно оцѣниваемая нравственнымъ чувствомъ, съ теченіемъ времени постепенно начинаетъ получать болѣе или менѣе опредѣленный характеръ, т. е. или большею частью *только* одобряется со стороны того чувства, или большею частью *только* порицается, — или иначе: становится *вообще* или согласною съ требованіями нравственнаго закона, или несогласною. Въ концѣ концовъ создается въ человѣкѣ такимъ путемъ прочное и опредѣленное внутреннее «настроеніе»: нравственно-доброе или нравственно-дурное, — добродѣтельное или порочное; человѣкъ называется добродѣтельнымъ или порочнымъ,—владѣющимъ добродѣтелью или проникнутымъ порокомъ. Отсюда добродѣтель вообще справедливо

опредѣляется, какъ «нравственно пріобрѣтенная сила (способность) къ нравственно»-доброму «поступанію» (Shultz). Порокъ—такого же рода «способность къ нравственно»-дурному «поступанію». Внутреннее «настроеніе» человѣка, разумѣется, недѣлимо. Отсюда естественно можно говорить только объ «одной» добродѣтели или объ «одномъ» порокѣ. А такъ какъ это «настроеніе» проявляется обыкновенно по тѣмъ или другимъ частнымъ поводамъ, въ той или иной формѣ, словомъ—неодинаково у различныхъ людей, притомъ въ зависимости отъ ихъ индивидуальныхъ свойствъ и наклонностей, также у каждаго неодинаковыхъ, и проч., то естественно получаются различныя добродѣтельныя обнаруженія человѣка, многочисленныя, равно какъ такого же рода и обнаруженія порочныя: у однихъ сильнѣе развиваются однѣ стороны, у другихъ—иныя, у этихъ—въ одномъ направленіи, у тѣхъ—въ другомъ и т. п.; короче сказать: получается возможность говорить о различныхъ добродѣтеляхъ и порокахъ, но именно въ указанномъ смыслѣ, условномъ, какъ о проявленіяхъ единой въ сущности добродѣтели или единаго въ сущности порока. А такъ какъ «настроеніе» человѣческаго *я* ни въ одно мгновеніе не остается неподвижнымъ, но или продолжаетъ усиливаться въ прежнемъ направленіи, или ослабѣваетъ, или принимаетъ въ себя элементы совершенно новаго порядка и проч. (о какомъ-либо застоѣ въ отношеніи къ живому человѣку говорить невозможно), то добродѣтель человѣческая постоянно находится еще въ процессѣ «происхожденія». То же надлежитъ сказать и о порокѣ. Такъ будетъ продолжаться и всегда, пока наша нравственная свобода не достигнетъ стадіи идеальнаго своего развитія, т. е. не станетъ или «идеально-доброю», или «идеально-злою»; а достигнуть такого своего состоянія она никогда не будетъ въ силахъ, но можетъ только приближаться къ нему или удаляться отъ него (подробности по этому поводу чит. въ статьѣ о *нравственной свободѣ*). Предложенныя общія соображенія о добродѣтели и порокѣ примѣнимы одинаково какъ въ христіанской этикѣ, такъ и въ этикѣ вообще, потому что «христіанская нравственность должна быть не чѣмъ инымъ, какъ человѣческою нравственностью» вообще, но «опредѣленною христіанскимъ принципомъ», а «христіанская добродѣтель», слѣдовательно, «должна быть христіански-окрашенною человѣческою добродѣтелью». Если способность или «сила поступать нравственно» будетъ «поставлена» подъ регулирующее вліяніе «разумной личности—познавательной, какъ и волевой»,—а она должна быть поставлена, потому что это условіе должно быть налицо тамъ, гдѣ рѣчь объ «основаніи какъ христіанской добродѣтели, такъ и всякой другой»; то возникнутъ «индивидуальныя добродѣтели: мудрость, мужество» (и «воздержаніе», которое является въ сущности «только одною стороною мужества»). «Но въ христіанствѣ», какъ извѣстно, «всякая чистая нравственная сила разсматривается, какъ полученная отъ Бога и на Немъ покоющаяся». Отсюда естественно, что «христіанская», въ частности, «добродѣтель, въ отличіе отъ добродѣтели, какъ ее понимаетъ философія, должна ближе опредѣляться религіознымъ», специфически христіанскимъ оттѣнкомъ, именно «признаками смиренія и вѣры съ надеждою (πίστις, ἐλπίς)». Первое, совершенно незнакомое философской этикѣ, особенно сильно и отчетливо обособляетъ христіанское добродѣтельное настроеніе отъ всякаго другого и является весьма характернымъ. То же до извѣстной степени надлежитъ сказать и о второй и третьей добродѣтеляхъ, относимыхъ въ христіанской этикѣ къ разряду такъ называемыхъ богословскихъ. Далѣе, въ христіанской этикѣ наиболѣе имѣющею силу и смыслъ добродѣтелью является, какъ извѣстно, любовь, опредѣляющая собою духъ отношеній человѣка и къ Богу-Творцу, Промыслителю, Искупителю..., и къ себѣ самому—образу Божію, чаду любви Божіей..., и къ ближнимъ—братьямъ по плоти, по искупленію... Между тѣмъ въ этикѣ «философской» въ основу такъ называемыхъ соціальныхъ отношеній человѣка ставится, какъ опредѣляющая ихъ норма, добродѣтель «справедливости», признаваемая всецѣло и христіанствомъ, но растворяемая здѣсь въ самой большой добродѣтели—любви. Въ этой послѣдней заключается слѣдующее: а) «обнаруженія другихъ принимаются въ духѣ любви» (отсюда возникаютъ — «благодарность, долготерпѣніе»); б) «право, довѣріе—основы всякаго нравственнаго общества»,

поддерживаемыя любовію и питаемыя ею, выдвигаютъ, благодаря ей, добродѣтели— «справедливость, правдивость» (вѣдь и самая справедливость въ сущности есть лишь только одна сторона любви»); в) любовь же «связываетъ тамъ, гдѣ это возможно», членовъ «общества» тѣми или иными узами (отсюда имѣемъ добродѣтельныя проявленія въ родѣ «дружественности, доброты»)... Словомъ, возникновеніе такъ называемыхъ «соціальныхъ добродѣтелей» изъ любви въ христіанской этикѣ понятно и объяснимо. Не касаясь прочихъ, болѣе частныхъ добродѣтелей, такъ или иначе уже заключающихся въ вышеотмѣченныхъ, должно замѣтить, что «религіозный источникъ христіанской» нравственности и «христіанская цѣль общества» даютъ возможность, какъ мы видѣли, внутренно и существенно объединить между собою, съ одной стороны, четыре «главныхъ добродѣтели древней этики» (мужество, мудрость, воздержаніе, справедливость) и, съ другой, три «богословскихъ»— христіанской (вѣру, надежду и любовь)... (Schultz). Что сказано о христіанской добродѣтели, ея проявленіяхъ..., достаточно поясняетъ собою и то, что касается обнаруженій, тѣмъ противоположныхъ, т. е. пороковъ. Такъ, если способность человѣка къ «нравственной дѣятельности» не будетъ подлежать регулирующему вліянію со стороны его «разумной личности», тогда возникнутъ обнаруженія, противоположныя вышеотмѣченнымъ, напр. неразуміе, трусость или дерзость, невоздержность. Если будетъ игнорироваться человѣкомъ отношеніе его нравственнаго поведенія къ Богу, тогда о «вѣрѣ» и «надеждѣ» а также и «любви», какъ богословскихъ добродѣтеляхъ, говорить не придется; а вмѣсто послѣднихъ предъ нами выступятъ: невѣріе съ различными его видами, отчаяніе, ненависть и проч., и проч. При отсутствіи христіанскихъ основаній для любви или при попраніи ихъ не могутъ установиться болѣе или менѣе прочныя нормальныя взаимоотношенія людей,—скорѣе же устанавливаются отношенія нравственно-дурныя, когда заявляютъ о себѣ ненависть, несправедливость, ложь, неблагодарность и прочія, противоположныя вышеотмѣченнымъ, обнаруженія... Такъ обстоитъ дѣло съ вопросомъ о добродѣтели и порокѣ, понимаемыхъ въ *возможно общемъ* смыслѣ. Подробности о каждой изъ отдѣльныхъ добродѣтелей см. въ соотвѣтствующихъ статьяхъ. Въ задачу же настоящей рѣчи о нихъ не входитъ.

Литература. *О. І. Л. Янышева*, «Православно-христіанское ученіе о нравственности» (Москва, 1887 г., стр. 121—123 и друг.); *Шульцъ*, «Grundriss der evang. Ethik» (2 Aufl. Götting. 1897; S. 57—59) и др. См. также въ многочисленныхъ нравоучительныхъ системахъ отдѣлы, посвященные данному вопросу: напр. у *Лютардта* («Kompendium der theologischen Ethik»; 2 Aufl. Leipz. 1898; S. 121 и слѣд., гдѣ объясняется самое слово «добродѣтель», устанавливается «понятіе» о ней, излагается ученіе о ней «древнихъ», «Нов. Завѣта», «древней церкви», «средневѣковаго богословія», «реформатскаго богословія»...), Дорнера, Вуттке, Мартенсена и весьма многихъ иныхъ. Въ указанной литературѣ можно найти отвѣты на всѣ вопросы, которые въ настоящей статьѣ или только намѣчены, или совершенно нами игнорированы.— По вопросу о «порокѣ» чит., помимо указанныхъ нравоучительныхъ системъ и подобныхъ имъ, литературу, отмѣченную, напр., у Лютардта (ibid., S. 76); но особенно сочиненіе о. *Т. И. Буткевича*: «Зло, его сущность и происхожденіе» (Харьк., 1897 г.).

А. Бронзовъ.

ДОБРОКЛОНСКІЙ Александръ Павловичъ, магистръ богословія. Сынъ протоіерея Павловскаго посада московской губ., родился въ 1856 г., окончилъ курсъ ученія въ московской духовной акад. въ 1880 г. со степенью кандидата богословія и въ томъ же году послѣ публичной защиты диссертаціи на тему «Сочиненіе Факунда, еписк. герміанскаго, въ защиту трехъ главъ» получилъ степень магистра богословія. По окончаніи курса академіи былъ назначенъ преподавателемъ въ пензенскую духовную семинарію, гдѣ прослужилъ съ 1 авг. 1880 г. по февраль 1881 г., а съ 1881 г. по 1892 г. состоялъ преподавателемъ гражданской и русской церковной исторіи въ рязанской духовной семинаріи; въ 1892 г. мартѣ мѣсяцѣ перешелъ преподавателемъ въ московскую духовную семинарію и совмѣстно съ этой должностью съ декабря 1892 г. состоялъ приватъ-доцентомъ московскаго университета при каѳедрѣ церковной исторіи; съ 2 окт. 1899 г. состоитъ и. д. экстраордин. профессора новороссійскаго университета по каѳедрѣ церковной исторіи. Магистерская диссертація Д. «Сочиненіе Факунда, епископа герміанскаго, въ защиту 3 главъ. Историко-критическое изслѣдованіе изъ эпохи V всел. собора», Москва 1880, въ свое время обра-

тила на себя вниманіе на Западѣ (см. Theolog. Literaturz. 1880, № 26, ст. проф. Harnack'а). Кромѣ того перу Д. принадлежатъ много статей въ період. изданіяхъ. Изъ нихъ отмѣтимъ сл.: «Александрійская образованность, какъ сфера, благопріятствовавшая происхожденію христіанской Александрійской школы» («Чтен. въ Общ. люб. дух. просв.» 1880. II); «Христіанское ученіе Θеодора Мопсуестскаго» (ibid. IV); «Отношеніе европейскихъ правительствъ къ католичеству и католической церкви во второй половинѣ XVIII в.» (ibid. VIII—IX); «Руководство по исторіи русской церкви» вып. I (1884), II (1886), 2 изд. Ряз. 1889; вып. III (Москва, 1889. Изъ «Душеп. Чт.» 1889), вып. IV (Москва, 1893, ibid. 1892—1893 гг.). Руководство это было одобрено учебн. комит., рекомендовано въ качествѣ хорошаго учебнаго пособія по предмету русск. церк. ист. въ духовн. семинаріяхъ и удостоено, I—II, вып. половинной, а IV—полной преміи митр. Макарія, выдаваемой отъ Св. Син. за учебн. пособ. (см. «Церк. Вѣстн.», 1887, № 10; Циркуляръ по дух.-учеб. вѣд. 1892; № 11 и др.). «Рѣчь 6 апр. 1885 г. по случаю юбилея св. Меθодія Моравскаго» («Чт. въ Общ. люб. дух. просв.» 1885, V—VI, перепеч. въ Сборн. на память 1000-лѣтн. юбилея св. Кирилла и Меθодія, Рязань, 1885); «Православно-католическая унія и возсоединеніе уніатовъ въ Россіи» (ibid. 1889, XI); «Иноземныя вліянія, самодѣятельность и прогрессъ въ исторіи русской церкви» («Чтен. въ общ. люб. дух. просв.» 1893, IV); «Религіозность въ древней и новой Россіи» («Душеп. Чтен.», 1893, XII—1894, II»); «Св. Стефанъ, епископъ Пермскій» («Моск. Церк. Вѣдом.», 1896, XVI); «О новооткрытыхъ изреченіяхъ Іисуса Христа» (ibid. 1898, II) и др.

ДОБРОНРАВОВЪ Николай Павловичъ, священникъ, магистръ богословія. Сынъ священника моск. епархіи, род. въ 1861 г.; образованіе получилъ—среднее въ моск. дух. семинаріи, а высшее въ моск. дух. академіи, въ которой окончилъ курсъ въ 1885 г. со степенью кандидата богосл. и съ правомъ на степ. магистра богосл., въ каковой степени и былъ утвержденъ въ томъ же 1885 г. послѣ предварительной публичной защиты диссертаціи. Съ 1885 по 1890 г. состоялъ преподавателемъ по Св. Писанію, по догматическому, нравственному и основному богословію, а вмѣстѣ и по еврейскому языку въ виθанской дух. семинаріи; въ 1889 г. принялъ священный санъ, а въ слѣдующемъ 1890 г. былъ назначенъ законоучителемъ Александровскаго военнаго училища; съ 1892 г. преподаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ Законъ Божій въ седьмой московской мужской гимназіи, а также состоитъ членомъ правленія виθанской дух. семинаріи, по выбору духовенства московской епархіи. Въ 1900 г. распоряженіемъ министра народнаго просв. былъ вызванъ въ С.-Петербургъ для участія въ трудахъ Высочайше учрежденной комм. по вопросу объ улучшеніяхъ въ средней общеобразовательной школѣ.

Магистерская диссертація о. Д. имѣетъ темой: «Книга пророка Іоиля», Москва, 1885 г. Кромѣ этого сочиненія о. Д. извѣстенъ очень многими трудами въ русской богословской литературѣ. Таковы: «Обѣтъ Іеφθая» («Прав. Обозр.», 1888 г. III); «Православіе и народность» (ib. 1889 г. II); «Клятва въ христіанствѣ» (ibid. IV); „О воскресеніи Господа нашего Іисуса Христа и о Его явленіяхъ по воскресеніи. Критическій разборъ гипотезы Фихте-младшаго» (ibid. 1891 г. IV); «Взглядъ Дёллингера на папство» (Чтен. въ Общ. любит. дух. просв. 1891 г. Т. I); «Пророчица Маріамъ, сестра Моисея» (ibid. 1893 г. II; отд. изд.), «Ветхозавѣтный праздникъ Пятидесятницы» (ibid. 1894 г. V—VI и отд. изд.); «Греческія изданія Православнаго Палестинскаго Общества, вышедшія въ 1894 г.» (ibid. 1894 г. IX, X, XI, XII); «Распятіе на крестѣ» («Душепол. Чтен.» 1893 г. IV и отд. изд.); «Мысли протоіерея А. М. Иванцова-Платонова о смерти и загробной жизни» (ibid. 1895 г. II и отд. изд.); «Къ вопросу объ отпущенія грѣховъ въ римско-католической церкви» (ibid. 1896 г. XII и отд. изд.); «Святый Алексій, митрополитъ всероссійскій и чудотворецъ» («Пастырск. Собес.» 1895 г., отд. 2 изд.); «Христіанское воззрѣніе на смерть» («Радость христіанина» 1898 г. IV и отд. изд.); «Древнія церковныя пѣснопѣнія въ недѣлю Ваій и въ первый день Пасхи по греческой рукописи XII вѣка» (ibid. 1900 г. III); «Древнія молитвы на благословеніе ваій. Греческій подлинникъ и переводъ съ примѣчаніями» (ibid. 1901 г. III); «Объ изобра-

женіи четырехконечнаго креста на евхаристическомъ хлѣбѣ. Историческая замѣтка» («Моск. Церк. Вѣдом.» 1897 г. IX); „О значеніи раздѣленія антидора» (ibid. 1891 г. XI); «Вода обличенія» (ibid. 1897 г. IV); «Новый чинъ панихиды въ англиканской церкви» (ibid. V); „Боговоплощеніе и Евхаристія» (рядъ статей въ «Моск. Церк. Вѣд.» и отд. изд.); «Къ вопросу о сатанинскихъ чудесахъ» (рядъ статей, ibid. 1899—1900 г.); «О таинствахъ православной Церкви и объ отличіи ихъ отъ обрядовъ» (ibid. 1900 г. VIII); «Въ защиту покойнаго протоіерея А. М. Иванцова-Платонова отъ нападокъ на него А. П. Лебедева» (рядъ статей, ibid. 1899 г. X—XII и отд. изд.) и др. Помимо перечисленныхъ трудовъ, о. Д. принадлежатъ множество библіографическихъ и др. мелкихъ замѣтокъ, проповѣдей и рѣчей, помѣщенныхъ въ разныхъ духовн. журналахъ и свѣтск. газетахъ. Съ 1900 г. подъ его редакціей и съ его примѣчаніями издаются «Религіозно-нравственныя бесѣды для образованныхъ дѣвицъ и женщинъ умершаго проф. импер. моск. университета, протоіерея А. М. Иванцова-Платонова, записанныя его покойной дочерью Анною Иванцовой (по мужу Добронравовой)». Въ 1902 г. вышелъ первый выпускъ его новаго труда: «Исторія апостольскаго времени». *Д.*

ДОБРОСМЫСЛОВЪ Димитрій Алексѣевичъ—преподаватель богословскихъ предметовъ въ сам. духовной семинаріи, магистръ богословія. Сынъ священника симбирской губ., род. въ окт. 1864 г. По оконч. курса въ казанской духов. академіи (1890 г.) со степенью кандидата богословія, въ іюнѣ 1893 г. получилъ степ. магистра богословія, въ коей и утвержденъ Св. Синодомъ въ томъ же году (20 сент.). Въ своей магистерской диссертаціи на тему: «Мнѣнія отцовъ и учителей церкви о ветхозавѣтномъ обрядовомъ законѣ Моисея», Казань, 1893 г. (первоначально печаталось въ «Православн. Собесѣдн.», 1892 VI — 1893 IV), авторъ поставилъ себѣ задачей «отыскать мнѣнія отцовъ, разсѣянныя въ многочисленныхъ ихъ сочиненіяхъ, и изложить эти мнѣнія въ системѣ такъ, чтобы получилось общее представленіе объ обрядовомъ законѣ». Этой цѣли авторъ достигаетъ вполнѣ, такъ что его сочиненіе «представляетъ собою очень обстоятельное и систематическое изложеніе мнѣній святыхъ отцовъ и учителей церковныхъ о в.-завѣтномъ обрядовомъ законѣ Моисея и указаніе высокаго значенія этихъ мнѣній въ богословской наукѣ». Всѣ мнѣнія изложены «съ особенной ясностью, полнотою и обстоятельностью», при чемъ авторъ сопоставляетъ отеческія воззрѣнія со взглядами, выработанными западнымъ богословіемъ, отмѣчая согласіе этихъ послѣднихъ съ первыми, или же несогласіе. «Сочиненіе отличается полною самостоятельностью» (Изъ отзыв. профф. Я. Богородскаго и Ѳ. Терновскаго. Журн. сов. каз. дух. акад. 1892 г., засѣд. 8 іюня). Въ 1896 г. на VII макарьевскомъ конкурсѣ богословск. сочиненій при Свят. Синодѣ сочиненіе Д. удостоено было почетнаго отзыва, согласно рецензіи проф. кіевск. дух. акад. А. А. Олесницкаго. Кромѣ того перу Д. принадлежатъ: «Философія Н. И. Пирогова по его «Дневнику» («Вѣра и Раз.», 1893 г. VI, VII и IX. Отд. отт. Харьковъ, 1893 г. Отзывъ въ «Прав. Вѣстн.», 1893 г., № 209, «Русск. Жизни», № 254, «Философск. ежегодн.» Колубовскаго 1893 г., стр. 55—56); «Евангельскія заповѣди о блаженствахъ, какъ ученіе о высшихъ степеняхъ христіанской нравственности сравнительно съ в.-завѣтнымъ закономъ» («Вѣра и Раз.», 1899 г., XI), отд. отт. подъ заглавіемъ «Постановка и раскрытіе заповѣди о любви въ нравств. законѣ евангельскомъ сравнительно съ закономъ в.-завѣтнымъ» Харьковъ, 1900 г.; «О церковно-каноническомъ законѣ противъ браковъ въ родствѣ» («Вѣра и Р.», 1900 г. Отд. отт. Харьковъ, 1900 г.). *Д.*

ДОВМОНТЪ, св. князь псковскій, происходилъ изъ литовскаго рода князей Нальщанскихъ, въ 1263 году убилъ великаго князя литовскаго Миндовга за похищеніе своей супруги и бѣжалъ съ 300 литовскихъ семействъ въ Псковъ, гдѣ принялъ крещеніе съ именемъ Тимоѳея. Черезъ годъ псковичи признали его своимъ княземъ и выпросили ему руку княжны Маріи Димитріевны, внучки св. Александра Невскаго. Довмонтъ прославился своими побѣдами надъ литовцами и ливонцами, часто нападавшими на псковскія земли. Послѣ нѣсколькихъ опустошительныхъ походовъ въ Литву Д. навелъ страхъ на литовцевъ и надолго обезопасилъ Псковъ отъ набѣговъ ихъ. Еще болѣе важна была борьба

его съ нѣмцами, утвердившимися въ Ливоніи и отсюда пытавшимися распространить свое владычество и р.-католическую вѣру въ областяхъ новгородскихъ и псковскихъ. Въ 1268 году Д. участвовалъ вмѣстѣ съ другими русскими князьями въ славной Раковорской битвѣ ихъ съ нѣмцами. Правому крылу русскаго войска, надъ которымъ начальствовали Д. и тесть его Димитрій, русскіе были обязаны побѣдой надъ нѣмцами; послѣ этой побѣды Д. со своимъ войскомъ прошелъ весь Раковорскій (Везенбургскій) округъ и возвратился со множествомъ плѣнныхъ. Спустя нѣсколько дней послѣ Раковорской битвы нѣмцы тайно вступили въ предѣлы псковскіе и ограбили нѣсколько селъ. Д. съ отрядомъ въ 60 человѣкъ догналъ ихъ на р. Мироповѣ и разбилъ отрядъ ихъ въ 800 челов. Тогда магистръ Ливонскаго ордена Отто фонъ-Реденштейнъ собралъ 18 тысячъ войска и со стѣнобитными машинами пошелъ на Псковъ, грозя сравнять Псковъ съ землей. Помолившись въ Троицкомъ соборѣ, Д. сдѣлалъ удачную вылазку противъ осадившихъ городъ враговъ, нанесъ рану самому магистру и истребилъ нѣсколько тысячъ нѣмцевъ. На десятый день осады подошли войска новгородскіе и нѣмцы должны были бѣжать, послѣ чего они заключили съ Д. миръ. Въ память этой побѣды (8 іюня) Д. построилъ храмъ въ честь дневного святого, Ѳеодора Стратилата, а въ память битвы на р. Мироповѣ поставилъ храмъ св. Георгія. Кромѣ того выстроилъ храмъ въ честь своего ангела, Тимоѳея, еп. газскаго. Въ началѣ 1299 года нѣмцы снова напали на Псковъ, опустошая окрестности. Престарѣлый князь вышелъ противъ нихъ и 5 марта разбилъ ихъ на р. Великой. Въ томъ же году 20 мая Д. скончался послѣ тяжелой болѣзни; псковичи искренно оплакали его и похоронили въ Троицкомъ соборѣ. Черезъ годъ скончалась и благочестивая супруга его Марія, въ иночествѣ Марѳа.

Д. отличался глубокою религіозностію, проводилъ жизнь въ постѣ и молитвѣ, помогалъ всѣмъ нуждающимся, посѣщалъ темничныхъ узниковъ, строго наблюдалъ за правосудіемъ въ судахъ. Кромѣ указанныхъ церквей онъ построилъ женскій монастырь въ память Рождества Пресв. Богородицы и укрѣпилъ городъ каменною стѣною, стоявшею до XVI вѣка. Въ Псковѣ рано началось почитаніе Д., какъ святого. Въ 1374 г. въ Довмонтовой стѣнѣ устроена была церковь во имя Д., а служба ему была составлена въ XVI вѣка послѣ нашествія Баторія, короля польскаго. Въ трудныя для Пскова времена св. Д. вмѣстѣ съ другимъ покровителемъ города, св. княземъ Всеволодомъ Гавріиломъ, неоднократно являлся благочестивымъ людямъ и спасалъ городъ отъ враговъ.

Литература. Собр. лѣт. I, 58—61, 67; II, 201—202; III, 58; I, 192—193; IV. 180, 183, 182, 193—194; V, 195, 192, 193, 6, 7; Никонов. лѣт. III, 46—50, 55—56; Степ. кн. I, 387, 389; Ист. княж. Псков. I, 84—85; III, 76; Ист. *Карамзинъ*, IV, 92—97; *Филаретъ*, Русс. святые, т. 2.

А. Кремлевскій.

ДОГМАТЪ. Обрусѣвшее слово догматъ есть греческое существительное δόγμα отъ глагола δοκέω, отъ прошедшаго совершеннаго времени его—δέδογμαι. Какъ въ самомъ греческомъ языкѣ, такъ и въ другихъ языкахъ, заимствовавшихъ изъ него слово догматъ, это послѣднее всегда означало и теперь означаетъ именно безспорную истину, твердо установленное положеніе, нѣчто въ родѣ математической или логической аксіомы, возвѣщаемое притомъ публично и потому общеобязательное, т. е. на практикѣ за нимъ удержалось одно изъ второстепенныхъ его значеній. Краткій очеркъ употребленія слова догматъ у классическихъ писателей, въ Библіи, въ твореніяхъ отцовъ и учителей церкви и у богослововъ покажетъ наглядно, какія значенія имѣло и теперь имѣетъ это слово.

У Платона въ «Государствѣ» догматами называются правила или нормы относительно справедливаго и прекраснаго, которыя должны быть внушаемы дѣтямъ. Демосѳенъ догматами называетъ гражданскіе законы. Цицеронъ (Quest. acad.) свидѣтельствуетъ, что догматами называются такія положенія философіи или мудрости, которыхъ никто не можетъ отвергать, не погрѣшая противъ истины, такъ какъ нельзя отвергать законъ истины и правды. По словамъ Цицерона съ понятіемъ догмата или опредѣленія (decretum) соединяется представленіе объ устойчивомъ и твердомъ, чего нельзя поколебать никакими доводами. Сенека (Ep. 95) догматами называетъ основоположенія собственно нравственнаго закона, при чемъ отъ нихъ должно отличать вытекающія изъ нихъ конкретныя и частныя

предписанія. Такимъ образомъ у классическихъ писателей, греческихъ и римскихъ, догматъ означало безспорную умозрительную философскую истину, общее нравственное основоположеніе, нравственное и эстетическое правило, гражданскій законъ. Вообще же оно означало у нихъ несомнѣнно-истинное и безспорное основоположеніе или правило, относящееся къ области философіи теоретической, философіи практической или нравоучительной и къ законодательству.

Въ Ветхомъ Завѣтѣ, въ переводѣ LXX, слово догматъ употреблено въ книгѣ Даніила (**2**, 13; **3**, 10; **6**, 8) и въ книгѣ Есѳирь (**3**, 9), и во всѣхъ случаяхъ означаетъ постановленія верховной власти, царскіе указы. И въ священныхъ книгахъ Новаго Завѣта догматъ означаетъ законъ, то гражданскій, то священный или Божій. Такъ, въ Евангеліи отъ Луки (**2**, 1) догматомъ названо повелѣніе кесаря о производствѣ всенародной переписи (ср. Дѣян. **17**, 7). Въ книгѣ Дѣяній (**16**, 4; ср. **15**, 22, 25) догматами названы постановленія апостольскаго собора, а въ посланіяхъ къ Колоссянамъ (**2**, 14) и Ефесянамъ (**2**, 15)—постановленія закона Моисеева. Согласно съ этимъ Іосифъ Флавій ученіе ветхозавѣтнаго Священнаго Писанія называетъ догматами Божіими (C. Apion. I, 8). Но ученіе Христа и апостоловъ, въ частности какъ умозрительныя истины этого ученія, такъ и практическія правила или нравственные законы его, въ Священномъ Писаніи нигдѣ не названы догматами.

Но отцы и учители церкви именно ученіе Христа и апостоловъ стали называть догматами. Такъ, Игнатій Богоносецъ въ Посланіи къ Магнезіанамъ (13 гл.) христіанское ученіе, и, повидимому, собственно нравственное христіанское ученіе, называетъ догматами Господними и апостольскими. Климентъ Александрійскій въ Строматахъ основоположенія христіанскаго ученія называетъ догматами. Оригенъ христіанское ученіе называетъ догматами Божіими (Homil. in Matth.), спасительными догматами (О началахъ) или просто догматами (Contra Celsum). Іустинъ Мученикъ и Викентій Лиринскій также называютъ все вообще христіанское ученіе догматомъ, догматами. Но въ IV и въ V вѣкѣ отцы Востока догматами стали называть собственно умозрительныя истины христіанскаго ученія, ученіе въ тѣсномъ смыслѣ слова, въ отличіе отъ нравственныхъ правилъ и законовъ. Такъ, Кириллъ Іерусалимскій говоритъ, что для благочестивой жизни необходимы и благочестивые догматы и добрыя дѣла (Оглас. слово 4-е). Григорій Нисскій утверждаетъ, что Іисусъ Христосъ (Матѳ. **28**, 19, 20) христіанскій образъ жизни дѣлитъ на нравственную часть и на строгое соблюденіе догматовъ (Пис. 6). Василій Великій отличаетъ догматъ отъ проповѣди, какъ ученія для всѣхъ открытаго, яснаго и касающагося нравственности. Златоустъ, изъясняя слова апостола, выражающія желаніе его, чтобы Іисусъ Христосъ утвердилъ христіанъ во всякомъ благомъ словѣ и дѣлѣ, говоритъ, что сказанное «относится и къ догматамъ вѣры и къ правиламъ дѣятельности» (На 2-е Посл. къ Сол. бес. 4-я). Сократъ въ своей Исторіи отличаетъ нравоучительную проповѣдь отъ разсужденій о догматахъ. Блаж. Ѳеодоритъ, оканчивая 23-й главой догматическую часть своего «Сокращеннаго изложенія божественныхъ догматовъ», говоритъ: «У мужей богоносныхъ, разумѣю пророковъ, апостоловъ и ихъ преемниковъ, заимствовала церковь эти догматы... А такъ какъ мерзкіе еретики повредили и нравственное ученіе, то покажемъ, какъ мудрствуетъ церковь въ ученіи о нравственности».

Въ средніе вѣка слово догматъ не было употребительно. Болѣе употребительнымъ въ богословіи это слово стало только во второй половинѣ XVII и особенно въ XVIII и въ XIX в. Протестанты въ XVIII в. и даже нѣсколько раньше стали словомъ догматъ обозначать теоретическое или умозрительное ученіе христіанства, или вѣроученіе, въ отличіе отъ нравоученія, какъ это было еще въ IV в. Въ это же время самая наука, излагающая христіанское вѣроученіе, стала называться догматическимъ богословіемъ въ отличіе отъ богословія нравственнаго. Потомъ названіе «догматическое богословіе», сокращенно «догматика», стали употреблять и богословы другихъ исповѣданій. Въ настоящее время слово догматъ для обозначенія богословской истины, а также слово догматика или догматическое богословіе, какъ названіе науки, излагающей христіанскіе догматы, употребляются богословами всѣхъ церквей и исповѣданій.

По существу своему христіанскіе догматы суть умозрительныя истины христіанской вѣры, содержащія въ себѣ истинныя понятія о тріединомъ Богѣ, объ Его отношеніи къ міру и въ особенности къ свободно-разумнымъ существамъ, о мірѣ, его происхожденіи, концѣ и назначеніи, о свободно-разумныхъ существахъ, особенно о человѣкѣ, его происхожденіи, первобытномъ и настоящемъ состояніи, о конечной судьбѣ и назначеніи, осуществляемомъ чрезъ воплотившагося Сына Божія во Святомъ Духѣ. Говоря иначе, христіанскіе догматы учатъ о тріединомъ Богѣ, въ Его существѣ и свойствахъ, о Богѣ, какъ творцѣ, промыслителѣ, спасителѣ, судіи и мздовоздаятелѣ, и о человѣкѣ со стороны его религіознаго состоянія; о его грѣховномъ состояніи и отчужденіи отъ Бога и о возстановленіи и осуществленіи его союза съ Богомъ чрезъ Христа Спасителя, о его благодатномъ состояніи въ церкви, осуществляемомъ силою Святого Духа и приготовляющемъ его къ вѣчной блаженной жизни съ Богомъ.

По своему источнику христіанскіе догматы суть истины богооткровенныя, содержащіяся скрыто (implicite) или явно (explicite), въ Священномъ Писаніи Ветхаго и Новаго Завѣта, извлекаемыя оттуда, изъясняемыя и преподаваемыя людямъ чрезъ посредство истинной церкви Христовой, которая, подъ руководствомъ обитающаго въ ней Святого Духа, сама содержитъ полноту истинной христіанской вѣры и непогрѣшимо рѣшаетъ и возвѣщаетъ людямъ, какъ должно понимать и въ какихъ словахъ выражать содержащіяся въ Св. Писаніи догматическія истины, а неправильныя догматическія ученія, извращенія догматовъ и измышленные догматы отвергаетъ, какъ ересь, и упорствующихъ въ ересяхъ отъ себя отлучаетъ или анаѳематствуетъ. Кромѣ Священнаго Писанія внѣшнею основою или фундаментомъ, на которомъ утверждаются вѣросознаніе церкви и ея догматическія вѣроопредѣленія, служитъ еще священное преданіе или вѣросознаніе церкви предшествующихъ вѣковъ, выразившееся въ писаніяхъ ея великихъ святыхъ отцовъ и въ соборныхъ вѣроопредѣленіяхъ. Какъ истины богооткровенныя, догматы у святыхъ отцовъ называются догматами Божіими, божественными, Христовыми, евангельскими, апостольскими. Святые отцы и еретическія ученія называли догматами, конечно потому, что и въ нихъ содержались положенія о предметахъ вѣры, и еще потому, что сами еретики считали ихъ догматами; но отцы называли ихъ догматами нечестивыми, или какъ иначе, показывая тѣмъ, что ихъ догматы—догматы не настоящіе, ложные.

Основныя свойства истинныхъ христіанскихъ догматовъ слѣдующія:

а) Они безусловно истинны. Они почерпаются изъ Священнаго Писанія, которое, какъ слово самого Бога, содержитъ только чистую и безусловную истину и совершенно чуждо не только лжи, но и свободно отъ ошибокъ. Изъясняются, опредѣляются и проповѣдуются они непогрѣшимо святою и истинною церковію. Они суть основоположенія христіанской вѣры, а христіанская вѣра есть не только совершеннѣйшая изъ всѣхъ религій, но и безусловно истинная и безусловно совершенная религія. Итакъ христіанскіе догматы безусловно истинны и по своимъ источникамъ, и по самому существу своему. Догматъ—не богословское мнѣніе, хотя бы и истинное, а безусловно-истинное, твердое положеніе.

б) Они безусловно авторитетны. Это свойство принадлежитъ даже и философскимъ и юридическимъ догматамъ. Въ древней философіи философскія положенія назывались и признавались догматами со стороны послѣдователей ея по уваженію къ чрезвычайной мудрости философовъ. Въ области права догматами называются законы и царскіе указы, которые безпрекословно должны исполнять всѣ подданные этого царя въ силу самаго своего подданства ему и его верховной власти надъ ними, независимо даже отъ того, хороши или нѣтъ законы сами по себѣ. Но авторитетъ философа-мудреца ограниченъ, такъ какъ и мудрецы могутъ ошибаться. Ограниченъ авторитетъ и царя-законодателя, потому что онъ власть свою получаетъ отъ Бога, а отчасти и отъ народа, какъ совокупности поколѣній и всего наличнаго числа его сочленовъ. Кромѣ этого, какъ философъ можетъ заблуждаться, такъ и законодатель можетъ ошибаться: и тотъ и другой, какъ люди, несовершенны, а потому ученіе перваго и законы второго не могутъ имѣть безусловнаго авторитета. И это ясно обнаруживается въ томъ, что даже величайшія творенія философовъ по истеченіи времени

уже не оказываютъ того могущественнаго вліянія, которое они производили въ свою эпоху, и даже подвергаются забвенію, затѣняемыя твореніями новыхъ великихъ философовъ; равнымъ образомъ и законы, даже хорошіе, по времени отмѣняются или забываются и замѣняются новыми. Не таковы догматы христіанской вѣры, догматы богословскіе. Они—плодъ не человѣческаго ума, хотя бы и геніальнаго, но все-таки несовершеннаго, а суть истины божественныя. Ихъ открыли людямъ пророки и апостолы, вѣщавшіе не отъ себя, а отъ Святого Духа, и Іисусъ Христосъ, а Іисусъ Христосъ—Богочеловѣкъ и даже по человѣческой Своей природѣ безгрѣшенъ, Онъ—*путь, истина и животъ*. Церковь, чрезъ посредство которой догматы возвѣщаются людямъ, имѣетъ своимъ главою Христа, оживляется и освящается Святымъ Духомъ и потому свята и въ догматическомъ своемъ ученіи непогрѣшима. Догматы, какъ слово самого Бога и вдохновенныхъ Богомъ посланниковъ и какъ ученіе учрежденной и руководимой Богомъ церкви, имѣютъ авторитетъ Божій, безусловный, неограниченный.

в) Какъ безусловно истинные и безусловно авторитетные, какъ истины божественныя, догматы *непререкаемы* или *безспорны*. Поэтому члены церкви, кто бы они ни были, не только не должны измѣнять или принимать только отчасти, или отвергать какой-либо изъ догматовъ, но не должны даже и сомнѣваться въ нихъ.

г) Они существенно важны, необходимы для спасенія и отсюда общеобязательны. Догматы составляютъ главную, основоположительную сторону христіанства, суть теоретическія или умозрительныя основы его. Поэтому вѣра въ нихъ и исповѣданіе ихъ необходимы для спасенія человѣка. Извращающій или отвергающій хотя бы нѣкоторые изъ нихъ есть еретикъ, не истинный христіанинъ и не спасется; а отвергающій всѣ или главные изъ нихъ не есть даже христіанинъ. Вотъ почему принимающихъ христіанство предварительно научаютъ основнымъ догматамъ христіанскимъ, и они обязаны исповѣдать свою вѣру въ эти догматы прежде совершенія надъ ними крещенія.

д) Они суть истины религіозныя, богословскія. Этимъ признакомъ они отличаются отъ другихъ безспорныхъ истинъ, напр. отъ математическихъ аксіомъ, отъ логическихъ законовъ, которые хотя безусловно истинны, безспорны и общеобязательны, но по существу своему суть истины свѣтскія, а не религіозныя, а потому хотя и могутъ быть названы догматами, но математическими, логическими или философскими, а отнюдь не религіозными или богословскими.

е) Они неизмѣнны и по существу своему не могутъ развиваться или совершенствоваться. Этимъ они существенно отличаются отъ истинъ, добываемыхъ человѣческимъ умомъ, и превосходятъ ихъ. Эти послѣднія почти всегда бываютъ, такъ сказать, только отчасти вѣрны, въ нихъ истина смѣшана съ заблужденіемъ и ложью, или по крайней мѣрѣ онѣ не содержатъ всей полноты истины. Поэтому, съ развитіемъ человѣчества, по мѣрѣ расширенія его кругозора и усовершенствованія его познаній, положенія, считавшіяся въ свое время безспорными и великими истинами, замѣняются новыми положеніями, точнѣе и полнѣе объемлющими предметы. Но и эти положенія въ свою очередь подвергаются переработкѣ и замѣняются понятіями болѣе совершенными. Такимъ путемъ постепеннаго и долговременнаго усовершенствованія люди мало-по-малу приближаются къ идеалу истиннаго знанія. Но христіанство, какъ религія божественная и совершенная, содержитъ истину чистую, безъ примѣси лжи, и полную настолько, что люди даже не могутъ всю обнять ее. Развиваются не догматы, а можетъ развиваться и дѣйствительно развивается во всѣхъ отношеніяхъ усвоеніе и пониманіе ихъ людьми. Человѣкъ можетъ болѣе и болѣе углубляться въ содержаніе ихъ, шире охватывать его, полнѣе понимать его, яснѣе сознавать его и соотвѣтственнѣе выражать въ словѣ и письмѣ. Въ этомъ и состоитъ усовершенствованіе богословія и въ частности догматическаго богословія.

ж) Они суть истины вѣры. Это значитъ не то только, что они—истины религіозныя, но и то, что они воспринимаются не столько познающимъ разумомъ, сколько вѣрующимъ сердцемъ. Іисусъ Христосъ во время Своей жизни на землѣ требовалъ вѣры въ Себя, какъ Сына Божія и посланника Отца. Церковь свое сокращенное изложеніе основныхъ догматовъ назвала символомъ вѣры. Начиная его словомъ

„вѣрую", она заявляетъ, что она вѣруетъ въ христіанскіе догматы, что они воспринимаются вѣрою. Особенно это должно сказать о догматахъ непостижимыхъ или тайнахъ вѣры, а между тѣмъ они-то именно и составляютъ основную и важнѣйшую часть христіанскаго вѣроученія. Знаніе догматовъ вѣрою въ нихъ не исключается, а, напротивъ, чрезъ вѣру и силою вѣры облегчается и воспособляется уразумѣніе и возможное для человѣка познаніе ихъ.

з) Они суть догматы церковные. Это не значитъ однако, будто церковь создаетъ новые догматы; догматовъ, которыхъ не дано въ Священномъ Писаніи, церковь создавать не можетъ и никогда не создавала,—церковь только извлекаетъ догматы изъ содержанія Священнаго Писанія, провозглашаетъ ихъ какъ догматы, изъясняетъ и опредѣляетъ ихъ смыслъ, выражаетъ ихъ въ точныхъ словахъ, требуетъ отъ своихъ членовъ исповѣданія ихъ, отвергаетъ и проклинаетъ извращенія ихъ и положенія, противныя догматамъ или несогласныя съ ними.

и) Они суть догматы православные. Названіе догматовъ церковными было вполнѣ точно и опредѣленно, пока христіанство совмѣщалось въ одной нераздѣльной церкви. Но теперь есть много христіанскихъ церквей и исповѣданій. Большинство догматовъ исповѣдуется во всѣхъ нихъ. Въ этомъ, какъ и во многомъ другомъ, они согласны между собою и съ древнею вселенскою церковью. Но затѣмъ между ними есть и различія. Самыя важныя изъ различій—догматическія. Въ нѣкоторыхъ исповѣданіяхъ есть недостатокъ догматовъ. Такъ, во всѣхъ протестантскихъ исповѣданіяхъ таинствамъ, кромѣ крещенія и причащенія, приписывается обрядовое, а не догматическое значеніе. Въ другихъ исповѣданіяхъ есть излишекъ въ догматахъ. Такъ, въ римско-латинской церкви есть догматы о непогрѣшимости папы, о непорочномъ зачатіи Богоматери, о чистилищѣ, о сверхдолжныхъ заслугахъ святыхъ, объ исхожденіи Святого Духа и отъ Сына; у кальвинистовъ есть догматъ о безусловномъ предопредѣленіи. Между тѣмъ эти ученія— не догматы, а заблужденія. Иныя исповѣданія содержатъ догматы въ извращенномъ видѣ. Такъ, римско-латинская церковь неправильно и незаконно причащаетъ мірянъ только подъ однимъ видомъ—хлѣба; ученіе ея о первородномъ грѣхѣ близко къ пелагіанскому; напротивъ, протестантство слишкомъ уже преувеличиваетъ разстройство человѣческой природы грѣхомъ и т. п. Вообще въ разныхъ исповѣданіяхъ одни и тѣ же догматы понимаются не одинаково, а иногда и совсѣмъ различно, что особенно бросается въ глаза при сравненіи протестантизма съ рим.-католицизмомъ. Однимъ словомъ, вѣроученіе любой церкви и исповѣданія отличается отъ вѣроученія каждаго изъ прочихъ исповѣданій и церквей и количествомъ догматовъ, и характеромъ ихъ пониманія. Поэтому-то есть догматика православная, римско-латинская, лютеранская, реформатская, англиканская и др. Но какъ ни значительно число церквей и исповѣданій, все-таки истинная Христова церковь одна. Мы вѣруемъ и исповѣдуемъ, что эта истинная церковь Христова есть церковь греко-россійская или восточная,—вѣруемъ на томъ основаніи, что эта церковь въ своемъ вѣроученіи или догматахъ не отступила отъ древней вселенской церкви, истинность которой признаютъ, даже вынуждены признавать, и другія церкви и исповѣданія. Истины христіанскаго вѣроученія, исповѣдуемыя православною церковію, и называются догматами православными или догматами православной церкви.

А. Бѣляевъ.

ДОГМАТИЧЕСКОЕ БОГОСЛОВІЕ или сокращенно догматика, называется еще «христіанскимъ вѣроученіемъ». Для обозначенія, какой именно церкви или какого исповѣданія излагается вѣроученіе, присоединяется названіе церкви или исповѣданія. Отсюда названія: православно-догматическое богословіе, православное вѣроученіе; догматическое богословіе или вѣроученіе католическое, лютеранское, евангелическое, реформатское и друг. Эти названія стали общеупотребительными въ послѣдніе два вѣка, а прежде эта наука имѣла иныя и притомъ различныя названія, какъ это видно будетъ ниже изъ обзора исторіи ея.

Догматическое богословіе какъ наука. Излагающая догматы христіанской вѣры, христіанское вѣроученіе, догматика есть систематическое и научное изложеніе всей совокупности христіанскихъ догматовъ. Догматика, подобно нравственному, полемическому и апологетическому или основному

богословію, есть наука систематическая и вмѣстѣ съ этими тремя науками составляетъ одну группу богословскихъ наукъ, называемую систематическимъ богословіемъ, и многіе богословы соединяли въ одну систему съ догматическимъ нравственное богословіе, иные—гапологетическое,иные—полемическое, а иногда совмѣстно излагались и всѣ эти виды богословія. Шлейермахеръ, раздѣливши все богословіе на три вида: систематическое, историческое и практическое, причислилъ догматику къ историческому богословію на томъ основаніи, что каждое время имѣетъ свою догматику. Основаніе нетвердое. Пусть догматика развивается и съ каждою эпохою измѣняется, но то же бываетъ и со всѣми другими науками; однако можно ли всѣ науки признать историческими? Догматика въ сравненіи съ другими науками даже менѣе всего подвержена перемѣнамъ, ибо объективное содержаніе ея—догматы, какъ почерпаемое изъ пребывающаго неизмѣннымъ Священнаго Писанія, всегда одно и то же. Перемѣны и судьбы догматики излагаются въ особой наукѣ—«исторіи догматики». Что касается до историческаго изложеніи самихъ догматовъ, то оно составляетъ только часть догматики, а въ новое время оно выдѣлилось даже въ особую, отдѣльную отъ догматикѣ, науку—«исторію догматовъ». За немногими исключеніями, всѣ богословы,—древніе, средневѣковые, новаго времени, православные, римско-латинскіе, протестантскіе,—излагали догматику систематически. Но подъ систематическимъ изложеніемъ догматовъ должно разумѣть не выведеніе всѣхъ ихъ изъ одного какого-либо догматическаго основоположенія, какъ въ философіи иногда изъ одного начала выводится все содержаніе цѣлой системы, а объединеніе всѣхъ частныхъ догматовъ около одного или нѣсколькихъ основныхъ догматовъ. Такими основоположеніями въ догматикѣ служатъ ученіе о тріединомъ Богѣ, ученіе о лицѣ и дѣлѣ Христа. Ученіе о тріединомъ Богѣ является объединяющимъ началомъ въ символѣ вѣры, въ догматикахъ православныхъ и римско-латинскихъ и во многихъ протестантскихъ; а ученіе о лицѣ и дѣлѣ Христа принимается за центральный догматъ въ нѣкоторыхъ протестантскихъ догматикахъ, напр. у Томазія. Содержаніе догматики можно группировать и объединять и около другихъ догматическихъ основоположеній. Такъ, напр., въ нашей книгѣ «Любовь божественная» главнѣйшіе христіанскіе догматы раскрыты изъ начала любви Божіей. Извѣстный протестантскій богословъ Ричль въ основу своей догматической системы положилъ идею царства Божія и въ этомъ дѣлѣ онъ имѣлъ предшественниковъ въ нѣмецкомъ богословіи. Даже въ русскомъ богословіи въ этомъ предупредилъ его Иннокентій (Борисовъ), положившій въ основаніе своихъ догматико-апологетическихъ лекцій идею царства Божія. И даже въ глубокой древности апологетико-историческій, а отчасти и догматическій, матеріалъ объединилъ идеею царства Божія блаженный Августинъ въ своемъ обширномъ сочиненіи «О градѣ Божіемъ». Были опыты и дедуктивнаго, чисто философскаго построенія догматики изъ одного начала. Такъ, Шлейермахеръ въ своей догматикѣ попытался вывесть все христіанское вѣроученіе изъ всецѣлаго чувства зависимости человѣка отъ Бога. Но его опытъ и показываетъ, что вывесть съ логическою необходимостію изъ одного начала все догматическое содержаніе христіанства невозможно. Его антропологическій принципъ догматики оказался слишкомъ узокъ, чтобы изъ него возможно было вывести всѣ христіанскіе догматы, и его догматика неполна. По самому характеру своему чисто выводная догматика будетъ собственно религіозная философія, философія вѣры, общѣе—религіи, а не догматика. Трудно и даже невозможно ожидать и надѣяться, чтобы такая религіозная философія или чисто раціональная догматика совпала по своему содержанію и духу съ положительной догматикой, почерпающей свое содержаніе не изъ разума, а изъ Откровенія. Правда, законы разума даны намъ Богомъ, и потому естественное или натуральное богословіе (theologia naturalis), какъ плодъ разума, не должно бы быть въ противорѣчіи съ положительнымъ или сверхъестественнымъ Откровеніемъ, тоже даннымъ отъ Бога. Но силы и способности нашего духа ограниченны и, кромѣ того, онѣ ослаблены, извращены и повреждены грѣхомъ. А между тѣмъ въ положительномъ Откровеніи, есть такія истины, называемыя тайнами вѣры, до которыхъ разумъ не только не можетъ самъ домыслиться, но не можетъ вполнѣ понять ихъ даже и

послѣ того, какъ онѣ были сообщены ему Богомъ въ положительномъ Откровеніи. И эти истины суть самые основные догматы христіанства, каковы ученіе о Троицѣ, о воплощеніи Сына Божія въ лицѣ Христа, объ искупленіи Имъ человѣческаго рода, о благодати. При непостижимости основныхъ догматовъ христіанской вѣры разумъ окажется безсильнымъ вывесть все догматическое содержаніе христіанства изъ одного начала даже и въ томъ случаѣ, если богословъ не будетъ упускать изъ вида откровенное вѣроученіе, будетъ даже стараться не разойтись съ нимъ.

Не только объективные принципы или матеріальныя основоположенія своей науки, но даже и частныя, составляющія содержаніе ея, истины догматистъ не отыскиваетъ и не открываетъ, а беретъ готовыя изъ Откровенія чрезъ посредство догматическаго ученія своей церкви. Этимъ догматика, какъ и все богословіе вообще, существенно отличается отъ философіи и всѣхъ свѣтскихъ наукъ. Правда, и въ философіи, и въ свѣтскихъ наукахъ объекты познанія тоже даны. Они здѣсь тѣ же, что и въ богословіи—Богъ, міръ, человѣкъ. Въ познавательныхъ способностяхъ человѣка даны органы и указаны пути и способы познанія этихъ объектовъ, предустроенъ и самый процессъ познанія; но результаты познанія не предопредѣлены. Въ человѣка вложено стремленіе къ истинѣ, но при осуществленіи этого стремленія въ познаніи человѣкъ встрѣчается со многими трудностями и часто ложь принимаетъ за истину, а истину отвергаетъ, какъ ложь. Какъ бы то ни было, открытіе истины составляетъ основную задачу философіи и всѣхъ свѣтскихъ наукъ. Но для догматиста эта задача въ строгомъ смыслѣ слова не существуетъ, потому что догматическія истины даны въ Откровеніи и въ церковномъ вѣроученіи, и догматисту нѣтъ надобности и даже возможности отыскивать и открывать ихъ. Такъ называемыхъ *открытій*, бывающихъ въ естествознаніи, въ философіи и въ историческихъ наукахъ, въ догматикѣ не можетъ быть. Однако и въ области догматики могутъ быть и бывали заблужденія, и даже тяжкія, каковы еретическія ученія; а съ другой стороны появлялись творенія, исполненныя чистой и возвышенной истины. Такимъ образомъ догматиста не менѣе, чѣмъ всякаго иного ученаго, должно одушевлять стремленіе къ истинѣ, и онъ долженъ употреблять усилія къ достиженію истины. Но достиженіе ея для него состоитъ не въ открытіи, а въ раскрытіи истины. Напр., намъ уже изъ Откровенія извѣстна истина, что Іисусъ Христосъ есть Спаситель человѣческаго рода; открыть эту истину нельзя и не нужно. Задача догматиста по отношенію къ ней состоитъ въ томъ, чтобы твердо вѣровать въ нее и побѣдить сомнѣнія, если бы они стали закрадываться въ душу, всецѣло воспринять ее, правильно и возможно глубоко понять ее, полно и всесторонне раскрыть ее и опредѣлить ея отношеніе къ другимъ догматамъ. И такая задача безмѣрна, такъ что не только одинъ человѣкъ, хотя бы и геніальный, но даже и все человѣчество никогда не исчерпаетъ ее до конца, никогда не достигнетъ совершеннаго пониманія догмата спасенія; хорошо уже и то, если человѣчество болѣе и болѣе будетъ приближаться къ нему, какъ недостижимому идеалу. Въ связи съ этой положительной задачей стоитъ отрицательная—разоблаченіе и опроверженіе неправильныхъ ученій о догматѣ. Эта задача составляетъ предметъ уже другой науки; успѣшное выполненіе ея невозможно безъ отличнаго знанія и пониманія положительнаго вѣроученія. А какого труда стоила церкви борьба съ ересями, это извѣстно изъ исторіи этихъ послѣднихъ. Итакъ главная и основная задача догматики состоитъ въ томъ, чтобы возможно полнѣе извлечь догматическій матеріалъ изъ Священнаго Писанія и церковнаго ученія, правильно и глубоко понять и оцѣнить, всесторонне узнать и ясно сознать заключающееся въ этомъ матеріалѣ содержаніе; а для этого нужно сблизить, сроднить съ этимъ содержаніемъ весь духъ свой, сдѣлать библейско-церковное ученіе вѣры своею вѣрой, своею мыслію, пережить его, какъ мысль и чувство своего духа, имѣть глубокое убѣжденіе въ его истинности и божественности. Вторая задача догматиста—въ томъ, чтобы воспринятое и усвоенное духомъ научно изложить, т. е. примѣнить къ догматическому содержанію всѣ лучшіе и наиболѣе надежные научные пріемы, которые примѣняются вообще при обработкѣ матеріала учеными, сообразуясь и съ тѣми спеціальными требованіями, которыя вызываются обработкою собственно догматическаго ма-

теріала, а именно—изложить вѣроученіе систематически, обоснованно, полно, сообразно съ содержаніемъ и духомъ первоисточниковъ христіанскаго вѣроученія. Въ цѣляхъ чисто научныхъ не только можно, но и должно изучать лучшія догматики другихъ исповѣданій, потому что и инославные богословы примѣняютъ научные пріемы съ тщательностію и искусствомъ. Напр., филологическое и историческое изученіе Библіи доведено на Западѣ до высокой степени совершенства и столь же широко разработана тамъ исторія ересей, исповѣданій и церквей, особенно западныхъ и древнихъ. Поэтому у западныхъ догматистовъ можно многому научиться и намъ, православнымъ богословамъ. Но рабское преклоненіе предъ ними вредно даже и въ научномъ отношеніи. Третья задача догматиста—въ томъ, чтобы изложить догматы въ духѣ православной церкви, согласно съ ея ученіемъ, для чего нужно быть самому православнымъ христіаниномъ, сыновне любить свою церковь, твердо вѣровать въ истинность ея ученія и отпечатлѣть ея духъ въ своемъ богословіи.

Успѣху какъ изученія христіанской вѣры, такъ и научнаго построенія догматики вредятъ односторонности: 1) мистицизмъ, придающій чрезмѣрное значеніе чувству въ ущербъ собственно познавательной дѣятельности, приписывающій слишкомъ большую цѣну внутреннему непосредственному воспріятію содержанія вѣры и пренебрегающій внѣшними посредствами богопознанія—ученіемъ церкви и даже ученіемъ божественнаго Откровенія; 2) излишняя и односторонняя разсудочность, ослабляющая непосредственную религіозность и набожность, изсушающая чувство вѣры, охлаждающая теплоту ея, предрасполагающая къ невѣрію въ чудеса и тайны вѣры и приводящая къ извращенному пониманію христіанскихъ догматовъ, а затѣмъ и къ отрицанію ихъ, къ полураціонализму и раціонализму.

Прежде, слитно съ догматическимъ богословіемъ были излагаемы богословія нравственное, полемическое и апологическое. Но въ настоящее время каждая изъ этихъ наукъ настолько разрослась и онѣ настолько обособились другъ отъ друга, что излагать ихъ слитно или совмѣстно въ одной системѣ затруднительно. Пусть догматика есть основаніе и нравственнаго богословія, такъ какъ христіанское нравоученіе имѣетъ свои корни въ христіанскихъ догматахъ, и апологетическаго богословія, такъ какъ обосновывать и защищать приходится именно христіанскіе догматы, и полемическаго богословія, такъ какъ послѣднее излагаетъ и изобличаетъ извращенія христіанскихъ догматовъ; тѣмъ не менѣе въ цѣляхъ научной полноты и обстоятельности каждую изъ этихъ наукъ должно излагать отдѣльно, хотя, конечно, и моралистъ, и апологетъ, и полемистъ, при изысканіяхъ ли частныхъ предметовъ, или при построеніи цѣлаго зданія своихъ наукъ, постоянно должны имѣть въ виду православные догматы, какъ первооснову своихъ трудовъ. Равнымъ образомъ догматистъ хотя и можетъ защищать догматы отъ нападокъ со стороны невѣрующихъ, можетъ также дѣлать изъ догматовъ нравственные выводы, или же касаться догматическихъ извращеній инославныхъ церквей и исповѣданій, но онъ долженъ всего этого касаться только мимоходомъ, кстати. Въ противномъ случаѣ, съ одной стороны, онъ слишкомъ уклонится отъ своей прямой задачи—положительнаго раскрытія христіанскихъ догматовъ, а съ другой, слишкомъ далеко зайдетъ въ область другихъ наукъ, которыя разрабатываются особыми спеціалистами, излишне обременитъ и переполнитъ свою науку предметами, имѣющими къ ней только косвенное отношеніе, которые, притомъ, обстоятельнѣе разсматриваются въ другихъ наукахъ. Для догматиста достаточно и его собственной задачи—положительнаго раскрытія въ цѣлостной системѣ всей совокупности христіанскихъ догматовъ. Говоря это, мы имѣемъ въ виду догматику, какъ науку, какъ систему. А въ трудахъ, посвященныхъ изслѣдованію отдѣльныхъ предметовъ своей науки, догматистъ, конечно, воленъ раскрывать догматы не только положительно, но и выяснять ихъ нравственное значеніе, или защищать ихъ черезъ обстоятельное, спеціально-научное опроверженіе мнѣній невѣрующихъ и раціоналистовъ, или, наконецъ, подробно разъяснять и опровергать неправильные взгляды на догматы богослововъ иныхъ церквей и исповѣданій. Вопросъ объ отношеніи нравственнаго богословія къ догматическому требуетъ еще особаго замѣчанія. Даже и послѣ раздробленія богословія на спеціальности, у латинянъ, а чаще у протестантовъ были опыты

совмѣстнаго изложенія нравственнаго богословія съ догматическимъ. Въ настоящее же время явилась даже какъ бы потребность оживить догматику путемъ сліянія съ нею нравственнаго богословія. Мы, однако, полагаемъ, что и книга чисто догматическаго содержанія, будетъ ли она обнимать цѣлую систему науки, или раскрывать какой-либо отдѣлъ ея, или заключать изслѣдованіе частностей ея, не будетъ лишена теплоты чувства и окажетъ плодотворное вліяніе на читателей, если писавшій ее имѣетъ глубокую вѣру въ истинность христіанскихъ догматовъ, если онъ—истинный христіанинъ и человѣкъ религіозный. Искренность его убѣжденія, сила вѣры, теплота и жизненность чувства сами собой сообщатся его писанію, будетъ ли оно чисто догматическое, или какое иное. А безъ этихъ условій плодотворности всякаго вообще богословскаго произведенія сліяніе нравоученія съ вѣроученіемъ не усилитъ жизненности этого послѣдняго.

Исторія догматическаго богословія. Исторія догматическаго богословія дѣлится на три періода: древній или отеческій, средневѣковый или схоластическій и новаго времени. Сѣменемъ догматическихъ системъ были символы вѣры, появившіеся съ самаго ранняго времени христіанства въ частныхъ церквахъ — іерусалимской, римской, кипрской и другихъ. Сходные между собою по содержанію и изложенію его, они были подробнымъ раскрытіемъ заповѣданной Іисусомъ Христомъ формулы крещенія и содержали краткое исповѣданіе вѣры въ тріединаго Бога—творца и спасителя.

Исторія догматики какъ науки. Первая обширная и ученая догматическая система появилась два столѣтія спустя послѣ начала христіанства, въ 228—230 г. Это—сочиненіе Оригена «О началахъ», дошедшее до насъ не въ греческомъ подлинникѣ, а въ вольномъ переводѣ на латинскій языкъ, сдѣланномъ въ 397—398 г. Руфиномъ. Недавно оно переведено и на русскій языкъ Н. Петровымъ и издано казанской дух. академіей. Сочиненіе Оригена состоитъ изъ четырехъ книгъ; но догматическая система его изложена въ первыхъ трехъ книгахъ, а четвертая книга излагаетъ правила толкованія Священнаго Писанія. Сочиненіе Оригена — догматико-философское; раскрывая церковное ученіе, Оригенъ выставляетъ и свои частныя догматическія мнѣнія, носящія отпечатокъ неоплатонической философіи. Въ IV-мъ вѣкѣ появились «18 огласительныхъ и 5 тайноводственныхъ поученій» св. Кирилла Іерусалимскаго. Это—то же, что теперешнія катихизическія бесѣды. Въ огласительныхъ поученіяхъ разъяснено ученіе символа іерусалимской церкви, а въ тайноводственныхъ раскрыто ученіе о таинствахъ крещенія, миропомазанія и причащенія. Тѣ и другія поученія могутъ быть названы популярно-проповѣднической догматикой. Нѣсколько болѣе ученый и философскій характеръ, нежели эти поученія, имѣетъ «Большое огласительное слово» Григорія Нисскаго. Въ сорока главахъ его сжато, догматико-апологетически изложено христіанское вѣроученіе. На Западѣ сочиненіе напоминающее нынѣшніе катихизисы, появилось въ V-мъ вѣкѣ. Это—«Энхиридіонъ, или Ручная книга къ Лаврентію» блаженнаго Августина. Въ V-мъ же вѣкѣ появилось «Сокращенное изложеніе божественныхъ догматовъ» блаженнаго Θеодорита, епископа кирскаго. Первыя 23 главы этого сочиненія догматическаго, а послѣднія 6 нравоучительнаго и полемическаго содержанія. Это коротенькое, но содержательное сочиненіе составляетъ пятую книгу обширнаго сочиненія Θеодорита подъ заглавіемъ «Краткое изложеніе зловреднаго еретическаго ученія». Въ четырехъ первыхъ книгахъ этого сочиненія опровергаются еретическія ученія. Въ распорядкѣ догматическаго матеріала Θеодориту, повидимому, подражалъ св. Іоаннъ Дамаскинъ. Догматика его подъ заглавіемъ «Точное изложеніе православной вѣры» появилась въ VIII в. и составляетъ вѣнецъ догматической науки отеческаго періода. Свою догматику Дамаскинъ составилъ изъ реченій и мыслей, заимствованныхъ изъ сочиненій знаменитыхъ отцовъ Востока; особенно много заимствовалъ онъ изъ твореній Григорія Богослова и Максима Исповѣдника. Самъ авторъ раздѣлилъ ее на 100 главъ, а ученики Петра Ломбарда раздѣлили ее еще на 4 книги, по образцу догматической системы своего учителя. Догматика Дамаскина всегда пользовалась высокимъ уваженіемъ въ греческой и русской церкви и была многократно переводима на славянскій и русскій языки. На славянскій языкъ ее перевели: въ XII-мъ в. Іоаннъ экзархъ болгарскій, вольно, но чисто и ясно,—перевелъ

только 48 главъ; въ XVI в. князь Андрей Курбскій (Румянц. Библ. № 193, Собр. рук. графа Уварова № 216); въ XVII в. Епифаній Славинецкій, буквально, но темно; въ XVIII в. архіепископъ московскій Амвросій Зертисъ-Каменскій, съ латинскаго. Въ XIX в. она была переведена нѣсколько разъ на русскій языкъ. Неполный переводъ ея при петерб. дух. академіи былъ напечатанъ въ «Христіанскомъ Чтеніи» за 1839, 1840 и 1841 г. Въ Москвѣ она была переведена въ 1834 г. Переводъ ея при московской духовной академіи былъ изданъ въ 1844 г., а въ 1855 г. вышелъ уже 4-мъ изданіемъ. Новый переводъ ея недавно сдѣланъ профессоромъ Бронзовымъ.

Средневѣковый или схоластическій періодъ догматики начинается нѣсколькими вѣками позже средневѣковой эпохи во всемірной исторіи,— именно съ XI-го вѣка. Знаменитыми средневѣковыми схоластическими богословами-догматистами на Западѣ были: Анзельмъ кентербюрійскій, Гуго-а-сенъ-Викторъ, Петръ Ломбардъ, Абеляръ, Александръ Галесъ, Альбертъ Великій, Ѳома Аквинатъ, Дунсъ Скоттъ, Дурандъ, Вильгельмъ Оккамъ и друг. Богословы, державшіеся направленія Ѳомы Аквината, назывались ѳомистами. Послѣдователи Дунса Скотта составляли школу скоттистовъ. Были и другія менѣе распространенныя школы. Самымъ знаменитымъ изъ схоластическихъ богослововъ среднихъ вѣковъ былъ Ѳома Аквинатъ. Его богословіе не забыто и доселѣ. Папа Левъ XIII приказалъ преподавать богословіе Ѳомы въ семинаріяхъ. Поэтому въ послѣдніе годы появилось очень много передѣлокъ и изложеній или цѣлаго богословія Ѳомы, или отдѣловъ его, приноровленныхъ къ потребностямъ современнаго образованія. Богословскія системы схоластиковъ назывались суммами теологіи или суммами мнѣній. По духу, строю и методу обработки средневѣковая схоластическая догматика была соединеніемъ богословія съ философіей, либо Платоновой, либо Аристотелевой. Особенно сильно было тогда вліяніе философіи Аристотеля. Характерныя особенности западнаго средневѣковаго богословія слѣдующія: строгая систематизація догматическаго матеріала, внутреннее развитіе догматической истины по категоріямъ мышленія (дѣйствительность, возможность, необходимость, бытіе, причинность, модальность), отвлеченность мысли, формализмъ, дробность и пунктуальность въ изложеніи, пристрастіе къ утонченнымъ изслѣдованіямъ и остроумнымъ рѣшеніямъ неразрѣшимыхъ вопросовъ, пренебреженіе къ изученію первоисточниковъ догматики—Священ. Писанія и святоотеческихъ твореній (схоластическіе богословы цѣнили и знали почти только одного Августина), предпочтеніе слова мысли, отвлеченной мысли конкретному содержанію, формальной связности и обоснованности фактической истинѣ. Схоластическое богословіе было утонченной логомахіей или философской діалектикой, наукой чисто разсудочной; оно сближалось съ формальной логикой и чистой математикой; было наукой школьной, сухой и безжизненной. Но въ школѣ схоластическое богословіе господствовало не въ одни только средніе вѣка, а продолжало существовать, а иногда и первенствовать, и въ новое время, и не на Западѣ только, а проникло и на Востокъ и было здѣсь школьной наукой нѣсколько вѣковъ. Наряду съ схоластическимъ процвѣтало въ средніе вѣка еще мистическое богословіе. Оно во многомъ противоположно схоластическому богословію: схоластика хотѣла познать откровенную истину разсудкомъ, демонстративно, діалектически, а мистика—благочестивымъ чувствомъ, непосредственнымъ воззрѣніемъ, внутреннимъ убѣжденіемъ; схоластика подчинялась Аристотелю, а мистика—Платону; у схоластиковъ—номинализмъ, у мистиковъ — реализмъ; въ дѣлѣ богопознанія схоластика преувеличивала значеніе разсудка, силлогизмовъ, формальныхъ доказательствъ, діалектики, и въ результатѣ достигала односторонняго, внѣшняго и формальнаго пониманія христіанства, а не полнаго и жизненнаго; мистика, напротивъ, умаляла значеніе разсудочнаго познанія, стремилась сблизить съ религіозной истиной весь духъ, требовала нравственнаго очищенія духа и высшею ступенью богопознанія признавала мистическое созерцаніе Бога. Впрочемъ схоластика и мистика иногда настолько сближались, что одни и тѣ же богословы писали и схоластическія, и мистическія сочиненія, напр. викторинцы. Въ самой мистикѣ въ средніе вѣка было два направленія, нравственно-практическое, примыкавшее къ Августину, и созерцательное, имѣвшее корни свои въ сочиненіяхъ, которыя въ то время приписы-

вали Діонисію Ареопагиту. Въ своихъ сочиненіяхъ мистики разсуждали объ отношеніи вѣры къ знанію, свободы и естественныхъ силъ къ благодати, о любви, о мистическомъ созерцаніи, какъ высшемъ пути познанія и жизни. Мистическій путь жизни сближался съ аскетизмомъ, столь распространеннымъ въ средніе вѣка, а мистическій путь познанія состоялъ преимущественно изъ самоуглубленія, непосредственнаго созерцанія и внутренняго, въ чувствѣ, единенія съ Богомъ. Какъ по содержанію, такъ и по изложенію мистическія сочиненія совершенно непохожи на схоластическія. Герсонъ различалъ три вида богословія: символическое, собственное и мистическое, и признавалъ послѣднее самымъ совершеннымъ. Наиболѣе извѣстны изъ средневѣковыхъ мистическихъ богослововъ были слѣдующіе: Бернардъ Клервосскій, Гуго-а-сенъ-Викторъ, Ричардъ-а-сенъ-Викторъ, Бонавентура, Рюисбрёкъ, Сузо, Таулеръ, Ѳома Кемпійскій, Іоаннъ Герсонъ (ему принадлежитъ теорія мистическаго богословія), Генрихъ Эккартъ (пантеистъ), неизвѣстный авторъ книги: «Нѣмецкое богословіе». Хорошо извѣстны имена Бернарда, Бонавентуры, Герсона; но поистинѣ всемірную извѣстность пріобрѣлъ Ѳома Кемпійскій своимъ сочиненіемъ: «О послѣдованіи Христу». Эта книга переведена на всѣ языки образованныхъ народовъ и разошлась въ тысячахъ изданій. На русскій языкъ перевели ее графъ Сперанскій, К. П. Побѣдоносцевъ и еще неизвѣстный переводчикъ.

Въ средніе вѣка схоластика Запада не проникла на Востокъ, ни въ греческую, ни въ русскую церковь. Но, съ другой стороны, не расцвѣло здѣсь и самостоятельное богословіе. Развитію науки и просвѣщенія не благопріятствовали политическое состояніе и гражданская жизнь христіанскихъ народовъ Востока. Византійская имперія теряла съ внутреннею силою и внѣшнее могущество, а къ эпохѣ новаго времени была завоевана турками и утратила свою самостоятельность. Въ средніе вѣка въ Греціи появились слѣдующія догматическія системы: «Догматическое всеоружіе православной вѣры» Евѳимія Зигабена; «Сокровище православной вѣры» Никиты Хоніата; «Церковные разговоры о единой истинной вѣрѣ Христовой» св. Симеона Солунскаго. По содержанію и характеру эти книги догматико-полемическія. И позже догматическія сочиненія грековъ соединялись съ полемикой, направленной преимущество противъ латинянъ.

Русскій народъ принялъ вѣру отъ грековъ и отъ нихъ же воспринялъ творенія знаменитыхъ отцовъ Востока, напр. Златоуста, Василія Великаго, Аѳанасія Александрійскаго, Іоанна Дамаскина, которыя, въ переводѣ на славянскій языкъ, и замѣняли самостоятельныя сочиненія по богословію. Этихъ послѣднихъ не могло быть въ теченіе многихъ вѣковъ, такъ какъ не было ни высшихъ школъ, ни ученыхъ людей, а монгольскій погромъ и иго надолго подавили начавшіеся было ростки духовнаго просвѣщенія и богословской учености.

Великая эпоха новаго времени началась страшнымъ погромомъ, который произвела реформа Лютера въ латинской церкви. Владѣвшая дотолѣ нераздѣльно и полновластно народами Запада, эта церковь раскололась на двѣ враждебныя части: одна осталась вѣрна преданіямъ своей церкви и главѣ ея—папѣ, другая отдѣлилась отъ нея и составила особое исповѣданіе—протестантское. Въ церковномъ управленіи, дисциплинѣ и богослуженіи протестантство стало на пути, прямо противоположномъ строю латинской церкви. Меньше отступило оно отъ нея въ вѣроученіи, какъ это видно уже изъ того, что оно удержало никео-цареградскій символъ въ качествѣ символа вѣры; тѣмъ не менѣе и вѣроученіе протестантскаго исповѣданія значительно отличается отъ римско-латинскаго. Догматика протестантская совсѣмъ иная, нежели догматика римско-латинской церкви, и имѣетъ свою особую исторію. Поэтому въ эпоху новаго времени, кромѣ исторіи догматики латинской церкви и исторіи догматики православной церкви, мы имѣемъ еще исторію догматики протестантской, которая въ свою очередь имѣетъ развѣтвленія, такъ какъ протестантство распалось на нѣсколько исповѣданій или сектъ. Реформація вызвала усиленную дѣятельность со стороны латинской церкви и ея ученыхъ богослововъ. На судьбы латинскаго богословія оказалъ значительное вліяніе Тридентскій соборъ. На многихъ засѣданіяхъ его были обсуждаемы и рѣшаемы догматическіе вопросы, преимущественно тѣ, въ которыхъ лютеране разошлись съ папистами. На этомъ же соборѣ было положено соста-

вить римскій катихизисъ, изданный позже, при папѣ Піѣ V. Изъ догматистовъ XVI в. самымъ знаменитымъ былъ кардиналъ Беллярминъ съ своимъ ученымъ и искусно составленнымъ обширнымъ догматико-полемическимъ сочиненіемъ: Disputationes de controversiis christianae fidei adversus nostri temporis haereticos. Тогда труды и другихъ латинскихъ богослововъ по необходимости были превращены въ полемику противъ протестантовъ. Въ Испаніи процвѣтало чисто схоластическое богословіе на латинскомъ языкѣ въ лицѣ Баннеца, Васкеца, Свареца и друг. Послѣ времени упадка богословія въ XVIII в., появилось въ XIX в. много и обширныхъ и краткихъ системъ догматики. Таковы на латинскомъ языкѣ догматики Пенка, Перроне, Клеутгена (не оконченная), Юнгмана, Качталера, Пеша, Эйнига, Янсена; на нѣмецкомъ языкѣ Клеэ, Бреннера, Штауденмайера, Берляге, Дрея, Куна (не оконченная), Шэбена, Освальда, Зимара, Гейнриха, Шелля, Бауца; на французскомъ Лямотта, на англійскомъ Гунтера. Схоластическій пошибъ удерживается въ догматикахъ ультрамонтанскихъ, написанныхъ на латинскомъ языкѣ. Были среди римско-латинскихъ богослововъ и свободомыслящіе, осужденные своею церковью. Таковы: мюнхенскій профессоръ Гермесъ, осужденный въ 1835 г., и Гюнтеръ, осужденный въ 1857 г.

Отецъ протестантскаго исповѣданія былъ переводчикомъ Св. Писанія на нѣмецкій языкъ, проповѣдникомъ, полемистомъ; онъ же составилъ и катехизисы своего исповѣданія. Но догматической системы своего исповѣданія онъ не написалъ. Первый опытъ протестантской догматики былъ сдѣланъ другимъ главою лютеранства—Меланхтономъ подъ заглавіемъ Loci communes theologici (1521 г.). Loci — тезисы, основоположенія. Эта книга была составлена изъ уроковъ по толкованію Посланія апостола Павла къ Римлянамъ. Въ ней наиболѣе раскрыто ученіе о спасеніи съ присоединеніемъ къ догматическому и нравственнаго ученія. Впослѣдствіи Меланхтонъ значительно расширилъ свою догматику. Лютеръ одобрилъ ее, и она сдѣлалась образцомъ для послѣдующихъ лютеранскихъ догматистовъ. Изъ нихъ наиболѣе извѣстны слѣдующіе: Хемницъ (Loci theologici 1591); Гуттеръ (Compendium theologiae 1610), получившій прозваніе «возрожденный Лютеръ»; ученикъ его Іоаннъ Герардъ, съ его необычайно обширной, въ 20 томахъ, системой (Loci theologici 1610—1621), изобилующей матеріалами и ученостію и умѣренной въ полемикѣ,—изданіе ея повторялось; Каловъ (Systema locorum theologicorum 1655—1677), Квенштедтъ (Theologia didactico-polemica 1685); Байеръ (Compendium theologiae positivae 1686); Голлазій (Examen theologiae acroamaticae 1707); Буддей (Institutiones theologiae dogmaticae 1723). Всѣ эти догматики схоластическаго характера и у лютеранъ церковнаго направленія пользуются большимъ уваженіемъ.

Противовѣсъ схоластической сухости, формализму и безжизненности догматики XVII в. проявился въ первой половинѣ XVIII в. въ піэтизмѣ, мистическомъ направленіи. Піэтисты (графъ Цинцендорфъ, Шпенеръ, Брейтгауптъ, Рамбахъ, Лянге и др.), придавали значеніе чувству, а не разсудку, набожности, а не учености; ихъ сочиненія проникнуты теплотой чувства, но зато не имѣютъ ученой строгости и вообще научное значеніе ихъ незначително. Въ XVIII вѣкѣ, особенно во вторую половину его, матеріализмъ и атеизмъ во Франціи, деизмъ въ Англіи и раціонализмъ въ Германіи нанесли тяжкій ударъ христіанству и задержали надолго развитіе богословія вообще, догматики въ частности. Деисты и раціоналисты удержали въ христіанствѣ только нравственную сторону его, а изъ догматовъ—только истины естественнаго богословія: истину бытія Божія, безсмертія души и нѣкоторыя другія. Чудо было ими отвергнуто, а вмѣстѣ съ тѣмъ были отвергнуты или глубоко извращены почти всѣ чисто христіанскіе догматы,—какъ-то: ученіе о боговдохновенности Св. Писанія, ученіе о троичности лицъ въ Богѣ, о божествѣ Христа, объ искупленіи, о благодати, о таинствахъ, о сверхъестественномъ зачатіи, о воскресеніи и вознесеніи Христа, о первобытномъ невинномъ состояніи прародителей и о грѣхопаденіи ихъ, о бытіи добрыхъ и злыхъ духовъ, о всеобщемъ воскресеніи и мздовоздаяніи. Были въ то время и полураціоналисты, не порывавшіе явно связи съ церковнымъ вѣроученіемъ, но придавшіе догматамъ преимущественно нравственное значеніе. Таковы были богословы, примыкавшіе къ философіи Канта.

Въ XIX вѣкѣ лютеранское исповѣданіе

обогатилось очень многими системами догматики. По направленію ихъ можно раздѣлить на нѣсколько разрядовъ. Къ догматикамъ церковнаго или ортодоксальнаго направленія могутъ быть отнесены слѣдующія: въ началѣ вѣка догматики Кнаппа, Гана, Штеуделя; Карла Газе «Hut. redivivus, или догматика евангелическо-лютеранской церкви» (1-е изд. въ 1828 г., а въ 1883 г. 12-е изд.), его же «Евангелическо-протестантская догматика» (въ 1826 г. 1-е изд., въ 1860 г. 5-е изд.); догматика датскаго епископа Мартензена, переведенная въ 1850 г. на нѣмецкій языкъ; Томазія «Лицо и дѣла Христа» (1-е изд. въ 1850-хъ, 2-е въ 1860 годахъ); Фридриха Филиппи «Церковное вѣроученіе», 1854—1879 гг.; Лютардта «Сокращеніе догматики»,—съ 1854 по 1900 гг. вышло десять изданій; Каниса «Лютеранская догматика, изложенная генетически» (1-е изд. 1861—1868 гг., 2-е 1874 г.); Шёберлейна «Принципъ и система догматики» 1881 г.; Генриха Шмида «Догматика евангелическо-лютеранской церкви» (1-е изд. въ 1843 г., 7-е въ 1893 г.). Сюда же могутъ быть причислены догматики библейскаго направленія Бека, Кюбеля. Должно замѣтить, что и въ догматикахъ церковнаго направленія есть мнѣнія, несогласныя съ символическимъ ученіемъ лютеранскаго исповѣданія. Богословы свободомыслящіе или раціоналистическаго образа мыслей распадаются на нѣсколько школъ, большею частію по философіямъ, къ которымъ они примыкаютъ. Такъ, философія Шеллинга отразилась въ сочиненіяхъ Дауба. Къ Гегелю, къ правой сторонѣ его, примыкаютъ Марагейнике, Бидерманъ, Пфлейдереръ, а къ лѣвой—Штраусъ и Тюбингенская школа съ Бауромъ во главѣ. Богословы—гегельянцы лѣвой—крайніе раціоналисты. Кантъ, послѣдователями котораго въ XVIII вѣкѣ были Тифтрункъ, Генке, Эккерманъ, имѣлъ послѣдователей и въ началѣ XIX вѣка въ лицѣ Аммона, Вегшейдера, Де-Ветте, Рейнарда и друг. (догматики Аммона, Де-Ветте и особенно Вегшейдера имѣли много изданій). А въ концѣ XIX вѣка у него явились новые послѣдователи въ лицѣ новокантіанцевъ. Сюда принадлежатъ Альбрехтъ Ричль, примыкающій еще къ Шлейермахеру, и Лотце. Его догматическая система подъ заглавіемъ: «Объ оправданіи и примиреніи», 1—3 т., выдержала три изданія. У Ричля цѣлая школа послѣдователей, каковы Шульцъ, Кафтанъ, Тикёттеръ, Германъ и друг. Къ новокантіанцамъ принадлежитъ и Липсіусъ (его догматика имѣла два изданія, въ 1876 и 1893 гг.). Есть еще многочисленная и трудно опредѣлимая школа богослововъ *посредствующаго направленія,* стоящихъ въ срединѣ между церковнымъ и раціоналистическимъ богословіемъ и старающихся примирить церковность съ раціонализмомъ. Основателемъ посредствующаго богословія былъ Шлейермахеръ, «Христіанское вѣроученіе» котораго вышло съ двадцатыхъ по шестидесятые годы въ пяти изданіяхъ. Попытка Шлейермахера положить въ основу религіи и богословія чувство зависимости человѣка отъ Бога не нашла подражателей, но поставленная имъ себѣ задача примирить церковное богословіе съ раціоналистическимъ была принята сочувственно очень многими богословами, которыхъ и стали называть богословами посредствующаго направленія. Сюда относятся Твестенъ, Карлъ Ничъ, Войгтъ, Роте, Шенкель, Плиттъ, Кремеръ, Дорнеръ, Келеръ, Фридрихъ Ничъ, Франкъ, В. Шмидтъ, Эттингенъ и друг. Одни изъ этихъ богослововъ стоятъ ближе къ церковному ученію, другіе ближе къ раціонализму. Должно сознаться, что очень трудно распредѣлить лютеранскихъ догматистовъ по группамъ и точно ограничить одну группу отъ другой. Церковный богословъ можетъ оказаться раціоналистомъ въ частныхъ пунктахъ богословія; одинъ и тотъ же догматистъ можетъ быть если не послѣдователемъ двухъ философскихъ направленій, то по крайней мѣрѣ непослѣдовательнымъ приверженцемъ одного изъ нихъ и т. п. Напр., Карла Газе можно причислить къ церковнымъ богословамъ, но онъ же можетъ быть признанъ кантіанцемъ.

Рядомъ съ лютеранской, безъ борьбы съ нею, развивалась догматика реформатскаго исповѣданія. Отцомъ догматики этого исповѣданія былъ Кальвинъ. Свою догматическую систему Institutio christianae religionis онъ издалъ въ 1536 г., но до 1559 г. неоднократно передѣлывалъ. Въ XVIII вѣкѣ въ социніанской сектѣ реформатскаго исповѣданія зародилось такъ называемое библейское богословіе, отцомъ котораго признаютъ арминіанскаго богослова Кокцея съ его

Summa theologiae ex scripturis repetita 1769 г. Наиболѣе видные догматисты реформаты XIX в. суть I. Лянге, Эбрардъ, Швейцеръ и др.

Догматика на прав. Востокѣ. На Востокѣ, въ православной церкви, догматика въ эпоху новаго времени развивалась частію въ зависимости отъ западнаго богословія, частію самостоятельно. Всѣ страны, въ которыхъ нѣкогда процвѣтали церкви іерусалимская, антіохійская, константинопольская, александрійская, подпали подъ власть турокъ и доселѣ почти всѣ находятся подъ ихъ игомъ, и богословіе здѣсь въ упадкѣ даже до настоящаго времени. Богословская дѣятельность только изрѣдка проявлялась здѣсь въ отрывочныхъ произведеніяхъ. Такъ, въ Греціи въ половинѣ XVIII в. появилось оставшееся въ рукописи богословіе Викентія Дамодоса, оказавшее вліяніе на богословскія системы Аѳанасія Парійскаго и Ѳеокрита. Пользовался имъ и Евгеній Булгарисъ при преподаваніи богословія въ основанной имъ въ 1753 г. на Аѳонѣ и скоро запустѣвшей академіи. Въ 1865 г. появилась догматико-полемическая система Николая Дамала подъ заглавіемъ «О началахъ». Прежде греки высшее образованіе получали на Западѣ; а съ 1837 г. они имѣютъ свой университетъ въ Аѳинахъ съ богословскимъ факультетомъ. Но послѣдній не блистаетъ ни профессорами, ни количествомъ слушателей, и каѳедры пустуютъ на немъ по многу лѣтъ. Иго необразованнаго, иновѣрнаго и фанатичнаго народа, обнищалость и какой-то вѣковой застой жизни препятствуютъ въ церквахъ Востока какъ распространенію общаго просвѣщенія, такъ и росту богословія.

Много счастливѣе ихъ во всѣхъ отношеніяхъ ихъ младшая сестра—русская церковь. Не прошло еще и трехъ столѣтій со времени междуцарствія, когда на Руси не было никакихъ школъ, а преподаваніе всѣхъ наукъ уже давно поставлено на твердыхъ основаніяхъ и развитіе ихъ обезпечено. Первыя школы, духовныя, появились сначала въ Кіевѣ, а потомъ въ Москвѣ въ XVII в., и въ томъ же столѣтіи онѣ выросли до степени высшихъ школъ и тогда же появились системы преподававшагося въ нихъ богословія. Такъ, до насъ дошли въ рукописи система догматики, читанная въ кіевской академіи съ 1642 по 1656 г. и составленная по богословію Ѳомы Аквината, и система Іоасафа Краковскаго, преподанная тамъ же съ 1693 по 1697 г. Обѣ системы состоятъ изъ отдѣльныхъ догматико-полемическихъ трактатовъ. Въ XVII в. видными богословами были въ кіевской Руси Епифаній Славинецкій, Кириллъ Транквилліонъ, Захарія Копыстенскій, Исаія Козловскій, Петръ Могила, Іоанникій Голятовскій и др., а въ московской Руси Симеонъ Полоцкій и ученикъ его Сильвестръ Медвѣдевъ, не чуждые папистическихъ заблужденій, представители западной образованности, греки братья Іоанникій и Софроній Лихуды, представители греческаго просвѣщенія. Вліяніе тѣхъ и другихъ на направленіе школьной учености въ Москвѣ не было продолжительно.

Въ XVIII в. знаменитыми богословами, вышедшими изъ кіевской академіи, были св. Димитрій Ростовскій, не составившій, впрочемъ, догматики, Ѳеофанъ Прокоповичъ, Стефанъ Яворскій, Георгій Конисскій, Сильвестръ Кулябка, Самуилъ Миславскій, Ириней Фальковскій и др. Какъ догматисты, изъ нихъ наиболѣе извѣстны Ѳеофанъ Прокоповичъ и Стефанъ Яворскій. Ѳ. Прокоповичъ былъ склоненъ къ протестантизму. Кромѣ множества другихъ разнообразныхъ сочиненій, онъ составилъ изъ своихъ лекцій въ академіи догматику на латинскомъ языкѣ. Въ основу ея была положена догматика Герарда. Онъ успѣлъ составить только первую половину системы; а такъ какъ она была принята въ кіевской академіи во второй половинѣ XVIII в. въ руководство, то трудомъ окончанія его системы по его плану заняты были многіе ректоры академіи, а именно Давидъ Нащинскій, Никодимъ Панкратьевъ, Кассіанъ Лехницкій и Самуилъ Миславскій, который и напечаталъ ее съ своимъ дополненіемъ въ 1782 г., а еще она была издана въ 1792 г. Въ сокращенномъ видѣ издалъ ее епископъ чигиринскій Фальковскій подъ заглавіемъ Theologiae christianae compendium въ двухъ томахъ (въ 1802, 1810, 1812 и 1827 г.). Богословіе Фальковскаго служило руководствомъ въ началѣ XIX в.

Въ противоположность Ѳеофану Стефанъ Яворскій склонялся къ р.-католицизму. Важнѣйшее сочиненіе его — «Камень вѣры», по содержанію догматико-полемическое, по характеру схоластическое, написанное подъ вліяніемъ сочиненія Беллярмина.

Подъ вліяніемъ Стефана Яворскаго въ московскую академію съ самаго начала XVIII в. стали вызывать ученыхъ изъ кіевской академіи. Они принесли съ собой схоластическое богословіе. До насъ дошли въ рукописяхъ богословскія системы Θеофилакта Лопатинскаго, Кирилла Флоринскаго и нѣкоторыхъ другихъ ректоровъ академіи. Всѣ онѣ схоластическаго строя и характера: онѣ состоятъ изъ не связанныхъ между собою догматико-полемическихъ трактатовъ; въ нихъ обсуждаются иногда неразрѣшимые вопросы; замѣтна искусственность въ постановкѣ и рѣшеніи вопросовъ; дѣленія дробны; способъ изложенія силлогистическій.

Впрочемъ и въ XVIII в. были у насъ богословы, не только не подражавшіе схоластическимъ образцамъ, но и прямо осуждавшіе схоластику. Такъ, сочиненія Димитрія Ростовскаго совершенно свободны отъ схоластики; Θеофанъ Прокоповичъ не любилъ схоластики и его сочиненія чужды схоластики; Кириллъ Флоринскій признавалъ многія утонченности схоластики пустыми, странными и ненужными разглагольствіями; догматическая система Θеофилакта Горскаго, служившая учебнымъ руководствомъ въ московской академіи въ послѣднюю четверть XVIII в., отличалась стройностію и выработаннастію плана и строгою послѣдовательностію въ изложеніи матеріала и этимъ выгодно отличалась отъ схоластическихъ системъ.

Ослабленію схоластики въ богословіи и въ преподаваніи его особенно много содѣйствовалъ митрополитъ Платонъ. Онъ прямо заявлялъ, что системы богословскія, въ школахъ преподаваемыя, пахнутъ школою и мудрованіемъ человѣческимъ, между тѣмъ какъ богословіе Христово состоитъ не въ препретельныхъ словахъ и не въ мудрости человѣческой, а въ явленіи духа и силы. Онъ положилъ конецъ вызову ученыхъ изъ Кіева и устранилъ ихъ системы, бывшія прежде образцами для московскихъ богослововъ. Съ его времени нѣкоторые предметы стали преподавать въ академіи на русскомъ языкѣ, стали писать на немъ сочиненія и употреблять его на диспутахъ. Не безъ его указанія Св. Синодъ въ 1798 г. ввелъ въ академіи преподаваніе многихъ новыхъ богословскихъ наукъ, а именно герменевтики, нравственнаго богословія, церковной исторіи и церковнаго законовѣдѣнія, тогда какъ прежде все богословіе состояло только изъ догматики съ прибавленіемъ къ ней элементовъ изъ нравственнаго, полемическаго и апологетическаго богословія. Платонъ придавалъ очень важное значеніе изученію Св. Писанія и даже самъ написалъ инструкцію для преподаванія его. Такимъ образомъ дана была возможность для основательнаго изученія первоисточника догматики, и эта послѣдняя была поставлена на настоящемъ и твердомъ основаніи. Дѣлая эти распоряженія, клонившіяся къ устраненію чуждой и ненужной намъ схоластики, къ усиленію въ преподаваніи русскаго языка, къ упрощенію и вмѣстѣ къ расширенію и усовершенствованію богословія, Платонъ въ своемъ собственномъ богословіи далъ и образецъ, какъ должно преподавать и писать богословіе. Хотя его «Православное ученіе или сокращенная христіанская богословія» и по малому объему, и по самому составу своему есть болѣе катихизисъ, нежели ученая система догматики, и составлено оно было изъ уроковъ, преподанныхъ Платономъ наслѣднику престола Павлу Петровичу; однако оно было новымъ и замѣчательнымъ произведеніемъ въ русскомъ богословіи. Оно было написано по-русски, общепонятно, сжато, безъ схоластическаго формализма, прекраснымъ чистымъ языкомъ. Въ 1-й части его изложено богословіе естественное, во 2-й—христіанское вѣроученіе, въ 3-й—заповѣди. Богословіе Платона было напечатано въ 1765 г., а вторично въ 1780 г. Оно было переведено на языки—латинскій въ 1774 г., французскій въ 1776 г. и греческій въ 1782 г.

Въ XIX в. въ богословіи и его преподаваніи схоластика еще оставалась. Такъ, въ первыя десятилѣтія оно было преподаваемо въ академіяхъ и семинаріяхъ еще на латинскомъ языкѣ и въ самомъ содержаніи и изложеніи имѣло еще схоластическія особенности; но это былъ уже остатокъ прошлаго, пережитокъ старины. Въ началѣ XIX в. духовныя школы были преобразованы по уставу графа Сперанскаго, были раздѣлены на три разряда: низшія—духовныя училища, среднія—семинаріи, высшія—духовныя академіи. Какъ въ академіяхъ, такъ и въ семинаріяхъ стали преподавать по возможности полный кругъ богословскихъ наукъ, при чемъ догматика была совершенно отдѣлена отъ со-

прикосновенныхъ съ нею наукъ, удержавши по-прежнему первое мѣсто между всѣми богословскими науками, почему преподаваніе ея, вплоть до новаго преобразованія духовныхъ школъ въ шестидесятыхъ годахъ, составляло привилегію ректоровъ семинарій и академій. Въ XIX вѣкѣ богословы, написавшіе системы догматики, или своими трудами оказавшіе на нес вліяніе, были слѣдующіе. *Филаретъ*, митрополитъ московскій. Онъ составилъ «Православный Катихизисъ,» имѣвшій двѣ редакціи, въ исправленномъ видѣ одобренный Св. Синодомъ и вселенскими патріархами и ставшій учебникомъ по Закону Божію во всѣхъ русскихъ школахъ. Кромѣ того догматическое ученіе было раскрыто Филаретомъ во многихъ проповѣдяхъ его. Городковъ составилъ «Догматическое богословіе по сочиненіямъ Филарета, митрополита московскаго», 1887 г. Отличительныя черты богословія Филарета— самостоятельность и сила мысли, острота анализа, точность и оригинальность языка. *Иннокентій* (Борисовъ), архіепископъ херсонскій. Онъ знаменитъ, какъ церковный ораторъ, какъ талантливый, самородный и плодовитый богословъ. Апологетико-догматическія лекціи его, читанныя имъ въ кіевской академіи, не особенно богаты ученостію, но онѣ свѣжи и самостоятельны по мысли, живы и блестящи по изложенію. Полное собраніе его сочиненій теперь вновь переиздано Вольфомъ. Профессоръ богословія въ московскомъ университетѣ, протоіерей Петръ *Терновскій* составилъ «Богословіе догматическое»..., изданное въ 1838, въ 1839 и въ 1844 г. и теперь составляющее библіографическую рѣдкость. *Антоній* (Амфитеатровъ), архіепископъ казанскій, составилъ «Догматическое богословіе православной каѳолической восточной церкви, съ присовокупленіемъ общаго введенія въ курсъ богословскихъ наукъ». Оно было учебникомъ въ семинаріяхъ въ теченіе двадцати лѣтъ (1-е изд. въ 1848 г., 8-е въ 1862 г.). *Макарій* (Булгаковъ), митрополитъ московскій, составилъ «Православно-догматическое богословіе», въ 5 томахъ; (1-е изданіе въ 1849—53 гг., 2-е въ 1850—1856 гг., послѣднее въ 1895 г.). Методъ раскрытія догматовъ у Макарія слѣдующій: сначала указывается связь раскрываемаго догмата съ предшествующимъ; далѣе сообщается иногда краткая исторія догмата; затѣмъ излагается церковное ученіе, чаще всего по «Православному исповѣданію» Петра Могилы; послѣ этого приводятся основанія или доказательства догмата изъ Священнаго Писанія, затѣмъ—изъ твореній отцовъ и учителей церкви и наконецъ—отъ разума, заимствуемыя либо изъ твореній отеческихъ, либо изъ свѣтскихъ наукъ, при чемъ опровергаются и несогласныя съ догматомъ раціоналистическія мнѣнія; въ заключеніе излагается нравственное приложеніе. Въ системѣ болѣе обращено вниманія на внѣшнюю аргументацію догматовъ, нежели на внутреннее раскрытіе ихъ мысли. Такая обработка предмета сообщаетъ строгую опредѣленность какъ всей системѣ, такъ и частямъ ея, но вмѣстѣ съ тѣмъ вноситъ въ нее шаблонное однообразіе, сухой формализмъ, дробленіе предметовъ на части, связанныя между собою часто внѣшнимъ образомъ. Но изобиліемъ ссылокъ на источники эта догматика далеко превосходитъ всѣ прочія русскія догматики. Того же автора «Руководство къ изученію христіанскаго православно - догматическаго богословія» есть сокращеніе его системы догматики и служитъ учебникомъ въ духовныхъ семинаріяхъ съ конца шестидесятыхъ годовъ. *Филаретъ* (Гумилевскій), архіепископъ черниговскій, издалъ «Православное догматическое богословіе» въ двухъ томахъ (изд. въ 1864, 1865, 1882 гг.). Оно составлено изъ лекцій его, которыя онъ читалъ въ московской духовной академіи въ тридцатыхъ годахъ и которыя были написаны подъ вліяніемъ римско-латинскихъ догматикъ Клеэ и Бреннера. Эта догматика свободна отъ схоластической искусственности, но не обработана съ такою тщательностью, какъ система Макарія. Профессоръ кіевскаго университета протоіерей *Ѳаворовъ* составилъ «Очерки догматическаго православно-христіанскаго ученія», вышедшіе въ нѣсколькихъ изданіяхъ. Какъ нѣкогда богословіе Терновскаго, эти очерки были предназначены для пособія студентамъ университета при изученіи ими богословія. Для той же цѣли профессоръ богословія въ петербургскомъ университетѣ *Сидонскій* издалъ «Генетическое введеніе въ православное богословіе». Профессоръ московской духовной академіи *А. Бѣ-*

ляевъ написалъ книгу «Любовь божественная. Опытъ раскрытія главнѣйшихъ христіанскихъ догматовъ изъ начала любви Божіей», имѣвшую два изданія въ 1880 и въ 1884 г. Епископъ смоленскій *Іоаннъ* (Соколовъ) произносилъ лекціи по догматикѣ въ академіи изустно, и онѣ были напечатаны по записямъ слушателей-студентовъ много лѣтъ спустя по смерти Іоанна. Епископъ *Сильвестръ* (Малеванскій), ректоръ кіевской академіи, составилъ изъ своихъ академическихъ лекцій «Опытъ православнаго догматическаго богословія съ историческимъ изложеніемъ догматовъ», въ пяти томахъ, съ 1878 по 1891 г. (есть и 2-е изданіе). Главное отличіе этой системы отъ другихъ русскихъ догматикъ въ томъ, что въ ней очень много мѣста удѣлено исторіи догматовъ. Въ догматическихъ отдѣлахъ обращено особенное вниманіе на внутреннее раскрытіе догматовъ, а также на раскрытіе и опроверженіе неправильныхъ мнѣній. Полностью приводятся только классическія мѣста Св. Писанія съ надлежащими объясненіями ихъ; прочія только указываются. Во вторую половину XIX в. въ Россіи сложились условія, довольно благопріятныя для развитія богословія вообще, догматики въ частности: ограничена прежняя излишняя строгость цензуры, распространились грамотность и просвѣщеніе, съ шестидесятыхъ годовъ умножилось число духовныхъ журналовъ; требованіе академическаго устава, изданнаго въ концѣ шестидесятыхъ годовъ, чтобы были печатаемы не только докторскія, но и магистерскія сочиненія, умножило число ученыхъ изслѣдованій по всѣмъ отраслямъ богословія. Остается пожелать, чтобы въ наступившемъ XX столѣтіи богословскія произведенія въ Россіи, умножаясь количественно, улучшались качественно и чтобы православное богословіе разрабатывалось самостоятельно, высвобождаясь постепенно отъ подчиненія западному инославному богословію.

Въ заключеніе обзора исторіи догматики сдѣлаемъ замѣчаніе о языкѣ этой науки. Обращаетъ на себя вниманіе, что огромное количество произведеній по этой наукѣ написано на латинскомъ языкѣ, а именно: всѣ сочиненія западныхъ отцовъ и учителей церкви; всѣ средневѣковыя системы догматики, какъ схоластическія, такъ и мистическія; почти всѣ римско-католическія системы XVI, XVII и XVIII вв. и ультрамонтанскія XIX в.; почти всѣ протестантскія догматики XVI, XVII и XVIII вв.; почти всѣ, наконецъ, русскія богословскія системы XVII, XVIII и начала XIX в. Но теперь на латинскомъ языкѣ печатаются только ультрамонтанскія догматики, оставаясь и строго схоластическими.

А. Бѣляевъ.

ДОГМАТИЧЕСКІЕ СПОРЫ *въ расколѣ* старообрядства.—Они происходили въ концѣ XVII и началѣ XVIII в., были явленіемъ случайнымъ, но весьма характернымъ для оцѣнки богословскихъ познаній первыхъ расколоучителей и ихъ ближайшихъ преемниковъ. Догматическіе вопросы, о которыхъ идетъ рѣчь, не вызывались доктриной раскола и обусловливались исключительно заблужденіемъ нѣкоторыхъ расколоучителей. Тѣмъ не менѣе споры тянулись довольно долго, проявляясь то въ одномъ мѣстѣ, то въ другомъ, и иногда принимали довольно обостренный характеръ. Вспыхнувъ въ Пустозерскѣ, пламя перекинулось въ Москву, а затѣмъ на Керженцѣ произвело цѣлую бурю пожара. Въ Пустозерскѣ противниками выступили съ одной стороны діаконъ Өеодоръ, съ другой Аввакумъ и попъ Лазарь, хотя Лазарь не всегда былъ согласенъ съ Аввакумомъ и въ нѣкоторыхъ случаяхъ переходилъ на сторону Өеодора. Предметомъ споровъ служили весьма важные вопросы, начиная съ главнѣйшихъ христіанскихъ догматовъ. Именно: ученіе о Святой Троицѣ, о воплощеніи Бога Слова, о сошествіи Святого Духа на апостоловъ, о сошествіи Христа во адъ, затѣмъ объ ангелахъ, о душѣ, о пресуществленіи святыхъ даровъ и объ основаніи церкви. Діаконъ Өеодоръ зналъ догматы вѣры твердо и умѣлъ излагать ихъ въ точныхъ выраженіяхъ. Аввакуму и Лазарю недоставало въ этомъ отношеніи многаго и потому они и особенно Аввакумъ, всякій разъ впадали въ ошибки. Впрочемъ, дѣло не получило бы того исхода, какимъ оно кончилось, если бы Аввакумъ меньше надѣялся на свои проклятія. Споры начались скоро по прибытіи расколоучителей въ Пустозерскъ,—именно объ одномъ стихѣ первой пѣсни троическаго канона, имѣющемъ отношеніе къ ученію о Святой Троицѣ и различно напечатанномъ въ книгахъ іоасафовскаго и іосифовскаго изданій,—но скоро было и

притихли. Аввакумъ «къ смиренію пришелъ» и сталъ уговаривать Θеодора: «кое-де правѣе въ коихъ книгахъ, тако и буди, а впредь покинемъ о томъ стязатися въ темницѣ сей». Θеодоръ успокоился. «И азъ его послушахъ,—говоритъ Θеодоръ,—и не помянахъ ему о томъ, и все благо было у насъ». Въ концѣ 1669 года была пустозерская казнь. «И послѣ казни нашея вскорѣ,—продолжаетъ Θеодоръ,—начася у насъ размолвка о сошествіи Христовѣ во адъ и о сошествіи Святаго Духа на апостолы во огненныхъ языцѣхъ». Заспорили горячо. Уличенный въ неправотѣ, Аввакумъ настолько уязвился, что поднялъ и прежніе споры, о которыхъ обѣщался совсѣмъ не упоминать, и, не думая долго, сталъ «проклинать» Θеодора, какъ еретика (VI, 119—20). Въ Москву дано было извѣстіе, съ указаніемъ нѣкоторыхъ пунктовъ, по которымъ произошли споры въ Пустозерскѣ (V, 345—50); а затѣмъ боярыня Морозова и ея спутницы, княгиня Урусова и Марья Данилова, увѣдомлены были особо, съ упоминаніемъ уже и имени Θеодора. Такъ какъ положеніе дѣла получило послѣ этого, естественно, серьезный характеръ, то Аввакумъ пользовался всякимъ удобнымъ случаемъ, чтобы выразить предъ своими почитателями свое исповѣданіе вѣры. Такъ, напримѣръ, онъ поступилъ около 1672—3 года, когда писалъ свое житіе. Онъ изложилъ здѣсь ученіе о Святой Троицѣ и о вочеловѣченіи Бога Слова, и нужно замѣтить, что изложилъ безъ всякихъ уклоненій въ неправомысліе (V, 7—9). При такихъ условіяхъ, въ средѣ раскольнической, вѣсы скоро наклонились въ сторону Аввакума, а діаконъ Θеодоръ былъ исключенъ изъ числа «начальныхъ отцевъ». Въ Пустозерскъ полетѣли упреки Θеодору. Обвиняя Θеодора въ ереси и укоряя, что онъ уничижаетъ писанія святыхъ отцовъ, москвичи извѣщали, что отселѣ прерываютъ съ нимъ всякое церковное общеніе. Друзья Θеодора во главѣ съ его сыномъ Максимомъ находились, конечно, въ великомъ недоумѣніи и тревогѣ (VI, 100—1. 117), а положеніе самого Θеодора было тѣмъ болѣе не подъ силу тяжелое. Уже и безъ того «отъ зѣльной печали», какъ узникъ темничный, онъ проклиналъ день своего рожденія (—133), а теперь эта печаль удвоялась и утроялась. Мысль о проклятіяхъ, которыми такъ скоро начала раздираться община защитниковъ старыхъ книгъ, затѣмъ—скорбь, что братія, по своей слѣпотѣ въ Писаніи, заблуждается въ великихъ догматахъ православной вѣры, и, наконецъ, боязнь самому впасть по невѣдѣнію и за недостаткомъ книгъ въ заблужденіе,—все это наводило Θеодора на грустныя думы и исторгало изъ его груди неподдѣльные стоны. Въ виду этого для Θеодора являлось необдимымъ взяться за перо, чтобы написать себѣ оправданіе. Безпристрастно, съ полнымъ спокойствіемъ, хотя и съ сердечною скорбію, Θеодоръ описалъ все по порядку, съ чего начались и какъ продолжались его споры съ Аввакумомъ и Лазаремъ. Онъ трудился долго, писалъ обо всемъ подробно, такъ что составилась «книжица не малая, листовъ полтораста», и успѣлъ было переписать ее набѣло. Но Аввакумъ истребилъ эту книжицу своего противника. Любопытный разсказъ объ этомъ читаемъ у самого Θеодора. Изложивъ спорные вопросы на бумагѣ, чтобы яснѣе видѣть, гдѣ правда и доказательство, Θеодоръ предлагалъ Аввакуму прочитать эти тетради. «И онъ, говоритъ Θеодоръ объ Аввакумѣ, въ то время не восхотѣлъ взяти. Посемъ же нѣкогда въ полночь выходилъ азъ изъ ямы вонъ окномъ, якоже и онъ, Аввакумъ, въ тынъ и ихъ посѣщалъ и прочихъ братію внѣ ограды. И то хожденіе не любо ему стало: и сотнику сказалъ онъ. Сотникъ же, Андрей именемъ, врагъ бысть, мздоимецъ, и на мя гнѣвъ имѣлъ за нѣкое обличеніе. И въ то время велѣлъ меня ухватить стрѣльцамъ въ тыну нага суща. И яша мя, и начаша бити зѣло безъ милости двѣмы зубцы великими стоящаго, и все тѣло мое избиша нагое до крови. Азъ вопихъ: Господи, помилуй! И посемъ связаша руцѣ мои опако и къ стѣнѣ привязали и знобили на снѣгу часа два. А друзи мои зряще мя и смѣющеся»: Аввакумъ и Лазарь смотрѣли на зрѣлище и потѣшались. Но и этимъ расправа съ Θеодоромъ не кончилась. Аввакумъ подговорилъ стрѣльцовъ похитить у Θеодора его упомянутую «книжицу». «А стрѣльцы,—говорилъ послѣ Θеодоръ,—влѣзше въ мою темницу, по благословенію протопопову, тѣ книжицы и выписки мои похитиша и ему продаша. И онъ изъ тѣхъ книжицъ моихъ листка съ три токмо выдравъ лукаво, и тѣ листки послалъ на Русь къ братіямъ нашимъ, перепортя пи-

саніе мое, еже бы мене обвинили, а его бы ученіе оправдали. Азъ бо ему тогда велѣлъ тѣ книжицы всѣ, не портя, послать къ вѣрнымъ и онъ тако не восхотѣлъ по правдѣ Божіей сотворити... И посемъ заковали окно мое рѣшоткою: и нужно ми бысть въ то время и горько зѣло» (VI, 132—3). Въ это-то время своего непомѣрнаго гнѣва на Ѳеодора Аввакумъ, надо думать, и написалъ противъ него свои бранныя письма, въ которыхъ онъ такъ много допустилъ хульныхъ и еретическихъ выраженій при разсужденіи о вышеназванныхъ догматахъ. Эти письма были посланы Аввакумомъ на имя старца Сергія, любимца протопопа. «Себе же самого и Сергія вообразилъ въ тѣхъ письмахъ въ лицахъ». И подпись поставилъ: «пріими, Сергій, вѣчное сіе евангеліе, не мною, но перстомъ Божіимъ писано» (VIII, 239). Кромѣ того Аввакуму пришлось коснуться тѣхъ же «спорныхъ» вопросовъ еще въ посланіяхъ къ діакону соловецкому Игнатію, къ игумену Сергію и къ нѣкоему «отцу» Іонѣ. Однако и діаконъ Ѳеодоръ не оставилъ этого дѣла безъ письменнаго объясненія. Въ сокращенномъ видѣ, хотя вполнѣ обстоятельно и въ высшей степени добросовѣстно, въ цѣлыхъ «четырехъ тетратѣхъ,» онъ воспроизвелъ содержаніе прежней своей «книжицы», истребленной Аввакумомъ, равно описалъ и всѣ обстоятельства пустозерской ссоры, тянувшейся до самаго конца жизни пустозерскихъ узниковъ,—и отправилъ это свое описаніе въ Москву къ сыну Максиму и прочимъ сродникамъ и по вѣрѣ братіямъ. Это было уже не ранѣе 1678—9 года.

Что же читали раскольники въ подлинныхъ посланіяхъ Аввакума и Ѳеодора, въ тѣхъ посланіяхъ, въ которыхъ расколоучители оправдывались предъ своими послѣдователями въ противленіи другъ другу? Изложеніе ученія о *Святой Троицѣ* встрѣчается у Аввакума въ нѣсколькихъ его писаніяхъ. Въ однихъ онъ является вполнѣ православнымъ, въ другихъ прямо еретикомъ. Такъ, въ толкованіи на книгу пророка Исаіи, писанномъ около 1675 г. и слѣдовательно уже послѣ того, какъ начались постозерскіе споры,—это ученіе изложено у Аввакума даже въ символьныхъ выраженіяхъ. «Славимъ Отца и Сына и Святаго Духа, Троицу единосущную и нераздѣльную, сопрестольную... Исповѣдуемъ единицу неслiянную, существо и божество, власть и царство едино, въ трехъ собствѣхъ, Отца не рожденна, Сына рожденна, а Духа Святаго исходяща. Подобнѣ: Бога Отца, Бога Сына и Бога Духа Святаго, не три бози, но единъ Богъ. Равнѣ: вседержителя Отца, вседержителя Сына, вседержителя Духа Святаго, не три вседержители, но единъ вседержитель,—непостижимъ Отецъ, непостижимъ и Сынъ, непостижимъ и Духъ Святый,—вѣченъ Отецъ, вѣченъ и Сынъ, вѣченъ и Духъ Святый, не три вѣчніи, но единъ вѣчный, не три непостижиміи, но единъ непостижимый. Яковъ Отецъ, таковъ Сынъ, таковъ и Духъ Святый. И въ сей Троицѣ ничтоже первое или послѣднее, ничтоже болѣе или менѣе, но цѣлы три составы и соприсносущны суть себѣ и равны... Отмещемъ Савеліево сліяніе, еще же проклинаемъ и Аріево разсѣченіе, но вѣруемъ и исповѣдуемъ якоже намъ богословцы предаша и научиша». Совсѣмъ иное видимъ въ посланіи Аввакума къ діакону Игнатію. «Зри, Игнатій соловьянинъ, и вѣруй *трисущную* Троицу. Существо *едино на трое* равно раздѣляй: на трое течетъ источникъ божества. По Арію не рцы—три существа неравныя, а равныя три существа добрѣ, или *естества*. Не шевели больше того. Несѣкомую сѣки, небось, по равенству, едино *на три существа*, или естества. Комуждо *особно* сѣдѣніе: Отцу и Сыну и Святому Духу. *Не спрятався* сидятъ три цари небесные: яко Петръ и Павелъ и Іоаннъ Богословъ, трое разстоящи, тому же прилично и божественное трое *раздѣльшеся*». Различіе, какое мы видимъ въ этихъ двухъ писаніяхъ Аввакума, объясняется тѣмъ, что въ послѣднемъ изъ нихъ протопопъ стремился уяснить догматъ о Троицѣ, и въ то же время не умѣлъ различать между нѣсколькими догматическими терминами. Послѣднее, т. е. это неумѣнье, заставило Аввакума ошибочно видѣть неправомысліе въ ученіи діакона Ѳеодора; а стремленіе уяснить догматъ, чтобы, такимъ образомъ, опровергнуть противника, при этомъ же неумѣньи, вовлекло его, дѣйствительно, въ ересь. Соединяя съ понятіемъ о «существѣ» понятіе о «лицѣ», или, что то же, отождествляя эти два понятія, Аввакумъ вполнѣ убѣжденно, хотя и совсѣмъ несправедливо, обличалъ въ ученіи Ѳеодора стремленіе *слить* лица Святой Троицы. Тогда какъ

Θеодоръ училъ о *единосущіи* Троицы,—Аввакумъ думалъ, что Θеодоръ не различаетъ въ Троицѣ *лицъ*: «Θедька,—упрекалъ онъ діакона, — по-твоему кучею надобѣ, *едино лице?*» При этомъ самъ Аввакумъ неизбѣжно впалъ въ ересь, конечно, противоположную той, которую подозрѣвалъ у противника,—именно въ еретическое *разсѣченіе* лицъ Святой Троицы. Заблужденіе въ ученіи о Святой Троицѣ не было единственнымъ заблужденіемъ Аввакума. Такъ между прочимъ онъ не избѣжалъ неправильнаго пониманія ученія *о воплощеніи Бога Слова.* «Исповѣдаю,—писалъ Аввакумъ: всюду промыслъ Божій, всюду Божія сила, всюду одержитъ неизреченно, всюду видитъ и слышитъ всевидящее око. А свойство блаженнаго существа въ вышнихъ пребываетъ, въ свѣтѣ живый неприступнѣмъ, а на землю и подъ землю *непоступно*». По этому ученію о Божіемъ вездѣприсутствіи, Богъ вездѣприсущъ, очевидно, только дѣйствіями Своего всевѣдѣнія и всемогущества, а не самымъ Своимъ существомъ. Это неправильно потому, что опредѣляетъ Бога мѣстомъ и отдѣляетъ дѣйствія Бога отъ Его существа. А между тѣмъ въ связь съ такимъ ученіемъ Аввакумъ ставилъ раскрытіе ученія о воплощеніи. Если существо Божіе характеризуется свойствомъ «непоступности», то какъ же сходилъ на землю Христосъ? Чтобы не стать въ противорѣчіе съ самимъ собою, Аввакумъ училъ, что Христосъ сошелъ въ утробу Дѣвы не существомъ, а *благодатію.*

Споры о Святой Троицѣ и воплощеніи Бога Слова имѣли *особое* для раскола значеніе потому, что съ ними стояло въ связи ученіе *о двуперстіи.* Съ самаго начала существованія раскола этотъ обрядъ двуперстія, какъ способъ положенія на себя крестнаго знаменія, сдѣлался важнѣйшею отличительною особенностью охранителей «древняго благочестія». Въ измѣненіи двуперстія раскоучители видѣли измѣненіе тѣхъ догматовъ, символомъ которыхъ оно служитъ по толкованію старопечатныхъ книгъ. Такъ какъ въ двуперстіи, состоящемъ изъ извѣстнымъ образомъ сложенныхъ трехъ и двухъ перстовъ, три перста—большой и два послѣднихъ—употребляются въ знаменованіе Святой Троицы, а два—указательный и великосредній—въ знаменованіе таинства воплощенія Бога Слова, то споръ объ этихъ догматахъ затрогивалъ и вопросъ о двуперстіи. Само по себѣ двуперстіе не заключаетъ въ себѣ неправославнаго ученія и вполнѣ пригодно для обозначенія двухъ названныхъ догматовъ, но это не значитъ, что раскольники, употребляя двуперстіе, уже не могли соединять съ нимъ неправильнаго въ догматическомъ отношеніи ученія. Въ этомъ случаѣ подозрѣніе пало на нихъ очень рано. Въ первый разъ оно было высказано въ книгѣ *Скрижаль*—въ напечатанномъ здѣсь особомъ наставленіи, какъ слагать и какіе персты для крестнаго знаменія — и въ *вопросѣ* патріарха Никона восточнымъ святителямъ о томъ же предметѣ. Имѣя въ виду символическій смыслъ двуперстія, означенное наставленіе ставило двуперстникамъ такое возраженіе: «зрите убо, еда не впадаете, аще и не хотящимъ вамъ, во еже мудрствовати двѣ ипостаси во единомъ Христѣ и раздѣляти по Несторію, глаголющему иного убо быти Сына—Бога Слова, иже отъ Отца рожденнаго прежде вѣкъ, другого же Іисуса, иже изъ Назарета, человѣка проста непщевавшему, и по любви соединенна, а не Бога истинна воплощшася, якоже и вы нынѣ раздѣляете: *первѣе* въ трехъ перстѣхъ изобразующихъ Святую Троицу указуете быти Сыновню ипостась, *таже* особь отдѣливше ину повѣдаете быти, во указательномъ, глаголю, и великосреднемъ». Подобнымъ образомъ было выражено Никономъ недоумѣніе въ названномъ его «вопросѣ» восточнымъ патріархамъ. «Како разумѣти двѣма персты, указательнымъ и среднимъ, смотрѣнія таинство, яко да не возмнится кому *четвертое* лицо въ составѣхъ имѣти»; если два перста слагаются во образъ воплотившагося Бога Слова, то не дается ли этимъ поводъ заключать, что здѣсь Богочеловѣкъ признается особымъ, какъ бы четвертымъ лицомъ во Святой Троицѣ? Откуда и какъ, спрашивается, могло зародиться такое подозрѣніе, если во всѣхъ старопечатныхъ книгахъ наставленіе о двуперстіи имѣетъ православный характеръ? Чтобы отвѣтить на это, хотя бы только и предположительно, мы должны помнить, что въ «вопросѣ» есть одно весьма важное указаніе, которое и слѣдуетъ имѣть въ виду въ данномъ случаѣ. «Воздвизаютъ нѣцыи въ насъ прю,—писалъ Никонъ,—како персты имѣти десницы и во-

ображати на лицѣ знаменіе креста». Въ этихъ словахъ патріархъ указалъ причину, побудившую его заняться изслѣдованіемъ вопроса о перстосложеніи. Возникли споры о перстосложеніи,—кто же были эти «нѣцыи», возбудившіе споры? И въ чемъ состояли споры? Извѣстно, что первое распоряженіе патріарха Никона объ отмѣнѣ двуперстія послѣдовало приблизительно за два года до составленія разсматриваемаго «вопроса», именно въ 1653 г. въ особой «памяти» патріарха. Извѣстно и то, что эта «память» вызвала протестъ со стороны нѣсколькихъ лицъ, въ числѣ коихъ былъ и протопопъ Аввакумъ, — протестъ, кончившійся подачею царю челобитной. Эта челобитная была составлена именно Аввакумомъ при участіи другого протопопа Даніила и посвящена защитѣ двуперстія предъ троеперстіемъ. По свидѣтельству самого Аввакума, въ челобитной «много писано было», такъ что Никонъ, которому, какъ полагалъ въ свое время тотъ же Аввакумъ, царь передалъ ее на разсмотрѣніе, могъ очень подробно ознакомиться съ ученіемъ названныхъ защитниковъ двуперстія (V, 18—19). Отсюда вполнѣ естественно допустить, что и въ рѣчи о «воздвизающихъ прю» по вопросу о перстосложеніи патріархъ разумѣлъ главнымъ образомъ составителей названной челобитной. Но такъ это было или иначе, а то безспорно, что впослѣдствіи ученіе протопопа Аввакума затронуло вопросъ о двуперстіи и вызвало недоумѣнія въ самомъ расколѣ. Если, какъ мы видѣли, Аввакумъ не могъ представить сѣдѣніе вознесшагося на небо Сына одесную Отца иначе, какъ въ отличіи отъ второго лица Святой Троицы, мыслимаго *до* воплощенія, то ясно, что и въ двуперстномъ сложеніи при образованіи Святой Троицы онъ долженъ былъ разумѣть Сына Божія *нага* отъ воплощенія, что неправославно. Правда, двуперстники не обратили тогда на это вниманія, но они сдѣлали другой выводъ. Если, какъ было показано, Аввакумъ мыслилъ сѣдѣніе Сына на «особомъ» престолѣ и мыслить иначе, по его мнѣнію, значило «скрывать Христа, въ Троицу мѣсяще недовѣдомѣ», то не ясно ли, что онъ вносилъ въ Троицу «раздѣленіе». Мало этого, Аввакумъ училъ, что Христосъ воплотился не существомъ, а только благодатію,—отсюда выходило, что отношеніе воплотившагося Христа къ Троицѣ опредѣляется не единствомъ существа, а единствомъ «силы благодати», какъ выражался самъ Аввакумъ. Само собою понятно, что при такомъ образѣ мыслей Аввакума и двуперстіе на его рукѣ получало особый смыслъ, ибо являлось символомъ неправославнаго ученія. Весьма возможно, что свои неправыя толкованія Аввакумъ выразилъ еще въ тѣхъ разсужденіяхъ о двуперстіи, которыя стали извѣстны патріарху Никону, и тѣмъ подалъ поводъ къ вышеизложенному обвиненію со стороны послѣдняго, но для насъ въ данномъ случаѣ важнѣе то обстоятельство, что къ этому обвиненію въ «нанесеніи» двуперстію символа несторіанства нашли возможнымъ присоединиться и сами ревнители двуперстія въ лицѣ одного изъ пустозерскихъ авторитетовъ, того же противника Аввакума — діакона Ѳеодора. Вотъ что прочитали раскольники по этому поводу въ посланіи Ѳеодора къ сыну его Максиму. «И на крестное Христово сущее знаменіе въ сложеніи перстовъ,—обличалъ Ѳеодоръ всѣхъ послѣдователей Аввакума, принимавшихъ его догматическія заблужденія,—велію хулу сами наносите тѣмъ неразумѣніемъ и новоложнымъ толкованіемъ своимъ. Никонъ... поклепалъ и оболгалъ напрасно церковное оно правое сложеніе перстовъ въ старыхъ книгахъ, — назвалъ несторіанствомъ, не смысля. А по вашему нынѣшнему новому мудрованію и въ правду тако *два Сына* будутъ, по Несторію зловѣрному: еже глаголете въ трехъ лицахъ Святыя Троицы самое существо—во Отцѣ и Сынѣ и Святомъ Духѣ, а во Христѣ не самое существо глаголете. И сіе ваше зловѣріе и дуракъ узнаетъ, яко два сына исповѣдуете,—великаго да малаго, и тако *четверицу* славите, а не Троицу Святую. И сего ради паки и паки молю вы: покиньте то злое и душепагубное мудрованіе, егоже нѣсть, нѣсть во всѣхъ нашихъ древнихъ православныхъ книгахъ церковныхъ, за нихже азъ стражду и умираю» (VI, 135—6). По всей вѣроятности въ связи съ такого же рода толками о писаніяхъ Аввакума зародилось тревожное сомнѣніе и въ головѣ нѣкоего Іоны, который, посылая вопросы Аввакуму, включилъ въ нихъ и данный—о двуперстіи. И во всякомъ случаѣ объ отвѣтѣ Аввакума Іонѣ должны были высказаться согласно съ изложеннымъ

мнѣніемъ діакона Ѳеодора всѣ тѣ охранители старыхъ книгъ, кото не способны были разсуждать по догматическимъ вопросамъ подобно этому послѣднему. «Мы,—писалъ Аввакумъ Іонѣ, — въ сложеніи перстовъ не глаголемъ двухъ Сыновъ быти, но единъ Сынъ: сый прежде сложенія міра со Отцемъ и Духомъ, Той же напослѣдокъ нашего ради спасенія возсія отъ Дѣвы. Отча нѣдра не оставль, сошедъ на землю Слово сущное Отцу и Духу, еже есть силою своея благодати, а существо самое бысть непоступно вездѣ: въ нижнихъ *силою* своею, а *существомъ* никакоже отступль вышнихъ». И еще: «не существо самое сниде, но сила сущная Бога Слова вселися во утробу дѣвичу: вочеловѣчився, пострада и воскресе, взыде на небеса и сѣдѣ одесную Бога на *своемъ* царстѣмъ огнезрачнѣмъ престолѣ, и сѣдитъ во двою естеству, Богъ и человѣкъ... единъ Сынъ Божій, а не два по Несторію... Аще и два во Христѣ естества познаваемъ несмѣсно, но *имя* едино Богу и человѣку... Зри на персты, вотъ истина сіяетъ: указательный и великосредній во Христа Іисуса, великій же и два послѣднихъ во образъ Святыя Троицы» (88, 1, 752). Отсюда видно, что Аввакумъ хотя и отрицалъ неправославный характеръ двуперстія, но въ то же время изображалъ его символомъ именно неправославнаго ученія. Его представленію предносилось два понятія: о второмъ лицѣ Святой Троицы съ одной стороны и о Богѣ Словѣ въ актѣ воплощенія съ другой, при чемъ трактовалось не о единствѣ существа, а о «единосущной силѣ». Помимо же этого ученія двуперстіе было, конечно, вполнѣ православнымъ по его внутреннему смыслу.

Изъ той же мысли о «непоступности» божескаго существа вытекало у Аввакума неправильное ученіе *о сошествіи Святаго Духа на апостоловъ*. Аввакумъ проповѣдывалъ, что въ день Пятидесятницы Духъ Святый сходилъ не существомъ, а только *благодатію*. «На апостолы,—писалъ Аввакумъ,—изліяся огненными языки совершенная благодать Духа Святаго. А самое существо Параклитово отнюдь, отнюдь свойство *недвижимо* пребываетъ. И въ церковныхъ книгахъ нѣсть сего разума, еже бы самому существу поступити... И статное ли то дѣло—существомъ Духу Святому снити, и, раздавши дары, паки горѣ взыти! Самый ребяческій розмыслъ». Діаконъ Ѳеодоръ былъ правъ въ сужденіяхъ о своихъ противникахъ. «Они,—писалъ онъ,—чаютъ лежаща или сѣдяща Духа Святаго на небеси во единомъ мѣстѣ и не подвизающася и не поступающа съ мѣста своего никуды никогда... Како же древле подвигся и поступи Духъ Святъ, и пріиде ко Аврааму со Отцемъ и Сыномъ?.. Како же паки подвигся Духъ Святъ и сниде на Іорданъ, внегда крестился Господь, Сынъ Божій, Іисусъ Христосъ? Или не вѣдалъ такого вашего мудрованія, хотящаго быти, и преступилъ тогда, ходя съ небесъ на землю» (VI, 111—112)? Въ то время, какъ происходили споры по названнымъ вопросамъ, возникъ еще споръ *о сошествіи Христа во адъ*. И опять діаконъ Ѳеодоръ училъ вполнѣ православно, а Аввакумъ впалъ въ заблужденіе. На этотъ разъ противъ Аввакума былъ и попъ Лазарь. «А во адъ схожденіе Христово съ плотію по возстаніи отъ гроба исповѣдуетъ Аввакумъ, — свидѣтельствовалъ діаконъ Ѳеодоръ, — и возстаніе Христово отъ гроба не называетъ воскресеніемъ, но возстаніемъ токмо, а воскресъ-де какъ изъ ада вышелъ» (VI, 96—7). Такъ дѣйствительно и училъ Аввакумъ. «Прежде изъ гроба возстаніе, — проповѣдывалъ пустозерскій расколоучитель,—а потомъ въ адъ сошествіе. Понеже Господня душа, просто молыть, *не была во адѣ*, якоже прочихъ святыхъ души, но Христосъ *послалъ ее ко Отцу* съ кровію своею, насъ выкупая, а не во адъ отъ креста пойде. Пречистѣй души во адъ сошедши съ тѣломъ неистлѣннымъ во гробѣ лежащимъ, а не безъ души тѣло бысть во адѣ и душа безъ плоти... *Каковъ родился*, таковъ обоженною душею и плотію во адѣ былъ. А еже глаголете, яко не бысть Христосъ по возстаніи изъ гроба тѣломъ и душею во адѣ, но единою-де душею ада плѣни, а тѣло-де въ то время мертво во гробѣ лежа: пощади, Сынъ Божій, отъ сего безумія и нелѣпаго мудрованія! Проклятъ тако мудрствуяй!.. Въ третій день *возста* Сынъ Божій, сниде тѣломъ и душею во адова жилища: ну, такъ *человѣкъ*—Христосъ и былъ во адѣ, а не душа безъ тѣла,—не плутай».

По словамъ діакона Ѳеодора, онъ долженъ былъ обличать своихъ соузниковъ еще за ихъ неправильное ученіе *объ ангелахъ*. Споръ былъ вызванъ попомъ Ла-

заремъ. «У ангеловъ онъ, Лазарь, глаголаше власы быти, и торочки на главахъ, и зерцала въ рукахъ, и крыла у нихъ». Діаконъ Θеодоръ доказывалъ, что ангелы по природѣ своей суть духи безплотные (VI, 118). По сообщенію Аввакума, несогласенъ былъ онъ съ Θеодоромъ и въ ученіи о *душѣ*. Изъ словъ Аввакума видно, что и здѣсь онъ не былъ правъ. «И о душѣ слѣпотою говоришь,—слушать нечего: глаголешь бо ея *трисоставну*. Не тако... всѣ святіи научаютъ, яко душа единорасленна и *тѣлесовидна*... Ангелъ нѣкій, чистѣйшій духъ, но и *плотна* есть». Отсюда понятно, почему діаконъ Θеодоръ не соглашался съ Аввакумомъ и возражалъ ему. По способностямъ души ее можно называть «трисоставной» и въ старопечатныхъ книгахъ такой терминъ, дѣйствительно, встрѣчается, но можно ли сказать о душѣ, что она «тѣлесовидна» и «плотна»? Діаконъ Θеодоръ упоминаетъ еще о двухъ пунктахъ разногласія, относительно которыхъ ему приходилось препираться съ Аввакумомъ и Лазаремъ. Одинъ изъ нихъ касался *времени пресуществленія св. даровъ* на литургіи. Аввакумъ и Лазарь думали, что хлѣбъ и вино пресуществляются въ тѣло и кровь Христову на проскомидіи. Діаконъ Θеодоръ опровергалъ эту «неправду». «Исповѣдую со всѣми церковными учители,—писалъ онъ,—яко прелагаются тѣ предложенные дары, хлѣбъ и вино, въ тѣло и кровь Христову Христовыми оными словесы, еже на тайной вечери рече: пріимите и ядите сіе есть тѣло мое» (VI, 128). Такимъ образомъ, Θеодоръ справедливо обличалъ Аввакума и Лазаря, но и самъ ошибался. Защищаемое имъ ученіе также не принято православною церковію и есть ученіе церкви латинской. Прямой упрекъ Аввакуму и Лазарю за уклоненіе въ латинское зломудріе читаемъ у Θеодора, когда онъ трактуетъ объ *основаніи церкви*. Θеодоръ имѣлъ право сдѣлать это, слѣдуя указанію старопечатныхъ книгъ. «Основаніе церкви *на Петрѣ* апостолѣ глаголютъ, а не на Христѣ самомъ», — писалъ Θеодоръ о Лазарѣ и Аввакумѣ (—97). А о себѣ самомъ добавлялъ: «основаніе церкви *на Христѣ* самомъ, краеугольномъ камени, вѣрую и исповѣдую, а не на Петрѣ апостолѣ; никакоже: римское то зломудріе отметаю... Зане глава церкви и основаніе Христосъ, а не Петръ, не инъ кто отъ святыхъ всѣхъ. Аще и называются святіи кои основаніемъ церкви, но по Христѣ» (—130). Въ доказательство этого ученія Θеодоръ указывалъ и тексты: Дѣян. **4**, 11—12; 1 Кор. **3**, 11.

Таково содержаніе спорныхъ писаній протопопа Аввакума и діакона Θеодора. Причина заблужденій Аввакума заключалась въ его неумѣньи различать между догматическими терминами и отчасти въ неправильномъ пониманіи самыхъ пунктовъ православнаго ученія. Отсюда Аввакумъ сталъ подозрѣвать своего противника въ ереси, въ которой тотъ на самомъ дѣлѣ былъ неповиненъ, и въ стремленіи опровергнуть эту мнимую ересь—онъ дѣйствительно впадалъ въ еретическое представленіе о нѣкоторыхъ христіанскихъ догматахъ, хотя и противоположное ей. Путь, которымъ онъ шелъ при этомъ, т. е. путь доказательствъ, состоялъ въ толкованіи свидѣтельствъ Писанія съ одной стороны и въ широкомъ пользованіи образными выраженіями для уясненія отвлеченныхъ догматическихъ понятій съ другой. Иногда невѣжественное непониманіе того или другого изреченія въ старопечатныхъ книгахъ было единственнымъ основаніемъ ошибочнаго съ православной точки зрѣнія ученія Аввакума, а стремленіе объясняться образно и конкретно влекло за собою множество недостойныхъ предмета и неприличныхъ выраженій, если не хульныхъ. Само собою разумѣется, что Аввакумъ не имѣлъ намѣренія проповѣдывать ереси, т. е. уклоняться отъ догматическаго ученія, изложеннаго въ старопечатныхъ книгахъ; но вина въ его заблужденіяхъ падаетъ все же исключительно на него самого, такъ что о противникѣ Аввакума въ этомъ смыслѣ совсѣмъ нельзя говорить, если разсуждать даже *о поводѣ* къ спорамъ. Имѣя въ виду совершенное отсутствіе неправомыслія въ писаніяхъ Θеодора и особенно ихъ точность изложенія, мы не можемъ предполагать, чтобы Θеодоръ допустилъ въ устныхъ спорахъ такія обмолвки, которыя подали поводъ къ серьезнымъ между споривишими недоразумѣніямъ. И вина Аввакума обнаружится для насъ еще яснѣе, если мы вспомнимъ, что свои особенно хульныя произведенія онъ писалъ въ то время, когда имѣлъ подъ руками *тетради* Θеодора, въ которыхъ спорные вопросы

были изложены, конечно, съ большею тщательностію и точностію, устраняющею всякія обмолвки и недоразумѣнія. Ясное дѣло, что хотя иногда Аввакумъ излагалъ догматическіе пункты съ точностію по старопечатнымъ книгамъ, но не всегда помнилъ ихъ и во всякомъ случаѣ не имѣлъ способности отнестись къ ихъ уясненію съ такою же осторожностію, какою въ совершенствѣ владѣлъ діаконъ Θеодоръ. Понятно и то, что когда Аввакумъ обвинялъ Θеодора въ ереси, то дѣйствовалъ такъ по убѣжденію, а не съ намѣренной клеветой; но въ этомъ ошибочномъ убѣжденіи онъ заходилъ такъ далеко, что не стѣснялся брать изъ писанія своего противника только отрывки и передавать его мысли и слова въ своихъ выраженіяхъ, хотя бы неточныхъ и даже прямо фальшивыхъ; и все это дѣлалось съ тою цѣлью, чтобы нагляднѣе изобразить мнимую ересь противника. Послѣ того, какъ было получено посланіе Θеодора на имя Максима, естественно должна была произойти перемѣна въ положеніи споривших сторонъ. Друзья Θеодора теперь могли дѣйствовать смѣло, даже имѣли въ посланіи Θеодора и руководство, чтобы въ подробности и отъ Писанія разсмотрѣть спорные вопросы. Путь къ отысканію истины здѣсь указанъ былъ вполнѣ вѣрный и безошибочный. «И ты, чадо мое животное Максиме,—писалъ Θеодоръ своему сыну о сторонникахъ догматствованія Аввакума, — аще знаеши тѣхъ мнящихся быти учителей, наставниковъ погибели, во тьмѣ невѣдѣнія шатающихся, вели имъ прочести трезвымъ умомъ и чистою совѣстію четыре Христова Евангелія, изряднѣе же сына Громова богословіе и прочихъ святыхъ апостолъ проповѣдь вселенскую, и святыхъ седми соборовъ и девяти помѣстныхъ дѣянія и правила ихъ прочти, къ симъ же святыя учительныя слова прочести съ разумомъ и со извѣстнымъ испытаніемъ, да къ тому же и вся службы на господскіе двунадесятые праздники просмотрити, стихиры и славники, и ирмосы и каноны богомудрыхъ творцевъ гранесія, да научатся отъ тѣхъ всѣхъ» (VI, 101). Особенно удобно было сравнить «спорныя письма» съ источниками послѣдняго рода, т. е. съ книгами богослужебными и учительными, потому что здѣсь прямо можно было опираться на текстъ и букву Писанія. Дѣлая это сравненіе, раскольники легко могли видѣть, что писанія Аввакума частію вообще несогласны съ ученіемъ церкви, частію по своей буквѣ прямо сходны съ ученіемъ тѣхъ или другихъ еретиковъ, нѣкогда осужденныхъ церковію, и что, съ другой стороны, діаконъ Θеодоръ былъ правъ въ спорѣ съ Аввакумомъ. И вотъ пошла молва, что Аввакумъ напрасно обвинялъ діакона Θеодора, и другая молва, еще болѣе рѣшительная, что Аввакумъ вѣруетъ не по Писанію, что онъ пишетъ еретически. Вѣсть объ этомъ дошла и до Пустозерска, но не видно, чтобы она особенно смутила Аввакума. Въ одномъ посланіи къ своимъ друзьямъ, писанномъ около 1678 года, онъ самъ говоритъ объ этомъ: «иное же уже, окаянный, разсмѣюся: какъ то, реку, уже сатана надо мною не возится! Никоніане еретикомъ зовутъ, *дѣти духовные еретикомъ же зовутъ!* Да тѣмъ, реку, ты меня, бѣсъ, не отлучишь отъ любви той Христовой... Время имъ лаять, а мнѣ терпѣть за имя Господне, не умерше мучиться. Пускай мучатъ душу мою и тѣло... Мнози волны и люто потопленіе, но *не боюся* погрязновенія, на камени бо стою. Аще и приражаются каменю волны, но въ пѣны претворяются, камени же вредити не могутъ. Камень же Христосъ. И я за него держусь, никого не боюсь, — ни царя, ни князя, ни богата, ни сильна, ни діавола самого, но наступаю на змію и на скорпію и на всю силу вражію» (VIII, 84—5). Очевидно, въ новой молвѣ о себѣ Аввакумъ видѣлъ лишь новое доказательство правоты своего пути, своего неуклоннаго слѣдованія по Писанію, и былъ слишкомъ самонадѣянъ, чтобы оглянуться назадъ, провѣрить себя по указанію другихъ и хоть въ чемъ-нибудь сдѣлать уступку. Между тѣмъ судъ уже былъ близокъ. Окончательное осужденіе писемъ Аввакума было только уже дѣломъ времени.

«Велія распря бысть въ христіанѣхъ,— гласитъ сказаніе: овіи начаша Аввакума протопопа мудрованіе хвалити, друзіи же Θеодора діакона». Первыхъ было больше. Они плодили списки Аввакумовыхъ писемъ и всюду разсылали ихъ. Такимъ путемъ спорныя письма проникли и на Керженецъ. Въ скитѣ Онуфрія они были получены прямо отъ старца Сергія. Онуфрій, Поликарпъ Петровъ изъ Романова, Измаилъ, ученикъ

Онуфрія, нѣкій Иванъ Грачевъ изъ Ярославля и самъ Сергій, «первый любимецъ» писемъ,— вотъ тѣ лица, которыя явились главными защитниками послѣднихъ на Керженцѣ. Поликарпъ самъ и переписывалъ письма. Въ то время въ керженскихъ лѣсахъ спасался дворянинъ Ѳеодоръ Токмачевъ изъ Пошехонья. Ему только теперь попались въ руки отрывки изъ писемъ Аввакума. Читая ихъ, онъ не мало дивился. Показывалъ одному, другому, многимъ, и всѣ говорили, что такого мудрованія въ святыхъ книгахъ нѣтъ. Единомышленники Онуфрія также увѣряли, что и они вѣруютъ по старопечатнымъ книгамъ, но дѣлали такъ лишь затѣмъ, чтобы прельщать другихъ. «Егда же кто, вѣдая прелесть ихъ, речетъ имъ похулити на имена скверныя ереси», заключающіеся въ Аввакумовскихъ письмахъ, «того зѣло ненавидѣли». Поэтому, посовѣтовавшись съ другими, Ѳеодоръ Токмачевъ рѣшилъ собрать соборъ. Соборъ состоялся 19 августа 1693 года. На немъ присутствовали семь иноковъ и 17 человѣкъ мірянъ. Токмачевъ указалъ собранію на Онуфрія, Сергія, Поликарпа и другихъ ихъ единомышленниковъ, обвиняя ихъ въ «тяжкихъ ересяхъ», и собраніе рѣшило призвать обвиняемыхъ къ отвѣту. Посылали къ Онуфрію разъ, другой, наконецъ третій, чтобы онъ съ своими сторонниками пришелъ на собраніе и принесъ бы покаяніе въ своемъ паденіи, но Онуфрій не явился и придумалъ учинить недоброе. Пришелъ посланный отъ Онуфрія, монахъ Александръ, и пригласилъ участниковъ сходки къ Онуфрію. Токмачевъ послушался и съ монахами и бѣльцами отправился по прошенію. Пришли. Ѳеодоръ развернулъ копіи съ писемъ Аввакумовыхъ, писанныя Поликарпомъ Петровымъ,—и началъ бесѣду. Но Поликарпъ не далъ ему говорить. Онъ кинулся на Токмачева, вырвалъ у него изъ рукъ письма и разорвалъ въ клочки, — только часть осталась въ рукахъ Ѳеодора. Началась суматоха и раздался крикъ: «стрѣляй прямо». Это кричали противники Токмачева, показывая на его единомышленниковъ. Пришедшіе на преніе раскольники бросились бѣжать въ лѣсъ; Токмачеву едва-едва удалось спастись. Возвратившись домой, они составили «хартію» объ этомъ событіи, всѣ подписали ее и положили на храненіе, а списки съ нея стали раздавать народу. Ученіе онуфріянъ названо было въ этомъ актѣ *ересію*, защитники его *еретиками*. Описанная сходка на Онуфрія происходила въ починкѣ Зиновьевѣ. Пошли толки изъ скита въ скитъ, изъ починка въ починокъ, всѣхъ занималъ вопросъ о ереси Онуфрія. Онуфрій не только не хотѣлъ отказаться отъ спорныхъ писемъ, но сталъ защищать ихъ сильнѣе и уже открыто предъ всѣми. Въ его скитѣ письмамъ этимъ стали воздавать почести паче Евангелія. Переплели ихъ въ бархатъ, ставили въ переднемъ углу у иконъ, ввели чтеніе ихъ за богослуженіемъ. Одни носили письма съ собою въ надеждѣ на избавленіе чрезъ нихъ отъ напастей, другіе натирали письма ладаномъ, чтобы хоть этимъ воздать имъ почести. «И бысть тогда конечное раздѣленіе, яко и попы на коейждо странѣ свои имѣяху, и не обращахуся другъ съ другомъ, и овіи другихъ зовяху трисущниками и онуфріанами, онуфріане же тѣхъ порицаху кривотолками».Противники Онуфрія группируются около попа Софоніи. Сила Онуфрія опиралась только на матеріальное значеніе его скита и потому рано или поздно должна была пасть...

Сходки происходили еще въ 1706, 1708 и 1709 годахъ; въ 1709 году Онуфрій отказался отъ Аввакумовскихъ «писемъ». Въ 1710 году было составлено сказаніе о керженскихъ спорахъ, съ опроверженіемъ писемъ. Раскольники издавно опровергаютъ ихъ подлинность. Еще въ первой половинѣ XVIII вѣка они доказывали, что догматическія письма Аввакума есть не что иное, какъ выдумка полемистовъ противъ раскола, творцовъ «Розыска» и «Пращицы». То же самое находимъ и у послѣдующихъ раскольническихъ историковъ. Такъ, напримѣръ, составитель «Обличеній» на «Полное историческое извѣстіе о раскольникахъ» прямо говоритъ о «спорныхъ письмахъ», что они «подъ именемъ протопопа Аввакума и Ѳеодора діакона ложно нѣкіими внѣшними іезуиты сочинены на развратъ святой церкви». Въ раскольническихъ сборникахъ сочиненій Аввакума, доселѣ извѣстныхъ, дѣйствительно, этихъ писемъ не встрѣчается; но это объясняется тѣмъ, что письма имѣютъ еретическій характеръ. Ревнуя о чести своего знаменитаго учителя, раскольники позаботились предать ихъ молчанію; въ дѣйствительности же подлинность ихъ не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію.

Наконецъ въ 1717 году, уже по смерти Онуфрія, на собраніи священно-иноковъ и старцевъ Онуфріева и Діаконова скитовъ былъ составленъ и подписанъ «мировой свитокъ» (см. *Бѣглопоповщина*), въ которомъ было выражено исповѣданіе вѣры о Троицѣ и воплощеніи Сына Божія, затѣмъ положено письма Аввакума отложить, а распрю изъ-за нихъ прекратить и быть всѣмъ въ любви и единеніи. «И нынѣ,— было сказано въ свиткѣ, — у насъ послѣ отца Онуфрія во всемъ скитѣ тѣхъ писемъ нѣтъ, и по нихъ не мудрствуемъ, и не выправливаемъ. А гдѣ въ разглагольствіи о тѣхъ письмахъ мы старцы и бѣльцы въ чемъ погрѣшили, или кого соблазнили, и о томъ просимъ прощенія отъ Бога и у всѣхъ святыхъ и у всея церкви... А что между нами была распря и порицаніе о тѣхъ письмахъ, и въ томъ кростилися, и впредь пребывать намъ всѣмъ вкупѣ въ любви, яже о Христѣ, и соединеніи церковнѣмъ безъ всякаго прекословія. А естли гдѣ тѣ письма явятся, и кто буде станетъ ихъ прочитывать, и по нихъ мудрствовать и учить, или защищать или выправливать, или кто будетъ вины ихъ выписывать, и въ мірѣ объявлять и выше объявленное миротвореніе порицать, и тѣхъ людей соборомъ отеческимъ церковной казни предавать, и отъ общенія отлучать святыя апостольскія восточныя церкви».

Сочиненія Аввакума и Өеодора напечатаны въ V, VI и VIII томахъ «Матеріаловъ для исторіи раскола». Этотъ источникъ цитируется нами въ самомъ текстѣ. Въ VIII томѣ напечатано и «Сказаніе о керженскихъ распряхъ». Другіе источники, печатные и рукописные, указаны въ сочиненіи «Внутренніе вопросы въ расколѣ въ XVII вѣкѣ» (Спб. 1898), гдѣ подробно изложенъ и самый ходъ споровъ изъ-за писемъ Аввакума (стр. XCVI—XCIX, 216—237). «Мировой свитокъ» 1717 года помѣщенъ въ книгѣ протоіерея *Іоаннова* «Полное историческое извѣстіе о раскольникамъ». Спб. 1799 г., стр. 208—210. *П. Смирновъ.*

ДОДО св. препод. груз. гареджійскій чудотворецъ—происходилъ изъ рода кахетинскихъ князей Вачнадзевыхъ. Первые подвиги блаж. Д. неизвѣстны, извѣстно только, что, проводя жизнь подвижника въ Кахетіи и узнавъ о пребываніи въ скалахъ Іорскихъ (назв. потомъ Гареджійскими) о подвижничествѣ тамъ великаго аввы, пр. Давида, Д. пришелъ къ нему и, сдѣлавшись его ученикомъ, 5 лѣтъ провелъ съ своимъ наставникомъ въ подвигахъ поста и молитвы. Затѣмъ Д., по благословенію пр. аввы Давида, основалъ себѣ новую обитель въ честь Пресв. Богородицы и, населивъ ее множествомъ пустыннолюбцевъ, 25 лѣтъ управлялъ ею, удивляя всѣхъ великими подвигами иночества и святостью жизни, а Господь прославилъ его чудотвореніями. Д. скончался въ глубокой старости въ началѣ VII вѣка (по инымъ въ началѣ 603 г.) и преданъ землѣ въ своей пещерѣ препод. Давидомъ и его учениками. Обитель существовала до нашихъ дней, закрыта Св. Синодомъ въ 1881 г. 16 марта и св. мощи препод. перенесены въ обитель св. Давида. *Пам.* въ среду по вознесеніи.

ДОЗВОЛЕННОЕ. Безспорный фактъ— тотъ, съ одной стороны, что сознательность и свобода необходимо придаютъ каждому поступку опредѣленное качество, и, съ другой, что въ данномъ случаѣ важенъ не самъ по себѣ объектъ, съ камимъ имѣетъ дѣло поступокъ, а цѣли и мотивы послѣдняго, то внутреннее настроеніе человѣка, какое было налицо во все время, пока поступокъ совершался. Эти данныя достаточно опредѣленно освѣщаютъ вопросъ, обыкновенно разсматриваемый въ неразрывной связи съ другимъ—объ *адіафорахъ* (см. выше: т. I, col. 338—339),—именно вопросъ о такъ называемомъ *дозволенномъ*. Говорятъ: можно указать такія дѣйствія человѣка или такіе объекты, одни изъ которыхъ будто бы *всегда* должны считаться дозволенными человѣку, а другіе также *всегда* недозволительными ему. Причиною этого считаютъ самую *сущность* дѣйствій и объектовъ, отъ которой, и только отъ нея, будто бы единственно и зависятъ какъ то, такъ и другое обстоятельства. Но если нравственно-хорошее или нравственно-дурное качества поступковъ всецѣло зависятъ отъ ихъ цѣлей и мотивовъ, отъ того внутренняго настроенія, съ какимъ поступки совершаются человѣкомъ, то, съ этой точки зрѣнія, вопросъ о бытіи самихъ по себѣ и всегда, безотносительно къ чему-либо, дозволенныхъ дѣйствій и поступковъ долженъ считаться страннымъ и нелѣпымъ. Если, далѣе, какъ сказано, объекты, съ которыми имѣютъ дѣло человѣческіе поступки, сами по себѣ въ данномъ случаѣ какого-либо значенія не имѣютъ, потому что при совершенномъ тождествѣ объектовъ дѣйствій послѣдпія не-

рѣдко имѣютъ совсѣмъ неодинаковое нравственное достоинство и цѣну, то, съ этой, въ свою очередь, точки зрѣнія, вопросъ о существованіи такихъ объектовъ, которые будто бы сами по себѣ и всегда, безотносительно къ чему-либо, являются дозволенными, опять-таки отзывается непониманіемъ дѣла. Словомъ, вопросъ о такъ называемыхъ самихъ по себѣ нравственно-дозволительныхъ дѣйствіяхъ, поступкахъ человѣческихъ и предметахъ несомнѣнно можетъ быть рѣшаемъ по его существу только въ отрицательномъ смыслѣ. Напрасно защитники иного образа мыслей пытаются оправдать себя ссылками на различнаго рода примѣры. Послѣдніе въ дѣйствительности не достигаютъ своей цѣли. Указываемые мыслители разсуждаютъ: каждому человѣку, какъ индивидууму, присущи такія черты и особенности, какихъ нѣтъ у всѣхъ другихъ; въ силу этого обстоятельства и иныхъ, впрочемъ, причинъ каждому человѣку, опять какъ именно индивидууму, приходится нерѣдко бывать въ такихъ условіяхъ, какія совершенно неизвѣстны остальнымъ. Вотъ на этой-то почвѣ, говорятъ они, являющейся специфическою у каждаго человѣка и потому оставляемой безъ вниманія нравственнымъ закономъ, какъ имѣющимъ дѣло съ человѣкомъ вообще, а не съ этимъ или тѣмъ въ такихъ или иныхъ условіяхъ его жизни, и имѣютъ право на свое бытіе стоящіе особнякомъ отъ правилъ нравственнаго закона и потому уже сами по себѣ или нравственно-дозволительные, или нравственно-непозволительные объекты, — поступки, дѣйствія. Сюда относятся ими, напр., отдыхъ, чтеніе романовъ, посѣщеніе театровъ, танцы и пр. въ этомъ же родѣ. Нравственному закону, говорятъ, нѣтъ ни малѣйшаго дѣла до такого рода человѣческихъ дѣйствій, такъ что во власти самого уже человѣка лежитъ такъ или иначе къ нимъ относиться. Но здѣсь обращаетъ на себя вниманіе прежде всего то обстоятельство, что люди далеко не всегда и не всѣ согласны между собою въ томъ уже, какая категорія поступковъ, объектовъ... есть нравственно-дозволительная сама по себѣ и какая сама же по себѣ нравственно-недозволенна. Помимо всего прочаго, уже одно это обстоятельство довольно многознаменательно. Затѣмъ коснемся нѣкоторыхъ частныхъ случаевъ. Отдыхъ, дѣйствительно, нѣчто позволительное, какъ всецѣло обусловливаемое уже особенностями законовъ самаго нашего тѣлеснаго организма. Но онъ позволителенъ не въ безотносительномъ смыслѣ, не самъ по себѣ, а въ условномъ и относительномъ. Если человѣкъ дозволяетъ себѣ отдыхъ въ должной степени, т. е. насколько это требуется его организмомъ, отдыхъ будетъ и дозволительнымъ, и прекраснымъ, и необходимымъ дѣломъ. Если же въ данномъ случаѣ надлежащая норма не будетъ соблюдена, то подобный отдыхъ явится уже чѣмъ-то нравственно-дурнымъ. Чтеніе романовъ!.. Если человѣкъ могъ бы съ большею пользою для себя и для окружающихъ его наполнить употребленное имъ на чтеніе романа время какимъ-либо другимъ дѣломъ, но просто не захотѣлъ, то здѣсь трудно было бы говорить о нравственно-дозволенномъ самомъ по себѣ. Если, кромѣ того, на юнаго, напр., читателя ознакомленіе съ даннымъ романомъ можетъ произвести раздражающее, разжигающее впечатлѣніе, тогда данное дѣйствіе должно признать всецѣло нравственно-непозволительнымъ. Дѣло ясно, такъ что разбирать другіе въ настоящемъ случаѣ примѣры излишне. Каждый изъ послѣднихъ будетъ указывать собою на такой случай, который никакъ не можетъ быть причисленъ къ разряду безцвѣтныхъ, поскольку къ нему имѣетъ извѣстное касательство человѣкъ, даже малѣйшимъ прикосновеніемъ сообщающій ему непремѣнно какое-либо опредѣленное качество. Безотносительно же къ человѣку, его свободѣ... говорить о нравственномъ значеніи подобныхъ объектовъ невозможно. Слово Божіе подтверждаетъ высказанныя выше мысли. Когда первозданный человѣкъ былъ введенъ Богомъ въ рай, то ему было разрѣшено или дозволено *ѣсть отъ всякаго дерева въ саду* (Быт. **2**, 16), за исключеніемъ *дерева познанія добра и зла* (—17). Почему? Не потому, конечно, что плоды однихъ деревьевъ были сами по себѣ нравственно-недозволительны или, что то же, худы, злы (вѣдь все, созданное Богомъ, было *весьма хорошо*,—Быт. **1**, 31,—какъ отвѣчавшее своему назначенію,—и Богъ не сотворилъ ничего злого; зло явилось послѣ), а по другой причинѣ. Здѣсь идетъ дѣло не о томъ, каковы были плоды райскихъ деревьевъ сами по себѣ, а о заповѣди Божіей, пріуроченной къ плодамъ, о

томъ, чтобы дать человѣку возможность развить и укрѣпить богодарованную ему свободу, которая иначе не могла бы заявить о себѣ фактически-осязательно и т. д. Даны были первому человѣку, и другія повелѣнія: *плодитесь и размножайтесь*, говорилъ нашимъ прародителямъ Богъ, *и наполняйте землю, и обладайте ею, и владычествуйте надъ рыбами морскими* и пр. (Быт. **1**, 28). Все это было повелѣно и разрѣшено, дозволено прародителямъ. Но опять-таки нельзя думать, что будто бы людямъ было дозволено владычествованіе и т. д. само по себѣ, что оно будто бы всегда и, притомъ независимо отъ какихъ бы то ни было условій, дѣло хорошее... Само собою понятно, что иное владычествованіе—нравственно-порочное дѣло, и на подобное ему Богъ, конечно, не давалъ разрѣшенія первозданнымъ людямъ. Здѣсь опять предоставлялась послѣднимъ возможность самимъ выработать истинно-нормальный видъ ихъ отношенія къ остальному міру. Свобода первыхъ людей до грѣхопаденія ихъ не успѣла еще отмѣтить себя ни однимъ дурнымъ поступкомъ. Отсюда Господь и предоставлялъ имъ дѣлать то или иное, зная, что они при указанномъ условіи не склонятся въ сторону зла безъ какой-либо особенной причины (чѣмъ и явилось обольщеніе со стороны змія), не злоупотребятъ даваемыми имъ дозволеніями, разрѣшеніями. Невольно въ данномъ случаѣ приходятъ на умъ слова св. ап. Павла: *для чистыхъ все чисто* (Тит. **1**, 15). Но вотъ наши прародители пали, свобода ихъ извратилась. Отсюда измѣнились и отношенія Бога къ людямъ. Онъ уже не предоставляетъ имъ болѣе (какъ то было прежде) права дѣлать то или иное, а напротивъ—цѣлымъ кодексомъ предписаній опредѣляетъ заранѣе и строго рѣшительно всѣ проявленія жизни человѣка-еврея: не только болѣе или менѣе важныя, болѣе или менѣе существенныя, но даже и всѣ остальныя. Всѣ предписанія этого рода отошли въ сторону послѣ того, какъ Спаситель возстановилъ падшую человѣческую природу. Искупленный и возрожденный человѣкъ поэтому восклицаетъ: «*все мнѣ позволительно, но не все полезно, все мнѣ позволительно, но ничто не должно обладать мною*» (1 Кор. **4**, 12, **10**, 23). Другими словами: объекты дѣйствій нашихъ сами по себѣ особаго значенія не имѣютъ. Отъ человѣка зависитъ, такъ или иначе воспользовавшись ими, извлечь изъ нихъ для себя пользу или вредъ. Человѣкъ долженъ особенно заботиться о томъ, чтобъ стоять выше власти всѣхъ этихъ объектовъ, быть ихъ господиномъ, а не рабомъ, и пр. И здѣсь, словомъ, также нѣтъ мѣста чему-либо самому по себѣ дозволенному или, что то же, самому по себѣ нравственно-хорошему, такъ какъ все зависитъ отъ того, какъ отнесется ко всѣмъ такимъ объектамъ человѣкъ. Здѣсь говорится о нравственно-позволенномъ лишь именно постольку, поскольку человѣкъ пользуется чѣмъ-либо во всѣхъ отношеніяхъ нормально. Если же человѣкъ будетъ совершать что-либо, не обращая вниманія на то, что это *не полезно*, что это *обладаетъ* имъ и пр., тогда его дѣйствіе будетъ безусловно порочно въ нравственномъ отношеніи. Итакъ о чемъ-либо въ нравственномъ отношеніи безцвѣтномъ св. апостолъ не говоритъ здѣсь, подобно тому какъ не говоритъ этого и въ другихъ мѣстахъ своихъ посланій: всякимъ своимъ поступкомъ каждый человѣкъ, по смыслу ученія Павлова, такъ или иначе, но непремѣнно или содѣйствуетъ, или не содѣйствуетъ осуществленію предписаній нравственнаго закона. Возьмемъ ли мы, напр., дѣвство и вступленіе въ бракъ, употребленіе пищи и питья и проч., вездѣ въ существѣ дѣла увидимъ то-же. Дѣвство—хорошо; позволительно и вступленіе въ бракъ. Однако, ни то, ни другое не есть нѣчто нравственно-позволительное само по себѣ. Напротивъ, каждый человѣкъ долженъ строго изучить и свои индивидуальныя качества, и тѣ условія, въ какихъ ему приходится жить, прежде чѣмъ окончательно изберетъ тотъ или другой родъ жизни (т. е. жизни ли въ дѣвствѣ, или—въ бракѣ). И только послѣ этого онъ не рискуетъ воспользоваться тѣмъ, что вообще позволено человѣку божественнымъ нравственнымъ закономъ,—не такъ, какъ слѣдуетъ. Пользуясь же тѣмъ дозволеннымъ иначе, чѣмъ сказано, человѣкъ совершаетъ въ нравственномъ отношеніи грѣхъ. Тѣ же соображенія могутъ быть приложены и къ вопросу о пищѣ и питьѣ. Сами по себѣ пища и питье особаго значенія не имѣютъ: они принадлежатъ къ области того, что дозволено человѣку, но не сами по себѣ, а лишь постольку, поскольку опять-таки чело-

вѣкъ нормально пользуется этимъ, обращая вниманіе, напр., на окружающихъ его, которые могутъ соблазняться извѣстнымъ его отношеніемъ къ пищѣ и пр. Если же человѣкъ будетъ употреблять въ пищу—что̀ придется, безъ разбора, притомъ ни мало не обращая вниманія на то, какъ все это отзовется на его ближнихъ, тогда онъ будетъ совершать нравственно-грѣховное (1 Кор. **7**, 26; **9**, 5, 12, 4; Рим. **14**, 20, 21; ср. 1 Тим. **4**, 4). Въ Библіи имѣется весьма много примѣровъ, касающихся такъ называемаго дозволеннаго или позволительнаго, но приводить ихъ нѣтъ надобности, потому что достаточно и указанныхъ. Послѣдніе,—мы видѣли,—ясно показываютъ, что, съ библейской точки зрѣнія, нельзя говорить о томъ, чтобъ существовало что-либо само по себѣ дозволенное, — что объекты сами по себѣ значенія не имѣютъ, а имѣютъ его лишь постольку, поскольку съ ними соприкасается человѣческая свобода,—что, словомъ, все дозволенное (не само по себѣ, а въ относительномъ смыслѣ), отсюда, ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть отмѣчено признаками нравственно-безцвѣтнаго.

Литература. Чит. *нашу* статью: «Нравственно-безразличное и *дозволенное*» («Христ. Чт.», 1897 г., январь, стр. 115—120 и др., гдѣ имѣются данныя, освѣщающія до нѣкоторой степени и исторію этого вопроса, и пр.). Чит. также: *Shleiermacher'a*, «Sämmtliche Werke. Dritte Abtheilung. Zur Philosophie» (Zweiter Band; Berlin, 1838; S. 418—445: «Ueber den Begriff des Erlaubten»); *C. Windel'я*, «Die Grenzen des christlih Erlaubten» (Berlin, 1868); *H. Wendt'a*, «Ueber das sittlich Erlaubte» (въ «Sammlung gemeinverständlicher wissenschaftlicher Vorträge», herausg. von R. Virchow und F. v. Holtzendorft. XV Serie, Heft 345. Berlin, 1880); *Gottl. Mayer'a*, «Die Lehre vom Erlaubten in der Geschichte der Ethik seit Schleiermacher» (Leipz. 1899),—весьма интересная въ данномъ случаѣ книжка. Остальная литература (менѣе спеціальная и менѣе важная) указана, напр., у *Luthardt'a* въ его «Kompendium der theologischen Ethik» (2-е Aufl. Leipz. 1898, S. 196—197) и у другихъ, особенно нѣмецкихъ, авторовъ новѣйшихъ системъ христіанской этики. *А. Бронзовъ.*

ДОКЕТИЗМЪ (отъ греч. δοκεῖν—казаться)—ученіе, по которому Христосъ не имѣлъ дѣйствительнаго тѣла. Его явленіе въ дѣйствительномъ мірѣ было-де только призракомъ, Его тѣло — фантомомъ, Его рожденіе и смерть—видѣніями. Происхожденіе этой ереси, повидимому, относится къ весьма отдаленному времени. Оно опровергается уже въ 1 Іоан. **4**, 2, и 2 Іоан. 7, и, въ той или другой формѣ, эта ересь вошла почти во всѣ гностическія системы, какъ напр. систему Сатурнина, Василида, Валентина, Маркіона и др. Къ концу II в. существовала секта такъ наз. докетовъ (*Өеодоритъ*, Ep. 82; *Clim. Alex.* Strom. VII, 17; *Евсевій*, Церк. Ист. VI, 12). Корнемъ, изъ котораго возникла эта теорія, была мысль, что причина зла есть матерія. Приписывая всякое зло матеріи, пришлось по необходимости полагать, что Христосъ не могъ имѣть никакой связи съ матеріальнымъ міромъ; и гностики, разными утонченными толкованіями, надѣялись достигнуть этого, превращая все Его дѣло въ не-реальное. Докетизмъ въ его крайностяхъ иногда вырождался просто въ фантастическіе вымыслы, какъ напр., когда Василидъ училъ, что подъ видомъ Іисуса былъ распятъ Симонъ Киринеянинъ, при чемъ самъ Іисусъ стоялъ-де подлѣ въ образѣ Симона Киринеянина и смѣялся надъ Своими гонителями. Какъ апостолы, такъ и первенствующая церковь рано осудили это ученіе, почему въ символахъ вѣры, какъ апост., такъ и никейскомъ, съ особенною настойчивостью утверждается вѣра въ такіе факты христ. ученія (какъ воплощеніе Спасителя, рожденіе Его отъ Дѣвы, страданія, смерть и воскресеніе въ плоти), реальность которыхъ именно отрицалась докетами.

ДОКТОРЪ — собственно учитель, а впослѣдствіи носитель высшей ученой степени по спеціальному предмету какой-либо науки, въ томъ числѣ и богословія. Впервые обычай давать ученыя степени доктора возникъ въ Болоньѣ въ XII вѣкѣ, когда 1130 юристовъ, особенно отличившихся своими познаніями, награждены были званіемъ доктора правъ. Вскорѣ затѣмъ появляются и доктора богословія, которые получали эту степень или отъ самого папы, или, какъ напр. въ Парижѣ, отъ канцлера университета, какъ постояннаго уполномоченнаго папы. Для полученія этой степени требовалось сначала пройти всѣ низшія акедемическія степени—чрезъ сдачу установленныхъ экзаменовъ, диспутовъ и пробныхъ лекцій, пока чрезъ рядъ подобныхъ же испытаній не достигалась правоспособность на полученіе докторства, которое доставалось не безъ значительныхъ издержекъ. Такъ какъ съ теченіемъ вре-

мени для занятія нѣкоторыхъ наиболѣе важныхъ мѣстъ по римскому праву непремѣнно требовалось обладаніе ученой степенью доктора, то искателей ея съ каждымъ годомъ являлось все больше. Помимо незначительныхъ мѣстныхъ отличій, условія полученія докторской шляпы, которая по уставу полагалась пурпурно-красная четырехугольная и выдавалась канцлеромъ университета въ торжественномъ собраніи, были почти вездѣ одинаковы. Богословская степень доктора давала право повсюду проповѣдывать, преподавать и защищать вѣру, почему и право удостоивать этой степени исходило отъ самого папы, а впослѣдствіи, послѣ введенія реформаціи перешло къ мѣстнымъ государямъ, при чемъ молодой докторъ въ своей докторской рѣчи давалъ клятву оказывать послушаніе уже не папѣ, какъ это было раньше, а государю съ обязательствомъ защищать истину евангелія и держаться Аугсбургскаго исповѣданія. Первый случай возведенія въ степень доктора на новыхъ началахъ состоялся въ Виттенбергѣ 17 іюня 1533 г. въ присутствіи курфюрста и первыми докторами были Іоан. Эпинъ изъ Гамбурга, Каспаръ Круцигеръ и Іог. Бугенгагенъ изъ Виттенберга. Въ томъ же году Меланхонъ составилъ вмѣстѣ съ преобразованіемъ университетскаго устава вообще новый порядокъ и для полученія докторства, который потомъ долго оставался въ силѣ во всѣхъ факультетахъ. Впослѣдствіи принято было удостоивать степени доктора honoris causa, и такъ какъ этой степени удостоивались особенно заслуженные дѣятели въ наукѣ и церковномъ служеніи, то они пользовались особеннымъ уваженіемъ. Въ XVII в. доктора богословія носили титулъ «превосходительства». Само собою понятно, что сохранился и обычный способъ достиженія докторства, при чемъ требовалось представить диссертацію на латинскомъ языкѣ, выдержать экзаменъ или коллоквіумъ передъ факультетомъ, состоящій обыкновенно въ латинскомъ диспутѣ о тезисахъ диссертаціи и произнесенной по-латыни рѣчи. Со всей этой процедурой связывались довольно значительные расходы, восходившие отъ 300 до 600 марокъ. Этотъ порядокъ, за несущественными измѣненіями, сохранился въ нѣмецкихъ, какъ римско-католическихъ, такъ и протестантскихъ, университетахъ до настоящаго времени. Оттуда онъ перешелъ и въ наши университеты, а отъ нихъ со времени введенія новаго устава 1869 г. и въ наши духовныя академіи. Высшаго своего процвѣтанія докторство достигло въ средніе вѣка, въ эпоху расцвѣта схоластики. Въ то время носители докторской степени среди выдающихся богослововъ обыкновенно получали еще дополнительные почтные титулы. Такъ, папа Сикстъ IV (1484 г.) былъ докторъ *наиостръйшій* (acutissimus), Ѳома Аквинатъ (1274 г.)—докторъ *ангельскій*, Іоан. Герсонъ (1429 г.)—докторъ *христіаннъйшій*, В. Шампо (1121 г.)—*столпъ докторовъ*, Ансельмъ лаонскій (1117 г.)—*докторъ докторовъ*, Джонъ Виклефъ (1384 г.)—докторъ *евангельскій*, В. Оккамъ (1347 г.)—докторъ *непобъдимый* и *особенный*, Бернардъ Клервосскій (1153 г.)—докторъ *медоточивый*, Іоан. Бонавентура (1274 г.)—докторъ *серафимскій*, Альбертъ Великій (1280 г.)—докторъ *вселенскій* и т. д.

ДОЛГЪ И ДОЛЖНИКИ въ Библіи. Обычай брать деньги въ заемъ у библейскихъ евреевъ издавна существовалъ, какъ и у другихъ народовъ древности. Въ Св. Писаніи имѣется много данныхъ для ознакомленія съ тѣми отношеніями, которыя существовали между заимодавцами и должниками.

1) *Заимодавецъ* не долженъ былъ притѣснять своего должника и угнетать ростовщичествомъ (Исх. **22**, 25); не могъ требовать больше, чѣмъ давалъ въ заемъ (Лев. **25**, 36, 37). Въ годъ субботній, когда земля оставалась безъ обработки, законодательство налагало на кредитора извѣстныя обязательства. Онъ могъ требовать уплаты долга только отъ чужеземца, но не отъ израильтянина. Приближеніе субботняго года могло служить для него побужденіемъ настойчивѣе требовать уплаты долга или воздерживаться отъ данія въ займы; но законъ увѣщеваетъ его быть человѣколюбивымъ къ своему ближнему и не отказывать въ займѣ даже и предъ наступленіемъ этого года отпущенія (Втор. **25**, 1—3, 7—10). Нѣкоторые изслѣдователи понимаютъ этотъ законъ въ томъ смыслѣ, что въ силу его въ субботній годъ совсѣмъ отпускались долги, но такое толкованіе едва ли правильно, такъ какъ въ такомъ случаѣ не оказалось бы охотниковъ давать въ заемъ передъ наступленіемъ субб. года. Вѣроятнѣе всего, его

нужно понимать въ смыслѣ отсрочки платежа до слѣдующаго года. Законъ этотъ всегда находился въ силѣ. Есть извѣстіе о соблюденіи его и послѣ возвращенія изъ плѣна вавилонскаго (2 Ездр. **10**, 31). Въ годину бѣдствія Неемія сдѣлалъ отсрочку своимъ должникамъ и этимъ подалъ добрый примѣръ и другимъ вельможамъ (2 Ездр. **5**, 10, 12). Спаситель въ одной притчѣ говоритъ о добромъ заимодавцѣ, который простилъ своимъ должникамъ—одному 500 динаріевъ, а другому 50 (Лук. **7**, 41, 42). Бога онъ представляетъ заимодавцемъ, который можетъ прощать долги или грѣхи людямъ (Лук. **7**, 47, 49). Въ молитвѣ Господней прощеніе грѣховъ уподобляется отпущенію долговъ (Матѳ. **6**, 12). Въ притчѣ о зломъ рабѣ выводится должникъ, который, получивъ прощеніе своего крупнаго долга, самъ жестоко обращается съ своимъ сотоварищемъ и немилосердно требуетъ немедленной уплаты ничтожнаго долга (Мат. **18**, 26—30).

2) *Должникъ* обязанъ платить свой долгъ (Еккл. **4**, 8); но онъ не всегда можетъ это. Когда Давидъ спасался отъ преслѣдованій Саула, то къ нему присоединилось немало неоплатныхъ должниковъ, которые бѣжали отъ своихъ кредиторовъ (1 Цар. **22**, 2). Во времена бѣдствій кредиторъ оказывался не въ лучшемъ положеніи, чѣмъ и должникъ (Ис. **24**, 2). Отношенія между должниками и заимодавцами не всегда были пріятными. Пророкъ Іеремія жаловался, что всѣ злословятъ его, хотя онъ не былъ ни заимодавцемъ, ни должникомъ (Іер. **15**, 10). Должникъ злословилъ слишкомъ настойчиваго заимодавца, а заимодавецъ въ свою очередь поносилъ слишко уклончиваго отъ платежей должника.

3) *Залогъ*. Заимодавецъ могъ требовать залога отъ того, кому онъ давалъ въ займы. Законъ предусмотрѣлъ случаи, въ которыхъ нужно было воспрепятствовать, чтобы обезпеченіе, требуемое отъ бѣднаго должника, не было для него слишкомъ обременительнымъ. Заимодавецъ не смѣлъ входить въ домъ должника, чтобы выбирать залогъ по своему усмотрѣнію. Онъ долженъ былъ постоять у дверей, что давало заемщику возможность укрыть отъ его взора наиболѣе дорогія и необходимыя въ домашнемъ обиходѣ вещи (Втор. **24**, 11, 13). Жестокостью считалось брать въ залогъ вола у вдовы (Іов. **24**, 3). Если дѣло было съ бѣднякомъ и въ залогъ бралась одежда, то кредиторъ обязанъ былъ возвратить ее до захода солнца (Исх. **22**, 26), чтобы заемщикъ могъ укрыться отъ ночного холода. Бедуины и теперь на ночь закутываются въ свои плащи, которые служатъ имъ одѣяломъ и безъ котораго они не могли бы спать. Быть можетъ заимодавецъ съ наступленіемъ утра опять бралъ къ себѣ этотъ залогъ, такъ какъ иначе онъ лишался бы необходимаго обезпеченія займа; но Библія ничего не говоритъ объ этомъ. Во всякомъ случаѣ, съ уплатой долга залогъ возвращался вновь должнику (Іез. **18**, 7). Иногда при залогѣ дѣло не ограничивалось простыми вещами: доходило иногда до закладыванія свободы нѣкоторыхъ лицъ. Угнетаемые нуждою многіе изъ іудеевъ по возвращеніи изъ Вавилона закладывали не только свои поля, виноградники и дома, чтобы достать себѣ хлѣба во время голода, но и своихъ сыновей и дочерей, обращавшихся также въ рабство (2 Ездр. **5**, 2—5). Это однако было противъ закона, потому что если и позволено было въ случаѣ крайней нужды продавать самого себя въ рабство, то запрещено было лишать свободы своихъ дѣтей (Лев. **25**, 39).

4) *Арестъ*. Когда должникъ не уплачивалъ своего долга во-время и заимодавецъ терялъ всякое терпѣніе, то онъ или продавалъ залогъ, или налагалъ арестъ на вещи своего неисправнаго должника. Эта крайность однако считалась очень серьезнымъ дѣломъ (Пс. **108**, 11). Когда вдова пророка, которую навѣстилъ пророкъ Елисей, не могла уплатить своихъ долговъ, то заимодавецъ хотѣлъ отобрать у нея ея двухъ сыновей, чтобы продать ихъ въ рабство (4 Цар. **4**, 1—7). Въ притчѣ о зломъ рабѣ, когда онъ не могъ заплатить своего долга, господинъ повелѣлъ продать его самого, его жену, сыновей и все, что у него было, чтобы вырученными деньгами покрыть его долги (Мат. **18**, 25). Этотъ злой рабъ, получивъ прощеніе своихъ долговъ, при встрѣчѣ съ своимъ собственнымъ должникомъ жестоко поступаетъ съ нимъ и сажаетъ его въ тюрьму (Матѳ. **18**, 30). Узнавъ объ этомъ, господинъ приказалъ вновь схватить злого раба и бить его, пока онъ не уплатитъ всего долга (Мат. **18**, 34). Законъ Моисеевъ, дозволяя должнику про-

давать самого себя (Лев. **25**, 39, 47), не говоритъ, чтобы позволялось совершать подобную жестокость по отношенію къ другому лицу. Случай, приводимый въ притчѣ, указываетъ на вліяніе иностранныхъ обычаевъ: у народовъ, окружавшихъ іудеевъ, за вину или несостоятельность одного члена, продавали въ рабство все семейство (Есѳ. **16**, 10; Дан. **6**, 24; Герод. III, 119). Должника подвергали пыткамъ, чтобы принудить его сказать, гдѣ онъ сокрылъ свое серебро, если оно было у него. Спаситель упоминаетъ о мученіяхъ неоплатному должнику въ качествѣ образа тѣхъ мученій, которымъ подвергнутся въ будущей жизни неисправимые грѣшники (Мат. **5**, 25, 26; **18**, 35).

Долгъ какъ требованіе нравственнаго чувства см. подъ словомъ *Нравственный законъ*.

ДОЛГОЛѢТІЕ ПАТРІАРХОВЪ. Говоря о «долголѣтіи» патріарховъ, обыкновенно имѣютъ въ виду тѣхъ, указанныхъ въ Библіи, представителей первобытнаго (допотопнаго) человѣчества, возрастъ жизни которыхъ, независимо отъ нѣкотораго разногласій еврейскаго, греческаго и самаритянскаго текстовъ, положительно поражаетъ насъ своимъ многовѣковымъ объемомъ (отъ 365 до 969 лѣтъ), не имѣющимъ для себя никакой аналогіи не только въ современной дѣйствительности, но и во всей послѣдующей исторіи самой же Библіи. Неудивительно, что такая исключительность этого факта обратила на него особенное вниманіе отрицательной критики и дала поводъ къ нареканіямъ на Библію или, по меньшей мѣрѣ, къ перетолковываніямъ ея подлиннаго смысла. Въ общемъ вопросѣ о «патріаршемъ долголѣтіи» слѣдуетъ различать два, болѣе частныхъ: одинъ состоитъ въ установкѣ самаго факта долголѣтія, другой—изслѣдуетъ его причины.

Центръ тяжести падаетъ на первый изъ указанныхъ вопросовъ. Здѣсь, одни стараются возможно больше сократить внушительныя цифры библейскаго долголѣтія, предполагая, что въ допотопный періодъ существовала иная, несравненно болѣе краткая единица времени, чѣмъ нашъ современный годъ; другіе заподозриваютъ личную индивидуальность самихъ патріарховъ, усматривая въ нихъ не отдѣльныхъ представителей того или другого рода, а весь этотъ родъ, въ его цѣломъ составѣ, или превращая ихъ изъ живыхъ, конкретныхъ личностей въ отвлеченные этнографическо-соціальные и культурно-бытовые типы, или же, наконецъ, подставляя на мѣсто ихъ личнаго значенія то или иное туманно-миѳологическое толкованіе. Все это не имѣетъ достаточныхъ основаній. Прежде всего еще разъ отмѣтимъ, что Библія не только не даетъ права искусственно сокращать продолжительность допотопнаго года, какъ то дѣлали многіе древніе (см. у бл. Августина «О градѣ Бож.» XIII, 20), средневѣковые (визант. уч. монахъ Аніанъ и Пандуръ), современные экзегеты (Hensler, Rask и др.), но совершенно наоборотъ—она съ начала до конца (Быт. **8**, 5—13; 3 Цар. **4**, 7; 1 Пар. **27**, 1—15; Іер. **52**, 31; Ез. **19**, 11, 32; Дан. **4**, 26 и пр.) всюду ясно свидѣтельствуетъ, что библейскій годъ никогда не былъ меньше полнаго круга луны (354), т. е. всегда почти равнялся нашему (см. *Годъ*). Во-вторыхъ, нельзя упускать изъ виду, что такой методъ произвольныхъ сокращеній ведетъ къ полному абсурду: пользуясь его услугами, можно получить, что нѣкоторые изъ патріарховъ (Каинанъ, Малелеилъ, Іаредъ—по евр. Библ.) рождали дѣтей въ столь раннемъ возрастѣ, когда они и сами были еще дѣтьми, всего какихъ-либо пяти, семи, много двѣнадцати нашихъ лѣтъ, нелѣпость чего очевидна. Бунзенъ, аббатъ Шевалье и нѣкоторые др. ученые высокія цифры патріархальнаго долголѣтія понимаютъ не буквально, а *циклически*, т. е., говоря проще, относятъ ихъ не къ отдѣльнымъ личностямъ, а ко всему тому роду, представителями котораго они являются. Но, не говоря уже о томъ, что для такого взгляда нѣтъ никакой почвы въ Библіи, онъ ни выдерживаетъ критики и съ точки зрѣнія простого здраваго смысла: періодъ времени въ 300, 600, 700, даже 900 л. слишкомъ малъ для историческаго существованія такого рода, отдѣльные представители котораго, по общепризнанному мнѣнію, раздѣляемому и самими отрицателями, жили не менѣе 150—200 лѣтъ.

Въ близкомъ родствѣ съ данной гипотезой стоятъ и двѣ другихъ, изъ которыхъ одна трактуетъ патріархальныя генеалогіи въ историко-этнографическомъ, а другая въ культурно-соціальномъ смыслѣ, т. е. или какъ исторію происхожденія пле-

менъ изъ одного общаго корня и ихъ послѣдующаго раздѣленія, или какъ соціальные типы, носители культурно-религіознаго прогресса первобытнаго человѣчества. Но здѣсь противорѣчіе Библіи выступаетъ еще рѣзче, весь смыслъ библейскаго повѣствованія о такихъ выдающихся патріархахъ, какъ Адамъ, Еносъ, Енохъ и Ной, заключается именно въ ихъ конкретномъ и индивидуально-личномъ значеніи, а не въ какомъ-либо отвлеченно-типическомъ пониманіи; это послѣднее равносильно ихъ полному уничтоженію. Про каждаго изъ благоч. допотопныхъ патріарховъ опредѣленно говорится, отъ кого и когда онъ родился, какихъ лѣтъ имѣлъ перваго сына, сколько прожилъ послѣ этого, чѣмъ главнымъ образомъ прославился и когда, наконецъ, умеръ. Это все такія указанія, которыя могутъ быть отнесены только къ живой дѣйствительной личности, а не къ отвлеченному типу.

Все только-что сказанное съ еще бо́льшимъ правомъ должно быть приложено и къ послѣдней изъ раціоналистическихъ гипотезъ долголѣтія, такъ называемой «миѳической» или «миѳико-натуралистической» (Эвальдъ и др.), не имѣющей для себя положительно никакого оправданія съ библейско-исторической точки зрѣнія. Въ доказательство этого сошлемся на слѣдующій отзывъ одного изъ свободомыслящихъ протестантскихъ богослововъ: «всѣ попытки придать именамъ библейскихъ генеалогій какое-либо астрономическое или миѳологическое значеніе, по подобію другихъ, древне-восточныхъ генеалогій, не выдерживаютъ критики» (Tuch-Genesis, 125 S.).

Утвердивъ фактъ патріархальнаго долголѣтія съ отрицательной стороны, попытаемся освѣтить его съ положительной, т. е. изслѣдовать его причины. Однимъ изъ лучшихъ средствъ къ выясненію факта долголѣтія служитъ идея первобытнаго безсмертія. По ученію Откровенія, не только духовная, но и физическая природа первозданнаго человѣка была устроена такъ гармонично и цѣлесообразно, что она, при благодатной поддержкѣ отъ плодовъ древа жизни, обѣщала ему вѣчное безсмертіе (Быт. **2**, 9). Тлѣніе же и смерть вошли въ міръ лишь впослѣдствіи, въ качествѣ «оброка грѣха» (Рим. **5**, 12, **6**, 23). Однако зараза смертности, проникшая въ организмъ падшаго человѣка, въ силу естественныхъ законовъ ея развитія, могла оказать свое вліяніе не вдругъ, а постепенно, лишь медленно подтачивая удивительную силу и мощь прежде потенціально-безсмертнаго организма. Съ этой точки зрѣнія вся исторія патріархальнаго долголѣтія есть не что иное, какъ постепенно понижающаяся скала переходовъ отъ райскаго безсмертія къ послѣдующей смерти (Сиѳиты—отъ 1000 до 700, Ноахиды—отъ 600 до 180 и Авраамиды—отъ 180 до 120).

Далѣе, къ уясненію истины патріархальнаго долголѣтія можетъ служить и его аналогія съ періодомъ младенчества въ жизни каждаго человѣка. Общеизвѣстенъ тотъ фактъ, что духовная и физическая продуктивность человѣческой природы всего интенсивнѣе бываетъ въ первый, младенческій періодъ, когда она по богатству и силѣ своихъ жизненныхъ процессовъ положительно несравнима ни съ однимъ изъ послѣдующихъ ея періодовъ. То, что несомнѣнно о каждомъ въ отдѣльности человѣкѣ, вполнѣ справедливо и относительно всего человѣчества—этой отвлеченной суммы живыхъ индивидуальностей. Патріархально-допотопный періодъ былъ своего рода эпохой дѣтства въ жизни человѣчества, т. е. періодомъ исключительнаго богатства и роста всѣхъ его силъ, которыхъ, естественно, и хватало на цѣлые вѣка.

Предполагаютъ, что необычайному долголѣтію патріарховъ въ значительной мѣрѣ содѣйствовали и самыя условія жизни первобытныхъ людей, какъ-то: особо благопріятныя климатическо-атмосферическія вѣянія, діэтико-этическія черты жизни патріарховъ и знаніе ими цѣлебныхъ силъ природы. Если и теперь, при наличности благопріятныхъ условій, человѣческая жизнь иногда превосходитъ вдвое и даже втрое ея среднюю продолжительность, то позволительно допустить, что прежде, при несравненно лучшихъ условіяхъ, она могла превосходить послѣднюю въ десять и даже болѣе того разъ.

Но лучшимъ объясненіемъ необычайнаго факта первобытнаго долголѣтія служитъ очевидное дѣйствіе божественнаго Промысла, осуществлявшаго путемъ его высокія религіозныя цѣли. Этимъ, прежде всего, свидѣтельствовалась безконечная благость Бога къ падшимъ людямъ: щадя въ теченіе цѣлаго ряда вѣковъ жизни первыхъ людей,

Богъ тѣмъ самымъ какъ бы давалъ имъ время и средства хотя отчасти искупить свою вину тяжкимъ трудомъ и многими скорбями ихъ продолжительной послѣдующей жизни.

Затѣмъ, такое долголѣтіе допотопныхъ людей имѣло и важное религіозно-общественное значеніе, поскольку оно служило необходимымъ факторомъ распространенія человѣческаго рода и утвержденія въ немъ основныхъ элементовъ религіи и культуры. Особенно важно было патріархальное долголѣтіе для религіозныхъ интересовъ,—такъ, имъ всего лучше обезпечивалась какъ твердость сохраненія религіозныхъ традицій, такъ и правильность ихъ передачи: за весь допотопный періодъ (отъ Адама до Ноя) эта традиція прошла лишь черезъ одно посредствующее звено (Малелеила) и, въ силу того, разумѣется, должна была сохранить всѣ свойства своей изначальной свѣжести и чистоты.

Служа главнѣйшимъ средствомъ сохраненія религіознаго преданія, долголѣтіе благочестивыхъ патріарховъ являлось вмѣстѣ съ тѣмъ и поучительнымъ примѣромъ истинно-религіозной жизни, и правильныхъ моральныхъ отношеній. Умудренный опытомъ многовѣковой жизни навыкшій твердому хожденію по путямъ заповѣдей Божіихъ, глубокій старецъ, какимъ былъ допотопный патріархъ, являлся живой опорой своего многочисленнаго рода, его судьей, жрецомъ и законодателемъ, невольно подчинявшимъ себѣ всѣхъ своихъ родичей силой своего нравственнаго авторитета и связывавшимъ ихъ въ одинъ тѣсно сплоченный семейно-патріархальный союзъ.

Литература. *Zöckler*, «Die Lehre vom Ursiand des Menschen», VIII Langlebeykeit der Patriarchen. Güterloh 1879. *Vigouroux*, «Les livres saints et la critique rationaliste» II, 2. Paris 1891. *Покровскій*, «Библейское ученіе о первобытной религіи». Троице-Сергіева лавра 1901.

А. Покровскій.

Домъ архіерейскій—см. т. II-й Б. Энц.

Дома молитвенные разрѣшаются къ постройкѣ въ тѣхъ епархіяхъ, гдѣ приходы расположены на большихъ пространствахъ, а прихожане вслѣдствіе того не могутъ съ удобствомъ посѣщать свой приходскій храмъ; такіе же дома разрѣшается строить въ случаѣ сгорѣнія церкви до сооруженія новой; наконецъ, молитв. дома строятся на сельскихъ кладбищахъ для поставленія тѣлъ умершихъ и обычныхъ надъ ними молитвословій (Уст. дух. конс. ст. 56 и 57). Всѣ молитвенные дома состоятъ въ вѣдѣніи дух. начальства и для того должны быть приписаны къ монастырскимъ или приходскимъ церквамъ и поручены наблюденію настоятелей или священниковъ съ церк. старостами (тамъ же ст. 59).

ДОМА ЦЕРКОВНЫЕ. Правительство русское очень рано стало заботиться объ устройствѣ вновь или о покупкѣ домовъ для приходскихъ причтовъ. Такимъ именно характеромъ отличаются: Высоч. именной указъ 28 февр. 1818 г. (П. С. З. № 3175); указы Св. Синода 24 мая 1721 г. и 29 окт. 1722 г. (П. С. З. № 4120). Высоч. утв. 6 декабря 1829 г. (П. С. З. № 3323) Положеніемъ о способахъ къ улучш. состоянія духовенства, между прочимъ, повелѣно: 1) на основаніи указа 29 окт. 1722 г. побуждать прихожанъ, особенно сельскихъ, чтобы отъ нихъ заводимы и поддерживаемы были по возможности дома для жительства священно и церковно-служителей; 2) для большей удобности производить сіе постепенно и по мѣрѣ возможности каждаго прихода, на первый же разъ производить въ сіе положеніе дома священниковъ; 3) въ особенности въ приходахъ помѣщичьихъ къ исполненію сей обязанности побуждать ревность и усердіе помѣщиковъ. Просьбы объ открытіи, какъ сельскихъ, такъ и городскихъ приходовъ обыкновенно уважаются только подъ условіемъ принятія просителями обязательства устроить дома для причта (примѣч. къ 46 ст. Уст. дух. конс.). Въ облегченіе къ пріобрѣтенію въ церк. собственность домовъ для помѣщенія причтовъ предоставлено епархіальнымъ начальствомъ давать разрѣшеніе на обращеніе части доходовъ съ принадлежащихъ церквамъ оброчныхъ статей, за удовлетвореніемъ потребностей церкви, на улучшеніе содержанія причта, а также на употребленіе сихъ доходовъ и другихъ церк. суммъ, равно какъ вѣчныхъ вкладовъ въ пользу причтовъ, на устройство домовъ и на покупку въ собственность церкви и другихъ недвижимыхъ имуществъ, для постояннаго изъ доходовъ съ нихъ обезпеченія содержанія священно-церковно-служителей, съ тѣмъ, однако, чтобы не были отклоняемы отъ своего назначенія: а) свѣчные и другіе доходы, которымъ дано правитель-

ствомъ опредѣленное назначеніе, и б) имущество и капиталы, предназначенные жертвователями на какое-либо особое по церкви или приходу употребленіе. Причтъ и церк. старосты предположенія о постройкѣ и починкѣ церк. домовъ для жительства причтовъ могутъ предлагать на обсужденіе приходскихъ попечительствъ (указъ Св. Синода 11 февр. 1870 г. № 13). Въ 1878 г. рекомендовано епарх. архіереямъ наблюдать за тѣмъ, чтобы прихожане не передавали домовъ, устроенныхъ ими для членовъ причтовъ, въ собственность этихъ послѣднихъ (цирк. отн. предсѣд. Высоч. учр. присутствія по дѣламъ правосл. дух. 14 янв. 1878 г). Дома церк. могутъ быть устрояемы или покупаемы, съ разрѣшенія Свят. Синода, на счетъ свободныхъ остатковъ церк. денегъ (§ 38 инстр. церк. стар. 1890 г). Всѣ эти дома, составляя неотъемлемую собственность церкви, могутъ быть дозволяемы къ устроенію и ближе 10 саж. отъ церкви, но въ такомъ случаѣ они не могутъ быть отдаваемы подъ квартиры для мірянъ, но служатъ лишь помѣщеніемъ для членовъ причта, или же для трапезъ, библіотекъ, ризницъ, усыпальницъ и т. п. церковныхъ надобностей (рѣш. Прав. Сената 1 мая 1886 г.,—«Церк. Вѣстн.» 1886 г. № 40). Въ случаѣ несогласія прихожанъ на ремонтъ церковно-причтовыхъ построекъ, онъ производится *на счетъ церкви* (указъ Св. Синода 20 янв. 1722 г.—см. Полн. собр. пост. и распоряж. по дух. вѣд., т. II-й № 371). Пріобрѣтеніе и продажа церковно-причтовыхъ домовъ въ (бывшей) камчатской епархіи разрѣшается мѣстнымъ епархіальнымъ начальствомъ безъ испрошенія на каждый разъ Высочайшаго соизволенія (9 февраля 1863 года, П. С. З. № 39272). Существовавшая прежде въ 9-ти западныхъ губерніяхъ (витебской, могилевской, минской, виленской, гродненской, ковенской, кіевской, подольской и волынской) натуральная повинность помѣщиковъ и прихожанъ по устройству церковно-причтовыхъ помѣщеній теперь отмѣнена и замѣнена временнымъ поземельнымъ сборомъ (согласно Высоч. утв. мнѣнію Госуд. Сов.,—см. опред. Св. Синода въ 42 № «Церк. Вѣд.» за 1888 г.), при чемъ какъ получающійся отсюда капиталъ, такъ и завѣдываніе дѣломъ построенія церковно-причтовыхъ домовъ сосредоточено въ рукахъ Св. Синода. Церк. дома для причтовъ не подлежатъ никакимъ сборамъ (земскому, государств. и оцѣночному) даже въ томъ случаѣ, если члены причта сдаютъ свои помѣщенія въ наемъ (объ освобожд. принадлежащаго Архангело-Михаиловск. г. Харькова церкви дома отъ оцѣночнаго сбора и государств. налога и тоже—относительно дома, принадлежащаго харьковскому каѳедр. собору, см. въ книгѣ Калашникова «Сборникъ законовъ о порядкѣ обложенія церковной недвиж. собств. разными сбор.», Харьковъ 1901 г., прилож.). Но *собственные* дома членовъ причта подлежатъ обложенію земскими сборами, хотя бы они не отдавались въ наймы и не приносили никакого дохода (тамъ же, прилож. № 5). Въ мѣстностяхъ же, въ коихъ не введено въ дѣйствіе Город. полож., дома лицъ бѣлаго духовенства, какъ дѣйствительно служащихъ, такъ и уволенныхъ отъ службы за старостью и болѣзнями, равно дома вдовъ и сиротъ лицъ православнаго духовенства, въ которыхъ они сами жительствуютъ, а также подворья и строенія, принадлежащія архіерейскимъ домамъ и монастырямъ, хотя бы они въ наемъ отдавались, и строенія (въ томъ числѣ и лавки), принадлежащія церквамъ, освобождаются отъ городского поземельнаго сбора и отъ прочихъ городск. повинностей, кромѣ исправл. мостовыхъ, сохраненія ихъ въ чистотѣ и освѣщенія фонарей наравнѣ съ прочими обывателями (примѣч. къ 395 ст. Зак. сост., Свод. зак. т. IX изд. 1899 г.). Церк. дома, служащіе помѣщеніями для членовъ причта, свободны отъ кварт. повинности (ст. 475 Уст. о земск. пов., Свод. зак. т. IV изд. 1899 г.), какъ, равнымъ образомъ, и собственные дома причтовъ, если заняты только ими самими; но части этихъ домовъ, отдающіяся въ наемъ, подлежатъ занятію подъ постой и дополнительнымъ сборамъ на квартирную повинность наравнѣ съ прочими городскими владѣльцами недвиж. имуществъ (см. въ той же книгѣ Калашникова, приложеніе № 5).

ДОМЕСТИКИ (два) въ древней христ. церкви—начальники двухъ хоровъ: праваго и лѣваго, пѣвшіе вмѣстѣ съ протопсалтисомъ (см. о немъ далѣе); они принадлежали къ клиру и получали особое рукоположеніе внѣ алтаря; отъ нихъ же получилось названіе «демественное» пѣніе, перешедшее къ намъ на Русь при Ярославѣ Владиміро-

вичѣ, около 1053 года; также назывались особые члены клира церковнаго, имѣвшіе обязанность охранять двери въ церковь, или, по мнѣнію Гоара, въ алтарь. Доместики, въ качествѣ запѣвалъ или кононарховъ, были и въ русской церкви. Такъ, въ рукописномъ уставѣ 1654 г. моск. Троицко-Серг. лавры сказано, что на день Рождества Христова —«бдѣніе со свѣщами починается великимъ неѳимономъ... *Доместикъ* поетъ высочайшимъ голосомъ: съ нами Богъ. А неѳимонъ большой говорятъ весь»... (Церк.-историческій мѣсяцесловъ Троицко-Серг. лавры, М. 1854 г., стр. 66, 68). *Н. М.*

Дометіанъ—имя нѣсколькихъ святыхъ, *пам. 9 марта*, въ субботу сырную и *10 янв.* Изъ нихъ послѣдній—**Дометіанъ**, епископъ мелетинскій, жилъ въ VI вѣкѣ; будучи въ санѣ епископа, былъ посредникомъ между Маврикіемъ и Хозроемъ, царемъ персидскимъ; пользуясь уваженіемъ императора, получалъ отъ него богатые дары и расточалъ ихъ на пропитаніе бѣдныхъ. Преставился 10 января 601 г. Современный ему историкъ Евагрій называетъ его мужемъ благоразумнымъ, сильнымъ въ словѣ и въ дѣлѣ.

Дометій (укротитель, лат. или греч.)—преподобномученикъ, персянинъ, *пам. 7 августа.* **Дометій** св. препод., *пам. 8 марта.*

Домикъ Петра Велик. въ С.-Петербургѣ на берегу Невы противъ Лѣтняго сада, первое зданіе, построенное въ 1703 г. на мѣстѣ столицы; дерев., изъ 2 комн. и кухни; сохраняется подъ каменнымъ шатромъ. Въ бывшей столовой и спальной стоитъ образъ Нерукотворен. Спаса, бывшій съ Петромъ I во всѣхъ походахъ и очень уважаемый какъ петербургскими жителями, такъ и пріѣзжими, почему предъ нимъ постоянно служатся молебны череднымъ придворнымъ духовенствомъ. Здѣсь же сохраняется и прародитель нашего флота—извѣстный «ботикъ Петра I-го».

ДОМИНИКЪ И ДОМИНИКАНЦЫ. Доминикъ де-Гутцманъ, основатель доминиканскаго ордена, род. въ 1170 г., въ Каларуегѣ, въ діоцезѣ Осма въ Старой Кастиліи, и ум. въ монастырѣ св. Николая, въ Болоньѣ, 6 авг. 1221 г. Съ шестилѣтняго возраста онъ былъ воспитанъ своимъ дядей, архипресвитеромъ въ Гуміелъ де-Исанъ, и четырнадцати лѣтъ отъ роду поступилъ въ университетъ въ Паленціи. Въ 1194 г. онъ сдѣланъ былъ каноникомъ и впослѣдствіи субъ-пріоромъ капитула въ Осмѣ, гдѣ помогалъ епископу Діего де-Азеведо при введеніи устава бл. Августина. Онъ трудился также, и съ большимъ успѣхомъ, въ качествѣ миссіонера среди магометанъ и еретиковъ сосѣдней области. Въ 1204 г. онъ сопровождалъ Діего въ дипломатической командировкѣ въ южную Францію, и тамъ пришелъ въ столкновеніе съ альбигойцами. Задача обращенія этихъ противниковъ вѣры и власти Рима была возложена на цистертійцевъ; но они потерпѣли полную неудачу, и хотѣли уже оставить дѣло, но Діего и Доминикъ убѣдили ихъ продолжать его. Успѣхъ однако опять быль незначительный: обращенцевъ было немного. Діего вскорѣ выбылъ въ свой діоцезъ; удалились также и цистертійцы, и на полѣ дѣятельности остался только Доминикъ съ кружкомъ своихъ сотрудниковъ. Нѣкоторую поддержку онъ получилъ отъ епископа Фулько тулузскаго; но почти единственнымъ плодомъ его дѣятельности было основаніе пріюта для дѣвочекъ въ Пруиллѣ, въ діоцезѣ тулузскомъ. Этотъ пріютъ, или своего рода женскій монастырекъ Пруильскій, сдѣлался мѣстомъ собраній Доминика съ его послѣдователями. Дѣла общины значительно поправились, когда къ братству присоединился Целланисъ (?), подарившій имъ домъ въ Тулузѣ. Римская курія, признавая заслуги Доминика, предложила ему епископію безьерскую. Иннокентій III не особенно полагался на молитвы и проповѣдь въ качествѣ оружія противъ еретиковъ, а болѣе дѣйствительнымъ средствомъ при этомъ считалъ мечъ и пытку; поэтому послѣ умерщвленія его легата, кардинала Кастельно, онъ сталъ проповѣдывать крестовый походъ противъ альбигойцевъ. Доминикъ и его братство послѣдовали за войскомъ, какъ своего рода слѣдственная коммиссія. Всѣ подозрительныя или подозрѣваемыя лица подвергались допросу со стороны этой коммиссіи и, въ случаѣ уличенія въ ереси, должны были идти на эшафотъ. По окончаніи войны, Доминикъ порѣшилъ преобразовать братство, основанное имъ для постоянной борьбы съ ересью, въ орденъ монаховъ проповѣдниковъ. Епископъ Фулько, которому хотѣлось видѣть въ своемъ діоцезѣ новый монашескій орденъ, былъ очарованъ этой мыслью и вмѣстѣ съ Доминикомъ отправился въ

Римъ, гдѣ только-что собрался четвертый соборъ латеранскій (1215). Но соборъ порѣшилъ, что никакого новаго ордена не слѣдуетъ основывать, и просьба Доминика оставлена была безъ вниманія. Однако онъ не отказался отъ своей мысли, и добился того, что наконецъ Иннокентій III далъ свое согласіе подъ тѣмъ условіемъ, чтобы братство приняло уставъ какого-нибудь прежняго, уже признаннаго ордена и устроилось въ видѣ простой коллегіи каноников. Братство приняло уставъ бл. Августина, къ которому было присоединено нѣсколько другихъ правилъ изъ устава премонстрантовъ, именно обѣтъ молчанія, бѣдности, поста, полнаго воздержанія отъ мяса, бѣлья, и проч. Но виды на успѣхъ были весьма незначительны. Когда Иннокентій III умеръ (17 іюля 1216 г.), и его преемникъ, Гонорій III, сталъ гораздо болѣе благосклонно относиться къ мысли о благотворности проповѣдническаго ордена, Доминикъ поспѣшилъ въ Римъ. Въ декабрѣ того же года Гонорій утвердилъ его уставъ и далъ ордену, въ качествѣ символа, изображеніе собаки съ зажженнымъ факеломъ во рту: орденъ этимъ самымъ предназначенъ былъ сторожить церковь, подобно собакѣ, и освѣщать міръ, подобно факелу. Братство съ этого времени начало развивать большую дѣятельность, и орденъ сталъ быстро разростаться. Нѣкоторые изъ его членовъ отправились въ Испанію, другіе въ Парижъ, гдѣ основанъ былъ монастырь въ домѣ св. Іакова, вслѣдствіе чего доминиканцы впослѣдствіи стали называться во Франціи яковитами. Самъ Доминикъ основалъ монастыри въ Мецѣ и Венеціи. Во время пребыванія въ Римѣ, онъ съ успѣхомъ проповѣдывалъ низшимъ служителямъ папскаго двора, жившимъ, повидимому, безъ всякаго духовнаго попеченія; и затѣмъ онъ былъ назначенъ на должность Magister Sacri Palatii, т. е. придворнаго проповѣдника при папѣ,—должность, которая существуетъ еще и теперь и обыкновенно занимается доминиканцемъ. Но Доминика не привлекала эта служба. Онъ хотѣлъ проповѣдывать среди массъ народа, и, зная, какъ народъ высоко цѣнитъ подвижничество, проявляющееся во внѣшней бѣдности (чѣмъ уже и пользовались францисканцы), порѣшилъ прибѣгнуть къ этому же средству. На общемъ собраніи доминиканцевъ, состоявшемся въ 1220 г., въ монастырѣ св. Николая, въ Болоньѣ, орденъ объявилъ отреченіе отъ собственности, въ какой бы то ни было формѣ, и высказался за полную бѣдность и за ежедневное выпрашиваніе средствъ, необходимыхъ для поддержанія жизни. Когда состоялось слѣдующее общее собраніе въ Болоньѣ (1221 г.), на него явились представители отъ шестидесяти монастырей, а затѣмъ были посланы уполномоченные и въ другія отдаленныя мѣста для основанія новыхъ монастырей. Такимъ образомъ, Доминикъ еще при жизни увидѣлъ успѣшное распространеніе своего ордена. Черезъ двѣнадцать лѣтъ послѣ его смерти (1233 г.) онъ канонизованъ былъ своимъ другомъ, папой Григоріемъ IX.

Многія внѣшнія обстоятельства благопріятствовали успѣху и быстрому распространенію ордена. Нищенствующіе и проповѣдующіе монахи не могутъ жить въ пустынѣ. Большіе города служатъ естественною областью ихъ жизни и дѣятельности, а городская жизнь тогда только-что вступала въ періодъ блестящаго развитія. Другіе ордена, напр. цистертійцы, видя выгодность этого обстоятельства, также двинулись въ города; но ни одинъ изъ нихъ не успѣлъ пустить тамъ такихъ корней, какъ доминиканцы. Они довольствовались самыми жалкими хижинами, изъ которыхъ ежедневно выходили на проповѣдь и нищенство. Ихъ бѣдность, однако, вскорѣ сдѣлалась простымъ притворствомъ. Въ 1425 г. Мартинъ V отмѣнилъ запрещеніе имъ владѣть недвижимой или какою-либо другою собственностью. Пожертвованія и приношенія по завѣщаніямъ полились въ орденъ. Онъ строилъ монастыри и церкви, и искусство обязано имъ нѣкоторыми изъ превосходнѣйшихъ образцовъ готической архитектуры. Еще сильнѣе было вліяніе, оказанное имъ на науку. Въ 1228 г. профессора парижскаго университета оставили городъ по случаю какихъ-то несогласій съ королевой Бланкой, и удалились съ своими учениками частью въ Реймсъ, частью въ Анжеръ. Тогда учреждена была каѳедра для доминиканскаго монаха, а въ 1230 г. къ ней присоединена еще другая. Такимъ образомъ, въ университетахъ утвердились нищенствующіе ордена (вскорѣ за ними послѣдовали францисканцы), и они несмотря на самую сильную оппозицію не только удерживали за собой это мѣсто, но, наконецъ,

завладѣли всѣмъ полемъ науки и сдѣлались могучимъ орудіемъ, съ помощью котораго церковь успѣшно подавляла всѣ противныя ей теченія въ наукѣ. Схоластика была произведеніемъ доминиканцевъ и изъ ихъ среды вышло много великихъ и славныхъ мужей, какъ Альбертъ Великій, Ѳома Аквинатъ, Мейстеръ Эккартъ, Іоаннъ Таулеръ, Генрихъ Сузо, Савонарола, Ласъ-Казасъ, Винцентъ Ферье и Винцентъ Бове. Они дали церкви болѣе 800 епископовъ и 150 архіепископовъ, 60 кардиналовъ и 4 папы. Въ началѣ реформаціи доминиканцы все еще формально стояли во главѣ богословской науки; но въ дѣйствительности просвѣщеніе между ними уже сильно пало и они были возмутительно невѣжественны, а своею дѣятельностью въ качествѣ продавцовъ индульгенцій только унижали церковь. Въ концѣ концовъ, послѣ 600-лѣтней дѣятельности, они потерпѣли сильный ударъ отъ самого главы церкви, когда (8 дек. 1855 г.) Пій IX провозгласилъ догматъ непорочнаго зачатія Богоматери, противъ котораго они всегда возставали.

Жизнеописаніе Доминика составлено Іорданомъ, его преемникомъ въ качествѣ генерала ордена. См. въ Acta SS. подъ 1 августа. См. также *Lacordaire,* Vie de St. Dominique, Paris, 1840; *Caro,* St. Dominique et les Dominicains, Paris, 1853.

ДОМИЦИЛЛА — имя двухъ знатныхъ римскихъ христіанокъ перваго вѣка. Обѣ онѣ принадлежали къ Флавіеву дому и состояли въ родствѣ съ императоромъ Веспасіаномъ.—1) Первая изъ нихъ, старшая, *Флавія Домицилла,*—внучка императора Веспасіана, супруга консула и мученика Тита Флавія Климента, сына Тита Флавія Собина, старшаго брата названнаго императора, много лѣтъ бывшаго городскимъ префектомъ въ Римѣ. Изъ изслѣдованій Боргези видно, что во время его городской префектуры началось первое гоненіе на христіанъ, во время котораго потерпѣли мученическую смерть апп. Петръ и Павелъ. Тацитъ называетъ его «кроткимъ мужемъ, отвращающимся отъ крови и убійствъ», и хвалитъ его невинность и справедливость, потому что онъ, при спорѣ между Веспасіаномъ и Вителліемъ за верховную власть, не обнаружилъ ни малѣйшаго честолюбія (*Тацитъ,* Исторія, III, 65, 75). Если сравнить эту характеристику съ тѣми упреками, которые дѣлались со стороны язычниковъ первымъ христіанамъ, то можно думать, что съ него именно апостолъ началъ обращеніе этого семейства къ христіанству, за которое его дѣти и внуки умирали мученическою смертью. Мать Флавіи Домициллы была соименная ей сестра императоровъ Тита и Домиціана. Отъ своего брака съ консуломъ Флавіемъ Климентомъ, племянникомъ императора Веспасіана, она имѣла двухъ сыновей. Домиціанъ предназначалъ ихъ въ наслѣдники престола, назвалъ ихъ Веспасіаномъ младшимъ и Домиціаномъ младшимъ, и въ качествѣ воспитателя назначилъ къ нимъ Квинтиліана. Что обѣ эти брачныя четы были христіанами и подвергались гоненію отъ Домиціана, объ этомъ свидѣтельствуетъ другой языческій писатель, Діонъ Кассій: «Многихъ другихъ, также и консула Флавія Климента, хотя онъ былъ кровный родственникъ, и равнымъ образомъ имѣлъ своей женой родственную императору Флавію Домициллу, Домиціанъ приказалъ ихъ казнить. Противъ обоихъ было возбуждено обвиненіе въ безбожіи, на основаніи котораго подвергнуты были казни и многіе другіе, слѣдовавшіе іудейскимъ обычаямъ и установленіямъ, а у иныхъ отобраны были имѣнія. Домицилла была только сослана на островъ Пандатарію» (Hist. LXVII 13). Этотъ островъ Пандатарія, теперь называющійся Santa Maria, лежитъ противъ залива Геты, между Понцей и Искіей. Какъ извѣстно, безбожіе и іудейскіе обычаи были тѣми обвиненіями, которыя взводились въ Домиціаново гоненіе противъ христіанъ. Это осужденіе двухъ христіанскихъ супруговъ, которое, по Светонію (In Domit. c. 15), состоялось по по tenuissima suspicio, послужило ближайшимъ поводомъ къ событію огромной политической важности, именно къ заговору, который стоилъ Домиціану жизни. Филостратъ (Vita Apollonia, VIII, 25) прямо говоритъ, что однимъ изъ заговорщиковъ былъ Стефанъ, вольноотпущенникъ жены консула Флавія Климента, хотѣвшій отомстить за своихъ патроновъ; того же Стефана Светоній называетъ прокураторомъ Домициллы. Изъ сопоставленія этихъ двухъ текстовъ мы получаемъ новое свидѣтельство, что Д. была жена Флавія Климента. Память ея въ въ римской церкви празднуется 7 мая. — 2) Другая, младшая, *Домицилла* была племянницей того же консуларія, и по тѣмъ же

основаніямъ сослана была въ Пандатарію. Сказаніе говоритъ, что въ 102 г. она съ двумя своими сестрами потерпѣла огненную смерть. Римская церковь празднуетъ ея память 20 апрѣля.

ДОМИЦІАНЪ, римскій императоръ (81—96); обыкновенно считается виновникомъ второго великаго гоненія на христіанъ. Дѣло произошло такимъ образомъ. 1) При Веспасіанѣ и Титѣ съ іудеевъ взималась подать для Юпитера Капитолійскаго; Светоній говоритъ (Domit. 12), что при Д. эта подать распространена была также и на тѣхъ, кто жили по образу іудеевъ, хотя бы и не признавали себя іудеями, или которые скрывали свою народность и религію. 2) Въ царствованіе Д. впервые начали раздаваться обвиненія въ безбожіи, и упоминаются примѣры осужденія на основаніи этого преступленія, хотя и безъ точнаго обозначенія, что жертвами были христіане; только Діонъ Кассій (XXVII, 14) говоритъ, что въ безбожіи обвинялись всѣ, кто были обращены въ іудейство. Наконецъ, Евсевій говоритъ, что въ царствованіе Д. многіе христіане потерпѣли мученичество. При свѣтѣ этихъ-то фактовъ и нужно читать свидѣтельство Тертулліана (Apologet. 5) о томъ, что Д. началъ преслѣдовать христіанъ, хотя позже и отказался отъ этого дѣла. Разслѣдованія, которыя императоръ произвелъ касательно потомковъ Давида (Евсевій, III, 12, 20) имѣли, просто политическую цѣль. Когда ему сказали, что эти люди опасны въ политическомъ отношеніи, онъ потребовалъ двоихъ изъ нихъ къ себѣ лично и разспрашивалъ ихъ о Христѣ и Его царствѣ. Но когда они отвѣтили, что царство Христово не отъ міра сего и начнется не раньше того, какъ погибнетъ этотъ міръ, и показали ему свои мозолистыя руки, которыми они сами обработывали свою землю, то онъ, вполнѣ убѣдившись въ ихъ безопасности, съ презрѣніемъ отослалъ ихъ обратно. Послѣ пятнадцатилѣтняго царствованія, Д., передъ жестокостью котораго не могли болѣе считать себя безопасными даже его наиболѣе приближенныя лица, умерщвленъ былъ 18 сент. 96 г. на сорокъ пятомъ году своей жизни.

Домнъ — имя двухъ римскихъ папъ. Изъ нихъ *Домнъ I*, папа VII в., былъ природный римлянинъ; послѣ смерти Адіодата, избранъ былъ въ августѣ 676 г., но посвященъ только 2 ноября того же года; онъ правилъ церковью до 11 апрѣля 678 г. О его папствованіи извѣстно мало. Онъ изгналъ изъ одного римскаго монастыря сирійскихъ несторіанъ, и былъ любителемъ строительства, результатомъ чего осталось въ Римѣ нѣсколько выдающихся зданій. Главнымъ событіемъ его правленія было то, что онъ принудилъ равеннскаго архіепископа Репарата, стремившагося къ свободѣ и независимости, подчиниться римскому престолу. *Домнъ II* раньше значился въ числѣ папъ. Его папствованіе полагали между Бенедиктомъ VI и Бенедиктомъ VII въ 974 г. Но Гизебрехтъ убѣдительно доказалъ, что никакого папы Домна II не существовало и имя его лишь по ошибкѣ позднѣйшихъ хронистовъ внесено было въ списокъ римскихъ папъ.

Домнъ (господинъ, лат.)—имя нѣсколькихъ святыхъ. Изъ нихъ **Домнъ**—одинъ изъ 40 муч., *пам. 9 марта*, и другой **Домнъ** препод.—одинъ изъ синайскихъ отцовъ, въ Синаѣ и Раиѳѣ избіенныхъ, *пам. 14 января*.

Домна (госпожа, лат.)—муч. дѣвица, имя нѣкоторыхъ святыхъ женъ. Изъ нихъ— **Домна** муч. была обращена въ христіанство св. священномученикомъ Анѳимомъ, епископомъ въ Никомидіи. Была замучена при императорѣ Максиміанѣ съ епископомъ Анѳимомъ и другими христіанами. *Пам. 3 сент. Память* другихъ Домнъ *28 янв. и 28 дек.*

Домника св. муч. Жила въ киликійской области. Пострадала отъ правителя Лисія, при императорѣ Діоклитіанѣ въ 285 г. Претерпѣла страшныя мученія, послѣ чего была брошена въ темницу, гдѣ и скончалась. *Пам. 12 октября.*

Домника препод., жила въ V вѣкѣ. Происходила родомъ изъ Карѳагена. Крещена въ Константинополѣ епископомъ Нектаріемъ, который объ ея прибытіи былъ извѣщенъ свыше. Послѣ крещенія поступила въ монастырь, гдѣ, предавшися строгимъ подвигамъ поста, непрестанными трудами достигла такого высшаго духовнаго совершенства, что исцѣляла больныхъ, предвидѣла будущее, повелѣвала стихіями, чѣмъ много вліяла на разсѣянныхъ жителей столицы. Умерла въ глубокой старости. Предвидѣла день своей смерти и мирно скончалась около 474 г. *Пам. 8 янв.*

Домникія препод., дочь богатыхъ и благочестивыхъ родителей родомъ изъ Антіохіи, спасалась въ маленькой кельѣ у своихъ родителей въ саду. Подвигъ ея былъ постоянный плачъ, ношеніе власяницы и постъ. Постоянно посѣщала храмъ Божій и ходила съ всегда закрытымъ лицомъ, питалась только моченой чечевицей, отчего тѣло ея было какъ бы высохшимъ. Много притомъ благотворила бѣднымъ. Жила въ V столѣтіи. *Пам. 28 февр.*

Домнинъ муч. (господинъ, лат.), *пам. 1 октября.*

Домнина св. дѣвица, жила въ Сиріи въ V вѣкѣ. Отличалась строгою жизнію, ходила постоянно съ покрытымъ лицомъ. Скончалась около 450 г. *Пам. 1 марта.*

Домнина св. мученица, знатная римлянка изъ Антіохіи. Жила въ IV вѣкѣ. Однажды она шла въ городъ съ своей дочерью св. муч. Виринеей и съ св. муч. Проскудіей; ихъ встрѣтили воины и хотѣли обезчестить, а они всѣ три бросились въ море и потонули. *Пам.* ихъ *4 окт.*

ДОМОСТРОЙ—извѣстный литерат. памятникъ XVI в., приписываемый московскому благовѣщенскому протопопу Сильвестру. О личности Сильвестра свѣдѣнія сохранились очень скудныя. Первое извѣстіе о немъ относится къ 1547 г., когда въ Москвѣ по случаю страшнаго пожара, опустошившаго городъ, произошло народное возмущеніе противъ родственниковъ молодого царя Ивана IV Васильевича по матери, князей Глинскихъ. Народъ, подученный нѣкоторыми недоброжелателями Глинскихъ, обвинилъ послѣднихъ въ волхвованіи, бывшемъ будто бы причиною пожара, убилъ дядю царя, князя Юрія Михайловича Глинскаго, и явился къ царскому двору въ Воробьево село съ требованіемъ у царя выдать ему бабку свою, княгиню Анну Глинскую, мать Елены, супруги Василія III. Хотя зачинщики бунта были схвачены и казнены, однако пожаръ и народное волненіе произвели сильное впечатлѣніе на душу молодого (17 лѣтъ) царя. Въ это время явился къ нему благовѣщенскій священникъ Сильвестръ, выходецъ изъ Новгорода, сталъ говорить ему отъ Свящ. Писанія и заклинать страшнымъ именемъ Божіимъ; кромѣ того разсказалъ ему о чудесахъ, о явленіяхъ, какъ бы отъ Бога происшедшихъ, и достигъ своей цѣли; царь далъ обѣщаніе исправиться и посвятить себя на служеніе благу народа.

Несомнѣнно, что Сильвестръ переселился изъ Новгорода въ Москву задолго до 1547 г., такъ какъ иначе онъ не успѣлъ бы пріобрѣсть довѣріе ни у царя, ни у бояръ, равно какъ несомнѣнно и то, что Сильвестръ не явился бы и не былъ бы принятъ царемъ въ 1547 году, если бы не былъ извѣстенъ царю ранѣе; кромѣ того, извѣстно, что Сильвестръ былъ весьма друженъ съ удѣльнымъ княземъ Владиміромъ Андреевичемъ Старицкимъ и матерью его; въ правленіе князя Бѣльскаго и митр. Іоасафа, въ малолѣтство Ивана Грознаго, Владиміръ Андреевичъ съ матерью были освобождены изъ заключенія по ходатайству Сильвестра; отсюда можно заключить, что уже тогда Сильвестръ имѣлъ важное значеніе въ Москвѣ.

Съ 1547 года Сильвестръ пріобрѣлъ неограниченное довѣріе у царя и сталъ всесильнымъ человѣкомъ въ государствѣ. По свидѣтельству «Царств. книги», Сильвестръ «былъ у государя въ великомъ жалованьи и совѣтѣ духовномъ и думномъ и бысть яко все мога, и вси его послушаху, и никто же смѣяше ни въ чемъ же противитися ему ради царскаго жалованья. Указоваше и митрополиту, и владыкамъ, и архимандритамъ, и игуменамъ, и чернецамъ, и попамъ, и боярамъ, и дьякамъ, и приказнымъ людямъ, и воеводамъ, и дѣтямъ боярскимъ, и всякимъ людямъ, и спроста сказать всякія дѣла и власти святительскія и царскія правяше, и никтоже смѣяше ничтоже рещи, ни сотворити по его повелѣнію, и всѣми владѣяше обѣма властьми и святительскими и царскими, якоже и царь и святитель, точію имене и образа и сѣдалища не имѣяше, но токмо чтимъ добрѣ всѣми и владѣяше всѣмъ со своими совѣтники».

Однако Сильвестръ не умѣлъ удержаться на своей высотѣ. Его мелочная и назойливая нравоучительность, о которой можно судить по его «Домострою», столкнулась со страстной, не терпѣвшей никакихъ сдержекъ природой царя. Съ теченіемъ времени подозрительнымъ царю показалось, что съ нимъ поступаютъ какъ съ младенцемъ. «Не было мнѣ ни въ чемъ воли, жаловался онъ потомъ, сколько спать, какъ одѣваться, все было опредѣлено... Попробую прекословить и вотъ мнѣ кричатъ, что и душа-то моя погибнетъ и царство-то разорится»,

Когда же Сильвестръ окружилъ себя при царскомъ дворѣ партіей и свое пѣстунство изъ нравственной сферы перенесъ въ политическую, сталъ требовать отъ своего духовнаго сына подчиненія своимъ совѣтамъ и въ этой сферѣ, напр. укорялъ его за ливонскую войну и требовалъ продолженія крымской, когда кромѣ того еще разошелся съ любимой супругой царя Анастасіей, когда наконецъ во время опасной болѣзни царя въ 1553 году, при возникшемъ тогда вопросѣ о престолонаслѣдіи, сталъ на сторонѣ не сына Іоаннова, а Владиміра Андреевича, царь окончательно поставилъ его и его партію на одну доску съ крамольниками-боярами.

Около того же 1553 года дьякъ Иванъ Михайловичъ Висковатовъ обвинилъ Сильвестра предъ митроп. Макаріемъ въ томъ, что онъ приказалъ изобразить на стѣнахъ Благовѣщенскаго собора Троицу въ дѣяніяхъ, Вѣрую, Хвалите Господа, Достойно, Почи Господь въ день седьмый и пр. Въ 1554 г. былъ созванъ соборъ, который рѣшилъ дѣло въ пользу Сильвестра, а Висковатаго за хулу на иконы отлучилъ на три года отъ причастія. «Всякій долженъ знать свой чинъ, сказалъ ему митрополитъ, овца не должна дѣлать изъ себя пастыря, нога не должна думать, что она голова. Слушай духовныхъ отцовъ. Вамъ не велѣно о Божествѣ испытывать; зналъ бы ты свои приказныя дѣла, не разроняй списковъ».

Чувствуя охлажденіе къ себѣ царя, Сильвестръ въ 1559 году добровольно удалился въ Кирилловъ-Бѣлоозерскій монастырь и здѣсь постригся съ именемъ Спиридона. Въ 1560 году послѣ смерти царицы Анастасіи Иванъ Грозный по навѣтамъ враговъ Сильвестра приказалъ заточить Сильвестра-Спиридона въ Соловецкій монастырь, гдѣ онъ и скончался.

Отъ Сильвестра остались: 1) два посланія къ князю Шуйскому-Горбатому; 2) челобитная собору 1554 г.; 3) Житіе св. кн. Ольги и 4) Домострой. Домострой въ полномъ своемъ составѣ существовалъ до Сильвестра, Сильвестръ же только измѣнилъ его и въ концѣ дополнилъ собственнымъ сочиненіемъ—посланіемъ къ сыну Анѳиму. Древнѣйшій списокъ Домостроя въ томъ видѣ, какъ онъ существовалъ до Сильвестра, относится если не къ первой четверти, то къ первой половинѣ XVI в. О составителѣ этого сборника, неизвѣстномъ по имени, можно сказать только то, что онъ былъ отецъ семейства и хотѣлъ дать своему сыну руководство для жизни. Первая часть Домостроя обнимаетъ первыя 15 главъ и кратко излагаетъ наставленія собственно о религіозныхъ обязанностяхъ христіанина по отношенію къ Богу и ближнимъ, въ частности ко властямъ гражданскимъ и духовнымъ. Домъ всякаго христіанина, по мысли автора, долженъ быть какъ бы малою церковію; въ немъ по стѣнамъ должны быть поставлены св. иконы, предъ которыми во время молитвы нужно зажигать свѣчи и кадить ѳиміамомъ. Каждый день вечеромъ вся семья должна отпѣть вечерню и повечеріе; въ полночь тайно вставать и молиться, утромъ пѣть заутреню и часы, а въ праздникъ и и молебенъ; въ праздники и посты беречься объяденія и пьянства, отъ пустыхъ бесѣдъ и смѣхотворства и т. п.; въ рукахъ слѣдуетъ всякому носить четки, а въ устахъ непремѣнно имѣть молитву Іисусову, въ праздники призывать на домъ духовенство для молебновъ и святить воду животворящимъ крестомъ; по родителямъ служить литургіи, пѣть панихиды, кормить нищихъ за здравіе и за упокой и т. д.

Въ 14 слѣдующихъ главахъ излагаются наставленія касательно семейной жизни. Мужъ—глава семейства, господинъ дома; онъ долженъ учить жену и дѣтей и домочадцевъ не красть, не лгать, не обижать и вообще не творить никакого грѣха; жена вопрошаетъ мужа о всякомъ благочиніи, какъ спасти душу и угодить Богу, какъ устроить домъ, и во всемъ должна повиноваться мужу. Вставъ отъ сна, жена должна назначить слугамъ дневную работу и сама должна наблюдать за всѣми; она никогда не должна оставаться безъ дѣла. О дѣтяхъ родители должны имѣть постоянное попеченіе, учить ихъ страху Божію и всякому благочинію, учить и рукодѣлію; для дочери кромѣ того необходимо заблаговременно запасать приданое, каждый годъ откладывать ей въ особый сундукъ полотна, посуду, платья: какъ замужъ сговорятъ, для нея все уже готово. Въ обществѣ нужно вести себя такъ, чтобы всѣхъ расположить къ себѣ, ни въ комъ не возбудить къ себѣ непріязни и вражды,—для этого въ гостяхъ можно сказать и ложь, притворно хвалить всѣ кушанья, хотя бы иное было гнило и затхло.

Въ третьей самой обширной части, обнимающей остальныя 34 главы, содержится множество самыхъ разнородныхъ и подробныхъ замѣтокъ, наставленій правилъ относительно экономіи и хозяйства, какъ, напр., кроить, шить и носить платья, какъ дѣлать годовые запасы всякой провизіи и хлѣба; какъ водить садъ, огородъ, варить пиво, медъ; какъ строить дворъ, лавку, амбаръ; какъ вести счеты съ торговыми людьми; какъ приготовлять обѣды и пиры для гостей, варить кушанья постныя и скоромныя, когда что подавать на столъ и т. п. Жена должна бесѣдовать съ гостями о рукодѣліи и домашнемъ строеніи, и, чего не знаетъ, о томъ спрашивать у добрыхъ женъ вѣжливо и ласково и за всякое указаніе челомъ бить. Если жена внимательна и дѣлаетъ все, какъ слѣдуетъ, мужъ любитъ ее и жалуетъ. Если же не творитъ такъ, какъ «въ сей книгѣ написано, то мужу слѣдуетъ наказывать свою жену наединѣ, да по наказаніи пожаловать и примолвить, а гнѣваться другъ на друга они не должны, но всегда жить во любви и чистосердечіи. Равнымъ образомъ слугъ и дѣтей, смотря по дѣлу, хозяинъ долженъ учить, наказывать и раны возлагать. Если же слово и наказаніе нейметъ жены или сына или дочери, тогда смотря по винѣ постегать плетью наединѣ, а не предъ людьми, и поучивъ, примолвить и пожаловать, безъ гнѣва. А за всякую вину по уху и по лицу не бить, ни кулакомъ подъ сердце, ни пинкомъ, ни посохомъ не колотить, желѣзнымъ и деревяннымъ. Когда же окажется великая вина, то и рубашку снять и плетію вѣжливенько побить, держа за руки, а затѣмъ примолвить безъ гнѣва».

Въ отношеніи слугъ господинъ или госпожа должны всегда наблюдать за ними и спрашивать ихъ о всякой нуждѣ, о пищѣ, питіи, одеждѣ, о всякой потребѣ, скудости, обидѣ и болѣзни, и Бога ради промышлять и имѣть попеченіе о нихъ отъ всей души, какъ о своихъ и о присныхъ своихъ. Кто нерадитъ и не болѣзнуетъ о нихъ, дастъ Богу отвѣтъ, а кто съ любовію бережетъ и хранитъ ихъ, великую милость получитъ отъ Бога; ибо рабы и рабыни Богомъ созданы и намъ поручены отъ Бога на послугу, да печемся о нихъ. А держать у себя людей по силѣ, чтобы можно было удоволить ихъ пищею и одеждою; если же держать людей не по силѣ и не удовлетворять ихъ пищею и одеждою, то тѣмъ слугамъ, которые нерукодѣльны и не умѣютъ сами себѣ что промыслить, поневолѣ придется плакать, красть, лгать, пьянствовать и чинить всякое зло. Надобно людей не только кормить и одѣвать, но въ страхѣ Божіемъ имѣть и въ добромъ наказаніи, чтобы спасти ихъ души.

Въ послѣдней главѣ, въ обращеніи къ своему сыну Аѳиму, Сильвестръ, между прочимъ, указываетъ на себя, какъ на примѣръ. «Ты видѣлъ, сынъ мой, говоритъ авторъ, какъ я жилъ въ этомъ житіи во благословеніи и страхѣ Божіемъ, въ простотѣ сердца и церковномъ прилежаніи, всегда пользуясь божественнымъ Писаніемъ; какъ, Божіею милостію, я отъ всѣхъ былъ почитаемъ и всѣми любимъ, какъ всякому я старался угодить въ потребныхъ случаяхъ и рукодѣліемъ, и службою, и покорностію, а не гордынею, ни прекословіемъ. Не осуждалъ я, не осмѣивалъ, не укорялъ, и ни съ кѣмъ не бранился; приходила отъ кого обида, терпѣлъ ради Бога и на себя вину полагалъ, и чрезъ то враги дѣлались друзьями. Если какою виною, душевною и тѣлесною, согрѣшалъ я предъ Богомъ и предъ людьми, скоро о томъ плакался къ Богу и каялся предъ отцомъ духовнымъ со слезами, умильно прося прощенія, и съ любовію хранилъ его духовныя заповѣди. Если кто обличалъ меня въ какомъ прегрѣшеніи или какомъ невѣжествѣ, или духовно наставлялъ, или въ посмѣхъ поносилъ меня и укорялъ, все это я принималъ и внималъ себѣ; если то было по дѣломъ, я каялся и отъ такихъ дѣлъ удалялся съ Божіею помощію; а если неповинно и не по дѣлу была молва, или поношеніе, или посмѣхъ, или укоризна, или ударъ, во всемъ томъ я винился и не оправдывалъ себя предъ людьми: Богъ исправитъ это праведнымъ Своимъ милосердіемъ... Не пропускалъ я никогда церковнаго пѣнія отъ юности моей и до сего времени, развѣ только по немощи, никогда не презрѣлъ нищаго, ни страннаго, ни печальнаго, развѣ только по невѣдѣнію; заключенныхъ въ темницы и больныхъ посѣщалъ, плѣнниковъ и должниковъ по силѣ выкупалъ, голодныхъ по силѣ кормилъ. Рабовъ своихъ всѣхъ освободилъ и надѣлилъ и иныхъ выкупалъ изъ рабства и на свободу выкупалъ. И всѣ тѣ

рабы наши свободны и добрыми домами живутъ, какъ видишь, и молятъ за насъ Бога и всегда доброхотствуютъ намъ. Видѣлъ ты, чадо, какъ многихъ сиротъ, рабовъ и убогихъ, мужескаго пола и женскаго, въ Новгородѣ и здѣсь въ Москвѣ, я вскормилъ и вспоилъ до совершеннаго возраста и научилъ, кто къ чему былъ способенъ: многихъ грамотѣ, писать и пѣть, иныхъ иконному письму, иныхъ книжному рукодѣлію, однихъ серебряному мастерству, другихъ всякому рукодѣлію, а иныхъ научилъ всякой торговлѣ. А мать твоя многихъ дѣвицъ и вдовицъ и убогихъ воспитала въ добромъ наказаніи, научила рукодѣлію и всякому домашнему обиходу и, надѣливъ, замужъ повыдавала, а мужчинъ мы поженили у добрыхъ людей. И всѣ тѣ, Богъ далъ, люди свободные, домами своими живутъ; многіе въ священническомъ и діаконскомъ чинѣ, въ дьякахъ, подъячихъ и во всякихъ чинахъ, кто чего дородился и въ чемъ кому Богъ благословилъ быть. Не позналъ я другой жены, кромѣ матери твоей, и данный ей обѣтъ исполнилъ... Вспоминай, сынъ мой, великое милосердіе Божіе къ намъ, отъ юности и до сего времени на поруку я не давалъ никого, ни меня не давалъ никто; на судѣ не бывалъ ни съ кѣмъ, не бывалъ ни истцомъ, ни отвѣтчикомъ. Видѣлъ ты самъ: мастеровъ всякихъ было много, иконники, книжные писцы, серебряные мастера, кузнецы, плотники, каменщики и всякіе рукодѣльники; деньги я давалъ имъ на рукодѣлье впередъ, по рублю, по два, по три, по пяти, по десяти и болѣе; многіе изъ нихъ были своевольны и бражники, и со всѣми тѣми мастерами, въ сорокъ лѣтъ, далъ Богъ, я раздѣлался со всѣми безъ остуды и безъ пристава и безъ всякой кручины; все то мирилъ я хлѣбомъ да солью, да питьемъ, да подачею и всякою добродѣтелью, да своимъ терпѣніемъ. Самъ у кого что покупалъ, тому отъ меня милая ласка, безъ волокиты платежъ, да еще хлѣбъ-соль. Зато дружба во вѣкъ: мимо меня не продастъ и во всемъ сдѣлаетъ уступку. А кому что продавалъ, все въ любовь, а не въ обманъ; нелюбъ кому мой товаръ, я назадъ возьму, а деньги отдамъ; о куплѣ и продажѣ ни съ кѣмъ брани и тяжбы не бывало, оттого добрые люди во всемъ вѣрили, здѣшніе и иностранцы. Ни кому ни въ чемъ не лгалъ, ни просрочивалъ, ни въ рукодѣліи, ни въ торговлѣ; ни кабалы, ни записи на себя ни въ чемъ не давалъ. А видѣлъ ты самъ, какія великія сплетни со многими людьми были, и все то, далъ Богъ, безъ вражды кончилось. Не богатствомъ жилъ я съ добрыми людьми, а правдою, да ласкою, да любовію, а не гордостію, и безъ всякой лжи» и т. д.

Древнѣйшій списокъ Домостроя въ томъ видѣ, какъ онъ вышелъ изъ рукъ Сильвестра, относится ко второй половинѣ или даже къ концу XVI в. Печатныя изданія Домостроя сдѣланы г. Кожанчиковымъ въ 1868 г. (Спб.) и во Времен. моск. истор. Общ., кн. I отд. 2, кн. VI отд. II, Москва 1849—1850 г.

Литература. *Некрасовъ*, Опытъ историко-литерат. изслѣдованія о происхожденіи древне-русскаго Домостроя, Чтенія моск. ист. общ. 1872 г. кн. III, отд. I; *Аванасьевъ*, «Отеч. Зап.» 1850 г. № 7; *Соловьевъ* С., Ист. рус. госуд. т. VII; *Макарій*, Ист. рус. ц. т. VII; *Порфирьевъ*, «Правосл. Собес.» 1860 г. ч. III, 279; Словарь историч. о бывшихъ въ Россіи писателяхъ дух. чина, т. I. Спб. 1827 г.; *Знаменскій* П. Руков. по ист. рус. ц.

А. Кремлевскій.

Донатъ—1) св. мученикъ изъ верхней Италіи, пострадавшій при Максиміанѣ, вѣроятно со множествомъ другихъ непоколебимыхъ христіанъ, которые въ 303 г. послѣ многихъ перенесенныхъ ими пытокъ были обезглавлены при рѣкѣ Лименѣ.—2) **Д.**—епископъ арецкій, который въ 361 г. при Юліанѣ Отступникѣ былъ обезглавленъ за то, что отказался принесть жертву идоламъ.—3) **Д.** Элій—риторъ и грамматикъ, учитель бл. Іеронима. Составленная имъ латинская грамматика въ теченіе среднихъ вѣковъ была почти исключительнымъ учебникомъ латинскаго языка, вліяніе ея замѣтно еще и теперь въ школьномъ преподаваніи этого языка.

ДОНАТИСТЫ—раскольники IV вѣка. Вотъ исторія ихъ происхожденія. Вслѣдствіе ужасовъ гоненія Діоклетіанова, среди христіанъ возникло сильное стремленіе къ мученичеству и даже къ смерти за вѣру. Отъ христіанъ требовали выдачи ихъ священныхъ книгъ; но не только многіе отказались исполнить это требованіе, но нѣкоторые даже нарочито выступали съ заявленіемъ, что у нихъ есть такія книги, но они ни за что въ свѣтъ не выдадутъ ихъ. Имя «предатель (traditor), т. е. человѣкъ, который выда-

валъ гонителямъ священныя книги, сдѣлалось особенно ненавистнымъ. Менсурій, епископъ карѳагенскій, открыто выступилъ противъ увлеченій добровольныхъ мучениковъ и чрезмѣрнаго благоговѣнія къ исповѣдникамъ. Онъ послалъ своего архидіакона Цециліана въ тюрьмы, гдѣ находились исповѣдники, и велѣлъ силою разогнать толпы, собиравшіяся тамъ для восторженнаго поклоненія имъ. Но, вслѣдствіе этого, фанатики пришли лишь въ еще большее возбужденіе, и можно было ожидать, что они воспользуются первымъ случаемъ, чтобы отмстить за себя. Въ 305 г. состоялся соборъ въ Циртѣ; но еще прежде, чѣмъ открылся соборъ, приматъ Нумидіи, епископъ Секундъ тигизійскій, предложилъ, чтобы было произведено разслѣдованіе, нѣтъ ли предателей среди собравшихся. Результатомъ разслѣдованія было то, что почти каждый изъ присутствующихъ епископовъ оказался повиннымъ въ этомъ преступленіи, въ той или другой формѣ. Подозрѣніе пало даже на самого Секунда. Вслѣдствіе этого, онъ принужденъ былъ прекратить разслѣдованіе; но когда онъ услышалъ о смутахъ, происшедшихъ въ Карѳагенѣ, то послалъ епископу Менсурію и Цециліану предостереженіе. Менсурій умеръ въ 311 г., и, по обычному теченію дѣлъ, преемникомъ ему сдѣлался архидіаконъ; и такъ какъ было извѣстно, что Цециліанъ держался тѣхъ же воззрѣній, какъ и Менсурій, то умѣренные поспѣшили избрать его, не дожидаясь прибытія нумидійскихъ епископовъ и не приглашая примата, Секунда тигизійскаго, для совершенія рукоположенія. Нумидійскіе епископы сильно оскорбились оказаннымъ имъ пренебреженіемъ, и стали на сторону ригористовъ. Секундъ созвалъ соборъ и потребовалъ Цециліана къ отвѣту. Такъ какъ Цециліанъ не явился на соборъ, то онъ былъ низложенъ и отлученъ, и на мѣсто его былъ избранъ Майоринъ. Когда Майоринъ умеръ (313 г.), преемникомъ его сдѣлался Донатъ, называемый Великимъ, который собственно и былъ родоначальникомъ донатизма.

Такъ произошелъ въ карѳагенской церкви расколъ. Теперь было два епископа и двѣ паствы. Изъ главнаго города расколъ распространился на всю провинцію. Большинство провинціальнаго населенія и значительное число епископовъ высказались въ пользу Доната. Внѣ Африки, однако, законнымъ епископомъ вообще признавали Цециліана, а противную партію (pars Majorini, впослѣдствіи pars Donati, Donatiani или Donatistae) стали считать раскольниками, отдѣлившимися отъ истинной каѳолической церкви. Въ эдиктѣ 313 г. Константинъ Великій обѣщалъ церкви Африки свое покровительство; но донатисты были намѣренно лишены императорскаго благоволенія. Они немедленно же обратились къ императору съ просьбою изслѣдовать ихъ жалобы противъ Цециліана. Онъ согласился и назначилъ особую коммиссію изъ пяти епископовъ изъ Галліи, во главѣ съ римскимъ епископомъ Мелхіадомъ. Коммиссія потребовала къ себѣ Цециліана и по десяти африканскихъ епископовъ каждой партіи. Представителемъ донатистовъ выступилъ Донатъ изъ Казы-Нигры. Но, несмотря на всѣ его усилія, Цециліанъ былъ оправданъ, и Донатъ низложенъ. Другимъ донатистскимъ епископамъ позволено было удержать свои мѣста и санъ подъ условіемъ, что они возвратятся въ лоно каѳолической церкви. Но осужденные не хотѣли подчиниться. Они жаловались императору на партійность приговора и просили, чтобы въ Африку были посланы юридически образованныя лица, которыя могли бы выслушать свидѣтелей, собрать всѣ доводы и предложить дѣло на рѣшеніе собора епископовъ. Просьба эта была удовлетворена, и въ Карѳагенъ явились императорскіе уполномоченные. Но эти уполномоченные рѣшили дѣло въ пользу Цециліана. Донатисты отъ этого приговора пришли въ крайнее возбужденіе, и обратились съ апелляціей прямо къ императору. Константинъ былъ удивленъ, и ему было непріятно, что у него, язычника, просятъ рѣшенія вопроса по внутреннимъ дѣламъ христіанской церкви; тѣмъ не менѣе, онъ принялъ апелляцію, вызвалъ Цециліана и его обвинителей въ Медіоланъ (316 г.) и осудилъ послѣднихъ, какъ повинныхъ въ клеветѣ. Всякое дальнѣйшее противодѣйствіе теперь дѣлалось преступленіемъ противъ императорскаго величества; тѣмъ не менѣе донатисты отказались подчиниться и Константинъ предпочелъ игнорировать все дѣло. Констансъ, однако, не продолжалъ политики своего отца, и та суровость, съ которою онъ обращался съ донатистами, немедленно повела къ самымъ страннымъ ре-

зультатамъ. Африка много терпѣла въ это время отъ страннаго рода аскетовъ, такъ называемыхъ циркумцелліоновъ (см.). Между этими циркумцелліонами и низшими агентами донатистской партіи состоялось сліяніе, и результатомъ былъ полный мятежъ, который, однако, быстро былъ подавленъ Тавриномъ (345 г.). Въ это время Цециліанъ умеръ, и ему наслѣдовалъ Гратъ. Расколъ продолжался и вскорѣ вспыхнулъ новый ятежъ. Такъ какъ большинство донатимногіе были совершенно разорены, то Констансъ послалъ (358 г.) Павла и Макарія въ Африку, съ цѣлью умиротворенія ихъ съ помощью щедрыхъ пособій. Но Донатъ Великій запальчиво высказался противъ такой попытки умиротворенія. Донатъ багайскій встрѣтилъ посланныхъ во главѣ толпы вооруженныхъ циркумцелліоновъ. Движеніе, однако, было вскорѣ подавлено. Донатъ багайскій былъ обезглавленъ, Донатъ Великій изгнанъ, донатистскія церкви закрыты. Положеніе партіи совершенно измѣнилось съ восшествіемъ на престолъ Юліана. Однимъ изъ способовъ его борьбы противъ православной церкви было поддержаніе еретиковъ и раскольниковъ. Донатистамъ немедленно же было позволено пользоваться своими церквами, и ихъ изгнанные епископы были возвращены. Донатъ Великій умеръ, но Юліанъ назначилъ его преемникомъ Парменіана и силою водворилъ его въ Карѳагенѣ. Донатисты на короткое время имѣли власть и не злоупотребляли ею. Но Валентиніанъ I и Гратіанъ опять издали противъ нихъ весьма суровые законы (373 и 375 гг.).

Между тѣмъ, начались внутренніе безпорядки въ сектѣ. Одинъ изъ наиболѣе видныхъ ея членовъ, Тихоній, отличавшійся большою ученостью и цѣнившійся въ качествѣ автора сочиненія подъ заглавіемъ: «Семь правилъ къ изслѣдованію смысла Св. Писанія», отвергъ новаціанскіе взгляды, содержимые большинствомъ донатистовъ, и возсталъ противъ выставочной исключительности партіи. Такіе болѣе кроткіе и болѣе умѣренные взгляды нашли многихъ приверженцевъ. Приміанъ, преемникъ Парменіана, принадлежалъ къ умѣренной сторонѣ секты, и вскорѣ пришелъ въ столкновеніе съ крайними элементами, во главѣ которыхъ стоялъ діаконъ Максиміанъ. Столкновеніе было весьма рѣзкое, и когда онъ дерзнулъ отлучить Максиміана, представители крайней партіи составили соборъ (393 г.), низложили его, а на его мѣсто избрали епископомъ Максиміана. Такимъ образомъ, въ Карѳагенѣ оказалось три епископа, и въ то время, какъ секта, такимъ образомъ, очевидно, переходила въ состояніе упадка, она нашла себѣ самаго рѣшительнаго и самаго могущественнаго противника въ лицѣ бл. Августина. Онъ написалъ противъ секты нѣсколько книгъ; когда онѣ, повидимому не имѣли особенно большого успѣха, то онъ, ссылаясь на Лук. **14**, 23, порѣшилъ принять болѣе энергичныя мѣры. Состоявшійся въ Карѳагенѣ (405 г.) соборъ просилъ императора Гонорія издать уголовные законы противъ донатистовъ. Просьба была уважена, и, въ силу новаго закона, міряне подвергались штрафу, духовные изгонялись и церкви закрывались. Но Гонорій опасался увеличивать число своихъ враговъ, которыхъ у него и безъ того было много, и потому, въ 409 г., издалъ новый указъ о вѣротерпимости; однако, этотъ указъ возбудилъ такую бурю въ православной церкви, что его немедленно пришлось отмѣнить. Тогда въ Карѳагенѣ устроенъ былъ (411 г.) диспутъ—Collatio cum Donatistis. На этомъ диспутѣ присутствовало 286 православныхъ и 279 донатистскихъ епископовъ, при чемъ выразителями первыхъ были бл. Августинъ и Аврелій, а представителями послѣднихъ—Приміанъ и Патиліанъ. Споръ продолжался въ теченіе трехъ дней, но не привелъ ни къ какому результату. Наконецъ, императорскій уполномоченный заявилъ, что донатисты побѣждены, и противъ нихъ рѣшено было принять весьма суровыя мѣры. Въ 414 г. они лишены были всѣхъ гражданскихъ правъ; въ 415 г. имъ запрещено было собираться для богослуженія, подъ страхомъ смерти. Тѣмъ не менѣе, они не были истреблены, и продолжали существовать до VII вѣка, когда сарацины завоевали страну и разрушили африканскую церковь.

Литература. *Optatis Milevitanus,* De schismate Donatistarum, изд. *Дю-Пэномъ*, Paris, 1700; *Völter*, D. Ursprung d. D., Freib-im-Br. 1883.

ДОПОЛНЕНІЯ И ИСПРАВЛЕНІЯ.

ГЕРАСИМЪ Яредъ—сиріецъ родомъ, воспитанникъ с.-петербургской дух. академіи, магистръ богословія. По окончаніи курса въ академіи, какъ одинъ изъ лучшихъ воспитанниковъ, по рекомендаціи своего учителя профессора церковной исторіи И. В. Чельцова былъ оставленъ при академіи въ качествѣ привать-доцента по каѳедрѣ византійской исторіи, для него спеціально открытой, которую и занималъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ (1871—76 гг.); затѣмъ состоялъ ректоромъ—сначала псковской, а затѣмъ рижской дух. семинарій. Но холоденъ былъ суровый сѣверъ для сына горячей Сиріи, и его потянуло въ теплый родной край, гдѣ онъ поступилъ на служеніе іерусалимскаго патріарха и скоро достигъ высокаго положенія митрополита селевкійскаго въ каковомъ санѣ и скончался въ 1899 г. Будучи еще въ академіи, онъ написалъ магистерскую диссертацію подъ заглавіемъ «Отзывы о св. Фотіи, патріархѣ константинопольскомъ,—его современниковъ въ связи съ исторіей политич. партій Византійской имперіи». Спб. (1874 г.). Въ ней онъ ярко обрисовалъ великую личность Фотія и представилъ много новыхъ научныхъ данныхъ къ выясненію его личности и къ защитѣ ея отъ навѣтовъ его многочисленныхъ враговъ, особенно кардинала Гергенрётера, не щадившаго красокъ въ своей двухтомной монографіи, чтобы очернить его въ глазахъ потомства. Объ этой диссертаціи см. лестный отзывъ проф. *А. Лебедева* въ его «Исторіи раздѣленія церквей» (Москва 1900 г.), стр. 355 и сл.

ГУМБЕРТЪ — кардиналъ, глава посольства, отправленнаго въ Константинополь для рѣшенія вопроса о примиреніи церквей и закончившаго свою дѣятельность ихъ окончательнымъ раздѣленіемъ. Род. въ Бургундіи и былъ монахомъ одного монастыря въ Лотарингіи, когда папа Левъ IX вызвалъ его въ Римъ (1049 г.). Въ слѣдующемъ году онъ сдѣланъ былъ архіепископомъ въ Сициліи и получилъ санъ кардинала. Съ этого времени онъ пользовался постояннымъ довѣріемъ папы и ему была поручена важная миссія въ Константинополь по вопросу, объ отношеніи между римской и константинопольской церквами, которую онъ, послѣ продолжительныхъ переговоровъ, высокомѣрно закончилъ тѣмъ, что демонстративно возложилъ (16 іюля 1054 г.) на алтарь Св. Софіи грамату о низложеніи и отлученіи патріарха Михаила Керулларія отъ церкви, чѣмъ формально санкціонировалъ раздѣленіе церквей. Г. пользовался благоволеніемъ и слѣдующихъ папъ—Стефана IX и Бенедикта X, которые цѣнили его высокія дипломатическія дарованія. Это вообще была въ высшей степени энергичная личность, не останавливавшаяся ни предъ какими препятствіями.

ДІАДОХЪ блаженный—епископъ Фотики въ Эпирѣ Иллирійскомъ въ V в., скончался мученическою смертію, память его чтится 31 августа. Его творенія, въ особенности «Слово Аскетическое» извѣстны въ церковной литературѣ гораздо болѣе, чѣмъ ихъ авторъ, самое имя котораго подвергалось сомнѣнію. Они сохранились въ многочисленныхъ древнихъ греческихъ рукописяхъ и помѣщались иногда наряду съ нѣкоторыми книгами Священнаго Писанія. Почившій преосв. Ѳеофанъ-Затворникъ отзывался о нихъ, какъ о сочиненіяхъ «высшаго достоинства». «Слово Аскетическое» давно извѣстно было и въ Россіи по переводамъ, встрѣчающимся во многихъ славянскихъ рукописяхъ. Новѣйшіе переводы принадлежатъ Паисію Величковскому — XVIII в. и преосв. Ѳеофану—въ III томѣ «Добротолюбія». Профессоръ кіев. академіи К. Поповъ посвятилъ блажен. Д. и его твореніямъ докторскую диссертацію (1903 г.), въ первомъ томѣ которой издалъ греческій текстъ его трехъ сочиненій (Слово Аскетическое, Слово на Вознесеніе Господне и Противъ аріанъ) съ переводомъ, во многомъ отличающимся отъ прежнихъ. Текстъ изданъ по шести важнѣйшимъ рукописямъ съ обширнѣйшими примѣчаніями.

ПОГРѢШНОСТИ.

Столбцы.	*Строки.*	*Напечатано:*	*Нужно читать:*
527	4 сверху	на христіанъ	на христіанство
—	19 снизу	*Алленеръ*	*Алляръ*
962	11 св.	задачу	загадку
—	25 сн.	и всѣхъ	изъ всѣхъ
1062	6 сн.	въ сырн. субботу	31 авг. см. ст. 1088

Оглавленіе IV-го тома

Православной Богословской Энциклопедіи

(Болѣе значительныя статьи отмѣчены **жирнымъ** шрифтомъ)

Г.

Д.

можемъ судить, соблюдены въ должной мѣрѣ. Съ внѣшней стороны Симфонія издана весьма хорошо. Цѣна, судя по объему книги, умѣренная" („Церк. Вѣд.", № 52 за 1900 г., стр. 2196 и сл.).

„ВѢРА и РАЗУМЪ": „Подъ заглавіемъ „Симфонія" въ концѣ истекшаго года обнародованъ капитальный и объемистый трудъ (1617 страницъ) въ два столбца убористой печати большой печатной книги. Нельзя не порадоваться благовременному и давно желанному появленію этого изданія. „Симфонія" собственно означаетъ алфавитное указаніе всѣхъ параллельныхъ мѣстъ на всѣ ветхозавѣтныя и новозавѣтныя книги Св. Писанія.

О значеніи Симфоніи можетъ свидѣтельствовать слѣдующее славянское восьмистишіе (перваго у насъ издателя подобной книги) Іоанна Илинскаго, съ которымъ онъ обращается къ читателямъ своей Симфоніи. Ссылаясь на слова Спасителя: *Испытайте Писаній, яко вы мните въ нихъ имѣти животъ вѣчный: и та суть свидѣтельствующая о Мнѣ* (Іоан. гл. V, ст. 39), онъ говоритъ:

„Нужда есть Священное Писаніе знати,
„Яко то вѣчнаго намъ живота есть мати:

„Но внутреннихъ нашихъ чувствъ немощь есть толика,
„Яко вчера и прежде прочтохомъ елика,

„Днесь мало помнимъ, или въ конецъ забываемъ.
„Хотяще же обрѣсти, гдѣ что есть, не знаемъ.

„Точію СИМФОНІЯ въ семъ намъ пособляетъ,
„По главамъ бо и стихамъ всяку рѣчь являетъ".

Очевидно, издатель Симфоніи имѣетъ въ виду всѣхъ любителей слова Божія, свѣтскихъ и духовныхъ, но въ то же время онъ преимущественно рекомендуетъ ее проповѣдникамъ, „которымъ, какъ онъ выражается, нужда есть поучительныя свои слова доводами Священныхъ Писаній утверждати, именуя книгу и главу, въ которой оное писаніе имѣется". Въ сущности это почти то же, что, спустя около двухъ вѣковъ, съ большею явностью, глубиною и убѣдительностью и притомъ на основаніи собственнаго опыта, говоритъ и преосвященный Амвросій, въ своемъ сочиненіи „Живое Слово":

„По свойственной человѣку забывчивости и при основательномъ знаніи Священнаго Писанія, особенно подъ старость, иногда приходится съ нѣкоторымъ трудомъ отыскивать требующіеся тексты, и на это много времени тратится при составленіи изрѣдка писанныхъ проповѣдей; но когда нужно приготовить устное поученіе на каждый праздникъ, и при томъ при отвлеченіяхъ, которымъ подвергается въ праздникъ приходскій священникъ, тогда нѣтъ возможности долго отыскивать въ Библіи необходимыя изреченія. Между тѣмъ при произнесеніи поученія можно по памяти текстъ привести неточно, или изреченіе одного священнаго писателя приписать другому. Симфонія спасаетъ отъ такихъ ошибокъ: стоитъ только заглянуть въ нее,—и дѣло сдѣлано. Притомъ буквальный сводъ текстовъ есть вмѣстѣ и сводъ ихъ содержанія. Такимъ образомъ, подъ однимъ словомъ вы найдете все, что вамъ нужно для изъясненія Священнаго Писанія объ извѣстномъ предметѣ, напримѣръ, подъ словомъ: царствіе

Божіе или вечеря и животъ вѣчный вы найдете полное поученіе Спасителя о церкви и будущей жизни; въ словѣ благодать найдете въ посланіяхъ апостола Павла цѣлое ученіе о спасеніи людей благодатію Христовою и пр. Бываютъ случаи, что прочтеніе текстовъ, собранныхъ въ Симфоніи подъ однимъ словомъ, даетъ въ нѣсколько минутъ готовое содержаніе для импровизаціи".

Полагаемъ, что вышеприведенныхъ заявленій, основанныхъ на глубокомъ знаніи дѣла и провѣренныхъ живымъ опытомъ одного изъ талантливѣйшихъ современныхъ проповѣдниковъ, совершенно достаточно, чтобы показать нашимъ пастырямъ, какое неоцѣненное пособіе составляетъ Симфонія въ многотрудномъ дѣлѣ ихъ проповѣдничества и какое полезное дѣло сдѣлалъ издатель „Странника" своимъ обнародованіемъ „Симфоніи на Ветхій и Новый Завѣтъ".

Здѣсь и церковный проповѣдникъ, и церковный импровизаторъ, и миссіонеръ, и церковный учитель, и народный собесѣдователь найдутъ богатое пособіе къ уясненію и развитію своихъ мыслей къ проникновенію въ духъ богооткровенной истины, а въ то же время найдутъ и духовное оружіе противъ разнорѣчивыхъ современныхъ лжеученій.

На основаніи всего сказаннаго нами выше, мы убѣждены, что изданіе это должно быть настольною книгою у всѣхъ нашихъ православныхъ пастырей, особенно при современной многотребовательной и многотрудной просвѣтительной дѣятельности ихъ. А по благословенію и уполномочію высокопреосвященнѣйшаго Амросія, имѣемъ долгъ рекомендовать пріобрѣтеніе этой книги почтенному духовенству харьковской епархіи. Лица духовнаго званія харьковской епархіи— достаточныя—могутъ пріобрѣтать ее на собственныя средства по вышеуказанному адресу, а лица недостаточныя могутъ пріобрѣтать ее даже на церковный счетъ" („Вѣра и Разумъ" № 1 за 1901 г.).

„**ЦЕРКОВНЫЙ ВѢСТНИКЪ**": «Симфонія—по самому своему названію (тожественному съ лат. «конкорданція»)—имѣетъ цѣлію собственно привести въ «согласіе» извѣстныя понятія даннаго литературнаго памятника, подбирая подъ однѣ рубрики всѣ соотвѣтствующіе термины, при чемъ не только указывается мѣсто нахожденія послѣднихъ, но и воспроизводятся они въ ихъ подлинной связи—съ выпискою важнѣйшей части взятой фразы. Таковы и всѣ библейскія «симфоніи», которыя наиболѣе приняты именно для библейскихъ книгъ, потому что—въ виду ихъ священнаго характера—здѣсь важны всѣ малѣйшіе оттѣнки каждаго выраженія. Этой задачѣ служитъ и настоящій колоссальный трудъ, примѣняющій сказанный методъ къ русскому переводу Ветхаго и Новаго Завѣта,—за исключеніемъ писаній неканоническихъ. Нельзя прежде всего не отмѣтить всей грандіозности этого предпріятія, которое—для своего выполненія—требовало и мужественнаго усердія, и высокой религіозной ревности. Достаточно напомнить читателямъ, что по такому плану у насъ никогда даже не замышлялось подобныхъ работъ. Были лишь отдѣльныя попытки (напр., поэта Антіоха Кантеміра) для славянскаго текста Ветхаго Завѣта, но онѣ захватываютъ небольшое количество библейскихъ книгъ, какъ и въ самое послѣднее время изданъ «Словарь» только къ одной славянской Псалтири П. А. Гильтебрандтомъ, еще ранѣе выпустившимъ таковой къ славянскому Новому Завѣту. Въ иностранной литературѣ намъ тоже не приходилось встрѣчать столь всеобъемлющей библейской конкорданціи для соотвѣтствующихъ переводовъ (даже и для Вульгаты); а имѣющіеся и бывшіе подъ руками образцы представляютъ лишь частичную выборку въ узкихъ размѣрахъ. Тѣмъ больше чести неизвѣстному автору, подъявшему такой великій подвигъ!...—Точность и полнота въ подборѣ библейскихъ реченій, кажется, соблюдены во всей мѣрѣ... Съ внѣшней стороны изданіе заслуживаетъ полной похвалы. Бумага хорошая, шрифъ отчетливый, печать чистая. Русская «Симфонія», предпринятая и благополучно выполненная съ подвижническимъ усердіемъ, могла увидѣть свѣтъ лишь при самопожертвованіи... Да благословитъ Господь настоящій трудъ счастливымъ успѣхомъ удовлетворенія и пробужденія той благочестивой ревности, какая одушевляла достопочтеннаго автора!»... (ст. *Н. Г.* въ «Церк. Вѣстникѣ», № 50 за 1900 г., стлб. 1614 и сл.).

2007087050